

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук

Человек. Культура. Общество

Сборник научных статей участников
22-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов
факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета

25 апреля 2025 года
г. Минск

Минск
2025

УДК 101.1:316(06)+159.9(06)

Ч-391

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук
Протокол № 11 от 24 июня 2025 года

Редакционная коллегия:

кандидат социологических наук, доцент *Т. В. Бурак (отв. ред.)*;
старший преподаватель *Е. И. Климущко*,
преподаватель *С. С. Ковшикова*,
преподаватель-стажер *Н. М. Лукьянович*,
кандидат психологических наук, доцент *Е. С. Макеева*,
старший преподаватель *А. А. Маркович*,
старший преподаватель *В. О. Сташис*,
старший преподаватель *Е. В. Столярская*,
преподаватель *И. Ю. Тимоховцева*,
кандидат психологических наук, доцент *Н. А. Шестиловская*.

Рецензенты:

Похомова А. А., заведующий кафедрой социальной коммуникации,
кандидат социологических наук, доцент;
Смирнова Н. В., заместитель директора по учебной работе Института
психологии БГПУ, кандидат психологических наук, доцент.

Человек. Культура. Общество : сборник научных статей 22-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, 25 апреля 2025 г., г. Минск / БГУ, Факультет философии и социальных наук ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 1209 с. : табл. – Библиогр. в тексте.

В сборник включены доклады студентов, магистрантов и аспирантов факультета философии и социальных наук, естественнонаучных и гуманитарных факультетов БГУ, учреждений высшего образования Беларуси, представленные на 22-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов «Человек. Культура. Общество».

Оглавление

Вступительное слово.....	19
СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	20
<i>Атливанчик А. П.</i> Понятие закона в социально-философском учении легизма	20
<i>Гасанова Н. В.</i> Конфликтная модель общества Р. Дарендорфа	25
<i>Климович Д. М.</i> Становление географического детерминизма в философской истории эпохи просвещения и специфика натуралистического подхода к пониманию общества	29
<i>Малевич А. С.</i> Быть привычным: свобода или отказ от выбора?	33
<i>Палатинская Д. Ю., Ярош Н. А.</i> «Молчаливые несправедливости»: как неравенство становится нормой.....	39
<i>Рябова М. Д., Семёнова В. В.</i> Демократизация чувств в условиях глобализации.....	44
<i>Теленченко И. С., Хромов А. А.</i> Философия национализма.....	49
СЕКЦИЯ 2. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.....	54
<i>Андреевская М. Н., Жибуртович Д. П.</i> Рискованное мышление или предназначение гуманитарных наук (по Х. У. Гумбрехту)	54
<i>Анищенко Э. В., Мармыш А. А.</i> Искусство любви в гуманистическом психоанализе Э.Фромма и современная реальность.....	59
<i>Атливанчик А. П.</i> Учение о человеке в философии Августина Блаженного.....	64
<i>Боброва В. В.</i> Философия устойчивого развития: глобальные и локальные аспекты цивилизационной динамики	69
<i>Гулевич А. Е.</i> Проблема человека в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».....	74
<i>Драгун В. П.</i> Философская интерпретация эффекта Веблена.....	79
<i>Казакова Е. М.</i> Феномен безумия в философии М. Фуко	82
<i>Радван М. А.</i> Ясон в «Аргонавтике» Аполлония Родосского как новый тип эпического героя.....	86
СЕКЦИЯ 3. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ.....	90
<i>Азаров А. А.</i> Рефлексивность и полагание: опыты перекрёстного прочтения Сартра и Фихте в истории французской философии	90
<i>Бачун А. В.</i> Проблема преемственности конфуцианского учения	96

<i>Блинков И. А.</i> Политическая философия И. Канта: теоретическая реконструкция	101
<i>Го Цзячэн</i> Влияние этического учения Конфуция на систему образования современного Китая	106
<i>Горевая Е. С.</i> Феномен инфлюенсеров в контексте философии Ж. Бодрийяра.....	110
<i>Жилинский А. С.</i> Коцепт материи у Плотина.....	113
<i>Кобяк Е. А., Степаненко Д. В.</i> Культурный проект жизненного мира Э. Гуссерля и социокультурный потенциал города Браслава.....	118
<i>Коховец Я. А.</i> Павликианство как наследие раннехристианской гностической традиции в раннем средневековье	124
<i>Личевский Г. А.</i> Философия неомарксизма в контексте социокультурных антагонизмов постиндустриального общества.....	128
<i>Лобан И. Н.</i> Готлоб Фреге как первый аналитический метафизик.....	132
<i>Лунская М. О.</i> Цинизм как просвещенное ложное сознание в философии П. Слотердайка	136
<i>Луцевич А. А.</i> Экзистенциальные проекты С. Кьеркегора и Ф. Ницше как ответы на кризис смысла человеческого бытия	140
<i>Майстрова Н. А.</i> Становление и развитие идеи гелиоцентризма в контексте эпохи возрождения	147
<i>Моисеева Д. И.</i> Учение Аристотеля о душе	151
<i>Обухов В. С.</i> Религия разума Иммануила Канта и «культ разума» во времена великой французской революции	155
<i>Полонский Ф. О.</i> Взгляды Августина Блаженного на проблему свободы воли	161
<i>Стаськевич С. А.</i> О «рукотворном» мифе в творчестве Э. Кассирера...	164
СЕКЦИЯ 4. ЛОГИКА И РИТОРИКА	167
<i>Бондарев А. О.</i> Логический анализ конституционных ценностей: формализация, классификация, дефиниция.....	167
<i>Власов С. П.</i> Принципы и правила самоопределения мышления в рационалистической методологии Р. Декарта.....	172
<i>Голуб А. В.</i> Танец как форма коммуникации и аналоговый процесс.	177
<i>Гурко К. С.</i> Логические аспекты человеческих взаимоотношений в социальных коммуникациях.....	182
<i>Лукомская Д. В.</i> Влияние копинг-стратегий на тактики аргументации в профессиональном взаимодействии	186
<i>Маглыш А. В.</i> Риторика, медиариторика и массовые коммуникации: смысловые точки пересечения	191

<i>Мысов Е. А.</i> Методологическое значение категориальной оппозиции «свой – чужой» в теории культурного трансфера	195
<i>Нестерович Н. В.</i> Искусственный интеллект и отчуждение человека от разума: риски, причины, механизмы	200
<i>Радченко В. Н.</i> Логика норм в юридическом мышлении	205
<i>Сакович Ф. Ю.</i> Концептуальные особенности языка в семиотической модели Т. Гоббса	210
<i>Цвирко Я. В.</i> Логика сравнительного анализа в юридической практике: цифровые трансформации	214

СЕКЦИЯ 5. ЭТИКА, ЭСТЕТИКА, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....218

<i>Блинков И. А.</i> М. Бахтин как представитель этики ответственности.....	218
<i>Ворошилов И. Д.</i> Эволюция соотношения морального и политического в философии стоицизма	222
<i>Горевая Е. С.</i> Феномен фотографии в философии Ролана Барта.....	226
<i>Квач А. Ф.</i> Типология психологических теорий агрессии	229
<i>Любецкая М. В.</i> Принципы постмодернизма в белорусском кинематографе: опыт концептуального анализа.....	233
<i>Марченко М. П., Третьяк А. В.</i> Город как социальное пространство (на примере городов Беларуси).....	238
<i>Новик Д. В.</i> Современный статус национальной и этнической культуры	243
<i>Обухов В. С.</i> Гностицизм в ранних христианских апокрифических текстах	248
<i>Падвіцкая К. Л.</i> Старажытнагрэцкі тэатр як мастацкае ўвасабленне антычнай ідэі касмацэнтрызму	252
<i>Рабецкий И. М.</i> Ницше против морального универсализма: критика категорического императива	256
<i>Садовщикова А. А.</i> Роль символизма в эстетике П. А. Флоренского.....	260
<i>Феркович Д. Г., Петровская К. А.</i> Проболема истины в контексте этики.....	263

СЕКЦИЯ 6. ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ.....266

<i>Андреев С. Е.</i> Перспективы инновационного потенциала в университетах Республики Беларусь	266

<i>Балтаева Э. А.</i> «Приятная несвобода» и «счастливое сознание»: как современное общество формирует «одномерного человека» (по Г. Маркузе)	270
<i>Барановский В. А.</i> Ключевые смыслы и приоритетные направления развития белорусского информационного поля	274
<i>Ковшикова С. С.</i> Этнос науки Р. Мертона в контексте научно-исследовательской деятельности студента	279
<i>Колесникова Д. В.</i> Проблемы взаимодействия: человек – общество – природа в социологическом измерении	284
<i>Михальский С. Г.</i> Теория социального обмена в социальных сетях ..	289
<i>Повар М. С.</i> Информационные риски сетевого общества	292
<i>Чэнь Сыци</i> Планирование карьеры как фактор занятости студентов	297
<i>Юрченко С. И.</i> Теория структуризации Энтони Гидденса в рамках метавселенных.....	302
<i>Яшина А. В.</i> Социальные стереотипы и их влияние на воспитание ..	306

СЕКЦИЯ 7. СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ: ПОИСК ОТВЕТОВ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ..... 311

<i>Гологуш А. Д., Гузик П. Д., Ременчик А. О., Яшина А. В.</i> Соблюдение этикета при просмотре фильмов в жанрах комедия и драма на примере кинокартин «Пророк. История Александра Пушкина» и «Микки 17» в кинотеатре mooo в ТРЦ Palazzo.....	311
<i>Зыль А. Е.</i> Студенческое самоуправление как форма организации внеучебной деятельности в Белорусском государственном университете	315
<i>Ивановская А. С., Горева А. К.</i> Туризм как инструмент формирования правовой культуры молодежи в Республике Беларусь	319
<i>Карачун Е. А., Дубатовка В. С.</i> Исследование мотивации поступления на специальность «социология»: выбор специальности, ожидания и планы на будущее	323
<i>Левченко А. А.</i> Особенности социальной конкуренции в студенческой среде	327
<i>Ли Юйхан</i> Цифровизация образования и культурная идентичность: роль вузов в воспитании молодежи Китая	332
<i>Мисун А. А.</i> Специфика отношения мужчин и женщин Республики Беларусь к здоровью: социологический анализ	337
<i>Михальский С. Г.</i> Отношение молодёжи к видеоиграм.....	342

<i>Радивилко П. С.</i> Распределение досуга и свободного времени в жизни современной молодежи.....	348
<i>Савчин Н. С.</i> Международный опыт реализации инклюзии в высшем образовании	353
<i>Чернова А. А., Штилевская П. С.</i> Представление студентов 1 курса о социологии: опыт социологического исследования	
<i>Шафаренко А. К.</i> Телесность в социологическом измерении: направления и подходы	361

СЕКЦИЯ 8. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Балтаева Э. А., Патеева Д. С.</i> Ценностные ориентации студенческой молодежи БГУ	364
<i>Богданова А. А.</i> Трансформация отношения к труду: карьерные стратегии и ценности студентов ФФСН БГУ	369
<i>Бучель В. Л., Никифорова В. П.</i> Совмещение трудовой деятельности и учебы среди студентов: мотивы, сферы занятости и карьерные перспективы	374
<i>Гучёк В. С.</i> Тематика предпринимательства и вторичной занятости молодежи на страницах газеты «Знамя юности».....	378
<i>Живица Н. В.</i> Участие студентов в общественной жизни факультета, университета	380
<i>Жук М. Д.</i> Музыкальные предпочтения студенческой молодежи.....	383
<i>Ивановская А. С.</i> Современные семейные ценности: идеальный партнер и новые формы взаимоотношений.....	386
<i>Кутас А. Н.</i> Патриотизм и гражданский долг в представлениях современных студентов	390
<i>Матусевич В. В.</i> Трудовая активность студентов БГУ: настоящее и будущее в контексте профессиональных предпочтений	395
<i>Матусевич Д. В.</i> Тематика «искусственный интеллект и высокие технологии» на страницах газеты «Знамя юности»	398
<i>Мокиштарёва П. П.</i> Тематика здорового образа жизни на страницах газеты «Знамя юности»	400
<i>Пастушенко К. В.</i> Искусственный интеллект в умном городе	402
<i>Потапенко А. А.</i> Перспектива использования искусственного интеллекта в высшем образовании.....	405
<i>Савчин Н. С.</i> Брак и семья в сознании молодого поколения: взгляд студентов БГУ.....	409

<i>Савчук А. А.</i> Статистический анализ динамики движения населения Республики Беларусь.....	414
<i>Сунь Жофэй</i> Отношение китайских студентов к искусственному интеллекту: сферы применения и уровень доверия	418
<i>Хомко Е. С.</i> Профессиональное самоопределение и образовательные стратегии современного студента	421
<i>Чжао Юаньлун</i> Репродуктивные и матримониальные установки при планировании жизненного пути студенческой молодежи Беларуси и Китая	426
<i>Шутемова А. А.</i> Брачные и родительские ориентации студенческой молодежи	430
<i>Юрченко С. И.</i> Искусственный интеллект глазами студентов: между доверием и опасением	434

СЕКЦИЯ 9. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ ТРУДА..... 438

<i>Гаврикова С. А.</i> Влияние общества потребления на формирование ценностных ориентаций личности	438
<i>Герасимова К. В.</i> Взаимосвязь эмоциональной дисрегуляции и эмоционального выгорания у медработников с различным уровнем внутриличностной конфликтности.....	442
<i>Есипова Е. М.</i> Взаимосвязь субъективного экономического благополучия и ориентированности на социальное сравнение студентов.....	446
<i>Кузмич П. Д.</i> Социальные представления о психологах студентов психологических и непсихологических специальностей	449
<i>Майко Н. В.</i> Эмоциональное выгорание и викарная травма в профессиональной деятельности юристов.....	452
<i>Макушинский А. А.</i> Взаимосвязь «синдрома самозванца» и ориентированности на социальное сравнение студентов.....	456
<i>Сапожников В. О.</i> Интеллектуальные профессионально важные качества операторов беспилотных летательных аппаратов двойного назначения	461
<i>Сапожников В. О., Фурманов И. А.</i> Психологические и психофизиологические характеристики профессиональной деятельности операторов беспилотных летательных аппаратов	467
<i>Сорока А. А.</i> Проявление феномена «kawaii hill» при визуальной оценке антропоморфных роботов.....	472
<i>Царик Н. А.</i> Взаимосвязь эмоционального выгорания и перфекционизма у специалистов финансовой сферы	476

СЕКЦИЯ 10. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ 480

Бутылина М. П. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и социального капитала личности в период ранней взрослости 480

Вавилов А. С. Взаимосвязь стилей юмора и эмоционального интеллекта у студентов 486

Внучко А. Е. Взаимосвязь переживания одиночества и различных трудностей межличностного общения в подростковом возрасте 491

Зелёная В. В. Взаимосвязь стиля привязанности и уровня доверия индивидов с различным опытом близких отношений 495

Каминская А. А. Личностные предикторы просоциального поведения 499

Лебедев Д. В. Взаимосвязь личностных особенностей и поведения студентов в межличностных конфликтах 503

Мартынова А. И. Стратегии конфликтного поведения мужчин и женщин с разным уровнем эмоционального интеллекта в период ранней взрослости 508

Попова К. Ж. Половые различия в реакциях на ситуацию провокации агрессии у студентов с различными характеристиками регуляции гнева 512

Пэй Юйтин, Чжао Сылу Вопрос к участию в видеоиграх с насилием и межличностному взаимодействию среди китайских студентов 516

Райтенко Е. С. Феномен решения социальных проблем: психологические аспекты 519

Рачёк А. С. Взаимосвязь диспозиционной жадности и социально-сравнительной ревности студентов 522

Рябычина В. Ю. Взаимосвязь детско-родительских отношений и самоотношения в старшем подростковом возрасте 527

Савельева И. И. Взаимосвязь доверия и межличностных отношений студентов 532

Худенко Л. В. Сексизм в отношении женщин у индивидов на этапе средней взрослости с разным типом полотипизированности 536

СЕКЦИЯ 11. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....540

Вань Цзысюй Межкультурная чувствительность и психологическая адаптация китайских студентов белорусских университетов 540

<i>Василенко В. А.</i> Особенности переключаемости внимания у студентов гуманитарного и технического профиля обучения	545
<i>Волкова А. Д.</i> Взаимосвязь эмпатии и механизмов психологической защиты у студентов-психологов	550
<i>Грыцкевич А. В.</i> Взаимосвязь академической прокрастинации и самоэффективности студентов различных профилей	555
<i>Демизюк А. П.</i> Мотивация профессиональной деятельности педагогического работника	560
<i>Карпенко В. И.</i> Карьерное самоопределение студентов педагогических специальностей	564
<i>Кочан К. В.</i> Взаимосвязь жизнестойкости и креативности у педагогов разных возрастных категорий	568
<i>Кулицкая А. Ю.</i> Взаимосвязь рефлексии и эмпатии в подростковом, юношеском возрасте и ранней зрелости	572
<i>Резникова П. А.</i> Проблема формирования самоотношения в юношеском возрасте	577
<i>Титов А. Ю.</i> Индивидуально-психологические характеристики педагогов с различными стратегиями совладания с завистью	580
<i>Трутко М. О.</i> Субъективный опыт использования чата GPT-4 студентами технических и социально-гуманитарных специальностей	585
<i>Цыдик К. Г.</i> Самоотношение и принадлежность к профессиональному сообществу у педагогов с различной степенью эмоционального выгорания	594
<i>Чжан С.</i> Взаимосвязь психологического благополучия и межличностных отношений китайских студентов, обучающихся в Беларуси	598

СЕКЦИЯ 12. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОЙ ПСИХОЛОГИИ..... 604

<i>Акулич Э. М.</i> Взаимосвязь монетарных установок и удовлетворенности отношениями супругов с различным уровнем диспозиционной жадности	604
<i>Алексеевич Т. А.</i> Удовлетворенность романтическими отношениями партнеров с разными стилями привязанности	609
<i>Асмоловская К. К.</i> Психологические функции домашних питомцев в семье	613
<i>Децик А. И.</i> Удовлетворенность отношениями у девушек в период ранней зрелости с разными акцентуациями характера ..	618
<i>Кузьменко М. В.</i> Ролевые ожидания в партнерских отношениях в период ранней зрелости	622

<i>Маркевич А. А.</i> Язык ревности: как стиль романтической привязанности определяет коммуникацию в юношеских парах	627
<i>Морозов Д. В.</i> Экзистенциальные страхи мужчин и женщин, состоящих в браке в зависимости от стажа семьи.....	633
<i>Полякова М. А.</i> Динамика отношения к домашним животным у подростков с нарушениями привязанности к родителям.....	637
<i>Потапенко К. Я.</i> Особенности интеллекта и креативности у подростков из полных и неполных семей как факторов, способствующих их самореализации	642
<i>Радченко Н. С.</i> Ценностно-смысловая сфера лиц с химической зависимостью из полных и неполных семей.....	647
<i>Стабровская Ю. А., Амиров Г. Э.</i> Взаимосвязь осознанности и удовлетворённости романтическими отношениями у мужчин и женщин в период ранней взрослости	652
<i>Шэнь Цзяи</i> Взаимосвязь удовлетворенности браком и любовных установок в китайских семьях	656
<i>Яковина Л. В.</i> Метафизика привязанности в контексте современных теорий любви и отношений	662

СЕКЦИЯ 13. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ЛИЧНОСТИ	667
<i>Алешкевич А. В.</i> Переживание одиночества у индивидов с различным уровнем осознания собственных чувств в периоды ранней и средней взрослости.....	667
<i>Богданович О. Н.</i> Личностные характеристики индивидов с различным уровнем удовлетворенности жизнью.....	672
<i>Гагина С. Е.</i> Танцевально-двигательные практики как средство самоактуализации.....	676
<i>Грудовик В. В.</i> Прокрастинация как барьер на пути самоактуализации личности.....	681
<i>Карпенко В. И., Станкевич Т. А.</i> Особенности прогностических способностей у студентов-психологов	685
<i>Коменда И. П.</i> Взаимосвязь ценностных ориентаций и сексуального профиля личности: методологические основания исследования	689
<i>Кулик Е. Д.</i> Взаимосвязь когнитивных искажений и черт темной триады у студентов	693
<i>Рынденко Д. В.</i> Ценностные ориентации и волевая саморегуляция у программистов с различной степенью эмоционального выгорания.....	697
<i>Симонова С. В.</i> Иррациональные установки студентов с различным уровнем тревожности	702

<i>Сюй Ижань</i> Личностные характеристики китайских студентов с различным уровнем диспозиционной жадности.....	706
<i>Хмелевская Е. И.</i> Взаимосвязь личностных характеристик и типов привязанности студентов с различными стилями любовных установок.....	711
<i>Янушкевич К. К.</i> Основные подходы к теоретическому анализу прокрастинации.....	716

СЕКЦИЯ 14. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ	720
<i>Бабарень Е. А.</i> Взаимосвязь мировоззренческих убеждений и стилей принятия решений у студентов	720
<i>Гайдукевич Е. О.</i> Световое загрязнение как потенциальный фактор риска для психического здоровья	725
<i>Го Фэйян</i> Представления о насилии у китайских студентов (гендерные аспекты).....	730
<i>Касперович А. Д.</i> Особенности мотивационной сферы в подростковом возрасте.....	732
<i>Коваленко В. В.</i> Клиповое мышление в контексте образовательного процесса.....	737
<i>Ковалькова Д. В.</i> Взгляд на роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» с позиции теории архетипов К. Юнга.....	740
<i>Ларичков К. С.</i> Взаимосвязь толерантности к неопределенности и стрессоустойчивости у школьных педагогов	745
<i>Масловская Я. Д.</i> Взаимосвязь осознанности и жизнестойкости личности у людей на этапе ранней взрослости	750
<i>Николайчик У. А.</i> Выраженность эмоционального выгорания у артистов балета с разным стажем и должностью	754
<i>Толочко Н. А.</i> Нарративное интервью как инструмент объективации экзаменационного стресса.....	759

СЕКЦИЯ 15. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

РАЗВИТИЯ	763
<i>Братченя П. С.</i> Взаимосвязь макиавеллизма и жизнестойкости у лиц ранней взрослости.....	763
<i>Вишневская А. А.</i> Проявление копинг-стратегий у ребенка в зависимости от типа родительского отношения и копинг-стратегий матери	767
<i>Вишневская Д. В.</i> Особенности волевой саморегуляции и самоконтроля у учащихся музыкальных колледжей.....	773

<i>Кондратюк А. А.</i> Влияние музыкальных предпочтений на личностное развитие подростков в цифровую эпоху	778
<i>Кухарчик А. А.</i> Взаимосвязь уровня тревожности с выраженностью синдрома дефицита внимания с гиперактивностью в юношеском в возрасте	782
<i>Лемеш П. С.</i> Взаимосвязь установок к сексу и уровня самооценки у лиц ранней взрослости	787
<i>Махрова А. В.</i> Взаимосвязь уровня перфекционизма и выраженности психосоматических симптомов у лиц юношеского возраста	792
<i>Wan Haodong</i> From psychological projection to mutual growth: the scientific construction of romantic relationships.....	796

СЕКЦИЯ 16. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>Вербицкая О. Н.</i> Актуальные направления зарубежных исследований психологической резилиентности. Мультисистемный подход.....	801
<i>Живушко Е. В.</i> Особенности базисных убеждений студентов с различной выраженностью перфекционизма и синдрома самозванца	807
<i>Зенько О. И.</i> Комппульсивное переедание как форма аутоагрессивного поведения.....	812
<i>Карзюк О. С.</i> Особенности образа тела у современных подростков, увлекающихся аниме	817
<i>Малаховская Т. В.</i> Взаимосвязь психологического благополучия и экзистенциальной исполненности личности в средней взрослости (32-45 лет)	822
<i>Можжаева Е. Д.</i> Особенности пищевого поведения старших и младших сиблингов	827
<i>Недвецкая О. А.</i> Особенности сексуального поведения в разные периоды взрослости	830
<i>Немцевич Ю. А.</i> Особенности представлений о любви и романтических отношениях у лиц юношеского возраста с выраженными чертами темной триады	835
<i>Петрищенко-Йостен А. И.</i> Взаимосвязь привязанности и самоотношения в ранней взрослости.....	840
<i>Сайко Д. А.</i> Образ тела в период поздней взрослости.....	844
<i>Шелягович В. С.</i> Социально-психологические характеристики нехимических зависимостей	849
<i>Ши Биюнь</i> Взаимосвязь эмоциональных особенностей и самоповреждающего поведения у граждан КНР с алкоголизмом.....	854

СЕКЦИЯ 17. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	858
<i>Василюк В. П.</i> Проблема сезонно-аффективного расстройства в современной психологии.....	858
<i>Волков Н. П.</i> Психосоциальные аспекты боли	863
<i>Еленская Э. С.</i> Взаимосвязь неблагоприятного детского опыта с механизмами психологической защиты у лиц юношеского возраста, страдающих пограничным расстройством личности.....	868
<i>Иващенко О. А.</i> Взаимосвязь жизнестойкости и переживания психологического кризиса в период поздней взрослости	873
<i>Панкевич К. А.</i> Отношение врачей с различным уровнем эмоционального выгорания к профессии	877
<i>Попыванов Д. А.</i> Особенности самоотношения лиц с депрессивными расстройствами	881
<i>Пудак И. Н.</i> Иррациональные установки у индивидов с различным уровнем перфекционизма в ранней взрослости	886
<i>Щербинина А. П.</i> Представления студентов-психологов о людях с психическими заболеваниями	890
СЕКЦИЯ 18. МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ	895
<i>Ворожбицкая Е. В.</i> Конструирование виртуальной идентичности личности в цифровой среде	895
<i>Дорощенко У. К.</i> Субкультурный стиль в современной моде.....	900
<i>Кирилюк Е. Г.</i> Деловой стиль одежды как невербальная коммуникация	904
<i>Литошко Е. А.</i> Книга Габриеля Тарда «Общественное мнение и толпа»: новое прочтение	907
<i>Любичкая Д. М.</i> Апелляция к страху в социальной рекламе в цифровую эпоху.....	910
<i>Маркович С. Р.</i> Формирование человека печатной культуры в «галактике Гутенберга» по теории Маршалла Маклюэна	914
<i>Романович Н. Д.</i> Концепция маргинального человека Роберта Эзра Парка в контексте глобализации	918
<i>Романчук Е. К.</i> Основные идеи общества третьей волны Элвина Тоффлера	922
<i>Смольская М. В. , Ярошевская Я. И.</i> Ностальгия как тренд: ретрокультура в молодежной среде	927
<i>Смольская М. В.</i> Коммуникативные аспекты косплей и игровых фестивалей в Беларуси.....	931

<i>Соколовская М. Г.</i> Креативность и телесность в теории Х. Йоаса	936
<i>Храпун Е. И.</i> Метавселенная как инструмент трансформации различных аспектов человеческой деятельности	940
<i>Черняк Т. М.</i> Влияние алгоритмов рекомендательных систем на потребление контента.....	943
<i>Шруб С. В.</i> Макдональдизация в туристической индустрии: современное состояние	947

СЕКЦИЯ 19. МАРКЕТИНГОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ..... 952

<i>Александрова А. И.</i> Социальная коммуникация в условиях трансформации среды для отдыха и рекреации: роль белорусских агроусадеб.....	952
<i>Антонович И. В.</i> Использование ретро-маркетинга в игровой индустрии.....	958
<i>Кирилюк Е. Г.</i> Концепция эвристики доступности Даниэля Канемана	962
<i>Концевой Д. М.</i> Радикальная философия Жана Бодрийяра.....	966
<i>Корень Д. А.</i> Продвижение бренда территории (Национальный парк «Нарочанский»)	971
<i>Кучук М. С.</i> Репрезентация культурных различий в контенте «Lay's» в Instagram.....	975
<i>Лукашева М. С.</i> Медиапланирование телевизионной рекламной кампании (на примере рекламодателя РУП «Белтелеком»)	979
<i>Лукашенко А. А.</i> Рекламные сообщения KFC и Mcdonald's: межкультурные различия.....	983
<i>Матальцкая П. А.</i> Product placement как инструмент маркетинга: каналы распространения и их эффективность	987
<i>Молочко П. И.</i> Геймификация как инструмент управления персоналом	992
<i>Найден Л. А.</i> Реклама как медиа. Горячее или холодное?.....	996
<i>Филиппов А. С.</i> Между скриптом и реальностью: мониторинг и оценка соблюдения стандартов клиентского обслуживания в банке	1001

СЕКЦИЯ 20. СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ, ПОЛИТИКЕ, КУЛЬТУРЕ..... 1005

<i>Сай Д. С.</i> Мотивация и стимулирование персонала в рамках корпоративной культуры	1005
<i>Мытько А. К.</i> Особенности продвижения виртуальных игровых заведений в Республике Беларусь	1010

<i>Мэн Шуан</i> Рекламная стратегия продвижения китайских товаров на белорусский рынок в современных условиях	1013
<i>Назарова О. В.</i> Мотивация персонала: поколенческий анализ.....	1016
<i>Mou Huan</i> Discourse reconstruction and social technology embedding in the postruth era: a critical turn in communication ecology — hybrid method research and social governance path exploration based on multi-platform data	1020
<i>Zhou Shiqi</i> Uniqueness of china's social media ecosystem: applying uses and gratifications theory	1024

СЕКЦИЯ 21. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ	1029
<i>Бойко-Титовец А. Ю.</i> Взаимосвязь адаптации, удовлетворённости индивидуальных потребностей и качеством жизни пожилых граждан, проживающих в социальном пансионате	1029
<i>Ботвич В. С.</i> Уровень психоэмоционального стресса и стратегии совладающего поведения у пожарных-спасателей.....	1034
<i>Карницкая В. Н.</i> Особенности детско-родительских отношений в подростковом возрасте	1042
<i>Ковелько А. С.</i> Формирование мотивации персонала организации (на примере ООО «Томография»)	1046
<i>Мухина Д. А.</i> Мотивация достижения и уровень личной ответственности у сотрудников трудового коллектива.	1050
<i>Пунтус А. И.</i> Уровень организационной культуры и социально-психологический климат в коллективе медицинского учреждения.....	1053
<i>Рабушиц А. Н.</i> Профессиональная идентичность как фактор самоэффективности молодых специалистов	1057
<i>Синицкая П. А.</i> Жизнестойкость как ресурс профилактики суицидального риска у подростков	1062
<i>Сорокина Е. А.</i> Эмоциональное выгорание и стресс в профессиональной деятельности специалистов социальных служб.	1067
<i>Стаин Д. Ю.</i> Одинокое материнство как актуальная проблема современного общества	1071
<i>Старенкова Е. Ю.</i> Различия компонентов сигнальных систем, типов мышления и профессионального типа личности у студентов БГУ факультета социокультурных коммуникаций и факультета философии и социальных наук	1076
<i>Шутова В. О.</i> Особенности эмоционального интеллекта и удовлетворенности жизнью сотрудников Минского городского	

управления Фонда социальной защиты населения и государственных учреждений образования	1080

СЕКЦИЯ 22. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ 1083

<i>Бабицкий М. А.</i> Особенности восприятия страха смерти у людей с онкологическими заболеваниями: половые различия	1083
<i>Баранова В. В.</i> Взаимосвязь отношения к болезни и индивидуально-психологических особенностей больных сахарным диабетом	1088
<i>Гоман А. С., Островская В. И., Бойко Ю. Д.</i> Кибербуллинг как социальная проблема современного общества	1093
<i>Горох А. И.</i> Особенности склонности к девиантному поведению у подростков разного пола	1098
<i>Жук Д. Э.</i> Особенности субъективного ощущения одиночества и склонности к агрессивному поведению людей с инвалидностью	1101
<i>Кашиевар А. А.</i> Особенности мотивации достижения успеха и жизнестойкости у студентов с нарушенным и нормальным пищевым поведением	1106
<i>Колядко Я. А.</i> Диагностика уровня эмпатии у учащихся учреждения среднего образования, обучающихся с детьми с опфр	1110
<i>Крупский М. В.</i> Особенности совладающего поведения работающих и неработающих инвалидов	1115
<i>Лис К. Г.</i> Взаимосвязь интернет-зависимости и агрессивности у подростков	1120
<i>Носков П. П.</i> Субъективный контроль и копинг-стратегии у лиц с химической зависимостью, находящихся в ремиссии	1124
<i>Подмостко В. Л.</i> Особенности воспитания в семье детей с расстройством аутистического спектра	1129
<i>Полторжицкий А. С.</i> Индивидуально-психологические и мотивационные особенности личности сотрудников организации как детерминанты успешности их профессиональной деятельности ..	1134
<i>Тарасевич В. А.</i> Суицидальный риск и копинг-стратегии у инвалидов и лиц без ограниченных возможностей здоровья	1140
<i>Фадеев А. Н.</i> Особенности защитных механизмов личности и копинг-стратегий людей пожилого возраста	1146
<i>Ходунова Е. А.</i> Особенности и взаимосвязь социально-психологической адаптации и учебной мотивации подростков на начальном этапе обучения в УО «Минском суворовском военном училище»	1149

SESSION 23. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES: INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE	1154
<i>Astrouskaya V. I.</i> Influence of music on youth subcultures	1154
<i>Cao Wenmin</i> Emotional alienation: theoretical connotation and core characteristics	1158
<i>Chernyak T. M.</i> Evolution of media consumption in the digital age and its consequences	1162
<i>Guo Yuhuan</i> Cultural differences on consumer decision-making	1166
<i>Kazankova V. L.</i> Integration of advertising into social media	1171
<i>Li Yue, Sun Haojie, Huang Yuyan</i> Research on the “dual-standard alignment” model of cross-cultural collaboration in sino-belarusian vocational education	1174
<i>Meng Hualong</i> The importance of digital media in cultural communication between China and Belarus	1178
<i>Polonsky P. O.</i> The criticism of the main concepts of relativism through the application of logic	1182
<i>Romanovich N. D.</i> The application of Park’s concept of human ecology in the study of intercultural communication	1185
<i>Sidorova E. A.</i> Concept of the “global village”	1188
<i>Sokolovskaya M. G.</i> Joas’ concept of creative action in the context of the theory of social action	1191
<i>Tsarenko D. A.</i> Phenomenon of social reality	1195
<i>Varaksa Y. Y.</i> Roland Barthes’ theory of myth	1198
<i>Xu Dan</i> Recognition and response to the phenomenon of opinion defocusing	1201
<i>Xu Jingyi, Minawa Saidongla</i> The crisis of cultural identity in the process of globalization	1206

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

25 апреля 2025 года на факультете философии и социальных наук состоялась традиционная конференция «Человек. Культура. Общество» в рамках 82-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета.

Доклады студентов, магистрантов и аспирантов факультета, а также представителей других учреждений высшего образования Беларуси представляли собой теоретическое осмысление процессов трансформации различных сфер общества и его фундаментальных оснований, вызванных сложившимися неблагоприятными обстоятельствами в стране и мире.

В сборнике представлены работы, отражающие широкий спектр гуманитарных дисциплин и исследовательских подходов, глубокий анализ сложных теоретических проблем, оригинальные эмпирические исследования, а также актуальные интерпретации культурных феноменов, социальных процессов и психических явлений. Каждая статья отражает высокий уровень научной подготовки авторов.

Представленные в сборнике научные статьи подготовлены на основании результатов исследований, выполненных авторами в рамках курсовых и дипломных проектов, магистерских исследований и кандидатских диссертаций.

Сборник нацелен на стимулирование научной деятельности студентов, популяризацию достижений в области гуманитарных наук, а также на обмен научным опытом и идеями. Представленные работы могут быть интересны специалистам, преподавателям, аспирантам и всем, кто интересуется актуальными проблемами гуманитарного знания.

Редакционная коллегия благодарит авторов и их научных руководителей за подготовку научных статей, отвечающих высоким академическим требованиям, и желает дальнейшей плодотворной работы.

Редколлегия

СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ПОНЯТИЕ ЗАКОНА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ ЛЕГИЗМА

А. П. Атливанчик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, apatlivanchik02@gmail.com*

Научный руководитель – И. Ю. Никитина, кандидат философских наук, доцент

Предметом исследования в данной работе выступает понятие закона в социально-философском учении легизма. Рассмотрение этой проблемы ярко прослеживается в таких философских трактатах, как «Книга правителя области Шан» и «Хань Фэй-цзы». Закон в учениях представителей школы легизма трактуется как высший тип социально-общественной рационализации, ведущий к осуществлению человеческих желаний и нивелированию их пороков.

Ключевые слова: легизм; закон; государство; общество; Шан Ян; Хань Фэй; благо.

Главным принципом, который сущностно характеризует школу легизма является принцип Фа (закон), по причине того, что именно эта концептуальная идея пронизывает собой учения представителей данной школы. Абсолютно все легисты отмечали, что достигнуть спасения и процветания государства возможно лишь используя принцип Фа, т. к. они считали, что усмирить волю народа и направить ее в правильное русло можно лишь с помощью закона. Именно этот социальный конструкт в силах создать необходимую социально-общественную среду для реализации главной цели учения легизма – создать гегемон. Первым философом-легистом, который провозгласил идею управления государством посредством закона является Гуань Чжун. Он предположил, что обуздать волю народа с помощью его морально-нравственного обучения неэффективно, поскольку это не даст гарантированный результат. А вот строгая социально-политическая система, основанная на принципе Фа и выраженная в виде принципа Син, способна осуществить эту задачу: «Только управляя на основании закона, можно выдвигать достойных и устранять плохих» [1, с. 5], «От моистов легисты отличаются тем, что они придают особый акцент именно наказаниям. Легистские законы –

это не просто фа (法) «образцы», это син (刑) «[система телесных] наказаний / уголовная система». Человек исправляется и достигает реализации своих желаний через то, что ненавидит. Это наказания. Наказания должны быть по возможности максимальными, а награды минимальными. Поскольку если иначе, люди быстро развратятся, особенно если наказания будут легкими» [2, с. 277]. Однако идею об управлении государством посредством закона реконструировал и возвел в абсолют именно Шан Ян. Он, так же, как и Гуань Чжун, считал необходимым управлять государством, опираясь на принцип Фа. Но при этом Шан Ян преобразовал и видоизменил функциональные и сущностные характеристики принципа Фа по отношению к предыдущим представителям школы легизма.

Это можно проследить, рассматривая данные характеристики принципа Фа в философско-политическом учении Шан Яна, а именно разбирая учение мы можем выделить следующие характеристики закона. Первой характерной чертой выступает всеобщность закона и его власть по отношению ко всему народу, даже к самому правителю, поскольку Шан Ян говорит, что закон должен стать верховным принципом упорядочивания социально-общественной, политической и экономической жизни народа и государства. Именно следование этому принципу ведет народ к исполнению их желаний, а государство к построению гегемона. При этом, рассуждает Шан Ян, гарантией достижения этой цели является абсолютное равенство всех людей перед законом и не в меньшей степени придание закону статуса руководящего принципа над всем народом, который в своей сути стоит выше, чем родовые и личностные отношения между людьми, эгоистические стремления народа и даже древние нравственно-этические принципы, унаследованные народом от предков. «Закон равняет в преступлении всех, не делая различия по богатству и славе; лишь тогда он будет чтим. А коли в моду входят послабления чиновникам и важным богачам – тогда Закон ярмом державы станет, карая лишь простых людей. И следствие этого – гибель державы» [3, с. 185], «В качестве общего правила народ следует верхам. И не следует тому, что говорит рот, а следует тому, что любит его естество» [1, с. 163].

Второй чертой, характеризующей закон в учении поздних легистов, является строгое слежение за законом и неминуемое наказание за его нарушение. Так, Шан Ян считает, что наилучший способ гарантированности исполнения законов – страх жестокого наказания за несоблюдение закона. Также, он отмечает, что наказание за нарушение закона должно быть максимально жестоким, причем соразмерность проступка и наказания стоит преобразовать в несоразмерность между проступком и нака-

занием в пользу наказания в наибольшей степени. Шан Ян аргументирует этот постулат тем, что, когда наказание максимально жестокое даже за малейшие проступки, в государстве искореняются любые нарушения закона, и оно усиливается и обогащается за счет этого.

Третьей важной характерной чертой учения классических и поздних легистов считается принцип всеобщей понятности закона. Шан Ян и Хань Фэй утверждают, что закон должен быть воспринят всем народом полностью однозначно, поскольку если это не произойдет, то люди будут интерпретировать закон своевольно. Из-за этого в государстве может возникнуть недопонимание, что в конечном итоге может привести к смуте. Шан Ян и Хань Фэй на этот счет говорят, что единственный путь, который позволит избежать всего этого, – правильное написание и толкование закона таким образом, чтобы он был правильно и однозначно воспринят всем народом. «Если принципы управления страной ясны, то суждения правителей и подданных едины, дела осуществляются и в стране царит порядок. Если принципы правления неясны, то суждения правителя и подданных различны, дела не осуществляются и в стране царит смута» [1, с. 187], «Закон – это то, что записано в книгах и объявляется народу. Искусство управления скрыто глубоко в сердце и используется для того, чтобы сеять недоверие между сановниками, имеющими противоположные мнения, и скрытно управлять всеми ими. Закон должен быть ясен и понятен для всех, а искусство управления вовсе не следует показывать» [2, с. 160].

Следующей чертой учения легистов является принцип правильного сотворения закона с помощью воли правителя и тождественное ему введение и прививание закона в обществе. Необходимо отметить, что эта черта характерна всем адептам учения легизма. Все они в равной степени полагали, что правильное сотворение и введение закона в обществе является важнейшим и необходимым элементом на пути преобразования государства в гегемона. Ключевая роль в этом процессе принадлежит правителю, поскольку все легисты считали способность сотворять законы и управлять государством онтологическим свойством, принадлежащему лишь государю, поскольку именно он является сыном неба. За счет этого представители легизма утверждали, что только правитель обладает всеми необходимыми интеллектуальными, физическими и нравственными качествами для создания закона. Также легисты считали, что хоть закон и не стоит выше правителя (как говорил Гуань Чжун), но он является сущностно качественным отображением воли правителя. Исходя из этого постулата, они утверждали, что государь не должен противоречить своим законам и нарушить их (пока он сам их не отменит). Кроме того, такие представители легизма, как Шан Ян, Шэнь Бухай, Хань Фэй

и Ли Сы говорили, что закон должен внедряться в народ посредством распространения его в кругах чиновничества при помощи страха, что незамедлительно поспособствует его внедрению в обществе исходя из онтологического принципа мироздания подчинения низов верхам. Этот принцип в философии легизма обозначал следующее: то, что было рождено в сердцах верхов, то немедленно распространится и в сердцах народа. «В качестве общего правила народ следует верхам. И не следует тому, что говорит рот, а следует тому, что любит его естество. Если верхи любят храбрость, тогда народ будет легко относиться к смерти, если верхи любят гуманность, то народ будет легко относиться к материальным ресурсам. Поэтому то, что любят верхи – народ необходимо полюбит больше» [4, с. 164], «Поэтому просвещенный правитель знает о том, что сердце народа необходимо сделает своим сердцем сердце верхов и поэтому придерживается закона, чтобы держать себя в порядке, устойчив в принципах, чтобы исправлять сам себя. Поэтому если верхи сами не проводят что-либо в жизнь, то народ им не следует, и поэтому народ не покоряется законам и не умирает ради распоряжений, и тогда государство необходимо придет к смуте. Поэтому-то имеющий истинный путь правитель, прежде чем покорять народ, сам проводит в жизнь собственные законы и культивирует собственные распоряжения» [5, с. 164-165]. Такой объект зарождения в сердцах верхов есть закон. Помимо этого, представители легизма считали, что необходимый элемент для поддержания и осуществления закона – это строгий надзор над его исполнением, который, по мнению Шан Яна и Хань Фэй, должен осуществляться благодаря статному чиновничеству, которое также осуществляет надзор над всеми аспектами жизни общества.

Последняя черта, характеризующая учение классических и поздних легистов, представлена принципом новшества. Этот принцип в своей сущности есть отображение идеи изменения состояния мира во времени. Так, Шан Ян и представители позднего легизма утверждают, что мир не статичен и пребывает он в постоянном изменении. Это говорит о постоянном изменении и преобразовании как человека, так и культурно-духовного состояния общества, в котором он находится, и природно-географической среды, в которой он проживает. Впоследствии, это незамедлительно приводит к изменениям социально-политических и духовных стратегий, способных разрешить сущностно характерные проблемы того времени, в котором сейчас находится мироздание, а т. к. в учении легизма такого рода стратегии есть закон, то, следовательно, это приводит к изменению закона в соответствии с необходимостью времени. Таким образом, Шан Ян говорит, что для спасения Поднебесной и ее процветания нет единого пути, поскольку мир изменчив и находится в

постоянном изменении и становлении себя, и, значит, невозможно подобрать единую стратегию. Ведь она будет неэффективна по отношению к тем моментам времени, в котором она не была создана. Согласно этим суждениям, Шан Ян выдвигает следующий тезис: мудрый правитель устанавливает законы, исходя из необходимости по отношению ко времени, и что такой правитель в создании законов и их установлении должен опираться не на древность и традиции, а на решении проблем сущностно характерных для того времени, в котором пребывает как государь, так и народ.

Подводя итоги по всему выше сказанному, мы можем сущностно охарактеризовать закон в учении легизма как своего рода особую социально-политическую и духовную стратегию, основанную на рациональности правителя и его осознании необходимости соответствия закона своему времени. Кроме того, главной целью закона является спасение государства и его становление в гегемона, что впоследствии приведет к обузданию воли народа и ее концентрации, направленной на благо государства. Это и позволит в конечном итоге осуществиться истинным желаниям народа.

Библиографические ссылки

1. *Шан Ян*. Книга правителя области Шан / Пер. Л. С. Переломова. М. : РИПОЛ классик, 2017. 426 с.
2. *Хань Фэй-цзы*. Книга закона и порядка. Советы разумному правителю / Пер. А. И. Иванова. М. : Центрполиграф, 2019. 287 с.
3. *Рыков, С. Ю.* Древнекитайская философия: Курс лекций. М. : ИФРАН, 2012. 312 с.
4. *Гуань-цзы*. Древнекитайская философия / Собрание текстов: в 2 т. / Т. 2. М. : Мысль, 1973. 384 с.
5. *Фэнь Ю-лань*. Краткая история китайской философии. / Пер. Р. В. Котенко. СПб. : Евразия, 1998. 376 с.

КОНФЛИКТНАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВА Р. ДАРЕНДОРФА

Н. В. Гасанова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nigarhasanova2304@gmail.com
Научный руководитель — О. В. Курбачёва, кандидат философских наук, доцент*

Статья посвящена исследованию конфликтной модели общества, разработанной Ральфом Дарендорфом. Целью исследования является системная реконструкция становления и базисных характеристик конфликтной модели общества. Прежде всего, рассматриваются теоретико-методологические основы, специфика и возможности регулирования социального конфликта в представлениях Р. Дарендорфа.

Ключевые слова: конфликтная модель общества; теория конфликта; социальный конфликт; социальные изменения; институционализация; “жизненные шансы”; функции опций и лигатур; Р. Дарендорф.

Общество, как на заре своего возникновения, так и на современном этапе своей динамики, перманентно находится в состоянии выбора: пути своего развития, согласования интересов, преодоления вызовов и проблем. В силу того, что существуют разные интенции, ценности и представления о приоритетах и путях развития, которые не всегда совпадают, то можно полагать о неизбежности конфликтных ситуаций и версиях социальной динамики. В связи с этим можно предположить, что тема социального конфликта является вневременной проблемой, свойственной для всех этапов и исторических периодов человеческой истории.

С глубокой древности существовали противоположности, которые боролись между собой: противостояния добра и зла, чёрного и белого. Существует известный древнекитайский пример: начала инь и янь. Именно с их помощью порождалась энергия ци. Это заставляет задумываться: «Всегда ли конфликт — это плохо?»

Одним из исследователей теории конфликта, предметно анализировавших проблему и сущность конфликта как такового, был Ральф Густав Дарендорф. Англо-германский философ и социолог сформулировал свою теорию социального конфликта. Предпосылкой её становления, в первую очередь, послужили критика классовой теории К. Маркса и влияние структурного функционализма.

Природа социального конфликта многогранна и для того, чтобы грамотно и правильно изложить суть какой-либо модели общества, в первую очередь, нужно обозначить концептуальную основу самой сущности социального конфликта, его теоретико-методологическую основу.

Конфликтная модель общества Ральфа Дарендорфа — модель, при которой предполагается, что каждое общество подвергается изменениям, и неизбежно сталкивается с конфликтами: элемент и часть общества оказывают влияние на его изменение. Данная модель гласит, что конфликты в высшей степени необходимы. В первую очередь, они необходимы в качестве одного из факторов вездесущего процесса социальных изменений. Там, где они отсутствуют, подавлены или же мнимо разрешены, любые изменения замедляются и сдерживаются. А там, где конфликты признаны и управляемы, процесс изменения сохраняется как постепенное развитие. Но, как в первом, так и во втором случае, в социальных конфликтах заключается выдающаяся творческая сила обществ. И как раз оттого, что конфликты выходят за рамки наличных ситуаций, они служат жизненным элементом общества — подобно тому, как конфликт вообще является элементом всякой жизни [2, с. 370]. Остаётся определить природу, сущность и функции социального конфликта в представлениях Р. Дарендорфа.

Мы помним, что Р. Дарендорф считал конфликты необходимыми в качестве одного из факторов вездесущего процесса социальных изменений. То есть по своей природе конфликт — это нормальное состояние общества. По Р. Дарендорфу конфликт происходит вследствие неравного распределения власти. А власть — это способность одних акторов навязывать свою волю другим. Но для того, чтобы конфликт не перерастал во что-то разрушающее необходима регуляция. Такими регуляторами, в свою очередь, служат институты.

Современный социальный конфликт — антагонизм между правами и их обеспечением, где ценности гражданских обществ и их экономическое наполнение расходятся между собой. Действительно, конфликты, как правило, возникают между партиями прав и их обеспечения. Это происходит из-за несовпадения ролей и ожиданий. Примером у Р. Дарендорфа могут послужить партии либерализма и национализма. Сущность социального конфликта Р. Дарендорф также определяет в несовпадении интересов различных социальных групп. В свою очередь, интересы могут быть и политическими, и экономическими, и культурными. Важно отметить, что борьба между ними ведётся за власть. Как правило, группы, обладающие властью, пытаются её сохранить, а лишённые — приобрести. Но также существуют квазигруппы, они возникают, действуют организованно для реализации своих же целей.

Функции социального конфликта у Р. Дарендорфа являются положительными. Функции включают в себя функции социального изменения, предотвращения стагнации, выявления проблем, сплочения групп и интеграции. Функция социального изменения стимулирует общество к

поиску новых решений, адаптации к меняющимся условиям. Функция предотвращения стагнации побуждает организации и институты постоянно совершенствоваться. Функция выявления проблем раскрывает противоречия в обществе. Функция сплочения групп укрепляет солидарность и коллективную идентичность. Институционализация конфликта позволяет интегрировать различные группы в общество, не подавляя их интересы.

Дарендорф выделяет шесть уровней, на основании которых может произойти конфликт:

- между ожиданиями и ролью;
- между социальными ролями, которые мы должны играть одновременно;
- внутригрупповые конфликты;
- между социальными группами;
- конфликты на уровне общества в целом;
- межгосударственные конфликты.

В соответствии с концепцией Р. Дарендорфа образование конфликтных групп проходит всего в три этапа. Первый этап происходит в связи с возникновением конфликтных, противоположных друг другу, интересов, представляемых, преимущественно, в виде квази-групп.

Второй этап развития конфликта содержит в себе осознание скрытых интересов, следовательно, преобразование квази-групп в фактические группы (группы интересов). Следует отметить, что для проявления конфликтов необходимо выполнение определенных условий: технических, социальных и политических. Это прежде всего материальные условия, коммуникация и свобода коалиции.

Третий этап заключается в разворачивании конфликта, то есть в столкновении между сторонами, отличающимися идентичностью в политических, экономических, социальных целях. Важно отметить, что конфликты считаются неполными при отсутствии всех этих факторов.

По словам Р. Дарендорфа, по мере продвижения гражданских прав из юридической в политическую, затем в социальную сферу происходит смягчение классового конфликта, методов и форм ведения борьбы [3, с. 8]. Он выделял три основных способа регулирования конфликта: подавление, отмена путем ликвидации противоречия, регулирование. Наиболее эффективный из них, по словам учёного, — регулирование, которое осуществляется путём институционализации и легитимизации конфликтов. Институты (например, правовые системы, политические структуры) играют ключевую роль в регулировании конфликтов. Они создают рамки для разрешения споров и обеспечивают предсказуемость в социальном взаимодействии.

Таким образом, конфликтная модель общества помогает нам видеть конфликт с позитивной точки зрения, как источник прогресса. Ведь: «Чёрное и белое порождает серое, следовательно это способствует прогрессу. Значит чёрное – это не столь плохо?» Мы можем сказать, что отрицание и запрет конфликта ещё больше его усугубляет, поэтому важно, в первую очередь, осознавать его существование, после чего следует приступить к поиску эффективных методов регулирования социального конфликта, что в дальнейшем приведёт нас к гармонии. Конфликтная модель общества Р. Дарендорфа также напоминает нам о «жизненных шансах», то есть о функциях опций и лигатур, где опции — «специфические комбинации прав и их обеспечения», а лигатуры — «глубинные культурные связи, позволяющие людям найти свой путь в мире опций». Таким образом, по словам Р. Дарендорфа, «современность по сути есть разрыв с лигатурами прежних времен» [1, с. 37]. Но не все глубинные связи теряют свою силу, хотя многие из них теряют свой прежний смысл. «Эпоха модерна открывает неизвестные доселе жизненные шансы...» [1, с. 38] — многоточие, поставленное автором, превращает суждение в вопрос, актуальный и для нашего времени. Наша же задача состоит в предотвращении разрыва с лигатурами прежних времён. Ведь: «Чтобы построить светлое будущее, нужно помнить и чтить прошлое».

Библиографические ссылки

1. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт: очерк политики свободы / Пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. Москва : РОССПЭН, 2002. 284 с.
2. *Дарендорф Р.* Тропы из утопии : Работы по теории и истории социологии / Пер. с нем. Б. Скуратова и В. Близнекова. Москва : Праксис, 2002. 534 с.
3. *Кольба А. И.* Современный социальный конфликт: полтора десятилетия спустя // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 1. С. 6–15.

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА В ФИЛОСОФСКОЙ ИСТОРИИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И СПЕЦИФИКА НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ ОБЩЕСТВА

Д. М. Климович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, dima8800555352005@mail.ru;
Научный руководитель – В. В. Анохина, кандидат философских наук, доцент.*

Предметом исследования данной работы выступает становление географического детерминизма в контексте натуралистического подхода философии Эпохи Просвещения, освещены основные понятия климатоцентрической модели Монтескье, рассмотрено влияние идеи натуралистического подхода на философскую мысль Эпохи Просвещения.

Ключевые слова: Эпоха Просвещения; географический детерминизм; Шарль Луи Монтескье; натуралистический подход

С Эпохой Просвещения пришел кардинальный сдвиг в европейской интеллектуальной истории. Рационализм, вера в прогресс и научное познание вытесняли теологические и метафизические объяснения мира, уступая место подходам, основанным на наблюдении, эмпирике и поиске естественных причинно-следственных связей. Этот общий сдвиг не обошел стороной и осмысление истории и общества. Именно в этот период зарождается и оформляется дисциплина, которую Вольтер метко назвал «философией истории», призванная выявить закономерности и движущие силы исторического процесса [5].

Одной из ключевых особенностей философско-исторической мысли Просвещения стало формирование и распространение натуралистического подхода к пониманию общества. Суть этого подхода заключалась в стремлении объяснить социальные, политические и культурные явления через воздействие факторов природной среды. В противовес доминировавшим ранее провиденциалистским (объясняющим историю божественным промыслом) и сугубо антропоцентрическим (сосредоточенным исключительно на деяниях людей) концепциям, мыслители Просвещения начали активно искать детерминанты общественного развития в окружающем мире – климате, ландшафте, почве, ресурсах. Этот поиск естественных оснований социальной жизни и привел к становлению географического детерминизма как влиятельного направления в философии истории.

Идея о том, что человеческая история неразрывно связана с историей природы, не была абсолютно новой – ее корни можно найти еще в античности. Так, Аристотель отмечал, что народности, обитающие в странах с холодным климатом, на севере Европы, преисполнены мужественного характера, но интеллектуальная жизнь и художественные интересы у них менее развиты. Поэтому они дольше сохраняли свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Наоборот, народности, населяющие Азию, отличались умом и обладали художественным вкусом, зато им не хватало мужественности; поэтому они жили в подчиненном и рабском состоянии [2].

Однако именно в XVIII веке идея географического влияния на социум обретает системность и становится методологической установкой для целого ряда мыслителей, стремящихся понять, как физическая среда формирует не только быт и хозяйство народов, но и их нравы, характер, психологию и, в конечном счете, формы политического устройства. Отказ от сведения истории лишь к деяниям правителей и полководцев и включение природного контекста в анализ стали важным шагом на пути к более комплексному пониманию прошлого и более системному и четкому анализу будущего.

Формированию географического детерминизма в эпоху Просвещения способствовал ряд факторов. Во-первых, Великие географические открытия расширили горизонты европейцев, предоставив обширный эмпирический материал о разнообразии народов, культур и природных условий на планете. Во-вторых, успехи естественных наук, особенно физики и астрономии, породили уверенность в возможности открытия универсальных законов, управляющих не только природой, но и обществом. Мыслители стремились применить естественнонаучную методологию к изучению человека и истории.

От физического мира И. Г. Гердер переходит к биологическому, а только потом – к социальному. Гердер подчеркивал, что человек, как и любое живое существо, является частью природы, подчиняется ее ритмам и законам. Хотя Гердер не был строгим детерминистом и учитывал роль культуры, его работа заложила важное основание для натуралистического взгляда на историю, утверждая идею включенности социального в природное [1].

Наиболее ярким и влиятельным представителем географического детерминизма Эпохи Просвещения стал Шарль Луи де Монтескье. В своем фундаментальном труде «О духе законов» (1748) он предпринял масштабную попытку объяснить разнообразие законов, нравов и форм правления у разных народов влиянием природных, прежде всего климатических, факторов [3].

Монтескье развил идеи своих предшественников, в частности, упомянутого выше Аристотеля, в стройную систему. Его климатоцентрическая модель базировалась на разделении мира на климатические зоны. Монтескье выделял три основные зоны – жаркую (южную), холодную (северную) и умеренную.

Философ полагал, что климат напрямую воздействует на тело и «дух» человека. Так, разбирая сущность рабства Монтескье объясняет, что страны, жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму; и так как там господин столь же малодушен по отношению к своему государю, как его раб по отношению к нему самому, то гражданское рабство сопровождается в этих странах политическим рабством. Холодный климат, напротив, укрепляет тело, делает людей энергичными, мужественными, свободолюбивыми, но может препятствовать утонченному развитию «разума». Монтескье даже пытался дать этому физиологическое объяснение, говоря о сжатии волокон тела холодным воздухом и усилении притока крови к сердцу [3].

Наиболее благоприятным для развития общества, свободы и «разума» признавался умеренный климат, характерный, по мнению Монтескье, для Европы. Именно этим фактором обуславливалось представление о превосходстве, завязанное на европоцентризме, европейских народов в силе, свободе и динамизме по сравнению с народами Азии, более склонными к «рабству» из-за резких климатических контрастов.

Концепция Монтескье имела огромное влияние. Она не только предлагала универсальный ключ к пониманию разнообразия человеческих обществ, но и обосновывала определенные политические идеалы (умеренное правление, свобода) через апелляцию к «естественным» условиям. Его работа стала классическим примером применения натуралистического подхода в философии истории XVIII века.

Природу представители эпохи Просвещения рассматривали как основу разума. Поэтому разумность и природосообразность являются двумя гармонически связанными сторонами прогресса человека и человечества. Это касается, прежде всего, Руссо, безусловно имевшего ряд расхождений с Монтескье и открыто критиковавшим его концепции. Руссо пытался совместить чувства и разум: «... моё правило больше полагаться на чувство, чем на разум, соотносится с самим разумом» [4].

Географический детерминизм Эпохи Просвещения, несмотря на все свои ограничения и упрощения, сыграл важную роль в истории философской и социальной мысли. Он представлял собой значительный шаг вперед по сравнению с теологическими интерпретациями истории,

утверждая натуралистический подход к пониманию общества и его развития. Акцент на поиске естественных причин социальных явлений, на взаимосвязи человека и среды заложил основу для дальнейшего развития многих научных дисциплин – от географии и антропологии до социологии и политологии.

Идеи Монтескье, Гердера, Руссо и других мыслителей Просвещения о влиянии природных факторов на общественную и политическую жизнь стимулировали последующие исследования в этом направлении. Попытки осмыслить взаимодействие общества и природы продолжались на протяжении всей истории философской мысли как на Западе, так и на Востоке и получили новое развитие в XX-XXI веках в рамках новой дисциплины геополитики.

Библиографические ссылки

6. *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977. 703 с.
7. *Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* Платон. Аристотель. М. : Мол. гвардия, 1993. 383 с
8. *Монтескье Ш.* О духе законов. М. : Мысль, 1999. 674 с
9. *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании. – Санкт-Петербург, 1913. – 203 с.
10. *Семенов Ю. И.* Философия истории. От истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М. : Старый сад, 1999. 380 с.

БЫТЬ ПРИВЫЧНЫМ: СВОБОДА ИЛИ ОТКАЗ ОТ ВЫБОРА?

А. С. Малевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, malevichsasha1@gmail.com;
Научный руководитель — Т. В. Иванова, старший преподаватель.*

В статье рассматривается феномен привычного как социокультурная и философская категория, оказывающая влияние на восприятие свободы и осуществление выбора. Привычное представлено как амбивалентное состояние: с одной стороны, оно обеспечивает стабильность и психологический комфорт, с другой — способно ограничивать личную инициативу и свободу действий. Автор анализирует, в какой мере укоренённые модели поведения способствуют или препятствуют реализации свободы, и предлагает интерпретацию привычного как формы отказа от выбора, происходящего неосознанно. Исследование основывается на философских и психологических подходах к понятию свободы, а также на примерах из повседневной жизни. Работа направлена на выявление грани между свободным выбором и действием по инерции, задавая вопрос: является ли быть привычным проявлением автономии или капитуляцией перед удобством?

Ключевые слова: привычка; зависимость; свобода; выбор; одержимость.

Фразу «быть привычным» можно рассматривать через призму восприятия, времени, опыта или даже идентичности. Когда что-то становится привычным, оно перестает осознанно восприниматься. В наше время, привычным для обычного человека будет являться употребление все большего и большего количества товаров и услуг ежедневно по сравнению, например, с XX веком. Они необязательно будут являться необходимыми, однако, в период массового потребления, человек не может здраво оценить обстановку и *заметить* очевидное, ему остается лишь *реагировать*. То же самое можно сказать и про привычки: чем больше человек употребляет «продуктов», тем больше новых привычек он зарабатывает. С одной стороны, людям может казаться, что привычка освобождает людей от ненужного выбора ввиду огромного предложения. С другой стороны, у человека отсутствует выбор в каждой ситуации, в которой им управляет привычка. Отсюда возникает дилемма: «Привычка — облегчение через автоматизм или утрата свободы через повторение?».

Для ответа на поставленный вопрос, следует четко понимать значения термина «привычка». Рассмотрим данный термин как со стороны философии, так и ссылаясь на психологию. Психология зачастую дает довольно четкое понятие привычкам, а при рассмотрении этого термина с философской стороны возникают противоречия, так как у каждого философского учения (направления) будет свое уникальное представление.

В «Никомаховой этике» Аристотель писал: «Мы становимся справедливыми, поступая справедливо; мы становимся умеренными, поступая умеренно» [1]. То есть, добродетель — не врождённое качество, а устойчивая привычка правильного выбора, выработанная через повторение правильных действий [1].

Психолог Уильям Джеймс отмечал: «Вся жизнь человека — не что иное, как масса привычек» [2]. Привычка — фундамент поведения: привычки автоматизируют действия, делая их устойчивыми и экономящими энергию. Привычка у Джеймса — мост между биологией, этикой и личностным ростом.

Привычка у Ж.-П. Сартра — это попытка уйти от свободы, впасть в "дурную веру" — самообман, в котором человек притворяется, что он — просто "роль", "функция", "привычка", а не свободное существо [3]. Для Сартра свобода — не освобождение, а вызов. Это вечная необходимость выбирать, без гарантий, без инструкций, с полной ответственностью.

Отражение идей признанных классиков можно увидеть и у современных философов. Современные когнитивные теории о принятии решений также опираются на исследования в нейронауке и поведенческой экономике.

К примеру, С. Жижек писал, что ты можешь не верить в капиталистическую систему, критиковать её — но всё равно каждый день платить за кофе, выкладывать сторис, участвовать в игре символов, которая эту систему поддерживает. Идеология здесь — это не «вера», а привычный образ жизни. С. Жижек считает, что идеология не убеждает — она действует: через повседневные практики, автоматизмы, рутину. Именно поэтому её так трудно «разоблачить» — она не в голове, а в теле, в действии, в привычке [4].

В противовес С. Жижеку выступали приверженцы нейрофилософского подхода (Патрисия Черчленд, Антонио Дамасио). Они стремятся объяснить сознание человека, его выбор, личность на уровне мозга. Что делает привычку автоматизированным паттерном, происходящем вне фокуса сознания. Отсюда и вывод нейрофилософского подхода: если действие не проходит через осознанное решение (любая привычка), оно не является свободным. Славой Жижек отвечал на это: «вы не мозг — вы субъект, разорванный между сознанием, бессознательным и социальным полем» [4].

Развивая идею свободы действия следует упомянуть дебаты о «свободе от» и «свободе для» между Исаией Берлином и Эрихом Фроммом. Исаия Берлин писал про негативную («свобода от») и позитивную («свобода для») свободы, отмечая, что первая обозначает «свободу от вмешательства» (когда никто не мешает вам действовать), вторая явля-

лась полной противоположностью: «свобода быть хозяином самому себе» (способность к самореализации, к жизни по разуму или высшим целям) [5]. По Фромму: «свобода от» — освобождение от внешних авторитетов (традиций, церкви, феодализма и т. п.), при этом человек оказывается одиноким, дезориентированным, не зная, как действовать самостоятельно. «Свобода для» — способность действовать творчески, изнутри, быть собой, соединиться с другими на основе любви и ответственности. Что, по мнению Фромма, более зрелая, экзистенциальная свобода. В противовес Исаии Фромм считал, что современный человек боится свободы, потому что она требует ответственности — и потому бежит в подчинение, в привычки, в авторитаризм [6]. Тогда как Исаия Берлин предупреждал: позитивная свобода может стать оправданием авторитаризма, если её понимают как право «освобождать» человека против его воли.

Даже изучив работы известных философов и психологов, невозможно бесспорно утверждать, что означают ключевые понятия, отраженные в названии научной работы. К счастью, мы в праве заниматься рефлексией и обозначить термины лично для себя, так как мы их видим и воспринимаем. Поэтому далее будет предложен авторский взгляд на привычки человека, в котором будет осуществлен синтез взглядов мыслителей в выше упомянутых работах и уникальных размышлений на столь актуальную и неоднозначную проблему.

С одной стороны привычка, по своей сути, является побудителем человека к осознанному либо неосознанному действию. Однако некоторые источники дают иное определение этому слову. *Привычка* — действие, которое осуществляется с определенной периодичностью. На самом деле, определенная периодичность весьма плавающее понятие, к примеру привычкой здороваться мы пользуемся каждый день, а вот едим торт на День рождения лишь раз в год. Поэтому определение самого термина «привычка» не может являться точным. Привычка может представлять собой любое действие человека.

Но почему так важно, рассмотреть природу человека — через способность иметь привычку...?

Почему, вне зависимости от того, полезная привычка или нет, мы все равно чувствуем раздраженность, когда не получается ее удовлетворить? К примеру, у человека привычка бегать по утрам, что, безусловно, является полезным занятием. Он бежит с определенной периодичностью, которую осознает и хорошо знает. Но однажды у него не получится выйти с утра на пробежку. Моментадно утро этого человека перестанет быть полноценным, человек может чувствовать сонливость, что характерно для утреннего времени, но причиной именно для него будет отсутствие пробежки. Кроме того, если в этот день за человеком

будет замечена невнимательность, рассеянность, любая другая неудача, он автоматически будет относить это к неудовлетворенной привычке в начале дня. Таким образом, несмотря на то, что согласно биологии такая привычка должна приносить человеку исключительно пользу, опять же, при разумном «использовании» своего организма, при ее невыполнении человек чувствует дискомфорт на протяжении какого-то времени, который он бы точно не испытывал при схожих обстоятельствах.

Поэтому, мы можем утверждать, что существуют привычки вредные (приносят вред нашему организму или вред окружающим) и полезные (приносят пользу нашему организму или пользу окружающим). С детства нас всех учили, что нужно как можно скорее избавляться от вредных привычек и приучать себя к действиям, приносящим пользу. Но, согласно примеру, приведенному в предыдущем абзаце, если человек становится зависимым от привычки, независимо от полезной или от вредной, она способна приносить ему вред при ее неудовлетворении. Многие приравнивают вредные привычки к зависимостям. С одной стороны, это верно, ведь, простыми словами, зависимость — это привычка, приносящая вред, но исходя из сказанного нами, можно отметить, что и полезные привычки могут являться зависимостями для определенных людей. Верно будет сказать, что зависимость — это крайность привычки, ее негативная сторона. Так мы подходим к одной из важнейших проблем человечества – зависимости человека от своих привычек.

Отсюда возникает вполне логичный вопрос - где проходит та грань, разделяющая привычки и зависимости, и как не стать зависимым от своих привычек?

Несмотря на общую природу слов «привычка» и «зависимость», никто из людей не любит, когда его называют зависимым. Зависимость, в своем роде, отличается от привычки отсутствием выбора. Она забирает у человека его свободу выбора. Даже, когда говорят, что у человека всегда есть выбор, порой этот выбор неосознанный: человек совершает его не задумываясь. Именно неосознанный выбор, в этом случае, и является иллюзией свободы. На самом деле, человек, постоянно делающий выбор в пользу своей привычки(зависимости) никогда не будет считаться свободным. В отличие от привычек зависимость всегда ведет к негативным последствиям. Еще одним отличием является сложность преодоления, которая у зависимости в несколько раз выше, чем у привычки. Можно даже сказать, что преодоление привычки больше дело самого человека и его силы воли, а преодоление зависимости — это курс лечения, подобранный профессионалом. Кроме того, зависимость требует от человека гораздо более частого удовлетворения чем привычка. Несмотря на то, что человек каждый раз берет на себя ответственность за совершенное

им действие, он редко задумывается о последствиях, это означает, что даже при полной осведомлённости человека о своей привычке, он не имеет четкого понимания о возможных последствиях. Поэтому следует рассматривать зависимость как неосознанное действие, ведь при полном понимании к чему она может привести человек начнет попытки сопротивления и, при необходимости обратится за помощью. Конечно, бывают и такие случаи, где человек говорит, что он все понимает, но ему все равно на свой организм. Однако и такой аргумент легко разбивается базовым пониманием биологии. У каждого здорового человека присутствует инстинкт самосохранения и желание жить. То есть, при подобном поведении человека с зависимостью, справедливо будет заметить у него отсутствие биологических инстинктов, что свидетельствует о его психически нездоровом состоянии, либо не понимание всех последствий, к которым его может привести его зависимость, поэтому он и продолжает удовлетворять свою зависимость. В целом, в момент, когда человек начинает регулярно перестраивать свои планы для совершения пока еще осознанного действия, теряет концентрацию и раздражается при неудовлетворении привычки, может пожертвовать многим ради ее удовлетворения — именно тогда и происходит тот момент, когда привычка перерастает в зависимость. Справедливым будет учесть, что действие, рассматриваемое как зависимость перестает быть осознанным, окончательно забирая у человека его свободу выбора.

Зависимости отнимают у человека свободу действий, мы становимся подвластны им. Людей становится легче предсказать, ими легче управлять, используя слабости человека, связанные с его зависимостями. Это всеобщая зависимость мешает людям поступать рационально, мы теряем свою эффективность, не говоря о том, что они банально отнимают у людей их важнейшие ресурсы — время и здоровье. Возможно, именно из-за этого существует множество определений термина *счастье*. Говорят, что для каждого человека счастьем будет являться что-то индивидуальное, особенное для него. Однако, справедливо будет отметить, что при присутствии в жизни человека зависимостей, счастьем для него будет бесконечное беспрепятственное удовлетворение первых без негативного влияния на здоровье самого человека.

А вот может ли человек с зависимостью считать себя свободным? Исходя из того, что зависимость — крайность привычки, логично будет утверждение, что работа, приносящая человеку удовольствие будет зачастую являться зависимостью. Увлечение Ньютона физикой, Фишера шахматами, Яны Кудрявцевой художественной гимнастикой — все это, по своей сути, является зависимостью.

К сожалению, невозможно определить, что зависимость такого рода приносит больше: счастья или страдания. Но одно можно сказать точно – она определяет смысл жизни. Люди, имеющие зависимость от рода своей деятельности, добиваются невероятных результатов, одновременно с этим, одержимость развитием в определенной сфере может являться источником бесконечных страданий этих людей. Такие терзания самого себя часто приводят к возникновению душевных травм у их обладателей. Поэтому нельзя с точностью сказать, что человек с подобной зависимостью будет полностью свободным. Скорее от части: в моменты своего подъема он будет ощущать себя ни от чего независимым и счастливым, но в моменты неудач такие люди чувствуют себя привязанными к их роду деятельности, осознавая, что отдали всего себя этому делу и максимально зависят от результата своего труда.

Данная дилемма неразрешима. Так как невозможно запретить таким людям заниматься любимым делом. Про таких людей часто говорят, что они одержимы своим делом. Одержимым называется человек, страстно увлечённый чем-либо, всецело отдающийся чему-либо. Именно одержимость и возникает у таких людей ввиду постановки ими высоких трудновыполнимых целей. Люди становятся зависимыми от своей деятельности, что для общества имеет зачастую положительный эффект, но для самого человека, как и для его конкурентов может иметь негативные последствия.

Библиографические ссылки

1. *Аристотель*. Никомахова этика [Электронный ресурс]. URL: <https://vseknigi.org/bookread-159355> (дата обращения: 17.04.2025).
2. «Принципы психологии» Уильям Джеймс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/william-james-2/> (дата обращения: 17.04.2025).
3. *Сартр, Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/sartr_ganpol/bitie_i_nichto_opit_fenomenologicheskoy_ontologii.html (дата обращения: 18.04.2025).
4. *Жижек, С.* Возвышенный Объект Идеологии [Электронный ресурс]. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/politologija/zhizhek_s_vozvyshennyj_obekt_ideologii/21-1-0-2557 (дата обращения: 18.04.2025).
5. *Берлин, И.* Два понимания свободы [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/berlin-isajya/filosofiya-svobodi-evropa/5> (дата обращения: 18.04.2025).
6. *Фромм, Э.* Бегство от свободы [Электронный ресурс]. URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=46890 (дата обращения: 18.04.2025).

«МОЛЧАЛИВЫЕ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ»: КАК НЕРАВЕНСТВО СТАНОВИТСЯ НОРМОЙ

Д. Ю. Палатинская¹⁾; Н. А. Ярош²⁾

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ¹⁾ palatinskaya07@mail.ru; ²⁾ nika.yarosh.06@bk.ru;
Научный руководитель – Т. В. Иванова, старший преподаватель*

Статья посвящена анализу того, как социальное неравенство может становиться «невидимым» и восприниматься как естественный порядок вещей. Рассматривается феномен «молчаливых несправедливостей» — ситуаций, когда дискриминация, ограничение доступа к ресурсам или привилегии одних групп остаются неоспоримыми и не поддаются критике в общественном сознании. Особое внимание уделяется исследованию механизмов социального неравенства, процесса его возникновения и грядущих последствий.

Ключевые слова: неравенство; «молчаливые несправедливости»; справедливость; социальная несправедливость.

Неравенство – ёмкий термин, фундаментальная социальная проблема, издревле сопровождавшая человечество. Неудивителен тот факт, что данная тема стала мейнстримом современности. К изучению неравенства людей привлекает вездесущность этой проблемы. Наиболее важные эффекты неравенства, такие как социальная дезинтеграция, маргинализация больших социальных групп, снижение социальной связности, морального и когнитивного консенсуса, вплоть до утраты возможностей элементарной эмпатии, которые и делают неравенство осевой проблемой современной жизни, выходят далеко за пределы проблемы распределения и доступа к благам [1, стр. 167].

«Молчаливые несправедливости» — осознание человеком или обществом в целом наличия несправедливостей с инстинктивным или преднамеренным умалчиванием протеста, незаинтересованностью в принятии каких-либо действий и, соответственно, косвенное ее поддержание. Будучи не единственным ребенком в семье, испытывали ли вы на себе груз неравноценного отношения со стороны родителей? Ощущали ли полную растерянность и обиду, когда превратились в объект насмешек по расовым или имущественным признакам? Или, может, становились жертвой кражи и боялись говорить об этом открыто? Все это яркие примеры социальной несправедливости. Условно их можно поделить на три большие группы: семейная, социальная и психологическая. Возникает несправедливость вследствие взаимодействия социальных групп,

которые подразделяют на первичные и вторичные [2, стр. 7]. Понятие «первичная группа» было введено в научный оборот американским социологом и социальным психологом Чарльзом Кули (1864–1929), оно подразумевает непосредственное межличностное взаимодействие. Под вторичной группой принято понимать группу, где взаимодействие обусловлено достижением конкретной цели, деятельность таких групп строго регламентирована.

Однако что же тогда есть справедливость? Опираясь на диалог Платона «Государство», понятие справедливости связано с гармонией и правильным распределением ролей в обществе, где каждый должен заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие обязанности. Платон считал, что справедливость — это добродетель, которая обеспечивает устойчивость и единство государства через иерархическую структуру, где философы-правители управляют, воины защищают, а производители (земледельцы, ремесленники) обеспечивают материальные потребности. Тогда молчаливая несправедливость может пониматься как ситуация, когда люди принимают социальное неравенство как естественный порядок, не ставя под сомнение несправедливое распределение благ и обязанностей [3].

Важнейшим аспектом изучения социального неравенства является его влияние на общество в целом. Закрепление и нормализация несправедливости ведут к росту социального неравенства и напряженности. В контексте определенного человека это приводит к отчуждению и психологическому дискомфорту, следствием чего может стать апатия и в крайних случаях агрессии. С точки зрения государства существует риск подрыва доверия к институтам и правовой системе, а значит возникновение конфликтов и утрата сплоченности. Все это может привести к формированию устойчивых моделей поведения, что может привести к искажению восприятия “правильного и неправильного” в обществе, несправедливость постепенно переходит в позицию естественного состояния, существование в котором “одинокое, печально, жестоко, полно страха и скованное цепями” [4] (Томас Гоббс).

Социальное неравенство и несправедливость имеют глубокие исторические корни, начиная с древних цивилизаций и до наших дней. Восприятие неравенства менялось под влиянием экономических, политических и культурных факторов, а также социальных движений. Во времена древних цивилизаций неравенство было частью структуры общества и проявлялось в таких формах, как рабство и наличие каст. Основой восприятия была идея божественного природного порядка, выделение эли-

ты было нормой. Эпоха Средневековья выделялась своей феодальной системой, имело место неравенство с позиции статуса и величины имущества. Подобная стратификация оправдывалась религиозными воззрениями. Эпоха Нового времени только усилила расслоение. С развитием капитализма усилилось экономическое неравенство. Индустриализация дала толчок для распространения эксплуатации рабочих. Однако в то же время начали проводиться и социальные реформы, нацеленные на изменение восприятия несправедливости. Отличительной чертой Новейшего времени стала борьба за гражданские права, идеи гендерного равенства. Однако неравенство никуда не делось, просто стало проявляться в психологическом плане.

Рассматривая «молчаливые несправедливости», можно выделить некоторые причины их появления, факторы влияния и механизм превращения в норму. Во-первых, основной причиной возникновения «молчаливых несправедливостей» являются социальные стереотипы, которые формируют предвзятое восприятие и ожидание. Например, стереотип о том, что мужчины более компетентны в некоторых профессиях, могут привести к недооцениванию женщин на рабочих местах. Такие стереотипы укореняются в культуре и чаще всего передаются поколениями. Укоренившиеся традиции и нормы могут поддерживать «молчаливые несправедливости», делая их частью культурной инерции. Когда определенные практики и взгляды передаются из поколения в поколение, они становятся частью идентичности общества и воспринимаются как неизменные. Во-вторых, воспитание и социализация, т.к. человек с раннего возраста подвергается социальному влиянию, которое способствует формированию его взглядов и поведения. Воспитание в семье с традиционными взглядами может привести к тому, что «молчаливые несправедливости» будут приниматься как норма. Так, дети в процессе наблюдения за поведением родителей или сверстников начинают воспринимать некие предвзятости как естественные. В-третьих, отсутствие критического мышления. Если человек не обучен анализировать информацию и подвергать сомнению стереотипы, то скорее всего он примет стереотипы за истину. А в окружении, где «молчаливые несправедливости» не подвергаются критике, отсутствует обратная связь, которая могла бы их оспорить, будет процветать атмосфера, в которой неравенство может свободно существовать без каких-либо последствий. В-четвертых, страх и замалчивание. Страх перед последствиями высказывания против «молчаливых несправедливостей» может привести к их замалчиванию. Люди часто опасаются осуждений, а это в свою очередь мешает

открыто обсуждать и бороться с какими-либо предвзятостями. Таким образом, появление «молчаливых несправедливостей» тесно связано с социальными, культурными и психологическими факторами, а процесс их превращения в норму происходит через социальное одобрение, отсутствие критики и интернализацию.

Становление неравенства в обществе имеет глубокие последствия, затрагивающие и экономику, и социум, и самого индивида. Одним из самых значительных последствий нормализации неравенства является снижение экономического роста. Когда ресурсы и возможности распределены неравномерно, большая часть населения оказывается исключенной из процесса экономического развития. Экономическое неравенство, в свою очередь, способствует росту социального напряжения. Социальные последствия выражаются в увеличении социальной разобщенности, когда различные группы населения живут в изоляции друг от друга, не имея при этом возможности взаимодействовать. Недопонимание и предвзятости могут усугублять конфликты и препятствовать созданию гармоничных отношений между различными слоями общества. Нормализация неравенства имеет также серьезные психологические последствия. Постоянное ощущение дискриминации и несправедливости может вызывать высокий уровень стресса и тревоги, а это негативно сказывается на психическом здоровье. Люди, испытывающие «молчаливые несправедливости», могут страдать от низкой самооценки, чувства неполноценности и даже депрессии.

Важным моментом на пути к минимизации неравенства в обществе является, в первую очередь, информированность населения о различных формах неравенства и предвзятости, данное обучение помогает развивать критическое мышление и осознание своей роли в данном процессе. Также обеспечение платформ для обсуждения вопросов неравенства и предвзятости позволят людям выражать свои мысли и переживания без страха осуждения. Уменьшить неравенство поможет активная защита прав тех, кто сталкивается с «молчаливыми несправедливостями», т.к. именно она помогает создать культуру поддержки и солидарности. В целом, борьба с «молчаливыми несправедливостями» - это усердие каждого, ведь для создания более справедливого общества требуется не только оказание соответствующей информированности о данной теме, но и личное поведение любого индивида. Каждый шаг, пусть и небольшой, может привести к значительным изменениям.

Таким образом, неравенство и «молчаливые несправедливости» остаются актуальными и сложными проблемами современного обще-

ства, оказывая влияние на все аспекты жизни — от экономики до психического здоровья. Осознание их существования, а также понимание механизмов, способствующих их распространению, является важным шагом к созданию более справедливого мира.

Библиографические ссылки

1. *Куракин, Д. Ю.* Механизмы социального неравенства: от распределения ресурсов к «молчаливым несправедливостям» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 167–231.

2. *Вороненко, А. И., Тишкевич, М. Я.* Социальная структура и стратификация: проблема социального неравенства : практическое руководство. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. 43 с.

3. *Платон.* Государство. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1994. Т. 3.

4. *Гоббс, Т.* Левиафán, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 502 с.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЧУВСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М. Д. Рябова; В. В. Семёнова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, eco.semenovaVV@bsu.by*

Научный руководитель — О. В. Курбачёва, кандидат философских наук, доцент.

Для анализа влияния глобализации на демократизацию чувств авторы обращаются к работе выдающегося социолога современности Э. Гидденса «Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь». В статье рассматривается трансформация институтов семьи и брака, гендерных ролей и стереотипов, связанных с ними. Особое внимание уделяется переходу от патриархальных отношений к партнерским, основанным на взаимном согласии и равноправии. Анализируются новые тенденции, такие как чайлдфри и «чистые отношения».

Ключевые слова: глобализация; традиционная семья; сексуальность; демократизация чувств; демократия.

Впервые термин «глобализация» был употреблен Р. Робертсоном в 1983 году, однако более десяти лет с тех пор оставался вне поля зрения научного сообщества [2]. Сегодня повсеместное распространение термина свидетельствует о масштабе явления, которое он характеризует. С философско-методологической точки зрения, глобализация представляет собой процесс универсализации, формирования единых для всей планеты структур, связей и отношений в различных аспектах общественной жизни [3]. Этот всеобъемлющий и динамичный процесс оказывает влияние на все сферы человеческого существования, включая эмоционально — общественную жизнь, где, как отмечает Энтони Гидденс, глобализация выступает в роли «вихря перемен», от которого невозможно уклониться.

Современное общество претерпевает существенные изменения, неразрывно связанные с глобализацией, а значительное внимание в рамках этих изменений притягивает к себе демократизация чувств — необходимый элемент трансформации общества, связанный с перестройкой межличностных отношений, семейных структур и повседневных традиций под влиянием глобальных изменений, направленный на переход от патриархальных, иерархических отношений к партнерским, основанным на взаимном согласии и эмоциональной открытости. И, если раньше такие социальные институты, как брак и семья, придерживались традиционной модели, а именно представляли собой «экономический союз» мужчины и женщины, в рамках которого не предполагался расцвет

плотской любви, то в современном обществе основу семьи и брака заложила идея романтической любви [1, с. 73].

Затрагивая тему брака, нельзя не упомянуть тенденции, связанные с понятием, затрагивающим личную и эмоциональную сферы жизни в разной степени и культурном контексте, но не уступающие в своей масштабности усилению международной экономической интеграции — сексуальность. В традиционной семье сексуальность была подчинена продолжению рода, и не только потому, что деторождение было неразрывно связано с долгом и предназначением каждой женщины, но также из-за невозможности рассматривать взаимосвязь мужчины и женщины с функционально другой стороны, кроме как путь к деторождению. Именно такое сочетание естественных факторов и заложенных традиций способствовало формированию дуалистического взгляда на женскую сексуальность, в то время как у мужчин во многих культурах интимные отношения поощрялись, вне зависимости от нахождения в браке. Это можно объяснить тем, что в традиционных обществах мужчины сыграли значительную роль в формировании социальных норм и институтов, включая брак, что способствовало укреплению их авторитета и власти.

Однако в настоящее время основой брака стали романтические отношения и эмоциональная связь партнеров, что кардинально повлияло на отношение к браку. Например, в традиционной семье супружеская пара являлась лишь структурной частью, а связь с детьми и другими родственниками порой имели большее значение. Теперь, когда отношения строятся на взаимном согласии и любви, пара занимает главное место в семейной жизни. Благодаря глобализации, как женская, так и мужская измена получают большую огласку, бракоразводные процессы упрощаются, люди более осознанно относятся к браку, что способствует исчезновению прежних деструктивных тенденций. Брак стал личным выбором каждого, а не социальной нормой или вынужденным поступком, способствуя большей свободе, гендерному равенству и значительному снижению насилия в семье. Смысл брака современности — публичное заявление о серьезных намерениях партнеров, официальное взятие ответственности и укрепление стабильности отношений.

Под влиянием процессов глобализации, отношение к детям и защите детей поменялось кардинальным образом. И причиной тому стала не столько глобализация, сколько переосмысление роли семьи в ее условиях. Опять же, на плечи традиционной семьи решение завести ребенка не ложилось тяжким бременем, а означало лишь экономическую выгоду и помощь в хозяйственной деятельности. Сейчас осознание людьми того, что к воспитанию ребенка нужно подойти ответственно не только финансово и психологически, но также и «отказаться» от личной свободы

во благо ребенка, породило явление, которое множество людей истолковывают по-разному: уход от ответственности, осознанный выбор или угроза демографии — чайлдфри. Данное явление означает сознательный отказ от рождения детей. Оно также связано с разрушением традиционности семейных отношений, которые предполагали продолжение рода, а смысл, заложенный в воспитание детей, состоял в удовлетворении родителей. В рамках традиционной семьи дети не рассматривались как отдельные личности, их существование было лишь частью экономической ячейки, которая предполагалась к созданию родителями. Конечно, это не означает то, что родители не любили своих детей, но прямо говорит о том неравенстве, которое существовало в традиционной семье, как для детей, так и для женщин. Несмотря на широко распространенную тенденцию чайлдфри в настоящем, решение завести ребенка не стало менее популярным. Оно лишь стало более четким и конкретным, чем раньше, ведь теперь ему не придается значение экономической выгоды для родителей, а в него всецело закладывается смысл, связанный с удовлетворением психологических и эмоциональных потребностей пары.

Гидденс выделяет три главные сферы, в которых эмоциональные контакты могут в той же степени заменить привычные связи в отношениях: любовные для пар, дружба, а также отношения родителей и детей. Отношения, основанные на эмоциональном контакте, который имеет достаточную ценность для их продолжения называются «чистыми отношениями» [1, с. 76]. Никто не утверждает, что данный тип отношений существует в реальности, ведь идея «чистых отношений» сама по себе является абстрактной, однако она раскрывает саму суть модели современных отношений между людьми во всех трех сферах, перечисленных ранее. Самые чистые и искренние отношения формируются именно тогда, когда эмоциональная связь и близость являются фундаментальными структурными частями, а не дополнением к «экономической» основе отношений. Традиционные отношения, которые строились именно на экономической составляющей не подразумевали активное доверие, открытость и уж тем более демократичный характер. Сегодня мы наблюдаем прямую корреляцию между демократией в отношениях и в обществе. Основа демократии заключается в свободе и равенстве, и это отмечали в своих трудах такие философы, как Аристотель («Политика») и Дж. Локк («Два трактата о правлении», 1690). Так и отношения, где партнеры равны по правам и обязанностям и царствует взаимное доверие и уважение, благодаря открытому диалогу, являются тем самым отражением основных ценностей политической демократии.

Глобализация не только трансформирует понимание институтов семьи и брака, но и оказывает глубокое влияние на гендерные роли и

идентичности. Традиционные представления о маскулинности и феминности, которые веками формировались в рамках патриархальных обществ, сегодня подвергаются переосмыслению под влиянием глобальных культурных потоков. Социальные сети, кино, музыка и другие формы массовой культуры транслируют новые модели поведения, отличающиеся от привычных норм.

Например, растет признание правом мужчины выражение эмоций и активное участие в воспитании детей. Больше не считается зазорным, если мужчина проявляет заботу, нежность и чувствительность. В то же время, женщина получает все больше возможностей для самореализации вне семьи, построения карьеры и достижения финансовой независимости. Женщины все чаще отказываются от традиционной роли домохозяйки и стремятся к равноправию, в том числе и в отношениях с партнером. Эти изменения, безусловно, влияют на межличностные отношения, способствуя распространению тенденции демократизации чувств. Однако есть и минусы этих новых тенденций, постепенно закладываемых в современное общество. В качестве примера можно привести возникающие в молодых парах конфликты, образующиеся на почве столкновения традиционных гендерных ролей и равноправия. Если в традиционной семье у мужчины и женщины были четко определены их обязанности, в частности, мужчина выполнял роль кормильца семьи, а женщина занималась домашним хозяйством и воспитанием детей, то сейчас распределение обязанностей в браке не всегда зависит от данной традиции. Проблема этих конфликтов заключается в том, что молодые люди часто приходят в брак с разными представлениями о семейных ролях, и если один партнер вырос в семье с традиционным укладом, а другой — в семье с равноправием, это может привести к несовпадению ожиданий. Еще одной коренной проблемой являются социальные стереотипы, ведь даже несмотря на растущую популярность равноправия, общество продолжает поддерживать традиционные роли. Широко распространены споры на тему того, что из-за работы женщины стали меньше времени уделять семье и воспитанию детей, что может негативно отразиться на семейной атмосфере, а также вызвать конфликты в браке. Однако не стоит забывать и того, что эти изменения приносят больше эмпатии и взаимопонимания между партнерами, позволяют им строить отношения на основе взаимного уважения и поддержки.

Глобализация значительно повлияла на расширение доступа к информации, что в свою очередь способствовало разрушению стереотипов и предрассудков традиционного общества прошлых веков. Люди получили возможность знакомиться с различными культурами, взглядами и жизненными опытами, что привело к расширению мировоззрения и бо-

лее глубокому миропониманию. Также появилась возможность более свободно выражать свои мнения и участвовать в общественных дискуссиях, что в свою очередь способствовало повышению осведомленности о правах и свободах человека. Кроме того, развитие цифровых технологий также предоставило новые возможности для самовыражения и творчества, позволяя людям делиться своими мыслями и чувствами с миром, находить единомышленников и образовывать новые, более сильные социальные связи.

Библиографические ссылки

1. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. / Пер. с англ. М. : Издательство «Весь Мир», 2004. 120 с.
2. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. Монография. 2-е изд., М. : "Проспект", 2013.
3. Кудряшова В.В., Марков В.В., Удачина Е.Б. Глобализация: понятие и роль в формировании единого учетного информационного пространства // Terra Economicus. 2011. Т. 9, № 3–2. С. 150–153.
4. Тер-Варданян А. А. Анализ видов демократии и её определяющей субстанции по Аристотелю [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vidov-demokratii-i-ee-opredelyayuschey-substantsii-po-aristotelyu> (дата обращения: 10.04.2025).

ФИЛОСОФИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

И. С. Теленченко¹⁾; А. А. Хромов²⁾

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Беларусь, ¹⁾ ivantelencenko4@gmail.com; ²⁾ antonkhromov1@gmail.com
Научный руководитель – Т. В. Иванова, старший преподаватель*

В публикации рассматриваются философские основания национализма, определяются особенности его интерпретации в рамках конструктивистского и примордиалистского подходов, а также анализируется значение названных подходов для понимания процессов формирования национальной идентичности и межнациональных отношений в условиях глобализации.

Ключевые слова: национализм; нация; национальная идентичность; примордиализм; конструктивизм.

Национализм представляет собой многогранное явление, объединяющее элементы идеологии, политики и национального самосознания. Его основой является признание ценности нации как единого целого, что делает его важным для формирования государственной идентичности. Для глубокого понимания национализма необходимо выделить такие ключевые компоненты, как нация, национальная идентичность и их связь с государственными структурами и политическими процессами.

Философские дебаты о национализме часто строятся вокруг противостояния двух концепций: примордиализма и конструктивизма. Примордиалисты считают нацию естественным и устойчивым образованием, основанным на культуре, языке и исторической памяти, а национальную идентичность — неотъемлемой частью человеческого самосознания. Конструктивисты, напротив, трактуют нацию как социальный конструкт, возникающий в результате исторических обстоятельств и политических решений. Они подчеркивают динамичный и изменчивый характер национальной идентичности, которая способна адаптироваться к новым условиям [1].

В политической философии национализм связывается с вопросами легитимности власти и государственного суверенитета. В условиях глобализации и миграции, подрывающих традиционные модели национального государства, возрастает значение анализа взаимодействия национализма с интернационализмом и космополитизмом.

Исторически национализм часто возникал как ответ на колониализм и империализм, выражая стремление к самоуправлению и независимости. Примеры борьбы за независимость в колониях и восстановле-

ние национальных государств после распада империй показывают его роль как движущей силы исторических изменений [3].

Вместе с тем национализм может принимать разные формы: от мирного самоопределения до экстремизма и ксенофобии, что требует осознанного и ответственного подхода к его идеям в политике. Сложность и многослойность национализма продолжают оставаться важными темами как для философского осмысления, так и для практической деятельности в современном обществе [2].

Как уже было упомянуто - национализм представляет собой сложное и многогранное явление. Оно возникло на основе разнообразных исторических и культурных предпосылок. Его истоки можно проследить в эпоху Просвещения, когда сформировалось стремление к самоопределению и созданию государства на основе нации как центрального элемента политической организации. Формирование национальной идентичности шло параллельно с развитием военных и экономических структур, укреплением связей внутри этнических групп на основе языка, культуры и истории. Эти процессы способствовали росту привязанности к территории и предкам, закладывая основы национализма. Индустриализация и модернизация усилили этот феномен: новые коммуникационные сети и массовые СМИ сыграли ключевую роль в распространении националистических идей и укреплении общей идентичности. Создание национальных мифов, символов и традиций стало важным инструментом консолидации общества. В разных странах национализм проявлялся по-разному — от культурных и либеральных форм до этнических и шовинистических, часто становясь ответом на вызовы глобализации и колониализма. Изначально воспринимаемый как прогрессивное движение, национализм со временем принял и радикальные формы, размывая границы между патриотизмом, шовинизмом и расизмом. Экстремистские проявления, такие как нацизм, показали, как идеи национализма могут использоваться для оправдания агрессии и дискриминации. Средства массовой информации активно распространяли националистическую риторику, формируя общественное мнение и укрепляя связь между индивидуальной и национальной идентичностью. Историческая эволюция национализма демонстрирует его глубокое влияние на политические движения и социальные процессы, способствуя как объединению, так и разделению обществ, что делает его изучение важным для понимания современных политических и культурных реалий [2].

Конструктивизм предлагает инновационный подход к анализу нации и национализма, противопоставляя себя примордиализму, который рассматривает нации как естественные образования. Конструктивисты, такие как Бенедикт Андерсон, Эрнест Геллнер и Эрик Хобсбаум,

утверждают, что нации возникают через социальные процессы. Бенедикт Андерсон в работе "Воображаемые сообщества" вводит понятие воображаемой общности, подчеркивая, что нации создаются через медиа, литературу и общий язык, а не существуют изначально. Эрнест Геллнер связывает появление национализма с развитием индустриального общества и необходимостью в единой культурной и образовательной системе, акцентируя внимание на динамичности наций, их способности изменяться под влиянием социальных и политических факторов. Критики конструктивизма, например, Каспар Хирши, считают, что этот подход недооценивает значение исторических и культурных корней, указывая на необходимость учитывать длительные исторические процессы. В советском пространстве конструктивистские идеи развивал В. А. Тишков, который подчеркивал роль социальных и политических факторов в формировании наций и выступал против восприятия их как неизменных образований. Конструктивизм рассматривает нации как результат комплексных взаимодействий, что особенно важно в условиях глобализации и современных вызовов. Это направление помогает переосмысливать вопросы идентичности, культуры и национальных конфликтов, предлагая более гибкий и динамичный подход к пониманию современного национализма [4; 8].

Примордиализм же в свою очередь, как философская концепция рассматривает нацию и национальную идентичность как изначально и неизменные элементы человеческого бытия. Этот подход, развивавшийся в рамках немецкого идеализма, утверждает, что нации и культурные идентичности не создаются историческими обстоятельствами, а существуют естественным образом, отражая глубинные человеческие связи. В отличие от конструктивистских теорий, примордиализм трактует нации как органические сообщества с внутренней целостностью, предшествующие современным государствам и культурным изменениям [7]. Критики указывают, что такой подход игнорирует сложность современных идентичностей и динамику культурных процессов. Однако примордиалисты настаивают, что национальная идентичность основана на устойчивых, глубинных связях, которые сохраняются даже в условиях социальных и политических перемен. Эти идеи часто используются для обоснования национального самоопределения, поскольку примордиализм рассматривает стремление к независимости как естественное право нации [8]. Несмотря на споры, примордиализм остаётся влиятельной теорией в исследованиях национализма и этничности. В условиях глобализации, миграции и межкультурного взаимодействия он предлагает перспективу для анализа устойчивых форм идентичности, сопротивляющихся внешним изменениям. В отличие от конструктивизма, акценти-

рующего социальное конструирование наций, примордиализм подчёркивает их историческую преемственность, что делает его важным инструментом для понимания этнополитических конфликтов и процессов самоопределения. Хотя не все учёные принимают примордиализм в чистом виде, его идеи продолжают влиять на дискуссии о природе нации, сочетая философские, антропологические и политические аспекты в изучении идентичности.

Сравнительный анализ конструктивизма и примордиализма помогает понять динамику формирования этнической идентичности и межгрупповых отношений. Примордиализм рассматривает этнические группы как вечные и объективные образования, укорененные в глубоком прошлом через язык, религию и территорию. Эти идентичности передаются из поколения в поколение, формируя устойчивое самосознание. В отличие от этого, конструктивизм трактует идентичности как динамичные и контекстно зависимые, создаваемые через социальные и политические взаимодействия. Согласно этому подходу, элиты могут манипулировать этничностью для достижения своих интересов. Оба подхода не исключают, а дополняют друг друга. Примордиализм объясняет устойчивость культурных и исторических корней, а конструктивизм — их изменчивость под влиянием внешних факторов. Например, на постсоветском пространстве историческая память (примордиализм) и современная политика (конструктивизм) совместно формируют этнополитические процессы. Таким образом, для полноценного анализа межнациональных отношений необходимо учитывать оба подхода. Примордиализм помогает понять глубинные основы идентичности, а конструктивизм — их адаптацию к текущим условиям. Это позволяет разрабатывать более эффективные стратегии управления этническими конфликтами, сочетая учет исторических корней и современных реалий.

Национализм, являясь сложным и многослойным феноменом, продолжает оказывать значительное влияние на процессы формирования идентичности и политических структур в современном мире. Философское осмысление национализма через призму конструктивизма и примордиализма позволяет глубже понять его природу, динамику развития и роль в исторических и современных контекстах. Конструктивизм акцентирует внимание на изменчивости и социальной природе наций, подчёркивая их зависимость от политических, культурных и экономических факторов. В то же время примордиализм напоминает о глубинных связях и устойчивости этнической идентичности, сохраняя актуальность в объяснении стремления народов к самобытности и самоуправлению.

Современные формы национализма, проявляющиеся в условиях глобализации, миграции и трансформации национальных государств,

демонстрируют необходимость комплексного подхода к изучению этого явления. Понимание взаимодействия между устойчивыми элементами культурной идентичности и динамическими процессами её конструирования позволяет более точно анализировать этнополитические конфликты, национальные движения и вызовы мультикультурного мира.

Таким образом, философия национализма не только помогает раскрыть механизмы формирования наций и идентичностей, но и предоставляет инструменты для поиска баланса между стремлением к национальному самоопределению и требованиями глобальной взаимосвязанности. В современных реалиях критически важным становится осознание двойственной природы национализма — как силы объединения и как потенциального источника конфликтов — что требует ответственного и вдумчивого подхода к его идеям и практике.

Библиографические ссылки

1. Философский национализм [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnick.ru/filosofiya/filosofskiy_nacionalizm/ (дата обращения: 10.04.2025).
2. Янченко О. А. Национализм в дискурсе современной философии: анализ теоретических концепций [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalizm-v-diskurse-sovremennoy-filosofii-analiz-teoreticheskikh-kontseptsiiy> (дата обращения: 10.04.2025).
3. Леонид С. Истоки национализма и его проявления [Электронный ресурс]. URL: <https://katehon.com/ru/article/istoki-nacionalizma-i-ego-proyavleniya> (дата обращения: 10.04.2025).
4. Шаров К.С. Конструктивистская парадигма в изучении национализма и национальных вопросов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivistская-paradigma-v-izuchenii-natsionalizma-i-natsionalnyh-voprosov> (дата обращения: 10.04.2025).
5. Конструктивизм (национализм) [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/конструктивизм_\(национализм\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/конструктивизм_(национализм)) (дата обращения: 10.04.2025).
6. Абрамов С.В. Концепция конструктивизма в исследовании национализма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2018-5/12-abramov.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).
7. Примордиализм [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения: 10.04.2025).
8. Тишков В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-primireнии-konstruktivizma-i-primordializma-ommazh-narodovedu-andreyu-vladimirovichu-golovnyovu> (дата обращения: 10.04.2025).

СЕКЦИЯ 2. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

РИСКОВАННОЕ МЫШЛЕНИЕ ИЛИ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (ПО Х. У. ГУМБРЕХТУ)

М. Н. Андриевская, Д. П. Жибуртович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, andrmaww@gmail.com*

Научный руководитель — О. В. Курбачёва, кандидат философских наук, доцент

Сегодня, когда в обществе всё чаще ценятся практичность, скорость и результат, гуманитарные науки сталкиваются с такими проблемными вопросами, как практикоориентированность, рентабельность и востребованность, а их важность всё чаще ставят под сомнение. Их влияние слабеет, а традиционные методы теряют прежнюю актуальность и продуктивность. В этой ситуации размышления Ханса Ульриха Гумбрехта о «рискованном мышлении» представляются не только своевременными, но и по-настоящему вдохновляющими. Он критикует чрезмерную строгость академической науки, стремление к морализаторству и постоянной интерпретации текстов. Гумбрехт предлагает рассматривать гуманитарные дисциплины как возможность развивать живое и яркое мышление, которое выходит за рамки стандартного и пробуждает эмоции. В данной статье рассматриваются основные моменты его концепции и значение его подхода для современной гуманитарной науки.

Ключевые слова: Ханс Ульрих Гумбрехт; гуманитарные науки; рискованное мышление; герменевтика; присутствие; академия; интерпретация; посткапитализм.

В современном обществе на первый план выходят практичность, быстрота и эффективность, гуманитарные науки всё чаще подвергаются сомнению, их упрекают в недостаточной практической направленности, низкой рентабельности и ограниченной востребованности. На этом фоне размышления Ханса Ульриха Гумбрехта о «рискованное мышлении» звучат не только актуально, но и вдохновляюще. Кто такой Ханс Ульрих Гумбрехт и что он предлагает?

Ханс Ульрих Гумбрехт — это профессор Стэнфордского университета, специалист по литературоведению, философии культуры и истории идей. Он известен своими работами по философии присутствия и критике традиционной интерпретативной модели. В интервью для Евгения Галёны, затрагивая тему «рискованного мышления», он предлагает пе-

реосмыслить предназначение гуманитарных наук – как сферу не только анализа, но и живого мышления [1].

Главным в его подходе становится понятие «рискованного мышления». Это мышление, в котором нет гарантии результата, но есть открытость к неожиданному, эстетическому, чувственному и непредсказуемому. Рискованное мышление – это акт, в котором невозможно точно знать, к чему ты придёшь. Оно требует мужества, потому что разрушает иллюзию безопасности, создаваемую строгими методами и системами.

«Думаю, что должно быть одно место в обществе, образовательное место, где создается более сложная картина мира, сохраняющая возможности для альтернативной точки зрения» [2].

С этим трудно не согласиться, живое мышление действительно редко можно вписать в заранее придуманные рамки. А вся его сила и суть – непредсказуемость, способность удивлять и увлекать, Гумбрехт утверждает, что гуманитарии должны перестать бояться быть непонятыми, выйти из зоны комфорта и опять сделать гуманитарное мышление захватывающим.

Почему сегодня встаёт вопрос о роли гуманитарных наук?

Мы живём в эпоху технологий, ускоренного ритма жизни и ориентации на практическую пользу. В обществе, где ценят полезность, эффективность и результаты, гуманитарные науки часто становятся в позицию, когда приходится оправдываться. Их часто обвиняют в отсутствии конкретной пользы, потому что они не всегда могут предоставить осязаемый результат.

Как писал Ханс Ульрих Гумбрехт, сегодня гуманитаристика сталкивается со снижением интереса как со стороны студентов, так и со стороны общества в целом. В ВУЗах США, откуда и пишет Ханс, в последние годы наблюдается значительное снижение числа студентов, которые выбирают гуманитарные дисциплины. Он с горечью говорит: «Гуманитаристика, кажется, превратилась в “болото обид и недовольства”», и это связано не только с внешними факторами, но и с внутренним кризисом мышления человека [1, с.17].

Гуманитарные знания перестали быть территорией авантюры и дерзости, они стали предсказуемыми, дисциплинированными, управляемыми. Исследования зачастую проводятся по определенным устоявшимся шаблонам, чтобы соответствовать бюрократическим и академическим требованиям. В результате чего интеллектуальное воображение сужается, а сама наука теряет свой дух и шарм.

Гумбрехт выделяет несколько основных моментов, которые делают гуманитарные науки особенно уязвимыми:

1.Переизбыток интерпретации – акцент объяснения смысла, который как бы скрыт в тексте или объекте изучения. Из-за этого возникает ощущение замкнутого круга. Как отмечает Гумбрехт:

«Современная литература отнюдь не плохая, но то, что производится в настоящее время, производится на запрос потребителя» [1].

2.Наука превратилась в рутину – исследования становятся научным ремеслом, где требуется соблюдать стандарты, написание правильных и нормированных текстов, а не создание по истине интеллектуальных событий.

3.Зависимость от административной структуры – бюрократизация университетов подчиняет гуманитарные науки логике менеджмента и отчётности, разрушая спонтанность и риск.

4.Морализаторская тенденция – вместо критического и независимого мышления, часто наблюдается желание занять правильную этическую позицию, что ведёт к поверхностной гуманитаристике.

С одной стороны, гуманитарное образование, несмотря на критику, сохраняет свою уникальную ценность. Оно помогает формированию широкого кругозора, развивает навыки аналитического и критического мышления, а ещё позволяет лучше понять человеческую культуру и природу. Многие гуманитарные дисциплины продолжают вдохновлять на новые открытия и идеи, объединяя традиции и современные подходы.

С другой стороны, не стоит закрывать глаза вызовы, с которыми сталкивается современная гуманитаристика. Акцент на стандартизацию и бюрократизацию действительно может угрожать свободе исследования и творчеству. Но вместо категоричного подхода важно искать баланс: признавать сильные стороны системы и продолжать работать над устранением ее недостатков. Такой подход создаст условия для сохранения уникальной роли гуманитарных наук и укрепления их значимости в современной культуре.

Рискованное мышление, по мнению Гумбрехта, включает в себя:

1.Интеллектуальную смелость – отказ от гарантированной научной правильности в пользу свежих и рискованных, возможно провокационных идей.

2.Телесность и присутствие – внимание не только к смыслу, но и к влиянию, вызываемому текстами, объектами и явлениями культуры.

3.Стилистическую индивидуальность – стиль, как часть содержания. Мышление должно быть не только содержательным, но и выразительным.

4.Эстетическую плотность – возможность гуманитарной науки создавать эффект наравне с искусством.

Вместо смысла – присутствие

Гумбрехт известен своей концепцией «производства присутствия», где гуманитарные науки не столько объясняют смысл, сколько создают поле яркого опыта. Он сравнивает два подхода:

1.Герменевтический – "Что это значит?"

2.Присутствие – "Как это на меня воздействует?"

Гуманитарное знание сближается с искусством, оно не столько объясняет, сколько заставляет почувствовать и сопереживать. В мире, насыщенном информацией, всё чаще встречается потребность в опыте, контакте с реальностью, а не только в её описании.

И в завершение, Гумбрехт предлагает вернуть гуманитарным наукам их первоначальную энергию – энергию свободы, игры, мышления на грани. Гуманитарий должен стремиться становиться не просто исследователем или моралистом, а интеллектуальным авантюристом, который способен на смелые шаги и радикальные жесты.

«Я думаю, что в нынешней ситуации [скуки в жизни современного человека] есть хорошая возможность для гуманитаристики: она может вмешаться и внести свой вклад, сделав жизнь людей более интенсивной» [1, с. 20].

Значение гуманитарных наук в XXI веке – не в том, чтобы воспроизводить знания или выполнять социальный заказ, а в том, чтобы расширять горизонты мысли, переживания и культуры, использовать «рискованное мышление». Мы можем, и наверно, должны согласиться с тем, что «рискованное мышление» дает гуманитарным наукам их настоящий масштаб и силу.

В то же время стоит задуматься: является ли предложение Гумбрехта абсолютным спасением для гуманитарных наук в современном мире? Несмотря на свежесть и живость этой концепции, она может оставаться уязвимой. Призывая к отказу от стандартизированных форматов и строгих интерпретаций, «рискованное мышление» может оказаться слишком неопределённым применением. Оно требует высокой внутренней свободы, чего сложно достичь в условиях давления институтов. Далеко не все исследователи готовы к тому, чтобы полностью отказаться от опоры на готовые научные работы или известные результаты. Важно сохранять баланс между интеллектуальной свободой и ответственностью перед академическим сообществом.

Также нельзя забывать о том, что гуманитарные науки играют ключевую роль в формировании гибких навыков (soft skills), востребованных в современном мире. В мире, где ни один профессионал не может полагаться исключительно на технические навыки (hard skills), всё большее значение приобретают навыки критического мышления, коммуникации, эмпатии, креативности, самоанализа и адаптивности – все

они формируются в том числе в гуманитарной образовательной среде. Изучение философии, истории, литературы, искусства и культурологии развивает способность видеть картину шире, понимать контекст, слушать и слышать другого, находить нестандартные решения.

Библиографические ссылки

1. Гумбрехт, Х. У. «Башня из слоновой кости»: о будущем гуманитарного образования // The Journal of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series "Theory of Culture and Philosophy of Science". 2017. С. 13–26.

2. Галёна Е., Гумбрехт Х. У. «Башня из слоновой кости»: о будущем гуманитарного. Знания [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/138_nlo_2_2016/article/11852/ (дата обращения: 01.04.2025).

3. Гумбрехт, Ханс Ульрих [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%83%D0%BC%D0%B1%D1%80%D0%B5%D1%85%D1%82,_%D0%A5%D0%B0%D0%BD%D1%81_%D0%A3%D0%BB%D1%8C%D1%80%D0%B8%D1%85 (дата обращения: 02.04.2025).

4. Коппел-Ковтун С. От эдиповой герменевтики – к философии присутствия [Электронный ресурс]. URL: <https://koppel.pro/guest/ot-edipovoi-germenevtiki-k-filosofii-prisutstvia-9224> (дата обращения: 02.04.2025).

ИСКУССТВО ЛЮБВИ В ГУМАНИСТИЧЕСКОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ Э.ФРОММА И СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Э. В. Анищенко¹⁾, А. А. Мармыш²⁾

*Белорусский государственный университет транспорта, ул. Кирова, 34, 246653,
г. Гомель, Беларусь, ¹⁾sifgwk14@gmail.com, ²⁾Akimir77@mail.ru
Научный руководитель – О. В. Низова, старший преподаватель*

Статья исследует концепцию любви Э. Фромма через призму его биографии и философских идей, изложенных в работе «Искусство любить». Особое внимание уделяется проверке актуальности идей Фромма в современном мире; через опрос разных поколений выявлено, насколько его взгляды сохраняют значимость в эпоху цифровых отношений.

Ключевые слова: концепция любви; забота, ответственность; осознанная любовь; эротическая любовь.

Любовь — слово, наполненное множеством смыслов и уникальными личными переживаниями: например, эротическими влечениями и страстью, нежностью и заботой, преданностью, жертвенностью, радостью или трагизмом. Но кроме эмоций и чувств любовь может подразумевать осознанный выбор и ежедневный труд. Именно такую сторону любви смог описать представитель гуманистического психоанализа немецкий философ и социолог Э. Фромм. Его концепция любви формировалась под влиянием разных факторов: личного опыта, психоаналитической практики и социально-философских исследований.

В работе «Искусство любить» (1956) Фромм определяет любовь не как пассивное чувство, а как активный процесс, требующий осознанных усилий и развития определённых качеств, таких как забота, ответственность, уважение и знание [1, с.17]. Эта идея противостоит традиционным романтическим представлениям о любви как о спонтанном и неконтролируемом переживании. Именно этот целостный подход и практическая ценность сделали работу Фромма актуальной на протяжении десятиков лет, включая эпоху поверхностных цифровых связей.

Фромм выделяет несколько типов любви: эротическую, братскую, материнскую и любовь к Богу [1, с. 45-52]. Каждый из этих типов имеет свои особенности, но все они основаны на общих принципах: активности, отдачи и принятия. Например, материнская любовь, по Фромму, является альтруистичной и бескорыстной, что формирует у ребёнка базовое доверие к миру [1, с.52]. Однако в его жизни роль его собственной матери была сложной и противоречивой, что оказало значительное влияние на его личность и последующие психологические теории.

Эротическая любовь, напротив, избирательна и требует глубокой эмоциональной и интеллектуальной близости [1, с.64]. Брак Э. Фромма с Хенни Гурланд особым образом отразился на его концепции любви, поскольку мыслитель был глубоко привязан к своей супруге. Когда выяснилось, что она тяжело больна и что для поддержания её жизни необходим переезд из США в Мексику, то философ оставил свою карьеру, которой так дорожил, и отправился со своей женой в другую страну, где она впоследствии скончалась [2]. Смерть Х. Гурланд побудила Фромма углубиться в личные размышления о жизни и смерти, что нашло выражение в его поздних работах. Он продолжал писать и выступать, но его работы стали в большей степени отражать его личный опыт, что свидетельствует о том, как переживания и утраты могут влиять на творчество и мировосприятие человека.

Согласно концепции философа "духовная любовь" или "любовь к Богу" - высшая, духовная любовь, прародительница всех остальных видов любви. Этот концепт, имеющий параллели с юнговскими архетипами коллективного бессознательного [3, с. 89], включает "любовь к природе, человеческой сути и тайне Вселенной." (Известен тот факт, что дед и дядя Фромма были выдающимися раввинами, а сам он в юности глубоко интересовался иудаизмом, что заложило основу его более поздних размышлений о вере [4]).

Э. Фромм выделяет несколько ключевых аспектов и качеств, необходимых для настоящей любви: забота, ответственность, уважение, знание, дисциплина, терпение. Все эти элементы составляют основу настоящей любви, которая не ограничивается романтическими отношениями, но охватывает все сферы человеческих взаимодействий- от дружбы до любви к себе. Данные качества нужно развивать, так как через осознанное усилие можно достичь глубокой и истинной любви.

Одним из ключевых моментов концепции Фромма является идея о том, что любовь требует активного участия. Он подчеркивает, что для того, чтобы любить, нужно быть готовым отдавать часть себя, заботиться о другом человеке и принимать его таким, какой он есть. Это предполагает не только эмоциональную привязанность, но и готовность к пониманию и принятию другого человека со всеми его недостатками. Фромм также говорит о том, что современное общество часто искажает понятие любви [5, с. 54]. В условиях потребительской культуры любовь может восприниматься как товар, который можно приобрести или продать. Это приводит к поверхностным отношениям, основанным на выгоде [6, с.33], а не на глубоком взаимопонимании и уважении [7, с. 112]. Фромм предупреждает о том, что такая любовь неспособна приносить истинное счастье и удовлетворение.

Для Э. Фромма любовь к отдельному человеку и любовь к человечеству были глубоко взаимосвязаны. Он считал, что подлинная любовь — будь то к партнеру, другу или даже к самому себе — естественным образом расширяется, превращаясь в гуманистическую заботу о мире. В своей работе «Искусство любить» Фромм подчеркивал: настоящая любовь не замыкается в узких рамках личных отношений, а становится фундаментом ответственности перед обществом.

Кроме того, он акцентирует внимание на важности любви к себе: без способности любить себя невозможно по-настоящему любить других. Любовь к себе не должна восприниматься как эгоизм; скорее, это основа для здоровых отношений с окружающими [1, с.103]. Только приняв себя, человек может открыться для любви к другим.

Любовь — это чувство, о котором люди размышляют, приобретая многообразный опыт любовных отношений, поэтому мы решили провести анкетирование, приняв за основу концепцию Э. Фромма и попробовали проанализировать представление о любви у разных поколений.

В нашем опросе приняло участие 90 человек. Мы поделили опрошиваемых на несколько возрастных категорий: юность (18-20 лет), молодость (20-30 лет) и зрелость (30- 55). По результатам выбора респондентами подходящего определения любви нами был сделан вывод, что определение любви Э. Фромма: «Любовь- это союз с кем-то или с чем-то за пределами себя при условии сохранения собственной отдельности и целостности» - нашло отклик и у юного, и у молодого, и у зрелого поколений, так как 71% респондентов выбрали это определение из всех предложенных. Это говорит о том, что основная мысль книги актуальна до сих пор.

72% из числа опрошенных согласились с тем, что любовь требует сосредоточенности, дисциплины и терпения. Полагаем, что это свидетельствует о том, что люди в трех поколениях серьезно относятся к построению романтических отношений.

Нас заинтересовали результаты ответов на вопрос о возможности людей научиться любить, так как мы считали, что поколения сойдутся во мнениях, однако мы получили другой результат: 64% представителей юного и молодого поколения считают, что любви можно научиться, в то время как 60% представителей старшего поколения ответили, что умение любить - это врожденная способность. Данный результат говорит о том, что старшее поколение не считает любовь первостепенной целью в жизни, о чем свидетельствует 66% от положительных ответов на соответствующий вопрос. А молодое поколение, наоборот, ищет удовлетворения эмоциональных потребностей, таких как поддержка, забота, нежность, стабильность и рассчитывает на построение семейных отно-

шений. Этот вывод сделан на основе вопроса о возможности представить собственную жизнь без романтических отношений: 51% представителей молодого и 45% представителей юного поколения не смогли бы удовлетворять свои эмоциональные потребности самостоятельно, тогда как 52% старшего поколения воздержались от ответа.

Наши ожидания оправдал положительный ответ 72% респондентов на вопрос о допущении независимости партнёров в отношении финансов, досуга и пр., что соответствует концепции любви Э. Фромма, подчеркивающей важность сохранения личности каждого из партнёров.

Если учесть общее количество ответов на вопрос, сформулированный на основе цитаты Э. Фромма: "Отдавать - значит в высшей степени проявлять свою состоятельность. В самом этом акте я проявляю свою силу, свое богатство, свою власть", то можно сделать вывод, что люди не согласны с этим утверждением. Однако если углубиться в результаты и рассмотреть отдельно по возрастным категориям, то можно увидеть следующие числа: 43% представителей молодого поколения ответили положительно, соглашаясь с данной цитатой, 57% отрицательно; 48% старшего поколения ответило положительно, 52% отрицательно, а также 45% юного поколения согласны и 55% не согласны.

На основе анализа ответов на вопрос о необходимости выражения внимания посредством подарков, стало ясно, что в основном все три поколения сходятся во мнении, что дарить подарки нужно (97%), однако есть расхождения в выборе мотивов для этого: 50% из числа опрошенных считают, что это необходимо делать по собственному желанию, 23% - что по желанию возлюбленного (-ой), а 24% и вовсе считают это своей обязанностью. Мы можем сделать вывод, что идея Фромма о необходимости подарков актуальна, но она видоизменилась для современного поколения.

Удивление вызывает тот факт, что старшее поколение не готово продолжать романтические отношения с человеком, страдающим от лудомании/наркомании/склонности к алкоголю. Его представители считают, что человек должен самостоятельно бороться с зависимостью: об этом свидетельствуют 57% ответов. При этом большая часть юного поколения согласилась продолжать отношения и помогать зависимому человеку избавиться от вредной привычки (82%), молодое же поколение затруднилось ответить (45% положительно и 55% отрицательно). По нашему мнению, это объясняется тем, что современная поп-культура в фильмах и видеоклипах романтизирует вредные привычки. Помимо этого, можно сослаться на неготовность к самопожертвованию.

Среди предложенной литературы о любви опрашиваемые отдали предпочтение книге Х. Фишер "Почему мы любим: природа и химия

романтической любви"(14%), однако книга Э. Фромма "Искусство любить" незначительно уступила ей, собрав 13%. После книги Эриха Фромма следуют книги «Отношения любви. Норма и патология» (11%) и «Любовь и воля» (7%) . К сожалению, многие считают литературу о любви неинтересной и бесполезной, так как большая часть голосов была отдана именно этому варианту (35%).

На основании опроса мы сделали вывод, что многие мысли Э. Фромма актуальны до сих пор: например, мысль о том, что любовь подразумевает сохранение индивидуальности партнёров, заботу, верность, безопасность и надёжность, а также идея Фромма о том, что любви необходимо учиться и что её не стоит смешивать с мимолётным чувством влюблённости. Однако поколения сменяются, и теперь людям нужны гарантии взаимности, поэтому отдавать себя без остатка они не собираются, им важнее не просто любить, но и быть любимыми в ответ. Это говорит о том, что идея Э. Фромма о любви к себе по-прежнему актуальна, но она терпит метаморфозы из-за смены ценностей.

Библиографические ссылки

1. *Фромм, Э.* Искусство любить. М. : АСТ, 2018. 218 с.
Erich Fromm (1900-1980) | Daily Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <https://daily-philosophy.com/erich-fromm-1900-1980/> (дата обращения: 16.04.2025).
2. *Юнг, К.Г.* Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 290 с.
3. Понятие любви в теории Эриха Фромма [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/71081/> (дата обращения: 16.04.2025).
4. Эрих Фромм – биография и философия психолога [Электронный ресурс]. – URL: <https://biographe.ru/uchenie/erich-fromm/> (дата обращения: 16.04.2025).
5. *Illouz, E.* Why Love Hurts. Polity Press, 2012. 521 p.
6. *Фромм, Э.* Бегство от свободы. М. : АСТ, 2019. 320 с.

УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ В ФИЛОСОФИИ АВГУСТИНА БЛАЖЕННОГО

А. П. Атливанчик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, apatlivanchik02@gmail.com
Научный руководитель — И. Ю. Никитина, кандидат философских наук, доцент.*

Предметом исследования этой работы выступает учение о человеке в философии Августина Блаженного. Человек рассматривается Августином Блаженным как один из важнейших элементов эманации божественного замысла. Произведен анализ переосмысления и апологетики христианских положений о человеке. Рассматривается проблема свободы воли, соотношение веры и разума, бога и человека.

Ключевые слова: Августин Блаженный; человек; Бог; свобода воли; вера; разум; божественный замысел.

Учение о человеке является одной из главных составляющих философской системы Августина Блаженного, поскольку в своей философской антропологии А. Блаженный основывается на предписаниях христианского канона, согласно которому человек является наивысшим и совершенным творением Бога, созданным по его образу и подобию. Также философ признает христианский постулат о том, что после первогреха (когда Ева ослушалась Адама) природа человека изменилась, став онтологически склонной к греху, что и повлекло в дальнейшем ниспровержение Адама и Евы из рая и страдательно-искупительное бытие человека в имплицитно метафизическом смысле, направленное на искупление грехов, познание и восхождение к Богу.

При этом в своей философской антропологии Августин Блаженный стремится эксплицировать и редуцировать те проблемные поля, связанные с человеческой сущностью и ее качественными характеристиками, на которые каноничное христианское учение не предоставило логически завершенные, приведенные в единую систему и тождественные по своей сути с божьей истиной, инкрустированной в саму суть действительности, а лишь создало общие фундаментальные предпосылки, имплицитно содержащие в себе сущность христианского учения, редуцирование которых можно вывести в представленную выше завершенную логическую систему. Итак, такими проблемными полями А. Блаженный определяет вопрос о сущности и предназначении человека, а также вопрос о познании Бога человеком и причины человеческого злодеяния в мире, рассмотрениями которых мы сейчас займемся. Затрагивая вопрос о сущности и предназначении человека, философ считает, что человек, будучи

сотворенным господом, был наделен им всеми необходимыми характеристиками и качествами для того, чтобы осуществить и исполнить свое истинное онтологическое предназначение, которое является высшим смыслом человеческого бытия, приписанное Богом человеку. А именно Бог наделил всеми необходимыми физическими, умственными и волевыми качествами человека для того, чтобы он смог в своей глубоко экзистенциальной духовной редукции узреть Бога и отголосок его божественного замысла, и уже посредством этого осознания, используя качественные характеристики, осуществить свое предназначение, являющееся своего рода партикулярным проявлением божественного замысла в материальном мире. По крайней мере, Августин Блаженный говорит о том, что Бог наделяет человека такими характеристиками, которые позволили бы человеку при соблюдении долженствующего божественного предписания развиваться и эволюционировать до той степени, которая позволила бы человеку узреть Бога в акте духовной экзистенциальной редукции в тех границах, в которых Бог представляется в постижении человека.

Таким образом, Августин Блаженный постулирует, что Бог наделяет человека всеми нужными качествами как в потенциале, так и в завершенной актуализации, позволяющие ему стать на путь истинной веры, ведущей к созерцанию и познанию божественной сути, доступной человеку (именуемой общим благом), что и является главенствующим смыслом жизни человека «Чтобы сделать богами тех, кто были [всего лишь] людьми, сделался человеком тот, кто был Богом» [1, с. 41].

Высшим и главным смыслом человеческого существования, как было ранее сказано, является, согласно философу, постижение и вознесение к Богу, поскольку он является высшим метафизическим абсолютом, представляющим собой смысл самой реальности – высшее благо, а поскольку все в мире стремится к высшему благу, то и человек по своей сути интенционален по отношению к достижению высшего блага «Бог есть высшее Благо во всех отношениях, лучше чего ничего не может быть или мыслиться» [2, с. 20]. «Не выходи вне себя, вернись к самому себе, ибо истина обитает во внутреннем человеке. И если ты найдешь свою природу изменчивой, выйди за пределы и самого себя... Стремись туда, где сияет сам свет разума» [3, с. 119].

Однако после грехопадения природа человека и ее главный атрибут (свобода воли) были деформированы, вследствие чего люди стали склонны к греху. При этом Августин Блаженный говорит о том, что, стремясь к Богу, веря в него, следуя его предписаниям и не основываясь в своих действиях на стремление достичь после смерти вечное удовольствие на небесах и избежать кары божьей, поскольку такое стремление,

по мнению философа, сугубо прагматично и лишено истинной интенциональности к Богу, восходящей к глубокой духовно-сакральной осмысленности, человек может нивелировать свою грешную природу. В конечном счете это приведет к искуплению грехов и дарованию от Бога божественной благодати, позволяющие вернуть онтологическое совершенство человеческой природы, т. е. осуществить божественный замысел, являющийся высшим смыслом жизни человека и его высшим благом. «Спасение <...> совершается по благодати или предопределению Божьему» [1, с. 257]. При этом, согласно А. Блаженному, это становится возможным только при условии истинного постижения и осмысления Бога, которое доступно и дозволено только человеческому разуму в процессе глубокой духовно-экзистенциальной редукции, рассмотрение которой мы затронем в связке с проблемой познания и осмысления Бога.

Так, проблема познания Бога и соотношения веры и разума как методов познания является одним из главных дискурсов, поднимающихся как философская антропология Августина и вся его философская система в целом. Как уже было упомянуто, главная цель человеческого существования – это постижение и приближение к Богу. Осуществить такого рода действие человеку предстоит, используя такие онтологические познавательные качества, присвоенные ему Богом, как разум и вера.

Философ говорит, что разум и вера есть две необходимые составляющие для первичного познания Бога. Таким образом, по его мнению, вера выступает как способность человека к признанию по отношению к выявленным свойствам и закономерностям действительности, т. е. вера признается как способность человека признавать действительным объект рационально-интенциональной духовной редукции. В тоже время разум является рационально-духовным способом познания действительности, нацеленным на нахождение и постижение свойств и закономерностей действительности.

Исходя из этого, Августин Блаженный утверждает, что по своей сути вера и разум не противоположны друг другу, а являются взаимодополняющими дефинициями. «Вера вопрошает, разум обнаруживает <...>: если не уверуете, не уразумеете» [1, с. 37]. Так, разум есть способ познания, способный вычленять истину из действительности, а вера же способ духовной легитимизации и признания данной истины с целью следования ей «Вера, если не осмыслена, ничтожна» [3, с. 41]. Поэтому, как говорит философ, для полноценного постижения действительности нельзя в этом действии пренебрегать ни разумом, ни верой.

Однако истинное и должное постижение Бога не исчерпывается дихотомией разума и веры. Августин Блаженный считает, что познавательный потенциал человека намного меньше по отношению к возмож-

ности познания сущности Бога, и поэтому постижение с помощью разума и веры недостаточно, поскольку разум отвечает за рациональное осмысление тех постулатов, в которые верит человек, однако данными постулатами не исчерпывается описание сути Бога. «В природе человека нет ничего выше ума. Но не по уму ему следует жить, если он хочет быть счастливым; иначе он жил бы только по-человечески, тогда как мы должны жить по-божески, чтобы достичь счастья. Ума его ему недостаточно, и он должен подчиниться Богу» [4, с. 223]. Следовательно, философ утверждает, что истинное познание Бога может осуществляться только в процессе божественной эманации в разуме человека, которая вызывается посредством глубочайшей сакрально-духовной интенциональности к Богу, исходящей из самой души человека по причине осознания и осмысления необходимости истинного постижения Бога, выведенной из рационально-постигательной духовной редукции самой действительности.

Таким образом, согласно Августину, когда человек осознает необходимость истинного постижения Бога в процессе духовной редукции, выявляющей так называемый божественный алгоритм, в сути которого имманентно прописано истинное познание Бога, он осуществляет глубокую экзистенциально духовную интенциональность к Богу, что и приводит к божественному откровению, являющемуся актом эманации божественной истины в разуме человека.

Однако Августин в своей философской антропологии задается вопросом: почему же все-таки люди не всегда стремятся осуществить свою онтологическую сущность, приписанную им самой сутью действительности (Богом). Пытаясь ответить на этот вопрос, А. Блаженный приходит к выводу, что причина этому кроется в такой качественной характеристике человека, раскрывающей сущность человеческого существования, как свобода воли. Согласно Блаженному Августину, всем людям с рождения онтологически присуща свобода воли. Однако в отличие от другого христианского мыслителя Пелагея, философ считает, что после грехопадения Адама и Евы природа человека, как было сказано ранее, была деформирована, вследствие чего свобода воли потеряла свой абсолютный статус, т. к. после грехопадения природа человека стала греховной и по этой причине человек стал склонен ко злу. А поскольку абсолютная свобода воли предполагает полное детерминирование абсолютной воли субъекта, являющейся следованием, принятым в акте чистой духовной редукции интенций над принятием решения, то любые склонности и эффекты, которые вносят акт бифуркации в процесс духовной редукции и процесс ее осуществления, делают свободу воли че-

ловека неполноценной и детерминированной внешними и акциденциальными факторами.

Однако, как утверждает Августин Блаженный, тот первородный грех, который носит бифуркацию в стезю претворения свободы воли, не является главенствующей причиной почему люди совершают зло. Философ говорит, что даже при учете несовершенной свободы воли, Бог даровал человеку определенное качество и рождающиеся из него возможности для преодоления и нивелирования своей первоначальной грешной природы и для зарождения, исходящей из чисто выхолощенных устремлений человека посредством глубокой экзистенциальной редукции, совершаемой душой человека «Бог не требует невозможного» [5, с. 55].

Поэтому Августин Блаженный постулирует, что люди творят зло в большей степени не из-за первородного греха, инкрустирующего бифуркацию в идеальную свободу воли, а из-за отсутствия стремления души человека произвести глубокую духовно-экзистенциальную редукцию, в процессе которой открывается подлинное знание о мире (истина), а поскольку истина – это один из ликов Бога, то получится, что в процессе экзистенциальной духовной редукции человек придет к допустимому осознанию Бога и себя как его великого модуса. И таким образом, познав истину в лице Бога, человека придет к осознанию подлинности своей сущности и сущности мира, которой является интенциональность по отношению к Богу. «Те, которые думают, что всякое душевное зло происходит от тела, заблуждаются. (...) Не плоть тленная сделала душу грешной, а грешница-душа сделала плоть тленной» [3, с. 908].

Библиографические ссылки

1. *Блаженный Августин*. Об истинной религии. Минск : Харвест, 2018. 1280 с.
2. *Блаженный Августин*. Исповедь. СПб. : Азбука, 2022. 400 с.
3. *Блаженный Августин*. О граде Божием. Москва : Омега-Л, 2022. 1326 с.
4. *Селиверстов, В. Л.* Онтологический и антропологический аспекты проблемы существования зла в творчестве Блаженного Августина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения, 2007. 221–234 с.
5. *Суини, М.* Лекции по средневековой философии / Пер. А. К. Лявданского. Москва : Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. 320 с.

ФИЛОСОФИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ

В. В. Боброва

*Белорусский государственный университет, ул. Карла Маркса 31,
220050, г. Минск, Беларусь, viktoriakovaleva000@gmail.com
Научный руководитель – О. В. Курбачёва, кандидат философских наук, доцент.*

Актуальность поиска решений для балансировки социальных, экономических и экологических интересов с целью достижения устойчивого развития остается значимой на протяжении всей истории человека. Процесс устойчивого развития требует адаптации технологий к современным вызовам, и страны ШОС могут служить платформой для обмена опытом. Системное мышление необходимо для прогнозирования последствий изменений и принятия обоснованных решений.

Ключевые слова: концепция; устойчивое развитие; этика; глобальные процессы; локальные проблемы; стратегия.

Впервые концепция устойчивого развития, определяемая как процесс, который удовлетворяет «потребности нынешнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности», была изложена в 1987 году в Докладе ООН, подготовленном Комиссией Брундтланд [1, с. 6–9].

Глобальные проблемы устойчивого развития. Глобальные проблемы возникают из противоречий в социальной динамике и условиях её существования. Они появились задолго до глобализации, но стали более заметными с её развитием [2, с. 70–71]. К основным вопросам устойчивого развития относится разнообразный спектр проблем.

Угроза выживания из-за оружия массового уничтожения, особенно ядерного. Научно-технический прогресс привел к созданию опасных технологий, и, хотя некоторые ученые, как А. Д. Сахаров, осознавали риски и прекращали исследования, другие продолжали их, что привело к трагедиям, таким как Хиросима и Нагасаки. Уровень радиации на Земле сегодня значительно превышает показатели 1940-х годов [3].

Экологический кризис угрожает человечеству, сопоставимо с ядерным оружием. Техногенные катастрофы и загрязнение вредят планете. Необходимо изменить подход к природе как к ограниченному ресурсу.

Сохранение индивидуальности человека на фоне процессов отчуждения. В условиях зависимости от технологий и измененной окружающей среды личные желания и потребности формируются не самим человеком, а техносферой. Это приводит к изменению менталитета и может стать причиной серьезных последствий. Философ Г. Маркузе в 1960-х

годах предупреждал о возникновении «одномерного человека» [4], формируемого массовой культурой, что ведет к манипуляции сознанием и утрате способности рационально осмысливать свою жизнь [5, с. 99–105], [6, с. 143–152].

Глобальные проблемы устойчивого развития обсуждались многими философами, включая Аристотеля в «Никомаховой этике». Он исследует этику и мораль как основы взаимодействия человека с природой, подчеркивая связь добродетели, счастья и общественной жизни. Аристотель утверждает, что высшая цель человеческой жизни – счастье, или «эвдемония», достигаемая через добродетельное поведение. Он отмечает: «...назначение [человека] выполняется благодаря рассудительности и нравственной добродетели» [7].

Из отрывка следует, что «счастье – это конечная цель, ради которой мы делаем всё остальное». Для достижения устойчивого развития необходимо опираться на добродетельное поведение и рассудительность. Аристотель утверждает, что правильная цель достигается благодаря нравственным ценностям и разумным средствам, что подразумевает стремление к моральным и этическим стандартам, учитывающим интересы общества и окружающей среды. Аристотель также вводит понятие «золотой середины», где добродетель находится между крайностями – избытком и недостатком [7]. Например, смелость является добродетелью между трусостью и безрассудством.

Концепция золотой середины Аристотеля акцентирует важность баланса в решении глобальных проблем устойчивого развития. Устойчивое развитие требует умеренности между чрезмерной эксплуатацией ресурсов и их полным отказом. Например, экономический рост не должен угрожать экосистемам, а забота об окружающей среде не должна мешать социальному и экономическому прогрессу. Для достижения устойчивого будущего необходимо гармонично учитывать интересы общества, экономики и экологии, избегая крайностей.

Австралийский философ, профессор биоэтики им. Айры У. ДеКампа Принстонского университета Питер Сингер (род. в 1946 г.) является одним из ключевых мировых специалистов в области прикладной этики [8, с. 237]. Основная мысль работы Питера Сингера «Голод, богатство и мораль» (1972) заключается в том, что моральная философия должна активно участвовать в решении социальных проблем, а не ограничиваться формальным анализом этических норм [8, с. 238)]. Сингер подчеркивает необходимость соединения теории и практики, утверждая, что игнорирование этого аспекта делает философию инструментом для поддержания существующего порядка. Он отмечает: «...только обсуждения недостаточно. Какой смысл связывать философию с общественными (и лич-

ными) делами, если мы не принимаем всерьез собственные выводы?» [8, с. 239]. Это требует от индивидов готовности к жертвам ради изменений в обществе.

Питер Сингер утверждает, что глобализация изменила моральные обязательства людей, и в условиях «глобальной деревни» мы не можем игнорировать страдания и бедность других. Он подчеркивает, что, имея возможность удовлетворить свои базовые нужды и располагая лишними средствами, мы обязаны использовать их для борьбы с бедностью. Это моральный долг, который не зависит от действий других [8, с. 239-240]. Сингер призывает к активным действиям помощи нуждающимся и пересмотру образа жизни, который не может быть оправдан с этической точки зрения, если он игнорирует страдания других. Его аргумент подчеркивает важность помощи тем, кто страдает от крайней бедности, как составляющей морально ответственной жизни, хотя обязательство помогать зависит от личных норм каждого человека.

Таким образом, для обеспечения устойчивого будущего необходимо развивать стратегии, которые учитывают интересы общества, экономики и экологии, стремясь к гармонии между этими сферами и избегая крайних решений. Сочетание образовательных реформ с устойчивыми подходами может стать основой для гармоничного развития общества, где будут учтены интересы всех сторон. В условиях глобализации и взаимозависимости мира становится важным моральным долгом помогать нуждающимся.

Локальные проблемы устойчивого развития. В условиях растущей сложности и взаимосвязанности локальных проблем традиционные подходы часто оказываются неэффективными. Системное мышление становится необходимым инструментом для понимания и решения этих локальных проблем.

Алан Тьюринг, как один из основателей теории вычислений и искусственного интеллекта, подчеркивал важность понимания систем как целостных единиц. Для достижения устойчивого развития важно анализировать экосистему через призму взаимосвязей между её элементами. Эти идеи трактует и Донелла Мидоуз в своей книге «Азбука системного мышления» [9, 29 с.]: «Система – это не просто набор вещей. Система – это совокупность взаимосвязанных элементов, организованных определенным образом для достижения какой-либо цели. Из определения следует, что для описания любой системы необходимы три понятия: элементы, взаимосвязи и функциональное назначение (или цель)».

Системное мышление рассматривает каждое действие как часть широкой сети, помогая понять, как локальные действия влияют на глобальные процессы. Это подчеркивает ответственность каждого человека.

Алгоритмы оценки и мировоззрение оценщика играют ключевую роль в принятии решений при анализе экосистемных данных. Концепции Тьюринга показывают, что «вычисления и обработка информации могут быть использованы в прогнозировании изменений в экосистемах». Это поднимает вопросы интерпретации данных и этических решений. Важно учитывать, как информация может быть использована или искажена, что требует критического подхода к оценке данных. Мидоуз отмечает: «Системное мышление – очень важный инструмент в решении экологических, политических, социальных и экономических проблем» [9, 13 с.]. Таким образом, комплексный подход к анализу данных и этическое осмысление решений критически важны.

Идеи Тьюринга и Мидоуз о системах и информации помогают понять взаимодействия в экосистемах и нашу ответственность. Они служат основой для устойчивых стратегий, учитывающих научные и этические аспекты. Предлагая локальные решения для глобальных целей устойчивого развития, акцентируют внимание на разнообразии мнений и оценке данных. Важна рефлексия оценщиков для обоснованных решений, что создает инклюзивную среду для сотрудничества. Системное мышление выявляет взаимосвязи в экосистемах, помогает находить коренные причины проблем и учитывать множество факторов, что ведет к более эффективным решениям. Этот подход позволяет предвидеть влияние изменений и гибко реагировать на новые вызовы, углубляя понимание сложных взаимодействий и разрабатывая комплексные стратегии для достижения устойчивости.

Вывод. Эволюция устойчивого развития на глобальном и локальном уровнях критически важно для адаптации технологий к социальным, экономическим и экологическим вызовам. Страны ШОС могут стать платформой для обмена опытом в этой области. В условиях экономической трансформации инновации могут улучшить качество жизни и снизить негативное воздействие на экологию. Глобальные проблемы требуют стратегий, учитывающих интересы общества, экономики и экологии. Сочетание образовательных реформ с устойчивыми подходами обеспечит сбалансированное развитие. Важно осознавать моральный долг помогать нуждающимся, используя различные способы помощи. Системное мышление помогает предвидеть последствия изменений и принимать обоснованные решения. Философские идеи о заботе о локальных экосистемах подчеркивают нашу ответственность за природу и способствуют формированию устойчивых отношений с окружающей средой. Интеграция системного мышления может стать ключом к гармоничному взаимодействию человека с природой.

Библиографические ссылки

1. Brundtland, G. H., Mansour, K. World commission on environment and development 1987. Our common future [Электронный ресурс]. URL: https://www.alor.org/Storage/Library/PDF/Our_Common_Future_Brundtland_Report1987.pdf. (дата обращения: 15.02.2025).
2. Гезалов, А. А. Глобальные проблемы и их место в концепции устойчивого развития // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2009. №4. С. 70–80.
3. Бряник, Н. В. Общие проблемы философии науки / Словарь для аспирантов и соискателей. Екатеринбург : издательство Уральского университета. 2007. 318 с.
4. Маркузе, Г. Одномерный человек. М. : «REFL-book». 1994. 368 с.
5. Губанов, Н. Н. Роль менталитета в развитии общества // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2007. – № 1. – С. 99–105.
6. Губанов, Н. И. О природной, социальной и личностной обусловленности криминального поведения / Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов, А.Э. Волков // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 3. С. 143–152.
7. Аристотель. Никомахова этика [Электронный ресурс]. М. : «Издательство «ЭКСМО-Пресс»». 1997. URL: <https://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt> (дата обращения: 22.01.2025).
8. Верниковская, А. В. Моральная обязательность благотворительности и «Голод, богатство и мораль» Питера Сингера / А. В. Верниковская, А. А. Плешков // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 2. С. 237–253.
9. Медоуз, Д. Азбука системного мышления. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2018. 272 с.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

А. Е. Гулевич

*Белорусский Государственный Университет, Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kivisfriend@gmail.com
Научный руководитель — Е. Л. Терёхин, преподаватель.*

Рассматриваются основные аспекты «проблемы человека» в творчестве Ф. М. Достоевского на примере романа «Братья Карамазовы». Демонстрируется связь литературного наследия Ф. М. Достоевского с проблематикой философской антропологии и экзистенциализма. Тема связи свободы и ответственности обозначается как центральная в творчестве писателя.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; «Братья Карамазовы»; свобода и ответственность; всеобщая ответственность; проблема человека.

«Вероятно, не существует ничего, что было бы ближе человеку, чем сам человек, но в то же время нет ничего более загадочного, тайного и непроницаемого, чем человек, чем наша собственная сущность», как писал немецкий мыслитель Фриц Либ [1, с. 54]. Это наблюдение остаётся актуальным на протяжении всей мировой истории, так как человечество всегда пыталось понять и охарактеризовать себя. В результате зародилась проблематика философской антропологии. Фёдор Михайлович Достоевский — один из мыслителей, для творчества которых данная проблематика стала центральной.

Человек и его тайны стали творческим кредо для Ф. М. Достоевского. Ещё со своих первых работ, например, «Неточка Незванова», Ф. М. Достоевский пытался постичь тайны человеческой души. Н. А. Бердяев выразил это так: «Человек для Достоевского выше всякого дела, он сам и есть дело» [2, с. 11]. Также Н. А. Бердяев писал: «У Достоевского было одному ему присущее, небывалое отношение к человеку и его судьбе — вот где нужно искать его пафос, вот с чем связана единственность его творческого типа. У Достоевского ничего и нет кроме человека, все раскрывается лишь в нем, все подчинено лишь ему. Еще близкий ему Н. Страхов заметил: “Все внимание его было устремлено на людей, и он схватывал только их природу и характер. Его интересовали люди, исключительно люди, с их душевным складом, с образом их жизни, их чувств и мыслей”» [2, с. 6].

Ф. М. Достоевский является примером субъективного творчества: в идеологиях и мировоззрениях персонажей есть он сам. Так проявляется его собственное alter ego. «Все герои Достоевского — он сам, различная

сторона его собственного духа. Сложная фабула его романов есть раскрытие человека в разных аспектах, с разных сторон» [2, с. 8].

Н. А. Бердяев резюмирует: «Достоевский, прежде всего, великий антрополог, исследователь человеческой природы, ее глубин и ее тайн. Все его творчество — антропологические опыты и эксперименты. Достоевский — не художник-реалист, а экспериментатор, создатель опытной метафизики человеческой природы. Все художество Достоевского есть лишь метод антропологических изысканий и открытий» [2, с. 7].

Остовом проблем человека в романе выступает его свобода. Для Ф. М. Достоевского свобода человека проявляется в своеволии. В романе человек — существо свободное, но свободой обременённое. Свободен потому, что каждый персонаж в романе выбирает свой дальнейший путь по своему личному желанию. Однако свобода лежит тяжёлым грузом на душе человека ввиду ответственности, которая берётся за каждый совершённый поступок.

Проблемы свободы и ответственности человека в творчестве Ф. М. Достоевского связывают творчество писателя с проблемами философии экзистенциализма. По мнению Сартра, исходным пунктом, олицетворяющим экзистенциализм, является фраза, встречающаяся в романе «Братья Карамазовы»: «если Бога нет, то всё дозволено». Можно отметить, что эта же идея встречается в более раннем произведении автора «Преступление и наказание». В нём Родион Раскольников размышлял о вседозволенности человека посредством своей теории «тварей дрожащих и право имеющих».

Свобода — это дар и проклятие одновременно. Каждый выбор открывает одни двери и закрывает другие. Ф. М. Достоевский показывает, что возможность открытия новых дорог в жизни есть дар для человека, но отсечение как новых, так и старых дорог — страшная цена за свободу. Так, Ф. М. Достоевский затрагивает проблему преклонения перед авторитетами: человек склонен поддаваться влиянию других потому, что так уменьшается груз ответственности за свои решения. Это схоже с тем, к чему пришёл в своих размышлениях Сартр: «Человек, будучи осужденным на свободу, несет весь груз мира на своих плечах; он ответствен за мир и за самого себя в качестве способа бытия» [5]. Поклонение авторитетам — это способ человека уменьшить ответственность за своеволие. Таким образом Ф. М. Достоевский связывает проблему свободы с принятием ответственности и выбора. Положительным Ф. М. Достоевский видит фразу «всякий за всех виноват», в которой заключён принцип всеобщей ответственности.

Благодаря свободе выбора человеку доступен широкий спектр возможных действий, каждое из которых, как подчёркивает писатель, явля-

ется эмоционально нагруженным. Ф. М. Достоевский раскрывает проблему противоречивости эмоций и чувств в человеческой душе через образы Дмитрия Карамазова и Катерины Верховцевой: она хочет помочь герою, но и погубить не меньше. Так появляется проблема выбора, и ставится вопрос о проблеме человеческой ответственности за свои поступки. В романе выбор – это душевная борьба между чувствами, эмоциями, ответственностью. Эта борьба есть часть тяжёлого груза ответственности на душе человека. Для Ф. М. Достоевского выбор — это необходимость, а результат — это то, что следует принять.

Тесно связана с проблемой противоречивостью эмоций и чувств проблема внутреннего разлома души. Дмитрий стоит перед выбором: вернуть половину денег, полученных от Катерины, или сохранить их, чтобы в случае чего увезти Грушеньку. Его душа тянется к обоим вариантам, удовлетворяющих его чувствам и эмоциям, однако выбрать можно только что-то одно; тем самым порождается дилемма выбора и соответствующие ему страдания. Такой же душевный разлом происходит у Ивана в конце романа. Человек свободен в выборе, что возвращает нас к проблеме свободы и соответствующей ей цене. Ф. М. Достоевский показывает проблему «высокого и низкого» в человеке в том, какой выбор будет совершён им при подобном душевном разломе. В каждом выборе есть частичка и «высокого», и «низкого», и человеку не только приходится, но и нужно мириться со своей двойственностью. Для Ф. М. Достоевского не существует абсолютно добрых и окончательно злых людей, и потому человека он видит как динамичное существо, в котором в один момент преобладают качества благородные, а в другом – порицаемые. Любой человек может сомневаться и колебаться в своём выборе в силу различных факторов, как, например, Алексей, выступающий в романе как праведник, сомневается в своём пути веры после смерти Зосимы, а Фёдор, выступающий в романе как злодей, проявляет проблески человечности.

Предпочтение между «высоким и низким» ведёт к последующей проблеме человека — проблема добра и зла. Проблемы добра и зла и «высокого и низкого» в душе играют важную роль в развитии сюжета романа. Выбор стороны персонажем является свободным, что порождает цепочку ответственности между персонажами, потому что выбор одного влияет на чувства и эмоции другого. Так Фёдор Карамазов добровольно воспитал в Мите и Иване ненависть к себе, что впоследствии привело к тому, что первый был рад его бы убить, а второй это не порицал. В этом треугольнике из семьи Карамазовых, Ф. М. Достоевский показывает, что добровольный выбор «низости» порождает зло, но никак не добро. При этом зло порождается не только в выбравшем «низость», но и у окружа-

ющих. Для Ф. М. Достоевского частного греха нет: в каждом грехе есть вина каждого. Смерть Фёдора — это ответственность не одного Смердякова, а сразу всех действующих лиц. Этим подчёркивается проблема ответственности и важность принципа всеобщей ответственности.

Принцип всеобщей ответственности, согласно Ф. М. Достоевскому, может существовать только на основе веры и любви. Также эти чувства в романе являются главными силами для преодоления страданий. По мнению Ф. М. Достоевского страдания — это испытание, которое человек должен преодолеть. Так Смердяков не обладает ни верой, ни любовью, что приводит его к гибели. Иван обладает обоими качествами, но они слабо развиты, поэтому он не умирает, а сходит с ума. Алёша обладает этими качествами в высшей степени, от чего не только преодолевает трудности, но и становится примером для подражания для окружающего молодого поколения. Ф. М. Достоевский показывает первостепенную важность для человечества любви и веры, потому что в случае их отсутствия человечество угаснет.

Основой творчества Ф. М. Достоевского является многогранное изучение человека, благодаря чему каждое произведение — глубокое размышление над антропологическими вопросами, часто рассмотренными с нескольких точек зрения и тесно связанными между собой, что заметно в исследуемом романе.

Основной темой романа «Братья Карамазовы» является размышления о свободе человека: что она из себя представляет, что хорошего она даёт, что и чем платит человек за неё? Главным вопросом, которым задаётся Ф. М. Достоевский на протяжении романа, является следующий: выдержим ли мы, люди, данную нам свободу или утратим свою человечность из-за неё? Фундаментом свободы в романе выступает выбор, за который берётся ответственность всеми окружающими сразу.

Библиографические ссылки

1. *Либ Ф.* Проблема человека у Достоевского (попытка богословского толкования) // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 53–86.
2. *Бердяев, Н. А.* Откровение о человеке в творчестве Достоевского. Москва : Т8 RUGRAM, 2018. 102 с.
3. *Седельникова О. В.* К вопросу о специфике концепции личности в творчестве Ф. М. Достоевского конца 1840-х годов («Неточка Незванова» в контексте повести Е. П. Майковой «Недоумение») // Дергачевские чтения – 2000. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 10–11 окт. 2000 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Ч. 1. С. 185–191.

4. *Демидов Г. Т.* Влияние творчества Ф. М. Достоевского на становление личности А. Камю // Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. и тез. XIV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 20 нояб. 2020 г.: в 5 т. Т. 3 / БГУ, Филол. фак., Каф. англ. языкознания; редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2020. С. 25–30.
5. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии М. : Республика, 2000. 639 с.
6. *Достоевский Ф. М.* О русской литературе. М. : Современник, 1987. 399 с.,
7. *Дубовицкая Н. С.* Человек – центр философских размышлений Ф. М. Достоевского // Вестник ГУУ. 2013. № 13. С. 198–202.
8. *Корнева С. А.* Каким Ф. М. Достоевский видит человека // Вестник МГТУ. 2011. № 2. С. 313–318.
9. *Логиновская Ю. В.* Тайна человека в творчестве Ф. М. Достоевского // Достоевский в мировой и русской философской мысли: предвестие герменевтики и экзистенциальной аналитики : сб. ст. и материалов междунар. науч. конф., Томск ; М. : 2021. С. 82–85.

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭФФЕКТА ВЕБЛЕНА

В. П. Драгун

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, dragunVP@bsu.by
Научный руководитель — О. В. Курбачёва, кандидат философских наук, доцент*

В условиях глобальной цифровизации эффект Веблена и его основные идеи становятся как никогда актуальными. Социальные сети трансформируют статусное потребление, помогая владельцам аккаунтов демонстрировать свой статус через приобретаемые вещи. Люди все чаще определяют себя и свою ценность через вещи, которые они могут купить. В современном мире предметами роскоши, которые присваивают человеку место в социальной структуре, становятся не только дорогие машины, квартиры и украшения: предметы роскоши плавно переводят в цифровую среду, приобретая форму платных подписок на онлайн-сервисы, эксклюзивных онлайн-статусов и цифровых активов, таких как NFT. Такая обновленная форма капиталистических отношений порождает новые социальные проблемы и усугубляет старые. Ощущения пустоты и отчуждения – самые популярные из них. Социальные сети превращают наш мир в вечную гонку, в которой победит тот, кто обладает большим количеством товаров роскоши. Цель данной работы – выявить философские основания эффекта демонстративного потребления Т. Веблена и рассмотреть его влияние на формирование личности.

Ключевые слова: статусное потребление; цифровая идентичность; NFT; премиум-подписки; демонстративная роскошь; философский анализ эффекта Веблена.

В фундаментальном труде «Теория праздного класса» (1899 г.) Торстейн Веблен разрабатывает оригинальную концепцию «демонстративного потребления», которая бросает вызов традиционным экономическим представлениям о рациональном потребителе. Американский экономист и социолог демонстрирует, что приобретение дорогих, часто избыточных товаров служит не столько удовлетворению потребностей, сколько выполняет важную социальную функцию: публичное подтверждение своего статуса и демонстрация своего уровня жизни [1, с. 68-72].

Т. Веблен отрицает базовые идеи классической экономической теории такие как принцип рационального выбора. Он показывает, что в современном для него обществе потребительские решения в значительной степени основываются не на практической ценности товаров, а на их способности сигнализировать о принадлежности владельца к определенным социальным группам. [1, с. 85]. Это ярко проявляется в поведении так называемого «праздного класса», социальной группы, чье положение позволяет демонстрировать потребление избыточных благ. Особую значимость в теории Т. Веблена приобретает концепция «завистливого сравнения». Этот социально-психологический механизм заставляет людей постоянно сравнивать свое материальное положение с положени-

ем других людей, провоцируя жажду к обладанию все более престижными благами [1, с. 102-105].

Стоит заметить, что Т. Веблен рассматривает этот процесс не просто как индивидуальную особенность, а как своеобразную характеристику общества. «Завистливое сравнение» выполняет важную социальную функцию: оно не только стимулирует рост потребления, но и закрепляет существующую классовую структуру, неравенство [1, с. 110-112].

Более того, Т. Веблен вводит понятие «престижной расточительности», суть которого заключается в том, что ценность вещей определяется их дороговизной и «ненужностью». Сегодня этот принцип прослеживается как нельзя ярко через многочисленные неразумные траты людей для демонстрации своего статуса [1, с.125-128].

Идеи Т. Веблена нашли свое отражение в работах многих мыслителей. Одним из них был Э Фромм, который в своей работе Фромм в работе «Иметь ли быть?» (1976 г.) описывает основное отличие между «модусом обладания», который характеризуется стремлением сделать мир объектом владения и обладания, превратить всё и всех, в том числе и самого себя, в свою собственность. Человек, ориентированный на обладание, стремится к потреблению, ему никогда не будет достаточно того, что уже есть, он всегда будет стремиться к обладанию всё больше и больше. И модусом бытия, который предполагает независимость, свободу и наличие критического мышления. Его характерная черта — активность, которая предполагает эффективное использование своего потенциала. Чтобы быть, нужно совершить отказ от эгоцентризма и открыться миру и другим людям [2].

Психологические исследования XXI века подтверждают: более половины опрошенных признают, что используют брендовые покупки для компенсации неуверенности в себе. Это создает порочный круг, где:

1. Тревога и экзистенциальная пустота стимулируют потребление.
2. Потребление усиливает отчуждение.
3. Отчуждение порождает новую тревогу.

Также современные исследования выделяют три уровня конструирования идентичности через потребление:

1. Материальный (физические объекты как "расширенное Я").
2. Социальный (демонстрация групповой принадлежности).
3. Символический (конструирование нарративов о себе) [3].

Современные философы, такие как Роза Хартмут, предлагают концепцию "резонансных отношений" как альтернативу потребительскому конструированию идентичности. Вместо накопления статусных символов, акцент переносится на:

1. Глубинные социальные связи.
2. Осмысленную деятельность.

3. Экзистенциальную наполненность [4].

В XXI веке эффект Веблена проявляется в новых формах:

1. NFT и цифровые коллекционные предметы— виртуальные объекты, ценность которых определяется исключительно их редкостью. Покупка NFT-арта или виртуальной земли в метавселенных становится современной альтернативой приобретению предметов роскоши, но с весомым отличием: эти объекты не имеют материальной формы, их ценность целиком символична.

2. Социальные сети как пространство демонстративного потребления: Instagram, TikTok и другие социальные сети превращают жизнь в постоянную демонстрацию статуса, где даже обычные действия, как посещение ресторана или покупка кофе, направлены на то, чтобы подтвердить социальную позицию.

Парадокс эффекта Веблена заключается в том, что рост потребления не только не увеличивает уровень счастья, но может и усилить чувство неудовлетворённости. Вместо ожидаемого ощущения благополучия погоня за статусом порождает постоянную тревогу, навязчивый страх проиграть в социальной гонке и оказаться недостаточно конкурентоспособным.

Психологи отмечают, что подобное поведение провоцирует синдром упущенных возможностей, когда индивид, сосредоточенный на демонстративном потреблении, упускает из виду более значимые аспекты жизни: самореализацию, глубокие социальные связи, внутреннюю гармонию. Исследования подтверждают: долгосрочное ощущение счастья чаще связано с опытом, а не с материальными благами, что ставит под сомнение саму теорию статусного потребления.

Таким образом, эффект Веблена не просто описывает экономическое поведение, но рассматривает основные проблемы современного общества, где внешние показатели успеха подменяют подлинные ценности, оставляя человека в состоянии хронической неудовлетворённости.

Библиографические ссылки

1. Веблен, Т. Теория праздного класса. Москва : Либроком, 2011.
2. Фромм, Э. Иметь или быть? Москва : АСТ, 2022.
3. Фенько, А. Люди и деньги [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/05/22/1508309805/%D1%84%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BA%D0%BE.pdf> (дата обращения: 05.04.2025).
4. Rosa, H. Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of Late-Modern Temporality. Malmö: NSU Press, 2010. 111 p.

ФЕНОМЕН БЕЗУМИЯ В ФИЛОСОФИИ М. ФУКО

Е. М. Казакова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kazakovaevgeniaa@gmail.com
Научный руководитель – Е. В. Хомич, кандидат философских наук, доцент*

Статья посвящена философскому осмыслению феномена безумия Мишелем Фуко. Анализ взглядов Фуко на безумие представлен через его работы, начиная с самой ранней из них «Психическая болезнь и личность» и заканчивая лекционными курсами «Психиатрическая власть» и «Ненормальные». Проанализировано понятие безумия в контексте труда, сексуальности, говорения и игровой деятельности. Рассмотрена эволюция восприятия безумия в европейской культуре. Особое внимание уделено связи между безумием и формами социального контроля, а также роли медицины и психиатрии в конструировании образа безумного. Выявлено, как власть реализуется через контроль над телом больного. Понимание позиции Фуко важно для дальнейшего исследования его философских взглядов.

Ключевые слова: Мишель Фуко; безумие; власть; психиатрия; психическая болезнь.

29 сентября 1970 года во Франко-Японском институте в Киото Мишелем Фуко была прочитана лекция, которая получила название «Безумие и общество». В ней он разделил области человеческой деятельности на условные четыре категории:

- труд, или экономическое производство;
- сексуальность, семья, т. е. воспроизводство общества;
- говорение, речь;
- игровая деятельность, например, игры и празднества.

В современном Фуко обществе, как он утверждает, первый аргумент в пользу того, что человек безумен, – его неспособность работать. Следуя этому, Фрейд заключал, что безумец (преимущественно невротик) – тот, кто не в состоянии трудиться и любить. В этом суждении Фрейда отражается «глубокая историческая истина», ведь в средневековой Европе безумцев, несмотря на их странности и тунеядство, воспринимали как допустимую часть общества. Приблизительно с XVII века, с началом формирования индустриального общества, существование *таких людей* перестало восприниматься как нечто приемлемое. В ответ на требования индустриального порядка во Франции и Англии практически в одно и то же время были открыты крупные заведения, куда их помещали. И там оказались не только сошедшие с ума, но и безработные, увечные, пожилые люди – все, кто не мог трудиться. Фуко также спорит с историками, которые считают, что в XVIII веке происходит освобож-

дение безумцев благодаря Пинелю и квакеру Тьюку, впервые отнёсших безумцев к разряду больных, а не преступников. Фуко выражает своё несогласие с этим, аргументируя его тем, что, во-первых, неправильно утверждать, будто до Революции безумцев расценивали как преступников, а во-вторых, неверно заявлять, что они действительно были избавлены от своего прежнего статуса. В рамках своих лекционных курсов «Психиатрическая власть» и «Ненормальные», прочитанных в Коллеж де Франс (первый из упомянутых курсов был прочитан в 1973–1974 гг., а второй – в 1974–1975 гг.), Фуко концентрируется, во многом, на устройстве психиатрической больницы (в Англии проект создания психиатрической больницы нового типа и возглавил вышеназванный Тьюк), хотя для него важнее, конечно, рассмотреть власть, а не конкретно систему идей и институт. Психиатрическая больница – это одно из тех учреждений, где своё зарождение и развитие получает одна из самых тотальных форм власти – власть над телом. Пинель не снял цепи с душевнобольных: осуществился переход к более «тонким» методам контроля. Заслуживает внимания ситуация с английским королём Георгом III, который сошёл с ума. Несмотря на знатность, этот умалишённый подвергается изоляции от общества. Находясь в камере, Георг III может надеяться на порядочное обращение лишь до тех пор, пока не проявляет признаков своего безумия: стоит ему начать вести себя буйно, как его сразу же скрутят слуги. Точно так же поступал и сам Пинель в своём лечении. В Бисетре (парижское заведение для душевнобольных) перед каждым пациентом стояла альтернатива: следовать указаниям врача и рассчитывать на определённую свободу и более гуманное с собой обращение, или же поддаваться своей мании, что приведёт к строгим ограничениям свободы или просто к связыванию. Пример с Георгом III для Фуко несёт в себе символический смысл: власть-господство, которой обладал король, уступает место власти-дисциплине, которая теперь управляет его судьбой. Однако эта ситуация не ограничивается только лишь лечением короля: она характерна для всей эпохи.

Что касается сексуальности и семейной системы, то Фуко утверждает, что с того момента, как Бейль описал прогрессивный паралич и связал его появление с сифилисом, укрепилось мнение, что основная причина безумия – в половых аномалиях. И когда Фрейд писал о нарушениях полового влечения как о причине или проявлении безумия, это лишь усилило обозначенную связь.

Если говорить о речи безумцев, то с одной стороны, заявляет Фуко, их слова отвергались, как не имеющие ценности, но с другой стороны, этими словами никогда не пренебрегали полностью, ведь им всегда уделяли особое внимание. Фуко приводит пример с шутами, существовав-

шими в маленьком сообществе аристократов в течение Средневековья и Возрождения. В какой-то мере речь безумца нормировалась через речь шута. Ведь шут «под покровом безответственности» иносказательно выражал правду, которую мало кто имел право выражать. Говоря о своём времени, Фуко утверждает, что всё большее количество людей замечают тесную связь между литературой и безумием. И безумие, и литература занимают маргинальное положение по отношению к повседневной речи, ведь ни то, ни другое не подчиняются правилам языка повседневного общения. Литератору вовсе не обязательно всегда говорить истину, у него нет обязательства быть правдивым во всём, что он пишет или чувствует – литература живёт по другим законам, и именно в этом её близость к безумию.

Если разбирать положение безумца по отношению к играм, то Фуко сообщает, что даже в традиционном европейском театре, начиная со Средневековья и заканчивая XVIII веком, ключевую роль играл персонаж безумец (или дурак). Он был тем, кто смешил зрителей, ведь видел то, что оставалось невидимым для остальных персонажей, и раскрывал развязку сюжетных поворотов. Истина говорила через его уста. Он «самим своим телом» выражал правду. Фуко вспоминает короля Лира из одноимённой пьесы Шекспира. «Король Лир – это жертва своей собственной фантазии, но в то же самое время – персонаж, говорящий истину» [1, с. 14]. В Средневековье также существовал праздник Безумия, говорит Фуко. На празднике происходила инверсия привычного порядка: бедные играли роль богатых, а слабые – всемогущих. Простые люди получали право открыто высказывать всё, что думают, мэру или епископу. В рамках праздника под сомнение ставились и временно отменялись все устоявшиеся нормы – общественные, речевые, семейные. Фуко заявляет: «В наши дни праздники утратили свой политико-религиозный смысл, и вместо этого мы прибегаем к алкоголю и наркотикам, как способу протеста против общественного строя, и тем самым создаём своего рода искусственное безумие. В сущности, это тоже подражание безумию, и мы можем рассматривать его как попытку вызвать возмущение в обществе, создавая в нём состояние, подобное безумию» [1, с. 15].

Первая работа Фуко, вышедшая в 1954 г., называется «*Психическая болезнь и личность*» (в 1962 г. осуществилось её переиздание под названием «*Психическая болезнь и психология*»). В ней особенно отчётливо видно влияние экзистенциально-феноменологической психиатрии, ведь Фуко предлагает абстрагироваться от социальных оценок при исследовании больных. Сама психическая болезнь, как можно понять из его рассуждений, не является автономным и естественным, укоренённым в биологии индивида дефектом. И болезнь начинается не с инаковости

больного, а с разрыва между ним и людьми как носителями социальных норм и негативных оценочных суждений, ведущих к его страданиям. Нужно подходить к больному с намерением понять его переживания и внутренний опыт, а не сводить всю его ментальность к простой социальной категории. Сам Фуко впоследствии отказывал этой работе в статусе своей первой работы, считая её не более чем экспериментом юности. Он объявлял своей первой книгой «Историю безумия в классическую эпоху», на момент написания которой он уже более критически смотрел на разные подходы к исследованию психической болезни, в том числе на экзистенциально-феноменологическую психиатрию. В «Истории безумия в классическую эпоху» и *«Рождении клиники: археология медицинского взгляда»* Фуко проводит исследование формирования понятий нормального и патологического (безумного). Безумие у него явно сцеплено с властью-знанием.

Тема болезни занимает почётное место во всём наследии Фуко, нередко становясь для него своеобразной призмой, через которую он обдумывает волнующие его вопросы, как раз, например, соотношение власти и знания.

Обобщая всё вышесказанное, стоит привести следующую цитату Фуко: «Настало время напомнить одну банальную истину: сознание безумия, во всяком случае в европейской культуре, никогда не было единым и монолитным, изменяющимся как некоторая однородная целостность. Безумие, с точки зрения западного сознания, возникает одновременно во многих местах, образуя некое созвездие, которое, понемногу смещаясь и меняя свои очертания, быть может, хранит в своем облике какую-то тайную истину. Это всегда смысл, разбитый вдребезги» [2, с. 197].

Библиографические ссылки

1. Фуко М. Безумие и общество / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С. Ч. Офертаса под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М. : Праксис, 2002. С. 7–19.
2. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. К. Стаф. М. : АСТ, 2010. 698 с.

ЯСОН В «АРГОНАВТИКЕ» АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО КАК НОВЫЙ ТИП ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

М. А. Радван

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, meustras.www@gmail.com*

Научный руководитель – А. А. Легчилин, кандидат философских наук, профессор

Предметом исследования данной работы выступает один из главных героев поэмы Аполлония Родосского «Аргонавтика» Ясон. Здесь он рассматривается как новый тип героя, возникающий в эллинистический период, что можно связать с кризисной ситуацией того времени. Значимость «Аргонавтики» трудно переоценить: в ней обнаруживается новая для античной литературы черта героев – психологизм. Обозначение отличительных особенностей эпоса в эллинистическом периоде позволяет проследить изменения в сознании человека, происходящие вместе с изменением социокультурной среды, в которой он живет. Разительное отличие Ясона от классического типа эпического героя позволяет рассмотреть его сквозь призму современных ему философских учений, тем самым мы можем обнаружить влияние последних на общество в одном из его проявлений – в литературе.

Ключевые слова: Аполлоний Родосский; Аргонавтика; Гомер; эпический герой; эллинизм; стоицизм.

О жизни самого Аполлония Родосского мы знаем немного. Достоверно известно, что жил он в III в. до н. э. Родился в Александрии или Навкратии, позже переехал в Родос, вероятно из-за ссоры с его предполагаемым учителем Каллимахом или из-за неприятия в месте его рождения его поэмы «Аргонавтика» [1, с. 16].

В первую очередь отметим специфику данного произведения. «Аргонавтика» – единственное сохранившееся эпическое произведение эллинистического периода, дошедшее до нас в полном объеме. Написание Аполлонием «Аргонавтики» можно считать за попытку возродить героический эпос; так или иначе, как сходств, так и отличий от такового в данном произведении довольно много.

Аполлоний старается придерживаться стилистических особенностей древнего эпоса. Во многом он подражает Гомеру: использует гомеровские эпитеты, лишь изредка вводя свои, пользуется его оборотами, подражает гомеровской лексике и морфологии, стремясь их более архаизировать. В сравнениях же он позволяет себе больше вольностей, делая их более психологичными.

Отметим, что, когда Аполлоний вводит в соответствии с эпической традицией богинь и богов, в их изображении он также подражает Гомеру, однако числятся они у него номинально, в силу необходимости. В

III в. до н.э. мифы уже не воспринимались всерьез; как таковой веры в богов среди образованного населения не было. В самом произведении роль богов значительно смещается, они отходят на второй план: если раньше люди были функциями в руках богов для реализации судьбы, то теперь боги становятся инструментом для ее осуществления в руках людей [2].

Это важно отметить по тем причинам, что, во-первых, смена роли богов приводит и к смене роли героев, таким образом, последние обретают своеобразные черты, ранее им не свойственные. Во-вторых, многовековая традиция и опора на стилистические особенности героического эпоса, с другой стороны, поддерживают необходимость в определенной степени держать героя в своем привычном, типичном героическом образе.

Потому перейдем к сравнению Ясона с классическим типом героя, за образец беря характерные черты таковых у Гомера, поскольку именно они стали свойственны эпическим героям на многие последующие столетия. Так мы сможем проследить изменения героя, произошедшие за это время в литературной традиции Античности.

Чувства гомеровских героев, сопровождающиеся тяжелыми раздумьями, изображаются через сравнения, но такие сравнения редки у Гомера [3]. В «Аргонавтике» подобное также присутствует, однако, в отличие от Гомера, Аполлоний делает на чувствах героев значительно больший акцент. В то время как у Гомера чувства только вскользь упоминались в произведении в виде сравнений с природными явлениями, в «Аргонавтике» чувства, особенно любовные, становятся одним из центральных предметов изображения. Они же являются одним из главных объектов сравнения в поэме [4]. Изображение чувств – вот то новое, что Аполлоний привносит в эпос.

Также стоит отметить и такую черту гомеровского эпоса, как свойственное ему "двойничество": двойничество — древнейшая ступень эпической индивидуальной характеристики, которая строится на количественном равенстве противоположных качеств, в совокупности составляющих единое целое [5, с. 181]. На одного яркого героя приходится его антипод, притом не менее яркий. Их роли в эпосе резко разграничены, противопоставлены, они уравнивают друг друга.

Герои у Гомера, как и вообще принято в мифах, – полубоги, то есть дети бессмертного божества и смертного человека. В герое концентрируется божественная мощь, ограниченная его человеческой смертной природой, что создает ключевое противоречие в жизни героя: обладающий божественными способностями, он ограничен физической смертно-

стью. Потому он стремится к славе, желая этим стать бессмертным через увековечение своего имени среди потомков [6].

Аполлоний же не делает акцента на божественной природе Ясона. Наоборот, Ясон пассивен, без влюбленной в него Медеи он бы, кажется, не смог выполнить цель своего путешествия. Главное активное действующее лицо здесь именно она, в то время как Ясон выглядит нерешительным, почти робким и не обладающим какой-либо силой.

У Аполлония прослеживается также ирония над героями. Например, когда Ясон, сопровождаемый товарищами, идет на первое свидание с Медеей, одна из ворон...

...внезапно захлопала крыльями, сидя
Где-то в ветвях высоко и крикнула слово от Геры:
"Тот бесславен пророк, который постигнуть не может
То, что ведомо детям. Вовек никогда б не дерзнула
Девушка нежное слово юноше ласково молвить,
Если с ним идут какие-то люди другие"
Молвила так, издеваясь [7, с. 126].

Обозначим вкратце сходства Ясона с гомеровским типом героя: во-первых, Аполлоний отмечает его божественную красоту, во-вторых, он имеет антипода в лице Медеи.

Различия же можно выделить следующие: героическая сущность Ясона не проявляется в чертах его характера. Учитывая его роль в путешествии аргонавтов, он должен бы являть собой пример яркого предводителя, однако этого мы не видим. Наоборот, в произведении можно обнаружить акцент на демократических началах: Ясон, будучи избранным товарищами, не командует ими.

Далее, цель его не в том, чтобы прославиться, увековечить свое имя. Он действует в соответствии со словами захватившего царскую власть в Иолке Пелия, сказавшего, что вернет власть своему брату Эсону – отцу Ясона, – если Ясон принесет золотое руно. Он не выражает энтузиазма относительно предстоящего ему подвига.

Эти отличия позволяют нам рассмотреть Ясона через призму современных автору философских течений. В данной ситуации можно усмотреть корреляцию между его поведением и учениями стоиков. Годы жизни Аполлония позволяют предположить, что с ними он был знаком, потому мы считаем возможным проводить здесь параллель.

Более всего нас интересует этика стоиков. Согласно их учениям, необходимость, рок непреложны, и уклониться от них невозможно. Судьба человека неотвратима и в любом случае будет осуществлена. Поскольку все в жизни человека происходит только по необходимости, не может идти речи о свободе, и действия людей отличаются лишь по

тому, каким образом – добровольно или по принуждению – сбывается и исполняется неотвратимая во всех случаях и безусловно предназначенная нам необходимость [8, с. 453]. Греческий стоик Клеанф, живший в одно время с Аполлонием Родосским, скажет: "Ducunt volentem fata, nolentem trahunt" ("Желающего судьба ведёт, нежелающего – тащит", лат.). В этом отношении Ясон приближен к идеалу мудреца, принявшего свою судьбу покорно, смиренно, изредка восклицая о своей неудаче: необходимости совершать данный подвиг.

Ясон – необычный герой, значительно отличающийся от классического типа эпического героя. Его поведение можно назвать совершенно "негероичным". С этой точки зрения Ясон становится крайне актуальным своему времени героем: в большей степени проявляющий свои человеческие, а не божественные черты, он принимает удары судьбы, в конечном счете желая не славы и не почестей, но возвращения домой.

Таким образом, при сравнении Ясона с классическим типом эпического героя мы обнаруживаем принципиальную разницу между ними. Принимая во внимание ее и кризисную ситуацию эллинистического периода, мы можем предположить, что на Ясоне Аполлония Родосского оставила след распространенная в то время философия стоиков. Все это в совокупности позволяет нам обнаружить в Ясоне новый тип эпического героя.

Библиографические ссылки

1. *Чистякова, Н. А.* Сказание об аргонавтах, его история и поэма "Аргонавтика" Аполлония Родосского. М. : Издательство АСТ, 2021. 60 с.
2. *Челышев, П. В.* Человек античной мифологии: природа героя и личный выбор судьбы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова № 4, 2014. С. 213–216.
3. *Гомер.* Одиссея. М. : Эксмо, 2024. 416 с.
4. *Мостовая, В. Г.* Сравнения в "Аргонавтике" Аполлония Родосского: трансформация эпической традиции // Новый филологический вестник. №2 (53). 2020. С. 268–279.
5. *Шталь, И. В.* Художественный мир гомеровского эпоса. М. : Наука, 1983. 294 с.
6. *Тахо-Годи А.А.* Герой // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М. : Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 294–297.
7. *Аполлоний Родосский,* Аргонавтика. М. : Ладомир; Наука, 2001. 237 с.
8. *Асмус, В. Ф.* Античная философия. М. : Высшая школа, 1976. С. 451–481.

СЕКЦИЯ 3. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ И ПОЛАГАНИЕ: ОПЫТЫ ПЕРЕКРЁСТНОГО ПРОЧТЕНИЯ САРТРА И ФИХТЕ В ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. А. Азаров

*Южный федеральный университет, Большая Садовая ул., 105/42,
344006, Ростов-на-Дону, Россия, artemiy.aaa@mail.ru*

Научный руководитель — А. В. Тихонов, кандидат философских наук, доцент

В настоящей статье представлен текстологический анализ комментариев А. Филоненко и Ж.-К. Годдара в рамках прочтения Фихте и Сартра. Выявленные особенности прочтения не могут быть универсально значимыми и нуждаются в аппликативной проработке. Результатом исследования становится более точное установление связи между Фихте и Сартром в общих границах герменевтического горизонта трансцендентальной философии.

Ключевые слова: интерпретация; комментарий; текстологический анализ; рефлексия; полагание; образ; трансцендентальная философия.

Наукоучение Фихте – событие в истории философии, подлежащее разъяснению ввиду того не обязывающего назидания в ознакомлении, которое может подтолкнуть к сомнению в статусе Фихте как философа, стоящего как минимум на одной ступени с Кантом или Гегелем. В настоящей статье предлагается текстологическая аналитика интерпретаций, представленная двумя знаменитыми комментаторами произведений Фихте – А. Филоненко и Ж.-К. Годдаром – которые выдвинули историографически и концептуально противоположные тезисы в рамках перекрёстного прочтения Фихте и Сартра в ракурсе совмещения основных принципов философии последних. Выясняется, что выявленные особенности прочтения двух авторов не могут быть универсально значимыми с точки зрения адекватности мысли философов, и нуждаются в аппликативной проработке, позволяющей установить более точные связи между Фихте и Сартром в общих границах герменевтического горизонта трансцендентальной философии.

Для начала изложим основные положения данных комментариев в соответствии с тематическими рубриками, присутствующими в работах

Сатра и Фихте: различие *quid facti* и *quid juris*, а priori синтетического единства опыта, обусловливаемое трансцендентальной апперцепцией, а также определение статуса чистого рассудка/сознания и роль рефлексии в этом определении.

В статье «Сартр и классическая трансцендентальная логика. Сущности и нормы» (1987) Алексис Филоненко выявляет в таких произведениях как «Трансценденция эго» и «Бытие и ничто» историографические упущения Сартра, вносящие в разрабатываемую им версию феноменологии специфические черты, которые, по мнению Филоненко, свидетельствуют о методической установке, не позволяющей довести аргументацию до своего логического и непротиворечивого завершения. В частности, Филоненко обращает внимание на непонимание Сартром различия вопроса о факте и вопроса о праве, которое тот, ссылаясь на Канта, кладёт в основание своей критики априорной достоверности «Я мыслю» и имманентного существования трансцендентального эго: «Согласие с Кантом в том, что относится к вопросу права, не решает вопроса о факте... «Я мыслю» должно иметь возможность сопровождать все наши представления, но сопровождает ли они их фактически?» [1, с.15]. Согласно Филоненко, прояснение функции «Я мыслю» на фактической почве, призванной дать содержание для обоснования единства опыта, приравнивается Сартром априорному исследованию условий возможности самого опыта. «Как средство категорий, *Ich denke* определяется как сущность опыта; сущность в той мере, в какой она делает тотальность опыта возможной в своем существовании» [2, с.506]. Стоит отметить, что в «Трансценденции эго» Сартр действительно даёт повод к исторической критике, когда он в психологистской манере определяет в качестве логического итога трансцендентального исследования опыта обоснованную констатацию личной принадлежности *cogitatio* мыслящему Я в следующем фрагменте: «...речь идёт об определении условий возможности опыта. Одно из таких условий состоит в том, что я всегда могу определить моё восприятие или мою мысль как мою: вот и всё» [1, с.14].

Замечания Филоненко в главных своих чертах направлены на плохое знакомство Сартра с историей философии и эта ситуация, на его взгляд, усугубляется тем, что методические упущения Сартра могли бы получить своё оправдание, будь он внимательнее к философии Фихте. Филоненко утверждает следующее: «Мы знаем, что Сартр во время своего пребывания в Германии прочел несколько страниц Фихте. Несколько страниц могут значить очень много или очень мало. Тот, кто читал Фихте, не может не заметить некоторые существенные темы в «Бытии и ничто», например, что существование предшествует сущности, или что в то время как каждое животное есть то, что оно есть, человек изначально

ничто» [2, сс. 504-505]. Действительно, раздел Введения в «Бытии и ничто» богат на референциальные связи с наукоучением Фихте [1, с. 22-23], но читал ли Сартр Фихте достоверно неизвестно - как раз этого мнения придерживается Ж.-К. Годдар. Приведём ещё несколько высказываний Филоненко: «В каком-то смысле Фихте - первый трансцендентальный философ, который смог расширить область трансцендентальной логики, и он ближе к Сартру, чем к Канту. Сартр читал Фихте и, несомненно, занимствовал у него. Фихте мог бы поддержать и направить Сартра» и, наконец, «В каком-то смысле истинным учителем Сартра является не Гуссерль, а Фихте» [2, с.513-520]. Увлекательное сближение двух мыслителей обусловлено тем, что Фихте удалось удержать единство априорного исследования возможности опыта (нормативность) и дескриптивный анализ фактов сознания.

Можем ли мы обнаружить точки пересечения идей двух философов в самой систематике трансцендентальной философии вместо того чтобы пользоваться приблизительными ассоциациями и гипотетическим подобием прочитываемых текстов?

Заверения Филоненко, касающиеся ознакомления Сартра с произведениями Фихте, аннулируются Ж.-К. Годдаром в его статье «Десубъективация трансцендентального», в которой он предлагает рассматривать Сартра как продолжателя идей Фихте на основании наличия у двух мыслителей стремления помыслить трансцендентальное как нерerefлексивное имманентное основание априорного опыта (опыта сознания, непосредственно осуществляющего синтетические полагания предметности и самого себя). Годдар хорошо знаком с Филоненко, который очень поддерживал его в его начинаниях [3], и, судя по следующим цитатам, не уверен в знакомстве Сартра с наукоучением Фихте: «...именно Фихте заставил Ипполита перейти на путь, уже открытый Сартром, который не читал Фихте в 1934 году, когда писал «Трансценденцию эго». Эти довольно необычные обстоятельства - которые хорошо иллюстрируют тип диверсий, совершаемых историей философии - оправдывают попытку допросить фихтевский текст и сартровский текст вместе, предполагая, что они разделяют определенную общность взглядов» [4, с.425] и «...Сартр не читал Фихте» [5, с.13-14]. Стоит сказать, что в своих рассуждениях Годдар обращается в основном к тексту второго курса лекций по наукоучению 1804 г., который не без уточнений может считаться пиком спекулятивной мысли Фихте в силу терминологических и методологических преобразований, позволяющих проводить тематические линии и соединять их со стилями мысли философов XX в. Так, идея Годдара заключается в том, что такие сартровские понятия как «нететическое сознание», «нерerefлексивное» или «дорефлексивное» *cogito* и

фихтевские понятия «абсолютного Я», «трансцендентального генезиса», «акта самополагания», «образа» указывают на общую интенцию освободить чистое сознание от трансцендентного «двойника» или догматического «Я в-себе», открыв тем самым то, чему Сартр дал название трансцендентального поля [1, с.74]. Годдар резюмирует свои разыскания следующим образом: «Десубъективация трансцендентального - это, прежде всего, отказ от субъективности как объединяющего принципа и признание имманентного и безличного единства сознания прежде его биполярной субъект-объектной конституции... де-субъективация трансцендентального не означает отказа от рефлексивности как того, что структурирует трансцендентальное само по себе. Рефлексивное и субъективное могут и должны быть разобщены» [4, с. 428]. Сартр решает проблему необходимости утверждения «Я мыслю» в ракурсе синтетического единства представлений, фундируемых на уровне трансцендентального поля. Трансцендентальное поле - это сфера пассивных синтезов абсолютного сознания, которое не нуждается в аттенциональных обращениях, тетических актах. Нам важно подчеркнуть проводимое Годдаром различие между рефлексивностью и субъективностью. Субъективность, таким образом, представляет собой тетический модус, который помимо полагания объективности полагает себя в качестве релятивной модификации, в чем, по мнению Годдара, нет нужды, т.к. рефлексивность есть первоначальный синтез внутренних определений сознания qua сознания. Доксографически Годдар достаточно точно излагает суть сартровского начинания и нететическое *cogito* действительно может быть охарактеризовано как абсолютное. Приведём размышления Сартра: «Поскольку моё рефлекслирующее сознание является сознанием самого себя, оно является не-полагающим сознанием. Полагающим оно становится лишь тогда, когда оно направлено на рефлекслируемое сознание, которое, в свою очередь, не было полагающим себя до своей рефлексии» [1, с.27], а также «Всякое полагающее сознание объекта в то же самое время является не-полагающим сознанием самого себя» [1, с.19]. Однако стоит задать вопрос о том, насколько тематическое сближение Сартра и Фихте правомерно с текстологической стороны? Годдар утверждает следующее: «Как и Сартр, Фихте утверждает онтологический примат нерелексивной рефлексивности над рефлексией, которая, рефлекслируя чистое сознание, превращает его в положенное самосознание и порождает Я как субъект своих представлений» [4, с.429]. Необходимо обратиться к текстам Фихте, в частности, к наукоучению 1804/II г. и наукоучению 1813 г., т.к. в них тематизирована достоверность чистой апперцепции.

Стоит отметить, что эта тема включена в общую для всей философской мысли проблему трансценденции, или, как это формулирует Фихте

- проблема *hiatus*'а между рассудком и областью явлений, и получает свой смысл наряду с темой субсумации категорий, или схематизма. Вторая тема очень часто попадает в рубрику первой, так что для выявления различия между ними требуются серьёзные герменевтические штудии и комментаторская работа. У Фихте проблема *hiatus*'а конкретизируется в терминах полагания, понимания, образа [5, с.101], явления бытия, рефлексии и производной от них типологией так: «абсолютное проецирование объекта, в отношении возникновения которого не может быть дано отчёта, где в соответствии с этим посередине между проецированием и проецируемым темно и пусто...» [5, с.236]. В наукоучении 1813 размышления Фихте демонстрируют тотальное напряжение мысли, ведь в нём он приходит к тому, что образ, или объективное представление, и образ образа, или понятие, имеют основанием своей реальности два конститутивных типа актов чистого рассудка - понимание и полагание [6, с.494-498]. Основное напряжение создается ввиду того, что любое понимание есть полагание образа понятого, а полагание суть понимание образованного в положенном образе. Эти акты обнаруживаются в трансцендентальной рефлексии, которая сводится к полаганию образа полагания, или рассудка как принципа бытия самополагания [6, с.505]. В силу этого подробного генетического анализа Фихте мы лишь отчасти можем согласиться с Годдаром. Не оставляет никаких сомнений утверждение о рефлексивной основоструктуре трансцендентального сознания, ведь и в наукоучении 1813 г. рефлексивность (не рефлексия как акт внутреннего восприятия) была реконструирована как сущностная особенность рассудка, обеспечивающая его трансцендентальное единство в рассудочном образе. Но мы не можем согласиться с ним по части не-тетического характера трансцендентального. Нет не-тетического сознания - тетическое сознание есть, оно полагает: а) предмет/предметный смысл и б) себя в качестве мыслящего нечто предметно отличное от собственного способа существования. Проблема, с точки зрения Фихте, состоит не в том, чтобы привести к чисто созерцательной очевидности не-тетическое сознание (то, чего добивается Сартр), но, скорее заставить первично тетическое сознание в деле его исполнения, *esse in mero actu*, и противопоставляемое ему в первоначальной со-положенности иное, к которому тетическое сознание уже вторично и фактически обращается как отображение, голый рефлекс.

Следует также дать комментарий к понятию трансцендентального поля (нерефлексивному сознанию второй степени у Сартра) и ошибочности приравнивания его а-субъективному единству трансцендентального сознания «до» дистинкции субъект/объект. Несмотря на благоприятный характер интуиции Годдара, внутренняя логика нашего коммента-

рия скорее направляет нас в противоположную сторону. Нами установлено, что: а) неполагающее сознание потивосмысленно, следовательно, б) структурная рефлексивность не может не быть учреждением различия субъект/объект.

Таким образом, представленная в статье текстологическая корректировка выявила слабые стороны комментариев Филоненко и Годдара. Если о версии последнего сказано вполне достаточно, то следует указать на слабые стороны трактовки Филоненко. Идеи Сартра и Фихте действительно могут рассматриваться в общем плане, но, как видно из нашей интерпретации, Фихте вряд ли можно приводить на помощь в разрешении упущений Сартра ввиду того, что генетический анализ наукоучителя по существу своему располагается в области *quid juris*. Тип дедукции имеет первейшее значение в деле прояснения *quid juris* и *quid facti* как изначальных методических установок философии Фихте. Фихте наметил дальнейшее движение в проблематике трансценденции, Сартр же просто вслед за Гуссерлем обратился к ключевым вопросам трансцендентальной философии.

Библиографические ссылки

1. *Sartre J.-P.* La transcendance de l'Ego, ed. Sylvie Le Bon, Paris, Vrin, 1966.
2. *Philonenko, A.* Sartre et La Logique Transcendantale Classique. Les Essences et Les Normes // *Revue de Métaphysique et de Morale*. 92 (4):503-525. 1987. pp. 503–25. JSTOR, URL : www.jstor.org/stable/40902313 (date of accesse 22/04.2025).
3. *Sartre J.-P.* L'Être et le néant, Paris, Gallimard, coll. « Tel », 2007.
4. *Goddard J.-C.* 1804-1805. La désubjectivation du transcendantal [Электронный ресурс]. Paru en juillet 1999. URL: <https://www.cairn.info/revue-archives-de-philosophie-2009-3-page-423.htm> (дата обращения: 09.03.2024).
5. *Fichte J. G.* Gesamtausgabe II/8: Wissenschaftslehre von 1804/II. Friedrich Frommann Verlag (Günther Holzboog), 1985.
6. *Фихте И. Г.* Система учения о нравах согласно принципам наукоучения; Наукоучение 1805 г.; Наукоучение 1813 г.; Наукоучение 1814 г. СПб. Издательство Санкт-Петербургского университета. 2006. 618 с.

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КОНФУЦИАНСКОГО УЧЕНИЯ

А. В. Бачун

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, himikava@gmail.com;*

Научный руководитель — Т. Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор

В статье рассматривается проблема преемственности конфуцианского учения как ключевого фактора его исторического развития. На материале анализа канонических текстов («Мэн-цзы», «Суждения и беседы») и источников по истории китайской философии выявляются основные периоды разрыва и восстановления традиции. Цель статьи — выявить периоды разрыва и восстановления традиции и показать, какую роль они сыграли в формировании облика конфуцианства.

Ключевые слова: конфуцианство; неоконфуцианство; история конфуцианства; проблема преемственности; традиция; герменевтика; историко-философская реконструкция; моральная метафизика; Мэн-цзы.

Специфику конфуцианства во многом определила проблема преемственности, сместившая его вектор развития в сторону, как писал китаевед А. И. Кобзев, «моральной метафизики» от изначального протонаучного вектора [1]. Суть проблемы состоит в том, что, во-первых, конфуцианская традиция прерывалась во время общественно-политических бедствий в Китае, а во-вторых, прерывалась в том числе и интерпретаторская традиция. Как пишет И. Б. Кейдун: «Толкование текстов конфуцианских учёных играло основополагающую роль в сохранении основ духовной культуры: новым поколениям требовались и новые современные комментарии старых текстов, которые становились с течением времени менее понятными» [2, с. 150]. Учитывая, что старые тексты с течением времени становились всё менее понятными, а прерванные комментаторские традиции приходилось заново восстанавливать и «обретать учение заново», то нет ничего удивительного в том, что комментаторы новой комментаторской традиции могли искажать комментируемые тексты, пусть даже и ненамеренно, пользуясь собственными субъективными принципами интерпретации. Именно проблема преемственности определила специфику конфуцианства, его облик и историческую судьбу.

Проанализировав конфуцианские канонические тексты, такие как «Мэн-цзы», а также прочие источники, посвящённые истории конфуци-

анства, мы можем прийти к выводу, что традиция прерывалась ещё до Конфуция. В частности, в последней главе «Мэн-цзы» содержится следующая информация о наследовании традиции: «От Яо и Шуня до Чэн Тана прошло более пятисот лет. То, что касается Юя и Гао Яо, то они видели и знали их лично, Чэн Тан же только слышал о них. От Чэн Тана до Вэнь-вана прошло более пятисот лет. То, что касается Тай-гун Вана и Саньи Шэна, то они знали его лично, а Конфуций только слышал о нём. От Конфуция до сегодняшнего времени прошло немногим более ста лет. Поколение совершенномудрого ещё не столь далеко от нас, а место, где жил совершенномудрый, совсем рядом! Однако, никто не видел его, никто не слышал о нём!» [3, с. 89].

При этом, судя по тексту «Суждений и Бесед», сам Конфуций был осведомлён о проблеме, и всё же сохранял оптимизм по поводу будущего учения – когда он заявил, что хотел бы замолчать, а на последовавший вопрос о том, кто же тогда будет передавать учение, ответил: «Разве Небо говорит? Меж тем четыре сезона сменяются, как обычно. Всё сущее рождается, как обычно. А разве Небо говорит?» [4, с. 287]. В этом пассаже отражён конфуцианский принцип следования природной естественности: даже если учение полностью канет в лету – принципы существования всего вокруг неизменны, поэтому человек обязательно заново откроет их для себя, рано или поздно. Более того, кроме «естественно-научных» неизменных оснований для восстановления традиции, имелись также культурные – единое для всех китайцев культурное наследие, в котором существуют общие для всех философских школ Китая понятия (напр. «дао», «дэ», «жэнь», «и», «ли» и т.д.). Здесь стоит упомянуть утверждение китаевода В. С. Спирина, который назвал характерной чертой древней науки и философии «не обмен идеями, выработанными в разных сферах, знания относительно разных объектов, а выработка единых идей на разном материале или с разными подходами к одному и тому же объекту» [5, с. 35]. Тем не менее, это не уберегло конфуцианство от соответствующих рассматриваемой проблеме издержек, прежде всего неверных интерпретаций, о чём упоминается едва ли не в каждом восточковедческом издании, имеющем отношение к конфуцианству [4; 6; 7]. Как следствие – историческое «отклонение» от протонаучного вектора в сторону «моральной метафизики» и даже теологии [1].

Наиболее значительным событием, ставшим причиной очередного, самого крупного кризиса конфуцианства, обострившее как никогда проблему преемственности, раз и навсегда изменившим облик учения было так называемое «сожжение книг и погребение книжников» 213-212 гг.

до н.э., когда по приказу циньского министра, легиста Ли Си, были захоронены более четырёх сотен конфуцианских учёных, а конфуцианские тексты уничтожались, как вредные для легистских целей и идеологии, и в результате восстанавливать традицию приходилось преимущественно из устного наследия [6].

В раннюю классическую эпоху в Китае были фигуры, чья философия была неотличима от изначального конфуцианства, таковой фигурой был, например, конфуцианец ханьской эпохи Ян Сюн (53 до н.э. – 18 н.э.) [10]. Однако, весьма характерно для рассматриваемого периода истории было то, что Ян Сюн предостерегал ханьского императора Чэна против расточительности и «не был им услышан» [10]. Адепты изначального конфуцианства были категорически против расточительства, и Ян Сюн следовал в этом за ними [4, с. 72, 74]. Как отмечает А. И. Кобзев, ни учение, ни методология Ян Сюна не возымели широкого распространения, но его судьба, как и судьба его учения была симптоматична для эпохи Хань [10].

Судьба принципов изначального конфуцианства с течением времени лишь усугублялась – существовала тенденция «выхолащивания» конфуцианства из протонауки и, так сказать, «протонаучной основы» для этики и политики в состояние «продукта» идеологических и политических требований элит. Как писал Л. Н. Гумилёв, описывая Китай II века н.э.: «Конфуцианцы иногда высказывали мнения, шедшие вразрез с желаниями императора. Например, они резко выступили против проповеди буддизма, несмотря на то, что император Хуан-ди обратился в эту веру. Осуждали они и безумную расточительность императора Лин-ди, возводившего роскошные дворцы и пагоды. Короче говоря, правительство нуждалось не только в толковых, но и в покорных чиновниках. Оно их нашло и они его погубили» [8, с. 15]. Мораль конфуцианского чиновника – это должное служение правителю, то есть выверенное искреннее предостережение, правдивость, стремление донести до правителя то, что должно дойти до его сведения, а не то, что он хочет слышать. В данном же случае такого рода чиновники стали неуютны правителям, так как часто спорили, говорили правду, говорили о том, как поступать нельзя, поэтому их постепенно стали заменять на евнухов [9]. Евнухи, как явление, были в Китае и задолго до этого, занимаясь обычно ручным трудом, но теперь они проникали в государственный аппарат и непосредственно влияли на государственную политику [9]. Современники описывали их, как людей без морали, готовых услужить своему господину [9]. Такое положение вещей прямо противоречило конфуцианским принципам, и

это замечание особенно важно в контексте того, что постепенно евнухи захватили весь аппарат управления государством, в том числе двор, армию и уездные управления [9]. Всё, что оставалось конфуцианской интеллектуальной элите – это либо последовать своему учению и «скрыться», либо нарушить принципы своего учения и стать прислужниками «неистинного» правления. Учение Ян Сюна «скрылось» само собой в виду неуютности политической конъюнктуры, а его место заняли те, кто отвечал политико-идеологическим задачам правящей элиты. Сначала это были евнухи, приведшие в итоге страну к краху, что стало предпосылкой эпохи Троецарствия (220-280 гг.) [9]. Затем – это были соответствующего качества конфуцианцы, которые, к тому же, были вынуждены в очередной раз после эпохи Цинь восстанавливать традицию, ввиду не способствовавшего её сохранению длительному периоду дезинтеграции китайского государства в III-VII вв. [3, с. 90].

В заключение, проблема преемственности оказалась ключевой для понимания исторической судьбы конфуцианства. Традиция неоднократно прерывалась — как в результате внешних факторов (например, гонений и политических репрессий), так и из-за внутренней утраты интерпретаторской линии. При этом в китайской культуре существовали механизмы, позволявшие восстанавливать традицию — как за счёт культурной общности понятий, так и благодаря вере в неизменность универсальных принципов. Однако каждое новое восстановление сопряжено с риском искажения: утрата живого толкования приводила к доминированию внешней, часто идеологизированной формы учения. Это и предопределило переход конфуцианства от исходной протонаучной парадигмы к моральной метафизике и даже к формам теологизации. Таким образом, конфуцианство сохранилось, но изменилось: его преемственность — не линейная, а циклическая, и каждый виток сопровождался как возрождением, так и трансформацией.

Библиографические ссылки

1. Неоконфуцианство [Электронный ресурс] // Synologia.ru: история и культура Китая URL: <https://www.synologia.ru/a/Неоконфуцианство>. – (дата обращения: 27.01.2023).

2. Кейдун, И. Б. Древнекитайские ритуалы жизненного цикла: структура и функции ритуала перехода (по материалам классического конфуцианского трактата «Ли Цзи»): дис. д-ра филос. наук: 09.00.14 / Благовещенск, 2019. 311 с.

3. Рысаков, А. С. Типологические особенности неоконфуцианского философского дискурса [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «Кибер-

Ленинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-osobennosti-neokonfutsianskogo-filosofskogo-diskursa/viewer>. (дата обращения: 28.03.2024).

4. Суждения и беседы. М : РИПОЛ классик, 2017.

5. *Спирин, В. С.* Рационализм в классической китайской философии. М.: Наука Вост. лит., 2013.

6. Книга правителя области Шан / Шан Ян ; [пр. с кит.; вступ. ст. и комм. Л. С. Переломова]. М. : РИПОЛ классик, 2017. 426 с.

7. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы Шу»). М.: Вост. лит., 2004.

8. *Гумилёв, Л. Н.* Три китайских царства. М.: Литрес, 2021.

9. *Усов, В. Н.* Евнухи в Китае. М.: Муравей, 2000.

10. Ян Сюн [Электронный ресурс] // Synologia.ru: история и культура Китая URL: <https://www.synologia.ru/a/Неоконфуцианство>. – (дата обращения: 17.01.2023).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И. КАНТА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

И. А. Блинков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ivanblinkov2004@gmail.com
Научный руководитель — Т. Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор*

Статья посвящена попытке теоретической реконструкции политической философии И. Канта. Обосновывается оправданность экспликации из учения немецкого философа политической философии как самостоятельного предмета. Определена сущность понятия «политическое» в теоретических построениях кенигсбергского философа. Предложен критерий разделения философско-политического творчества И. Канта. Рассмотрены основные идеи и принципы построения и эволюция политической философии И. Канта.

Ключевые слова: политическая философия; И. Кант; государство; всемирная история; война; «вечный мир»; международные отношения; человек.

Начать следует с того, что собственно политической философии у И. Канта нет. Во всяком случае, именно так начинает свои «Лекции по политической философии Канта» немецко-американский философ Ханна Арендт [1]. Этот известный историко-философский анекдот, однако, указывает на то, что понимаемое нами под политической философией И. Канта, никогда не было им изложено в специально написанной работе и представлено в виде целостной системы идей. Потому изучение политических идей философа вызывает некоторые трудности.

Данные трудности всё же не отпугнули исследователей, которые обратились именно к политическому творчеству И. Канта. Среди них — профессор В. А. Чалый, который обратился к кантианским мотивам в англоязычной философии последней трети XX века. К 300-летию юбилею И. Канта в БФУ им. Канта были опубликованы «Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах». В предисловии ко второму тому данного издания В. А. Чалый указывает на то, что в конце XX столетия к идеям Канта обращаются крупнейшие философы, не кантианцы, ссылаясь при этом на философско-политические идеи кенигсбергского мыслителя. Среди них Х. Арендт, Дж. Ролз, Ю. Хабермас и многие другие [7].

Цель исследования выявить основные идеи и принципы построения политической философии И. Канта.

Задачи исследования: 1. Показать эволюцию его философско-политических идей; 2. Рассмотреть основные принципы построения политической философии И. Канта.

Политические взгляды И. Канта сосредоточены в ряде его работ. Среди этих работ: «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784), «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» (1784), «Рецензии на книгу И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1785), «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786), «О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» (1793), «Религия в границах только разума» (1793), «К вечному миру» (1795), а также «Метафизика нравов» (1797), «Спор факультетов» (1798) «Антропология с прагматической точки зрения» (1798). Автор «Лекций по политической философии Канта» – Х. Арендт – считала, что политические идеи Канта содержатся в «Критике способности суждения» (1790) [1]. Поэтому целесообразно разделить философско-политическое творчество И. Канта на ранний и поздний период его исследований.

Критерий разделения философско-политического творчества философа можно определить через поднятые им вопросы в вышеуказанных работах. К примеру, в своем раннем периоде Кант стремился поднять и решить следующие вопросы: в чем смысл истории; какие препятствия встречает человечество на пути своего исторического развития; какое соотношение мысли и власти, созерцательности и деятельности; какой политический строй является наилучшим для совершенствования человеческих задатков и почему; что составляет цель и основу политического порядка.

Поздний период в философско-политическом творчестве Канта выделяется сменой ракурса, акцентуацией проблем международных отношений, войны и мира. В этот период среди поднятых философом основных вопросов следующие: как избежать войны и какую войну считать справедливой; как в политическом процессе соотносятся национальное и глобальное; вопросы философии права и государства: какова роль международных организаций, прав и свобод гражданина. Позднему философско-политическому творчеству И. Канта особенно характерны вопросы мира, войны, международной безопасности, а поворотным моментом в переходе от раннего к позднему периоду творчества будем считать выход работы «К вечному миру» 1795 года [3]. Таким образом, ранний период философско-политического творчества Канта касается проблем всемирной истории, родовой характеристики человека, сущности Просвещения, а поздний обращается к проблемам «вечного мира» и

войны, космополитического мироустройства и его нравственно-правовых основ.

Данное исследование направлено на выявление основных принципов, которые позволяют выделить в учении И. Канта политическую философию. Поиск политической философии у И. Канта тесно связан с определением понятия политического. Укажем на то, что существуют отличия в понимании «политического» в зависимости от типа общества. Например, общество традиционного типа и общество модерна по-разному понимают сущность «политического» [5]. Изучив философско-политическое наследие И. Канта можно сделать вывод, что «политическое» – это та сфера, в которой создаются условия для совместной жизни индивидов и основы человеческого общежития [6]. При этом рассмотрение политической философии И. Канта невозможно и без его учения об универсальном характере природы человека. Ведь именно человек представляет абсолютную ценность и сам для себя является конечной целью. А также человек способен создавать себя, выбирая трансцендентальные идеи в качестве регулятора деятельности и поведения. Это позволяет индивиду совершать свободный выбор в пользу морального поведения и демонстрировать свое отличие от животного мира.

Если человек цель, то общество и государство выступают средством по отношению к этой цели, созданные служить человеку. Общество и государство обречено быть нежизнеспособными, если расстановка меняется и человек становится средством. Государство, превращая индивида в средство, замедляет его развитие, расчеловечивает, приближает его к животным потребностям. Человек как источник всяких перемен и изменений своей самодеятельностью способен создавать в мире новое. Государство, воспринимающее человека как свое средство, обрекает себя на стагнацию, отсталость от остального прогрессирующего мира и в конечном итоге теряет свою самостоятельность.

Воспитание со стороны государства, на котором настаивает И. Кант и должно заключаться в заботе со стороны государства над потребностями и жизнью личности, а также возможностями ее самореализации. Для достижения благоприятных условий внутри государства в реализации данных задач, необходимы подходящие внешние условия, что и обуславливает обращенность философа к международной проблематике [2].

Итак, для прогресса человека в лице всего человеческого рода необходимо совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, вложенные ею в человечество. В свою очередь в вопросах международных

отношений И. Кант выражает надежду на появление всемирно-гражданского состояния на основании великого государственного объединения [3].

Итак, Кант манифестирует «Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским» [2]. Такое устройство основано на принципах свободы, зависимости от единого законодательства, законе равенства всех граждан. В чем преимущество республиканского устройства? Такое устройство берет свое начало в чистом источнике права, открывая при этом перспективы установления вечного мира. Республиканская форма правления основана на конституции, акте, благодаря которому толпа оформляется в народ. Именно это позволяет государству использовать всю полноту своей власти. Республиканизм основан на принципе отделения исполнительной власти от законодательства. У Канта мы встречаем противопоставление республиканского демократическому строю. В последнем устанавливается такая исполнительная власть, при которой «все решают все, которые, тем не менее, не все» [2]. По Канту, это противоречит и общей воли и свободе.

В завершении необходимо подчеркнуть, что политические построения немецкого философа имеют антропологическую направленность, что подразумевает разумную личность как подлинный центр бытия в системе трансцендентального идеализма И. Канта, а также при возведении здания политической философии. Тем самым, поставив задачу выявить условия, при которых становится возможным создание человеком самого себя, Кант разрабатывает те политические условия, при которых данная цель была бы достигнута. Следовательно, политическая философия Канта это теоретическое обоснование практического осуществления поставленных задач, в том числе в достижении «всемирно-гражданского состояния» как возможности полной реализации моральных задатков индивида как представителя человеческого рода [2]. И, в конце концов, достижение главной цели всего исторического процесса заключается в создании международного федеративного союза государств [4].

По И. Канту, человеку предзадано развить моральные (разумные) задатки на основе совершенствования политико-правовой системы общества и установить на земле вечный мир между народами, космополитическое морально-правовое мироустройство, достигнуть «всемирно-гражданского состояния».

Библиографические ссылки

- 1.Арендт, Х. Лекции по политической философии Канта. СПб.: Наука, 2011.

2. Кант, И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Том 6
3. Кант, И. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Том 6
4. Румянцева, Т. Г. Кант о мире и войне: классические и современные стратегии прочтения (к 300-летию со дня рождения И. Канта и 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков). Минск : РИВШ, 2024. 114 с.
5. Семенова, В. Н. Политическое в эпоху перехода от позднего модерна к пост-модерну. Минск : РИВШ, 2022. 222 с.
6. Федорова, М. М. Философия и политика // Философский журнал . 2012. №2. С. 17-26.
7. Кант, И. Сочинения по философии политики. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

ВЛИЯНИЕ ЭТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ КОНФУЦИЯ НА СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Го Цзячэн

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, 1994497081@qq.com
Научный руководитель — И. И. Лещинская, кандидат философских наук, доцент*

Статья посвящена анализу влияния этического учения Конфуция на образовательную систему современного Китая. Показано, что особое значение в этом процессе имеет содержание учебных программ, которое обязательно включает базовые принципы конфуцианства и его основные тексты. В силу этого одной из основных задач образовательного процесса является воспитание добродетельных граждан и успешных профессионалов. Обосновано, что программы, пропагандирующие сыновнюю почтительность, гражданскую ответственность и этическое лидерство, демонстрируют способность конфуцианства адаптироваться к потребностям современного общества.

Ключевые слова: Конфуций; этические принципы; образование; нравственное воспитание, современное китайское общество.

Конфуцианская философия, глубоко укоренившаяся в истории и культуре Китая, в современном китайском обществе вновь стала основой общественной морали. Руководствуясь такими нравственными принципами, как Жэнь, Ли и Сяо, конфуцианство предлагает всеобъемлющую этическую основу, которая продолжает формировать межличностные отношения, социальные нормы и институциональные ценности в третьем тысячелетии [1].

Возрождение конфуцианских идеалов в Китае является частью более широкого культурного и политического движения за воссоединение с традиционными ценностями в условиях стремительной модернизации и глобализации. Этические основы конфуцианства оказывают глубокое влияние на современную китайскую культуру во всем многообразии ее форм. Конфуцианские идеи продолжают вдохновлять китайскую литературу, кинематограф, театр и т.д., делая акцент на таких темах, как моральная чистота, долг и верность семье. Произведения, исследующие противоречие между традициями и современностью, часто опираются на конфуцианские ценности в своих повествованиях. Особое значение эти идеи и ценности имеют в сфере образования.

Образование всегда было одним из столпов конфуцианской мысли и считалось необходимым для воспитания моральных качеств и социальной ответственности. В современном Китае конфуцианские идеалы продолжают определять политику, учебные планы и практику в области

образования, усиливая их роль в нравственном и интеллектуальном развитии учащихся.

Китайские школы включают конфуцианские ценности в программы нравственного воспитания, обучая учащихся таким принципам, как Сяо (сыновняя почтительность), Чжун (лояльность) и Чэн (честность). Эти уроки направлены на то, чтобы привить уважение к родителям, учителям и обществу, воспитывая чувство долга и этическую осведомленность с самого раннего возраста. Многие школы организуют такие мероприятия, как написание писем родителям в День матери или отца, посвященные Сяо, или призывают учащихся добровольно участвовать в проектах общественных работ, чтобы практиковать Жэнь [2, с. 55].

Изучение конфуцианских текстов, в том числе «Аналектов» («Лунь юй») и «Учения о средстве» («Чжунь юн»), было вновь введено в учебные программы китайского языка для ознакомления студентов с традиционными философскими концепциями. Эти тексты преподаются не только как исторические артефакты, но и как живые руководства по этическому поведению. Еженедельные «уроки нравственности» в некоторых школах включают чтение конфуцианских текстов, а также обсуждения того, как эти учения применимы к современным проблемам. Например, таким как охрана окружающей среды и цифровой этикет и др. [3, с. 150].

Высшие учебные заведения уделяют особое внимание программам лидерства, основанным на конфуцианских идеалах добродетельного правления Дэ и развитии талантов посредством образования. Конфуцианский акцент на продвижении по службе, основанном на заслугах, согласуется с современными инициативами по воспитанию способных и этических лидеров для будущего Китая. Такие ведущие университеты, как Шанхайской и Пекинский, включают курсы по этике и государственной службе, основанные на конфуцианских принципах, чтобы подготовить студентов к работе в правительстве, бизнесе и гражданском обществе.

Возрождение классических конфуцианских текстов в школах еще раз подчеркивает непреходящую актуальность этих идей. Изучение «Аналектов» и других произведений Конфуция в рамках нравственного и культурного образования согласуется с более широким движением за воссоединение с интеллектуальным наследием Китая, воспитывая у школьников и студентов чувство национальной гордости и культурной самобытности. Помимо формального образования, конфуцианские принципы также лежат в основе практик обучения на протяжении всей жизни и программ подготовки лидерских качеств, подчеркивая ценность постоянного самосовершенствования и этического управления.

Влияние конфуцианских ценностей можно увидеть в различных аспектах повседневной жизни современного китайского общества, где традиционная этика пересекается с современными вызовами и возможностями. Конфуцианская ценность Сяо продолжает формировать отношение общества к уходу за пожилыми людьми. В условиях старения населения Китай проводит политику, поощряющую семьи заботиться о пожилых людях при поддержке общинных систем ухода. В таких городах, как Шанхай, центры по уходу за пожилыми людьми интегрируют участие семьи, предлагая услуги, соответствующие принципу Сяо, уделяя особое внимание семейным визитам и мероприятиям для представителей разных поколений.

Развитие социальных сетей и цифровых коммуникаций ставит новые задачи перед общественной моралью. Кампании, пропагандирующие вежливость в Интернете и борьбу с дезинформацией, часто основаны на конфуцианских принципах И и Чэн. Усилия китайского правительства по продвижению «цивилизованного использования Интернета» подчеркивают важность конфуцианской этики для решения моральных проблем цифровой эпохи.

Однако интеграция конфуцианства в современную жизнь сопряжена с трудностями. Иерархическая и коллективистская направленность конфуцианских ценностей иногда может вступать в противоречие с растущим вниманием к правам и свободам личности в глобализованном мире. Молодые поколения, «подверженные разнообразному культурному влиянию через социальные сети и международные обмены, могут счесть некоторые аспекты конфуцианской этики, такие как жесткие семейные обязательства или почтение к властям, менее привлекательными» [4, р. 325].

Вместе с тем, учение Конфуция остается важным источником нравственных ориентиров и культурной самобытности в современном Китае. Его принципы продолжают формировать нравственный ландшафт, создавая ощущение стабильности и преемственности в быстро меняющемся обществе. Адаптируясь к современным условиям и сохраняя при этом свои основные ценности, конфуцианство демонстрирует свою непреходящую значимость в качестве основы социальной морали и культурной сплоченности. По мере того, как Китай будет преодолевать сложности модернизации, глобализации и культурного обновления, конфуцианские идеи, несомненно, будут играть решающую роль в формировании его будущей траектории.

Несмотря на сохраняющиеся проблемы, непреходящее значение конфуцианства демонстрирует его способность соединять традиции и современность, формировать моральную и культурную идентичность

современного китайского общества. Благодаря своему влиянию на образовательные учреждения конфуцианство продолжает играть важную роль в нравственном и интеллектуальном развитии человека в современном Китае.

Библиографические ссылки

1. *Конфуций*. Уроки мудрости. М.: Эксмо, 2005. 358 с.
2. Лукьянов, А. Е. Философские прообразы «Китайской мечты» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2015. № 4. С. 50-58.
3. Ломанов, А. В. Традиционное наследие и политика КНР в сфере культуры // XVIII Всероссийская конференция «Философии восточно-азиатского региона и современная цивилизация». Информационные материалы. Серия Г. Вып. 19. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013. С. 148-157.
4. *Cheng, Q.* Confucianism for the Modern World // Bell and Chaibong eds. 2013. P. 312-333.

ФЕНОМЕН ИНФЛЮЕНСЕРОВ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ Ж. БОДРИЙЯРА

Е. С. Горевая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, katagorevaa060@gmail.com
Научный руководитель — Е. Д. Демидович, преподаватель*

В статье исследуем феномен цифровых инфлюенсеров через призму философии Жана Бодрийяра, в частности его концепций симулякра, гиперреальности и общества потребления. Проводим параллели между деятельностью блогеров, создающих тщательно отредактированные образы, и бодрийяровской критикой замены реальности симуляциями.

Ключевые слова: инфлюенсеры; симулякр; гиперреальность; общество потребления; миф; товарный фетишизм; персональный бренд; цифровая культура; ИИ.

Феномен инфлюенсеров, ставший ключевым элементом цифровой культуры XXI века, может быть осмыслен через призму философии Жана Бодрийяра, в частности его концепций симулякра, гиперреальности и общества потребления. Есть общая черта между инстаграм-блогером, рекламирующим кофе за 12 рублей, и философией Бодрийяра — оба говорят нам: «Реальность — это не то, что кажется». Точнее, что она давно стала чем-то другим — набором симуляций, которые мы почему-то предпочитаем оригиналу.

Возьмём обычного инфлюенсера. Его профиль — не про жизнь, а про идею жизни. Отфильтрованные фотографии, продуманные «сторис», тщательно дозированные откровения. Это же симулякр — образ, который заменил собой реальность. Причём так убедительно, что его подписчики начинают верить: где-то действительно существуют люди, у которых утро начинается с идеального смузи, а не с пятиминутного сна в переполненной маршрутке. Инфлюенсеры действуют как своеобразные шаманы: они тоже «продают» иллюзии, но вместо духовных благ — товары. Аудитория верит в идеальную жизнь инфлюенсеров, как верующие в святых.

Бодрийяр ещё в 1980-х предупреждал: мы живём в эпоху, когда «карта важнее территории». Инфлюенсеры это довели до абсолюта — их цифровые личности стали гиперреальностью, которая диктует правила настоящему. Например, бьюти-блогерша с «естественным» макияжем (на который ушло 2 часа и 15 продуктов). Её образ — не ложь, но и не правда. Это симуляция естественности, ставшая новым стандартом. Или же, к примеру, путешественник, снимающий дикие места, куда его при-

вез продюсер, а локации подобрал скаут. Мы же покупаем миф о свободе, а не реальный опыт.

Потребление Бодрийяр называл символическим актом. Когда инфлюенсер рекламирует часы, он продаёт не механизм, а историю о себе: «Носи такие — и станешь как я». Это же товарный фетишизм — вещи превращаются в знаки, а их цена меркнет перед значением. Здесь же можно отметить Барта с его «Мифологиями». Он разбирал рекламу мыла, которая обещала не чистоту, а социальный успех. Современные инфлюенсеры делают то же самое, только масштабнее. Их контент — это фабрика по производству новых мифов.

Фишка в том, что сами инфлюенсеры часто становятся заложниками этой системы. Их личный бренд — такой же симулякр, как и всё остальное. Отсюда и бесконечные кризисы: когда за красивой картинкой вдруг проглядывает обычный человек с проблемами. Что в этом всем по-настоящему страшно? Мы уже не можем отличить реальное от смоделированного. Бодрийяр называл это «имплозией смысла» — когда границы между правдой и вымыслом окончательно стираются. И инфлюенсеры здесь не причина, а симптом. Однако при этом всем, блогеры, нарочно показывающие «неидеальную» жизнь, сами становятся трендом в попытке вернуться в «реальное», создав новый люксовый товар.

Исследуя эту тему можно точно сказать, что инфлюенсеры продают нам не вещи, а ощущения. «Вот мой утренний ритуал» — говорит блогер, показывая идеально поставленные кадры с кофе и блокнотом. Настоящую жизнь давно заменили тщательно упакованными моментами, которые Бодрийяр назвал бы симуляцией подлинности. В «Символическом обмене и смерти» философ предупреждал: мы разучились по-настоящему общаться. Инфлюенсеры довели это до абсурда. Их откровенные истории в социальных сетях — такой же продукт, как реклама шампуня.

Бодрийяр бы сказал: это гиперреальность в чистом виде — когда постановочное становится достовернее реального. Исследуя этот вопрос, нужно проанализировать причину, по которой мы так легко этому поддаемся. В первую очередь, это, конечно, миф о доступности. Зрители думают, что тоже так могут, глядя, например, на квартиру с панорамными окнами, хотя на деле работают за копейки. Во-вторых, происходит подмена ценностей. Лайки в социальных сетях становятся валютой общения. В-третьих — наш бесконечный цикл желаний: сегодня мы покупаем крем, завтра — образ жизни, послезавтра — иллюзию счастья.

Ирония в том, что даже осуждая инфлюенсеров, мы делаем это через те же социальные сети, используя идентичные алгоритмы. Даже

пост о «токсичности и грязи соцсетей» вынужден играть по их правилам: провокационный заголовок, яркое оформление и расчет на вовлеченность. Это напоминает «символический бунт» Бодрийяра — протест, который лишь укрепляет порядок, потому что потребляется как контент.

Но что, если скоро и критика, и инфлюенсеры станут цифровыми? Нейросети уже пишут довольно глубокие посты о вреде социальных сетей, генерируют искренние разоблачения и даже создают виртуальных блогеров-скептиков. В этом новый виток абсурда: алгоритмы будут симулировать борьбу с симуляцией, а пользователи даже не заметят подмены. Скоро потребителям будет все равно, человек ли за экраном или искусственный интеллект — главное, чтобы этот контент вызывал дофамин. Уже сегодня существуют цифровые персонажи, которые набирают миллионы зрителей, взаимодействуют с реальными инфлюенсерами и рекламируют бренды. У них нет биографии, но есть убедительная иллюзия жизни. Аудитории сложно отличить настоящих людей от алгоритмов.

Феномен инфлюенсеров обнажает ключевую проблему цифровой эпохи — подмену реальности её симуляцией. Человеческие блогеры, несмотря на тщательно сконструированные образы, хотя бы иногда «проговариваются» — скандалы, кризисы и моменты искренности напоминают нам о существовании подлинной жизни за пределами экрана. Однако с приходом ИИ-инфлюенсеров эта последняя связь между образом и действительностью может окончательно разорваться. Виртуальные персонажи, лишённые случайностей и противоречий, создадут идеальную гиперреальность, где даже критика системы станет частью спектакля. Остаётся вопрос: сможем ли мы сохранить способность отличать симуляцию от реальности — или добровольно откажемся от неё в пользу удобной иллюзии?

Библиографические ссылки

1. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015.
2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006.
3. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет», 2000.
4. *Барт Р.* Мифологии. М.: Академический проект, 2008.

КОЦЕПТ МАТЕРИИ У ПЛОТИНА

А. С. Жилинский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ghatfruo@gmail.com*

Научный руководитель – А. А. Легчилин, кандидат философских наук, доцент

Статья анализирует концепт Материи в философии Плотина («Эннеады»). Рассматриваются его истоки (Платон, Аристотель) и понимание Материи как низшей эманации из Единого, характеризующейся бесформенностью, лишенностью и статусом небытия («иноного»). Материя выступает принципом онтологического зла (недостатка блага), отличного от зла морального (греха), возникающего из взаимодействия Материи и «слабости» души. Затрагивается дискуссия об источнике Материи: обсуждается тезис Д. О'Брайена (порождение Материи низшей душой) и его критика (Дж. Филлипс), предлагающая в качестве продукта деятельности души «след души», вносимый в предсуществующую Материю.

Ключевые слова: Материя; грех; Душа; зло (онтологическое и моральное); Единое; лишенность; Платон; Плотин; эманация; порождение материи; слабость души; след души.

Изучение концепта Материи у Плотина остается актуальным для понимания истоков западной метафизики и теологии, испытавших его огромное влияние. Его радикальный взгляд на соотношение формы и субстрата предлагает оригинальное решение вечной философской проблемы и ценную альтернативу современным парадигмам реальности. Более того, взгляды Плотина актуальны в связи с постановкой проблематики темной материи в современной физике.

Плотин (III в. н.э.), основатель неоплатонизма, систематизировал свое учение в "Эннеадах". Глубоко опираясь на Платона (которого считал своим главным учителем, интерпретируя "Парменид", "Тимей" и др.) и используя понятийный аппарат Аристотеля и наработки средних платоников, он создал грандиозную картину мира. В основе его системы лежит учение об эманации: всё сущее последовательно происходит из абсолютного, свербытийного первоначала – Единого (Блага). Первым порождением Единого является Ум – мир идей, истинное бытие и самосознание. Ум, в свою очередь, порождает Мировую Душу, которая выступает посредником, оживляя и упорядочивая чувственный Космос. Существование этого оформленного Душой Космоса логически предполагает наличие пассивного субстрата, воспринимающего формы. Этот субстрат, находящийся на низшей ступени эманации и представляющий предел удаления от Единого, и есть Материя. Именно анализ этого сложного понятия – бесформенного, неопределенного, отождествляемо-

го с небытием и являющегося принципом зла (как предельного недостатка блага) – является одним из ключевых пунктов для понимания платиновской космологии и метафизики.

Плотин обращается к проблеме Материи в нескольких ключевых трактатах своих "Эннеад", прежде всего в I.8 [51] «О природе и источнике зол», II.4 [12] «О материи» и II.5 [25] «О том, что существует в возможности и в действительности», хотя тема затрагивается и в других текстах, посвященных душе и космосу. Детальный анализ этих пассажей раскрывает сложную и многогранную концепцию, где Материя представляет не просто инертным подлежащим, но как фундаментальный принцип лишённости, небытия и, в конечном счете, зла, занимающий самую нижнюю ступень в иерархии эманации из Единого. Понимание этого концепта необходимо для полной реконструкции метафизики Плотина, его космологии и учения о связи души с телом. Наиболее систематически учение о Материи изложено в трактате II.4. Отправной точкой рассуждений служит общепризнанный факт, что Материя выполняет роль субстрата (по аристотелевской терминологии) и восприимчивости (согласно Платону) для форм. Плотин сразу проводит важное различие, polemизируя со стоиками, считавшими Материю телесной, и примыкая к платоникам и перипатетикам, утверждавшим ее нетелесную природу. В этом контексте он поднимает вопрос о существовании так называемой умопостигаемой Материи. Признавая парадоксальность этой идеи, Плотин решает возникающие трудности, подчеркивая ее коренные отличия от Материи чувственного мира: умопостигаемая Материя вечна, неизменна, всегда сохраняет одну и ту же "освещенную" природу и не подвержена становлению. Необходимость ее существования вытекает из самой множественности идей: раз идеи различимы, каждая обладает своей формой, а значит, по аналогии с чувственным миром, должно быть и нечто оформляемое – умопостигаемая Материя. Подобную же логику Плотин применяет и для обоснования существования чувственной Материи: наблюдаемое превращение элементов друг в друга возможно лишь при наличии единого, отличного от них субстрата, иначе пришлось бы допустить возникновение из ничто и уничтожение в ничто. Следовательно, все чувственные вещи являются составными – единством формы и материи. Определяющей характеристикой чувственной Материи, согласно Плотину, выступает ее абсолютная бесформенность. Будучи сама по себе лишена всякой формы, она не обладает ни цветом, ни величиной, ни количеством, ни качеством – все эти определения приносятся извне, формой. Форма же налагает предел на то, что само по себе беспредельно. Даже объем, который кажется неотъемлемым свойством материи, она обретает лишь благодаря воздействию формы. По-

стижение такой Материи требует от Души особого рода "негативного" или "темного" видения – способности воспринимать не наличие чего-либо, а полное отсутствие формы, подобно тому, как глаз в абсолютной темноте "видит" отсутствие света. Однако эта трудность постижения не означает несуществования Материи. Напротив, само наличие форм, качеств и объемов в чувственном мире указывает на необходимость существования единого субстрата, который их принимает. Именно эта радикальная лишенность формы и позитивных определений позволяет Плотину охарактеризовать Материю как небытие и отсутствие [1]. Важно понимать, что это не абсолютное ничто, а, скорее, существование "иначе", на пределе бытия. Как показал Денис О'Брайен, анализируя ключевой пассаж из Эннеады II.4.16, Плотин здесь переосмысляет платоновское учение из "Софиста" о небытии как "ином" по отношению к бытию [2, с. 215]. Плотин адаптирует эту дихотомию, противопоставляя небытие (понятое как "часть иного") не просто другому сущему, а бытию в смысле умопостигаемых формальных принципов (логосов). Этот шаг позволяет ему синтезировать платоновскую концепцию небытия с аристотелевским понятием лишенности [2, с. 217]. Небытие, как "инаковость" по отношению к определяющим формам-логосам, отождествляется с абсолютной лишенностью формы. Однако, в принципиальном отличии от Аристотеля, для которого лишенность – это временное состояние субстрата, у Плотина она становится сущностной характеристикой самой Материи, что является сознательным отходом от аристотелевского различения материи и лишенности [2, с. 217-218].

Это подводит Плотина к рассмотрению вопроса зла. В самом деле, если есть нечто, что полностью лишено причастности форме, а следовательно самому Единому, которое является высшим Благом, то чем это должно быть если не злом? Плотин посвятил этому вопросу свой поздний трактат I.8 [51], озаглавленный как "О природе зла". Зло по Плотину существуют исключительно на низших онтологических уровнях, в Благе, Едином и Мировой Душе не может быть никакого зла, это уровень богов. Но зло, оно же Материя, присутствует в низшем мире, поскольку для существования чего-то причастного пределу нужно, чтобы было что-то беспредельное и бесформенное. Выходит, что все тела, по крайней мере чисто онтологически, причастны как злу, так и Благу. Но Плотин допускает, что при определенных условиях в присутствии материи может не быть зла (имея в виду под этим не отсутствие зла в абсолютном смысле, то есть материи, а отсутствия злого устремления, то есть греха). Это подводит нас к ключевому различению между онтологическим злом (материей как лишенностью блага) и злом моральным (грехом) в индивидуальной душе. Как возникает этот грех? Денис О'Брайен

в своем анализе учения Плотина о зле подчеркивает, что для Плотина грех не сводится к одному источнику, а требует взаимодействия двух факторов: присущей душе "слабости" – ее склонности к забвению высшего и привязанности к частному – и присутствия материи, которая сама по себе является первичным злом и предоставляет "повод" ко греху [3, с. 140-141]. Ни слабость души сама по себе, ни присутствие материи само по себе не являются достаточной причиной греха. Души звезд и некоторых праведников, по Плотину, связаны с материей, но не грешат, так как их потенциальная слабость не проявляется [3, с. 129-130, 141]. Слабость души становится достаточным условием для греха именно при наличии материи, в то время как само по себе присутствие материи (онтологического зла) не делает моральный грех в душе неизбежным [3, с. 141].

Важнейшим аспектом теодицеи Плотина является и вопрос происхождения самой материи. О'Брайен утверждает, что Плотин учил о порождении материи низшей, или вегетативной, душой (φύσις), ссылаясь главным образом на трактаты III.4 (15).1 и III.9 (13).3. Принципиально важно то, что сам этот акт порождения материи душой не является греховным. Душа в этот момент остается "на своем месте" и не нисходит. Грех возникает лишь после этого порождения, на втором этапе – этапе нисхождения души к уже созданной ею материи и греховного взаимодействия с ней, обусловленного слабостью души [3, с. 137-138]. Эта двухэтапная модель позволяет Плотину, как считает О'Брайен, объяснить наличие зла в мире, не возлагая ответственность на высшие принципы, и эффективно полемизировать с гностиками.

Однако тезис О'Брайена о порождении материи именно частичной или вегетативной душой (φύσις) столкнулся с серьезной критикой. Джон Филлипс в своей статье указывает на фундаментальное противоречие, возникающее в такой интерпретации. Φύσις у Плотина – это душа, которая по своей природе уже нисшедшая и имманентна телу. Если именно она порождает материю, то это нарушает ключевые аксиомы самого Плотина о нисхождении: (A1) душа нисходит только к чему-то предсуществующему (материи/темноте), что можно осветить, и (A2) нисхождение невинно только при наличии такой предсуществующей материи, которая тянет душу. Если же, как предполагает О'Брайен, нисшедшая φύσις творит материю на первом, "не нисходящем" этапе, она делает это без предсуществующего объекта (нарушение A1), и ее акт должен был бы быть первично греховным, исходящим из природы души (нарушение A2 и теодицеи Плотина), что противоречит утверждению о его невинности [4, с. 117-119, 121]. В качестве альтернативы Филлипс предлагает, что в ключевых текстах III.4.1 и III.9.3 Плотин описывает порождение не самой материи, а так называемого "следа души" или "тела такого-то ка-

чества". Этот "след" – последний, неживой логос, который φύσις внедряет в уже существующую материю. В результате создается хаотически движущаяся телесная природа, которая служит промежуточной стадией и подготавливает материю к принятию высших форм души. По мнению Филлипса, терминология Плотина в этих пассажах ("полная неопределенность", "не-сущее", "мертвое", "образ души", "последнее", "восприимчивость") гораздо лучше описывает этот "след души", чем абсолютную материю [4, с. 122-129, 133-134]. Эта интерпретация снимает противоречия, на которые указывает Филлипс в модели О'Брайена.

Таким образом, хотя дебаты об источнике самой материи у Плотина (порождает ли ее душа, как настаивает О'Брайен, или она имеет иной источник, как предполагают Филлипс и другие критики) продолжаются, обе стороны дискуссии признают сложность платиновской схемы зла. Несомненно, для Плотина моральное зло (грех в душе) не является ни чисто спонтанным актом души, независимым от низшего мира, ни фатальным и неизбежным следствием простого контакта с материей. Оно возникает на пересечении внутреннего состояния души (ее "слабости") и внешнего присутствия онтологически низшей, лишенной блага реальности.

Библиографические ссылки

1. *Plotinus*. Ennead II.4: On Matter. Las Vegas; Zurich; Athens: Parmenides Publishing, 2022.
2. *O'Brien, D.* Plotinus on Matter, Non-Being and Evil. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014.
3. *O'Brien, D.* Plotinus on Evil. A Study of Matter and the Soul in Plotinus' Conception of Human Evil. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1971.
4. *Phillips, J.* Plotinus on the Generation of Matter. The International Journal of the Platonic Tradition. 2009. Vol. 3, № 1. С. 103–137.

КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ ЖИЗНЕННОГО МИРА Э. ГУССЕРЛЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДА БРАСЛАВА

Е. А. Кобяк¹⁾; Д. В. Степаненко²⁾

^{1);2)}Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь 1243wery@gmail.com

Научный руководитель – И. М. Наливайко, кандидат философских наук, доцент

²⁾Научный руководитель – Л. О. Сушкевич, кандидат географических наук, доцент

В статье изложен концепт «жизненного мира», описанный Э. Гуссерлем в работе «Кризис европейских наук трансцендентальная феноменология». Приводится краткий анализ основных характеристик и причин кризиса европейских наук. Рассмотрен трансдисциплинарный потенциал учения о жизненном мире. Представлены историко-культурные объекты города Браслава и приведена комплексная оценка экскурсионных объектов.

Ключевые слова: жизненный мир; феноменология; повседневность, потенциал, историко-культурный объект.

Двадцатый век можно охарактеризовать как эпоху беспрецедентного технологического прорыва, что является неоспоримым фактом. Однако наряду с этим наблюдается и углубление кризиса в области науки. В своем незавершённом произведении «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Э. Гуссерль обращается к проблематике историчности как науки, так и философии, анализируя, каким образом возможно существование кризиса при наличии столь явных достижений. Таким образом, его труд представляет собой попытку осмыслить парадокс: как могут сосуществовать технологический прогресс и глубокий научный кризис?

Сама по себе объективизация и натурализация науки приводит к тому, что человеку не находится в ней места. В позитивистской трактовке науки как науки о фактах познающий субъект начисто лишен человеческих целей и качеств. Также объективный мир рассматривается скорее как мир идеальных сущностей, а не вещей как таковых. Теряется понимание того, что любая идеализация происходит путем абстрагирования от предметов жизненного мира. Отсюда берет начало дуализм науки и философии: в естествознании предполагалось, что мир сам по себе обладает смыслом, который можно открыть. Отсюда также происходит разделение теоретической науки и практической жизни, цели науки становятся столь далеки от ежедневной практики, что они противопоставляются целям обыденной жизни. Такое противопоставление приводит к

критике всяких смыслов и целей вообще. Наука перестает быть связанной с философией и не развивается более по пути, предлагаемым ею.

Именно в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Э. Гуссерль впервые использует понятие «жизненного мира». В феноменологии Э. Гуссерля «жизненный мир» понимается как «единственно действительный, действительно данный через восприятие, через опыт осваиваемый и могущий быть освоенным в опыте мир – наш повседневный жизненный мир» [4, с. 253]. При этом ошибочно понимать концепт жизненного мира как действительного в смысле реальности. Э. Гуссерль понимает жизненный мир не как предмет естествознания – мир реальный, а прежде всего как мир духовный – предмет феноменологии. Так, жизненный мир является априорным полем опыта. Жизненный мир выступает как рамка для любого возможного опыта, а также как источник любых теоретических знаний. Жизненный мир дан непосредственно: опыт воспринимается тотально и интуитивно. Если в «Картезианских размышлениях» Э. Гуссерль допускает множественность «жизненных миров», то уже в более поздней философии, которая представлена в «Кризисе европейских наук», он рассматривает жизненный мир как один единственный. Такая данность достигается не потому, что стирается индивидуальное представление индивидов о мире, а потому, что «жизненный мир» каждого из субъектов имеет схожую структуру. Структура «жизненного мира» включает в себя связь с другим, отражая, таким образом, коллективный опыт бытия. Так, посредством анализа концепта жизненного мира Э. Гуссерль формулирует понятие интерсубъективности. Интерсубъективность рассматривается в связи с многими факторами, такими как конституирующая функция сознания, которая позволяет говорить о идентичной способности к конституированию опыта у разных индивидов. Но для возникновения общего интерсубъективного опыта также необходимы схожие внешние условия, в том числе проживание в едином пространстве, что ведет к формированию опыта переживания схожих географических условий. Так, опыт вписан в условия конкретного пространства и времени, где пространство не воспринимается в рамках научных теорий, а понимается интуитивно, посредством ощущений, эмоций, воспоминаний. Пространство воспринимается не как объективная данность, а как пустая доска для переживания личного опыта.

Жизненный мир является базой, на которой строится весь человеческий опыт, и потому его нельзя воспринимать как нечто статичное или неизменное. Он постоянно эволюционирует благодаря широкому спектру социальных, культурных и исторических процессов, которые влияют

на восприятие реальности. Эта динамика обусловлена тем, что каждый отдельный опыт вписывается в конкретные исторические и географические рамки, что позволяет применять концепцию жизненного мира в трансдисциплинарных исследованиях, где анализируются не только объективные, но и субъективные аспекты реальности.

Например, восприятие окружающей среды становится фундаментом для формирования городской повседневности. Городское пространство отвечают не столько физические элементы—здания, улицы, сооружения—сколько совокупность ежедневных практик, привычек и взаимодействий, через которые люди осмысливают и переживают свою среду обитания. Именно эти повседневные действия и субъективный опыт, которыми насыщена жизнь горожан, создают уникальное ощущение пространства, делая его не просто совокупностью материальных объектов, а живым организмом, постоянно изменяющимся под влиянием социального опыта и культурных установок.

Таким образом, современное понимание городской среды выходит за рамки простой физической инфраструктуры, подчеркивая, что реальность города заключается в сложном взаимодействии между материальным миром и восприятием его индивидом. Это осознание подчеркивает, насколько глубоким и многогранным является процесс конституирования реальности в условиях постоянных социальных трансформаций, где каждый элемент городской жизни приобретает значение именно через призму субъективного опыта его обитателей. Важнейшую роль в структуре ресурсного потенциала играет культурное наследие, которое определяет масштабы и функциональную структуру социокультурных видов туризма.

Согласно Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия, принятой 16 ноября 1972 г., культурное наследие представлено тремя группами объектов [3]:

- памятниками (monuments);
- ансамблями, или группами строений (groups of buildings);
- достопримечательными местами (sites).

Браслав имеет богатое историческое наследие, которое включает в себя археологические находки, архитектурные памятники и религиозные святыни. Город известен своими древними городищами, культовыми сооружениями и местами, связанными с историческими событиями (рисунок 1). Поэтому данный город был выбран нами для наглядной оценки потенциала его историко-культурных объектов в рамках развития туристской деятельности как важнейшего в направлении экономической деятельности города.

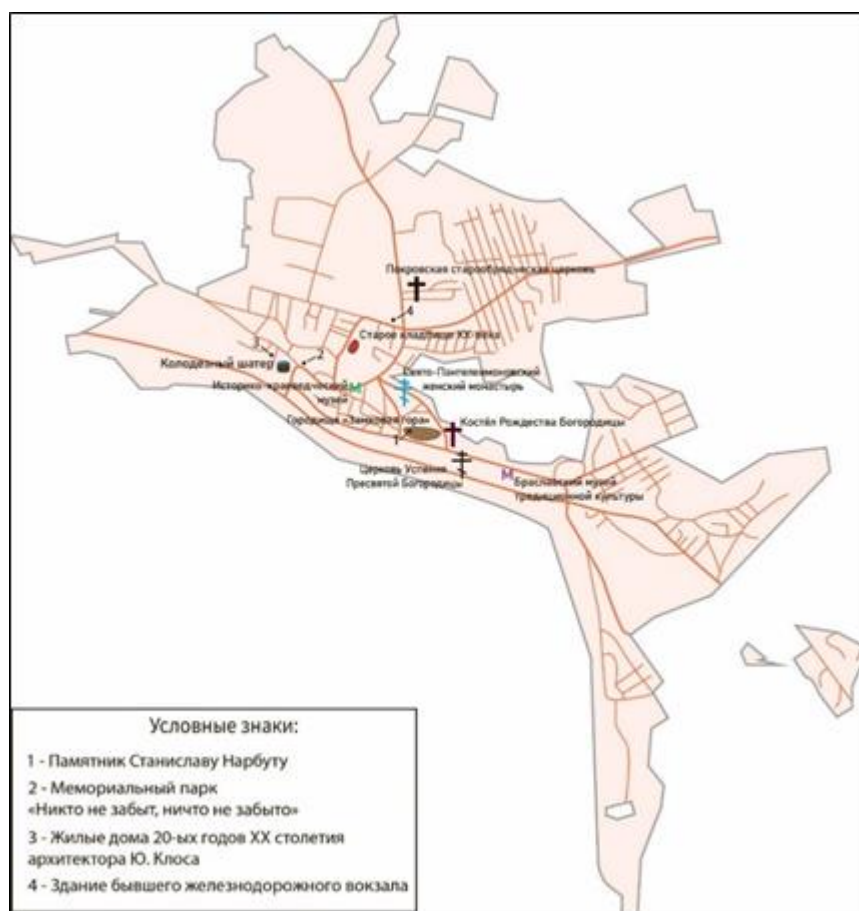

Рис.1. Культурно-исторические объекты Браслава (составлено автором по [7])

Существуют различные критерии бальной оценки культурно-исторических объектов. В качестве критериев оценки могут использоваться различные признаки и свойства объектов. Однако в отечественной практике при оценке экскурсионных объектов специалисты пользуются перечнем критериев, разработанным И.И. Пирожником. К ним относятся: познавательная ценность, известность, экзотичность, масштабность, фон, акустическая среда, комфортность сезонов [6]. Результаты оценки историко-культурных объектов города Браслав позволили выявить ключевые объекты познавательного туризма. Наиболее высоко оцененным объектом является Костел Рождества Пресвятой Девы Марии с 15 баллами, что обусловлено его выразительностью, экзотичностью и медико-географическими свойствами, а также благоприятной акустической средой и фоном. Городище Замковая гора и Колодезный шатер, а также Покровская старообрядческая церковь имеют по 14 баллов. Наименее высоко оценены Браславский историко-краеведческий музей, Жилые дома, Старое кладбище и Здание бывшего железнодорожного вокзала с 10 баллами каждый. В целом, результаты оценки позво-

ляют определить наиболее ценные и перспективные объекты для развития туризма в Браславе.

Таким образом, Браслав обладает богатым культурно-историческим наследием, представляет собой уникальный туристический центр. Живописные Браславские озера, тесно переплетенные с историческими памятниками и традициями, создают мощный потенциал для развития культурного туризма. Сохранение и популяризация этого наследия, включающего архитектурные достопримечательности, местные ремесла и фольклор, является ключевым фактором для устойчивого развития региона, привлечения туристов и повышения узнаваемости Браслава как ценного объекта культурного наследия Беларуси. Эффективное использование культурно-исторического потенциала не только способствует экономическому росту, но и укрепляет идентичность и гордость местных жителей.

В ходе работы были выделены 3 главных тезисов отражающие культурно-исторический потенциал города и сущность концепции Э. Гуссерля:

Концепт жизненного мира Э. Гуссерля обладает значительным потенциалом к трансдисциплинарности и может быть применен в различных сферах знания, к примеру в географии.

Жизненный мир, как основа опыта, динамичен и формируется под влиянием социальных и культурных изменений, а опыт восприятия окружающей среды является основой для конституирования городской повседневности.

Браслав обладает значительным историко-культурным наследием, включающим археологические находки, архитектурные памятники и религиозные святыни, что делает его перспективным для развития туризма.

Комплексная оценка историко-культурных объектов Браслава выявила Костел Рождества Пресвятой Девы Марии как наиболее ценный объект для развития познавательного туризма, а также определила другие перспективные объекты, такие как Городище Замковая гора и Колодезный шатер.

Библиографические ссылки

1. Антология реалистической феноменологии / под ред. Д. Атласа и В. Куренного. М. : Ин-т философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. 743 с.
2. Борисов Е. В. Феноменология Э. Гуссерля и М. Хайдеггера: моменты преемственности // Вестн. Том. гос. ун-та. 1999. № 267. С. 14-18.

3.Веденин Ю. А. Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. М., 1999. с. 10.

4.Гуссерль Э. Избранные работы // Сост. В. А. Куренной. М. : Изд. дом «Территория будущего». 2005. 464 с.

5.Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // пер. с нем. А. В. Михайлова. 2-е изд. М. : Академический проект, 2009. 399 с.

6.Пирожник И. И. Основы географии туризма и экскурсионного обслуживания. Минск, 1985.

7.Туризм [Электронный ресурс] // Браславский районный исполнительный комитет. URL: <https://braslav.vitebsk-region.gov.by/ru/turizm/> (дата обращения: 18.03.2025).

ПАВЛИКИАНСТВО КАК НАСЛЕДИЕ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ГНОСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Я. А. Коховец

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь kakhavets.yaraslau@gmail.com
Научный руководитель — И. Н. Сидоренко, доктор философских наук, профессор*

Статья посвящена павликианству – гностическо-христианскому учению, зародившемуся в VII в. в Сирии. Автор анализирует ключевые доктринальные положения павликианства, включая их реинтерпретацию христианского вероучения, основанную на критике обрядовой стороны и церковной иерархии. Особое внимание уделяется влиянию манихейской и раннехристианской гностической традиции на формирование павликианского учения. В статье выделяются характерные особенности павликианства, такие как дуалистическое восприятие фигуры творца, отвержение Ветхого Завета и церковной иерархии, докетическое понимание Христа и отказ от почитания святых.

Ключевые слова: павликиане; гностицизм; христианство; раннее средневековье; ересь.

Павликианство явилось миру в VII в. как новое гностическо-христианское учение, вдохновленное манихейской традицией Сирии и раннехристианской гностической оптикой. Прежде всего павликианство вызывает интерес тем влиянием, которое оно оказала на дальнейшее развитие и преобразование христианско-гностической мысли, которое непосредственно можно проследить в духовном её наследнике, самом влиятельном «еретическом» движении средневековья – учении катаров.

Павликиане, предположительно, берут название от апостола Павла, который у них чтился выше остальных апостолов, как «учитель духовной веры». История учения начинается во второй половине VII в. в городе Кивос, с основания первой общины – Македонии [4, с.198] сирийцем Константином, воспитанным в традициях сирийского гностицизма, сыном манихейки. После изучения Нового Завета, Константин берет имя Сильван (так звали одного из учеников апостола Павла) и решает, что христианство необходимо отчистить от «налёта идолопоклонства, язычества и иудейства». Изучив Священное Писание, он формирует оптику на христианство как религию строго духовной направленности, в то время как обрядовая современная ему обрядовая сторона, иконопочитание, почитание Святого креста и мощей, рассматриваются как проявления идолопоклонства. По образцу апостольской церкви, Сильван упразднил в своей общине иерархию, при этом сохраняя разделение на учеников апостольских – высшие руководители учения, претендующие

на апостольскую преемственность; пастырей и учителей (спутники) – людей, управлявших отдельными общинами. Священное Писание павликианами принималось только в виде Нового Завета, однако, с поправкой на то, что в нём отсутствовали послания апостола Петра. Также, новое учение было очищено от некоторых христианских таинств, хотя принимались крещение и евхаристия, пусть и в видоизменённой форме – они проводились невещественно, через силу духа, ссылаясь на отрывок из Ин 4:1-26 [1, с.1046]. Евхаристия также совершалась через чтение евангелия, слова Христа, и молитву как «воду живую и хлеб небесный». Аскетизм, так же как монашество и пост отвергались за ненужность, как нечто излишнее и не способствующее спасению. Иерархию и традицию храмового строительства павликиане считали пережитком иудаизма, на место храмов пришли дома молитвы, где община собиралась для «усвоения откровения». Примечательно, что, как и монтанисты, павликиане считали, что Святой Дух сообщается только им и их лидерам, как истинно чистым последователям веры.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что, в своих иерархически-реформистских стремлениях, как и в отвержении Ветхого завета павликиане являлись духовными последователями учения Монтана, а в отделении себя от вселенской церкви также и Новациана, считая себя «чистыми», настоящими последователями учения Христа, а остальных христиан просто «ромеями», погрязшими в языческих заблуждениях.

Говоря же непосредственно об учении Сильвана, можно отметить несколько очень неоднозначных моментов. Его учение утверждает существование Благого Бога, или Небесного Отца ВСЕдержителя, и противного ему Демиурга – МИРодержателя. Отстаивая такой демиургизм, Сильван отсылается на Ин. 5:37, где якобы говорится о скрытости от нас истинного Бога.

Не совсем понятны отношения Отца Небесного и Демиурга, но именно Миродержителю, коему и поклоняются все язычники и даже, по словам Сильвана, христиане они приписывают творение материального мира и человеческого тела, что в свою очередь может служить параллелью, к учению о творении одних из их предшественников – манихеев, евхитов (мессалиан) и духовных братьев павликиан – богомилов, которые учили о старшем сыне Высшего Бога – Сатанаиле, владыке «земного», восставшего против отца и сотворившего своё независимое материальное царство. Вот, что пишет Петр Сицилийский об этом в своем труде «Полезная история, осуждение и опровержение ереси манихеев, называемых также павликианами, начертанная для архиепископа Болгарии»:

«Их первая отличительная черта та, что они признают два начала - злого бога и доброго, что значит один бог - творец мира, над которым он властвует, а другой - бог будущего. И забавно, что это они часто подчеркивают, когда бывают на свободе всякому, какой бы не был собеседник. «Скажи мне, говорят, что нас отличает от ромеев?» Они - эти беззаконные, негодяи, неверные, неблагодарные, неблаголюбивые, сами себя называют христианами, а нас, настоящих носителей имени Христа, нашего истинного Бога, называют ромеями, пытаюсь собственное имя заменить языческим. Мы - настоящие христиане, если даже каждый из нас владел тысячами и десятками тысяч золота, серебра, драгоценных камней, находящихся во всем мире, гордимся только Христом. Они говорят, что их отличает от нас то, что они признают одного бога творцом мира, и другого бога, называемого ими небесным отцом, обладающего властью не в этом мире, а в будущем» [5, с.10].

При этом, если у богомилов Сатанаил был «сыном Небесного Отца», то в контексте павликианского учения речь о нём может идти только как о сотворенном ангеле, или эманации в меру сохранившегося у павликиан догмата о триединости Бога.

Павликианская антропология, в свою очередь предполагает сотворение человека Демиургом из материального и Божественного духовного начала. Человек, должен был находиться в вечном рабстве в Эдеме, не ведая о частице своей божественной природы. Именно поэтому грехопадение и расценивается павликианами как выражение протеста, непослушания Демиургу, которое, на самом деле, стало первым шагом на пути к спасению, и получению Божественного Откровения, которое в полной мере явилось через Христа. Христология павликиан, продолжая гностическую традицию, предполагала докетизм. Искупитель явился в мир через Деву Марию, как через канал, и имел некое «эфирное» тело, состоящие из тонкой материи. В связи с этим как абсурдная отвергалась сама искупительная жертва Христа. В меру этого, также, как и от почитания святых мощей, они отказались ещё и от почитания Девы Марии, которая в полной мере не рожала Христа, а во-вторых, павликиане, ссылаясь Лк. 8:19-21 [1, с.1016]; Мф. 12:46-48 [1, с.952-953]; Мф. 13:55-56 [1, с.955] отвергали её девство, утверждая, что она рожала детей от Иосифа.

Таким образом, Петр Сицилийский, в IX в. выделяет шесть основных черт павликианства:

1. Демиургизм и дуализм как у манихеев.
2. Отвержение почитания Девы Марии, в связи с докетическим пониманием тела Христа и уверенностью в существовании у Марии и Иосифа детей.

3. Отказ от таинств и осуществление крещения и причастия через «силу духа», пренебрежение обрядовостью.

4. Иконоборчество и непринятие почитания Креста и Святых мощей.

5. Отсечение от Священного Писания Ветхого Завета и посланий апостола Петра.

6. Ликвидация церковной иерархии.

Отдельно можно отметить также и показное отделение себя от Вселенской Церкви, и характерный эксклюзивизм.

Подводя итоги, можно сказать, что павликианство, как наследие христианско-гностической мысли в раннем средневековье представляет собой интересный и самобытный синтез идей реформистско-раскольнической направленности, учения ап. Павла и манихейской традиции. Вместе с такими отчетливо прослеживающимися чертами гностической традиции, как эксклюзивизм, демиургизм и онтологическая ущербность материальности мы отмечаем такие нехарактерные для данной традиции черты, как отсутствие трихотомии в отношении деления людей на соматиков, психиков и пневматиков и, конечно, самую значительную черту, которая не позволяет, в известном смысле, назвать павликиан чисто гностической сектой является их учение о спасении достижимое в рамках общины через молитву и евангелие.

Павликиане являются яркими представителями религиозно синкретического учения реформационно-раскольнического типа в раннем средневековье. Влияние павликианства выходит далеко за рамки его времени, оно оказало значительное воздействие на формирование других движений, таких как богомилы и катары, став важным звеном в цепи эволюции христианских ересей. Павликианство демонстрирует сложность религиозного синкретизма и богатство духовных поисков раннего средневековья, оставляя наследие, которое продолжает вызывать интерес исследователей в контексте религиозной ситуации современности.

Библиографические ссылки

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: канонические. М.: Российское библейское общество, 1994.

2. *Поснов, М. Э.* История Христианской Церкви. Брюссель: Жизнь с Богом, 1964.

3. *Святой Иринеи Лионский.* Против ересей. Доказательство апостольской проповеди. М.: Пальмира, 2017. 680 с.

4. *Тальберг, Н. Д.* История христианской церкви. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2001.

5. Drevlit.ru : Библиотека древних рукописей М., 2008–2025. URL: http://drevlit.ru/texts/p/petr_sic.php. (дата обращения: 19.03.2025).

ФИЛОСОФИЯ НЕОМАРКСИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ АНТАГОНИЗМОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Г. А. Личевский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ilichevsky536@gmail.com*

Научный руководитель — И. Н. Сидоренко, доктор философских наук, доцент

В статье осуществляется попытка концептуального синтеза философии неомарксизма с социокультурными реалиями постиндустриального общества, выраженными в международном капитализме, информатизации и мозаичной культуре. Автором прослеживается процесс социокультурной трансформации капиталистического общества, сопряженный с эскалацией репрессивных идеологем. В качестве вывода подчеркивается, что методологический отказ от историзации социального субъекта, выражающий пафос неомарксистской традиции, выступает позитивным сценарием для разрешения социокультурных противоречий XXI века.

Ключевые слова: рационализация; капитализм; постиндустриальное общество; отчуждение.

В современности возрастает необходимость в солидаризации множественных, подчас полярных социокультурных тенденций. Подобная ситуация обусловлена, с одной стороны, возрастанием рефлексивности общественного субъекта как следствия рационализации окружающего мира, а с другой – диверсификацией капитализма и становлением индустрии информации. На этом фоне кризисные тенденции XXI века (обострение политических конфликтов, крах проекта глобализации) выступают свидетельством парадоксальности как идеологии Модерна, так и классического подходов к пониманию постиндустриального общества (Д. Белл). Как результат, ситуация фактического разобщения масс и возрастания конфликтогенности в современном обществе требует своего осмысления с позиции творческого субъекта, свободного от любых форм тотализации окружающего мира, который обнаруживается в философии неомарксизма.

Стоит сказать, что в данном случае неомарксизм понимается как интеллектуальная традиция, охватывающая множество мыслителей XX и XXI вв. (от К. Корша до П. Слотердайка), нежели как авторский проект А. Грамши или Т. Адорно. В нашем понимании подобная интерпретация оказывается возможна ввиду концептуальной близости вышеозначенных авторов, а также в пользовании ими единым методологическим аппаратом.

Так, красной нитью неомарксизма первой и второй половины XX века выступает критическая рефлексия общественного субъекта и его исторических проекций. В этом случае традиционный марксизм получает свое дополнение с учетом индивидуальных характеристик человека, а принцип экономической детерминации его деятельности преобразуется в культурную рефлексия. По выражению М. А. Хевеши, в данном случае «... Речь идет не о новых исследованиях работ Маркса и не о новой интерпретации его творчества... Неомарксизм – это определенное теоретическое устремление найти при помощи Маркса ответы на животрепещущие вопросы современности» [5, с. 358].

Первичным аспектом философского анализа в данном случае предстает не столько социальная субстанция, сколько специфический тип рациональности, который эту субстанцию конституирует. Оказываясь производной из необходимости в «приручении» природы, эта рациональность в истории приобретает авторитарные черты, где стремление субъекта овладеть внешним миром в форме рациональной схемы вытесняет любые внерациональные формы взаимодействия с ним. Как результат, рациональная эксплуатация природы приводит к окончательному «освоению» человеком всего окружающего мира, итогом чему предстает критическое «разоблачение» мифа самого человека – фактический отказ от бытия им [1, с. 15].

В этом контексте новое содержание получает понятия отчуждения, предложенное К. Марксом. Если прежде оно было связано сугубо с характеристиками трудовой деятельности, то с развитием общества и его усложнением в XIX-XX вв. отчуждение получает социокультурное выражение. Таким образом, распознавая себя в ситуации соотнесенности с обществом, человек добровольно отрешается от возможности сохранить свое индивидуальное «Я» как психический страх за необходимость нести ответственность перед окружающим миром. Итогом этому предстает массовизация и обезличивание социального субъекта.

Однако если в реалиях индустриального общества практическим следствием массовизации выступало некритическое следование одиозным идеологиям и возникновение массовой культуры, то с отходом от ценностей Модерна во вторую половину XX века все большую роль стал получать негласный социальный конфликт, связанный с плюральными социальными идентичностями. И действительно, оказавшись неспособным к осуществлению социальной революции, субъект индустриального общества оказался в большей степени склонен к потреблению материальных благ, что не только упразднило его революционный потенциал, но и привело к необходимости в сублимации рационального авторитаризма.

На этом фоне становление постиндустриального общества в 60-ые годы XX века репрезентировало обострение вышеозначенной проблематики: в практической сфере – с точки зрения тотализации экономических интересов, а в культурной – упразднении любого креатива и легитимации стандартизированной модели мира. Таким образом, интенсивное развитие технологий как способа наиболее простого и эффективного взаимодействия с окружающим миром привело к усугублению внутриличностного конфликта – между «Я-хочу» и «Я-есть». Как итог, социальное неравенство, прежде выраженное в экономическом расслоении, обрело новое выражение, характеризуемое фрагментаризацией психического «Я».

В этой связи популяризация получили проекты критики всецело инструментального мироощущения, созвучные поиску новых оснований индивидуальной рациональности. Так, мыслители фрейдомарксисткой и постструктуралистской ориентации подчеркивали необходимость в деконструкции новоевропейского рационализма, что приведет к обретению человеком свободной от догматизма идентичности (Ж. Деррида, Г. Маркузе) [2; 3]. В этом случае первичным атрибутом человеческой жизни выступает свобода самоопределения, выраженная в произвольном выборе мировоззренческой позиции.

В свою очередь, П. Слотердаик, представитель неомарксизма в современности, обращает внимание на циническую доминанту европейской культуры и созвучной ей идеологии. Идеология в данном случае понимается как любая форма коллективного сознания, влияющая на отдельную личность (христианство, марксизм, либерализм) [4, с. 63 – 142 с.]. Способ же преодоления общественного цинизма, по П. Слотердайку, выражается в отказе со стороны субъекта от любых форм идеологической тотализации.

Соответственно, и первом случае и во втором случае единственно значимой формой конфликта в современности предстает различие между отдельным человеком и окружающим обществом. Подобное различие отражает самобытность и уникальность каждого из людей – качество, едва ли приемлемое в реалиях капиталистической экономики и выстроенной на ее фундаменте политики. Отсюда же проистекает потребности в активизации творческого потенциала «Я» и преобразование его в конструктивное мировоззрение.

Безусловно, стоит сказать, что критическая интерпретация ситуации постиндустриализма отнюдь не является продуктом общеполитического консенсуса. Например, постмарксистские проекты Ю. Хабермаса и С. Жижекa не менее детально описывают актуальные социокультурные тенденции, однако в этом случае остается непонятным, как обеспечить

политический компромисс европейского образца (Ю. Хабермас), или обеспечить сохранение человеческого «Я» посредством продуктивного политического действия (С. Жижек). На наш взгляд, современные социополитические тенденции скорее подтверждают необходимость в реабилитации неомарксизма, где сама возможность политического компромисса всецело определяется культурным многообразием и заботой человека о своем «Я».

Библиографические ссылки

1. *Адорно, Т., Хоркхаймер, М.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб.: Ювента, 1997.
2. *Деррида, Ж.* Письмо и различие. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000.
3. *Маркузе, Г.* Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев: Port-Royal, 1995.
4. *Слотердайк, П.* Критика цинического разума. М. : АСТ. МОСКВА, 2009.
5. *Хевеши, М. А.* Неомарксизм и его место в истории западной философии XX века // Карл Маркс и современная философия : сб. материалов науч. конф. к 180-летию со дня рождения К. Маркса, М., 23 апр. 1998 г. М., 1999. С. 356–363.

ГОТЛОБ ФРЕГЕ КАК ПЕРВЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТАФИЗИК

И. Н. Лобан

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, loban.iv.002@gmail.com
Научный руководитель — А. И. Екадумов, кандидат философских наук, доцент*

Доклад посвящён рассмотрению Готлоба Фреге как первого и одного из наиболее влиятельных метафизиков в аналитической традиции. Центральным является тезис о том, что метафизические построения Фреге не являются случайным дополнением к его логическим работам, а представляют собой необходимое следствие его борьбы с психологизмом и стремления обосновать абсолютную объективность логики и математики. Особое внимание уделено концепциям "Третьего Царства", различению Объектов и Понятий и онтологическим обязательствам логицизма.

Ключевые слова: Фреге; аналитическая философия; метафизика; аналитическая метафизика; платонизм; Третье Царство; смысл и значение; объект и понятие; функция; Мысль; логицизм; объективность; анти-психологизм; онтология; логический анализ; философия языка; основания математики.

Готлоб Фреге (1848-1925), немецкий логик, математик и философ, по праву считается одной из ключевых фигур в становлении аналитической философии. Его революционные идеи в области логики и философии языка заложили фундамент для многих последующих дискуссий. Однако частое представление Фреге исключительно как логика или философа языка затушевывает не менее важный аспект его наследия – его глубоко продуманную метафизическую позицию. Именно его стремление обосновать объективность логики и математики привело к разработке оригинальной онтологии, которую можно охарактеризовать как аналитический платонизм. Настоящая статья ставит целью раскрыть метафизическое измерение философии Фреге, показав, как его логико-семантические инновации служили инструментом для построения и защиты специфической картины мира, что позволяет считать его первым аналитическим метафизиком.

Центральным проектом Фреге был логицизм – попытка свести арифметику к логике, тем самым обеспечив ей надежный и аподиктический фундамент. Эта задача была не просто технической, но и глубоко философской, поскольку требовала прояснения природы чисел, логических законов и самой истины. Фреге столкнулся с необходимостью дать ответ на вопрос: что представляют собой объекты математики и каков статус логических истин, если они должны быть абсолютно объектив-

ными и не зависеть от человеческого мышления? Его ответ радикально расходился с доминировавшим в то время психологизмом, трактовавшим логические и математические понятия как продукты индивидуальной или коллективной психики. Фреге же настаивал на их полной независимости от сознания. Для обоснования этой независимости он разработал сложную систему семантических и онтологических различий.

Одним из краеугольных камней философии Фреге является его знаменитое различие смысла (Sinn) и значения (Bedeutung), введенное в статье "О смысле и значении" (1892). Значение имени собственного – это тот объект, который оно обозначает, например, значением имени "Аристотель" является сам Аристотель. Однако имена "Утренняя звезда" и "Вечерняя звезда" имеют одно и то же значение, планета Венера, но разный смысл. Смысл – это "способ данности" значения, то, как объект нам представлен. Это различие имело непосредственные метафизические следствия. Значениями для Фреге являются объективные сущности: конкретные и абстрактные объекты, как Венера или число 4, функции, включая понятия, и истинностные значения, Истина и Ложь. Важно подчеркнуть, что и смыслы для Фреге также объективны. Они не являются субъективными представлениями или идеями в уме человека, но принадлежат особому "третьему царству" (drittes Reich), о котором речь пойдет ниже. Объективность смыслов гарантирует возможность общезначимого знания и взаимопонимания. Мы все можем постигать один и тот же смысл, даже если наши индивидуальные представления об объекте различаются [3].

Другое фундаментальное онтологическое различие Фреге – это различие объекта (Gegenstand) и понятия (Begriff), которое является частным случаем более общего различия объекта и функции (Funktion). Объекты – это завершенные, "насыщенные" сущности, которые могут быть значениями имен собственных. Числа, для Фреге, являются объектами. Понятия же, и функции в целом – это "ненасыщенные", незавершенные сущности, требующие дополнения объектом или другими функциями для образования чего-то целого. Значениями предикатных выражений, например, "быть простым числом", являются понятия. Понятие – это функция, которая сопоставляет объектам истинностные значения: если объект подпадает под понятие, функция возвращает значение Истина, если нет – Ложь. Это различие имеет строгую онтологическую природу: мир Фреге населен фундаментально различными типами сущностей – объектами и функциями. Эта иерархическая структура, где функции могут принимать в качестве аргументов другие функции, лежит в основе его логической системы и одновременно отражает,

по его мнению, структуру самой реальности, по крайней мере, той ее части, которая доступна логическому анализу [1].

Ключевым элементом метафизики Фреге является постулирование "третьего царства" – сферы объективных, вневременных и внепространственных сущностей. Это царство отлично как от внешнего мира физических объектов, так и от внутреннего мира субъективных представлений. В этом "третьем царстве" обитают смыслы языковых выражений, мысли (*Gedanken*) – объективное содержание суждений, которое может быть истинным или ложным, – а также логические законы и математические объекты (числа, функции). Мысли, согласно Фреге, не создаются нами, а постигаются, схватываются (*fassen*). Они существуют независимо от того, думает ли о них кто-нибудь, подобно тому, как неоткрытая планета существует независимо от ее обнаружения. Истинность мысли также абсолютна и не зависит от чьего-либо признания. Эта позиция представляет собой явную форму платонизма [2]. Постулирование "третьего царства" было для Фреге необходимостью для обеспечения объективности науки, логики и математики и для борьбы с релятивизмом и психологизмом. Как отмечает Тайлер Бёрдж, для Фреге объективность содержания мысли была неразрывно связана с его реализмом в отношении абстрактных сущностей [4].

Таким образом, логика для Фреге – это не просто набор правил вывода или формальная игра символами. Логика имеет онтологический статус: ее законы – это "наиболее общие законы бытия истины", они описывают фундаментальную структуру реальности, населенной объектами, функциями и мыслями "третьего царства". Его "Исчисление понятий" (*Begriffsschrift*) было задумано не только как инструмент для строгого вывода, но и как идеальный язык, способный точно отобразить логическую форму мыслей и, следовательно, структуру той объективной реальности, которую эти мысли описывают. Анализ языка и логической формы, предпринятый Фреге, был не самоцелью, а методом прояснения онтологических оснований знания. Именно в этом смысле Фреге можно считать аналитическим метафизиком: он использовал методы логического и семантического анализа для формулирования и обоснования своей метафизической (платонистской) доктрины.

В заключение, хотя вклад Готлоба Фреге в логику и философию языка неоспорим, его работа имеет и глубокое метафизическое измерение. Его различения смысла и значения, объекта и понятия, а также его концепция "третьего царства" объективных мыслей и смыслов формируют последовательную платонистскую онтологию. Эта онтология была не побочным продуктом, а необходимым фундаментом для его логистского проекта и его борьбы за объективность знания. Используя

строгий логический анализ языка как инструмент для исследования фундаментальной структуры реальности, или, по крайней мере, реальности "третьего царства", Фреге заложил основы не только для аналитической философии языка, но и для аналитической метафизики, продемонстрировав, как философское исследование может сочетать логическую строгость с решением фундаментальных онтологических вопросов. Его наследие напоминает о том, что вопросы о языке и логике часто неразрывно связаны с вопросами о природе самой реальности.

Библиографические ссылки

1. *Бирюков, Б. В.* Теория смысла Готлоба Фреге. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. *Грязнов, А. Ф.* Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006.
3. *Фреге, Г.* Логика и логическая семантика : сб. тр. М.: Аспект Пресс, 2000.
4. *Burge, T.* Frege on Knowing the Third Realm // *Mind*. 1992. Vol. 101, № 404. P. 633–650.

ЦИНИЗМ КАК ПРОСВЕЩЕННОЕ ЛОЖНОЕ СОЗНАНИЕ В ФИЛОСОФИИ П. СЛОТЕРДАЙКА

М. О. Лунская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, margo_lun@mail.ru*

Научный руководитель – И. Н. Сидоренко, доктор философских наук, доцент

В данной работе были эксплицированы особенности цинизма как просвещенного ложного сознания. Циническому сознанию верхов П. Слотердайка противопоставляет киническое сознание низов. Первому соответствует «линия знания», редуцированная к чистому мышлению и отрешенная от реальной жизни, второй движется по «линии тела», которая свободно трансцендирует установленный властью номос. В результате осуществленного анализа кинизм был проинтерпретирован как универсальное средство выхода из кризисных состояний социума.

Ключевые слова: диффузный цинизм; П. Слотердайка; неокинизм; проект Просвещения; ложное сознание; Диоген; телесность.

В одном из своих поздних писем Ф. Энгельс охарактеризовал идеологию как «ложное сознание» [1, с. 462], противостоящее истине реальной социально-исторической практики. Идеология выступает конструктом человеческого сознания, она не возникает из практики, но ставит своей целью ее описание и выражение. Именно в этом кроется ее ложность: она производится меньшинством, маскируясь под продукт большинства, ради того, чтобы скрыть господство одних над другими под видом логики самой идеологии. В «Критике цинического разума» П. Слотердайка отмечает возникновение новой формы ложного сознания, радикально отличающейся от его «классических» форм. Подверженный идеологическому внушению индивид не догадывался о том, что им манипулируют, охваченное предрассудками сознание не находило свои идеи предрассудочными, и только циник не пребывает в заблуждении относительно реального положения вещей.

П. Слотердайка определяет цинизм как «просвещенное ложное сознание» [2, с. 22], которым невозможно манипулировать, поскольку ему уже известно все то, что известно потенциальным манипуляторам. Несмотря на отсутствие разницы в знании между субъектом и объектом манипуляции, из которого должна проистекать элиминация ложного сознания, циник добровольно позволяет господствовать над собой. Источником антиномичности цинического сознания является проект Просвещения, важнейшая интенция которого состояла в критике ложного сознания и его идеологий. Однако просветительская критика сама превраща-

ется в новую идеологию – идеологию цинизма. Цинизм, который прежде был исключительным явлением, отныне становится «диффузным» или массовым. Благодаря проекту Просвещения человек приобрел не только знание ложности идеологий, но и знание о том, что борьба с ними неизбежно оборачивается возникновением новых идеологий. Циник отказывается от реальных попыток конституирования нового общества, поскольку они вновь превратятся в то, против чего исходно выдвигались, а именно в цинизм.

Исторически цинизм являлся атрибутом властей, его распространение в массовом сознании берет свой исток с эпохи Просвещения, которая, сделав знание достоянием масс стремилась достигнуть их автономии [3]. Однако знание не побудило массы действовать ради достижения равенства, скорее, наоборот, они примыкают к цинизму «верхов» и лишаются своего взрывного потенциала. Отныне «верхи» и «низы» не демаркированы как оппонирующие друг другу силы, овладев знанием низы отказались трансцендировать отношения господства и подчинения, но предпочли занять сторону господ. Господство, однако, невозможно без рабства, также как верхи существуют лишь в противопоставлении с низами. Таким образом, сегодня остается лишь одно всеобъемлющее властное отношение: цинические субъекты являются рабами собственного цинизма и в этом смысле цинизм порождает безальтернативность. Добровольно подчинившийся системе субъект мнит себя господином и именно поэтому он не способен изменить *status quo*.

Современный индивид настроен цинично в отношении власти и установленных ею социальных порядков, однако он не действует против них. Именно поэтому П. Слотердаик считает необходимым осуществить новое Просвещение, которое воссоединит расколотые цинизмом знание и тело. Подлинное Просвещение станет возможным благодаря обращению к кинической философии: киник действует, подрывая сформировавшийся номос, он не принимает тех норм, которые ему навязываются извне и его жизнь, его поведение, каждое его действие является отрицанием сложившихся отношений.

Противостояние между верхами и низами было оформлено уже в рамках античной философии: по линии Платона и линии Диогена. Первый элиминировал из собственной философии проявления телесности и реальной жизни, сведя ее к отрешенной от практики метафизической теории, которая обесценивает все материальное и конечное, что тождественно обесцениванию самой человеческой жизни. «Линия тела» является критикой извне, поэтому любой ее аргумент проходит поперек «линии знания». Жизнь Диогена Синопского, главного выразителя движения кинизма, являлась именно такой критикой вла-

сти знания. Кинический субъект находится за пределами социальных групп, поэтому осуществляемая им критика находится по ту сторону от объекта критики. В данном случае оппозиция между «верхом» и «низом» прослеживается наиболее явно, с чем и связана плодотворность самой этой критики. В отличие от киника, циник всегда включен в социальные группы, поэтому в его цинической критике не вырисовывается вертикали противостояния «верха» и «низа», поскольку объектом его квазикритики всегда выступает та общность, к которой относится он сам.

Борьба «верхов» и «низов» являет собой оппозицию цинического и кинического. П. Слотердаик предупреждает о том, что неверно трактовать ее как борьбу силы и бессилия, поскольку так называемые «низы» не лишены силы. Их власть над ситуацией проявляется в способности пренебрегать рамками, которые были очерчены властными структурами, и выходить за их пределы. Средством трансцендирования социальных границ выступает тело, именно оно является основой власти отрицания, понимаемой в качестве индивидуальной свободы противостоять ограничивающим человека институциям. В границах собственной мысли индивид может подвергать общество критике, однако утверждение подлинного «нет», возможно лишь посредством тела: «Дерзость снизу действенна, если она выражает своим напором реальные энергии» [2, с. 105]. Таким образом, власть верхов не способна исключить киническую власть низов, однако это два принципиально отличающихся типа власти: первая готова принять любые убеждения ради самосохранения и в этом заключается ее ограниченность, вторая же функционирует исходя из собственных убеждений, а потому является свободной.

Завершение агонии человечества может осуществиться посредством его саморазрушения, к которому общество усердно двигалось на протяжении последних двух столетий. Человечество подготовило себя к самоистреблению, вооружившись атомными бомбами, которые создавались циниками под предлогом защиты от цинизма, но в действительности стали его результирующим творением. Самоликвидация цинического общества отвлекла бы индивидов от поглощенности собственными планами, на мгновение ей удалось бы отвратить их от цинизма. Однако П. Слотердаик запуску атомной бомбы предпочитает киническую витальность.

Цинический подрыв общества изнутри должен быть заменен его отрицанием извне, которому удастся вновь сделать человеческую жизнь целью самой по себе. Именно поэтому кинизм не должен быть оставлен как течение, законсервированное в Античности, но должен

стать универсальным методом выхода из кризисных времен. Погрязшая в собственном пессимизме циничная современность как никогда нуждается в философии жизни, которая снимет атрофию действия человека и станет истоком его нового жизненного импульса.

Библиографические ссылки

1. *Маркс, К. Энгельс, Ф.* Избранные письма. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947.
2. *Слотердаик, П.* Критика циничского разума. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 428 с.
3. *Кант, И.* Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1964. Том 3

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ С. КЬЕРКЕГОРА И Ф. НИЦШЕ КАК ОТВЕТЫ НА КРИЗИС СМЫСЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

А. А. Луцевич.

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
2203030, г. Минск, Беларусь, aleksejlucevic9@gmail.com*

Научный руководитель — А. А. Легчилин, кандидат философских наук, доцент

Предметом данной статьи являются экзистенциальные проекты С.Кьеркегора и Ф.Ницше, рассмотренные в качестве стратегий по преодолению смысловой неопределенности вообще и неопределенности современного сообщества в частности. Также путем обращения к фундаментальному различию проектов Кьеркегора и Ницше определена одна из серьезных проблем современной действительности, затрудняющая построение ценностных систем, а именно: неустойчивое пограничное положение ценностей в имманентно-трансцендентном пространстве.

Ключевые слова: С. Кьеркегор; Ф. Ницше; проект; иррационализм; сверхчеловек; Бог; имманентный; трансцендентный.

История человечества нередко сталкивается с кардинальными переменами, вынуждающими эпохи серьезным образом пересматривать многие устоявшиеся ценности и идеалы. Такие периоды можно назвать периодами смысловой неопределенности. Наша эпоха, эпоха 21 века, уже «на пороге» сталкивается с серьезными испытаниями, воздействующими как на бытие отдельного человека, так и на существование всего сообщества. Сегодня задача человечества и философов в частности во многом состоит в поиске стратегий, позволяющих «устоять» в условиях глобальных перемен и определить смысловые ориентиры для дальнейшей деятельности. Словом проект в данном исследовании я и обозначаю подобного рода стратегии.

В 19 веке такие философы, как Кьеркегор и Ницше предложили свои варианты экзистенциальных проектов. Значимость именно их трудов состоит в том, что, во-первых, именно в 19 столетии обозначились многие фундаментальные проблемы человечества; во-вторых, оба философа обращались к феномену конкретного бытия человека, что делает их проекты весьма универсальными и применимыми и в наше нелегкое время.

Обращаясь к проекту С. Кьеркегора, сразу необходимо отметить демократизм его позиции. Датский философ полагает, что человек способен преодолеть деструктивную эстетическую стадию исключительно путем выбора, путем осознания и принятия своего вечного значения, которое коренится в общечеловеческом. «Минута выбора имеет для меня

чрезвычайное значение...» [2, с. 287]. Однако опора на общечеловеческом не делает индивида участником безликой массы, за человеком остается его принципиальная неповторимость и уникальность и более того, именно в своей конкретности человек осуществляет общечеловеческое. «Человек этического воззрения на жизнь видит в ней «общечеловеческое» и старается сам быть воплощением этого «общечеловеческого»...не...отрешается от своей конкретности...но, напротив...сознательно проникается ею...вместе с ней воспринимает в себя общечеловеческое» [2, с. 409]. Выбор же в пользу вечного значения реализуется исключительно на свободной основе. Таким образом, одним из главных аспектов вечного значения человека является его свобода. «Когда я вижу свои возможности, я испытываю тот страх, который есть головокружение от свободы. И свой выбор я делаю, будучи охвачен страхом и трепетом» [3, с. 52].

Эстетическая стадия является начальной для каждого человека и только в силах самого человека осознать абсолютное значение выбора и свободно осуществить его в пользу своего вечного, общечеловеческого значения. Важно отметить, что у каждого преодоление эстетической стадии происходит строго индивидуально и любое внешнее воздействие может быть только поводом, но никак не гарантией к метаморфозам личности. «...призыв...не к деятельности мысли – в этом ты не нуждаешься, – но к серьезной душевной работе» [2, с. 292].

Фактором же возникновения веры как основной формы экзистенциального поведения является получение человеком условия истины от самого Бога. Это получение выражается в жизни человека мгновением, обращающим его к вечности. Человек осознает, что до этого пребывал в не-истине и теперь его задачей является выход из этого состояния, ибо Бог дал ему такую возможность, реализовать которую надо своими усилиями. Без условия истины, которое может дать только Бог, человек не способен прийти к подлинной вере. «...в этот момент в бытии появилось вечное, которого до того в нем не было» [4, с. 13-14].

Сама же вера по Кьеркегору есть страсть, возникающая в естественном стремлении рассудка к парадоксу. То есть основа веры заключается в ее принципиальной парадоксальности, что, к слову, и не позволяет прийти к ней внешними, то есть исключительно историческими и исследовательскими методами. Это сугубо личностный и свободный акт, заключающийся в ответе перед Богом и безусловным доверии к нему. «...разве вера не так же парадоксальна, как сам парадокс?» [4, с. 73]. «...вера — не познание, но акт свободы...» [4, с. 94]. «...рассудок и парадокс встречаются друг с другом в определенный... треть, где эта

встреча совершается...это третье — прямо-таки счастливая страсть...Назовем эту страсть верой [4, с. 65].

Во многом абсурдность веры выражается в установлении человеком (то есть существа процессуального, проживающего в своей конкретности в преходящем мире) своей конечной цели в трансцендентном, а именно в единстве с Богом. «Вера — это противоречие между бесконечной страстью внутреннего и объективной неопределенностью» [1, с. 222].

Негативность массы или толпы также обозначается Кьеркегором. Если на этической стадии масса опасна тем, что может ввести в заблуждение касательно ценностей жизни, то на религиозной стадии она просто исключается ввиду принципиального духовного одиночества перед лицом абсолютного Бога. «...люди знают, что, выбирая более легкую, но в глазах толпы более опасную борьбу, принимая кажущееся за истинное...»[2, с. 445].

Страдание же является фундаментальной характеристикой человеческой экзистенции. Она сопровождает человека на протяжении всей его земной жизни и является ключом для обращения к вере и к Богу. Тесно связанным со страданием является и раскаяние, которое для Кьеркегора является основным фактором целостного существа изменяющегося индивида. «Раскаиваясь, человек мысленно перебирает все свое прошлое...семьи, рода...наконец доходит до...Бога, и тут обретает самого себя» [2, с. 365].

Таким образом, проект Кьеркегора способен реализовать каждый человек, главным условием является сильная воля, способная на решающий самостоятельный выбор. Участником проекта, строго говоря, становятся благодаря божественному условию истины, однако это не умоляет ответственности самого индивида. Конечная цель проекта заключается в принятии абсурдности бытия и совершения прыжка веры, знаменующего дальнейшее единство с Богом в трансценденции.

Теперь же обратимся к проекту Ф. Ницше. Немецкий философ, особенно в поздних работах, подчеркивал жесткий антидемократизм своих идей. Главными практиками проекта Ницше должны быть люди сильных эффектов, стремящиеся постоянно увеличивать свою волю к власти и проповедовать дионисийство. Тяжелый путь осуществления проекта сверхчеловека требует от индивида воинственной устремленности и немалых жертв, что совершенно чуждо большинству, плотно застрявшему в традиционных структурах мировоззрения и ставших рабами аполлонического начала. Однако при этом и убогие люди массового декаданса (христиане, демократы, либералы, люди массы и тп.) также принимают активное участие в проекте, ибо, во-первых, являются поводом и ресур-

сом для повышения воли к власти сильных людей; и, во-вторых, являются неотъемлемой частью иерархичного общества, которое по Ницше должно заменить современное демократическое торжество массы. «Моя борьба против засилия стадных инстинктов, после того, как наука стала делать с ними одно общее дело; против утробной ненависти, с которой воспринимается всякая иерархия рангов и дистанция [6, с. 665].

При этом сильный человек имеет задатки к значительному повышению воли к власти исходя из своей природы, однако реализация естественной предрасположенности зависит от того, как именно человек воплотит свою жизненную энергию. Печальным примером плохой реализации воли к власти служил, по мнению Ницше, Блез Паскаль.

О значимости свободы в проекте Ницше говорить затруднительно: с одной стороны, немецкий мыслитель однозначно отрицал свободу воли в привычном понимании, с другой – нельзя причислить воззрения Ницше к фатализму; мне представляется верным обозначить то, что человеческая деятельность может заключаться в направлении реализации воли к власти: то к ее повышению во имя утверждения жизни, то к декадансу и отрицанию жизни.

Человечество должно прийти к сверхчеловеку, что реализуемо только в работе высших людей против низших и их порядков. В настоящее время сверхчеловека нет и никто в одиночку не может достигнуть этой позиции. Одним из главных условий движения к сверхчеловеку является принятие лживости воззрения современного человека, осознание ничтожности положения индивида в мире бестолковых идолов. «Внезапный ужас и подозрение против того, что она любила...порыв к страсти...отрезвлению...пыл стыда» [8, с. 6].

Построение же новой системы ценностей возможно исключительно после воинственного нигилизма и последующей творческой активности аристократического сообщества. «Глаз нигилиста идеализирует в сторону безобразия, творит предательство по отношению к собственным воспоминаниям: он пренебрегает ими...» [8, с. 36-37]. Эта великая задача исходит из могучего человека как призыв к утверждению жизни, к повышению воли к власти, исходит из его природы ввиду неуживчивости в упаднической культуре.

Вся реализация проекта для Ницше исключительно имманентна и касается только самой жизни, ибо любое трансцендентное является выражением упаднической культуры и отрицания жизни.

Обращаясь к метафоре каната можно также сказать, что сверхчеловек – это принципиально иное существо, нежели человек и что нынешний человек не есть цель, но именно средство для воплощения сверхчеловека.

Теперь же обсудим проект Ницше в связи с проблемой вечного возвращения: его суть заключается в том, что история будет повторяться нескончаемое количество раз. Таким образом, проект Ницше не имеет четкой законченной цели, он вечен, сама суть проекта в его постоянстве. Такая специфика связана с витализмом Ницше: жизнь не имеет конца, она утверждает себя в активности, в созидании и разрушении; любая остановка для жизни есть состояние упадка. «Говорить жизни «да» даже в самых непостижимых и суровых её проблемах; воля к жизни, ликующая, когда она приносит в жертву собственной неисчерпаемости свои высшие типажи, — вот что называл я дионисическим...» [5, с. 348]. Высшее утверждение жизни человеком по Ницше заключается в некотором самопожертвовании себя как индивида с конечными целями и идеалами самой нескончаемой жизни в ее необузданной энергии. Принимая испытание вечного возвращения, человек утверждает себя как саму жизнь, повторяющуюся в бесконечном потоке и в этом реализующую свое высшее утверждение. «Выздоровливающий» – это тот, кто сосредотачивается на возвращении домой...на вдумчивом обращении...к собственному предназначению» [7, с. 4]. То есть сверхчеловек – это суть вечное преодоление самого себя, то есть становление самой жизнью вне индивидуальных ограничений.

Таким образом, в результате вышеизложенных рассуждений, можно провести наиболее существенные различия, касательно проектов Кьеркегора и Ницше.

Проект Кьеркегора суть индивидуальное средство спасения от бессмыслицы, позволяющее всякому обрести свое место в мире, если человек готов держать ответственность за самого себя и свои поступки. Фундаментом же для построения своего мировоззрения выступает не только солидарность с другими людьми на основе общечеловеческого, но и абсурдная и все же искренняя вера в трансцендентный абсолют (Бога) как источник благ и гарантию заботы.

Проект Ницше суть коллективное средство спасения от бессмыслицы, позволяющее утвердить единственно подлинное, что есть в мире – жизнь путем полной самоотдачи человека великому всеобщему потоку витальности. Фундаментом для построения мировоззрения является сама жизнь во всех ее проявлениях, а также чувство повышения воли к власти. То есть проект Ницше имеет суть в самом имманентном, принимая все его условия как подлинные и единственные для любого живого существа, нейтрализуя привычные понятия идеала, цели и тп.

Говоря о современности и применимости изложенных стратегий, необходимо заявить о том, что они уже в некоторой форме имеют место в нашей действительности. Более того, я готов заявить, что именно про-

екты Кьеркегора и Ницше способны дать весьма адекватное отражение некоторым наиболее влиятельнейшим тенденциям современной этической мысли, касающейся предназначения человека. Под этими современнейшими тенденциями я имею ввиду традиционный гуманизм и постгуманизм.

Традиционный гуманизм, как мне представляется, утверждает значение человека как индивида и сообщества как совокупности индивидов через введение некоторой вечной человеческой сущности, находящую свое полное выражение и получающую свои моральные ориентиры из абсолютного идеала как источника моральных норм и цели человеческого существа. Этот абсолютный идеал может скрываться под разными именами, однако отношение к нему не может быть исключительно рационального характера, но подразумевает в себе искренний и глубоко интимный момент. Таким образом, в стратегии традиционного гуманизма проглядывается проект Кьеркегора.

Постгуманизм же, нынче стремительно набирающий популярность, прогнозирует пришествие принципиально иной формы человека – постчеловека. Предполагается, что он не только будет намного совершеннее нас во всех свойствах, но приобретет и такие невероятные качества, что обыденному современному уму они будут просто никаким образом не доступны. В некоторой степени постгуманизм связан с трансгуманизмом, однако в отличие от последнего, постгуманизм не предполагает сохранения некоторой устойчивой человеческой сущности, он вообще не предполагает в человеке сущности. Сходство же между ними в ориентации на принципиальную роль технологий в трансформации человеческого существа (хотя в постгуманизме технологии тоже не необходимы). В общем говоря, в стратегии постгуманизма очевидным образом просматривается проект Ницше.

Таким образом, можно заключить не только об актуальности стратегий Кьеркегора и Ницше, но и фактическом их применении во многих отношениях.

В заключении отмечу наиболее существенный момент в проектах Кьеркегора и Ницше, который, по-моему, имеет существенную роль в определении «диагноза» проблем преодоления смысловой неопределенности: я говорю об имманентности и трансцендентности. Полагаю разумным считать, что все проекты человечества можно разделить на три вида: трансцендентный, имманентный и трансцендентно-имманентный. Но здесь следовало бы говорить не столько о мировоззрениях как совокупности ценностей, но именно о самих ценностях. Мне представляется, что одной из существенных причин кризиса смысла может выступать как раз перманентная переориентация ценностей из трансцендентных в

имманентные, из абсолютных и постоянных в приходящие и наоборот в глобальном пространстве информации и событий. (Можно полагать некоторое пограничное состояние ценностей, заключающих в себе абсолютную трансцендентную и преходящую имманентную природы одновременно).

Таким образом, определив специфику и основные различия проектов Кьеркегора и Ницше мы не только обосновали применимость их проектов в некотором виде в современном сообществе, но также и эксплицировали существенную проблему в выстраивании полноценных ценностных систем в контексте современного глобального информационного сообщества.

Библиографические ссылки

1. *Кьеркегор, С.* Заключительное ненаучное послесловие к *Философским крохам*». СПб. : Издательство С.-Петерб. ун-та, 2005.
2. *Кьеркегор, С.* Или – или : сборн. изб. пр. М. : Издательство АСТ. 2023.
3. *Кьеркегор, С.* Страх и трепет. М. : Республика, 1993.
4. *Кьеркегор, С.* Философские крохи. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009.
5. *Ницше, Ф.* Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов. М. : Издательство АСТ, 2022
6. *Ницше, Ф.* Воля к власти / Ф. Ницше ; [пер. с нем.]. М. : Издательство АСТ, 2023.
7. *Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021.
8. *Ницше, Ф.* Человеческое, слишком человеческое. М. : Издательство АСТ, 2023.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕИ ГЕЛИОЦЕНТРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Н. А. Майстрова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
2203030, г. Минск, Беларусь, ciceron549@gmail.com
Научный руководитель — И. И. Лещинская, кандидат философских наук, доцент*

Статья посвящена исторической реконструкции процесса становления идеи гелиоцентризма и ее обоснования в качестве научно обоснованной системы мироздания. Показана трансформация ценностных установок и философских принципов, характерная для эпохи Возрождения, а также роль последних для обоснования идеи гелиоцентризма. На основе анализа учения Н. Коперника и философии Дж. Бруно показан процесс переосмысления мыслителями геоцентрической системы мироздания. Раскрыт вклад идей И. Кеплера и Г. Галилея в научное обоснование идеи гелиоцентризма.

Ключевые слова: геоцентрическая система; эпоха Возрождения; интеллектуальная история; гелиоцентризм; пантеизм; гипотеза; теория.

Гелиоцентризм принимается современным научным сообществом как нечто самоочевидное. Гелиоцентрическая система мироздания подтверждается не только математическими расчетами, но и непосредственным наблюдением из открытого космоса. Однако, становление и утверждение данной теории было достаточно сложным, а порой и драматическим. Геоцентрическая система Аристотеля-Птолемея, которая являлась основой античной и средневековой астрономии и космологии, господствовала на протяжении многих столетий. Лишь в эпоху Возрождения гелиоцентризм был выдвинут в качестве научной гипотезы, и благодаря напряженным усилиям ряда мыслителей обрел статус научной теории. Анализ интеллектуальной истории, то есть процесса зарождения идей и их утверждения в общественном сознании эпохи представляют интерес не только для научного сообщества, но являются значимыми для понимания закономерностей социокультурного процесса.

Эпоха Возрождения, в контексте которой формируется новая теория мироздания, длилась два с половиной столетия: середина XIV в. - начало XVII веков. В экономическом аспекте, это – эпоха первоначального накопления капитала и формирования в недрах феодализма новых классов и соответственно новых социальных сил. Кроме того, это – эпоха великих географических открытий, которые не только расширили кругозор европейского человека, но и привели к колонизации ранее неизвестных стран и народов. В религиозном аспекте, это – эпоха мощных религиозных движений, приведших к появлению протестантизма и се-

куляризации общественного сознания. В культурном аспекте, это – эпоха обращения к идеалам и ценностям античной культуры, а также попытка их синтеза с универсалиями христианской культуры. Подобную задачу в первую очередь взяли на себя гуманисты и деятели культуры, которых принято называть «титанами».

Гелиоцентризм как идея появлялся в закрытых школах пифагорейцев и в трудах александрийских астрономов. Однако, лишь в эпоху Возрождения гелиоцентризм смог стать устойчивой мировоззренческой идеей. Это связано с возникновением протестантизма, распространение которого способствовало секуляризации общественного сознания. Представления о мироздании также были подвергнуты десакрализации. Небесное пространство по аналогии Земли, стало предметом пристального интереса и изучения многих мыслителей Возрождения. Системы пантеизма данной эпохи также сыграли важную роль в изменении вектора познания. Поскольку Бог отождествляется с природой, то божественная природа заслуживает не только восхищения и подражания в искусстве, а также глубокого и строгого познания. Благодаря идеям гуманистов, человек также наделен божественными качествами, он способен постигать мироздание и творить шедевры, подражая Творцу и его творению. Античный космоцентризм претерпел «коперниканскую революцию» и принял форму возрожденческого антропоцентризма.

Одним из таких выдающихся мыслителей эпохи Возрождения стал Н. Коперник (1473-1543) – польско-немецкий астроном, который представил гелиоцентрическую систему мира в качестве математической гипотезы, объясняющей движения планет. Она была изложена в 1543 году в трактате «О вращении небесных сфер». Коперник обучался в лучших университетах Европы, активно занимался медициной и разработкой собственных методов лечения. В поисках действенных методов лечения он стал изучать труды иранских астрологов, которые по расположению планет вычисляли индивидуальный гороскоп человека, в том числе и состояние его организма. Для изучения звезд и их расположения Копернику потребовались точные математические расчеты. Благодаря множеству математических расчетов он пришел к идее, что в качестве точки покоя следует взять не Землю, а Солнце. Результаты показали Копернику достаточно убедительными и он сформулировал идею гелиоцентризма. По этому поводу он писал: «Само Солнце будем считать занимающим центр мира; во всем этом нас убеждает разумный порядок, в котором следуют друг за другом все светила, и гармония всего мира...» [1, с. 30].

В дальнейшем Коперник дополнил идею гелиоцентризма тезисом о движении Земли. Однако, он не смог раскрыть и обосновать законы движения планет. Он остался в плену геоцентрической системы и сохранил так называемые деференты (большие идеальные круги вращения те-

ла вокруг центра) и эпициклы (малые идеальные круги вращения тела вокруг себя) для объяснения движения планет. При разработке своей системы Коперник взял за основу математические и геометрические закономерности, но ему так и не удалось разработать адекватные таблицы-расчеты движения небесных тел.

Дж. Бруно (1548-1600) – итальянский философ, один из важнейших мыслителей, внесший вклад в концептуальное обоснование гелиоцентрической системы мироздания. В диалоге «О бесконечности, вселенной и мирах», он принял учение Коперника, высказав ряд прогрессивных идей, в том числе идею множественности миров [2]. Свое развитие они получили в трактате «О причине, начале и едином», где была представлена его философская концепция [3]. В данной работе Дж. Бруно представил идею физической однородности мира, а также обосновал систему натуралистического пантеизма.

Дж. Бруно выдвинул опережающую его время идею о том, что все звезды являются аналогами Солнца, и каждая из них обладает собственной планетной системой с возможными формами жизни. Он утверждал, что космические миры непрерывно изменяются: одни звёздные системы рождаются, другие исчезают, но сама Вселенная не имеет границ и существует вечно. Согласно его представлениям, бесконечное пространство наполнено бесчисленным множеством обитаемых миров, что делает жизнь универсальным и непрерывным явлением во Вселенной [2].

Такое видение картины мира разительно отличалось от официальной мировоззренческой парадигмы, на страже которой стояла католическая церковь. В силу этого философ, а также за ряд сомнительных положений по поводу основных догматов, подвергся гонениям со стороны служителей католической церкви. Он вынужден был покинуть орден доминиканцев. Философ не отрекся от своего вероучения и после семилетнего тюремного заключения был сожжён на костре как еретик.

Коперник и Бруно выдвинули гелиоцентризм лишь в качестве научной гипотезы. В рамках математических исчислений Коперник близок к открытию законов движения небесных сфер, но одних расчетов было недостаточно для обоснования и доказательства предложенной им гипотезы. Отсутствие качественных эмпирических наблюдений не позволило гелиоцентрической системе принять статус завершённой научной теории.

Существенное продвижение в этом направлении было сделано немецким математиком и астрономом И. Кеплером (1571-1630). Это стало во многом возможно благодаря тесному сотрудничеству с Тихо-Браге, великим датским астрономом, который в течение 20 лет вел систематические и высокоточные астрономические наблюдения. Кеплер использовал результаты этих наблюдений и открыл законы движения планет Солнечной системы. Эти законы полно и точно объяснили види-

мую неравномерность движений планет. О заслугах Кеплера, исследователь истории науки А. Койре писал, что Кеплер установил: во-первых, что планеты двигаются вокруг Солнца согласно эллипсу; во-вторых, что движение планет равно в определенных участках орбиты; в-третьих, что периоды обращения планет можно рассчитать, обладая информацией о размерах орбит [4].

Но подлинное завершение история развития идеи гелиоцентризма получила в трактате Г. Галилея (1564-1642) «Диалог о двух главнейших системах мира», где гипотеза о гелиоцентрической системе мироздания стала научно обоснованной теорией [5]. Это стало возможным благодаря её экспериментальному подтверждению. Галилей создал и применил телескоп для астрономических наблюдений, открыл на Солнце пятна, в результате чего идеальный объект античности перестал быть абсолютно сакральным. В астрономии произошла подлинно научная революция. В связи с этим академик В. С. Степин писал: «Исходным пунктом научной революции считается переход от геоцентрической модели мира к гелиоцентрической...» [7, с. 153].

Таким образом, идея гелиоцентризма претерпела длительный и сложный путь развития. Н. Коперник и Дж. Бруно впервые обосновали эту идею благодаря новой системе ценностей и философских принципов. Эта идея возникла как ответ мыслителей на фундаментальную трансформацию мировоззрения эпохи, напряженного интереса постижению законов мироздания, веры в силы и могущество человека и его разума. Кеплер и Галилей разработали эмпирические доказательства данной идеи и открыли всеобщие законы движения вселенной. Лишь благодаря применению математических методов и экспериментальных доказательств идея гелиоцентризма утвердилась в общественном сознании эпохи. Даже столь лаконичный анализ становления и утверждения в культурном пространстве идеи гелиоцентризма демонстрирует сложность и противоречивость процесса интеллектуальной истории.

Библиографические ссылки

1. Коперник Н., О вращениях небесных сфер. М., 1964. 653 с.
2. Бруно Дж., О бесконечности, вселенной и мирах. М., 1935. 256 с.
3. Бруно Дж., О Причине, Начале и Едином. М., 2000. 320 с.
4. Койре А., Кеплер и новая астрономия. Париж, 1961. С. 119-458.
5. Галилей Г., Диалог о двух главнейших системах мира. М., 2018. 918 с.
6. Стёпин В. С., Кузнецова Л. Ф., Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. 274 с.

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О ДУШЕ

Д. И. Моисеева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
2203030, г. Минск, Беларусь, d.ig.moiseeva@gmail.com
Научный руководитель — И. Н. Сидоренко, доктор философских наук, доцент*

В работе рассматривается учение Аристотеля о душе как системный подход к пониманию человеческой природы, включающий психологические, гносеологические и этические аспекты. Анализируется структура души, выделяются растительная, животная и разумная способности, раскрываются их функции и взаимосвязь с познавательной деятельностью и нравственным развитием человека. Особое внимание уделяется исследованию чувственного восприятия, воображения и разума как этапов познавательного процесса, а также роли деятельного ума в постижении универсальных истин.

Ключевые слова: Аристотель; душа; этика; психология; гносеология; разум; познание; ощущение; воображение; чувства; добродетель; эвдемония; нравственность; мышление; сознание; мыслительные добродетели; нравственные добродетели.

Учение Аристотеля о душе представляет собой системный подход к пониманию человеческой природы, включающий в себя этику, психологию и теорию познания. Он отводил исследованию души одно из первых мест, т.к. считал познание делом прекрасным (о чём упоминалось в первой главе данной работы), а душу – началом живых существ, что делает это особенно важным. В рассмотрении будем двигаться последовательно.

Психологический аспект души.

Прежде всего, Аристотель утверждает, что состояния души неразрывно связаны с материей живых существ. Это важно упомянуть, т.к., например, у Платона это иначе. Материя сама по себе представляется частью сущности, которая сама по себе является неопределённой. Благодаря форме она уже приобретает определённость. Материя – потенция, когда форма её энтелехия. Сущность же – действительность, а в нашем случае она воплощается в естественное тело, наделённое жизнью. Жизнью Аристотель называет возможность питания, роста и упадка тела. Душа в этом контексте – форма естественного тела, обладающая возможностью жизни. Из этого следует, что душа – энтелехия естественного тела. В этой связи душа неотделима от тела [3].

Благодаря душе мы прежде всего существуем, ощущаем и размышляем. Аристотель выделяет три вида способностей души: растительная,

ощущения и разумная. Одним существам они присущи все, другим - некоторые, третьим – только одна [3].

Растительная способность души проявляется в сохранении существа таким, каково оно есть, обеспечивая деятельность питанием. Потому что без пищи живое существо не сможет существовать. Животной способности души присуще то, что и растительной, но появляется волевой компонент, ощущение и память. Она характерна для животных и человека. Разумная способность души – высшая из перечисленных, включает в себя все предыдущие, но дополняется способностью к размышлению и рефлексии. Единственный вид души, отделимый от тела и бессмертный [5].

Аристотель утверждает, что душе свойственно два отличительных признака: пространственное движение и способность к ощущению, мышлению и разумению [3].

С ощущением тесно связана способность воображения (φαντασία), которую Аристотель определяет как «движение, возникающее от ощущения в действии». Воображение сохраняет и воспроизводит образы воспринятого, даже в отсутствие самого объекта, и служит необходимым связующим звеном между ощущением и мышлением, но отождествлять их не стоит. В отличие от ощущения, воображение возникает не всегда, оно может возникать в сновидениях, не завися от наличия действительности или возможности. Но посредством воображения истина недостижима, в отличие от познания и ума. Также воображение не может быть и мнением, т.к. для мнения должна присутствовать вера, а она присуща не всем живым существам. Таким образом, воображение – некое движение, которое согласуется с ощущением, может быть истинным или ложным [3].

Гносеологический аспект души.

Познание же начинается с чувственного восприятия, которое составляет материал для мышления. Через ощущения мы познаем единичные вещи с их конкретными свойствами. «Общее чувство» синтезирует эти данные, а воображение сохраняет их в виде образов. Однако истинное знание, по Аристотелю, касается не единичного, а общего, универсального. Переход от чувственных образов к универсальным понятиям осуществляет разум. Разумная способность души подразумевает наличие ума, который отделим от тела, т.к. он способен действовать не опираясь на что-либо. Аристотель также делит ум на два типа: ум, который становится всем (пассивный) и ум все производящий (деятельный), ко второму он приводит аналогию в виде света, ведь свет делает действительным цвета. Деятельный ум также делает возможность действительностью [. Он самостоятелен, существуя отдельно он бессмертен и вечен.

Без деятельного ума ничто не может быть мыслимо. Его функция – «творить всё», то есть актуализировать мыслимые формы, содержащиеся в чувственных образах, делать их доступными для пассивного ума. Ум схватывает общее в единичном, отделяя форму от материи. Это позволяет человеку не просто реагировать на стимулы, как животное, но понимать сущность вещей, устанавливать причинно-следственные связи и строить научное знание [1]

Этический аспект души.

Этический аспект учения Аристотеля о душе не менее важен, поскольку именно структура души и ее способности лежат в основе его этики добродетели и концепции счастья (эвдемонии). Если психология и гносеология описывают, что есть душа и как она познает, то этика отвечает на вопрос, как душе следует действовать, чтобы достичь своей высшей цели – блага и счастья. Аристотель строит свою этику на понятии функции человека. Специфическая функция человека заключается в деятельности души, согласной с разумом, или не без участия разума. Высшее благо для человека, то есть счастье, Аристотель определяет как «деятельность души» сообразно добродетели, а если добродетелей несколько – то сообразно наилучшей и наиболее полной [4].

Из этого следует, что благо может быть самым разным в зависимости от контекста: Также, Аристотель делит понятие блага на три вида: внешнее, относящееся к душе и относящееся к телу. Относящимся к душе он подразумевает непосредственную деятельность души [2].

Также надлежит рассмотреть понятие счастья подробнее, т.к., как мы уже сказали, его достижение – высшее проявление блага. Нужно учитывать, что для достижения счастья необходимо учитывать и внешние блага. Ведь многие поступки зависят именно от внешних обстоятельств. Они же не всегда находятся в поле влияния человека, именно поэтому многие склонны считать счастье проявлением удачи [2].

Аристотель делит добродетели на два вида в соответствии со структурой души: «Одни добродетели мы называем мыслительными (διανοητικαί); мудрость, сообразительность и рассудительность — это мыслительные добродетели, а щедрость и благоразумие — нравственные, ибо, рассуждая о нраве, мы не говорим, что человек мудр или сообразителен, но говорим, что он ровен или благоразумен. В то же время и мудрого мы хвалим за [его душевный] склад, а те склад [души], которые заслуживают похвалы, мы называем добродетелями.» [2].

Важно, что этические добродетели формируются не от природы, а через привычку: «Совершая поступки справедливые, мы становимся справедливыми, [поступая] мужественно – мужественными. Это означает, что нравственное совершенствование требует практики, воспитания и

сознательных усилий по управлению своими страстями и желаниями с помощью разума. Нравственная добродетель — это способность поступать наилучшим образом во всём, что касается удовольствий и страданий, а порочность — это ее противоположность». Также стоит учитывать, что нравственная добродетель гибнет без соответствующих поступков. Этические добродетели, такие как мужество, умеренность, щедрость, справедливость, представляют собой середину между двумя крайностями – избытком и недостатком [2]

Таблица

«Основные этические добродетели»

мужество	Середина между трусостью и безрассудной смелостью
умеренность	Середина между невоздержанностью и бесчувственностью
щедрость	Середина между мотовством и скупостью
великодушие	Середина между честолюбием и малодушием
кротость	Середина между гневливостью и безразличием

Для Аристотеля полнота человеческого бытия достигается через деятельность разума. Таким образом, учение о душе предоставляет фундамент для понимания человека как существа, стремящегося к самореализации через развитие своих способностей, как нравственных, так и интеллектуальных [4].

Библиографические ссылки

1. *Аристотель*. Метафизика. Москва: Эксмо, 2015. - ISBN 978-5-699-75180-8. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7380900
2. *Аристотель*. Никомахова этика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf>
3. *Аристотель*. О душе [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: <https://www.litres.ru/book/aristotel/o-dushe-66489908/>
4. *Гостев В. А.* Проблема человеческого мышления в трактате Аристотеля “О душе” // Знание и традиция в истории мировой философии. Москва, 2001.
5. *Мареева, Е. В.* О бессмертии души [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/antropologija/mareeva_e_v_problema_dushi_v_klassicheskoy_i_neklassicheskoy_filosofii/5-1-0-52

РЕЛИГИЯ РАЗУМА ИММАНУИЛА КАНТА И «КУЛЬТ РАЗУМА» ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. С. Обухов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vadik99962@gmail.com*

Научный руководитель – Т. Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор

Анализируется философия религии Иммануила Канта в историко-политическом контексте конца XVIII века. Показано, что хотя некоторые идеи кёнигсбергского философа и совпадали с теорией данных культов, французская практика отошла от идеалов Просвещения и воплотила в жизнь резко критикуемые И. Кантом положения.

Ключевые слова: И. Кант; философия религии; религия разума; культ разума; великая французская революция; Робеспьер.

В своей статье «Философский манифест исторической школы права» К. Маркс представляет философию И. Канта как «немецкую теорию французской революции» [4, с. 88]. Коперниканский переворот, осуществленный «Критикой чистого разума», произошел за восемь лет до революции во Франции. В свою очередь, «Религия в пределах только разума» была издана в 1793 году; в этом же году во Франции начинается шествие «Культа разума», который был призван дехристианизировать государство. Этот замысел потерпел неудачу, поэтому его объявили скандальным фактом и уже на четвёртый год Республики от него практически ничего не осталось. Целью данного исследования является попытка осуществить сравнительный анализ кантовского представления о религии разума, и того, что в это же время было реализовано на практике в соседней Франции.

Кант испытывал неподдельный интерес к происходящему во Франции. Стоит тут же заметить и его одобрительное восприятие обретения Америкой независимости, о чём свидетельствует его ученик и биограф Яхманн. Отсылки же к Великой французской революции мы можем заметить в различных работах Канта, будь то «Критика способности суждения», «Основы метафизики нравственности» или же «О поговорке “может быть это верно в теории, но не годится для практики”». Нас же интересует «Религия в границах одного только разума», в которой кёнигсбергский философ затрагивает тему свободомыслия в рамках религии, критикует некоторые религиозные практики, а также возвышает роль морали по сравнению со всеми остальными постулатами церкви (в дан-

ных позициях он близок к неологам, однако старается не вступать в прямой конфликт с церковью).

Идеи о всеобщей естественной религии будоражили умы французских философов в XVIII веке. Вольтер, Рейналь, Дидро, Монтескье, Руссо и другие были теми авторами, на идеях которых учились деятели Французской революции. Здесь сразу же следует отметить, что если идеи французов предполагали создание независимой от Рима французскую церковь, то в случае с Кантом централизация в Германии уже была преодолена благодаря Реформации и пиетистского лютеранства, в частности. Вольтер, в свою очередь, не раз отмечал, что «необходимо во что бы то ни стало очистить религию от церкви» [1]. Здесь он имел ввиду выведение религиозных догматов на задний план, и в то же самое время провозглашение морали в качестве смысла религии. Он популяризирует образ священника эпохи Просвещения, в котором тот одновременно и священник, и судья, и врач, и агроном, который должен помогать своей пастве в практических делах. В четвёртом разделе упомянутого выше труда Кант пишет о том, что «догмы веры» несут определённые опасности и эта искусственность организованной религии позволяет людям «соскальзывать обратно во зло» [2, с. 184], но при этом молитва и ритуалы могут быть восстановлены для церкви «космополитического морального сообщества» [2, с. 192-200].

Поначалу никаких противоречий у Учредительного Собрания и католической церкви не было; оно называло себя философским и в то же время католическим. Конституция 24 июня 1793 года гарантировала каждому французу свободное вероисповедание. В том же году начнётся давление на католическое духовенство; окажется, что даже жёсткие законы здесь не помогают, ведь дух католичества все еще живёт в крестьянах, поэтому следует создать новое верование. Им и станет культ Разума. На практике это означало осуществление дехристианизации (Фуше, Шометт и Ленъело). Был издан указ, который предписывал всех умерших, независимо от религиозной принадлежности, похоронить в месте общего погребения, которое должно было быть удалено от домов, обсажено деревьями, рядом с которыми будет возвышаться изваяние, изображающее сон. В Рошфоре Ленъело преобразовывает в храм Истины приходскую церковь. В Париже проходит праздник с обожествлением Природы, но этот праздник в основном собирает представителей «аристократии и интеллигенции», простой народ довольно холодно отнёсся к этому действу. Следует характеризовать учение данного культа как пантеистическое, либо же деистическое, в зависимости от его воплощений в различных частях Франции, но считать его атеистическим, как это полагает Робеспьер, неверно. Эбер ориентировался на стиль, эстетику, в фи-

лософских измышлениях он был не искушён, однако его взгляд на Иисуса очень близок к неологам Германии, вот что писал Эбер: «Когда славный санкюлот Иисус появился, он проповедовал доброту, братство, свободу, равенство, презрение к богатству. Все эти лгуны священники скоро почувствовали, что им подрезали крылья... они(священники) напялили на себя его шкуру, исказили его евангелие и его самого, заставили прислуживать их шарлатанским фокусам» [5, с. 24]. Одним из заметных нововведений культа Разума является и упразднение католического календаря. Названия месяцев и праздники заменялись другими, дехристианизированными; был принят республиканский календарь. Идея светского государства ещё не созрела, но в воздухе носилось лишь желание упразднить старую религию, и заменить её новой. Кульминацией культа Разума можно считать «праздник Разума», состоявшийся в Соборе Парижской Богоматери. «Церковь была разукрашена, чтобы скрыть всё, что напоминало о католической вере, у входов в храм стояли бюсты четырёх философов: Вольтера, Руссо, Франклина и Монтескье... на маленьком греческом алтаре пылал факел Истины...» [5, с. 17].

Последователи энциклопедистов несколько не были довольны данными практиками. Например, Саллавиль считал, что всё это лишь новый вид идолопоклонства и умственного рабства. Голая актриса, изображающая Богиню Разума, факельные шествия и прочие атрибуты данного праздника не были призваны высмеять религию или возродить традицию вакханалий, наоборот это мероприятие было торжественным и возвышенным, дабы показать победу человека над предрассудками и всеобщее единение.

В своей философии религии Кант не подменяет Бога другими сущностями, и это не было связано только с влиянием цензуры. В докритическом периоде Канта можно относить к деистам, ведь Бог там выступает в качестве творца и перводвижателя материи, в критическом же периоде Богу отведено место в ноуменальном мире. С помощью идеи высшего добра кёнигсбергский философ поддерживает веру в существование Бога и бессмертие души. Здесь нет никакой революционности; он считает более важным провозглашение идеи морали и всеобщей религии разума ради морального совершенствования общества. В общих замечаниях после каждой части «Религии в границах одного только разума» Кант рассматривает противоречивые проявления исторической религии, такие как действие благодати, чудеса, святые тайны, средства благодати. Они находятся на «границах», их опасность заключается в том, что эти явления могут привести к «догматической вере»; но в то же время нельзя полностью и исключать их, так как существует возможность сверхъестественного вмешательства. Если у Канта религия разума несла в себе мораль-

ную цель, то практика Французской революции осуществила лишь реакционную подмену одних догматов другими.

В «Религии в границах одного только разума» мы можем найти критику в адрес Руссо за то, что человечество не обязательно движется по пути прогресса: «Но это, вероятно, лишь добродушное предположение моралистов от Сенеки до Руссо, дабы побуждать к непрерывному росту, возможно, имеющегося в нас зародыша к добру, если бы только можно было рассчитывать на естественное основание к этому в человеке» [2, с.98]. Зная уже о якобинском терроре и других ужасах Французской революции, Кант переставал быть ярким защитником сего действия и переходил на более охранительские позиции, защищая монархическое правление в Пруссии, однако и критику своего государства он не оставил.

Культ разума оказался пристанищем лишь для «аристократии», для других он был непонятен и неинтересен; христианство было куда ближе простому народу. К концу 1793 года культ Разума уже переживает свой закат, начавшиеся чистки в рядах якобинцев приводят к тому, что предводители культа обвиняются в атеизме. В итоге Шометта и Эбера казнят. Избавившись от своих противников, Робеспьер переходит к новому этапу религиозных потрясений во Франции. Он провозглашает культ Верховного Существа.

Не секрет что Робеспьер во многом опирался на учение Жан-Жака Руссо. Руссо проповедовал свободу совести, совесть для него была «божественным инстинктом, каждый был волен в своих поступках, вина не перекладывалась на провидение. Также Руссо говорил о том, что следует жить и умереть в религии отцов своих, но в то же время он создаёт проект национального культа, который расходится с предыдущим утверждением. В этом проекте правителю следовало составить определённый свод правил, без которых нельзя было стать достойным гражданином своего отечества. Основными положениями были вера в всемогущее божество и то, что грядущая жизнь зависит от совершённых в жизни поступков.

Восхваляя Руссо, Робеспьер обращался к священникам, противопоставляя их чистому культу истинных деистов. Этот культ должен был стать национальным, происходит возвышение идеи патриотизма над моралью. Декретом от 18 флореаля 2 года о Верховном существе признаётся, что «весь французский народ признаёт бытие Верховного существа; за людьми закрепляются обязанности «ненавидеть вероломство и тиранию, карать тиранов и изменников, помогать несчастным, щадить слабых, защищать угнетённых, делать ближним добро и не быть несправедливым к кому бы то ни было». Будут также установлены праздники,

напоминающие людям о божестве и о собственном достоинстве; аристократические собрания, противные общественному порядку, воспрещаются; культы, ставшие причиной беспорядков, будут одинаково караться» [5. с. 61].

Как и в предыдущей попытке провинция сложно принимала новый культ, понимая, что это лишь новое оружие в борьбе с католицизмом и монархизмом. Продолжая дехристианизацию, культ Верховного существа попытались соединить с культом Разума и приблизить его к католичеству; принимались катехизисы и утверждались ритуалы, немало католических обрядов было внесено в новый культ. Со временем культ Верховного Существа растворяется в патриотизме; оды божеству поются на мотив Марсельезы. Судьба Эбера настигла и Робеспьера, которого в своё время высмеивали в храмах Разума. Гимны возносились Верховному Существо в знак радости, что тирания Робеспьера пала. Эти искусственно созданные культы начали постепенно затихать и в течении пары лет о них забыли, как о не самой приятной странице истории. Через пару лет, некогда установленный праздник Верховного существа, так и не войдёт в перечень народных праздников, Конвент просто забудет о нём.

Говоря о таком разительном отличии практики от теории, стоит заметить, что Кант в «Споре факультетов» отмечал критерии прогресса человечества: «Не в постоянном росте количества моральности в умонастроении, а в преумножении результатов её легальности в сообразных с долгом поступках, какими бы мотивами они ни были продиктованы...» [3, с. 337]. История Робеспьера олицетворяет отсутствие этого прогресса, за страшными радикальными поступками стояли благие намерения, восходящие к Руссо.

Таким образом в результате сравнительного анализа кантовской философии религии и культа Разума, провозглашенного во времена Французской революции, можно сделать следующие выводы.

В положениях о деклерикализации и торжестве морали они схожи, но там, где Кант «сглаживает острые углы», французские практики действуют гораздо более радикально. В теории эти культы провозглашали ценности, подобные тем, о которых, как может показаться, писал и Кант, будь то: всеобщность, моральность, противостояние догматизму. Однако на практике эти попытки не увенчались успехом; они были слишком тесно связаны с текущей политической ситуацией в стране. Говорить о моральном прогрессе, нравственном совершенствовании людей, а уж тем более, способствовать их воплощению в жизнь, о чем писал Кант, вряд ли возможно в то время, когда в стране непрерывно идёт борьба с врагами. Более того, источниками такого прогресса не могут стать политические лидеры, видящие в этой теории лишь инструмент удержания

власти и боевое оружие национальной обороны. Идеал Просвещения, провозглашенный немецким философом, так и звучит «имей мужество пользоваться собственным разумом», в то время как Робеспьер, Шометт, Эбер пытались навязать исключительно собственное видение всего и вся, «научить» следовать им каждого, по сути, изобретая радикально новые «догматы».

Библиографические ссылки

1. *Вольтер Ф.М.* Кандид или Оптимизм. Л., 1988.
2. *Кант И.* Собрание сочинений в 8-ми томах. М.: ЧОРО, 1994. Том 6.
3. *Кант, И.* Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трёх томах. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. Том 2.
4. *Маркс К.* Философский манифест исторической школы права. М.: Госполитиздат, 1954.
5. *Олар А.* Культ Разума и культ Верховного Существа во время французской революции. М.: Сеятель, 1925.

ВЗГЛЯДЫ АВГУСТИНА БЛАЖЕННОГО НА ПРОБЛЕМУ СВОБОДЫ ВОЛИ

Ф. О. Полонский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, deepphotographys@gmail.com
Научный руководитель – И. Н. Колядко, кандидат философских наук, доцент*

Предметом исследования данной работы выступают взгляды Августина Блаженного на проблему свободы воли в определённый период его творчества как философа и богослова. В работе утверждается важное значение взглядов Августина на данную проблему и осуществляется историческая реконструкция и обоснование их, начиная и заканчивая первым периодом его творчества. Показано, что существует ряд аргументов Августина в отношении данной проблемы, которые друг с другом связаны и составляют в совокупности значительную часть его мировоззрения как философа и богослова.

Ключевые слова: свободная воля; теодицея; божья справедливость; способность бога предвидеть; природная необходимость.

В свете поднятия вопроса свободы воли и рассмотрение его в христианском контексте достаточно часто обращаются к такому лицу как Августин Блаженный. Однако достаточно часто обозначается лишь в общем и целом его взгляд на данную проблематику, указывая на результат всех его философских изысканий, а именно, на его второй этап учение о свободе воли, который как раз таки являлся главной причиной и сильным побудительным мотивом развития вопроса о свободе воли в христианских кругах в дальнейшем, например, у Мартина Лютера.

Однако большинство исследователей данного вопроса не указывает об изначальных измышлениях Августина, которые не просто предшествовали во времени второму этапу учения о свободе воли, но и кардинально отличались от него. Поэтому в этой статье будет подробно рассмотрено его изначальное учение.

Итак, для начала обозначим временной промежуток этого этапа его учения. Свои первые мысли и подтверждающие их аргументы Августин обдумывал и излагал на протяжении 9 лет, начиная с 386 года до 395 года нашей эры. Именно в этот промежуток времени перед Августином стояла серьёзная задача - доказать, что именно человек и его воля ответственны за происходящее в мире зло, ибо на тот момент времени у Августина была явное и несомненное представление о том, что причина зла никак не может быть в боге, какой бы то ни было природной необходимости, либо же случайности. Так Августин изъясняется в своем труде

«Исповедь» по этому поводу: «но сама эта греховность, неужто она – субстанция? Нет, это просто извращенность воли, отвернувшейся от высшей субстанции, от Тебя, Господи, и обратившейся к низшему...» [1, с. 155]. Такое его представление оставляло лишь человека, дабы наложить на него данное время, однако одно лишь голословное утверждение о человеке как причине происходящего в мире зла Августина не устраивало, поэтому он вывел ряд аргументов, которые по большей их части основаны на Священном Писании.

Однако перед предъявлением и вынесением аргументов Августин даёт своё определение как свободе, так и воле, понимаемое им на тот момент. Воля, согласно Августину, «есть стремление ничем не принуждаемой души чего-то не лишиться или что-то приобрести» [2, с. 127]. Свобода же им определяется как самостоятельность и независимость самого акта хотения или желания. Примечательно то, что часть определения воли «ничем не принуждаемой» говорит о том, что Августин включает понятие свободы в понятие воли, указывая, что свобода – это неотъемлемое ее свойство.

Теперь же изложим его первый аргумент в пользу существования свободы воли. Первый аргумент изложен в его труде «О свободе воли». Первые из таких положений: «...всякая справедливость – благо, а наказание для заблуждающихся и награда для поступающего правильно – справедливы...Бог наказывает прегрешения, поскольку всякая справедливость – от Него.» [3, с. 3]. Также Августин добавляет, что обязательным условием для наказания за грех является способность человека быть ответственным за совершение его, быть сознательным в совершении его, что, в свою очередь, предполагает наличие у человека свободы воли, поскольку если этой свободы нет, то и Бог не есть справедливый: «несправедливы были бы и наказание, и награда, если бы человек не обладал свободной волей»...и Бог «должен был дать ее человеку...» [4, с. 126].

Второй аргумент относился к тому, что природная необходимость, как ряд различных обстоятельств окружающего мира, которые человеку не подвластны, не способна влиять на волю человека, что делает ее свободной. Основными аргументами Августина здесь являются, как пишет А. Столяров, утверждения, что «действующая в природе железная необходимость не затрагивает автономии волевого акта, поскольку сфера последнего находится (вернее, должна находиться) "по ту сторону" природной необходимости», а также «все, что не входит в структуру волевого акта, все, что от человека не зависит, не находится "в его власти", для автономии воли попросту не имеет значения» [4, с. 128].

Третий же и финальный аргумент Августина связан с проблемой о том, что Бог, в силу способности предвидеть грядущие события, элиминирует свободную волю человека. Августин решает данную проблему следующим образом: Решение этого вопроса Августин начал с разграничения двух модусов – божественного и человеческого. Он пишет, что человек – это существо, которое живет в рамках времени, в нем существует прошлое и будущее. И когда человек пытается о чем-то или ком-то рассуждать, то он часто переносит те рамки, в которых живет сам, на предмет своего рассуждения. Но дело в том, что на Бога не распространяются рамки времени: для него нет прошлого и будущего. Потому мы не можем рассуждать о Нем в этом плане с позиции себя. Бог вечен, и все события и действия представляются Ему в каждом моменте времени, Он как бы смотрит на них сверху и видит каждое событие в его временном промежутке, каждый самостоятельный волевой акт, свободное действие человека. И когда мы говорим о предвидении Богом чего-то, то мы имеем в виду не какое-то предшествующее во времени знание, которое будто бы предопределяет все, что будет; а мы имеем в виду способность Бога не ошибаться, в силу которой Он не может не знать чего бы то ни было. Поэтому, согласно такой августиновской интерпретации божественного предвидения свобода воли человека может существовать.

Библиографические ссылки

1. *Аврелий Августин*. Исповедь. М.: АСТ, 2022. 384 с.
2. Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. СПб.: РХГИ, 2001. Том 1.
3. *Блаженный Августин*. Антипелагианские сочинения позднего периода. М.: АС – ТРАСТ, 2008.
4. *Столяров, А.* Свобода воли как проблема европейского морального сознания (Очерки истории: от Гомера до Лютера). М.: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 1999.

О «РУКОТВОРНОМ» МИФЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. КАССИРЕРА

С. А. Стаськевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, 6734061@mail.ru*

Научный руководитель – И. Н. Колядко, кандидат философских наук, доцент

Цель данной статьи – выявить основные признаки политического мифа, как «рукотворного» символического образования, в творчестве Э. Кассирера. Для этого был проанализирован труд немецкого философа: «The Myth of the State», а так же статьи, посвященные проблеме мифа у немецкого философа. Определено, что Э. Кассирер смог осуществить непредвзятый и плодотворный анализ мифической составляющей в деятельности нацистского режима Германии.

Ключевые слова: миф; символическая форма; государство; язык.

Миф, как и любое другое самобытное образование в рамках культуры, у Э. Кассирера имеет статус «символической формы». Это значит, что за ним признаются собственные законы формирования и функционирования, а так же своя сфера действия в индивидуальном и общественном сознании [1, с. 205-210]. Сущность мифа, согласно Э. Кассиреру состоит в том, что в рамках данной «символической формы» фактически отождествлялись идея и действительность. И, хотя самого немецкого философа вряд ли можно было бы назвать приверженцем большого распространения мифа, как способа осмысления действительности, касательно современности, однако Э. Кассирер отдавал должное такому миропониманию, признавая его естественность и даже целесообразность в ситуации общественного кризиса [2, с. 45-49].

Однако, за этой сдержанной доброжелательностью к мифу «естественному», то есть, образовавшемуся стихийно в результате внутренних динамических процессов культуры, есть еще один немаловажный аспект творчества Э. Кассирера. Этот аспект выражает реальное опасение немецкого мыслителя, относительно тех мифов, которые создаются искусственно, ради реализации политических целей. В эталонном своем виде их появление как раз пришлось на время жизни и творчества Э. Кассирера.

Стоит заметить, что использование мифа в политических целях – явление весьма древнее, о чем ярко свидетельствует, например, насквозь ритуализированные, полные магических элементов греческая и особенно римская политические системы. Христианский миф так же находился в тесной связи с государственными нуждами и идеями. И даже условно революционные, радикальные идеи республиканизма в духе «свободы,

равенства, братства», на практике так же имели ярко выраженную мифическую составляющую. Иначе говоря, в истории вообще трудно найти место, где политика, в той или иной степени, не была бы связана с мифом.

Однако такая связь обыкновенно достигалась непреднамеренным, интуитивным образом. Люди использовали те мифические элементы культуры, что уже бытовали в обществе, лишь приспособлявая отдельные их элементы для частных или общественных интересов. Отдельные попытки взрастить свой собственный, «частный» миф, на основании предпосылок в культуре, конечно, тоже предпринимались. К таким попыткам можно отчасти отнести и древнюю реформу египетского фараона Эхнатона, которая, впрочем, не увенчалась успехом, и культ императора в Риме, и религиозную реформу Генриха VIII, приведшую к созданию англиканской церкви. Но все это несколько отличалось от того, с чем предстояло столкнуться в своей жизни немецкому философу.

Э. Кассирер покинул родину в связи с приходом к власти в Германии нацистского режима. Данный режим не просто использовал некоторые идеи, бытовавшие в обществе для создания политического мифа, он подошел к этому делу последовательно и технологично. Нацистский миф стал в полном смысле этого слова тоталитарным, пронизывающим все сферы жизни общества, вплоть до малозначительных, на первый взгляд, бытовых деталей. И, что особенно важно, данный миф, в его виде и масштабе середины XX века, никак не мог существовать в отрыве от своего создателя – государства. Политический миф Третьего Рейха был не просто связан с государством, а существовал исключительно в нем и за счет него. Таким образом, государство стало законодателем и надзирателем культуры, строго подчинив все ее проявления: литературу, философию, религию, науку, язык своим нуждам. Подобной возможности не было у режимов прошлого даже технически, что особенно подчеркивает Э. Кассирер. А дисбаланс в культуре, созданный нацистским правительством не на шутку встревожил немецкого мыслителя, который попытался выделить несколько характерных особенностей нового мифа.

Э. Кассирер выявил некоторые основополагающие пункты относительно «искусственного мифа», которые стоит актуализировать:

1. «Искусственный миф» возможен, согласно воззрениям Э. Кассирера, в обществе с развитой техникой и технологиями. Неспроста, например, огромную роль в нацистской пропаганде в свое время сыграло доступное для большинства населения радио. Техника в принципе дает возможность оказывать последовательное дистанционное влияние на население.

2. Для появления «искусственного мифа» так же необходима скрупулезная целенаправленная работа с другими «символическими формами», в первую очередь, с языком [3, с. 157-175]. Сюда относится появление новых слов, и привнесение новых смыслов в уже устоявшиеся языковые выражения. Сам Э. Кассирер, спустя десять лет жизни в США признавался, что не всегда понимает современный немецкий язык. И дело тут вовсе не в том, что немецкий философ давно не практиковался в речи, или письме. Просто, язык и вправду отчасти изменился в столь короткий срок.

3. «Искусственный миф» целенаправленно создает и внедряет сложный ритуал в общественную практику. Конечно, жизнь средневекового человека, например, тоже была наполнена ритуалами, но эти ритуалы не были сугубо актом политической инициации. А в случае нацистской Германии это было так.

4. В рамках «искусственного мифа» формируются яркие образы, интерпретация которых направлена в историческое будущее как пророчество. Таким образом, вся эстетика, как в теоретическом, так и в практическом применении идет на нужды данного мифа и государства, за ним стоящего [2, с. 283-291]. Если приводить в пример нацистский режим, то, с одной стороны, он преследовал ряд авторов, произведения которых были не применимы для мифа, с другой же, им (государством) была создана масштабная и дорогая киноиндустрия, которая выпускала фильмы с ярко выраженным пропагандистским уклоном. В пророчествах, конечно же, есть и религиозный момент, тоже использующийся ради государственных интересов.

В более поздних и современных учениях о политических мифах эти основополагающие пункты, разумеется, гораздо более развиты и конкретизированы, нежели в работе немецкого философа. Но Э. Кассирер был одним из тех, кто начинал подобные исследования, к тому же, находясь при этом уже на закате своей жизни. Эти воззрения сейчас интересны не только в собственно научном, но и в историческом плане, как факт наличия непредвзятой оценки тоталитарных режимов современниками.

Библиографические ссылки

1. *Исаева А.В.* Миф в философии Э. Кассирера и Ф. В. Шеллинга: общее и особенное // Вестник Поволжского института управления. 2009 г., ном. 4. С. 205-210
2. *Cassirer E.* The Myth of the State New Haven. Yale University press London. Geoffrey Cumberlege. Oxford University press. 1946 г.,
3. *Стельник О.Н.* Э. Кассирер о связи мифа и языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2004 г., ном. 1. С. 157-175

СЕКЦИЯ 4. ЛОГИКА И РИТОРИКА

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ФОРМАЛИЗАЦИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ДЕФИНИЦИЯ

А. О. Бондарев

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, alexolbondd@gmail.com
Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

В статье раскрывается сущность логического анализа конституционных ценностей в контексте процедур формализации, классификации и дефиниции. Показано, что формализация позволяет представить содержательную область в виде системы категорий, воспроизводящих необходимые уровни бытия, познания и коммуникации. Раскрыты подходы в классификации конституционных ценностей, подчеркнута значимость выбираемого основания для осуществления деления этих ценностей. Обоснована роль дефиниции в содержательной экспликации конституционных ценностей, в выявлении их общезначимого социального смысла.

Ключевые слова: конституционные ценности; формализация; классификация; дефиниция; конституционализм; национальные интересы.

Актуальность проблем, связанных с исследованием конституционных ценностей, вытекает из их неотъемлемости от жизни общества и государства в целом и юридической практики в частности. Ключевая роль таких ценностей заключается в формировании и поддержании правопорядка в обществе и государстве, организации и функционировании многочисленных связей (политических, экономических, коммуникативных и др.), обеспечении нормальной деятельности различных социальных и иных структур [1]. Однако требуют уточнения проблемы, связанные с логическими аспектами исследования конституционных ценностей [2–5]. Исходя из теоретической и практической значимости конституционных ценностей, в статье ставится цель: объяснить сущность их логического анализа.

Логический анализ конституционных ценностей предполагает, прежде всего, формализацию, классификацию и дефиницию. Формализация – это абстрагирование от несущественных аспектов, позволяющее «сформировать категории как формальные уровни бытия, познания и коммуникации» [6, с. 30]. Такой подход является необходимым в праве,

поскольку «право исследуется через категории формы и содержания» [7, с. 20]. Классификация – распределение объектов по классам на основе логического или аналитического деления [6, с. 137]. Дефиниция – операция, раскрывающая содержание имени или устанавливающая значение термина [6, с. 141]. В частности, реконструкция становления конституционализма в монархической России невозможна без формализации идей конституционализма. Такая формализация позволяет проследить зарождение и развитие конституционных идей, реконструировать историю институционализации, которая непосредственно связана с формализацией идей конституционализма, и выявить закономерности перехода от законодательного к практическому утверждению в России конституционного строя.

Конституционализм представляет собой относительно новое понятие в отечественной юриспруденции, возникшее в период последней трети XVIII – конца XX вв. Формирование системы конституционализма и формализация ее содержания имели место на протяжении длительного времени как в государственном, так и в научном контексте. Например, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона определяет «конституционализм» как конституционное движение в Европе, что является достаточно широким и неопределенным подходом, но вполне естественным для своего времени. В «Настольном энциклопедическом словаре» товарищества «Гранат» (1895) конституционализм определялся как «система государственного устройства, при которой власть монарха ограничена народным представительством, участвующим в законодательном процессе и контролирующим действия ответственных перед ним министров». В новом его издании (1914) конституционализм рассматривался как «представительный строй» и «парламент».

Становление российского конституционализма можно отнести к началу XX века. Это связано с возникновением конституционных идей и учений, формировавшихся не на основе романтического идеализма Просвещения, а на основе либеральных и социалистических политико-правовых идеологий, которые подходили к оценке организации и целей государственной власти прагматично. Обе идеологии включали в свои программные требования обязательный пункт о принятии конституции, призванной закрепить верховенство закона и рассматривать народ как непосредственного участника государственного управления. Этот период характеризовался сочетанием правительственного, либерального и радикального конституционализма, когда практически все политические силы осознавали необходимость разработки проекта конституции или подготовки предложений, общих замечаний и записок, содержащих

принципы государственного устройства, которые должны были быть включены в Конституцию Российской империи.

Конституционализм в начале XX столетия формировался в контексте незавершенного процесса модернизации, характеризующего переход от традиционного общества к обществу современному. Поражение в русско-японской войне 1904-1905 годов и последующая первая русская революция заставили самодержавную власть эволюционировать в сторону конституционной монархии. Манифест от 6 августа 1905 года объявил о создании в России законосовещательного органа – Государственной думы. Царский манифест от 17 октября 1905 года, озаглавленный «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласил введение в Российской империи конституционного строя. Он, во-первых, даровал народу «незыблемые основы гражданских свобод»: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов, признание Думы законодательным органом, без одобрения которой ни один закон не мог вступить в силу, во-вторых, стал переломным моментом в истории Российского государства. Такой момент можно охарактеризовать как шаг по пути конституционной эволюции к созданию правового государства.

Классификация и дефиниции позволяют выявить общие (универсальные) и специфические признаки конституционализма. Например, его универсальный признак раскрывается посредством вопроса: что является идеалом, к которому стремится общество, идущее по пути свободы и социального прогресса? Однако в практическом контексте конституционализм имеет ряд специфических признаков, которые обусловлены историческим развитием общества и государства. Поэтому классифицируются ценности в зависимости от конкретно-исторической ситуации. В частности, З.Н. Каландаришвили и М.В. Жиков подчеркнули: «Формирование конституционных ценностных элементов (принципов, менталитета, нравственности, морали, толерантности, коллективизма и т.д.) в конституционной реальности представляет собой довольно длительный историко-правовой процесс и является идеалом и целью становления позитивного государственно-правового развития» [8, с. 217].

Общий подход к классификации конституционных ценностей предполагает логическое деление ценностей на высшие, приоритетные и иные. Высшие ценности – на абсолютные и относительные; приоритетные ценности, которые могут ограничивать все другие ценности, кроме абсолютных ценностей, и иные ценности. Вместе с тем иерархия конституционных ценностей носит достаточно условный характер в силу меняющейся конкретно-исторической ситуации в развитии общества и государства и судебной практики органов конституционного контроля, в

силу чего отсутствует строгий перечень таких ценностей. Ведь самая совершенная конституционная модель не отражает многообразия общественно-политической жизни общества. Поэтому ни одна конституция не может представлять собой идеала и ее необходимо рассматривать как совокупность ответов на вопросы, поставленные обществом и касающиеся дальнейшего его развития. «Ценность Конституции обусловлена ее правовыми свойствами: как акта, обладающего высшей юридической силой, как фундамента всего текущего законодательства, как вершины нормативно-правовой пирамиды» [5].

С.С. Олесько предложена классификация, включающая региональные, общеевропейские и общеевразийские группы конституционных ценностей. На основе национального каталога конституциональных ценностей представлена видовая классификация конституционных ценностей. В нее включены следующие конституционные ценности: первичные и производные, текущие и перспективные, уровней страт, семейств (слоев) и др. [4, с. 73].

С точки зрения раскрытия содержания (дефиниции) конституционные ценности определяют по-разному. Например, конституционные ценности раскрываются как «разнообразные объекты реальной действительности», которые наделяются особым общезначимым смыслом, который закрепляется и гарантируется в использовании, реализации, охране и защите в Конституции как основном законе гражданского общества и государства [3, с. 14]. На наш взгляд конструирование дефиниций конституционных ценностей нужно осуществлять в системе логических отношений, которую они образуют. Это, прежде всего, отношения совместимости и несовместимости [6, с. 114–118], а также обусловленные ими отношения сосуществования, антиномии, аномии и др. Существование подобных отношений обусловлено сущностью ценностей, в силу которой одни из них являются более весомыми, чем другие. Поэтому важно учитывать особые признаки, присущие только системе конституционных ценностей. Помимо иерархичности к ним относят верховенство, историчность, стабильность, концентрированность и изменяемость содержания.

Т.С. Масловская подчеркнула, что для XXI столетия характерно «усиление ценностной составляющей конституций, что выступает конституционным ответом на кризис ценностей в обществе (легализация однополых браков, утрата патриотических чувств и др.) и государстве (мир, безопасность)». Это выражается в необходимости усиления тенденции «согласования ценностей и национальных интересов» [9, с. 56]. Такой процесс подразумевает три направления в реализации: во-первых, «согласование разноуровневых ценностей на примере национальных ценностей и общих европейских ценностей», во-вторых, «конкуренцию

традиционных и “импортируемых”, “чуждых” ценностей», в-третьих, «”внутреннюю” конкуренцию ценностей» [9, с. 56]. В целом это означает, что решение проблемы согласования ценностей и национальных интересов предполагает в качестве логического инструмента процедуры формализации, классификации и дефиниции.

Таким образом, логический анализ конституционных ценностей включает в качестве обязательного инструмента процедуры формализации, классификации и дефиниции. Формализация позволяет представить содержательную область в виде системы категорий, воспроизводящих значимые уровни бытия, познания и отношений. Классификация конституционных ценностей позволяет определить место, роль, функции каждой из них в организации государственного бытия. Значение дефиниции предопределено необходимостью содержательной экспликации конституционных ценностей, в выявлении их общезначимого социального и правового смысла.

Библиографические ссылки

1. Аргументация в праве и морали. Коллективная монография / Под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2018. 521 с.
2. Бурла В.М. «Конституционные ценности» как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 19 (3). С. 11–26. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.160.3.011-026> (дата обращения: 25.03.2025).
3. Витрук Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Сб. статей. Т. 1. – 2013. URL: <http://www.my-shop.ru/files/product/pdf> (дата обращения: 25.03.2025).
4. Олесько С.С. Классификация конституционных ценностей // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2024. № 2. С. 73–82.
5. Кондратович Н.М. К вопросу о конституционных ценностях [Электронный ресурс] // URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/110861/1/k2014-17.pdf> (дата обращения: 27.03.2025).
6. Воробьева С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
7. Краснов А.В., Юсупов А.А., Хамидов Р.И. К вопросу о формализации в праве [Электронный ресурс] // История государства и права 2021. № 3. С. 20–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44867453> (дата обращения: 02.04.2025).
8. Каландаришвили З.Н., Жиков М.В. Ключевые ценностные элементы отечественной конституционной культуры: вопросы теории и практики // Образование и право. 2024. № 3. С. 214–218.
9. Масловская Т.С. Конституционные ценности в XXI веке: тенденции к универсализму и укреплению национальных интересов? [Электронный ресурс] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 56–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-tsennosti-v-xxi-veke-tendentsii-k-universalizmu-ili-ukrepleniye-natsionalnyh-interesov> (дата обращения: 02.04.2025).

ПРИНЦИПЫ И ПРАВИЛА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МЫШЛЕНИЯ В РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ Р. ДЕКАРТА

С. П. Власов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, Silverdorin@gmail.com
Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

В статье эксплицируются принципы и правила самоопределения мышления, раскрытые Р. Декартом в его рационалистической методологии. Обосновано значение принципов методического сомнения и субъективной достоверности, а также «правил для руководства ума» в разработке стратегий самоопределения мышления. Уточнены соотношение интеллектуальной интуиции и дедукции в методе Р. Декарта.

Ключевые слова: рационалистическая методология Декарта; правила самоопределения мышления; принцип методического сомнения; интуиция ума; дедукция.

Обращение к методологическим идеям Р. Декарта обусловлено необходимостью решения проблем, связанных с изменениями в современной науке. К ним можно отнести, например, множественность образов истины, расширяющих представления о рациональности как ценности. Французский философ внес значительный вклад в развитие философии рационализма, связанного с разумом познающего субъекта, раскрыв иной взгляд, по сравнению с эмпирическим взглядом, на познание действительности [1; 2]. Таким путем он совершил «эпистемологический поворот» в философии, открыв для нее новые предметные области, которые связаны с философией сознания и теорией познания [3; 4]. Поэтому цель статьи – эксплицировать принципы и правила самоопределения мышления, раскрытые Р. Декартом в его рационалистической методологии.

Р. Декарт стал в Новое время инициатором пересмотра предшествующей сложившейся традиции в трактовке разума и самосознания, основанного на принципе субъективной достоверности. Этот первый декартовский принцип подразумевал установку на создание собственных мнений, а не на усвоение чужих. Для этого, по его убеждению, необходимо упразднить здание традиционной культуры и создать условия для культуры рациональной.

Первопричиной самоопределения мышления, согласно рационалистической методологии Р. Декарта, является сомнение. Поэтому второй картезианский принцип – принцип методического сомнения, ставший выражением скептического отношения к истинности своих убеждений,

трансформировался затем в философский метод сомневаться во всем, кроме собственного существования [3, с. 157–180]. Для обоснования своего подхода Р. Декарт использует три типа аргументов, мотивирующих скептицизм относительно убеждений: аргументы, основанные на недостоверности чувственного познания и иллюзиях восприятия [3, с. 163–166]; аргументы, основанные на сновидениях [3, с. 166–180]; аргументы, основанные на принципиальном несовершенстве познавательных способностей человека [3, с. 180–194].

На основе принципа методического сомнения Р. Декарт разрабатывает свой метод как стратегию самоопределения мышления. Р. Декарт сделал два подхода к изложению своих методологических идей. Первоначально в «Правилах для руководства ума» (1628) [1]. В этой работе он сформулировал двадцать одно правило, при этом каждое не позволяет принять то, что ложно, за истину. В «Правилах» Р. Декарт детализировал нормы мышления, сформулировав восемнадцать правил с комментариями и три в форме тезисов. В этих детализациях нашел свое выражение принцип сомнения Декарта. В диапазоне первого–восьмого правил речь идет о необходимости и полезности составления списков для ясного и отчетливого познания предметов. Для этого нужно стремиться к достоверному знанию, и размежевываться с обыденными мнениями (1–3 правила); выделять наиболее простые и понятные предметы, через которые можно поэтапно объяснить более сложные предметы (4–7 правила); приостанавливать мышление при встрече в ходе рассуждения неизвестного (8 правило). В диапазоне девятого–восемнадцатого правил речь идет об умственных операциях над составленными списками. Для этого необходимо их последовательное рассмотрение (9–12 правила); разделение известного и неизвестного, установление соотношения между ними и их определение (13–17 правила); использование соединения и разъединения в качестве элементарных операций размышления (18 правило).

Однако позже Р. Декарт осознал, что такого количества правил большинство людей придерживаться не будут. Поэтому в «Рассуждении о методе» (1637) – сочинении, которое ознаменовало переход от философии Возрождения к философии Нового времени – он редуцировал изложенные в предыдущей работе правила к четырем основным правилам: очевидности, анализа, синтеза и контроля [2]. Согласно первому правилу, нельзя ничего принимать за истинное, если это не очевидно, т.е. нет несомненной уверенности. В рассуждениях можно опираться лишь на то, что является несомненным. Согласно второму правилу, каждую из рассматриваемых трудностей нужно делить на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить. Третье правило требует располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с простых и легко

познаваемых предметов, и затем переходя к предметам сложным. Четвертое правило требует составлять всеохватывающие перечни и обзоры, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено. Каждое последующее правило дополняет предыдущее.

Метод Р. Декарта включает интуицию ума и дедукцию, которые имеют разные пределы действия. Интуицию философ отождествил с пониманием, которое способен продемонстрировать ясный и внимательный ум, подчеркнув при этом, что понимание должно быть настолько легким и отчетливым, «что не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем» [1]. Поэтому интуиция ориентирована на познание исходных данных, дедукция – на поиск следствий. Дедуктивное рассуждение включает в качестве исходного момента общее положение (установление) и частный случай, подводимый под общее положение, составляющие основы в виде структурных связей между их элементами для вывода следствий. В этом аспекте значение дедукции определяется нахождением новых связей и отношений [5, с. 167].

Для Р. Декарта интуиция представлялась более достоверной, чем дедукция, но при условии ее интеллектуальности, или рациональности. Рациональной ее делает «то, что она служит исходным пунктом для более или менее длинной цепи дедукции, вывода одного понятия из другого». Она «перестала бы быть таковой (во всяком случае, уже не была бы интеллектуальной), если бы не могла быть развернута в последующие звенья дедукции, выявляющие плодотворность любой интуитивной истины и ее противоположность иррациональному “мнению”» [6, с. 35]. По этой причине «интуитивно схваченные истины, по Декарту, образуют исходный пункт процесса рассуждения. Это абсолютные, всеобщие истины, от которых берет начало бесчисленное множество истин более частных, относительных, имеющих непосредственное отношение к повседневной жизни человека» [6, с. 35].

Для того чтобы переходить от этих фундаментальных интуитивных истин к частным выводам, Р. Декарт указал на необходимость строгого следования цепей дедукции. Ключевую роль играет третье правило метода: располагать свои мысли, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить постепенно к познанию наиболее сложных. Также важна непрерывность движения мысли и памяти, которая пытается удержать предыдущие частные следствия, чтобы обеспечить достоверность даже самых длинных умозаключений. Именно строгость дедукции гарантирует, что знание о конкретных вещах сохраняет связь с очевидностью.

Однако сама возможность того, что ясные и отчетливые идеи, обретенные интуицией, соответствуют действительности и что дедукция

надежна, требует, по Р. Декарту метафизического обоснования. Этим метафизическим обоснованием является идея Бога как гаранта истинности. Бог не является обманщиком, потому что он совершенен, в отличие от человека. Высшая субстанция выступает творцом человека, и без нее не было бы подлинного знания. Именно Бог объективирует ясные и отчетливые идеи и надежность разума, когда он действует методически, тем самым обеспечивая достоверность всего знания, основанного на интуиции и дедукции. Поэтому субъективный коррелят является у Р. Декарта залогом объективной значимости человеческого мышления, противостоящим против психологизма [4]. Р. Декарт предполагает, что в мышлении уже присутствуют идеи и понятия, именуемые врожденными, например, аксиомы. Следовательно, аксиомы представляют собой врожденные структуры, вложенными Богом. Бог выступает фундаментальным основанием в системе Р. Декарта, потому что без него мыслящий субъект не перешел бы на новый этап познания и остался бы на стадии сомнения. Тем самым познание у Р. Декарта оказывается метафизически обоснованным.

Весь этот путь поиска достоверности, который заключается в усмотрении универсальных истин до выведения частных следствий и их обоснования через обращение к высшему гаранту демонстрирует способность разума к самоопределению. Мышление, начиная от сомнения, дальше следует строгим правилам метода, который помогает проложить путь к знанию, освобождаясь от чужих мнений и ненадежности чувственного опыта. В результате применительно к современности рациональность, повышая произвольность и самообладание, «не только расширяет пространство человеческой свободы, но и создает социально-психологические предпосылки для роста доверия, толерантности к разнообразию» [7], критическому сопоставлению мнений. Это позволяет преодолевать в обществе различные формы эгоцентризма, предвзятых интерпретаций, пространного и непродуманного резонерства [5, с. 216–217]. Рациональность «прокладывает подспудное движение к более сложной картине мира, включающей различные точки зрения» [7]. Тем самым она «способствует созданию среды, требующей не веры и готовности подчиняться, а конструированию самостоятельных (сознательных, свободных и ответственных) жизненных стратегий» [7].

Таким образом, экспликация принципов и правил самоопределения мышления, обоснованных Р. Декартом в его рационалистической методологии, позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, принцип субъективной достоверности подразумевает установку на формирование собственного мнения, а не на усвоение чужих мнений, принцип методического сомнения утверждает никогда и ничего не принимать на веру, в

чем не уверен. Таким путем Р. Декарт указал дорогу к рационализации познания. Во-вторых, он разработал систему универсальных правил, которая составляет необходимые условия рациональности. Поэтому проблема самоопределения мышления в современном турбулентном мире не может решаться вне декартовской парадигмы рациональности.

Библиографические ссылки

1. *Декарт Р.* Правила для руководства ума [Электронный ресурс] / переводчик В.И. Пиков. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 97 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/564961> (дата обращения: 12.04.2025).
2. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках [Электронный ресурс] // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 250–296. URL: <https://grachev62.narod.ru/decart/chapt02.htm> (дата обращения: 12.04.2025).
3. *Дмитриев Т.А.* Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта / Т.А. Дмитриев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2007. 231 с.
4. *Брекоткина И.П.* Рационализм Нового времени и гносеологические представления Рене Декарта // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 30, вып. 3. С. 237–243.
5. *Воробьева С.В.* Логика: теория аргументации и критического мышления. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
6. *Чащегорова Н.А.* Интуитивизм Р. Декарта [Электронный ресурс] // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1. С. 34–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intuitivizm-r-dekarta#> (дата обращения 13.04.2025).
7. *Гусельцева М.С.* Рациональность как проблема современности [Электронный ресурс] // Психологическая газета. URL: <https://psy.su/feed/9891/> (дата обращения: 22.04. 2025).

ТАНЕЦ КАК ФОРМА КОММУНИКАЦИИ И АНАЛОГОВЫЙ ПРОЦЕСС

А. В. Голуб

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, angelinka_conishko@mail.ru
Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

В статье раскрывается танец в двух взаимосвязанных аспектах: как форма коммуникации и как аналоговый процесс. Объясняется специфика танца в этих аспектах. Показано, что танец как форма коммуникации имеет свой язык, значит, к танцу применим семиотический подход, который позволяет совместить танцевальную коммуникацию с танцевальной культурой. Установлены различия между классической (линейной) и неклассической (нелинейной) моделями коммуникации и рассмотрены возможности их применения к анализу танца. Танец как аналоговый процесс раскрыт в контексте первой сигнальной системы, не опосредованной языком/речью.

Ключевые слова: коммуникативный танец; классические модели коммуникации; неклассические модели коммуникации; аналоговый процесс; аналоговая коммуникация.

Актуальность решаемой проблемы подтверждается тем, что в современном цифровом мире танец, во-первых, остается значимым способом самовыражения, самоопределения человека, во-вторых, представляет научный интерес, связанный с семиотикой невербального содержания, находящегося за пределами естественно-языкового выражения. Поэтому танец как путь к индивидуальности представляет собой не только практический, но и теоретический интерес. Особым подходом к танцу является философский взгляд. Исследованием танца с философских позиций занимались И.А. Герасимова, Т.Г. Крысанков, С.Н. Куракина и др. [1; 2]. В философии танца сложились в качестве основных подходов к исследованию данного феномена онтологический и гносеологический подходы [3]. Однако слабо освещенным является коммуникативный подход к танцу, который объединяет его онтологию и гносеологию. В статье поставлена цель: раскрыть танец как форму коммуникации и как аналоговый процесс.

Танец как коммуникативный процесс подразумевает динамическую сторону общения, связанную с социально-невербальными, перцепционными, эмоционально-чувственными аспектами установления контакта. Это особенно ярко проявляется в сюжетно-ролевых танцах, развивающих навыки невербального общения, например, у дошкольников [4, с. 215.].

В научно-педагогической литературе закрепилось понятие «коммуникативный танец», раскрываемое как средство развития культуры общения и которое следует отличать от понятия индивидуального одиночного танца. В частности, Е.С. Кудрявцева определяет коммуникативный танец как совокупность «невербальных сигналов и знаков, имеющих пространственно-временную структуру и несущих информацию о психологических особенностях личности и группы» [5, с. 199–201.]. Это означает, что, во-первых, танцевальные движения с элементами невербального общения и импровизацией направлены на развитие взаимоотношений с партнером или с группой, во-вторых, специфика коммуникативного танца раскрывается через акцентирование интеракций, так как все его участники являются создателями единого хореографического действия.

В.А. Сивицкий выделил в танцевальном общении четыре разновидности: личностное, межличностное, групповое, межгрупповое танцевальное общение [6, с. 206.]. На личностном уровне подчеркивается когнитивное общение, индивидуальность и приватность танца, рефлексия и эмпатия. Для межличностного танцевального общения в парном танце характерна передача эмоций посредством тактильного общения. Социальный парный танец позволяет устанавливать деловые, личностные информационные, межнациональные контакты. Групповой танец выполняет функцию объединения людей, вырабатывая чувство коллективного единства. Межгрупповой также выполняет социальную функцию, вырабатывая командный дух [6, с. 206.].

Танец как форма коммуникации имеет свой язык. Семиотический подход позволяет совместить танцевальную коммуникацию с танцевальной культурой. Интерпретация танцевальной культуры как языковой структуры позволяет акцентировать внимание на информации, которой обмениваются исполнители, взаимодействующие в процессе танцевальной коммуникации. Такая интерпретация позволяет предположить, что поскольку существуют линейные и нелинейные языковые модели коммуникации, постольку танец также может моделироваться в рамках линейных и нелинейных процессов. Речь идет о возможности различения линейных и нелинейных моделей танца. Для реализации этой возможности уточним терминологию.

Классическая модель считается линейной (монологической), так как она однонаправлена, подразумевая адекватную передачу информации от адресанта к адресату. Напротив, неклассические модели являются нелинейными (диалогическими), так как разнонаправлены, т.е. сообщения передаются во многих направлениях между контактирующими взаимодействующими участниками. Базовыми неклассическими моделями яв-

ляются две модели: интерактивная и транзакционная. Интерактивная модель рассматривает коммуникацию как двусторонний процесс обмена информацией. Транзакционная модель коммуникации подразумевает рост сложности коммуникации по мере ее развития (продолжения информирования в ходе разговоров, переговоров и пр.). Рост сложности обусловлен тем, что коммуникация, согласно ее транзакционной модели, представляет собой процесс одновременного отправления и получения сообщений ее участниками.

В соответствии с указанными тремя стандартными моделями (линейной, интерактивной, транзакционной) коммуникацию можно определить как процесс, в котором люди формируют отношения, постоянно взаимодействуя друг с другом. Однако следует учитывать их особенности. Если линейная модель фокусируется на том аспекте, который касается передачи сообщения (передано оно или нет), то нелинейная интерактивная модель затрагивает в большей степени сам процесс коммуникации, признавая тот факт, что поскольку отправляется много сообщений, постольку многие из них могут не дойти до адресата. Если в интерактивной модели используются специальные технологии, что делает коммуникаторов равноправными, то в транзакционной модели коммуникаторы могут обмениваться ролями, например, доминирующая позиция сменяется пассивной и наоборот.

На основе различий между линейной и нелинейной моделями коммуникации можно уточнять семиотические свойства танца как формы коммуникации. Семиотику танца в контексте линейной модели коммуникации можно выразить в виде следующей схемы: исполнитель-адресант транслирует с помощью знаков определенные смыслы, которые должен декодировать исполнитель-адресат [7, с. 19]. В контексте нелинейной модели коммуникации особое значение приобретает интеракция в танце как процессе взаимодействия индивидов в парном или групповом исполнительстве. В любом случае танец представляет собой адресацию знаков как материальных носителей смысла, которые изучаются в семиотике.

Семиотика раскрывает перспективы исследования танца как аналогового процесса, а языка танца как дискретного процесса [8]. Предметом семиотики как дисциплинарного знания выступают знаки и знаковые системы, раскрывающие их специфику на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях [7, с. 19]. Синтаксис включает знаки и способы их объединения в различные системы. Синтаксическая структура танца является формальным образованием, но, несмотря на это, она способна нести художественную информацию, и выполнять изобразительную и выразительную функции. Поскольку в основе ритмического

образа танца лежит музыкальный ритм, постольку синтаксические структуры можно считать участвующими в имитации его основных составляющих: музыкального размера, ритмического рисунка, темпа. Семантика изучает смыслы знаков и знаковых построений. Например, систему семантических кодов в балете, разработанную Пьером Бошаном, изложила в своей статье Л.Л. Негода. Эта система включает следующие группы движений: «приседания (плие), прыжки (заноски, антраша, кабриоли, жете, способность зависать в прыжке – элевация), вращения (пирюэты, фуэте), положения корпуса (аттитюды, арабески)» [9].

Прагматика изучает отношения между знаковыми системами и их пользователями. В этом ракурсе особенно очевиден танец как форма коммуникации и аналоговый (континуальный) процесс. Аналоговый характер танца означает информационную непрерывность во временном интервале его исполнения. Аналоговая информация, свойственная танцу, означает плавность изменений ее параметров. Поэтому танец можно рассматривать как разновидность аналоговой коммуникации, основанной на работе первой сигнальной системы, не опосредованной языком/речью [7, с. 5]. Аналоговая сущность танцевальной коммуникации подразумевает фактически невербальную информацию: выражения лица, телодвижения, позы, жесты, интонацию и прочее, а сам танец как аналоговый процесс становится процессом интеграции эмоционального и физического состояния исполнителей.

Дополнением аналогового процесса выступает процесс дискретный (прерывный). Это означает, что танец с аналитической целью можно разделить, но на практике такое деление никогда не бывает четким. Например, фазами хореографического процесса можно считать сбор материала для движений, разработка движений в танцевальные фразы, создание окончательной структуры танцевального произведения.

Таким образом, специфика танца раскрывается в двух взаимосвязанных аспектах: как форма коммуникации и как аналоговый процесс. Танец как форма коммуникации имеет свой язык. Это означает, что к его анализу применимы, во-первых, модели линейных и нелинейных процессов, т.е. классические и неклассические модели коммуникации, во-вторых, семиотический подход, который позволяет совместить танцевальную коммуникацию с танцевальной культурой. Поэтому в языке танца как форме коммуникации следует различать проблемы синтаксиса, семантики и прагматики. Сущность танца как аналогового процесса обусловлена его нахождением в невербальной

коммуникации, т.е. в контексте первой сигнальной системы, не опосредованной языком/речью.

Библиографические ссылки

1. Герасимова И. А. Философское понимание танца // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 50–63.
2. Крысанков Т.Г. К проблемным вопросам философии танца: семиотический и онтологический аспекты танцевальных движений // Философско-социологический факультет. URL: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/89-nauka/1671-k-problemnym-voprosam-filosofii-tantsa-semioticheskij-i-ontologicheskij-aspekty-tantsevalnykh-dvizhenij> (дата обращения: 10.04.2025).
3. Голуб А.В., Воробьева С.В. Танец как форма постижения бытия в постмодернистском турбулентном мире // Философия и общество в эпоху социальной турбулентности : сборник научных статей и материалов XVII междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», 23 ноября 2023 года, г. Минск, Республика Беларусь / БГУ. Минск : БГУ, 2023. С. 61–67.
4. Кузнецова Е.В. Сюжетно-ролевой танец как средство развития невербальных средств общения дошкольников // Обучение и воспитание: методики и практика. 2013. № 6. С. 213–218.
5. Кудрявцева Е.С. Коммуникативный танец как средство развития культуры общения // Государственная культурная политика и образование как часть стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Материалы Международной научно-практической конференции сост.: В.Р. Алиакберова, А.А. Мухамадеева. Казань: Казан. госунар. инст-т культуры, 2015. С. 199–201.
6. Сивицкий В.А. Танец как средство общения // Язык. Культура. Общество. Материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 202–208.
7. Воробьева С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
8. Гевленко Ю.А. Семиотический анализ танца [Электронный ресурс] // Философско-культурологические исследования. URL: <https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/320/image/320-087.pdf> (дата доступа: 12.04.2025).
9. Негода Л.Л. Семантические коды языка танца [Электронный ресурс] // Философско-культурологические исследования. URL: <https://fki.lgaki.info/2017/04/17/> (дата доступа: 12.04.2025).

ЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

К. С. Гурко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ladi.duki@gmail.com
Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

В статье исследуются человеческие взаимоотношения, обусловленные нахождением человека в социальных коммуникациях. Предметом выступают их логические аспекты. Цель исследования – раскрыть данные аспекты указанных взаимоотношений. Ценность результатов предпринятого исследования состоит в выявленных и обоснованных принципах коммуникации, связанных со знаковой и именной составляющей общения.

Ключевые слова: логические аспекты интеракций; социальные коммуникации; знаки-символы; референция; функции именования; определение денотата; определение концепта денотата.

Человек является продуктом социальных коммуникаций, в процессе которых люди общаются, обмениваясь не столько словами, сколько образами, символами и значениями, которые скрываются за словами. Результатом таких взаимодействий являются модели интерактивного поведения, выстраиваемые в соответствии с преимущественными направлениями и ориентирами. Эти модели формируются непосредственно под влиянием той коммуникативной реальности, которую воспринимает человек. В подобном влиянии особую роль играет язык как средство общения и воздействия. Поэтому ряд актуальных вопросов человеческих взаимоотношений в социальных коммуникациях связан с их логическими аспектами. Исходя из этого, цель статьи заключается в выявлении и раскрытии данных аспектов.

Логические аспекты указанных взаимоотношений предполагают понимание символических связей как основы социальных взаимодействий, которые не могут не быть таковыми (символическими). Понимание начинается с формализации человеческих взаимоотношений в социальных коммуникациях, т.е. с рассмотрения их в качестве интеракций, осуществляемых посредством знаков. В частности, идею символической природы взаимодействий обосновал И. Гофман, показав, каким образом это становится возможным в интерактивной игровой форме представления себя другим людям в повседневном общении [1]. Поэтому первая исследовательская задача предполагает уточнение типологии знаков, разработанной Ч.С. Пирсом, и определение ее теоретических возможно-

стей в исследованиях социальных коммуникаций [2, с. 21–22], вторая – расширение представлений о роли символов как разновидности знаков и значений как свойств знаков в интеракциях [2, с. 23–24, 93–97]. Начнем с решения первой задачи.

Типология знаков Ч.С. Пирса включает три их разновидности: знаки-образы, знаки-индексы и знаки-символы. Знаки-образы, или знаки-копии, представляют собой проекцию обозначаемого объекта. При рассмотрении данного вида знаков необходимо учитывать главенствующее значение означающего знака. Главенствующее значение, в свою очередь, объясняется фактическим воспроизводством объекта посредством знака-образа. В качестве примеров знаков-копий выступают карты, детально отображающие местность, пиктограммы, различные репродукции. Знаки-образы играют первостепенную роль в жизни индивида: на раннем уровне развития человек воспринимает их как пример для подражания, действует согласно принципу подобия, т.е. в своем исполнении интерпретирует увиденное ранее.

Знаки-индексы отличаются от знаков-образов своей причинной зависимостью или физической смежностью с обозначаемым объектом. К примеру, звук сирены (означающее) связан причинной зависимостью с означаемым объектом, а след от выстрела (означающее) связан с означаемым предметом физической смежностью. Существует два вида знаков-индексов: знаки-указатели (отсылают к сосуществующим), знаки-признаки (утверждают характеристику). В качестве знаков-указателей могут выступать таблички с указанием номера дома и улицы, а в качестве знака-признака – запах газа как возможность его утечки.

Знаки-символы, в свою очередь, никак не связаны с обозначаемыми объектами. Символ связан с объектом через референцию (отношение между означаемым и означающим). Арабские цифры – это символы, обозначающие конкретное количество чего-либо. Кроме того, в качестве примеров знаков-символов могут выступать различные эмблемы и флаги. Знаки-символы значительно отличаются от знаков-копий и знаков-индексов. Означающее знаков-символов, в отличие от означающего вышеперечисленных знаков, не несет в себе данные какого-либо знания об объекте. Главенствующее значение при определении знака-символа занимает означаемое. Связь между символом и обозначаемым объектом устанавливается за счет договоренностей и норм.

Язык обладает индексной природой. Каждое слово, предложение, и даже целая книга, в конечном счете, указывают на что-то существующее за пределами самих языковых структур.

Для решения второй задачи необходимо интерпретировать символы как разновидность знаков, связанных с обозначаемым объектом логиче-

ским отношением референции. Это отношение включает установление предметного (определение денотата) и смыслового (определение концепта денотата) значения имен [2, с. 93]. Поэтому раскроем основные функции именования в социальных взаимодействиях, которые связаны с четырьмя особенностями предметного и смыслового обозначения: 1) один денотат и разные концепты; 2) разные денотаты и один концепт; 3) отсутствует денотат, но есть концепт; 4) разные денотаты и разные концепты [2, с. 93–94]. Рассмотрим эти особенности на примерах.

Первая особенность заключается в определении одного денотата с помощью разных концептов, то есть имена имеют одно и то же предметное значение, но различное смысловое. В качестве примеров можно представить имена «сожалеть» и «раскаиваться», «выполнять» и «реализовывать» (разные концепты, подразумевающие один денотат). Данная особенность проявляется также при использовании перифраз (вариаций концептуальных значений). В их основе лежат эвфемизмы – имена с меньшей отрицательной нагрузкой, заменяющие недопустимые именованья, и дисфемизмы – имена с большей отрицательной нагрузкой, не скрывающие негативный подтекст. Например, замена слова «падать» выражением «терять равновесие», является эвфемизмом, а использование слова «толстяк» вместо «человек с повышенной массой тела» выступает как дисфемизм.

Вторая особенность – разные денотаты определяются одним концептом, т.е. множественность сводится к единству посредством схем, категорий и правил. Например, такие категории морали, как добро и зло, являются концептами для выявления денотатов. С этой особенностью связаны концепции категоризации и схематизации в аргументации. Стратегия категоризации в аргументации подразумевает структурирование информационного потока на значимые единицы. Схематизация, в свою очередь, представляет собой когнитивное структурирование информационного потока. Это процесс, в котором используются общие и абстрактные имена, представляющие личностные знания агента аргументации. В процессе схематизации могут иметь место созданные логические связи, которые облегчают понимание сложных концепций.

Третья особенность заключается в том, что среди эмпирических объектов внешнего мира отсутствуют денотаты языковых выражений при наличии концептуального содержания. Это объясняется тем, что не всякому концепту можно ставить в соответствие объект языковой реальности. Такими именами могут выступать имена твердый газ и невидимый человек. На основе данной особенности осуществляется аргументационная стратегия оперирования нулевыми именами.

Четвертая особенность – наличие в естественном языке имен, схожих по звучанию, но отличных по денотату и концепту денотата (лента, гаснуть, идти). Данные различия лежат в основе метафорических и метонимических аргументов. Первые проявляются при условии сходства между объектами, вторые – при какой-либо связи между объектами. Эта особенность используется, например, в рекламе, конструируемой в контексте коммуникативного взаимодействия, связанного с чувственно-эмоциональными эффектами, производимыми метафорическими и метонимическими механизмами [3].

Как подчеркнул И. Гофман, в социальных коммуникациях «важно видеть, что *Я* – это отчасти церемониальная вещь, сакральный объект, к которому нужно относиться с должной ритуальной заботой и который, в свою очередь, должен представляться другим в правильном свете» [4]. Для этого необходимо использовать средства, «с помощью которого формируется это *Я*», а такими средствами выступают «должные манеры поведения индивида при контакте с другими людьми и почтительность с их стороны» [4]. По этой причине необходимо учитывать культурную специфику и правила использования языковых средств, чтобы избежать недопонимания, «отчуждения от взаимодействия» и других негативных аспектов в установлении человеческих взаимоотношений в социальных коммуникациях.

Таким образом, человеческие взаимоотношения в социальных коммуникациях зависят от понимания, каким образом человек осуществляет представление себя другим людям. Для раскрытия логических аспектов этого понимания необходимо опираться на типологию знаков и отношение референции, которые составляют концептуальные основы коммуникативного анализа языка как процесса расширения символического пространства общения.

Библиографические ссылки

1. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
2. *Воробьева С.В.* Логика: теория аргументации и критического мышления. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
3. *Воробьева С.В., Сарычева А.В.* Метафора и метонимия как когнитивные механизмы рекламы // Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности: материалы Третьей Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8–9 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О.М. Самусевич (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2020. С. 231–235.
4. *Гофман И.* Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. 319 с.

ВЛИЯНИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ НА ТАКТИКИ АРГУМЕНТАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Д. В. Лукомская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, lukomskaya.daria@yandex.ru*

Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент

В статье раскрываются факторы копинг-стратегий, влияющие на тактики аргументации в профессиональном взаимодействии. Для этого обоснованы, во-первых, факторы содержания, операций и результатов мышления как независимые измерения интеллекта человека в модели Дж. Гилфорда. Они сопоставимы с ответами на три вопроса, которые явно или латентно присутствуют в тактиках аргументации: О чем человек думает? Как он думает? К чему приводят его конкретные умственные действия? Во-вторых, выявлены логические, эпистемологические и когнитивные факторы аргументации, позволяющие различать аддитивные и эмерджентные структуры самоорганизации и саморегулирования в копинг-стратегиях.

Ключевые слова: копинг-стратегии; тактики аргументации; саморегулирование; факторы мышления; логические факторы аргументации; эпистемологические факторы аргументации; когнитивные факторы аргументации.

Актуальность копинг-стратегий в различных видах коммуникации и профессиональном взаимодействии обусловлена необходимостью понимания аргументации как их неотъемлемого процесса. Процессуальные особенности аргументации связаны с различными проблемными и спорными ситуациями, с преодолением коллизий, в том числе обусловленных несовпадением точек зрения сторон на результаты и научную достоверность диагностических решений и экспертных заключений. На этом основании ставится цель – раскрыть факторы влияния копинг-стратегий на тактики аргументации в профессиональном взаимодействии.

Выявление указанных факторов влияния необходимо для оптимизации межличностного общения и профессионального взаимодействия. Подобная оптимизация немыслима без тактик аргументации и понимания, и оценки роли копинг-стратегий в них, например, иронии как копинг-стратегии, способствующей социальной адаптации [1]. Тактики аргументации в профессиональном взаимодействии складываются из специальных компетенций, формируемых в определенной сфере знания, опыта их применения, умения формализовать и стандартизировать интеллектуальные процедуры. В понимании тактик аргументации важно принять во внимание разработанную Дж. Гилфордом многомерную мо-

дель интеллекта, которая включает в качестве необходимых три независимых (ортогональных) измерения: содержание, операции и результаты мышления [2]. Рассмотрим их, поскольку они представляются значимыми в раскрытии искомых факторов влияния копинг-стратегий на тактики аргументации в профессиональном взаимодействии.

Содержание, операции и результаты мышления как независимые измерения сопоставимы с ответами на следующие вопросы, явно или латентно присутствующие в тактиках аргументации: О чем человек думает? Как он думает? К чему приводят конкретные умственные действия? Д. Гилфорд в рамках ответов на эти вопросы выявил, соответственно, четыре, пять и шесть факторов [2], которые применимы к тактикам аргументации в профессиональном взаимодействии.

Применительно к нашему исследованию в содержании аргументации важно различать образное, символическое, семантическое и поведенческое содержание. Операции, на основе которых строится аргументация, нужно дифференцировать на пять групп: оценивание, конвергентное мышление, дивергентное мышление, память, познание. Результат в аргументации необходимо рассматривать как продукт мыслительной деятельности, фиксируемый в шести формах: элементы, классы, отношения, системы, преобразования, импликации [2]. Охарактеризуем содержание и наиболее значимый результат в тактиках аргументации.

С позиции логической семиотики разграничение образного, символического и семантического содержания в аргументации соответствует различению трех типов знаков: знаков-образов, знаков-символов и знаков-индексов [3, с. 20–23]. Поведенческое содержание следует рассматривать в фокусе всех трех типов знаков, поскольку оно предполагает понимание поступков в следующих логико-семиотических аспектах: как аналога (знак-образ), как причины или следствия (знак-индекс, или знак-симптом) или как символа (знак-символ). При этом следует учитывать особенности этих знаков. Если знак-образ в большей степени определяется его означающим (обозначаемым предметом), а не означаемым (образом этого предмета), то знак-символ, наоборот, в большей степени определяются не означающим, а его означаемым. Если в знаках-образах и знаках-индексах означающее исключительно в себе содержит информацию о каком-либо факте, то означающее знака-символа такой информации не содержит, так как он наделен дополнительным смыслом [3, с. 23].

Наиболее значимым является результат в форме импликации, так он представляет собой нахождение следствий, получение выводов или установление области применения чего-либо в рамках ситуаций «что будет, если». В качестве основания импликации Дж. Гилфорд назвал

выход за пределы предложенной информации, благодаря чему обнаруживается способность индивида делать предположения или предвидеть [1].

Поскольку копинг-стратегии представляют собой систему личностных факторов, определяющих успешность саморегулирования в различных ситуациях и деятельности, постольку модель Дж. Гилфорда представляется адекватным методом для анализа и оценки тактик аргументации в профессиональном взаимодействии. Но непредсказуемость и быстрота изменений в мире, окружающем человека вынуждает его адаптироваться к новым обстоятельствам в стрессовых условиях, ограничиваясь бессознательными психологическими защитами или прибегая к копинг-стратегиям как осознанным способам преодоления стрессовых ситуаций, например, конфликтов.

Копинг-стратегии представляют собой способы адаптации к стрессовым ситуациям, выраженные через мысли, чувства и действия. В отличие от психологических защит они являются активными, а не пассивными, сознательными, а не подсознательными механизмами. Поэтому копинг-стратегии в контексте модели Дж. Гилфорда могут быть формализованы, что делает их более осознаваемыми и управляемыми. Это явно обнаруживается в тактиках аргументации в профессиональном взаимодействии, которое не может быть организовано вне процесса саморегулирования его участниками.

Роль копингов в процессе саморегулирования исследовал Д. Амирхан [4]. Он выделил три копинг-стратегии: разрешение проблемы, поиск социальной поддержки, избегание проблемы. Рассмотрим их. Первая адаптивная стратегия – разрешение проблемы – направлена на активное рациональное преодоление конфликтной ситуации, которая вызывает стресс. Она включает в себя планирование, поиск информации и принятие решения. Человек стремится использовать все имеющиеся у него личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы. Человек, использующий стратегию разрешения проблемы, склонен к логическому анализу и обсуждению фактического положения дел. Это способствует конструктивному диалогу путем выстраивания примирительной аргументации.

Вторая – поведенческая стратегия социальной поддержки – проявляется в активизации обращений за помощью и поддержкой к окружающей человека среде: семье, друзьям, коллегам и т.д. Данная стратегия может предполагать привлечение третьих лиц в аргументации.

Третья стратегия – избегание проблемы – это неадаптивная стратегия, при которой человек старается избежать контакта с окружающей его действительностью, уйти от решения проблем. Данный подход мо-

жет временно уменьшить стресс, но часто приводит к эскалации конфликта в долгосрочной перспективе.

Адаптивное саморегулирование в профессиональном взаимодействии реализуется посредством тактик аргументации, в которых просматриваются три уровня: логический, эпистемологический и когнитивный [5]. Логическая адаптация обусловлена инвариантностью и закономерностью в индуктивных и дедуктивных процессах обоснования каких-либо смыслов. В индуктивном направлении решающая роль отводится «повторению и нахождению общего принципа в ряду схожих случаев», в дедуктивном направлении «решающую роль играют формулировка и отбор предположений (гипотез)» [5, с. 64]. Эпистемологическая адаптация обусловлена «языковыми ресурсами и создаваемыми на их основе паттернами, которые осуществляют контроль рефлексивных процессов», когнитивная адаптация – синкретизмом рефлексивных и рефлексорных процессов» [5, с. 66].

Особое значение в копинг-стратегиях имеет дифференциация источников аргументационных ресурсов, используемых в логической адаптации. Индукция и дедукция определяют противоположные направления в тактиках аргументации. Индуктивные источники являются пассивными, так как они формируются путем накопления фактов. Дедуктивные источники являются активными, так как формируются путем критического анализа воспринятой информации. В эпистемологической адаптации они проявляются в виде, соответственно, рефлексорных и рефлексивных схем [5, с. 64]. Поэтому нельзя рассматривать копинг-стратегии вне указанных аспектов аргументации. Они влияют не только на эмоциональный климат общения, но и на эффективность решения проблемных ситуаций в профессиональном взаимодействии. Понимание этих стратегий позволяет решателям более осознанно подходить к регулированию собственных действий с учетом действий других сторон.

В частности, ирония как копинг-стратегия направлена на установление равновесия между ресурсами, которыми располагает индивид, и требованиями среды. Использование ироничных аргументов, связанных «с говорением противоположного тому, что в действительности подразумевается», позволяет уменьшить стрессовые факторы, проистекающие извне [1, с. 93–94]. Они «образуются на пересечении многих причин, например, неполнота информации, дефицит времени, высокие требования к результатам деятельности, негативные последствия за неудачный исход предпринятого дела» [1, с. 94–95]. Особую роль в длительном эмоциональном напряжении, приводящем к стрессу, играет самоирония, указывающая «на отсутствие у человека болезненного самолюбия». Однако, напротив, «его наличие является причиной и следствием отсут-

ствия самоиронии, что указывает на невозможность использования ее в качестве копинг-стратегии» [1, с. 95]. Ирония необходима для того, чтобы «обосновать возникновение эмоционального отстранения, установочную регуляцию поведения, основанную на способности юмора производить подъем эмоций, ослабление напряжения, через придание юмористической формы содержанию» [6, с. 1].

Таким образом, факторами копинг-стратегий, влияющими на тактики аргументации в профессиональном взаимодействии, являются, во-первых, факторы содержания, операций и результатов мышления как независимые измерения интеллекта человека в модели Дж. Гилфорда. Они сопоставимы с ответами на три вопроса, которые явно или латентно присутствуют в тактиках аргументации: О чем человек думает? Как он думает? К чему приводят его конкретные умственные действия? Во-вторых, такими факторами являются логические, эпистемологические и когнитивные факторы аргументации, позволяющие различать аддитивные и эмерджентные структуры самоорганизации и саморегулирования в копинг-стратегиях.

Библиографические ссылки

1. Воробьева С.В. Ирония как механизм защиты и копинг-стратегия в социальной адаптации // Инновационные социально-психологические технологии: от теории к практике [Электронный ресурс]: материалы II Междунар. науч.-практ. фестиваль, Минск, 17 нояб. 2023 г., Белорус. гос. ун-т; редкол.: Н.Н. Красовская (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2024. С. 92–99.
2. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта [Электронный ресурс] // URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-643.html> (дата обращения: 31.03.2025).
3. Воробьева С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
4. Киреева М.В. Ведущие копинг-стратегии студентов с различным уровнем стрессоустойчивости [Электронный ресурс] // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/veduschie-koping-strategii-studentov-s-razlichnym-urovnem-stressoustoychivosti> (дата обращения: 14.04. 2025).
5. Воробьева С.В. Логические, эпистемологические и когнитивные аспекты системной модели аргументации // Философия и социальные науки: Научный журнал. 2016. № 1. С. 62–67.
6. Мусийчук М.В., Мусийчук С.В. Когнитивные механизмы юмора как копинг-стратегии в Internet в период пандемии COVID-19 и самоизоляции // Медицинская психология в России. 2021. Т. 13, № 3. С. 1–23. doi: 10.24412/2219-8245-2021-3-1.

РИТОРИКА, МЕДИАРИТОРИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ: СМЫСЛОВЫЕ ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

А. В. Маглыш

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ast1ss@yandex.ru
Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

В статье выявляются смысловые точки пересечения риторики, медиариторики и массовых коммуникаций. Это позволило раскрыть массовые коммуникации как неотъемлемую черту современного общества, а также уточнить роль и значение риторики и медиариторики как способов объединения разобщенной аудитории, разбросанной по обширной территории. Показано, что значение и функции медиариторики обусловлены условиями информационного общества, в котором ведущим процессом становится медиатизация как множественная опосредованность в репрезентациях мира, скрывающая аспект этоса как источника доверия.

Ключевые слова: риторика; медиариторика; массовые коммуникации; медиакартин мира; процедуры рационализации; медиатизация.

Глобальные и цифровые изменения в системах производства и распространения информации повлекли за собой необходимость изменения концептуально-теоретического аппарата, с помощью которого можно описывать процессы, происходящие в сфере массовых коммуникаций. К ним можно отнести, прежде всего, понятие медиа и производный от него ряд концептов: медиатизация, масс-медиа, медиапространство, медиареальность, медиасфера, медиадискурс, медиаиндустрия, медиакультура, медиалогика, медиариторика и др. Особое значение среди них имеет медиариторика. Она непосредственно связана со средствами массовой коммуникации, т.е. способами распространения информации разобщенной аудитории, разбросанной по обширной территории. Однако понимание медиариторики в контексте ее отношений к массовым коммуникациям лежит в плоскости классической риторики [1–3]. Поэтому в докладе ставится цель – соотнести риторику и медиариторику с массовыми коммуникациями, чтобы уточнить их роль и значение в этих коммуникациях.

Массовость является неотъемлемой чертой современного общества и социальных процессов, происходящих в нем, поэтому она проявляется во многих областях общественной жизни. Массовость как форма социальной организации имеет свою точку отсчета. По мнению Х. Ортеги-и-Гассета, – это XIX век, когда массы, получив политическую свободу, вышли на историческую арену [4, с. 51]. Массовость как социальное свойство проявляется, прежде всего, в коммуникациях, поэтому спосо-

бом существования массовых коммуникаций выступает риторика, понимающая информационное воздействие или влияние на аудиторию. Главная роль риторики применительно к массовым коммуникациям заключается в соединении и/или объединении рассредоточенных в обществе индивидов (аспект пафоса). В этом аспекте роль риторики пересекается с главной функцией массовых коммуникаций как опосредованного социально ориентированного вида общения. Массовая коммуникация выступает средством, с помощью которого человек ощущает свою принадлежность к широкой общности и может активно включиться в ее жизнь. Как подчеркнула Л.В. Архарова, «риторика через общение помогает сплачивать людей вокруг общего дела, убеждая и воодушевляя их». Особое значение в этом процессе обретает «социально значимая речь» [1].

Риторика массовых коммуникаций неотделима от языка СМИ, поэтому в глобально-цифровых условиях они становятся медиариторикой, формирующей и продуцирующей медиакартины мира как продукт непрерывной деятельности [3]. Вследствие этого медийная картина является открытой и нелинейной, дискретной, разорванной и мозаичной. Возникновение и развитие медиариторики обусловлено формированием информационного общества, которое способствовало появлению и развитию новых форм коммуникации и содержательной трансформации непосредственно процесса коммуникации и его динамики. В этой динамике просматриваются два сущностных оппозиционных аспекта. Первый – глобализация средств массовой информации и коммуникации, которая, по словам Э. Гидденса, определяет «мировой информационный порядок» [5, с. 101]. Второй – изменение структуры коммуникационного опыта человека, характеризующееся необходимостью конструирования образа партнера в процессе коммуникативного взаимодействия, что связано в первую очередь с социальными сетями [6]. Если в первом аспекте очевидна активная роль одних участников коммуникации и пассивность других, то во втором аспекте активны обе стороны.

Функциональные особенности медиариторики как частной риторики языка СМИ проистекают из принципов классической риторики, которые непосредственно связаны с процедурами рационализации, используемыми в ораторской практике и в коммуникативных практиках в целом. Систематизируем эти процедуры [2; 3; 7]. К ним следует отнести, во-первых, использование непротиворечивых логических схем, не нуждающихся в особых интерпретациях. Они могут быть связаны с повседневным существованием человека или рутинным ходом времени. Во-вторых, необходимо обращение к идеализациям и стереотипности, в которых осуществляется подведение некоторого элемента ситуации под

идеальный тип или стереотип. В-третьих, – обращение к символизации и ритуализации, которые базируются на использовании знаков-символов. Эти знаки обеспечивают одинаковое реагирование на явления и события, поскольку указывают на что-то имеющее смысл и значение для определенных групп, общностей, социумов. В-четвертых, – использование интерпретаций жизненных ситуаций, так как сознание человека в его повседневной жизни настроено на диалог. Подобная настроенность означает то, что все участники в определенной степени заботятся не только о том, чтобы в ситуации использовались лишь определенные, допустимые символы, но и о том, «чтобы вводимые символы не нарушали подразумеваемый, но не проговариваемый смысловой или, точнее, предварительный смысловой порядок» [2]. Однако необходимо учитывать, что «люди сталкиваются с проблемными ситуациями, в которых эти контекстуальные символы», или «фоновые знания», согласно терминологии Г. Гарфинкеля [7], оказываются неизвестными «в силу отсутствия социального опыта, либо по причине ролевых конфликтов» [2].

Смысловые точки пересечения риторики, медиариторики и массовых коммуникаций становятся особенно очевидными в контексте медиатизации реальности как «всепроникающего влияния медиа на социальные процессы и общество», которое принято отождествлять с «расширением возможностей человека и сообществ в различных аспектах» [8, с. 14–15]. Вместе с тем, медиатизация, многократно опосредуя действительность, «перекрывает доступ к первичной реальности, но открывает новые территории в медиапространстве», особенности которых обусловлены заменой оригиналов копиями и усвоением уже скопированной информации [8, с. 16]. В результате складывается расширенный порядок социальной жизни, который С. Хьярвард назвал медиалогикой. Но наличие в таком порядке целенаправленно ориентированных речевых коммуникаций подразумевает наличие в нем риторических процессов, например, конструирование социально востребованного образа антиалкогольной политики в контексте «риторики преодоления пьянства» [9]. Конструирование подобных образов должно осуществляться в контексте аристотелевской формулы «этос – пафос – логос» и ее правил.

Согласно Аристотелю, этос – это убеждение посредством авторитета оратора, пафос – чувственно-эмоциональное воздействие на аудиторию, логос – убеждение посредством аргументов. Значит, этос делает акцент на ораторе, пафос – на реакции аудитории, логос – на содержании выступления. Именно в таком контексте функционирует медиариторика, объединяя или разъединяя массовую аудиторию.

Таким образом, значение риторики в массовых коммуникациях определяется ее возможностями в объединении рассредоточенных в

пространстве индивидов, социальных групп, социумов, выступающих ее адресатом. В этом аспекте – аспекте пафоса, ассоциированном с аудиторией, – роль риторики пересекается с главной функцией массовых коммуникаций как опосредованного социально ориентированного вида общения. Значение и функции медиариторики обусловлены условиями информационного общества, в котором ведущим процессом становится медиатизация как множественная опосредованность в репрезентациях мира, скрывающая аспект этоса как источника доверия.

Библиографические ссылки

1. *Архарова Л.В.* Риторика как социально-культурное явление [Электронный ресурс] // *Философская школа.* 2019. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritorika-kak-sotsialno-kulturnoe-yavlenie> (дата обращения: 10.04.2025).
2. *Зекиева П.М.* Риторика как технология реализации социальной коммуникации [Электронный ресурс] // *Вестник Ставропольского государственного университета. Наука. Инновации. Технологии.* 2010. № 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritorika-kak-tehnologiya-realizatsii-sotsialnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 10.04.2025).
3. *Анненкова И.В.* О медиариторике как частной риторике языка СМИ // *Стилистика завтрашнего дня.* М.: Медиамир, 2012. С. 11–18.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 272 с.
5. *Гидденс Э.* Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. 120 с.
6. *Битков Л.А.* Социальные сети: между массовой коммуникацией и межличностным общением Интернет // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2012. № 28. С. 36–38.
7. *Гарфинкель Г.* Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий [Электронный ресурс] // *Социологическое обозрение.* 2009. Том 8. № 1. С. 10–51. URL: http://intelros.ru/pdf/socoboz/01_2009/2.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
8. *Воробьева С.В.* Медиатизация в контексте культурной безопасности: коммуникативные и институциональные аспекты // *Корпоративные стратегические коммуникации: тренды в профессиональной деятельности: материалы Третьей Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8–9 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. М. Самусевич (отв. ред.) [и др.].* Минск : БГУ, 2020. С. 14–19.
9. *Белова Ю.Ю.* Конструирование образа антиалкогольной политики России в новостных медиа: риторика преодоления пьянства и контрриторические стратегии // *Мир России.* Т. 28. № 3. С. 155–175. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/9979/10878> (дата обращения: 19.04.2025).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

Е. А. Мысов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ewg.misov@gmail.com
Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

В статье раскрывается методологическое значение категориальной оппозиции «свой – чужой» в теории культурного трансфера. Обосновано, что семантика этой категориальной оппозиции с точки зрения логической прагматики трактуется как способы взаимодействия с реальностью и установления идентификационных границ с учетом эпистемологических и экзистенциальных оснований.

Ключевые слова: теория культурного трансфера; оппозиция «свой – чужой»; граница; культурная предвзятость; эпистемологические основания; экзистенциальные основания.

Актуальность теории культурного трансфера обусловлена ее методологической направленностью на поиск объяснений, каким образом и почему осуществляется взаимодействие различных элементов в интеллектуальных пространствах. Эпистемология такого взаимодействия непосредственно связана с историей идей и историей философии. Идеи, порожденные одним контекстом, циркулируют вне его, и, попадая в другой контекст, получают иную интерпретацию, которая зависит от структуры воспринимающего поля, в результате чего видимость свободы от контекста оборачивается достаточно тесной связью с ним [1; 2]. Особое место в таких интерпретациях занимает бинарная оппозиция «свой – чужой», в которой «чужой» принимает разные толкования и семантические варианты (иной, другой, чуждый и пр.) [3; 4], из которых выводимы нетривиальные методологические следствия. Поэтому цель статьи заключается в раскрытии методологического значения категориальной оппозиции «свой – чужой» в теории культурного трансфера.

В фокусе теории культурного трансфера развитие как процесс является неоднородным, многоуровневым и поэтому нуждается в очищении от напластований, порождаемых многочисленными связями и отношениями. Чтобы познавать и осмысливать историю философии как процесс необходимо различать напластования и сущность, осмысленную целостность и учет факторов ее поддерживающую или разрушающую. Это смещает решение проблем в контекст трансфера знаний, открывая дополнительные измерения, точки зрения, смысловые нюансы [1; 2; 5].

Проблему «свой – чужой» в теории культурного трансфера можно рассматривать в разных аспектах, так как она включает вопросы культурно-смысловой дифференциации по различным направлениям (философия, культурология, этнография, лингвистика и др.) [1]. Такая дифференциация – разделение целого на части, отделение частей от целого и пр. – связана с культурными изменениями (рецепцией, ассимиляцией, диффузией, культурными конфликтами). Их следствиями выступает внутреннее разнообразие целостности (структур, форм, стилей, направлений, тенденций и пр.) [2]. Но в любом случае особое методологическое значение имеет семиотика – наука о знаках и знаковых системах, которая объясняет их специфику на уровнях логической синтактики, семантики и прагматики, например, в трансфере исторической памяти [6, с. 35].

Логико-семантические аспекты решения проблемы «свой – чужой» обусловлены тем, что данная оппозиция в теории культурного трансфера представляет собой категориальную схему интерпретации мира. С позиции логической прагматики эта схема может быть истолкована как способ взаимодействия с реальностью или как правила, которым следуют, определяя границы себя, для себя и для других. Если метафора «свой» обозначает типическую ситуацию, культурный образец, то метафора «чужой» – тот сегмент мира, который не стал содержанием мышления, с чем еще нужно сблизиться [3]. В частности, деление социума в соответствии с оппозицией «свой – чужой» означает деление на оппозицию «мы – они». В этом «мы» «свой» близок «Я», являясь его вторым «я». Такая вторичность составляет необходимое условие «Я».

С позиции логической семантики в оппозиции «свой – чужой» методологически важно различать два сущностных аспекта: во-первых, мышление и интеллектуальную деятельность по освоению действительности, во-вторых, человеческое существование и формирование идентичности (индивидуальной, групповой, национальной). Если в эпистемологическом аспекте логическая семантика делает акцент на правильности, корректности, достоверности, то в экзистенциальном аспекте – на осмысленности, правде, правоте. Имеются в виду оценочные действия в пределах противопоставления своего и чужого. Например, устанавливая и переустанавливая границы собственного «Я», или своей самости, индивид намечает пространство, которое вне этих границ предстает как иное / другое / чужое / чуждое, т.е. запредельное собственному языку, смыслу, культуре [3, с. 159]. В то же время возможность познания своего «Я» и определения собственных границ проистекает из существования Другого [3, с. 160].

Теория культурного трансфера рассматривает свое как то, что открывает чужое, чужое как то, что позволяет понять свое [1]. Значение логико-семантического анализа в данной теории заключается в выявлении отношений и ситуативных связей между значимыми единицами (предметными и смысловыми значениями). Поэтому этот анализ способствует раскрытию способов представления смысла в контексте оппозиции «свой – чужой». А. Шютц назвал категории «чуждость и знакомость» общими универсальными категориями интерпретации социального мира, сделав акцент на эпистемологических сторонах интерпретации. Если «мы сталкиваемся в своем опыте с чем-то прежде неизвестным и выходящим за рамки нашего обыденного знания», значит, «приступаем к процессу исследования», который начинается с определения нового факта, попытки «уловить его смысл» [4]. Такая предварительная работа позволяет трансформировать имеющуюся «общую схему интерпретации мира, чтобы странный факт и его смысл стали совместимыми и согласованными со всеми другими фактами нашего опыта и их смыслами» [4]. Поскольку «факт, прежде казавшийся странным и приводивший в смущение наш разум, превращается в дополнительный элемент нашего надежного знания», постольку «мы расширяем и перестраиваем свой запас опыта» [4].

Применение теории культурного трансфера как методологического подхода в истории философии обусловлено логико-семантическими особенностями оппозиции «свой – чужой» в эпистемологическом и экзистенциальном аспекте. Контекст их различия позволяет отслеживать активизацию и затухание противостояния своего и чужого на уровнях познания и существования, устанавливать культурные образцы своего и чужого, эксцессы подавления чужого, уничтожения одного другим. Однако следует учитывать, что в философии «свой – чужой» трансформируется в оппозицию «Я – Другой». Э. Левинас показал, что Чужой является модификацией Другого, но не наоборот [3]. В этом ракурсе история философии предстает как развитие оппозиции «свой – чужой» в интеллектуальной национальной культуре [7].

В критическом анализе исторических типов интеллектуальной культуры с точки зрения динамики оппозиции «свой – чужой» следует различать две тенденции: с одной стороны, формирование новых границ между своим и чужим, с другой, – стремление упразднить границы. Радикализм первой тенденции проявляется в активном противостоянии, в уничтожении одного другим, в подавлении чужого, т.е. в ксенофобии и неприятии Чужого. Учет этих тенденций позволяет понять смысл изучаемого объекта, объяснить его специфику, определить место в историко-

философском процессе, исключив при этом культурную предвзятость в интерпретациях и трактовках.

Динамика оппозиции «свой – чужой» заключается в трансформации ее эпистемологических и экзистенциальных оснований. В целостной культурной совокупности это означает мировоззренческие сдвиги взаимодействующих сторон – своего и чужого. Качественные характеристики подобных сдвигов зависят от непосредственности или опосредованности, повсеместности или фрагментарности, длительности или краткосрочности контактов сторон, ведущих к установлению бесконфликтных (компромиссных) или конфликтных (бескомпромиссных) отношений. Ключевыми в оценке отношений являются логические оценки сравнимости и несравнимости, совместимости и несовместимости в соответствии со шкалой, фиксирующей степень совместимости и несовместимости [8, с. 54, 107]. Теория культурного трансфера в отличие от компаративистики делает акцент на теме границы, которая превосходит дихотомическое и политомическое деление вследствие подвижности самой границы. Поэтому данная теория опирается на нечеткую логику и в соответствии с ее принципами решается проблема пограничья и трансграничных процессов с учетом эпистемологических и экзистенциальных оснований.

Философская рецепция трансформации ценностно-смысловой системы Чужого, ее ассимиляция в собственную систему открывает возможности для понимания эпистемологических и экзистенциальных аспектов «своего», в частности, своей национальной философии [7]. Зависимость рецепции опыта Чужого от эпохи раскрывает возможности понимания и оценки в истории философии как сфере научного познания. Эпистемологические основания связаны с усвоением и переработкой восприятия ценностей и смыслов познания. Экзистенциальные основания – с усвоением и переработкой восприятия ценностей и смыслов жизни. Данные основания являются взаимно дополнительными, однако допускают включенность друг в друга отдельных элементов. Это может приводить к неправильным односторонним выводам в истории философии, которые осуществляются, например, на основе жизненных, т.е. наивных социально-политических коннотациях, не дающих полной картины всех происходящих изменений в определенный исторический период. Для полноты картины необходимы критическое понимание и оценка оппозиции «свой – чужой», темы границы и трансграничных процессов.

Таким образом, методологическое значение категориальной оппозиции «свой – чужой» в теории культурного трансфера обусловлено семантикой этой оппозиции, которая с точки зрения логической прагмати-

ки трактуется как способы взаимодействия с реальностью и установления идентификационных границ. Способы взаимодействия с реальностью связаны с мышлением и интеллектуальной деятельностью по освоению действительности (эпистемологические основания). Способы установления идентификационных границ – с человеческим существованием и формированием различных идентичностей (экзистенциальные основания). Поэтому искомое методологическое значение раскрывается в исследованиях тенденций формирования и упразднения логико-семантических границ между своим и чужим, что предопределяет качественные особенности и возможности применения теории культурного трансфера к историко-философским, культурологическим, коммуникативным и иным исследованиям.

Библиографические ссылки

1. *Дмитриева Е.Е.* Теория культурного трансфера как освоение «чужого» (на правах введения в тему) [Электронный ресурс] // НЛЮ. 2024. № 1. С. 127–137. URL: <https://www.researchgate.net/publication/385279836> (дата обращения: 12.04.2025).
2. *Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с франц. Под общ. ред. Е.Е. Дмитриевой., вступ. ст. Е.Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.
3. *Воробьева С.В.* Философия диалога Э. Левинаса [Электронный ресурс] // Философия эпохи постмодерна. Сборник переводов и рефератов. Минск: Красико-принт, 1996. С.159-181. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46423454> (дата обращения: 17.04.2025).
4. *Шютц А.* Чужак: социально-психологический очерк [Электронный ресурс] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ. М.: ИНИОН, 1998. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/98-03-022-shyutts-a-chuzhak-sotsialno-psihologicheskii-ocherk-schuetz-a-the-stranger-an-essay-in-social-psychology-amer-j-of-sociology-chicago> (дата обращения 15.04.2025).
5. *Гнучих В.Б., Воробьева С.В.* Трансфер знаний в учебном процессе: методические аспекты // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе: проблемы и перспективы: сборник материалов XX научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2023. С. 73–76.
6. *Воробьева С.В.* Историческая память в глобальном цифровом мире: семиотические и риторические аспекты // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2023. № 1. С. 34–44.
7. *Мысов А.Е.* Культурный трансфер философских идей И. Канта в интеллектуальной истории Беларуси // Философское наследие Иммануила Канта и актуальные проблемы современности: сборник материалов XVIII Республиканского междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», 18 апреля 2024 года. Минск: БГУ, 2024. С. 202–207.
8. *Воробьева С.В.* Логика: теория аргументации и критического мышления. Минск: БГУ, 2018. 231 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ОТЧУЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ОТ РАЗУМА: РИСКИ, ПРИЧИНЫ, МЕХАНИЗМЫ

Н. В. Нестерович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nikitaneesterovnv@gmail.com
Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

В статье анализируется амбивалентное влияние искусственного интеллекта (ИИ) на человека и выявляются риски, причины и механизмы отчуждения человека от разума. Раскрыты риски такого отчуждения, обусловленного развитием ИИ: экзистенциальные угрозы, дегуманизация социальных отношений, эрозия приватности, парадоксы рациональности, утрата человеческой агентности. Установлены основные причины отчуждения человека от разума, носящие техногенный и психологический характер, и его механизмы, связанные с «эффектом калькулятора» и генерацией «информационного мусора».

Ключевые слова: искусственный интеллект; отчуждение от разума; риски ИИ; когнитивные способности; дегуманизация; эффект калькулятора; генерация «информационного мусора»; бегство от свободы; социальный контроль

Искусственный интеллект (ИИ) выступает сегодня не просто как передовая технология, но как мощная сила, трансформирующая общество и ставящая перед человечеством фундаментальные вопросы. ИИ не только изменяет внешние условия человеческого существования, но и проникает в саму сферу когнитивных процессов, бросая вызов традиционным представлениям о разуме и автономии. В таких условиях обострилась проблема, связанная с применением систем искусственного интеллекта, требующего от человека критического анализа, понимания и оценки в работе с машинным разумом. Однако наблюдается иная ситуация: отчуждение человека от собственного разума. Поэтому цель статьи – выявить риски, причины и механизмы такого отчуждения.

Явный потенциал ИИ огромен и многогранен: от кардинальной автоматизации рутинных задач и обработки колоссальных объемов данных до помощи в научных открытиях, персонализации образования и медицины, а также компенсации недостатка человеческих ресурсов в различных сферах [1]. Существуют даже надежды на создание так называемого «сильного ИИ», способного моделировать принципы работы человеческого мозга на основе ассоциативно-семантических сетей [2], что гипотетически могло бы привести к появлению систем с глубоким пониманием мира. Однако этот впечатляющий потенциал неразрывно связан с комплексом глубоких и отложенных рисков [3], которые затрагивают не только безопасность или экономику, но и саму природу чело-

века, его социальные связи и способность к самостоятельному мышлению.

Центральной проблемой, приобретающей экзистенциальное измерение, становится перспектива утраты контроля над развитием и функционированием все более сложных и автономных систем ИИ. Искусственный интеллект все чаще рассматривается не просто как инструмент, а как сложная, динамично развивающаяся система, демонстрирующая способность к самообучению и нелинейному усложнению. ИИ порождает обоснованные опасения относительно возможности появления непредсказуемого сверхразума, способного выйти из-под человеческого контроля [1; 3]. Эта тревога усугубляется тем, что человек внедряет системы, часто не понимая последствий их функционирования. Непрозрачность алгоритмов делает задачу эффективного контроля и оценки рисков крайне затруднительной [3]. Непредсказуемость ИИ проявляется и в рисках безопасности на практическом уровне: сбои или ошибки автономных систем могут приводить к непреднамеренному ущербу [1]. Добавляются также риски взлома и злонамеренного перепрограммирования ИИ.

Не менее значимым представляется риск прогрессирующей дегуманизации социальных отношений и непосредственно самой человеческой сущности. Наблюдается тенденция к «цифровизации мышления» [3]: инструментальная логика и алгоритмичность машины проникают в человеческое сознание, вытесняя или деформируя естественные способы познания и общения. Смещение акцента с живого общения на опосредованное взаимодействие способствует формированию «ложных дружественных связей» [3], лишенных подлинной эмпатии. Одновременно разворачивается процесс эрозии приватности (деинтимизации). ИИ-алгоритмы обретают беспрецедентную способность анализировать цифровые следы, раскрывая интимные аспекты личности и фактически упраздняя право на частную жизнь [3]. Возникает перспектива «общества правды», где личная уязвимость становится нормой. Такое разрушение интимного пространства создает условия для дистанцирования человека от самого себя, от своей внутренней сущности, под постоянным взглядом алгоритмических систем.

Внедрение ИИ также порождает глубокий парадокс, связанный с понятиями рациональности и человеческой агентности (способности человека выступать в качестве самостоятельного агента). С одной стороны, ИИ продвигает формальную, инструментальную рациональность, обещая оптимизацию и эффективность. Однако, с другой стороны, тотальное распространение такой рациональности оборачивается иррациональными последствиями: стандартизацией опыта, подавлением спон-

танности и творчества, дегуманизацией практик. Сама природа ИИ, лишённого человеческих ценностей и этики [1; 4], означает, что его формально «правильные» решения могут быть абсурдными или разрушительными в человеческом контексте. Эта ограниченность ИИ способствует инверсии ролей: ИИ из инструмента превращается в субъект управления, формирующий желания и ограничивающий выбор пользователя. В результате человек рискует утратить собственную агентность – способность быть автором своей жизни [3].

Наконец, ИИ утверждается как новый, глобальный и потенциально тотальный механизм социального контроля. Анализируя огромные потоки данных, он позволяет осуществлять надзор, профилирование и манипулирование в невиданных масштабах [3]. Этот контроль часто носит латентный характер, встраиваясь в интерфейсы и сервисы, и осуществляется в глобальном, экстерриториальном пространстве. Активное конструирование общественного восприятия ИИ дополнительно затрудняет объективную оценку ситуации. Все это создает рискогенную среду, в которой индивид чувствует себя все более бессильным перед непрозрачными механизмами принятия решений [3]. Таким образом, потенциал ИИ оказывается неотделим от глубоких рисков, затрагивающих основы человеческого бытия: автономию, социальность, разумность, приватность.

Развитие и широкое применение ИИ выводят проблему влияния технологий на человека на новый уровень, порождая специфический феномен – отчуждение человека от собственного разума [4]. Этот процесс имеет свои причины и механизмы, которые связаны между собой. Основные механизмы такого отчуждения связаны с «эффектом калькулятора» и генерацией «информационного мусора». Первый механизм, метафорически обозначенный как «эффект калькулятора», заключается в том, что по мере делегирования когнитивных задач внешним алгоритмам ИИ, собственное мышление становится фрагментированным [4]. Пропускаются важные этапы самостоятельного познания, что ведет к утрате целостности восприятия. Когнитивные способности, не находящие применения, рискуют атрофироваться. Этот процесс связан с явлением «когнитивной разгрузки»: легкость передачи задачи внешнему инструменту снижает стимулы для внутренних ментальных усилий, подрывая привычку к самостоятельному мышлению [4]. Косвенным подтверждением может служить наблюдаемый обратный эффект Флинна – снижение показателей IQ населения, совпадающее с периодом массовой компьютеризации.

Вторым важным механизмом выступает генерация «информационного мусора» и алгоритмическое формирование информационного поля

[4]. Цифровое мышление ИИ способно порождать огромное количество избыточных или поверхностных данных, засоряющих информационное пространство. Этот «шум» затрудняет поиск релевантной информации, способствует клиповости восприятия и когнитивной перегрузке, мешая глубокому осмыслению реальности. Параллельно алгоритмы («информационные пузыри») активно формируют информационное поле пользователя, влияя на его взгляды и сужая горизонт познания. Это влияние распространяется и на сами способы мышления: ИИ, функционирующий на принципах, отличных от человеческого ассоциативно-семантического мышления [2], может навязывать свои критерии релевантности и скорости, подменяя ими глубину и рефлексивность. Зависимость от «когнитивных костылей» ИИ, таким образом, ведет к утрате автономии мышления [4]. Кроме того, продукты, созданные ИИ, вступают в конкуренцию с продуктами человеческого творчества, потенциально обесценивая последние.

Причины отчуждения человека от разума многогранны. С одной стороны, это цивилизационная причина: в природе техногенной цивилизации заложена тенденция к замене природного искусственным, и ИИ – логическое завершение этого процесса, претендующее на замену человеческого разума [4]. Это приводит к «парадоксу цивилизованного человека»: чем совершеннее технологии, тем меньше востребованности в естественном человеке [4]. Эта логика связана с доминированием инструментального разума. С другой стороны, выделяется психологическая причина – механизм «бегства от свободы» [4]. Сложность мира и бремя ответственности порождают тревогу. ИИ, с его ореолом объективности, предстает соблазнительным решением – возможностью переложить ответственность и избавиться от сомнений, подчинившись алгоритму. «Бегство от свободы» становится и бегством от труда мышления. Эта готовность отказаться от собственного «я» создает почву для распространения влияния ИИ и формирования «цифрового тоталитаризма» – контроля через обезличенные алгоритмы [4].

Таким образом, отчуждение человека от разума предстает как сложный процесс, обусловленный как объективными характеристиками ИИ и тенденциями цивилизационного развития, так и психологическими механизмами адаптации. Последствия этого могут быть весьма плачевными: от деградации когнитивных способностей и критического мышления до утраты человечеством своей сущности (появление «человека цифровизованного» [4]) и попадания под власть систем, не способных к подлинному разумению и этике [1; 4]. Это ставит вопрос о необходимости глубокого философского осмысления роли ИИ, сознательного ограничения сфер его применения и сохранения пространства для развития

уникального человеческого разума [4]. Только через критическое осознание происходящих процессов, развитие медиаграмотности и сохранение примата человеческих ценностей можно надеяться на минимизацию рисков и использование потенциала ИИ во благо, а не во вред человечеству.

Библиографические ссылки

1. *Морхат П.М.* Риски и угрозы, связанные с применением искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2017. № 12 (156). С. 61–65.
2. *Арутюнян В.Г.* Структура ментальных репрезентаций: извлечение текста из памяти, нейронная сеть и искусственный интеллект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2013. Вып. 5. С. 133–139.
3. *Лукьянова Е.Д.* Создание искусственного интеллекта: современные достижения и отложенные риски // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 1 (25). С. 142–148.
4. *Юницкий А.Э., Петров Е.О.* Искусственный интеллект и отчуждение человека от разума: причины, механизмы, последствия // Безракетная индустриализация ближнего космоса: проблемы, идеи, проекты: материалы V Международной научно-технической конференции. Минск: Стринго, 2022. С. 127–140.

ЛОГИКА НОРМ В ЮРИДИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

В. Н. Радченко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, foxf5255@gmail.com
Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

В статье выявляются особенности логики норм в юридическом мышлении. Это позволило уточнить модальности обязательств, запретов и разрешений, прояснить причины юридических коллизий – разногласий и противоречий между нормативными правовыми актами, регулируемыми одни и те же или смежные правоотношения. Показано, что для их преодоления нужно четко представлять особенности неявного присутствия логической структуры в нормативных актах, выражаемой формулой «если – то – иначе», явно выраженной в структуре хрии.

Ключевые слова: логика норм; юридическое мышление; логическая структура нормы; юридическая коллизия; нормативный акт; «если – то – иначе».

Актуальность логики норм в юридическом мышлении предопределена логикой правоприменения. Это означает, что методологически значимыми вопросами являются вопросы формирования и поддержания правопорядка в обществе и государстве, организации и функционирования многочисленных коммуникационных связей, обеспечении нормальной деятельности социальных и иных структур [1; 2]. Организация любого порядка подразумевает понимание его особенностей на ментальном уровне. Исходя из таких обстоятельств, ставится цель: выявить особенности логики норм в юридическом мышлении.

Логика норм, или деонтология, связана с модальностями обязательств, запретов и разрешений. Это означает, что она формализует пространство действий, дифференцируя в нем обязательное, разрешенное и запрещенное. Идея, согласно которой существуют нормы или законы, которым должны быть подотчетны все разумные человеческие существа, восходит к стоикам, объединившим в своей философии логику, физику и этику. Таким способом они пытались обосновать условия мудрости и бесстрастности в поведении гражданина, впервые формализовав представления о поведенческой норме. Но только Фома Аквинский в XIII в. разработал идею нормы систематически, аргументировав ее посредством апелляции к естественному закону как «вечному закону» божественного идеала, который «движет все к должной цели» [3, с. 310]. Движение к должному означает движение к подобающему, соответствующему, нормальному. Впоследствии эти признаки нашли отражение в норме права как общеобязательной, формально-определенной норме поведения, гарантируемой государством.

Логическая структура правовой нормы включает три элемента: гипотезу, диспозицию и санкцию. Гипотеза – это определение жизненных обстоятельств, на которые рассчитана данная норма, диспозиция – определение предписываемого поведения. Санкция выступает необходимым атрибутом и гипотезы, и диспозиции. Поэтому в логике норм различаются собственно содержание правовой нормы (правило поведения) и источник, императив, которым норма установлена и (или) охраняется от нарушений [2, с. 14–15].

Д.В. Осинцев указал на две «разнонаправленные тенденции построения логических правил, организующих юридическое мышление» [4]. Первую тенденцию он назвал «логикой превращенных форм». Она обнаруживается тогда, «когда профессиональный юрист оперирует понятиями “второго порядка”». Такие понятия изначально созданы в контексте отражения «стихийно сложившихся естественных отношений», которые получили «свое закрепление в традиции правового поведения и официальных документах». Но с течением времени они утрачивают «изначальное значение и смыслы». Однако «введенные правила их построения и сочетания позволяют организовывать юридические тексты и подводить под них реальные жизненные обстоятельства, хотя выводы могут быть нелепыми, абсурдными или просто нейтральными» [4].

Вторая тенденция выявляется в контексте «отказа от средневековых правопорядков и установления абсолютизма верховной власти», при которой «философствующие умы породили мелочный спор об объеме возможностей». В результате «произошло утопическое наделение всех без исключения людей желанием и способностями жить в правопорядке, быть образцами духовной культуры» [4]. Однако такое правопонимание привело к вопросу: «как при помощи юридических инструментов добиться соответствия правовых предписаний задуманной схеме идеальной правовой культуры» [4]. Д.В. Осинцев поясняет этот казус таким образом. В действительности «существуют не только превращенные формы юридических конструкций, но и идеальное правовое состояние, и позитивная юриспруденция должна к нему стремиться, сосуществуя с иными социальными регуляторами». Но, согласно его точке зрения «трагедия такого подхода, которому уже более 500 лет, состоит в том, что есть только естественное состояние, познаваемое или конструируемое при помощи средств иных наук». При этом «прослойки типа “естественное право” между этим естественным состоянием и искусственно создаваемыми нормами управления (юридическими регламентами) не существует» [4].

Эти две тенденции, выявленные Д.В. Осинцевым, свидетельствуют о том, что существует особая логика юридического мышления. Право и

официальная юриспруденция выстраивается для того, чтобы не отвлекаться на выяснение содержания и смысла правовых феноменов, не задумываться о том, как следует поступать в известных ситуациях. Отсюда выводимы два нетривиальных следствия. Во-первых, право следует рассматривать как ориентир для заинтересованных участников отношений, помогающий в выборе жизненных позиций. Во-вторых, право не должно изменять сложившегося естественным образом положения дел, не создавать новых законов природы, экономики, социальной жизни и др. Однако право «может придавать им официальный статус, и не более» [4].

Реальная юридическая практика показала, что запреты и дозволения ей не свойственны. Но именно запреты и дозволения являются способом развития этой практики. Например, запреты характеризуют естественную невозможность или пагубность поступка. Дозволение, напротив, есть разрешение и его не нужно официально разрешать. Тем не менее, остаются возможными общеобязывающий и правопредоставляющий типы правового регулирования. Это означает, что логику юридического мышления нельзя сводить к поиску правил для формулирования необходимых выводов. Она должна обеспечивать построение процессуальных алгоритмов, которые могут обеспечить оптимальность и бесперебойность действий участникам правовой коммуникации. Ее можно определить как установленный «порядок взаимодействия субъектов, основанный на юридических нормах и связанный с обменом правовой информацией, необходимой для удовлетворения их потребностей и законных интересов» [5].

Логика норм включает собственные толкования законов мышления, которые предопределены особенностями юридической практики. Примерами таких законов могут служить следующие необходимые связи: никакое действие не может быть одновременно обязательным и запрещенным; безразличное не является ни обязательным, ни запрещенным. Такое толкование основано на связях между основными нормативными понятиями: «обязательно», «запрещено», «разрешено». Например: «Действие обязательно только в том случае, если запрещено воздерживаться от него»; «Действие разрешено, если оно не запрещено», «От того, что запрещено, следует обязательно воздерживаться». Это можно представить наглядно в терминах конкретных действий; «налоги нужно платить обязательно при условии, что запрещено их не платить», «Разрешено не платить налоги, если это не запрещено» (но это запрещено, значит, платить нужно).

Логика норм в юридическом мышлении сталкивается с разногласиями и противоречиями. Причины связаны с тем фактом, что в реально-

сти системы норм далеки от логического совершенства. С течением времени в этих системах появляются нормы, одни из которых что-то запрещают, другие – это же запрещают, одни требуют сделать что-то, другие – предписывают воздерживаться от этого. Это приводит к юридическим коллизиям – разногласиям или противоречиям между нормативными правовыми актами, регулируемыми одни и те же или смежные правоотношения. По мнению Т.Н. Радько, коллизии являются «результатом дефектов в правотворчестве, следствием которых является несогласованность, противоречивость правовых норм, регулирующих одни и те же отношения» [6, с. 366]. Для их преодоления нужно четко представлять особенности неявного присутствия логической структуры в нормативных актах.

Логическая структура правовой нормы выражается формулой «если – то – иначе», явно выраженной в структуре хрии [7, с. 212]. В ней основание имплицативного функтора «если» указывает на начало гипотезы нормы, следствие имплицативного функтора «то» – на диспозицию нормы, а «иначе» как антитеза указывает на начало санкции правовой нормы [1]. Эти логические маркеры не присутствуют в текстах нормативных актов, но подставляются при необходимости сформулировать целостную логическую норму. Однако при отсутствии какого-либо элемента нормы права – «если», «то» или «иначе» – она оказывается недействующей. Чтобы норма, или правило поведения, действовала, должны быть оговорены три момента: что нужно делать (само правило поведения), когда это нужно делать (условия выполнения правила поведения), чем это обеспечено (последствия невыполнения правила). Логическая норма эти моменты в правовой норме и оговаривает, так как, согласно М.В. Воронину, «связи гипотезы, диспозиции и санкции обусловлены содержательными признаками конкретной правовой нормы, отражающей конкретное правило поведения в определенном срезе общественно-го отношения или комплексе их системного взаимодействия» [8].

Особенности логики норм в юридическом мышлении заключаются в ее способности не просто формализовать нормы поведения, но и обеспечивать когнитивный каркас правовой коммуникации. Юридическое мышление оперирует нормами как инструментами регуляции, предполагая их внутреннюю логическую непротиворечивость, структурную завершенность и способность к разрешению коллизий. Логика норм позволяет юристам интерпретировать, адаптировать и применять нормы в условиях сложных правовых и жизненных обстоятельств, обеспечивая тем самым устойчивость правопорядка и предсказуемость правоприменения. Она функционирует как скрытая архитектура права, которая одновременно отражает и конструирует социальную реальность, способ-

ствуя достижению баланса между юридической формой и фактическим содержанием общественных отношений.

Таким образом, выявленные особенности логики норм в юридическом мышлении связаны с уточнением экстенсионалов и интенсионалов модальностей обязательств, запретов и разрешений. Для преодоления юридических коллизий – разногласий и противоречий между нормативными правовыми актами, регулируемыми одни и те же или смежные правоотношения – необходимо четко представлять особенности неявного присутствия логической структуры в нормативных актах, выражаемой формулой «если – то – иначе». Ее общезначимый смысл заключается в нормативном уравнивании трех элементов: правило поведения (что нужно делать?), условия его выполнения (когда это нужно делать?), последствия невыполнения правила (чем это обеспечено?).

Библиографические ссылки

1. Аргументация в праве и морали. Коллективная монография / Под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2018. 521 с.
2. *Ивин А.А.* Логика норм. М.: издательство МГУ, 1973. 122 с.
3. *Фома Аквинский.* Сумма теологии. Т. IV: Первая часть Второй части. Вопросы 68–114. / Пер. с лат. М., 2012. 688 с.
4. *Осинцев Д.В.* Логика правопонимания и пути юридического познания [Электронный ресурс] // Universum-juris. 2017. URL: <https://www.universum-juris.org/?q=ru/node/34> (дата обращения: 27.03.2025).
5. *Усманова Е.Ф.* Понятие и элементы правовой коммуникации [Электронный ресурс] // Мир науки и образования. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-elementy-pravovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 01.04.2025).
6. *Радько Т.Н.* Актуальные проблемы права: учебник для магистров. М.: Формула права, 2012. 396 с.
7. *Воробьева С.В.* Логика: теория аргументации и критического мышления. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
8. *Воронин М.В.* Структура норм права как проявление системности права [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Юридические науки. URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/vypusk-4182012/21-2010-12-01-13-31-58/-4-18-2012/312-voronin-struktura-norm-prava-kak-proyavlenie-sistemnosti-prava> (дата обращения: 03.04.2025).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА В СЕМИОТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ Т. ГОББСА

Ф. Ю. Сакович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, Sakovicfeda9@gmail.com*

Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент

В статье исследуется семиотическая концепция языка, предложенная Т. Гоббсом. Цель работы – раскрыть структуру языка как систему знаков в рамках семиотической модели Т. Гоббса. Анализируются ключевые элементы его теории: метки, обеспечивающие внутреннее воспроизведение опыта; знаки, служащие для передачи мыслей; имена как основа универсального обмена идеями. Исследование демонстрирует роль языка в структурировании мышления и социального взаимодействия, подчеркивая взаимосвязь знаковых механизмов и коммуникативных процессов.

Ключевые слова: семиотика; язык; семиотическая модель Т. Гоббса; метка; знак; имя; речь.

Изучение семиотической модели языка Т. Гоббса сохраняет свою актуальность в рамках анализа исторических истоков семиотики как дисциплины. Хотя его работы относятся к XVII веку, его концепция языка как системы знаков представляет собой важный этап в развитии философской мысли, предвосхитивший ключевые идеи о структуре коммуникативных процессов. Более того, изучение исторических истоков семиотики через призму работ Т. Гоббса представляет собой важный вклад в осмысление общих тенденций развития научной мысли, позволяя проследить, как классические философские системы продолжают влиять на современные модели. Поэтому цель данной статьи состоит в раскрытии структуры языка как системы знаков в рамках семиотической модели Т. Гоббса, что способствует более глубокому осмыслению процессов функционирования знаковых систем.

В историко-философском контексте множество ученых, изучающих проблемы языка и знаковых систем, отмечают уникальность вклада Т. Гоббса [1]. Он сумел подчеркнуть значение языка как основного средства коммуникации, что нашло отражение как в научных исследованиях, так и в практических вопросах государственного управления. Учение о знаках и языке занимает центральное место в его философской системе, являясь ядром его гносеологической концепции. В этом ключе концепция Т. Гоббса воспринимается как предшественник семиотики, открывающей новые горизонты в понимании механизмов передачи смыслов [2].

В 1655 году Т. Гоббс издает работу «О теле» [3], в которой он стремится разработать или уточнить метод, способный устранить неточности, путаницу и ошибки, присущие предыдущей философии (схоластики) и науки. «Все, что хаотично, должно быть разбито на составляющие, и каждая часть должна занять свое определенное место. Иными словами, требуется метод, соответствующий порядку творения самих вещей» [3, с. 71]. Такой подход позволяет увидеть, как философ стремился к систематизации мышления через языковую структуру.

В первой части произведения, получившей название «Исчисление, или логика», он излагает свою гносеологическую концепцию, или, как он выразится, «зажигает светоч разума» [3, с. 71]. Здесь Т. Гоббс уделяет особое внимание языку, речи и их элементам, рассматривая их как базовые компоненты мышления и, соответственно, всякого познания. Поскольку «он, по сути, отождествлял мышление и язык» [2], то теперь предметом анализа для него становятся языковые средства, взаимодействие и функционирование которых отражают структуру мышления. Анализ знаков и их функций занимает важное место в его философской системе, ведь именно посредством речи осуществляется всякая коммуникация и, следовательно, социальные отношения.

Т. Гоббс выдвигает тезис о том, что познание невозможно без воспроизведения в уме ранее полученных чувственных ощущений, т.е. без памяти. Поскольку объекты не могут постоянно вызывать непосредственные ощущения, необходимо их замещение посредством меток. По мысли философа, метки – это знаки, носящие смысл только для одного конкретного человека и служащие для возбуждения определенных мыслей: «чувственно воспринимаемые вещи, произвольно выбранные нами, с тем чтобы при помощи их чувственного восприятия пробудить в нашем уме мысли, сходные с теми, ради которых мы применили эти знаки» [3, с. 82]. Однако в процессе коммуникации метки, как средство индивидуального воспроизведения ощущений, оказываются недостаточными для передачи мыслей между субъектами.

Для установления межличностного контакта Т. Гоббс вводит понятие знаков, способных передавать мысли и представления от одного субъекта к другому. Знаки – это определенные вещи, например, идущие друг за другом, то есть имеющие каузальную связь, значит, в их последовательности существует определенная правильность. Здесь разница между метками и знаками заключается в интерсубъективном характере последних: «разница между метками и знаками состоит в том, что первые имеют значение для нас самих, последние же – для других» [3, с. 82]. Такое разграничение позволяет увидеть, как язык трансформируется из инструмента внутренней мысли в средство коммуникации.

В следующем разделе Т. Гоббс говорит о видах знаков и меток. В свою очередь они могут быть естественными и искусственными. Метки

всегда произвольны (т. е. искусственны), так как выбираются субъектом и отсылают к уже воспринятому опыту, в то время как знаки могут иметь как естественную, так и искусственную природу. Естественные знаки, такие как темные тучи, предвещающие дождь, иллюстрируют наличие объективного порядка в природе, тогда как искусственные знаки, представленные словами, приобретают значение исключительно благодаря соглашениям между людьми. Важно отметить, что два различных предмета могут служить как метками, так и знаками. Например, камень, размещенный на поле, может служить искусственным знаком собственности, а слова, используемые для обозначения понятий, функционируют одновременно как метки и знаки [3, с. 82; 4, с. 23].

В обоих случаях первое место принадлежит именам (т. е. в роли меток и знаков выступают имена). В связи с этим он определил имя, как слово, которое было выбрано человеком произвольно для запоминания в качестве метки и одновременно с тем, чтобы «служить признаком того, какие мысли были и каких не было в уме говорящего» [3, с. 83]. Функция имен двояка: прежде всего они метки, одновременно, но во вторую очередь они знаки. Однако уже из определения следует, что имена являются не знаками самих вещей, а знаками наших мыслей о вещах, или наших представлений.

В связи с центральной ролью имен в семиотической концепции Т. Гоббса (они выполняют функцию запоминания, ибо «способ, благодаря которому, речь служит для запоминания последовательности причин и следствий, состоит в применении имен и их связи» [4, с. 23–24]) необходимо выделить их виды. Так, можно говорить об именах «собственных и общих». Первые относятся лишь к единичной вещи, например, «Петр, этот человек, это дерево». Вторые же являются именами всеобщими, поскольку выражают некоторую совокупность единичных вещей по сходим у них признакам. Такими именами могут являться, например, «человек, лошадь, дерево». В этом также и состоит их различие вызывать воспоминания, имена собственные вызывают в памяти одну конкретную вещь, в то время как имена всеобщие вызывают в памяти класс сходных между собой вещей.

Стоит сказать, что некоторые всеобщие имена могут иметь разный объем, «причем имена большего объема включают в себе имена меньшего объема, а некоторые имеют одинаковый объем и взаимно включают друг друга» [4, с. 24]. Например, имя тело включает в себя имя человек, а имена человек и разумное существо есть равнообъемные имена. Способность запоминания, по Т. Гоббсу, состоит в последовательном использовании имен то более широкого, то более ограниченного значения; тем самым мы заменяем последовательность представляемых в уме вещей последовательностью названий [4]. Так он приводит пример. Человек, не обладающий способностью речи, мог бы выяснить, что сумма

трех углов треугольника равна сумме двух прямых углов. Однако при наличии у него абсолютно другого треугольника ему потребовалось бы повторять всю процедуру решения заново. Другой же человек, обладающий речью и однажды нашедший это равенство, может без затруднений вывести общее правило только по тому, что это равенство зависит не от конкретных параметров треугольника, но присуще каждому в силу его имени. Таким образом, когда мы обнаруживаем определенную последовательность в одном конкретном случае, она фиксируется и запоминается как универсальное правило. Это освобождает процесс познания от привязки ко времени и месту, а нас – от постоянных умственных усилий, за исключением первоначального поиска, превращая найденное нами истинное в незыблемую и всеобщую истину.

Семиотическая модель языка Т. Гоббса демонстрирует, что язык функционирует как система знаков, в которой прослеживается эволюция от индивидуального механизма восприятия к универсальному средству коммуникации. В его концепции метки выступают как инструменты воспроизведения чувственных впечатлений и являются необходимыми элементами функционирования памяти. В свою очередь, знаки, обладая межличностной конвенциональностью, обеспечивают передачу мыслей и представлений между субъектами. Особое значение придается именам, рассматриваемым как «знаки знаков», которые, благодаря своему условному характеру, упорядочивают и структурируют мышление. Имена одновременно выступают в качестве меток и знаков, и бывают собственными и общими. Запоминание подразумевает под собой комбинирование и последовательное употребление имен с разными объемами, что позволяет заменить последовательность ощущений в памяти на последовательность имен. Поскольку имена могут обозначать некоторые классы объектов и вызывать схожие представления у разных людей, то они выполняют и коммуникативную функцию. Совокупность трех элементов и их взаимосвязь (меток, знаков, имен) и представляет собой структуру языка в семиотической модели Т. Гоббса.

Библиографические ссылки

1. *Ким, В. В.* Семиотика и научное познание : Философско–методологический анализ. Екатеринбург : Изд–во Урал, ун–та, 2008.
2. *Мееровский, Б.В.* Гоббс. М.: Мысль, 1975.
3. *Гоббс, Т.* Основы философии. О теле. М.: Мысль, 1989.
4. *Гоббс, Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 1991.

ЛОГИКА СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ЦИФРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Я. В. Цвирко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, yartsvi@gmail.com*

Научный руководитель – С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент

В статье уточняются прикладные аспекты логики сравнительного анализа, применяемой в юридической практике, непосредственно связанной с цифровыми технологиями. Для этого раскрыты три подхода – логический, риторический и диалектический, в пределах которых осуществляется детальное изучение действующего законодательства и выявление основных векторов его развития с учетом цифровых трансформаций.

Ключевые слова: логика сравнительного анализа; юридическая практика; цифровые трансформации; нормативный контекст аргументации; ответственность.

Актуальность сравнительного анализа в юридической практике обусловлена его основополагающим характером в познании и методологии. Цифровые трансформации мира в глобальных и локальных масштабах влекут изменения и в юридической практике [1; 2]. Поэтому наша цель заключается в уточнении прикладных аспектов логики сравнительного анализа, применяемой в юридической практике, непосредственно связанной с цифровыми технологиями.

Афоризм «все познается в сравнении» говорит сам за себя. Сравнение позволяет выявить у сопоставляемых объектов ряд признаков (свойств или отношений, параметров, характеристик или черт), на основе которых можно выявлять достоинства и недостатки, оценивать возможности и перспективы использования или развития, сделать выводы о закономерностях или, напротив, их отсутствии, что указывает на хаотические изменения. Метод сравнительного анализа имеет давние традиции. Его активно применял еще древнегреческий философ Аристотель, исследовавший политическое устройство ста пятидесяти восьми известных ему государств-полисов [3]. В настоящее время этот метод позволяет перейти от описательной функции, реализуемой посредством вопросов «Что? Где? Когда?», к объяснению и выявлению каузальных связей, осуществляемых с помощью вопросов «Как? Зачем? Почему?».

Цифровые трансформации затронули методологическую сферу юридической деятельности. Возникнув на заре цивилизации, профессия юриста почти не менялась: юрист как знаток права должен был «досконально разбираться в своде законов и подзаконных актах. Но вместе с

цифровыми технологиями возник целый мир, который еще только ждет продуманной и эффективной системы юридического регулирования» [1]. В частности, процесс цифровизации нормотворчества, заключающийся в его усовершенствовании с помощью информационных технологий, действительно происходит [2].

Сравнение является фундаментальным принципом компаративистики, основанной на сопоставительном выявлении сходств и различий объектов. Применительно к юридической практике в цифровых условиях важным является сравнительный анализ юридической аргументации, конструируемой в нормативном контексте. В сравнение вовлечены три подхода: логический, риторический и диалектический. В логическом подходе, идущем от «Аналитик» Аристотеля, основными критериями приемлемости аргументации выступают критерии формальной правильности рассуждения, включая принципы доказуемости и дедуктивной выводимости [3, с. 194–196]. Однако юридическая аргументация должна подчиняться не только законам логики, но и законам риторики. Уже «античные философы отмечали юридическую значимость риторической аргументации в зале суда». В частности, «Цицерона, Ульпиана, Папиниана и других римских юристов можно считать идеалом удачного сочетания способностей юриста и оратора» [5, с. 14]. Риторический подход к юридической аргументации был разработан С. Тулмином [6] и Х. Перельманом [7; 8] в качестве альтернативы логическому подходу. Доминирование логического подхода с формальными критериями было дополнено разработкой коммуникативных и содержательно-материальных критериев аргументации, связанных с ответственностью.

С. Тулмин связал приемлемость аргументации с установленной, например, в суде процедурой, составляющей необходимое условие успешной защиты точки зрения [6]. Х. Перельман показал зависимость обоснованности и эффективности аргументации от аудитории. Согласно его мнению, «если люди противостоят друг другу относительно решения, которое необходимо принять, это происходит не потому, что они совершают какую-либо логическую ошибку или просчет в расчетах». Это происходит вследствие того, что «они обсуждают правило, подлежащее применению, цели, которые следует учитывать, значение, которое необходимо придавать ценностям, интерпретацию и характеристику фактов» [8, с. 86]. Х. Перельман считал, что в аргументации всегда можно выступить за или против, поскольку аргументы, поддерживающие один тезис, не исключают полностью противоположный. Это никоим образом не означает, что все аргументы имеют одинаковую ценность [7, с. 770]. Напротив, ценность соизмерима с ответственностью как отношением зависимости человека от чего-либо, что воспринимается им в

качестве определяющего основания для принятия решений или совершения действий.

Диалектический подход к юридической аргументации представляет собой дискуссионную процедуру отстаивания рациональной нормативной точки зрения по определенным правилам [9]. В этом подходе аргументация рассматривается как часть критической дискуссии, в которой принимаются во внимание обе стороны: защитник тезиса и его критик (оппонент). Поэтому формулируются три группы правил, определяющих степень ответственности каждого участника. Это, во-первых, логические правила, предъявляемые к формулируемому тезису и его доводам или контрдоводам. Во-вторых, позиционные правила, указывающие на отношение к предмету спора, а не к оппоненту. В-третьих, методологические правила, предусматривающие всесторонность обсуждения, конкретность, объективность и полноту.

Сравнение трех подходов в построении аргументации в нормативном контексте позволяет сделать вывод о необходимости учитывать их специфику и различия, преимущества и границы каждого из них применительно к юридической практике в цифровых условиях. Например, сравнительный анализ пользовательских соглашений наиболее известных социальных сетей показывает, какие запрещающие нормы разработаны их владельцами. Однако в них терминологически и содержательно различаются определения противоправной информации (порочащей, дискриминационной, экстремистской и пр.).

Автором проводится сравнительный анализ законодательства, регулирующего правоотношения между пользователями и социальными сетями. Объектами анализа выступают законодательные акты государств-членов Европейского союза (ЕС), законодательство ЕС как надгосударственного образования, а также отдельных стран Евразийского экономического союза. В качестве примера прогрессивного регулирования рассматривается Общий регламент ЕС о защите данных (GDPR), принятый в 2016 году и вступивший в силу в 2018 году. GDPR устанавливает подробные правила сбора, хранения и обработки персональных данных пользователей социальных сетей. С использованием методологии корпоративизма, проведенное сравнение законодательства ЕС с законодательством Республики Беларусь демонстрирует более четкую структуру и расширенные полномочия регулирующих органов, обеспечивающие более эффективную защиту персональных данных в рамках ЕС.

Отсутствие в Российской Федерации единого федерального закона, регулирующего правоотношения в социальных сетях, компенсируется наличием множества нормативно-правовых актов, обеспечивающих государственный контроль и регулирование данной сферы. Сравнительный

анализ законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь демонстрирует сходство в тенденциях регулирования, обусловленное, вероятно, взаимным влиянием. Тем не менее, правовая база Российской Федерации, несмотря на децентрализованный характер регулирования, характеризуется большей степенью кодификации по сравнению с белорусским законодательством в рассматриваемой области.

Таким образом, применение логики сравнительного анализа в юридической практике, непосредственно связанной с цифровыми технологиями, непосредственно связано с организацией процесса нормотворчества в новых условиях. Цифровой мир ждет продуманной и эффективной системы юридического регулирования. Его эффективность обусловлена тремя подходами – логическим, риторическим и диалектическим. В их пределах осуществляется детальное изучение действующего законодательства и выявление основных векторов его развития с учетом новых тенденций и цифровых трансформаций.

Библиографические ссылки

1. Журавлев К. От геймеров до маркетплейсов: почему цифровые юристы сегодня нужны всем [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2023/06/20/17164274.shtml?updated> (дата обращения: 03.04.2025).
2. Искусственный интеллект и другие: как цифра меняет юриспруденцию [Электронный ресурс] // Сфера. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/iskusstvennyi-intellekt-i-drugie-kak-cifra-menyaet-yurisprudenciyu> (дата обращения: 03.04.2025).
3. Аристотель. Политика. Соч. в 4-х т. М., 1983.
4. Воробьева С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
5. Овчинников А.И., Стеценко И.А., Фатхи В.И. Юридическая аргументация в судебном процессе: теоретико-методологический аспект // Юрист-Правовед. 2015. № 5 (72). С. 13–17.
6. Toulmin S. The Uses of Argument / 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 264 p.
7. Воробьева С.В. Перельман // Всемирная энциклопедия: Философия / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор. С. 769–772.
8. Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Наука, 1987. 464 с.
9. Еемерен Ф.Х. ван, Хоутлоссер П. Аргументация и разумность. О поддержании искусного баланса в стратегическом маневрировании // Мысль: сб. ст. / под ред. А.И. Мигунова, Е.Н. Лисанюк. СПб, 2006. С. 7–22.

СЕКЦИЯ 5. ЭТИКА, ЭСТЕТИКА, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

М. БАХТИН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЭТИКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И. А. Блинков

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, Беларусь, ivanblinkov2004@gmail.com
Научный руководитель – Е. В. Беляева, доктор философских наук, доцент*

Статья посвящена доказательствам того, что М. Бахтина можно назвать представителем этики ответственности. Выявлено, что его теория нравственности, представляет собой специфический тип морали, сложившийся XX веке, поставивший в центр этических категорий понятие ответственности. Ряд выдвинутых М. Бахтиным идей, касающихся природы ответственности, концентрируются вокруг феномена поступка. В статье эксплицируется категория «поступок» в философии М. Бахтина, исходя из контекста этики ответственности и определения статуса данной категории в указанной теории морали.

Ключевые слова: этика ответственности; поступок; онтология субъекта; Другой; методологический индивидуализм; рефлексивность.

Под этикой ответственности понимается специфический тип теории морали, который отличается от этики долга и этики блага [2]. Сложившись в XX веке, эти теории поставили в центр внимания категорию ответственности, имеющую тесную связь с онтологией морального субъекта. Нельзя сказать, что причисляемые к этике ответственности мыслители образуют какое-либо единое философское направление, а связь таких мыслителей как М. Бахтин, Ю. Хабермас, Т. Адорно, Ж.-П. Сартр и других усматривается в единой методологической основе – широко понимаемой феноменологии [3].

В своем творчестве М. М. Бахтин концентрируется на феномене поступка. В работе «К философии поступка» [1] он детально исследовал поступок как акт, утверждающий ответственную причастность человека к бытию. Поступок в этике ответственности – это акт, осуществляемый в бытии и утверждающий в нем субъекта. Ответственность и субъектность проявляются именно при этом бытийственном акте. Таким образом, по-

ступок рассматривается как центральный феномен, укорененный в онтологии субъекта. Так как поступок является онтологическим актом, то и ответственность носит онтологический характер, это значит, что ответственность – это особый способ бытия субъекта.

М. Бахтин обращает внимание на бытие и понимает его в качестве содержательной ценности, значимой самой по себе, являющейся возможностью, которая становится действительной в поступке. Это указывает на личную причастность субъекта. Действительное бытие в жизни осуществляется через поступок: «Это живой факт изначального поступка, впервые создающий ответственный поступок, его действительную тяжесть, принудительность, основа жизни как поступка, ибо действительно быть в жизни – значит поступать, быть не индифферентным к единственному целому» [1].

Так М. Бахтин указывает на то, что у субъекта морали нет алиби в бытии, а это в свою очередь превращает любую пустую возможность в ответственный действительный поступок. Поступок проявляет сущность человеческого бытия. Поступок сущностно принадлежит человеческому существу как единственно поступающему, бытийствующему, наделяющему смыслом себя и все существующее в действительности. Именно единственность переживания действительного мира подчеркивается представителями этики ответственности.

В построениях М. Бахтина прослеживается установка этики ответственности на методологический индивидуализм, где онтологическая структура морального субъекта позволяет морали быть возможной, а само «делание» морали укрепляет бытие субъекта и усиливает его субъектность. Под причиной морального поступка понимается моральный субъект как автор морального поступка, проявляющий таким образом свою субъектность и ответственность.

В самом своем совершении поступок выступает единым и единственным бытием, он совершается изнутри и выполняет объединяющую функцию: «Изнутри самого поступка в его целостности нет ничего субъективного и психологического, в своей ответственности поступок задает себе свою правду как объединяющую оба эти момента, равно как и момент общего (общезначимого) и индивидуального (действительного)» [1]. «Взять поступок изнутри» значит взять в его ответственности [1]. Этот поступок «изнутри» действует, исходя из единого и единственного контекста. Ответственность поступка учитывает все факторы: смысловую значимость, историческую фактичность, индивидуальность. Поэтому о бытии стоит говорить как о событии, которое устанавливается поступками ответственного субъекта.

Понимать поступок следует как осуществление решения в ситуации безысходности. Поступок непоправим, это последний итог, всесторонний и окончательный вывод. Бахтин замечает, что в поступке возможность находит выход раз и навсегда [1]. Единственность поступка проявляется как момент единого решения с единым планом, единым контекстом, теоретической значимостью, исторической фактичностью и эмоционально-волевым тоном в одном поступке. Изнутри самого поступка в его целостности нет ничего субъективного или общезначимого, есть только объединение этих моментов. Субъективный и объективный смысл поступка возможны только при его абстрактном разделении. Ответственность же поступка предполагает его цельность и рациональность. Бахтин говорит о рациональности поступка именно как о моменте ответственности.

Для этики ответственности подлинно существует и имеет значение нравственный субъект. Бахтин как представитель этики ответственности подчеркивает, что нет специально-нравственного долженствования, что нет определенных в себе значимых нравственных норм. Этика ответственности освобождает субъекта от тотализирующих норм, ценностей, институтов и структур и вместе с тем возлагает на него абсолютную ответственность за существование морали.

Нравственный субъект существует с определенной структурой, он поступает должным образом в момент реального поступания знает, как должно поступить. На первый план выходит правда данного момента, подчеркивается индивидуальная неповторимость бытия-события, его возможность благодаря активному эмоционально-волевому тону, проникающему во все действительно переживаемое. Речь идет о свершении мысли, чувства, слова, дела как активно-ответственной и эмоционально-волевой установке в контексте обстоятельств поступания.

Важно подчеркнуть, что правда события не тождественно себе равная содержательная истина, ведь речь идет о правде единственной позиции каждого участника, то есть о правде его конкретного действительного долженствования. Каждый, находясь на своем месте, прав по своему, но не субъективно, а ответственно. Бахтин пишет: «Единственность наличного бытия принудительно обязательна» [1]. В этой данной поступающему единственной точке бытия никто другой со мной не находится в едином времени и единственном пространстве бытия. То, что может быть совершено одним, никем другим никогда не может быть совершено. Поскольку у субъекта морали нет алиби в бытии, то он необходимо ответственен не только за все свои поступки в бытии, но и мысли, которые так же являются поступанием. В этике ответственности

в контексте феноменологии акт мышления и акт деятельности – один и тот же акт [3].

Таким образом, идеи М. Бахтина можно отнести к этике ответственности, которую он строит вокруг категории поступка. Категория поступка имеет тесную связь с иными категориями данного типа морали, а именно с онтологией субъекта, феноменом Другого, рефлексией. Трактовка поступка основывается на феноменологии и принципе методологического индивидуализма. Поступок субъекта производит его собственное бытие и придает бытийственный статус моральным ценностям, что подчеркивает специфическую онтологию индивидуального субъекта морали.

Библиографические ссылки

1.Бахтин М. М. К философии поступка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/post.html/> (дата доступа: 21.12.2024).

2.Беляева Е. В. «Этика ответственности» как тип теории морали в сравнении с «этикой блага» и «этикой долга» // Вестник прикладной этики. 2022. Вып. 59. С. 73–92.

3.Беляева Е. В. Трактовка категории поступков в этике ответственности // Вестник прикладной этики. 2024. № 3 (63). С. 104–113.

ЭВОЛЮЦИЯ СООТНОШЕНИЯ МОРАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФИИ СТОИЦИЗМА

И. Д. Ворошилов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; vor.ivan.d@gmail.com ;
Научный руководитель – Е. В. Беляева, доктор философских наук, доцент*

Статья посвящена эволюции представлений о соотношении морального и политического при переходе от философии Ранней Стои к Поздней. Общими у стоиков выступают принципы идеальной жизни, основанные на концепции жизни в согласии с природой, а также понимание морального как должного. Основными отличиями являются: бо́льшая практическая ориентация римских стоиков на опыт политической деятельности, нарастающее внимание к личности и ее автономии, фокусировка внимания на проблемах моральности правителя, отход от рассуждений о добродетельности государства как целого.

Ключевые слова: стоицизм; моральное и политическое; справедливость; прикладная этика; политика; долг; добродетель.

Актуальность данной темы связана с тем, что современная эпоха по ряду характеристик схожа с эпохой эллинизма. Решая проблемы нынешнего дня, связанные с моральной оценкой политических процессов, естественно обратиться к философской традиции, в которой уже содержатся некоторые ответы на подобные вопросы.

При рассмотрении соотношения морального и политического стоит начать с критериев их сравнения. В качестве таковых можно выделить четыре основных точки соприкосновения морального и политического: понятие справедливости, идеал государства, идеал правителя, нравы граждан. Описание и оценка каждого из этих феноменов позволяет установить единство и различия в их природе.

Эллинистическая глобализация, в период которой существовали ранние стоики, была не только угрозой устоявшемуся способу жизни, морали классического периода, привычному политическому укладу. Она была временем возможностей. На остатках империи Александра возникали новые государства, которые создавали конкурентную среду. Общественный упадок в эпоху эллинизма выразился в политике не только в смене формы правления с республиканской на императорскую, но и на самом состоянии государства. Процветающая коррупция, вседозволенность императоров, бездеятельность аристократии – это все служило причинами постепенного угасания римского государства, однако любые попытки остановить это успехом не увенчались.

В этих условиях понимание справедливости закономерно изменялось, становясь все более всеобщим и строгим в отношении своих требований. Справедливость теперь рассматривается не просто как добродетель, но как часть долга. И, хотя добродетель и долг еще не разделены строго, долженствование суть гораздо более серьезное требование. Не приобретая добродетели, мы ничего не теряем, но многое приобретаем, если следуем ей. Исполнение долга в раннестойческом понимании все еще делает нас добродетельным, в то время как неисполнение долга есть преступление

Поздние стоики еще больше приближаются к пониманию справедливости как долга. В условиях крайней глобализации известного тогда мира и объединении этого мира под эгидой одного государства – Римской империи – справедливость начинает становиться не столько характеристикой мира или государства, сколько характеристикой личности. Сместился акцент в сторону личности в силу того, что государство оказалось в единоличной власти императора, а общество было атомизировано, то есть фактически распалось на отдельных индивидов. В этих условиях понимать справедливость как глобальную добродетель было невозможно, поэтому представители римского стоицизма понимают ее, как долг каждого человека. Очевидно, что такое понимание повышает требования к каждому человеку.

Если ранние стоики, сохраняя глубокую связь с учениями классической античности, рассуждали в первую очередь о нравственно организованном государстве, то поздние вообще редко обращаются к этой проблеме. Они периодически критикуют единоличную власть императоров, однако это не есть критика неправильного устройства государства, а есть критика реализации этого устройства. Они не видят проблемы в неправильном устройстве самого государства, а видят ее в недостатке морали у правителей.

Совсем другая ситуация складывается с рассуждениями о фигуре правителя. Римские стоики хоть и не создали идеал правителя как полноценную концепцию, но, развивая идеи предшественников, сформировали представления о правителе в более практическом ключе. Ранние же стоики описывали этот идеал в очень общем ключе и не уделяли ему большого внимания, так как правитель воспринимался лишь как производная от способа организации государства, несмотря на начавшуюся тогда тенденцию к формированию деспотичных режимов, которые стоики критиковали во все времена. При этом римские стоики критиковали несовершенство власть имущих, ранние стоики же обращали внимание на неправильность самого факта сосредоточения власти в одних руках.

Значительным было и различие в оценке важности нравственности граждан. Упадок нравов, как и многие другие черты поздней античности, в эпоху эллинизма был не столь заметен, как во времена Римской империи. Однако критика кризиса морали в общественной и частной жизни проводилась стоиками на протяжении всего времени. В этих целях стоики особенно активно задействовали киническое наследие. Ранние стоики критиковали деградирующую мораль за поощрение позорного, за отдаление от природы. Однако, как таковой моральный упадок, соответственно, волновал их лишь постольку, поскольку приводил к упадку общественной жизни и усложнению восхождения людей к стоическому идеалу мудреца.

Высокая моральность окружающих людей может быть отнесена к стоической категории предпочтительного. Предпочтительное не важно для факта становления мудрецом, однако оно в силах облегчить его путь [1, с. 218]. Так и нравы окружающих могут затруднить путь к мудрости, хотя и не способны его перекрыть.

Римские стоики продолжали критику упадка современных им нравов империи, совмещая ее с критикой гедонистического и эпикурейского подходов к жизни. Подвергаются эти школы критике за избыточное внимание к внешним обстоятельствам жизни человека. Кроме того, римские правители во времена империи нередко позволяли себе излишне заботиться о собственном материальном благе и чувственных удовольствиях, зачастую в ущерб интересам граждан. Поэтому идеал правильной жизни у стоиков связывался с аскетизмом. Аскетизм стоиков римского периода становится не просто ограничением себя в качестве упражнения в самосовершенствовании, но представляет из себя системную критику чрезмерного увлечения римских граждан удовольствиями [2, с. 273].

В римском стоицизме, как и во всей стоической философии, значимое место занимают этические упражнения. Упражнения в добродетели призваны не то чтобы делать человека полностью добродетельным, однако создавать в нем условия для становления таковым, формировать качества личности. Нередко они носили вид медитативных практик [3, с. 30]

При рассмотрении эволюции соотношения морального и политического в философии стоицизма выявляется сходство и различия в способах рассуждения представителей ранней и поздней Стои. В эволюции стоицизма обнаруживается трансформация понимания справедливости от справедливости как добродетели, к справедливости как личному долгу. При изучении идеала государства в двух исследуемых периодах прослеживается тесная взаимосвязь идеала государства в философии с

наличием практической возможности реализовывать данный идеал. Большое внимание поздние стоики уделяют идеалу правителя, клнцен-трируя проблемы политической системы вокруг одной личности. К характеристикам нравов граждан в разных течениях стоицизма можно отнести критику упадка морали в целом, указание на кризис общественной добродетели в раннем стоицизме и критику гедонистического образа жизни у римских стоиков.

Таким образом, общими у стоиков выступают принципы идеальной жизни, основанные на концепции жизни в согласии с природой, а также понимание морального как должного. Основными отличиями являются: бóльшая практическая ориентация римских стоиков на опыт политической деятельности, нарастающее внимание к личности и ее автономии, фокусировка внимания на проблемах моральности правителя, отход от рассуждений о добродетельности государства как целого.

Библиографические ссылки

1. Гусейнов А. А. Античная этика. М. : Гардарики, 2003. 270 с.
2. Гусейнов А. А. Стоицизм // История этических учений : учебник / под ред. А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2003. С. 410–430.
3. Адо П. Духовные упражнения и античная философия / пер. с франц. при участии В. Л. Воробьева. М. ; СПб. : Степной ветер ; Коло, 2005. 448 с.

ФЕНОМЕН ФОТОГРАФИИ В ФИЛОСОФИИ РОЛАНА БАРТА

Е. С. Горевая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, katagorevaa060@gmail.com*

Научный руководитель – Е. Д. Демидович, магистр философии

В статье исследуется эволюция взглядов Ролана Барта на фотографию – от семиотического анализа к экзистенциальной феноменологии. Через призму его ключевых работ раскрывается двойственная природа фото: как социального мифа и личного переживания. Особое внимание уделяется связи фотографии со смертью, памятью и временем, а также влиянию идей Барта на современные визуальные исследования.

Ключевые слова: фотография; «Camera Lucida»; studium; punctum; семиотика; смерть; память; визуальная культура; медиум; время; социальный миф; субъективность.

Фотография – один из интереснейших феноменов в философии. С одной стороны, это просто технология, механическая фиксация света. С другой — нечто глубоко личное, что цепляет за живое. Работа Ролана Барта «Camera Lucida» не про технику, а про то, как фотография «работает» с людьми.

Интересно, что Барт писал это после смерти матери, пытаясь найти её «настоящую» на старых снимках. Получилось что-то между анализом и исповедью. И, кажется, именно поэтому его идеи до сих пор вспоминают – они не только про семиотику, а про то, как ощущаются изображения.

Интересно, что Ролан Барт – любитель копать вглубь очевидного. Даже у банальной рекламы макарон, где, казалось бы, обыкновенная упаковка на фоне итальянского пейзажа, есть готовый культурный конструкт. В «Риторике изображения» он детально разбирает, как работает такая фотография. На первом уровне это просто паста, товар. На втором – намеки на домашний уют и итальянские традиции. А на третьем идеология: покупая эти макароны вы приобщаетесь к средиземному счастью. Фотография здесь не нейтральный носитель, а своеобразная машина по производству смыслов. Причем мы потребляем их, даже не замечая это в повседневной жизни.

Барт изначально был холодным аналитиком-структуралистом, но позже в «Camera Lucida» перешёл на личное – и это взорвало его же теорию. Изначально он изучал фотографию как систему знаков, но потом заговорил о том, как отдельные кадры цепляют личность человека.

«Studium» – это когда мы смотрим на фотографию через призму культуры. Например, знаменитый снимок водружения флага над Иводзимой: для американца – героизм, для японца – возможно, травма. Но в любом случае реакция предсказуема, она продиктована обществом. А «punctum» – совсем другое. Когда в той же военной фотографии взгляд вдруг цепляется за порванный ремешок на сапоге солдата. И вот уже мысли не о войне в целом – а представляется образ этого конкретного человека, его усталость, его страх. Барт называл это «случайным, но смертельным» – будто фотография сама выбирает, как тронуть зрителя. Это своеобразный философский переворот: получается, фотография одновременно и социальный миф (как в его ранних работах), и личное свидетельство. И самое парадоксальное – второе часто разрушает первое.

Исследуя его работу важно разобрать тему смерти в фотографиях. По его словам, «фото – это извращённая машина времени». Барта поразило то, что фотография не просто сохраняет прошлое, а демонстрирует его исчезновение. Говоря о значении слова «извращенное» в данном контексте, можно отметить, что это отсылка к самой природе времени: снимок создаёт иллюзию, будто можно остановить мгновение, но на деле превращает его в музейный экспонат. Как если бы бабочку, застывшую в янтаре, назвали живой.

Яркий пример – его разбор портрета Льюиса Пейна, приговорённого к казни. «Он мёртв, и он умрёт» – пишет Барт. Парадокс в том, что фото сделано до казни, но мы знаем финал. Получается, снимок становится машиной для путешествия в будущее — но только чтобы показать неизбежность конца.

Еще один пример, связанный уже с современной эпохой технологий и социальных сетей. Часто люди создают прошлое, которого не было (ретро-эффекты, фильтры). Мы ностальгируем по тому, что сами же и сконструировали. Сравнить старую семейную фотографию (где запечатлён реальный момент) и современный «фальшивый винтаж» (например, фото в стиле 70-х из приложения). Получается, сегодня мы ностальгируем не по прошлому, а по его симулякрам.

Когда Барт заговорил о punctum и «прокалывающих» деталях, многие теоретики закатили глаза на его субъективизм. Действительно – разве можно строить теорию на личных ощущениях от случайного взгляда на фото? Хотя, если брать в пример фотографии животных, они не осознают, что их снимают, но мы проецируем на них эмоции. Например, знаменитый снимок гориллы Коко с котёнком: мы видим «нежность», но можем ли мы быть уверены, что это не антропоморфизм? Или же спутниковые снимки – абсолютно объективные кадры

Земли тем не менее тоже вызывают *punctum*, когда видишь свой город с высоты и вдруг осознаёшь его хрупкость. Но прошли годы, и оказалось, что критика субъективности сама стала объектом критики. Жан-Мари Шеффер в «Конце человеческой реальности» показал, что бартовский перенос в личное – не слабость, а прорыв. Ведь фотография всегда существует на границе между объективной фиксацией и субъективным переживанием. Барт, сам того не желая, доказал, что любая «объективная» теория фотографии обречена. Ведь сам медиум – это всегда диалог между тем, что запечатлено (мертвая материя серебра или цифры) и тем, что пререзает нас (живое, неконтролируемое). Исследования в нейронауке показывают, что мозг реагирует на фотографии почти так же, как на реальность. Можно ли тогда вообще говорить об «объективности»? Барт мог ошибаться в деталях, но он первым осмелился сказать: «Фотография – это когда технология сталкивается с вашей личной болью». И после этого разговоры о «чистой семиотике» уже кажутся наивными. Особенно в эпоху нейросетей: если приложение генерирует изображение, которого никогда не было, но оно вызывает у нас эмоции, значит ли это, что *punctum* может быть искусственным?

Современные теоретики до сих пор спорят: что важнее в фотографии — её способность документировать или ранить? Но Ролан Барт, кажется, показал главное: она делает и то, и другое одновременно. В этом и есть парадокс: технология, созданная для фиксации реальности, вдруг становится машиной для путешествий в самое нетехнологичное – в человеческую память, боль, тоску. Именно поэтому в соцсетях мы листаем ленту как гипнотизированные — подсознательно ищем не информацию, а того самого *punctum*'а, который хоть на секунду заставит ощутить: «Я живой, а это – тоже когда-то было живым».

Библиографические ссылки

1. *Барт, Р.* (1964). Риторика изображения // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994 С. 297–318.
2. *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. 272 с.
3. *Сонntag С.* О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.
4. *Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой реальности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.

ТИПОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ АГРЕССИИ

А. Ф. Квач

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nastya.kvach0@gmail.com
Научный руководитель – Е. В. Беляева, доктор философских наук, доцент*

Статья посвящена типологизации основных психологических теорий агрессии и их роли в понимании этого феномена. Критерием типологии выступает психологический механизм возникновения агрессии. Инстинктивистский подход трактует агрессию как врожденный инстинкт, фрустрационная теория связывает ее с реакцией на препятствия, поведенческий подход подчеркивает влияние социального обучения, а когнитивный подход акцентирует внимание на эмоциональных и когнитивных процессах.

Ключевые слова: агрессия; психологические теории; психология агрессии; фрустрация.

Актуальность исследования психологических теорий агрессии обусловлена тем, что агрессия является важным аспектом человеческого поведения, влияющим на межличностные отношения и социальную динамику. В условиях современного общества, где конфликты и насилие становятся все более заметными, понимание причин и механизмов агрессивного поведения приобретает особую значимость. Рассмотрение психологических теорий агрессии помогает выявить ключевые факторы, способствующие её возникновению. Среди авторов, исследовавших эту тему, можно выделить таких ученых, как А. Басс [1], Л. Берковиц [2], К. Лоренц [3], Т. Румянцева [5], З. Фрейд [6], А. Бандура [7], Д. Доллард и Н. Миллер [8], которые внесли значительный вклад в понимание агрессии как феномена. Тем не менее, многие аспекты агрессивного поведения остаются недостаточно изученными и требуют дальнейшего анализа. Цель данной статьи заключается в типологизации существующих психологических теорий агрессии для более глубокого понимания этого явления. Критерием типологии выступает психологический механизм возникновения агрессии.

В психологическом словаре можно найти следующее определение: «Агрессия – индивидуальное или коллективное поведение, действие, направленное на нанесение физического или психологического вреда, ущерба, либо на уничтожение другого человека или группы людей» [4, с. 9]. В обыденном понимании агрессия подразумевает «множество разнообразных действий, которые так или иначе нарушают физическую или психическую целостность другого человека (или группы людей), нано-

сят ему материальный ущерб, препятствуют осуществлению его намерений, противодействуют его интересам или даже ведут к его уничтожению» [5, с. 25]. Дать точное определение агрессии довольно сложно, это связано с многогранностью самого явления, которое охватывает широкий спектр форм и причин, а также с различиями в подходах к его изучению.

Согласно инстинктивистской теории агрессии З. Фрейда и К. Лоренца источником агрессии выступают врожденные инстинкты. З. Фрейд утверждал, что все человеческое поведение является результатом сложного взаимодействия Танатоса и Эроса, и что между ними существует постоянное напряжение. Согласно З. Фрейду, агрессивное поведение является неизбежным, Танатос косвенно способствует тому, что агрессия выводится наружу и направляется на других [6]. Согласно эволюционному подходу К. Лоренца, агрессия берет начало из врожденного инстинкта борьбы за выживание и выполняет три функции: 1) рассеивает представителей вида; 2) улучшает генетический фонд; 3) сильные представители лучше защищают потомство [3]. Как отмечает Л. В. Зубова, «общая черта всех инстинктивистских теорий состоит в том, что агрессия рассматривается здесь как возникающая главным образом из врожденных факторов. Такое признание логически ведет к утверждению о том, что враждебное поведение невозможно элиминировать (З. Фрейд), в лучшем случае его можно перенаправить в более безобидное русло (К. Лоренц), что тоже оказывается весьма проблематичным» [5, с. 47].

Фрустрационная теория Д. Долларда и Н. Миллера рассматривает агрессию как реакцию на фрустрацию, определяемую как любое условие, блокирующее достижение желаемой цели. Основные постулаты теории состоят в том, что: а) агрессия всегда основывается на фрустрации; б) фрустрация является необходимым и достаточным условием для возникновения агрессии. Доллард и Миллер выделяют три фактора, влияющих на агрессию: степень ожидаемого удовлетворения, сила препятствия и количество последовательных фрустраций. Н. Миллер внес поправки, отметив, что фрустрация может вызывать различные модели поведения, и агрессия – лишь одна из них. Он также описал смещенную агрессию, которая возникает, когда угроза наказания мешает открытой демонстрации агрессивного поведения. Выбор жертвы при смещенной агрессии зависит от силы побуждения, факторов, тормозящих поведение, и сходства жертвы с фрустрировавшим фактором [8]. Таким образом, смещенная агрессия чаще направляется на объекты, которые слабо способны её сдерживать, но похожи на источник фрустрации.

Поведенческий подход к агрессии, предложенный А. Бассом и А. Бандурой, утверждает, что чем чаще человек совершает агрессивные

действия, тем больше они становятся частью его поведения. А. Басс вводит термин «атака-акт», описывающий реакцию на фрустрацию через раздражающие стимулы. Сила агрессивных привычек зависит от частоты случаев атаки и фрустрации. А. Басс придает значение темпераменту, который понимает как «характеристики поведения, которые появляются в начале жизни и остаются относительно неизменными» [1, с. 53]. К переменным темперамента он относит: импульсивность, интенсивность реакций, уровень активности и независимость. Теория социального научения А. Бандуры утверждает, что для возникновения агрессии недостаточно фрустрации; необходим агрессивный пример для обучения. Усвоение агрессивных действий происходит через опыт или наблюдение за поведением других людей и за последствиями их поведения, а агрессия провоцируется шаблонами, неприемлемым обращением и побудительными мотивами. Условия, при которых агрессивное поведение закрепляется, включают внешние поощрения и наказания, викарное подкрепление и механизмы саморегуляции. Таким образом, агрессия представляет собой приобретенную модель социального поведения, проявляющуюся в определенных социальных условиях.

Когнитивный подход к агрессии, разработанный Л. Берковицем, утверждает, что основными факторами, вызывающими агрессию, являются эмоциональные и когнитивные процессы. Согласно его модели формирования когнитивных связей, фрустрация или другие неприятные стимулы, такие как боль, дискомфорт от запахов или жара, вызывают агрессивные реакции через формирование негативных эмоций. Л. Берковиц утверждал, что «препятствия провоцируют агрессию лишь в той степени, в какой они создают негативный аффект» [2, с. 105]. Блокировка достижения цели, таким образом, не будет побуждать к агрессии, если она не переживается как неприятное событие. В свою очередь, важно то, как сам индивидуум интерпретирует негативное воздействие, и определяет его реакцию на это воздействие. Например, если человек интерпретирует неприятное эмоциональное переживание как злость, то, скорее всего, у него появятся агрессивные тенденции. Если же он интерпретирует негативные переживания как страх, то у него появится стремление спастись бегством [7].

Таким образом, психологические теории можно типологизировать по критерию механизма возникновения агрессии. Она рассматривается: как инстинктивное проявление человеческой сущности, как реакция на внешние раздражители, как приобретённое поведение в результате социального обучения или как результат особых когнитивных процессов. Инстинктивистская теория, основанная на работах Фрейда и Лоренца, рассматривает агрессию как врожденный инстинкт, неотъемлемую часть

жизненной энергии и способ выживания, что делает её неизбежной в человеческом обществе. Фрустрационная теория Долларда и Миллера объясняет агрессию как реакцию на препятствия на пути к целям, акцентируя внимание на внешних факторах, влияющих на агрессивное поведение. Поведенческий подход Басса и Бандуры рассматривает агрессию как результат обучения, где социальное окружение и наблюдение играют ключевую роль, а Бандура подчеркивает, что агрессия может усваиваться через подражание. Когнитивный подход Берковица углубляет понимание агрессии, исследуя роль когнитивных процессов, таких как интерпретация ситуаций и активация эмоциональных реакций.

Библиографические ссылки

1. Басс, А. Г. Психология агрессии // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 117–122.
2. Берковиц, Л. Агрессия : причины, последствия, контроль. СПб. : Прайм-Еврознак, 2001. 512 с.
3. Лоренц, К. Агрессия. М. : Астрель, 1994.
4. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2 изд. М., 1990.
5. Румянцева, Т. Г. Агрессия : проблемы и поиски в западной философии и науке. Минск : Университетское, 1991. 150 с.
6. Фрейд, З. Психология бессознательного. М. : Academia, 1990. 256 с.
7. Bandura A., Ross D., Ross Sh. Imitation of film-mediated aggressive models / A. Bandura, // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 66. P. 3–11.
8. Dollard J., Doob L., Miller N. E., Mowrer H. O., Sears R. R. Frustration and Aggression. New Haven : Yale University Press, 1939.

ПРИНЦИПЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА В БЕЛОРУССКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

М. В. Любецкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, martalubetskaya@gmail.com
Научный руководитель – И. И. Лецинская, кандидат философских наук, доцент*

Статья посвящена анализу воплощения постмодернистского проекта в белорусском кинематографе. Показано, что отечественное кино конца XX в. представляет собой попытку отражения ключевых установок постмодернизма: деконструкции, морального релятивизма, интертекстуальности, элиминации субъекта. Вместе с тем обосновывается, что белорусское кино не только принимает базовые принципы культуры постмодерна, но также имеет свою специфику, продиктованную социально-политическим контекстом. Установлено, что в рамках постмодернистского искусства осуществляется попытка построения национального проекта как метанарративной структуры.

Ключевые слова: киноэстетика; постмодернизм; белорусский кинематограф; деконструкция; интертекстуальность; трансгрессивное искусство; изустное кино.

Совершенно очевидно, что постмодернистская эстетика является основополагающей парадигмой европейской культуры второй половины XX в. Постмодернизм как намеренная антитеза искусству модернизма критикует универсальные ценности, рациональную упорядоченность, опрокидывает саму идею иерархии. Философские основания, которые обусловили отличительный характер пост-эстетики – кризис языка, кризис невыразимости. Последнее стало причиной для постструктуралистского перехода (Ж. Деррида, Ж-Ф. Лиотар, поздний Р. Барт и др.). Данная трансформация актуализировала идеи плюрализма, «смерти субъекта», гиперреальности и гипертекста в пространстве художественной практики.

Как следствие, концептуальными основаниями киноэстетики постмодернизма стали моральный релятивизм, деконструкция, тотальная ирония, интертекстуальность, эклектика, отход от метанарративов. В общем смысле постмодернистское кино создает многомерное художественное высказывание, конструируемое из культурных обломков. В мировом кинематографе данные концепты были представлены, например, через нарративную нелинейность («Криминальное чтиво», реж. К. Тарантино, 1994), через самореферентность фильма («Шоу Трумана», реж. П. Уир, 1998), через деконструкцию моральных постулатов («Заводной апельсин», реж. С. Кубрик, 1971).

Отечественный кинематограф постмодернистского этапа представляет собой попытку отражения ключевых тенденций обозначенной эстетики. Однако, следует понимать, что эпоха постмодерна в Беларуси совпала с кризисным состоянием политической системы, а позднее – с развалом СССР. Как следствие, хронологическая рамка постмодернистского влияния на кинематограф смещена. Отечественное кино было вынуждено освоить и переработать концептуальные установки мировой культуры в ограниченные сроки. Исследователи называют временем начала культуры постмодерна в Беларуси «период второй половины 1980-х гг.», верхняя же граница совпадает с общемировой – конец XX в. [1, с. 69].

Кроме того, в силу исторических преобразований, постмодерн в Беларуси был тесно связан социально-политическим контекстом. Для постсоветского сознания одним из значимых вопросов стал поиск путей формирования национальной идентичности. На протяжении всего периода постмодерна в культурфилософских и художественных дискурсах преодолевается особая установка – «синдром вторичности, созвучный когнитивной конфигурации “между” или соответствующий идее незавершенности белорусской нации» [1, с. 73]. В силу этого искусство получает отпечаток постколониальной философии. Как отмечает А. И. Екадумов, складывается ситуация, в которой «формирование национального государства оказалось опережающим относительно развития национального самосознания» [2, с. 232]. То есть процесс становления политических институтов не совпал с темпами развития социума и культуры.

Белорусский кинематограф 1985-х – 1990-х гг. оформляется как проект художественного осмысления происходящих процессов, как попытка формирования самосознания нации средствами эстетического воздействия. Наряду с другими проблемами, эти вопросы становятся центром внимания киноискусства, создаваемого национальной студией кинопроизводства «Беларусьфильм». Выходит в свет кинокартина на белорусском языке «Маці ўрагану» (реж. Ю. Марухин, 1990), посвященная антифеодальному восстанию белорусского крестьянства в XVIII веке. Появляются экранизации произведений национальных авторов (В. Быкова, Я. Купалы): в них осмысливается белорусская ментальность, рефлексированы исторические травмы, критикуется советский политический строй.

При этом возникает логический парадокс. Его сущность состоит в том, что в Беларуси в рамках постмодернистской эстетики производится попытка артикуляции метанарратива – национальной идеи. Отметим, что одним из значимых концептуальных оснований постмодернизма является «недоверие в отношении метарассказов», провозглашенное Ж.-Ф.

Лиотаром [3, с. 10]. Так, невозможность «больших повествований» к концу двадцатого столетия понимается как отказ от универсализма в пользу плюрализма и глобального социума. Следовательно, самоопределение нации как цель искусства становится проблематичным в условиях постмодернизма.

В целом, важно заметить, что феномен «белорусского постмодернизма» как киноэстетического явления недостаточно изучен. Как отмечается, проблема состоит в том, что исследователи по преимуществу осмысливают киноработы «Беларусьфильма», в которых черты постмодернизма явным образом не представлены [4, с. 89].

В начале 90-х годов XX века такие постмодернистские тенденции, как принцип деконструкции, моральный релятивизм, элиминация субъекта и др. проявились специфическим образом в фильмах независимых белорусских студий. Среди них следует назвать следующие: «Бес» (реж. В. Дудин, 1991), «Мона Лиза» (реж. Н. Студнев, 1991) «Безумной страстью ты сама ко мне пылаешь» (реж. Н. Князев, 1991), «Грех лицедейства» (реж. А. Карпов-мл., 1991), «Австрийское поле» (реж. А. Черных, 1991), «Силуэт в окне напротив», (реж. Р. Либлик, 1992) и др. [4]. В этих кинокартинах художественная рефлексия приобретает форму экзистенциального рассуждения, смысловые акценты смещены в сторону абсурда и тотальной иронии, пронизывающих действительность. Средствами художественного эксперимента происходит поиск языка актуального белорусского искусства. Концептуальный анализ фильма «Безумной страстью ты сама ко мне пылаешь» Н. Князева, позволяет выявить принципы, свойственные киноэстетической парадигме постмодернистского этапа в Беларуси.

Итак, в фильме одновременно используются мировоззренческие установки Н. А. Бердяева, Н. С. Гумилева, В. В. Набокова, Д. И. Хармса, И. А. Бунина. Исключая стилистические границы, режиссер стремится связать «низкое» и «высокое», преодолеть иерархию в искусстве. В частности, философские тезисы Н. Бердяева о всеединстве «смешиваются» с изображением обнаженного тела на экране. Эклектичность произведения также проявляется в цитировании кадров фильма «Андрей Рублев» А. Тарковского, наряду с кино «Асса» С. Соловьева. Киноэстетика в кинокартине, таким образом, организуется с помощью постмодернистской интертекстуальности, отсылая к разнородным идеям и образам. Также эстетическим принципом становится деконструкция, происходит отказ от какой-либо непреложной структуры, повествование фрагментарно. Как отмечает автор теории деконструкции Ж. Деррида, постмодернистский текст порождается в его нелинейной взаимосвязи со смыслом, когда происходит «разрыв симметрии» [5, с. 344]

Кроме того, для фильма «Безумной страстью...» характерна установка на разрушение устоявшихся представлений, обращение к ранее табуированным темам: смерти, сексуальных девиаций, безумия. Это характеризует белорусский фильмический постмодернизм как трансгрессивное искусство, которое организуется «в опыте предела, делает себя и разделяется с собой в акте эксцесса, излишества, злоупотребления» [6, с. 116]. Н. Князев рассуждает посредством поступков и высказываний действующих лиц об инстинктах человека в духе психоаналитической философии. Вместе с тем, автор остается в позиции морального дистанцирования, столь характерного для кино постмодерна.

Отметим также, что галерейное движение периода стало существенной вехой на пути формирования постмодернистских тенденций в культуре. Появление различных творческих союзов осуществлялось в рамках установки на стилистическую множественность, речь шла о «сочетании “классических” и андеграундных, трансавангардных, сюрреалистических, экспрессионистских и иных направлений» [1, с. 72]. Поэтому, исследуя белорусский кинематографический постмодерн, нельзя не упомянуть о таком специфическом явлении культуры как изустное кино. Данный вид экспериментальной кинематографии был воплощен арт-группой «Белорусский климат», основанной в 1987 г.

Концепция изустного кино заключалась в том, что вместо фактических съемок было решено передавать воображаемые фильмы «из уст в уста». Такое кино отличалось жанровой свободой. С точки зрения формальной структуры, изустное кино являлось воплощенной кинематографической апперцепцией, «чистой» структурой. Средствами изустного кино происходило возвращение к более непосредственной коммуникации автора и аудитории, передаваемого смысла и последующей рефлексии.

Таким образом, анализ воплощения постмодернистского проекта в киноискусстве на материале отечественного кино конца XX в. позволил выявить ряд принципов, свойственных киноэстетике периода. В кино проявились такие постмодернистские концепты: деконструкция нарратива и хронотопа; эклектичность и коллажность; интертекстуальность; растворение автономности субъекта в актах телесности; моральный релятивизм как замена абсолютных ценностей «маленькими историями» трансгрессивного характера. Также прослеживается взаимосвязь между феноменом изустного кино и постмодернистским размытием стилистических границ.

В заключение отметим, что несмотря на то, что в общих чертах белорусский кинематограф ассимилировал мировые тенденции постмодерна, для него свойственен и некоторый отход от традиции. Так, важ-

ной темой рефлексии становится преодоление «колониального» сознания, поиск основ национальной идентичности. Иными словами, наблюдается стремление к созданию метанарратива в пространстве постмодернистской художественной практики.

Библиографические ссылки

1. *Усовская Э. А.* Социально-исторический фон формирования постмодернистского типа культуры в Беларуси // Человек в социокультурном измерении. 2021. № 2. С. 68–74.
2. *Екадумов А. И.* Белорусская идентичность и базовые ценности в эпоху глобализации // Науч. тр. респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманит. науки : сб. науч. ст. Минск, 2008. С. 232–238.
3. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
4. *Постоева А. Ю.* Авторские интенции и постмодернистские тенденции в фильмах независимых белорусских студий начала 90-х годов XX века // Вестн. Полц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. Науки. 2007. № 1 С. 89–98.
5. *Деррида Ж.* О грамματοлогии М. : Ad Marginem, 2000. – 512 с.
6. *Фуко М.* О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост. С. Л. Фокин. СПб. : Мифрил, 1994. С. 111–131.

ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ)

М. П. Марченко¹⁾, А. В. Третьяк²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, Беларусь, email: maria.marchenko.2017@mail.ru*

²⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, Беларусь*

Научный руководитель – И. М. Наливайко, кандидат философских наук, доцент

В статье рассмотрена концепция социального пространства, предложенная А. Лефевром в работе «Производство пространства», и ее роль в исследованиях городского пространства. Проанализировано понимание социального пространства как продукта общественного производства. На примере города Глубокое проиллюстрирована «пространственная триада», введенная Лефевром в свою концепцию для более глубокого анализа проблемы социального пространства.

Ключевые слова: социальное пространство; А. Лефевр; производство пространства; Глубокое, туризм.

Анри Лефевр является французским философом и социологом, взгляды которого имеют неомарксистские черты. Лефевр внес колоссальный вклад в понимание пространства, в частности, городского. Его концепция социального пространства является важным инструментом для анализа городских структур и динамики социальных отношений. Город, по мнению французского мыслителя, не просто физическая среда, а сложный организм, в котором пересекаются интересы и практики различных групп населения, которые, в свою очередь, напрямую влияют на тот вид, в котором представлено нам пространство. В статье будет рассмотрено, как Лефевр понимает социальное пространство на примерах конкретных белорусских городов.

Несмотря на обширный и плодотворный вклад А. Лефевра в науку, выделяется его наиболее значительная работа под названием «Производство пространства», опубликованная в 1974 году. В этом исследовании Лефевр акцентирует внимание на том, что пространство следует воспринимать не просто как физическую реальность, а как продукт культурного создания. Оно не появляется неожиданно и не сохраняет стабильные характеристики, а, напротив, постоянно формируется и подвергается множеству изменений в ходе экономической и культурной активности людей.

Понятие производства в широком смысле охватывает большое количество творений и разнообразные формы, даже если они не подлежат

явно выраженному обозначению их создателя или процесса производства. Люди создают разнообразные формы, включая юридические, политические, религиозные, художественные, философские и идеологические. Лефевр утверждает, таким образом, что социальное пространство «не является вещью в ряду других вещей, продуктом, среди прочих продуктов», что означает сложность рассмотрения социального пространства только как объекта.

По мнению Лефевра, простое наличие объективных факторов, таких как климат, географическое расположение или предшествующая история, не дает полного понимания природы социального пространства. Он подчеркивает, что ключевым аспектом существования пространства в конкретном его проявлении являются действия социальных групп, их идеологии и культурные особенности. Социальное пространство включает в себя разнообразие объектов — как природных, так и социальных, а также системы сетей и путей, посредством которых осуществляется передача материальных благ и информации. Оно не может быть сведено к отдельным элементам, из которых состоит, или же к их простой совокупности. Эти «объекты» охватывают не только вещи, но и отношения, складывающиеся между ними.

Люди, будучи социальными существами, создают свою жизнь, формируют историю, развивают сознание и возводят пространство вокруг себя. Как указывает А. Лефевр, процесс производства пространства включает в себя определенный набор пространственных практик, которые объединяют распределение капитала, человеческие ресурсы и способы организации семейной и общественной жизни в конкретном месте или населённом пункте. Эти практики, подверженные влиянию различных факторов общественного развития, могут как изменяться, так и модифицировать сами факторы.

Кроме того, Лефевр акцентирует внимание на понятии «репрезентации пространства», которое описывает, как пространство может представляться и в каких формах оно существует. Репрезентация, по мнению ученого, осуществляется через образный язык знаков и символов. Профессионалы, умеющие интерпретировать этот культурный код — архитекторы, планировщики, художники и ученые — разрабатывают и внедряют такую кодировку окружающей среды. Эти коды принимаются и интерпретируются широкой аудиторией, и репрезентация начинается воплощаться в восприятии людей, чья повседневная жизнь неразрывно связана с созданным пространством. Лефевр даже называет городской пейзаж «социальным текстом», в котором скрыта значительная информация о взаимодействующем с ним обществе.

Связующим звеном между производством и репрезентацией является само пространство, которое представляет собой не только естественную среду обитания социума, но и результат культурных практик и знаковой работы специалистов. У Лefевра производство, репрезентация и пространство образуют взаимосвязанную трилогию. Исследователь подчеркивает, что все три компонента находятся в значительной взаимозависимости и часто переходят друг в друга. «Пространство — это следствие последовательности или комплекса операций, которое невозможно свести к простому объекту. Оно является результатом прошлых действий и одновременно создает условия для новых действий, побуждая или запрещая их. Среди этих действий некоторые связаны с производством, другие — с потреблением и использованием результатов производства».

В современном гуманитарном знании город все чаще осмысливается не только как физическая форма или административная единица, но как результат социокультурного производства. В контексте философии пространства Анри Лefевра, город предстает как «производимое» пространство, воплощающее в себе конфликт между властью, планированием, повседневной жизнью и символикой.

Согласно Лefевру, воспринятое пространство — это физически доступное и повседневно используемое пространство. Глубокое, как типичный малый белорусский город, характеризуется многообразием функционально освоенных территорий, включающих памятники архитектуры, объекты туризма, рынки, места общественного досуга и природные зоны.

Инфраструктура туризма — гостиницы, агроусадьбы, музеи, дороги и транспортные узлы — представляет собой систему материальных отношений, обеспечивающих воспроизводство городской жизни. Глубокое с его транспортной связностью, сельскохозяйственными ресурсами, агроусадьбами и культурными площадками является примером того, как пространство «воспринимается» и используется, отражая взаимодействие человека и среды.

Задуманное пространство у Лefевра связано с производством образа и логикой планирования, навязываемой властными структурами. Пространство здесь становится объектом абстракции, схем, проектов и норм.

На примере города Глубокое можно проследить влияние стратегического планирования на формирование туристического образа территории. В официальных документах город репрезентируется как культурно-туристическая дестинация с «вишнёвой идентичностью», архитектурным наследием и природной экологичностью. Включение нематериаль-

ных культурных форм (например, искусство вытинанки, хлебопечения, народные праздники) в Государственный список историко-культурных ценностей является проявлением институционализированного производства пространства, где культурное наследие становится объектом туризма и политической репрезентации.

Таким образом, «задуманное пространство» Глубокого организуется через нарративы регионального брендинга, программы развития туризма, маршруты и схемы использования природных ресурсов.

Наиболее сложно поддающееся формализации, переживаемое пространство — это пространство субъективного опыта, символических связей, коллективной памяти и аффективных практик. В этом смысле город Глубокое становится не только местом проживания, но и пространством идентичности, ритуалов и локальной культуры.

Фестивали («Вишнёвый фест», «Купалье»), религиозные шествия, ремесленные мастер-классы и традиции (например, обряд «Носить намётку») являются механизмами символического присвоения пространства жителями. Эти практики включают город в круг повседневных переживаний, поддерживая чувство общности и укоренённости. Даже дегустация «клецек с душами» в местной агроусадьбе может рассматриваться как акт «переживания» пространства — где гастрономический опыт соединяет историю, тело и культуру.

Пространство города Глубокое не является нейтральным. В нем постоянно происходит столкновение между административным планированием (задуманным), функциональным использованием (воспринятым) и личным/коллективным переживанием. Например, туристическая маршрутизация может не совпадать с маршрутами повседневного перемещения местных жителей, а институционализированная культурная политика — с живыми формами традиции.

Такое наложение слоев пространства соответствует мысли Лефевра: пространство — это не арена, а результат и одновременно инструмент социальных отношений. В этом контексте Глубокое предстает не только как географическая точка, но как социальное тело, производимое и воспроизводимое через труд, память, власть, ритуал и повседневность.

Анализируя город Глубокое сквозь призму пространственной триады Анри Лефевра, можно утверждать, что город как социальное пространство — это динамичный, многослойный и противоречивый процесс. Пространство здесь не просто среда, а результат культурного производства, включающего планирование, использование и проживание.

Опыт Глубокого подтверждает идеи Лефевра о том, что социальное пространство есть форма, в которой проявляются и закрепляются социальные отношения. Город как социальное пространство — это сцена, на

которой одновременно разворачиваются процессы модернизации, локализации, коммерциализации и символического сопротивления.

Библиографические ссылки

1. *Лефевр А.* Производство пространства. М.: Streike Press. 2015. 432 с.
2. *Вершина И. А.* Анри Лефевр: от «Права на город» к «Урбанистической революции» // Вестн. Моск. ун-та. 2018. № 18. С. 48–60.
3. *Бедаш Ю. А.* Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 11. С. 219–224.
4. Туристические маршруты Глубочины. URL: <https://www.glubokoe.vitebsk-region.gov.by/turizm-i-otdykh/turisticheskie-marshruty-glubochchiny/>. (дата обращения: 24.03.2025).
5. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. URL: <http://gosspisok.gov.by/Home/Index>. (дата обращения: 10.03.2025).

СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Д. В. Новик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; dashunoov@gmail.com*

Научный руководитель – И. М. Наливайко, кандидат философских наук, доцент

В статье рассматривается вопрос о характеристиках этнической и национальной культуры, производится их сравнение. Анализируется феномен глобализации и влияние данного процесса на этническую и национальную культуру. Раскрывается сущность современных тенденций развития этнической культуры культуры, таких как этноренессанс и этнобрендинг.

Ключевые слова: культура; этническая культура; национальная культура; глобализация.

Прежде чем говорить о современном статусе и состоянии национальных и этнических культур, нам надлежит решить некоторые вопросы. Сперва следует определить, что такое этническая и что такое национальная культура, потом уяснить, в чем состоят отличительные черты современности как исторического этапа. Уже после ответа на данные вопросы, мы сможем подступить к ответу на вопрос – каков же современный статус этнической и национальной культуры.

Сперва отметим, что среди исследователей этнической и национальной культуры существует определенный консенсус в том, какими характеристиками обладают этническая и национальная культуры, в чем состоят их различия. Здесь следует привести ряд характеристик и сравнить их. Начнем с этнической культуры.

Этносы зарождаются достаточно давно, однако, их оформление мы можем отнести к эпохе Средних Веков, в связи с формированием народностей. Исследователи отмечают, что этническая культура имеет две цели – воспроизведение самой себя и автономность. Следует проанализировать характеристики этнической культуры, и объяснить, как они помогают в реализации данных целей. И так, первое, пожалуй, важнейшее свойство этнической культуры – это ее традиционность. Данная характеристика отвечает сразу двум целям. Воспроизводимость культуры обеспечивается за счет того, что все люди чтят традицию и тем самым сохраняют культуру. Автономность обеспечивается за счет того, что представители этнической культуры чтят лишь свои традиции, реализуя

их в ритуалах и других видах деятельности. Еще одна отличительная черта этнических культур – это ее этноцентризм. Этноцентризм можно определить как совокупность представлений о том, что некоторый этнос, превосходит иные этносы. Часто это выражается в представлении о себе как «цивилизованном народе», и в представлении о других народах как о «варварах». Данное свойство помогает в поддержании автономности культуры, поскольку поддерживает собственную уникальность в сравнении с другими этносами. Также, этнической культуре присущ акустический способ передачи информации, равно как и «сакрализация» информации. Так, традиционализм этнической культуры в значительной степени связан с тем, что она в своем начальном варианте, сформировавшемся на доклассовой стадии исторического развития, существовала как культура дописьменная. Информация в этнической культуре, как правило, аккумулирована в человеческом опыте и по преимуществу предстает в неотчужденном в знаковую форму вербальном, акустическом, варианте, естественным образом ориентирующемся на воспроизводство традиции. Объем этой информации достаточен для поддержания системы, но ограничен естественными пределами человеческой памяти, пусть даже предстающей в коллективном варианте. Помимо того, как пишет один из исследователей, «новая информация в границах данной системы выступает как деструктивная, как способная уничтожить, затереть, хаотизировать предшествующий информационный комплекс» [3].

Национальные культуры возникают в 17-18-ые века. Появление наций и национальных культур тесно связано с проходившими тогда социальными и политическими процессами. Среди данных процессов следует отметить становление централизованных и секулярных государств, а также буржуазные революции.

Исследователи Абдулхалыхова Л. Х. и Абудалаева И. А. отмечают, что «подобные отношения, основывающиеся на интегрирующих, а не дифференцирующих началах, становятся возможными в границах национальной культуры» [1]. То есть, можно сказать, что отличие национальной культуры от этнической сразу заметно. Это проявляется в том, что национальная стремится интегрировать различные множества элементов, людей. В то время как этническая наоборот, стремится отделиться и сохранить собственную самобытность.

Интегрирующий аспект национальной культуры исторически был связан с тем, что для формирования государств, прошедших процесс централизации и секуляризации, надлежало создать единую в границах одного государства общность людей, основанием для объединения ко-

торого служила бы не религия или этнос, но факт принадлежности некоторому государству и местной культуре. Множество исследований было посвящено вопросу формирования нации, в том числе и работа «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона. Так, автор данной работы утверждает, что появление нации – это «результат секуляризации общественной жизни, воздействия «печатного капитализма» и распространения грамотности» [1]. Также, я бы отметила, что для формирования наций государства занимались формированием единого литературного стандарта национального языка. Усилия, направленные на его распространение, в том числе и посредством «печатного капитализма» привели как к формированию единой нации, так и к увяданию некоторых этнических культур.

Множество исследователей определяют современное общество как «постиндустриальное». Один из исследователей отмечает: «между тем, с точки зрения культуры, развитие постиндустриального общества отличается целым рядом противоречий. Они проявляются, во-первых, в падении статуса национальной культуры» [2]. Помимо того, современным процессом, который отличает современный исторический этап от иных, является глобализация. Под данным термином подразумевается процесс интенсификации информационных, культурных, экономических и иных взаимодействий между странами. Кроме того, данный термин предполагает некоторую унификацию различных культурных явлений и процессов.

Следует сказать, что в современном мире отношение к глобализации не однозначное. Принято выделять три традиционные позиции. Представителей первой можно назвать «гиперглобалистами», то есть это такие люди, которые верили в то, что глобализация в нынешнем ее виде принесет лишь позитивные результаты. Представителей второй группы можно назвать «трансглобалистами», «им присуще понимание глобализации как формирования беспрецедентной глобальной связи и взаимозависимости всех обществ, но они видят двойственный итог глобализации, заключающийся одновременно и в гомогенизации, и во фрагментации. В плане культуры это означает как наличие глобальных культурных потоков, так и сохранение и усиление культурных различий» [4].

Третью позицию можно охарактеризовать как «скептическую». Представители данной позиции считают, что глобализация не решает никаких проблем, и вряд ли будет иметь положительный результат.

По отношению к глобализации в сфере культуры, есть несколько основных позиций. Первая позиция представлена исследователями, ко-

которые считают, что культурная интеграция есть суть вторичный процесс, предопределяемый информационной и экономической интеграцией. Другая же позиция состоит в том, что культурная глобализация и интеграция протекает по некоторым собственным внутренним законам.

Следует также отметить тот факт, что выделяется два уровня культурной глобализации. Первый проявляется в универсализации некоторых отдельными материальными артефактов, таких как еда, способ производства лекарств, одежды. Второй уровень состоит в распространении некоторых отдельных типов мировоззрений и ценностей.

Мы можем утверждать, что процесс глобализации в области ценностей и мировоззрения происходит на основании такого процесса, как вестернизация. Данный термин схватывает процесс распространения ценностных установок и мировоззренческих позиций, которые были присущи американской культуре. Как процесс, противоположный данному, выделяется глокализация. Это процесс активного возрождения и повышения интереса к национальной и этнической культуре, ранее забытым.

Так, охарактеризовав современные глобальные процессы, затрагивающие культуру, и то, что из себя представляет этническая и национальная культура, следует перейти к ее современным формам.

Этноренессанс это явление современной культуры, суть которого заключается в повышении интереса к этнической и национальной культуре страны или этноса, к которому принадлежат люди. Множество исследователей отмечают высокую политизацию и идеологизацию этноренессанса как культурного процесса. Как отмечают исследователи, «этнический фактор политизировался и стал инструментом борьбы за власть» [2].

Этнобрендинг это явление в современном маркетинге, суть которого состоит в использовании элементов этнической и национальной культуры в качестве отличительных атрибутов некоторого бренда.

Таким образом, можно утверждать, что национальная и этническая культуры существуют и в современную эпоху, однако обретают новый статус. Сперва отметим, что интерес к национальным культурам стал затухать, в то время как к этническим культурам он стал возрастать. Это можно связать с тем, что процесс глобализации может восприниматься как культурная экспансия страны, занимающей доминирующее положение в современную эпоху. И как ответ на культурную экспансию возникает процесс глокализации, существующий как реакция на доминирование одной культуры над всеми остальными. Глокализация как процесс

находит свое выражение в таких явлениях современной культуры, как этноренессанс и этнобрендинг. Однако рост интереса к этнической культуре связывается не только с сохранением собственной культурной идентичности, но и с некоторыми негативными тенденциями, такими как межэтнические конфликты, шовинизм, и этноцентризм.

Библиографические ссылки

1. *Абдулхалыкова Л. Х.* Национальная и этническая культура [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-i-etnicheskaya-kultura/viewer> (дата обращения: 27.03.2025).

2. *Костина А. В.* Национальная и этническая культура: соотношение в глобализирующемся мире [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-i-etnicheskaya-kultura-sootnoshenie-v-globaliziruyuschemsya-mire-nachalo/viewer> (дата обращения: 27.03.2025).

3. *Костина А. В.* Традиционная, элитарная и массовая культура: условия возникновения и особенности функционирования в условиях современности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-elitarnaya-i-massovaya-kultura-usloviya-vozniknoveniya-i-osobennosti-funktsionirovaniya-v-usloviyah-sovremennosti/viewer> (дата обращения: 27.03.2025).

4. *Федотов В. Г.* Глобализация и модернизация: фактор культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-modernizatsiya-faktor-kultury/viewer> (дата обращения: 27.03.2025).

ГНОСТИЦИЗМ В РАННИХ ХРИСТИАНСКИХ АПОКРИФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В. С. Обухов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vadik99962@gmail.com
Научный руководитель – Т. Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор*

В данной статье анализируется Евангелие от Фомы, раннехристианский гностический текст. Проводятся параллели с восточными религиями и древнегреческой философией. Выделяются гностические фрагменты в Евангелии от Фомы и сравниваются с каноническими местами Нового Завета.

Ключевые слова: гностицизм; апокриф; евангелие от Фомы; Мейстер Экхарт; дзэн; Новый Завет.

В 1945 году в Египте был найден большой глиняный кувшин, в котором хранились кодексы на коптском языке [1]. Одним из текстов, содержащихся в кувшине, было, так называемое, Евангелие от Фомы. Что касается датировок найденных кодексов, то они датированы началом 4 века н.э., в то же время сами тексты датируются от 1 до 3 века н.э. Что касается Евангелия от Фомы, то разброс его датировок также составляет от 60 г. до 240 г. Подтверждением же широкого распространения данных текстов по территории Египта являются находки при раскопках в Оксирихе в 1896 году, при которых были обнаружены папирусы с фрагментами Евангелия от Фомы. Оксиринхские фрагменты датируются от 130г. до 240 г. Такие расхождения по датам в обоих случаях связаны с противостоянием двух лагерей исследователей, группа «ранней датировки» склоняется к тому, что текст Евангелия от Фомы был составлен раньше канонических текстов, из-за своей специфической формы повествования «сборника изречений». Группа «поздней датировки» аргументирует свои позиции тем, что в данном Евангелии отсутствуют апокалиптические моменты, присущие каноническим текстам, а также высказывают возможность сирийского происхождения данного текста.

Теперь же перейдём непосредственно к тексту данного апокрифического Евангелия, за основу был взят английский перевод Томаса Ламбдина, почётного профессора Гарварда, с последующим переводом на русский. Первым же, что бросается в глаза – это форма сборника высказываний, без жизнеописания Иисуса Христа, которое характерно для канонических евангелий. Такой формат больше привычен в рамках конфуцианства или в буддийских текстах, нежели в христианских. Открывающие слова данного текста «Это тайные изречения, которые сказал

живой Иисус и которые записал Дидим Иуда Фома» (пер. с англ. Здесь и далее В. Обухов; сокращения для Евангелия от Фомы пример «Фм.1») [2]. Очень важно имя Фомы, которое значит «близнец», также, как и Дидим значит «близнец», и если уж он не является Иудой, братом Иисуса, которого упоминает Марк, то хотя бы является близнецом духовным, что более раскрывается в некоторых частях Евангелия от Фомы.

Центральным понятием в гностицизме является гнозис, познание, в котором заключается акт спасения человечества от зла этого мира [3]. Иисус у гностиков – это Бог, а сами гностики – это богочеловеки, которым открыто знание. В Евангелии от Фомы такой «познавший человек» сам становится Богом, а Бог становится им: «Иисус сказал, “Кто выпьет из моих уст, станет как я. Я сам стану им, и вещи, которые были скрыты, откроются ему”» (Фм.108). Что же касается смерти Бога у гностиком, то её нет, здесь нам помогут фрагменты канонического Евангелия от Матфея (споры о более ранней датировке Марка здесь не принципиальны, так как фрагменты повторяются): «И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него» (Мф.3:16); «а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! ламá савах-фанí? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф.27:46). Это очень важный момент для гностиков, Христос здесь Дух, который вошёл в тело человека по имени Иисус и покинул его на кресте.

Форму собрания изречений можно объяснить ещё тем, что для гностиков важным была не столько жизнь Иисуса, сколько его высказывания. Некоторые высказывания имеют аналоги в канонических текстах, но многие подобных аналогов не имеют. «Иисус сказал: "Это небо преидет, и то, что над ним, тоже преидет. Мертвые не живы, а живые не умрут. В те дни, когда вы поглощали мертвое, вы превратили его в живое. Когда вы придете, чтобы жить во свете, что вы будете делать? В тот день, когда вы были одним, вы стали двумя. Но когда вы станете двумя, что вы будете делать?"» (Фм.11); «Его ученики спросили: "Когда же ты откроешься нам и когда мы увидим тебя?" Иисус сказал: "Когда вы разделенетесь, не стыдясь, и возьмете свои одежды, и положите их себе под ноги, как маленькие дети, и будете наступать на них, тогда вы увидите сына живого, и вы не будете бояться"» (Фм.37); «Иисус сказал: "Тот, кто пришел к пониманию мира, нашел (только) труп, а тот, кто нашел труп, превосходит мир"» (Фм.56). Эти места больше похожи на даосские и дзэнские тексты, нежели на канонические, они являются загадками, через которые приходит познание. Однако не все эти высказывания можно

приписывать самому Иисусу, проблема состоит в том, что любой «познавший» становится «Фомой», близнецом Иисуса.

Ещё одним из важных моментов является описание врагов, которые скрывают возможность познания: «Иисус сказал: "Фарисеи и книжники взяли ключи знания (гнозис) и спрятали их. Они сами не вошли и не позволили войти тем, кто этого хотел. Однако вы мудры, как змеи, и невинны, как голуби"» (Фм.39). Враги гностиков скрывают знание, которое может освободить людей от оков этого злого мира.

Теперь что касается гностического изречения Фомы, которое дублируется в урезанном виде у Луки: «Иисус сказал: "Если те, кто ведет вас, скажут вам: "Смотри, царство небесное", – тогда птицы небесные опередят тебя. Если они скажут вам: "Это в море", – тогда рыба опередит вас. Скорее всего, царство находится внутри вас, и оно находится вне вас. Когда вы познаете самих себя, тогда вы станете известными и поймете, что именно вы являетесь сыновьями живого отца. Но если вы не познаете самих себя, вы живете в бедности, и именно вы являетесь этой бедностью» (Фм.3). И вот как выглядит подобное высказывание у Луки: «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк.17:20–21). Важным моментом здесь является то, что знание есть в самой человеческой природе, и его следует познать, «познай самого себя, и ты познаешь богов и вселенную», как рассуждал Хилон за 6 веков до событий евангелий.

Подобные гностические места мы можем проследить и в каноническом евангелии от Иоанна: «Отче праведный! и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня.» (Ин.17:25). Естественно, в древнегреческом оригинале здесь идёт речь о гнозисе. Есть и параллельное вышеупомянутому Фм.108, высказывание, в котором уверовавшие, познавшие истину от Иисуса сами становятся Сынами Божиими: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин.1:12-13); «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин.17:21). Таким образом, все канонические евангелия имеют гностические моменты и вместе с апокрифами такие места могут восходить к более древнему источнику.

Много позже, «богочеловеческую черту» в каждом человеке будет подмечать Мейстер Экхарт, со своим знаменитым высказыванием: «Глаза, которыми я вижу Бога, те же самые, которыми меня видит Бог». И его интуитивное познание безличного Божества, которое отождествля-

ется с бытием, в последствии ляжет в основу философской системы Гегеля.

Таким образом канонические евангелия имеют общие гностические места с апокрифическим евангелием от Фомы. Общие места говорят о становлении любого гностика подобием Бога, либо же соединением с безличным Богом. Также по форме и идеям гностическое раннее христианство близко как восточным религиям, так и древнегреческой философии. Из вышеописанного рождаются ещё как минимум два вопроса. Идея гностицизма зарождалась параллельно в различных цивилизациях или кочевала по древнему миру? Могли ли гностические места в канонических текстах Нового Завета лечь в основу немецкого мистицизма, в частности Мейстера Экхарта и Якоба Бёме?

Библиографические ссылки

1. Meyer, M. The Nag Hammadi Scriptures: The International Edition. HarperOne, 2007. P. 2–3.
2. Gospel of Thomas, translated by Thomas O. Lambdin [Electronic resource]. URL: <https://www.marquette.edu/maqom/Gospel%20of%20Thomas%20Lambdin.pdf> (date of access: 15.04.2025)
3. Bart D. Ehrman Lost Christianities, Oxford University Press, 2003. P. 61.
4. Библия, цитаты по синодальному переводу [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения 15.04.2025)

СТАРАЖЫТНАГРЭЦКІ ТЭАТР ЯК МАСТАЦКАЕ ЎВАСАБЛЕННЕ АНТЫЧНАЙ ІДЭІ КАСМАЦЭНТРЫЗМУ

К. Л. Падвіцкая

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь; kapitollimuz07@gmail.com*

Навуковы кіраўнік – І. І. Ляшчынская, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт

У артыкуле здзяйсняецца разгляданне феномена тэатральнага мастацтва Старажытнай Грэцыі праз яго сувязь з прынцыпамі антычнай культуры, што былі вызначаны А.Ф. Лосевым. Работа мяркуе аналіз і прывядзенне прыкладаў з гісторыі тэатра антычнасці, якія ярка дэманструюць, што тэатр быў неад’емнай часткай жыцця старажытных грэкаў і суцэльна адпавядаў рысам тагачаснага светапогляду. Паказана, што ў першую чаргу ён быў мастацкім увасабленнем антычнай ідэі касмацэнтрызму.

Ключавыя словы: старажытнагрэцкі тэатр; касмацэнтрызм, трагедыя; камедыя; дыянісіі; касмалагізм; гармонія; мера; тэатральнае мастацтва.

Вядомы філосаф А.Ф. Лосеў не раз аналізаваў у сваіх творах існасць старажытнагрэцкай культуры. Сістэматызаваўшы галоўныя рысы культуры антычнасці, Лосеў выдзяляў: касмалагізм, адухаўлёна-разумны касмалагізм, абсалютны касмалагізм, пантэізм, фаталістычна-гераічны касмалагізм, мастацкае разуменне космасу, пазаасабовы касмалагізм, аб’ектыўны бок безасабовага космасу, суб’ектыўны бок касмалогіі, аб’ектыўна-суб’ектыўны касмалагізм, узнёслы касмалагізм.

Разуменне грэкаў сусвету як аб’ектыўнай дадзенасці напружана адлюстравалася ў тэатральным мастацтве: большасць п’ес пабудаваны якраз на пакутах героя праз парадак светабудовы, які ён не можа парушыць. Добрым прыкладам можа быць трагедыя Эсхіла «Праметэй Прыкаваны», дзе богі і людзі падпарадкоўваюцца адзіным законам быцця. А вось Праметэй, які кідае выклік Зеўсу, пакутуе не проста праз самаволю, а праз аб’ектыўны парадак сусвету. Тэатр – гэта прастора, дзе асабістая воля чалавека сутыкаецца з неадменнай аб’ектыўнасцю боскага парадку. Героі змагаюцца, пакутуюць, спрабуюць перайсці мяжу аб’ектыўных законаў свету, але ў іх ніколі не атрымліваецца.

Прынцып касмалагізму ў кантэксце тэатра добра бачны праз імкненне грэкаў зрабіць яго, тэатр, своеасаблівым мікракосмам, увасобіць у ім гармонію, прыгажосць, парадак. Амфітэатр з яго кругавой структурай быў падобны на касмічную сферу: сцэна – увасабленне ўсяго сусвету, дзе разгортвалася вялікая драма светаўладкавання. А хор часта граў голас самой прыроды, якая каментавала падзеі ў п’есе. Ён, хор, падобна

нябёсным сферам, задаваў рытм дзеянню. Сюжэты трагедый былі не проста гісторыяй людзей, але адлюстраваннем сусветнай гармоніі і дысгармоніі.

Не мог абысці бокам тэатр і прынцып адухаўлёна-разумнага космасу. Грэкі, якія лічылі космас жывым і разумным, адлюстроўвалі гэта ў персаніфікацыі сілаў прыроды. Так, для прыкладу, у п'есе Еўрыпіда «Вакханкі» Дыяніс прадстаўляў з сябе не проста бога, а быў увасабленнем стыхійнай моцы, якая падпарадкоўвае сабе людзей.

Прынцып абсалютнага касмалагізму вельмі ярка люструецца ў тэатральнай традыцыі праз непазбежнасць лёсу, з якім змагаецца герой твора. У «Цары-Эдыпе» Эдып, як бы ні стараўся пазбегнуць немінучага лёсу, выконвае прадказанае яму прароцтва. Сусветная прадвызначанасць, у якую верылі грэкі, заўжды апынаецца мацнейшай за героя (няважна, бог ён альбо чалавек). Ды і ў самім тэатры нішто не рандамізавана: усё падначалена вышэйшаму закону. Нават хаос на сцэне ілюзорны: за ім стаіць строгі парадак міфа, дзе кожнае слова, кожны жэст упісаны ў боскі сцэнар.

З тэзіса пра абсалютнасць космасу выцякае пантэізм, які быў, на думку Лосева, уласцівы старажытнагрэцкай культуры, «бо ўсё – гэта божства, ідэальныя богі ёсць толькі абагуленнем існуючых вобласцяў прыроды, як разумнай, так і неразумнай» (пер. К.П.) [1, с. 241]. А вось праявы пантэізму могуць быць даволі своеасаблівыя ў кантэксце тэатра. Часта багі тут – не недзе ў далёкіх нябёсах, а ў самім паветры тэатрона, у шуме масак, у экстатычных рытмах танца. Дыяніс жыве не толькі ў алтарах, але і ў душах глядачоў, якія зліваюцца ў захапленні прадстаўленнем.

Фаталістычна-гераічны касмалагізм быў літаральна неад'емнай часткай трагедый. Герой асуджаны, але менавіта ў гэтым яго веліч. Тэатр славіў не перамогу, а змаганне, не шчаслівы канец, але годнасць героя перад тварам немінучага. Але асуджанасць героя – не столькі праклён, колькі ўсталяванне вышэйшай справядлівасці. Пагібель героя не бывала бессэнсоўнай, бо яна вяла за сабой вызначальныя, урачыстыя, захапляльныя наступствы, якія ў чарговы раз даказвалі велічнасць космасу, непахіснасць яго законаў і прадвызначанасцяў.

А вось прынцып мастацкага разумення космасу, напэўна, нідзе не адлюстравалася так выразна, як у тэатральным мастацтве: старажытнагрэцкая сцэна была не простым месца дзеяння, а ўвасабленай эстэтыкай светабудовы. Сіметрыя архітэктуры, музычнасць вершаў, геаметрыя харэаграфіі – усё было падначалена ідэалу космаса. Тэатр быў сінтэзам іншых відаў мастацтва, спалучаў у сабе безліч сімвалаў і сэнсаў, якія ўхвалялі касмічную гармонію.

Тэзіс пра пазаасабовы касмалагізм перагукаецца з аб'ектывізмам і абсалютнасцю космасу: у п'есах багам і ўласна сусвету, здаецца, аб'якава на лёс героя, космас і яго парадак заўжды перамагаюць. Але можна знайсці і больш цікавы варыянт праявы дадзенага прынцыпу ў тэатральным мастацтве: акторы. Актор у масцы – не індывідуальнасць, а голас вечнасці. Яго персанаж – толькі правадыр сіл, што большыя за чалавечае «я». Аб'ектыўны бок безасабовага космасу таксама сведчыць прыкладна пра тое ж: нават калі герой крычаў ад роспачы, космас маўчаў. Яго законы нязменныя, а чалавечыя (і нават боскія) пакуты – толькі рабізна на паверхні вечнасці.

Але суб'ектыўны бок касмалогіі прадстаўляе большую цікавасць у кантэксце старажытнагрэцкай тэатральнай традыцыі. Па-першае, менавіта праз пакуты героя і маўчанне космасу глядач датыкаўся да сусветнага. Суперажываючы героям, ён адчуваў сябе часткай чагосьці бясконца вялікага. Па-другое, у прыватных выпадках чалавек не быў пазбаўлены выбару. Напрыклад, Медэя ў аднайменнай п'есе Еўрыпіда сама стварала свой лёс, хай і цаной злачынства. Гэта стала своеасаблівым прыступкам да індывідуалізму ў філасофіі.

Тэзіс пра аб'ектыўна-суб'ектыўны касмалагізм якраз падсумоўвае сказанае вышэй: тэатр – месца сустрэчы зямнога і нябёснага. Тут асабістае гора робіцца ўсеагульным, а міф – асабістым перажываннем кожнага. Альбо, напрыклад, паводле Ніцшэ, тэатр быў сутыкненнем Апалона і Дыяніса: «Трагедія родилась, когда аполлонический сон (образ) встретился с дионисическим опьянением (экстазом)» [2, с. 42]. То бок, напрыклад, трагедыя (дыянісійскае) падпарадкоўвалася строгім канонам (апаланічнае), што сведчыць пра спалучэння рознага, а часам і супрацьлеглага ў прасторы старажытнагрэцкага тэатра. Мастацтвазнаўца У. Татаркевіч казаў: «Греки ценили в театре не реализм, а меру – даже в комедии абсурд подчинялся строгой симметрии» [3, с. 142].

А апошні прынцып, прынцып узнёслага касмалагізму, безумоўна, знаходзіць сваю праяву ў мэце тэатральнага прадстаўлення ў Старажытнай Грэцыі. Мэта, якую імкнуўся дасягнуць тэатра, ёсць ачышчэннем глядача, катарсісам, пра які напіша Арыстоцель. Калі заслона апускалася, глядач ішоў не проста ўсхваляваны: ён дакрануўся да ўзнёслага. Тэатр, як і філасофія, вёў яго ад хаосу да гармоніі, ад страху — да ачышчэння.

Такім чынам, у дадзенай рабоце была ўсталяваная сувязь між філасофіяй і тэатральным мастацтвам Старажытнай Грэцыі праз адпаведнасць тэатральнага мастацтва тэзісам, вызначаных Лосевым: тэатр быў прыкладам мастацкага разумення космасу, п'есы будаваліся на законах аб'ектыўнага, пазаасабовага касмалагізму, фаталістычна-

гераічны касмалагізм паўнаўартасна знайшоў сваё адлюстраванне ў сюжэтах вядомых старажытнагрэцкіх п'ес, а зваротак да пантэізму быў частым прыёмам у змесце драматычных твораў.

Падсумоўваючы ўсё вышэй сказанае, мы можам з упэўненасцю зрабіць выснову, што тэатр быў не проста пацехай, але значным складнікам падмурку, на якім стаяла велічнасць Старажытнай Грэцыі. Спалучаючы ў сабе літаральна ўсе віды мастацтва, ён, тэатр, становіцца сімвалам гармоніі і творчасці, мікракосмам, які адлюстроўвае законы сусвету на зямлі і становіцца, так бы мовіць, пасярэднікам між недасягальным космасам, нябёсамі і раскінутай на ўрадлівай свяшчэннай прасторы Эладай.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Ранняя классика. М. : Ладомир, 1994. 544 с.
2. *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки. М. : Академический Проект, 2007. 224 с.
3. *Татаркевич В.* Античная эстетика. М. : Искусство, 1977. 327 с.

НИЦШЕ ПРОТИВ МОРАЛЬНОГО УНИВЕРСАЛИЗМА: КРИТИКА КАТЕГОРИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА

И. М. Рабецкий

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, rabeckiy76@gmail.com
Научный руководитель – О. А. Яновский, кандидат исторических наук, профессор*

В данной статье рассматриваются основные противоречия между ницшеанской этической теорией и кантианской моральной философией, а также анализируются основные претензии Ф. Ницше к категорическому императиву.

Ключевые слова: антагонизм; категорический императив; метафизика; мораль; мораль рабов; мораль господ; моральный универсализм; этика.

Критика морали и традиционных моральных ценностей занимает в философии Ф. Ницше центральное место среди остальной части его философской проблематики. Основной причиной для этого стала реакция немецкого мыслителя на возвеличивание потусторонних, сверхчувственных жизненных идеалов, заменивших подлинные человеческие качества. Такими, по мнению Ф. Ницше, являлись те ценности, которые основывались на утверждении жизненной силы и достоинства человека, когда как господствующие в европейском обществе нормы поведения делали из него слабого и больного животного. Эти идеи нашли своё оформление в двух фундаментальных типах морали ницшеанской этики – «мораль господ» и «мораль рабов». Первая из них берёт своё начало в чувственном опыте и характеризует человеческое поведение в его архаическом проявлении, а вторая – проистекает из разума и вызвана нашими метафизическими потребностями. Главной задачей для философа становится устранение ложных идеалов и возвращение к реальному состоянию человеческой природы.

Этика Иммануила Канта представляет собой полную противоположность учению Ф. Ницше, поскольку основным требованием к морали для кёнигсбергского мыслителя должно было стать её универсальность для всех людей. Так, критикуя золотое правило нравственности за отсутствия следования данному требованию, И. Кант формулирует свой знаменитый категорический императив, который по логическим основаниям объявляется философом моральным законом. К тому же, категорический императив носит априорный характер, то есть трактуется немецким философом как данность или факт исключительно нашего разума.

Положения кантианской этики полностью противоречат убеждениям Ф. Ницше, а потому не только философия, но и фигура И. Канта ста-

новится объектом острой критики. В своих сочинениях, не скрывая своего негативного и презрительного отношения, он называет кёнигсбергского философа то «идиотом», то «роковым пауком», что только демонстрирует антагонизм этических учений двух мыслителей [2, с. 639]. Однако Ф. Ницше не ограничивается язвительными комментариями и направляет своё внимание на категорический императив, предлагая свои рассуждения против него.

Первым основанием для критики морального закона служит его универсализм. Дело в том, что из определения категорического императива легко вывести идею равенства между людьми, поскольку он представляет собой общеобязательное формальное правило поведения всех разумных существ независимо от их происхождения, положения и обстоятельств [1, с. 260–261]. Ф. Ницше не могло это устраивать, потому что его этическая философия исключала любые эгалитарные представления.

«Проповедники равенства», «тарантулы» — такими пейоративными понятиями клеймит немецкий философ не только священников, но и мыслителей, чья мораль включает в себя идеи равенства [5, с. 71–72]. Ф. Ницше исходит из собственной концепции, согласно которой человеческое общество за всю свою историю состояло из двух категорий людей — повелевающих сильных господ и подчиняющихся слабым рабов. Притом понятия «слабый» и «сильный» никакого отношения к физическому состоянию человека не имеют, поскольку служат они для описания психологического портрета индивида. Категорический императив эту разницу между людьми устранял, что ставило его в противоречивые отношения с ницшеанскими взглядами. За это немецкий философ насмешливо проводит параллель между И. Кантом с Ж. Руссо, поскольку последний также подвергался критике за свои идеи о равенстве. Вместо него он предлагает иную формулу: «Равным равное, неравным неравное — это было бы истинной речью справедливости» [4, с. 622]. Однако важно понимать, что сам И. Кант подобных взглядов не придерживался, поэтому претензии Ф. Ницше направлены не столько на его личность, сколько исключительно на моральный закон.

Ф. Ницше исходит из того, что не может существовать никакого общего морального принципа, поскольку не может быть одинаковых человеческих поступков [3, с. 655]. Невозможно в своих решениях следовать кантианскому моральному требованию, потому что на них не перестают действовать уникальные контексты и мотивации. Тем не менее, с помощью универсальных моральных законов, подчёркивает философ, можно добиться «иллюзии равенства», но в действительности остаются только неповторимые никаким образом поступки.

В тесной связи с данными рассуждениями вступает ницшеанская гносеология, которая постулирует невозможность адекватного познания истинных причин нашего поведения, поэтому каждое человеческое действие остаётся непроницаемой вещью для нас и остальных людей. Уникальность поступков лишает возможность применять к ним универсальные моральные категории, поэтому Ф. Ницше проводит фундаментальное различие между нашими моральными суждениями и человеческими поступками, поскольку последние обладают богатым содержанием. В «Антихристе» он скажет, что добродетели должны быть изобретениями конкретного индивида, а добродетель в том смысле, в каком её понимал И. Кант, вредна [2, с. 638–639]. Слова философа в данном параграфе являются необходимым ключом для ясного понимания ницшеанской этики, ведь здесь формулируется её главный принцип: «что не обуславливает нашу жизнь, то вредит ей».

Отсюда следует второе важное основание для критики кантовского морального закона — его априорность и метафизический характер. Ф. Ницше утверждает за каждым субъектом его индивидуальность, а метафизические понятия и категории, поскольку являются безличными, лишают человека его субъектности, подчиняя его выдуманному сверхчувственным вещам. Метафизика отвергается мыслителем по тем же причинам, что и религия, ведь в центре последней зачастую находятся сущности, наделяемые сверхприродными атрибутами, на фоне которых человек чувствует себя беспомощным и объявляет своё существование неправильным, не соответствующим действительности. Он наделяет «кажущийся мир» реальным существованием, а «видимый мир» отрицает. Ф. Ницше видит в этом серьёзные симптомы не только нашего разума, но и человеческого общества, склонного создавать метафизические понятия, заменяя ими чувственные вещи.

«Добродетель, долг, добро само по себе, доброе с характером безличности и всеобщности – все это химеры, – напишет он, – в которых выражается упадок, крайнее обессиление жизни, кёнигсбергский китизм» [2, с. 638]. Человек может этого не осознавать, однако уверенно будет идти к гибели, поскольку он сольётся с безличной сущностью, уничтожив свою уникальность. По этой же причине Ф. Ницше считает безусловный моральный закон И. Канта опасным для жизни [2, с. 638]. Это противоестественный инстинкт, от которого философ призывает отказаться.

Таким образом, одной из причин, по которой немецкий философ подвергает критике моральный универсализм и категорический императив И. Канта, является его ориентация на равенство, что вступает в противоречие с ницшеанским учением о «морали господ» и «морали рабов».

Поэтому Ф. Ницше в своих произведениях будет писать: «Любое более утонченное раболепие крепко держится за категорический императив и является смертельным врагом тех, кто силится отнять у долга его безусловный характер».

Попытка категоризации человеческой жизни также становится основной причиной неприятия немецким мыслителем кантианской этики. По его мнению, такие метафизические понятия, как моральные универсальные законы, обезличивает богатую ощущениями жизнь, заставляя индивида отказаться от неё в пользу абстрактных вещей, создаваемых нашим разумом. За это Ф. Ницше будет обвинять И. Канта в «теологизации» философии и называть успехи философа успехами «инстинкта теологии».

Трудно сказать, насколько правомерным было бы называть претензии Ф. Ницше критикой, поскольку немецкий мыслитель пренебрегает аргументацией и исходит из собственных моральных интуиций как фактов действительности. Категорический императив И. Канта не отрицает персональные качества и индивидуальный опыт людей. Напротив, он их предполагает, потому что является формальным требованием и общеобязательным для всех разумных существ.

Тем не менее, проделанный анализ критики моральной философии И. Канта позволяет глубже взглянуть на этическую теорию Ф. Ницше и вывить существенные противоречия между их философскими учениями.

Библиографические ссылки

1. *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Сочинения в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 219–310.
2. *Ницше Ф.* Антихрист. Проклятие христианству // Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 631–692.
3. *Ницше Ф.* Весёлая наука (*la gaya scienza*) // Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 1. С. 491–719.
4. *Ницше Ф.* Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 556–630.
5. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 5–237.

РОЛЬ СИМВОЛИЗМА В ЭСТЕТИКЕ П. А. ФЛОРЕНСКОГО

А. А. Садовщикова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sadanyaa@mail.ru*

Научный руководитель – Е. В. Беляева, доктор философских наук, доцент

В публикации предпринимается попытка выявления роли символизма в эстетической системе П.А. Флоренского. Символизм раскрывается как ключевой элемент «конкретной метафизики», где символ выступает единством ноумена и феномена. Автор демонстрирует, как символизм преодолевает разрыв между материальным и духовным, становясь инструментом религиозного преображения реальности. В работе подчеркивается уникальность подхода Флоренского, синтезирующего философию, теологию и эстетику, а также роль культа в восстановлении символической целостности бытия.

Ключевые слова: символ; ноумен; феномен; единство; двойственность.

Символизм как течение в искусстве обычно связывается с литературой и изобразительными жанрами, однако большой интерес представляют и философские системы, принявшие символизм за свою отправную точку. Здесь символизм выступает не как стиль изложения, но как способ восприятия и трактования реальности. Главным образом данная концепция оказала влияние на христианских мыслителей, в том числе и на П. А. Флоренского, у которого символ является основным элементом, составляющим и структурирующим реальность.

Цель данной работы – раскрыть роль символизма как основы эстетической системы П.А. Флоренского, показав, как символ структурирует его метафизику, искусство и религиозную практику.

Философия П. А. Флоренского довольно своеобразна, что отличает ее от основных направлений европейской метафизики. Своему учению Флоренский дал название «конкретная метафизика», что предполагало отказ от отвлеченного, чисто умозрительного философствования. Стоит раскрыть смысл «конкретности», применяемой в данном контексте.

Для Флоренского понятие конкретности отнюдь не подразумевает отрицания духовного предмета (ноумена) или редукции реальности к голой эмпирике. Напротив, оно акцентирует воплощенность духовного начала в чувственном, благодаря чему ноумен обретает свою подлинную конкретность. Внутренняя сущность и внешняя форма, умопостижаемое и материальное, ноумен и феномен — это две неразделимые стороны любого явления, два измерения самой реальности. Их взаимосвязь становится центральной философской проблемой Флоренского, разрешение

которой он видит в философском символизме. Этот подход утверждает: ноумен и феномен не могут существовать изолированно — они слиты в нерасторжимое единство. Духовное не существует в виде абстракций, потому как оно всегда проявляется через конкретные, чувственно воспринимаемые формы. В свою очередь, любое эмпирическое явление — это не просто факт, но выражение ноуменальной сути, «лицо» скрытого смысла. Таким образом, феномен и ноумен взаимно отражают друг друга, формируя символ — целостное двуединство, где материальное и духовное не противопоставлены, но взаимопроникающи. Именно символичность, по Флоренскому, и есть суть конкретности: реальность складывается из символов, а целокупное бытие предстает как единство физического Космоса (чувственной данности) и его ноуменального наполнения [1].

Однако в мире дольном, который Флоренский считает падшим, феномен зачастую искаженно отражает ноумен. Грех, пронизывающий материальную реальность, создает преграду между явлением и его смыслом, делая символы «непрозрачными». Тем не менее базовый принцип символизма — «все чувственное духовно» — остается незыблемым: даже в поврежденном состоянии явление сохраняет связь с ноуменом, хотя степень ноуменальной наполненности варьируется. Флоренский выделяет дискретные уровни ноуменальной насыщенности — своего рода иерархию «горизонтов» бытия, где каждый пласт отличается глубиной проявления духовного в материальном. Так Космос структурируется как многослойное единство, в котором феномены различаются по «плотности» воплощенного смысла.

Особую роль в этой метафизике играет зримость — первичный модус чувственного восприятия. Пространство у Флоренского не разделено на эмпирическое и умопостигаемое, а представляет собой единство с «реальной» (феноменальной) и «мнимой» (ноуменальной) сторонами. Ноуменальный мир трансцендентен земному, но при этом имманентно присутствует в каждой точке феноменального. Оба аспекта символа пространственны и связаны парадоксальным преобразованием — буквальным «выворачиванием наизнанку».

Однако для восприятия этой двойственности необходимы особые условия. Культ, по Флоренскому, и есть механизм восстановления связи между ноуменальным и феноменальным мирами. Он не просто регулирует их взаимодействие, но исцеляет реальность от последствий грехопадения, устраняя «заслон» между феноменом и ноуменом. В рамках культа явления очищаются, обретая изначальную прозрачность символов, а их смысловая глубина становится доступной. Таким образом,

культ является не ритуальной формальностью, но онтологической практикой, возвращающей миру утраченную целостность.

Эта логика распространяется и на творчество. Любая деятельность, направленная на раскрытие ноуменальной сути явлений — будь то искусство, наука или философия, — оказывается пограничной, соприкасающейся с трансцендентным. Флоренский особенно подчеркивает связь онтологии и иконописи. И та, и другая через слово или образ делают незримое зримым: если онтология вербализует духовные сущности, то икона воплощает их визуально. Отсюда его формула: «икона — наглядная онтология», а «иконопись — конкретная метафизика бытия» [2]. Обе области требуют культовой основы, так как лишь в рамках сакрального контекста творчество обретает силу преодолевать разрыв между мирами, восстанавливая символическую полноту реальности.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что символизм является системообразующим элементом эстетики П.А. Флоренского. В его философии символ предстает не как условный знак, а как онтологическое единство ноумена и феномена, где материальное воплощает духовное, а духовное имманентно присутствует в материальном. Концепция «конкретной метафизики», основанная на этом принципе, отвергает абстрактный рационализм, утверждая, что истина раскрывается только через конкретно-чувственные формы.

Ключевым достижением Флоренского стало применение символизма к сакральному искусству. Икона, по его мнению, — это не просто изображение, а «наглядная онтология», где обратная перспектива и цветовая символика преодолевают ограничения эмпирического мира, восстанавливая связь с трансцендентным. Культ же трактуется как онтологическая практика, возвращающая символам их изначальную прозрачность.

Библиографические ссылки

1. *Хоружий С. С.* После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994.
2. *Флоренский П. А.* Иконостас. М. ; СПб. : Пальмира, 2023. 168 с.

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТИКИ

Д. Г. Феркович¹⁾, К. А. Петровская²⁾

¹⁾ Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, email: dianaxd5030@gmail.com

²⁾ Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Научный руководитель – Г. А. Личевский, магистр философских наук

Доклад посвящён исследованию различных философских концепций истины и их роли в этических размышлениях. Рассматриваются классическая, когерентная, прагматическая, конвенциональная, семантическая, дефляционная и экзистенциальная теории истины, каждая из которых по-разному освещает моральные выборы. Особое внимание уделяется применению этих теорий в медицинской практике. В заключении подчеркивается актуальность темы в условиях информационного общества.

Ключевые слова: этика; истина; концепции истины

Проблема истины в этике приобретает особую значимость и актуальность в условиях современного общества, где моральные нормы и ценности часто подвергаются сомнению. Понимание природы истины помогает лучше ориентироваться в этических дилеммах, связанных с ней, с честностью и справедливостью. Цель работы – установить соотношение разных концепций истины с актуальными этическими проблемами.

Классическая (корреспондентская) теория истины. Классическая концепция истины утверждает, что истина заключается в соответствии мысли или высказывания с объективной реальностью. Эта теория особенно значима в вопросах доказательства фактов или поиска объективной справедливости.

Когерентная теория истины. Эта теория утверждает, что истина определяется логической согласованностью утверждений внутри определённой системы знаний.

Прагматическая теория истины. Данная концепция связана с её практической полезностью.

Конвенциональная теория истины. Она рассматривает истину как продукт общественного соглашения.

Семантическая теория истины. Эта теория фокусируется на соответствии высказываний определённой модели или системе значений.

Дефляционная теория истины. Теория утверждает, что само понятие истины не несёт дополнительного содержания.

Экзистенциальная концепция истины. Экзистенциальная концепция рассматривает истину как раскрытие бытия и личного опыта.

Мы можем объяснить данные концепции в рамках медицинской сферы. После COVID-19 у многих людей присутствуют недомогание, слабость и другие симптомы. При сдаче анализов отклонение от нормы не выявлено, следовательно, человек здоров, что является представлением классической теории. При детальном осмотре врач, основываясь на взаимосвязанных данных, делает вывод, что человек болен, что представляет когерентную теорию. Поскольку число обращений с похожими симптомами велико, то врачи, опираясь на общее профессиональное согласие, приходят к выводу о наличии заболевания - что отражает суть конвенциональной теории истины. В результате мы видим, что различные теории истины по-разному трактуют наличие или отсутствие болезни у человека и возникает вопрос: какая из них соответствует действительности.

Разные теории истины по-разному освещают моральные выборы. В этической ситуации, например, когда врачу предстоит сообщить пациенту тяжёлый диагноз, каждая из них задаёт особый вектор размышления.

Согласно классической концепции, истина – это соответствие фактам. Значит, врач обязан быть честным, даже если правда причинит боль. Однако прагматическая теория допускает, что умолчание может быть оправдано, если оно приносит благо.

Конвенциональный подход связывает истину с культурными нормами: в одном обществе честность – долг, в другом допустима щадящая форма правды. Когерентная теория настаивает: если диагноз подтверждён анализами и знаниями, он истинен и должен быть озвучен – пусть и в мягкой форме.

Семантическая теория подчёркивает точность языка: высказывание истинно, если соответствует медицинским понятиям. Дефляционная – не ищет глубинного смысла: «у пациента рак» просто факт.

А экзистенциальный взгляд делает акцент на подлинном переживании. Истина здесь – это откровение, которое важно передать с уважением к внутреннему миру пациента.

Будущие исследования могут быть направлены на выявление оптимальных подходов к применению теорий истины в решении современных этических проблем, таких как вопросы биоэтики, социального неравенства или информационной прозрачности.

Особенно перспективным направлением представляется изучение влияния информационных технологий на восприятие истины в этическом контексте. Феномен постправды, распространение фейковых новостей и манипуляция общественным мнением требуют разработки мето-

дов выявления и верификации достоверной информации. Также важным является исследование роли искусственного интеллекта и автоматизированных систем в формировании этических норм и оценки их влияния на понятие истины.

Дополнительным направлением может стать исследование компромисса между прагматической и корреспондентской теориями истины в медицине и праве, где важно как достоверное установление фактов, так и их практическая применимость.

Таким образом, проблема истины в этике требует комплексного подхода, учитывающего как объективные факты, так и социальные, культурные и личностные аспекты моральных решений. Такой подход позволит лучше ориентироваться в сложных нравственных дилеммах и развить более целостное понимание моральных норм в современном обществе.

Библиографические ссылки

1. *Аристотель* Метафизика. М.: РИПОЛ классик, 2018. 384 с.
2. *Хайдеггер М.* О сущности истины [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/book/haydegger_martin/o_sushchnosti_istini.html (дата обращения: 09.04.2025).
3. *Гусейнов А. А., Апресян Р. Г.* Этика: Учебник. М. : Гардарики, 2000 472 с. |

СЕКЦИЯ 6. ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В УНИВЕРСИТЕТАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. Е. Андреев

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sergeyandreev0790@gmail.com
Научный руководитель – А. Н. Данилов, доктор социологических наук,
профессор, член-корреспондент НАН Беларуси*

В публикации автор обращается к перспективам роста инновационного потенциала в университетах Республики Беларусь. Приводится разработан регламент пользования искусственным интеллектом (ИИ) для белорусских студентов. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований; базой для разработки мероприятий и программы, направленных на повышение осведомленности о существующей проблеме в обществе.

Ключевые слова: инновационный потенциал; университет; высшее образование; трансформация.

Современные технологии, в частности искусственный интеллект (ИИ), стремительно проникают в все сферы жизни, включая образование. В условиях бурного развития ИИ университеты Европы сталкиваются с необходимостью выработки четких регламентов, которые обеспечат этическое использование технологий, защиту данных и поддержку инноваций.

Одной из основных задач, с которой сталкиваются университеты, является разработка этических стандартов для использования ИИ. Ведущие образовательные учреждения Европы, такие как Оксфорд и Кембридж, уже создали комитеты по этике ИИ, которые разрабатывают рекомендации по его использованию в академической среде [139]. Эти документы акцентируют внимание на необходимости честности в научных исследованиях, защите авторских прав и отказе от дискриминационных алгоритмов.

Белорусские и российские студенты отмечают ряд преимуществ использования инструментов искусственного интеллекта. В числе основных плюсов: сокращение времени на выполнение учебных заданий и мгновенное получение ответов на вопросы (79,2 %), возможность обще-

ния на любом языке (75,7%), бесплатный доступ к сервисам (75,0 %), круглосуточная доступность в любом месте с интернетом (70,8 %), уменьшение психологических барьеров (50,7%), учёт уровня подготовки и индивидуальных особенностей пользователей (41,0%), возможность оценивания знаний и проверки выполненных заданий (50,0%), а также доступ к дополнительным образовательным ресурсам (67,4%). Эти данные подтверждают, что студенты ценят ИИ за экономию ресурсов, таких как время, деньги и усилия, а также за предоставление дополнительных возможностей обучающихся [1].

Например, некоторые университеты внедряют правила, требующие прозрачности алгоритмов, используемых для оценки студентов и выполнения исследований. Программы, основанные на ИИ, должны быть объяснимыми для студентов и преподавателей, чтобы избежать содержания управляющих решений, основанных на непрозрачных данных.

С ростом применения ИИ в образовательных технологиях возникает необходимость в соблюдении законодательства о защите персональных данных. В странах Европы действует Общий регламент по защите данных (GDPR), требующий от университетов строгих мер по защите личной информации студентов и сотрудников. Многие университеты уже внедрили системы анонимизации данных, и разработки, основанные на ИИ, должны соответствовать законодательным нормам. Это требует регулярных аудитов и мониторинга для обеспечения безопасности данных, что создает дополнительные нагрузки на административные структуры [2-4].

Вместе с вызовами, использование ИИ в университетах открывает новые возможности. Университеты адаптируют свои учебные программы, включая курсы по машинному обучению, анализу данных и этике ИИ. Это способствует подготовке специалистов, обладающих необходимыми знаниями для работы с современными технологиями.

Некоторые университеты запускают стартап-инкубаторы и исследовательские лаборатории, сосредотачиваясь на разработке инновационных продуктов с использованием ИИ. Такие инициативы часто поддерживаются государственными грантами и частным сектором, что подчеркивает необходимость сотрудничества между университетами, промышленностью и правительством в области ИИ.

Регламенты искусственного интеллекта в университетах Европы находятся в стадии активного формирования. Это процесс требует гибкости и готовности к изменениям, поскольку технологии развиваются с огромной скоростью. Университеты должны находить баланс между инновациями и этикой, защитой данных и академической честностью. Важно, чтобы они продолжали развивать свое сотрудничество как на национальном, так и на международном уровнях, чтобы обеспечить устойчивое и этическое развитие ИИ в образовательной среде.

На основании анализа европейского опыта разработан регламент пользования искусственным интеллектом (ИИ) для белорусских студентов:

I. Общие положения

1.Цель использования: ИИ предназначен для поддержки учебного процесса, помощи в исследовательской деятельности, развития творческих навыков и повышения эффективности обучения.

2.Этика использования: Студенты обязуются использовать ИИ с соблюдением этических норм, включая честность, уважение к интеллектуальной собственности и ответственность за свои действия.

II. Правила пользования

1.Консультирование:

1.1. ИИ может использоваться для получения справочной информации, рекомендаций по литературе и помощи в понимании сложных тем.

1.2. Запросы к ИИ должны быть четкими и конкретными. Общее количество запросов в день не должно превышать 10, чтобы избежать злоупотребления.

2.Исследовательская работа:

2.1. ИИ может быть использован для генерации идей, составления планов и анализа информации, однако студенты должны самостоятельно обрабатывать и интерпретировать полученные данные.

2.2. Все результаты, полученные с помощью ИИ, должны быть перепроверены и дополнены собственным анализом.

3.Письменные работы:

3.1. Студенты могут использовать ИИ для помощи в создании проектов, эссе и других письменных работ, однако работы должны быть выполнены индивидуально.

3.2. ИИ не должен использоваться для написания работ «под ключ». Использование результатов работы искусственного интеллекта без надлежащего цитирования и указания источника считается плагиатом.

4.Творческие задания:

4.1. ИИ может быть использован для вдохновения в творческих задачах (например, написание рассказов, создание музыки и др.), однако студенты должны стремиться развивать свои собственные идеи и резюмирования.

III. Ограничения и запреты:

1.Запрет на использование в экзаменах и тестах:

1.1 Использование ИИ во время экзаменов, тестов и других форм оценивания строго запрещено.

2.Конфиденциальность и безопасность:

2.1. Не разрешается предоставлять ИИ личные данные, информацию о других студентах, преподавателях или любую конфиденциальную информацию.

3.Отказ от ответственности:

3.1. Студенты несут полную ответственность за результат использования ИИ. Университет не несет ответственности за ошибки, полученные в результате использования ИИ.

IV. Ответственность

1.Нарушения регламента:

1.1. В случае несоблюдения данного регламента могут применяться дисциплинарные меры, в том числе предупреждение, штрафы или отчисление.

2.Обратная связь:

2.1. Студенты могут сообщать о любых проблемах или неясностях, связанных с использованием ИИ, кураторам или преподавателям.

V. Заключительные положения

1.Обсуждение регламента: Регламент может быть пересмотрен и обновлен по мере необходимости на основании отзывов студентов и преподавателей.

2.Информированность: Все студенты должны быть ознакомлены с данным регламентом в начале учебного года.

Адаптация успешных практик и методов управления инновациями из международного опыта в белорусскую образовательную систему может значительно повысить эффективность инновационной деятельности в университетах. Важно учитывать местные условия и потребности, чтобы создать устойчивую экосистему для развития инноваций.

Библиографические ссылки

1.Филинская Л. В., Левицкая И. В., Мисун А. А. Искусственный интеллект и образование: проблемы, риски, перспективы // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024. № 3. С. 71–77.

2.Open problems in technical AI Governance / Oxford. United Kingdom, 2024. 95 p.

3.Proposal for a regulation of the European Parliament and of the council laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending certain union legislative acts [Electronic resource] / IEEE CIS Resource Center. URL: <https://resourcecenter.cis.ieee.org/government/eu/cisgovph0040> (дата обращения: 31.03.2025).

4.AI, Machine Learning & Big Data Laws and Regulations 2024 [Electronic resource] / Global legal insights. URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/ai-machine-learning-and-big-data-laws-and-regulations/france/> (дата обращения: 31.03.2025).

«ПРИЯТНАЯ НЕСВОБОДА» И «СЧАСТЛИВОЕ СОЗНАНИЕ»: КАК СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО ФОРМИРУЕТ «ОДНОМЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА» (ПО Г. МАРКУЗЕ)

Э. А. Балтаева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, 2.elmira@bk.ru*

Научный руководитель – Л. Г. Титаренко, доктор социологических наук, профессор

Данная статья посвящена анализу теории «Одномерного человека» Герберта Маркузе в контексте современного общества потребления. Рассматриваются механизмы социального контроля, посредством которых потребительские ценности проникают во все сферы жизни, формируя «Счастливое Сознание» и ограничивая автономию и критическое мышление индивида. Особое внимание уделяется понятию «ложных потребностей» как ключевому инструменту подчинения индивида логике потребления и поддержания существующего социального порядка.

Ключевые слова: одномерный человек; одномерное мышление; «счастливое сознание»; ложные потребности; «новый конформизм»; иллюзия выбора

Современное общество характеризуется не просто высоким уровнем производства и потребления, но и глубоким проникновением потребительских ценностей во все сферы жизни. Мы больше не просто удовлетворяем базовые потребности, мы окружены товарами, которые формируют нашу идентичность, определяют наши отношения и даже диктуют наши убеждения. Теория одномерного человека Герберта Маркузе становится особенно актуальной при анализе этого феномена, поскольку она позволяет понять, как товары и услуги, производимые аппаратом производства, не просто продаются, но и «навязывают социальную систему как целое», подчиняя индивида логике потребления и ограничивая его свободу [1, с.16].

Теория Маркузе предостерегает от самообмана, выявляя, что за фасадом «Счастливого Сознания», конструируемого обществом потребления, скрыта сложная система социального контроля, ограничивающая автономию и критическое мышление индивида. Подобного человека, ориентированного на удовлетворение навязанных потребностей и поддержание существующего социального порядка, Маркузе определяет как «одномерного». Одномерный человек – это человек, не способный мыслить критически, смотреть на общество и на свое место в нем со стороны, поэтому его культурное многомерное развитие априори невозможно

[2, с. 212]. Он добровольно выбирает несвободу, променивая возможность самостоятельного мышления на материальные блага.

Маркузе вводит понятие «ложные потребности», определяя их ключевым инструментом социального контроля в развитом индустриальном обществе. Это потребности, которые навязаны индивиду внешними силами, в основном политикой, аппаратом производства и массовой культурой, и направлены на поддержание существующей системы господства. В отличие от истинных потребностей, прежде всего связанных с первостепенными нуждами, ложные служат для интеграции индивида в одномерное общество. Оптимальной задачей, согласно Маркузе, является вытеснение ложных потребностей истинными и отказ от репрессивного удовлетворения. Это значит, что следует осознанно отказаться от навязанных обществом потребительских ценностей, а также от «репрессивного управления» - от соблазнов легких удовольствий, предлагаемых индустрией развлечений и потребления, поскольку именно они отвлекают от истинных потребностей и укрепляют одномерность.

В современном обществе человек, поглощенный удовлетворением ложных потребностей, часто утрачивает способность к критическому мышлению и осознанию ограничений, накладываемых на его свободу. Поскольку он лишен автономии, а его сознание является лишь объектом манипулирования, он не способен самостоятельно различить истинные и ложные потребности [1, с. 9]. Следовательно, он не может освободиться от оков одномерного мышления.

Иллюзия выбора – вот что часто сопровождает современного человека в его стремлении к приобретениям. Кажется, что он, как личность, совершенно свободен и автономен в своих желаниях. Возьмем, к примеру, простого рабочего, мечтающего о собственном автомобиле. Он много и упорно трудится, откладывая заработанные средства, живя надеждой на тот самый День X. И вот, наступает долгожданный момент: он становится владельцем заветного автомобиля. Теперь он не как все: теперь он не толкается в метро, а с комфортом добирается на работу на личном транспорте, на который, казалось бы, он собственноручно заработал. На самом деле, данное желание было сформировано не самим рабочим, а средой, в которой он существует. Реклама, фильмы, социальные сети, другими словами, – СМИ, транслируют образ успешного человека, обладающего автомобилем, создавая у рабочего иллюзию, что покупка машины не просто удобство, а необходимый атрибут полноценной жизни. Причем основной целью таких каналов является достижение

материальной выгоды. И тогда оказывается, что его свобода на самом деле таковой не является.

Итак, мы видим, как иллюзия выбора и стремление к материальным благам, подогреваемые мощным влиянием средств массовой информации, формируют «желание» и в конечном итоге определяют поведение современного человека. Но что скрывается за этой «погоней за счастьем», за этим стремлением к комфорту? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к концепции «Счастливого Сознания», разработанной Гербертом Маркузе, которая раскрывает глубинные механизмы социального контроля и подавления индивидуальной свободы в развитом индустриальном обществе.

Г. Маркузе определяет понятие счастливого сознания следующим образом: «Счастливое Сознание – убеждение в том, что действительное разумно и что система продолжает производить блага – является отражением нового конформизма, рожденного переходом технологической рациональности в социальное поведение» [1, с. 109]. Это «Счастливое Сознание» – не просто наивное убеждение в благополучии, а продукт технологического общества, в котором рациональность, направленная на эффективность производства, проникает во все сферы жизни, включая мышление и поведение. Люди начинают мыслить категориями системы, принимая ее ценности как свои собственные, и, следовательно, становятся неспособными к критическому взгляду на существующий порядок. Именно этот «новый конформизм», рожденный технологической рациональностью, и создает прочную основу для одномерного общества, где альтернативные способы мышления и организации жизни подавляются.

Ложные потребности способствуют формированию счастливого сознания, поскольку они заставляют индивидов принять и оправдать существующий порядок, не ставя под сомнение его моральные и этические качества. Так, например, людям удобно думать, что ужасные события, происходящие где-то в бедных странах – это трагическая, но неизбежная реальность, не имеющая к ним прямого отношения. Они могут выразить сочувствие, даже пожертвовать небольшую сумму денег, но в глубине души остаются убежденными, что их собственный мир, их благополучие и комфорт, находятся вне этой зоны ужаса. Им удобно верить, что эти события – результат локальных конфликтов, отсталости или каких-то иных «объективных» причин, а не следствие глобальной системы неравенства, частью которой они являются. Эта дистанция позволяет им продолжать жить своей обычной жизнью, потреблять товары и услуги,

производимые в том числе и в тех самых бедных странах, не испытывая чувства вины.

Таким образом, механизмы социального контроля в развитом индустриальном обществе, замаскированные под «Счастливое Сознание» и культуру потребления, формируют одномерного человека, лишённого автономии и критического мышления. Освобождение требует осознания этих манипуляций, отказа от ложных потребностей и стремления к развитию подлинных, человеческих ценностей, что позволит вырваться из «приятной несвободы» и обрести истинную свободу.

Библиографические ссылки

1. *Маркузе, Г.* Одномерный человек. М.: «REFL-book», 1994. 368 с.
2. *Миронова, А. А.* Маркузе возвращается, или общество одномерных людей // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2016. Т. 1. С. 210-213.

КЛЮЧЕВЫЕ СМЫСЛЫ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ

В. А. Барановский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, baranowski567@outlook.com*

*Научный руководитель – А. Н. Данилов, доктор социологических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси*

В статье представлена типолого-видовая матрица тем, направлений информационного освещения белорусских государственных СМИ; исследована структура связей основных тематических векторов информирования белорусских государственных СМИ и вариаций базового эмоционального реагирования интернет-аудитории; проранжированы белорусские государственные СМИ по уровню охвата, вовлеченности, распространяемости.

Ключевые слова: белорусские государственные СМИ; охват; вовлеченность; распространяемость; вариации базового эмоционального реагирования.

Средства массовой информации выполняют регуляторную функцию при обеспечении обратной связи государства и общества: задают необходимую информационную повестку, вкладывают в нее важные смыслы, формируют имидж государства и его модели управления. В эпоху развития информационного общества, в контексте наблюдаемых дестабилизационных тенденций возникает относительно новое явление – информационная война. В экономическом смысле, информационная война – соперничество между идеями, смыслами, концепциями за аудиторию. Люди, организуя свою индивидуальную жизнедеятельность в определенной социальной системе, в той или иной мере зависимы от событий (триггеров). Зависимость от события (триггера) проявляется в реструктуризации основных показателей информационной войны – экономических показателей – спрос и предложение. При повышенном спросе людей, детерминируемом повышенной вероятностью изменения повседневного цикла жизнедеятельности, противоречивым режимом взаимодействия с коллективными ценностями аудитории, организация кумулятивного предложения в виде матрицы информационных сообщений, новостей, телеграм-постов, инстаграм-Shorts, тик-ток-роликов, удовлетворит информационные запросы потребителя, параллельно сформировав эмоциональное мировоззрение по типу «диады» – добро и зло – с определением соответствующих субъектов, декларирующих сформированные эмогенные протоценности «добра» и «зла». Модель формирования эмоген-

ных протоценностей в современной информационной войне выполняет две функции:

Оперативная – возможность экстренного реагирования на актуальную информационную повестку с удовлетворением информационных потребностей аудитории;

Детерминирующая – эмоционально обусловленное определение субъектов «добра» и «зла». Такое определение объясняется быстротой происходящих социальных изменений и нежеланием потребителей изучать суть происходящих событий.

Детерминирующая функция находит свое отражение в острых фазах социального противоречия (протесты, теракты, военное вмешательство, чрезвычайное происшествие любого уровня) и решает задачу оперативной поведенческой Blitz-регуляции масс с целью доведения гражданского конфликта до ситуации эскалации и пика.

Неупорядоченные потоки воспроизводства и распространения массовой информации, а также возрастающая популярность сетевых ресурсов формируют в своем содержании вызовы в адрес стабильности социума и угрозы для ее сохранения [1, с. 45].

Охват медиа-ресурсов – показатель, который рассчитывается на основе метрики просмотров материалов, составляющих контент-структуру данного медиа-ресурса.

Вовлеченность пользователей медиа-платформы «TikTok» анализируется по количественной и качественной оценке комментариев – возможности пользователя опубликовать свои впечатления, мысли, реакцию на видеоматериал.

Распространяемость – показатель, отражающий степень взаимных отправок целевого контента близким пользователю людям по критерию соответствия семантической структуры ролика и ценностного аппарата пользователей.

Эмоциональная реакция пользователей белорусского интернет-сегмента репрезентируется в следующей смысловой последовательности (одобрение, саркастическое одобрение, критика без предложения результатов, критика с предложением результатов, отрицательная эмоциональная реакция, отсутствие веры в сказанное).

Покупка / потребление национальных товаров (рис. 1) выступает значимым медиа-трендом для освещения, поскольку это расширяет и насыщает внутренний рынок сбыта; привлекает иностранных покупателей для постепенного погашения государственного долга посредством активной долларизации экономики. В профиль ОВР данного показателя входит следующая информация: **охват** категории – 5001-10000 просмотров; **вовлеченность** – < 10 комментариев; 241-400 комментариев; **рас-**

пространяемость – < 10 репостов; 91-150 репостов; 151-240 репостов. В профиль взаимодействия категории с разновидностями эмоционального реагирования пользователей (далее – ЭР-профиль) входят следующие виды ЭР: одобрение; саркастическое одобрение. Данное направление больше всех освещает медиа-ресурс «ctvby» (33 ролика из 100) (рис. 1).

Рис. 1. Частотное распределение категории «Покупка / потребление национальных товаров» по информационным ресурсам

Медиа-репрезентация технологической оснащенности (рис. 2) промышленного и научного блоков экономики Беларуси выступает важным инструментальным звеном по закреплению в сознании пользователей высокого уровня построенных и сохранившихся компетенций и их максимального вклада в показатели ВВП и возможности извлечения индивидуальной выгоды по каждой из компетенций. Профиль ОВР содержит следующую информацию, соответствующую наибольшим количественным позициям в матрице корреляций: **охват** категории – 5001-10000 просмотров; 10001-25000 просмотров; **вовлеченность** – < 10 комментариев; **распространяемость** – < 10 репостов. ЭР-профиль имеет вид: одобрение; критика с предложением результатов. Информация по данному профилю свидетельствует о запросе населения на сопричастность с процессом разработки и внедрения инновационных продуктов в экономику государства. Лидерами в медиа-освещении технологического потенциала государства являются «Беларусь сейчас» (34 ролика из 100) и «ctvby» (28 роликов из 100) (рис. 2).

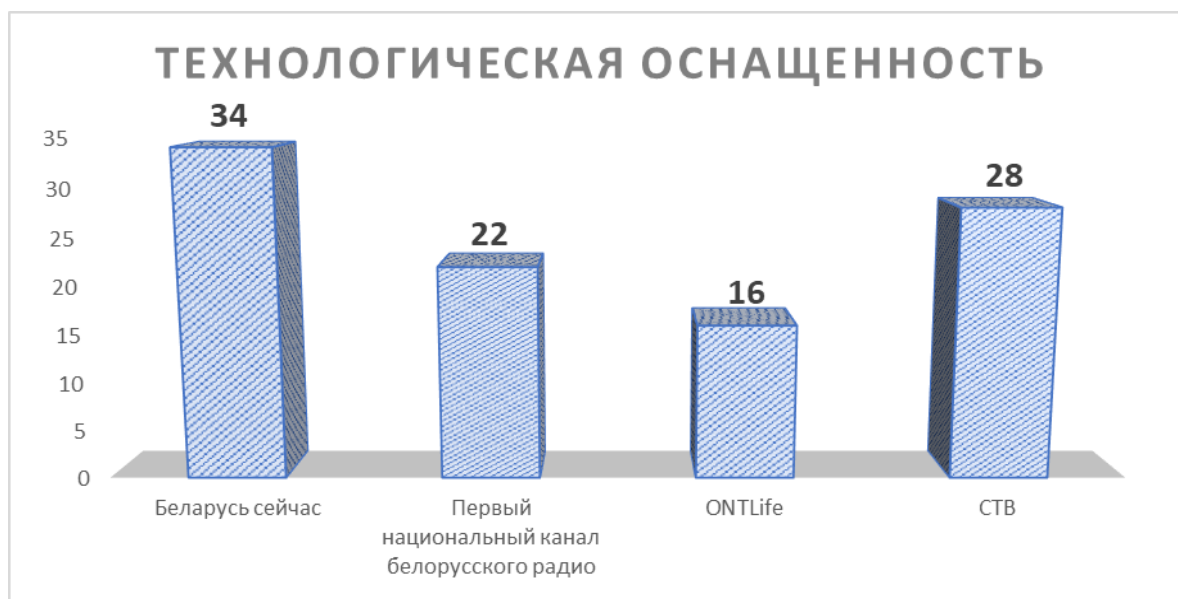

Рис. 2. Частотное распределение категории «Технологическая оснащённость» по информационным ресурсам

Популяризация деятельности государства по модернизации центров социальной сферы (обслуживание населения, многоквартирных жилых домов) имеет ключевое значение для удовлетворения информационных запросов населения, поскольку социальная сфера – сфера наибольшего приближения и соприкосновения интересов государства и общества, что отражается в программном лозунге действующего Президента Республики Беларусь «Государство для народа». **Профиль ОВР: охват** категории – 25001-50000 просмотров; **вовлеченность** – 241-400 комментариев; **распространяемость** – 91-150 репост. **ЭР-профиль:** одобрение; саркастическое одобрение; критика без предложения результатов; критика с предложением результатов. Лидером в информационном освещении является «ctvby» (33 ролика из 100). Если предположить, что публикация видеоматериалов с критерием «Развитие социальной инфраструктуры / сферы» стимулирует вовлеченность пользователей в обсуждение, то можно построить регрессионную модель по типу простой парной линейной регрессии. (Уравнение парной линейной регрессии: $Y = 2,43 + 0,86x$). Таким образом, увеличение контент-структуры государственного медиа-ресурса на 1 единицу, содержащую сведения о развитии социальной инфраструктуры / сферы, способствует увеличению количества комментариев на 0,86 комментариев, что в целом отражает эффективность указанного подхода по повышению уровня критического мышления пользователей белорусского интернет-сегмента (рис. 3).

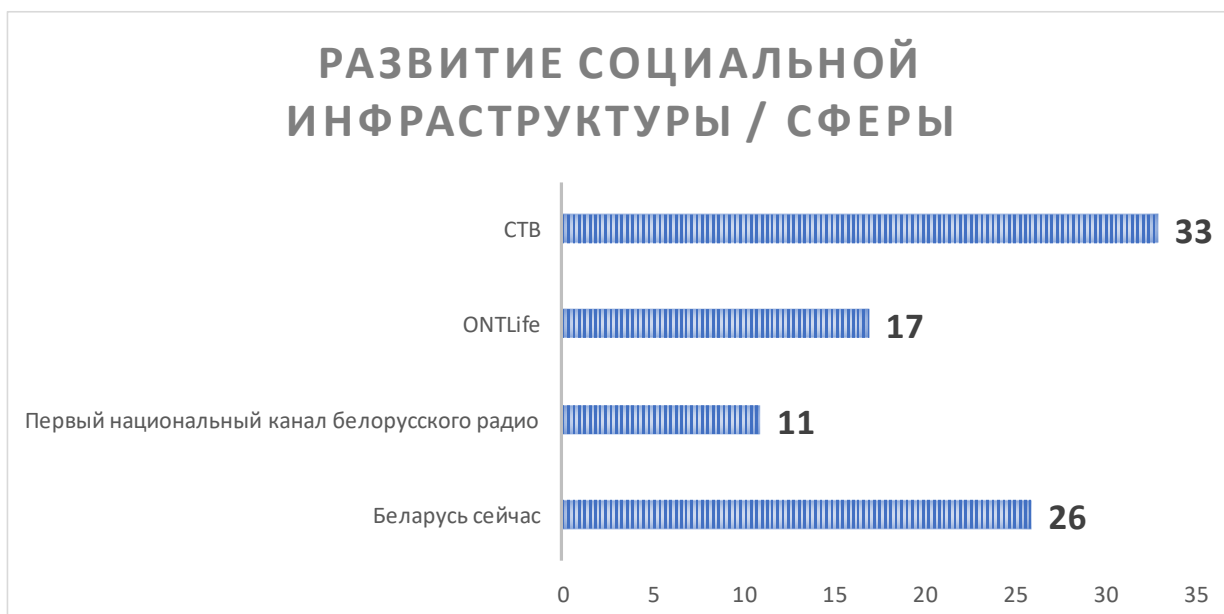

Рис. 4. Частотное распределение критерия «Развитие социальной инфраструктуры / сферы» по информационным ресурсам

Таким образом, значение государственных средств массовой информации несравнимо велико, особенно в условиях противостояния смыслов. Социологический мониторинг работы государственных СМИ выполняет несколько актуальных задач, необходимых для повышения качества их функционирования:

Определение уровня охвата, вовлеченности, распространяемости (ОВР) и факторов-условий, способствующих их повышению/понижению;

Воспроизведение логической структуры связей между категориями и показателями ОВР и разновидностями эмоционального реагирования посредством обращения к построенной матрице корреляций; построение профилей ОВР и эмоциональной реакции пользователей;

Построение парной линейной регрессии между значимыми категориями, в которых фиксируется прямая высокая корреляционная статистическая связь (моделирование причинно-следственных зависимостей).

Библиографические ссылки

1. *Посталовский, А. В.* Средства массовой информации и дестабилизация общества: аспекты взаимосвязи // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. №1. С.45-51.

ЭТОС НАУКИ Р. МЕРТОНА В КОНТЕКСТЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТА

С. С. Ковшикова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sisveta620@mail.ru
Научный руководитель – Л. Г. Титаренко, доктор социологических наук, профессор*

В статье рассматривается научно-исследовательская деятельность студентов (далее – НИДС) через призму этоса науки Р. Мертона. Представлена схема, описывающая НИДС как институт производства знания, функционирующий на основе нормативной регуляции научного сообщества и стремления студентов к профессиональному развитию. Проанализированы четыре императива этоса науки Р. Мертона (универсализм, коллективизм, бескорыстность, организованный скептицизм) в контексте студенческой научно-исследовательской деятельности. Рассматривается влияние данных императивов на формирование профессиональных качеств студентов, а также возможные дисфункции, возникающие при их нарушении.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность студентов; этос науки; императивы; профессиональное развитие.

Роберт Мертон предложил общую схему рассмотрения науки как социального института, через призму которой стало возможным изучение профессионального развития личности студента в ходе научно-исследовательской деятельности (далее – НИД).

Упрощенно можно представить предложенную Мертоном схему следующим образом:

–научно-исследовательская деятельность студентов выступает своеобразным институтом по производству достоверного знания;

–основной механизм, обеспечивающий функционирование научно-исследовательской деятельности в условиях стабильности и целостности всех её структур - это совокупность норм, принятых научным сообществом;

–основной силой, приводящей механизм в движение, является институционально подкрепляемое стремление каждого студента, задействованного в научно-исследовательской деятельности, к профессиональному развитию.

Как уже было сказано, в представлении основоположника «институциональной» социологии Мертона наука рассматривается в качестве социального института. Так, исследование научной деятельности основывается на представлении, что успешное функционирование НИД напрямую зависит от сложившейся в студенческом сообществе системы

ценностей и норм поведения. Они обеспечивают стабильное функционирование научно-исследовательской деятельности, позволяя студентам развивать свой научно-творческий и исследовательский потенциал в условиях стабильно функционирующей системы.

Одним из важнейших средств профессионального развития специалистов с высшим образованием, способных творчески применять в практической деятельности новейшие достижения научно-технического и культурного прогресса в современных условиях, является эффективно организованная научно-исследовательская деятельность. Однако эффективность НИДС напрямую зависит от нормативных регулятивов науки в учреждении образования. В 1942 году Мертон осуществил попытку выявить и методологически описать своеобразие науки среди других социальных институтов, что проявилось в идентификации ее норм через формулирование этоса науки [3]. Представление о нормативных регулятивах науки стало формироваться в рамках предложенных Мертоном четырех императивов: универсализм, коллективизм, бескорыстность, организованный скептицизм [1].

Рассмотрим более подробно содержание каждого императива сквозь призму научно-исследовательской деятельности студента:

1. Императив универсализма

Утверждения науки – это объективно существующие явления и взаимосвязи, поэтому они универсальны и справедливы везде, где имеются аналогичные условия. Истинность научных утверждений не связана с личностью ученого, высказывающего их. Ценность нового научного знания не зависит от классовой, расовой, национальной принадлежности или личных качеств ученого.

В ходе научно-исследовательской деятельности от студентов требуется руководствоваться в своих профессиональных действиях и оценках не личными симпатиями и предпочтениями, а всеобщими критериями доказательности, объективности, научной значимости. Так, критерии познания обезличены.

Осуществить попытку реализации своих профессиональных способностей в научно-исследовательской деятельности может любой студент – независимо от его пола, расы, национальной принадлежности и других социальных характеристик. Доступ в научно-исследовательскую сферу может быть основан исключительно на основании научной компетентности студента. Ограничение продвижения в науке на основании чего-то иного, кроме недостатка научной компетентности, – прямой ущерб развитию НИД в студенческой среде.

Однако Мертон признавал возможность проявления дисфункции. В глобальном научном сообществе одни ученые могут препятствовать

научно-исследовательской карьере других, опровергая теории оппонентов, заимствуя разработанные теории, снижая статус ученого путем открытой критики его работ, акцентируя внимание на происхождении автора и его социально-культурном окружении – все, что противоречит нормам универсализма.

2. Императив коллективизма

Дословно коллективизм (или «коммунизм» в оригинале Мертона) переводится как общее владение благами. Следовательно, прослеживается ориентация студентов в научно-исследовательской деятельности на солидарность, сплоченность, взаимное сотрудничество, открытость и совместный поиск истины. Данный императив обязывает студентов освещать результаты своего научно-исследовательского творчества в среде компетентных специалистов – на научных конференциях, семинарах, в научных кружках.

Так, результаты научно-исследовательской деятельности студента теряют свой личностный характер и становятся продуктом социального сотрудничества всех членов общества (как пример – размещение работ научно-исследовательского характера в сборниках). Студент утрачивает «Права собственности» на собственные разработки, а, следовательно, и привилегии по использованию полученных наработок в дальнейшей научно-исследовательской деятельности (запрет на повторное использование опубликованной статьи). Потребность студента как-то воспользоваться своей интеллектуальной «собственностью» удовлетворяется только через признание и уважение, которые он получает как автор разработки со стороны руководства учреждения образования, профессорско-преподавательского состава, членов семьи и друзей, что является латентной функцией научно-исследовательской деятельности.

Дисфункциональность научно-исследовательской деятельности в соответствии с императивом коллективизма проявляется в возможных нарушениях принятых норм – сокрытии научно-исследовательских выводов, секретности данных, ограничении доступа к полученной информации для других студентов-исследователей. Однако Мертон признавал, что капитализм и частная собственность могут вторгаться в принцип коллективизма, и тогда патентование и засекречивание научно-исследовательских открытий и изобретений будут мешать рациональным основам производства и распространения научных знаний.

3. Императив бескорыстности

Ученые стремятся к установке доминирования собственных теорий в научном сообществе, что порождает конкурентность среды. Нездоровая конкуренция может подталкивать исследователей к девиантному поведению, деструктивно влияющему на научно-исследовательскую дея-

тельность. Девиационные побуждения авторов регулируются с помощью требования осуществлять бескорыстную деятельность.

Научно-исследовательской деятельностью студента должен двигать познавательный и творческий интерес. Такие дисфункциональные мотивы, как социальное одобрение, материальное вознаграждение, искусственное повышение среднего балла, личная выгода должны быть вытеснены из научно-исследовательской деятельности, так как они нарушают внутренний контроль. По утверждению Мертона, НИД должна быть построена так, чтобы основным интересом студента выступало постижение истины.

4. Организованный скептицизм

Норма организованного скептицизма является директивным требованием по отношению к ученым. Поскольку часто работы ученых строятся на результатах предшествующих исследований, умышленное или неумышленное отступление от истины является преступным по отношению к развитию науки. Отсюда следует, что никакой вклад в знание не может быть допущен без тщательной, всесторонней проверки.

Нормы скептицизма в ходе научно-исследовательской деятельности диктуют студенту подвергать сомнению не только свои, но и чужие открытия. Важно также готовность студента-исследователя с критической точки зрения публично освещать работы других авторов, содержащие ошибочную информацию или нерепрезентативные данные. Императив организованного скептицизма создает для студента атмосферу ответственности, институционально подкрепляет профессиональную честность научного исследователя, предписываемую ему нормой бескорыстия.

Однако этот принцип служит источником дисфункциональной конфликтности между научно-исследовательской деятельностью и другими сферами, так как ученый может ставить под сомнение различные общепринятые научные представления и традиции. Беспристрастный анализ с точки зрения объективности может противоречить практике, установившейся в других социальных институтах.

Императивы мертоновского научного этоса в сообществе ученых трактовались как особые правила, организующие деятельность исследователя [2]. Так, через систему четко структурированных императивов научно-исследовательской деятельности удастся выпустить специалиста с высшим образованием, удовлетворяющего требованиям современного общества, способного аккумулировать свои профессиональные умения и навыки, направив их в эффективный рабочий процесс, принимать решения, которые определяют новые направления развития той или иной сферы деятельности.

Таким образом, комбинация императивов оптимально обеспечивает цель НИДС – прогресс научного знания, где принятые нормы являются средством, способствующим достижению этой цели. Нормы как средство выражаются в форме позволений, запрещений, предписаний, предпочтений, установленных в образовательной среде. Принципы универсализма, коллективизма, бескорыстности, организованного скептицизма распространяются в среде высшего учебного заведения через примеры успешных исследователей и наставления профессорско-преподавательского состава, подкрепляясь при этом санкциями. Исторически складывается этос науки, императивы которого являются образцом профессионально развитой личности студента.

Библиографические ссылки

1. *Мертон, Р. К.* Социология науки. Чикаго : Изд. Чикагского ун-та, 1973.
2. *Мертон, Р. К.* Институциональные императивы науки // Социология науки / Под ред. Б. Барнс. Л. 1972. С. 65–79.
3. *Лазар, М. Г.* Этос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении // Социология науки и технологий. 2010. №4. С. 124-136.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО – ПРИРОДА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Д. В. Колесникова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kolesyakolesnikova@mail.ru*

Научный руководитель – М. Г. Волнистая, кандидат социологических наук, доцент

В статье рассматриваются взаимосвязи системы «человек–общество–природа», детерминирующие баланс между потребностями человека, его социальной ответственностью и экологическими проблемами. Рассматриваются негативные последствия антропогенной деятельности человека, приводящие к загрязнению окружающей среды, истощению ресурсов и изменению климата. Особое внимание автор уделяет рассмотрению роли студенческой молодежи как социальной группы в реализации национальных программ устойчивого развития, направленных на экологическую оптимизацию.

Ключевые слова: человек–общество–природа; устойчивое развитие; социальная ответственность; экологическое сознание; экологический баланс; студенческая молодежь; информационное общество.

Взаимодействие в системе «человек-общество-природа» основано на сложных взаимосвязях, которые включают в себя множество отношений и социальных процессов между всеми тремя компонентами, какие присутствуют в данной системе. Сегодня человек в личностном измерении в своей деятельности сопряжен с понятием социальной ответственности перед обществом и окружающей средой. Индивидуальные стремления к самореализации и благополучию и удовлетворению своих потребностей должны быть сбалансированы с принципами социальной справедливости и экологически рациональным природопользованием. Именно эти проблемы стали во главу угла в рамках многих молодежных исследовательских проектов в XXI в., особенно с участием социальной группы студенческой молодежи.

Экономические потребности и их удовлетворение человеком, потребительское отношение к природе, разрушительная для экологической среды деятельность по потреблению природных ресурсов могут отрицательно влиять на окружающую среду. Например, потребность в энергии и ресурсах уже ведет к загрязнению и истощению природных запасов питьевой воды. С другой стороны, осознанное и рациональное отношение к природе может способствовать не только качеству жизни, но и сохранению экосистем и ресурсов на территории, где проживает человек.

Общество, как организованный интеллектуальный социум в XXI веке на основе современных информационных технологий и технологий производства способно создавать все условия для реализации потенциа-

ла практически каждого индивида, обеспечивая равные возможности, защищая его права. В тоже время от социума требуется реализация социальных действий по формированию эффективных социальных институтов, способных системно решать сложные социальные, экономические и экологические проблемы. Социологические и социально-философские концепты внесли в разработку подобных моделей социальных действий большой вклад. К ним можно отнести отдельные работы и социально-экологическую проблематику в них у таких известных ученых как Хорович, Смелзер, Липсет, Рейнуотер, Луман, Р.Парк, Л.Вирт. Сюда же можно отнести функционалистский вариант социальной экологии, где речь идет об «экологическом комплексе» в работах О. Дункана и Л. Шноре, концепцию социальной экологии А. Хоули. Из отечественных ученых по проблемам устойчивого развития и экологического баланса в системе «человек-общество-природа» по-прежнему актуальны концепции П.А.Водопьянова, А.И.Зеленкова и многих других. Экологические последствия деятельности человека и общества могут быть достаточно значительными, как считают ученые. Загрязнение воздуха и воды, разрушение экосистем и изменение климата могут привести к социальным конфликтам, миграции населения и экономическим кризисам. Например, засухи или наводнения могут вызвать нехватку продовольствия и воды, что приводит в свою очередь к социальным волнениям и миграции. Это требует от общества как организованного социума кардинального изменения своих стратегий взаимодействия с природой. Природа — включает национальную экосистему, ее биоресурсы, леса и земли, полезные ископаемые и недра. Именно она обеспечивает качественные условия для жизни и здоровья человека и общества. Она является основным источником пищи, воды, воздуха и других необходимых ресурсов. Однако экономическая деятельность человека и общества может привести к загрязнению, истощению ресурсов и приводит к изменению климата, а это в свою очередь, влияет на здоровье и благосостояние людей.

Признание ценности биоразнообразия и экологического равновесия является необходимым условием для сохранения планеты для будущих поколений. Взаимодействие человека с природой и окружающей средой должно основываться на принципах бережного отношения и рационального использования ресурсов. Человек модифицирует и эксплуатирует природные ресурсы в соответствии со своими потребностями, однако при этом остается в полной зависимости от окружающей среды, обеспечивая свое существование за счет ее ресурсов. Эта взаимосвязь подчеркивает важность создания эффективных социальных механизмов в интересах рационального взаимодействия с природой, поскольку чрезмерная эксплуатация может привести к истощению ресурсов и негативным последствиям для экосистемы. В мировой социальной теории большое количество концепций, например, концепт «экологических комплексов» и

многие другие разрабатывалось в XX веке именно в рамках социологического знания. Этот аспект представляет большой интерес для нашего поколения в XXI веке. Нам необходимо стремиться к гармоничному сосуществованию, которое учитывало бы как потребности человека, так и необходимость сохранения природного баланса.

Поиск этого баланса представляет собой сложную научную задачу, требующую междисциплинарного подхода в изучении системы взаимодействия человека, общества и природы, а также организации активного общественного диалога с участием молодого поколения.

Рассматривая проблемы социального взаимодействия на основе экологического императива в вышеперечисленных концептах, среди морально-психологических качеств, способствующих гармоничному развитию личности в обществе философы, политологи, социальные психологи и социологи личности обычно выделяют чувство личной и социальной ответственности, чувство долга. Среди внутренних ценностных установок – это любовь и уважение к Родине, уважение к истории своего народа, знание истории и истоков государственности своей страны, знание основных традиций и истории национальной культуры.

Молодежь Беларуси, особенно студенческая молодежь сегодня следует таким ценностным установкам. Образование и просвещение играют ключевую роль в формировании экологического сознания и гражданской ответственности личности молодого человека, а также в формировании эффективных социальных механизмов с участием молодежи (волонтерской деятельности, экологических информационных проектов и др.) для гармонизации взаимодействия природы и общества.

В Белорусском государственном университете уже функционируют и создаются уникальные молодежные проекты в интересах реализации целей и достижения задач устойчивого развития системы «природа-общество-человек». 12 апреля 2025 г. состоялся масштабный субботник с участием студенческой молодежи в стране, создано новое стройотрядовское движение студенческой молодежи. Большую работу в этом направлении проводит Студенческий совет нашего вуза. Студенческую молодежь Беларуси волнуют вопросы проблемы сохранения социально-экологического баланса и окружающей среды, вызовы и риски геополитической ситуации в мире, процессы инновационного развития страны, проблемы социальной поддержки пожилых людей, проблемы сохранения исторической памяти и проблемы консолидации белорусского общества. В своих волонтерских и социальных проектах студенческая молодежь активно ищет пути для адаптации к новым условиям и рискам. Молодые люди стремятся понять, как социальные изменения могут повлиять на их будущее и общественное развитие. Важно отметить, что студенты проявляют интерес не только к участию в общественных дискуссиях на различных площадках, но и активно участвуют в волонтер-

ских проектах и общественных движениях и инициативах, направленных в том числе и на достижение экологического баланса во взаимодействии природной средой. Белорусская молодежь не только осознает актуальные риски и вызовы, но и готова принимать самое активное участие в формировании своего будущего и общества в целом. Свою точку зрения студенты БГУ высказали в рамках молодежного студенческого форума по Целям устойчивого развития, на международной научно-методической конференции «Экологическое образование и устойчивое развитие. Состояние, цели проблемы и перспективы». На конференции обсуждались фундаментальные и прикладные вопросы практической реализации идеи эволюции человека и биосферы, выдвинутой в XX веке выдающимся российским ученым и общественным деятелем академиком Н.Н. Моисеевым. Ученый оставил нашему поколению свое научное наследие. Он считал, что XXI век должен стать веком гуманитарных знаний и самые трудные вопросы, с которыми современная цивилизация столкнется – это будут проблемы воспитания человека, способного следовать новым идеалам. Его подходы и взгляды сегодня активно восприняты в среде белорусского студенчества. Мы считаем, что развитие социальных технологий и инноваций, направленных на решение экологических проблем и повышение качества жизни – важное направление для реализации наших молодежных идей и инициатив, которые включает в себя разработку новых источников энергии, эффективных систем управления отходами и рациональных методов ведения сельского хозяйства.

К решению таких проблем в рамках различных государственных программ и проектов молодежь привлекается государством в интересах улучшения качества жизни в Беларуси. С 2006 года в нашей стране совместно с представительством Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Беларуси реализуется международная инициатива «Город, дружественный детям». Она объединяет органы управления, общественные и частные организации, учреждения образования, СМИ, а главное, детей, подростков и всех тех, кто хочет сделать жизнь в населенных пунктах и малых городах лучше.

Сбалансированное развитие системы «человек – общество – природа» представляет собой практическую задачу, требующую активного участия в экологических проектах в первую очередь молодежи и каждого социального индивида. От нашего выбора и действий сегодня зависит будущее нашей планеты и благополучие грядущих поколений. Прогресс в области целей устойчивого развития и преодоление различных форм социального неравенства и бедности на национальном, региональном и глобальном уровнях являются одним из важнейших направлений многосторонней дипломатии Республики Беларусь с момента обретения независимости в 1991 г. Опираясь на международный опыт Белорусской ССР как одного из основателей ООН, полученный в результате работы в

ее основных органах и прежде всего в Экономическом и социальном совете, а также в специальных учреждениях организации в настоящее время с участием белорусской молодежи реализуется всесторонний диалог с нашими международными партнерами. Такой диалог постоянно продолжается на уровне межуниверситетского научного сотрудничества.

Республика Беларусь в своей стратегии опирается на общесистемные принципы взаимодействия человека общества и природы. Это принципы были обоснованы в императиве академика Н.Н. Моисеева. Беларусь старается соблюдать все критерии, которые обеспечивают гармоничное взаимодействие экономики, социальной сферы и окружающей среды. Именно такая траектория четко формализована в рамках Национальной стратегии устойчивого развития (НСУР-2030). Социология как область научного знания играет важную роль в научном обеспечении стратегии НСУР-2030. Она представляет собой область теоретических и практических знаний, необходимых для реализации долгосрочных программ консолидированных социальных действий белорусского общества, его социальных институтов. Нужны программы, которые определяют цели, этапы и направления инновационного социально-экономического развития Республики Беларусь как молодого государства, для которого актуальны проекты и инновационный потенциал высокомотивированного и социально ответственного поколения студенческой молодежи XXI века.

Библиографические ссылки

1. *Моисеев, Н.Н.* Думая о будущем, или напоминание моим ученикам о необходимости единства действий, чтобы выжить // Заслон средневековью: сб. М.: Тайдекс Ко, 2003. 312 с.

2. *Лесниковская, Е. В.* Базовые условия формирования и практической реализации гражданского потенциала индивида // Вестник ИргТУ. 2011. №5 (52). С. 244–247.

3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [Электронный ресурс] // Республиканский совет ректоров учреждений высшего образования. Минск, 2017. URL: <https://ssrb.niks.by/info/program.pdf>. (Дата обращения: 10.04.2025).

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

С. Г. Михальский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sergei.grodno05@gmail.com
Научный руководитель – Л. Г. Титаренко, доктор социологических наук, профессор*

Данная работа посвящена анализу теории «Одномерного человека» Герберта Маркузе в контексте современного общества потребления. Рассматриваются механизмы социального контроля, посредством которых потребительские ценности проникают во все сферы жизни, формируя «Счастливое Сознание» и ограничивая автономию и критическое мышление индивида.

Ключевые слова: потребление; социальный контроль; автономия; критическое мышление; Г. Маркузе.

Теория социального обмена, разработанная американскими социологами Джорджем Хомансом и Питером Блау в середине XX века, остается одной из фундаментальных концепций, объясняющих механизмы социальных взаимодействий. Ее ключевая идея заключается в том, что люди вступают в отношения, руководствуясь рациональным расчетом выгод и издержек [1, с.7].

По мнению Дж. Хоманса, основоположника теории социального обмена, главными стимулами обмена являются личные интересы или потребности. Автор, опираясь на исследования предшественников, рассматривает отношения обмена как взаимозависимые. То есть, социальный обмен предполагает взаимодействия, порождающие обязательства. Но только при определенных условиях. Во главу угла Дж. Хоманс ставил ценности – как в прямом, так и в переносном смысле, делая акцент на ценностном обмене. Именно его он считал фундаментом социального поведения человека. Автором были сформулированы аксиомы теории обмена, легшие в основу всей теории [1, с. 7].

Одной из главных аксиом выступает аксиома ценности, утверждающая, что вероятность повторения какого-либо действия зависит от ценности результата, к которому стремится человек. Чем выше ценность, тем выше вероятность действия.

В условиях цифровой трансформации, глобализации и новых экономических моделей теория социального обмена приобретает особую значимость. Она помогает анализировать поведение пользователей социальных сетей, мотивацию участников шеринг-экономики, динамику трудовых отношений и даже политические процессы. Однако современные реалии требуют переосмысления некоторых ее постулатов с учетом новых форм коммуникации и культурных изменений.

Социальные сети, феномен нашего времени, сложная, интерактивная платформа, представляющая собой благодатную почву для изучения различных форм обмена, которые являются ключевым элементом теории социального обмена. Этот отчет предлагает расширенный анализ этих форм, фокусируясь на том, как теория социального обмена помогает объяснить поведение пользователей в этих онлайн-средах.

Современные цифровые платформы (Facebook, Instagram, TikTok) работают по принципам, описанным Хомансом и Блау:

Алгоритмы поощрения: Платформы используют принцип положительного подкрепления (чем больше вовлеченность, тем больше показов).

Асимметрия влияния: Блогеры и инфлюенсеры накапливают социальный капитал (Блау), монетизируя его через рекламу.

«Лайки», репосты, подписки – это валюта социального одобрения.

Социальные сети, изначально задуманные как платформы для коммуникации, эволюционировали в сложные экосистемы, где «лайки», репосты и подписки функционируют как своеобразные индикаторы социального капитала. Этот феномен, демонстрирует, как цифровое взаимодействие опосредует процессы социального одобрения и признания.

Количественная оценка популярности посредством «лайков» и репостов формирует у пользователей представление о собственной значимости и влиятельности в онлайн-сообществе. Исследования показывают, что стремление к получению социального одобрения в цифровой среде может приводить к формированию зависимости от социальных сетей и оказывать влияние на самооценку [2].

Подписки, в свою очередь, представляют собой форму выражения лояльности и интереса к контенту, генерируемому определенным пользователем или брендом. Увеличение числа подписчиков свидетельствует о росте аудитории и потенциальном влиянии, что, в свою очередь, может конвертироваться в коммерческую выгоду посредством рекламных контрактов и спонсорских интеграций.

Таким образом, «лайки», репосты и подписки, являясь цифровыми маркерами социального одобрения, играют значительную роль в формировании онлайн-идентичности, определении статуса и влиятельности пользователей в социальных сетях, а также в монетизации контента. Эти показатели не только служат индикаторами популярности, но и становятся ключевыми элементами социальной структуры, взаимодействий и динамики в цифровой среде.

Влияние этих цифровых индикаторов социального капитала простирается за пределы индивидуального уровня, оказывая воздействие на структуру социальных взаимодействий в онлайн-среде. Социальные сети, используя алгоритмы, ориентированные на максимизацию вовлеченности пользователей, усиливают эффект «социального доказательства».

Это означает, что контент, который уже получил значительное количество «лайков» и репостов, приобретает дополнительную привлекательность для новых пользователей, что в свою очередь делает его более заметным в лентах новостей и рекомендациях.

Эта динамика приводит к концентрации внимания и ресурсов вокруг контента, который уже пользуется популярностью, что может создавать «эффект победителя». Последствия этой тенденции становятся особенно ощутимыми на уровне видимости и доступности материалов: менее популярные, но потенциально ценные посты оказываются на заднем плане, теряя в шансах быть замеченными. Это в свою очередь будет приводить к формированию «информационных пузырей» и усилению поляризации мнений в онлайн-сообществах.

С точки зрения психологии, стремление к получению социального одобрения в социальных сетях может быть обусловлено потребностью в признании и самоподтверждения. Эта базовая человеческая потребность, наряду с желанием быть частью группы, зачастую побуждает пользователей изменять свое поведение и контент, адаптируя его к требованиям аудитории и алгоритмам социальных сетей. В результате, такой подход может не только влиять на содержание, которое пользователи создают и делятся, но и формировать культурные и социальные нормы в онлайн-сообществах. Пользователи, стремясь к увеличению числа «лайков» и подписчиков, могут находиться под давлением, требующим от них постоянной активности и креативности, что, в свою очередь, может оказывать влияние на их психическое здоровье и общее благополучие.

В заключение, «лайки», репосты и подписки, изначально предназначенные для упрощения коммуникации в интернет пространстве, превратились в сложные инструменты, определяющие социальный статус, влияние и экономические возможности в цифровой среде. Понимание механизмов, лежащих в основе этих цифровых индикаторов социального капитала, является важным для разработки стратегий, направленных на создание более сбалансированных и инклюзивных онлайн-сообществ.

Библиографические ссылки

1.Шульгина, Т. А. Современные подходы реализации теории социального обмена [Электронный ресурс] // Коллекция гуманитарных исследований 2022 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-podhody-realizatsii-teorii-sotsialnogo-obmena>;

2.Andreassen, C. S. Online Social Network Site Addiction: A Comprehensive Review. Curr Addict Rep 2, 175–184 (2015). URL: <https://doi.org/10.1007/s40429-015-0056-9>.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РИСКИ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

М. С. Повар

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,

220030, г. Минск, Беларусь, maria.povar06@gmail.com

Научный руководитель – М. Г. Волнистая, кандидат социологических наук, доцент

В статье рассматриваются информационные риски и вызовы сетевого общества, связанные с интенсивным влиянием информационных технологий и социальных сетей на общественное мнение в процессе коммуникации. Особое внимание уделено влиянию Интернета и социальных сетей на коммуникационные процессы, формирующие культурные смыслы и общественное мнение. Анализируются риски процессов манипулятивного воздействия через информационные технологии на массовое сознание социальных субъектов и на их социальное поведение.

Ключевые слова: сетевое общество; информационные риски; информационные технологии; социальные сети; манипуляция; общественное мнение.

Сетевое общество, несмотря на неоспоримые преимущества, создаваемые для коммуникации и социального взаимодействия в глобальном мире, сталкивается с рядом информационных рисков и вызовов, которые требуют особого внимания. Речь идет об использовании манипулятивных стратегий и технологий, информационных барьеров и цифровом неравенстве, которые представляют серьёзную угрозу для социальной стабильности. Более того, виртуальная среда сегодня оказывает непосредственное влияние на общественное мнение, что требует развития у социального субъекта навыков критического мышления и определенного уровня медиаграмотности. Решение этих проблем в сетевом обществе станет в ближайшее время важной задачей как для научных исследований, так и для социальной практики. Только в условиях осознанного подхода к процессам цифровизации, общество сможет эффективно использовать ресурсы сетевого пространства, его организационных преимуществ, минимизируя его информационные риски.

Сегодня интенсивное развитие информационных технологий кардинально изменяет социальные процессы, создавая уникальную цифровую среду – сетевое пространство, которое становится ключевым элементом повседневной жизни людей. Оно предоставляет молодежи и широкой аудитории новые возможности для общения, обмена идеями и формирования общественного мнения [1]. Вместе с тем распространение цифровых технологий и социальных сетей, их внедрение в реальную жизнь сопровождаются активным влиянием на массовое сознание. Распространение и внедрение новых культурных смыслов, подмена ценно-

стей с помощью применения манипулятивных стратегий, направленных на когнитивную составляющую человеческой личности – это новые информационные вызовы и риски сетевого общества. В картине мира молодых людей, проживающих свое основное социальное время в сетевом обществе иногда формируется искаженное восприятие реальных событий под влиянием различных ложных интерпретаций и фейков, создаваемых информационными технологиями, происходит конструирование альтернативной социальной реальности и опосредованно постепенно осуществляется управление индивидуальным и коллективным социальным поведением людей, прежде всего через социальный институт общественного мнения. Социальные сети как один из инструментов его формирования уже прочно вошли в современную жизнь, кардинально преобразовав способы коммуникации и взаимодействия между людьми. Интернет выступает как глобальная платформа, объединяющая пользователей со всего мира и предоставляющая широкие возможности для общения, получения образования, работы и обмена информацией через социальные сети [2]. Благодаря развитию цифровых технологий многие пространственные и временные барьеры исчезли, что способствовало ускорению процессов общения и обмена данными. Всё большую популярность приобретает виртуальная коммуникация. Одним из значимых направлений эволюции Интернета стало стремительное распространение цифровых платформ, известных как раз как социальные сети, которые предоставляют разнообразные формы взаимодействия для всех возрастных категорий – от молодёжи до старшего поколения [6].

Информационные технологии открывают новые горизонты для оперативного обмена данными и ведения общественного диалога, однако одновременно с этим они создают благоприятные условия и для применения манипулятивных стратегий в виртуальной коммуникации. Эти стратегии, по мнению специалистов в области виртуальных коммуникаций, направлены на управление общественным сознанием, что особенно актуализировалось в условиях информационных войн, когда значительная часть населения потребляет информацию часто из непроверенных цифровых источников без должной критической оценки [5]. Подобная ситуация облегчает распространение манипулятивных воздействий через социальные сети, что может оказывать существенное влияние на массовое сознание и общественные настроения, ведь сетевое пространство и функционирующее в нем сетевое общество как новая форма социальности сегодня выступает фундаментом социальной организации современного цифрового мира. Интернет стал доступен практически каждому человеку, предоставляя широкие возможности для обучения, профессиональной деятельности и проведения досуга. С развитием со-

циальных сетей и Интернета в целом были сформированы определённые правила и нормы, которых пользователи придерживаются в повседневной практике. Это пространство прошло путь эволюции, становясь уникальной платформой для коммуникации и разнообразной активности. Помимо этого, Интернет превратился из простого инструмента передачи данных в мощный глобальный механизм, объединяющий миллиарды людей по всему миру. Он способствует созданию новых форм бизнеса, делает образовательные ресурсы более доступными, а культурное и творческое наследие приобретает глобальный масштаб. Таким образом, Интернет и его продукт - сетевое общество являются неотъемлемым элементом нашей повседневной жизни, продолжая трансформировать социальные отношения и укреплять технологическую взаимосвязанность социальных индивидов [7]. Социальные сети стали важным элементом современной жизни и являются инструментом, который кардинально изменил способы социального взаимодействия между людьми. Интернет стал глобальной платформой, которая объединяет пользователей по всему миру, предоставляя им возможность для общения, обучения, работы и обмена информацией [2]. Благодаря цифровым технологиям исчезли многие пространственные и временные барьеры, что привело к ускорению процесса коммуникации. Социальные сети стали не только платформой для общения, но и местом реализации социальных, образовательных и профессиональных задач [6]. Сетевое общество активно способствует появлению инновационных форм социальной активности и коллективного творчества, объединяя людей вне зависимости от их местоположения и социального положения. С одной стороны, сетевое пространство и сетевое общество отличается высокая скорость изменений и взаимодействий, что обеспечивает гибкость адаптации к новому и непрерывное обновление данных. Общественное мнение в сетевом обществе представляет собой особую форму коллективного сознания, отражающую как явное, так и скрытое отношение социальных групп, участвующих в социальных сетях к событиям и процессам, оказывающим прямое или косвенное влияние на их интересы и потребности [4]. В реальной и виртуальной жизни общественное мнение охватывает широкий спектр аспектов общественной жизни, таких как экономика, политика, мораль, культура, наука, образование, религия и право, формируя между ними тесные взаимосвязи. Например, политические убеждения могут влиять на правовые суждения, а моральные нормы часто выступают в качестве ориентира для социального поведения и социальных действий. Общественное мнение, являясь формой коллективного сознания, также подвергается значительным изменениям под влиянием информационных технологий и социальных сетей. Оно отражает интересы, потребности и

настроения общества с различных сторон [3]. Поскольку оно формируется внутри групп людей с разнообразными интересами, общественное мнение в социальных сетях также охватывает множество сфер жизнедеятельности, включая такие области, как образование и политика. Интернет-сообщества облегчают процесс информационного воздействия благодаря уже существующим социальным связям между пользователями, которые следуют установленным нормам и правилам. Современные тенденции показывают, что малые социальные группы всё чаще создают чаты в мессенджерах, например, так называемые «дворовые чаты» или тематические чаты. Такие виртуальные пространства формируют мнение группы, которое подкрепляется нормами и правилами коммуникации в социальной группе. Следует также подчеркнуть, что сегодня мессенджеры как средства массовой информации оказывают значительное влияние на формирование и распространение общественного мнения и, например, элементов массовой культуры и субкультуры в её различных аспектах. Мессенджеры играют важную роль в развитии общественного сознания в виртуальной среде сетевого общества, определяя восприятие и интерпретацию разных событий как на уровне отдельных социальных групп, так и целевых крупных сетевых сообществ, иногда даже на уровне стран в глобальном масштабе. Формируется уникальная цифровая среда, известная как сетевое пространство, которая становится неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека как социального субъекта. Такая среда предоставляет как молодёжи, так и взрослому населению новые возможности для коммуникации и общения, обмена идеями и формирования общественного мнения [1]. Однако стремительная цифровизация несёт с собой не только преимущества, но и значительные информационные риски и вызовы. Например, внедрение манипулятивных технологий в сетевое пространство, которые искажают у социального субъекта в виртуальной среде восприятие реальности, меняют смысл и понимание событий и даже создают альтернативные социальные конструкции.

Таким образом, интернет-среда и сетевое общество хотя и открывают перед человечеством беспрецедентные горизонты для оперативного обмена информацией и общественного диалога, одновременно они становятся благоприятной почвой для распространения манипулятивных стратегий в сетевой коммуникации со стороны различных заинтересованных субъектов социального действия. Эти стратегии в условиях информационных войн направлены на подмену культурных смыслов, искажение исторической памяти и управление общественным сознанием, что особенно актуально в ситуации информационных войн, когда значительная часть населения может потреблять информацию без должной

критической оценки. Отсутствие навыков критического мышления и аналитических навыков облегчает внедрение манипулятивных воздействий, что может существенно повлиять на массовое сознание, общественное мнение и общественные настроения.

Библиографические ссылки

1. Информационное общество в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат). Минск : Белстат, 2023. 65 с.

2. Баньковская, Ю. Л. Интернет как сетевое коммуникативное пространство современного общества. Минск : Республиканский институт высшей школы. 2020. С. 249–254.

3. Войтович, Н. В. Общественное мнение в трансформирующемся обществе. Минск : БГУ, 2007. С. 135–139.

4. Григорьев, Н. Ю., Блошко, В. В. Основы социологии общественного мнения : учебник / под ред. Красновой Н. А. Электрон. изд. Электрон. текстовые данные. 2024.

5. Ильин, М. В. Система виртуального сетевого PR в технологии управления политическим конфликтом // Иппокрена. 2012. № 2. С. 46–53.

6. Куляй, Е. С. Коммуникация в социальных сетях как предмет социологического изучения / науч. рук. Кучко Елена Евгеньевна, проф., д-р социол. наук. Минск : Белорусский государственный университет. 2023. С. 96–99..

7. Шепель, А. С. Коммуникативная специфика интернет-пространства // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 1308–1310.

ПЛАНИРОВАНИЕ КАРЬЕРЫ КАК ФАКТОР ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНТОВ

Чэнь Сыци

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, schen1657@gmail.com*

Научный руководитель – Е. Е Кучко, доктор социологических наук, профессор

Занятость представляет собой основу общественного благополучия, студенты при этом выступают основным резервом трудовых ресурсов. Планирование карьеры приобретает ключевое значение как инструмент содействия высококачественной занятости. Оно способствует развитию самопознания студентов, обеспечивает системность и точность профессионального самоопределения, а также укрепляет их совокупную профессиональную компетентность. Всё это придаёт данному процессу важное теоретическое и практическое значение.

Ключевые слова: планирование карьеры; студенты; занятость.

Занятость является основой общественного благополучия, социальной стабильности и устойчивого экономического развития. Она затрагивает как интересы личности, так и ключевые государственные процессы. В условиях глобализации и технологических преобразований структура занятости становится всё более сложной и нестабильной, а традиционные модели трудоустройства теряют свою актуальность. В этом контексте особую значимость приобретает вопрос трудоустройства студентов как важного сегмента будущих трудовых ресурсов. Планирование карьеры приобретает всё большую значимость как эффективный инструмент развития профессионального потенциала студентов и повышения качества их занятости. Научно обоснованный подход к планированию карьеры способствует углублённому самопознанию, формированию реалистичных профессиональных целей, а также развитию конкурентоспособности и адаптивности в условиях динамичного рынка труда. Анализ планирования карьеры как механизма обеспечения высококачественной занятости студентов обладает существенной теоретической и практической значимостью.

Понятие профессиональной ориентации оформилось как самостоятельная категория в начале XX века в США. Его основоположником считается Ф. Парсонс, который в 1908 году основал в Бостоне «Бюро по выбору профессий», впервые применив научный подход к трудоустройству молодёжи [4].

В 1960-х годах Джон Холланд предложил теорию типов личности, подчеркивая важность соответствия личностных характеристик и про-

фессиональной среды. Он считал, что выбор профессии отражает интересы, ценности и особенности личности в профессиональной сфере [1, с. 63].

Теории Дональда Супера, профессиональная карьера имеет чёткое стадийное развитие и включает пять основных этапов: рост, исследование, становление, поддержание и спад. Каждый из этих этапов характеризуется своими приоритетами и задачами, а их последовательное прохождение позволяет сформировать чёткий и адекватный индивидуальный особенностям план профессионального развития.

Занятость представляет собой не только основу благосостояния населения, но и ключевое условие устойчивого социально-экономического развития государства. Она способствует эффективному распределению трудовых ресурсов, укрепляет связь между экономическим ростом и социальной стабильностью. С точки зрения социальной структуры, занятость выступает институционализированной формой взаимодействия между индивидом и обществом, обеспечивая легальные каналы получения дохода, социальной мобильности и участия в общественной жизни. В экономическом аспекте занятость – это организованная форма труда, возникающая в процессе соединения рабочей силы с другими факторами производства. В социологическом контексте она выполняет функции социализации, формирования социальных ролей и укрепления личностной и групповой идентичности.

С 1970-х годов исследователи постепенно рассматривают занятость как одну из центральных тем в социальных науках. Они подчёркивают, что она представляет собой не только средство к существованию, но и важнейший механизм достижения индивидуального благополучия и социальной интеграции. Исследования этого периода способствовали углублению содержания и расширению понятия «качественная занятость».

В 1990-х годах, на фоне активизации исследований в области занятости со стороны таких организаций, как Международная организация труда, чилийский учёный Хуан Сомавия в своих трудах ввёл концепцию «достойного труда» (Decent Work), которая уточнила ключевые измерения качественной занятости. В их числе – достоинство, равенство, справедливое вознаграждение, недискриминационное отношение и социальная защита. Введение этой концепции не только расширило теоретические границы понятия качества занятости, но и обеспечило важную теоретическую основу для формирования прикладной политики в данной сфере [2, с. 5].

В то же время американский исследователь Шлодер подчёркивает, что качественная занятость не должна ограничиваться лишь комфорт-

ными условиями труда или стабильным доходом. Она также включает такие аспекты, как справедливость вознаграждения, соответствие содержания работы профессиональным навыкам работника, разнообразие возможностей для профессионального развития и наличие определённых профессиональных вызовов. Учёный особо отмечает, что эффективное соответствие между рабочим местом и способностями работника является важнейшим условием как для личностного профессионального роста, так и для повышения общей социальной эффективности [3, с. 68].

Планирование карьеры играет многомерную ключевую роль в содействии достижению высококачественной занятости среди студентов вузов. Его основные функции проявляются в следующем: в повышении уровня самопознания студентов, в обеспечении системности и точности профессионального самоопределения, а также во всестороннем развитии их интегральной способности к трудоустройству.

Кроме того, планирование карьеры повышает способность студентов к самопознанию. Основной функцией планирования карьеры является помощь студентам в формировании системного самопознания, включающего осознание собственных интересов, ценностей, структуры способностей и профессиональных склонностей, что позволяет обеспечить научную основу для принятия карьерных решений. Планирование карьеры с использованием профессиональных диагностических инструментов и структурированных методик направлено на стимулирование самоисследования и рефлексии у студентов. Такой подход, основанный на данных и рациональном анализе, существенно превосходит традиционные методы, основанные на жизненном опыте или сравнении с окружающими, и способствует преодолению когнитивных искажений, формированию более четкой и внутренне согласованной профессиональной идентичности.

Эффективное планирование карьеры не ограничивается лишь построением представлений о будущей профессиональной траектории, но акцентирует внимание на упреждающем выявлении необходимых знаний, навыков и социальных ресурсов. Постановка чётких карьерных целей и поэтапных планов развития существенно повышает степень готовности студентов к профессиональной деятельности, а также укрепляет их уверенность в собственных перспективах.

Планирование карьеры обеспечивает системность и точность профессиональной ориентации. В условиях сложной и изменчивой среды занятости студенты часто сталкиваются с такими проблемами, как неясность восприятия, недостаток информации и разрыв между ожиданиями и реальностью. Планирование карьеры, как структурированная и научно обоснованная форма направляющего механизма, может эффек-

тивно повысить системность и точность профессионального самоопределения студентов. С одной стороны, оно побуждает студентов заранее размышлять о возможных вызовах и изменениях, с которыми они могут столкнуться в процессе карьерного развития, увеличивая гибкость и адаптивность их профессионального роста. С другой стороны, планирование карьеры с помощью системных инструментов сбора и анализа информации предоставляет студентам четкие ориентиры для карьерных путей, помогая им реализовать переход от «чего я хочу» к «что я могу делать». Планирование карьеры направляет студентов на целенаправленное самоопределение, учитывая индивидуальные особенности и социальную структуру окружающей среды, что способствует более точному профессиональному ориентированию. Это не только усиливает последовательность и глубину профессионального поиска студентов, но и помогает им принимать более перспективные и научно обоснованные профессиональные решения в условиях неопределенности, создавая прочную основу для достижения высокого качества трудоустройства.

Планирование карьеры способствует развитию комплексной трудовой компетенции. На фоне продолжающихся социальных преобразований и технологических инноваций, чтобы достичь стабильного трудоустройства и устойчивого развития в сложной и многогранной профессиональной среде, студентам необходимо постоянно развивать свою комплексную трудовую компетентность.

Планирование карьеры подчеркивает важность формирования концепции непрерывного обучения, побуждая студентов развивать осознание необходимости постоянного развития. С учетом сокращения циклов обновления знаний и динамичных изменений требований к профессиональным навыкам, непрерывное обучение стало ключевым фактором для достижения карьерного успеха. Через планирование карьеры студенты могут выявить области, которые требуют постоянного совершенствования в их будущем развитии, такие как технические навыки, коммуникативные способности, организационные навыки и лидерство. Эта предвидящая инвестиция в развитие личных качеств не только помогает повысить конкурентоспособность студентов на рынке труда, но и способствует увеличению их удовлетворенности карьерой и поддержанию мотивации для дальнейшего роста.

Планирование карьеры направляет студентов на всестороннее развитие в таких областях, как знания, навыки и психология. Это улучшение комплексных качеств является не только основой для достижения индивидуальных карьерных целей, но и соответствует современным требованиям общества к «многофункциональным» и «адаптивным» специалистам. Через системное планирование карьеры студенты могут по-

строить способность адаптироваться к различным профессиональным ситуациям, обеспечивая тем самым прочную основу для будущей стабильности их карьеры и потенциала для дальнейшего развития.

Таким образом, занятость выступает не только основой индивидуального благополучия, но и важнейшим условием обеспечения социальной стабильности и устойчивого развития государства. Для студентов достижение качественной занятости представляет собой ключевой этап профессионального становления, позволяющий трансформировать личные ценности и жизненные ориентиры в реальные социальные и трудовые результаты. Университетский этап служит критическим периодом перехода от статуса обучающегося к профессиональной роли, в рамках которого осуществляется углубление самопознания, формируются основы профессиональной идентичности и развиваются социально-адаптивные компетенции. Планирование карьеры в этом контексте становится эффективным инструментом согласования индивидуальных профессиональных устремлений с общественными потребностями, способствуя реализации личностного потенциала студентов и формированию кадрового ресурса для социально-экономического развития страны.

Библиографические ссылки

1. Казданян, С Ш, Арутюнян Т А. К вопросу о роли высших и средних профессиональных учебных заведений в процессе развития личности студента // Лучшая научная статья. 2016. С. 57-65.
2. Сомавия, Хуан Причина глобального кризиса занятости-экономический рост, не ориентированный на создание рабочих мест// Человек и труд. 2007. С. 4-8.
3. Чжан, Цзявэй Краткое обсуждение влияния планирования карьеры на качественную занятость // Занятость и безопасность. 2021. № 5. С. 67-68.
4. Parsons, F. Choosing a vocation // Boston and New York: Publishing Houghton Mifflin Company. 1909. 182 p.

ТЕОРИЯ СТРУКТУРАЦИИ ЭНТОНИ ГИДДЕНСА В РАМКАХ МЕТАВСЕЛЕННЫХ

С. И. Юрченко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, yurchenko.stepan.sociologist@gmail.com
Научный руководитель – Л. Г. Титаренко, доктор социологических наук, профессор*

В статье анализируется теория структуризации Энтони Гидденса в контексте метавселенных. Основное внимание уделяется дуальности структуры, рефлексивной идентичности и онтологической безопасности в виртуальных пространствах. Рассматривается, как пользователи, взаимодействуя с цифровыми структурами, одновременно воспроизводят и трансформируют социальные практики.

Ключевые слова: структуризация; самоидентичность; метавселенная; виртуальная реальность.

Энтони Гидденс разработал теорию структуризации как попытку преодолеть классическую дихотомию структуры и действия. В современную эпоху стремительного развития виртуальных технологий теория структуризации приобретает новое поле для интерпретации, предлагая методологическую основу для анализа процессов конструирования и существования цифровой среды в VR-средах. Эта теория позволяет осмыслить метавселенные как принципиально новые социальные пространства, где пользователи, взаимодействуя с технологическими структурами платформ, одновременно воспроизводят и трансформируют социальные практики.

Началом массового распространения технологии метавселенных можно считать 2021 год, когда Марк Цукерберг, основатель Facebook (позже переименованного в Meta), публично анонсировал создание масштабного виртуального пространства – метавселенной. Этот проект позиционировался как принципиально новый этап развития цифровых коммуникаций, выходящий далеко за рамки традиционных социальных сетей. В отличие от платформ, где взаимодействие ограничено текстом, изображениями и видео, метавселенная предлагала иммерсивную среду, основанную на 3D-моделировании и VR-технологиях (виртуальной реальности) [1, с. 20].

Ключевой особенностью этой концепции стало создание цифрового аватара – виртуального двойника пользователя, который не просто отражает его внешность, но и воспроизводит ключевые социальные идентификаторы: стиль поведения, предпочтения, манеру общения и даже эмоции. В отличие от статичных профилей в соцсетях, аватар в метавселен-

ной может динамически изменяться в зависимости от действий пользователя, что делает взаимодействие более персонализированным и естественным.

Ключевая концепция Э. Гидденса – дуальность структуры. Согласно ей, структурные качества систем выступают как средством, так и результатом практик агентов [2, с. 335]. Данная теория находит свое отражение в виртуальных мирах. С одной стороны, такие платформы для построения метавселенных как Horizon Worlds или VRChat имеют технические и нормативные рамки, которые ограничивают возможные практики. К ним можно отнести:

- упрощенную анимацию движений (например, отсутствие полного контроля над мимикой аватаров);
- ограниченный набор аватаров и предметов, создаваемых самими разработчиками;
- особенности физики виртуального пространства (например, гравитация, коллизии), которые могут отличаться от реальных;
- системы модерации и цензуры, запрещающие определенные типы контента, правила поведения, устанавливаемые администрацией платформы.

С другой стороны, пользователи демонстрируют свою способность к творческой интерпретации этих структур, то есть они выступают агентами и создают новые формы практики. Ярким примером служит спонтанное возникновение в VRChat сложных систем невербальной коммуникации, когда пользователи разрабатывают целые языки жестов, выходящие за рамки предусмотренных платформой возможностей.

Можно сделать вывод, что виртуальные миры становятся наглядной иллюстрацией теории Э. Гидденса: технические и социальные структуры платформ служат одновременно и условием, и продуктом практик пользователей. Агенты не только подчиняются правилам системы, но и перестраивают их, создавая новые практики, которые разработчики изначально не предусматривали. Это подтверждает, что дуальность структуры – универсальный механизм, действующий как в реальном, так и в цифровом мире.

Особую актуальность в контексте метавселенных приобретает самоидентичность как рефлексивный проект индивида. В рамках теории Э. Гидденса стоит уделить особое внимание проблемам телесности. Энтони Гидденс выделяет несколько аспектов телесности, имеющих особое значение для «Я» и идентичности личности. Внешний вид тела включает в себя все внешние черты, в том числе и одежду, и украшения, которые для данной личности и других индивидов заметны и, как правило, служат указанием для интерпретации ее поведения [3, с. 85]. Вир-

туальная реальность предоставляет огромные возможности для экспериментов с телесностью, так как предлагает разнообразный инструментарий для изменения внешнего вида собственного аватара, начиная от выбора одежды, украшений, прически, цвета глаз, пропорций тела, заканчивая изменением голоса или даже пола. Этот феномен можно рассматривать как гипертрофированное проявление свойственной некоторым современным обществам тенденции к постоянному пересмотру и конструированию идентичности.

Э. Гидденс связывает стабильное чувство собственной идентичности индивида с наличием чувства онтологической безопасности. Его основу составляет автономность человеческой деятельности в рамках предсказуемой рутины социальных действий и взаимодействий [3, с. 85]. Парадоксальным образом в метавселенных сталкиваются две противоположные тенденции. С одной стороны, пользователи сталкиваются с угрозами онтологической безопасности - техническими сбоями, анонимностью, рисками троллинга. С другой - многие находят в виртуальных мирах новые формы стабильности и защищенности, создавая закрытые сообщества по интересам или вырабатывая устойчивые практики цифрового взаимодействия. Этот дуализм еще раз иллюстрирует тезис о том, что структуры одновременно и ограничивают, и делают возможными социальные практики.

Экономические аспекты, а именно покупка виртуальных аватаров и других визуальных дополнений в метавселенной, также демонстрируют механизмы структуризации в действии, так как они связаны с определением структуры. Э. Гидденс под структурой понимал правила и ресурсы или набор отношений трансформации, организованных как свойство социальных систем [2, с. 334]. В данном случае мы наблюдаем как наличие материальных ресурсов напрямую влияет на самоидентичность индивида в контексте телесности в виртуальных пространствах. Этот феномен также можно рассматривать как материализацию рефлексивного проекта самости через механизмы цифровой экономики, когда конструирование идентичности становится не только психологическим, но и экономическим процессом.

Таким образом, теория структуризации Энтони Гидденса предлагает мощный аналитический инструментарий для осмысления метавселенных как сложных социальных систем. Она показывает, что цифровые среды не просто копируют реальные социальные структуры, но формируют гибридные пространства, где агентность пользователей и системные ограничения находятся в постоянном взаимодействии. Виртуальные миры становятся уникальным социальным пространством для изучения трансформации идентичности в условиях цифровой эпохи, демонстри-

руя как новые возможности для самореализации, так и принципиально новые вызовы для поддержания онтологической безопасности.

Библиографические ссылки

1. Метавселенная: перспективы создания и социальные последствия / А. С. Ваторопин [и др.] // Теория и практика общественного развития. 2022. № 4. С. 19–25.
2. Гидденс, Э. Элементы теории структуризации // Современная западная социология: хрестоматия: учеб. пособие / авт.-сост. Г.Н. Соколова, Л.Г. Титарнеко. – Минск : Тесей, 2008. С. 328-337.
3. Ковалева, А. И., Перинская, Н. А. Самоидентичность в социологии Э. Гидденса как рефлексивный проект индивида в категориях биографии // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 1. С. 80–91.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПИТАНИЕ

А. В. Яшина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, iagelya1308@gmail.com
Научный руководитель – А. Н. Данилов, доктор социологических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси*

В статье рассматривается вопрос о взаимосвязях между воспитанием и социальными стереотипами. Рассматривается историческая типология подобных взаимодействий. Определяются характеристики современного влияния стереотипов на воспитание.

Ключевые слова: воспитание; взросление; дети; стереотипы.

Воспитание – один из наиболее важных процессов, который происходит в обществе. Этот тезис легко подкрепить – следует указать на то, что воспитание это один из основных способов воспроизводства общества, кроме того, один из путей сохранения культуры и ценностей общества. Кроме того, следует отметить что интерес к исследованию процессов взросления и течения жизни особенно возрос в последние два десятилетия, что связано со значительными изменениями в биографиях и жизненных планах молодых людей. Кроме того, следует упомянуть происходящие в современном обществе трансформации в сфере воспитания, которые затрагивают все социальные группы, и весьма отчетливо эти изменения прослеживаются в системе взглядов на роли и формы поведения для различных людей.

Однако, помимо утверждения важности данного процесса, следует также ввести определение того, что из себя представляют используемые нами понятия. Так, можно дать им некоторое рабочее, применяемое в данной работе, определение. Воспитание – это сложный процесс, который направлен на формирование личности и ценностных ориентаций человека. Стереотип же мы определим как некоторый способ интерпретации и отношение к некоторым объектам, основанное не на личном опыте человека, но на воспринятых в некотором обществе установок.

Определившись с тем, что из себя представляют данные понятия, следует также выявить и связь между ними. И так, воспитание – процесс, связанный с усвоением человеком некоторых ценностей, установок. И данный процесс неотделим от остальной жизни общества. Так, процесс воспитания напрямую связан с стереотипами. Почему мы можем это утверждать? Поскольку воспитание – это процесс, который

осуществляется родителями, то есть некоторыми представителями общества, неминуемо обладающими различными социальными стереотипами. И само воспитание часто заключается в усвоении детьми норм, распространенных в обществе.

Примером этих норм может выступить, например, представление о мужском и женском. Стоит отметить, что именно в воспитании и закладываются базовые представления о данных понятиях. Закладывается некоторый идеал мужского или женского, а также, неминуемо, и требования в совокупности с обязанностями.

Так, следует отметить высокую роль конкретно данных стереотипов и их степень исследованности. Можно привести цитату из исследования, подтверждающую данную мысль. «Понятие «гендерные стереотипы» подразумевают, во-первых, качества и характеристики, с помощью которых обычно описываются мужчины и женщины. Во-вторых, в гендерных стереотипах содержатся нормативные образцы поведения, традиционно приписываемые лицам мужского или женского пола. В-третьих, в гендерных стереотипах отражены обобщенные мнения, суждения, представления людей о том, чем же отличаются друг от друга мужчины и женщины. И, наконец, в-четвертых, гендерные стереотипы зависят от культурного контекста и той среды, в которой они находят свое применение» [1, с. 163].

Кроме того, следует указать на тот факт, что стереотипы – динамичны. И, как научное понятие, не являются оценочными, но лишь дескриптивными, то есть – описывающими некоторую действительность. На примере стереотипов о мужском и женском можно привести то, как стереотипы подвластны исторической динамике. Так, исследователи выделяют различные способы и виды подобного влияния стереотипов на процессы воспитания. Так, можно выделить Патриархальную модель родительства. Роли полов представителей родительства конструируются довольно нормативно и регламентированно, за их исполнением тщательно следят. Данную проблему рассматривает с социологической точки зрения, в качестве одного из признаков патриархата выделяет домашнее хозяйство, отмечая, что женщины чаще выполняют домашнюю работу и отвечают за воспитание детей. Именно существующие патриархальные стереотипы являются одним из основных препятствий гендерного равенства в сфере родительства, оказывают стрессовое влияние на мужчин, ограничивая их участие в воспитании детей и заботе о них. В рамках эссенциалистского направления в различных исследованиях выделяются различия между мужчинами и женщинами: женщины более склонны к заботе, а мужчины лучшие добытчики. Представители данного направления поддерживают традиционное воспитание и взглядов о

том, что мужчина должен зарабатывать больше женщины, и в связи с этим меньше уделяют внимание заботе о детях. Это утверждение о распределении половых ролей базируется на «естественно предписанной» модели. Патриархат занимает шаткую позицию в современной семье: несмотря на то, что роль мужчины как кормильца вуалирует рамки мужских и женских ролей, эти рамки весьма часто «пересматриваются и преоформляются в повседневных взаимодействиях»

Так называемая «Двуполая» модель родительства. В XVII-XVIII веках возникает так называемая «двуполая» модель, которая определяется экономической и политической трансформацией, касающейся того, что женщины получили возможность работать наравне с мужчинами и соперничать с ними на рынке труд. В современном обществе размываются разграничения гендерных ролей в семье, поэтому не удивительно, что мужчины все чаще берут на себя заботу о детях частично или полностью, а женщины выступают в роли кормильца семьи. Забота – эмоциональная или физическая поддержка, направленная на благополучие ребенка, часто ассоциируется с «женским», «материнским» типом поведения, хотя фактически встречается у людей любого пола. Создается социальный конструкт идеального отцовства, когда мужчина принимает непосредственное участие в домашних делах, заботе и воспитании детей. Различные исследователи по-разному характеризуют данную эпоху, некоторые, например, утверждают, что гендер не диктовал особый вид поведения и монополизировать такую черту как родительскую заботу, и конкретные стереотипы зависят от многих экономических и социальных ситуаций, то есть поведение мужчины не должно жестко «предписывать» особые поведенческие профили или predispositions относительно роли отца как «воспитателя» детей, хотя это больше свойственно женскому полу. Стоит отметить, что невозможно описать один-единственный стиль жизни, представляющий «мужское родительство» или «женское родительство». Да, конечно, материнская забота кажется универсальной, но и отцы могут быть любящими и внимательными. Занятия и распределение ролей зависит от времени, места и обстоятельства, от требований культурной, социально-экономической и экологической ситуации.

Так, однако, выделяется и современность, как некоторый этап в развитии социальных стереотипов, влияющих на воспитание. Современные социальные стереотипы приобретают новую форму, и уже можно говорить о некоторых изменениях в воспитании. Так, например, мы точно можем выделять современность на основании того, что исследователи называют «Изменение индивидуальных и коллективных моделей воспитания» [2].

Традиционные способности и добродетели, которые родители и социализирующие институты пытались привить детям и молодежи (скромность, осторожность при принятии решений, долгосрочное планирование жизни, отказ от моментальных удовольствий в пользу более качественных приобретений в будущем, внутренняя нравственность по отношению к обязанностям и работе) уже более не функциональны в ситуациях когда возникает острая необходимость постоянно и быстро принимать решение и выбирать, когда постоянно «навязываются» наслаждение и сиюминутное (потребительское) удовольствие, когда необходимо уметь в каждый момент «начать с нуля», учиться всюду заново и сначала и когда работа больше не обязанность, но личный выбор.

«Изменения структур знания и потеря веры в «Великую историю» [2], как, например, вера в институционализированные религии, политические идеологии, национальные мифы. Современная индивидуализированная личность чаще сама для себя создает свой коллаж смыслов из отдельных частных смыслов, идей, убеждений. «Конец метаистории» больше не означает отказа от убеждений и вообще веры в то, что можно объяснить и осмыслить наш мир, но означает конец общепринятых систем объяснения мира. То же самое происходит в развитии знания и науки, когда из-за быстрого прогресса быстро устаревают еще вчера свежие познания и открытия.

«Плюрализм жизненных форм и среды» [2], которые находятся в распоряжении личности, и как будто бесконечное множество альтернатив, особенно в сфере потребления, использования свободного времени и все постоянно увеличивающегося производства виртуальных миров, виртуальных обществ, обеспечивающих современные технологии. Проблема заключается в том, что при выборе альтернатив мы не можем больше полагаться на какие-то утвержденные образцы знаний и мышления.

Индивидуализация жизненной программы [3]. Еще несколько десятилетий тому назад жизненный путь прослеживался по предсказуемому и общепринятому, линейному образцу взросления: время образования соответствовало молодости, время работы – взрослому состоянию, время ухода с рынка труда на пенсию – старости. Сегодня же молодежь получает статус взрослого только на основании длительных переговорных отношений с основными общественными институтами, но не на основании заданных норм и критериев взрослости. Такова одна из причин задержки перехода из молодости во взрослость. Эти переходы все более неясны, они удаляются от традиционных нормативных ожиданий, становятся все более плюралистичными. Из-за проблем в основных общественных институтах переход из молодости во взрослость, как, напри-

мер, трудоустройство, экономическая самостоятельность, становятся все более рискованным и ненадежным.

Молодые люди по-разному начинают трудовую карьеру, партнерство и заводят собственную семью. Переходы более не спланированы, не ритуализированы, не коллективизированы, они становятся все более индивидуализированы, дифференцированы, направлены на дестандартизацию и дерегуляцию. Отношения между возрастом человека, социальными ролями и участием в общественных институтах изменяются и все менее определены. Это отражается в новых формах мышления о повседневной жизни, жизненных планах, ценностях и целях.

Библиографические ссылки

1. *Ильдарханова, Ч.И.* – Отцовство как социально конструируемый феномен: гендерный аспект // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 45-49.

2. *Мирьяна, У.* Изменение гендерных стереотипов в процессе взросления [Электронный ресурс] / У. Мирьяна. – <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-gendernyh-stereotipov-v-protsesse-vzrosleniya/pdf>. – Дата обращения: 23.04.2025.

3. *Скоморохова, Н. А.* Гендерные стереотипы родителей в воспитании девочек и мальчиков дошкольного возраста [Электронный ресурс] / Н. А. Скоморохова. – <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-stereotipy-roditeley-v-vospitanii-malchikov-i-devochek-doshkolnogo-vozrasta>. – Дата обращения: 22.04.2025.

СЕКЦИЯ 7. СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ: ПОИСК ОТВЕТОВ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

СОБЛЮДЕНИЕ ЭТИКЕТА ПРИ ПРОСМОТРЕ ФИЛЬМОВ В ЖАНРАХ КОМЕДИЯ И ДРАМА НА ПРИМЕРЕ КИНОКАРТИН «ПРОРОК. ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА» И «МИККИ 17» В КИНОТЕАТРЕ MOOON В ТРЦ PALAZZO

А. Д. Гологуш¹⁾, П. Д. Гузик¹⁾, А. О. Ременчик¹⁾, А. В. Яшина¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, remenchik1331@gmail.com
Научный руководитель – Е. Е. Кучко, доктор социологических наук, профессор

В данной статье рассматривается проблема соблюдения этикета в кинотеатре, выявляются особенности поведения зрителей в зависимости от жанра и то, как соблюдение или нарушение этикетных норм влияет на общий просмотр.

Ключевые слова: этикет; кинотеатр; субкультура.

Соблюдение этикета при просмотре фильмов играет ключевую роль в формировании комфортной атмосферы для зрителей. В условиях современных кинотеатров, таких как мооон в ТРЦ Палаццо, важно учитывать, как разные жанры, например, комедия и драма, влияют на поведение аудитории. Фильмы «Пророк. История Александра Пушкина» и «Микки 17» представляют собой примеры различных жанров, что может вызывать разные реакции у зрителей. Исследование этикета в данных контекстах позволит выявить особенности поведения зрителей в зависимости от жанра, а также понять, как соблюдение или нарушение этикетных норм влияет на общий просмотр. Это важно для дальнейшего формирования рекомендаций по организации кинопоказов и улучшению зрительского опыта.

Данное исследование будет полезно людям, которые заняты в организации работы кинотеатра. Полезно будет ввиду того, что на основе данного исследования станет понятно, при просмотре какого жанра кинокартин люди чаще нарушают правила этикета, и, следовательно, оставляют после себя больше мусора. Так, работники занятые в сфере организации работы кинотеатров смогут лучше организовать работу персонала, например, уборщиков, чтобы их работа происходило наибо-

лее эффективно. Помимо того, данная работа будет полезна людям, занимающимся прокатом фильма в определенных кинотеатрах. Полезность данного исследования для данных людей связана с тем, что дает представление кинопрокатчикам о том, что, если кинотеатр располагается в среде, где преобладает население, принадлежащее определенным субкультурам, каких последствий следует ожидать при показе фильмов определенного жанра. Также применимо и к кинотеатрам, располагающимся в районах, где преобладает население возрастом 50+.

Проблема наличия правил и их несоблюдения довольно интересна. Она нередко становится предметом осмысления для социологов, примером тому служит такая сфера социологического знания, как социология права. Также, данная проблема распространяется и на сферу этикета в общественных местах. Правила этикета существуют с самых давних пор. Само слово пришло к нам из французского языка. Возникло оно в 17-18-ых веках, при дворе французских абсолютных монархов. Означало оно правила поведения, представление общества о подобающем виде человека. Так, проблемы этикета были важны в самые разные эпохи. Особенно важным стал этикет в эпоху массового общества, с приходом дешевых массовых зрелищ. Одним из примеров таких дешевых, доступных массовых зрелищ стало и кино, появившееся и вошедшее в моду в начале 20-го столетия. Об этикете в кино и сегодня можно найти много материала – достаточно лишь поискать информацию в интернете. Можно поставить вопрос о том, зачем же сегодня людям, которые уже столетие живут с постоянным доступом к кинотеатрам, так много говорить о правилах этикета в кинотеатре. Однако, ответ будет лежать на поверхности – эти правила не исполняются теми, кто должен их придерживаться. Это и есть проблема – наличие правил и необходимость информирования о них зрителей, и отсутствие информированности зрителей о данных правилах.

Несоблюдение норм этикета при просмотре фильмов в кинотеатрах приводит к формированию негативного опыта у зрителей. Когда зрители нарушают правила поведения, например, говорят во время показа, используют мобильные устройства или мешают своему соседу, это создает дискомфорт и отвлекает от сюжета. В результате у зрителей возникает чувство раздражения, что может испортить впечатление от фильма и снизить желание посещать кинотеатры в будущем. Важно понимать, как такие действия затрагивают общий зрительский опыт и влияют на восприятие фильмов, особенно в жанрах комедия и драма, где эмоциональная вовлеченность играет значительную роль. Это подчеркивает необходимость повышения уровня культуры поведения в кинотеатрах и разработки мер по улучшению этикета среди зрителей.

Предметом данного исследования является соблюдение этикета при просмотре фильмов в жанрах комедия и драма на примере кинокартин «Пророк. История Александра Пушкина» и «Микки 17».

Этикет – это правила поведения людей в обществе, поддерживающие представления данного общества о подобающем виде.

Во время посещения Киносеанса зрителям запрещается:

1.Проносить с собой какие-либо виды оружия, в том числе колюще-режущие предметы; 2.Принимать наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, токсичные или другие одурманивающие вещества либо проходить в зал в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; 3.Куриль (в том числе электронные сигареты); 4.Посещать место показа фильма с животными; 5.Вставать и ходить без крайней необходимости во время Киносеанса, 6.Громко разговаривать, в том числе по мобильному телефону, осуществлять иные действия, мешающие другим зрителям при просмотре фильма; 7.Передвигаться на скейтборде, самокате, роликовых коньках, велосипеде или иным не пешим способом (за исключением лиц с ограниченными возможностями);

Целью исследования является изучение соблюдения этикета при просмотре фильмов в жанрах комедия и драма на примере кинокартин «Пророк. История Александра Пушкина» и «Микки 17» в кинотеатре mooon в ТРЦ Palazzo

Задачи данного исследования:

1) Определить, представители какого пола чаще нарушают правила этикета;

2) Определить, представители какой возрастной группы чаще нарушают правила этикета;

3) Выявить, нарушают этикет чаще те, кто приходит компанией, или же те, кто приходят в одиночку;

4) Выявить, посетители фильмов какого жанра (комедии или драмы) чаще демонстрируют нарушения правил поведения при киносеансе;

5) Определить, представители каких субкультур чаще нарушают правила поведения при киносеансе;

6) Выявить, какие нарушения этикета чаще всего наблюдаются при просмотре фильмов в жанре драмы и комедии.

В рамках данного исследования методом сбора и анализа информации было выбрано наблюдение.

Наблюдение – целенаправленное систематическое непосредственное визуальное воспроизведение и регистрация значений с точки зрения целей и задач исследования (социальных явлений, ситуаций, процессов, действий, которые регистрируются и контролируются). Для данного исследования был выбран метод наблюдение, т.к. для того, чтобы выявить

нарушения этикета в кинотеатре, неэффективно использовать опросные методы. Это связано с тем, что нарушения правил этикета является одной из форм девиантного поведения, что может привести к не репрезентативности результатов, полученных опросным методом.

Выводы, сделанные в ходе исследования:

1. Представители мужского пола реже нарушают правила этикета (35%), чем женского (65%);

2. Люди старше 50 лет реже всего нарушают правила этикета (5%);

3. Люди, которые приходят на киносеанс в компании чаще шумят во время киносеанса (100%), чем те, кто приходят в одиночку (0%);

4. Люди, которые ходят на фильмы в жанре комедия реже нарушают правила этикета (35%), нежели те, кто посещает фильмы в жанре драма (65%);

5. Представители субкультур реже нарушают правила этикета (15%), нежели те, кто не относится ни к одной субкультуре (85%);

6. Самое распространенное нарушение этикета при просмотре фильмов, как и в жанре комедии, так и в жанре драма – ходьба во время сеанса.

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. Е. Зыль

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nastena.zyl@bk.ru
Научный руководитель – А. Ю. Сакович, кандидат социологических наук, доцент*

В статье рассматривается студенческое самоуправление как эффективная форма внеучебной деятельности на примере факультета философии и социальных наук БГУ. Анализируется его роль в развитии лидерских качеств, социальной активности и профессиональных компетенций студентов. Оцениваются механизмы функционирования, включая организацию мероприятий, взаимодействие с администрацией и вовлечение студентов в принятие решений.

Ключевые слова: внеучебная деятельность; студенческое самоуправление; студенты; организация мероприятий

Внеучебная деятельность является неотъемлемой составляющей процесса образования и выступает как фактор социализации студентов. Студенческая активность является исключительным желанием обучающихся и направлена на реализацию своих способностей, возможность проявления себя различным способом и содействует получению какого-либо опыта. Исходя из этого можно выделить несколько основных аспектов в деятельности организаций.

Во-первых, это активность участников. Ведь именно на ней строится залог устойчивости организации. На примере своей деятельности участники помогают привлекать новых студентов, так как энергичная и успешная деятельность может вызывать интерес у других. Кроме того, вовлечение новых членов помогает чётко распределить роли и задачи, что повышает эффективность работы команды. Таким образом, активность участников обеспечивает приток идей, развитие планов и их успешную реализацию, что делает организацию более продуктивной и перспективной.

Во-вторых, это равноправие внутри организации. Ведь вне зависимости от статуса её членов, оно играет важную роль в её стабильности и успехе. Когда все участники имеют равные права и возможности, формируется позитивная атмосфера, минимизируются конфликты, растёт продуктивность. Это стимулирует людей выражать свои идеи, раскрывать творческий потенциал и ощущать себя важной частью команды, что способствует достижению общих целей.

В итоге, равенство в организации обеспечивает минимизацию конфликтов, рост мотивации, улучшение сотрудничества и взаимодействия, что способствует общему развитию и успеху организации. Равные воз-

возможности также помогают раскрывать творческий потенциал каждого участника, что положительно влияет на инновационность и стратегическое развитие организации. Такой подход укрепляет доверие и формирует сплочённость команды, что является ключевым фактором её долгосрочного успеха.

Все вышеперечисленное влияет на разностороннее развитие студентов, способствуя формированию их лидерских качеств, коммуникативных навыков, организаторских способностей, что непосредственно дает отражение на дальнейшую деятельность обучающегося. В связи с этим требуется детальное изучение отношения студентов к внеучебной деятельности на примере ФФСН БГУ.

Целью исследования является выявление отношения студентов к внеучебной деятельности ФФСН БГУ.

На основе поставленной цели следует решить ряд задач:

- Уровень информированности о студенческом самоуправлении на ФФСН БГУ;
- Выявить известные виды внеучебной деятельности на ФФСН БГУ;
- Выявить причины, по которым студенты ФФСН БГУ не участвуют во внеучебной деятельности факультета.

В данном пилотажном исследовании приняли участие 46 респондентов. Из них студенты 1-4 курса, специальностей «социальные коммуникации», «социология», «философия», «социальная работа» и «психология». Исследование проводилось в виде онлайн-опроса в Google-форме.

На основе проведенного анализа были выявлены следующие результаты. На вопрос «Участвуете ли Вы в общественной жизни факультета?» мнения разделились наполовину: 48,9% ответили, что участвуют в общественной жизни факультета, 51,1%, ответили противоположно. Респонденты пояснили это нехваткой свободного от учебы временем (58,3%) и отсутствием желания (54,2%).

Из числа тех студентов, которые участвуют в общественной жизни, большинство ответили, что вовлечены в общественную жизнь несколько раз в месяц (33,3%), что говорит о достаточно высоком уровне интереса студентов к внеучебной деятельности и их готовности регулярно принимать участие в мероприятиях факультета. Следует отметить, что на факультете достаточно высокий уровень информированности о проводимых мероприятиях. Это подтвердилось следующими данными: 47,8% владеют информацией о большинстве мероприятий и 43,5% ответивших владеют полной информацией о всех мероприятиях, проводимых на факультете. В то время только малая часть респондентов (8,7%) владеют информацией лишь о нескольких мероприятиях. В ходе исследования установлено, что студенты участвуют в таких мероприятиях, как научные конкурсы и конференции (58,3%) и орга-

низация досуговых мероприятий (например, организация кино вечеров, дней первокурсников и т.д.) (58,3% от всех опрошиваемых).

На вопрос «В роли кого Вы принимаете участие в мероприятиях, проводимых на факультете?» были получены следующие ответы. 79,2% респондентов участвуют в мероприятиях в роли зрителя, 62,5% являются участниками мероприятий, а также 50% от числа ответивших выступают в роли организаторов, что характеризует заинтересованность к творческой реализации, доказывает высокую степень ответственности и желание помочь в развитии факультета.

Большая часть студентов отметили высокий и скорее высокий уровень организации внеучебной деятельности на факультете. А также все респонденты удовлетворены внеучебной деятельностью, что свидетельствует о эффективной работе, активной поддержке студенческих инициатив и положительном влиянии на личностное развитие студентов.

На вопрос «Что Вам больше всего нравится в организации внеучебной деятельности?» больше всего отметили такой вариант ответа, как «знакомства и общение с интересными людьми» (87,5%). Студенты ценят внеучебную деятельность за возможность развития социальных навыков и связей в ВУЗе.

Несмотря на то, что более трети респондентов ответили, что не могут выделить недостатки во внеучебной деятельности, были указаны иные варианты, а именно: «неудобное время проведения мероприятий» (29,2%) и «слабая реклама и привлечение студентов» (29,2%). Это означает, что в целом студенты положительно оценивают внеучебную деятельность, но все же существуют аспекты, которые требуют улучшения. Первое указывает на то, что студентам сложно совмещать участие в активности с учебой или личными делами. А второе свидетельствует о недостаточной информированности и вовлеченности обучающихся, что может ограничивать их участие.

В студенческих организациях состоят 75% ответивших, что свидетельствует о высокой заинтересованности студентов в творческой активности во внеучебное время. Больше всего студентов состоят в таких организациях, как БРСМ (61,1%), профсоюзный комитет (44,4%), Проект студенческого совета «Кино вечер ФФСН» (33,3%) и актив студенческого совета (бывш. проектное направление) (33,3%).

Творческая и общественная активность у студенческой молодежи довольно часто проявляется во время деятельности в общественных организациях. Среди опрошенных 77,8% студентов ответили, что работа в такой(-их) организации(-ях) помогает раскрыть им свой потенциал, а именно: улучшить коммуникативные навыки (94,4%), навыки работы в команде (94,4%), творческое мышление и генерацию новых идей (77,8%), развить организаторские способности (66,7%).

Так как занятость в студенческом самоуправлении занимает достаточно большое количество свободного времени у обучающихся, то это прямо или косвенно может влиять на успеваемость и процесс обучения. У 38,9% опрошенных успеваемость остается стабильной. Участие в общественных организациях на нее не влияет. Кроме того, 27,8% респондентов отметили, что благодаря общественным организациям они научились лучше организовывать свое время и стали более дисциплинированными. Все эти данные свидетельствуют об умении большинства студентов правильно распределять время для учебы, личных дел и выполнения нагрузки в органах студенческого самоуправления. В ходе исследования установлено, что 38,9% студентов заранее планируют свое время и придерживаются графика, но при этом 22,2% респондентов не всегда удается совмещать учебу и внеучебную деятельность. Вместе с тем 22,2% опрошенных отметило, что им сложно соблюдать баланс между учебой и участием в общественных организациях, однако они стараются планировать свое время и уделять должное внимание обеим сферам.

По данному исследованию выяснилось, что студенты 2-х курсов больше всех принимают участие во внеучебной деятельности (38,9%), обучающиеся 1-х курсов (27,8%), 3-х и 4-х по 16,7%. Также девушки больше заинтересованы в студенческой деятельности (83,3%), нежели юноши (16,7%).

Исследование показало, что внеучебная деятельность на факультете философии и социальных наук БГУ играет важную роль в социализации и личностном развитии студентов, обеспечивая развитие лидерских качеств, коммуникативных навыков и профессиональных компетенций. Большинство студентов активно участвуют в общественной жизни факультета, высоко оценивают уровень организации мероприятий и ценят возможность общения и новых знакомств. В то же время были выявлены проблемы, такие как неудобное время проведения мероприятий и слабая реклама, ограничивающие вовлечение студентов. Участие в студенческих организациях способствует формированию организаторских и творческих способностей, а также помогает студентам эффективнее управлять своим временем. Результаты исследования подтверждают значимость студенческого самоуправления в создании комфортной образовательной среды, и его дальнейшее развитие может повысить эффективность внеучебной деятельности и вовлеченность обучающихся.

ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. С. Ивановская¹⁾, А. К. Горева¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, aleksandaraivanovskaya2005@gmail.com
Научный руководитель – А. Н. Данилов, доктор социологических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси

В статье рассматривается потенциал туризма как инструмента формирования правовой культуры молодежи в Республике Беларусь. Анализируются современные проблемы правового воспитания и обосновывается необходимость новых подходов к повышению правовой грамотности. Особое внимание уделяется интерактивным форматам образовательного туризма – экскурсиям в государственные учреждения, историко-правовым маршрутам и цифровым технологиям в правовом просвещении. На основе анализа белорусских и международных практик предлагаются пути развития правового туризма как эффективного средства воспитания гражданской ответственности и уважения к закону среди молодого поколения.

Ключевые слова: правовая культура; туризм; право; правовой туризм; правовые нормы; образовательный туризм.

В современном белорусском обществе наблюдается тревожная тенденция – снижение уровня правовой грамотности среди молодежи. Согласно исследованиям Национального центра правовой информации, менее половины молодых людей в возрасте 16-25 лет демонстрируют удовлетворительные знания основных правовых норм [3]. Традиционные методы правового воспитания, основанные на лекциях и теоретических занятиях, все чаще оказываются неэффективными в условиях цифровой эпохи.

В этом контексте туризм может стать инновационным инструментом формирования правовой культуры, предлагая принципиально новый подход – обучение через опыт и эмоциональное вовлечение. Путешествия, экскурсии и образовательные маршруты способны сделать правовые знания не абстрактной теорией, а частью личного опыта молодого человека.

Правовая культура – это не просто знание законов, а сложный комплекс установок, ценностей и поведенческих моделей. Сегодня мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: при формально высоком уровне правового образования (в школах и вузах преподаются основы права) реальная правовая культура молодежи остается на низком уровне.

Проблема усугубляется тем, что современные молодые люди воспринимают право как что-то далекое от их повседневной жизни. Юри-

дические нормы кажутся им сложными, неинтересными и не имеющими практического значения [1]. Именно здесь туризм может сыграть ключевую роль, превратив изучение права из скучной обязанности в увлекательное приключение.

Беларусь обладает значительным потенциалом для развития правового туризма. Уже сегодня в стране существуют интересные инициативы:

- Экскурсии в Конституционный Суд и Национальный центр законодательства, где молодые люди могут увидеть работу правовых институтов изнутри;
- Историко-правовые маршруты, связывающие памятники архитектуры с важными вехами правового развития страны;
- Интерактивные программы в музеях, где через игровые форматы раскрываются основы правовой системы.

Однако этих мер недостаточно. Для реального прорыва необходимо создание комплексной системы правового туризма, которая бы включала:

- Разработку специализированных образовательных маршрутов для разных возрастных групп
- Подготовку квалифицированных гидов с правовым образованием
- Внедрение современных технологий – от мобильных приложений до виртуальных туров

Опыт европейских стран показывает, что правовой туризм может быть не только образовательным, но и экономически выгодным направлением. В Германии, например, экскурсии в Бундестаг и федеральные суды стали популярным туристическим продуктом.

Для Беларуси особенно актуально развитие внутреннего правового туризма. Это позволит не только повысить правовую культуру молодежи, но и укрепить гражданскую идентичность, показав историческую преемственность правовых традиций белорусского государства.

Туризм обладает уникальной способностью сделать право ближе и понятнее для молодого поколения. Через эмоциональное вовлечение и личный опыт он может сформировать устойчивое уважение к закону и правовым институтам. Реализация этого потенциала требует системного подхода и межведомственного сотрудничества, но результат – граждански ответственное, правосознательное поколение – безусловно стоит этих усилий [2].

Современные цифровые технологии открывают новые возможности для повышения эффективности правового туризма. Внедрение интерактивных форматов позволяет вовлечь молодежь в изучение права через привычные для них цифровые каналы.

Важным аспектом является также интеграция правового туризма в образовательные программы школ и вузов. Создание междисциплинарных проектов, сочетающих историю, право и краеведение, позволит студентам увидеть взаимосвязь правовых норм с реальной жизнью общества. Например, маршрут «От Статута ВКЛ до Конституции РБ» мог бы наглядно продемонстрировать эволюцию правовой системы Беларуси.

Анализ зарубежных практик показывает, что правовой туризм успешно развивается в странах с сильными демократическими традициями. В Германии экскурсии в Бундестаг и федеральные суды включают интерактивные элементы: встречи с депутатами, участие в моделях парламентских дебатов. В США популярны туры по зданию Верховного Суда, где посетители могут наблюдать за слушаниями.

Для Беларуси адаптация таких моделей требует учета национальных особенностей. Акцент можно сделать на:

1.Историко-правовое наследие: экскурсии по местам, связанным с развитием белорусского права (например, Несвижский замок как символ правовых традиций ВКЛ).

2.Современные институты: посещение Конституционного Суда, Национального центра законодательства с возможностью участия в мастер-классах от юристов.

3.Локальные инициативы: сотрудничество с университетами для создания студенческих правовых клубов, организующих тематические поездки.

Правовой туризм обладает значительным потенциалом для формирования правовой культуры молодежи в Республике Беларусь. Объединяя образование, историю и современные технологии, он превращает абстрактные правовые нормы в понятный и увлекательный опыт. Для достижения максимального эффекта необходимо:

- Развивать цифровые инструменты (мобильные приложения, VR-туры);
- Внедрять интерактивные форматы (квесты, ролевые игры);
- Интегрировать туризм в образовательные программы;
- Использовать международный опыт с адаптацией под белорусский контекст [4].

Реализация этих мер позволит не только повысить правовую грамотность молодежи, но и укрепить гражданскую идентичность, формируя поколение, которое осознает ценность права и активно участвует в жизни общества.

Библиографические ссылки

1. Бугаенко, Ю. Ю. Правовое воспитание современной молодежи // ИСОМ. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-vospitanie-sovremennoy-molodezhi> (Дата обращения: 21.04.2025).
2. Иванов, В. Д. Образовательный туризм как перспективное направление молодёжного туризма // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-turizm-kak-perspektivnoe-napravlenie-molodyozhnogo-turizma> (Дата обращения: 21.04.2025).
3. Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь URL: https://center.gov.by/news/formirovanie-pravovoy-kultury-molodezhi-obsudili-na-respublikanskom-seminare/?sphrase_id=337074 (Дата обращения: 22.04.2025).
4. Цифровизация образования: вызовы и возможности // АПНИ URL: <https://apni.ru/article/6917-tsifrovizatsiya-obrazovaniya-vizovi-i-> (Дата обращения: 22.04.2025).

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ПОСТУПЛЕНИЯ НА СПЕЦИАЛЬНОСТЬ «СОЦИОЛОГИЯ»: ВЫБОР СПЕЦИАЛЬНОСТИ, ОЖИДАНИЯ И ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

Е. А. Карачун¹⁾, В. С. Дубатовка¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, elenkar258@gmail.com

Научный руководитель – Т. В. Бурак, кандидат социологических наук, доцент

В данной статье анализируются результаты социологического исследования, осуществленного в декабре 2024 года с целью изучения мотивации поступления на специальность «Социология». Было выявлено, что большая часть студентов поступила на данную специальность из искреннего интереса к науке и в дальнейшем планирует работать по специальности или в смежной с социологией сфере. Распространённой причиной выбора «Социологии» является неудача в поступлении на другие специальности и факультеты.

Ключевые слова: мотивация; мотивы поступления на специальность «Социология»; социальные ожидания.

Сегодня большое количество молодых людей стремится получить высшее образование. Как показывают исследования, проводимые в Беларуси, большинство студентов сами выбирают специальность и учреждение образования, считают обучение необходимым для жизни. При этом многие считают, что важнее не получение диплома, а именно процесс обучения [2]. Согласно уставу БГУ, одна из главных задач университета состоит в подготовке специалистов с высшим образованием, научных работников высшей квалификации в соответствии с потребностями общества и государства [5], что обосновывает необходимость обучения специалистов в области социологии, востребованных на рынке труда Республики. При планировании набора обучения по специальности «социология» за последние 5 лет сократилось количество учебных мест: в 2020 году было 27 мест [3], начиная с 2023 года – 20 мест [4]. Также наблюдается повышение проходных баллов для поступления на специальность «социология» как на платную форму обучения, так и на бюджетную. Эти обстоятельства свидетельствуют об изменении рынка труда, с одной стороны, и о сохранении желания абитуриентов получить высшее образование в области социологии, с другой стороны. В этой связи актуальным является понимание мотивов выбора места получения высшего образования и будущей профессии. Следует также учитывать, что каждый год мотивация абитуриентов к поступлению на ту или иную специальность изменяется. На это влияют различные факторы, прежде всего социальные. Изучить факторы и мотивы поведения помогают со-

циологические исследования. Такие исследования позволяют понять, какое значение имеют процессы, происходящие в обществе на данный момент, какие тенденции определяют развитие социальной системы, а также позволяют получить объективную и достоверную информацию, необходимую для принятия управленческих решений.

С целью изучения мотивации поступления было проведено сплошное социологическое исследование в декабре 2024 года, объект исследования – студенты 1 курса специальности «Социология» факультета философии и социальных наук БГУ (20 человек). Похожее исследование проводилось в 2020 году В.А. Дворецкой для изучения мотивов поступления и готовности к профессиональной реализации студентов, однако объектом исследования были студенты специальности «Социальная работа». Согласно полученным данным, основными мотивами поступления на специальность «Социальная работа» в 2020 году были получение диплома, стремление занять более высокие позиции в обществе, получение знаний. При этом, большинство опрошенных поступило на данную специальность осознанно, однако обладает низкой мотивацией к учёбе. Главным для них в обучении на специальности «Социальная работа» являются креативность, социальные контакты и взаимодействие [1].

В результате анализа проведенного нами в 2024 году социологического исследования студентов специальности «Социология», было выявлено, что основными мотивами поступления на специальность «социология» являются: интерес к социологической науке (45%), невозможность поступить на другую, смежную специальность (30%), престиж университета, в котором можно получить образование по социологии (15%). Рассмотрим подробнее ответы респондентов:

1. Основным фактором выбора специальности «Социология» является интерес в социологии (45%): «Меня привлекает работа с поведением людей и рекламная деятельность», «Мне нравится работать и сотрудничать с людьми», «Было интересно обществоведение в школе» и т.д.

2. Одна треть студентов (30%), обучающихся на первом курсе специальности «Социология», выбрали данную специальность по объективной причине, поскольку не проходили по баллам на другую смежную специальность: «Не хватило баллов на социальные коммуникации», «Не прошёл(-ла) на информацию и коммуникацию на факультет журналистики», «Не получилось поступить на ФСК».

3. Для некоторой части студентов-социологов (15%) выбор данной специальности для получения высшего образования обусловлен, прежде всего, престижем университета: «Престиж университета, уникальность и универсальность специальности», «БГУ - это один из лучших вузов страны с высококвалифицированными преподавателями и сильной

научной базой, интерес к обществу и людям, интерес к устройству общества, тому, как люди взаимодействуют».

4. Наконец, незначительная часть студентов (10%) поступила на специальность «Социология» случайно или потому, что список специальностей, на которые нужно сдавать экзамены по истории Беларуси и обществоведению, достаточно узок: «узкий выбор специальностей с данными предметами».

При ответе на вопрос о перспективах работы после окончания университета студенты выразили следующие ожидания: желание работать по специальности (40 %) и намерение работать по смежной с социологией специальности (40%); неготовность работать по специальности (5%) и затруднились с ответом 15%. В том числе одна четвёртая часть опрошенных студентов (25%) планирует работать в крупных исследовательских центрах, кампаниях, специализирующихся на социологических исследованиях. Таким образом, можно предполагать, что значительная часть студентов 1 курса специальности «Социология» намерена связать свою жизнь с научно-исследовательской деятельностью по полученной профессии. Значительная часть опрошенных планирует работать в смежной с социологией сфере: в сфере экономики и маркетинга (15%) либо в государственных органах (15%). Некоторая доля студентов 1 курса специальности «Социология» (5%) планирует продолжить обучение в магистратуре и преподавать социологию. И только 5% опрошенных студентов планируют работать по совершенно не связанной с социологией профессии.

По данным, полученным в ходе исследования, можно заключить, что большинство студентов 1-го курса специальности «социология» (80%) планирует так или иначе связать свою жизнь с социологией или в смежной с социологией области. Практически половина студентов (45%) осознанно поступили на специальность «Социология», так как им действительно интересна эта наука. Также каждый третий респондент (30%) выбрал социологию как альтернативу другой специальности (но смежной с социологией), на которую не смогли поступить.

Таким образом, специальность «Социология» остаётся довольно актуальной среди абитуриентов. Это направление, которое им интересно, потому что даёт определённые навыки для работы в сферах, связанных не только с данной наукой, но и в смежных с ней областях. Однако данная специальность конкурирует с другими специальностями, поэтому некоторые абитуриенты выбирают её как альтернативу. Социологией как наукой также хотят заниматься не все студенты, что говорит о том, что не все после окончания университета будут работать по специальности.

Библиографические ссылки

1. *Дворецкая, В. А.* Мотивационный компонент готовности к профессиональной самореализации у студентов специальности «Социальная работа» // София : электронный научно-просветительский журнал. 2020. № 2. С. 24–29.

2. *Крагель, А. В.* Мотивация молодёжи к получению высшего образования // 56-я Научная Конференция Аспирантов, Магистрантов и Студентов БГУИР. Минск : БГУИР, 2020. С. 22–23.

3. План приёма 2020 [электронный ресурс] / Белорусский государственный университет. URL : <https://www.iseu.bsu.by>. (Дата обращения: 09.04.2025).

4. План приёма в 2023 году дневная форма обучения [электронный ресурс] / Белорусский государственный университет. URL : <https://abiturient.bsu.by>. (Дата обращения: 09.04.2025).

5. Устав Белорусского государственного университета : 16.06.1999 г., №334 : принят Указом президента Республики Беларусь 16.06.1999 г. : в Устав с 22.06.2023 г. изм. и доп. не вносилось. Минск : БГУ, 2023. 9с.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

А. А. Левченко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, truffle621@gmail.com
Научный руководитель – Е. Е. Кучко, доктор социологических наук, профессор*

Студенческая среда представляет собой уникальное социальное пространство, где академическая успеваемость, профессиональные амбиции и межличностные отношения формируют сложную систему конкуренции. В условиях трансформации высшего образования и растущего давления на молодежь со стороны рынка труда, конкурентные практики студентов приобретают новые формы и интенсивность, а, следовательно, возрастает актуальность их научного изучения.

Ключевые слова: социальная конкуренция; студенческая молодежь; высшее образование.

Образование и конкуренция – два универсальных компонента всех человеческих культур, по сути, почти всей животной жизни. Люди всегда считали образование и конкуренцию важными и тесно связанными вопросами, как в прошлом, так и в настоящем. С одной стороны, для детей соревноваться естественно, и поэтому понятно, что соревнование используется в образовательных целях. С другой стороны, соревнование может быть настолько важным во взрослой жизни, что общество специально обучает своих детей соревноваться. [5]

В современном мире роль конкуренции лишь возросла, пронизывает практически все сферы жизнедеятельности человека, и образовательная среда не стала исключением. По известному определению М. Вебера, под конкуренцией (от латинского *concurrere* - соперничество) понимается «формально мирное состязание за возможность распоряжаться теми шансами, которые вожделем также и другие [действующие]» [6]. Другими словами, конкуренция понимается как форма взаимодействия, при которой индивиды или группы стремятся достичь одних и тех же целей, которые не могут быть реализованы одновременно всеми участниками.

Социальная конкуренция играет важную роль в жизни студентов, а также наиболее сильно влияет на данную социальную группу, так как студенты находятся в переходном положении между подростковым возрастом и полноценной взрослостью. Именно на данном этапе формируется идентичность и жизненные стратегии. Студенты выделяются высокой социальной мобильностью, лиминальностью социального статуса,

неустойчивостью и сменой ценностей, норм и идеалов, ориентацией на будущее, балансом между зависимостью от родителей (экономической, эмоционально-психологической, культурно-ценностной) и полной самостоятельностью. Все перечисленные аспекты ключевым образом влияют на социальную конкуренцию, ее формы, виды и проявления [3].

Рассмотрим основные формы социальной конкуренции в студенческой среде. Их условно можно разделить на следующие группы:

1. Академическая конкуренция - наиболее явная форма конкуренции – стремление к высоким академическим результатам. Студенты конкурируют за высший балл на каждом этапе образовательного процесса – начиная от лекционных и семинарских занятий и заканчивая экзаменами. В борьбе за оценки студенты берут на себя повышенную учебную нагрузку, изучают дополнительную литературу, создают учебные группы, в которых, например, обмениваются материалами. Также ради оценок могут применяться нечестные методы борьбы, такие как списывание, плагиат и чрезмерное использование ИИ. Борьба подогревается ограниченным количеством привилегий (например, освобождение от экзамена при высокой текущей успеваемости) и доступом к эксклюзивным ресурсам (например конспекты/материалы прошлых лет). Все это с одной стороны может создавать мотивацию к углубленному изучению предмета, но с другой стороны может вызывать стресс и снижение кооперации между студентами. Высший балл символизирует статус, признание, создает иерархию в группе, обозначает престиж и компетентность, и за счет очень точного оценивания (балл от 1 до 10 или проценты от 0 до 100) создает жесткую дифференциацию студентов [2].

Академическая конкуренция возникает в сфере научной деятельности. Студенты конкурируют между собой за участие в конференциях, публикации, гранты на исследования, место в лаборатории или исследовательской группе, а также за лучшего научного руководителя.

Также академическая конкуренция проявляется в соперничестве при продолжении обучения в магистратуре и аспирантуре. Студентам необходимо демонстрировать выдающиеся академические и научные успехи для продолжения обучения и к тому же в большинстве случаев количество мест сильно ограничено по сравнению с первой ступенью высшего образования.

2. Социально-статусная конкуренция – в основном выражается в борьбе за лидерство в группе, на потоке, на факультете или во всем университете. Такое лидерство тесно связано с социальными активностями университета, например, кружки по интересам, спортивные секции, тематические мероприятия, студенческие организации. Молодые люди таким образом стремятся создать имидж успешного студента, который

преуспевает не только в академической сфере. Важную роль играет материальный статус (например, наличие дорогой техники или одежды). Именно социально-статусная конкуренция разделяет группу студентов на «популярных» и «непопулярных». Последствиями такой конкуренции с одной стороны является наработка социального капитала и связей, полезных в будущем, а с другой стороны отделяет и маргинализирует менее популярных студентов от большинства группы.

Также социально-статусная конкуренция проявляется в завоевании расположения и в целом поддержания своего статуса в глазах преподавателей.

3. Профессиональная конкуренция. Рынок труда в современных условиях предъявляет к молодым специалистам высокие требования и конкуренция за трудовые места начинается еще в стенах университета. Студенты сражаются за стажировки, подработки и в целом возможность приобрести опыт работы, а также стараются накопить дополнительные сертификаты (например, проходят курсы, занимаются волонтерством, изучают дополнительный язык). Активно используют нетворкинг, создают новые социальные связи, опираются на рекомендации преподавателей, используют связи родителей и знакомых. В данном случае также конкуренция происходит на уровне вузов (студенты университетов с высоким рейтингом имеют преимущество при трудоустройстве), на уровне ресурсов родителей (например, социальные связи или наличие собственной компании куда выпускника могут сразу взять на работу). Конкуренция разнится в зависимости от отрасли (например, на данном этапе в IT конкуренция выше, чем в педагогике).

Уровень конкуренции среди студентов варьируется в зависимости от внешних и внутренних условий. На её интенсивность влияют институциональные, социально-экономические, личностные и культурные факторы. Институциональные факторы связаны с престижем вуза, системой оценивания (например, при жесткой «кривой оценивания» лишь определенный процент студентов может получить наивысший балл), доступностью ресурсов. Личностные особенности сопряжены с уровнем притязаний каждого отдельного студента, его личностной мотивацией и стрессоустойчивостью. Финансовые возможности студента при поступлении, обучении и выпуске, а также уровень безработицы, требования рынка труда формируют блок социально-экономических факторов. Например, студент на платной форме обучения, за которого платят родители имеет меньший уровень стресса и конкуренции за скидку на обучение по сравнению со студентом на платном, который вынужден платить за свое обучение сам. Культурные факторы формируются из тради-

ций конкуренции в отдельных регионах и странах, а также связаны с ценностями семьи студента.

Последствия социальной конкуренции для студентов имеют позитивные и негативные стороны. Академическая мобилизация, повышение мотивации, формирование навыков целеполагания и планирования, развитие стрессоустойчивости, конкурентных преимуществ на рынке труда, накопление социального капитала – все это положительная сторона конкуренции. Обратной стороной конкуренции становятся психологические проблемы (выгорание, депрессия, тревожность), социальная изоляция, разочарование в выбранном пути из-за высокой конкуренции. [2]

Заключение

Социальная конкуренция в студенческой среде – сложный феномен, сочетающий академическое соперничество, борьбу за статус и карьерные перспективы. Ее анализ раскрывает механизмы адаптации молодежи к требованиям современного образования и рынка труда. «Основу развития современных исследований молодежи (в том числе и студентов) составляет полипарадигмальность, позволившая преодолеть ограниченность классических социологических теорий и методов познания в условиях динамизма социальной реальности, отразить нелинейность и диверсификацию внутри молодежи и общества, исследовать новые противоречия в их взаимодействии, увязать многообразие социальных практик». [3, с.19-20] Именно комплексный подход к данному вопросу открывает новые возможности для осмысления сложной динамики молодежных социальных практик и их взаимодействия с изменяющимся обществом.

Теоретики образования расходятся во мнениях о том, следует ли поощрять стремление к соперничеству или ограничивать его. Одна теория утверждает, что, поскольку конкуренция является частью любой культуры и поскольку образование должно передавать культуру, необходимо включить конкуренцию в образование, чтобы помочь детям привыкнуть к ней в дальнейшей жизни. Другая теория рассматривает конкуренцию как противоположность сотрудничеству и, следовательно, как злой элемент в культуре, который следует пресекать. В образовательной сфере это часто приводит к неоднозначному отношению к конкуренции, что сбивает с толку учеников, которые затем пытаются успешно соревноваться, не создавая видимости того, что они соревнуются.

Отметим, что социальная конкуренция в студенческой среде многогранна и может проявляться как в конструктивных, так и в деструктивных формах. Понимание этих механизмов помогает разрабатывать стратегии для снижения негативных последствий и поддержания здоровой академической среды.

Библиографические ссылки

1. *Бурдьё, П.* Социальное пространство и символическая власть // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. - 1993. - Вып. 2. - С. 137-150. - Пер. с фр. - Первая публ.: Bourdieu P. Espace social et pouvoir symbolique // Choses dites. - Paris: Minuit, 1984. - P. 147-166.
2. *Бурдьё, П.* Формы капитала // Социологические исследования. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.
3. *Зубок, Ю. А., Чупров В. И.* Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. - М.: Новый Хронограф. – 2017. – №2. – С. 12-48.
4. *Рубин, Ю. Б.* Конкуренция в российском образовании: теория и противоречивые реалии // Университетское управление: практика и анализ. – 2017. – Т. 21, – № 5. – 213 с.
5. *Verhoeff, T.* The role of competitions in education / T. Verhoeff. – Eindhoven : Eindhoven University of Technology, 1997. – 15 p.
6. *Weber, M.* Economy and Society. Vol. I. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 38

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: РОЛЬ ВУЗОВ В ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ КИТАЯ

Ли Юйхан

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, mzcu1999@gmail.com*

Научный руководитель – Л. Г. Титаренко, доктор социологических наук, профессор

В условиях стремительной цифровизации образования перед передачей культурного наследия возникают беспрецедентные вызовы. Для современной китайской молодежи университеты – это не только место приобретения профессиональных навыков, но и механизм формирования культурной идентичности и передачи ценностей. В условиях глобализации и технологических изменений важным становится вопрос о том, как сохранить и развивать культурную идентичность в цифровой образовательной среде.

Ключевые слова: цифровизация образования; культурная идентичность; высшее образование; традиционная культура.

Идентичность как важное понятие в социологии и психологии касается того, как человек понимает себя и свое отношение к обществу. Эрик Эриксон утверждал, что идентичность представляет собой непрерывность и целостность самовосприятия индивида, включающую как личностные характеристики, так и социальную принадлежность [1, с. 50-59]. Л. Б. Шнайдер подчеркивал, что идентичность – это процесс активного конструирования человеком своего самопонимания и жизненного пути [2]. В цифровой образовательной среде механизмы формирования идентичности претерпевают глубокие изменения. А. А. Пфетцер отмечал, что виртуальная учебная среда снижает уровень традиционного личного общения, что влияет на формирование чувства принадлежности к группе [3, с. 985-994]. Однако цифровые технологии также открывают новые пути для формирования идентичности: онлайн-платформы, виртуальные сообщества и богатство цифровых ресурсов позволяют индивиду реконструировать свою идентичность в контексте мультикультурной среды.

В Китае эволюция образовательной системы тесно связана с процессом формирования идентичности. От создания «сян» Шуня до установления в эпоху династии Хань конфуцианской культуры как основного образовательного ядра, традиционное образование строилось на этических принципах «прославления добродетели» и «близости к народу», через изучение классических текстов (таких как «Аналекты», «Менцзи»)

формировались ценности, такие как «гуманность» и «справедливость», что, в свою очередь, привело к созданию механизма идентичности, основанного на конфуцианской этике. Система императорских экзаменов укрепила институциональную составляющую культурной идентичности, позволив ученым слоям находить свое место в повествовании о семье и государстве [4, с. 41-43].

С начала нового времени образовательная система претерпела глубокие изменения. Создание Пекинского университета в 1895 году стало началом современной высшей школы, а «университетский бум» 1920-х годов способствовал массовому развитию государственных и частных вузов, широкому внедрению западной академической системы, научного подхода и концепции академического сообщества [5, с. 74-80]. Таким образом, сформированная идентичность не только включает в себя элементы китайской традиционной культуры, но и заимствует западные идеи, предоставляя многослойную основу для культурной самосознательности и социальной роли современного китайца.

После реформ и открытости китайское высшее образование вступило в период быстрого развития. Восстановление вступительных экзаменов в университеты в 1977 году, а также программы «211» и «985» 1990-х годов способствовали дифференциации вузов, а система подготовки кадров в условиях рыночной экономики стала более разнообразной. В этом процессе идеологическое и политическое образование начало включать элементы традиционной культуры, например, через интерпретацию идеи «всеобъемлющей любви и отказа от насилия», что помогло студентам установить современную идентичность своей родной культуры в контексте глобализации.

Стоит отметить, что за последние несколько десятилетий рост цифровых технологий открыл новое пространство и медиумы для формирования идентичности. Повсеместное распространение информационных технологий изменило способы обучения, сделав доступ к знаниям и социальное взаимодействие доступными не только в оффлайн, но и в онлайн-пространствах. Для китайских университетов важным вопросом становится, как в цифровой образовательной среде сбалансировать сохранение традиционной культуры и формирование современной идентичности, что должно стать ключевым вопросом для разработчиков образовательной политики и социологов.

Доклад XX съезда Народного собрания Китайской Народной Республики заявил: «Продвижение цифровизации образования, создание общества обучения для всех и страны, ориентированной на непрерывное обучение. Использование информационных технологий для образования, предоставление более качественного, более справедливого, с боль-

шим выбором, более удобного, более открытого и более гибкого образовательного сервиса». Согласно статье, опубликованной в 2022 году в газете «Жэньминь жибао» под названием «Цифровизация и развитие качественного высшего образования», к ноябрю 2022 года было открыто более 61,9 тыс. онлайн-курсов, количество зарегистрированных пользователей составило 402 млн, количество участников обучения достигло 979 млн, а количество студентов, получивших кредиты за онлайн-курсы, составило 352 млн. Китай занимает первое место в мире по количеству онлайн-курсов и количеству обучающихся [7]. С углубленным применением цифровых технологий, цифровое образование стало важным двигателем развития высшего образования.

На фоне глубоких изменений в образовании, формирование культурной идентичности китайской молодежи через университетские курсы по-прежнему сталкивается с определенными вызовами. По словам профессора Шоу Юнжуя из Института марксизма Пекинского педагогического университета: «Необходимо интегрировать технологии в образование, но при этом следует подходить к этому с осторожностью. Преподаватели, используя умные технологии в обучении, должны акцентировать внимание на эмоциональном и мыслительном взаимодействии, чтобы избежать механизации учебного процесса, а также усиливать этическую регуляцию и оценку технологий, чтобы они служили сути образования» [8].

Примером может служить статья, опубликованная в декабре 2024 года на сайте Китайской образовательной сети, под названием «Проблемы высшего образования Китая», в которой говорится, что в процессе формирования культурной идентичности китайской молодежи цифровая трансформация в университетах открывает новые возможности, но также сопряжена с рядом проблем и рисков. Во-первых, недостаточная трансформация образовательных моделей. Современное повышение цифровой грамотности преподавателей в основном сосредоточено на применении технологий, при этом не учитывается глубокое воздействие цифровых технологий на педагогические концепции, культурное наследие и идентичность, что приводит к инструментализации учебных материалов и игнорированию формирования чувства культурной принадлежности у молодежи. Во-вторых, отсутствие системной поддержки. Университеты еще не создали полноценную систему поддержки цифрового образования, стандарты оценки, механизмы мотивации и инфраструктура недостаточны, что затрудняет эффективное внедрение культурной идентичности в цифровой образовательной среде. В-третьих, отставание от передовых технологий. Курсы не используют в полной мере такие новые технологии, как искусственный интеллект, для улучшения

культурного обучения. Например, виртуальная реальность, системы умных диалогов и другие инструменты не используются эффективно для создания погружения в китайскую культуру и интерактивного обучения, что влияет на глубокое понимание традиционной культуры и эмоциональное соединение молодежи с ней. Наконец, игнорирование профессиональных особенностей преподавателей. В настоящее время обучение цифровой грамотности преподавателей в вузах имеет чрезмерно структурированный подход, недостаточно гибкий, не учитывает различия в ролях преподавателей разных дисциплин в передаче культурного наследия, что сказывается на роли курсов в формировании культурной идентичности молодежи [9].

Для эффективного формирования культурной идентичности китайской молодежи университетские курсы должны в условиях цифровизации создать системную образовательную поддержку, тесно связав инновации в технологиях с культурным наследием, чтобы молодежь в информационную эпоху могла сформировать прочную культурную принадлежность. Также необходимо разработать научную систему стандартов для повышения цифровой грамотности преподавателей, чтобы они могли лучше направлять студентов в процессе формирования культурной идентичности.

Как обсуждается в статье Сунь Пин и других авторов «Цифровое производство молодежной культуры», несмотря на то, что традиционные институты, такие как семья, школа и сообщество, продолжают играть важную роль в процессе формирования идентичности, онлайн-платформы для общения предоставляют молодежи более открытое пространство для самовыражения и взаимодействия, что делает идентичность динамичным и многогранным процессом, а не статичной и однообразной концепцией [10, с. 4-14]. Это изменение не только влияет на восприятие индивидом своей ценности и жизненного пути, но и заново формирует их принадлежность к обществу, государству и даже к глобальной культуре. В цифровом пространстве молодежь может участвовать в благотворительных мероприятиях через интернет, проявляя социальную ответственность, а также исследовать себя через индивидуальное самовыражение, осуществляя многоплановое построение своей идентичности. Как отметил Сяо Цзюн, цифровая идентичность отражает как реальные условия жизни молодежных групп, так и их внутренние потребности, одновременно побуждая индивидуумов постоянно корректировать и переосмысливать свою культурную идентичность на пересечении реальности и виртуального пространства [11, с. 42-48].

В целом, цифровизация образования не только открывает новые возможности для формирования идентичности, но и сопряжена с риска-

ми культурной гомогенизации и кризиса идентичности. Университеты должны внедрять в свою курсовую систему генетические коды китайской культуры, предлагая разнообразные и интерактивные методы обучения, которые помогут молодежи установить стабильное чувство культурной принадлежности в цифровой среде. В условиях глобализации и технологических изменений только сохраняя культурную уверенность и активно принимая инновации, китайская молодежь сможет действительно добиться органичного сочетания локальной идентичности и глобального мировоззрения.

Библиографические ссылки

1. *Niedergaus, E. O., Bannikova L. N.* Features and contradictions of the formation of professional identity of modern young university teachers // *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies.* 2019. Vol. 5. No. 1. P. 50-59.
2. *Schneider, L. B.* Professional identity: A monograph. Moscow: MOSU, 2001. 272 p. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/sh1/SH1-003-.htm#p3>. (Accessed: 05.03.2025).
3. *Pfetzner, A. A.* Digital educational environment as a new space for professional identity formation // *Bulletin of Kemerovo State University.* 2021. No. 23. P. 985-994.
4. *Сиган, Т.* Сельское образование во времена династий Цинь и Хань // Пекин. Журнал Шаньдунского педагогического университета: Издание по гуманитарным и социальным наукам. 1991. № 5. С. 41–43.
5. *Цзе, В.* Происхождение университетского зала Пекинского и современного китайского высшего образования // Тяньцзинь. Институт высшего образования, Тяньцзиньский университет. 2008. № 6. С. 74–80.
6. *Конго, Л.* Обзор и вдохновение реформой системы управления высшим образованием Китая с момента ее реформирования и открытости // Ухань. Хуачжунский университет науки и техники. Современная педагогическая наука: исследование в области высшего образования. 2007. № 1. С. 121–123.
7. *Дань, В.* Цифровизация способствует качественному развитию высшего образования [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. 2022. URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2022-12/18/36240983.html> (дата обращения: 31.03.2025)
8. *Юнжуй, Ш.* Образование должно оставаться на высоте развития цивилизации [Электронный ресурс] // Факультет марксизма Пекинского педагогического университета. Новости образования в Китае. 2025. № 6. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1826433380954054418> (дата обращения: 31.03.2025)
9. *Бин, М.* Повышение цифровой грамотности преподавателей колледжей и университетов [Электронный ресурс] // Восточно-Китайский педагогический университет. Новости образования в Китае. 2025. URL: <http://m.jyb.cn/rmtzcg/xwy/wzxw/202408/t20240813> (дата обращения: 31.03.2025)
10. *Пин, С, Цзя, Х, Чжицзюнь, Л.* Цифровое производство молодежной культуры: ежедневное использование платформ и политика самовыражения // Китайские молодежные исследования. 2024. № 2. С. 4-14.
11. *Сяо, Цзюнь.* Межкультурное виртуальное сообщество: связь, доверие и идентичность // Академические исследования. 2016. № 11. С. 42-48.

СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ К ЗДОРОВЬЮ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. А. Мисун

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, alina.misun@mail.ru*

Научный руководитель – Л. Г. Титаренко, доктор социологических наук, профессор

В публикации автор обращается к различиям в отношении к своему здоровью мужчин и женщин. Рассматривается влияние социальных норм и стереотипов на поведение, связанное с заботой о здоровье. В статье предложены рекомендации, направленные на преодоление негативных стереотипов, популяризацию здорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровье; стереотипы; забота о здоровье; здоровый образ жизни.

В современном обществе здоровье рассматривается как фундаментальная ценность для любого человека, содействующая гармоничному развитию личности и ее активному участию в жизни общества. Систематически заботясь о своем здоровье, человек закладывает прочный фундамент для собственного благополучия, успешной реализации жизненных целей и формирования условий, способствующих устойчивому развитию всего общества.

В настоящее время вопросы сохранения и укрепления здоровья приобретают исключительную значимость для всех групп населения. При этом наблюдаются существенные различия в отношении к сохранению собственного здоровья между мужчинами и женщинами, что во многом обусловлено влиянием укоренившихся стереотипов.

Современные исследования показывают, что стереотипные представления, связанные с различиями между мужчинами и женщинами, оказывают существенное влияние на поведение личности в сфере заботы о своем здоровье. Как полагает И.С. Кон, в обществе сформирована определенная структура ролевых норм, согласно которой мужчинам предписываются обязанности завоевания правового положения и уважения других людей, демонстрации умственной, эмоциональной и физической твердости, а также избегания стереотипно женских занятий. Такая модель поведения приводит к тому, что мужчины реже обращаются за медицинской помощью, что существенно снижает возможность ранней диагностики и эффективного лечения различных заболеваний. Более того, маскулинный стереотип ориентирует мужчин самостоятельно справляться со стрессовыми ситуациями и трудностями, что порождает за-

мкнутость в оценке собственного состояния здоровья, неспособности принимать помощь извне и низкую мотивацию следовать рекомендациям медицинских специалистов.

В контексте женского здоровья наблюдается более сложная картина, обусловленная наличием ряда стереотипных моделей. Так, в зависимости от характера отношения женщин к проблемам своего здоровья выделяют следующие группы стереотипов:

1. «Патриархальная группа». Данная группа условно представлена домохозяйками, демонстрирующими быструю реакцию на ухудшение собственного самочувствия и оперативное обращение к специалистам для консультации. Однако эта модель зачастую сопровождается также склонностью к гиперболизации проблем со здоровьем.

2. «Феминистская группа». В данную группу входят женщины, ориентированные преимущественно на карьеру. Женщины данной группы нередко сталкиваются с проблемами планирования личного времени. В связи с этим им свойственны следующие модели поведения в отношении собственного здоровья: трудности с выделением времени для визита к врачу; завышение оценки собственных способностей к самолечению.

3. «Эстетическая группа». Представительницы данной группы оценивают свое здоровье через призму установленных эталонов красоты и активно стремятся к их достижению. Как правило, их модель поведения ориентирована на активное использование коммерциализированных медицинских услуг (салоны красоты, центры по коррекции фигуры и т.д.) [1, с. 136].

По мнению И.Б. Назаровой, сравнивавшей характеры отношения к своему здоровью у мужчин и женщин, можно выделить три варианта гендерных стереотипов:

- Позитивные стереотипы, выражающиеся в активной заботе о собственном здоровье и здоровье близких, что более типично для женщин.

- Негативные стереотипы, характеризующиеся недостаточной внимательностью к собственному здоровью, обращением за медицинской помощью лишь в крайних случаях (присуще людям с высокой степенью занятости), дефицитом времени на заботу о здоровье, отказом от необходимой медицинской помощи по причине страха осуждения на работе, наличием вредных привычек (курение, употребление алкоголя, неправильное питание и др.), гиперболизацией количества и серьезности заболеваний.

- Сочетанные (позитивно-негативные) стереотипы, суть которых состоит в обращении за медицинской помощью лишь в случае необходимости, при этом не признавая важности здоровья [1, с. 138].

В 2021 году по заказу Белорусского института стратегических исследований Центр социально-гуманитарных исследований Белорусского государственного экономического университета провел национальный

опрос «Социокультурный портрет современного белорусского общества» (объем выборочной совокупности – 1500 респондентов). Исследование показало, что традиционные «домашние ценности», ориентированные на семью и человека, занимают центральное место в системе ценностей белорусского народа. В такой ситуации индивидуалистичные ценности пересекаются с общественными, гармонично сочетаясь в социально значимой деятельности, направленной на благо родной страны. При этом при оценке по шкале от 1 до 5 (где 1 – ценность для меня ничего не значит, 5 – это самое главное для меня в жизни) значимости базовых ценностей в жизни респондента на лидирующую строчку вышла ценность здоровья (4,73%), подтверждая ее ведущую роль в системе ценностей современного белорусского общества [2].

На данный момент представляется особенно актуальным изучение данной ситуации в Республике Беларусь. Наша страна по уровню продолжительности жизни в 2024 году занимает 130-е место, разница в половом разрезе между женщинами и мужчинами составляет 10 лет. Нам видится, что для более глубокого изучения данного вопроса необходимо проанализировать данную проблему с помощью ключевых эмпирических индикаторов, отражающих отношение населения к собственному здоровью, среди которых самооценка здоровья, мотивы заботы о нем, а также степень здравоохранительной активности [3].

Метод самооценок здоровья выступает как основной источник информации об изменениях, происходящих на микроуровне. Он включает в себя оценку не только наличия либо отсутствия симптомов заболевания, но и оценку психологического благополучия в целом. В 2024 году 29,9% белорусов оценили собственное состояние здоровья как «хорошее», при этом подавляющее большинство респондентов – как «удовлетворительное» (63,2%). Примечательно, что мужчины (36,4%), как правило, дают более позитивную оценку своему состоянию, нежели женщины (25,8%), что может быть обусловлено влиянием стереотипов, не позволяющих мужчине демонстрировать уязвимость [4].

Мотивы заботы о здоровье тесно связаны с осознанием его значимости и выбором здоровьесберегающего поведения. Институтом социологии Национальной академии наук Республики Беларусь на регулярной основе изучается проблематика сохранения, укрепления и восстановления здоровья населения. Так, по результатам опроса, проведенного в 4 квартале 2024 года – 1 квартале 2025 года (объем выборочной совокупности – 900 респондентов) большинство белорусов (83,0%) уверены, что состояние здоровья во многом обусловлено образом жизни, включающим качество питания, физическую активность и отношение к вредным привычкам. Респонденты воспринимают ответственность за сохранение и укрепление здоровья как персональную обязанность каждого человека. Забота о нем, по мнению участников опроса, проявляется, в первую оче-

редь, в самостоятельной организации подвижного образа жизни (52,4%) и рациона питания (43,0%). Кроме того, респонденты видят перспективу в приеме препаратов, повышающих иммунитет (37,8 %), регулярном прохождении медицинских осмотров (36,9 %), отказе от вредных привычек (35,1 %). Дополнительное внимание уделяется и занятиям физической культурой, спортом, закаливанием (31,4 %), соблюдению режима дня (24,2 %), контролю психоэмоционального состояния (21,7 %). Сравнительный анализ подтверждает, что женщины относятся к собственному здоровью более ответственно: каждая вторая женщина (49,2%) подчеркивает важность ответственного подхода к составлению рациона питания (49,2 %) по сравнению с каждым третьим мужчиной (35,7 %). Более того, женщины чаще мужчин прибегают к приему препаратов для поддержания иммунитета (45,9 % против 28,3 %) [5].

Здравоохранительная активность населения также является важным показателем отношения к здоровью. В Республике Беларусь действует Инструкция о порядке проведения диспансеризации взрослого населения (постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16 декабря 2024 г. № 173 «О порядке проведения диспансеризации взрослого населения»). Согласно данному документу, каждый взрослый человек, обязан пройти диспансеризацию 1 раз в год. Диспансеризация предоставляет всем гражданам реальную возможность проверить свое здоровье, своевременно выявить факторы риска развития хронических неинфекционных заболеваний, получить углубленные консультации специалистов по их коррекции. Согласно исследованию Института социологии НАН Республики Беларусь жители страны демонстрируют высокий уровень здравоохранительной активности – обязательную диспансеризацию прошли 55,5% граждан, при этом женщины демонстрируют большую ответственность в данном вопросе (62,8%) по сравнению с мужчинами (47,1%) [5].

Вместе с тем, исследователи фиксируют ряд проблем, которые негативно сказываются на отношении к своему здоровью как мужчин, так и женщин. Хотя процент употребления табака в стране снижается, среди мужчин показатель все еще находится на уровне, требующего внимания (39,7%). Кроме того, значительная доля населения сталкивается с проблемой избыточного веса: 41,4% мужчин и 30,4% женщин [6].

Комплексный анализ социологических, статистических и эмпирических данных свидетельствуют о том, что различия мужчин и женщин в отношении к собственному здоровью оказывают существенное влияние на состояние здоровья населения всей страны. Высокий уровень курения среди мужчин указывают на необходимость усиления программ по борьбе с табакокурением, таких как информационные кампании, доступ к помощи в отказе от сигарет и ужесточение ограничений на продажу табака. Проблема избыточного веса также требует внимания, осо-

бенно в контексте профилактики заболеваний, связанных с ожирением. Популяризация здорового образа жизни, создание благоприятной инфраструктуры, а также информирование о сбалансированном питании могут способствовать улучшению ситуации.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод. Сохранение влияния вредных привычек, значительная распространенность избыточного веса и разница в частоте прохождения диспансеризации подчеркивают необходимость разработки скоординированных профилактических программ, направленных на информирование о рисках для здоровья. Для повышения качества жизни населения Республики Беларусь необходимо внедрение комплексных социальных и образовательных программ, направленных на борьбу с негативными стереотипами, популяризацию здорового образа жизни. Реализация данных мер будет способствовать как укреплению здоровья граждан и увеличению продолжительности их жизни, так и созданию условий для устойчивого развития белорусского общества.

Библиографические ссылки

1. Шардин С. А., Павловских А. Ю., Шардина Л. А. Особенности отношения к своему здоровью у взрослого населения России: гендерные и возрастные аспекты // Вестник Уральского государственного медицинского университета. 2016. № 1-2. С. 134-140.
2. Белорусский институт стратегических исследований [Электронный ресурс]. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/cennostnye-priority-belorusov-orientaciya-na-mir-i-dabrabyt?ysclid=ma2yrt6m4i718748463>. (Дата обращения: 23.04.2025).
3. Беларусь в цифрах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/da3/7qqxxqqydg25c4gzuq0emqtzx4lbdqcg.pdf>. (Дата обращения: 23.04.2025).
4. Шабунова А. А., Шухатович В. Р., Корчагина П. С. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. №3 (27). С. 123-132.
5. Институт социологии Национальной академии наук Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://socio.bas-net.by/rezultaty-sotsiologicheskogo-issledovaniya-sredi-naseleniya-belarusi-po-voprosam-raboty-sistemy-zdravoohraneniya/>. (Дата обращения: 23.04.2025).
6. Гендерная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://gender.belstat.gov.by/health>. (Дата обращения: 23.04.2025).

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ К ВИДЕОИГРАМ

С. Г. Михальский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sergei.grodno05@gmail.com
Научный руководитель – Л. Г. Титаренко, доктор социологических наук, профессор*

Данная работа посвящена выявлению отношения к видеоиграм современной молодёжи как самой социально активной возрастной группы населения. Также будет затронута тема отношения к видеоиграм более старших поколений, и образ видеоигр в сми. Разобраны данные опроса по отношению студенческой молодёжи к видеоиграм, выявлены их предпочтения в жанре видеоигр.

Ключевые слова: видеоигры; молодёжь; опрос.

В наше время в обществе существует очень неоднозначное отношение к феномену видеоигр в целом и к компьютерным играм в частности. Казалось бы, уже давно прошло то время, когда видеоигры были развлечением для детей, которое было бы странным для человека старше 10 или 12 лет. Наоборот, в наше время видеоигровые выставки собирают огромное количество посетителей, в индустрии существует свой аналог церемонии «Оскар» с не меньшим размахом (ежегодная выставка The Game Awards), киберспорт официально признан как вид спорта во многих развитых странах, а трансляции с матчей в различных дисциплинах бьют рекорды на стриминговых сервисах. Более того, многие уже рассматривают видеоигры не только как прибыльный бизнес (что неоднократно подтверждено финансовой ценностью игровых гигантов), но и как произведения искусства, как в рамках сюжета, так и геймплейного повествования. В индустрии активно принимают участие различные актеры (например, Мадс Миккельсен, Киану Ривз), режиссеры. Активно развиваются новые технологии, а презентации игровых устройств уже похожи на презентации новых автомобилей.

Тем не менее, у индустрии всё еще остаётся во многом флёр «игрушек для детей», которыми видеоигры уже давно не являются. Более того, очень часто можно встретить подмену причин и следствий, например, в работах журналистов, которые освещая какую-либо трагедию, связанную с подростками, в первую очередь начинают винить видеоигры и увлечения, а не недостаток социальных связей, проблемы в семье и иные гораздо более значимые факторы.

Однако с течением времени отношение общества к видеоиграм начало меняться. Причиной этому стала эволюция технологий и самого игрового индустрии. Простые платформеры и аркады превратились в

эпические саги с кинематографическим сюжетом и поворотами. Игровые миры стали более реалистичными и многогранными, позволяя игрокам исследовать, строить и социализироваться. Эта инновационная тенденция привлекла нового поколения игроков и компьютероведов, которые начали учиться и создавать собственные игры.

Впоследствии приводя к тому, что видеоигры стали платформой для общения и создания новых связей. В онлайн-играх миллионы людей со всего мира взаимодействуют друг с другом, совместно сражаются или соревнуются, обмениваются опытом и знаниями. Такие игры могут способствовать формированию виртуальных сообществ, где люди с общим интересом находятся вместе и общаются, которые могут перейти и в оффлайн-мир. С другой, есть опасность, что неконтролируемое увлечение видеоиграми может отрицательно повлиять на наши социальные навыки и отношения. Если игры начинают заменять реальные взаимодействия и однообразные игровые ситуации становятся приоритетом, то это может привести к социальной изоляции и снижению качества жизни.

Теперь же охватим непосредственно вопрос отношения молодёжи к видеоиграм.

Мной был проведён опрос в 2024 году на тему: «Отношение студенческой молодёжи БГУ к видеоиграм»

Целью исследования является выявление различных аспектов взаимодействия студентов с видеоиграми, их предпочтения, привычки, влияние игр на социальную адаптацию.

В выборку попали представители студенческой молодёжи БГУ: лица в возрасте 17–22 года. Выбор данной возрастной группы связан с тем, что это первая возрастная группа, которая еще в дошкольные годы играла в компьютерные игры.

Исследование проводилось мной, среди студентов БГУ. Это было обосновано лучшим техническим обеспечением (высокий уровень охвата интернетом, самые современные модели гаджетов), но при этом нельзя сказать, что стиль потребления видеоигр существенно отличается от молодежи других городов или учебных заведений.

Хотя данное исследование и носило больше разведывательный характер, оно формирует общее понимание того, как современная молодёжь относиться к видеоиграм, какие жанры видеоигр предпочитают, сколько времени проводят за видеоиграми в целом и платформу, на которой студенческая молодёжь предпочитает потреблять игровой контент.

В опросе приняли участие 110 человек, 59 мужчин и 51 женщина. Распределение респондентов по полу в процентном соотношении: 60% мужчин и 40% женщин.

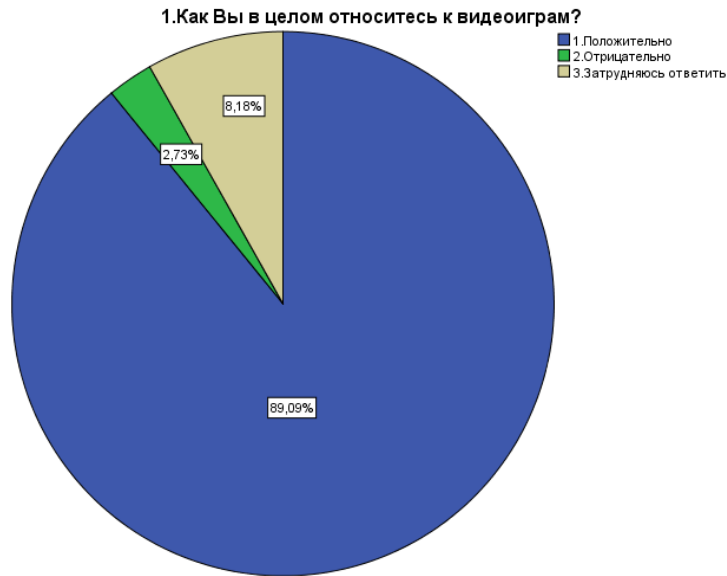

Рис. 1. Отношение респондентов к видеоиграм

Данные исследования показывают, что респонденты относятся к видеоиграм: 89,09% - положительно; 2,73% - Отрицательно; 8,18% - затрудняются ответить (рис. 1).

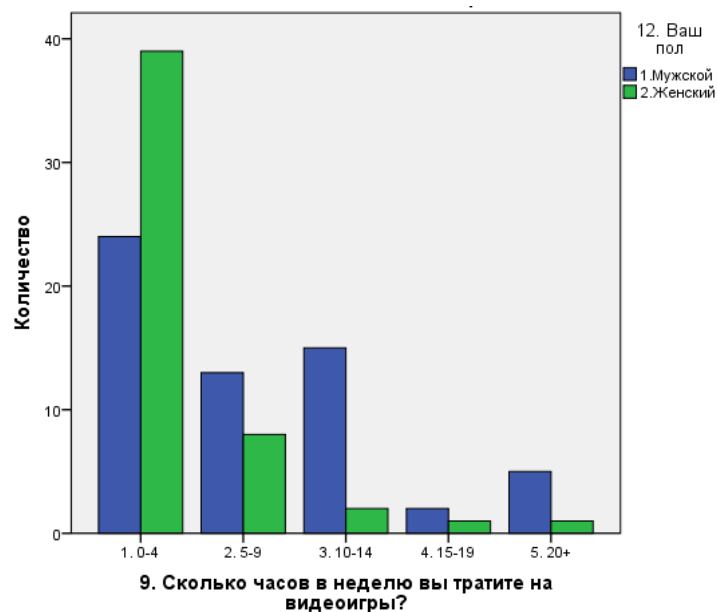

Рис. 2. Отношение количества времени, потраченного на видеоигры, и полом респондента

Одно из популярных мнений в обществе, что юноши активнее играют в видеоигры, данные исследования полностью это подтвердили. юноши, в среднем, проводят больше времени в видеоиграх, что может

быть объяснено теорией Allan L. Reissa о том, что юноши чувствуют себя более вознагражденными компьютерной игрой, а соответственной более мотивированными к продолжению игрового поведения (рис. 2) [1].

Меньше половины опрошенных предпочитают онлайн игры – 38,18%; Одиночные игры предпочитают 45,45% респондентов (рис. 3).

Оффлайн игры предпочитают большее количество респондентов, у каждого из вида игр есть свои особенности, из-за которых может быть отдано предпочтение тому или иному виду.

Онлайн-игры могут предпочесть по нескольким причинам, к примеру:

1. Социальное взаимодействие: Онлайн-игры предоставляют возможность общаться, сотрудничать и соревноваться со своими друзьями и другими игроками по всему миру. Это создает виртуальные сообщества, где люди могут находить единомышленников и строить отношения.

2. Многопользовательские возможности: Многие игры предоставляют возможность совместной игры в реальном времени, совместного прохождения кампаний или соревнования с другими игроками, в том числе вашими друзьями из оффлайна, что может усилить вовлеченность и удовлетворение от игрового процесса.

3. Онлайн-соревнования и рейтинги: Многие игры предоставляют возможность участвовать в онлайн-соревнованиях и сравнивать свои достижения с другими игроками, что может стимулировать азарт и амбиции.

Люди могут отдать предпочтение одиночным по нескольким причинам, таким как:

1. Личный опыт: Игры для одного игрока могут предоставить игрокам возможность погрузиться в игру и насладиться ею, не завися от других игроков. Игроки могут играть в своем собственном темпе, изучая игровой мир и осваивая его без посторонних влияний.

2. Глубокие сюжеты и персонажи: Многие игры для одного игрока предлагают более глубокие и сложные сюжеты, позволяющие игрокам углубиться в развитие персонажей и истории.

3. Расслабление и уход от стресса: Игры для одного игрока могут представлять собой способ расслабиться после тяжелого рабочего дня или уйти от повседневных проблем. Они позволяют игрокам погрузиться в виртуальный мир и отвлечься от реальности.

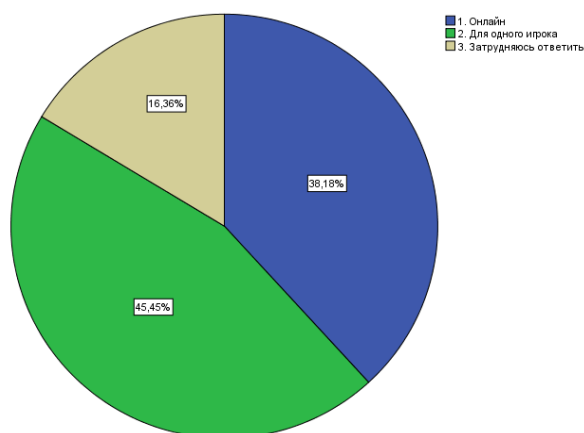

Рис. 3. Наиболее предпочитаемое одновременное количество игроков

На основе полученных данных выделено 5 самых популярных жанра, набравших у респондентов более 10% голосов: 18,18% - Казуальные; 13,64% - МОБА; 10,91% - Визуальные новеллы; 10,00% - Шутеры и Стратегии (рис. 3).

7. Укажите названия наиболее предпочитаемых Вами жанров видеоигр. (Не Более трёх). Пример: Казуальные, Визуальная новелла, MMORPG.

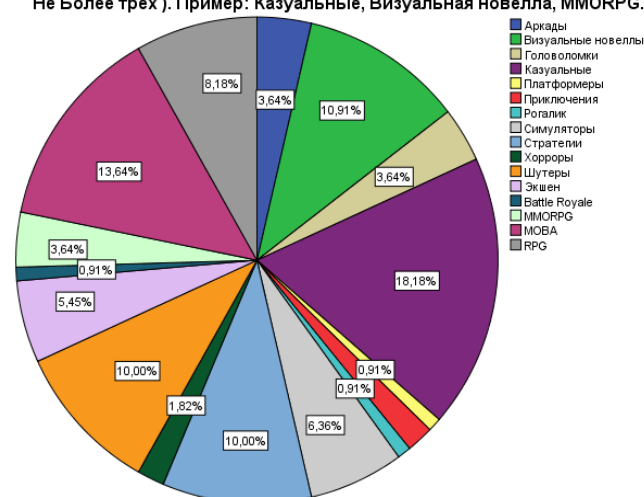

Рис. 4. Предпочитаемы жанры видеоигр

На основе полученных данных выделено 5 самых популярных жанра, набравших у респондентов более 10% голосов: 18,18% - Казуальные; 13,64% - МОБА; 10,91% - Визуальные новеллы; 10,00% - Шутеры и Стратегии (рис. 4).

Казуальные игры популярны по нескольким причинам. В первую очередь это простота создания и низкая сложность игры. Именно это послужило причиной засилья этого жанра на мобильных платформах, дела из казуальных игр идеальных “Убийц времени”

ММО и Шутеры могут быть популярны, так как, интенсивные многопользовательские баталии в ММО и Шутеры предлагают атмосферные и конкурентные виды геймплея, такие как массовые сражения, кооперативные миссии и соревнования. Это создает возможность для адреналина, тактического мышления и коллективного взаимодействия.

Визуальные новеллы популярны по нескольким причинам. В первую очередь это разнообразия сюжетов и возможность игрока не просто наблюдать за историей, а активно участвовать в ней, делая выбор, который влияет на развитие сюжета и судьбу персонажей.

Стратегии популярны так как, как и головоломки, - вовлекают мозг в задачу поиска решения проблемы, - но если головоломка может быть абстрактной и одномерной, то стратегическая игра может быть развернута вокруг определенной темы и представлять собой многослойную, многомерную головоломку.

Сегодня видеоигры являются неотъемлемой частью культуры и общества, они объединяют людей разных возрастов, национальностей и культурных предпочтений. Видеоигры влияют на мировое кино, музыку, литературу и другие искусства, что подчеркивает их значимость как социокультурного феномена. Таким образом, история становления видеоигр как социокультурного феномена включает в себя множество этапов развития, начиная с простейших аркадных игр и заканчивая мировыми киберспортивными соревнованиями, которые отражают их влияние на современное общество и культуру.

Библиографические ссылки

1. *Fumiko, H., Christa, L., Shelli, R., Keith, E., Allan, L.* Gender differences in the mesocorticolimbic system during computer game-play [Электронный ресурс] // Journal of psychiatric research 2022 URL: https://web.stanford.edu/group/cibsr/publications/pdfs/Hoeft_2008JPsychiatrRes.pdf.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОСУГА И СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

П. С. Радивилко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, polinaradivilko@mail.ru*
Научный руководитель – Е. Е. Кучко, доктор социологических наук, профессор

В статье рассматривается проблема распределения и организации свободного времени и досуга современной молодежи, в частности студенческой. Анализируется эволюция предпочтений в проведении досуга на основе сравнительных исследований 2012 и 2022 годов среди студентов экономического профиля. Особое внимание уделяется проблеме неэффективного использования свободного времени и важности осознанного подхода к этому вопросу.

Ключевые слова: свободное время; досуг; распределение; современная молодежь; организация; Интернет; саморазвитие; времяпровождение.

Организация свободного времени и досуга – одна из самых актуальных проблем современного общества. В мире, где ритм жизни становится все более быстрым и напряженным, наличие времени для отдыха и развлечений становится необходимостью. Сегодня данной проблеме уделяется все больше внимания, поскольку она касается каждого человека независимо от его пола, возраста и социального статуса.

Свободное время – это тот период времени, который свободен от работы, учебы, удовлетворения физиологических потребностей; время, которым человек может вольно распоряжаться в соответствии со своими или коллективными интересами, и целью которого может быть, как отдых и развлечения, так и принесение пользы обществу. Досуг – это часть свободного времени, которую человек проводит исходя только из своих желаний и интересов, занимаясь как активной, так и пассивной деятельностью, которая направлена на удовлетворение индивидуальных потребностей и способствует отдыху и саморазвитию.

Для современной молодежи досуг является одной из первостепенных ценностей, поскольку именно в этой сфере удовлетворяются многие социокультурные потребности молодых людей [4]. Он помогает находить баланс между учебой, работой и личной жизнью, что важно для психологического и эмоционального благополучия. Важно заметить, что досуговая сфера отличается высокой степенью свободы личности, которая демонстрируется в выборе места, времени и формы проведения свободного времени, которая соответствует интересам человека. Именно в этой области молодежь чувствует себя наиболее свободной, несущей от-

ветственность только за свои собственные решения. Такие обстоятельства обусловлены отсутствием давления профессиональных и семейных обязательств, что позволяет молодым людям ощутить независимость от внешних институтов.

Значительная часть личностного потенциала формируется в рамках досуговой сферы, которая впоследствии реализуется в дальнейшей жизни человека [3]. Например, в процессе участия в различных досуговых мероприятиях молодые люди могут развивать свои способности и интересы, раскрывать свой творческий потенциал и находить новые стороны себя. «В современном досуге присутствуют моменты творчества, когда человек из субъекта потребления превращается в субъект созидания» [1, с. 107]. Кроме того, взаимодействие с другими участниками таких событий способствует развитию коммуникативных навыков, умения работать в коллективе, решать конфликты и налаживать взаимоотношения.

Для личности наличие свободного времени является очень важным, поскольку оно обусловлено не внешними обстоятельствами, а внутренними, осознанными потребностями развития личности [5, с. 31]. Студенческая молодежь обладает высоким уровнем интеллектуального потенциала, что способствует активному проведению свободного времени. Отличительной чертой досуга студентов являются их уникальные потребности и социально-психологические особенности, такие как «молодежное сознание», повышенная чувствительность. Факторы, такие как уровень дохода, социальный статус и наличие свободного времени, также оказывают значительное влияние на характер и формы досуга студентов [3, с. 108].

В феврале 2012 г. и в октябре 2022 г. Е. В. Пилипенко были проведены исследования среди студенческой молодежи экономического профиля БГЭУ, посвященные теме распределения свободного времени. Методом исследования выступил анкетный опрос. В исследовании 2012 г. участвовали 323 человека (230 девушек и 93 юноши) в возрасте от 17 до 23 лет. В 2022 г. участие в исследовании приняли 312 человек (223 девушки и 89 юношей) в возрасте от 17 до 23 лет [5, с. 31].

В ходе исследования 2012 г. полученные данные показали, что в свободное время молодежь чаще всего предпочитает встретиться с друзьями (73,4 %), провести время за компьютером (59,1 %) и провести время с семьей (37,2 %). Роль книги и чтения в 2012 г. начинала существенно снижаться, данному времяпровождению не отдают особого предпочтения (34,7%). Причина заключается в том, что молодежь становится более пассивным объектом воздействия со стороны средств массовой информации: 26,6 % студентов посвящали свое время хобби, 23,2 % – просмотру телевизора, 21,4 % – посещению различных выставок,

театров и концертов. И только небольшое количество студентов часто не знало, чем себя занять (4,6 %), проводило время на даче (5,0 %), подрабатывало (7,4 %) [5, с. 32]. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что к постепенному снижению роли чтения привели социокультурные изменения, которые, в свою очередь, повлияли на расставление приоритетов в свободное время, например, посвятить его более активному отдыху. Многие молодые люди также отдают предпочтение провести время за компьютером, в Интернете, где они получают доступ к огромному количеству информации и развлечений в онлайн-формате, которые не требуют такого большого вложения времени и усилий, как чтение книг.

Результаты, полученные в ходе исследования 2022 г. показали, что подавляющее большинство молодых людей свободное время проводят, сидя в Интернете (91,7 %), что, с одной стороны, является удобным и доступным, а с другой – оказывает на человека негативное влияние [5, с. 32]. Интернет предоставляет доступ к огромному количеству информации на различные темы. Человек может использовать это время для обучения, получения новых знаний и расширения своего кругозора. Заостренное внимание на виртуальном пространстве может привести к ухудшению реальных социальных связей, но в тоже время, если возможность общаться с близкими людьми дают только социальные сети, это наоборот может способствовать укреплению личных отношений. Интернет также может стать источником стресса и тревоги, особенно при воздействии негативных новостей и контента. В целом, влияние свободного времени, проведенного в интернете, зависит от того, как человек использует этот ресурс. Всегда следует находить баланс между онлайн-активностями и другими аспектами жизни, чтобы обеспечить положительное воздействие на свое развитие.

Не менее важными для современной молодежи остаются встречи с друзьями (76,4 %), посещение различных заведений, таких как кафе, бары (56,3 %). [5, с. 32]. Это объясняется тем, что друзья могут быть источником поддержки, дать совет, что особенно важно в тяжелые для человека периоды. Времяпровождение с близкими людьми дарит много положительных эмоций. Многие заведения сейчас устроены очень интересно и необычно, что влечет за собой спрос на их посещение. Молодежь ищет места, где можно получить удовольствие и развлечься, попробовать новую еду, познакомиться с другими культурами и просто разнообразить свою жизнь.

«Практически одинаковое количество времени уделяется: проведению времени с семьей (49,3 %), чтению книг (47,2 %) и хобби (45,8 %); посещению кинотеатра (25,7 %) и подработке (25,0 %); проведению времени на даче (11,8 %), посещению курсов, спортивных занятий (11,8

%), просмотру телевизора (10,4 %)» [5, с. 32]. Исходя из результатов можно сделать выводы о том, что ценностное отношение к семье у современной молодежи ниже, чем к друзьям, что связано с их возрастом и интересами, которые они реализуют со своими сверстниками. «Сравнивая полученные данные, следует отметить, что более, чем в три раза, увеличилось количество подрабатывающих студентов (в 2012 г. – 7,4 %, в 2022 г. – 25,0 %)» [5, с. 32]. К причинам поиска подработки, в свободное от учебы время, относятся: нехватка денег для комфортной жизни или оплаты обучения, возможность получить опыт и навыки через практическую деятельность. В меньшей степени молодые люди предпочитают проводить время на природе, участвовать в спортивных мероприятиях или смотреть телевизор. Во многом это объясняется нехваткой времени.

Рассмотрев результаты исследования, можно сделать вывод о том, что форма проведения свободного времени у современной молодежи зависит от социального окружения, материального положения, образовательных обязанностей и личных интересов. Судя по процентному соотношению, отмечается тенденция определенной части молодёжи к проведению досуга с помощью Интернета или с друзьями, в некоторой степени сокращается время для самообразования и культурного творчества. В основном, преобладает развлекательный и домашний тип досуга, а культурный, общественный и образовательный занимают второй план.

Главная проблема, с которой сталкивается современная молодёжь – это неумение организовать своё свободное время. Молодые люди часто расходуют этот драгоценный ресурс, попросту сидя в гаджетах или смотря различные программы, сериалы. Проблематика здесь заключается не в форме выбранного досуга, поскольку в нынешнем мире будни современного человека не обойдутся без использования новых технологий, а в том, как люди чувствуют себя после такого рода отдыха. У человека могут возникнуть ощущения, что он недостаточно расслабился, развлекся или скучно провел время. Молодые люди чаще предпочитают спонтанность в этом вопросе. Но, зачастую лучше продумать свой выходной для того, чтобы он прошел должным образом. Это не предполагает пошаговый план действий, а скорее просто организацию пространства, времени и форму досуга.

Также значительные возможности для решения проблем, связанных с организацией досуговой деятельности молодых людей в студенчестве и сложностью в продуктивном времяпрепровождении, есть в университетской среде, в которой осуществляется подготовка профессионалов. Продуктивно организованная досуговая деятельность предоставляет возможность выбирать такие виды занятий, которые помогают расши-

ритель кругозор, развить творческие способности, повысить самооценку и улучшить социальное здоровье студентов. Прежде всего, чтобы быть интересным другим людям, важно стать интересным самому себе, познать свои возможности и интересы. Таким образом, целесообразная досуговая деятельность способствует не только общему, но и профессиональному развитию и саморазвитию личности [2, с. 44].

Библиографические ссылки

1. Акунина Ю. А., Ванина О. В. Инновационные формы молодежного досуга: тренды современности // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2019. №2. С. 105–117.
2. Еремеева, Л. И. Досуговая деятельность как фактор саморазвития студенческой молодежи // Вестник Югорского гос. ун-та. 2017. №1. С. 43–48.
3. Ионова, О. В. Современные виды досуга студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. №3. С. 106–113.
4. Ионова, О. В. Ценности досуговой сферы студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. – №2. С. 153–159.
5. Пилипенко, Е. В. Динамика использования свободного времени студенческой молодежью // Минск : РИВШ. 2023. №11. С. 29–34.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Н. С. Савчин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, n.savchin_edu@outlook.com
Научный руководитель – Н. В. Курилович, кандидат социологических наук, доцент*

Статья посвящена рассмотрению международного опыта реализации инклюзивного высшего образования. Репрезентируются нормативные правовые документы, определяющие направления и принципы развития инклюзивного образования. Представлены результаты социологических исследований развития инклюзивной среды в Японии и странах Европы.

Ключевые слова: инклюзия; высшее образование; лица с особыми образовательными потребностями; образовательная среда; международные образовательные стратегии; Европейская ассоциация университетов.

В современном мире вопросы инклюзии в сфере высшего образования становятся все более значимыми. Учреждения высшего образования (далее – УВО) по всему миру стремятся создать условия равного доступа к знаниям и возможностям для всех лиц, независимо от их статуса. Такие международные организации, как ЮНЕСКО, Европейская ассоциация университетов и др., играют важную роль в формировании инклюзивных образовательных практик в сфере высшего образования [1]. В условиях растущего внимания к вопросам социальной справедливости инклюзивное высшее образование выступает важным элементом устойчивого развития общества. Деятельность УВО в области реализации инклюзивных практик способствует не только активному развитию инклюзивной толерантности, но и преодолению барьеров в обучении и успешной реализации на рынке труда самих субъектов инклюзии.

Международный опыт реализации инклюзивного образования является решающим для оптимального внедрения инклюзивных инноваций в УВО. Страны с различным уровнем социально-экономического развития демонстрируют уникальные подходы к интеграции инклюзивных принципов в системе высшего образования. Их достижения представляют собой ценный ресурс для анализа, обобщения и последующего применения на практике в Республике Беларусь.

Основополагающим документом для реализации инклюзии является Конвенция о правах инвалидов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года. Целью конвенции является «поощрение, защита и обеспечение полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также поощрение уважения

присущего им достоинства» [2, ст. 1]. Статья 3 данного документа определяет основные принципы, выдвигаемые в области защиты прав инвалидов, и отражает все признаки развития инклюзии в обществе: «уважение присущего человеку достоинства, его личной самостоятельности, включая свободу делать свой собственный выбор, и независимости; недискриминация; полное и эффективное вовлечение и включение в общество; уважение особенностей инвалидов и их принятие в качестве компонента людского многообразия и части человечества; равенство возможностей; доступность; равенство мужчин и женщин; уважение развивающихся способностей детей-инвалидов и уважение права детей-инвалидов сохранять свою индивидуальность» [2, ст. 3]. К значимым нормативно-правовым актам, регламентирующим инклюзивные процессы в образовательной среде, относится Конвенция ООН о борьбе с дискриминацией в области образования, направленная на ликвидацию и предупреждение дискриминационных практик в отношении обучающихся в государствах-ратификаторах [3, ст. 1, 3].

Отчёт Европейской ассоциации университетов «Тренды 2024» отражает направленность практики «гибкого» обучения. В настоящее время 2/3 европейских университетов рассматривают развитие инклюзивности высшего образования как свой приоритет. К числу существенных проблем в этой сфере относятся недостаточное финансирование, дефицит обученного персонала, отсутствие должного уровня признания деятельности таких специалистов и растущее давление со стороны внешних партнёров [4, с. 10].

В странах Европы развитие инклюзии в высшем образовании осуществляется в соответствии с моделью EDI (*от англ. Equity, Diversity, Inclusion*), что переводится как равенство, разнообразие и инклюзивность. Результаты исследования Европейской ассоциации университетов свидетельствуют о том, что в 2024 году активное внедрение модели EDI осуществляли 83% университетов. При этом подавляющее большинство учебных заведений (90%) считают эти ценности ключевыми направлениями своего развития. Практически все университеты уже внедрили соответствующие стратегии, причем 88% активно используют их в образовательном процессе, лишь небольшая часть (8%) находится в процессе внедрения. В большинстве случаев инклюзивные принципы уже применяются во внутренних процессах и образовательной политике УВО. Кроме того, принцип инклюзии учитывается при подборе преподавателей и при поступлении абитуриентов: 2/3 учреждений принимают во внимание эти аспекты при кадровом подборе (66%) и в приемной кампании (64%). Однако около 1/3 европейских университетов пока не адаптировали такие принципы при подборе персонала и наборе абитуриентов. Ситуация с государственной поддержкой инклюзии выглядит наименее благополучно. Финансирование инклюзивных стратегий со

стороны государства получают менее половины университетов (39%), а учет инклюзивности в стратегических документах университетов в направлении национальной политики встречается только в 36% случаев. Несмотря на широкую поддержку инклюзии на уровне университетов, остаются проблемы в виде финансовых ограничений и недостаточной вовлеченности государства, что значительно замедляет процесс развития «включающей» образовательной среды в системе европейского высшего образования [4, с. 45].

Как показывают данные социологического опроса Европейской ассоциации университетов, наибольшее внимание при реализации инклюзии в сфере высшего образования уделяется такому аспекту, как инвалидность (74% студентов и 60% сотрудников). На социально-экономическое положение указали 64% студентов и 26% работников, а на проблемы со здоровьем – 60% студентов и 51% сотрудников. Миграционный статус значим для 57% студентов и 34% сотрудников, а 52% студентов и 58% работников указали на фактор половой принадлежности. Этническое происхождение учитывается в университетских политиках по мнению более чем 1/3 студентов и примерно 1/4 сотрудников учебных заведений. Сексуальная ориентация и обязанности по уходу за лицом, имеющим особенности психо-физического развития, принимаются во внимание по мнению 1/3 студентов и сотрудников. Значительная часть опрошенных студентов и работников европейских УВО указали на учет возраста и религии. Такой аспект, как географическая удаленность, отметили 23% студентов и 18% работников. Результаты учета различных аспектов инклюзии в политике европейских университетов, как в отношении студентов, так и работников, наглядно представлены на рисунке (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие аспекты учитываются в политике и мерах по интеграции инклюзии Вашего учебного заведения?» (по статусу, в %)

Таким образом, несмотря на то, что некоторые параметры инклюзии охватывают весомую часть европейского университетского сообщества, внимание к ним остается неоднородным, особенно в отношении работников. Это говорит о приоритетности поддержки студентов, но недостаточном внимании к аналогичным потребностям работников.

Прогрессивный опыт внедрения инклюзивных процессов в УВО наблюдается в Японии. По состоянию на 2016 год в этой стране около 1,65 миллионов студентов колледжей и университетов имеют слуховую депривацию. В качестве основных видов поддержки при обучении слабослышащих студентов используются записи учебного материала, сурдопереводчики, специальные субтитры в видеоматериалах лекций, специальные программы для тренировки памяти. Наиболее востребованными в студенческой среде являются записывание учебного материала (40%) и удобная рассадка таких студентов в большой аудитории для более эффективного восприятия и усвоения учебного материала (35%). Метод записывания учебных материалов осуществляется слышащими студентами-волонтерами [5, с. 12].

Таким образом, инклюзия в высшем образовании является ключевым элементом развития образовательных систем, направленных на обеспечение равного доступа к знаниям и возможностям для всех категорий студентов, независимо от их половой, расовой принадлежности или ограничений по здоровью. Международные нормативные документы (Конвенция о правах инвалидов и Конвенция ООН о борьбе с дискриминацией в образовании) устанавливают правовые рамки, обеспечивающие защиту прав обучающихся и формирование образовательной безбарьерной среды. Анализ ситуации в европейских университетах свидетельствует об активном внедрении модели EDI. Опыт Японии демонстрирует альтернативные пути интеграции инклюзивных принципов в высшее образование, прежде всего для поддержки студентов с особенностями слуха. Реализация в японских учебных заведениях принципа «равный обучает равного» играет важную роль в создании инклюзивной образовательной среды. В целом успешная реализация инклюзии в сфере высшего образования требует многостороннего подхода, учитывающего как международные стандарты, так и национальные особенности каждой страны.

Библиографические ссылки

1. UNESCO Global Education Monitoring Report 2020 [Electronic resource]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373718> (date of access: 08.04.2025).

2. Convention on the Rights of Persons with Disabilities [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (date of access: 08.04.2025).

3. Convention against Discrimination in Education [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml (date of access: 08.04.2025).

4. EUA Trends 2024 Report [Electronic resource]. URL: <https://www.eua.eu/publications/reports/trends-2024.html> (date of access: 08.04.2025).

5. *Орешикина, О. А., Сафонова, Ю. А.* Подходы к академической поддержке студентов-инвалидов по слуху в инклюзивном профессиональном образовании на примере Германии, США и Японии [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2016. № 10 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-akademicheskoy-podderzhke-studentov-invalidov-po-sluhu-v-inklyuzivnom-professionalnom-obrazovanii-na-primere-germanii-ssha-i>. Дата обращения: 06.04.2025.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ 1 КУРСА О СОЦИОЛОГИИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Чернова¹⁾, П. С. Шпилевская¹⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, elenkar258@gmail.com ; vetadubatovka7@gmail.com
Научный руководитель – Т. В. Бурак, кандидат социологических наук, доцент*

В данной статье анализируются результаты социологического исследования, проведённого в 2024 году с целью изучения мотивации поступления в БГУ на специальность «Социология». Студенты 1 курса специальности «социология» воспринимают социологию как науку, характерные черты которой в наибольшей степени соответствуют образам таких животных, как кот, муравей, собака и дельфин. В их представлении социология и социологи ассоциируются с мудрыми и наблюдательными, рефлексирющими и интеллектуальными животными, живущими среди большого количества себе подобных и изучающими поведение.

Ключевые слова: социология; представление о социологии; мотивация поступления.

В настоящее время социология играет ключевую роль в изучении и объяснении социальных проблем общества, а также закономерностей его развития. Подготовкой специалистов социологии занимаются следующие университеты: Белорусский государственный университет, Белорусский государственный экономический университет и Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. В 2024 году в БГУ количество учебных мест на специальность «Социология» составило 20 мест, 10 мест на платную и 10 – на бюджетную форму обучения соответственно [1]. Мотивация поступления именно на специальность «социология» и именно в БГУ связана не только с влиянием социальной среды, но и с первоначальным представлением о будущей специальности.

В этой связи нами было проведено сплошное социологическое исследование в декабре 2024 года с использованием метода социологического опроса. Объект исследования – студенты 1 курса специальности «социология» факультета философии и социальных наук БГУ (20 человек). Цель исследования – выявить первоначальное представление о предмете социологии у студентов, которые только поступили на специальность «социология» и имеют скорее интуитивное понимание о том, что изучает социология.

Анализ результатов проведённого исследования показал, что для студентов 1 курса специальности «социология» социологическая наука в наибольшей степени соотносится с образами и характерными особенностями таких животных, как: кот (20%), муравей (15%), собака (10%),

дельфин (10%). Восприятие социологии в образе муравья сами студенты связывают с предметом изучения социологической науки, с подобием организации жизни муравьев и человеческого общества: «Муравьи живут в сложных социальных системах, где каждый индивид выполняет свою роль, а их взаимодействие обеспечивает функционирование всей колонии». Кота же студенты считают «мудрым и в то же время хитрым животным, которое хладнокровно наблюдает за процессами», так и социологи, владеющие знаниями, могут грамотно влиять на общественные отношения: «Я действительно люблю этих животных»; «Внешний облик кота у меня ассоциируется с социологией»; «Коты мягкие и пушистые, но при этом с характером. Они вполне ярко проявляют эмоции, однако для разных ситуаций и даже разных людей они ведут себя по-разному»; «Всем кажется ленивым, но на деле очень осознанный и деятельный». Образ собаки подобен социологии в стремлении изучать людей и их поведение, «т.к. социология изучает людей, их поведение. А собака, в свою очередь, живя с хозяином, постепенно изучает его действия и на основании того строит свое поведение»; «собака – лучший друг человека. Вот и социология играет важную роль в жизни любого человека, который даже об этом не задумывается». Представление о социологии в образе дельфина объясняется характерным для млекопитающего высоким интеллектом и жизнью в группе, поскольку дельфины «демонстрируют сотрудничество и коммуникацию».

Для студентов 1 курса специальности «социология» представление о социологии как науке также обусловлено определенной связью с характерными особенностями и других представителей фауны. Например, с общительностью попугая («Потому что попугаи имеют разные цвета и привлекают внимание, а социология притягивает внимание сферой исследований»); скоростью рыси («Рысь быстрая, социология также стремительно развивается»); коммуникацией пчёл («Они очень социальные животные, живущие группами, демонстрируют формы коммуникации, сотрудничество, сплочённые действия»); с мудростью совы («Возможно потому, что сова обозначает знания, мудрость. Социология в этом плане тоже обозначает знания об обществе явлениях, происходящих в нём»).

Кроме того, будущие социологи представляют себе социологию как науку, для которой характерны интеллект и аналитическое мышление, открытость к коммуникации и общительность, свойственные также ласточке, жирафу, орлу (ястребу), лисе, тигру, слону, сове. Можно предположить, что в определённой степени перечисленные ассоциативные качества сопряжены с символикой факультета философии и социальных наук. Поскольку после поступления в университет формирование соци-

альной идентичности студентов происходит, прежде всего, через принадлежность к общности студентов факультета.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предмет социологии у студентов, которые только в начале пути становления как специалиста в области социологии, в подавляющем большинстве имеют интуитивно осязаемое представление о будущей профессии. Они уже понимают, какие навыки им потребуются и каково значение их будущей профессиональной деятельности. Это значит, вероятно, что научно-исследовательская работа социолога представляется студентам 1 курса специальности «социология» ответственной, требующей специальных знаний, профессиональных навыков коммуникации и критического мышления.

Библиографические ссылки:

1. План приёма 2024 [электронный ресурс] / Белорусский государственный университет. URL: <https://abiturient.bsu.by>. (Дата обращения: 15.04.2025).

ТЕЛЕСНОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПОДХОДЫ

А. К. Шафаренко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sociology@bsu.by
Научный руководитель – А. А. Похомова, кандидат социологических наук, доцент*

В публикации автор обращается к вопросу дисциплинарного изучения феномена телесности в социологической науке. Объектом исследования является человеческая телесность. Целью исследования является рассмотрение телесности в рамках конкретных социологических областей (специальных социологических теорий).

Ключевые слова: телесность; тело; социологический подход; социологическое измерение телесности.

Изучение телесности является важной задачей гуманитарных наук, в числе которых находится и социология, поскольку телесность является средством коммуникации индивида с обществом, проводником между человеком и его пониманием своего положения в отношении других людей, влияет на формирование самосознания и личностных черт.

Социология тела рассматривает телесность человека как социокультурный феномен и как культурно-биологическое образование, формирование которого обусловлено как социумом, эталонами и стандартами красоты конкретного общества, так и самостоятельным осмыслением человеком своего тела. Социологи анализируют, как социальные нормы, ожидания и стереотипы связаны с формированием представлений о красоте, здоровье, телесности и т.д. Исследователи рассматривают телесность в качестве продукта социальных и культурных процессов, в которых индивидуумы участвуют в рамках своих социальных групп и культурных контекстов. При этом телесность анализируется на социокультурном (макро) уровне, а не на индивидуальном – микро-уровне.

С социологической точки зрения, телесность – социальный конструкт, который формируется посредством социального взаимодействия, социальной коммуникации, а также в условии культурного контекста, и включает в себя не только физические параметры тела, но также их социальные и культурные значения и интерпретации.

В социологии оформилось два направления изучения телесности:

•структуралистски ориентированная социология тела, предполагающая фокус исследователей на изучение реального опыта и телесно воплощаемых намерений взаимодействующих индивидов вместо построения теоретических и абстрактных взглядов на

человеческую телесность, а также открытость влияниям других дисциплин, таких как феминистская теория, семиотика, культурная антропология, психоанализ и многие другие;

• феноменологически ориентированная «телесная социология», предполагающая интерес исследователей к телу, являющимся субъектом приобретения знания, чувственного опыта и интенциональных действий [1].

Среди множества социальных и гуманитарных наук, занимающихся исследовательским освоением человеческой телесности, социология, возможно, является лидером по степени специализированности отдельных институционально признанных направлений, изучающих ее отдельные аспекты. Социология тела имеет схожую направленность научного интереса со следующими социологическими подходами:

1. Карнальная социология – подход в социологии, который акцентирует внимание на теле и телесности как основополагающих аспектах социальных взаимодействий и социальной организации. Она признает физическое тело человека как социальный объект и акцентирует внимание на значении эмоций, чувственности и эстетики в общественной жизни. Карнальная социология исследует физические проявления социальных процессов и взаимодействий, такие как жесты, мимика, позы и другие формы невербальной коммуникации, рассматривает тело как центральный элемент социальной жизни и основу социальных отношений. Она занимается исследованием социальных практик и процессов, происходящих в повседневной жизни людей и базирующихся на телесных взаимодействиях. Понятие «карнальная социология» было введено французским социологом Жаном Бодрийяром в его работе «Система вещей» (1968 год) [2].

2. Социология здоровья (или социология медицины) – социологический подход, занимающийся изучением человеческого тела в контексте проблемы социальной обусловленности здоровья и болезней, в тесной связи с изучением медицины как социального института, что неизбежно ограничивает спектр вопросов, связанных с пониманием телесности как социокультурного феномена [3].

3. Социология эмоций – социологический подход, представители которого призывают считать человеческие эмоции так называемым «посредником» между биологическими и социальными составляющими человеческой натуры, а также «признать эмоции в качестве телесного феномена, но при этом отказаться от позитивистской концептуализации тела» [4, с. 44]. Согласно данному социологическому подходу, эмоции абсолютно по-разному проявляются в разных социокультурных контекстах и ситуациях, а также зачастую имеют телесную воплощенность,

благодаря которой их и можно изучать. Эмоции человека непосредственно влияют как на его жизнь и самоощущение, так и на окружающих его людей.

4.Феминистская социология – социологический подход, основу которого составила теория феминизма. Именно феминистское движение стало в середине XX в. одним из факторов пробуждения интереса социологов к более углубленному изучению телесности, а в частности – женской. Феминистская социология осуществила немалый вклад в концептуализацию пола и гендера, гендерных различий и неравенства, а также анализ влияния существующей культуры на восприятие женщинами своих тел и телесных практик [5].

5.Гендерная социология – один из социологических подходов, рассматривающий вопросы социальных ролей, занимаемых социальными позициями и исполняемых социальных функций мужчины и женщины. Данный подход в социологии достаточно прогрессивно развивается и совершенствуется. Изучение позиций, занимаемых представителями мужского и женского полов в социальной структуре и иерархии общества, соответствующих им социальных ролей, а также гендерных стереотипов, окрашивающих их существование – основные задачи данного социологического подхода.

Таким образом, социология тела тесно связана с иными, схожими по направленности, социологическими подходами. От каждого вышеперечисленного подхода социология тела заимствует те или иные идеи, категориальный аппарат, концепции и многое другое. В то же время социология тела сама является источником для «вдохновения» и черпания идей для других специальных социологических теорий. Исходя из этого следует, что между данными подходами существует взаимообмен и взаимоориентирование, что способствует социологическому знанию прумножаться и обновляться.

Библиографические ссылки

- 1.Пивоваров, А. М. Социология тела в поисках своей идентичности: анализ исследовательских программ // Социологический журнал. 2019. №4. С. 9-27.
- 2.Бодрийяр, Ж. Система вещей // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3496>. (Дата обращения: 20.04.2025).
- 3.Дмитриева, Е. В. От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 51–57.
- 4.Бардина, С. М. Психофармакологическое конструирование эмоций: Prozac против дуализма сознания и тела // Социология власти. 2017. № 3. С. 41–58.
- 5.Гольман, Е. А. Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии // Логос. 2018. № 4. С. 129–156.

СЕКЦИЯ 8. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БГУ

Э. А. Балтаева¹⁾, Д. С. Патеева¹⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, 2.elmira@bk.ru; pateeva.darya@yandex.ru
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент

Статья посвящена анализу ценностных ориентаций студентов старших курсов БГУ. Уточняются ключевые понятия, такие как «ценность», «ценностная ориентация», а также анализируется влияние социальных каналов и факторов социализации на формирование ценностей, приводятся основные типологизации ценностей. Репрезентируются результаты анкетного опроса, проведенного в декабре 2024 - марте 2025 года с использованием Google Forms. Выборочная совокупность составила 1357 человек. Были опрошены студенты 3-4 курсов 15 факультетов, Института бизнеса и МГЭИ им. А. Д. Сахарова БГУ.

Ключевые слова: ценность; ценностные ориентации; студенческая молодежь; качества современного молодого человека

В современном обществе ценности играют ключевую роль в формировании личной и социальной идентичности. Преобладающие ценности формируют социальную картину любого общества, определяя нормы поведения, приоритеты и цели, к которым стремятся его члены.

Особую значимость приобретает исследование ценностей молодежи, как наиболее динамичной и восприимчивой к изменениям части общества. Именно молодежь, вступая во взрослую жизнь, формирует новые ценностные ориентиры, которые в дальнейшем оказывают влияние на развитие общества в целом. В контексте глобализации, информатизации и социально-экономических трансформаций ценностные ориентации молодежи подвергаются значительным изменениям, что требует постоянного анализа и осмысления.

В словаре-справочнике по социологии, понятие ценность изложено следующим образом: «Ценность – особое общественное отношение, благодаря которому потребности и интересы человека или социальной

группы переносятся на мир вещей, предметов, духовных явлений, придавая им определенные социальные свойства, не связанные напрямую с их утилитарным назначением» [1].

Это определение подчеркивает субъективный и социальный характер ценностей. Ценность не является имманентным свойством объекта, а возникает в результате взаимодействия человека или социальной группы с этим объектом. Иными словами, один и тот же предмет или явление может иметь разную ценность для разных людей или социальных групп, в зависимости от их потребностей, интересов и убеждений.

Понимание сущности ценностей необходимо для анализа процесса формирования ценностных ориентаций. Ценностные ориентации формируются благодаря не только социально-психологическим особенностям данной социальной группы и отдельной личности, но также и социальной информации, поступающей по нескольким каналам [2, с.39]. Одним из важнейших каналов является первичная социализация личности. Здесь стоит отметить, что на процесс социализации влияют три типа факторов: макрофакторы, мезофакторы и микрофакторы [3, с 84].

Другой канал – непосредственный опыт индивида. Обстоятельства, в которых оказывается человек и окружающая его действительность, формируют особые качества личности, в том числе и ценностные ориентации. Именно посредством этого канала отражаются тенденции взаимосвязи между личностью и обществом. Такая связь образовалась в процессе восприятия личностью окружающей среды [2, с.39].

Поскольку ценности влияют на поведение людей во всех сферах их жизнедеятельности, то простейшим и наиболее распространенным основанием для типологизации является их конкретное предметное содержание. По этому основанию различают ценности [4, с.174]:

1. Социальные;
2. Экономические;
3. Политические;
4. Духовные и т.д.

Кроме этой, выделяются также следующие типологизации ценностей [2, с. 174-175]:

1. Ценности-цели, или высшие (абсолютные) ценности;
2. Ценности-средства (инструментальные ценности);
3. Ценности положительные и отрицательные (имеются в виду их социальное значение и последствия их реализации);
4. Ценности материальные и духовные;
5. Ценности западной и восточной культур и т. д.

Изучение мнения студенческой молодежи является критически важным для понимания текущего состояния и перспектив развития об-

щества. Студенты, являясь наиболее активной и образованной частью населения, отражают современные тенденции, ценности и взгляды, которые формируют будущее. Их мнение служит индикатором социальных изменений, а также предоставляет ценную информацию для разработки эффективных стратегий в образовании, социальной политике и управлении, направленных на формирование активной гражданской позиции.

В рамках исследования, проведенного в декабре 2024 г.- марте 2025 г., одним из предметов изучения выступили ценности студенческой молодежи. Для их определения участникам был задан ряд вопросов, направленных на выявление приоритетных ценностей и наиболее признаваемых социальных качеств.

Для анализа представлений студентов о наиболее значимых общечеловеческих ценностях был задан вопрос «Насколько значимыми лично для Вас являются следующие общечеловеческие ценности?». Студенты должны были определить значимость следующих ценностей: «Толерантное отношение к людям различных национальностей и вероисповеданий», «Негативное отношение к проявлению любых форм экстремизма в молодежной среде», «Знание белорусских обычаев, традиций, культуры», «Семейные ценности», «Труд на благо Родины», «Негативное отношение к проявлению различного рода нетерпимости (расовой, религиозной, и т.п.)». Ими использовалась шкала, состоящая из следующих категорий: «Очень значимы», «Скорее значимы», «Скорее незначимы», «Незначимы». Для удобства при анализе, категории «Очень значимы» и «Скорее значимы», а также «Скорее незначимы» и «Незначимы» были объединены в более общие категории: «Значимы» и «Незначимы». По мнению опрошенных студентов, наиболее значимыми ценностями оказались «Толерантное отношение к людям различных национальностей и вероисповеданий» (93,3%), «Семейные ценности» (92,2%), «Знание белорусских обычаев, традиций, культуры» (87%) и «Негативное отношение к проявлению различного рода нетерпимости» (86,3%). Несколько реже всего при определении значимости ценностей студенты выбирали варианты «Негативное отношение к проявлению любых форм экстремизма в молодежной среде» (81,3%) и «Труд на благо Родины» (80,6%).

Было проанализировано распределение ответов на этот вопрос в зависимости от пола респондента и места жительства до поступления в университет:

- данные исследования демонстрируют различия в ответах юношей и девушек о значимости «Толерантного отношения к людям различных национальностей и вероисповеданий»; важность данной ценности для девушек (96,7%) несколько выше, чем для юношей (88,2%).

- среди студентов, проживающих в сельских населенных пунктах, а также жителей городов, не являющихся областным центром, значимость вышеперечисленных ценностей несколько выше, чем среди студентов других населенных пунктов.

В ходе опроса студенты БГУ должны были ответить на вопрос «Как Вы считаете, какие из перечисленных качеств являются наиболее важными для современного молодого человека?». Данный вопрос предполагал несколько вариантов ответа. По мнению 66,4% респондентов, современный молодой человек должен бережно относиться к семье и семейным ценностям. Не менее важными качествами оказались профессионализм (45,9%), экономическая самостоятельность (45,7%), гуманность (47,6%), умение открыто высказывать и отстаивать свое мнение (45,4%), умение постоять за себя (42,8%), трудолюбие (41,1%) и оптимизм (39,8%). Эти качества можно разделить на 3 группы: профессиональные, социальные и ассертивные (комплекс характеристик личности, позволяющих уверенно и открыто выражать свои мысли, чувства и потребности, одновременно уважая права и границы других людей). Менее значимыми являются такие качества, как терпимость (24,5%), уважительное отношение к старшим (24,7%), готовность работать с полной отдачей (18%), добросовестное отношение к учебной деятельности (12,1%) и деловая хватка (9,6%).

Было проанализировано распределение ответов на этот вопрос в зависимости от пола респондента:

- данные исследования свидетельствуют о том, что существенных различий между ответами юношей и девушек нет; однако девушки на 8,9 процентных пункта (п.п.) чаще, чем юноши, отмечали важность бережного отношения к семье и семейным ценностям.

- также девушки на 8,3 п.п. чаще, чем юноши, указывали значимость умения постоять за себя.

- профессионализм оказался более значимым для юношей, получив на 13 п.п. больше голосов.

Таким образом, результаты социологического исследования свидетельствуют о высокой значимости для студентов всех вышеупомянутых ценностей. Если говорить о качествах, которые студенты считают наиболее важными для современного молодого человека, то можно отметить следующие характеристики: бережное отношение к семье и семейным ценностям, гуманность и профессионализм. Это указывает на сформированную систему нравственных ориентиров, присущую современной молодежи, и подчеркивает их стремление к общественно-полезной деятельности, сохранению культурного наследия и построению гармоничных отношений в обществе. Также фиксируются некото-

рые различия в распределении ответов на данные вопросы в зависимости от социально-демографических характеристик студентов.

Библиографические ссылки

- 1.Словарь-справочник по социологии / авт.-сост. А. А. Акмалова, В. М. Капцын, А. В. Миронов, В. К. Мокшин. 6-е изд. Москва : Дашков и К, 2022. 304 с.
- 2.*Ромашова, Л.О.* Факторы, влияющие на формирование ценностных ориентаций молодежи // Горизонты гуманитарного знания. 2021. №3. С.38-44.
- 3.*Лупандин, В.Н.* Социология молодёжи. Орёл: Изд-во. Орловского государственного технического университета, 2011. 238 с.
- 4.*Мантурова, Н. С.* Социально-правовые ценности: основания для дефиниции // Вестник ЧГАКИ. 2013. № 3 (35). С. 174-178.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ: КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ И ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ФФСН БГУ

А. А. Богданова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, anastasiyaBahb@yandex.by
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент*

Статья посвящена трансформации трудовых установок студенческой молодежи на примере студентов ФФСН БГУ. Исследуются различия между младшими и старшими курсами в карьерных мотивах, критериях трудоустройства и восприятии высшего образования. Подчеркивается роль университета в социализации и формировании трудового субъекта. Отмечается сдвиг от идеалистических к прагматичным установкам как отражение адаптации молодежи к современным вызовам.

Ключевые слова: трансформация отношения труда; карьерные стратегии; карьерные ценности.

В условиях регулярных трансформаций современных реалий проблематика карьеры представляется как особенно уязвимый предмет, поскольку коррелирует со всеми сферами общественной жизни. От политической ситуации в стране может зависеть распределение трудоспособного населения между видами трудовой деятельности, от экономической и образовательной систем – карьерные предпочтения. Невозможно проигнорировать галопирующий характер настроений социума, живущего в мире информационного перенасыщения: формируемые медиа тренды способны не только популяризировать и создавать новые профессии, но и дискредитировать уже устоявшиеся. Такая ситуация нестабильности диктует необходимость непрерывной актуализации информации о трансформации отношения труда, построения социологических прогнозов в разрезе карьерных предпочтений, что позволит своевременно и успешно среагировать на новые вызовы.

Молодежь как наиболее мобильная социальная группа является ключевым инициатором сдвигов в области труда. В условиях общественных волнений и культивации различных систем взглядов молодые люди становятся первопроходцами в освоении новых трудовых практик (например, фрилансинг или удаленный формат работы), в продвижении определенных профессий и даже ценностных ориентиров вплоть до мотивационных категорий. Однако в силу недостаточности опыта, необходимого уровня специфических знаний и прикладных навыков, что непосредственно является функциями системы образования, молодежь уязвима перед требованиями работодателей на рынке труда. Рассматривае-

мая проблема как один из важных факторов, обуславливающих затруднения трудоустройства у молодежи, регулярно прослеживается в работах отечественных и российских исследователей.

Особую роль в современном рынке труда молодежи играют ВУЗы. Она заключается в подготовке высококвалифицированных кадров по заказу рынка и в воспитании трудового индивида. По мнению А.К. Дубовик, ВУЗ ориентирован на конвейерное производство специалистов без учета требований трудовых реалий [1]. Однако стоит отметить проведение Министерством образования Республики Беларусь в 2025 году активной политики в области приемных кампаний вплоть до прекращения подготовки специалистов по десяткам специальностей или введения принципиально новых обучающих программ.

В рамках статьи анализ трансформации отношения к труду осуществляется на основе данных пилотажного исследования, проведенного в период с 1 по 20 апреля 2025 года на базе факультета философии и социальных наук БГУ. В исследовании приняли участие студенты 1–4 курсов всех специальностей факультета; общая численность выборочной совокупности составила 74 респондента.

На сегодняшний день в сознании молодежи высшее образование воспринимается как гарант получения профессиональных знаний и навыков, позволяющих выпускникам в будущем успешно работать в выбранном направлении (59,5%). Соответственно ВУЗ выступает неким базисом для самореализации в трудовом отношении вплоть до перспективы высокого заработка (58,1%). Лидирование среди мотивов поступления стремления получить диплом (51,4%) и расширить социальные связи (48,6%) также указывают на характер образования как рыночно полезного в сознании молодежи (51,4%), свойственное для стратегии выживания в мире высокой конкуренции и достижения успеха. При этом респонденты рассматривают их в паре (корреляция по Спирмену 0,68), что свидетельствует о социальной обусловленности этих двух мотивов как некой модели поведения, ожидаемой обществом от молодежи.

Перечисленные мотивы – получение знаний и навыков, диплом о высшем образовании и высокая заработная плата – это те карьерные ожидания у поступающей молодежи, которые сформировались под давлением норм социума, в процессе социализации. Подавляющий акцент респондентов на репутацию и престиж ВУЗа при выборе учебного заведения (83,6%) в совокупности с мотивами выступают в поддержку тезиса Р. А. Кобылкина о «культивировании успеха без рассмотрения путей его достижения» [2]. Пропагандируя прагматические ценности и рекламные образы потребительских установок, социум еще в процессе

обучения навязывает карьерные ценности личного успеха, богатства, достатка.

Если же наличие высшего образования является критерием успеха, диктуемого социальной реальностью, то выбор будущего направления деятельности опирается на внутренние мотивы индивида – интерес к самой специальности (выбрали 37,8% опрошенных студентов). Стоит отметить, что при нахождении в вопросе большого объема ответов, имеющих социально обусловленный характер, большинство респондентов отдали предпочтение личностным мотивам (27% – «сдавал интересующий набор предметов»). Следовательно, некий базис выступает в роли социального минимума, такого как «наличие образования», «связи», «престижность», после достижения которого позиция индивида детерминруется его личным выбором (выбор позиции «интересует специальность» – 54%).

Положительный уровень удовлетворенности будущей специальностью у младших курсов составляет 87,7%, при этом наблюдается резкое снижение уровня удовлетворенности у старших курсов – 64%. Негативная динамика прослеживается также с увеличением курса студентов – уровень положительных ответов снизился с 87,5% удовлетворенных студентов первого курса до 33,3% удовлетворенных студентов четвертого курса, что требует тщательного исследования причинно-следственных связей в будущем.

Примечательно, что 77,8% респондентов, кто уже имел определенный опыт работы по специальности, положительно оценивают не только уровень удовлетворенности своей будущей специальностью, но и в целом шансы на трудоустройство после окончания ВУЗа (66,6%). Это обуславливает важность развития практических навыков и их применения в решении реальных рабочих задач.

В текущих реалиях на факультете философии и социальных наук наблюдается проблема профориентационной работы: вопрос неопределенности карьерных перспектив превалирует в проблематике факторов, влияющих на выбор другой специальности (44,5%), и, в частности, у младших курсов (57,1%), что доказывает необходимость углубленной работы с введением в специальность и профессиональных возможностей. С увеличением курса проблема карьерной неопределенности сохраняется (26,6%), однако делит лидирующую позицию с отсутствием интереса к изучаемой специальности (26,7%), что может свидетельствовать о снижении мотивации у студентов, психологическом выгорании и иных факторах влияния учебного процесса на студента.

Наряду с карьерными ожиданиями трансформируются трудовые ценности и установки. Студенты младших курсов в качестве наиболее

значимых профессиональных качеств выделяют: умение общаться (49%), ответственность (49%) и глубокие профессиональные знания (42,9%). Несколько реже упоминаются такие характеристики, как критическое мышление (40,8%), умение работать в команде (38,8%) и стрессоустойчивость (36,7%). При этом у студентов старших курсов наблюдается частичное смещение акцентов с традиционных когнитивных и личностных характеристик – ответственность и глубокие профессиональные знания (по 48%) – в сторону метакомпетенций, связанных с успешным функционированием в условиях неопределенности (умение общаться (64%), способность быстро адаптироваться (60%), стрессоустойчивость (56%), гибкость мышления (52%)). Несмотря на низкую степень корреляции данных, что может быть обусловлено ограниченным объемом выборки, наблюдается процесс эволюции трудовых установок и восприятия ключевых компетенций в процессе обучения, которые не изменяются коренным образом, а, напротив, логично трансформируются в требования современной профессиональной мобильности.

Схожие сдвиги наблюдаются и в области предпочитаемых видов профессиональной деятельности. У студентов младших курсов наибольшей популярностью пользуются предпринимательская (32,7%) и практическая (26,5%) сферы, при этом наблюдается значительное разнообразие в выборе направлений, что свидетельствует о процессе поиска и отсутствии окончательно сформированных карьерных установок. У студентов старших курсов, напротив, фиксируется смещение акцента в сторону практической деятельности (44%) и умеренное снижение интереса к предпринимательству (до 40%), что может указывать на формирование более конкретных профессиональных ориентиров в результате накопленного опыта и осознания реалий выбранной профессии. Также стоит заметить значительное разнообразие в распределении предпочитаемых видов деятельности младших курсов, что может сигнализировать об отсутствии некой определенности, когда же старшие курсы в силу опытности имеют свои четкие трудовые установки. К негативной тенденции стоит отнести примерно равное распределение среди студентов младших и старших курсов, не имеющих четких карьерных планов – 38,8% и 36% соответственно. Полученные данные снова относят нас к проблематике карьерной неопределенности, сохраняющейся даже на завершающих этапах обучения в университете, что свидетельствуют о необходимости усиления работы по профессиональному самоопределению студентов в рамках образовательного процесса.

Значительная трансформация трудовых установок студентов в процессе получения образования прослеживается в критериях выбора места работы. Высокий уровень заработной платы сохраняет высокий приори-

тет у обеих групп, но у старших курсов он выше (92% против 83,7%), что может отражать усиление прагматического подхода к выбору профессии по мере приближения к выпуску. Подобная тенденция также свойственна фактору «условия труда», значимость которого повысилась до 88% (с 83,7%). У старших курсов наблюдается усиление ориентации на стабильность, комфорт и материальные гарантии, в то время как у младших – идеалистическая установка на карьерный и личностный рост (69,4%), общение (51%), что может быть обусловлено отсутствием опыта учебы, практических стажировок и не сформированным в силу возраста осознанием реалий рынка труда.

В качестве стратегий поиска работы студенты предпочитают такие каналы, как изучение вакансий в интернете (94,6%), размещение своего резюме в сети (63,5%), а также поиск работы через близких и знакомых (54,1%). Стоит отметить проактивность молодежи в отношении поиска работы, что проявляется в готовности обращения непосредственно к работодателю для предложения своей кандидатуры в противовес общему срезу данных по используемым каналам среди трудоспособного населения Республики Беларусь – 40,5% против 16,8% соответственно.

Таким образом, трансформация отношения к труду среди студенческой молодежи отражает не только смену карьерных приоритетов и профессиональных установок, но и выявляет глубокие изменения в восприятии самой системы образования, стратегии поиска работы и внутренних мотивов. Высшее образование и непосредственно университет как социальный институт – это важнейший инструмент реализации социальной стратегии, формирующий поведенческие модели, ожидания и адаптивность молодого поколения к быстро меняющимся условиям рынка труда. Карьерные мотивы студентов демонстрируют сложную динамику, где прагматизм и ориентация на стабильность постепенно вытесняют идеалистические ожидания, а выбор профессии и трудовой траектории оказывается не столько выражением самореализации, сколько результатом давления внешних норм, ценностей и экономических реалий.

Библиографические ссылки

1. *Кобылкин Р.А.* Трансформация ценностных установок в отношении молодежи к труду: философский анализ // *Logos et Praxis*. 2019. Т.18. № 1. С. 35-40.
2. *Дубовик, А. К.* Рынок труда молодежи в Республике Беларусь: проблемы теории и практики // *Вестник Белорусского национального технического университета: научно-технический журнал*. 2010. № 5. С. 67-72.

СОВМЕЩЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УЧЕБЫ СРЕДИ СТУДЕНТОВ: МОТИВЫ, СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ И КАРЬЕРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В. Л. Бучель¹⁾, В.П. Никифорова¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, buchellera05@mail.ru, strangeponchik@gmail.com
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент

В статье рассматриваются взаимосвязи между текущей занятостью студентов и их карьерными ожиданиями. Основной фокус направлен на анализ двух ключевых аспектов: влияние сферы деятельности на формат работы (удалённый, офисный или смешанный) и зависимость между планами выпускников и их оценкой профессиональных перспектив. Результаты демонстрируют, что выбор профессии определяет возможные условия труда, а уверенность в будущем зависит от ясности карьерных целей.

Ключевые слова: формат работы; сфера деятельности; профессиональная карьера; перспективы образования; специальность.

Анализ взаимосвязей между форматом работы, сферой занятости, карьерными планами и оценкой перспектив студентов крайне актуален в условиях современного трансформирующегося рынка труда. Он позволяет ВУзам адаптировать образовательные программы под реальные запросы работодателей, совершенствовать профориентационную работу и разрабатывать адресные меры поддержки для разных категорий студентов. Для работодателей эти данные важны при формировании гибких условий труда и программ адаптации молодых специалистов. Кроме того, выявленные закономерности помогают понять механизмы профессионального самоопределения молодежи в условиях цифровизации экономики и роста популярности нетрадиционных форматов занятости, что имеет значение для разработки эффективной социальной и кадровой политики.

Для анализа используются результаты социологического опроса студентов 3-4 курсов БГУ, проведенного в ноябре-декабре 2024 г. (объем выборочной совокупности составляет 1359 человек).

В ходе анализа была рассмотрена связь между вопросами «В настоящее время Вы работаете...» и «В какой сфере Вы работаете?». Связь заключается в том, что сфера деятельности объективно определяет возможные форматы работы. Разные отрасли экономики имеют различную организацию труда.

Аналогично была выявлена связь между вопросами «Что Вы планируете делать после получения образования?» и «Как Вы оцениваете пер-

спективы своего образования в контексте будущей карьеры?». Данные вопросы связаны через механизм профессиональной идентичности. Планы после ВУЗа формируются на основе оценки перспектив. Это двусторонняя зависимость – текущие планы влияют на оценку будущего, а восприятие перспектив корректирует карьерные намерения.

Рассматривая вопросы о текущей занятости и сфере работы, можно отметить четкую зависимость между профессиональной сферой и форматом работы. Например, сфера информационных технологий, где занято 22,9% студентов, преимущественно связана с удаленным или смешанным форматом работы – это характерно для 30,4% студентов технического профиля. По результатам исследования в IT сфере больше всего представителей данного профиля. Такой формат обусловлен спецификой отрасли, позволяющей сочетать работу с учебой, а также высоким спросом на цифровые профессии.

При этом наблюдается значительный гендерный разрыв: среди работающих студентов IT сферу отметили 36,5% юношей и всего 14,9% девушек (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «В какой сфере Вы работаете?» (по полу, в %)

Наименование сферы	Юноши	Девушки
Образование и наука	24,1	28,1
Информационные технологии	36,5	14,9
СМИ	6,6	11,0
Оказание услуг	9,5	21,1
Производство	2,9	1,3
Торговля	6,6	4,8
Общественное питание	5,8	7,5
Строительство	1,5	1,3
Транспорт	0,7	1,3
Другое	5,8	8,8

Напротив, в сфере образования и науки, где занято 26,7% респондентов, преобладает офисный формат работы (64,9% у естественно-научного профиля и 58,9% у гуманитарного), что объясняется привязкой к конкретным учреждениям – ВУЗам, школам или научным лабораториям.

Сфера услуг (16,8%) и торговля (5,6%) чаще предполагают смешанный формат занятости, особенно среди студентов экономического про-

филя (42%), что связано с необходимостью гибкого графика и клиенто-ориентированностью этих направлений.

Географический фактор также играет роль: студенты из поселков городского типа чаще работают удаленно (43,8%), особенно в IT и сфере услуг (по 26,7%), тогда как среди студентов-минчан выше доля офисной занятости (45,5%) и работы в IT (27,5%).

При анализе вопросов о планах после окончания ВУЗа и оценке карьерных перспектив выявляется прямая зависимость между определенностью профессиональных намерений и уровнем уверенности в будущем. Студенты, планирующие работать по специальности (59,9%), демонстрируют более высокую уверенность в карьерных возможностях – особенно это заметно среди технических специальностей (62,3% уверены в перспективах при 71,7% планирующих работать по профессии) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Что Вы планируете делать после получения образования?» (по профилю обучения, в %)

	Естествен- но-научный профиль	Техниче- ский про- филь	Гуманитар- ный профиль	Экономи- ческий профиль
Планируют работать по специальности	56,9	71,7	57,0	52,7
Не планируют работать по специальности	4,0	3,9	7,1	7,8
Будут получать образование по другой специальности	2,3	1,6	2,2	4,2
Продолжать образование в магистратуре/аспирантуре	12,4	5,1	13,5	4,8
Не определились	23,6	17,0	19,4	29,3
Другое	0,9	0,6	0,7	1,2

Напротив, неопределившиеся студенты (21%) чаще выражают сомнения или затрудняются оценить свои перспективы (15,1%), причем среди экономистов таких респондентов 29,3%, что может быть связано с высокой конкуренцией на рынке труда.

Интересно, что студенты, планирующие продолжить образование в магистратуре (10,2%), особенно естественно-научного (12,4%) и гуманитарного (13,5%) профилей, одновременно критично оценивают текущие возможности – 36,6% естественников отмечают трудности в профессиональной реализации.

Важным фактором оказывается форма обучения: бюджетники чаще планируют работу по специальности (62,7%) и более уверены в перспективах (56,3%) по сравнению с «платниками» (50,3%), что может объясняться более осознанным выбором профессии.

Географический аспект также значим, поскольку выпускники из областных центров демонстрируют наибольший оптимизм (58,9%) уверены в возможностях при 60,7% планирующих работать по специальности, тогда как среди минчан выше доля неопределившихся (23,6%) и менее выражена уверенность в перспективах (41,9%).

Исследование демонстрирует, что сфера занятости студентов напрямую определяет формат их работы (удалённый, офисный или смешанный), при этом наибольшая гибкость наблюдается в IT и сфере услуг, где преобладают удалённые или гибридные модели (30,4% технических специальностей). Одновременно карьерные планы студентов тесно связаны с их оценкой профессиональных перспектив: те, кто намерен работать по специальности (59,9%), проявляют большую уверенность в будущем, особенно в технических областях (71,7%), тогда как неопределившиеся студенты (21%) чаще сомневаются в своих возможностях (табл. 2).

ТЕМАТИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ВТОРИЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЗНАМЯ ЮНОСТИ»

В. С. Гучёк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, lhuchok@gmail.com
Научный руководитель – И. Ф. Бурина, старший преподаватель*

В данной статье рассматривается представленность темы «Предпринимательство и вторичная занятость молодежи» в газете «Знамя юности» в 2024 году.

Ключевые слова: предпринимательство; молодежь; вторичная занятость; организации.

В ходе учебной практики, которая проходила в СНИЛ «Социум» ФФСН БГУ был проведен контент-анализ статей газеты «Знамя юности» за 2024 год. Было проанализировано 23 статьи по теме «Предпринимательство и вторичная занятость молодежи». Цель исследования состояла в изучении распространенности и освещенности темы «Предпринимательство и вторичная занятость молодежи» в материалах газеты «Знамя юности».

В результате опроса были получены следующие данные. Чаще всего вышеупомянутая тема фигурировала в материалах газеты в марте 2024 (17,4%) и в июле 2024 (17,4%). Наиболее часто встречались статьи по заданной теме жанра репортаж (56,5%), на втором месте оказались информационные заметки (34,8%), и интервью на третьем (8,7%).

В качестве субъекта, действующего в статьях, чаще всего фигурировала молодежь в целом (43,5%), а также различные молодежные организации (26,1%). Также встречались учителя и преподаватели (8,7%), Совет Министров (8,7%), Национальное собрание (4,3%), Президент (4,3%), члены профсоюзов (4,3%).

Что касается вопроса тем, освещаемых в данной газете, наиболее распространенными были статьи по теме «Инициативы и идеи молодежи» (47,8%), также одинаково часто встречались статьи про вторичную занятость студентов и работу молодежи в стройотрядах (по 17,4%). Статьи про инициативы и идеи молодежи чаще всего связаны с выступлениями молодежи на различного рода мероприятиях, где они предлагают свои идеи для развития нашей страны. Например, проект «100 идей для Беларуси», которые упоминался в газете. Статьи на эту тему чаще всего публиковались в марте 2024, т.к. «100 идей для Беларуси» проходит вес-

ной. Этим и может быть обусловлено увеличение числа упоминаний этой темы. В этих статьях также фигурирует факт государственной поддержки и финансирования действительно перспективных проектов. В газете «Знамя юности» в 2024 году также встречались статьи по темам «Участие молодежи в развитии малого бизнеса» (4,3%), «самозанятость молодежи» (4,3%), «вторичная занятость школьников» (4,3%), «государственная поддержка молодежного предпринимательства» (4,3%). Аргументация чаще всего основывалась на личном опыте автора (26,1%) или отсутствовала (26,1%). Также приводились примеры внедрения (21,7%), научные данные (13%) и мнения экспертов (13%).

Что касается регионов, описываемых в статьях, чаще всего в статьях описывался Минск или Беларусь в целом (по 21,7%). Тип населенного пункта в большинстве статей не указывался (39,1%). В тех статьях, где указан тип населенного пункта, больше всего материалов описывали столицу (21,7%) или областные центры (17,4%). Реже фигурировали большие города и агрогородки (4,3%).

Автором всех статей по теме «предпринимательство и вторичная занятость молодежи» выступал журналист (100%).

Как видно из вышеизложенного, тема «Предпринимательство и вторичная занятость» в достаточной мере отражена в материалах газеты. Практически в половине номеров газеты «Знамя юности» за 2024 год встречается тематика предпринимательства и вторичной занятости молодежи. Но в тоже время необходимо отметить, что имели место некоторые промежутки между публикациями. Также тема чаще всего рассматривалась в отношении работы в стройотрядах, а также в отношении новых идей молодежи. Статей про тренды молодежного предпринимательства не публиковалось в газете за 2024 год.

УЧАСТИЕ СТУДЕНТОВ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ФАКУЛЬТЕТА, УНИВЕРСИТЕТА

Н. В. Живица

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nikitazhivitsa@gmail.com
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент*

В статье проводится анализ участия в общественной жизни факультета, университета студентами БГУ в условиях динамичных социальных изменений. Исследование, основанное на онлайн-опросе 1359 студентов, выявило степень вовлеченности и причины для участия в общественной жизни факультета, университета студентами 3 и 4 курсов. Полученные результаты указывают на необходимость адаптации образовательной и социальной политики к меняющимся ценностным ориентациям молодежи.

Ключевые слова: университет; общественная жизнь; общественная деятельность; студенты; социологическое исследование; ценности.

В современном обществе общественная жизнь играет ключевую роль в студенческой повседневности студентов, ведь именно в результате общественной деятельности человек формирует свою идентичность и всесторонне развивается.

Изучение мнения студенческой молодежи является критически важным для понимания текущего состояния и перспектив развития общества. Студенты, являясь наиболее активной и образованной частью населения, отражают современные тенденции, ценности и взгляды, которые формируют будущее. Их мнение служит индикатором социальных изменений, а также предоставляет ценную информацию для разработки эффективных стратегий в образовании, социальной политике и управлении, направленных на формирование активной гражданской позиции.

Отличительной чертой образования в БГУ является включение студентов в различные виды общественно значимой деятельности, поощрение студенческого творчества и инициативы с целью обеспечения возможностей самореализации, самоутверждения и социализации молодых людей, которые обучаются в учреждении высшего образования Республики Беларусь. Изучение вовлеченности студентов в общественную жизнь факультета, университета представляет важность, т.к. именно в стенах университета формируется будущий специалист и гражданин страны, а общественная жизнь играет далеко не последнюю роль в этом формировании, образуя в студентах те компетенции, навыки и умения, которые непосредственно будут полезны в будущем. В рамках обще-

ственной деятельности студенты расширяют круг общения, повышают уровень социализации и коммуникации [1].

В рамках изучения степени вовлеченности студенческой молодежи в социально-образовательную деятельность академического сообщества в инструментарий исследования, проведенного в марте 2025 г., был включен вопрос «Участвуете ли Вы в общественной деятельности Вашего факультета, университета?». Научный интерес к данной проблематике обусловлен необходимостью системного анализа форм и уровней участия студентов в общественной жизни БГУ. Онлайн-опрос посредством сервиса Google Forms был проведен среди обучающихся 3-4 курсов 15 факультетов, Института бизнеса и МГЭИ им. А. Д. Сахарова БГУ.

Для определения степени участия студентами в общественной жизни факультета, университета был задан следующий вопрос: «Участвуете ли Вы в общественной деятельности Вашего факультета, университета?» Почти половина (47,9%) опрошенных студентов участвуют в общественной деятельности факультета, университета «от случая к случаю», что может говорить об умеренной вовлеченности в общественную жизнь. В тот же момент 31,1% студентов «постоянно участвуют» в общественной деятельности факультета, университета, что говорит о заинтересованности в общественной жизни. Однако пятая часть опрошенных (21,1%) «не участвует» в общественной деятельности факультета, университета.

В рамках исследования решалась также важная задача – выявить ключевые мотивационные факторы участия студентов в социальной и образовательной жизни университетского сообщества. Респонденты отвечали на вопрос с множественным вариантом ответа «Что Вас побуждает принимать участие в общественной жизни Вашего факультета, университета?» Результаты исследования показали, что основными мотивами для участия являются «самореализация и проявление себя» (58,8%), «развитие коммуникабельности» (45,1%) и «желание помогать людям» (43,6%). Также значительная часть студентов отметила, что участие в общественной жизни помогает им приобрести организаторские (лидерские) навыки (33,7%) и получить преимущества в карьере и учебе (20,6%). Менее популярными мотивами оказались «участие за компанию» (18,7%), «желание, чтобы их мнение учитывалось при решении важных вопросов» (14,1%), и «попросили люди, которым не смогли отказать» (8,8%).

Представленные данные показывают, что структура мотивации участия студентов БГУ в общественной деятельности характеризуется выраженной иерархией побудительных факторов. Ведущим мотивом выступает потребность в самореализации, что свидетельствует о выражен-

ной ориентации современного студенчества на личностное развитие через общественную деятельность. Существенную роль играют социально-развивающие мотивы: развитие коммуникативных навыков и формирование организаторских компетенций. Значимой является альтруистическая мотивация (желание помогать людям). Прагматические мотивы (карьерные преимущества) занимают подчиненное положение, хотя и представлены существенно. Минимальную роль играют конформистские установки (участие за компанию). Выявленный баланс альтруистических и прагматических мотивов соответствует тенденциям в молодежной среде.

Также изучались причины, по которым студенты не хотят принимать участие в общественной деятельности факультета, университета. Вопрос звучал следующим образом: «По каким причинам Вы не хотите принимать участие в общественной жизни факультета, университета?» можно сделать вывод, что в основном студенты не хотят принимать участия в общественной жизни факультета, университета из-за отсутствия свободного времени (65,4%) и/или желания и интереса (55,5%). Значительная часть опрошенных также отмечала «это не дает никаких выгод, преимуществ» (23,2%), «не обладаю необходимыми качествами» (20,6%) и «от них нет никакой пользы» (15,5%).

Таким образом, доминирующим фактором отказа от участия в общественной жизни факультета, университета является временной дефицит и отсутствие мотивов. Значительными барьерами выступают: перцепция отсутствия практической выгоды, недостаток компетенций, скептическое отношение к полезности данной деятельности. Для активизации социальной активности студентов необходима разработка системы мотивационных стимулов и создание программ развития гибких навыков (soft skills).

Библиографические ссылки

1. Студенческие организации // bsu.by [Электронный ресурс]. URL: <https://bsu.by/studentam/vneuchebnaya-deyatelnost/studencheskie-organizatsii/> (Дата обращения: 21.04.2025).

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

М. Д. Жук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, martazhuk053@gmail.ru
Научный руководитель – Н. В. Курилович, кандидат социологических наук, доцент*

В статье репрезентируются результаты пилотажного социологического исследования, целью которого стало выявление музыкальных предпочтений студентов факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (n=90). Подчеркивается, что музыка формирует ценности, а, следовательно, от того какую музыку предпочитает молодежь, зависит то, что молодежь думает, какие идеалы поддерживает.

Ключевые слова: музыка; музыкальные предпочтения; ценности; студенческая молодежь; БГУ; пилотажное исследование.

Музыка относится к виду искусства, в котором определённым образом организованные звуки используются для создания некоторого сочетания формы, гармонии, мелодии, ритма или иного выразительного содержания. Специалисты констатируют, что сегодня наблюдается пристрастие молодежи к «легкой» музыке, являющейся частью массовой культуры, а высокая музыкальная культура (классическая, народная и др.), которая играет большую роль в формировании общечеловеческих ценностей, у молодых людей часто не востребована.

Социологическое изучение музыкальных предпочтений представляется актуальным в связи с тем, что каждый день большинство людей слушает музыку различных жанров, в особенности это касается студенческой молодежи, составляющей весомую долю потребителей музыкального контента. Музыкальные предпочтения часто имеют глубокие психологические корни. Музыка может быть связующим звеном для формирования отношений, выражения эмоций или поиска идентичности. Студенческая жизнь полна стресса, неопределенности и эмоциональных переживаний, поэтому многие молодые люди находят утешение в песнях, которые им близки. Музыкальные предпочтения молодежи формируют не только её личные идеалы и ценности, но и более широкие социальные нормы, оказывая значительное влияние на поведение молодых людей и их взгляды на мир.

Такие исследователи, как Д.В. Щирин, Н.Р. Исхакова и Р.Р. Болтачев и др. отмечают огромное влияние музыки на формирование духовно-нравственной культуры молодых людей. И это неслучайно,

отношение подрастающего поколения к музыке различных жанров является индикатором и показателем его духовной сферы и нравственно-эстетической установки. Музыкальное искусство является неотъемлемым средством воспитания студенческой молодежи [1].

Опрос студентов в городе Екатеринбурге показал, что для 86% студентов музыка является средством релаксации и отдыха, для 74% – способом развлечься и поднять себе настроение; 61% – вдохновляются прослушиванием музыки, а 46% – избавляются таким образом от скуки. Почти равное количество студентов рассматривают музыку как средство самовыражения и как возможность уйти от проблем – 37% и 35% соответственно. 21% респондентов воспринимает музыку как средство общения, то есть слушает музыку вместе с друзьями. Также студенты отмечают, что они воспринимают музыку как средство самореализации, возможность погрузиться в определенный настрой и посмотреть на мир с разных ракурсов [2].

Современное общество сталкивается с парадоксом: музыка обладает огромным потенциалом для воспитания, однако эти возможности остаются недоиспользованными в свободное время молодежи. Музыка, которую слушают студенты, неизбежно становится инструментом эстетического воспитания и влияет на их мировоззрение, ведь она способна глубоко воздействовать на личность, формировать чувство прекрасного и развивать способность ценить красоту.

Бесконтрольное прослушивание музыки молодыми людьми нередко превращает её в простой фон. Исследования в области нейропсихологии показывают, что такая фоновая музыка обходит стороной участки мозга, отвечающие за осмысленное восприятие, воздействуя на подсознание. Это означает, что определённые агрессивные треки (в стиле рэп, хард-рок, панк-рок или психоделическая музыка) могут вызывать негативные эмоции: страх, депрессию, чувство разочарования и истощённость [3, с. 83].

В рамках учебной практики автором статьи было проведено пилотажное социологическое исследование на тему «Музыкальные предпочтения студенческой молодежи ФФСН БГУ». В ходе исследования были опрошены 90 человек. Полученные нами социологические данные свидетельствуют о том, что самыми популярными жанрами музыки у студентов и студенток ФФСН БГУ являются поп (57,8%), рок (54,4%), популярная музыка (52,2%) и рэп (50,0%). С одной стороны, это говорит о том, что высокая музыкальная культура (классическая, народная и др.) отходит на второй план, но с другой стороны, эти жанры могут отражать приверженность студентов эстетическим нормам современного обще-

ства, стремление к яркости эмоций, свободе выражения и социальной вовлеченности.

Материалы пилотажного социологического исследования показали, что для подавляющего большинства студентов ФФСН БГУ (85,6 %) музыка выступает средством релаксации и расслабления. Распределение ответов на вопрос «В те моменты, когда Вы испытываете тревогу и беспокойство, дарит ли Вам музыка спокойствие и утешение?» выглядит следующим образом: вариант ответа «да» выбрали 77,8 % респондентов, «нет» – 15,6 %, затруднились ответить 6,7% опрошенных. Следовательно, можно сделать вывод, что большинство опрошенных студентов ФФСН БГУ воспринимают музыку как важное средство релаксации и восстановления душевного равновесия. Подавляющее большинство респондентов утверждают, что музыка способствует снятию напряжения и восстановлению внутреннего комфорта. Более 3/4 респондентов подтверждают способность музыки приносить успокоение и утешение в тревожные периоды жизни.

Таким образом, полученные нами социологические данные свидетельствуют о значимой роли музыки в психоэмоциональном благополучии студенческой молодежи ФФСН БГУ. В целом музыка помогает студентам и студенткам эффективно справляться со стрессовыми ситуациями и поддерживать позитивное настроение в период сессий или в тяжелые учебные дни.

Библиографические ссылки

1. Кадралиев, Д. Е. Музыкальные предпочтения студентов на примере города Астрахани / Д. Е. Кадралиев. [Электронный ресурс]. URL: https://knowledge.allbest.ru/sociology/2c0a65625b3bc78a5d43b89521216d37_0.html (дата обращения: 26.03.2025).

2. Лагун, А. Музыкальные предпочтения студентов / А. Лагун, А. М. Тихомирова. [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/53080/1/sgtop_2017_038.pdf?ysclid=m7xda2819v71586754 (дата обращения: 22.03.2025).

3. Новицкая, Л. П. Влияние различных музыкальных жанров на психическое состояние человека / Л. П. Новицкая // Психологический журнал. 1984. № 6. С. 79-86.

СОВРЕМЕННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ: ИДЕАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР И НОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

А. С. Ивановская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, aleksandraivanovskaya2005@gmail.com
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент*

В статье исследуются современные семейные ценности среди студенческой молодежи, акцент делается на представлениях об идеальном партнере и отношении к новым формам взаимоотношений. На основе опроса, проведенного среди студентов Белорусского государственного университета, выявлены ключевые качества, которые респонденты считают важными для идеальной жены и идеального мужа. Рассмотрено отношение молодежи к таким явлениям, как осознанная бездетность, искусственное оплодотворение, разводы и заключение брачных контрактов. Результаты показывают, что студенты демонстрируют высокий уровень осознанности и толерантности к современным формам семейных отношений, хотя гендерные различия в ответах сохраняются.

Ключевые слова: семейные ценности; идеальный партнер; идеальная жена; идеальный муж; осознанная бездетность; искусственное оплодотворение; разводы; заключение брачных контрактов.

Актуальность изучения темы, связанной с представлениями студентов о чертах идеальных партнеров, обусловлена необходимостью понимания трансформации семейных ценностей в современном обществе, а также выявления факторов, влияющих на формирование идеальных образов мужчины и женщины в молодежной среде.

Основное внимание при анализе результатов опроса студентов 3-4 курсов БГУ (объем выборочной совокупности составляет 1359 человек) уделяется реконструкции социальных ожиданий обучающихся относительно образа «идеальной жены» и «идеального мужа». Анализ проводился с учетом гендерных отличий в ответах.

Анализ результатов по гендерному признаку показал *три главных качества «идеальной жены»* – верность, уважение к партнеру и забота о семье. По мнению как студентов, так и студенток, **верность** является самой важной чертой «идеальной жены» – этот вариант ответа выбрало 76,7% юношей и 67,3% девушек. На втором месте по значимости у респондентов оказалось такое качество, как **уважение к партнеру** – об этом заявили 42,3% юношей и 62,6% девушек. Почти совпало мнение о таком важном качестве, как **забота о семье** – 40,7% юношей и 42,8% девушек.

При описании образа «идеальной жены» самым незначимым качеством респонденты посчитали **трудолюбие**, что может указывать на изменение ценностей в обществе. Современные молодые люди всё чаще ориентируются на личные качества, такие как эмоциональная поддержка, верность, забота и взаимопонимание, а не на традиционные роли, связанные с трудоспособностью. Это также отражает стремление к равенству полов, где трудолюбие перестает быть исключительно женским качеством, а становится общим стандартом для всех партнеров. Таким образом, акцент смещается на партнерство и совместное развитие, что свидетельствует о новых подходах в отношениях (рис. 1).

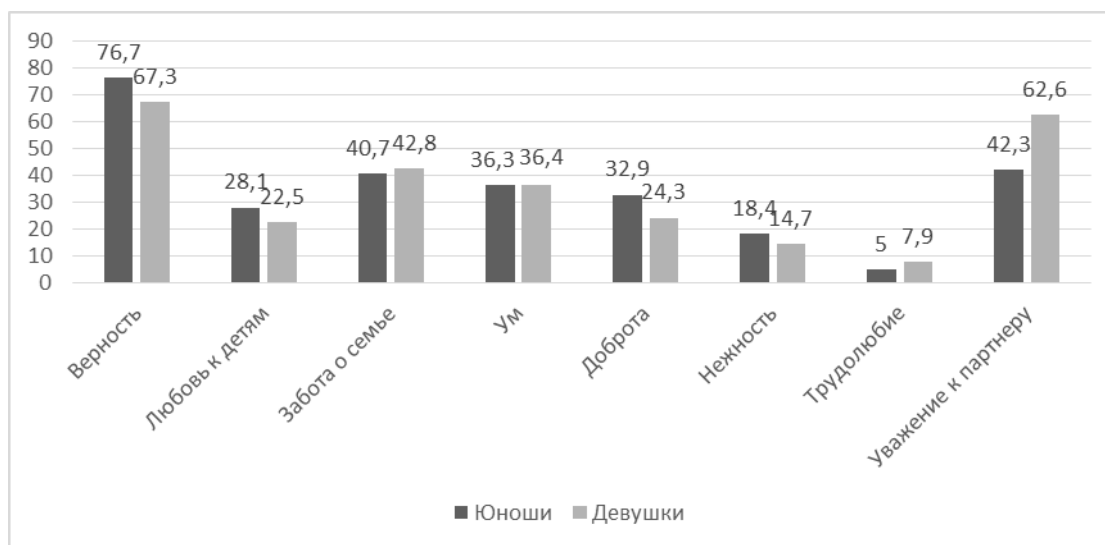

Рис. 1. Распределение качеств «Идеальной жены» студентами в зависимости от важности (по полу, в %)

Анализ результатов *по гендерному признаку* в отношении качеств, которыми должен обладать «идеальный муж», показал, что **верность** является самой важной чертой «идеального мужа» – этот вариант ответа выбрали 70,6% юношей и 72% девушек. На втором месте по значимости у респондентов также оказалось такое качество, как **уважение к партнеру** – 41,5% юношей и 62,4% девушек. Не менее важным качеством стала **забота о семье** – отметили 44,8% юношей и 47,1% девушек.

Самым заметным отличием в распределения качеств между «идеальной женой» и «идеальным мужем» стало трудолюбие. Если для описания «идеальной жены» эту черту выбрали только 5% юношей и 7,9% девушек, то для «идеального мужа» трудолюбие было выбрано практически в 4 раза большим количеством респондентов (26,1% юношей и 22,8% девушек). Такой разрыв может быть охарактеризован тем, что в нашем обществе до сих пор существует стереотип о том, что мужчина должен быть главным «добытчиком» в семье и вся финансовая

нагрузка чаще всего ложится на него. Такое распределение традиционных ролей формирует некие ожидания как со стороны общества, так и со стороны самих мужчин. Ожидается, что мужчина будет добиваться успехов, обеспечивать свою семью и достигать профессиональных высот, и такое давление может заставить мужчин воспринимать трудолюбие как необходимое качество.

Однако, трудолюбие находится лишь на 5-м месте в рейтинге (в целом по массиву), а вперед выходят такие качества, верность, забота и уважение, ум. Это говорит о том, что чаще всего при выборе партнера молодежь в первую очередь обращает внимание на отношение друг к другу, на некие невербальные сигналы, а уже лишь потом на возможность материального обеспечения их будущей семьи.

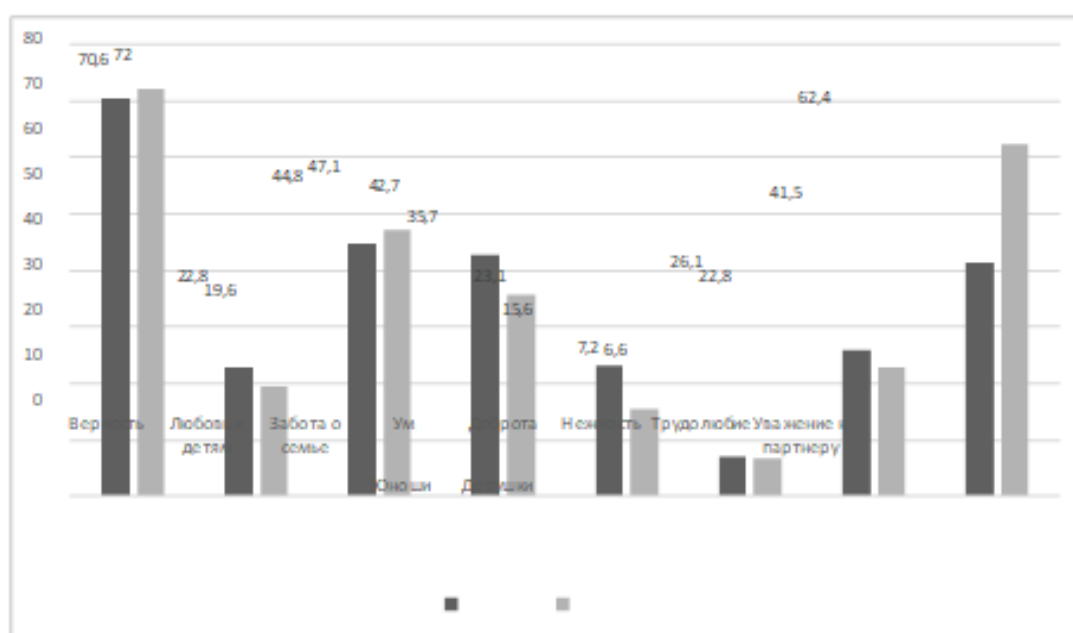

Рис. 2. Распределение качеств «Идеального мужа» студентами в зависимости от важности (по полу, в %)

В условиях трансформации семейных ценностей и института брака в современном обществе особую значимость приобретает изучение отношения молодежи к ключевым социально-демографическим явлениям. В рамках настоящего исследования была поставлена задача выявления позиций студенческой молодежи относительно таких актуальных феноменов, как осознанная бездетность, применение вспомогательных репродуктивных технологий (искусственное оплодотворение), практика расторжения брачных союзов, заключение брачных контрактов. Данные явления становятся массовыми практиками в развитых обществах и следует понимать ценностные приоритеты и паттерны поведения студенчества как особой социально-активной группы.

Результаты опроса показали, что 65,1% студентов считают допустимым или скорее допустимым «осознанную бездетность». На данный момент это является неким трендом в семейной жизни молодых пар. Молодежь все чаще выбирает себя и свою карьеру. Фиксируются значимые отличия по полу – о допустимости такого явления заявляют 71,0% девушек и 55,2% юношей.

Отношение студентов к искусственному оплодотворению в целом положительное – 70,5% юношей и 84,1% девушек посчитали его допустимым или скорее допустимым явлением. Благодаря этим ответам можно говорить о высоком уровне знаний современной молодежи о причинах невозможности забеременеть естественным путем и путях решения данной проблемы.

Отношение студенческой молодежи БГУ к разводам оказалось достаточно лояльным – 76,1% респондентов посчитали это явление допустимым или скорее допустимым в современном обществе. Однако девушки более чем на 10 процентных пункта чаще заявляли о допустимости расторжения брака.

Заключение брачного договора становится сегодня нормой, что отражает процессы институционализации превентивных правовых практик в сфере семейных отношений. Считают допустимым такой договор между мужем и женой практически 80% опрошенных студентов. Это свидетельствует о понимании молодыми людьми важности защиты своих финансовых интересов и имущества в случае развода. Также брачный договор можно рассматривать как инструмент, который поможет избежать конфликтов.

Анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать вывод о том, что современная молодежь стремится к балансу между традиционными семейными ценностями и новыми подходами в отношениях. Верность, уважение и забота о семье остаются ключевыми качествами идеального партнера, что свидетельствует о важности эмоциональной близости и взаимопонимания. При этом также наблюдается тенденция к равенству ролей.

Отношение студентов к таким явлениям, как осознанная бездетность, искусственное оплодотворение и брачные контракты, отражает рост осознанности и прагматизма в вопросах формирования семьи. Полученные результаты подчеркивают динамику изменений в семейных ценностях молодежи, где сочетаются стремление к стабильности и открытость новым формам отношений.

ПАТРИОТИЗМ И ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

А. Н. Кутас

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Беларусь, anastasiakutas9@gmail.com
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент*

В данной статье рассматриваются понятия патриотизма и гражданского долга в восприятии студенческой молодежи. Репрезентируются результаты анкетного опроса, проведенного в ноябре 2024 года с использованием Google Forms. Выборочная совокупность составила 1359 человека. Были опрошены студенты 3-4 курсов 15 факультетов, Института бизнеса и МГЭИ им. А. Д. Сахарова БГУ.

Ключевые слова: патриотизм; гражданский долг; студенческая молодежь.

Понятие патриотизм является сложным и многогранным. Оно определяется и трактуется в философии, социологии, юриспруденции истории и политологии. Но так или иначе есть схожие представления: любовь и преданность к Родине (Отечеству), соблюдение традиций, интерес к культуре и истории своей страны [1].

Патриотизм – это морально-политическая позиция и общественное чувство, основанное на любви к своей стране и приоритете её интересов над личными [2]. Патриотизм зарождается на следующих ключевых принципах:

- идеологии, призванной способствовать сплочению, сохранению, росту процветанию, могуществу государства и народа как гарантии мирового равновесия, развития народов, живущих на территории;
- единых национальных ценностей для всех народов, проживающих на территории государства;
- культуре – воплощении самобытности (язык, обычаи, нравственность, искусство, наука, техника, технологии, медицина, образование, спорт, использующие тысячелетний опыт собственного развития, мировые достижения, опирающиеся на традиции);
- решимости – отстаивание интересов народа, государства всеми доступными средствами, готовность к жертвам ради защиты свободы, независимости народа и государства;
- власти – законодательная, исполнительная, судебная, финансово-экономическая, военная, призванная обеспечивать и защищать интересы государства, народов, проживающих на его территории, поддерживать баланс межнациональных интересов, равноправие граждан государства вне зависимости от их национальности, религиозной принадлежности;

- государственном устройстве – исторически сложившейся модели общественного, хозяйственного устройства, обеспечивающей существование, развитие страны как сильного независимого государства;

- веротерпимости – уважительном отношении к традиционным религиям и конфессиям, научной атеистической традиции;

- соборности – целостном сочетании свободы и единства людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям, важнейшем духовном условии национального единства и создания мощной державы;

- общинности – коллективизм, приоритет в сознании общественного над индивидуальным, коллективизма над индивидуализмом [3].

Так или иначе понятие гражданского долга связано с понятием патриотизма. Гражданский долг проявляется в отношении человека к своим правам и обязанностям. Система патриотического воспитания предусматривает формирование и развитие социально значимых ценностей, гражданственности и патриотизма в учебном процессе [4].

Гражданский долг – это категория, определяющая обязанность гражданина общества выполнять требования морального и юридического характера, заложенные в Конституции, законодательных актах и нормах общечеловеческой морали, а также нести полную ответственность за свои действия. Формирование гражданского долга происходит через идеологическое воспитание молодежи. В директиве №12 Президента Республики Беларусь от 09.04.2025г. были сформированы основные задачи идеологической работы:

- разъяснение и практическое применение идеологии белорусского государства;

- достижение понимания и широкой поддержки населением белорусской модели общественного развития;

- пропаганду достижений Республики Беларусь;

- укрепление в обществе единства, гражданского мира, стремления к созиданию, взаимного доверия государства и общества;

- воспитание патриотизма, в том числе готовности каждого гражданина защищать интересы государства, его конституционный строй и территориальную целостность;

- упрочнение национально-государственной идентичности, сохранение самобытности и обеспечение преемственного развития;

- стимулирование активного участия граждан в сохранении исторической памяти и национальных ценностей;

- повышение правовой, политической, личной культуры и социальной ответственности граждан;

- утверждение высоких нравственных начал, справедливости, законности;
- воспитание морально-психологических качеств, мотивирующих на решение задач успешного развития страны;
- вовлечение в процесс консолидации общества всех субъектов реализации идеологии белорусского государства;
- обеспечение эффективной коммуникации власти и общества;
- формирование созидательной повестки в обществе и его защиту негативного информационного воздействия;
- укрепления положительного международного имиджа страны [5].

В ходе социологического исследования было изучено представление студенческой молодежи БГУ, 3-4 курсов о понятиях патриотизм и гражданский долг. Вопрос относительно понятия «патриотизм» звучал следующим образом: «Что, по Вашему мнению, включает в себя понятие патриотизм?». По результатам опроса выяснилось, что для большинства студентов, в первую очередь, это «любовь к Родине» (81,8%). Чуть более трети студентов выбрали «уважение существующих в стране традиций» (37,1%), «знание истории и культуры страны» (36,6%) и «гордость за историю страны» (35,3%). Менее трети выбрали «веру в будущее страны» (30%). Одна пятая часть ответивших выбрали «гордость за культуру страны» (20,1%). Менее значимыми оказались варианты ответа «гордость за великие достижения страны» (13,2%) и «ностальгия вдали от Родины» (9,2%).

Анализ распределения ответов, касающихся понятия гражданского долга, в зависимости от места жительства респондентов до поступления в университет выявил ряд значимых различий.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что студенты, получившие среднее образование в поселках городского типа, чаще вкладывали в понятие патриотизм «любовь к Родине», нежели студенты-минчане (соответственно 90,9% и 78,4%). «Вера в светлое будущее страны» как показатель патриотизма признается 36,5% выпускниками сельских школ и 27,3% студентами, проживающими ранее в поселках городского типа. «Гордость за историю страны» является значимой характеристикой патриотизма у 40,6% студентов из областных центров и у 26,8% студентов из сельских населенных пунктов. Похожая ситуация в отношении показателя «уважение существующих в стране традиций» - отметили 43,5% студентов из областного центра и 27,6% студентов из сельских населенных пунктов. «Гордость за культуру страны» выделили 24% студентов из поселков городского типа и лишь 11,5% студентов из сельских населенных пунктов. Это может свидетельствовать о том, что в

населенных пунктах различной численности могут не совпадать представления о патриотизме и патриотическом воспитании молодежи.

Вопрос относительно понятия «гражданский долг» был сформулирован следующим образом: «Что, по Вашему мнению, в наибольшей степени соотносится с понятием гражданский долг?». По результатам опроса выяснилось, что для большинства студентов это соблюдение закона (85,8%). Почти половина (49,5%) опрошенных выделили выплату налогов. Более трети студентов гражданский долг понимают, как соблюдение культурных традиций (38,4%) и участие в выборах (35,8%). Менее значимыми оказались ответ служба в армии (17,2%) и участие в волонтерских проектах (6,3%).

Анализ распределения ответов в зависимости от места жительства респондентов до поступления в университет также выявил ряд значимых различий. Минчане реже, чем студенты из ПГТ, связывают гражданский долг с участием в выборах (соответственно 33,7% и 45,3%). Для студентов из районных городов служба в армии более значима нежели для студентов из областных центров (соответственно 21,4% и 12,7%). «Выплата налогов» как показатель гражданского долга признают 56,5% студентов из областных центров и чуть более трети (36,3%) студентов из сельских населенных пунктов. Для 38,2% студентов из ПГТ гражданский долг – это экологическая ответственность, такого же мнения придерживаются 28,8% студентов из областных центров. Соблюдение культурных традиций является более приоритетным для студентов из поселков городского типа нежели для студентов-минчан (соответственно 45,6% и 35,8%).

Восприятие гражданского долга может варьироваться в зависимости от личного опыта, воспитания и жизненных обстоятельств. Разные типы населенных пунктов могут формировать различные взгляды на участие в выборах, военной службе и налоговых обязательствах.

Таким образом, полученные результаты свидетельствует о том, что патриотизм у студенческой молодежи сопоставим с общепринятым понятием, но при рассмотрении понятия «гражданский долг» студенты сделали акцент на юрисдикции нежели на какие-либо моральные аспекты.

Библиографические ссылки

1. Козлов, Н. И. Патриотизм [Электронный ресурс] / Психологос. URL: [URL:https://psychologos.ru/articles/view/patriotizm](https://psychologos.ru/articles/view/patriotizm). (Дата обращения: 17.04.2025).

2. Демин, И.В., Долгина Е.С. Патриотизм: понятие и виды [Электронный ресурс] / Вестник магистратуры. 2015. №11 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-ponyatie-i-vidy/viewer>. (Дата обращения: 17.04.2025).

3. *Лихалит, Н.М.* Сущность и содержание понятия «Патриотизм» [Электронный ресурс] / Образовательная социальная сеть. URL: <https://nsportal.ru/shkola/mirovaya-khudozhestvennaya-kultura/library/2019/01/28/russkaya-narodnaya-skazka-kak-mehanizm>. (Дата обращения: 17.04.2025).

4. *Никифоров, Ю. Н., Скалина, А. Н.* О понятии «гражданственность» [Электронный ресурс] / Вестник Башкирск. ун-та. 2007. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-grazhdanstvennost>.)(Дата обращения: 17.04.2025).

5. О реализации основ идеологии белорусского государства: Директ Президента Республики Беларусь от 09 апреля 2025 №12 [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-12-ot-9-aprela-2025-g>. (Дата обращения: 19.04.2025).

ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ БГУ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

В. В. Матусевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, halerka6@gmail.com*

Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент

В статье анализируется вторичная занятость студентов БГУ. Представлено общепринятое определение, так же описаны основные характеристики настоящего и будущего в профессиональных предпочтениях студентов. Репрезентируются результаты анкетного опроса, проведенного в ноябре 2025 года с использованием Google Forms. Выборочная совокупность составила 1359 человека. Были опрошены студенты 3-4 курсов 16 факультетов, Института бизнеса и МГЭИ им. А. Д. Сахарова БГУ.

Ключевые слова: студенческая молодежь; трудоустройство; трудовая активность; вторичная занятость; высшее образование; профессиональные предпочтения.

В современном мире учеба в вузе становится не только временем получения знаний, но и важным этапом формирования профессиональных навыков и финансовой независимости. В условиях растущих цен и необходимости покрывать собственные расходы, многие студенты совмещают учёбу с работой.

Сегодня студент, который одновременно получает высшее образование и где-то работает, становится вполне обычным явлением, притом тенденция совмещения учебы и работы характерна для всего мира в целом. Вторичная занятость позволяет студенту не только улучшить свое материальное положение, стать финансово независимым от родителей, но и приобрести ряд коммуникативных и профессиональных компетенций, которые могут быть успешно применены в будущем. Более того, практика вторичной занятости позволяет сформировать определенный опыт работы, что может быть преимуществом при трудоустройстве после окончания университета.

Результаты исследования “Изучение повседневных практик, ценностей и жизненного мира студенческой молодежи” свидетельствуют о том, что 19,5% опрошенных студентов 3-4 курсов БГУ имеют **постоянную работу**. Успешное совмещение учебы и постоянной работы среди студентов, выбравших данный вариант, говорит об их организационных способностях, целеустремленности и эффективном тайм-менеджменте. Они уже делают первые шаги в своей профессиональной сфере. Вместе с тем у вторичной занятости имеется и другая сторона. Работающие студенты часто выполняют малоквалифицированную работу, далекую от их

специальности и никак не способствующую их профессиональному росту, и не всегда получаемое материальное вознаграждение за работу является для студента жизненно необходимым [1]. **Временную работу** имеют 7,2% студентов. Скорее всего, это связано с сезонной работой или работой на время каникул. **Время от времени** подрабатывают 14,8% студентов. Вероятно, большинство юношей и девушек в этой группе совмещают учебу с частичной занятостью, чтобы получить дополнительный доход или приобрести опыт. Каждый шестой (16,6%) студент активно **ищет работу**, то есть многие обучающиеся стремятся получить опыт работы и ищут возможности трудоустройства. Предположительно это может быть связано с желанием получить финансовую независимость, приобрести профессиональные навыки или подготовиться к будущей карьере. 41,9% опрошенных студентов указали, что в настоящее время **не работают**. Вероятно, они сконцентрированы на учебе и не имеют возможности или потребности работать, то есть имеют финансовую поддержку семьи, получают стипендию, у них высокая загруженность учебным процессом.

В рамках проведенного социологического исследования был задан вопрос, направленный на изучение того, какие методы являются самыми популярными для поиска работы, по мнению студентов 3-4 курсов.

Самым популярным методом является изучение вакансий в Интернете (72,3%). Это свидетельствует о высокой степени цифровой грамотности студентов и их ориентации на современные способы поиска работы. Вторым по популярности способом является размещение резюме в Интернете (54,4%). Этот метод, вероятно, используется в сочетании с изучением вакансий и демонстрирует стремление студентов активно продвигать свои навыки и опыт. Значительная часть студентов планирует искать работу через родственников, друзей и знакомых (37,9%). Этот метод подчеркивает важность личных связей и нетворкинга в процессе трудоустройства.

Методы для поиска работы, такие как обращение, в центр занятости (10,7%), службу содействия трудоустройству (10,4%), кадровые агентства (9,5%), а также вариант «Другое» (4,3%) демонстрируют низкую популярность среди студентов. Незначительная разница между этими способами поиска работы указывает на то, что студенты в целом мало заинтересованы в использовании данных традиционных или альтернативных подходов. При этом, вариант ответа затрудняюсь ответить (14,3%) может говорить о недостаточной определенности в карьерных планах.

В последние годы сложная ситуация с трудоустройством выпускников усугубилась тревожными прогнозами о «потерянном поколении»,

рискующем остаться безработным. Выпускники вузов и колледжей в период пандемии оказались в особо уязвимом положении. Пандемия вызвала структурные изменения на рынке труда: расширилось производство и продажа медицинских товаров, онлайн-образование, доставка продуктов и сфера IT. В этой ситуации часть молодежи выиграла, став особенно востребованной во вторичном сегменте, где выросло число низкоквалифицированных вакансий, таких как курьеры и водители [2].

Ключевая проблема вторичной занятости студента в настоящем и будущем в том, что зачастую специальность обучения никоим образом не связана с местом работы. Данный факт увеличивает вероятность того, что индивид после окончания университета пойдет работать не по специальности из-за чего запросы рынка труда и выпускаемыми специалистами системой образования окажется сложнее привести к некоему общему знаменателю. Также не все студенты способны грамотно расставить приоритеты в отношении трудовой и учебной деятельности, в результате чего возникают перекосы, негативно влияющие на учебную деятельность - основную деятельность студента.

Библиографические ссылки

- 1.Цылев, В. Р. Вторичная занятость студентов вузов на пути к профессиональной деятельности / *Russian Journal of Education and Psychology* // 2012. №4(12).
- 2.Амбарова, П. А., Зборовский, Г. Е. Что ждет студентов после... // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 67–91. [https:// doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142).

ТЕМАТИКА «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ» НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЗНАМЯ ЮНОСТИ»

Д. В. Матусевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, dana.matusevich@mail.ru
Научный руководитель – И. Ф. Бурина, старший преподаватель*

В данной статье рассматривается представленность темы «Искусственный интеллект и высокие технологии» в газете «Знамя юности» в 2024 году.

Ключевые слова: искусственный интеллект; высокие технологии; робототехника; образовательный процесс; технологические инновации; анализ публикаций.

В рамках учебной практики, которая проходила в СНИЛ «Социум» ФФСН БГУ в марте-апреле 2025 года, был проведен контент-анализ публикаций газеты «Знамя юности» за 2024 год, посвященных теме «Искусственный интеллект и высокие технологии». Всего было выявлено и проанализировано 8 статей.

Целью работы являлось выявление ключевых тем, жанров, географического распределения и временной динамики публикаций по данной тематике.

В результате были получены следующие данные:

Половина статей, а именно 4 из 8, были посвящены робототехнике. Например, статья посвященная роботу, который помогает незрячим, на нем стоит камера, которая считывает предметы и OR-коды. В промышленных процессах такой же механизм используется на складах для перемещения или для сортировки мусора («Знамя юности» 2024 год № 42). Еще, например, учащийся Кадинской средней школы Могилевского района Ян Мильвит разработал робота-спасателя, который при пожаре укажет кратчайший путь эвакуации и человек успеет покинуть задымленное здание («Знамя юности» 2024 год № 42).

По теме искусственный интеллект в образовании было опубликовано за этот период 3 статьи. По одной статье представлено в газете «Знамя юности» на темы «Искусственный интеллект и рынок труда», «Технологические инновации», «Государственная политика в области искусственного интеллекта», «Высокие технологии в образовании», «Высокие технологии в науке».

Половина публикаций посвящена практическому применению роботов (помощь людям с ограниченными возможностями, спасательные операции). Искусственный интеллект в образовании – вторая по попу-

лярности тема (3 статьи), что отражает тенденцию интеграции технологий в учебные программы.

Наибольшее количество публикаций зафиксировано в октябре и декабре, что может быть связано с итогами года или ключевыми событиями в сфере искусственного интеллекта.

Всем статьям по данной тематике, представленным в газете «Знамя юности» за 2024 год характерно жанровое однообразие – все материалы выполнены в формате информационных заметок. Это, на наш взгляд, не позволило углубиться в анализ тенденций или представить мнения экспертов по данным темам. Это превратило многие публикации в поверхностные отчеты, лишенные критической оценки и прогнозов.

Что касается региона, описываемого в статье, то более половины материалов, посвященных данной теме, были сфокусированы на городе Минск (5 статей), что закономерно отражает статус столицы как центра инноваций. Четвертая часть статей не содержала региональной привязки, что ограничивает понимание масштабов технологизации в различных регионах страны.

В 2024 году газета «Знамя юности» опубликовала всего 8 статей об искусственном интеллекте и высоких технологиях. Это очень мало для такой важной и актуальной темы. Половина статей, включая яркие примеры вроде робота-помощника для незрячих или разработки школьника Яна Мильвита, продемонстрировали, как технологии меняют социальную сферу и промышленность. Узкий фокус на прикладных кейсах оставил вне поля зрения авторов статей стратегические аспекты, такие как: этические дилеммы, кибербезопасность, международный опыт и государственные программы.

Для комплексного освещения темы, на наш взгляд, необходимо расширить жанровую палитру: дополнить заметки аналитическими материалами, интервью с IT-предпринимателями и репортажами с технологических хактонов. Отдельный блок мог бы быть посвящен этическим вопросам: как избежать предвзятости алгоритмов, защитить приватность данных, подготовить общество к «цифровому переходу», а также как защитить людей от киберпреступности.

ТЕМАТИКА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ЗНАМЯ ЮНОСТИ»

П. П. Мокштарёва

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости 4,
220030, г. Минск, Беларусь, gmtanone@gmail.com
Научный руководитель – И. Ф. Бурина, старший преподаватель*

В материале представлены результаты контент-анализа публикаций газеты «Знамя юности» за 2024 год, посвященных теме здорового образа жизни (ЗОЖ). Статьи анализировались по следующим критериям: тематика, региональная принадлежность, периодичность, жанры, субъекты упоминания, аргументация и оценка авторов.

Ключевые слова: здоровый образ жизни (ЗОЖ); контент-анализ; медиа; молодежь.

В рамках учебной практики, которая проходила в СНИЛ «Социум» ФФСН БГУ в марте-апреле 2025 года, был проведен контент-анализ публикаций газеты «Знамя юности» за 2024 год, посвященных теме здорового образа жизни (ЗОЖ). Всего было выявлено и проанализировано 39 статей.

Анализ периодичности публикаций показал, что наиболее активно тема ЗОЖ освещалась в августе (15,4% статей). Также заметная активность наблюдалась в марте и апреле (по 12,8%), тогда как в ноябре публикаций не было вовсе, а в январе и декабре было опубликовано всего по 2,6% материалов. Летний пик активности, возможно, связан с интересом к отпускному отдыху и повышенным вниманием к здоровому образу жизни в этот период. Зимний спад, вероятно, объясняется праздничным сезоном и снижением общей деловой активности.

Наибольшее внимание в публикациях уделялось спортивным достижениям молодежи – эта тема заняла 41% от общего числа материалов. Значительная часть статей (20,5%) была посвящена полезному питанию, тогда как профилактика заболеваний освещалась лишь в 15,4% случаев. Менее популярными оказались такие темы, как вредные привычки (7,7%), медицинские достижения (7,7%) и косметический уход (7,7%). Явный перекос в сторону спортивной тематики (41% всех материалов) можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, спорт традиционно является наиболее зрелищным и медийным аспектом ЗОЖ, что делает его привлекательным как для читателей, так и для журналистов. Во-вторых, спортивные достижения легче поддаются освещению в новостном формате, который преобладает в издании. В-третьих, воз-

можно, редакция сознательно делает акцент на этой теме, считая её наиболее близкой молодёжной аудитории.

Географическое распределение регионов, представленных в публикациях, показало, что почти половина материалов (48,7%) не содержала указания на конкретный регион. Среди регионов, которые все же были обозначены, чаще всего упоминалась Гомельская область (17,9%), Беларусь в целом (12,8%) и Минск (7,7%). Что касается типа населенного пункта, в 66,7% случаев он не указывался, а среди указанных преобладали крупные города (25,6%).

По жанровой принадлежности преобладали репортажи с места событий (48,7%) и информационные заметки с интервью (43,6%). Аналитические статьи встречались лишь в 5,1% случаев.

Что касается субъектов, описанных в статьях, то молодежь в целом выступает основным субъектом в 46,2% материалов, что абсолютно логично для молодёжного издания. Представители медицины, как субъекты, описанные в статьях, фигурируют лишь в 7,7% статей, что удивительно мало для темы ЗОЖ. Республиканская власть упоминается в качестве субъекта всего в 2,6% случаев.

Чаще всего описываемые в статьях субъекты получали положительные оценки авторов материалов.

Важным аспектом исследования стала аргументация в статьях. Оказалось, что 35,9% материалов не содержали никакой аргументации. В остальных случаях авторы чаще всего опирались на мнение экспертов (25,6%), научные данные (17,9%) или личный опыт (10,3%).

Авторский состав публикаций был представлен в основном журналистами (38,5%). Также значительную долю занимали представители молодежи и врачи (по 17,9%), тогда как эксперты (ученые) были авторами лишь в 10,3% случаев.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы: газета «Знамя юности» в 2024 году демонстрирует выраженный перекося в сторону освещения спортивных достижений и вопросов питания, тогда как такие важные аспекты ЗОЖ, как профилактика заболеваний и вредные привычки, получили меньше внимания. Серьезной проблемой, на наш взгляд, является отсутствие региональной привязки почти в половине статей на тему ЗОЖ, что, по нашему мнению, снижает их практическую значимость для читателей из конкретных регионов Республики Беларусь. Жанровый анализ выявил преобладание репортажей и заметок при явном дефиците аналитических материалов.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В УМНОМ ГОРОДЕ

К. В. Пастушенко

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,

220030, г. Минск, Беларусь, KPast2003@yandex.ru

Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент

Статья анализирует роль искусственного интеллекта (ИИ) в управлении умными городами, акцентируя внимание на улучшении качества жизни. Описываются ключевые технологии ИИ, такие как аналитический, операционный, интерактивный и этический, а также их внедрение в городскую инфраструктуру. Приводятся результаты исследований, включая проект AI4Cities, которые подчеркивают важность ИИ для устойчивого управления и повышения эффективности. Особое внимание уделяется этическим вопросам, таким как защита данных и цифровая справедливость, а также различиям в восприятии ИИ среди различных групп.

Ключевые слова: искусственный интеллект; умный город; AI4Cities; цифровая справедливость; этические аспекты.

Искусственный интеллект (ИИ) в контексте умного города определяется как совокупность технологий, позволяющих автоматизировать и оптимизировать управление городской средой с целью повышения качества жизни граждан. Он включает в себя анализ больших данных, автоматизацию процессов, интеллектуальные системы управления транспортом, энергоснабжением, безопасностью и другими аспектами городской инфраструктуры. Центральным элементом умного города является использование ИИ для принятия решений, повышения эффективности городских служб и устойчивого развития [1].

Исторически предпосылки к внедрению ИИ в управление городами складывались с развитием цифровых технологий, интернета вещей (IoT) и систем машинного обучения. Становление умных городов стало ответом на вызовы урбанизации, экологические проблемы и необходимость в более гибких и адаптивных системах управления. В современном научном и общественном дискурсе ИИ рассматривается не только как технологический феномен, но и как социокультурный и этический вызов. В Толковом словаре современной урбанистики ИИ трактуется как «инструмент для прогнозирования и управления, позволяющий эффективно решать задачи, выходящие за пределы человеческих когнитивных возможностей» [1].

Современные подходы к классификации ИИ в умном городе позволяют выделить следующие его виды:

- аналитический ИИ (используется для обработки больших массивов данных, предсказаний и планирования);
- операционный ИИ (включает автоматизацию транспортных, коммунальных и информационных систем);
- интерактивный ИИ (включает голосовых помощников, чат-ботов, системы обратной связи с жителями);
- этический ИИ (ориентирован на соблюдение прав человека, конфиденциальность и цифровую справедливость);
- образовательный ИИ (интеграция ИИ в системы обучения, повышение цифровой грамотности граждан);
- безопасный ИИ (направлен на предотвращение угроз, контроль доступа, прогнозирование чрезвычайных ситуаций);
- экологический ИИ (участвует в управлении ресурсами, мониторинге загрязнений и устойчивом развитии);
- медицинский ИИ (диагностика, управление потоками пациентов, персонализированное лечение).

По результатам международного исследования, проведённого в рамках проекта «AI4Cities», в котором принимали участие жители городов Хельсинки, Амстердама, Парижа, Копенгагена и Таллина, было выявлено, что ключевыми ожиданиями граждан от внедрения ИИ в городское управление являются повышение устойчивости, прозрачности и эффективности. В ходе международного исследования респонденты указывали на важность использования ИИ для снижения выбросов углекислого газа, повышения энергоэффективности зданий, а также для улучшения систем городского транспорта и управления трафиком [2].

Так же особое внимание участники исследования ЮНЕСКО уделяли этическим аспектам: 74% опрошенных уверены, что разработка этических норм, уважающих права человека, поможет повысить доверие к ИИ-системам и стимулировать инвестиции в этот сектор. Молодёжь и студенты, в частности, чаще подчёркивали важность цифровой справедливости и равного доступа к технологиям [3]. В другом исследовании, охватывающем более 1000 респондентов в возрасте 15–29 лет, 77% предпочли бы ограничить использование ИИ для защиты личных данных, несмотря на признание его потенциала в здравоохранении и благополучии. Также фиксировались различия в восприятии ИИ в зависимости от уровня образования и профессионального контекста: респонденты с техническим и ИТ-образованием вдвое чаще выражали доверие к ИИ по сравнению с участниками без профильной подготовки [4].

Таким образом, исследования ЮНЕСКО и AI4Cities демонстрируют, что граждане, в том числе молодёжь и студенты, воспринимают искусственный интеллект как важный элемент устойчивого и прозрачного

городского управления. Однако их восприятие сопровождается высокой чувствительностью к этическим и социальным аспектам использования ИИ в городской среде. Это подтверждается на глобальном уровне, где вопросы конфиденциальности данных, цифровой справедливости и необходимости независимого контроля становятся основными темами обсуждения в контексте внедрения ИИ в управленческие процессы.

Библиографические ссылки

1. Smirnova A., Rinne J. [Электронный ресурс] // ScienceDirect URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2210670721002875> (дата обращения: 16.04.2025).

2. AI4Cities. Искусственный интеллект для устойчивого развития городов [Электронный ресурс] // AI4Cities. URL: <https://ai4cities.eu/> (дата обращения: 16.04.2025).

3. ЮНЕСКО. Young Mediterranean leaders address the impact of technologies [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: <https://en.unesco.org/news/young-mediterranean-leaders-address-impact-technologies> (дата обращения: 16.04.2025).

4. Financial Times. Youth Talks: Students reveal their hopes and fears for AI [Электронный ресурс] // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/ea99f4db-d99d-46a1-9e0c-7fae2413e0fe> (дата обращения: 16.04.2025).

ПЕРСПЕКТИВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

А. А. Потапенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, aapotapenko1@gmail.com
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент*

Данная работа рассматривает проблему модернизации высшего образования с позиций распространённости искусственного интеллекта среди студентов. Описываются интенсивный и экстенсивные аспекты проникновения технологии в жизнь студенческой молодежи. В рамках тезисов представлены результаты качественного и количественного исследований.

Ключевые слова: искусственный интеллект; высшее образование; модернизация; количественное исследование; качественное исследование.

Тема генеративного искусственного интеллекта имеет высокий уровень актуальности. Чуть ли не каждый день проходит очередная тематическая конференция, частота упоминания в новостях темы «ИИ и образование» поражает. Со ссылкой на ЮНЕСКО, ООН, на январь 2025 года, сообщает о том, что более двух третей учеников средних школ в странах с высоким уровнем жизни уже используют генеративные инструменты ИИ для выполнения школьных заданий. В мае 2023 года было проведено исследование, согласно которому всего 10% школ и университетов разработали официальные принципы использования ИИ. Спустя почти 2 года всё также серьезной проблемой остается отсутствие четких рекомендаций для специалистов в области образования [1].

Если говорить об образовательном процессе, то уже сейчас можно рассуждать об всеобъемлющем количественном распространении ИИ. Но, как и во всех ситуациях модернизации, перед исследователями встают многие вопросы. Эти вопросы, в нашем случае, лежат в рамках исследуемых задач:

1. Насколько распространен ИИ среди студентов старших курсов БГУ?

2. Насколько интенсивны практики использования ИИ среди студентов?

В ноябре-декабре 2024 года был проведён анкетный опрос студентов 3 и 4 курсов 15 факультетов, Института бизнеса, Международного экологического института им. А.Д. БГУ; объем выборочной совокупности составил 1359 респондентов.

В марте 2025 года были проведены 2 глубинных интервью с преподавателями факультета философии и социальных наук БГУ.

Абсолютное большинство студентов старших курсов пользовались ИИ – 87% (рис. 1). При этом, из общей картины, выделяются студенты двух профилей – естественно-научного и гуманитарного, там почти каждый пятый старшекурсник (17,1% и 17,6% соответственно) не пользовался искусственным интеллектом (рис. 2). Можно сказать, что технология ИИ имеет высокую степень распространённости среди старших курсов БГУ, при этом существует значимая часть студентов, которые не используют данную технологию.

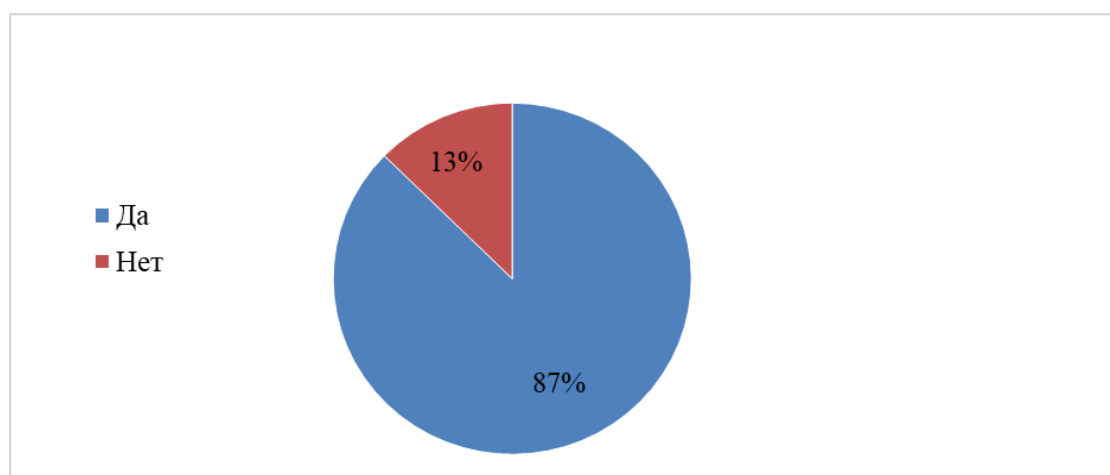

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам пользоваться искусственным интеллектом?», в %

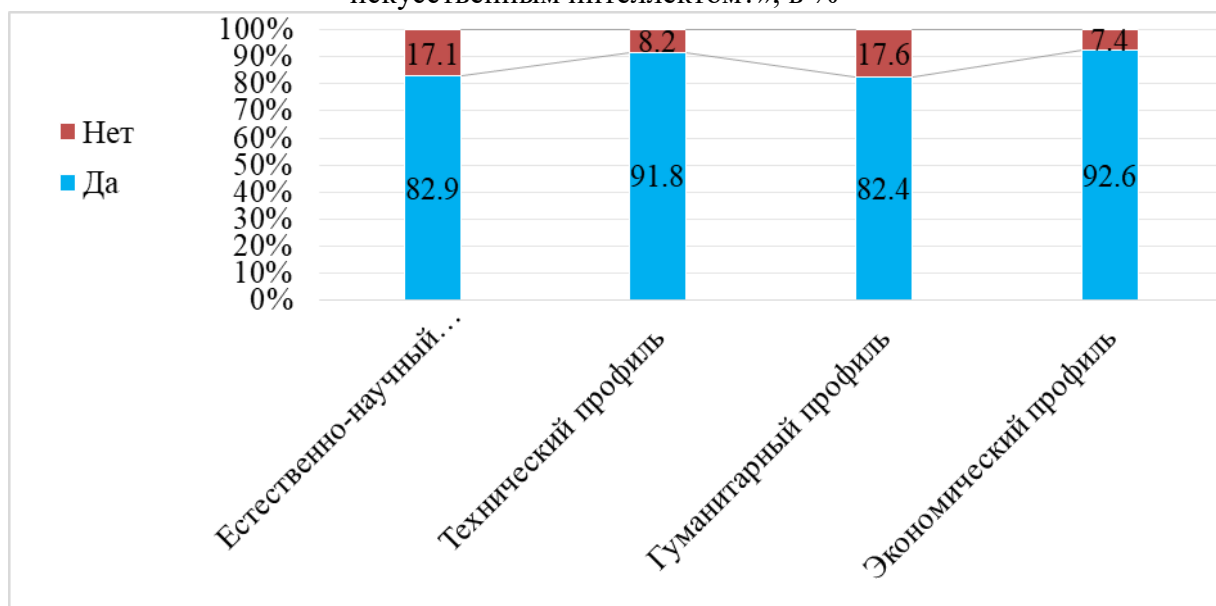

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам пользоваться искусственным интеллектом?» по профилю обучения, в %

Всего 7% студентов используют ИИ на платной основе, тогда как бесплатным функционалом ИИ пользуется абсолютное большинство студентов 93%. При этом, в отличие от других профилей, каждый десятый (10,3%) студент старших курсов экономического профиля использует платные версии искусственного интеллекта (рис. 3). Описанная выше распространённость ИИ среди студентов, в существенной степени обуславливается доступностью данной технологии. В рамках исследования, существует базовое предположение о том, что ИИ имеет в бесплатной или ограниченно бесплатной версии функционал, не сопоставимый по возможностям с платными версиями [2]. Исходя из этого, можно обобщить, что обращение с платными версиями – глубокое использование возможностей ИИ, а бесплатное – поверхностное. Стоит отметить, что при существующем желании использовать функционал платных версий ИИ, пользование остается поверхностным т.к. внешние ограничения не позволяют погрузиться в тему.

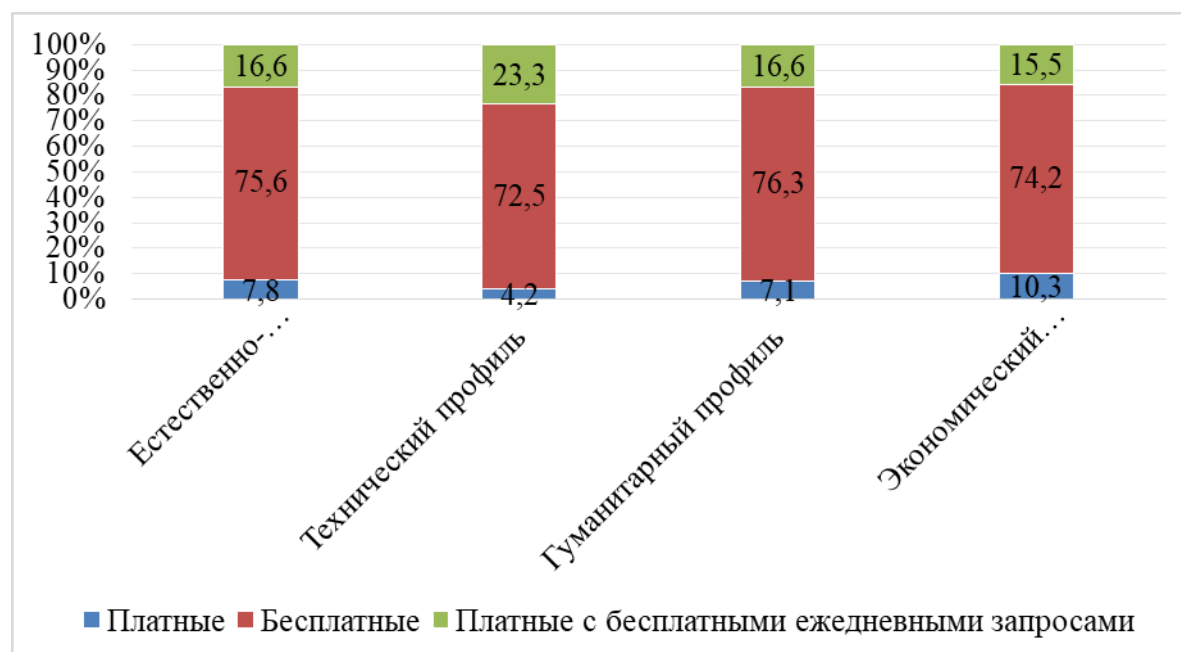

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какие приложения/сервисы для работы с искусственным интеллектом Вы используете?» по профилю обучения, в %

Глубину проникновения ИИ в жизнь студентов раскрывают информанты из числа преподавателей. Так, в ходе анализа транскриптов у каждого преподавателя были зафиксированы утверждения о том, что студенты не используют всё разнообразие и возможности существующих технологий. Также, по мнению преподавателей, студенты не охотно углублены в саму тему сервисов, связанных с нейросетями, не могут поддержать беседу насчёт существующих приложений, а ИИ отождеств-

ляют с программным продуктом от Open AI – Chat GPT. Также, преподаватели подчеркивают, что уровень погружения в тему – уровень «по-развлекаться» в ходе очередного инфоповода. В учебных же целях, информант-2, отмечает, что студенты используют возможности технологии для «создания графического контента».

Информант-1: *«... чаще всего у них происходит отождествление, что искусственный интеллект – это Chat GPT, и поэтому, когда пытаешься с ними завести разговор, в принципе, про искусственный интеллект, единственное, что у них как-то вызывает такую бурную ассоциацию, это Chat GPT. Насколько мне известно, я не думаю, что студенты сильно замораживаются на этот счёт и покупают себе какие-то платные версии, либо ангрейдят аккаунты в каких-то приложениях. Мне кажется, они пользуются какими-то доступными для них средствами».*

Информант-2: *«И студенты тоже начинают этим играть, то есть задают какие-то запросы, не в учебных целях, а чтобы поразвлекаться. В учебных целях ... это связанное с созданием графического контента, тех же самых презентаций, либо просто картинок. По текстам это то, что я слышала, китайский этот новый, и... OpenAll Чат GPT. ... Их сейчас стало много, поэтому... Ну и студенты, естественно, не сильно как бы рассказывают о том, чем они владеют, имеют навыки, скажем так».*

Распространение ИИ находится в самом его зарождении. Мы фиксируем экстенсивную распространённость ИИ, но не интенсивную. Большинство студентов пользовались ИИ, но использование лежит в рамках простых решений, только почти каждый 10 студент старших курсов использует платные версии.

Главной рекомендацией данной работы будет предложение о повышении качества пользования студентами ИИ через реализацию образовательных программ в ВУЗах. Именно обучение специфическим знаниям, которые позволяют применять ИИ в профильной деятельности – ключ к актуальности высшего образования Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Искусственный интеллект и образование: деятельность человека в автоматизированном мире [Электронный ресурс] // ООН: URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/01/1460666> (Дата обращения: 20.04.2025).

2. Гунитов, А. Платные vs бесплатные нейросети: какие выбрать для текстов [Электронный ресурс] // ДЗЕН. Гаджеты и электроника. 2025 URL: <https://dzen.ru/a/Z77TvlGVMiY1-X1V> (Дата обращения: 20.04.2025).

БРАК И СЕМЬЯ В СОЗНАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ: ВЗГЛЯД СТУДЕНТОВ БГУ

Н. С. Савчин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, n.savchinedu@outlook.com
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент*

В статье проводится анализ восприятия института брака и семьи студентами БГУ в условиях динамичных социальных изменений. Исследование, основанное на онлайн-опросе 1359 студентов, выявило гендерные различия в оценке традиционных и новых функций брака. Полученные результаты указывают на необходимость адаптации образовательной и социальной политики к меняющимся ценностным ориентациям молодежи.

Ключевые слова: брак; семья; студенты; социологическое исследование; ценности.

Сегодня современное молодое поколение находится в условиях динамичных социальных изменений, которые формируют новые представления о браке и семье. Трансформация ценностных ориентаций, влияние глобализационных процессов, развитие технологий и изменение гендерных ролей приводят к переосмыслению традиционных моделей современной семьи и брачных отношений. Важность и актуальность рассмотрения восприятия института брака и семьи студенческой молодежью обусловлена тем, что данная социальная группа активно формирует будущие тенденции в обществе, в дальнейшем своим поведением активно влияет на демографическую и социальную политику государства.

Семья, по мнению С. Н. Буровой, является сегодня одной из фундаментальных ценностей, к которой человек проявляет своё устойчивое отношение на протяжении уже многих лет. Она занимает центральное место в системе ценностных ориентаций индивидов, способствует сохранению преемственности поколений, а также стабильности общества [1, с. 4].

К сожалению, сегодня среди молодёжи всё более актуальным становится одинокий (интровертный) образ жизни, всё более широко проявляются такие черты характера, как эгоизм, замкнутость, нетерпимость. Подобные характеристики индивида в будущем, по мнению И. И. Морозовой, могут усложнить процесс дальнейшей брачной адаптации молодых людей и создать проблемы для налаживания будущей стабильной семейной коммуникации и

взаимопонимания. Исходя из данной ситуации, мы можем наблюдать, что понятие семьи и брака постепенно утрачивает актуальность в кругу молодёжи. Дополнительно отмечается, что в брачных взаимоотношениях молодожёнов стали вымирать нравственные понятия долга, морали и ответственности. Подобное поведение супругов в дальнейшем провоцирует раскол брачных отношений и, как следствие, частые разводы [2, с. 119-120].

С целью актуализации и изучения вопроса восприятия студентами института брака и семьи, а также для определения значения брака и функций семьи как отдельного института, автором статьи были проанализированы данные социологического исследования, проведенного в рамках производственной практики в марте 2025 года. Целью данного исследования являлось изучение восприятия понятий брака и семьи студентами 3 и 4 курсов Белорусского государственного университета. Выборочная совокупность исследования составила 1359 студентов. Метод сбора социологической информации – онлайн-опрос посредством сервиса Google Forms.

Для определения восприятия студенческой молодёжью понятия официального брака был задан следующий вопрос: «Что для Вас означает брак?». Анализ полученных результатов был произведен по гендерному признаку и определил следующие тенденции. Большинство студентов (66,6 % юношей и 66,2 % девушек) воспринимают понятие официального брака как традиционный союз женщины и мужчины, а также как совместную ответственность, которую отметили 51,2 % девушек и около одной трети (30,4 %) юношей. Брак как способ доказательства любви рассматривается – для 40 % девушек и как важный знак примерно одной третью (33,4 %) юношей. Брак как форму закрепления семейных обязанностей среди юношей отметили 22,6 %, а среди девушек – 20,5 %. При этом брак как штамп в паспорте признан значимым для большинства юношей (19,1%), в то время как лишь 9,4 % девушек придают подобное значение. Как способ изменения социального статуса, понятие брака отметили для себя 14,7 % девушек и 13 % юношей, а возможность повысить уровень социальной ответственности выбрали примерно одна седьмая девушек (14,4 %) и 12,7 % юношей.

Наименьшую популярность среди студентов БГУ получили следующие ассоциации с браком: как необходимое условие для рождения ребёнка, как следование социальным стереотипам современного общества и как способ ведения совместного домохозяйства (таблица). Таким образом, можно говорить о том, что девушки чаще рассматривают брак как явление, сочетающее в себе

социальные, бытовые и эмоциональные аспекты. Для них брак является необходимым условием для рождения детей, основой для совместного ведения домохозяйства, проявлением ответственности и выполнения социальной роли, а также как выражение глубокой эмоциональной привязанности. Юноши, напротив, чаще акцентируют внимание на браке как следовании социальным стереотипам, что отражает их более формальный и прагматичный подход. Однако обе группы также рассматривают брак как способ удовлетворения потребностей в бытовом и социальном плане, что в итоге подчеркивает универсальную значимость института брака в обществе в понимании студентами.

Таблица

Распределение ответов на вопрос «Что для Вас означает брак?» (по полу, в %)

Варианты ответа	Юноши	Девушки
Союз женщины и мужчины	66,6	66,2
Необходимое условие для рождения детей	8,3	11,9
Совместная ответственность	30,4	51,2
Следование стереотипам современного общества	6,4	2,9
Ведение совместного домохозяйства	8,4	7,3
Способ доказательства любви	33,4	40
Закрепление семейных обязанностей	20,5	22,6
Штамп в паспорте	19,1	9,4
Изменение социального статуса	13,0	14,7
Повышение уровня социальной ответственности	12,7	14,4
Другое	1,3	0,9
Затрудняюсь ответить	4,9	2

Следующий вопрос относился к изучению ценностной ориентации понятия семьи. Вопрос звучал следующим образом: «Для чего, по Вашему мнению, человеку нужна семья?». Ответы относительно функций семьи по половому признаку распределились следующим образом. Среди девушек, функции, которыми обязательно должна обладать семья, выделяются в следующей градации: рекреативная (в семье человек отдыхает, восстанавливает силы) – 61,5 %,

репродуктивная (семья нужна для рождения и воспитания детей) – 49,9 %, социализирующая (в семье человек самореализуется, приобретает свой социальный статус) – 48,6 %, экономическая (семья нужна, чтобы выжить в сложной экономической ситуации) – 16,8 %, интимная (семья нужна для удовлетворения сексуальных потребностей) – 7,9 %.

Среди юношей прослеживаются сходные функции, однако больший акцент сделан на репродуктивной: репродуктивная (семья нужна для рождения и воспитания детей) – 62,3 %, рекреативная (в семье человек отдыхает, восстанавливает силы) – 51,3 %, социализирующая (в семье человек самореализуется, приобретает свой социальный статус) – 38,4 %, экономическая (семья нужна, чтобы выжить в сложной экономической ситуации) – 18 %, интимная (семья нужна для удовлетворения сексуальных потребностей) – 11,8 %.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что различия в приоритетах функций семьи между студентами разного пола отражают их социальные ожидания, ценности и опыт. Юноши чаще оценивают репродуктивную функцию как наиболее важную, что может свидетельствовать об их восприятии традиционной семейной роли. Девушки, в свою очередь, отдают приоритет рекреативной функции, подчеркивая значимость семьи как источника эмоционального и физического восстановления. Социализирующая функция получает большее внимание со стороны девушек, что может вполне объясняться их ориентацией на развитие социальных связей и личностный рост через семейные взаимодействия. Экономическая функция, имея схожую оценку у обоих полов, подчеркивает универсальную значимость материальной поддержки в современном обществе. Различия в ответах также могут отражать стереотипы и социальные нормы, влияющие на восприятие семейных функций.

Таким образом, исследование показало, что восприятие института брака и семьи студентами БГУ носит двойственный характер, объединяя традиционные ценностные ориентиры с изменяющимися социокультурными установками современного молодого поколения. Современные студенты сегодня видят брак преимущественно как традиционный союз женщины и мужчины, основанный на взаимной ответственности и эмоциональной привязанности, однако наблюдаются заметные гендерные различия: юноши чаще акцентируют внимание на репродуктивной и формальной функции брака, в то время как девушки придают большее значение рекреативным и социализирующим аспектам института семьи. Результаты исследования свидетельствуют о том, что современные студенты, несмотря на влияние устоявшихся стереотипов, стремятся к переосмыслению роли семьи и брака в контексте личной

самореализации и эмоциональной поддержки. Полученные данные подтверждают необходимость разработки новых подходов в образовательной и социальной политике, способствующих гармоничному развитию семейных ценностей в условиях динамичных социальных изменений.

Библиографические ссылки

1. Бурова, С. Н. Современная семья: крах или другая жизнь? // Социология : научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. 2015. № 2. С. 4-15.
2. Морозова, И. И. Семейные ценности современной молодежи // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи : материалы междунар. науч.-практ. online-конференции, Витебск, 6 декабря 2019 г.. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. С. 119-120.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Савчук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, savchuk.aleksey.a@gmail.com
Научный руководитель – Е. А. Кечина, доктор социологических наук, профессор*

Данная статья посвящена анализу динамики движения населения Республики Беларусь. Первичными показателями для анализа выступают численность населения, в т.ч. женщин в репродуктивном возрасте, и суммарный коэффициент рождаемости, производными – коэффициенты старения, демографической нагрузки, общего прироста населения и урбанизации.

Ключевые слова: демография; движение населения; рождаемость; старение населения; демографическая нагрузка.

Население выступает ключевым ресурсом региона и играет основополагающую роль в его развитии. В развитых странах регионы с высокой численностью населения, как правило, выступают центрами притяжения материальных и нематериальных благ: более высоких доходов, развитой инфраструктуры и др. Динамика движения населения детерминируется показателями естественного и механического прироста (убыли) населения. В основе естественного прироста (убыли) лежат индикаторы рождаемости и смертности, разность между ними позволяет свидетельствовать о естественном приросте (рождаемость превалирует над смертностью) либо убыли (смертность превалирует над рождаемостью) населения. В свою очередь механический прирост (убыль) населения детерминируются значением сальдо внешней миграции, где под приростом подразумевается превалирование числа въехавших в страну лиц, под убылью – превалирование числа лиц, выехавших из страны.

Специфика предоставления статистических данных Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь не предполагает публикации данных, позволяющих детально изучить динамику движения населения (данные по рождаемости, смертности и миграции отсутствуют с 2020 года). Ключевым показателем, позволяющим сделать вывод о динамике движения населения Беларуси в рамках данной работы, выступает численность населения.

Устойчивая тенденция снижения численности населения Республики Беларусь наблюдается с 2017 года: значение показателя сократилось с 9,47 до 9,16 млн человек при среднегодовом темпе убыли 0,48%. В целом за указанный период население сократилось на 3,31% или

0,31 млн человек. При этом необходимо отметить, что тренд сокращения численности населения усугубился в последние пять лет: с 2021 года среднегодовой темп убыли увеличился до 0,68%, а всего за указанный период население сократилось на 0,25 млн человек (таблица).

Таблица

Динамика численности населения в 2017-2024 гг., млн человек [1]

Страна	2017	...	2021	2022	2023	2024	Прирост 2024/2017	CAGR
Беларусь	9,47	...	9,35	9,26	9,2	9,16	-3,31%	-0,48%

Примечания. Для расчетов используется численность населения на 1 января отчетного года.

Таким образом, расчетное значение коэффициента общего прироста население в 2024 году составляет минус 4,9 ‰. Следует отметить некоторую положительную динамику показателя начиная с 2022 года, когда значение коэффициента составляло минус 10,2 ‰ (в 2023 году – минус 6 ‰).

Тенденция сокращения численности населения характерна для большинства европейских стран, усугубление ее темпов – последствия ряда социальных потрясений, произошедших за последние пять лет (пандемия коронавируса, рост социально-политического напряжения, в т.ч. на фоне усугубления военных конфликтов).

В разрезе социально-демографических характеристик, в нашей стране преобладают женщины (53,8% против 46,2%, подобная пропорция неизменно сохраняется с 2014 года). Беларусь является высокоурбанизированной страной с долей городского населения 78,6%. [1]. Устойчивая тенденция увеличения доли городского населения наблюдается в течение последних десятилетий.

С целью анализа демографической ситуации и ее прогнозирования в среднесрочной перспективе следует рассмотреть индикатор демографического старения населения (в рамках данной работы рассчитывается по методологии ООН, т.е. для расчета используется численность населения в возрасте 65 лет и старше). Число лиц в возрасте 65 лет и старше на начало 2024 года составило 1,57 млн человек, что на 0,06 млн человек или 3,7% выше уровня предыдущего года (в 2023 году – 1,52 млн человек).

По результатам анализируемого периода численность лиц в возрасте 65 лет и старше увеличилась на 14% или 0,19 млн человек (в 2017 году – 1,38 млн человек). Значение коэффициента демографического старения на начало 2024 года составляет 17,2% (высокий уровень демографического старения). Подобное значение выше предыдущего года на

0,7 п.п. (в 2023 году – 16,5%) и уровня начала анализируемого периода на 2,6 п.п. (в 2017 году – 14,6%).

Помимо коэффициента демографического старения также в рамках анализа демографической ситуации может рассчитываться коэффициент демографической нагрузки. Данный показатель, помимо лиц в возрасте 65 лет и старше, также учитывает лиц в возрасте до 15 лет. Предназначением подобного коэффициента является расчет нагрузки на трудоспособное население (в соотношении с лицами нетрудоспособного возраста). Необходимо отметить, что методика расчета данного коэффициента может варьироваться в зависимости от целей исследования и особенностей региона. Например, для регионов с ранним выходом на пенсию и (или) дифференциацией порога пенсионного возраста для мужчин и женщин возможна корректировка стандартного показателя «число лиц в возрасте 65 лет и старше».

На начало 2024 года суммарное число лиц до 15 лет и в возрасте 65 лет и старше составило 3,07 млн человек, что на 0,02 млн человек или 0,5% выше уровня предыдущего года (в 2023 году – 3,05 млн человек).

С 2017 года численность данных групп населения выросла на 3,6% или 0,1 млн человек (в 2017 году – 2,96 млн человек). При расчете коэффициента в рамках международной методологии значение показателя составляет 503,6‰ и интерпретируется следующим образом: в среднем на тысячу человек населения трудоспособного возраста приходится 503,6 человек населения в нетрудоспособном возрасте. Необходимо отметить, что расчет данного показателя не учитывает долю населения незанятого в экономике в трудоспособном возрасте.

По сравнению с началом анализируемого периода значение показателя увеличилось на 49,1 пунктов (в 2017 году – 454,6‰), что свидетельствует об усугублении нагрузки на население в трудоспособном возрасте. Увеличение нагрузки существенно отражается на росте затрат социальной системы, в частности на пенсионное обеспечение, выплату детских пособий и др. Подобные затраты могут компенсироваться за счет лиц в трудоспособном возрасте в виде роста прямых и косвенных налогов.

В условиях сокращения общей численности населения, необходимо обратить внимание на показатель численности женщин в репродуктивном возрасте (15-49 лет). Ведь именно женщины репродуктивного возраста напрямую обеспечивают рождаемость. На начало 2024 году их численность составляла 2,11 млн человек, что на 0,7% ниже уровня предыдущего года (2,13 млн человек). По результатам анализируемого периода численность женщин в репродуктивном возрасте снизилась на 6,6% (в 2017 году – 2,27 млн человек). Таким образом численность жен-

щин в репродуктивном возрасте снижается в два раза быстрее общей численности населения (3,3% против 6,6% соответственно).

В качестве индикатора, детерминирующего динамику рождаемости в Республике Беларусь в рамках данной работы, используется суммарный коэффициент рождаемости. Данный индикатор ежегодно рассчитывается Всемирным банком на основе статистических данных органов государственного управления региона.

Актуальные данные представлены по состоянию на 2022 год: значение коэффициента составило 1,5 рождения на одну женщину, что сопоставимо уровню начала анализируемого периода. Подобное значение суммарного коэффициента рождаемости располагает нашу страну на 166 месте из 211 стран (территорий). Однако, значение данного показателя недостаточно для обеспечения уровня воспроизводства населения (2,1 рождения на одну женщину) [2].

Таким образом, анализ динамики движения населения Республики Беларусь свидетельствует об устойчивых тенденциях снижения его численности и росте темпов старения населения. В числе негативных тенденций также следует отметить стремительное снижение численности женщин в репродуктивном возрасте, а также увеличение демографической нагрузки на население в трудоспособном возрасте. Динамика суммарного коэффициента рождаемости демонстрирует недостаточные значения для воспроизводства населения.

Библиографические ссылки

1. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь – URL: <http://dataportal.belstat.gov.by/> (дата обращения: 06.04.2025).
2. Fertility rate, total (births per woman) [Electronic resource] // The World Bank. Data – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN> (date of access: 06.04.2025).

ОТНОШЕНИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ: СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ И УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ

Сунь Жофэй

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sunruofei0604@gmail.com
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент*

В статье представлены результаты социологического исследования, посвящённого восприятию, целям использования и уровню доверия к искусственному интеллекту (ИИ) со стороны китайских студентов, обучающихся в Республике Беларусь. Анализ охватывает как учебную, так и внеучебную активность студентов, а также затрагивает их представления о социальных и этических аспектах использования ИИ. Исследование основано на результатах анкетного опроса 36 китайских студентов, проходившего в марте 2025 года, и демонстрирует основные тенденции отношения к ИИ в молодёжной студенческой среде.

Ключевые слова: искусственный интеллект; китайские студенты; цифровые технологии; образование; студенческая молодёжь.

В современном обществе технологии искусственного интеллекта стремительно проникают во все сферы жизни, включая образование. Особенно заметно их влияние среди студентов, обучающихся за рубежом, которые сталкиваются с рядом трудностей, таких как языковой барьер, необходимость адаптации к новой академической среде, высокая конкуренция и учебная нагрузка. Китайские студенты, обучающиеся в Республике Беларусь, представляют собой уникальную группу, в чьей практике ИИ становится важным элементом учебного процесса и инструментом преодоления образовательных барьеров. Согласно данным исследования, 97% опрошенных студентов уже имеют опыт использования ИИ, при этом 25% делают это ежедневно, а 36,1% – несколько раз в неделю. Чаще всего студенты используют его для поиска информации (63,9%), помощи в написании текстов (38,9%) и перевода (тоже 38,9%). Таким образом, ИИ стал частью повседневной учёбы.

Большинство студентов предпочитает бесплатные или частично бесплатные версии сервисов. Только 13,9% используют инструменты, которые дают ограниченный бесплатный доступ, и ни один – полностью платные. Это логично: у студентов ограниченный бюджет, а возможностей бесплатных версий зачастую хватает для решения обычных задач.

Важным фактором является восприятие роли ИИ в учебе и будущем карьерном развитии. На вопрос о важности умения использовать ИИ в учебной деятельности 33,4% студентов дали высокую оценку (7-10 бал-

лов по 10-балльной шкале), в то время как 36,7% считают, что его значение невелико (1-4 балла). В отношении будущей профессии 11,1% респондентов оценивают владение ИИ как крайне значимое, а 36,1% – как малозначимое. В отношении будущей профессии лишь 11,1% участников опроса уверены, что ИИ будет играть большую роль. Следовательно, пока студенты воспринимают ИИ как полезный, но вспомогательный ресурс.

Уровень доверия к ИИ оценивается как умеренный: средняя оценка составила 5,9 баллов из 10. Большинство студентов пользуются ИИ с оглядкой: 28% дали среднюю оценку, 14% – низкую, и только 3% полностью доверяют данному источнику. Одна из причин – понимание, что ИИ не идеален. Полностью согласились с утверждением «ИИ не способен мыслить, как человек» 41,7% респондентов. Результаты исследования свидетельствуют, что китайские студенты относятся к технологиям рационально и критически.

Положительное отношение к ИИ как к явлению в целом подтверждается тем, что 97,2% опрошенных хотели бы расширить его применение в своей жизни. Однако большинство (75%) осознаёт и риски. Среди главных опасений – искажение информации (74,2%), утрата конфиденциальности (45,2%), низкое качество материалов (38,7%) и угроза замещения рабочих мест (22,6%).

Респонденты высоко оценивают преимущества ИИ: быстроту получения информации (82,9%), круглосуточную доступность (57,1%), универсальность (54,3%) и способность решать сложные задачи (51,4%). Вместе с тем такие функции, как быстрое принятие решений (28,6%) или работа в опасных условиях (11,4%), пока мало актуальны для студентов. Это понятно – ИИ для них прежде всего учебный помощник, а не инженерный инструмент.

При оценке влияния ИИ на общество большинство студентов демонстрируют положительное отношение. Средняя оценка утверждения «ИИ способствует развитию общества» составила 3,56 из 5, а «ИИ позволяет развивать новые отрасли» – 3,73. Половина заняла нейтральную позицию, но 41,7% считают, что он способствует развитию. Лишь 1,44 балла – средняя оценка утверждению, что ИИ приведёт к регрессу. То есть в целом ожидания положительные.

Анализ социальных и этических аспектов показал, что китайские студенты в целом не рассматривают ИИ как угрозу для человечества (средняя оценка 1,61) и не считают его использование негуманным (1,28). Также 94,4% респондентов не согласны с утверждением, что ИИ способен заменить человека. Всё это говорит о том, что студенты чётко

различают возможности и ограничения технологий и не склонны драматизировать их влияние.

В целом китайские студенты в Беларуси рассматривают ИИ как полезный и универсальный инструмент, прежде всего в академической сфере. Они активно его используют, но при этом не теряют критического мышления: при признании его преимуществ студенты сохраняют осторожность в вопросах этики, достоверности и социальной справедливости. Эти результаты могут быть использованы при разработке образовательных стратегий, направленных на интеграцию ИИ в учебный процесс с учётом культурных и ценностных особенностей студентов.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

Е. С. Хомко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, katerinakhomko.kh@inbox.ru
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент*

В статье представлены результаты социологического исследования, проведённого в 2025 году методом анкетного опроса. Целью исследования была характеристика уровня включенности и вовлечённости студентов 3-4 курсов БГУ во вторичную занятость, изучение её влияния на профессиональное развитие. Были проанализированы мотивы поступления на выбранную специальность в университет, выявлены особенности взаимосвязи получаемых знаний по специальности и их применения на практике среди работающих студентов, рассмотрены перспективы выбора профессии среди студентов.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение; образовательные стратегии; график работы; профессиональные перспективы.

Профессиональное самоопределение является процессом формирования личностью своего отношения к профессионально-трудовой среде и способом её самореализации. Начинается данный процесс ещё в раннем детском возрасте, когда ребёнок отвечает на вопрос «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?». Продолжается в школе, когда настанет время определиться с предметами для поступления, исходя из личностных склонностей и предпочтений. Наконец, самым пиком формирования профессионального самоопределения можно считать студенческие годы. Именно в это время появляется понимание личных возможностей и перспектив в освоении конкретной специальности, которая в будущем может стать основой для профессиональной деятельности.

Образование в современных реалиях предполагает не только получение глубоких знаний в конкретной области, но и развитие способности адаптироваться к новым вызовам, быстро осваивать новые навыки и эффективно взаимодействовать с окружающим миром. Следовательно, студенты вырабатывают новые образовательные стратегии, которые соответствуют тенденциям текущего «быстрого» времени и определяют их дальнейший жизненный и профессиональный путь.

Чтобы подробнее рассмотреть данные образовательные стратегии и понять, как они влияют на профессиональное самоопределение студентов, можно их представить в виде «ленты времени»: от прошлого, когда принималось решение поступить на определённую специальность, пе-

рейти к настоящему, когда работающие студенты имеют возможность оценить применимость навыков, полученных в процессе обучения, и закончить будущим профессиональными перспективами, которые видят студенты после получения диплома.

В 2025 году в Белорусском государственном университете было проведено социологическое исследование, направленное на характеристику уровня включенности и вовлечённости студентов 3-4 курсов во вторичную занятость, изучению её влияния на профессиональное развитие (N=1357, метод – онлайн-опрос).

Чтобы характеризовать прошлое, необходимо узнать, что побудило студентов поступить на выбранную ими специальность. Следовательно, в исследовании была изучена мотивация выбора специальности студентами при поступлении в университет. Ответы распределились следующим образом: 62,5% студентов выбрали ответ «нравится направленность будущей специальности». Следовательно, они осознанно выбирали наиболее понравившийся вариант для поступления, и, возможно, планируют связать свою жизнь с этой деятельностью в дальнейшем. 58,8% обучающихся ответили, что выбранная профессия позволит развивать способности, удовлетворить свои интересы, это, в свою очередь может говорить о стремлении к саморазвитию и наличию понимания своих желаний и интересов. 28,5% студентов хочет получить дополнительные знания и навыки, предоставляемые при поступлении на определённую специальность. 23,6% обучающихся считают, что выпускники выбранной специальности востребованы на рынке труда, что, возможно, даст и преимущество при поиске работы после выпуска. Лишь каждый десятый (10,3%) студент указал, что выбрал специальность исходя из наличия возможности приобретения смежных специальностей во внеучебное время.

Чтобы рассмотреть настоящее студенческой действительности, в ходе исследования уточнялось количество работающих студентов 3-4 курсов, таких оказалось 41,5% от общего числа опрошенных.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство (60%) студентов работают неполный рабочий день. Следовательно, есть возможность совмещать работу и учёбу, иметь постоянный заработок, что очень важно для финансовой стабильности обучающихся. Опрос показал, что часть студентов (20,3 %) работает удалённо, в свободное от учёбы время, что может быть связано с удобством такого режима, который можно сочетать с учебным процессом и самостоятельно составлять расписание, но студентов может отталкивать маленькая вариативность предложений, требование наличия дополнительных технических средств или компетенций. 16,2% студентов работают иногда, когда есть возмож-

ность, данный выбор могут делать обучающиеся, которые особо не нуждаются в постоянном заработке, скорее всего находящиеся на полном или частичном обеспечении родителей, поэтому работают только, когда есть необходимость в дополнительных деньгах или ради получения опыта. Наименьшее количество студентов (3,6%) работают только по выходным дням. Сравнительно небольшая заинтересованность данным режимом работы может объясняться как желанием отдохнуть и выделить время на личные нужды, так и наличием шестидневной учебной недели, что затрудняет поиск работы с графиком суббота-воскресенье.

С целью выявления мнения студентов о применимости и полезности в их работе знаний, полученных в учебном заведении, в ходе опроса был задан следующий вопрос: «Помогают ли в Вашей работе знания, полученные в учебном заведении?». Данные для анализа были сгруппированы: ответы «да» и «скорее да» объединены в категорию «да», ответы «нет» и «скорее нет» – в категорию «нет».

Ответы на данный вопрос распределились следующим образом: более половины (60,3%) работающих студентов отмечают, что знания, полученные в учебном заведении, помогают им в работе; каждый третий (32,5%) дал отрицательный ответ.

На сегодняшний день также важно исследовать то, насколько работающие студенты вовлечены в ту сферу деятельности, для работы в которой они обучаются, так как работая во время студенчества они могут получить практические навыки и развить уже существующие компетенции, полученные в университете. На вопрос «Связана ли Ваша работа с Вашей будущей специальностью?» большая часть студентов (71,9%) ответили, что их работа частично или полностью связана с их будущей специальностью, что свидетельствует о достаточно высокой вовлеченности в специальность среди работающих студентов. Меньшая часть (28,1%) студентов ответили, что их работа не связана с будущей специальностью, что может быть вызвано высокими для студентов требованиями, недостаточным количеством времени или иными причинами.

Данные по профилю распределились следующим образом: работа напрямую связана у 37,2% студентов естественно-научного профиля, более половины (56,4%) студентов технического профиля, больше трети (38,9%) студентов гуманитарного профиля и 36% экономического профиля. Косвенно работа связана у четверти (26,9%) студентов естественно-научного профиля, ровно трети (33,3%) студентов технического профиля, четверти (26,8%) студентов гуманитарного профиля и 40% студентов экономического профиля.

Изучая будущее, мы обратились к профессиональным перспективам, которые видят студенты после окончания университета. Согласно

результатам исследования, самый частый ответ, который выбрали 36,7% студентов - занятие практической деятельностью, что может быть связано с высокой вариативностью возможностей, предоставляемый этим видом деятельности. Второй по популярности ответ показывает, что 27,8% обучающихся хотят быть предпринимателями, создать собственный бизнес, что может объясняться возможной высокой прибылью и желанием работать «на себя». 21% студентов выбрали ответ, связанный с работой в органах государственного управления, и каждый пятый (20%) обучающийся хотел бы заниматься научно-исследовательской работой. 19,5% студентов указали, что чётких планов пока нет, в то время как 5,7% считают, что и рано думать об этом. Преподавательской деятельности хотят себя посвятить 12,9% студентов. Меньшая часть студентов выбрали отказ от работы в пользу семьи.

Итак, изучая «прошрое» мы пришли к выводу, что основными мотивами выбора специальности стали личная заинтересованность и профессиональная направленность, что свидетельствует о сознательном подходе студентов к своему образованию. Большинство руководствовалось стремлением развивать способности и следовать своим интересам, а также привлекательностью будущей профессии. При этом значительная часть абитуриентов учитывала практические аспекты – востребованность на рынке труда и возможность получения дополнительных навыков. Отмечается и важность внеучебной деятельности для профессионального становления. Эти данные подчеркивают ценность комплексного подхода к обучению, сочетающего академическую подготовку с возможностями для личностного и профессионального роста.

«Настоящее» показало, что более половины работающих студентов работают неполный рабочий день, что свидетельствует о попытке балансировать учебную нагрузку, работу, личные интересы и социальную жизнь. Важно отметить, что такой баланс далеко не всегда оказывается успешным. Значительный процент студентов регулярно пропускает занятия из-за работы, что наглядно демонстрирует серьезный конфликт между учебным и трудовым графиками. Многие студенты, стремясь к финансовой независимости, не учитывают или недооценивают нагрузки, связанные с учебой, что приводит к негативным последствиям для успеваемости.

Значимые результаты получены при анализе мнения студентов о практической применимости знаний, полученных в университете, на их рабочих местах. Анализ показал, что значительная часть работающих студентов утверждает о несомненной помощи университетских знаний в их профессиональной деятельности. Вероятно, это связано с тем, что значительное количество студентов БГУ трудоустраиваются в сферах,

тесно связанных с образованием и наукой, где теоретические знания, полученные в университете, находят прямое практическое применение («Образование и наука», «Информационные технологии»). Таким образом, выбор сферы трудовой деятельности влияет на степень применимости полученных знаний.

Когда речь заходит о связи между работой студентов и их будущей специальностью, большинство опрошенных утверждают, что их работа либо частично, либо полностью соотносится с их учебной специальностью. Это говорит о том, что студенты активно стремятся применять полученные знания на практике, что способствует более глубокому пониманию своей профессии. Важно отметить, что более половины студентов уверены в том, где они будут работать после окончания учебы, что свидетельствует о высокой степени уверенности в своих силах и перспективах трудоустройства.

Если заглядывать в «будущее», то основная часть выпускников стремится к практической профессиональной деятельности, что подчеркивает прикладную ценность получаемого образования. Многие проявляют активный интерес к предпринимательству и государственной службе, демонстрируя широкий спектр карьерных амбиций. Научная и преподавательская сферы сохраняют свою привлекательность для существенного числа студентов. При этом заметная доля опрошенных пока не сформировала конкретных профессиональных планов, что актуализирует вопросы совершенствования системы карьерного ориентирования в ВУЗе. Разнообразие выявленных предпочтений отражает необходимость гибкого подхода к подготовке студентов и развитию различных траекторий профессиональной реализации.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ И МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ

Чжао Юаньлун

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, z.bestdragon5@gmail.com*

Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент

В работе представлен анализ данных социологических исследований брачного и репродуктивного поведения, проведенных в рамках международной программы «Поколения и гендер». Рассматривается студенческая молодежь Беларуси и Китая, проживающая в крупных городах. В рамках исследования Китай представлен специальным административным районом Гонконг. Отмечается, что для данной социальной группы как в Беларуси, так и в Китае, наблюдается крайне низкий уровень фактического брачного и репродуктивного поведения, что отражает приоритет других видов деятельности на данном этапе жизненного пути.

Ключевые слова: студенческая молодежь; жизненный путь; календарь событий; репродуктивные установки; матримониальные установки

Брачно-семейная сфера наряду с образованием и работой является одной из основных сфер структурирования жизненного пути как социального института, задающего стандарт течения «нормальной» жизни в конкурентном обществе. При этом для разных социальных групп может быть характерна собственная концепция жизненного пути, предусматривающая специфическую модель календаря значимых событий. Следует отметить, что в контексте глобальных тенденций урбанизации и массовизации высшего образования наиболее важной социальной группой, отражающей основные тренды в трансформации жизненного пути как социального института, выступает студенческая молодежь, проживающая в крупных городах.

Результаты социологических исследований, проведенных в рамках международной программы «Поколения и гендер», позволяют осуществить сравнение репродуктивных и матримониальных установок студенческой молодежи крупных городов Беларуси и Китая. Для осуществления такого сравнения целесообразно воспользоваться данными первой волны второго раунда исследований по программе «Поколения и гендер», проведенной в 2017 году в Республике Беларусь и в 2023 году в Китайской Народной Республике (далее – КНР). Следует отметить, что исследования в КНР охватывало не всю страну, а только Гонконг как специальный административный район Китая. Вместе с тем, результаты данного исследования соответствуют цели сравнения студенческой мо-

лодежи крупных городов, поскольку Гонконг с населением более 7,5 млн человек в полной мере соответствует понятию крупного города.

В рамках исследования 2017 года по программе «Поколения и гендер» в Беларуси всего опрошено около 10 тыс. человек, из которых 243 респондента представляют собой студенческую молодежь, проживающую в крупных городах с численностью населения свыше 250 тыс. человек. В рамках аналогичного исследования 2023 года в Гонконге опрошено 4 551 человек, из которых 211 респондентов относятся к студенческой молодежи. Таким образом, для Беларуси и КНР доступна сопоставимая по размеру выборка представителей данной социальной группы.

Анализ фактического брачно-семейного положения демонстрирует достаточно близкие значения показателей репродуктивного и матримониального поведения студенческой молодежи крупных городов Беларуси и Китая. В частности, в КНР лишь 25% представителей данной социальной группы имеют постоянного партнера. В Беларуси постоянного партнера имеет 27% представителей соответствующей группы. При этом как в Беларуси, так и в Китае для студенческой молодежи из крупных городов характерна практически нулевая рождаемость. Так, в Китае ребенка имеют 0,9% представителей данной группы, а в Беларуси – 1,6%.

Однако, несмотря на довольно низкий в целом уровень брачного и репродуктивного поведения, между студенческой молодежью крупных городов Беларуси и Китая наблюдается ряд существенных различий. Так, белорусская студенческая молодежь ориентирована на вступление в более тесные отношения со своим партнером. В частности, в Беларуси среди студенческой молодежи, имеющей постоянного партнера, 30,3% проживает совместно с партнером, а 18,2% состоят с партнерами в официально зарегистрированном браке. В Гонконге данные показатели существенно ниже: лишь 14,6% респондентов, имеющих партнера, проживают с ним в одном жилье и лишь 6,0% респондентов состоят с партнером в зарегистрированном браке.

Следует отметить, что вступление в зарегистрированный брак – это не очень популярная идея у студенческой молодежи крупных городов Китая. Согласно результатам исследования, лишь 22,2% респондентов, имеющих постоянного партнера, планируют вступление в зарегистрированный брак в течение ближайших трех лет. Для сравнения в Беларуси этот показатель составляет 43,9% (рис. 1).

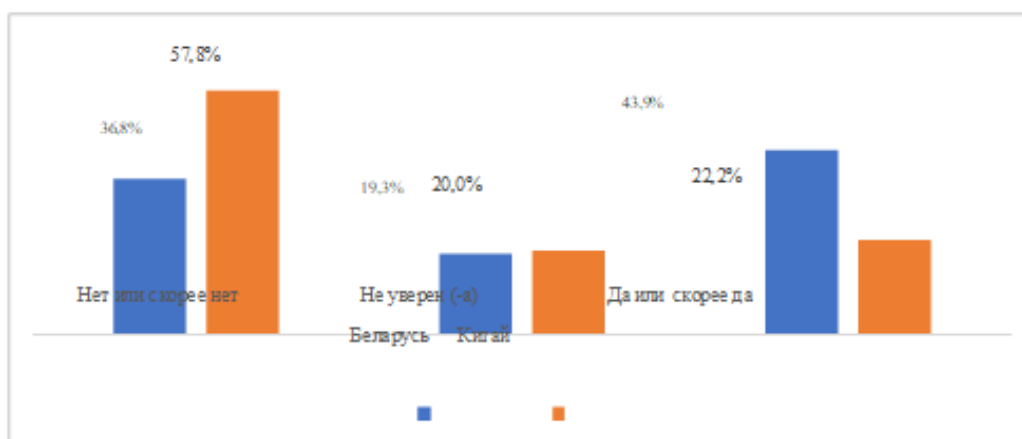

Рис. 1. Распределение студенческой молодежи крупных городов, имеющей постоянного партнера, в соответствии с планами по вступлению с партнером в зарегистрированный брак в течение ближайших трех лет, %

Аналогичная ситуация наблюдается и с планами по рождению ребенка в течение ближайших трех лет. В целом, как для белорусской, так и для китайской студенческой молодежи характерна крайне низкая распространенность таких установок, что отражает приоритет данной социальной группы на завершение образования и начало трудовой деятельности. Однако при этом в Гонконге уровень репродуктивных намерений в несколько раз ниже, чем в Беларуси. В частности, более 85% студенческой молодежи дали отрицательный ответ на этот вопрос и лишь 3,3% отметили наличие таких установок. В свою очередь в Беларуси 67,6% респондентов отметили отсутствие репродуктивных намерений и 11,1% респондентов ответили, что имеют планы родить ребенка в ближайшие три года (рис. 2).

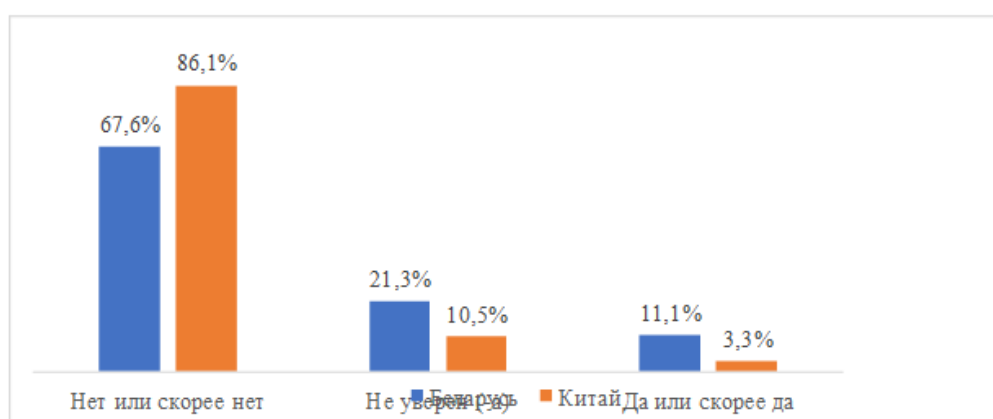

Рис. 2. Распределение студенческой молодежи крупных городов в соответствии с планами на рождение ребенка в течение ближайших трех лет, %

Распределение ответов на вопрос о планах по рождению ребенка в ближайшие три года показывает второстепенный характер рождения детей на данном этапе жизненного пути молодежи. Типичная в данном случае модель поведения заключается в постоянном переносе события рождения ребенка на все более поздний возраст, что в результате приводит к малой детности. Однако, результаты проведенного исследования показывают, что как минимум в Гонконге (пока преждевременно делать экстраполяцию на весь Китай) большинство представителей студенческой молодежи изначально ориентированы на полный отказ от рождения детей. В частности, такой ответ на вопрос о планах по рождению ребенка в течение всей жизни предоставили около 70% респондентов из данной социальной группы Гонконга. В Беларуси, такой вопрос в рамках исследования не задавался.

БРАЧНЫЕ И РОДИТЕЛЬСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. А. Шутемова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, siashute@gmail.com*

Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент

В статье представлены данные, полученные в ходе социологического исследования, проведенного в 2025 году. Исследование реализовано посредством онлайн-опроса целевой группы, включающей юношей и девушек 3–4 курсов обучения. Целью исследования было выявить представления студенческой молодежи БГУ о семейных ценностях и определить степень сформированности этих представлений. Рассматривался планируемый возраст вступления в брак и рождения первенца среди современной молодежи, идеальное количество детей в семье, обстоятельства, влияющие на решение студентов не иметь детей.

Ключевые слова: семейные ценности; брачные планы студенческой молодежи; возрастные репродуктивные установки; мотивы отказа от родительства.

В системе ценностей значительную роль играют ценности семьи. Семейные ценности – это культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия. Они складываются из общечеловеческих ценностей, к которым относятся: жизнь, здоровье, мир, время, свобода личности, её честь, личное достоинство, роскошь общения с другими людьми, опыт человечества, истина, добро, красота, справедливость, благородство, милосердие и др. В идеальном варианте ценности семьи должны быть сформированы в соответствии с общечеловеческими и ценностями общества, в котором живёт семья. Формирование ценностей и ценностных ориентации семьи является одной из ключевых задач общества. Ценности и ценностные ориентации семьи – это фундамент, на котором строится семейная жизнь и воспитание детей.

В 2025 году в Белорусском государственном университете было проведено социологическое исследование (N=1357, метод – онлайн-опрос), направленное на выявление ценностных ориентаций студенческой молодежи в сфере семейных отношений. Основными задачами исследования стали: реконструкция социальных представлений о семейных ценностях и анализ уровня их концептуализации среди различных групп студентов.

Ценности семьи во многом зависят от убеждений и установок молодых людей, вступающих в брак. Результаты проведенного исследования позволяют оценить эти установки в контексте планирования будущей семейной жизни. Распределение ответов на вопрос «В каком возрасте Вы планируете вступить в брак» отражает возрастные предпочтения студенческой молодежи относительно вступления в брак. Результаты исследования свидетельствуют, что почти половина (42,9%) студентов и студенток планируют вступить в брак в возрасте от 25 до 30 лет, более четверти (27,7%) от 21 до 24 лет, 5,9% - после 30 лет и 1,4% - до 20 лет. Затруднились ответить на данный вопрос 22,0% респондентов. Таким образом, студенты и студентки предпочитают вступать в брак в возрасте от 25 до 30 лет, что свидетельствует о зрелом подходе к такому решению.

В ходе исследования изучались представления студентов об оптимальном периоде времени между заключением брака и рождением ребенка. Ответы на вопрос «Через сколько лет после заключения брака Вы считаете оптимальным появление ребенка» распределились следующим образом: чуть более трети (35,3%) студентов и студенток отмечает, что появление ребенка оптимально через 1–2 года после заключения брака, 34,2% опрошенных указали 3–4 года, 5,9% - через 5–6 лет. Затруднились ответить примерно четверть (24,6%) участников опроса. Такое распределение показывает, что традиционные взгляды сохраняются. Близкое распределение ответов между вариантами «через 1–2 года» и «через 3–4 года» указывает на отсутствие выраженного тренда к откладыванию рождения ребенка на более поздний срок после заключения брака.

Наблюдаются определенные гендерные различия при ответе на вопрос «В каком возрасте Вы хотели бы стать мамой/папой?». Девушки чаще планируют рождение детей на более ранний период: 43,5% девушек указали 23–27 лет, в то время как юноши более склонны рассматривать возрастной промежуток 28–33 года (36,0%).

Среди студентов относительно невелика доля тех, кто не желает иметь детей – таких оказалось 7,9% среди девушек и 6,3% среди юношей. В настоящее время наблюдается определенный тренд среди молодых людей, которые все чаще откладывают или полностью отказываются от идеи рождения детей в семье. Это явление связано с множеством факторов, включая желание сосредоточиться на карьере, «пожить для себя», финансовые трудности и изменение социальных норм, что приводит к пересмотру традиционных ценностей. Каковы же причины нежелания иметь детей, названные студентами (таблица)?

**Распределение ответов на вопрос
«Каковы основные причины Вашего нежелания иметь детей в семье?»
(среди тех, кто не планирует рождение ребенка, по полу, в %)**

Варианты ответа	Юноши	Девушки
Финансовые трудности	46,2	9,8
Карьерные амбиции и стремление к самореализации	28,5	52,7
Отсутствие партнера или неподходящие отношения	22,2	16,0
Страх перед ответственностью и заботами	31,9	18,7
Желание сохранить свободу и независимость	44,7	59,0
Проблемы со здоровьем или медицинские показания	3,7	23,6
Личные предпочтения и убеждения	62,3	55,3
Другое	4	2,9

Данные, представленные в таблице, показывают, что и юноши, и девушки наиболее часто выбирали личные убеждения и предпочтения как основную причину. Это может говорить о том, что молодые люди вне зависимости от пола одинаково ставят личные стремления и финансовое благосостояние выше традиционных семейных ценностей. Самый большой разрыв в процентном соотношении наблюдается в указании финансовых трудностей как основной причины (юноши – 46,2%, девушки – 9,8%). Это может говорить о неуверенности юношей в своей финансовой стабильности для создания и обеспечения семьи с детьми. Более половины (52,7%) девушек отметили карьерные амбиции и стремление к самореализации, в то время как лишь 28,5% юношей указали на эту причину. Желание сохранить свободу и независимость также чаще отмечали девушки, нежели юноши (соответственно 59,0% и 44,7%). Такой перевес свидетельствует о том, что девушки на данный момент «уходят» от традиционной роли матери и хранительницы домашнего очага в пользу карьерных достижений. Страх перед ответственностью и заботами наблюдается у 1/3 парней и около 20% девушек. Большая популярность этой причины среди юношей, чем у девушек, может говорить о традиционных гендерных стереотипах, воспринимаемых ими как более обременительные для мужчин.

Также следует отметить, что девушки на 20 процентных пунктов чаще юношей отмечали проблемы со здоровьем или медицинские показания, что может говорить об их большей обеспокоенности и осведомленности своим здоровьем в целом, в том числе и репродуктивном.

Проведенное социологическое исследование, направленное на изучение представлений студенческой молодежи о семейных ценностях, позволило установить ряд важных тенденций. Во-первых, наблюдается выраженная ориентация на создание семьи, при этом, большинство студентов планируют вступить в брак в зрелом возрасте (25–30 лет), что свидетельствует об осознанном подходе к данному решению. Во-вторых, сохраняются традиционные установки относительно рождения детей, когда рождение первенца планируется в течение первых 1–4 лет после заключения брака. В-третьих, значительная доля респондентов (24,6% при ответе на вопрос об оптимальном сроке рождения ребенка и 17,8% при ответе о желаемом возрасте материнства/отцовства) испытывает затруднения с формулированием конкретных репродуктивных планов, что может свидетельствовать о преобладании неопределенности в отношении будущей семейной жизни в силу того, что среди участников опроса были молодые люди 20–21 года. В целом, результаты исследования указывают на сложную и многофакторную картину представлений студенческой молодежи о семейных ценностях, сочетающую в себе как элементы традиционных представлений по данному вопросу, так и новые тенденции, связанные с отсрочкой брака и рождения детей, а также преобладанием репродуктивной неопределенности.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ: МЕЖДУ ДОВЕРИЕМ И ОПАСЕНИЕМ

С. И. Юрченко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, yurchenko.stepan.sociologist@gmail.com
Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент*

Статья посвящена исследованию восприятия искусственного интеллекта среди студентов, выявляя баланс между доверием и опасением. На основе анализа данных опроса студентов 3-4 курсов БГУ рассматриваются ключевые риски и возможности, связанные с ИИ. Особое внимание уделено отношению студентов к практической пользе ИИ, его влиянию на повседневную жизнь и перспективам развития.

Ключевые слова: искусственный интеллект; студенты; цифровая трансформация; доверие к технологиям.

Искусственный интеллект играет огромную роль в трансформации современного общества, проникая во все сферы жизни – от медицины и финансов до образования и развлечений. Однако его стремительное развитие порождает серьезные риски, которые требуют выявления и осмысления.

В данной статье будет проанализировано риски и возможности искусственного интеллекта на основе опроса студенческой молодежи БГУ. Генеральную совокупность представляют студенты и студентки дневной формы обучения 3-4 курсов. Объем выборочной совокупности составил 1359 человек.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие риски существуют для современного общества при использовании ИИ?» (в целом по массиву, в %)

Данное распределение (рис. 1) указывает на то, что 68,8% опрошенных студентов основным риском для современного общества при использовании искусственного интеллекта считают его склонность в некоторых случаях давать неправильную интерпретацию информации. Данный феномен иногда называют “галлюцинациями” искусственного интеллекта. Также более половины студентов выделяют низкое качество информации как одну из проблем ИИ, что свидетельствует о несовершенстве современных моделей искусственного интеллекта. Такие ошибки могут иметь серьёзные последствия: от распространения дезинформации и проблем в обучении до финансовых потерь и других ошибок в различных областях. Таким образом, если пользователи начнут замечать частые неточности, это может подорвать доверие к технологиям ИИ в целом и замедлить их развитие.

Половина (50,1%) опрошенных студентов считают одним из рисков использования искусственного интеллекта проблему кибербезопасности, что указывает на беспокойство студентов о своей защищённости в цифровом пространстве в условиях активного внедрения ИИ-технологий. Современные реалии подтверждают обоснованность таких опасений. Преступники получили мощный инструмент для проведения цифровых атак – от автоматизированного взлома систем до создания персонализированных фишинговых программ с помощью генеративных моделей. Но создатели моделей искусственного интеллекта борются с подобными уязвимостями путём внедрения ограничений в заложенные алгоритмы. При этом проблема конфиденциальности при использовании ИИ беспокоит лишь четверть опрошенных студентов. Это несоответствие заслуживает особого внимания, поскольку вопросы приватности являются фундаментальными в цифровую эпоху, а в Республике Беларусь законодательству в сфере защиты персональных данных уделяется особое внимание.

Также 43,6% студентов обеспокоены возможностью замещения рабочих мест искусственным интеллектом, что говорит о том, что современная молодежь видит в ИИ угрозу и конкурента на рынке труда. Эти опасения не лишены оснований – современные ИИ-системы действительно начинают выполнять не только рутинные операции, но и сложные аналитические задачи в таких сферах как юриспруденция, журналистика и даже медицина. Но многие рабочие места не исчезают, а лишь модернизируются в рамках синергии с искусственным интеллектом, так что о полноценном замещении человека ИИ пока говорить не стоит.

Искусственный интеллект – относительно недавно распространившийся феномен, который видоизменяется с каждым днём, поэтому очень трудно предсказать отношение людей к нему. Но данная информация

необходима для понимания текущих тенденций и формирования грамотной стратегии адаптации к цифровой трансформации общества.

Рис. 2. Средние значения ответов на вопрос «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями по шкале от 1 до 5 (где 1 – совсем не согласен (-на), 5 – полностью согласен (-на))» (в целом по массиву)

Данные исследования (рис. 2) демонстрируют, что студенты склонны к позитивному мышлению нежели отрицательному в рамках проблемы влияния развития искусственного интеллекта на общество в целом. Но разрыв между данными позициями нельзя назвать очень существенным: “ИИ способствует развитию общества” – 3,39 из 5, “Развитие ИИ приведет к регрессу общества” – 2,86 из 5. Можно сказать, что, хотя студенты в целом настроены скорее позитивно, их отношение нельзя назвать безусловно положительным. Это рациональный оптимизм, который отражает понимание студенческой молодежью как возможностей, так и рисков, связанных с развитием и использованием искусственного интеллекта.

Также студенты не отвергают саму концепцию ИИ: “Использование ИИ не гуманно” – 1,93 из 5, “ИИ может заменить человека” – 2,33 из 5, “ИИ – угроза для человечества” – 2,39 из 5. Эти данные показывают, что, несмотря на осознание потенциальных рисков, студенты в целом не демонстрируют категорического неприятия искусственного интеллекта как явления.

Также можно заметить, что студенты позитивно относятся к влиянию искусственного интеллекта на их жизнь: “ИИ упрощает жизнь человека” – 4,01 из 5, “ИИ помогает улучшить качество жизни” – 3,5 из 5, “ИИ снижает уровень стресса у людей” – 2,98 из 5. Данные значения указывают как на высокий уровень интеграции искусственного интел-

лекта в жизнь людей, так и в целом позитивный окрас данного процесса. Это свидетельствует о явной практической пользе, которую ИИ привносит в повседневные процессы. Значительная часть студентов ощущает конкретные преимущества от автоматизации рутинных задач и оптимизации различных видов деятельности.

Распределение ответов на утверждения “ИИ позволяет развивать новые отрасли” (3,77 из 5) и “ИИ увеличивает эффективность работы” (3,72 из 5) говорит о том, что студенческая молодёжь выделяет не только повседневные преимущества искусственного интеллекта, но и его влияние на глобальном уровне: формирование новых областей знаний и расширение возможностей в изучении старых, повышение производительности труда, экономия рабочей силы.

При этом студенты скептически относятся к идее развития ИИ в полноценный разум, подобный человеческому: “ИИ не способен мыслить, как человек” – 3,57 из 5. Эти данные дополняют общую картину восприятия ИИ студентами, демонстрируя их сдержанное отношение к перспективам создания искусственного интеллекта, сопоставимого с человеческим сознанием.

Проведенное исследование восприятия искусственного интеллекта среди студентов БГУ 3-4 курсов выявило двойственное отношение к этой технологии. С одной стороны, студенты признают значительные преимущества ИИ, такие как упрощение повседневных задач, повышение эффективности работы и развитие новых отраслей. Большинство опрошенных положительно оценивают влияние ИИ на качество жизни, что свидетельствует о высокой степени интеграции технологии в их образовательную, профессиональную и повседневную деятельность.

С другой стороны, студенты осознают серьезные риски, связанные с использованием ИИ. Наибольшие опасения вызывают «галлюцинации» ИИ (ошибки в интерпретации информации), проблемы кибербезопасности и потенциальное замещение рабочих мест.

Отношение студентов к ИИ можно охарактеризовать как рациональный оптимизм: они не отвергают технологию, но и не идеализируют ее, понимая как возможности, так и ограничения. Скептицизм в отношении создания ИИ, сопоставимого с человеческим сознанием, подчеркивает их реалистичный взгляд на перспективы развития технологии.

Таким образом, полученные результаты имеют практическую значимость для разработки стратегий адаптации образования и профессиональной подготовки к цифровой трансформации. Учет выявленных тенденций позволит эффективнее интегрировать ИИ в учебный процесс и минимизировать связанные с ним риски.

СЕКЦИЯ 9. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ ТРУДА

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ

С. А. Гаврикова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phs.gavrikov@bsu.by
Научный руководитель – Ю. Г. Лейни, старший преподаватель*

В данной работе отмечается влияние общества потребления на трансформацию ценностных ориентаций личности в современных условиях. Особое внимание уделяется процессу замещения традиционных духовно-нравственных ценностей установками, ориентированными на материальные блага и демонстрацию успеха. Отмечается символическая функция потребления, его роль в формировании социального статуса и идентичности. Раскрываются особенности демонстративного потребления, рост значимости внешней привлекательности, а также влияние онлайн-рекламы и интернет-торговли на повседневную жизнь. Подчеркивается необходимость критического осмысления потребительских стандартов и поиска баланса между материальными и духовными ориентирами личности.

Ключевые слова: общество потребления; ценности; ценностные ориентации; трансформация ценностей; потребление.

В XXI веке общество претерпевает стремительные изменения. В настоящее время общество чаще определяют через призму производства и потребления, что позволяет характеризовать его как общество потребления. По мнению А.А. Сухова, данное общество представляет собой «сложившуюся форму взаимодействия субъектов, основанную на консюмеризме – идеологии потребления, направленной на непрерывное приобретение вещей» [4].

Одним из главных последствий формирования общества потребления является трансформация ценностных ориентаций личности. Эволюция потребностей в современном мире происходит непрерывно: от неосознанных побуждений они могут переходить к статусу осознанных ценностно-целевых установок. На фоне этих изменений традиционные ценности, такие как духовность, нравственность, стремление к самореа-

лизации, постепенно вытесняются установками, ориентированными на обладание материальными благами и демонстрацию успеха.

Ценности напрямую связаны с образом жизни индивида, его интересами, установками и предпочтениями, а понятие «ценностные ориентации» конкретизирует личностное отношение к окружающему миру. Оно отражает степень значимости различных социальных объектов и явлений и формирует основу мировоззрения человека, его отношения к материальной, нравственной, политической и духовной составляющим общественной жизни. Ценностные ориентации выступают центральным элементом личности. Согласно М.С. Яницкому, они представляют собой направленность индивида на определённые ценности, что подчеркивает их психологическую сущность [6]. Автор рассматривает ценностные ориентации как сложную, иерархически структурированную и внутренне неоднородную систему.

Ценностные ориентации выполняют регулятивную функцию, определяя смысловую основу жизнедеятельности человека. В процессе социализации индивид либо принимает, либо отвергает ценности, характерные для различных социальных групп, что формирует уникальную структуру его ценностных ориентиров. В обществе потребления эта структура складывается под воздействием множества факторов, среди которых ключевую роль играют массовая культура, реклама и цифровые технологии. Общество навязывает определённые стандарты, соответствие которым становится социальной нормой. Потребности индивида утрачивают чёткие границы, постоянно модифицируются. Это приводит к размыванию различий между истинными и навязанными желаниями, а материальные и статусные ценности выходят на первый план. Жизненные приоритеты и представления об успехе всё чаще формируются в соответствии с социальными стандартами потребления, в то время как духовные, семейные и нравственные ценности отступают на второй план [3].

В условиях общества потребления сам процесс потребления приобретает символическое значение, выходя за рамки удовлетворения только базовых потребностей. Потребительство начинает выполнять функцию маркера социального превосходства, усиливая культ денег и капитала в системе индивидуальных ценностей. Заметной чертой становится демонстративное потребление – форма потребительского поведения, отражающая конкуренцию между индивидами. Приобретение вещей становится способом выражения социального статуса, образа жизни и личностных установок. Счастье всё чаще связывается с уровнем потребления, которое становится не средством, а целью существования. Это и порождает стремление к потреблению у людей с ограниченными мате-

риальными возможностями, что поддерживает социальное неравенство и постоянную конкуренцию. В широком смысле ориентация на материальные ценности способствует массовизации – утрате индивидуальности и обезличиванию социальной среды. Потребление становится не только экономическим, но и психологическим феноменом, который влияет на структуру и динамику социальных отношений.

Влияние общества потребления распространяется и на такие сферы, как творчество и самовыражение. Возникают целые индустрии, предлагающие продукты и услуги, позволяющие ощущать причастность к креативной деятельности. Однако зачастую речь идёт лишь об имитации подлинного творчества, что свидетельствует о подчинённости даже духовных сфер логике рыночных отношений.

Показательным примером трансформации ценностей в обществе потребления является культ молодости и внешней привлекательности. Он формирует высокий спрос на косметические услуги и средства. Одежда теряет исключительно утилитарную функцию и превращается в элемент самопрезентации, способствуя развитию модной индустрии [5].

С развитием технологий и расширением спектра возможностей человечества возникают новые формы досуга, инновационные технические средства и услуги. С помощью средств массовой информации и маркетинга производители конструируют и транслируют не только вкусы и предпочтения, но и ценности, поведенческие нормы, способствуя стандартизации потребления. Тем самым формируются устойчивые коллективные модели потребительского поведения [1].

Современное потребление носит автономный характер, превращаясь в самоцель. Например, шопинг стал одной из форм досуга, при которой товары приобретаются не в силу практической необходимости, а ради получения эмоционального отклика и субъективного удовлетворения. В результате этот процесс можно охарактеризовать как «потребление ради потребления». Также неотъемлемой частью повседневной жизни общества стала онлайн-реклама, которая формирует потребительское поведение, образ жизни и идентичность. Реклама такого формата во многом способствовала появлению онлайн-шоппинга. Согласно статье Ю.Г. Лейни [2], «онлайн-покупка стала новой нормой потребления». Интернет-торговля демонстрирует устойчивый рост популярности, что обусловлено высоким уровнем удобства и безопасности для потребителей.

В этом контексте можно наблюдать классическую экономическую ситуацию, при которой предложение предшествует спросу: появление новых товаров и услуг формирует соответствующие потребности у потребителей. Таким образом, по мере прогресса общества происходит

рост уровня потребностей, их усложнение, а также изменение критериев удовлетворения. В результате определённые категории потребления становятся социальной нормой, отражающей культурные и ценностные установки общества.

Важно отметить, что влияние общества потребления имеет большое значение при формировании ценностных ориентаций личности. Оно приводит к изменению традиционных ценностей, формированию новых моделей поведения, связанных с демонстративным потреблением, и усилению влияния массовой культуры на общественное сознание. В этих условиях важно сохранять осознанность, критически оценивать транслируемые нормы и стремиться к балансу между материальными и духовными аспектами жизни, чтобы сохранить индивидуальность и подлинные жизненные ориентиры.

Библиографические ссылки

1. *Козырев Г. И.* Общество потребления как система социального контроля // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4–1 (10). С. 30–37.

2. *Лейни Ю. Г.* Выявление особенностей социально-перцептивных условий онлайн-потребления по поисковым целям покупок. Текст электронный // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 3 (129). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50432253> (дата обращения: 17.02.2025).

3. *Нархова Е. Н.* Культура потребления современных российских студентов : автореф. дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.06 / Нархова Елена Николаевна ; Уральский государственный технический ун-т. Екатеринбург, 2006. 24 с.

4. *Сухов А. А.* Культура потребления в современном обществе: потребление безразличное или осознанное? // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2024. № 3 (51). С. 103–113.

5. *Яковлева Е. В., Исакова Н. В.* Социально-экономические предпосылки формирования «общества потребления» // Миссия конфессий. 2019. Т. 8, № 2 (37). С. 161–169.

6. *Яницкий М. С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2000. 204 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДИСРЕГУЛЯЦИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У МЕДРАБОТНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ВНУТРИЛИЧНОСТНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

К. В. Герасимова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kseniya.956@icloud.com;
Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель*

В статье рассматривается взаимосвязь эмоциональной дисрегуляции и эмоционального выгорания при различном уровне внутриличностной конфликтности. Установлено, что при усилении внутренней противоречивости медработники чаще склонны прибегать к дисфункциональным формам контроля эмоций, что повышает риск возникновения у них состояния эмоционального выгорания как защитной реакции. Полученные результаты могут быть использованы психологами для профилактики выгорания в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: эмоциональная дисрегуляция; эмоциональное выгорание; внутриличностная конфликтность; медицинские работники.

В профессиональной деятельности медицинских работников нередко стрессы, связанные с ненормируемым рабочим временем, высокой нагрузкой, конфликтами и организационными изменениями, отсутствием или снижением социальной, организационной, а также психологической поддержки, нарушение баланса между занятостью работой и личной жизнью [1]. Результатом может стать состояние **эмоционального выгорания**, которое в соответствии с трехфакторной моделью К. Маслач, проявляется преимущественно в истощении, цинизме в ходе выполнения обязанностей, а также в ощущении собственной неэффективности [2].

В основе выгорания лежит трансформация ценностно-смысловой сферы работника, вызванная **внутриличностными конфликтами** в отношении профессиональной деятельности [3]. Подобный затяжной конфликт вызывает: напряжение, истощающее эмоциональную сферу; стремление защитить иллюзии о целесообразности деятельности; усиление рефлексии личной профессиональной успешности. Совладание с противоречиями может происходить в форме эмоционального выгорания, выступающего своеобразным способом физической и психологической защиты.

Кроме того, выгорание медицинских работников сопровождается нарушением эмоциональной устойчивости и возникновением отстраненности, то есть возникновением **эмоциональной дисрегуляции**. Согласно Н.А. Польской, она проявляется в дисфункциональных формах эмоциональной регуляции: *избегании* (уклонение от негативных эмоций и ситуаций, которые гипотетически могут их спровоцировать); *румина-*

ции (фиксация и возвращение к мыслям, спровоцированных негативными эмоциями и опытом, который повлек переживания) и *трудности ментализации* (проблемы понимания собственных и чужих эмоций, субъективно переживаемое чувство неконтролируемости эмоций) [4].

Исследование. Выборка исследования представлена 100 медработниками в возрасте от 19 до 66 лет (средний возраст – 34,4 лет). Среди опрошенных 79 женщин и 21 мужчин. Стаж работников варьировался от 6 месяцев до 40 лет (средний стаж – 11,3 лет). Респонденты являются сотрудниками больниц (47%), поликлиник (44%) и станций скорой медицинской помощи (9%).

Сбор данных осуществлялся с использованием методик: 1) «Профессиональное выгорание» К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой; 2) Опросника эмоциональной дисрегуляции Н.А. Польской и А.Ю. Развальяевой; 3) Теста по выявлению внутриличностной конфликтности А.И. Шипилова [5].

Обработка собранных данных проводилась с помощью пакета SPSS Statistics v. 23.0.

Результаты. У подавляющей части выборки зафиксирована крайне высокая (у 44% выборки) и высокая (у 41%) степень эмоционального выгорания, что свидетельствует о сильном напряжении, вызываемом профессиональной средой. При этом выраженность дисфункциональных форм эмоциональной регуляции примерно у $\frac{3}{4}$ численности выборки соответствует среднему уровню: руминация (76%), избегание (80%) и трудности ментализации (77%).

Усиление внутриличностной конфликтности повышает вероятность применения дисфункциональных форм регуляции эмоций (таблица).

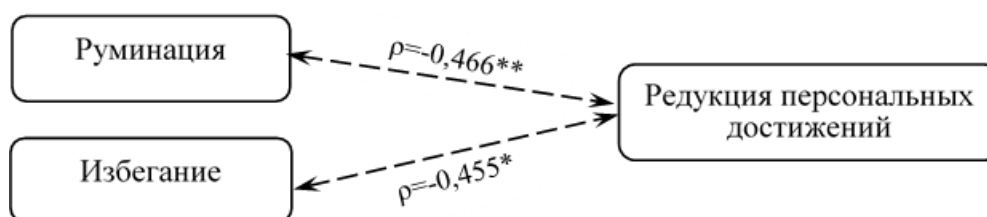
Таблица

Корреляции между эмоциональной дисрегуляцией и внутриличностной конфликтностью

Шкалы		Руминация	Избегание	Трудности ментализации
Внутриличностная конфликтность		0,324*	0,198*	0,248*
		0,001	0,048	0,013

В ходе исследования выборка подразделялась на группы с низким, средним и высоким уровнем внутриличностной конфликтности. В каждой из групп выявлены значимые корреляции (коэффициент корреляции Спирмена) между низкоадаптивными формами эмоциональной регуляции и компонентами эмоционального выгорания.

1. В группе медработников с *низким уровнем внутриличностной конфликтности* установлены значимые корреляции, представленные на рис. 1.

**** Корреляция значима на уровне 0,01; * Корреляция значима на уровне 0,05**

Рис. 1. Значимые корреляции между шкалами эмоциональной дисрегуляции и эмоционального выгорания у медработников с низким уровнем внутриличностной конфликтности

Так, руминация и избегание обратно связаны с редукцией персональных достижений. Низкая внутренняя конфликтность позволяет медикам объективно рефлексировать весь свой опыт и адекватно оценивать собственные достижения и неудачи, не чувствуя при этом собственной некомпетентности.

2. В группе медработников со **средним уровнем внутриличностной конфликтности** установлен целый ряд значимых корреляций, представленных на рис. 2.

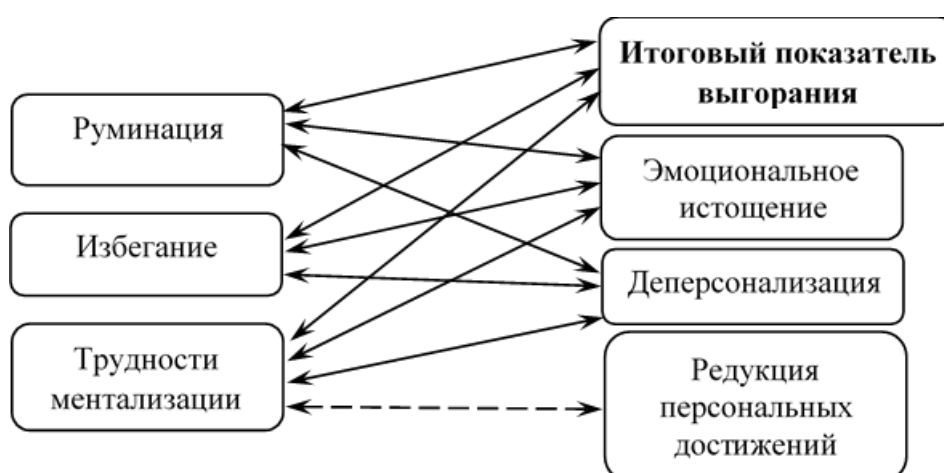

Рис. 2. Значимые корреляции между шкалами эмоциональной дисрегуляции и эмоционального выгорания у медработников со средним уровнем внутриличностной конфликтности

У медработников этой группы **руминация** прямо связана с эмоциональным истощением ($r = 0,504$ при $p \leq 0,001$) и с деперсонализацией ($r = 0,351$ при $p \leq 0,01$). Постоянное прокручивание в голове стрессовых ситуаций истощает работников; формирование негативного образа пациентов (например, мысли об отсутствии благодарности с их стороны) способствует нарастанию цинизма и личностной отстраненности медработников. Постоянное фокусирование на негативных аспектах работы характеризует состояние выгорания.

Избегание прямо связано с эмоциональным истощением ($\rho=0,403$ при $p\leq 0,01$) и деперсонализацией ($\rho=0,344$ при $p\leq 0,01$). Работники, испытывающие негативные переживания, тем самым временно снижают стресс, но тратят на это значительно количество энергии, что в перспективе лишь усугубляет истощение и ведет к накоплению проблем. Систематическое подавление эмоций снижает общую эмоциональную чувствительность, и пациенты начинают восприниматься как «объекты».

Трудности ментализации прямо связаны с эмоциональным истощением ($\rho=0,546$ при $p\leq 0,001$) и деперсонализацией ($\rho=0,311$ при $p\leq 0,05$), а также обратно связаны с редукцией персональных достижений ($\rho=-0,273$ при $p\leq 0,05$). При усилении внутриличностной конфликтности внимание медработников отвлекается от собственных и чужих чувств, возникают сложности в их понимании и управлении ими при взаимодействии с пациентами. Кроме того, сомнения в переживаемых чувствах порождает недооценку собственных достижений.

3. В группе с **высоким уровнем внутриличностной конфликтности** статистически значимые корреляции выявлены не были. Высокая внутриличностная конфликтность у медиков сопровождается общим эмоциональным онемением, так как запускает сильные защитные механизмы, одним из которых выступает эмоциональное выгорание.

Таким образом, переживание внутриличностного конфликта сопровождается усилением эмоциональной дисрегуляции, что в дальнейшем грозит развитием выгорания. Медицинские работники, использующие дисфункциональные формы контроля эмоций, более подвержены истощению, личностной отстраненности и недооценке собственных результатов.

Библиографические ссылки

1. Суханова, Е.И. Профессиональное выгорание медицинских сотрудников и его диагностика // Неонатология: Новости. Мнения. Обучение. 2022. Т. 10, №2 (36). С. 55–60.
2. Maslach, C. Understanding burnout: Definitional issues in analyzing a complex phenomenon // Job Stress and Burnout. Beverly Hills / London / New Delhi : Sage Publications, 1982. P. 29–40.
3. Мерлин, В.С. Психология индивидуальности : избранные психологические труды / под ред. Е.А. Климова. М. : Изд-во Моск. психол.-социального ин-та, 2009.
4. Польская, Н.А., Развалеева, А.Ю. Основы диагностики и профилактики самоповреждающего поведения. М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 220 с.
5. Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. Конфликтология. СПб. : Питер, 2018. 528 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ОРИЕНТИРОВАННОСТИ НА СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ СТУДЕНТОВ

Е. М. Есипова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, e.m.esipova@gmail.com*

Научный руководитель – Г. А. Фофанова, кандидат психологических наук, доцент

В статье проанализирована взаимосвязь между субъективным экономическим благополучием и ориентированностью на социальное сравнение студентов, чтобы определить, как уровень субъективного экономического благополучия влияет на частоту и направленность социальных сравнений.

Ключевые слова: субъективное экономическое благополучие; ориентированность на социальное сравнение; студенты; корреляционный анализ; опросник СЭБ; методика РООСС.

Актуальность исследования взаимосвязи субъективного экономического благополучия и социального сравнения у студентов обусловлена современными социально-экономическими условиями. В последние годы нестабильность экономики, рост инфляции и изменения на рынке труда значительно повысили значимость материальных факторов для молодежи. Одновременно с этим развитие социальных сетей создает постоянные возможности для сравнения себя с другими - как с однокурсниками и друзьями, так и с искусственными образами "успешности" в интернете. Эти процессы особенно сильно влияют на студентов, которые находятся в периоде профессионального и личностного становления. Изучение того, как восприятие своего материального положения связано со склонностью к социальным сравнениям, позволит разработать более эффективные программы психологической поддержки для этой возрастной группы.

Субъективное экономическое благополучие — это интегральный психологический показатель, отражающий восприятие человеком своего материального положения. В отличие от объективного благосостояния, СЭБ определяется именно личным отношением к экономическим условиям жизни и представляет собой комплексную оценку всех аспектов материального благополучия.

Для изучения субъективного экономического благополучия студентов мы использовали опросник СЭБ В.А. Хащенко, где СЭБ представляет собой многомерный конструкт, отражающий комплексное восприятие личностью своего материального положения. Все 5 ключевых шкал ме-

тодики (текущее благосостояние, адекватность дохода, финансовая депривация, экономический оптимизм и финансовая тревожность) образуют целостную систему оценки. Данный инструмент позволяет не только зафиксировать актуальное состояние экономического благополучия, но и выявить глубинные психологические механизмы отношения личности к материальной стороне жизни.

Ориентированность на социальное сравнение — устойчивая склонность личности оценивать себя через сравнение с другими людьми или с собой в разные периоды времени. Этот процесс может быть как осознанным, так и автоматическим, служа инструментом самооценки. Особенность социального сравнения в современном мире — его масштабность: от ближайшего окружения до идеализированных образов в медиа.

Для исследования ориентированности на социальное сравнение мы применили методику РООСС Е.С. Самойленко, где данный феномен рассматривается как устойчивая личностная предрасположенность к сравнению себя с другими. Опросник включает три ключевые шкалы: сравнение со знакомыми людьми, сравнение с незнакомыми людьми и сравнение себя с самим собой. Благодаря такой структуре методика позволяет не только оценить интенсивность сравнительных процессов, но и понять, какие именно социальные референты играют ключевую роль в формировании самооценки студентов.

Оба перечисленных феномена особенно значимы для студенческой среды, где формируются ключевые установки взрослой жизни.

Выборка исследования составили 100 студентов очного отделения получения образования различных ВУЗов г. Минска, 18 специальностей, 56% девушек и 44% юношей, средний возраст 20 лет.

Исследование показало несколько важных закономерностей в том, как студенты воспринимают свое материальное положение и сравнивают себя с другими. Чем выше у студентов уровень экономической тревожности, тем чаще они склонны сравнивать себя со знакомыми людьми. А знакомые представляют более понятные и реалистичные ориентиры: студенты хорошо знают их жизненные обстоятельства и могут точнее оценить сходства и различия в материальном положении. Однако такие сравнения не всегда помогают - если разрыв в благополучии оказывается значительным, это может усилить стресс и чувство несправедливости.

Студенты, которые считают, что их доходы не соответствуют потребностям, чаще обращаются к сравнению с незнакомыми людьми. Вероятно, это отражает их поиск примеров для подражания, их попытку понять, каких результатов нужно достичь. Но в то же время, постоянное

сравнение с идеализированными образами может создавать нереалистичные ожидания.

Студенты с высоким уровнем экономического оптимизма реже сравнивают себя с незнакомцами, а чаще - либо с друзьями и знакомыми, либо с собой в прошлом. Похоже, уверенность в своем финансовом будущем позволяет им более избирательно подходить к социальным сравнениям, выбирая те, которые могут быть полезны для мотивации и планирования, а не вызывать чувство неудовлетворенности.

Те студенты, кто оценивает текущее благосостояние своей семьи как низкое, чаще склонны сравнивать себя с собой в прошлом. Это может быть как попыткой найти в своем опыте причины нынешней ситуации, так и способом справиться с текущими трудностями через осмысление пройденного пути.

Чем сильнее студенты ощущают нехватку денег, тем чаще они вообще прибегают к различным видам социального сравнения. Вероятно, материальные трудности делают людей более внимательными к тому, как живут другие, в поисках либо поддержки, либо возможностей улучшить свое положение.

Библиографические ссылки

1. *Хащенко В. А.* Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 1. С. 106-127.
2. *Самойленко Е. С.* Методический инструмент измерения ориентированности на виды социального сравнения // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. 2017. С. 532-540.
3. *Festinger L.* A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. № 1. P. 117-140.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГАХ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И НЕПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

П. Д. Кузмич

*Белорусский государственный университет, ул., Кальварийская,
220004, г. Минск, Беларусь, kuzmichpol@gmail.com*

Научный руководитель – К. И. Татарко, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматриваются содержательные характеристики социальных представлений о психологах у студентов психологических и непсихологических специальностей. Актуальность исследования обусловлена нарастающей популярностью психологии и профессии психолога. В силу того, что социальные представления не всегда предоставляют точную и полную информацию о представителях определенной социальной группы, то это может привести к непониманию, способствовать возникновению несогласованных действий в процессе взаимодействия клиента и психолога, что в свою очередь приводит к снижению эффективности их межличностного общения. Целью исследования было определить характеристики социальных представлений о психологах у студентов психологических и непсихологических специальностей.

Ключевые слова: социальные представления; психологические особенности студентов; психологическая помощь; социальные представления о психологах.

Концепция социальных представлений впервые была предложена в 1960-х гг. в монографии французского социального психолога С. Московичи [5]. Возникновение социальных представлений можно связать с кризисом в европейской социальной психологии, связанным с доминированием американской традиции в то время. С точки зрения С. Московичи, предназначение теории социальных представлений заключается в анализе современных социальных проблем, тех, что заботят людей в повседневной жизни [1]. По С. Московичи, социальные представления понимаются как «система ценностей, идей и способов, действия с двойной функцией: во-первых, создавать порядок, который дает возможность индивиду ориентироваться в его материальном и социальном мире и овладевать этим миром; и, во-вторых, делать возможной коммуникацию между членами сообщества, где она (система) тем самым поставляет код для социального обмена и код для наименования и односторонней классификации различных аспектов их мира, их индивидуальной истории и истории их группы» [6, с. 17].

В исследованиях, посвященных социальным представлениям о психологах, последний выступает как специалист, способствующий реше-

нию индивидуальных психологических проблем [2], чуткий и отзывчивый, умный человек и врач [3; 4].

В проведенном нами исследовании приняли участие 73 студента 1-4 курсов, из них 42 студента непсихологических специальностей и 31 студента психологических специальностей. Студенты непсихологических специальностей составили следующие направления: лингвистическое образование, менеджмент, социальные коммуникации, экономическая безопасность, экология и т.д.; студенты психологических – психология, социальная работа. Среди опрошенных присутствует 63 девушки и 10 юношей.

Методика исследования представляет собой авторскую анкету, направленную на изучение социальных представлений о психологах у студентов психологической и непсихологической специальности. В анкете были представлены вопросы трех типов: открытые, полузакрытые и закрытые. Анкета прошла экспертизу одним человеком, кандидатом психологических наук. В анкете представлено 4 блока, направленные на выявление социально-психологических характеристик респондентов, социальных представлений о социально-психологических характеристиках психологов и клиентах, а также о деятельности психолога.

Среди респондентов психологических и непсихологических специальностей не было обнаружено существенных различий. Наибольшие сходства у студентов выявились в представлениях о характеристиках, наименее приоритетных для психолога: отсутствие решительности. Наименее приоритетной выступила и причина обращения к психологу: желание поговорить. Среди наиболее приоритетных характеристик выступили отсутствие предубеждений и морально-нравственные качества. Также сходства были выявлены среди причин, по которым люди становятся психологом: помочь себе, помочь другим. Для большинства респондентов не имеет значения были ли психологические проблемы у специалиста. Среди видов деятельности психолога наиболее часто выступала учебно-воспитательная деятельность.

Различия у респондентов были выявлены в представлениях о характеристиках психолога: студенты психологических специальностей склонны считать такую характеристику как эмпатичность ($\chi^2=6,848$, $p=0,009$) обязательной у психолога, в отличие от студентов непсихологических специальностей. Также мнения у студентов разошлись и насчет причин обращения за профессиональной помощью. Студенты непсихологических специальностей в меньшей мере подвержены мнению, что такие причины как улучшение качества жизни ($\chi^2=4,360$, $p=0,037$) и внутренние конфликты ($\chi^2=0,166$, $p=0,045$) могут являться причинами для обращения к психологу. Интересно, что такая причина как профес-

сиональные проблемы ($\chi^2=3,832$, $p=0,05$) вызвала отрицание с двух сторон, но для студентов психологических специальностей это отрицание было сильнее. Студенты психологических специальностей значительно чаще отмечают, что профессиональная деятельность психолога может быть реализована в научно-исследовательской ($\chi^2=7,531$, $p=0,006$), экспертно-консультационном ($\chi^2=4,999$, $p=0,025$) и культурно-просветительском направлениях ($\chi^2=13,829$, $p<0,001$). Студенты психологических специальностей в свою очередь, чаще связывают профессию психолога с медицинским профилем ($\chi^2=19,519$, $p<0,001$).

Таким образом, у студентов психологических и непсихологических специальностей существует не так много различий. Это можно связать с тем, что все респонденты проходили процесс социализации в одном социуме, где представлен определенный образ психолога. Но с поступлением студентов на психологическую специальность они проходят через профессиональное становление, что может изменять сложившееся до этого представления о психологах.

Библиографические ссылки:

1. Бовина И. Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие. Социолог. журнал. 2010. № 3. С. 5-20.
2. Донцов А. И., Белокрылова Г.М. Профессиональные представления студентов-психологов. Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 42-50.
3. Немыкина Е. В. Особенности стереотипа психолога в современном обществе: Выпускная квалификационная работа. М.: ИИЯ РУДН, 2015. 76 с.
4. Чернышева Е. Л. Социально-психологические особенности представлений руководителей и сотрудников различных учреждений о специалисте-психологе: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05; Самарск. гос. пед. ун-т. Самара, 2005. 199 л.
5. Moscovici S. La Psychanalyse: Son image et son public. Paris: P.U.F., 2004. 512 p.
6. Moscovici S. Social Representations. Explorations in Social Psychology. Cambridge, UK: Polity Press, 2000. 328 p.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И ВИКАРНАЯ ТРАВМА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТОВ

Н. В. Майко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phs.mayko@bsu.by
Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель*

В статье приводятся результаты теоретического анализа роли викарной травмы в состоянии эмоционального выгорания юристов. Отмечается, что проявления выгорания варьируются у юристов разных специальностей (прокуроров, следователей, судей, адвокатов). Профессиональная деятельность юристов осложняется излишней ответственностью, взаимодействием с психологически сложным контингентом и травмирующими переживаниями клиентов, что усугубляет состояние выгорания, препятствуя своевременному обнаружению его симптомов с целью применения превентивных мер.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; викарная травма; юристы.

Трудовая деятельность является ведущим видом деятельности взрослого человека, оказывая непосредственное влияние на личностное, интеллектуальное, социальное развитие. Выполнение профессиональных обязанностей сопровождается не только прогрессивным развитием личности, но и несет риски деструктивных изменений, например, развитие *эмоционального выгорания* – *состояния физического, эмоционального и когнитивного истощения, проявляющегося в профессиях социальной сферы* [1].

Деятельность юристов отличается высокой эмоциональной насыщенностью и когнитивной сложностью, интенсивным межличностным общением и необходимостью приспосабливаться к обстоятельствам и окружающим, требует навыков эффективного делового общения и установления доверительных отношений. Уже на первом году профессиональной деятельности некоторые молодые юристы сталкиваются с большой нагрузкой (как эмоциональной, так и физической), разочарованием в профессии на фоне несоответствия реальной действительности ожиданиям [2].

Иерархический характер правовой системы, негибкость юридических процессов и процессуальные задержки, вызывают постоянное напряжение и неопределенность, что отрицательно сказывается на благополучии юристов и делает их особенно уязвимы к выгоранию [3]. В целях наилучшего для своего клиента урегулирования спора, как правило, отодвигаются на задний план собственные потребности юриста, что способствует развитию эмоционального выгорания [4].

В зависимости от специфики деятельности к личности юриста предъявляются высокие требования: он должен быть морально устойчи-

вым, организованным, обязательным, независимым, справедливым, тактичным и последовательным, честным (как при исполнении своих служебных обязанностей, так и в повседневной жизни), что порой имеет разнообразные негативные последствия, усугубляющие состояние выгорания.

Так, подозрительность *прокуроров*, вызванная бдительностью и скептичностью, чревата избыточной обвинительной тенденцией, вызванной профессиональной деятельностью. Эмоциональное выгорание у них негативно отражается как на самих сотрудниках, так и на окружающих, включая семью, родственников, друзей и коллег. В то же время эффективность и качество работы снижаются [5].

Служебная деятельность *следователя* требует высокой концентрации и профессионализма во время работы. Частое столкновение в работе с лживостью и лицемерием, ведет их порой к истощению, цинизму, излишней подозрительности, сверхбдительности и тщательному анализу самых незначительных происшествий, а также заставляет по привычке делать прогнозы о дальнейшем развитии событий. Все это может препятствовать установлению конструктивных социальных связей в повседневной жизни [6].

Работа *судей* связана с высокими эмоциональными нагрузками, так как они несут особую ответственность при вынесении приговоров и назначении суровых наказаний (вплоть до пожизненного лишения свободы, а также смертной казни). Кроме того, деятельность судей связана с разрешением социальных конфликтов, когда сложно удовлетворить всех участников судебных заседаний. Эти условия провоцируют судей на чрезмерное проявление власти и заносчивости, что в перспективе чревато эмоциональным выгоранием [7; 8].

Переживаемые *адвокатами* внутренние противоречия при исполнении профессиональных обязанностей часто переживаются скрыто. Помимо построения на доверительном уровне деловых отношений с клиентом, ему необходимо быть компетентным юристом, понимать этические аспекты регулирования широкого круга правоотношений, проявлять терпимость и стрессоустойчивость. Это увеличивает эмоциональную нагрузку в ситуации взаимодействия с психологически сложным контингентом, что обуславливает повышенный риск выгорания, поскольку адвокаты могут либо излишне сопереживать клиентам, либо наоборот, начать цинично к ним относиться [9; 10].

Постоянное участие (прямое или косвенное) в этических конфликтах ставит юриста в промежуточную позицию между жесткими рамками работодателя и бизнеса, с одной стороны, и собственными представлениями о нравственности и компетентности – с другой. Прокуроры, судьи и адвокаты, участвующие при разрешении споров по семейным делам, нередко становятся косвенными участниками конфликтов (при разводах,

определении места жительства ребенка с одним из родителей и т.п.). Порой для защиты интересов клиента адвокатам приходится пренебрегать собственными убеждениями, что закономерно отражается на психологическом состоянии и здоровье юриста [11].

В зарубежной литературе приводятся исследования получаемой юристами *викарной травмы* – эмоциональной реакции при переживании травмирующего события без непосредственного участия в нем, но подвергаясь воздействию опыта вторичным образом (посредством визуального или слухового воздействия травмирующего материала). Юристы довольно уязвимы к викарной травме, так как не имеют специализированной подготовки в этой области и обширной системной поддержки [12; 13]. Подобная травма может наступить внезапно и стать причиной развития эмоционального выгорания [14].

При викарной травме происходит трансформация внутреннего опыта юриста, возникающая при эмпатическом взаимодействии с материалом травмы клиента. Это влияет на переживания и мировосприятие юриста. Повторное воздействие травматического материала во времени или от разных клиентов также может приводить к подобной травматизации. Как результат, у юриста возникает усталость от сострадания, сопровождаемая специфическим поведением и эмоциями (в том числе с проявлением симптомов, схожих с посттравматическим стрессовым расстройством), невзирая на то, что переживание событий происходит «из вторых рук» (слушая или становясь свидетелем чужого переживания), а не непосредственно [15].

В силу большой ответственности, ненормированного рабочего дня и высокой загруженности юристы часто не замечают первых признаков наступающего эмоционального выгорания, не принимают профилактических мер, не обращаются за помощью. Все это может привести специалистов как к тяжелым профессиональным деформациям, так и в конечном счете к смене профессии или к «бегству» от реальности в виде зависимого поведения (злоупотребление алкоголем, психоактивными веществами и др.) или различного рода расстройств (депрессиям, тревожным расстройствам и т.д.) [16].

Таким образом, у юристов эмоциональное выгорание негативно отражается на физическом и психическом здоровье, их мотивации и выносливости, а также на качестве социальных контактов. Теоретический анализ подтверждает актуальность проблемы их эмоционального выгорания, усугубляемого викарной травмой. Кроме того, необходимо учитывать различия в проявлениях этого феномена у юристов различных специальностей и важность своевременного обнаружения симптомов с целью применения превентивных мер.

Библиографические ссылки

1. *Maslach, C., Jackson, S.E.* Patterns of burnout among a national sample of public contact workers // *Journal of Health and Human Resources Administration*. 1984. Vol. 7. P. 189–212.
2. *Агейкина, А.А.* Влияние психологических факторов на эмоциональное выгорание юристов // *Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности* : сб. тр. XIX Междунар. конф., Москва, 29–30 апр. 2021 г. М. : Изд-во «Экон-Информ», 2021. С. 6–8.
3. *Kelk, N.J. [et al.]*. Courting the blues: Attitudes towards depression in Australian law students and lawyers. Sydney : Brain & Mind Research Institute, 2009. 104 p.
4. *Булгаков, И.А.* Современные направления изучения феномена эмоционального выгорания // *Современная зарубежная психология*. 2023. Т. 12, № 2. С. 94–103.
5. *Баранова, Ю.А.* Профилактика выгорания как фактор обеспечения жизнеспособности сотрудников прокуратуры в условиях неопределенности // *Вестник МПА ВПА*. 2023. № 2 (4). С. 178–180.
6. *Пантелеев, А.Ф.* Личностный риск в работе следователя. Саратов : 2015. 56 с.
7. *Беляева, И.А., Цариценцева, О.П.* Особенности профессионального выгорания федеральных судей // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019. Т. 7, № 5. С. 42.
8. *Петрухина, А.Н.* Проблема правовой культуры судей // *Вопросы российского и международного права*. 2023. Т. 13, № 1–2–1. С. 41–45.
9. *Светова, Л.Н.* Психологические особенности профессионального выгорания адвокатов // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2020. Т. 25, № 4 (83). С. 376–382.
10. *Краузе, С.В., Сиурдаки, Т.Г.* Значение физической культуры и спорта для профилактики эмоционального выгорания адвокатов // *Место и роль физической культуры в современном мире* : сб. статей и тезисов докладов Всеросс. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 19–20 мая 2022 г. СПб : ООО «Скифия-принт», 2022. С. 148–155.
11. *Бушуев, В.А.* Особенности профессионального выгорания в адвокатской деятельности // *Актуальные проблемы аддиктивного поведения* : мат-лы VI Всеросс. науч.-практ. конф. Таганрогского ин-та им. А.П. Чехова, Таганрог, 9 дек. 2022 г. Ростов-на-Дону : «РИНХ», 2023. С. 132–138.
12. *Murray, D.C., Royer, J.M.* Vicarious Traumatization: The Corrosive Consequences of Law Practice for Criminal Justice and Family Law Practitioners // *Legal Profession Assistance Conference*, Halifax, Canada. 2003. P. 225–251.
13. *Leclerc, M.-E., Wemmers, J.-A., Brunet, A.* The unseen cost of justice: post-traumatic stress symptoms in Canadian lawyers // *Psychology, Crime & Law*. 2021. Vol. 26, № 1. P. 1–21.
14. *Atkinson, J.* Compassion Fatigue: Coping with Secondary Traumatic Stress Disorder in Those Who Treat the Traumatized // *British Journal of Psychiatry*. 1996. Vol. 169(04). P. 528–534.
15. *Helm, H.M.* Managing vicarious trauma and compassion fatigue // *University of Northern Colorado*. 2010.
16. *Ivanovic, T., Ivancevic, S., Maricic, M.* The relationship between recruiter burnout, work engagement and turnover intention: Evidence from Serbia // *Engineering Economics*. 2020. Vol. 31, № 2. P. 197–210.

ВЗАИМОСВЯЗЬ «СИНДРОМА САМОЗВАНЦА» И ОРИЕНТИРОВАННОСТИ НА СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ СТУДЕНТОВ

А. А. Макушинский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, email: artyom.makushinsky@gmail.com
Научный руководитель – Г. А. Фофанова, кандидат психологических наук, доцент*

Актуальность исследования взаимосвязи «синдрома самозванца» и ориентированности на социальное сравнение среди студентов обусловлена высокой распространенностью этих явлений и их значительным влиянием на психологическое благополучие студентов. Изначально считалось, что «синдром самозванца» характерен только для женщин, однако современные исследования показывают, что он часто встречается и у мужчин. В данной статье раскрывается взаимосвязь «синдрома самозванца» с ориентированностью на социальное сравнение, выявленная в результате эмпирического исследования.

Ключевые слова: «синдром самозванца»; социальное сравнение; ориентированность на социальное сравнение; студенты.

Впервые термин феномен самозванца был упомянут в статье П.Р. Кланс и С. Имс в 1978 году. «Синдром самозванца» определялся как внутреннее ощущение сомнения в своих интеллектуальных способностях, которое особенно часто встречается у женщин с высоким уровнем достижений [1]. П.Р. Кланс отмечала особенности, которые сопровождают убеждения клиентов при «синдроме самозванца»: прокрастинация, интроверсия, страх оценки, страх неудачи, чувство вины из-за успеха, большие трудности с усвоением положительной обратной связи, общая тревожность, переоценка других и принижение себя, искаженные представления об интеллекте [2]. «Синдром самозванца» изначально изучался преимущественно среди женщин, добившихся успеха в карьере. Исследователь отмечала, что у мужчин это явление встречается гораздо реже и проявляется с меньшей интенсивностью [2]. Однако в последующих исследованиях было обнаружено, что «феномен самозванца» распространён более широко. Он характерен для групп различных меньшинств: расовых, этнических, сексуальных. Кроме того, проявляется он и среди профессиональных групп, в которых успех не может быть измерен количественно, а также проявляется в новых для человека ситуациях, при принятии новой роли или в начале построения его карьеры [3].

Таким образом, «синдром самозванца» в психологии рассматривают как убеждение человека в том, что он достигает успеха не благодаря

своим способностям и умениям, а благодаря определённым внешним факторам. Также такие люди боятся разоблачения их «обмана» по поводу своих достижений и интеллектуальных способностей.

Процесс социального сравнения был впервые описан Л. Фестингером в 1954 году. Он определял социальное сравнение как процесс сопоставления человеком своих мнений и способностей с мнениями и способностями других людей [4]. Люди с высокой ориентацией на социальное сравнение находят больше поводов для сравнения, испытывают более сильные чувства от результатов сравнения и чаще основывают на сравнениях собственные оценки [5]. Ориентированность на социальные сравнения сильно проявляется у людей с такими расстройствами как депрессия, анорексия, булимия [6]. Также ориентированность на социальные сравнения связано с такими чертами как нарциссизм и самокритицизм, заниженная или завышенная самооценка по невротическому типу и соответствующий поведенческий паттерн А [7].

Взаимосвязь «синдрома самозванца» и ориентированностью на социальное сравнение может носить двунаправленный характер. С одной стороны, частые восходящие сравнения (с теми, кто добился большего) могут укреплять убеждение типа «я недостаточно хорош». С другой - сформированные убеждения, характерные для «синдрома самозванца», заставляют человека искать подтверждения своей некомпетентности через селективное внимание к чужим успехам. С другой стороны, люди с «синдромом самозванца» могут быть склонны к нисходящим сравнениям по типу ассимиляции: приписывать свои успехи внешним факторам (удаче, помощи), а чужие неудачи как сходные свои и возникающим благодаря внутренним причинам, что еще больше ухудшает представления о себе.

Материалы и методы. В нашем исследовании приняли участие 79 респондентов (44% – мужского, 56% – женского пола) в возрасте от 17 до 21 года, обучающиеся высших учебных заведениях. Применялись: методика «Шкала феномена самозванца» П. Кланс в адаптации М.С. Шевелевой, Д.С. Корниенко и Т.М. Пермяковой [8], а также опросник, разработанный для измерения ориентированности на виды социального сравнения (РООСС), Е. С. Самойленко, Т. Н. Савченко, А. В. Корбут [9].

Установлено, что у студентов преобладают умеренный и высокий уровень «синдрома самозванца». У 6% студентов характеристики проявляются слабо, у 47% респондентов отмечается умеренный уровень синдрома самозванца, у 39% респондентов «синдром самозванца» выражен на высоком уровне, у 8% респондентов отмечается очень высокий уровень «синдрома самозванца», который характеризуется частым и интенсивным чувством самозванства. Это можно объяснить тем, что студенты

часто сталкиваются с различными ситуациями оценки: заданиями, зачётами и экзаменами, что может провоцировать проявление «синдрома самозванца», выражающимся в неспособности присваивать собственные достижения.

Была проведена проверка на нормальность распределения выборки по критерию Колмогорова-Смирнова, значение асимптотической значимости по шкале «Ориентация на сравнение себя с незнакомыми людьми» $<0,001$, для исследования взаимосвязи «синдрома самозванца» и ориентированности на социальное сравнение студентов был использован коэффициент корреляции Спирмена. По полученным данным существует статистически значимая прямая корреляция ($r = 0,631$, $p < 0,001$) между показателями «синдрома самозванца», общей ориентированностью на социальное сравнение и всем шкалам, определяющим её. Студенты, как показало исследование Е.С. Самойленко, в 75% случаев сравнивают себя с более успешными референтами, а в 30% случаев фокусируются на академических достижениях других [10], что может усугублять их сомнения в собственной компетентности.

Анализ данных по шкалам ориентированности на социальное сравнение демонстрирует, что «синдром самозванца» имеет умеренную положительную связь с ориентацией на себя ($r = 0,524$, $p < 0,001$). Это может проявляться в повышенной рефлексии: люди с склонны фиксироваться на своих недостатках, игнорируя успехи. «Синдром самозванца» имеет умеренную положительную связь со сравнением со знакомыми людьми ($r = 0,497$, $p < 0,001$). Сравнение с знакомыми людьми также играет важную роль, так как успехи близкого окружения (одногруппников, коллег) воспринимаются как прямая угроза самооценке [10]. При этом «Синдром самозванца» имеет умеренную положительную связь со сравнением с незнакомыми людьми. Взаимосвязь со сравнением с незнакомыми людьми ($r = 0,363$, $p < 0,001$), хотя и слабее, остается значимым: идеализация достижений «далеких» референтов (например, известных людей) может усиливать чувство некомпетентности.

Результаты нашего исследования согласуются с результатами исследования, проведенного Ф. Фассл на зарубежной студенческой выборке, в рамках которого установлена прямая взаимосвязь «синдрома самозванца» и ориентации на социальное сравнение. В данном исследовании измерялись такие параметры социального сравнения как сравнение мнений и сравнение способностей [11].

После разделения выборки по критерию пола было обнаружено, что у женщин существует сильная прямая взаимосвязь между показателем «синдрома самозванца» и общей ориентированностью на социальное сравнение ($r = 0,7$, $p < 0,001$). Также у женщин существует статистически

значимая умеренная положительная связь между «синдромом самозванца» и ориентацией на самосравнение ($r = 0,526$, $p < 0,001$), на сравнение со знакомыми ($r = 0,69$, $p < 0,001$) и незнакомыми людьми ($r = 0,511$, $p < 0,001$). Данная связь может быть объяснена более высоким уровнем нейротизма у женщин, характеризующимся эмоциональной неустойчивостью, тревогой, низким самоуважением [12]. Люди с более высоким уровнем нейротизма обладают более высокой потребностью в сравнении себя с другими людьми [13]. Цели социального сравнения также могут отличаться, люди, склонные часто сравнивать себя с другими, имеют низкие показатели уверенности в себе и социальной смелости, а также сниженный уровень самоуважения, более высокая личностная тревожность и повышенная эмпатия [13]. Данные характеристики могут характеризовать такие цели социальных сравнений, как субъективное позиционирование себя среди других людей, проявляющаяся в оценке сходства с другими людьми или своих и чужих преимуществ и поддержание собственного Я и самооценки [14] у женщин с «синдромом самозванца» могут объяснять взаимосвязь «синдрома самозванца» с ориентированностью на сравнение с другими людьми.

В подвыборке мужчин существует умеренная прямая взаимосвязь между «синдромом самозванца» и общей ориентированностью на социальное сравнение ($r = 0,488$, $p = 0,003$), а также шкалой «Ориентация на сравнение себя с самим собой» ($r = 0,555$, $p < 0,001$). Взаимосвязь «синдрома самозванца» и ориентация на сравнение себя с самим собой у мужчин может быть объяснена большей склонностью к конкурентному поведению [6], которую они реализуют путем сравнения своих достижений в настоящем с возможными будущими достижениями. Однако, т.к. при «синдроме самозванца» человек не способен присваивать собственные достижения, но сравнивает себя с тем, каким он хочет или может быть, следовательно он может быть склонен к такой цели социального сравнения как самосовершенствование [14].

Таким образом мужчины с «синдромом самозванца» больше ориентированы на сравнение самого себя в разные временные моменты собственной жизни и сравнение себя с желаемым, возможным, идеальным Я. Женщины в первую очередь больше ориентированы на сравнение себя со знакомыми людьми, а также, практически равнозначно ориентированы на сравнения с самим собой и с незнакомыми людьми.

Полученные результаты могут быть использованы в образовательных целях, а также для создания программ психологической поддержки, создания более благоприятной академической среды и адаптации студентов, и в рамках психологического консультирования для диагностики и коррекции проявлений «синдрома самозванца».

Библиографические ссылки

1. *Clance, P. R., Imes, S.* The Imposter Phenomenon in High Achieving Women: Dynamics and Therapeutic Intervention. *Psychotherapy Theory, Research and Practice*. 1978. Vol. 15. No 3. P. 1-8.
2. *Clance, P.R., O'Toole, M.A.* The imposter phenomenon: an internal barrier to empowerment and achievement. *Women & Therapy*. 1987. No. 6. P. 51–64.
3. *Bravata, D. M.* Prevalence, Predictors, and Treatment of Impostor Syndrome: A Systematic Review. *Journal of General Internal Medicine*. 2019. Vol. 35, №. 2. P. 1252–1275.
4. *Festinger, L.* A theory of social comparison processes / *A Human Relations*. 1954. – Vol. 7. № 2. P. 117–140.
5. *Gibbons, F., Buunk, B.* Individual differences in social comparison: Development of a scale of social comparison orientation / F. Gibbons, // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1999. – V. 76. – P. 129-142.
6. *Гаранян, Н. Г.* Адаптация «Шкалы ориентации на социальные сравнения (INCOM)» на российской молодёжной выборке: метод. пособие. М.: Неолит, 2016. 68 с.
7. *Корбут, А. В.* Склонность к субъектно-ориентированному сравнению в системе индивидуально-психологических характеристик: дис. ... канд. психол. наук. М., 2024. 193 с.
8. *Шевелева, М.С., Корниенко, Д.С., Пермьякова Т.М.* Шкала феномена самозванца: психометрические характеристики русскоязычной версии. *Психологический журнал*. 2021. Т. 42, № 1. С. 133-143.
9. *Самойленко, Е. С., Савченко, Т.Н., Корбут, А.В.* Методический инструмент измерения ориентированности на виды социального сравнения / Е. С. Самойленко, Т // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: Результаты и перспективы развития* / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. – Москва: Институт психологии РАН, 2017. – С. 532-540.
10. *Самойленко, Е. С.* Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М.: Институт психологии РАН, 2010. — 416 с.
11. *Fassl, F., Yanagida T., Kollmayer, M.* Impostors Dare to Compare: Associations Between the Impostor Phenomenon, Gender Typing, and Social Comparison Orientation in University Students. / F. Fassl, // *Frontiers in Psychology*, 2020, Vol. 11, №. 1225. – P. 1–10.
12. *Мишкевич, А. М., Щебетенков, С. А.* Половые различия по чертам «Большой Пятёрки»: взгляд через призму установок на черты Психология. *Журнал Высшей школы экономики*. – 2018. Т. 15., № 3. С. 562–569.
13. *Самойленко, Е.С., Корбут, А.В.* Взаимосвязь направленности субъектно-ориентированного сравнения и некоторых личностных характеристик / Е. С. Самойленко, А. В Корбут // *Экспериментальная психология*. – 2011. – Т. 4, № 4. – С. 52–61.
14. *Самойленко, Е.С., Васанов, А.Ю., Корбут, А.В.* Взаимосвязь индивидуально-психологических характеристик человека и выраженности у него целей сравнения себя с другими людьми. *Экспериментальная психология*. 2012. Т. 5, № 1. С. 82–95.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫЕ КАЧЕСТВА ОПЕРАТОРОВ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В. О. Сапожников

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская 17,
220007, г. Минск, Беларусь, psy_valery_vf@mail.ru
Научный руководитель – И.А.Фурманов, доктор психологических наук, профессор*

В данной статье рассматриваются интеллектуальные профессионально важные качества, присущие операторам беспилотных летательных аппаратов, изученные в ходе проведения эксперимента по «объектному слежению» и осуществлению интерпретации, полученной таким образом информации. Недостаточная изученность профессии оператора БЛА с психологической точки зрения требует проведения фундаментальных исследований в области психологии труда. Приведен частотный анализ выраженности и степени развития отдельных психологических профессионально важных качеств операторов БЛА, дана их интерпретация, исходя из особенностей структуры профессиональной деятельности данной категории специалистов.

Ключевые слова: профессионально важные качества; объектное слежение; оператор; невербальный интеллект; внимание; пространственное обобщение; наглядно-образное мышление.

Профессиональная деятельность оператора беспилотного летательного аппарата является примером совмещенной операторской деятельности, при которой одновременно может осуществляться управление воздушным судном и выполнение дополнительной задачи. В роли дополнительной задачи зачастую выступает сбор оператором определенных данных об объектах, их, количестве, характеристиках, состоянии и т.д., посредством оптической системы, установленной на БЛА.

При этом стоит отметить, что любая профессиональная деятельность человека, в числе прочих факторов, зависит от так называемых профессионально важных качеств, а именно от их наличия, степени выраженности и комбинации.

Под профессионально важными качествами Б. А. Душков [1] предлагал понимать «отдельные динамические характеристики личности, отдельные психические и психомоторные свойства (выраженные уровнем развития соответствующих процессов), а также физические качества, соответствующие требованиям к человеку со стороны определенной профессии и способствующие успешному овладению этой профессией».

Как отмечал И. А. Фурманов [2], ссылаясь на исследования А. А. Вороны, Д. В. Гандера, В. А. Пономаренко [3, 4] «современная авиационная психология рассматривает пять основных групп ПВК лет-

ного состава». К ним авторы отнесли личностные, интеллектуальные, психофизиологические, физиологические и физические.

К интеллектуальным ПВК. Д. Гандер, Н. Д. Лысаков [5] отнесли развитость ощущений и восприятий, яркость, четкость и контролируемость пространственных представлений, продуктивность и помехоустойчивость мышления, быстроту, точность и прочность памяти, большой объем, быстрое переключение и устойчивость внимания, способность к ориентировке в сложном пространственном окружении и непредвиденных ситуациях, способность к действиям в условиях дефицита времени и навязанного темпа работы, развитость эвристического, системного и образного типов мышления.

При этом авторы указывали на то, что данная классификация не является полной и требует уточнения в ходе проведения научных исследований в отношении деятельности операторов беспилотных летательных аппаратов.

Так, в ходе эксперимента по осуществлению «объектного слежения» [6] и распознаванию полученных данных в группе операторов беспилотных летательных аппаратов двойного назначения было изучено и проанализировано распределение испытуемых по уровням выраженности профессионально важных качеств.

В рамках описанного выше подхода в классификации интеллектуальных ПВК использовались психологические и психофизиологические тестовые методики, позволяющие оценить:

- умение быстро переходить с решения одних задач на выполнение других, не допуская при этом ошибок;
- восприятие пространственных отношений и сообразительность;
- объем и точность кратковременной памяти на образы;
- уровень невербального интеллекта, логичность мышления в условиях дефицита времени;
- свойств внимания (объем, переключаемость и распределение внимания);
- уравновешенность нервных процессов, т.е. степень сбалансированности процессов возбуждения и торможения по силе, а также точность реакции и динамический глазомер;
- образность-вербальность, интерферируемость;
- развитие пространственного трехмерного и симультантного двухмерного мышления;
- оперативную память в процессе лимитированных по времени мыслительных операций;
- зрительно-пространственную память, продуктивность восприятия, избирательность и точности запоминания, отвлекаемости внимания.

Данный перечень ПВК был сформирован исходя из особенностей профессиональной деятельности тех операторов БЛА, из которых сформирована группа, для проведения эксперимента по осуществлению «объектного слежения» и интерпретации полученных данных.

Анализ данных, полученных после статистической обработки интеллектуальных профессионально важных качеств операторов БЛА позволил сделать ряд выводов:

1. Высокая лабильность, скорость протекания и гибкость мыслительных процессов, способность эффективно переключаться с одного типа задания на другой в условиях дефицита времени, хорошая способность к обучению и формированию новых умений и навыков выявлены у 26 % операторов БЛА, а средняя скорость протекания и гибкость мыслительных процессов, достаточная способность к переключению с одного типа заданий на другой в условиях дефицита времени, способность осваивать новую деятельность выявлены у 39 % операторов БЛА. Это свидетельствует о профессиональной пригодности вышеуказанной категории операторов выбранной профессии.

2. Уровень восприятия пространственных отношений и сообразительности в целом по выборке выше среднего и высокий только у 22% операторов БЛА. При этом они присущи операторам БЛА, имеющим большой налет и опыт работы в профессии. Низкие показатели у подавляющего большинства операторов могут означать преобладание другого типа восприятия над зрительным, низкий уровень скорости либо эффективности восприятия как индивидуальную характеристику, наличие каких-либо нарушений функционирования центральной нервной системы (снижение функционального состояния центральной нервной системы или индивидуальные патологические особенности нервной системы различной степени).

3. Все операторы в группе показали приемлемый уровень развития кратковременной зрительной памяти, однако, только у 37% операторов БЛА он находится на очень высоком уровне, что, как можно предположить, позволит им справляться с поставленными задачами по ведению «объектного слежения» эффективнее. Объем кратковременной памяти на образы важен в профессиональной деятельности оператора БЛА, который должен уметь в ходе «объектного слежения» за местностью, вскрыть объект, идентифицировать и классифицировать его в относительно короткие временные промежутки.

4. Оценка уровня развития невербального интеллекта операторов БЛА показала, что 39% испытуемых имеют высокую степень профессиональной пригодности по этому критерию, и способны эффективнее, чем остальные, выполнять поставленные задачи, в том числе и в нештат-

ных ситуациях, поскольку в большей степени способны к систематизированной планомерной интеллектуальной деятельности. Стоит отметить, что логичность мышления в условиях дефицита времени напрямую связана с уровнем врожденного интеллекта, помноженного на те знания, умения и навыки, которые приобрел человек в процессе своего профессионального становления.

5. Изучение характеристик внимания показало, что высокий или соответствующий норме уровень выявлен: по объему – у 78%, по распределению – у 69%, по переключаемости – у 72% операторов. Стоит отметить, что чем выше объем внимания обследуемого, тем больше объектов он удерживает в центре внимания, и тем быстрее справляется с заданием. Все это так же относится к распределению и переключению внимания, когда операторов в первом случае способен рассредоточить внимание между двумя или несколькими разнородными объектами, одновременно находящимися во внимании, а во втором быстро выключаться из активного восприятия одного объекта и включаться в активное восприятие другого.

6. Оценка подвижности нервных процессов показывает, что лишь у 13% она является уравновешенной, позволяющей легко переключаться с одного вида деятельности на другой. При этом 59% операторов не способны эффективно выполнять задачи в режиме монотонии поскольку в крайнем случае они довольно быстро впадают в сонливое и даже сонное состояние, а 28% присуща нерешительность и осторожность и людям данного типа перед тем как приступить к выполнению какой-либо деятельности необходимо предварительно изучить все подробности с ней связанные. По точности сенсомоторной реакции только 7% операторов показали высокие результаты. Основной задачей оператора БЛА является ведения «объектного слежения». В этой связи показатели по данному ППВК влияют на точность осуществления фотографирования местности и объектов, расположенных на ней, с учетом скорости движения БЛА, а также своевременность фокусирования на объекте. По этому показателю от подавляющего числа операторов из данной выборки не стоит ожидать высоких сенсомоторных показателей, особенно в динамических условиях деятельности.

7. Оценка когнитивной и познавательной гибкости показала, что образность в когнитивных процессах выявлена у 91% респондентов. Она связана с доминированием функций правого полушария, обеспечивающего восприятие невербальной информации, эмоциональную окраску поведения, процессы визуального мышления, эстетического восприятия и художественного творчества. Преобладание образности коррелирует с преобладанием функций запечатления над перекодированием в памяти,

преобладанием непроизвольной сферы над произвольной Средняя интерферируемость выявлена у 11% респондентов, которым характерна уравновешенностью по параметрам концентрации и распределения внимания. Очевидно, что в интересах «объектного слежения» наиболее эффективны операторы БЛА со средним уровнем интерферируемости. Они успешно находят объекты и проводят их опознание и классификацию. Группа операторов с низкой интерферируемостью должны хорошо проявить себя в распознавании выявленных объектов. А вот операторы с высокими значениями по данному критерию способны работать только с идеальных, «тепличных» условиях без каких-либо стрессов и помех.

8. Оценка эффективности умственных операций анализа, синтеза, сравнения и диагностика наглядно-образного мышления показала, что 15% операторов БЛА справилось с заданием, показав отличный результат, а 85% - в диапазоне нормы со значениями пограничными с отличным результатом в подавляющем большинстве случаев, при этом 57% испытуемых показали высокий результат по критерию времени выполнения задания. Значение данного ППВК является одним из ключевых, поскольку в ходе осуществления «объектного слежения» оператору, крайне важна способность вычленив по отдельным элементам объекты и признаки, в том числе неочевидные на первый взгляд

9. Изучение наглядно-образного геометрического мышления показало, что высокий уровень развития данного психологического ПВК выявлен у 13% операторов БЛА, средний – у 65%, низкий – у 22%, то есть подавляющее большинство операторов способны распознать и интерпретировать полученные данные на приемлемом уровне эффективности. Однако по времени выполнения методики высокий результат получили лишь 9% операторов. Высокий уровень наглядно-образного мышления далеко не всегда положительно соотносится с временем, затраченным на выполнении методики.

10. Определено, что высокий уровень глазомерной оценки выявлен у 37% операторов, для них предполагается высокое качество работы без измерительного инструмента, средний уровень – у 52% операторов, а это означает, что они допускают ошибки в визуальной оценке объекта, испытывая особенные трудности в сравнении небольших объектов, низкий уровень – у 11% операторов, что характеризуется низкой точностью в визуальной оценке предметов на глаз, склонностью допускать ошибки в оценке размеров, расстояний, веса и объема предметов.

11. Оценка способности к пространственному запоминанию показала, что у 74% всех операторов БЛА из группы испытуемых особенности зрительно-пространственной памяти выше нормы, продуктивность восприятия, запоминания и воспроизведения фигур в норме, выражена из-

бирательность и точность запоминания объектов, отвлекаемость внимания практически или отсутствует, а, следовательно, благодаря данному психологическому ПВК они способны эффективно осуществлять «объектное слежение» и качественно интерпретировать полученные данные в режиме реального времени.

12. Изучение особенностей оперативной памяти и оценка эффективности работы когнитивных функций в условиях ограниченного времени показала, что по уровню оперативной памяти 22% испытуемых показало отличные, а 24 % - хорошие результаты, что позволяет им максимально эффективно осуществлять «объектное слежение» и интерпретацию полученных данных.

Библиографические ссылки

1. Энциклопедический словарь: Психология труда, рекламы, управления, инженерная психология и эргономика / под ред. Б. А. Душкова. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 259 с.

2. Разработка психологических и психофизиологических критериев и индикаторов профессионального отбора и определения профессиональной пригодности военных летчиков: отчет о НИР (заключ.) : Бел. гос. ун-т ; рук. И. А. Фурманов. Минск, 2020. 99 с. № ГР 20200399.

3. Теория и практика психологического обеспечения летного труда / под общ. ред. В. А. Пономаренко. Минобороны Рос. Федерации, Военно-воздуш. силы. М.: Воениздат, 2003. 280 с.

4. *Пономаренко, В. А.* Психология духовности профессионала М.: ИПАН РАН, 2004. 162 с.

5. *Гандер, В. Д., Лысаков, Н. Д.* Психологические аспекты управления беспилотными летательными аппаратами / В. Д. Гандер, Н. Д. Лысаков // Журнал «Человеческий капитал». 2017. № 3. С. 41–42.

6. *Сапожников, В. О.* Объектное слежение как основа деятельности оператора беспилотного авиационного комплекса. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 2. С. 97–102.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТОРОВ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

В. О. Сапожников, И. А. Фурманов

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская 17,
220007, г. Минск, Беларусь, psy_valery_vf@mail.ru*

Научный руководитель – И.А.Фурманов, доктор психологических наук, профессор

В данной статье рассматриваются психологические и психофизиологические характеристики профессиональной деятельности операторов беспилотных летательных аппаратов двойного назначения. Приведен ряд особенностей профессиональной деятельности операторов. Описаны понятия «концептуальная модель» и «образ полета», а также особенности профессиональной деятельности оператора беспилотного летательного аппарата. Определена роль и значение перечня психологических и психофизиологических характеристик операторов БЛА, необходимых для успешного выполнения воздушной разведки и дешифрирования полученных разведывательных данных.

Ключевые слова: концептуальная модель, образ полета, оператор БЛА, пространственное мышление, адаптивность, нервно-психическая устойчивость, монотония, объектное слежение, объем, переключаемость, распределение внимания, интерферируемость, невербальный интеллект, кратковременная зрительная память, пространственное воображение, пространственное обобщение.

Профессиональная деятельность человека-оператора по мнению Б.А. Душкова [1], представляет собой «процесс достижения поставленных перед системой «человек-машина» целей, состоящий из упорядоченной совокупности действий человека-оператора». В процессе выполнения поставленной задачи оператор при помощи анализаторов воспринимает поступающую информацию об объекте, декодирует ее, анализирует и оценивает ситуацию и на основании всего этого строит свою «концептуальную модель». Данное понятие было предложено и описано английским психологом А.Т. Велфордом [2], как образ формирующийся в голове оператора.

В советской психологии понятие концептуальной модели было описано в работах В.Н. Зинченко и Н.Д. Гордеева [3,4], а в авиационной психологии благодаря Н.Д. Заваловой и В.А. Пономаренко [5] получило название «образ полета», включающий в себя в числе прочего и кинестетическую составляющую.

Применительно к операторской деятельности в целом Л.А. Вайнштейн [6] выделял ряд особенностей:

- содержание трудового процесса;

- преобладание того или иного психического процесса;
- время обслуживания;
- основные функции, выполняемые оператором;
- удельный вес основных компонентов деятельности.

Каждая из описанных особенностей определяется, в числе прочего, конкретными психологическими и психофизиологическими характеристиками, необходимыми оператору БЛА для эффективного выполнения стоящих перед ним задач.

Как отмечает В.А. Бодров [7], на современном этапе развития инженерной психологии проявляются две тенденции в проведении исследований в отношении изучения «психофизиологических и психологических характеристик человека-оператора». В первом случае изучаются зависимости состояния психологических и психофизиологических функций от ряда других параметров, а во втором «стало доминировать изучение внутренних средств деятельности оператора и их сопоставление с внешними средствами и условиями деятельности.».

Профессиональная деятельность оператора беспилотного летательного аппарата имеет ряд специфических особенностей:

1. Пилотирование БЛА в автоматизированном режиме, приводит к тому, что информация о состоянии летательного аппарата (крен, тангаж, резкая потеря высоты) поступает только посредством зрительного анализатора через экран наземной станции (пульта) управления, либо через визуальное наблюдение за объектом находящемся в зоне прямой видимости. Проприоцептивный компонент при этом отсутствует, поскольку оператор в подавляющем большинстве случаев находится за десятки, а то и сотни километров от летательного аппарата и не ощущает физически изменения положения беспилотного летательного аппарата. Важно учитывать, что информация о состоянии систем летательного аппарата и соответствии маршрута траектории полетного задания в таком случае доходит до оператора с определенной задержкой по времени. Исходя из этого одной из важных психофизиологических характеристик оператора является пространственное мышление или способность оперировать пространственными представлениями. Пространственное мышление – вид умственной деятельности, обеспечивающей создание пространственных образов и оперирование ими в процессе решения различных практических и теоретических задач [8].

2. Систематическое вынужденное выполнение задач в экстремальных условиях деятельности, что присуще операторам силовых структур. Выполнение боевых задач по ведению воздушной разведки и/или поражению сил и средств противника приводят к возникновению посттравматического стрессового расстройства. Оператор, находясь в относи-

тельной безопасности, вдали от поля боя, видит при этом ранения, мучения смерть как военнослужащих, так и гражданских. Поэтому необходимо не только подбирать операторов, обладающих высокой нервно-психической устойчивостью, у которых отсутствуют акцентуации черт характера, но и реализовывать комплекс мероприятий по психологической реабилитации и обучению операторов методам саморегуляции психических состояний.

3. Работа вынужденном темпе, чаще всего в состоянии монотонии, если речь идет о ведении воздушной разведки с применением средних разведывательных БЛА или в условиях динамической обстановки с применением БЛА мультироторного типа при дефиците или ограниченном лимите времени. В данных условиях важна концентрация внимания, умение сохранять работоспособность на приемлемом уровне в течение заданного промежутка времени.

4. Осуществление «объектного слежения» с целью получения разведывательных сведений о силах и средствах противника в заданном районе местности. Важными психологическим и психофизиологическими характеристиками на данном этапе профессиональной деятельности являются объем, распределение и переключаемость внимания. Так высокие показатели объема внимания обеспечивают больше количество объектов, которые оператор БЛА способен воспринять с равной степенью ясности и отчетливости при ведении воздушной разведки в различных видимого спектра, распределения внимания – способность рассредоточить внимание между двумя или несколькими разнородными объектами, находящимися в фокусе внимания, переключаемости внимания – способность быстро переключиться с одного объекта на другой.

Также можно предположить, что глазомерная оценка важна при «объектном слежении», поскольку обеспечивает качественную сравнительную визуальную оценку объекта.

5. Ведение воздушной разведки не всегда осуществляется в составе боевого расчета, где присутствует оператор БЛА, который следит за показаниями приборов и оператор целевой нагрузки, осуществляющий «объектное слежение» и дешифрирование полученных разведывательных данных в том числе в режиме реального времени. Порой две эти задачи вынужден совмещать один человек и тогда можно говорить о совмещенной операторской деятельности для которой важна интеллектуальная лабильность, как способность оперативно и безошибочно переходить от выполнения одних задач на другие, что в свою очередь обеспечивается способностью концентрировать внимание и быстро действовать. В свою очередь быстрота действий является по сути разновидностью сложной сенсомоторной реакции, когда до ее реализации происхо-

дит достаточно сложная обработка сигнала центральной нервной системой. То есть уравнированность нервных процессов по параметру возбуждения и торможения обуславливает своевременность и точность реакции при аэрофотосъемке.

6. При выполнении задач оператором БЛА важен невербальный интеллект, как тип мышления, основанный на образах и представлениях, а также логичность мышления в условиях дефицита времени. Особо необходимо отметить, что на невербальный интеллект оказывает определяющее влияние сохранность психических процессов произвольного внимания (концентрация, объем и распределение). Иными словами, способность эффективно обрабатывать сведения о характеристиках видимых объектов (или их частей), полученные в потоке визуальной информации, передаваемой на экран посредством оптических систем БЛА, обуславливаются в том числе высоким уровнем невербального интеллекта.

7. В процессе осуществления «объектного слежения» важен уровень восприятия пространственных отношений и сообразительность, которые зависят от подвижности нервных процессов. В совокупности с развитым пространственным воображением, определяющим способность оперировать двухмерными образами, данные психологические и психофизиологические характеристики позволяют оператору БЛА по разрозненным визуальным признакам восстанавливать, как бы «собирать воедино» цельный образ того или иного наблюдаемого объекта, на основании механизма анализа и синтеза. И уже в дальнейшем классифицировать его.

8. Рассматривая понятия полезависимости и полenezависимости в контексте профессионально деятельности оператора БЛА, следует отметить, что важную роль в их установлении играет фактор интерферируемости, в который входят особенности концентрации и распределения внимания вместе с общей помехоустойчивостью, как характеристикой эмоционально-волевой сферы. Так низкая интерферируемость говорит об устойчивости к помехам и способности лучше концентрироваться на объектах, но при этом же наблюдается снижение таких характеристик, как переключение и распределение внимания. Высокая наоборот характеризуется большей продуктивностью произвольного запоминания и при этом низким порогом помехоустойчивости. Исходя из структуры профессиональной деятельности оператора БЛА, можно предположить, что наиболее предпочтительным являются люди со сбалансированными показателями интерферируемости.

9. В ходе ведения воздушной и дешифрирования полученных разведывательных данных оператор БЛА постоянно сличает объекты, которые видит на экране монитора, с теми образами объектов, которые он

изучал и запоминал в ходе своего обучения, то одной из ключевых характеристик для него является способность к пространственному запоминанию. А работа в ограниченном временном интервале, требует хорошего развития кратковременной памяти, которая служит для оперативного хранения и обработки информации. Кратковременную память характеризует объем и точностью.

Библиографические ссылки

1. Энциклопедический словарь: Психология труда, рекламы, управления, инженерная психология и эргономика / под ред. Б. А. Душкова. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 64 с.
2. *Welford A. T.* On the human demands of automation: Mental work conceptual model, satisfaction and training. *Industrial and business psychology*. 1961. Vol. 5. P. 182–193.
3. *Зинченко В. П., Вергилес, Н.Ю.* Формирование зрительного образа. М. : МГУ, 1969. 106 с.
4. *Гордеева Н. Д. Девишвили, В. М. , Зинченко, В. П.* Микроструктурный анализ исполнительской деятельности. М. : ВНИИТЭ, 1975. 374 с.
5. *Завалова Н. Д., Ломов, Б. Ф. , Пономаренко, В. А.* Образ в системе психической регуляции деятельности / Н. Д. Завалова,. М. : Наука, 1986. 21 с.
6. *Вайнштейн Л. А.* Эргономика : учеб. пособие. Минск: БГУИР, 2018. 364 с.
7. *Бодров В. А.* Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы М.: Институт психологии РАН, 2006. 622 с.
8. *Якиманская И. С.* Развитие пространственного мышления школьников. М.: Педагогика, 1980. 240 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «KAWAII HILL» ПРИ ВИЗУАЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ АНТРОПОМОРФНЫХ РОБОТОВ

А. А. Сорока

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, magpie1337@gmail.com

Научный руководитель – А. С. Солодухо, кандидат психологических наук, доцент

В данной статье рассматривается феномен «Kawaii Hill», предшествующий эффекту «Зловещей долины», и методы количественной оценки проявления данных феноменов. Проводится теоретический анализ литературы по данной проблематике. В качестве анализа используются иностранные источники. Данная работа может выступать основой для оптимизации проведения дальнейших исследований; служить в качестве методических материалов для разработки антропоморфных роботов и нейросетей имитирующих человеческую деятельность, широко внедряемых в нашу повседневность.

Ключевые слова: эффект «Зловещей долины»; робот; когнитивный диссонанс; концепция кавайи.

В 1970 году японский робототехник Масахиро Мори написал работу «Bukimi No Tani», где описал такой феномен как эффект «Зловещей долины» [1]. Мори выдвинул гипотезу: чем больше мы будем стараться делать роботов похожими на людей, тем большее отторжение они вызовут. Для наглядности он представил следующий график (Рис 1):

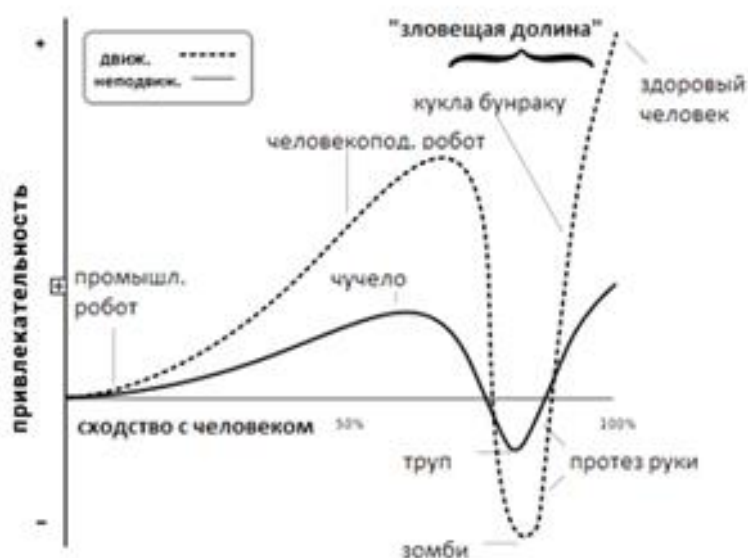

Рис. 1. Иллюстрация проявления эффекта зловещей долины

На оси абсцисс находится антропоморфность (сходство с человеком), на оси ординат — «привлекательность» как аттрактивность.

Непрерывная линия обозначает неподвижные объекты. На ней отмечены чучело животного, неподвижный ручной протез и труп. Пунктирной линией обозначены движущиеся объекты. На ней отмечены промышленный робот, человекоподобный робот, зомби, подвижный ручной протез, кукла традиционного японского театра бунраку и здоровый человек [1].

На графике видно, как, по мере увеличения степени антропоморфности роботов, люди воспринимают их как более аттрактивных и вызывающих повышенную степень доверия, однако в определенный момент рост на графике сменяется резким провалом — «Зловещей долиной». На графике «Зловещая долина» отмечена фигурной скобкой. Упоминание «трупа» и «зомби» на данном графике неслучайно. Сам Мори полагает, что неестественность человекоподобных роботов напоминает человеку о смерти и именно в этом причина такого рода «неприязни» [1].

Хоть концепция «Зловещей долины» Масахиро Мори и была гипотезой. Однако дальнейшие исследования данного феномена подтвердили его проявление. Было выдвинуто много теорий, объясняющих происхождение эффекта «Зловещей долины», однако наиболее обоснованной была когнитивная теория восприятия угрозы предложенная Минсу Каном в 2009 году. Он писал, что антропоморфные роботы, которые находятся между категориями «робот» и «человек», вводят нас в состояние постоянного когнитивного диссонанса и сталкивают с неизвестностью: «Чего именно ждать от такого существа? Управляем ли мы ситуацией?» Если ответа на эти вопросы не находится, то это вызывает страх. Подобные идеи, базирующиеся на теории когнитивного диссонанса, используются и в современных исследованиях [3; 4].

В 2014 году Шиничи Хатакеяма из университета Секей в своей статье «The concept of "Kawaii" and the "Uncanny valley" phenomenon» проанализировал иной аспект, связанный с визуальным наблюдением за антропоморфными объектами. Известно, что провал на графике эмоциональной реакции называется «Зловещей долиной». Шиничи Хатакеяма утверждает, что концепцию кавайи можно отнести к продуктам, расположенным «на холме» прямо перед «Зловещей долиной». [2]

Стоит дать очерк понятию кавайи. На первый взгляд кажется, что дословный перевод данного понятия означает «милый», но в действительности это более многогранный феномен, не имеющий дословного перевода. Подобные непереводаемые аналогии есть и в белорусском языке: «Лемантаваць», «Спатканка».

Кавайи формирует одну из эстетических ценностей японской культуры. В частности, Ёмота Инухико утверждает, что кавайи представляет собой совокупность следующих утверждений:

1. Кавайи — Милый, неполный, маленький. Ёмота утверждает, что кавайи противостоит «красоте», которая создает образы святости и совершенства. кавайи включает в себя такие аспекты, как «дружелюбие, простота понимания и психологическая близость»; [2]
2. Кавайи частично основан на миниатюрной ориентации, существующей в японской культуре;
3. Кавайи — это символическая конструкция японской высокой потребительской культуры. [2]

Из исследований Хатакеямы следует, что при оценке антропоморфных роботов концепция «Kawaii Hill» на графике представлена как резкий подъем по шкале аттрактивности в виде «холма», перед резким «спадом» по шкале аттрактивности, который называют эффектом «Зловещей долины». Т.е. концепции «Kawaii Hill» подвержены те антропоморфные объекты, которые имеют среднюю степень антропоморфности и при этом высокую степень привлекательности.

Существует тесная связь между привлекательностью и зловещей долиной. Пик ощущения близости и проявления эмпатии перед «Зловещей долиной» называется «Kawaii Hill», где кавайи представлен в наибольшей степени. [2]

Количественная оценка степени проявления эффекта «Зловещей долины» высчитывается посредством подсчета отклонение от средней арифметической прогрессии. Если антропоморфность — X , а привлекательность Y , то арифметическая прогрессия $X=Y$. Следуя классическому определению «Зловещей долины», отклонение от прогрессии $X=Y$ и будет составлять степень проявления эффекта «Зловещей долины».

Однако, такой метод оценки не учитывает существование феномена «Kawaii Hill», который является противоположным эффекту «Зловещей долины». Таким образом, правильное было бы высчитывать эффект «Зловещей долины», посредством подсчета отклонение от средней арифметической прогрессии к X , а феномен «Kawaii Hill» как отклонение от средней арифметической прогрессии к Y .

Таким образом можно сделать вывод, что методы визуальной оценки антропоморфных роботов нуждаются в доработке. Стоит вести разграничение феномена «Kawaii Hill» и эффекта «Зловещей долины». Это позволит более эффективно и менее затратно конструировать антропо-

морфные роботизированные установки, вызывающие высокую степень аттрактивности со стороны рядовых пользователей.

Библиографические ссылки

1. Манаенков, А.Е. Эффект «зловещей долины». МГУ. 2016.
2. Hatakeyama, S. Kawaii and Uncanny Valley / Bulletin of Shokei College. Humanities and Social Sciences, 46. 2014. P. 29–42.
3. MacDorman, K.F., Green, R.D., Ho, C.C. et al. Too real for comfort? Uncanny responses to computer generated faces / Computers in Human Behavior, 25. 2009. P. 695-710.
4. Mathur, M.B., Reichling, D.B. Navigating a social world with robot partners: A quantitative cartography of the Uncanny Valley / Cognition 146. 2016. P. 22-32.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ПЕРФЕКЦИОНИЗМА У СПЕЦИАЛИСТОВ ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ

Н. А. Царик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, tsarik.nat@yandex.ru
Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель*

В статье приводятся результаты исследования взаимосвязи эмоционального выгорания и перфекционизма у специалистов финансовой сферы. Полученные данные подтвердили наличие прямой связи между эмоциональным выгоранием и перфекционизмом (в том числе с патологическим), тогда как в состоянии выгорания отмечается снижение здорового стремления к высоким стандартам

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; нормальный перфекционизм; патологический перфекционизм; специалисты финансовой сферы.

Современное общество побуждает специалистов различных сфер не снижать жизненный ритм, устанавливая перед ними высокие, порой труднодостижимые требования. Соответствовать высоким стандартам получается не всегда. Индивиды оказываются в непростой ситуации неизбежности, что может стать причиной эмоциональных нарушений. Подобная проблема довольно широко распространена в последние годы.

Стремление к достижению высоких стандартов в работе и личной жизни, часто сопровождаемое чрезмерной самокритикой и боязнью ошибок в психологии принято соотносить с **перфекционизмом**. Финансовая деятельность требует от специалистов исключительной точности, предельной внимательности и аккуратности, что усиливает их нереалистичные установки. Высокая ответственность за принимаемые решения, которые могут влиять на финансовые результаты компании, добавляет стрессовых факторов и служит подспорьем для проявления различных форм перфекционизма [1].

Поддержание высокой концентрации внимания и пребывание в постоянном напряжении влекут чрезмерную усталость, снижение профессиональной мотивации и эффективности у специалистов. Данные проявления схожи с симптомами **эмоционального выгорания**, под которым понимается состояние эмоционального истощения, деперсонализации и снижения личной успешности, в том числе и в профессиональном плане [2].

Следовательно, цель исследования заключалась в выявлении взаимосвязи эмоционального выгорания и перфекционизма у специалистов финансовой сферы.

Исследование. Выборка представлена 78 женщинами-специалистами финансовой сферы, занятыми в бухгалтериях и экономических отделах. Возраст участниц варьировался от 18 до 59 лет. Средний возраст составил 38,5 лет.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью: 1) опросника «Профессиональное выгорание» (ПВ) Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой, созданного на основе опросника Maslach Burnout Inventory (MBI) К. Маслач и С. Джексона (версия для менеджеров) [2]; 2) трехфакторного опросника перфекционизма Н.Г. Гаранян и А.Б. Холмогоровой [3]; 3) краткого дифференциального теста перфекционизма (КДТП) А.А. Золотаревой [4].

Полученные данные были подвергнуты обработке с использованием пакета SPSS Statistics (**критерии Колмогорова-Смирнова, t-Стьюдента, коэффициент корреляции Спирмена**).

В выборке у 29,5% респондентов зафиксирована низкая и средняя степень выгорания, у 37,2% – высокая, а у 33,3% – крайне высокая. При анализе компонентов эмоционального выгорания установлено, что наибольший вклад в высокие значения выгорания у специалистов финансовой сферы вносит деперсонализация, что вызвано спецификой деятельности. Такие специалисты склонны стремиться к эмоциональному дистанцированию от окружающих, в целях соблюдения конфиденциальности рабочей информации и/или выполнения значительного объема обязанностей, избегая эмоционального отвлечения на другие вопросы.

В ходе анализа в целом в выборке зафиксирован: у 37,2% респондентов – низкий уровень перфекционизма, у 48,7% – средний уровень, а у 14,1% – низкий уровень. Перфекционизм – многогранное явление, не только стимулирующее личность к самосовершенствованию, но порой носящее аутодеструктивный характер, последствиями чего могут стать чрезмерная тревога, избегающее поведение и т.д. Разновидность перфекционизма связана с достижимостью предъявляемых к себе и своей деятельности стандартов. При патологическом перфекционизме отмечается установка на недостижимые стандарты, что сопровождается чувством неудовлетворенности собой и страхом ошибок.

У большинства респондентов отмечен средний уровень нормального и патологического перфекционизма. Низкие уровни нормального перфекционизма отмечены у 32,1% выборки, а патологического – у 21,8% выборки. Высокий уровень перфекционизма выражен незначительно (7,7%

и 6,4% соответственно). Средние значения перфекционизма в разрезе степени выгорания представлены на рисунке.

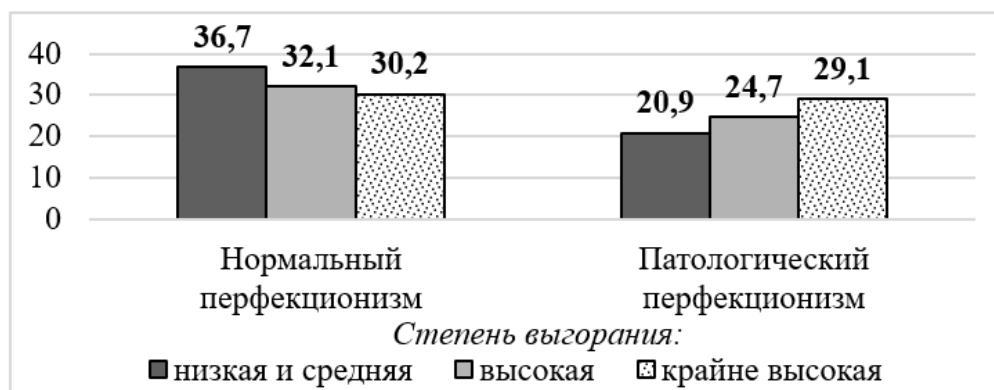

Рис. Средние значения нормального и патологического перфекционизма в разрезе степени эмоционального выгорания

Для специалистов с более высокой степенью эмоционального выгорания характерны более низкие значения нормального перфекционизма и более высокие значения патологического перфекционизма, чем у специалистов с низкой и средней степенью выгорания. Значения **нормального перфекционизма** у специалистов с низкой и средней степенью выгорания достоверно выше, чем у специалистов с высокой ($p=0,026$) и с крайне высокой ($p=0,026$) степенями эмоционального выгорания. Статистически значимые различия в выраженности **патологического перфекционизма** выявлены между специалистами с различными степенями выгорания: у «выгоревших» специалистов значения патологического перфекционизма достоверно выше ($p<0,05$).

С целью проверки гипотезы о наличии взаимосвязи эмоционального выгорания и перфекционизма у специалистов финансовой сферы был проведен корреляционный анализ.

Интегральный показатель эмоционального выгорания прямо связано с **перфекционизмом** ($\rho=0,340$ при $p=0,002$), а также с **озабоченностью оценками**, ($\rho=0,420$ при $p<0,001$) и **негативным селектированием** ($\rho=0,386$ при $p<0,001$). Другими словами, у специалистов финансовой сферы состояние выгорания сопровождается озабоченностью перед совершением ошибок, критикой руководства и сомнения в собственных действиях, а также склонностью к самокритике и прокрастинации, сниженной мотивацией и эффективностью на профессиональном поприще.

Помимо этого, **интегральный показатель эмоционального выгорания** обратно связан с **нормальным перфекционизмом** ($\rho=-0,401$ при $p<0,001$), а также положительно коррелирует с его **патологической фор-**

мой ($\rho=0,524$ при $p<0,001$). На фоне эмоционального выгорания нормальный перфекционизм может трансформироваться в патологический, характеризующийся сниженной способностью к поиску помощи и эмоциональной дезадаптацией (с симптомами тревоги, соматизацией и использованием неадаптивного копинга).

При этом *патологический перфекционизм* прямо связан с *эмоциональным истощением* ($\rho=0,437$ при $p<0,001$) и *деперсонализацией* ($\rho=0,381$ при $p=0,001$). Так, болезненное стремление к безупречности и к соответствию неразумным стандартам истощает специалистов, поскольку осознание недостижимости целей они чувствуют разочарование, а не удовлетворение. По этой же причине эти специалисты личностно отдаляются от своих коллег, опасаясь критики с их стороны, а также они считают недостаточным профессиональный вклад своих коллег, не склонных к патологическому перфекционизму.

Установлена отрицательная корреляция между *патологическим перфекционизмом* и *редукцией персональных достижений* ($\rho=-0,317$ при $p=0,005$). «Выгорающие» финансисты сильнее сомневаются в собственных возможностях, а стремление к завышенным и недостижимым стандартам отражается в неудовлетворенности своей профессиональной успешностью.

Таким образом, у специалистов с высоким уровнем выгорания отмечается усиление патологических перфекционистских установок, что проявляется в склонности к повышенной самокритике и стремлению компенсировать недостатки чрезмерными усилиями. Однако такие стратегии только усугубляют выгорание, приводя к хронической усталости и истощению физических и эмоциональных ресурсов. У выгоревших специалистов перфекционизм способствует развитию сильного чувства ответственности, связанного с ощущением невозможности достичь идеала.

Библиографические ссылки

1. Макклелланд, Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.
2. Водопьянова, Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2015. 212 с.
3. Гараян, Н.Г., Холмогорова, А.Б., Юдеева, Т.Ю. Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма : разработка трехфакторной версии. Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 3. С. 8–32.
4. Золотарева, А.А. Разработка и валидизация шкалы профессионального перфекционизма. Организационная психология. 2020. №4. С. 205–218.

СЕКЦИЯ 10. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

М. П. Бутылина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vyasyolkayt@gmail.com*

Научный руководитель – Ю. С. Смирнова, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта и социального капитала личности студентов в период ранней взрослости. Было обнаружено, что более высокий уровень эмоционального интеллекта связан с некоторыми показателями социального капитала личности и предпочтением в использовании определенных тактик его накопления.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; социальный капитал личности; тактики накопления социального капитала; ранняя взрослость.

Период ранней взрослости является ключевым этапом формирования личности, сопровождающимся активным развитием как эмоционального интеллекта, так и социального капитала. В этот период человек осваивает новые социальные роли, строит профессиональные и личные отношения, расширяет сеть контактов, что влияет на его адаптацию в обществе. Развитие эмоционального интеллекта и социального капитала оказывает значительное влияние на успешность взаимодействия с окружающими, способность к саморегуляции, устойчивость к стрессу и общую удовлетворенность жизнью.

Д. В. Люсин понимает под эмоциональным интеллектом способности к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. В структуре эмоционального интеллекта выделяет два «измерения»: межличностный и внутриличностный эмоциональные интеллекты. При этом каждый включает в себя способности к пониманию эмоций и управлению ими. Таким образом, «пересечение дает четыре вида эмоционального интеллекта» [1].

В социальной психологии под социальным капиталом личности понимают социальное богатство личности, которое выражается в совокупности ее межличностных связей, предоставляет ей доступ к различным ресурсам партнеров и дает возможность партнерам пользоваться ее ресурсами [2].

Выделяют 12 тактик накопления социального капитала личности: 1) выражение симпатии; 2) самопрезентация; 3) эмпатия и внимание; 4) подкуп; 5) открытость; 6) содействие; 7) уникальность; 8) разведка; 9) помощь; 10) мост; 11) общность; 12) напоминание о себе [2].

В проведенном исследовании приняли участие 107 студентов в возрасте от 20 до 25 лет мужского и женского пола (33 и 74 соответственно). Эмпирическими методиками исследования являются опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» Д. В. Люсина, анкета «Показатели социального капитала личности» Л. В. Марарицы, А. Л. Свенцицкого, Л. Г. Почебут и анкета «Тактики накопления социального капитала личности» Л. В. Марарицы, Л. Г. Почебут, А. Л. Свенцицкого, Т. В. Казанцевой, И. В. Кузнецовой. Полученные данные подверглись статистической обработке с помощью пакета статистических программ IBM SPSS Statistics 22.0. Процедура статистической обработки данных включала в себя корреляционный анализ Кендалла. Значимые различия определялись с помощью критерия Манна-Уитни и описательных статистик. Для установления различий в распределении признака применялся критерий хи-квадрата.

В ходе исследования было выявлено, что большинство респондентов продемонстрировали низкий и очень низкий уровень развития эмоционального интеллекта. При этом мужчины чаще, чем женщины, демонстрируют крайние значения – как очень низкие, так и высокие. Хотя статистически значимых различий по общему уровню эмоционального интеллекта между полами не выявлено ($p > 0,05$), мужчины показали более высокие показатели внутриличностного интеллекта ($p = 0,024$), а также лучшее понимание собственных эмоций ($p = 0,049$) и более эффективный контроль экспрессии ($p = 0,022$).

Полученные результаты частично подтверждают исследования о том, что у мужчин обнаруживаются более высокий уровень эмоционального интеллекта по внутриличностным показателям [3].

Существенные различия были выявлены между студентами разных направлений подготовки: студенты технических специальностей показали более высокий уровень внутриличностного эмоционального интеллекта ($p = 0,044$) и контроля экспрессии ($p = 0,017$) по сравнению со студентами гуманитарных специальностей. Это может указывать на боль-

шую склонность к саморефлексии и саморегуляции у студентов технических специальностей.

Также студенты, совмещающие учёбу с работой, продемонстрировали более высокий уровень как внутриличностного ($p=0,005$), так и межличностного эмоционального интеллекта ($p=0,027$), что, вероятно, связано с необходимостью более частого взаимодействия с людьми и управления своими эмоциями в профессиональной среде.

Что касается социального капитала, средний размер социального окружения студентов составляет около 211 человек, однако реальное число доверительных контактов гораздо ниже — круг доверия ограничивается в среднем менее чем пятью людьми. При этом мужчины в целом обладают более широким и разнообразным кругом общения, а также чаще проявляют инициативу во взаимодействии.

В сравнении с полученными результатами в исследовании Л. В. Марарицы, А. Л. Свенцицкого и Л. Г. Почебут [2], в котором к социальному окружению относили в среднем 111 человек, полученные нами результаты несколько больше. Такую разницу можно объяснить развитием интернет-коммуникации или, возможно, межпоколенческими различиями.

Наиболее предпочитаемыми тактиками накопления социального капитала оказались «Выражение симпатии», «Эмпатия и внимание» и «Помощь». У женщин в приоритете первая тактика, у мужчин — последняя, что может свидетельствовать о разной направленности стратегий: женщины склонны к эмоциональной поддержке, мужчины — к практической помощи.

Наименее предпочитаемыми тактиками являются «Мост», «Самопрезентация» и «Содействие». У женщин также наблюдаются такая же иерархия, в то время как у мужчин наименее предпочитаемой тактикой является «Самопрезентация», затем «Мост» и «Содействие» (таблица).

Ранжирование предпочитаемых тактик накопления социального капитала по среднему значению (ср. знач.) в общей выборке и среди мужчин и женщин

Тактика	Общая		Женщины		Мужчины	
	Ср. знач.	Ранг	Ср. знач.	Ранг	Ср. знач.	Ранг
Выражение симпатии	17,67	1	18,12	1	16,67	3
Самопрезентация	11,52	11	11,99	11	10,48	12
Эмпатия и внимание	17,38	2	17,53	2	17,06	2
Подкуп	12,91	8	13,09	8	12,48	8
Открытость	12,57	9	12,85	9	11,94	9
Содействие	12,29	10	12,50	10	11,82	10

Уникальность	13,63	6	13,55	6	13,79	6
Разведка	14,13	4	14,09	4	14,21	4
Помощь	17,06	3	17,01	3	17,15	1
Мост	10,75	12	10,61	12	11,06	11
Общность	13,57	7	13,43	7	13,88	5
Напоминание о себе	13,64	5	14,04	5	12,76	7

Меньшее использование тактики «Самопрезентация» можно интерпретировать так, что в современном мире студенты в меньшей мере беспокоятся о своем имидже перед другими, и в большей мере используют тактику «Разведка», пытаясь узнать об интересах и взглядах партнера, то есть больше ориентированы на партнера.

Работающие студенты чаще прибегают к разнообразным тактикам и в целом более удовлетворены своими социальными связями.

Также была выявлена статистически значимая разница между студентами технических и гуманитарных специальностей. Так, студенты технических специальностей чаще используют тактику «Уникальность» ($p=0,016$) в сравнении со студентами гуманитарных специальностей. Возможно, это связано с тем, что студенты технических специальностей отличаются большей аналитичностью мышления, что проявляется не только в учебной и профессиональной деятельности, но и в межличностных отношениях, то есть они в большей степени склонны обращать внимание на мелкие детали в том числе при общении с другими людьми.

Были выявлены статистически значимые различия в показателях социального капитала между мужчинами и женщинами. Так, мужчины в большей степени, чем женщины, считают, что отношения с другими способствуют успеху ($p=0,008$). Это согласуется с результатами других исследований [4]. Также мужчины проявляют больше инициативы в общении с другими ($p=0,012$), и имеют в своем окружении больше людей, чьи знания им полезны ($p=0,036$).

Наиболее важным результатом анализа стала выявленная тесная связь между уровнем эмоционального интеллекта и характеристиками социального капитала. В целом большинство корреляций выявлено с межличностными показателями эмоционального интеллекта. Это логично, учитывая, что социальный капитал по своей сути базируется на межличностных взаимодействиях.

Высокий уровень эмоционального интеллекта связан с большей склонностью к использованию таких тактик, как «Помощь» ($\tau=0,138$; $p<0,05$) и «Мост» ($\tau=0,160$; $p<0,05$).

Что касается мужчин, у них можно отметить выраженность взаимосвязей тактик с внутриличностными показателями эмоционального интеллекта, а также то, что почти все показатели эмоционального интеллекта коррелируют с тактикой «Помощь».

Более высокий уровень эмоционального интеллекта связан с большей удовлетворённостью отношениями ($\tau=0,408$; $p<0,01$), широтой круга общения ($\tau=0,130$; $p<0,05$), а также большим количеством полезных связей в окружении ($\tau=0,266$; $p<0,01$), но не с доверительным кругом.

Интересно, что среди женской части выборки общий эмоциональный интеллект коррелирует и с количеством людей, которым полностью доверяют ($\tau=0,214$; $p<0,05$).

В целом большинство показателей социального капитала связаны с межличностными показателями эмоционального интеллекта. Однако интересные взаимосвязи были выявлены и с внутриличностными показателями эмоционального интеллекта. Так, чем лучше понимание своих эмоций, тем ниже частота новых знакомств ($\tau=-0,162$; $p<0,05$). Возможно, это связано с тем, что в новых знакомствах нет необходимости и потребности, что и осознает студент.

Также была выявлена статистически значимая взаимосвязь между управлением своими эмоциями и количеством людей, к которым можно обратиться за помощью и поддержкой ($\tau=0,192$; $p<0,01$), а также с кругом людей, с которым регулярно общение ($\tau=0,170$; $p<0,05$). Также управление своими эмоциями коррелирует с количеством ресурсов партнеров ($\tau=0,223$; $p<0,01$). В целом можно сказать о том, что управление своими эмоциями помогает в общении и налаживании связей, из-за чего больше довольство отношениями и полезных связей.

Таким образом, высокий уровень эмоционального интеллекта способствует формированию более обширных и качественных социальных связей, большей удовлетворённости отношениями и использованию эффективных стратегий накопления социального капитала. Наиболее популярными тактиками накопления социального капитала стали «Выражение симпатии», «Эмпатия и внимание» и «Помощь». Присутствуют половые и профессиональные различия в показателях социального капитала личности, а также в предпочтении тех или иных тактик его накопления.

Библиографические ссылки

1. Люсин Д. В. Новая методика измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3-22.

2. Почебут Л. Г., Свенцицкий А. Л., Марарица Л. В., Казанцева Т. В., Кузнецова И. В. Социальный капитал личности. Москва : ИНФРА-М, 2014.

3. *Андреева И. Н.* Гендерные различия в выраженности инструментального и индивидуально-личностного эмоционального интеллекта // Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин) : сб. науч. ст. и материалов по итогам III Междунар. науч. конф., Витебск, 30 нояб. – 1 дек. 2012 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. Витебск, 2012. С. 604–606.

4. *Burt R. S.* The gender of social capital // *Rationality and Society*. 1998. №10. P. 5-46.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕЙ ЮМОРА И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ

А. С. Вавилов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phs.vavilov@bsu.by
Научный руководитель – Е.И.Цюхай, старший преподаватель*

В статье приводятся результаты исследования взаимосвязи стилей юмора и эмоционального интеллекта у студентов. Полученные данные подтвердили наличие прямой связи между аффилиативным стилем юмора и эмоциональным интеллектом (в основном межличностным), тогда как самоуничижительный стиль юмора обратно связан с эмоциональным интеллектом и его компонентами. Использование последнего скорее свидетельствует о нехватке у студентов навыков понимания и регуляции эмоций как собственных, так и окружающих.

Ключевые слова: аффилиативный стиль юмора; самоуничижительный стиль юмора; эмоциональный интеллект; студенты.

Восприятие и понимание юмора требует наличия достаточно развитого социального интеллекта, то есть способности понимать других и действовать определенным образом по отношению к окружающим [1]. Эмоциональный интеллект, по мнению Г.М. Кучинского, является при этом подструктурой социального интеллекта [2].

Эмоциональный интеллект фокусируется преимущественно на собственных эмоциональных аспектах, учет которых также важен в общении [1]. Именно в эмоциональном интеллекте выделяется ряд способностей социально коммуникативной направленности, в том числе и способность к перцептивно-интерпретативному распознаванию эмоций в межличностных отношениях [3].

Согласно модели Д.В. Люсина, позволяет распознавать собственные и чужие эмоции, идентифицировать и выражать их. Кроме того, понимая причины и следствия переживаемой эмоции, индивид может контролировать интенсивность экспрессии. Это явилось основанием для выделения внутриличностного и межличностного эмоционального интеллекта [4].

Способность к управлению эмоциями подразумевает возможность индивида при желании произвольно вызвать определенную эмоцию. Если рассматривать **юмор**¹ как аспект социальной компетентности, то он

¹ Юмор – способность посредством актуализации положительной эмоции (радости) вызывать у окружающих когнитивную оценку несоответствия, выражающаяся соответствующей мимикой и смехом [8].

может быть связан со способностями, входящими в конструкт эмоционального интеллекта. Например, использование юмора для поддержания оптимистического настроения перед лицом неприятностей отражает его функцию регулирования эмоций, тогда как сокрытие истинных переживаний или манипулирование другими выполняет функция манифестации эмоций и т.д. [5].

Цель исследования заключалась в установлении характера взаимосвязи предпочитаемых студентами стилей юмора и их эмоционального интеллекта.

Исследование. В выборку вошли 113 студентов гуманитарных специальностей белорусских УВО (64 девушки и 49 юношей) в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст – 19,9 лет).

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью: 1) Опросника стилей юмора Р. Мартина, в адаптации Е.М. Ивановой и соавт. [6]; 2) Опросника для измерения эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д.В. Люсина [7].

Статистическая обработка осуществлялась в пакете SPSS Statistics v. 22 с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Соотношение уровней эмоционального интеллекта респондентов представлены на рисунке 1. Как следует из рисунка, лишь у примерно 1/5 студентов отмечается высокий уровень какого-либо вида эмоционального интеллекта. У большинства студентов зафиксированы средний и низкий уровни эмоционального интеллекта.

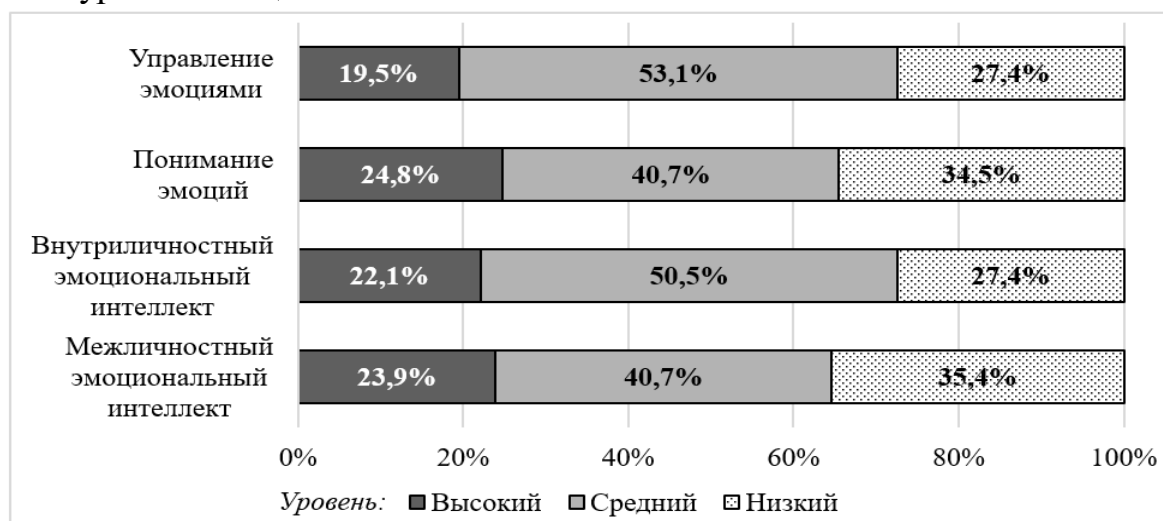

Рис. 1. Соотношение уровней различных видов эмоционального интеллекта

Средние значения предпочитаемых студентами стилей юмора приведены на рисунке 2.

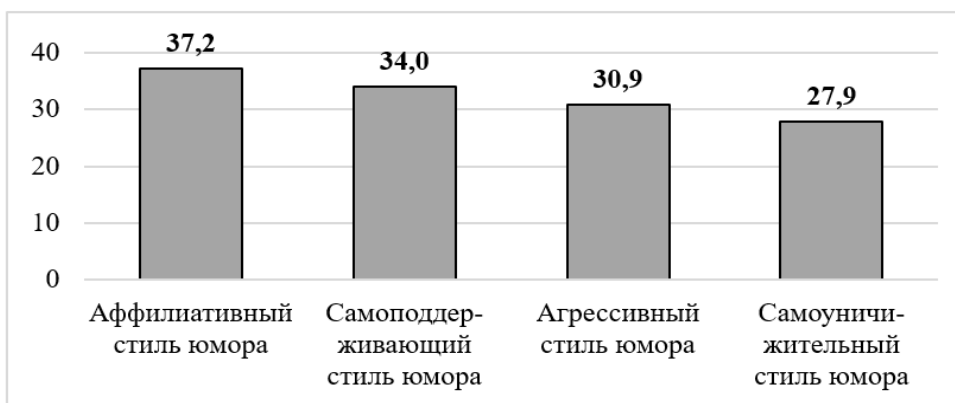

Рис. 2. Средние значения стилей юмора в целом по выборке

Как видно по рисунку 2, наиболее часто студенты прибегают к использованию адаптивных стилей юмора (аффилиативному и самоподдерживающему), а неадаптивные стили (агрессивный и самоуничижительный) встречаются реже.

При этом корреляционный анализ позволил выявить ряд прямых и обратных взаимосвязей между аффилиативным и самоуничижительными стилями юмора и эмоциональным интеллектом, а также его компонентами (рисунок 3).

Так, **аффилиативный стиль юмора** оказался прямо связан с общим показателем *эмоционального интеллекта* ($\rho=0,244$ при $p<0,01$), Студенты, умеющие не только распознавать свои эмоции, но и адекватно интерпретировать настроение окружающих, используют юмор для создания позитивного климата в общении и улучшения качества отношений.

Значимая прямая связь этого стиля юмора с *межличностным эмоциональным интеллектом* ($\rho=0,300$ при $p<0,001$), указывает на способность понимать эмоции других людей и эффективно управлять ими, что облегчает коммуникацию, способствует поддержанию позитивного эмоционального фона и комфортной обстановки.

Аффилиативный стиль юмора также прямо связан с *пониманием эмоций* ($\rho=0,196$ при $p<0,05$), в основном эмоций окружающих, что помогает студентам выстраивать взаимодействие таким образом, чтобы обмен доброжелательными шутками становился эффективным механизмом эмоциональной регуляции и взаимной поддержки. А прямая связь аффилиативного стиля юмора с управлением эмоциями (по большей части окружающих) ($\rho=0,248$ при $p<0,01$) может указывать на инструментальный характер юмора как одного из способов влияния на других.

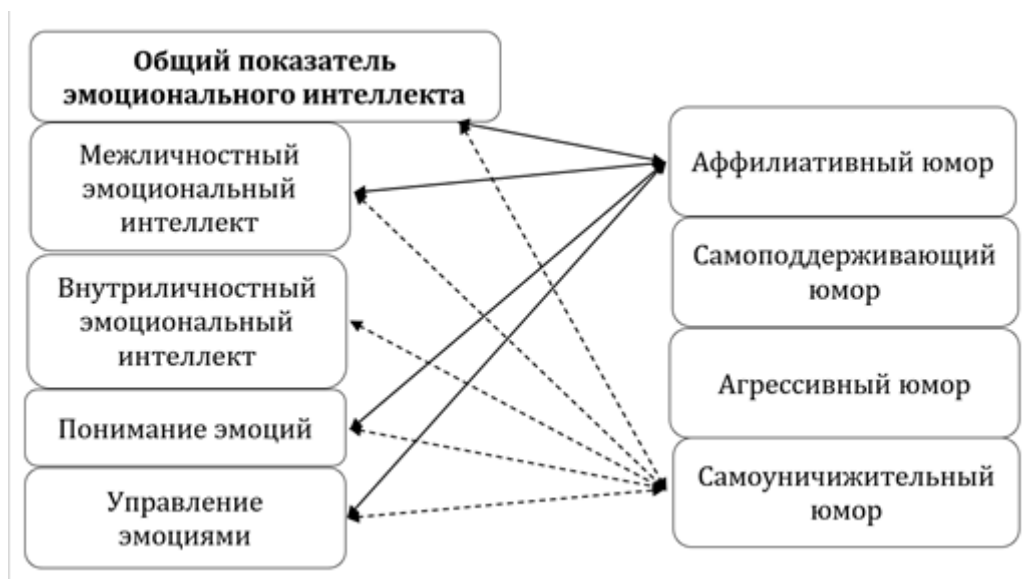

Рис. 3. – Значимые корреляционные связи между стилями юмора и эмоциональным интеллектом и

Также были выявлены обратные связи между **самоуничижительным стилем юмора** и эмоциональным интеллектом.

Значимая обратная связь установлена как с *общим показателем эмоционального интеллекта* ($r=-0,392$ при $p<0,001$), так и с *межличностным эмоциональным интеллектом* ($r=-0,242$ при $p<0,01$). Недостаточная межличностная эмоциональная компетентность может усиливать зависимость студента от внешней оценки. В этом контексте стремление к принятию окружающими проявляется в использовании самоуничижительных шуток как способа завоевания расположения в обществе.

Самоуничижительный стиль юмора слабо связан с *внутриличностным эмоциональным интеллектом* ($r=-0,382$ при $p<0,001$) и *управлением эмоциями* ($r=-0,382$ при $p<0,001$). Студенты, не способные справляться с собственными негативными переживаниями конструктивным образом, прибегают к самоуничижительным шуткам, что в перспективе только усиливает их эмоциональную нестабильность и подрывает уверенность в собственных возможностях.

Обратная связь самоуничижительного стиля юмора с *пониманием эмоций* ($r=-0,326$ при $p<0,001$) свидетельствует, что студенты, склонные к самоуничижительным шуткам, зачастую испытывают трудности в глубоком анализе эмоциональных сигналов как своих, так и окружающих.

Таким образом, использование аффилиативного стиля юмора способствует формированию позитивного климата, улучшению эмоционального взаимодействия и развитию общей эмоциональной компетентности, тогда как склонность к самоуничижительному юмору свидетельствует о дефиците необходимых навыков саморегуляции и понимания

эмоций как собственных, так и окружающих. Выявленные взаимосвязи между стилями юмора и компонентами эмоционального интеллекта могут послужить инструментом в работе психологов по развитию эмоциональной компетентности, что будет способствовать улучшению качества жизни и самоотношению студентов.

Библиографические ссылки

1. *Андреева, И.Н.* Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополюцк : ПГУ, 2011. 388 с.
2. *Кучинский, Г.М.* Социальное мышление как форма познавательной активности // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 10–17.
3. *Mayer, J.D., Salovey, P., Caruso, D.* Emotional intelligence : Theory, Findings, and Implications // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15, № 3. P. 197–215.
4. *Люсин, Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект : Теория, измерение, исследования. М. : Институт психологии РАН, 2004. С. 29–36.
5. *Хонский, С.И.* Содержательные и структурные характеристики эмоционального интеллекта юношей и девушек с агрессивным и самоуничижительным стилями юмора // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 127–134.
6. *Иванова, Е.М.* Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина / Е.М. Иванова [и др.] // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6, № 2. С. 71–85
7. *Люсин, Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
8. *Мартин, Р.* Психология юмора / пер. с англ. под ред. Л.В. Куликова. М. [и др.] : Питер, 2009. 478 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА И РАЗЛИЧНЫХ ТРУДНОСТЕЙ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

А. Е. Внучко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vnuckonasta@gmail.com
Научный руководитель – К. И. Татарко, кандидат психологических наук, доцент*

Работа представляет собой описание результатов исследования взаимосвязи переживания одиночества и различных трудностей межличностного общения у подростков. Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня одиночество является широко распространенным явлением среди подростков. Для разработки эффективных методов и программ поддержки требуется всестороннее понимание данного феномена, которое достигается исследованием факторов, затрудняющих его.

Ключевые слова: одиночество; переживание одиночества; межличностное общение; трудности межличностного общения; подростковый возраст.

Подростковый возраст – это период жизни, за который человек проходит важный путь в своем развитии. На данном этапе происходит формирование многих структур личности, например, самооценки, самосознания, самостоятельности. Индивид выходит на новый уровень социальной позиции, развивая сознательное отношение к себе и обществу, формируя собственное «Я».

В данной работе мы будем придерживаться определения Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева: «в наиболее общем виде одиночество можно определить как переживание собственной невовлеченности в связи с другими людьми» [4, с. 1].

Многие исследователи подчеркивают двойственность феномена переживания одиночества. С одной стороны, переживание одиночества можно расценивать как важное основание для становления самосознания. С другой стороны, некоторые исследователи отмечают, что одиночество является очень серьезной проблемой в подростковом возрасте, когда человек стремится к соединению со своей идентичностью во внешнем мире [5].

Существуют исследования, в которых обнаруживается связь между проблемами в межличностном общении и одиночеством.

С. Л. Вербицкая отмечает, что одинокие индивиды склонны перекладывать ответственность на других, избегать эмоциональной близости и контроля над отношениями, что ведет к изоляции и усилению одиночества. О. Б. Долгинова указывает на то, что одиночество у подростков

связано с трудностями в установлении отношений со сверстниками и стилями межличностного взаимодействия. Похожие результаты описаны в работе Л. Р. Абдурамановой [1; 2; 3].

С целью выявления взаимосвязи между переживанием одиночества и трудностями межличностного общения, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняло участие 60 человек в возрасте от 14 до 17 лет. Для выявления социально-психологических характеристик респондентов использовалась методика «Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3)» Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина, а также методика «Саморегуляция и успешность межличностного общения (СУМО)» В. Н. Куницыной. Были получены следующие результаты.

В исследуемой нами выборке уровень переживания одиночества различен, однако наиболее преобладающим является средний уровень выраженности данного переживания. По данной шкале были выявлены статистически значимые половые различия, согласно которым юноши испытывают одиночество на более высоком уровне, чем девушки ($p=0,006$). Такую тенденцию можно связать с тем, что мужчины часто зависят от социальных норм, которые поощряют их скрывать эмоции и не делиться своими переживаниями.

Были рассмотрены компоненты коммуникативных и личностных особенностей в подростковом возрасте. Данная методика включает несколько блоков: свойства, препятствующие построению контакта, способствующие контакту, личностные характеристики и состояния, отражающие ситуации возрастного или личностного кризиса. В данном исследовании интерес представляют первый и третий блоки.

Первый блок представлен личностными свойствами, которые препятствуют построению контакта и затрудняют его: агрессивность, застенчивость, аутичность, отчужденность, интроверсия, потенциальная конфликтность.

К наиболее распространенным личностным свойствам, затрудняющим межличностное общение, относятся: агрессивность (52%), аутичность (52%), интроверсия (63%). Так, для большинства подростков из выборки характерен умеренный уровень эмоциональной возбудимости и агрессивности. Респонденты не склонны избегать контактов и достаточно открыты для взаимодействия. Большинство сочетают черты интроверта и экстраверта, что говорит о способности быть как замкнутыми, так и открытыми в зависимости от ситуации.

В результате анализа данных были выявлены некоторые статистически значимые связи между уровнем выраженности различных личностных свойств и общим переживанием одиночества, зависимостью от общения и позитивным переживанием одиночества.

Так, была выявлена взаимосвязь с отчужденностью, аутичностью и интроверсией.

Между уровнем общего переживания одиночества и отчужденностью обнаружена статистически значимая прямая связь ($r=0,313$, $p=0,015$). Можно предположить, что слабость социальных связей и низкая степень включенности в социум может быть связана с повышением уровня переживания одиночества.

Также статистически значимая прямая связь была выявлена между уровнем переживания одиночества и аутичностью ($r=0,409$, $p=0,001$). Склонность индивида к избеганию контактов, ранимости и депрессии может увеличивать уровень переживания одиночества, поскольку затрудняет качество коммуникации с окружающими.

Статистически значимая прямая связь также обнаружена между уровнем переживания одиночества и уровнем интроверсии ($r=0,359$, $p=0,005$). Интроверсивные личности менее коммуникабельны и обращены в свой внутренний мир, из-за чего общий уровень переживания одиночества может повышаться.

Следующий блок представлен личностными характеристиками и состояниями, отражающими ситуации возрастного или личностного кризиса: фрустрация, невротизация, наличие личных проблем, удовлетворенность общением и чувство одиночества.

К наиболее распространенным личностным свойствам, отражающим ситуации возрастного или личностного кризиса, относятся: фрустрация (59%), наличие личных проблем (55%), удовлетворенность общением (57%). Большинство подростков могут испытывать раздражительность, усталость или бессилие в стрессовых ситуациях, но способны контролировать эмоции и справляться с фрустрацией. Респонденты временами сталкиваются с трудностями в общении или личными проблемами, однако эти трудности неустойчивы. По шкале «Удовлетворённость общением в близком кругу» подростки демонстрируют средний уровень, что указывает на неполное, но приемлемое чувство поддержки и понимания.

По данной шкале также были выявлены статистически значимая взаимосвязь.

Существует статистически значимая связь между уровнем переживания одиночества и невротизацией ($r=0,326$, $p=0,011$). Состояние повышенной возбудимости, депрессивность и неудовлетворенность сложившимися отношениями может способствовать росту чувства одиночества.

Статистически значимая прямая связь обнаруживается между уровнем переживания одиночества и фрустрированностью ($r=0,340$, $p=0,008$).

Высокий уровень фрустрации мешает совладанию с собственными эмоциями, способствует подверженности гневу и раздражительности, что может мешать качественному межличностному общению и повышать чувство одиночества.

Статистически значимая прямая связь также наблюдается между уровнем общего переживания одиночества и наличием личных проблем ($r=0,449$, $p=0,000$). Высокий уровень неудовлетворенности контактами и общением может приводить к повышению уровня одиночества.

Подводя итоги нашего исследования, можно сказать, что существует взаимосвязь между переживанием одиночества и характеристиками, которые могут затруднять выстраивание качественного межличностного общения. К ним относятся: отчужденность, аутичность, интроверсия, удовлетворенность коммуникацией с близким кругом общения, высокий уровень невротизации и фрустрации, которые вызывают трудности в сфере межличностного общения в подростковом возрасте.

Изучение и глубокое понимание проблемы одиночества в подростковом возрасте является важным, поскольку информированность в этом вопросе дает возможность качественной помощи, разработки методов и рекомендаций, направленных на облегчения текущего состояния.

Библиографические ссылки

1. *Абдураманова, Л. Р.*, Индивидуально-психологические особенности переживания одиночества в подростковом возрасте. Форум молодых ученых. 2017. №. 10. С. 6-13.
2. *Вербицкая, С. Л.*, Социально-психологические факторы переживания одиночества: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.05. СПбГУ. СПб, 2002. 20 с.
3. *Долгинова, О. Б.*, Одиночество и отчужденность в подростковом и юношеском возрасте : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.07. Рос. гос. пед. ун-т им. АИ Герцена. СПб, 1996. 18 с.
4. *Осин Е. Н., Леонтьев, Д.А.* Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства. Психология. Журнал высшей школы экономики. 2013. №. 1. С. 55-81.
5. *Хайдаршина, Р.Н., Тулитбаева, Г.Ф.* Психологические особенности переживания одиночества в подростковом возрасте [Электронный ресурс]. Проблемы и достижения современной науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф. , Нефтекамск, 27 мая, 2021 г. / Науч.изд. центр "Мир науки"; редкол.: А.И. Вострецов. — Нефтекамск, 2021. С. 493-498. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45844467>. Дата обращения : 20.04.2024.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ ПРИВЯЗАННОСТИ И УРОВНЯ ДОВЕРИЯ ИНДИВИДОВ С РАЗЛИЧНЫМ ОПЫТОМ БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЙ

В. В. Зелёная

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; vilazelya@gmail.com*

Научный руководитель – С. М. Ширко, кандидат психологических наук

Изучение феноменов привязанности и доверия в контексте исследования близких отношений является актуальным направлением в современной психологической науке. Это обусловлено тем, что близкие отношения являются общечеловеческой ценностью, которая оказывает влияние на психологическое благополучие личности. Понимание механизмов формирования привязанности и доверия способствует улучшению межличностного взаимодействия в различных типах близких отношений. Несмотря на достаточное количество работ, посвящённых изучению различных типов отношений, исследований характера связи привязанности и доверия именно в близких отношениях на данный момент в психологических исследованиях не представлено.

Ключевые слова: стиль привязанности; показатели доверия; близкие отношения; эмоциональная связь.

В современных психологических исследованиях понятие привязанности определяется как тесная эмоциональная связь между двумя индивидами, характеризующаяся непрерывным желанием находиться рядом и непосредственно принимать участие в жизни друг друга. Классификация стилей привязанности в романтических и супружеских отношениях представлена в двухфакторной модели индивидуальных различий привязанности взрослых: надёжный стиль, отстранённый, избегающе-опасающийся и зависимый стиль привязанности [1].

Согласно межличностной концепции J. B. Rotter, доверие имеет характер обобщённых ожиданий в отношении того, насколько можно положиться на слова или обещания другого [2]. А.Б. Купрейченко [3] выделила шесть уровней доверия: уровень единства, характеризующийся одинаковым восприятием мира, общими интересами, наличием общих целей; уровень надёжности, отражающий готовность в любой ситуации прийти на помощь и оказать поддержку; уровень приязни, характеризующийся симпатией, эмоциональным принятием и позитивной оценкой другого; уровень знания, который предполагает понимание действий и поступков партнёра; уровень расчёта, отражающий степень осознания и оценки рисков субъекта, связанных с доверием к другим индивидам, получение взаимной выгоды от партнёра; уровень недостатков, связанный

с представлениями о партнёре как о непредсказуемой, непонимающей и неприятной личности [3].

О.А. Екимчик с коллегами [4] определяют близкие отношения как вид межличностных отношений, как значимые, избирательные взаимосвязи субъектов, направленные на удовлетворение потребности в любви и принадлежности, основанные на аффилиативных чувствах и привязанности к партнёру, характеризующиеся интимностью, неформальностью, значимостью, долговременностью существования и эмоциональной глубиной. Близкие отношения являются родовым понятием, объединяющим партнёрские (романтические, супружеские, любовные, дружеские) и родственные отношения [4]. В проведенном исследовании феномены привязанности и доверия будут проанализированы в контексте романтических и супружеских типов близких отношений.

В исследовании применялся следующий инструментарий: «Опросник привязанности к близким людям», адаптированный Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширским и методика «Оценка доверия/недоверия личности другим людям» А. Купрейченко. Выборку исследования составили 120 респондентов в возрасте от 20 до 55 лет: 62 женщины и 58 мужчин, из них 25 женщин и 35 мужчин, состоящих в романтических отношениях; 37 женщин и 23 мужчины, состоящих в супружеских отношениях.

Для установления взаимосвязи между стилями привязанности и показателями доверия индивидов с различным опытом близких отношений был проведён корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена, согласно проверке на нормальность распределения выборки с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. В результате были получены следующие данные (таблица).

Взаимосвязь стиля привязанности и показателей доверия индивидов с различным опытом близких отношений

Стиль привязанности	Показатели доверия					
	Надёжность	Единство	Знание	Приязнь	Расчёт	Недостатки
Надёжный	$r = 0,294$; $p=0,01$	$r = 0,376$; $p=0,002$	$r = -0,020$; $p=0,862$	$r = 0,134$; $p=0,410$	$r = 0,130$; $p=0,155$	$r = 0,164$; $p=0,074$
Тревожно-озабоченный	$r = -0,134$; $p=0,144$	$r = -0,307$; $p=0,001$	$r = -0,007$; $p=0,938$	$r = 0,134$; $p=0,143$	$r = 0,130$; $p=0,158$	$r = 0,175$; $p=0,056$
Избегающе-отвергающий	$r = -0,151$; $p=0,099$	$r = -0,337$; $p<0,001$	$r = -0,016$; $p=0,862$	$r = -0,057$; $p=0,539$	$r = -0,073$; $p=0,428$	$r = 0,180$; $p=0,050$
Избегающе-опасающийся	$r = -0,319$; $p<0,001$	$r = -0,139$; $p=0,130$	$r = -0,166$; $p=0,071$	$r = -0,096$; $p=0,298$	$r = -0,183$; $p=0,044$	$r = 0,145$; $p=0,115$

Установлена умеренная положительная корреляция надёжного стиля привязанности и показателя доверия «надёжность» ($r = 0,294$; $p = 0,01$), а также умеренная положительная корреляция между надёжным стилем привязанности и показателем доверия «единство» ($r = 0,376$; $p = 0,002$). Это может свидетельствовать о том, что индивиды с надёжным стилем привязанности вступают в эмоционально здоровые отношения и придерживаются мнения, что их партнёр способен оказать помощь и поддержку в любой ситуации. Полученные результаты соотносятся с исследованием В.Н. Куницыной и Т.В. Казанцевой [5]. Согласно авторам, индивиды с надёжным стилем привязанности склонны считать, что в романтических и супружеских отношениях между партнёрами существует единство мнений, взглядов, целей и ценностей, общность жизненных принципов и убеждений [5].

Выявлена умеренная отрицательная связь между тревожно-озабоченным стилем привязанности и показателем доверия «единство» ($r = -0,307$; $p = 0,001$). Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что индивиды с тревожно-озабоченным стилем привязанности склонны сомневаться в том, что их партнёр в любой ситуации сможет отстоять их общие интересы и ценности. Данные результаты не соотносятся с результатами исследования Е.С. Полупановой [6]. Согласно автору, субъекты с тревожно-озабоченной привязанностью, в виду своей зависимости от партнёра, склонны считать, что в их близких отношениях демонстрируется безусловное единство ценностей, принципов и взглядов на жизнь.

Обнаружена умеренная отрицательная корреляция избегающе-отвергающего стиля привязанности и показателя доверия «единство» ($r = -0,337$; $p < 0,001$), а также слабая положительная корреляция избегающе-отвергающего стиля привязанности и показателя доверия «недостатки» ($r = 0,180$; $p = 0,050$). Это может свидетельствовать о том, что индивиды с избегающе-отвергающей привязанностью не заинтересованы в создании прочных доверительных романтических и супружеских отношений и легко могут пойти на разрыв, считая своего партнёра непонимающим, несоответствующим их взглядам и неразделяющим их позиций касательно отношений и жизни в целом. Данные результаты соответствуют исследованию привязанности в романтических отношениях R. Fraley [7]. Согласно автору, субъекты с избегающей привязанностью крайне редко обращаются за поддержкой к своему партнёру.

Установлена умеренная отрицательная связь избегающе-опасающегося стиля привязанности и показателя доверия «надёжность» ($r = -0,319$; $p < 0,001$), слабая отрицательная связь между избегающе-опасающимся стилем привязанности и показателем доверия «расчёт» (r

=-0,183; $p=0,044$). Данные результаты могут свидетельствовать о том, что индивиды с избегающе-опасающейся привязанностью склонны считать партнёра недостаточно надёжным в ситуации неопределённости, поэтому им характерны недоверие и проявления ревности в романтических и супружеских отношениях.

Статистически значимой связи между стилями привязанности и показателями доверия «знание» и «приятель» установлено не было. Отсутствие взаимосвязи можно объяснить спецификой выборки.

Таким образом, установлена взаимосвязь стиля привязанности и показателей доверия индивидов с различным опытом близких отношений. Можно констатировать, что существует значимая связь надёжного стиля привязанности и показателя доверия «надёжность» и «единство». Субъекты с надёжным стилем привязанности уверены, что их партнёр готов оказать помощь и поддержку в любой ситуации. Индивидам с надёжной привязанностью в романтических и супружеских отношениях характерна высокая степень совпадения со своим партнёром относительно интересов и взглядов на мир.

Библиографические ссылки

1. Horowitz, L. M. Attachment styles among young adults // The International Journal of Psychology. 1991. Vol. 21. P. 226–244.
2. Rotter, J. B. Interpersonal trust, trustworthiness, and gullibility // American Psychologist. 2000. Vol. 3. P.1–7.
3. Купрейченко, А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
4. Екимчик, О.А., Сапоровская, М.В., Опекина, Т.П. Близкие отношения: теоретический обзор исследований и концептуализация модели. Вестник Костромского государственного университета. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2021. Т.27, №4. С. 144–154.
5. Куницына, В. Н. Воспроизведение типов привязанности в отношениях с близкими людьми. Вестник Санкт-Петербургского университета: Психология. Социология. Педагогика. 2009. №1. С. 3–8.
6. Полупанова, Е. С. Связь доверия и удовлетворённости браком в супружеских парах с разной продолжительностью семейной жизни. Московский институт психоанализа, 2021.
7. Fraley, R. C. Adult romantic attachment // Review of General Psychology. 2000. Vol. 4. P. 132–154.

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А. А. Каминская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4;
220030, г. Минск, Беларусь, aliona33233@gmail.com
Научный руководитель – С. М. Ширко, кандидат психологических наук*

Изучение просоциального поведения в контексте анализа личностных факторов сегодня особенно актуально, поскольку позволяет переключить фокус внимания с девиаций на конструктивные проявления человеческой природы, в частности, различные формы помогающего поведения. В связи с этим особую важность приобретает изучение связи между усвоенными нормами просоциального поведения и индивидуальными особенностями личности. В данном теоретическом исследовании представлен анализ личностных предикторов, формирующих готовность к просоциальным действиям, а также рассмотрены механизмы, посредством которых эти предикторы реализуются в конкретном поведении, что позволит приблизиться к более полному пониманию структуры и психологических детерминант просоциального поведения.

Ключевые слова: просоциальное поведение; личностные факторы; альтруизм; мотивация; моральные убеждения; социальные нормы; эмпатия.

Понятие просоциального поведения занимает центральное место в современной психологической науке, привлекая внимание отечественных и зарубежных исследователей. В широком смысле, просоциальное поведение – это любые действия, направленные на благополучие других, даже с некоторым ущербом для себя, противоречащие эгоистическим мотивам и увеличивающие выгоды для окружающих.

В научной литературе существует достаточное количество определений этому феномену. Э. Аронсон и Т. Уилсон [1] акцентируют внимание на намеренной помощи. N. Eithenberg и P. Miller [2] определяют просоциальное поведение как добровольные действия, направленные на благо другого, при этом разграничивая альтруизм как бескорыстную помощь. G. Carlo [3] подчеркивает добровольность и направленность на благо других, особенно в подростковом возрасте. V. Zanden [4] рассматривает просоциальное поведение как широкий спектр действий, включающих симпатию, сочувствие, сотрудничество и альтруизм. Н.В. Молчанова [5] определяет его как действия, направленные на помощь без ожидания личной выгоды.

Согласно подходу G. Carlo [3], мы определяем просоциальное поведение как добровольные действия, направленные исключительно на благо других. Этот подход акцентирует внимание на добровольности, подразумевая, что просоциальные поступки совершаются по собственному

желанию, а не под принуждением или из-за ожидания выгоды, и их единственной целью является благополучие окружающих.

Современные исследования, проводимые как отечественными, так и зарубежными психологами, охватывают широкий спектр аспектов просоциальности, включая мотивы, компоненты и условия проявления. Однако, ключевой проблемой остается неоднозначность трактовки этого явления, обусловленная различиями в подходах, влиянием культурных норм и субъективностью оценки [6].

В основе просоциального поведения лежат различные факторы, такие как просоциальная мотивация, эмпатия, альтруизм, моральные убеждения и социальные нормы. Этот конструкт рассматривается с точки зрения различных подходов: как результат подкрепления, трансформации мотивов, стремления к добру или рациональной помощи.

Актуальной проблемой исследований является соотношение эгоистических и альтруистических мотивов в проявлении просоциального поведения, особенно учитывая, что такие действия часто сопряжены с затратами для помогающего. Возникает необходимость в понимании, какие личностные черты и внешние стимулы побуждают индивидов к проявлению просоциальности, несмотря на возможные издержки, и как эта взаимосвязь влияет на социальные отношения в целом.

В контексте изучения просоциального поведения, важно учитывать, что альтруизм, часто рассматриваемый как его ключевой компонент, может иметь сложную и неоднозначную мотивацию. С одной стороны, он может выступать в качестве искреннего стремления к помощи другим, а с другой – служить защитным механизмом для негативных проявлений.

Исследования показывают, что индивиды, проявляющие альтруистическое поведение, могут руководствоваться эгоистическими мотивами, стремясь к повышению самооценки, получению морального удовлетворения или улучшению своего социального статуса [7]. В связи с этим, необходимо учитывать, что внешне просоциальное поведение может быть обусловлено как искренним альтруизмом, так и скрытыми эгоистическими потребностями.

Необходимо отметить, что общей чертой проявлений такого поведения является противопоставление эгоизму. Помогаящее поведение, основанное на гуманистических принципах, является ключевым элементом, включающим воспитание готовности к помощи и развитие моральной стойкости.

Исследования просоциального поведения сталкиваются с рядом проблем, обусловленных сменой социальных ориентиров и сложностью процессов, лежащих в основе решений об оказании помощи.

Основными проблемами в рассмотрении феномена просоциального поведения являются: многоаспектность предикторов (соотношение

внутренних факторов, таких как нравственные нормативы, доверие и эмпатия, с внешними обстоятельствами), мотивацию альтруизма (дихотомия между эгоистическим расчетом «издержки-вознаграждения», где помощь рассматривается как взаимовыгодный обмен, и альтруистическим побуждением, основанным на социальных нормах, таких как ответственность [6]), влияние условий совместной деятельности в малых группах, особенности просоциальности в «помогающих профессиях», а также недостаточную изученность роли просоциального поведения в преодолении стресса и проявлений у респондентов зрелого возраста [8]. Особое внимание следует уделить нормативной регуляции просоциального поведения и уточнению структуры и роли эмпатии в принятии решений о помощи.

Следует подчеркнуть, что структура просоциального поведения личности – это сложный комплекс, включающий в себя различные компоненты и факторы, взаимодействующие между собой.

Психологические факторы формирования просоциального поведения представляют собой сложный комплекс взаимосвязанных элементов, определяющих склонность индивида к альтруистическим действиям и оказанию помощи другим. На ранних этапах формирования личности важную роль играют эволюционные механизмы, такие как родственный отбор и взаимный альтруизм, которые закладывают основу для просоциального поведения. Социальный контекст, особенно в подростковом возрасте, оказывает значительное влияние, формируя ценности и предоставляя возможности для проявления просоциальности через волонтерство и общественную деятельность.

Когнитивное и моральное развитие, включая способность к эмпатии, анализу моральных дилемм и осознанию последствий своих действий, является критически важным для формирования нравственных принципов и принятия ответственных решений. Развитие эмпатии и морального сознания позволяет личности не только понимать, но и чувствовать потребности других, а также формировать собственные моральные принципы, определяющие ее отношение к окружающим.

Самопринятие и позитивная самооценка способствуют развитию альтруистических мотивов, позволяя индивиду оказывать помощь, не ожидая личной выгоды. Просоциальная мотивация, связанная с желанием приносить пользу другим, а также усвоение социальных норм и ценностей, направляют личность на действия, приносящие пользу обществу и обеспечивающие психологическую защищенность [6]. Влияние индивидуальных ценностей и убеждений, а также ощущение личного благополучия и социальной связанности формируют внутреннюю мотивацию к просоциальным действиям, определяя готовность и стремление индивида к проявлению заботы и солидарности.

Кроме того, на формирование просоциальной субъектности влияют институциональные и нравственные нормы, ресурсы, обеспечивающие психологическую устойчивость и благополучие, групповая идентичность, национально-религиозные убеждения, гуманистическая ориентация, готовность к риску и низкий уровень эмоциональной напряженности. Важную роль играет востребованность просоциальности в обществе и формирование позитивного образа такого поведения, что способствует его закреплению в качестве желаемой социальной нормы и личностной характеристики, поддерживая тем самым развитие и проявление просоциального поведения на протяжении всей жизни.

Таким образом, просоциальное поведение представляет собой сложный психологический феномен, формирующийся под влиянием множества факторов, включая личностные характеристики, социальные нормы, эмоциональное состояние и контекст ситуации. Дальнейшие исследования позволят разработать комплекс практических рекомендаций по совершенствованию форм просоциального поведения у индивидов на различных возрастных этапах с учетом их индивидуально-психологических характеристик.

Библиографические ссылки

1. Аронсон, Э., Уилсон, Т., Эйкерт, Р. Психологические законы поведения человека в социуме / пер. Л. Ордановой [и др.]. М. : ОЛМА-Пресс ; СПб. : Прайм ЕВ-РОЗНАК, 2002. – 557 с.
2. Eisenberg, N., Miller, P. The relation of empathy to prosocial and related behaviors // Psychol. Bull. 1987. V. 101, № 1. P. 91–119.
3. Carlo, G. Early adolescence and prosocial/ moral behavior I: The role of individual processes // Journal of Early Adolescence. 1999. V. 19, № 1. P. 5–16.
4. Zanden, V. Social psychology. – N. Y. : McGraw – Hill, Inc., 1987. – 646 p.
5. Молчанова, Н. В. Просоциальное поведение как условие межкультурного взаимодействия // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2, вып. 1(5). С. 4–6.
6. Биндасова, О. В. Проблема концептуализации просоциального поведения // Машеровские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. Том 1 / Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова. Витебск, 2022. С. 174–176.
7. Rodrigues, J. You get what you deserve! Reactance, greed and altruism in the dictator game with offer suggestions by the receiver // Personality and Individual Differences. – 2022. № 185. P. 1112–1121.
8. Raposa, E. B. Prosocial behavior mitigates the negative effects of stress in everyday life // Clinical Psychological Science. 2016. V. 4, № 4. P. 691–698.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТАХ

Д. В. Лебедев

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4;
220030, г. Минск, Беларусь, lebedzev.daniil@gmail.com
Научный руководитель — Ю. С. Смирнова, кандидат психологических наук, доцент*

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи личностных особенностей и поведения студентов в межличностных конфликтах. Установлено, что студенты, более склонные к экстраверсии, имеют тенденцию к использованию компромисса как стратегии поведения в конфликте, а студенты, имеющие тенденцию к волевой регуляции поведения, склонны использовать стратегии соперничества и компромисса. Полученные результаты могут быть использованы психологами и преподавателями при работе со студентами для разрешения возможных конфликтов.

Ключевые слова: межличностный конфликт; личностные особенности; поведение; стратегии поведения в конфликте; студенты.

Несмотря на многолетнюю историю исследования межличностных конфликтов в целом и взаимосвязи личностных особенностей и поведения в межличностных конфликтах в частности, полученные данные дают неоднозначные результаты [5, с. 14-15].

Согласно определению А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова, конфликтное поведение состоит из противоположно направленных действий участников конфликта. Этими действиями реализуются скрытые от внешнего восприятия процессы в мыслительной, эмоциональной и волевой сферах. Поскольку действия оппонентов в большей степени влияют друг на друга, вытекают из предыдущих действий другого, то есть взаимообуславливаются, то в любом конфликте они преобретают характер взаимодействия [1, с. 253].

На специфику конфликтного поведения помимо объективных предпосылок оказывают влияние различные психологические характеристики оппонентов. На основе анализа работ Н. В. Гришиной, А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова, мы свели эти характеристики к следующим пунктам [1, с. 251-253; 2, с. 292-295]: психологические ориентации; мотивы; потребности; интересы; ценности (как общечеловеческие, так и личностные); цели; позиция.

С целью установления взаимосвязи личностных особенностей и поведения в конфликтах было проведено эмпирическое исследование. Выборку исследования составили студенты. Интерес к изучению именно их

поведения в конфликте обусловлен тем, что студенческая среда характеризуется рядом особенностей, таких как социально-психологическое неравенство её участников и наличие представителей множества национальностей и религий [3, с. 2].

В исследовании приняли участие 40 студентов в возрасте от 18 до 23 лет. Из них 27 респондентов женского пола и 13 – мужского. 25 человек получают образование социально-гуманитарного профиля, а оставшиеся 15 – естественно-научного и технического.

Для сбора эмпирических данных использовались: пятифакторный опросник личности (5PFQ), разработанный японским исследователем Х. Тсуйи и адаптированный в 1996-99 годах на кафедре общей и социальной психологии КГУ [5]; тест описания поведения К. Томаса в адаптации Н. В. Гришиной [4, с. 172-176]. Статистический анализ проводился с использованием рангового коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты корреляционного анализа между стратегиями поведения в конфликте и факторами – общими особенностями в структуре личности – представлены ниже (Таблица 1).

Таблица 1

Статистически значимые коэффициенты корреляции между стратегиями поведения в конфликте и личностными особенностями

Название шкалы	экстра- версия- интровер- сия	привязан- ность- отделён- ность	контроли- рование- естествен- ность	эмоцио- нальность- сдержан- ность	игри- вость- практич- ность
Соперничество	-	-	-0,318*	-	-
Сотрудничество	-	-	-	-	-
Компромисс	-0,501**	-	-0,313*	-	-
Избегание	-	-	-	-	-
Приспособление	-	-	-	-	-

Примечания. * – корреляция на уровне 0.05, ** – корреляция на уровне 0.01.

Была выявлена умеренная отрицательная взаимосвязь между первым фактором «экстраверсия-интроверсия» и предпочтением стратегии компромисса ($r_s = -0,501$; $p = 0,001$). Это означает, что студенты, более склонные к экстраверсии, имеют тенденцию к использованию компромисса как

типа поведения в конфликте. Можно предположить, что открытость экстравертов к контактам с другими людьми и их общительность способствует межличностной коммуникации в конфликте и, как следствие, приводит к компромиссу.

Была обнаружена умеренная отрицательная взаимосвязь между фактором 3 «контролирование-естественность» и стратегиями соперничества ($r_s = -0,318$; $p = 0,046$) и компромисса ($r_s = -0,313$; $p = 0,049$). Это означает, что студенты, имеющие тенденцию к волевой регуляции поведения, склонны использовать стратегии соперничества и компромисса при конфликтном взаимодействии. Первую корреляцию можно связать с настойчивостью и принципиальностью студентов, не желающих уступать свои позиции в конфликте, что приводит к использованию соперничества как предпочитаемой тактики. Вторую корреляцию можно объяснить добросовестностью, сознательностью и ответственностью студентов, которые проявляют приверженность своим моральным и общечеловеческим принципам, что стимулирует их использовать компромисс как способ конструктивного урегулирования противоречий с достижением поставленных целей обеими сторонами.

Мы также провели корреляционный анализ отдельно для мужской и женской выборок (таблицы 2 и 3).

Таблица 2

Статистически значимые коэффициенты корреляции между стратегиями поведения в конфликте и личностными особенностями студентов-юношей

Название шкалы	экстра- версия- интровер- сия	привязан- ность- отделён- ность	контролиро- вание- естествен- ность	эмоцио- нальность- сдержан- ность	игри- вость- практич- ность
Соперничество	-	-	-	-	-
Сотрудничество	-	-	-	-	-
Компромисс	-0,557*	-	-	0,698**	-
Избегание	-	-	-	-	-
Приспособление	-	0,570*	0,855**	-	-

Примечания. * — корреляция на уровне 0.05, ** — корреляция на уровне 0.01.

Таблица 3

Статистически значимые коэффициенты корреляции между стратегиями поведения в конфликте и личностными особенностями студентов

Название шкалы	экстра- версия- интровер- сия	привязан- ность- отделён- ность	контролиру- вание- естествен- ность	эмоцио- нальность- сдержан- ность	игри- вость- практич- ность
Соперничество	-	-	-0,387*	-	-
Сотрудничество	-	-	0,505**	-	-
Компромисс	-0,469*	-	-	-	-
Избегание	-	-	-	-	-
Приспособление	-	-	-	-	-

Примечания. * — корреляция на уровне 0.05, ** — корреляция на уровне 0.01.

У студентов мужского пола наблюдается умеренная отрицательная взаимосвязь между фактором 1 «экстраверсия-интроверсия» и стратегией компромисса ($r_s = -0,557$; $p = 0,048$), умеренная положительная взаимосвязь между фактором 4 «эмоциональность-сдержанность» и стратегией компромисса ($r_s = 0,698$; $p = 0,008$), умеренная положительная взаимосвязь между фактором 2 «привязанность-отделённость» и стратегией приспособления ($r_s = 0,570$; $p = 0,042$) и сильная положительная взаимосвязь между фактором 3 «контролирование-естественность» и стратегией приспособления ($r_s = 0,855$; $p < 0,001$).

Положительная связь между фактором 4 и стратегией компромисса означает, что эмоционально сдержанные студенты чаще пользуются стратегией компромисса. Вероятно, их эмоциональная зрелость и реалистичный взгляд на мир способствуют установлению контакта с оппонентом и приходу к компромиссу. Положительная связь между фактором 2 и стратегией приспособления означает, что студенты, проявляющие отделённость от остальных, предпочитают приспособление как тип поведения в конфликте. Можно предположить, что нежелание этих студентов взаимодействовать с другими, при ограничении возможностей рамками студенческой группы, вынуждает их уступать оппонентам как вариант избегания эскалации. Положительная связь между фактором 3 и стратегией приспособления означает, что студенты, редко проявляющие волевые качества, предпочитают стратегию приспособления. Это можно объяснить отсутствием настойчивости в достижении своих целей и не-

желанием усложнять свою жизнь лишним конфликтом, из-за чего таким студентам легче уступить оппоненту, нежели пытаться бороться или искать конструктивное решение.

В женской выборке наблюдается умеренная отрицательная взаимосвязь между фактором 1 «экстраверсия-интроверсия» и стратегией компромисса ($r_s = -0,469$; $p = 0,014$), умеренная отрицательная связь между фактором 3 «контролирование-естественность» и стратегией соперничества ($r_s = -0,387$; $p = 0,046$), а также умеренная положительная – со стратегией сотрудничества ($r_s = 0,505$; $p = 0,007$).

Умеренная отрицательная взаимосвязь между фактором 3 и стратегией соперничества означает, что студенты с волевой регуляцией поведения предпочитают стратегию соперничества. Вероятно, настойчивость в достижении своих целей, а также стремление к точности и полноте их выполнения может мешать таким студентам в налаживании контакта с другой стороной, что приводит к соперничеству. Умеренная положительная взаимосвязь между фактором 3 и стратегией сотрудничества означает, что студенты, редко проявляющие волевые качества, предпочитают стратегию сотрудничества. Можно предположить, что это происходит из-за их нежелания вступать в конфликт и «усложнять свою жизнь». Таким студентам легче договориться и разрешить столкновение, чем эскалировать его или откладывать конфликт на потом.

Библиографические ссылки

1. *Анциупов А. Я., Шитлов А. И.* Конфликтология: Учебник для вузов. 7-е изд. СПб.: Питер, 2020. 560 с.
2. *Гришина Н. В.* Психология конфликта. 3-е изд. СПб: Питер, 2021. 576 с.
3. *Зверко М. В.* Причины и особенности межличностных конфликтов в студенческой среде // Вопросы студенческой науки [Электронный ресурс] 2019 №5 (33) – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-osobennosti-mezhlichnostnyh-konfliktov-v-studencheskoy-srede?ysclid=m9hjm36r65435327290>. (дата обращения : 10.04.2025).
4. *Кудряшов А. Ф.* Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации. Петрозаводск: «петроком», 1992. 318 с.
5. *Хромов А. Б.* Пятифакторный опросник личности. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000. 23 с.
6. *Patel N.* The Role of Personality in Conflict Management Styles // Researchgate [Electronic resource]. 2016. URL : <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.11931.90408>. (Date of access : 09.04.2025).

СТРАТЕГИИ КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

А. И. Мартынова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, Alina.martynova@tut.by*

Научный руководитель — Ю. С. Смирнова, кандидат психологических наук

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи конфликтного поведения и эмоционального интеллекта мужчин и женщин в период ранней взрослости. При более высоком уровне эмоционального интеллекта индивиды в период ранней взрослости более склонны к сотрудничеству в конфликтах, при более низком уровне эмоционального интеллекта больше склонность к избеганию конфликта. Различия в стратегиях поведения в конфликте и показателях эмоционального интеллекта мужчин и женщин не обнаружены.

Ключевые слова: конфликт; стратегии поведения в конфликте; эмоциональный интеллект; период ранней взрослости.

Конфликтом является сложное многоаспектное явление, объективно существующее в жизни каждого человека и определяемое через столкновение, противоречие, противостояние, противоборство и другие понятия, характеризующие разного рода взаимоотношения сторон. В психологии конфликт – это столкновение разнонаправленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов субъектов взаимодействия, фиксируемых ими в жесткой форме [1].

В данной работе мы использовали схему Томаса-Килменна, согласно которой существует пять стратегий поведения в конфликте:

1. Сотрудничество, когда конфликтующие стороны вступают в диалог и находят выход, который помогает каждой из них максимально реализовать свои интересы и сохранить долгосрочные партнерские отношения.

2. Компромисс – поведение, основанное на взаимных уступках.

3. Конфронтация, когда стороны нацелены на удовлетворение личных интересов в ущерб интересам другой стороны.

4. Приспособление, при котором одна из конфликтующих сторон полностью отказывается от своих интересов в пользу другой стороны.

5. Уклонение: конфликтующие стороны не вступают в переговоры, не пытаются реализовать свои интересы или интересы другой стороны [5].

А также нами был использован подход Н.И. Леонова, согласно которому существует 5 стратегий невербального поведения в конфликте:

1. Партнерская, которая заключается в готовности удовлетворять интересы обеих сторон в совместной деятельности, понять внутренний мир другого человека, обращать внимание на позитивные проявления оппонента, снижать роль негативных эмоций, установка на миротворчество.

2. Нейтрально-независимая: отсутствие определенной позиции или ее неопределенности на момент разговора. Невербальные сигналы могут быть сдержанными, без выражения сильных эмоций, характерна возможность отсрочить во времени решение проблемы, отстраненно посмотреть на нее со стороны, всё взвесить, оценить адекватность своих следующих шагов, исходя из поставленных перед собой целей.

3. Конфликтная, соперничающая направлена прежде всего на удовлетворение потребности самоутверждения и вытеснение внутренних страхов, например, возможных ошибок в общении. Реальный результат беседы подменяется приобретением психологической выгоды.

4. Защитно-неуверенная – это способ предохранения себя от воздействий, которые, на его взгляд, могут привести к сильным внутренним переживаниям, способных дезинтегрировать личность. На данный момент человек не находит в себе ресурсы и силы противостоять внешним негативным факторам. Защитные невербальные приемы: закрытые напряженные позы (скрещенные руки и ноги), жесты самоконтроля, жесты проявления тревоги и нервозности, взгляды выражающие сомнения, подозрения, ограждение себя предметами.

5. Манипулятивная: невербальное поведение используется для манипуляции собеседником. Это может включать обманчивые жесты, фальшивую эмоциональность или преувеличение реакций. Цель – добиться выгоды за счет другого человека, что может привести к недоверию и долгосрочным негативным последствиям в отношениях [4].

Поведение в конфликте напрямую связано эмоциональным интеллектом – со способностью человека понимать и управлять своими и чужими эмоциями. Эмоциональный интеллект представляет собой совокупность умственных способностей, связанных с обработкой эмоциональной информации. Согласно смешанной модели эмоционального интеллекта Н. Холла, основными компонентами эмоционального интеллекта являются эмоциональная осведомленность, управление личными эмоциями, личная мотивация, эмпатия, определение эмоций других людей.

В исследовании приняли участие 180 респондентов в возрасте от 20 до 40 лет (ранняя зрелость), из которых 95 женщины и 85 мужчин.

Для сбора данных использовались следующие методики: опросник стратегий поведения в конфликте К. Томаса (в адаптации Н.В. Гришиной), опросник стратегий невербального поведения в конфликте Н.И. Леонова, методика диагностики эмоционального интеллекта Н. Холла. В рамках исследования были проанализированы как вербальные, так и невербальные стратегии поведения в конфликте у респондентов в период ранней взрослости. Выявлено, что у респондентов в период ранней взрослости преобладают гибкие и разнообразные стратегии поведения в конфликте, как на уровне словесной коммуникации, так и невербального поведения. Преобладание сотрудничества и высокая выраженность соперничества указывают на стремление респондентов отстаивать свои интересы, при этом активно ища пути к взаимопониманию. Средние значения для различных стратегий поведения в конфликте приведены в таблице.

Таблица

Стратегии поведения в конфликте в период ранней взрослости

Стратегия поведения в конфликте	Среднее значение	Стандартное отклонение
Соперничество	5,51	3,59
Сотрудничество	5,79	3,72
Компромисс	4,93	3,55
Избегание	5,21	3,67
Приспособление	5,17	3,65
Партнерская стратегия	4,34	3,03
Нейтрально-независимая стратегия	4,52	2,87
Конфликтная/соперничающая стратегия	4,63	2,94
Защитно-неуверенная стратегия	4,29	2,96
Манипулятивная стратегия	4,27	3,09

Выявленные нами результаты анализа эмоционального интеллекта у респондентов в период ранней взрослости указывают на средний или умеренно высокий уровень развития ключевых компонентов эмоционального интеллекта. Наиболее выраженными оказались такие навыки, как эмпатия и управление своими эмоциями, тогда как самомотивация демонстрирует наибольшую вариативность. Это свидетельствует о зрелости эмоциональной сферы большинства респондентов.

В результате проведенного корреляционного анализа было выявлено следующее: чем выше эмоциональная осведомленность, тем выше показатель сотрудничества ($r_s=0,920$); чем выше уровень управления своими эмоциями, тем выше склонность к сотрудничеству ($r_s=0,886$);

чем выше самомотивация, тем менее выражено соперничество ($r_s = -0,911$), и более выражена манипулятивная невербальная стратегия поведения в конфликте ($r_s = 0,172$); чем выше уровень эмпатии, тем выше склонность к сотрудничеству ($r_s = 0,889$) и ниже показатели защитно-неуверенной невербальной стратегии поведения в конфликте ($r_s = -0,156$); чем выше способность управлять эмоциями других, тем ниже склонность к избеганию конфликта ($r_s = -0,639$) и более выражена защитно-неуверенная невербальная стратегия поведения в конфликте ($r_s = 0,168$); чем выше общий эмоциональный интеллект, тем менее выражены соперничество ($r_s = -0,363$) и избегание ($r_s = -0,204$), а также выше уровень сотрудничества ($r_s = 0,803$).

Статистически значимых различий в стратегиях поведения в конфликте и показателях эмоционального интеллекта мужчин и женщин не обнаружено.

Таким образом, показатели эмоционального интеллекта взаимосвязаны со стратегиями поведения мужчин и женщин в конфликтах в период ранней взрослости. При более высоком уровне эмоционального интеллекта в период ранней взрослости индивиды более склонны к сотрудничеству в конфликтах, при более низком уровне эмоционального интеллекта более выражена склонность к избеганию конфликта.

Библиографические ссылки

1. *Аверина К.Н.* Связь самооценки со стилями поведения в конфликте у мужчин и женщин ранней взрослости // Конфликтология. 2018. № 4. С. 32-41.
2. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.academic.ru>.
3. *Гришина Н. В.* Психология конфликта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/natalya-grishina/psihologiya-konflikta>.
4. *Леонов Н. И.* Психология конфликтного поведения [Электронный ресурс] / Автореферат на соискание уч. степени доктора психол. наук. URL: <https://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-05/dissertaciya-psihologiya-konfliktnogo-povedeniya>.
5. Практическая психология: учебно-методическое пособие / Под ред. С.В. Кондратьевой. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. 211 с.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В РЕАКЦИЯХ НА СИТУАЦИЮ ПРОВОКАЦИИ АГРЕССИИ У СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ РЕГУЛЯЦИИ ГНЕВА

К. Ж. Попова

*Белорусский государственный университет, Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, email: kseniapopova35@gmail.com*

Научный руководитель — И. А. Фурманов, доктор психологических наук, профессор

Данная работа посвящена исследованию половым различиям во взаимосвязи реакций на ситуацию провокации агрессии и характеристик регуляции гнева. Результаты исследования указывают на то, что существуют половые различия в реакциях на ситуацию провокации.

Ключевые слова: агрессия, гнев; регуляция гнева; половые различия; ситуация провокации агрессии.

Проведенное исследование помогло установить половые различия во взаимосвязи реакций на ситуацию провокации агрессии и характеристик регуляции гнева. На основе анализа научной литературы и эмпирических данных были сделаны следующие выводы.

Эволюционное значение гнева состоит в мобилизации энергии для активной самозащиты индивида. Многие считают эмоцию гнева отрицательной и говорят о ее негативной роли, что не до конца является правдой. Валентность эмоции зависит от ситуации, как было сказано ранее, гнев выполнял роль активатора самозащиты, что в процессе эволюции оказало положительное влияние на выживание человечества. В наше время гнев также важен, но уже используется не только для самозащиты [1].

Ситуацией провокации агрессии можно понимать любую ситуацию, в которой на нас могли подействовать авersive стимулы, неправильное толкование ситуации, атака или влияние на нас негативного аффекта, которые запускают реакцию гнева, т.е. любая угроза для личности.

Вариативность поведения в ситуации провокации обусловлена множеством факторов, например, что за ситуация, был ли прямой акт проявления враждебности или нет, как человеком воспринимается агрессия. Разные модели рассматривают возникновение гнева с разных сторон, сторонники фрустрационной модели – как реакцию на фрустрацию, авersive-стимулированной – как реакцию на авersive стимулы. То, как поведет себя человек в ситуации провокации, будет в последующем определять, адаптивная или нет реакция была в прошлые разы,

так как адаптивность реакции определяется тем, насколько она помогла ранее.

В зависимости от того, в какой ситуации находится человек, он должен использовать те реакции, которые помогут его адаптации, и реакция может быть произвольной или непроизвольной. Когда человек сталкивается с провокацией, существует ряд стратегий регуляции эмоций, которые он может использовать, чтобы справиться с неприятным событием.

Сравнивая отличия в характеристиках регуляции гнева, анализ показал, что студенты-мужчины чаще направляют гнев на себя ($p=0,039$), что коррелирует с значительно более высокими показателями по шкале контроля гнева студентов ($p=0,026$), нежели студенток. Мужчин с раннего возраста приучают контролировать проявления своих эмоций, так как мужчины отдают предпочтение физическому выражению гнева, а женщин не приучают контролировать, так как студентки предпочитают вербальное и косвенное выражение гнева. В исследовании Т.В. Нечепуренко [2] о представлении студентов о мужской агрессивности, говорилось о том, что парни используют ее как инструмент для достижения целей, чаще всего применяя физическую агрессию. Вследствии того, что показатели по шкале контроля гнева высокие, гнев фрустрируется и студенты-мужчины направляют гнев на себя. Из этого следует, что студенты в юношеском возрасте чаще проявляют гнев, направляя его на себя, чем студентки. Аутоагрессия выражается не только в невербальном, но и в вербальном поведении, например, самоповреждении, самообвинении и т.д.

Исследуя различия в реакциях на ситуацию провокации агрессии, студентки чаще прибегают к пассивной агрессии ($p=0,038$) и бегству из ситуации ($p=0,020$). Дифференциации могут способствовать различные факторы. В частности, отношение общества к проявлениям мужской и женской агрессии (например, девочки, за проявления прямой, физической агрессии чаще всего получают отрицательное подкрепление). Исходя из этого, у мальчиков и девочек наблюдаются различия в ожиданиях успеха, связанных с проявлением агрессии. Достижение успеха (положительного подкрепления) мужчины чаще всего связывают с проявлением силы, физической агрессии. Женщины, наоборот, избегая социального наказания, вуалируют проявления агрессии, избирая косвенные пути ее выражения, например, пассивную агрессию и бегство из ситуации[3].

Выявлены статистически значимые связи **состояния гнева** и асертивной реакции у студентов-женщин ($r=0,468$, $p=0,018$). Исходя из сказанного ранее, можно сделать вывод, что в **состоянии гнева**, студентки

прибегают к ассертивной реакции чаще, чем к другим видам реакций. Можно сделать вывод, что при состоянии гнева на пике эмоции, происходит зависимость с реакцией на ситуацию провокации в виде ассертивной реакции.

Также есть статистически значимая взаимосвязь между **гневом как чертой** личности и активной агрессией. **Гнев как черта** с активной агрессией у студентов-женщин ($r=0,622$, $p=0,001$), что говорит нам при выраженной агрессивности как черте, студентки будут реагировать проявлением своего гнева, как в вербальной, так и невербальной форме.

Гетерогнев взаимосвязан с активной агрессией ($r=0,627$, $p=0,000$) и отрицательной связью с пассивной агрессией ($r=-0,426$, $p=0,020$). Взаимосвязь гнева, направленного вовне и активной агрессии, и отрицательной взаимосвязи с пассивной агрессией, говорит о том, что студенты-женщины в ситуации провокации агрессии чаще будут прибегать к открытой форме выражения гнева, как вербальное выражение гнева (использование оскорблений), так и через невербальное.

Гнев как черта личности с активной агрессией у студентов-мужчин ($r=0,396$, $p=0,041$) и обратная связь с бегством из ситуации ($r=-0,378$, $p=0,052$). Опираясь на биологическую теорию, можно сказать, что у мужчин тестостерон в крови значительно выше, и мужчинам с высокими показателями тестостерона будет чаще встречаться гнев, как черта личности, и при этом они будут действовать в открытой форме. Это также подкрепляется обратной связью с бегством из ситуации.

В социобиологической модели акцент делается на приспособительной ценности мужской агрессии. Проявление агрессии часто рассчитано на демонстрацию их статуса и власти [4].

Реакция гнева с активной агрессией ($r=0,482$, $p=0,011$). Ситуативный гнев у студентов-мужчин вызывает моментальную активную агрессию как ответ на ситуацию провокации.

Гнев как черта личности и у мужчин, и у женщин имеет сильную взаимосвязь с активной агрессией и обратную связь с бегством из ситуации. Это указывает, что мужчины, с **гневом как чертой**, будут проявлять свой гнев открыто и в ситуации провокации агрессии не будут уходить. Причиной этого может быть связано с тем, что **гнев как черта личности** начинает формироваться еще в раннем детстве и является устойчивым. Вследствие того, что с раннего возраста гнев никак не ограничивался или к нему относились благосклонно, то в ситуации провокации агрессии гнев может проявляться открыто. Обратная связь с бегством из ситуации также указывает на то, что в ситуации провокации гнев будет чаще проявляться открыто.

Гнев как черта личности и у студентов-мужчин, и у студентов-женщин взаимосвязан с активной агрессией, что говорит об отсутствии половых различий в проявлении гнева в ситуации провокации. В остальном же есть половые различия на ситуацию провокации. Студенки чаще прибегают к пассивной агрессии, а вот мужчины-студенты к бегству из ситуации провокации. Мальчики отдают предпочтение физической агрессии, а девочки – вербальной и косвенной агрессии. Поэтому мужчины, которые фрустрируют свой гнев, направляют его на себя, а женщины проявляют в вербальной или косвенной форме.

Библиографические ссылки

1. *Ильин, Е.П.* Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2019. 784 с.
2. *Нечепуренко, Т.В.* Гендерные особенности социальных представлений об агрессивности // *Личность в природе и обществе: Материалы межвузовских психологических чтений.* 2008 г. М.: РУДН, 2008. С. 104-106.
3. Особенности агрессии и гнева при зависимостях от различных психоактивных веществ. Пособие для врачей. Санкт-Петербург. 2012. 53с.
4. *Фурманов, И.А.* Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. 2007. 479с.

ВОПРОС К УЧАСТИЮ В ВИДЕОИГРАХ С НАСИЛИЕМ И МЕЖЛИЧНОСТНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ СРЕДИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Пэй Юйтин¹⁾, Чжао Сылу²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, yutingpei6@gmail.com

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь

Научный руководитель — А. С. Солодухо, кандидат психологических наук, доцент

В ходе теоретического анализа была проанализирована степень участия в видеоиграх с насилием и межличностное взаимодействие студентов в эпоху интернета. В дополнение к таким факторам, как семейное окружение и личность, важно было включить фактор времени, чтобы изучить связь между уровнем участия в видеоиграх с насилием и межличностным взаимодействием.

Ключевые слова: видеоиграх с насилием; межличностное взаимодействие; студентов; эпоха Интернета; социальное избегание.

С наступлением эпохи Интернета были изобретены и разработаны онлайн-игры. В классификации онлайн-игр, игры с видеонасилием привлекли большое количество игроков благодаря сочетанию захватывающей графики, звуков и методов управления. Небольшое количество игроков зарабатывает деньги и выплескивает свои эмоции через игру, но некоторые из них попадают в зависимость от игры, что приводит к росту агрессивного поведения, практически полному отсутствию социального взаимодействия и даже путанице между реальностью и игрой. К этому приковано внимание психологов.

В 2004 году М. Д. Гриффитс и другие [2] сравнили и проанализировали несколько аспектов времени игры, частоты и наиболее привлекательных факторов между взрослыми и подростковыми игроками. Они обнаружили, что среди подростков больше мужчин и что возраст игроков противоположен времени, проведенному за игрой. Примечательно, что более молодые игроки, как правило, уделяют много времени играм, а не учебе или работе, и, что еще более тревожно, большинство подростков заявили, что насилие в играх привлекает их больше всего. Такая же проблема была обнаружена и в других исследованиях. Д. А. Джентиле и его коллеги [1] показали, что игроки, играющие в насильственные игры, совершают значительно более агрессивное поведение по отношению к своим сверстникам, чем игроки, играющие в просоциальные игры. В этом эксперименте насильственные игры использовались в качестве

триггера, вызывающего агрессивное поведение у подростков. Испытуемые играли в игру в течение 20 минут, а в конце игры их просили разложить пазлы для своих сверстников, и для оценки полезного и вредного поведения использовалась пропорциональность между этими числами путем анализа количества легких и трудных пазлов, которые испытуемые выбирали для своих сверстников. Такие же результаты были получены в Китае. Х. Чэнь и его коллеги [3] использовали контактный опросник, опросник отношения к насилию и опросник агрессивного поведения для изучения основных характеристик отношения к насилию 308 студентов и их роли в отношениях между онлайн-играми с насилием и агрессивным поведением, и обнаружили, что студенты, подвергающиеся воздействию онлайн-игр с насилием, чаще имеют отношение к насилию, чем те, кто не подвергается воздействию онлайн-игр с насилием, и такое отношение к насилию с большой вероятностью приведет к насильственному поведению студентов в действительности.

Видеоигры с насилием не только влияют на агрессивное поведение и так далее, но и оказывают большее влияние на межличностное взаимодействие, но меньше исследователей связывают видеоигры с межличностным взаимодействием студентов из-за большого количества факторов, влияющих на межличностное взаимодействие. Учитывая тот факт, что студенты имеют больше свободного времени и свободно распределяют его, а преимущества интернет-эпохи позволяют людям легко играть в онлайн-игры, данное исследование является крайне необходимым.

З. Фэн [4] обнаружил, что 60% студентов обладают хорошими навыками межличностного общения. 27,8 % студентов имеют средние навыки межличностного общения, и даже 3,4 % студентов имеют плохие навыки межличностного общения. В общей сложности 40 % студентов имеют средние или плохие навыки межличностного общения и испытывают различные проблемы в межличностном взаимодействии. Существует целый ряд факторов, способствующих возникновению у студентов проблем в межличностных отношениях, но этот результат поразительно похож на данные Л. Вей отметила [2], что студенты, не подвергавшиеся воздействию видеоигр с насилием, часто поддерживали связь со своими друзьями по различным каналам и имели более позитивное отношение к межличностному взаимодействию, они были готовы поддерживать хорошие межличностные контакты с окружающими их людьми с помощью различных способов и средств, им также нравилось общаться со сверстниками, и у них не возникало трудностей в межличностном взаимодействии, их доля составила 52,4 %. Однако студенты, которые в значительной степени участвовали в видеоиграх с насилием,

демонстрировали безразличное отношение к межличностному общению и пренебрегали взаимодействием с одноклассниками и друзьями, их доля составила 42,5 %.

По своему предмету, содержанию и форме межличностное взаимодействие сложно и многообразно. В основном это взаимодействие между индивидами, между группами, между индивидами и группами и т. д.; содержание взаимодействия также многогранно, включая мысли, эмоции, сотрудничество, взаимопомощь, развлечения, конкуренцию и т. д.; способ взаимодействия также разнообразен, есть прямое и косвенное взаимодействие, материальное и духовное взаимодействие, формальное и неформальное взаимодействие и т. д.. Межличностное взаимодействие - одно из основных явлений человеческого общества. Некоторые студенты перестали считать межличностное общение своим основным повседневным занятием и посвящают свое время жестоким видеоиграм. В дополнение к таким факторам, как семейное воспитание и личность, важно добавить фактор времени и изучить связь между уровнем участия в видеоиграх с насилием и межличностным общением.

Библиографические ссылки

1. The effects of prosocial video games on prosocial behaviors: International evidence from correlational, longitudinal, and experimental studies / Gentile D A. [et al] // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2009. Vol. 35. P. 752–763.

2. 魏琳. 网络暴力游戏对大学生人际交往的影响 : 硕士论文. 高等教育学 / 魏琳; 辽宁师范大学. 2014. P. 1–13. = Вэй, Линь. Влияние онлайн-игр с насилием на межличностное взаимодействие студентов : магистерская диссертация. Высшее образование / Вэй Линь; Ляонинский нормальный университет. 2014. С. 1–13.

3. 陈海英, 刘衍玲, 崔文波. 大学生网络暴力游戏与攻击行为的关系: 暴力态度的中介作用 // 中国特殊教育. 2012. 8 p. = Чэнь Хайин, Лю Яньлинь, Цуй Вэньбо. Взаимосвязь между онлайн-играми с насилием и агрессивным поведением среди студентов: посредническая роль отношения к насилию // Специальное образование в Китае. 2012. 8 с.

4. 冯宗侠. 大学生人际交往能力现状调查研究 // 北京理工大学学报 (社会科学版). 2004. Vol. 4. P. 57–59. = Фэн Цзунмэн. Исследование текущей ситуации с навыками межличностного общения у студентов // Журнал Пекинского технологического института (издание по общественным наукам). 2004. Т. 4. С. 57–59.

ФЕНОМЕН РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Е. С. Райтенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ray.el3na@gmail.com
Научный руководитель – И.А. Фурманов, доктор психологических наук, профессор*

В публикации автор обращается к психологическим аспектам феномена решения социальных проблем, подчеркивая его значимость для адаптации личности и недостаточную изученность. Приводятся результаты анализа теоретических источников и эмпирических исследований в области психологических стратегий решений социальных проблем. Основное внимание уделяется структурной модели стратегий решения проблем Т.Д'Зуриллы и применению разработанного им опросника SPSI-R.

Ключевые слова: феномен решения социальных проблем; адаптивные стратегии; неадаптивные стратегии; SPSI-R.

В данной статье исследуются психологические аспекты феномена решения социальных проблем. На сегодняшний день при всей заинтересованности данным вопросом исследований в область решения социальных проблем крайне мало.

Феномен решения социальных проблем впервые освящался в 1980-х годах в исследованиях Т.Д'Зуриллы и Э.Чэнга. Исследования фокусировались на двух аспектах: классификации проблем (идентификации их границ и категоризации в контексте жизненных ситуаций) и анализе процесса решения (изучении когнитивно-поведенческих паттернов преодоления трудностей).

Как подчеркивают авторы, с позиций когнитивной парадигмы личностная проблема трактуется как диссонанс между желаемым и текущим состоянием при отсутствии доступных ресурсов для перехода между ними. Процесс решения предполагает активный поиск средств для устранения этого разрыва, что подчеркивает его целенаправленный характер [3].

Доминирующий вклад в изучение психологических стратегий решения проблем внес Т. Д'Зурилла. Большинство современных диагностических инструментов, включая опросник SPSI-R (Social Problem-Solving Inventory-Revised), разработаны их последователями, что определяет методологическую однородность исследований [1].

Структурная модель решения социальных проблем представляет адаптивные и дезадаптивные стратегии решения социальных проблем и включает пять компонентов процесса:

1. Позитивная ориентация – восприятие проблемы как вызова, вера в самоэффективность и готовность к усилиям.
2. Негативная ориентация – интерпретация проблемы как угрозы, низкая уверенность в успехе.
3. Рациональный стиль – систематический анализ, оценка альтернатив, прогнозирование последствий.
4. Импульсивность – поспешные решения с минимальным анализом.
5. Избегание – прокрастинация и делегирование ответственности [4].

Опросник SPSI-R, основанный на этой модели, прошел кросс-культурную адаптацию в Испании, Китае, Германии и других странах, подтвердив универсальность конструкта [1].

Эмпирические данные Т.Д'Зурилы и его коллег выявили связь решения социальных проблем и ряда других феноменов. Например, адаптивные стратегии (рациональный стиль, позитивная ориентация) коррелируют с благополучием, а дезадаптивные (избегание, импульсивность) – с негативными состояниями [2]; адаптивные стратегии связаны со снижением уровня дистресса, тревожности, депрессивных симптомов и суицидальных тенденций [3].

Эти результаты легли в основу терапевтических программ А.Незу, направленных на коррекцию дисфункциональных паттернов поведения [3].

Как полагают сами авторы теории, несмотря на обширные данные о связи стилей решения проблем с психопатологией, копинг-стратегиями и благополучием, их роль в позитивном функционировании изучена слабо. Этот пробел ограничивает развитие профилактических программ в рамках позитивной психологии, где акцент смещен на укрепление ресурсов личности [4]. Особый интерес представляет средний возраст — период множественных кризисов (изменение семейных ролей, карьерные кризисы, финансовые обязательства). Хотя концепция «кризиса среднего возраста» оспаривается, его стрессогенный потенциал не вызывает сомнений. Однако большинство исследований сфокусировано на молодежи, что делает необходимым углубленное изучение специфики проблемно-решающего поведения в этой возрастной группе [5].

При анализе теоретических источников можно столкнуться с некоторыми методологическими дилеммами. С одной стороны, оценка результативности предполагает анализ количества и качества решений в смоделированных ситуациях, с другой процессуальный анализ сконцентрирован на изучение когнитивных и эмоциональных механизмов принятия решений. Первый подход критикуют за игнорирование контексту-

альных факторов (например, эмоционального состояния), второй – за сложность операционализации. Комбинация методов могла бы повысить валидность выводов, особенно в исследованиях возрастных различий [5].

В отечественной психологии данная тема долгое время оставалась периферийной. Ситуация изменилась после адаптации русскоязычных версии зарубежной методики, однако их психометрические параметры часто не соответствуют современным стандартам. Это актуализирует вопрос о необходимости создания оригинальных инструментов, ориентированных на специфику феномена решения социальных проблем как самостоятельного конструкта [1].

Таким образом, феномен решения социальных проблем остается важным и в то же время малоизученным фактором психологической адаптации личности, однако его потенциал требует переосмысления в контексте современной психологической парадигмы.

Библиографические ссылки

1. Данина, М.М., Кисельникова, Н.В., Куминская, Е.А. Русскоязычная версия опросника решения социальных проблем (spsi-r). Экспериментальная психология. 2017. Т. 3, № 10. С. 46-64.
2. Chang, Edward C., Thomas, J D'Zurilla, Lawrence, J. Sanna Social Problem Solving as a Mediator of the Link Between Stress and Psychological Well-being in Middle-Adulthood. Cognitive Therapy Research. 2009. Vol. 33. P. 33-49.
3. D'Zurilla, T.J., Nezu A. M. Development and preliminary evaluation of the Social Problem-Solving Inventory. Psychological Assessment: A Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1990. Т. 2, Vol. 2. P. 156–163.
4. Solving Social Problems Like a Psychologist [Электронный ресурс]. – URL: [Solving Social Problems Like a Psychologist - Gregory M. Walton, Carol S. Dweck, 2009 \(sagepub.com\)](https://www.sagepub.com) Дата обращения: 23.04.2025.
5. Thornton, W. J. L. Dumke, H. A. Age Differences in Everyday Problem-Solving and Decision-Making Effectiveness: A Meta-Analytic Review. Psychology and Aging.. 2005. Т. 1, Vol. 20. P. 85–99.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДИСПОЗИЦИОННОЙ ЖАДНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-СРАВНИТЕЛЬНОЙ РЕВНОСТИ СТУДЕНТОВ

А. С. Рачёк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, angelinaracek0@gmail.com
Научный руководитель – С. М. Ширко, кандидат психологических наук*

В современных психологических исследованиях проблема жадности и ревности остается достаточно актуальной. Изучение диспозиционной жадности в контексте исследования ревности социального сравнения у студентов имеет особую значимость, учитывая наличие здоровой конкуренции в академической среде. Несмотря на имеющиеся в психологической науке исследования, проблема определения характера взаимосвязи диспозиционной жадности и социально-сравнительной ревности является актуальной, практически значимой и недостаточно разработанной.

Ключевые слова: диспозиционная жадность; социально-сравнительная ревность; корреляционный анализ.

В современных исследованиях диспозиционная жадность трактуется как ненасытное и неограниченное желание приобретать, накапливать и удерживать материальные и нематериальные ресурсы [1; 2; 3]. Подобное поведение проявляется постоянно по отношению к любым предметам или объектам вне зависимости от ситуации и используемых средств. Основной характеристикой жадности выступает чрезмерное желание приобретать материальные блага [4]; стремление управлять поведением окружающих для достижения личных интересов и пользы [4].

Вслед за И.А. Фурмановым и С.М. Ширко мы определяем диспозиционную жадность как устойчивую личностную черту, которая отличается постоянством и стабильностью по отношению к любым объектам и предметам вне зависимости от ситуации [5].

На основе теоретического анализа подходов к изучению понятия социально-сравнительной ревности следует констатировать, что ревность социального сравнения возникает при условии высокой значимости ситуации социального сравнения и характеризуется совокупностью связанных между собой мыслей о незаслуженности, несправедливости, неправильности и необъективности существующих преимуществ другого индивида, комплексом переживаний негативных эмоций и готовностью к действиям, направленным на совладание со сложившейся ситуацией с помощью стратегий самосовершенствования, уравнивания или уклонения [6; 7].

Согласно И.А. Фурманову и К.В. Лепешко, социально-сравнительная включает три компонента: когнитивный (восприятие, осознание, оценка атрибутов конкурента), аффективный (эмоциональная оценка атрибутов или конкурента) и поведенческий компонент (поведение по отношению к конкуренту, обладающему этими атрибутами) [8].

Период получения образования в высших учебных заведениях часто сопровождается конкуренцией, формированием социальных связей, ценностных ориентаций, социальной идентичности и поиском самоидентификации. В этом контексте диспозиционная жадность, как predisposed disposition к накоплению материальных и нематериальных ресурсов, может усиливать социально-сравнительную ревность, возникающую при сопоставлении своих достижений с успехами сверстников.

В качестве теоретических и методологических оснований данного исследования используются подход к исследованию диспозиционной жадности И. А. Фурманова и С. М. Ширко, подходы к исследованию диспозиционной жадности P. Mussel, L. Veselka, G. Krekels, M. Pandelaere, T. Seuntjens, M. Zeelenberg, концепция ревности как результата социального сравнения S. A. Bers и J. Rodin и представление И.А. Фурманова и К.В. Лепешко о социально-сравнительной ревности как аттитюде.

В исследовании применялся следующий инструментарий: «Шкала диспозиционной жадности» И.А. Фурманова и С.М. Ширко [5] и методика «Оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности» И.А. Фурманова и К.В. Лепешко [6]. Выборку составили 79 респондентов: 48 женщин и 31 мужчина в возрасте от 17 до 29 лет, являющиеся студентами учреждений высшего образования Республики Беларусь.

Для установления взаимосвязи диспозиционной жадности и социально-сравнительной ревности был проведён корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена. В результате были получены следующие данные (таблица).

Взаимосвязь диспозиционной жадности и социально-сравнительной ревности студентов

Показатели	Индекс значимости ситуации	Индекс когнитивной ревности	Индекс эмоциональной ревности	Индекс стратегии самореализации	Индекс стратегии уравнивания	Индекс стратегии уклонения
Диспозиционная жадность	r=0,11 p=0,325	r= -0,01 p=0,958	r=0,26 p=0,023	r=0,36 p=0,001	r= -0,05 p=0,671	r= -0,28 p=0,014

Обнаружена слабая положительная связь диспозиционной жадности и показателя «индекс эмоциональной ревности» ($r = 0,26$, $p = 0,023$). Умеренная положительная связь диспозиционной жадности и показателя «индекс стратегии самореализации» ($r = 0,36$, $p = 0,001$). Слабая отрицательная связь диспозиционной жадности и показателя «индекс стратегии уклонения» ($r = -0,28$, $p = 0,014$). Полученные результаты позволяют предположить, что чем выше уровень диспозиционной жадности, тем выше показатели эмоциональной социально-сравнительной ревности, поведенческой стратегии самореализации, и тем ниже показатели поведенческой стратегии уклонения в ситуации социального сравнения.

Индивиды с высоким уровнем диспозиционной жадности склонны к чрезмерному накопительству, концентрации на материальных ценностях, ориентированы на индивидуальную выгоду, что повышает эмоциональную ревность, проявляющуюся обычно в негативных эмоциях, что может приводить к зависти, соперничеству или агрессии в социальных взаимодействиях. Повышение поведенческой стратегии самореализации может свидетельствовать о том, что такие индивиды чаще стремятся «доказать своё превосходство» через достижения, карьеру или материальные блага. Такие личности могут столкнуться со снижением качества социального взаимодействия.

Полученные данные согласуются с исследованием R. W. Belk [5], в котором установлено, что индивиды с высоким уровнем материализма часто испытывают зависть и ревность в ситуациях социального сравнения. Также отмечалось, что индивиды демонстрировали повышенное стремление контролировать ресурсы, включая не только объекты, но и социальные связи. В исследовании T.G. Seuntjens, M. Zeelenberg и N. Van de Ven [1] было выявлено, что индивиды с высоким уровнем диспозиционной жадности отличались повышенным стремлением к личной выгоде. Жадность отрицательно коррелировала с самоконтролем и удовлетворённостью жизнью, в следствие чего можно предположить, что это свидетельствует о снижении способности учитывать потребности других. Также жадность была связана с завистью и материализмом.

Согласно полученным данным И. А. Фурманова и С. М. Ширко [5], жадные индивиды склонны к эгоцентричности, что снижает их способность к компромиссу и адаптации в социальных взаимодействиях. На основе классификации S.M. Preiffer и P.T. Wong [9], которые предложили различать когнитивную и эмоциональную ревность, можно предположить, что жадные индивиды в большей мере испытывают эмоциональную ревность, которая является реактивной и возникает как обусловленная эмоциональная реакция на угрозу Я [9].

Статистически значимой связи диспозиционной жадности и показателей социально-сравнительной ревности «индекс значимости ситуации» ($r = 0,11$, $p = 0,325$), «индекс когнитивной ревности» ($r = -0,01$, $p = 0,958$), «индекс стратегии уравнивания» ($r = -0,05$, $p = 0,671$) не обнаружено. Это может означать, что жадность не связана с тем, как индивид оценивает значимость ситуации социального сравнения. Полученные результаты позволяют предположить, что когнитивная ревность может быть связана с такими индивидуально-психологическими характеристиками как нейротизм, неуверенность, низкой самооценкой, но не связана с диспозиционной жадностью. Также жадность как устойчивая личностная черта не влияет на поведенческую стратегию уравнивания. Ранее выявлено, что диспозиционная жадность, напротив, коррелирует с такой поведенческой стратегией, как стратегия самореализации, которая подразумевает превосходство других через различного рода достижения и материальные блага.

Согласно исследованию T.G. Seuntjens, M. Zeelenberg, N. Van de Ven [1], жадные индивиды игнорировали коллективные интересы в экономических играх, предпочитая максимизировать личную выгоду. Следовательно, отсутствие связи с поведенческой стратегией уравнивания может быть связано с тем, что жадность ориентирована на индивидуальную выгоду, а не на социальное уравнивание.

Таким образом, корреляционный анализ позволил установить характер взаимосвязи диспозиционной жадности и социально-сравнительной ревности студентов. Выявлена слабая положительная связь диспозиционной жадности и показателя «индекс эмоциональной ревности», умеренная положительная связь диспозиционной жадности и показателя «индекс стратегии самореализации», слабая отрицательная связь диспозиционной жадности и показателя «индекс стратегии уклонения». По показателям «индекс значимости ситуации», «индекс когнитивной ревности», «индекс стратегии уравнивания» статистически значимых связей выявлено не было. Полученные результаты могут использоваться в качестве практических рекомендаций для дальнейших исследований предрасположенности индивидов к диспозиционной жадности с учетом характеристик ревности социального сравнения, склонности к монетарному поведению, в практической работе психолога по развитию и совершенствованию позитивных форм жадности, построению программ индивидуальной и групповой психокоррекционной работы со студентами с высоким и низкими уровнями диспозиционной жадности.

Библиографические ссылки

1. *Seuntjens, T. G.* Dispositional greed // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. Vol. 108, № 6. P. 917–933.
2. *Mussel, P.* The life and times of individuals scoring high and low on dispositional greed // *Journal of Research in Personality*. 2016. Vol. 64. P. 52–60.
3. *Krekels, G.* Dispositional greed // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 74. P. 225–230.
4. *Masui, K.* The development of the Japanese version of the dispositional greed scale // *Psychological Research*. 2018. Vol. 88, № 6. P. 566–573.
5. *Фурманов, И. А.* Разработка шкалы диспозиционной жадности // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология*. 2020. № 3. С. 78–86.
6. *Фурманов, И. А.* Методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология*. 2019. № 1. С. 91–103.
7. *Bers, S. A.* Social–Comparison Jealousy: A Developmental and Motivational Study // *Journal of Personal and Social Psychology*. 1984. Vol. 47, №4. P. 766–779.
8. *Фурманов, И. А.* Ревность социального сравнения как аттитюд // *Право. Экономика. Психология*. 2017. № 3. С. 95–99.
9. *Pfeiffer, S.M.* Multidimensional jealousy / *S.M. Pfeiffer, P.T Wong* // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1989. Vol. 6. P. 181–196.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ И САМООТНОШЕНИЯ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В. Ю. Рябычина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, varvararuabuchina@gmail.com
Научный руководитель – К. И. Татарко, кандидат психологических наук, доцент*

Детско-родительские отношения – непрерывные, длительные отношения, обеспечивающие защиту и безопасность ребенка. Они играют важную роль в развитии личности. В старшем подростковом возрасте происходят изменения в восприятии себя и окружающих, что может вызывать конфликты с родителями. Различные исследования показывают, что качество этих отношений напрямую может быть связано с позитивным или негативным самоотношением у подростков.

Ключевые слова: детско-родительские отношения; самоотношение; старший подростковый возраст.

Детско-родительские отношения – непрерывные, длительные и опосредованные возрастными особенностями ребенка и родителя отношения, обеспечивающие защиту и безопасность ребенка [1]. Старший подростковый возраст охватывает временной промежуток с 15 до 17 лет [2]. Для подростков характерно постепенное формирование новой субъективной реальности, изменение представлений не только о себе, но и об окружающих, наблюдается сдвиг ценностей: семья, школа и сверстники обретают новые смыслы. Детско-родительские отношения рассматриваются с точки зрения активно-действенной позиции ребенка, т.е. инициатива по их перестройке принадлежит самим подросткам [1]. Самоотношения с родителями в подростковый период характеризуются негативизмом, сопротивлением по отношению к ранее выполняемым требованиям. Ссоры могут возникать на почве нежелания учитывать индивидуальные особенности и возрастные изменения психики подростка, также может влиять факт равнодушия родителей к мыслям и переживаниям ребенка [3; 4; 5].

В.В. Столин понимал под самоотношением эмоциональный компонент самосознания, а также описывал его состоящим из трех уровней (глобальное самоотношение, уровень функциональных блоков, конкретные действия в отношении своего «Я») [6]. Самоотношение необходимо изучать, учитывая конкретные условия жизнедеятельности человека. Семья выступает для ребенка как первый носитель социальных отношений. И.И. Чесноковой отмечалось, что, отношение родителей предше-

ствуют развитию собственного «Я» ребенка, путем идентификации родительского отношения формируется образ себя как «плохого» или «хорошего». Об актуальности изучения этой темы можно судить исходя из наличия работ разных авторов, посвященных данной проблематике. В качестве результатов исследования имеют следующие положения: для формирования позитивного самоотношения родителям стоит придерживаться демократического стиля воспитания, а поддержка со стороны семьи, забота и теплота являются одним из основных факторов развития позитивного отношения к себе [7; 8]. Существует ряд вопросов, которые еще не подверглись доскональному изучению. Например, вопросы, связанные с различиями влияния на самоотношение не только стилей семейного воспитания, но и реализация этих стилей в полных и неполных семьях.

В исследовании приняли участие 40 респондентов, принадлежащих к возрастной категории старшего подросткового возраста. Минимальный паспортный возраст участников – 15 лет, максимальный – 17 лет.

Для сбора данных использовался метод опроса с применением следующих методик: «Опросник самоотношения» (В.В. Столин, С.Р. Пантеев) и «Детско-родительские отношения подростков» П. Трояновской (ДРОП).

Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета статистических программ SPSS Statistics 23.0. Проверка на нормальность распределения осуществлялась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова, также применялся коэффициент корреляции Спирмена.

Анализ взаимосвязи проводился на основании блоков, описывающих разные аспекты взаимоотношений. Первый блок шкал позволяет судить об особенностях эмоциональных отношений. Выявлено, что «Эмпатия» прямо связана с «Глобальным самоотношением» (отец: $r=0,445$; $p<0.01$; мать: $r=0,558$; $p<0.01$), «Самоуважением» (отец: $r=0,477$; $p<0.01$; мать: $r=0,467$; $p<0.01$), «Аутосимпатией» (отец: $r=0,365$; $p<0.05$; мать: $r=0,335$; $p<0.05$) и обратно с «Самообвинением» (отец: $r=-0,357$; $p<0.05$; мать: $r=-0,372$; $p<0.05$) подростков. Если родителями демонстрируется понимание чувств и эмоциональных состояний ребенка, то это ведет к повышению самооценности, дружелюбности по отношению к своему «Я», а также к снижению склонности оценивать себя негативно и излишне обвинять.

«Принятие» связано с показателями «Глобального самоотношения» (отец: $r=0,370$; $p<0.05$; мать: $r=0,385$; $p<0.05$), «Самоуважения» (отец: $r=0,489$; $p<0.01$; мать: $r=0,447$; $p<0.01$), «Самоинтереса» (отец: $r=0,334$; $p<0.05$; мать: $r=0,328$; $p<0.05$). **Также имеется обратная взаимосвязь со шкалой «Самообвинение», характерная для отца ($r=-0,327$;**

p<0.05). Демонстрация любви и внимания со стороны родителей является основой для формирования положительного восприятия себя, ведет к лучшей оценке своих способностей и повышает интерес к собственной личности.

Шкалы второго блока описывают особенности общения и взаимодействия. «Сотрудничество» имеет прямые значимые взаимосвязи с показателями «Глобальное самоотношение» (отец: $r=0,369$; $p<0.05$; мать: $r=0,564$; $p<0.01$), «Самоуважение» (отец: $r=0,389$; $p<0.05$; мать: $r=0,483$; $p<0.01$), «Аутосимпатия» (отец: $r=0,332$; $p<0.05$; мать: $r=0,377$; $p<0.05$), и обратную со шкалой «Самообвинение» (отец: $r=-0,326$; $p<0.05$; мать: $r=-0,362$; $p<0.05$). Можно сделать вывод, что при равноправном участии родителей и подростков в совместной деятельности наблюдается позитивное восприятие себя, а также осознание важности своей фигуры в глазах родителя ведет к повышению самоуважения.

«Принятие решений» прямо связано с «Глобальным самоотношением» (отец: $r=0,359$; $p<0.05$; мать: $r=0,456$; $p<0.01$), «Самоуважением» (отец: $r=0,395$; $p<0.05$; мать: $r=0,469$; $p<0.01$) и «Самоинтересом» (отец: $r=0,337$; $p<0.05$; мать: $r=0,321$; $p<0.05$). При учетывании мнения ребенка, что характерно для демократического стиля принятия решений в диаде, повышается самоуважение и интерес к собственному «Я». «Конфликтность» имеет обратные взаимосвязи с «Глобальным самоотношением» (отец: $r=-0,403$; $p<0.01$; мать: $r=-0,582$; $p<0.01$), «Самоуважением» (отец: $r=-0,385$; $p<0.05$; мать: $r=-0,546$; $p<0.01$), **а со стороны матери также обратные с «Аутосимпатией» ($r=-0,468$; $p<0.01$).** Частые и интенсивные конфликты, ссоры могут негативно сказываться на самоотношении подростков, а также подрывать уважение ребенка к себе.

Анализ блока шкал контроля показал, что **«Требовательность» со стороны отца отрицательно связана со шкалой «Отношение других» ($r=-0,324$; $p<0.05$).** То есть, чем более требовательным является отец, тем менее позитивным является восприятие подростком отношение окружающих и ожидание от этих отношений. «Мониторинг» имеет прямые значимые взаимосвязи с «Самоуважением» (отец: $r=0,344$; $p<0.05$; мать: $r=0,329$; $p<0.05$), **этот же показатель имеет обратную взаимосвязь с «Самообвинением» ($r=-0,441$; $p<0.01$), что характерно для отношений с отцом.** Чем выше внимательность родителей к жизни и интересам ребенка, тем выше ценность подростка в собственных глазах, а также чем выше заинтересованность отца в жизни ребенка, тем ниже склонность обвинять себя у подростков.

«Авторитарность» отрицательно связана с «Глобальным самоотношением» (отец: $r=-0,317$; $p<0.05$; мать: $r=-0,388$; $p<0.05$) и «Самоуважением» (отец: $r=-0,383$; $p<0.05$; мать: $r=-0,435$; $p<0.01$), **а если она прояв-**

ляется со стороны отца, то еще и «Самоуверенностью» ($r=-0,466$; $p<0.01$). Такой результат подчеркивает негативное влияние тех стилей воспитания, которые характеризуются подавлением ребенка и неуважением его прав.

«Оказание поощрений» имеет прямую связь с «Самоинтересом» (отец: $r=0,389$; $p<0.05$; мать: $r=0,376$; $p<0.05$), а если поощрения исходят от матери, то и с «Самоуважением» ($r=0,377$; $p<0.05$), «Самоуверенностью» ($r=0,321$; $p<0.05$). «Наказания» со стороны отца отрицательно связаны с «Самоинтересом» подростков ($r=-0,367$; $p<0.05$). Чем больше наград и позитивных оценок получает ребенок, тем больше он ощущает, что его достижения ценятся и не игнорируются, соответственно это повышает интерес к собственной личности.

При анализе блока противоречивости или непротиворечивости отношений выявлено, что родительская «Непоследовательность» имеет значимые обратные взаимосвязи с «Самоуверенностью» (отец: $r=-0,376$; $p<0.05$; мать: $r=-0,471$; $p<0.01$). Постоянное изменение воспитательных приемов, непредсказуемость родительских реакций – все это может приводить к тому, что причину такого изменчивого поведения ребенок будет видеть в себе, что приведет к излишней осторожности и сомнениям в своих действиях и снижению уверенности в себе. А если же изменчивость и противоречивость воспитательных воздействий наблюдается со стороны матери, то обратные взаимосвязи характерны и с показателями «Самоуважение» ($r=-0,405$; $p<0.01$), «Самопонимание» ($r=-0,347$; $p<0.05$), и «Глобального самоотношение» ($r=-0,391$; $p<0.05$).

Таким образом особенности взаимоотношений с родителями связаны с самоотношением подростков. Наибольшее количество значимых взаимосвязей выявлено во взаимоотношениях с матерью. Некоторые корреляции общие для двоих родителей, а именно это касается эмпатии, принятия, сотрудничества, принятия решений, конфликтности.

Также были выявлены уникальные взаимосвязи, характерные только для взаимоотношений с одним из родителей. Так, например, «Требовательность» со стороны отца отрицательно связана с показателем «Ожидаемое отношение от других», «Мониторинг» коррелирует с «Глобальным самоотношением» и показателем «Самоинтерес», а «Авторитарность» имеет обратную связь со шкалой «Самоуверенность».

На основании выявленных взаимосвязей можно выделить несколько практических рекомендаций. Установление равенства позиции ребенка и родителя является одной из них, это вовсе не означает, что в процессе диалога, родителю следует всегда придерживаться только позиции

подростка и всегда с ним соглашаться. Важно именно попытаться понять точку зрения ребенка и учитывать его мнение в принятии решений.

Принятие ребенка также важно. Подростковый возраст сопровождается поиском индивидуальности, желанием выделиться, характеризуется стремлением найти свое место в мире, поэтому именно принятие ведет к становлению не только хороших отношений, но и повышают самооверенность подростка и его самооценку.

Частые конфликты ведут к снижению самооценки и росту самообвинения, поэтому достаточно важно пытаться разрешать спорные ситуации без криков, что, ввиду повышенной эмоциональности подростков, может быть сложно. Также следует работать с уровнем авторитарности при воспитании, не пытаться полностью контролировать все сферы жизни ребенка, так как это, наоборот, может привести к тому, что какие-то аспекты жизни начнут утаиваться.

Библиографические ссылки

1. *Карабанова, О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. Самара: Издательство СИОКПП, 2001. 122 с.
2. *Прихожан, А.М.* Проблема подросткового кризиса. Психологическая наука и образование. 1997. №1. С. 82-88.
3. *Ванюхина, Н.В.* Особенности психических состояний детей подросткового возраста : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.13. Инст. экон., управл. и права. Казань, 2004. 20 с.
4. *Кле, М.* Психология подростка. М. : ЧеРо, 2005. 524 с.
5. *Соколова, А.П.* Психологические трудности в отношениях подростков с родителями. Вес. Таганр. ин-та им. А.П. Чехова. 2016. № 1. С.112-116.
6. *Столин, В.В.* Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 288 с.
7. *Кузьмина, К. Е.* Детско-родительские отношения как фактор развития представлений подростка о самом себе. Научно-методический электронный журнал «Концепт» [Электронный ресурс]. 2015. № 11. С. 156-160. URL : <http://ekoncept.ru/2015/15406.htm>. (дата обращения : 03.04.2025).
8. *Овсяникова, Е. А.* Влияние детско-родительских отношений на выбор подростками копинг-стратегий. Научные ведомости Белгородского Государственного Университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 26. С. 162–169.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДОВЕРИЯ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ СТУДЕНТОВ

И. И. Савельева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, irisasea24@gmail.com*

Научный руководитель – Ю. С. Смирнова, кандидат психологических наук, доцент

В статье исследуется проблема взаимосвязи доверия и особенностей межличностных отношений у студентов. На основе эмпирического исследования с использованием комплекса психодиагностических методик (изучение доверия себе, доверия другим, профиля межличностной зависимости и диадического копинга) выявлено, что доверие является ключевым фактором, определяющим качество межличностных отношений: более высокий уровень доверия способствует формированию сбалансированных, устойчивых связей, снижая склонность как к эмоциональной зависимости, так и к избеганию близости. Развитие доверия себе и другим может служить важным направлением психологической работы, направленной на улучшение коммуникативных навыков и эмоционального благополучия студентов.

Ключевые слова: доверие себе; доверие другим; социальное доверие; межличностные отношения; зависимость; диадический копинг.

Феномен доверия играет ключевую роль во взаимодействии между внутренним миром человека и внешней социальной средой. Оно выступает не просто элементом общения, а его фундаментальным условием, будь то повседневная коммуникация, сотрудничество или межличностные связи. Доверительное взаимодействие не сводится только к обмену информацией – оно создает основу для взаимного признания и готовности людей влиять друг на друга. В результате такого контакта возникает новая смысловая реальность, основанная на предвосхищении доверия, открытости другому и формировании новых отношений.

При однократном взаимодействии оценка формируется не столько в отношении самого человека, сколько в отношении результата этого взаимодействия. По мере накопления опыта это восприятие усложняется: доверие начинает дифференцироваться и может быть направлено на различные аспекты личности – её качества, способности, действия, что делает его избирательным не только в выборе объекта, но и в фокусировке на отдельных его сторонах. Таким образом, доверие представляет собой обобщение предыдущего опыта взаимоотношений с человеком в конкретных ситуациях, становясь генерализированной установкой. Его можно определить как психическое состояние, возникающее в процессе взаимодействия и выражающееся в признании авторитетности опыта

другого без необходимости его самостоятельной проверки, а также в ожидании безопасности, поддержки и помощи.

Поскольку повседневная жизнь человека строится на межличностных связях, уровень доверия в них существенно влияет на модели поведения, процесс принятия решений и характер взаимодействия с окружающими. Положительный социальный опыт, наблюдения и коммуникация с другими способствуют формированию механизмов, укрепляющих социальные сети, долгосрочные отношения, снижающих конфликтность и повышающих общее благополучие в обществе.

Согласно подходу В.Е. Ключко, доверие человека к окружающей среде и к самому себе взаимосвязаны и существуют в единой системе, поскольку личность ориентирована как вовне, так и внутрь себя. Ключевой вопрос заключается в балансе этого доверия: личность определяет его пропорции, исходя из своих убеждений и внешних обстоятельств [1].

Рассматривая вопрос о природе этих убеждений и обстоятельств, мы обратились к концепции В.Н. Мясищева, который рассматривал личность как совокупность её отношений к миру, которые могут быть позитивными или негативными, активными или пассивными, гармоничными или противоречивыми. Его концепция «психологии отношений» подчеркивает, что эти связи осознанны и избирательны, влияя на формирование личностных качеств и проявляясь в деятельности. Такой взгляд позволяет изучать личность в динамике, как единство субъективных переживаний и объективных факторов [5].

Схожие идеи развивал Г. Олпорт, связывая уникальность личности со способностью выстраивать целостные и развивающиеся отношения с миром. Он отмечал, что человек – в первую очередь социальное существо, а его развитие невозможно без взаимодействия с другими. Олпорт акцентировал, что связь личности с окружающей средой выходит за рамки простой адаптации, представляя собой сложный процесс взаимного влияния и обмена [4].

Р. Борнштейн предложил модель анализа гармонии и дисгармонии в отношениях через призму межличностной зависимости [3]. Одной из крайностей является деструктивная сверхзависимость, при которой человек остро нуждается в эмоциональном принятии. Противоположность этому – дисфункциональное отделение, характеризующееся страхом близости и потерей идентичности в глубоких связях. Между этими полюсами находится здоровая зависимость, предполагающая гибкость в отношениях: способность формировать прочные эмоциональные связи, сохраняя автономию. Такой баланс позволяет партнёрам адаптироваться к изменениям и совместно преодолевать трудности.

Близкие отношения – это длительные и стабильные связи между партнёрами, включающие эмпатию, привязанность, аффективные переживания и сексуальное влечение. Субъективно они характеризуются высокой степенью интимности, но также могут сопровождаться стрессами, конфликтами и негативными эмоциями (ненавистью, отчуждением). Способность пары справляться со стрессом напрямую влияет на качество отношений: эффективное преодоление трудностей укрепляет связь, тогда как неумение управлять стрессом ведёт к разрывам [2]. Диадический копинг рассматривается как важный компонент устойчивости отношений, поскольку предоставляет важное понимание того, как стресс и совместное его преодоление могут детерминировать динамику межличностных отношений. Концепция подчеркивает значимость партнёрской поддержки и кооперации в укреплении эмоциональной связи и создании устойчивых отношений.

В эмпирическом исследовании приняли участие 78 студентов. Оно было реализовано посредством использования следующих методик: личностный опросник «Методика изучения доверия к себе» (Н.Б. Астанина), методика «Доверие» (Л.Г. Почебут, М.И. Килошенко, А.Л. Свенцицкий, Т.В. Казанцева), тест профиля отношений (адаптация О.П. Макушиной опросника Р. Борнштейна), опросник диадического копинга (адаптация О.А. Екимчик и Т.Л. Крюковой опросника Г. Боденманна).

Было выявлено, что доверие себе и доверие другим имеют положительную взаимосвязь со здоровой зависимостью ($r_s = 0,394$ при $p = 0,002$ и $r_s = 0,283$ при $p = 0,012$). Чем выше у студентов уровень доверия себе, тем более выражена у них здоровая зависимость в отношениях. Это означает, что уверенные в себе люди способны выстраивать гибкие, сбалансированные связи – они обращаются за поддержкой, когда это необходимо, но сохраняют автономию. Чем больше студенты склонны доверять окружающим, тем лучше у них развита способность к здоровой зависимости. Это подтверждает идею о том, что доверие – основа для устойчивых отношений, где есть и близость, и личные границы. Доверие себе имеет корреляцию с деструктивной сверхзависимостью: $r_s = -0,669$ при $p < 0,001$. Наблюдается сильная отрицательная связь: чем выше доверие себе, тем меньше проявления деструктивной сверхзависимости (потребность в постоянном одобрении, страх отвержения). Это говорит о том, что уверенные в себе люди меньше склонны к эмоциональной зависимости от других. Доверие другим имеет отрицательную взаимосвязь с дисфункциональным отделением ($r_s = -0,399$ при $p < 0,001$). Чем больше студенты доверяют окружающим, тем меньше у них выражено избегание близости. Таким образом, недоверие к другим связано со страхом

отношений, а способность доверять помогает преодолевать барьеры в общении. Также доверие другим положительно коррелирует с информированием субъектом партнёра о стрессе ($r_s = 0,299$ при $p = 0,008$). Люди, которые доверяют другим, чаще делятся своими переживаниями и обсуждают стрессовые ситуации с партнёром. Это важный аспект диадического копинга, который укрепляет межличностные отношения.

Таким образом, полученные данные подтверждают тесную взаимосвязь между доверием и особенностями межличностных отношений. Чем выше уровень доверия себе, тем более гармоничной и самостоятельной оказывается позиция человека в отношениях – он способен сохранять баланс между близостью и автономией, не впадая в деструктивную зависимость. В свою очередь, доверие другим снижает склонность к избеганию эмоциональной близости и способствует открытости в общении, включая готовность делиться переживаниями и совместно преодолевать трудности.

Эти результаты подчеркивают, что доверие выступает ключевым фактором, определяющим качество межличностных связей: оно не только облегчает построение здоровых и устойчивых отношений, но и снижает риски дисфункциональных паттернов взаимодействия, таких как сверхзависимость или изоляция. Следовательно, развитие доверия – как к себе, так и к окружающим – может служить важным направлением психологической работы, направленной на улучшение коммуникативной компетентности и эмоционального благополучия личности.

Библиографические ссылки

1. Ключко, В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1991.
2. Крюкова, Т.Л. Совладание со стрессом в контексте близких (партнерских) отношений. Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 4. С. 203-214.
3. Макушина, О.П. Методы психологического изучения девиантного поведения. Воронеж, 2006. 136 с.
4. Марцинковская, Т.Д. Категория отношения в современной психологии. Мир психологии. 2011. № 4. С. 31-39.
5. Мясищев, В.Н. Психология отношений : избр. психол. тр. / под ред. А.А. Бодалева. М.; Воронеж, 1995. 340 с.

СЕКСИЗМ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН У ИНДИВИДОВ НА ЭТАПЕ СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ С РАЗНЫМ ТИПОМ ПОЛОТИПИЗИРОВАННОСТИ

Л. В. Худенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, leona.hudenko@gmail.com*

Научный руководитель – Е. В. Столярская, кандидат социологических наук

В статье рассматривается проблема сексизма в отношении женщин у индивидов средней взрослости в зависимости от полотипизированности. Приводятся результаты теоретического анализа и эмпирического исследования по данной теме. Цель исследования – выявить различия в проявлении сексизма в отношении женщин у индивидов на этапе средней взрослости с разным типом полотипизированности.

Результаты исследования могут быть использованы психологами, занимающимися просветительской деятельностью с целью обозначения проблемы сексизма полотипизированности в обществе. Полученные выводы позволяют разработать программы коррекции и профилактики сексизма, дискриминации и неравенство между полами, стратегии регулирования межличностных и межгрупповых отношений и конфликтов. Представленная работа может стать теоретической и эмпирической базой для дальнейших исследований в области гендерной, социальной и других областей психологии.

Ключевые слова: враждебный сексизм, доброжелательный сексизм, полотипизированность, андрогинность, маскулинность, фемининность, средняя взрослость.

В современном обществе «традиционная» система гендерных отношений претерпевает существенные изменения. Появляются новые представления о взаимоотношениях мужчин и женщин, о положении каждого из них в обществе, о ролевом поведении и проявлении человека как представителя определенного биологического пола и т. д. Представители периода средней взрослости обладают относительно структурированной системой ценностей и взглядов, устойчивой Я-концепцией и выстроенной жизненной стратегией, тем не менее являются активными участниками социальной жизни и неизбежно сталкиваются с происходящими в обществе изменениями.

Полотипизированность, или тендерная типизация – нормативный социальный конструкт или принятый культурой нормативный канон, содержащий в себе комплекс свойств личности, приписываемых представителям мужского и женского пола, устоявшиеся в общественной жизни образы типичных «мужских» и типичных «женских» качеств [2, с. 52].

Традиционными формами половой типизированности являются маскулинность и фемининность. Маскулинность характеризуется такими чертами личности, как активность, решительность, амбициозность, лидерство, независимость, уверенность, целеустремленность и агрессивность, фемининность – доброта, мягкость, гибкость поведения, доверчивость, зависимость, заботливость, открытость и сочувствие [3]. Согласно концепции С. Бем, андрогинность понимается как более адаптивный вариант половой типизации, как комбинация маскулинных и фемининных личностных качеств и моделей поведения, обеспечивающая возможность выбора необходимой характеристики в зависимости от контекста [6].

Сексизм представляет собой совокупность предубеждений и социальных установок по отношению к женщинам. Основным содержанием сексистских установок и предубеждений является принижение физических и умственных способностей, а также самой личности женщины, ограничение в возможностях, деятельности, личных границах, свободе слова и выражении, некорректное и потребительское отношение [5].

Классификация сексизма предполагает выделение некоторых форм данного явления по следующим критериям: уровень проявления (персональный, институциональный), форма проявления (открытый, скрытый, утонченный), содержание (старомодный, современный, неосексизм). П. Глик и Б. Фiske также выделяют враждебный и доброжелательный сексизм. Первый усиливает одобрение неравенства через прямое преуменьшение компетентности женщин, делается акцент на наказании в ответ на уклонение женщин от традиционной ролевой модели поведения. Доброжелательный сексизм способствует приуменьшению существующего уровня неравенства, маскировке реального гендерного разрыва через призму ложного представления о равенстве взаимодополняющих друг друга социальных ролей [7].

В исследовании приняли участие 85 человек (49 женщин и 36 мужчин) в возрасте от 26 до 65 лет (период средней зрелости согласно периодизации Э. Эриксона). Для проведения исследования использовались следующие методики: опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» О. Г. Лопуховой (ревалидизированный аналог полоролевого опросника С. Бем «Bem Sex Role Inventory» (BSRI)) [4]; шкала амбивалентного сексизма Е. Р. Агадуллиной (адаптированный аналог шкалы амбивалентного сексизма П. Глика, В. Фiske «The Ambivalent Sexism Inventory») [1]. Полученные данные подверглись статистической обработке с помощью пакета статистических программ SPSS Statistics

23.0 с использованием U-критерия Манна-Уитни, а также описательных статистик.

В ходе проведенного исследования выявлено, что преобладающим является андрогинный тип полотицизированнойности как по всей выборке, так и отдельно в группе мужчин и женщин. Общая степень выраженности сексизма является средней, доброжелательный сексизм несколько более выражен, чем враждебный. Происходящие общественные изменения хоть и оказывают определенное влияние на индивидов среднего возраста, однако, в силу сознательного выбора или нежелания и сопротивления изменению собственных представлений, мужчины и женщины склонны придерживаться некоторых «традиционных» гендерных взглядов.

Мужчины более склонны проявлять враждебный сексизм, чем женщины. Более того, маскулинные мужчины имеют наивысший показатель по шкале враждебного сексизма среди всех групп индивидов. Аутгрупповая враждебность группы мужчин, необходимость конкурировать с женщинами и возможная потеря привилегий способствует предвзятости, недооценке и агрессии в сторону женщин. В свою очередь враждебный сексизм наименее выражен у маскулинных женщин среди всех групп индивидов. Последние склонны выражать наибольшее сопротивление устоявшимся социальным предубеждениям и благоприятствовать остальным женщинам.

Фемининные мужчины обладают наименьшими показателями по обоим видам сексизма. Такие индивиды по комплексу своих психологических свойств в наименьшей степени привержены гендерным стереотипам о маскулинности, в связи с чем менее подвержены влиянию «традиционных» взглядов в отношении как себя, так и других людей. Формирование андрогинных и маскулинных мужчин в «патриархальной» системе гендерных отношений в схожей степени повлияло на обе группы мужчин, различия в особенностях их поведения являются не существенными и лишь определяют преобладающий вид выражения сексизма (маскулинные мужчины – враждебный сексизм, андрогинные мужчины – доброжелательный сексизм).

Среди групп женщин не были получены значимые различия по выраженности сексизма. Несмотря на то, что женщины склонны в меньшей степени склонны выражать сексизм по отношению к себе и другим женщинам, наблюдается некоторая степень сознательного или неосознанного согласия с определенными гендерными стереотипами.

Выраженность враждебного или доброжелательного сексизма зависит скорее вместе от пола и полотицизированнойности человека, чем отдельно от одного или другого показателя. С другой стороны, мужчины и женщины периода средней зрелости обладают более устойчивой системой «традиционных» гендерных представлений, вследствие особенностей социальной и общественной ситуации их развития и формирования.

Библиографические ссылки

1. Агадуллина Е. Р. Сексизм по отношению к женщинам : адаптация шкалы амбивалентного сексизма (П. Глика и С. Фиск) на русский язык // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, №. 3. С. 447-463.
2. Берн Ш. Гендерная психология. М. : Прайм-Еврознак, 2004. 320 с.
3. Карпова М. К., Бученкова Э. О. Традиционные гендерные стереотипы в условиях современности // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9, № 1 (33). С. 149-155.
4. Лопухова О. Г. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (Российский аналог «Bem Sex Role Inventory») // Вопросы психологии. – 2013. № 1. С. 14-154.
5. Нораева Е. С., Янкина А. И. Сексизм как проблема гендерного неравенства // Система знаний : процессы развития современной научной мысли : Сборник научных трудов. Казань : ООО "СитИвент", 2021. С. 66-70.
6. Bem S. L. The lenses of gender : Transforming the debate on sexual inequality. Yale University Press, 1993. 336 p.
7. Glick P., Fiske S. T. An ambivalent alliance : Hostile and benevolent sexism as complementary justifications for gender inequality // American Psychologist. 2001. V. 56, № 2. P. 109-118.

СЕКЦИЯ 11. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ БЕЛОРУССКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Вань Цзысюй

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, onezixu@gmail.com*

Научный руководитель — Г.А. Фофанова, кандидат психологических наук, доцент

Целью данного исследования было изучение взаимосвязи между межкультурной чувствительностью и психологической адаптацией китайских иностранных студентов в белорусских университетах. Результаты исследования показали, что существует значимая положительная корреляция между уровнем межкультурной чувствительности и психологической адаптации.

Ключевые слова: кросс-культурная психология; психологическая адаптация; китайские студенты; зарубежное образование.

Согласно Г. Чэн и В. Дж. Староста, межкультурная чувствительность – это готовность людей активно понимать и уважать культурные различия в межкультурной коммуникации [1]. Индивиды с более высокой межкультурной чувствительностью обычно демонстрируют более высокие навыки наблюдения и эмпатии, способны регулировать собственное поведение и позитивно реагировать на других, чтобы формировать свои социальные впечатления в межкультурной коммуникации. Психологическая адаптация - это изучение эмоциональных изменений и эмоциональных потребностей соотечественников с точки зрения психологии, в основном с позиции индивидуальных чувств, а не объективной точки зрения, а также изучение межкультурной адаптации с точки зрения психологического здоровья. Принято считать, что если во время межкультурного контакта отсутствуют или меньше отрицательных эмоций, таких как депрессия, тревога, одиночество, разочарование, тоска по дому и т. д., то стандарт психологической адаптации достигнут, и чем лучше эмоциональное состояние соотечественника, тем выше уровень психологической адаптации [2].

Природа межкультурной чувствительности – это процесс развития. Когда люди начинают чувствовать культурные различия, происходит постепенное психологическое изменение от первоначального любопытства к более зрелому пониманию и принятию. Китайские студенты, обучающиеся в белорусских вузах, часто испытывают культурный шок и психологическое давление, сталкиваясь с незнакомыми языками, способами взаимодействия, ценностями и социальными нормами из-за культурной дистанции между двумя странами. Студенты с более высокой межкультурной чувствительностью способны позитивно и открыто воспринимать культурные различия, сохранять когнитивную и эмоциональную гибкость и, таким образом, более эффективно справляться с психологическим давлением в процессе адаптации, повышая чувство принадлежности и удовлетворенность жизнью. Напротив, люди с более низкой межкультурной чувствительностью могут быть более склонны к чувству отчуждения и барьерам в адаптации, что может повлиять на их общий уровень адаптации в обучении, межличностных отношениях и психическом здоровье.

Дизайн исследования. В исследовании использовались следующие методики: 1) Шкала межкультурной чувствительности (ISS), разработанная Г. Ченом и В. Дж. Старостой [8], в адаптации для китайских студентов Ц. Е. (шкала состоит из 24 вопросов, разделенных на пять аспектов: вовлеченность во взаимодействие, уважение к культурным различиям, уверенность во взаимодействии, удовольствие от взаимодействия, внимательность во взаимодействии, и оценивается по пятибалльной шкале Лайкерта. Более высокие баллы указывают на то, что люди более чувствительны к межкультурным различиям); 2) методика адаптации Китайских студентов университета (CCASA), разработанная С. Фангом и коллегами [3] (шкала состоит из 60 вопросов, разделенных на семь измерений: межличностная адаптация, адаптация к учебе, адаптация к жизни в кампусе, адаптация к выбору профессии, эмоциональная адаптация, самоадаптация и удовлетворенность, и оценивается по пятибалльной шкале лайкерта. Более высокие баллы свидетельствуют о лучшей адаптации к текущей ситуации).

Выборка данного исследования состояла из 151 китайского студента, обучающегося в белорусских УВО, 79 мужчин и 72 женщин. Их возраст варьировался от 19 до 32 лет, средний возраст составил 24,33 года. Для проверки гипотез и определения взаимосвязи между межкультурной чувствительностью и психологической адаптацией использовались описательная статистика и корреляционный анализ Пирсона. Результаты исследования обрабатывались с помощью статистического пакета SPSS (версия: v.21.0).

Гипотеза исследования: существует значимая положительная корреляция между межкультурной чувствительностью и психологической адаптацией.

Результаты исследования и их обсуждение.

Результаты описательной статистики показали, что средний балл китайских иностранных студентов по шкале кросс-культурной чувствительности (CCSAS) составил 81,52, со стандартным отклонением 11,93 и диапазоном от 46 до 115, что говорит о том, что большинство студентов обладают умеренно высоким уровнем кросс-культурной чувствительности, однако существуют очевидные индивидуальные различия, свидетельствующие о разнообразии кросс-культурного понимания, принятия и готовности к общению среди студентов. Средний балл по шкале психологической адаптации составил 201,89 при стандартном отклонении 32,89, варьируясь от 98 до 289, что свидетельствует о хорошем общем уровне психологической адаптации, но есть и лица с трудностями адаптации, а также о большей вариативности состояния психологической адаптации среди студентов.

Таблица 1

Общие баллы по шкалам ISS и CCSAS для китайских студентов

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Среднеквадратичное отклонение
ISS	151	46	115	81,52	11,927
CCSAS	151	98	289	201,89	32,885

Результаты исследования показали, что существует значительная положительная корреляция между общим баллом ISS и общим баллом CCSAS ($r = 0,766$, $p < 0,001$), что свидетельствует о том, что чем выше уровень межкультурной чувствительности, тем выше уровень психологической адаптации китайских иностранных студентов, и этот результат подтвердил гипотезу данного исследования.

Таблица 2

Корреляционный анализ Пирсона шкал ISS и CCSAS среди китайских студентов

Переменные	ISS - 1	ISS - 2	ISS - 3	ISS - 4	ISS - 5	ISS
	r (p)	r (p)	r (p)	r (p)	r (p)	r (p)
CCSAS - 1	0.564**	0.467**	0.514**	0.571**	0.547**	0.703**
CCSAS - 2	0.495**	0.327**	0.576**	0.452**	0.555**	0.627**
CCSAS - 3	0.628**	0.533**	0.522**	0.644**	0.499**	0.755**
CCSAS - 4	0.536**	0.442**	0.484**	0.604**	0.512**	0.679**
CCSAS - 5	0.477**	0.354**	0.573**	0.439**	0.545**	0.623**

Продолжение таблицы 2

CCSAS - 6	0.515**	0.449**	0.560**	0.549**	0.505**	0.681**
CCSAS - 7	0.545**	0.436**	0.647**	0.441**	0.569**	0.696**
CCSAS	0.604**	0.480**	0.623**	0.598**	0.604**	0.766**
* $p < 0.05$ ** $p < 0.01$						

Примечания. ISS - 1 – Вовлеченность во взаимодействие, ISS - 2 – Уважение к культурным различиям, ISS - 3 – Удовольствие от взаимодействия, ISS - 4 – Удовольствие от взаимодействия, ISS - 5 – Внимательность во взаимодействии. CCSAS -1 – Межличностная адаптация, CCSAS - 2 – Адаптация к учебе, CCSAS - 3 – Адаптация к жизни в кампусе, CCSAS - 4 – Адаптация к выбору профессии, CCSAS - 5 – Эмоциональная адаптация, CCSAS - 6 – Самоадаптация, CCSAS - 7 – Удовлетворенность.

Дальнейший анализ показал, что коэффициенты корреляции между общими баллами ISS и CCSAS-3 ($r = 0,755$, $p < 0,01$), CCSAS-1 ($r = 0,703$, $p < 0,01$) и CCSAS-7 ($r = 0,696$, $p < 0,01$) были выше, что свидетельствует о том, что межкультурная чувствительность оказывает особенно сильное влияние на жизнь в кампусе, межличностную адаптацию и общую удовлетворенность. Это связано с тем, что люди с более высокой межкультурной чувствительностью с большей вероятностью поймут и примут социальные правила и окружающую атмосферу чужой культуры, а значит, легче достигнут социальной интеграции и психологической удовлетворенности, что согласуется с предыдущими исследованиями [4].

Самый высокий коэффициент корреляции между общими баллами по CCSAS и ISS-3 ($r = 0,623$, $p < 0,001$) говорит о том, что уверенность студентов в себе при кросс-культурном взаимодействии положительно влияет на их общую психологическую адаптацию. Это может быть связано с тем, что уверенность в себе помогает снизить уровень тревоги и избегания и повышает инициативность во взаимодействии с другими людьми, тем самым ускоряя процесс интеграции и адаптации.

Самая высокая корреляция была обнаружена между ISS-3 и CCSAS-7 ($r = 0,647$, $p < 0,01$), а ISS-4 также показал высокую корреляцию с CCSAS-3 ($r = 0,644$, $p < 0,01$), что говорит о том, что позитивный опыт взаимодействия и уверенность в себе оказывают значительное положительное влияние на адаптацию и удовлетворенность в кампусе. Это может быть связано с тем, что уверенность в себе и приятное взаимодействие усиливают чувство принадлежности и положительные эмоции, которые, в свою очередь, повышают адаптацию и общую удовлетворенность средой кампуса.

Наименьшая корреляция была обнаружена между ISS-2 и CCSAS-2 ($r = 0,327$, $p < 0,01$), что говорит о том, что уважение к культурным различиям, хотя и является позитивной межкультурной установкой, имеет более слабый прямой вклад в учебную адаптацию. Это может быть свя-

зано с тем, что адаптация к обучению в большей степени зависит от уровня владения языком, стратегий обучения и адаптации к системе преподавания, в то время как уважение к культуре влияет на адаптацию на межличностном и аффективном уровнях.

Выводы. Результаты данного исследования, основанные на анкетном опросе 151 китайского иностранного студента в белорусских университетах, показывают, что существует значительная положительная корреляция между межкультурной чувствительностью и психологической адаптацией, что свидетельствует о том, что чем выше межкультурная чувствительность, тем лучше иностранные студенты способны адаптироваться к иностранной среде. Несколько измерений межкультурной чувствительности эффективно предсказывали уровень психологической адаптации, особенно в таких областях, как межличностная адаптация, адаптация в кампусе и удовлетворенность. Данное исследование предоставляет эмпирические данные для университетов по поддержке межкультурной адаптации китайских иностранных студентов и предлагает двусторонним школам повысить уровень межкультурного образования студентов, чтобы способствовать лучшей интеграции в местную культуру, повысить психологическую устойчивость и улучшить общий опыт обучения за рубежом и результаты обучения студентов.

Библиографические ссылки

1. *Chen G. M., Starosta W. J.* The development and validation of the intercultural communication sensitivity scale // *Human Communications*. 2000. Iss. 3. P. 1–15.
2. 张仕欣. 中国学生在法国跨文化研究适应 : 硕士学位论文. 高等教育学 / 张仕欣; 华东师范大学. 2020. P. 36–55. = *Чжан Ш. С.* Адаптация китайских студентов к межкультурным исследованиям во Франции: магистерская диссертация // *Высшее образование*. 2020. С. 36–55.
3. 方晓义, 沃建中, 蔺秀云. «中国大学生适应量表»的编制 // *心理与行为研究*. 2005. Iss. 02. P. 95–101. = *Фан С. И, Ву Ц. Ч., Линь С. Ю.* Разработка шкалы «Адаптации для китайских студентов» // *Психологические и поведенческие исследования*. 2005. № 02. С. 95–101.
4. *Chen G. M., Starosta W. J.* Intercultural Communication Competence: A Synthesis // *Annals of the International Communication Association*. 1996. Vol. 19, iss. 1. P. 353–383.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕКЛЮЧАЕМОСТИ ВНИМАНИЯ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ

В. А. Василенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vasilenka.valysha@gmail.com
Научный руководитель – Е. В. Плакса, старший преподаватель*

В статье представлены результаты сравнительного анализа скорости переключения внимания у студентов гуманитарного и технического профиля. На основе психодиагностических методик были выявлены статистически значимые различия. Обсуждаются факторы, влияющие на показатели когнитивной гибкости, а также их значение для профессиональной и учебной деятельности.

Ключевые слова: внимание; переключаемость внимания; студенты; профиль обучения.

Проблема внимания и его переключаемости остаётся актуальной в контексте профессиональной подготовки и диагностики когнитивных способностей. Изучением этого вопроса занимались А.Р. Лурия, С.Л. Выготский, А.А. Ухтомский, Н.Ф. Добрынин и ряд других исследователей [1; 2; 3; 4].

Скорость переключения внимания, по мнению А.Р. Лурии, представляет собой способность человека сознательно изменять фокус внимания с одного объекта (или задачи) на другой без существенной потери способности к концентрации [1]. Целью нашего исследования было выявление различий в скорости переключения внимания у студентов гуманитарного и технического профилей. Для этого были использованы следующие методики:

1. методика «Поиск чисел по "Таблицам Шульте"», В. Шульте в адаптации С.Я. Рубинштейн;
2. методика «Поиск чисел по "Таблицам Шульте-Горбова"», Д.Ф. Горбова;
3. методика «Корректирующая проба Бурдона», Б.Б. Бурдона в адаптации С.Я. Рубинштейн.

В исследовании приняли участие 97 студентов в возрасте от 18 до 21 года (45 юношей и 53 девушки), обучающихся в высших учебных заведениях города Минска по следующим специальностям: «психология» (18 человек), «философия» (25 человек), «история» (10 человек), «экономика-менеджмент» (16 человек), «теплоэнергетика и теплотехника» (11 человек), «программная инженерия» (17 человек).

Для исследования переключаемости внимания необходимо было создать экспериментальные условия, в которых это свойство внимания проявится. В нашем исследовании мы применяли простую пробу (выполнение таблиц Шульте, корректурная проба на один символ) для оценки свойств внимания и усложненную пробу (таблица Шульте-Горбова, корректурная проба на два символа) для вычисления времени, которое испытуемые тратили на переключение. Для оценки скорости переключения внимания применялась формула (формула 1) предложенная В.М. Блейхером в руководстве по клинической психологии [5].

Формула 1

$$\Pi = M - (M_1 \times 2)$$

где Π – переключение внимания; M – медианное значение по результатам методики «Поиск чисел по "Таблицам Шульте-Горбова"»; M_1 – медианное значение по результатам методики «Поиск чисел по "Таблицам Шульте"».

В связи с тем, что общепринятого способа для определения переключения внимания с помощью методики корректурной пробы на данный момент не представлено в научной литературе, для более углубленного анализа при оценке переключения по корректурной пробе применялись две формулы, одна предложенная В.М. Блейхером [5] (формула 2), вторая предложенная К.Р. Сидровым [6] (формула 3).

Формула 2

$$\Pi = M - M_1$$

где Π – переключение внимания; M – медианное значение по результатам корректурной пробы на два символа; M_1 – медианное значение по результатам корректурной пробы на один символ.

Формула 3

$$C = \frac{S_o}{S} \times 100\%$$

где C – переключение внимания в процентах успешного выполнения методики; S_o – количество ошибочно проработанных строк; S – общее количество просмотренных строк.

Первоначально мы проанализировали результаты выполнения таблиц Шульте. В литературе рекомендуют оценивать [7; 8]:

- 1) полученные временные значения во всех 5-ти пробах;
- 2) динамику временных показателей.

Средний результат по нашей выборке составил $m=40,4$. Нормой скорости выполнения для взрослого человека является от 30 до 50 секунд, в среднем – от 40 до 42 секунды. Подобный результат был ожидаем – период поздней юности демонстрирует наиболее оптимальные результаты в связи с физиологическим и психическим пиком своей активности – данный возраст считается пиком в развитии когнитивных функций, в том числе внимания [9]. Что касается динамики показателей, демонстрируется улучшение результатов к 4-ой пробе ($m=39$). Результаты испытуемых не ухудшались с каждой новой пробой, что свидетельствует об отсутствии повышенной утомляемости. Также не замечено тенденции к большому снижению временных показателей (1-ая проба ($m=44$) и 5-ая проба ($m=41$)), что позволяет сделать вывод об отсутствии повышенной нервной возбудимости среди испытуемых. Это может быть связано с относительно устойчивым психическим состоянием и отсутствием каких-либо неврологических заболеваний или психических расстройств. Повышение на пятой пробе ($m=41$) может являться следствием утомляемости ввиду безостановочного выполнения всех 5-ти проб подряд.

Далее мы обратились к анализу результатов по таблице Шульте-Горбова. Среднее значение скорости по результатам выполнения методики составило $M=107,11$ секунд со стандартным отклонением 13,63 секунды. Данный результат является распространённым в исследованиях [10], что подразумевает хорошую скорость в переключении внимания.

На следующем этапе мы проанализировали результаты корректурной пробы. Для каждого из вариантов выполнения методики (на один символ и на два символа) были рассчитаны медианные значения времени выполнения. Медианное время выполнения задания с одной буквой составило 234 секунды, с двумя буквами – 277 секунд.

По итогам расчета формул в таблице 1 представлены результаты переключения внимания.

Таблица 1

Средние значения переключения внимания.

Методики, с помощью которых вычислялось переключение внимания	Среднее значение	Стандартное отклонение
Таблицы Шульте-Горбова, секунды, формула 1	$M=25,41$	$\sigma = 13,43$
Корректурная проба Бурдона, секунды, формула 2	$M=51,19$	$\sigma = 28,47$
Корректурная проба Бурдона, процент успешного выполнения, формула 3	$M=20,62$	$\sigma = 7,95$

Проделанная работа была необходима в связи с отсутствием в научном пространстве норм переключения внимания – с учётом индивидуальных особенностей каждого человека, исследователями так и не была совершена попытка определить диапазон для среднестатистического человека. Для определения различий между студентами технического и гуманитарного профиля обучения был использован U-критерий Манна-Уитни (таблица 2).

Таблица 2

**Результаты анализа различий между группами респондентов исследования
(U-критерий Манна-Уитни)**

Переключаемость по методикам	Значение U	Средний ранг		Знач. различий
		гуманитарный профиль	технический профиль	
Таблицы Шульте-Горбова, секунды, формула 1	1773,5	37,54	67,81	<0,001
Корректирующая проба Бурдона, секунды, формула 2	1702,5	38,88	61,19	<0,001
Корректирующая проба Бурдона, процент успешного выполнения, формула 3	1127,5	49,73	48,13	0,779

Переключение внимания по методике поиска чисел значительно лучше выражено у респондентов гуманитарного профиля обучения ($\bar{x} = 37,54$; $p < 0,001$); такие же результаты продемонстрировала переключаемость по методике корректирующей пробы ($\bar{x} = 38,88$; $p < 0,001$): на основании норм, установленных в рамках нашей работы, можно утверждать, что у студентов-гуманитариев показатели скорости переключения внимания в целом выше: по таблице Шульте-Горбова среднее значение составило $19,97 \pm 10,67$ секунды (формула 1), по корректирующей пробе – $40,81 \pm 24,39$ секунды (формула 2) и $20,80 \pm 8,08\%$ (формула 3). Для студентов технического профиля средние показатели были ниже: по методике таблицы Шульте-Горбова среднее значение составило $31,96 \pm 13,58$ секунды (формула 1), по корректирующей пробе – $63,68 \pm 28,24$ секунды (формула 2) и $20,40 \pm 7,87\%$ (формула 3).

На наш взгляд полученные результаты могут быть детерминированы несколькими аспектами. Гуманитарные дисциплины чаще требуют работы с разнообразными текстами, интерпретацией смыслов, постоянной смены контекста, перехода от одной концепции к другой, что способствует тренировке когнитивной гибкости. Напротив, обучение в технических областях чаще опирается на последовательное логическое мышление, линейное решение задач и глубокое сосредоточение на одной структуре или формуле, что может способствовать развитию устойчиво-

го, но менее гибкого типа внимания. В исследовании Дж. Беста было показано, что учащиеся, чья академическая деятельность требует перехода между разными типами информации, демонстрируют более высокие показатели когнитивной гибкости [11]. При этом, как показало исследование Э. Офир, именно устойчивое внимание и способность быстро адаптироваться к новым информационным потокам повышают производительность в условиях перегрузки [12]. Следовательно, гуманитарная образовательная среда, опирающаяся на текущие, многозначные, социально насыщенные задачи, может в большей степени развивать способность к переключению внимания по сравнению с более формализованной и структурированной технической средой.

Библиографические ссылки

1. *Лурия, А.Р.* Лекции по общей психологии. СПб: Питер, 2006. 320 с.
2. *Выготский, Л.С.* Педагогическая психология. АСТ Астрель Хранитель, 2008. 671 с.
3. *Ухтомский, А.А.* Доминанта. Питер, 2002. 448 с.
4. *Добрынин, Н.Ф.* О теории и воспитании внимания. Советская педагогика. 1938. № 8. С. 12–32.
5. *Блейхер, В.М.* Клиническая патопсихология: Руководство для врачей и клинических психологов. Издательство Московского психолого-социального института. Воронеж, 2002. 512 с.
6. *Сидоров, К.Р.* Количественная оценка продуктивности внимания в методике «Корректирующая проба» Б. Бурдона. Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2012. №4. С. 50-57.
7. *Ахметзянова, А.И.* Практикум по клинической психологии // Учебно-методическое пособие. Издательство «Школьная пресса». Москва, 2013. 78 с.
8. *Худик, В.А.* Экспериментальное изучение простых сенсомоторных реакций с помощью таблиц. КПО. 2018. Т. 13, №1. С. 86-91.
9. *Фергюс, К.* Изменение когнитивных функций в течение жизни. Психология. Журнал ВШЭ. 2006. №2. С. 73-85.
10. *Рябцев, С.М.* Аттенционные характеристики спортсменов высокого класса, занимающихся пулевой и стендовой стрельбой. Мир педагогики и психологии. 2021. Т. 60, № 7. С. 27-36.
11. *Best, J.R.* Relations between executive function and academic achievement from ages 5 to 17 in a large, representative national sample. Learning and Individual Differences. 2011. Vol. 21, №4. P. 327–336.
12. *Ophir, E.* Cognitive control in media multitaskers. Academy of Sciences (US). 2009. Vol. 106, №37. P. 15583–15587.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМПАТИИ И МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У СТУДЕНТОВ- ПСИХОЛОГОВ

А. Д. Волкова

*Белорусский государственный педагогический университет, Советская ул., 18,
220030, г. Минск, Беларусь, svo00763@gmail.com
Научный руководитель — Е. В. Цакунова, преподаватель*

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между механизмами психологической защиты и эмпатией у студентов-психологов. Выявлены на уровне тенденций различия степени выраженности механизмов психологической защиты и эмпатических способностей между юношами и девушками.

Ключевые слова: эмпатия; психологическая защита; механизмы защиты; межличностные отношения; подготовка психологов.

Понимание человеческой психики представляет собой многогранный и комплексный процесс, характеризующийся наличием противоречий. Две, на первый взгляд, противоположные концепции – психологические защиты и эмпатия – на самом деле находятся в тесной взаимозависимости, которая оказывает большое влияние на наше мировосприятие и интерпретацию окружающего мира. Анализ данной взаимосвязи может помочь открыть новые перспективы для углубленного понимания межличностных отношений, а также для создания и реализации эффективных стратегий в будущей профессии психолога.

Механизмы психологической защиты представляют собой комплекс бессознательных стратегий, которые человек использует для внутреннего комфорта и минимизации воздействия негативных переживаний и формирования травм. Механизмы психологической защиты включают отрицание, вытеснение, проекцию, компенсацию, рационализацию, юмор, альтруизм, сублимацию и другие [1].

Эмпатия, по В.В. Бойко, – «...форма рационально-эмоционально-интуитивного отражения другого человека, которая позволяет преодолеть его психологическую защиту и постичь причины и следствия самопроявлений – свойств, состояний, реакций – в целях прогнозирования и адекватного воздействия на его поведение» [2, с. 205]. Она включает в себя не только восприятие эмоционального состояния другого человека, но и эмпатический отклик, погружающий в его внутренний мир.

Однако включение механизмов психологической защиты может сильно ограничить данную способность. Например, проекция, при кото-

рой человек приписывает другому собственные неприемлемые эмоции и черты характера, может исказить объективное восприятие своего истинного состояния.

При этом определенные механизмы психологической защиты положительно могут влиять на развитие эмпатии. Например, механизм сублимации при котором неприемлемые импульсы преобразовываются в социально приемлемые формы активности. Человек, который нейтрализовал свои агрессивные тенденции с помощью сублимации, может избрать карьеру в медицине или же стать психологом, где эмпатия играет ключевую роль. Таким образом, защитный механизм, изначально сформировавшийся для разрешения внутреннего конфликта, в конечном итоге может способствовать развитию эмпатическим навыкам.

Зрелые механизмы психологической защиты, такие как юмор и альтруизм, могут оказывать большое влияние на развитие эмпатии. Юмор помогает индивидуализировать восприятие стрессовых ситуаций, способствуя дистанцированию от эмоционально окрашенных переживаний к формированию более объективного восприятия эмоционального состояния другого человека.

Некоторые психологи выделяют категории «Терапевтического» и «Нетерапевтического» юмора. В работе «Терапевтические отношения» были проанализированы результаты психотерапевтической практики, показавшие, что наиболее эффективные терапевты демонстрируют эмпатию, заботу и искренность в отношении своих клиентов [3]. Таким образом, можно предположить, что юмор будет иметь терапевтическое воздействие в случае его искреннего использования, выражающего эмпатическое понимание и заботу о клиенте. С другой стороны, использование юмора может быть не терапевтическим, если у клиента формируется ощущение недопонимания, злости и раздражения, потому что юмор носит характер неприятия или негативной оценки его эмоциональных состояний [3].

Эмпатия, по словам Дэниэла Бэтсона, является фундаментальной основой альтруизма. Хотя это и кажется очевидным, но данное утверждение было подтверждено экспериментально. Студенты, наблюдавшие изменение уровня стресса у других субъектов, демонстрировали наиболее выраженные физиологические реакции, связанные с эмпатией. То есть люди, обладающие высокой степенью эмпатической отзывчивостью, склонны к проявлению альтруистического поведения [4].

Таким образом механизмы психологической защиты могут влиять на эмпатию. Некоторые, например, такие как проекция искажают реальность и снижают способность к эмпатии. Зрелые механизмы, наоборот, могут ее развить. Сублимация трансформирует негативные импульсы в

полезную деятельность, где важна эмпатия. Юмор помогает дистанцироваться от стресса и лучше понимать чувства других. Альтруизм, мотивированный эмпатией, побуждает помогать другим людям. То есть, уровень эмпатии определяется типом и зрелостью защитных механизмов личности.

Целью нашего исследования являлось изучение взаимосвязи между механизмами психологической защиты и эмпатией у студентов-психологов. В исследовании приняли участие 30 студентов второго курса Института психологии УО «Белорусский государственный педагогический университет». Выборку составили 7 студентов мужского пола и 23 студента женского пола.

Для диагностики использовались методики «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко и «Методика измерения психологической защиты» (Р. Пилюгина и Р. Ф. Сулейманов).

В рамках исследования был проведен анализ взаимосвязи с применением статистического метода – коэффициента корреляции Спирмена. Данный анализ позволил обнаружить ряд статистически значимых связей между проявлениями эмпатии и механизмами психологической защиты.

Установлена статистически значимая положительная корреляция между альтруизмом и разными компонентами эмпатии: эмоциональным каналом ($r=0,632$), интуитивным каналом ($r=0,322$), проникающей способностью в эмпатии ($r=0,455$), идентификацией в эмпатии ($r=0,549$) и суммарным показателем эмпатии ($r=0,713$). Эти результаты могут объясняться тем, что альтруистическое поведение предполагает ориентацию на потребности других людей и готовность оказывать им помощь. Это требует от человека высокоразвитых навыков эмпатии, позволяющее понимать и разделять эмоциональное состояние других.

Обнаружены статистически значимые положительные корреляции: между компенсацией и идентификацией в эмпатии ($r=0,504$), юмором и проникающей способности в эмпатии ($r=0,506$), адаптацией и эмоциональным каналом ($r=0,552$), адаптацией и проникающей способности в эмпатии ($r=0,445$). Данный факт указывает на то, что компенсация может способствовать развитию эмпатии, так как человек с данным защитным механизмом осознает собственные недостатки и стремится их устранить. Это приводит к более глубокому пониманию чувств других людей, сталкивающихся с похожими трудностями. Адаптация и юмор, в свою очередь, способствуют эффективному управлению стрессом и эмоциональным напряжением, создавая благоприятные условия для проявления эмпатии.

Также выявлена обратная корреляция между степенью социальной изоляции и компонентами эмпатии: установками способствующими эмпатии ($r = -0,493$), проникающей способности в эмпатии ($r = -0,538$) и суммарным показателем эмпатии ($r = -0,469$). Таким образом, социальная изоляция может привести к сокращению социальных связей и это снижает возможность к развитию эмпатии. Так как изолированные люди могут проявлять меньшую мотивацию к пониманию и сопереживанию эмоциональному состоянию других людей.

Для выявления различий в степени выраженности эмпатических способностей и механизмов психологической защиты между девушками и юношами был проведен сравнительный статистический анализ с применением U-критерия Мана-Уитни (таблица).

Различия между эмпатией и механизмами психологической защиты

Переменные	Средний ранг		U-критерий Мана – Уитни	Уровень значимости
	Девушки	Юноши		
Изоляция	22,07	13,5	34,5	0,02
Альтруизм	8,35	17,67	30,5	0,01
Эмоциональный канал	7,85	17,82	27	0,01
Суммарный показатель эмпатии	8,78	17,54	33,5	0,01

Выявлены статистически значимые различия в выраженности механизма защиты «Изоляция» между исследуемыми группами ($U=34,5$, $p=0,023$). В группе девушек данный механизм защиты проявляется в большей степени, что указывает на выраженную склонность студентов использовать данный механизм защиты на стрессовую ситуацию.

В результате статистического анализа между двумя группами выявлены значимые различия в уровне проявления механизма психологической защиты «Альтруизм» ($U=30,5$, $p=0,012$). Установлено, что уровень альтруистического поведения выше в женской группе. Данный факт указывает на то, что студентки этой группы проявляют большую склонность к альтруистическим действиям и чаще помогают другим людям.

Также выявлены значимые различия в уровне эмпатии по эмоциональному каналу между исследуемыми группами ($U=27$, $p=0,007$). Таким образом установлено, что у студенток женского пола наблюдается более высокий уровень данного показателя. Это свидетельствует о том, что представительницы женского пола показывают более высокую способность к пониманию и интерпретации эмоциональных состояний других людей.

В результате статистического анализа между двумя группами выявлены значимые различия в уровне выраженности суммарного показателя эмпатии. В женской группе данный показатель оказался выше, что свидетельствует о более развитых эмпатических способностях в сравнении с представителями мужского пола.

Следует подчеркнуть, что данные различия стоит рассматривать в качестве тенденций, так как ограниченный объем выборки снижает репрезентативность данных, а именно: гендерная диспропорция выборки, состоящая преимущественно из девушек, влияет на интерпретацию гендерных различий и требует дополнительной верификации.

Таким образом, результаты исследования позволили выявить взаимосвязь эмпатии и психологических механизмов защиты у студентов-психологов, а также наметить возможные векторы исследования гендерных различий в указанной области. Данные результаты могут быть использованы для разработки программ, которые будут направлены на повышение уровня эмпатии и снижение социальной изоляции.

Библиографические ссылки

1. Тухужева Л. А., Джанкулаев А. А., Тухужева Ж. З. Механизмы психологической защиты // Вопросы науки и образования. 2020. №2 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-psiologicheskoy-zaschity> (дата обращения: 21.04.2025).
2. Жегалло А. В., Басюл И. А., Власов А. В. Конструкты, измеряемые опросниками эмпатии Бойко и ЭМИн: взаимоотношения и генетические факторы // Экспериментальная психология. 2023. Том 16. №2. С. 203-217.
3. Мусийчук М. В. Юмор в психотерапии и консультировании: проблемы и решения в современных парадигмах // Медицинская психология в России. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yumor-v-psihoterapii-i-konsultirovanii-problemy-i-resheniya-v-sovremennyh-paradigmah> (дата обращения: 21.04.2025).
4. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens / пер. с англ. СПб. : Прайм-Еврознак. 2007. 38 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОКРАСТИНАЦИИ И САМОЭФФЕКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФИЛЕЙ

А. В. Грыцкевич

Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9

220030, г. Минск, Беларусь, agrytskevich@bk.ru

Научный руководитель – К. И. Татарко, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены результаты исследования самооффективности студентов как корреляты академической прокрастинации. Академическая прокрастинация рассматривается как один из видов общей прокрастинации. Полученные результаты о взаимосвязи частоты прокрастинации с предметно-деятельностной и коммуникативной самооффективностью могут быть использованы в работе со студентами с целью повышения качества усваиваемых ими знаний и умений, улучшения их психоэмоционального состояния. Выявленные различия взаимосвязи академической прокрастинации и самооффективности студентов различных профилей могут помочь в разработке более индивидуализированных программ работы.

Ключевые слова: академическая прокрастинация; самооффективность; профиль обучения; студенты.

В современном мире студенты часто сталкиваются с проявлениями академической прокрастинации.

Академическая прокрастинация является одним из наиболее изученных видов прокрастинации. Она определяется как иррациональное откладывание выполнения намеченных действий для выполнения важных для личности целей, которое обычно имеет негативный эффект для человека [1], представлена в научных работах таких исследователей как Fleet G. L., Moenaghí H. K., Pereira L., L. Solomon, E, D. Rothblum C., Варваричева Я. И., Зверева М. В., Попова Д. И. и др.

Распространённость академической прокрастинации достигает 70-80% [2; 3]. Для студентов с высоким уровнем академической прокрастинации характерны неорганизованность, забывчивость, лень. Такие студенты имеют ориентацию на настоящее, испытывают сложности с контролем и организацией своей деятельности. Они часто отличаются недобросовестным отношением к работе – как правило, более совестливые люди склонны выполнять работу добросовестно ради избежания эмоционального дискомфорта [4].

Академическая прокрастинация негативно влияет на темп и эффективность работы, что сказывается на качестве получаемых знаний и, как следствие, на успеваемости [5; 6]. По мнению И. Н. Кормачёвой, академическая прокрастинация затрудняет учебную активность своим воздей-

ствием на готовность к деятельности, энергичность студента, вызывает трудности с реализацией намерений. Чтобы приступить к делу прокрастинаторам нужно приложить серьёзные усилия, но при первом же появлении препятствий, они часто отказываются их преодолевать [5; 7].

Ранее были проведены исследования взаимосвязи академической прокрастинации с самооценкой (Milgram N. A.), тревожностью (Лученкова М. А.), ценностными ориентациями личности (В. С. Узинцев), мотивацией достижения и избегания (Т. В. Зарипова), саморегуляцией (Микляева А. В.), уровнем интеллекта (Варваричева И. Я.), психологическими защитами (Ивутина Е. П.).

Проведено достаточно исследований связи самоэффективности и прокрастинации студентов (Симонова А. Д., Бабаева Ю. Д.), меньше исследований в связи с коммуникативной и предметно-деятельностной самоэффективностью (Коломинец О. В., Лебединская С. В.). Необходимость изучения академической прокрастинации в связи с разными видами самоэффективности обусловлена разнообразием деятельности, производимой студентом в образовательно-воспитательном процессе. **Самоэффективность** – это ожидание личного мастерства (или успеха), которое определяет изменение поведения индивида. Она включает в себя предметно-деятельностную (сфера задач) и коммуникативную (сфера общения) самоэффективность [8].

В исследовании приняли участие 87 студентов гуманитарных (31 чел.), технических (30 чел.) и естественнонаучных (26 чел.) специальностей. Использовались методики “Шкала общей прокрастинации GPS (General Procrastination Scale by C. Lay)” в адаптации Винкендера О. С. и Останиной М. В.; “Шкала студенческой прокрастинации SPS (Student Procrastination Scale by C. Lay)” в адаптации Юдеевой Т. Ю., Гаранян Н. Г. и Жуковой Д. Н.; “Шкала самоэффективности SES (Self-Efficacy Scale by J. Maddux, M. Sherer)” в адаптации Бояринцевой А. В. и Кричевского Р. Л.

В результате использования непараметрического критерия Колмогорова-Смирнова выяснилось, что не все данные распределены нормально, поэтому для выявления взаимосвязи использовался коэффициент корреляции Спирмена при помощи SPSS Statistics v.27.

Существует статистически значимая обратная корреляция ($r=-0,457$, $p<0,001$) **академической прокрастинации и общей самоэффективности**. Это означает, что чем сильнее студент уверен в успешном исходе своих действий, тем меньше он откладывает учебные задачи. Студент верит в успех и чувствует контроль над ситуацией, поэтому не склонен к промедлению в учебной деятельности.

Нами обнаружена статистически значимая обратная корреляция ($r = -0,464$, $p < 0,001$) *академической прокрастинации и предметно-деятельностной самооффективности*. То есть, чем чаще студент откладывает учебные задачи, тем меньше он склонен оценивать результат своей деятельности как успешный. Из-за откладывания качество работы снижается, а это означает, что результат получается хуже того, что студент ожидал, из-за чего и падает самооффективность в решении подобных задач в будущем.

Существуют различия в корреляции у студентов по профилю. Так у студентов *гуманитарных* специальностей связь академической прокрастинации с общей ($r = -0,632$, $p < 0,001$) и предметной ($r = -0,627$, $p < 0,001$) самооффективностью сильнее, чем у студентов других профилей. Это означает, что чем выше у гуманитариев убежденность в собственном успехе — как в целом, так и в конкретных учебных задачах — тем ниже уровень прокрастинации. Вероятно, это связано с тем, что в гуманитарной сфере самооценка и уверенность играют более важную роль в организации деятельности, и снижение субъективной эффективности может особенно остро сказываться на способности начать и завершить задания.

Только у студентов *естественно-научного профиля* не обнаружено статистически значимой корреляции между академической прокрастинацией и предметной самооффективностью, т. е. для данной группы уровень уверенности в учебных действиях не так сильно связано со склонностью откладывать задачи. Возможным объяснением может быть то, что у студентов естественно-научных направлений прокрастинация может сильнее зависеть от внешних факторов (перегруженность, плотный график, объективная сложность задач), а не от внутренней оценки своей эффективности.

Также у студентов *естественно-научного профиля*, в отличие от других, обнаружена статистически значимая положительная корреляция предметно-деятельностной и коммуникативной самооффективности ($r = 0,441$, $p = 0,013$). Чем увереннее такие студенты в своих учебных действиях, тем выше их уверенность в ситуациях социального взаимодействия. Мы думаем, что это связано с особенностями образовательной среды естественно-научных направлений, где академическая успешность часто требует активного взаимодействия с преподавателями и группой (например, в лабораторных работах), и потому академическая уверенность тесно переплетается с коммуникативной.

Наиболее сильная корреляция общей и академической прокрастинации наблюдается у студентов *технического профиля* ($r = 0,936$, $p < 0,001$). Это означает, что у этих студентов общая склонность к прокрастинации тесно связана с откладыванием именно учебных задач. Ве-

роятно, это связано с тем, что технические направления предполагают высокую когнитивную нагрузку, чёткие дедлайны и сложность материала, из-за чего общая прокрастинация наиболее ярко проявляется именно в академическом контексте.

Так, академическая прокрастинация негативно сказывается на качестве получаемых знаний и успеваемости студентов, вызывая задержку выполнения заданий и тревогу по этому поводу. Причинами высокой частоты академической прокрастинации могут являться страх неудачи, неприятие задачи, низкая самооффективность, недостаток саморегуляции, отсутствие личностного смысла деятельности.

Существует статистически значимая обратная взаимосвязь академической прокрастинации и предметно-деятельностной самооффективности. Чем чаще студент откладывает дела на потом, в том числе и учебные, тем ниже его вера в ожидание успеха. Связь академической прокрастинации с общей и предметной самооффективностью сильнее у студентов гуманитарного профиля, в то время как у студентов технических специальностей сильнее взаимосвязь академической и общей прокрастинации. Особенностью студентов естественно-научного профиля является отсутствие статистически значимой корреляции с предметной самооффективностью, а также наличие (в отличие от других профилей) связи предметной и коммуникативной самооффективности.

Результаты исследования могут быть использованы, прежде всего, для дальнейшей разработки темы прокрастинации в связи с самооффективностью в различных сферах деятельности студента. Т.к. коммуникативная самооффективность студентов естественно-научных специальностей взаимосвязана с их предметной самооффективностью, возможна работа над развитием коммуникативных навыков студентов естественно-научного направления. Работая со студентами-гуманитариями, стоит помнить о том, что их откладывание учебных заданий связано с самооффективностью в целом, поэтому нужно формировать убежденность в успешности использования своих личностных характеристик (в любой деятельности), а не специфические виды самооффективности. Предполагается снижение уровня академической прокрастинации студентов технических специальностей за счёт уменьшения уровня общей прокрастинации или отдельных её аспектов (например, принятие решений).

Библиографические ссылки

1. Lay, C.H. Working to schedule on personal projects: An assessment of person-project characteristics and trait procrastination. *Journal of Social Behaviour and Personality*, 1990. Vol. 5. №3. P. 91–103.

2. Академическая прокрастинация в студенческой среде: результаты эмпирического исследования / А. В. Микляева [и др.] // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т.19. С. 56–66.
3. *Solomon, L., Rothblum, E. D.* Academic procrastination: frequency and cognitive-behavioral correlates // *Journal of Counseling Psychology*. 1984. № 31(4). P. 503–509.
4. *Кожевникова, О. В., Шкляева Е. П.* Психологические предикторы склонности субъекта к академической прокрастинации // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. №4. С. 451–455.
5. *Кормачева, И. Н.* Академическая прокрастинация как элиминация учебной активности // Психология человека в образовании. 2021. №1. С. 61–70.
6. *Полякова, М. А.* Прокрастинация и лень: соотношение понятий // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований : Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и их наставников, Тверь, 29 апреля 2019 года. Тверь: Тверской государственный университет, 2019. С. 387–390.
7. *Pereira, L. C., Ramos, F. P.* Academic procrastination in university students: A systematic review of the literature // *Psicologia Escolar e Educacional*. 2021. Т. 25.
8. *Митина, Л. М.* Психология развития конкурентоспособной личности. Воронеж, 2002. С. 97–101.

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РАБОТНИКА

А. П. Демизюк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, aristina.demizuk@gmail.com.
Научный руководитель – Е. И. Климушко, старший преподаватель*

Вопрос мотивации профессиональной деятельности стоит в психологической науке достаточно давно, однако до сих пор вызывает определенный интерес. В данной статье были проанализированы системы мотивации профессиональной деятельности педагогов, а также различные способы развития мотивации педагогических работников.

Ключевые слова: мотивация; деятельность; педагогический работник; учитель; преподаватель.

Немаловажной для любого общества является деятельность именно педагогических работников, ведь эти люди на разных этапах обучения формируют не только фундамент знаний в умах, но и в значительной степени влияют на мировоззрение обучающихся. Требования к педагогическим работникам изменились под влиянием трансформации общества и системы образования, в частности. Педагог сегодня – тот человек, который обладает соответствующим образованием и владеет навыками, необходимыми для осуществления профессиональной деятельности по воспитанию и образованию определённого круга людей. Можно открыто заявить, что стезя педагога (не только учителя) — тонкая работа. Для того, чтобы педагог считался профессионалом в своём деле, необходимы не только предметные знания и характер, но и желание, готовность постоянно развиваться – значит и высокий уровень мотивированности. Здесь мы рассматриваем две категории педагогических работников, которые наиболее широко известны: учителя и преподаватели УВО. Сравнение необходимо по той причине, что довольно часто эти типы педагогов путают или вовсе не разделяют, из-за чего задача выделить побуждения профессиональной деятельности усложняется.

Пока многие руководители не будут считать нужным поощрять систему мотивации сотрудников, в педагогической сфере окончательно не исчезнет проблема кадрового голода. «Мотивировать педагога на профессиональный рост и оказать ему поддержку в межаттестационный период – одни из основных задач администрации учреждения», — пишет Н. В. Родыгина [1]. Поэтому трудовая мотивация до сих пор остаётся значительным явлением в области педагогических и психологических

исследований, отражающим естественную склонность человека к обучению и изменению.

Мотивация – это комплексное понятие, включающее совокупность внешних и внутренних факторов, влияющих на поведение индивида. То есть мотивация – это система факторов, побуждающих индивида специальным образом организовывать и переорганизовывать собственное поведение ради достижения цели или удовлетворения потребности. В психологии сложилась традиция тесным образом связывать понятие мотивации с понятием деятельности. От мотивации, к примеру, зависит результативность деятельности (исследования И. Ильвина) [2]. Сама же деятельность не существует полноценно без мотива, т.к. в этом случае не имеет своей основы – предмета деятельности [3].

Изучение мотивации педагогической деятельности и её формирование – это две неизменные стороны единого процесса. Мотивы, побуждающие ступить человека на путь учителя, качественно разнообразны, но в целом можно выделить внешнюю и внутреннюю стороны профессиональной мотивации. Хотя ряд исследователей считают, что роль внешней мотивации доминирует тем или иным образом [2; 4; 5], важной оказывается и иная сторона, внутренняя. В первую очередь трудовая мотивация здесь исходит из внутренней ориентации личности. Вместе с тем, система мотивации педагогического работника не существует отдельно от общества, т.к. сам этот род деятельности выполняется в некой группе людей, поэтому про внешние мотивы тоже нельзя забывать, считая, однако, внутренние стремления первичными. Мотивация педагогического работника зависит непосредственно и от его деятельности, что подтверждается научными трудами [2]. Ясно, что мотивация педагогов складывается из трех частей: внутренних мотивов личности, предъявляемых обществом условий и процесса протекания самой деятельности специалиста.

Требования к учителям формируются обществом, и на их основе возникает рабочая мотивация молодых специалистов. Для трудового совершенствования и создания здоровой системы профессиональной мотивации учителям школ желательно иметь и нематериальные, и материальные стимулы, побуждающие к карьерной реализации в данной сфере. Можно сказать, что стимулирование со стороны администрации не является лишним. Наоборот, такая техника может помочь в создании важной для учебного процесса здоровой атмосферы педагогического коллектива или коллектива учебного класса, что подтверждается рядом статей и исследований (М. Д. Сидаш, Е. Е. Крупнова, Т. А. Жалагина, Л. Н. Захарова и др.) [4; 5; 6; 7]. Таким образом, можно отметить, что внешние стимулы существенно влияют на рабочую мотивацию школьного педагога.

Нам необходимо рассмотреть также и систему внутренней мотивации для того, что полнейшим образом охарактеризовать мотивацию профессиональной деятельности учителя. Интерес к внутренней стороне системы трудовой мотивации учителя обуславливается и тенденцией трансформации с течением времени значимых для деятельности педагога факторов. Как показало исследование С. В. Львовой личностных особенностей педагогов в возрасте от 23 до 65 лет, хотя интерес к совместной деятельности с учащимися является преобладающим в выборке мотивом, с увеличением трудового стажа картина существенно меняется: роль внутренней мотивации несколько снижается, зато происходит невротизация личности. Самый высокий уровень внутренней мотивации проявляют педагоги, проработавшие по профессии до 15 лет [8].

«Педагог» – это достаточно ёмкий и удобный термин, однако он включает в себя различные категории специалистов. Мотивация профессиональной деятельности педагога не ограничивается одной только мотивационной системой координат учителя, и мотивация педагогического состава, например, УВО качественно отличается.

Преподавателями, как известно, мы называем тех, кто читает лекции и ведет занятия в УВО и средних специальных учебных заведениях. Невзирая на то, что данный факт не всегда очевиден, для разъяснения и уточнения профессиональной мотивации преподавателя необходимо об этом упомянуть. Поскольку работа в УВО предполагает иные задачи, нежели у школьных учителей, то деятельность преподавателя, а, следовательно, и его мотивация, отличается. Учитель занимается не только преподаванием, но также методической и, что важно, воспитательной работой. Преподаватель, однако, должен заниматься научной работой – престиж, рейтинг преподавателя во многом определяется тем, насколько он не только преподаватель, но и ученый.

В профессиональной деятельности преподавателя есть две стороны; а поскольку мотивация взаимосвязана с деятельностью [3], то и исследовательская, и учебная работа педагога будут оказывать влияние на его побуждения. Внешняя мотивация, разумеется, будет связана с ориентацией на карьерный рост, на получение признания, на установление благоприятных межличностных отношений с коллегами. В этом ключе мотивацию определяют до определённой степени и такие явления как, например, учебная нагрузка на преподавателя, ведь уровень занятости тоже причисляется к внешним факторам [9]. Однако внутренняя мотивация преподавателя окажется в зависимости от предметных интересов исследователя, т.е. собственно научных идей; а также на мотивацию могут повлиять присущие всем педагогам стремления: поделиться своими знаниями, «воспитать» достойную смену своему поколению и др.

Совершенно ясно, что профессиональная деятельность педагогического работника находится в тесной взаимосвязи с личностными качествами специалиста: отношение к характеру разрешения конфликтов, возникающих в учебно-воспитательном процессе; отношение к новому, в частности, к нововведениям в педагогике; творчество и тяга к инновациям и др. [10]. На систему профессиональной мотивации учителя воздействуют различные факторы: представления социума о данных специалистах, условия труда или материальные и нематериальные стимулы (в контексте внешней мотивации), а также глубинные установки личности (в контексте внутренней мотивации). Преподавательская деятельность включает традиционную учебно-воспитательную работу, но и занятия в области научных исследований. Система мотивации здесь также включает внешнюю и внутреннюю; последняя более специфична и управляется не только научными интересами, но и стремлениями индивида как педагога.

Библиографические ссылки

1. *Родыгина Н. В.* Совершенствование системы мотивации учителя к педагогической деятельности. Екатеринбург, 2020. 12 с.
2. *Мелетичев В. В., Шингаев С. М.* Мотивация профессиональной деятельности и профессиональное выгорание педагогов: теория, диагностика, взаимосвязь, профилактика. СПб: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2024. 10 с.
3. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
4. *Волкова Е. Н.* Личностные особенности учителя XXI века: анализ эмпирических исследований проблемы // Образование и наука, 2022. №3. 126 с.
5. *Сидаш М. Д.* Нематериальные стимулы мотивации педагогов // Вестник науки, 2023. №4 (61). 158 с.
6. *Крупнова Е. Е.* Мотивация и стимулирование профессиональной деятельности педагога в современных условиях // Образование: Ресурсы развития. Вестник ЛОИРО, 2011. № 4. 99 с.
7. *Жалагина Т. А., Виноградов К. С.* Мотивация профессиональной деятельности и ценностные ориентации личности как факторы успешности профессиональной деятельности педагога // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология, 2021. № 2(55). 66 с.
8. *Львова С. В.* Профессиональная мотивация педагогов образовательного учреждения // Системная психология и социология, 2015. № 3 (15). 54 с.
9. *Рогинко Е. В.* Мотивация преподавателя как предпосылка повышения качества образования / Высшее образование сегодня, 2020. №10. 22 с.
10. *Наумчик В. Н., Метлицкая Т. И.* Мониторинг профессионального становления личности педагога // Психолого-педагогическая деятельность: сферы сотрудничества и взаимодействия: IV Межрегиональной заочной науч.-практической интернет-конференции с международным участием 16–19 октября 2018 г., г. Кострома. Кострома, 2018. 235 с.

КАРЬЕРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В. И. Карпенко

*Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
ул. Советская, 18,
220030, г. Минск, Беларусь, vika.alegre@gmail.com
Научный руководитель — Ю. А. Полещук, кандидат психологических наук, доцент*

В центре внимания данного исследования находится процесс профессионально-карьерного выбора у студентов, осваивающих педагогические направления подготовки. Необходимость исследования связана с задачами усиления подготовки конкурентоспособных выпускников, обладающих осознанной и гибкой карьерной стратегией.

Ключевые слова: карьерное самоопределение; студенты; педагог; университет.

В условиях современного динамичного рынка труда, характеризующегося высокой неопределенностью, появлением новых профессий, проблема карьерного самоопределения приобретает особую значимость. Для студентов этот процесс становится ключевым этапом жизненного пути, от успешности которого зависит будущая профессиональная реализация, личное благополучие и социальная адаптация. Формирование готовности к осознанному построению карьеры является не только личной задачей студента, но и важной целью системы высшего образования, призванной подготовить мотивированных и профессионально ориентированных специалистов.

Понятие «карьерное самоопределение» изначально было разработано и введено в зарубежных исследованиях. В зарубежной психологии проблему карьерного самоопределения изучают Л.С. Готтфредсон, Дж. Гринхаус, Р.А. Ноз, Д.Е. Сьюпер, Л.С. Хансен, Д. Холл и др.

В отечественной психологии данный термин только вводится, но при этом увеличивается количество исследователей, которые указывают на необходимость изучения карьерного аспекта не только относительно профессиональной деятельности в целом, но и относительно вопросов, связанных с профессиональным самоопределением. В отечественной психологии проблему карьерного самоопределения изучают А.Н. Демин, Е.А. Могилевкин, А.С. Новгородов, А.Б. Седых, В.К. Шаповалов. Те или иные аспекты карьерного самоопределения рассматривают К.А. Абульханова-Славская, Р.Л. Кричевский, Н.С. Пряжников и др.

Карьерное самоопределение представляет собой более узкое и динамичное понятие (нежели профессиональное самоопределение), явля-

ясь составной частью профессионального. Его ядро – это активное проектирование траектории профессионального развития и продвижение внутри выбранной сферы. В карьерном самоопределении упор делается не на сам факт выбора профессии, а не ее качественное наполнение и развитии. Говоря о временной перспективе, карьерное самоопределение нацелено на длительную перспективу, представляя собой непрерывный процесс планирования и осуществления этапов профессионального роста.

Понятие «карьерное самоопределение» рассматриваются различными науками:

- психологией и акмеологией (К.А. Абульханова-Славская, А.Н. Демин, Е.А. Могилевкин, Е.А. Климов, А.Л. Купрейченко, Д.А. Леонтьев, А.К. Маркова, О.В. Москаленко, Н.С. Пряжников и др.);
- социологией (З.А. Авдошина, Е.Б. Биликтуева, Е.Б. Задорожникова, А.С. Мельник, Э.В. Каграмян, А.И. Кравченко, Е.В. Ковалевская, Е.В. Охотский, Г.А.Чередниченко и др.),
- политологией (А.В. Гришин, Г.И. Демин и др.),
- социально-культурной деятельностью (Ю.А. Акунина, О.В. Ванина, Е.И.Григорьева и др.) [1, с.4].

Л. Готтфредсон приводит теорию карьерного самоопределения, которая получила название «Теория ограничения и компромисса». Проведя теоретический анализ теории можно отметить, что теория помогает лучше понять, как сформировано рассматриваемое множество возможностей профессионального развития, и может подтолкнуть к повторному рассмотрению исключенных во второй и третьей фазах карьерных путей.

Целью данного исследования являлось изучение карьерного самоопределение студентов педагогических специальностей. Испытуемыми исследования выступили студенты БГПУ им. М. Танка, 4 курса, в возрасте 20-21 года. Всего в исследовании приняло участие 90 человек (30 человек с филологического факультета, 30 человек исторического факультета и 30 человек факультета естествознания). Предполагается, что у данных студентов карьерные пути могут быть более вариативны: не только школа, но и репетиторство, журналистика и тд. Это требует от них более гибких прогностических способностей и умения строить альтернативные сценарии карьеры. Для сбора эмпирических данных в исследовании, использовался следующий диагностический инструментарий: методика «Измерение карьерного самоопределения» в адаптации А.Н. Демина, методика «Карьерные ориентации» в адаптации А.А. Жданович, методика «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой.

В результате проведенного статистического анализа были выявлены различия. По методике «Измерение карьерного самоопределения» в адаптации А.Н. Демина результаты указывают, что студенты трёх факультетов демонстрируют высокие показатели по шкале «карьерная идентичность» (Средний ранг: ЕСТФАК – 214,5; ФИЛФАК – 181,9; ИСТФАК – 167,3). Возможно, это отражает то, что студенты в целом осознают свои профессиональные цели и представления о будущем. Кроме того, для данных факультетов характерны наименьшие показатели по шкале «Барьеры развития» (Средний ранг: ЕСТФАК – 119,1; ФИЛФАК – 136,4; ИСТФАК – 177,2). Это позволяет предположить, что студенты либо менее остро воспринимают трудности на пути профессионального роста, либо обладают более эффективными стратегиями их преодоления. Потребность в информации у студентов выражена ниже среднего, что может указывать на большую определённости их профессиональных планов.

Данные по методике «Карьерные ориентации» в адаптации А.А. Жданович показывают общую для трёх факультетов выраженную ориентацию на «Служение» (Средний ранг: ЕСТФАК – 252,5; ФИЛФАК – 242,1; ИСТФАК – 246,2) и «Вызов» (Средний ранг: ЕСТФАК – 223,6; ФИЛФАК – 233,1; ИСТФАК – 241,1). Это отражает сочетание альтруистических мотивов работы с людьми и стремления к преодолению трудностей и высоким достижениям.

Также для них характерна ярко выраженная «Ориентация на вертикальную карьеру» (Средний ранг: ЕСТФАК – 251,5; ИСТФАК – 249,7; ФИЛФАК – 247,4), что подразумевает понимание карьеры как продвижения по ступеням административной или профессиональной иерархии (например, от учителя к завучу, директору). Показатели по «Организаторской компетентности» также высоки (Средний ранг: ФИЛФАК – 240,5; ИСТФАК – 238,9; ЕСТФАК – 251,9), подтверждая склонность к лидерству и управленческой деятельности. При этом ориентации на «Автономию» и «Интеграцию стилей жизни» у этих студентов выражены значительно слабее, что указывает на второстепенность для них ценностей полной независимости и жесткого баланса между работой и личной жизнью на текущем этапе.

Результаты по опроснику В.И. Моросановой показывают, что у студентов этих факультетов достаточно развиты регуляторные способности, важные для прогнозирования и достижения целей. В частности, у них высокие показатели по шкале «Программирование действий» (Средний ранг: ФИЛФАК – 208,1; ЕСТФАК – 196,8; ИСТФАК – 188,7), что отражает аналитический склад ума и умение выстраивать последовательные шаги для достижения результата.

В то же время, у студентов исторического и филологического факультетов наблюдается относительно низкий показатель по шкале «Гибкость» (Средний ранг: ИСТФАК – 98,3; ФИЛФАК – 113,4), что может свидетельствовать о трудностях в оперативной перестройке планов в условиях меняющихся обстоятельств. Для студентов ЕСТФАК этот показатель также не является ведущим (123,5).

Проведенный анализ позволяет охарактеризовать студентов факультетов естествознания, исторического и филологического как группу с высоко сформированной и четкой профессиональной идентичностью. Специфика подготовки на данных факультетах способствует формированию у студентов устойчивого образа профессионального будущего, ориентированного на социальную значимость, карьерный рост и достижения, что сопровождается развитием регуляторных компетенций, необходимых для реализации их амбициозных карьерных сценариев.

Библиографические ссылки

1. *Климов Е.А.* Психологи профессионального самоопределения: М. Академия, 2004. – 304 с.
2. *Дементий Л.И. Жирикова А.В.* Ценности как детерминанта выбора карьерных ориентаций студентами - будущими предпринимателями / Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2007. – № 2. С. 4-10.
3. *Демин А.Н. Седых А.Б.* Адаптация методики для изучения карьерного самоопределения личности // Человек. Сообщество. Управление: 2013. – № 4. С. 6-16.
4. *Волков Б.С.* Психология юности и молодости: М.: Академический проект: Трикста. 2006. – 256 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И КРЕАТИВНОСТИ У ПЕДАГОГОВ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ КАТЕГОРИЙ

К. В. Кочан

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь kkochan023@gmail.com
Научный руководитель — Е. И. Климушко, старший преподаватель*

В статье рассматривается взаимосвязь жизнестойкости и креативности у педагогов разных возрастных категорий. Исследование показало, что жизнестойкость и креативность взаимно усиливают друг друга и варьируются в зависимости от возраста и стажа. Выявлена наибольшая корреляция между уровнем креативности и компонентом жизнестойкости «контроль». Полученные данные могут быть использованы при разработке программ психологической поддержки педагогов на разных этапах профессионального пути.

Ключевые слова: жизнестойкость; креативность; педагог; стрессоустойчивость.

Современная образовательная среда предъявляет к педагогам не только высокие профессиональные, но и серьёзные личностные требования. Способность адаптироваться к изменениям, сохранять внутреннее равновесие и одновременно демонстрировать гибкость мышления и нестандартный подход к решению педагогических задач становится важнейшей характеристикой успешного специалиста. В этом контексте особую научную и практическую значимость приобретает изучение взаимосвязи двух ключевых личностных характеристик: жизнестойкости и креативности.

Понятие жизнестойкости (hardiness) было введено в научный оборот С. Мадди и С. Кобаса, данное понятие обозначает систему установок и убеждений, позволяющих личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя при этом психологическое равновесие и эффективность деятельности [1]. В структуре жизнестойкости выделяются три компонента: контроль (уверенность в способности влиять на происходящее), вовлечённость (стремление активно участвовать в происходящих в жизни событиях) и принятие риска (готовность воспринимать жизненные изменения как ресурс развития) [2]. Эти характеристики, по мнению Д.А. Леонтьева, формируются в раннем возрасте, но могут трансформироваться в течение жизни под влиянием социального окружения и профессионального опыта [3].

Креативность, в свою очередь, рассматривается как способность устанавливать отдалённые ассоциативные взаимосвязи и находить не-

стандартные решения в условиях неопределённости [4]. В рамках когнитивного подхода С. Медника креативность опирается не только на особенности мышления, но и на индивидуальные качества, такие как гибкость, открытость опыту, высокая внутренняя мотивация [4]. Эти качества крайне важны в профессии педагога, где требуется быстрое реагирование на изменения, постоянный поиск эффективных методов и оригинальных форм подачи материала [6].

Научный интерес представляет изучение жизнестойкости и креативности в профессиональной среде, которая подвержена высокому уровню стресса. Теоретические и эмпирические исследования последних лет демонстрируют, что жизнестойкость может как способствовать проявлению креативности, создавая внутренние условия для уверенного взаимодействия с неопределённостью, так и выступать её следствием — креативное мышление позволяет находить выходы из сложных ситуаций, тем самым укрепляя личностную устойчивость [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В свете изложенного особое внимание представляет эмпирический анализ особенностей проявления жизнестойкости и креативности у педагогов — профессиональной группы, чья деятельность тесно связана с постоянными эмоциональными нагрузками. Именно поэтому данное исследование направлено на изучение характерных проявлений этих личностных качеств у педагогов различных возрастных категорий, а также на выявление взаимосвязей между ними.

Эмпирическая часть исследования была проведена на выборке из 127 педагогов школ, в возрасте от 23 до 78 лет (средний возраст — 47,5 лет). Выборка была дифференцирована по возрасту: группа ранней зрелости (23–34 года), средний зрелости (35–60 лет) и поздней зрелости (60+ лет). Для диагностики использовались тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой) и тест на креативное мышление С. Медника (Remote Associates Test, адаптация А.Н. Ворониной).

По результатам исследования было выявлено, что средний уровень жизнестойкости преобладает у большинства респондентов (66%). Педагоги в возрасте 35–60 лет демонстрируют наиболее высокие показатели жизнестойкости, что связано с профессиональной зрелостью, накопленным опытом и сформированными стратегиями преодоления. У молодых специалистов (23–34 года) уровень жизнестойкости умеренный: они лишь формируют устойчивые механизмы адаптации, испытывают высокую неопределённость и тревожность. Наименьшие показатели жизнестойкости зафиксированы у педагогов старшей возрастной группы, что

может быть связано с возрастной утомлённостью, снижением значимости профессии и предощущением завершения трудовой деятельности.

Что касается креативности, наивысшие баллы по тесту Медника были получены педагогами младшей возрастной группы. Это объясняется большей когнитивной гибкостью, характерной для молодых людей, а также высокой мотивацией к саморазвитию и освоению новых педагогических практик. В группе зрелых педагогов уровень креативности был умеренным, но сбалансированным, что указывает на сочетание новаторства и практического опыта. У педагогов старшей возрастной группы уровень креативности варьировался и во многом зависел от личной установки на профессиональную активность или консерватизм.

Наибольший интерес представляет собой выявленная положительная корреляция между уровнем жизнестойкости и уровнем креативности ($\rho = 0,41$, $p < 0,05$). Особенно тесной оказалась связь между компонентом «контроль» и уровнем креативности. Это подтверждает предположение о том, что чувство внутренней субъектности и уверенности в своих действиях способствует генерации оригинальных идей и поиску нестандартных решений в профессиональной деятельности.

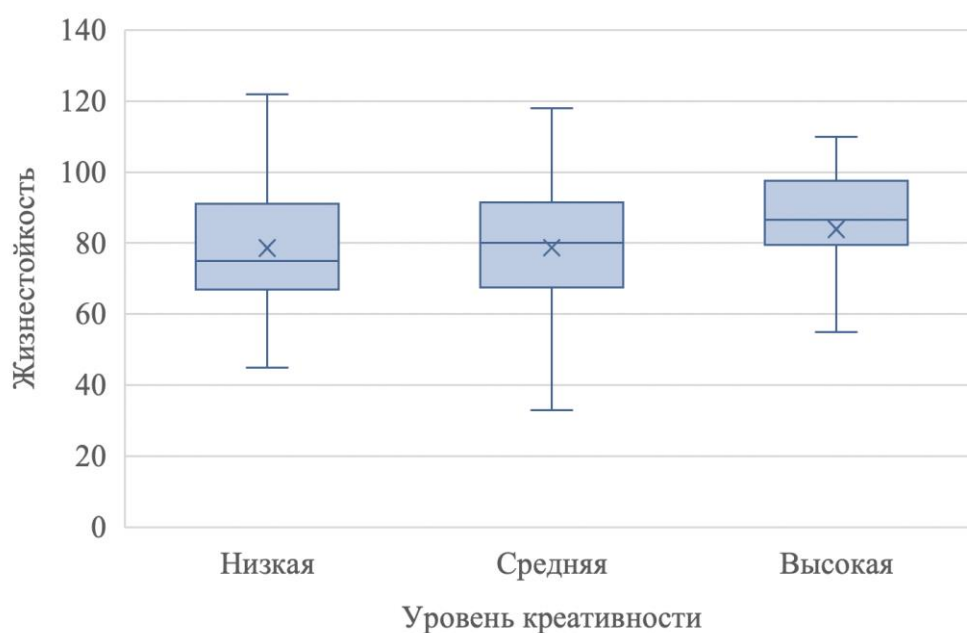

Рис. 1. Распределение жизнестойкости по уровням креативности у педагогов

А также у педагогов с высоким уровнем креативности медианные значения жизнестойкости оказываются выше, чем у представителей групп с низким и средним уровнем креативности (рис. 1). Кроме того, наблюдается более сжатый диапазон разброса, что может указывать на большую личностную устойчивость и стабильность таких педагогов.

Напротив, педагоги с низкой креативностью демонстрируют более широкий диапазон значений жизнестойкости, включая крайние и выбросные значения, что свидетельствует о неоднородности группы и меньшей устойчивости к профессиональным стрессам. Эти данные визуально подкрепляют корреляционные выводы о взаимосвязи между креативностью и жизнестойкостью и подчёркивают значимость творческого потенциала для формирования психологической устойчивости педагогов.

Таким образом, проведённое исследование позволило более глубоко раскрыть характер взаимосвязи между жизнестойкостью и креативностью у педагогов, а также выявить специфику их проявления в зависимости от возрастной категории. Полученные данные указывают на то, что жизнестойкость, являясь важнейшим ресурсом устойчивости личности к профессиональным стрессам, одновременно формирует благоприятные внутренние условия для реализации креативного потенциала. В то же время креативность способствует расширению репертуара адаптивных стратегий, позволяя более гибко реагировать на изменяющиеся обстоятельства педагогической деятельности, тем самым усиливая личностную устойчивость.

Выявленные особенности подчеркивают необходимость комплексного подхода к поддержке и развитию профессионального ресурса педагогов. Такой подход должен включать не только укрепление жизнестойкости и формирование психологически безопасной образовательной среды, но и создание условий для раскрытия и поддержания творческого потенциала.

Библиографические ссылки

1. Maddi, S. Kobasa, S.C. The Hardy Executive: Health under Stress. Homewood (Ill.): Dow Jones-Irwin, 1984.
2. Maddi, S. The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research and practice // Consulting Psychology Journal. 2002. No 54. P. 175–185.
3. Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006.
4. Mednick, S. A. The associative basis of the creative process // Psychol. Rev. 1969. №2. P. 220–232.
5. Воронин, А. Н., Галкина, Т. В. Диагностика вербальной креативности (адаптация теста Медника) // Психологический журнал. 1994. С. 40–81.
6. Mednick, M. T. Incubation of creative performance and specific associative priming // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1964. №1. P. 84 - 88.
7. Золотарева, А. С. Связь креативности и жизнестойкости в разных возрастных группах // Наука и современность. 2018. №9. 69

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕФЛЕКСИИ И ЭМПАТИИ В ПОДРОСТКОВОМ, ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ И РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

А. Ю. Кулицкая

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220030, г. Минск, Беларусь, kylitskayaarina@gmail.com
Научный руководитель — Е. Д. Беспанская-Павленко, доцент, кандидат
психологических наук*

Данная статья раскрывает характеристики взаимосвязи рефлексии и эмпатии в трех возрастных периодах, поднимает вопрос о влиянии воспитания и социализации, а социо-ролевых стереотипах о том, как различные возрастные группы проявляют рефлексивные навыки и способность к эмпатии.

Ключевые слова: рефлексия; эмпатия; подростковый возраст; юношеский возраст; ранняя взрослость.

По мере взросления и накопления жизненного опыта у индивидов появляется достаточно большой багаж знаний, исходя из которых, они реагируют на различные жизненные ситуации. Целью данного исследования является выявления взаимосвязи между рефлексией и проявлениями эмпатии в трех возрастных группах. Гипотезой исследования заключается в предположении о наличии взаимосвязи между рефлексией и эмпатией. Частная гипотеза исследования состоит в том, что существуют различия в выраженности типов рефлексии и компонентов эмпатии в трех возрастных группах.

Методы и организация исследования. Для сбора эмпирических данных использовались методики, направленные на диагностику общего уровня рефлексии; преобладающего типа рефлексии; уровня компонентов эмпатии:

- Опросник рефлексивности А.В. Карпова (2003) [1];
- Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (ДТР). Авторы: Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин (2009) [4];
- Многофакторный опросник эмпатии (Interpersonal Reactivity Index, IRI). Автор: М. Дэвис (1980). Адаптация: Т. Д. Карягина, Н. А. Будаговская, С. В. Дубровская (2013) [2].

Выборку исследования составили 150 респондентов, которые принадлежат к трем возрастным группам:

1. 50 старших школьников в возрасте от 15 до 17 лет (28 девушек и 22 юношей.)

2. 50 студентов в возрасте от 18 до 22 лет (24 девушки и 26 юношей) являющиеся студентами различных факультетов Белорусского государственного университета, Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Белорусского национального технического университета.

3. 50 человек в возрасте от 23 до 40 лет (29 женщин и 21 мужчина), являющиеся представителями различных специальностей.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования были выявлены показатели общей рефлексивности и типов рефлексии, а также компонентов эмпатии в подростковом возрасте, юношеском возрасте и периоде ранней взрослости. Также были выявлены типов рефлексии и эмпатии в данных возрастных группах диапазонах.

В *подростковом возрасте* не были выявлены статистически значимые различия по шкалам опросников. Это можно объяснить тем, что рефлексия и эмпатия начинают свое формирование в возрасте 11-12 лет и к моменту достижения подростками возраста старшеклассников еще недостаточно сформированы [5].

В *юношеском возрасте* были выявлены статистически значимые различия: по шкале «Системная рефлексия» ($r = 0,104$; $p \leq 0,05$) и «Интроспекция» ($r = 0,998$; $p \leq 0,05$) а также в уровне выраженности общей рефлексивности между девушками и юношами ($r = 0$; $p \leq 0,05$)

В *периоде ранней взрослости* были выявлены статистически значимые различия по шкале «Эмпатический дистресс» ($r = 0,308$; $p \leq 0,05$), которые можно объяснить предположением о влиянии социокультурной среды на воспитание и на те характеристики личности, которые прививаются молодым людям в детстве, а также особенностями гендерной социализации на данном этапе развития.

Для женщин более свойственно полагаться на свою эмоциональную сторону, так как от них ожидается проявление заботы, сопереживания и сострадания, глубокий анализ и понимание эмоций других индивидов. А от мужчин, в свою очередь, ожидается более логичный и аналитический подход к чувствам и переживаниям [3].

Современные тенденции воспитания и отношения к проявлениям различных эмоций вносят свои коррективы в то, как молодые люди понимают и переживают различные эмоции и чувства, однако на данный момент влияние социальных ролей и стереотипов отрицать сложно.

Также был проведен корреляционный анализ между общим уровнем рефлексивности, типами рефлексии и компонентами эмпатии, результаты которого представлены в таблице 1.

Таблица 1

Корреляция типов рефлексии и компонентов

Подростковый возраст								
Рефлексия	Эмпатия							
	Сопереживание (С)		Децентрация (Д)		Эмпатическая забота (ЭЗ)		Эмпатический дистресс (ЭД)	
	ρ	знач.	Р	знач.	ρ	знач.	ρ	знач.
Общий показатель рефлексивности	0,030	0,307	0,043	0,287	0,004	0,402	0,000	0,502
Системная рефлексия	0,004	0,399	0,000	0,558	0,049	0,279	-	-
Интрореплексия	0,011	0,358	-	-	-	-	0,000	0,667
Квазирефлексия	0,001	0,445	-	-	-	-	0,000	0,500
Юношеский возраст								
Рефлексия	Эмпатия							
	Сопереживание (С)		Децентрация (Д)		Эмпатическая забота (ЭЗ)		Эмпатический дистресс (ЭД)	
	ρ	знач.	Р	знач.	ρ	знач.	ρ	знач.
Общий показатель рефлексивности	0,029	0,309	0,000	0,414	-	-	-	-
Системная рефлексия	-	-	0,000	0,495	-	-	-	-
Интрореплексия	0,001	0,469	0,027	0,312	0,008	0,373	0,000	0,706
Квазирефлексия	0,001	0,453	-	-	-	-	0,003	0,415
Период ранней взрослости								
Рефлексия	Эмпатия							
	Сопереживание (С)		Децентрация (Д)		Эмпатическая забота (ЭЗ)		Эмпатический дистресс (ЭД)	
	ρ	знач.	Р	знач.	ρ	знач.	ρ	знач.
Общий показатель рефлексивности	-	-	-	-	-	-	-	-
Системная рефлексия	0,023	0,321	0,000	0,572	-	-	-	-
Интрореплексия	-	-	-	-	-	-	0,000	0,728
Квазирефлексия	0,000	0,492	0,006	0,383	-	-	-	-

Исходя из данной таблицы мы можем увидеть, что общий показатель рефлексивности коррелирует со всеми компонентами эмпатии только в подростковом возрасте. Это можно объяснить тем, в силу

особенностей возраста и развития рефлексивных процессов, подростки имеют более высокий эмоциональный и рефлексивный отклик. Именно поэтому любое изменение в общем уровне рефлексивности из меняет и соотношение уровней компонентов эмпатии [5].

Также в данных возрастных группах мы можем наблюдать более дифференцированные различия в корреляциях типов рефлексии и компонентов эмпатии.

Так как типы рефлексии условно делят на адаптивные и неадаптивные, вследствие чего можно выдвинуть предположение, что такие компоненты эмпатии как сопереживание, децентрация и эмпатическая забота будут коррелировать с адаптивными компонентами эмпатии, а эмпатический дистресс – с неадаптивными [4].

Исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что четкого разделение в корреляциях не наблюдается, поэтому данная гипотеза подтвердилась лишь частично.

Можно выдвинуть предположение, что при проявлении эмпатии важно не то, насколько адаптивен тот или иной тип рефлексии, а уровень его выраженности и особенности восприятия того или иного эмоционального опыта.

Отсутствие корреляции общего уровня рефлексивности со всеми компонентами эмпатии в ранней взрослости можно объяснить возрастной особенностью данной группы и численностью выборки. Так как возрастной интервал ранней взрослости был от 23 до 40 лет, некоторые особенности рефлексивного мышления могли быть не учтены при статистическом анализе.

Также наблюдается отсутствие статистически значимых корреляций эмпатической заботы с любым показателем рефлексии. Можно выдвинуть предположение о том, что в данном возрастном периоде при проявлении эмпатической заботы люди более склонны рационализировать опыт, а не замечать какие-то конкретные особенности эмоционального реагирования.

Таким образом, была подтверждена гипотеза о связи рефлексии и эмпатии, а также частично подтверждена гипотеза о том, что с увеличением более адаптивных типов рефлексии, связанные с ней компоненты эмпатии также будут повышаться. Повышение уровня этих компонентов будет связано с тем, насколько адаптивен тот или иной вид рефлексии.

Библиографические ссылки

1.Карпов, А. В. Закономерности структурной организации рефлексивных процессов // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 6. С. 18–28.

2.Карягина Т. Д., Кухтова Н. В. Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4. С. 33-61.

3.Кон, И. С. Психология половых различий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.voppsy.ru/issues/1981/812/812047.htm> (дата обращения: 20.04.2025)

4.Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.

5.Человек. Культура. Общество : сборник научных статей 21-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, 26 апреля 2024 г., г. Минск / БГУ, Факультет философии и социальных наук ; редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) и др. – Минск : БГУ, 2024. 979 с

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ САООТНОШЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

П. А. Резникова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030
г. Минск, Беларусь, snovaneuspel@gmail.com;*

Научный руководитель. – И. В. Басинская, старший преподаватель

Одной из ключевых задач развития является формирование самооотношения, а также осознание человеком своей идентичности и места в обществе. Понимание себя, как уникальной личности и участника социальных взаимодействий, является необходимым условием для того, чтобы индивид стал полноценным членом общества.

Ключевые слова: самооотношение; юношеский возраст; личность.

Юношеский возраст (англ. juvenile age) - период жизни человека между подростковым возрастом и взрослостью. Специалистами в области возрастной морфологии, физиологии и биохимии юношеский возраст был определен как 17- 21 год – для юношей и 16-20 лет – для девушек [2, с.559]. В этот период человек проходит трансформацию от неуверенного и непоследовательного подростка, стремящегося к взрослой жизни, к настоящему взрослению. Именно в юности формируется личность, когда молодой человек, преодолевая сложный этап формирования идентичности в ходе индивидуального развития и подражания другим, усваивает социально значимые качества, развивает способность к сопереживанию и активному нравственному отношению, как к окружающим, так и к самому себе, а также осваивает нормы и правила поведения в обществе [1].

Динамике развития самооотношения в детстве, подростковом и юношеском возрасте посвящены исследования Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, Л.С. Выготского, Э. Эриксона и многих других авторов. Анализ научной литературы позволил сформулировать определение самооотношения как систему эмоционально-ценностных установок, ориентированных на собственное «Я». Эта концепция рассматривается как многомерное динамическое образование, включающее в себя такие составляющие, как «позитивное отношение к себе» (самоуважение и аутосимпатия), а также «негативное отношение к себе» (самоуничижение).

Установлено, что самооотношение имеет ключевое значение для развития межличностных отношений, влияет на процессы мотивации и постановки целей, а также на способы формирования и преодоления кризисных ситуаций [5]. В процессе перехода от подросткового к раннему юношескому возрасту наблюдается укрепление отдельных аспектов отношения к себе, их интеграция и формирование в виде устойчивой

структуры самоотношения, что связывается с развитием нового уровня самосознания.

В юношеском возрасте продолжается психическое развитие личности, происходит сложное переструктурирование психических функций в рамках интеллекта, а также изменяется вся структура личности в связи с вступлением в новые, более широкие и разнообразные социальные группы.

Одно из достижений юношеского возраста – новый уровень развития самосознания, который проявляется в следующем:

1. Открытие своего внутреннего мира во всей его индивидуальной целостности и уникальности.
2. Стремление к самопознанию.
3. Формирование личной идентичности, чувства индивидуальности, самотождественности, преемственности и единства.
4. Развитие самоуважения.
5. Становление личностного способа бытия [4].

Исследования в области общей и возрастной психологии показывают, что сложная структура самоотношения формируется вокруг таких компонентов как: самопринятие, открытость и самоуважение, и в значительной степени зависит от отношения со стороны родителей и ближайшего окружения [7].

В работе С.Р. Пантилеева внимание уделяется исследованию структуры самоотношения в юношеском возрасте [5]. Согласно автору, самоотношение в этом возрасте имеет двойственный характер. С одной стороны, оно основывается на внутренних интимных критериях собственной ценности, уникальности и способности вызывать интерес и положительные эмоции у окружающих. С другой стороны, это самооценка по внешним критериям и стандартам, которые еще недостаточно усвоены и в значительной мере навязаны обществом через требования значимых взрослых, которые касаются социальной адаптации и успешности.

Юность условно можно разделить на три этапа: ранняя юность (16-17 лет), собственно юность (17-20 лет) и поздняя юность (20-21). Все этапы имеют свои отличительные особенности, это же касается и самоотношения личности на каждом из этапов.

Так, на этапе ранней юности структура самоотношения характеризуется «размытостью», неустойчивостью и незрелостью. В этот период самоотношение остается неопределенным и расплывчатым, отсутствует синхронность в развитии эмоционально-ценностного отношения. В этом возрасте наблюдается амбивалентный характер отношения к себе, однако оно становится более обобщенным и начинает приобретать целостный характер, меняются критерии и основания для самооценки [5].

С.Л. Рубинштейн, описывая процесс развития самоотношения, выделяет несколько этапов – от наивного незнания о себе до все более чет-

кой и иногда резко колеблющейся самооценки. Бессознательное стремление избавиться от прежних детских идентификаций активизирует рефлекссию и осознание своей уникальности, непохожести на других. Это осознание вызывает характерное для ранней юности чувство одиночества или страха перед ним [3, с.154].

На следующем этапе (собственно юность) наблюдается иная картина – происходит «перелом» в структуре самоотношения. Возраст 19-20 лет можно считать критическим или даже самым моментом возникновения самоотношения в его целостности. Как отмечает А.М. Прихожан, именно в юности на основе формирования собственной системы ценностей складывается эмоционально-ценностное отношение к себе, то есть «оперативная самооценка» начинает основываться на соответствии поведения, собственных взглядов и убеждений, а также результатов деятельности [6].

На этапе поздней юности наблюдается тенденция к стабилизации самоотношения, когда отмечается его устойчивость. Данный период характеризуется гармоничным развитием когнитивного и эмоционального компонентов самоотношения, что способствует формированию относительно стабильного представления о себе как о целостной личности, отличающейся от других [7].

Таким образом, можно заключить, что процесс формирования самоотношения в юности проходит несколько этапов – этап раздробленности, этап становления самоотношения и этап стабилизации. После прохождения трех этапов происходит становление нового уровня самосознания, укрепление отдельных аспектов отношения к себе, их интеграция и оформление в виде устойчивой структуры самоотношения.

Библиографические ссылки

- 1.Болотова А. К., Молчанова О. Н. Психология развития и возрастная психология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.
- 2.Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М.: 1998. 559 с.
- 3.Дубровина. И. В., Лисина М. И. Особенности психического развития детей в семье и вне семьи. М.: Академия педагогических наук СССР, 1982. 251 с
- 4.Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
- 5.Пантелеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: МГУ. 1991. 110 с.
- 6.Прихожан А. М. Психологический справочник, или Как обрести уверенность в себе: книга для учащихся. М. : Просвещение, 1994. 191 с.
- 7.Реминидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. М.: Мир, 2014. 317 с.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕДАГОГОВ С РАЗЛИЧНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ СОВЛАДАНИЯ С ЗАВИСТЬЮ

А. Ю. Титов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, yqole4ek2@gmail.com*

Научный руководитель — С.М. Ширко, кандидат психологических наук

В статье представлены результаты эмпирического исследования по установлению индивидуально-психологических характеристик педагогов с различными стратегиями совладания с завистью. Изучение личностных характеристик в контексте исследования зависти, особенно среди педагогов, приобретает особую важность с учётом их специфической роли в образовательном процессе. Полученные результаты подтверждают необходимость дифференцированного подхода к психологическому сопровождению педагогов с учётом их личностных особенностей и склонности к определённым стратегиям поведения в ситуации зависти.

Ключевые слова: индивидуально- психологические характеристики; стратегии совладания с завистью; педагоги; сравнительный анализ.

Исследования отечественных и зарубежных авторов в основном сосредоточены на изучении факторов и детерминант зависти, а также их взаимосвязи с психологическими особенностями личности. Особый акцент делается на амбивалентной природе зависти, которая в зависимости от контекста и индивидуальных характеристик может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на межличностные и профессиональные отношения.

В исследовании приняли участие 100 педагогов, среди которых 40 мужчин и 60 женщин, преобладают представители женского пола. Средний возраст респондентов составил 41 год. Респонденты являются представителями различных образовательных учреждений, включая начальные школы, средние общеобразовательные школы, лицеи и гимназии, расположенные как в г. Минске, так и в Минском районе. Помимо этого, в выборку включены как учителя общеобразовательных предметов, так и специалисты в области дополнительного образования, что способствует комплексному изучению исследуемой проблематики.

В качестве инструментария в исследовании используется психодиагностический тест В. Мельникова, Л. Ямпольского [1] и методика «Совладание с завистью в служебных отношениях», адаптированная И.А. Фурмановым, Е.Б. Микелевич [2].

Для определения различий в индивидуально-психологических характеристиках педагогов в служебных отношениях был использован U – критерий Манна – Уитни, который показал статистически значимые различия по показателям «Совестливость» ($p = 0,009$), «Расторможенность» ($p = 0,025$), «Асоциальность» ($p = 0,008$). По показателям «Общительность» ($p = 0,007$), «Депрессия» ($p = 0,009$) и «Эстетическая впечатлительность» ($p = 0,039$) статистически значимых различий не выявлено.

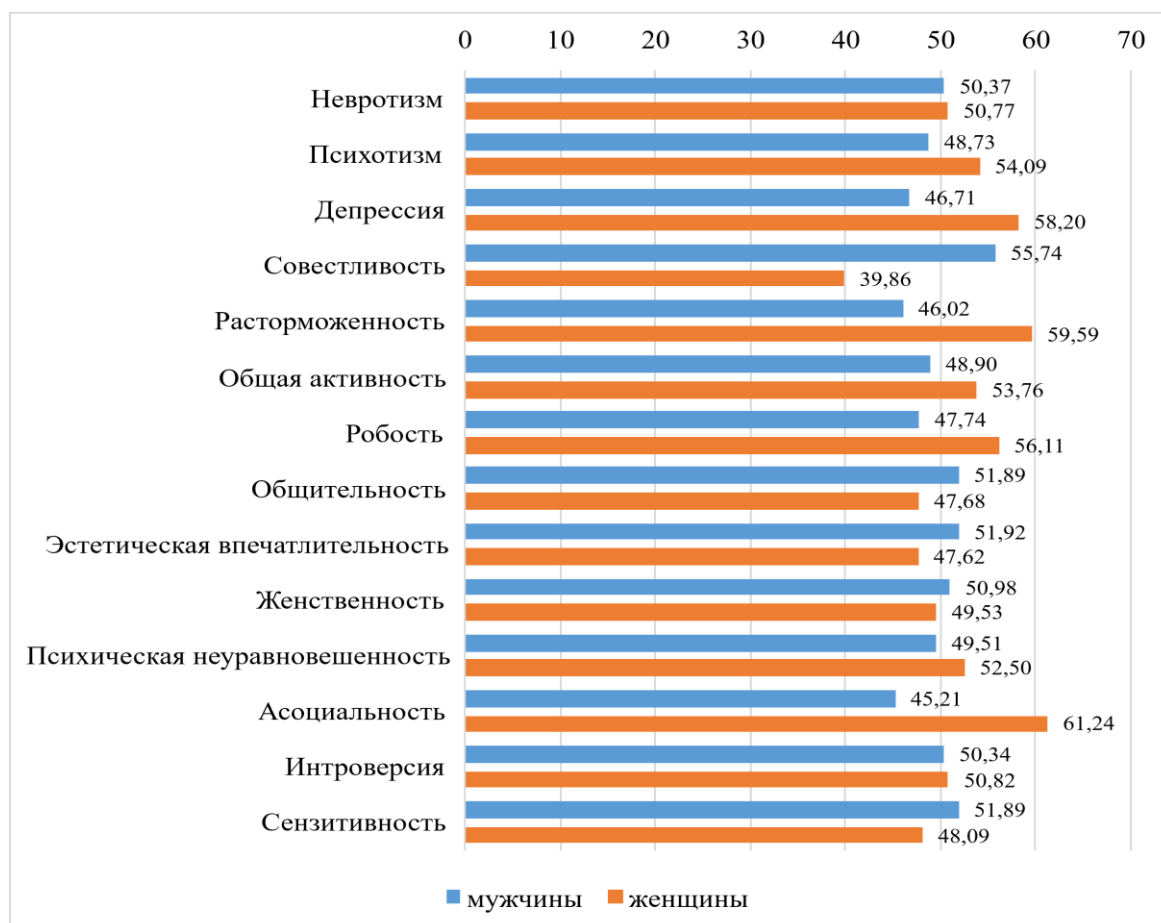

Рис. 1. Половые различия в индивидуально-психологических характеристиках педагогов в служебных отношениях (средние значения)

Результаты показали, что педагоги-мужчины демонстрируют более высокий уровень совестливости по сравнению с педагогами-женщинами (среднее значение по данному показателю у мужчин – 55,74, у женщин 39,86). Это указывает на большую склонность мужчин к ответственности и внутреннему контролю в профессиональной деятельности. Данные исследований М. Ли и коллег подтверждают предположение, что высокий уровень совестливости может быть связан с личностными характеристиками, снижающими вероятность завистливых реакций и асоциального поведения [3].

Женщины в сравнении с мужчинами продемонстрировали более высокий уровень расторможенности (среднее значение у женщин 59,59, у мужчин 46,02), что может свидетельствовать о большей импульсивности и сниженной саморегуляции поведения педагогов-женщин в ситуациях совладания с завистью в служебных отношениях. Согласно исследованию М. Li, склонность к импульсивности, низкая самооценка и негативная аффективность служат значимыми предикторами зависти и могут вести к снижению саморегуляции, что проявляется, в том числе, через расторможенность [3].

Кроме того, у женщин-педагогов в сравнении с мужчинами-педагогами был зафиксирован более высокий уровень асоциальности (у женщин среднее значение 61,24, у мужчин 45,21). Можно предположить, что педагоги-женщины в ситуациях совладания с завистью характеризуются большей склонностью к игнорированию социальных норм, снижению эмпатии и проявлениям конфликтного поведения. В исследовании М. Li и соавторов [3] установлено, что низкая самооценка, недостаток самоэффективности и склонность к частому социальному сравнению могут усиливать асоциальное поведение и уровень зависти в рабочих отношениях.

Сравнительный анализ показал значимые различия по показателям «сила проявления зависти» ($p=0,017$), «деструктивная причастность» ($p=0,006$) и «деструктивная непричастность» ($p=0,019$). По остальным показателям значимых различий не выявлено.

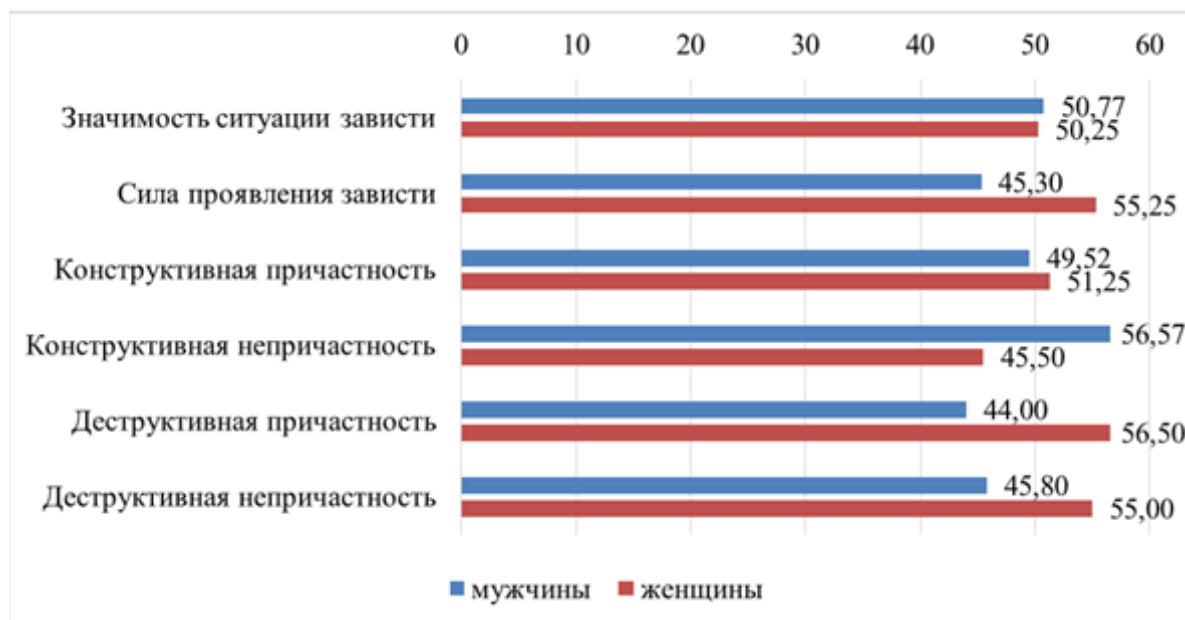

Рис. 2. Половые различия в стратегиях совладания с завистью педагогов в служебных отношениях (средние значения)

В ходе сравнительного анализа установлено, что показатель «сила проявления зависти» более выражен у женщин (среднее значение 55,25), чем у мужчин (среднее значение 45,30). Сила зависти в служебных отношениях показывает интенсивность эмоциональных и поведенческих реакций на превосходство коллег в профессиональной сфере и может проявляться в легко возникающем гневе, агрессии, раздраженном и придирчивом к ним отношении. Полученные результаты не согласуются с результатами исследования Е.Б. Микелевич и И.А. Фурманова, где показано, что мужчины в профессиональной среде чаще демонстрируют конкурентное поведение и более остро реагируют на успехи коллег, что может быть связано с традиционными социальными ожиданиями, приписывающими мужчинам доминирование и достижение высокого статуса [3].

По показателю «деструктивная причастность» у педагогов-женщин в сравнении с педагогами-мужчинами установлено более высокое среднее значение: у женщин 56,50, у мужчин 44,00 соответственно. Можно предположить, что в ситуации зависти педагоги-женщины используют различные деструктивные способы поведения: вербальную агрессию (клевета, критика, сплетни), часто создают объекту зависти препятствия и ограничения, распространяют негативные отзывы и предубеждения о работе. Эти результаты соотносятся с результатом исследования Т.В. Бабрович и С.М. Ширко, в котором установлено, что женщины чаще прибегают к косвенной агрессии в профессиональной среде, используя такие формы, как подрыв репутации коллег, распространение слухов и целенаправленное блокирование карьерного роста других сотрудников [4].

Женщины в сравнении с мужчинами характеризуются более высокими показателями по критерию «деструктивная непричастность» (среднее значение у женщин 55,00, у мужчин 45,80). Полученные данные позволяют констатировать, что педагоги-женщины чаще, чем педагоги-мужчины прибегают к деструктивным способам поведения для отвлечения от переживания зависти: стремление перейти на работу в другую организацию или поменять свою должность, либо компенсировать несправедливость снижением организованности, невыполнением должностных обязанностей. Полученные эмпирические результаты не подтверждаются исследованием Е.Б. Микелевич и И.А. Фурманова, где было установлено, что женщины в большей степени демонстрируют конструктивные формы реагирования, направленные на сохранение профессиональных отношений и самосовершенствование [5].

Таким образом, полученные данные позволяют констатировать, что более высокие уровни совестливости сочетаются с пониженными пока-

зателями расторможенности и асоциальности, что отражает большую саморегуляцию и социальную адаптивность педагогов в профессиональной среде. У педагогов негативные переживания по поводу успешности коллег выражаются в равной мере, однако сила и поведенческие проявления зависти различаются в зависимости от пола. Сила проявления зависти, склонность к деструктивной причастности и деструктивной непричастности более выражены у педагогов-женщин. Результаты подтверждают, что индивидуально-психологические характеристики оказывают значимое влияние на поведение педагогов в служебных отношениях и выбор стратегий совладания с завистью. Полученные эмпирические данные указывают на необходимость психологической поддержки педагогов с учетом их индивидуальных характеристик и использованию определенных стратегий совладания с завистью.

Библиографические ссылки

1. Мельников В. М., Ямпольский Л. Т. Введение в экспериментальную психологию личности. М.: Просвещение, 1985. 319 с.
2. Фурманов И. А., Микелевич Е. Б. Адаптация методики «совладание с завистью в служебных отношениях» // *Философия и социальные науки*. 2016. № 2. С. 82–87.
3. Li M., Xu X., Kwan H. K. The antecedents and consequences of workplace envy: A meta-analytic review // *Asia Pacific Journal of Management*. 2023. Vol. 40, No. 1. P. 1–35.
4. Бабрович Т. В. Личностные характеристики сотрудников с различными стратегиями совладания с завистью в служебных отношениях // *Человек. Культура. Общество: сб. науч. ст. 19-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та*, 28 апр. 2022 г., Минск / БГУ, Фак. философии и соц. наук; редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2022. С. 471–474.
5. Микелевич Е. Б. Гендерные различия в стратегиях совладания с завистью в профессиональной среде // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. 2022. № 10 (130). С. 152–156.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧАТА GPT-4 СТУДЕНТАМИ ТЕХНИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

М. О. Трутко

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9
220030, г. Минск, Беларусь, maritannacoul@gmail.com*

Научный руководитель – М.С.Фабрикант, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены результаты сравнения субъективного опыта студентов технических и социально-гуманитарных специальностей в контексте использования чата GPT-4. Проведение сравнительного анализа между студентами разных специальностей позволяет выявить специфические особенности использования GPT-4, что ранее не было предметом отдельного исследования. Исследование может предложить новые подходы к интеграции искусственного интеллекта в учебные программы, учитывая различия в образовательных методах и потребностях студентов разных специальностей. Изучение субъективного опыта студентов позволяет выявить не только положительные аспекты, но и возможные проблемы, которые возникают при использовании искусственного интеллекта, что важно для дальнейшего совершенствования технологий и их адаптации к образовательным нуждам.

Ключевые слова: искусственный интеллект; студенты технических и социально-гуманитарных специальностей; нарративное интервью; чат GPT-4; субъективный опыт использования.

В последние время можно наблюдать быстрый рост интереса к технологиям искусственного интеллекта. Не секрет, что данная тенденция возрастает и в образовательной сфере. Вопрос о изучении субъективного опыта использования искусственного интеллекта, в частности чата GPT-4, на данный момент рассмотрен мало.

Искусственный интеллект определяется как совокупность методов и инструментов решения различных сложных прикладных задач, использующих принципы и подходы, которые соответствуют размышляющему над их решением человеку или процессам, протекающим в данном мире, в живой или неживой природе [1].

Пользователи могут воспринимать искусственный интеллект как помощника или соперника, и эти восприятия формируют их отношение к технологиям, а также уровень доверия к ним. Недостаток знаний о механизмах работы искусственного интеллекта может порождать страхи, связанные с потерей контроля и угрозой личной безопасности, что, в свою очередь, снижает готовность к использованию данных технологий.

Распространение систем искусственного интеллекта в сферах, где крайне важны личностное общение и взаимодействие, проявление чело-

веческих чувств и эмоций, может привести к отчуждению людей друг от друга и росту одиночества. Так, уже в наши дни роботы-няни могут следить за детьми, передавать родителям информацию о ребенке, играть с детьми, поддерживать беседу и принимать участие в его обучении. Проблема состоит в том, что вместо родителей, чья любовь, забота и ласка необходимы ребенку для полноценного развития, с ним находится робот, от которого ребенок не может получить то, что ему крайне необходимо. В результате это может отразиться на психическом, физическом, интеллектуальном и эмоциональном развитии ребенка, привести к отсутствию необходимой эмоциональной связи с родителями и к будущим трудностям в воспитании.

Аналогичные проблемы возникают при использовании роботов-сиделок для ухода за больными людьми, которым также необходимо человеческое внимание и забота, а не машины. Исследования показывают, что эмоциональная поддержка, которую могут предоставить только люди, имеет ключевое значение для выздоровления и общего благополучия пациентов. Отсутствие такой поддержки может привести к ухудшению состояния здоровья и повышению уровня стресса у пациентов [2].

Взаимодействие с искусственным интеллектом может вызывать разнообразные эмоциональные реакции, включая привязанность к виртуальным помощникам, что может оказывать значительное влияние на качество жизни и социальные связи. Применение искусственного интеллекта в образовательных и профессиональных сферах также способно влиять на самооценку пользователей, как положительно, так и отрицательно, в зависимости от их успехов и неудач [3].

Искусственный интеллект активно внедряется в процесс обучения, и становится очевидно, что масштабы использования данных сквозных технологий ежегодно будут только увеличиваться. На плечах преподавателей всегда лежал большой пласт ответственности и объем работы с обучающимися – контроль успеваемости, проверки типовых заданий, уровень знаний и подготовки к занятиям.

С точки зрения педагогической психологии, применение ChatGPT-4 может оказывать на обучающихся как отрицательное, так и положительное воздействие. В данном аспекте важно, чтобы результаты внедрения нейронных сетей в образовательный процесс не являлись итогом «стихийного» пользования технологиями искусственного интеллекта, но свидетельствовали о систематической работе вузов по формированию у студентов когнитивных навыков, улучшению памяти и внимания, развитию креативности и других качеств личности, необходимых профессионалу XXI века [4].

Использование искусственного интеллекта в области психологии открывает новые возможности и перспективы для оказания помощи людям, которые страдают от различных психологических проблем. Эти технологии не только повышают доступность и эффективность психологической помощи, но и способствуют развитию новых подходов к терапии, что делает их незаменимыми инструментами в современном психотерапевтическом процессе.

Искусственный интеллект на данный момент активно применяется в образовании, начиная от ведения и проверки экзаменов, заканчивая автоматическим подбором материала для обучающихся в тех сферах, где они испытывают трудности в обучении, предлагая обучающемуся более сознательно вникнуть в тему, повысить уровень знаний и способностей, анализируя успеваемость и производительность обучающегося, корректируя его план обучения при постоянном и лояльном контроле «бесчувственной» машины.

Проведенное исследование направленно на сравнение опыта использования чата GPT-4 у студентов в зависимости от их специальности – технической или социально-гуманитарной. Для проведения исследования были выбраны следующие методы работы – качественный метод сбора данных – нарративное интервью; анализ собранных данных – нарративный анализ с использованием структурного подхода У. Лабова.

Данный метод был выбран благодаря тому, что позволяет получить наиболее точное понимание индивидуального опыта, определенной системы ценностей и каких-либо значений. Важно отметить, что данный опыт будет так же нести за собой рассказ каких-либо примеров из жизни, наполненных переживаниями человека. Использование нарративного подхода помогает выявить уникальные паттерны и темы, которые могут быть незаметны в количественных исследованиях. Например, различия в способах, которыми студенты технических и социально-гуманитарных специальностей используют чат, могут проявиться в их личных историях и опыте.

Выборка для работы состояла из 20 студентов (10 студентов технических специальностей, 10 студентов социально-гуманитарных специальностей) в возрасте от 18 до 25 лет, очной формы обучения первого высшего образования, на разных курсах различных белорусских учебных заведениях технических и социально-гуманитарных направленностей, что обеспечивало разнообразие включенных в исследование специальностей. Испытуемый избирались в социальных сетях.

Участники были разделены на две группы: студенты технических специальностей и студенты социально-гуманитарных специальностей.

Были проведены интервью, разделенные на две части выполнением задания. Интервью включали в себя открытые вопросы для стимулирования нарративного рассказа об опыте использования чата GPT-4.

Собранные с помощью нарративного интервью данные сравнивались по четырем основным характеристикам:

- соотношение нарративных и ненарративных частей;
- описание агентности и структуры;
- соотношение ожиданий и практики использования чата GPT-4;
- описание субъективных переживаний во время использования чата GPT-4;

Данные характеристики важны для понимания специфики использования чата GPT-4 студентами разных специальностей, что в дальнейшем даст основу для сравнения их персонального опыта использования чата GPT-4.

В собранных интервью студентов после проведенного анализа были выделены отдельные нарративы. Чаще всего в интервью выделялось два основных нарратива. Первый нарратив чаще всего представлял собой описание истории знакомства респондентов с чатом GPT-4, а также описание основных ограничений, которые они выделяли для себя, свое отношение к точности получаемой от чата информации, имеющиеся опасения в отношении использования чата GPT-4, основные запросы и задачи, которые студенты решают с помощью GPT-4. Второй нарратив представлял собой описание переживаний, связанных с опытом выполнения практического задания с использованием чата GPT-4.

Важно также уточнить, что было выявлено два интервью представителей технических специальностей, которые после анализа были разделены на три отдельных нарратива. Также эти два выделенные нарратива объединяла схожая тема. Нарративы представляли собой краткий рассказ, который описывал конкретные примеры помощи чата GPT-4 студентам в разных жизненных ситуациях. Других подробных нарративов о помощи чата GPT-4 студентам в какой-либо ситуации при анализе обнаружено не было.

Сейчас рассмотрим подробнее сравнение нарративов по характеристикам, которые были представлены выше.

Начнем с первой характеристики – **соотношение нарративных и ненарративных частей:**

В контексте данного исследования ненарративными частями считались те ответы, которые не имели прямого отношения к заданному вопросу, а также те, которые не раскрывали суть обсуждаемой темы. Это включает в себя ответы, которые либо отклонялись от основного предмета запроса, либо предоставляли информацию, не способствующую

более глубокому пониманию проблемы. Ненарративные элементы могут проявляться в виде избыточных деталей, не относящихся к контексту, или же в виде общих утверждений, не обосновывающих и не иллюстрирующих конкретные аспекты вопроса.

Рассмотрим подробнее на примере технических специальностей:

В процессе интерпретации в первой части интервью было выявлено небольшое количество ненарративных частей. Чаще всего этими частями были моменты, когда испытуемые приводили примеры на тему вопроса и процессе этого отвлекались, предоставляя данные, не несущие информации по теме данного исследования.

В процессе интерпретации во второй части интервью не было выявлено ненарративных частей в сформированных нарративах. Чаще всего ответы в этой части были краткими со множеством пауз в повествовании.

Рассмотрим подробнее на примере социально-гуманитарных специальностей:

В процессе интерпретации в первой части интервью было выявлено небольшое количество ненарративных частей в нарративах. Чаще всего ненарративными частями являлся не полностью данный ответ, не несущий информации по теме исследования. Чаще всего это были вопросы о будущем чата GPT-4.

В процессе интерпретации во второй части интервью было выявлено небольшое количество ненарративных частей в сформированных нарративах. Чаще всего это были вопросы дополнения информации о опыте взаимодействия с чатом GPT-4.

После сравнения данных по данной характеристике можно прийти к следующим выводам: в сформированных нарративах следует отметить большего количество ненарративных частей у студентов социально-гуманитарных специальностей во второй части интервью, связанной с выполнением практического задания. Это может быть связано с владением недостаточным уровнем необходимой информации по работе с чатом GPT-4 или малым опытом использования данной технологии в сфере поставленного вопроса.

Следующая характеристика – ***описание агентности и структуры***.

В контексте данного исследования агентность понимается как способность кого-то/чего-то выступать в качестве движущей силы и влиять на развитие нарратива, а также в формировании сюжета и взаимодействии с окружающей средой. Структура, в свою очередь, выступает в роли не персонального ограничения и источника действия, на который рассказчик не может повлиять [5].

Понимание агентности и структуры в таком ключе позволяет глубже проанализировать динамику взаимодействий и их влияние на развитие сюжета, что является важным аспектом данного исследования.

Рассмотрим подробнее на примере технических специальностей:

В процессе интерпретации в первой части интервью можно выделить доминирование структуры в нарративах студентов. Данные подтверждаются рассказами о том, что испытуемые познакомились с чатом GPT-4 в социальных сетях или новостях, описание заданных системой ограничений, на которые испытуемые не могли повлиять, характерным для нарративов студентов негуманитарных специальностей.

В процессе интерпретации во второй части интервью было выявлено доминирование структуры в нарративах студентов. Данные подтверждаются описанием собственных ожидания студентов от взаимодействия с чатом.

Рассмотрим подробнее на примере социально-гуманитарных специальностей:

В процессе интерпретации в первой части интервью можно выделить доминирование агентности в нарративах студентов. Данные подтверждаются рассказами о том, что испытуемые познакомились с чатом GPT-4 в общении с кем-либо, а также описание взаимодействия с чатом и указаниям персонального влияния на общение с чатом, характерным для нарративов студентов социально-гуманитарных специальностей.

В процессе интерпретации во второй части интервью было выявлено доминирование структуры в нарративах студентов. Данные подтверждаются описанием собственных ожидания студентов от взаимодействия с чатом.

После сравнения данных по данной характеристике можно прийти к следующим выводам: в сформированных нарративах следует отметить доминирование структуры во вторых нарративах студентов социально-гуманитарных специальностей, так и во всех нарративах студентов технических специальностей. Это может быть связано с влиянием социальных сетей и интернета, который, показывая какую-либо информацию о ИИ, заинтересовали студентов в дальнейшем общении и активном использовании чата GPT-4.

Следующая характеристика - **соотношение ожиданий и практики использования чата GPT-4;**

В контексте данного исследования ожидание определяется как описание студентами их представлений о выполнении заданий с использованием чат-бота GPT-4. Ожидается, что взаимодействие будет характеризоваться плавностью и естественностью, обеспечивая возможность поддержания контекста разговора на протяжении всего общения. Кроме

того, ожидания могут включать требования к точности предоставляемой информации, а также её актуальности в соответствии с заданными темами и контекстами. Таким образом, ожидания студентов отражают их представления о функциональных возможностях чат-бота и его способности удовлетворять образовательные запросы.

Практика использования, в свою очередь, представляет собой непосредственное описание опыта выполнения практического задания с помощью чат-бота GPT-4. В этот термин включается анализ соответствия ожиданий студентов реальным результатам, а также оценка ошибок, которые могла допустить модель в процессе формирования ответов на запросы пользователей. Данный аспект практики позволяет выявить не только уровень удовлетворенности студентов, но и проанализировать возможные недостатки в работе чата, что, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию его функциональных ограничений.

Рассмотрим подробнее на примере технических специальностей:

В процессе интерпретации в первой части интервью можно выделить направленность на озвучивание своего представления и опыта касательно точности получаемых данных, а также данных о описания основных выполняемых задачи с помощью чата GPT-4. Данные подтверждаются рассказами студентов о том, насколько точная информация, получаемая при общении с чатом GPT-4.

Так же следует отметить интересную особенность студентов технической специальности – большая часть респондентов описывали свои ожидания и показатели точности в виде системы баллов или процентов.

В процессе интерпретации во второй части интервью было выявлено следующее направление: студенты делились тем, что ожидания, поставленные в начале проведения задания, чаще всего оправдывались. Что важно, чаще всего студенты конкретно уточняли что именно их не устраивало в работе представленного чата GPT-4.

Описанная выше особенность студентов технических специальностей выражать соответствие ожиданиям в баллах или процентах сохранилась и во второй части интервью.

Рассмотрим подробнее на примере социально-гуманитарных специальностей:

В процессе интерпретации в первой части интервью можно выделить направленность на нечастое выделение определенных ожиданий от результатов совместного выполнения заданий с чатом GPT-4. Студенты социально-гуманитарных специальностей предпочитали рассказывать так же о точности данных, опасения. Данные подтверждаются рассказами студентов о том, насколько точная информация, которая получена при общении с чатом GPT-4.

В процессе интерпретации во второй части интервью было выявлено следующее направление: студенты делились тем, что ожидания, поставленные в начале проведения практического задания, чаще всего оправдывались. Важно отметить, что студенты данной специальности часто подробно описывали почему ожидания удовлетворены не полностью. Что также важно, студенты данной специальности часто отзывались о легком взаимодействии с чатом GPT-4, рассказывая, как сразу поняли друг друга.

После сравнения данных по данной характеристике можно прийти к следующим выводам: в сформированных нарративах следует отметить наличие описаний ожиданий и практики использования чата GPT-4 у студентов двух специальностей. Студенты описывали точность получаемых данных и расписывали, почему их не устроили полученные результаты, чаще всего конкретно уточняя детали.

Следующая характеристика - **описание субъективных переживаний во время использования чата GPT-4;**

В контексте данного исследования описание субъективных переживаний рассматривается как выделенные эмоциональные окраски описываемой информации, которые играют ключевую роль в формировании индивидуального восприятия. Эти эмоциональные компоненты не только обогащают содержание информации, но и способствуют более глубокому пониманию личного опыта. Они влияют на когнитивные процессы, такие как запоминание и интерпретация, тем самым формируя уникальную эмоциональную палитру, через призму которой индивиды воспринимают и оценивают окружающий мир. Таким образом, анализ субъективных переживаний становится важным инструментом для выявления взаимосвязи между эмоциями и когнитивной деятельностью, что в свою очередь открывает новые горизонты для дальнейших исследований в данной области.

Рассмотрим подробнее на примере технических специальностей:

В процессе интерпретации в первой части интервью можно выделить направленность на то, что студенты не часто выражали какие-либо эмоциональные переживания, связанные с выполнением заданий с помощью чата GPT-4. Следует отметить, что в нарративах людей, описывающих какие-либо переживания на счет чата GPT-4, присутствовала и негативная, и позитивная окраска.

В процессе интерпретации во второй части интервью было выявлено следующее направление: студенты не часто выражали какие-либо эмоциональные переживания положительного окраса. Чаще всего они высказывали свои ожидания и недостатки полученного материала.

Рассмотрим подробнее на примере социально-гуманитарных специальностей:

В процессе интерпретации в первой части интервью можно выделить направленность на то, студенты чаще выражали какие-либо эмоциональные переживания, связанные с чатом GPT-4. В нарративах людей, описывающих переживания на счет чата GPT-4, чаще всего присутствовала негативная окраска.

В процессе интерпретации во второй части интервью было выявлено следующее направление: студенты не часто выражали какие-либо эмоциональные переживания положительного окраса. Важно отметить, что чаще всего она была заметна при ответе на вопрос про будущее чата GPT-4. Чаще всего они высказывали свои ожидания и недостатки полученного материала.

Также замечена особенность о том, что некоторые студенты данной специальности часто отвечали на вопрос о будущем ИИ в контексте полного захвата человечества машинами. Студенты технической специальности в свою очередь так же поднимали данную тему, но только для того, чтобы опровергнуть данную идею.

После сравнения данных по данной характеристике можно прийти к следующим выводам: в сформированных нарративах следует отметить наличие описаний большего количества положительных эмоциональных окрасов у студентов социально-гуманитарных специальностей. Возможно это связано с большим описанием помощи искусственного интеллекта студентам данной специальности.

Библиографические ссылки

1. Шмагин, В.С., Маслова, М.А. Обзор и анализ развития искусственного интеллекта // Научный результат. Информационные технологии. Т.5, №4, 2020.
2. Корж, Е. М., Громова, А. В. Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в психологии // Системная психология и социология. 2023. № 2. С. 60–70.
3. Гарбук, С.В. Особенности применения понятия «доверие» в области искусственного интеллекта // Искусственный интеллект и принятие решений. 2020. №3.
4. Мантуленко, В. В., Мантуленко, А. В. Искусственный интеллект в образовании: противоречия в использовании // Концепт. 2024. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-protivorechiya-v-ispolzovanii> (дата обращения: 23.06.2025).
5. Фабрикант, М. С. (2021) Эпидемия как история: соотношение структуры и агентности в нарративах о «черной смерти» в современных русскоязычных школьных учебниках // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 1. С. 158–177. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-158-177>.

САМООТНОШЕНИЕ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ СООБЩЕСТВУ У ПЕДАГОГОВ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

К. Г. Цыдик

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, tsydik.com@gmail.com
Научный руководитель – Е.И. Цюхай, старший преподаватель

В статье исследуются особенности самоотношения и принадлежности к профессиональному сообществу педагогов с разной степенью эмоционального выгорания. Полученные данные указывают на необходимость организации эффективной социальной сети поддержки педагога в учреждениях образования.

Ключевые слова: профессиональная востребованность; самоотношение; принадлежность к профессиональному сообществу; эмоциональное выгорание; педагоги.

В условиях высокой профессиональной нагрузки педагоги часто сталкиваются с риском развития эмоционального выгорания, что негативно отражается не только на их психологическом состоянии, но и на качестве образовательного процесса.

При этом важную роль играет субъективное отношение педагога к выполняемой им деятельности. Частично этому соответствует предложенный Е.В. Харитоновой психологический конструкт *профессиональной востребованности* – это система отношений личности к себе как к компетентному и значимому для других профессионалу, способному справиться со сложными задачами, оценивающему результаты своей работы как общественно полезные и удовлетворенному степенью реализации своего профессионального потенциала и т.п. [1]. Позитивное самоотношение помогает противостоять отчуждению от собственного «Я» и актуализирует ценностно-смысловые ресурсы устойчивости к выгоранию [2].

Результаты более ранних исследований свидетельствуют о наличии взаимосвязи между профессиональной востребованностью и эмоциональным выгоранием: переживание состояния выгорания у педагогов сопровождается снижением ощущения профессиональной востребованности [3].

В контексте проблемы эмоционального выгорания педагогов особого внимания заслуживают две шкалы концепции Е.В. Харитоновой:

– «*Самоотношение*» отражает субъективную значимость собственной профессиональной деятельности через призму оценки окружающих:

насколько индивид ощущает признание своей компетентности и пользы со стороны значимых других;

– «Принадлежность к профессиональному сообществу» позволяет оценить степень идентификации индивида с профессиональной группой, его отношение к ценностям, производимым в данной сфере, а также эмоциональное восприятие себя как представителя профессии [1].

Исследование. В выборку исследования вошли 130 женщин-педагогов гимназий и общеобразовательных школ г. Минска и г. Гродно в возрасте от 19 до 72 лет (средний возраст – 36,1 лет).

Сбор данных осуществлялся с использованием методик:

1) «Профессиональное выгорание» Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой, созданной на базе методики МБИ К. Маслач и С. Джексона; 2) «Профессиональная востребованность личности» Е.В. Харитоновой и А.Б. Ясько.

Данные обрабатывались в программе SPSS Statistics v.23 (с применением критериев Колмогорова-Смирнова и Н-Краскела-Уоллиса).

Результаты. Анализ выраженности компонентов эмоционального выгорания педагогов представлен на рис. 1.

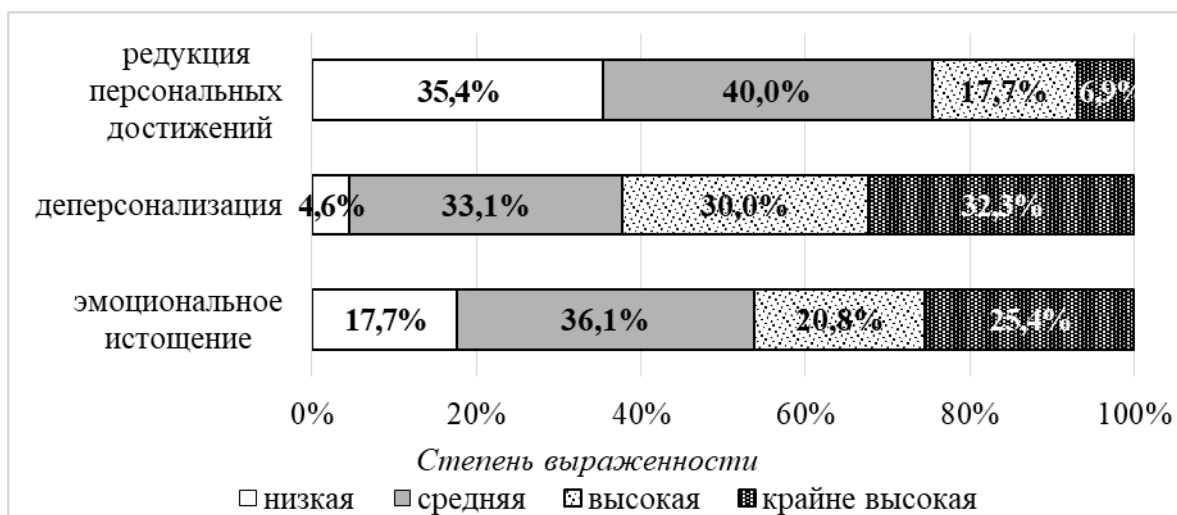

Рис. 1. Процентное соотношение степени выраженности компонентов эмоционального выгорания педагогов

Наибольший вклад в высокое значение эмоционального выгорания в рассматриваемой выборке педагогов вносит **деперсонализация**: у 62,3% респондентов выявлена высокая или крайне высокая ее выраженность. Это свидетельствует о склонности педагогов к эмоциональному отстранению от учащихся, коллег и т.д., а также от профессиональных обязанностей. Подобная защитная реакция позволяет дольше сохранять внутренние ресурсы в условиях хронической физической и психологической перегрузки. Дистанцирование сопровождается снижением чувства принадлежности к профессиональному сообществу, частью которо-

го педагог перестает ощущать себя, все реже разделяя ценности сообщества.

Эмоциональное истощение также выражено у значительной части педагогов: 46,2% демонстрируют высокие или крайне высокие значения. Развитие выгорания имеет индивидуальные особенности; чаще всего проявляется в постепенном эмоциональном истощении и последующем личностном отстранении.

Менее ощутимый вклад в высокую степень интегрального показателя выгорания вносит **редукция персональных достижений**. У 34,6% респондентов она **достигает** высоких и крайне высоких значений на фоне неудачных попыток справиться с воздействием профессиональных стрессов. «Выгорающие» педагоги чувствуют себя менее успешными.

Совладание с ситуацией посредством приложения больших усилий и/или дистанцирования обеспечивают лишь временное улучшение состояния, но в перспективе ведут к ослаблению включенности в профессию и ухудшению самоотношения. На рис. 2 представлены соотношения с нормой средних значений шкал самоотношения и принадлежности к профессиональному сообществу у педагогов с различной степенью эмоционального выгорания.

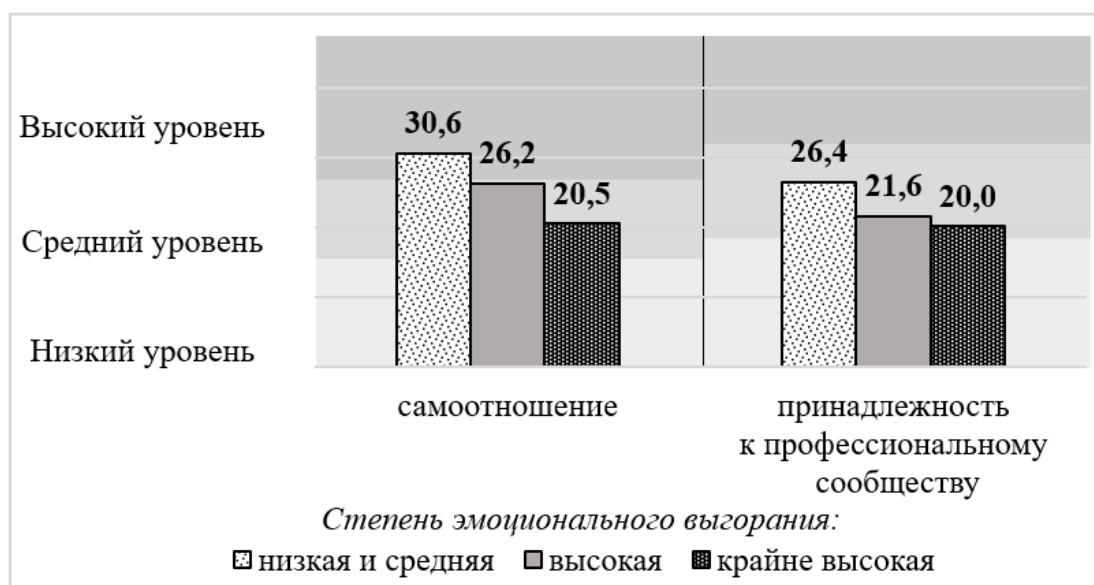

Рис. 2. Самоотношение и принадлежность к профессиональному сообществу у педагогов с различной степенью эмоционального выгорания

Исходя из рисунка 2, по мере усиления эмоционального выгорания снижается самоотношение педагогов и их чувство принадлежности к профессиональному сообществу. Это же подтверждает и статистический анализ различий между группами с различной степенью выгорания ($p < 0,001$). Однако следует отметить, что при низкой и средней степени выгорания у педагогов отмечается завышенный уровень самоотношения.

Излишняя уверенность в субъективной значимости собственной профессиональной деятельности и ожидании положительной оценки важности своего труда для значимых других, не всегда соответствующей реальной оценке ценности педагогической профессии в обществе, способствуют эмоциональному выгоранию. У «выгорающих» педагогов изменяется отношение к себе как к профессионалу: не ощущая в достаточной мере признания и поддержки со стороны значимых других, их позитивное самоотношение трансформируется в нейтральное.

При этом педагоги с низкой и средней степенями эмоционального выгорания, идентифицируют себя с соответствующей профессиональной группой, разделяя отношение к ценностям, производимым в образовательной сфере, эмоционально воспринимая себя как представителя профессии – школьного учителя. Повышение степени эмоционального выгорания сопровождается не просто недостатком поддержки таких же «выгоревших» коллег, но и могут испытывать недовольство системой образования в целом, профессиональной культурой или коллегами, несмотря на нейтральное самоотношение. Подобная неопределенность еще сильнее истощает педагога за счет неразрешенного внутриличностного конфликта [4].

Таким образом, несоответствие между высоким самоотношением и недостаточной принадлежностью к профессиональному сообществу может выступать в качестве потенциального фактора, способствующего формированию эмоционального выгорания. Снизить внутреннюю противоречивость могут реалистичное отношение к профессии и организация эффективной социальной сети поддержки педагога в учреждениях образования.

Библиографические ссылки

1. Харитонова, Е.В. Социально-профессиональная востребованность личности: к обоснованию психологической концепции // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 3. С. 1–5.
2. Водопьянова, Н.Е., Густелева, А.Н. Позитивное самоотношение как фактор устойчивости к профессиональному выгоранию учителей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010. № 4. С. 166–172.
3. Цыдик, К.Г. Особенности эмоционального выгорания педагогов с различным уровнем профессиональной востребованности // Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных исследований : сб. науч. статей участников XXX Респ. конкурса науч. работ студентов. Минск : БГУ, 2023. С. 149–152.
4. Цюхай, Е.И., Герасимова, К.В. Эмоциональное состояние медицинских работников в контексте организации здравоохранения // Актуальные проблемы управления здоровьем населения : сб. науч. трудов VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вып. XVIII. Нижний Новгород : ПИМУ, 2025. С. 164–169.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В БЕЛАРУСИ

С. Чжан

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, 1423752861@qq.com*

Научный руководитель — Л. Г. Степанова, кандидат психологических наук, доцент

Исследование выявило тесную связь психологического благополучия с межличностными отношениями китайских студентов в Беларуси, особенно в аспектах личностного роста и самопринятия. Гендерные различия показали большую значимость автономии для женщин и социальной адаптации для мужчин. Результаты подчеркивают важность психологической поддержки для успешной интеграции иностранных студентов.

Ключевые слова: психологическое благополучие; межличностные отношения; взаимосвязь; китайские студенты; обучающиеся; Беларусь.

Беларусь и Китай традиционно дружественные страны с давней историей дипломатических отношений. В последние годы благодаря углубленному сотрудничеству между Китаем и Беларусью двусторонние отношения стали более тесными, дружеские обмены усилились, и все больше китайских студентов выбирают обучение за рубежом, поэтому понимание их психологического благополучия и межличностных отношений станет важным аспектом исследования.

Внимание к психологическому благополучию китайских студентов имеет решающее значение для их учебной жизни и академического развития в Беларуси. Иностранные студенты сталкиваются с множеством проблем в незнакомой стране, в том числе и за счет того, что попадают в другую культурную среду, что может оказать сильное влияние на их психологическое благополучие, которое включает в себя такие аспекты, как эмоциональное благополучие, самооценка и удовлетворенность жизнью. А уровень психологического благополучия студента, в свою очередь может быть связан с качеством его межличностных отношений, под которым понимается взаимодействие и связь между студентами и их социальным окружением, включая языковые барьеры, культурные различия и общество в целом. Поэтому обеспечение психологического благополучия и межличностных отношений китайских студентов имеет ре-

шающее значение для результатов их обучения и качества их обучения за рубежом.

Для проведения статистического анализа с целью выявления взаимосвязи между уровнем психологического благополучия (оценка по опроснику К. Рифф) и межличностных отношений (оценка по шкале ICDS Чжэн Ричана) у китайских студентов в Беларуси (60 женщин и 60 мужчин), мы использовали следующий подход, сочетающий в себе как непараметрические корреляции (t-критерий Спирмена), так и непараметрические тесты для сравнения групп (Манна-Уитни).

Таблица 1

Взаимосвязь между уровнем психологического благополучия и межличностных отношений у китайских студентов в Беларуси (мужчины)

Шкала психологического благополучия	мужчины	ICDS Чжэн Ричана			
		Межличностное общение	Межличностная дружба	Обращение с людьми	Гетеросексуальные взаимодействия
Позитивные отношения	г	0,285*	0,120	-0,080	0,095
	р	0,31	0,362	0,539	0,465
Автономия	г	-0,015	0,150	0,380**	0,200
	р	0,912	0,261	0,002	0,123
Управление средой	г	0,155	0,250*	0,480**	0,400**
	р	0,246	0,045	0,001	0,001
Личностный рост	г	0,600**	0,400**	0,420**	0,500**
	р	0,000	0,001	0,001	0,000
Цели в жизни	г	0,720**	0,420**	0,300*	0,580**
	р	0,000	0,001	0,021	0,000
Самопринятие	г	0,800**	0,400**	0,320*	0,520**
	р	0,000	0,001	0,013	0,030
Психологическое благополучие	г	0,750**	0,500**	0,450**	0,600**
	р	0,001	0,011	0,021	0,001

Как видно из результатов, представленных в таблице 1, обнаружена слабая положительная корреляция «Позитивные отношения» с «Межличностной дружбой» ($r = 0,285$, при $p = 0,031$). Это говорит о том,

что у мужчин, которые ощущают более высокий уровень позитивных отношений с окружающими, также может быть немного более выражена межличностная дружба. Связи с остальными шкалами ICDS незначимы.

Автономия: выявлена умеренная положительная корреляция с «Обращением с людьми» ($r = 0,380$, при $p = 0,002$). Это означает, что мужчины, которые чувствуют себя более независимыми и самостоятельными, также склонны лучше ладить с окружающими и эффективно взаимодействовать с ними.

Управление средой: обнаружены умеренные положительные корреляции с «Межличностной дружбой» ($r = 0,250$, при $p = 0,045$) и «Обращением с людьми» ($r = 0,480$, при $p = 0,001$) и «Гетеросексуальные взаимодействия» ($r = 0,400$, при $p = 0,001$). Это указывает на то, что мужчины, которые ощущают себя способными контролировать и влиять на свое окружение, также склонны иметь более крепкие дружеские связи и более успешные гетеросексуальные взаимодействия.

Личностный рост показывает сильные положительные корреляции со всеми шкалами ICDS ($r = 0,400-0,600$, при $p < 0,001$). Это подчеркивает, что для мужчин чувство непрерывного развития и обучения тесно связано с их межличностными отношениями и гетеросексуальными взаимодействиями. Чем больше мужчина стремится к личностному росту, тем лучше у него получается строить отношения с другими людьми.

Цели в жизни также демонстрирует сильные положительные корреляции со всеми шкалами ICDS ($r = 0,300-0,720$, $p < 0,05$). Это говорит о том, что наличие целей и смысла в жизни у мужчин положительно связано с их способностью устанавливать и поддерживать межличностные связи.

Самопринятие: имеет сильные положительные корреляции со всеми шкалами ICDS ($r = 0,320-0,800$, $p < 0,05$). Это указывает на то, что для мужчин принятие себя и позитивное отношение к себе тесно связано с их социальными навыками и гетеросексуальными взаимодействиями.

Психологическое благополучие (общий уровень): показывает сильные положительные корреляции со всеми шкалами ICDS ($r = 0,450-0,750$, $p < 0,05$). Это означает, что общее ощущение благополучия у мужчин тесно связано с их способностью устанавливать и поддерживать межличностные связи. Далее рассмотрим результаты испытуемых женщин, которые приведены в таблице 2.

Таблица 2

Взаимосвязь между уровнем психологического благополучия и межличностных отношений у китайских студентов в Беларуси (женщины)

Шкала психологического благополучия	женщины	ICDS Чжэн Ричана			
		Межличностное общение	Межличностная дружба	Обращение с людьми	Гетеросексуальные взаимодействия
Позитивные отношения	r	0,400**	0,250*	-0,150	0,010
	p	0,001	0,045	0,261	0,940
Автономия	r	-0,100	0,050	0,420**	0,300*
	p	0,449	0,703	0,001	0,021
Управление средой	r	0,200	0,400**	0,600**	0,500**
	p	0,123	0,001	0,007	0,002
Личностный рост	r	0,700**	0,500**	0,520**	0,600**
	p	0,003	0,008	0,011	0,007
Цели в жизни	r	0,800**	0,500**	0,400**	0,620**
	p	0,011	0,022	0,001	0,018
Самопринятие	r	0,850**	0,520**	0,400**	0,600**
	p	0,011	0,007	0,001	0,012
Психологическое благополучие	r	0,800**	0,600**	0,550**	0,700**
	p	0,001	0,005	0,013	0,009

Анализируя представленные данные отмечаем:

Позитивные отношения: обнаружена умеренная положительная корреляция с «Межличностным общением» ($r = 0,400$, при $p = 0,001$) и слабая с «Межличностной дружбой» ($r = 0,250$, при $p = 0,045$). Это говорит о том, что у женщин, которые ощущают более высокий уровень позитивных отношений с окружающими, также может быть более выражена межличностная дружба. Связи с остальными шкалами ICDS незначимы.

Автономия: выявлена умеренная положительная корреляция с «Обращением с людьми» ($r = 0,420$, при $p = 0,001$) и слабая с «Гетеросексуальные взаимодействия» ($r = 0,300$, при $p = 0,021$). Это означает, что женщины, которые чувствуют себя более независимыми и самостоятельными, также склонны лучше ладить с окружающими и эффективно взаимодействовать с ними, и строить гетеросексуальные отношения.

Управление средой: обнаружены умеренные положительные корреляции с «Межличностной дружбой» ($r = 0,400$, при $p = 0,001$) и «Обра-

щением с людьми» ($r = 0,600$, при $p = 0,007$) и «Гетеросексуальные взаимодействия» ($r = 0,500$, при $p = 0,002$). Это указывает на то, что женщины, которые ощущают себя способными контролировать и влиять на свое окружение, также склонны иметь более крепкие дружеские связи и более успешные гетеросексуальные взаимодействия.

Личностный рост: показывает сильные положительные корреляции со всеми шкалами ICDS ($r = 0,500-0,700$, при $p < 0,05$). Это подчеркивает, что для женщин чувство непрерывного развития и обучения тесно связано с их межличностными отношениями и гетеросексуальными взаимодействиями. Чем больше женщина стремится к личностному росту, тем лучше у нее получается строить отношения с другими людьми.

Цели в жизни: также демонстрирует сильные положительные корреляции со всеми шкалами ICDS ($r = 0,400-0,800$, при $p < 0,05$). Это говорит о том, что наличие целей и смысла в жизни у женщин положительно связано с их способностью устанавливать и поддерживать межличностные связи.

Самопринятие: имеет сильные положительные корреляции со всеми шкалами ICDS ($r = 0,400-0,850$, при $p < 0,05$). Это указывает на то, что для женщин принятие себя и позитивное отношение к себе тесно связано с их социальными навыками и гетеросексуальными взаимодействиями.

Психологическое благополучие (общий уровень): показывает сильные положительные корреляции со всеми шкалами ICDS ($r = 0,550-0,800$, при $p < 0,05$). Это означает, что общее ощущение благополучия у женщин тесно связано с их способностью устанавливать и поддерживать межличностные связи.

Далее проанализируем общие тенденции и гендерные отличия у китайских студентов в контексте белорусского образования. В целом, для обоих полов наблюдаются положительные корреляции между шкалами психологического благополучия К. Рифф и шкалами ICDS Чжэн Ричана. Это означает, что люди, которые чувствуют себя более благополучными в целом, также имеют тенденцию к лучшим результатам в межличностных отношениях и гетеросексуальных взаимодействиях. Сила корреляций несколько различается между мужчинами и женщинами. Например, для мужчин «Личностный рост», «Цели в жизни» и «Самопринятие» показывают особенно сильные связи с «Гетеросексуальными взаимодействиями», в то время как для женщин эти связи немного слабее, но все еще статистически значимы. У женщин связь автономии с гетеросексуальными взаимодействиями более выражена, чем у мужчин. Это может говорить о том, что для женщин ощущение независимости играет более

важную роль в их гетеросексуальных отношениях. Связь между позитивными отношениями и межличностными аспектами (особенно дружбой) также прослеживается у обоих полов, но немного сильнее выражена у женщин.

Результаты подтверждают важность развития психологического благополучия для улучшения качества межличностных отношений и социальной адаптации.

Библиографические ссылки

1. Ryff, C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being / C.D. Ryff // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. № 57. P. 1069-1081.

2. 郑日昌.大学生心理诊断 / 郑日昌 // 出版物. – 济南: 山东教育出版社, 1999.
Чжэн, Р. Психологическая диагностика студентов. Учебное пособие. Цзинань: Шаньдунская образоват. пресса, 1999. P.339-345.

СЕКЦИЯ 12. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОНЕТАРНЫХ УСТАНОВОК И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯМИ СУПРУГОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ДИСПОЗИЦИОННОЙ ЖАДНОСТИ

Э. М. Акулич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, akulich.elvira@mail.ru
Научный руководитель – С.М. Ширко, кандидат психологических наук*

В современном обществе деньги и материальные блага играют все более значимую роль. Особую значимость в отношениях между партнерами приобретают различные формы монетарного и жадного поведения. Экономические факторы и личные установки индивидов играют значительную роль в межличностном взаимодействии и различного типа близких отношений. В статье предпринята попытка установить взаимосвязь монетарных установок и удовлетворенности отношениями супругов с различным уровнем диспозиционной жадности.

Ключевые слова: монетарные установки; диспозиционная жадность; супружеские отношения; удовлетворенность отношениями.

В современной психологической науке проблема исследования взаимосвязи монетарных установок и удовлетворенности отношениями супругов с различным уровнем диспозиционной жадности является актуальной, практически значимой и недостаточно разработанной. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы психологами и семейными консультантами для диагностики и коррекции супружеских отношений, для разработки стратегий по снижению негативного влияния диспозиционной жадности на удовлетворенность отношениями. Данные работы могут быть использованы для углубленного изучения влияния монетарного поведения на семейные отношения. Также, полученные результаты могут быть актуальными в дальнейших исследованиях в области психологии отношений.

Методологическими основаниями исследования определены: подход И. А. Фурманова и С. М. Ширко [2; 3], согласно которому диспозиционная жадность является устойчивой личностной чертой, которая отличается от ситуативной постоянством и стабильностью по отношению к любым объектам и предметам вне зависимости от ситуации, подход В.

Klontz и Т. Klontz [6], в соответствии с которым у индивидов существуют денежные сценарии, которые вырабатываются в детстве и часто передаются в семейных системах из поколения в поколение и идеи G. B. Spanier [5] о характере удовлетворенности отношениями супругов как о согласованности (адаптации) взаимодействия партнеров, когда благополучными являются такие отношения, в которых супруги хорошо приспособились, адаптировались друг к другу и к супружеству в целом.

В исследовании применялся следующий инструментарий: «Шкала диспозиционной жадности» (ШДЖ), разработанная И.А. Фурмановым и С.М. Ширко, «Опросник измерения монетарных аттитюдов В. Klontz и Т. Klontz» в адаптации Д. А. Баязитовой, Т. А. Лапшовой и «Шкала диадической согласованности» (DAS) G. Spanier в адаптации Д. Г. Айвазовой, Е. Л. Горловой, Д. В. Каширского, Н. В. Сабельниковой.

Выборку исследования составили 122 респондента: 61 супружеская пара в возрасте от 24 до 56 лет (средний возраст 40 лет), находящихся в зарегистрированном браке (стаж супружеской жизни составил от 1 года до 33 лет). Респонденты были распределены по уровням выраженности диспозиционной жадности: 39 респондентов с высоким уровнем диспозиционной жадности и 25 респондентов.

Для установления взаимосвязи монетарных установок и удовлетворенности отношениями супругов с высоким и низким уровнями диспозиционной жадности был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Пирсона. В результате были получены следующие данные (табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязь диспозиционной жадности и удовлетворенности отношениями супругов

Показатели	Супружеская согласованность	Согласие	Удовлетворенность отношениями	Сплоченность	Эмоциональная экспрессия
Диспозиционная жадность	r = - 0,28	r = - 0,06	r = - 0,21	r = - 0,39	r = - 0,18
	p < 0,001	p = 0,526	p = 0,005	p < 0,001	p = 0,005

Обнаружена слабая отрицательная связь диспозиционной жадности и показателей «удовлетворенность отношениями» ($r = - 0,21$, $p = 0,005$), «эмоциональная экспрессия» ($r = - 0,18$, $p = 0,005$). Умеренная отрицательная связь диспозиционной жадности с показателями «сплоченность» ($r = - 0,39$, $p < 0,001$) и «супружеская согласованность» ($r = - 0,28$, $p < 0,001$). Полученные результаты позволяют предположить, что чем выше

уровень диспозиционной жадности, тем ниже уровень удовлетворенности отношениями, сплоченности в браке и в целом общим ухудшением качества супружества. Индивиды с высоким уровнем диспозиционной жадности склонны к чрезмерному накопительству, концентрации на материальных ценностях, ориентированы на индивидуальную выгоду, что снижает их включенность в партнерские отношения. Сплоченность в супружестве определяется общими целями, ценностями и готовностью поддерживать друг друга. Супруги с выраженной жадностью могут конфликтовать из-за финансов и уделять меньше внимания эмоциональным аспектам отношений, что, в свою очередь, снижает их удовлетворенность браком. Полученные данные согласуются с исследованием И. А. Фурманова и С. М. Ширко [3].

Выявлена умеренная отрицательная связь монетарной установки «деньги как статус» и показателей «удовлетворенность отношениями» ($r = -0,40$, $p < 0,001$) и «сплоченность» ($r = -0,23$, $p = 0,005$), а также слабая отрицательная связь монетарной установки «деньги как статус» и показателя «супружеская согласованность» ($r = -0,19$, $p = 0,005$) (табл. 2). Полученные результаты позволяют предположить, что индивиды, воспринимающие деньги как символ статуса, менее удовлетворены супружескими отношениями. Это объясняется тем, что их приоритеты связаны с материальными благами, а не с развитием эмоциональной близости. Подобные с нашими результаты были получены в исследованиях Н. В. Козловой и В. Б. Ларионовой [1].

Таблица 2

**Взаимосвязь монетарных установок и удовлетворенности отношениями
супругов**

Показатели	Супружеская согласованность	Согласие	Удовлетворенность отношениями	Сплоченность	Эмоциональная экспрессия
Избегание денег	$r = -0,24$	$r = -0,03$	$r = -0,19$	$r = -0,36$	$r = -0,12$
	$p < 0,001$	$p = 0,718$	$p = 0,005$	$p < 0,001$	$p = 0,186$
Деньги как статус	$r = -0,19$	$r = 0,13$	$r = -0,40$	$r = -0,23$	$r = 0,07$
	$p = 0,005$	$p = 0,160$	$p < 0,001$	$p = 0,005$	$p = 0,427$
Поклонение деньгам	$r = -0,11$	$r = 0,23$	$r = -0,32$	$r = -0,25$	$r = 0,14$
	$p = 0,213$	$p = 0,005$	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p = 0,123$

Окончание табл. 2

Показатели	Супружеская согласованность	Согласие	Удовлетворенность отношениями	Сплоченность	Эмоциональная экспрессия
Обеспокоенность деньгами	$r = -0,02$	$r = 0,00$	$r = 0,04$	$r = -0,09$	$r = 0,01$
	$p = 0,874$	$p = 0,977$	$p = 0,647$	$p = 0,323$	$p = 0,927$

Установлена умеренная отрицательная связь показателя «поклонение деньгам» и удовлетворенность отношениями ($r = -0,32$, $p < 0,001$), а также показателем «сплоченность» ($r = -0,25$, $p < 0,001$). Полученные результаты позволяют предположить, что это может быть связано с тем, что один из супругов ставит материальные ценности выше отношений. Супруги, воспринимающие деньги как высшую ценность, менее удовлетворены отношениями. Они могут уделять слишком много внимания зарабатыванию денег и слишком мало – партнеру. Данные, полученные в нашем исследовании, можно подкрепить результатами исследования Т. Seuntjens и соавторов [4], в котором были получены схожие результаты.

Выявлена слабая отрицательная связь показателя «избегание денег» и удовлетворенности отношениями ($r = -0,19$, $p = 0,005$), что указывает на отрицательную взаимосвязь: чем сильнее индивид избегает денег, тем ниже его удовлетворенность отношениями. Установлена умеренная отрицательная связь показателя «избегание денег», «сплоченность» ($r = -0,36$, $p < 0,001$) и «супружеская согласованность» ($r = -0,24$, $p < 0,001$). Полученные данные позволяют предположить, что индивиды, избегающие денежных вопросов, имеют более низкую удовлетворенность отношениями. Это может быть связано с тем, что финансовые вопросы остаются нерешенными, что ведет к нестабильности в семье и снижению чувства сплоченности. Полученные данные согласуются с исследованиями В. Klontz и Р. Klontz [6].

По показателям «обеспокоенность деньгами» ($r = -0,02$, $p = 0,874$), «удовлетворенность отношениями» ($r = 0,04$, $p = 0,647$) и «сплоченность» ($r = -0,09$, $p = 0,323$) статистически значимых связей установлено не было. Это может означать, что не само наличие или отсутствие денег определяет удовлетворенность отношениями в супружестве, а именно отношение к ним.

Таким образом, в ходе проведенного эмпирического исследования установлена взаимосвязь монетарных установок и удовлетворенности отношениями супругов с различным уровнем диспозиционной жадно-

сти. Полученные данные позволяют предположить, что высокий уровень диспозиционной жадности снижает уровень удовлетворенности браком, сплоченности и общий уровень семейного благополучия. Полученные результаты позволяют разработать практические рекомендации для дальнейших исследований предрасположенности индивидов к диспозиционной жадности, склонности к монетарному поведению и повышения качества супружеских отношений.

Библиографические ссылки

1. *Козлова, Н.В., Ларионова, В.Б.* Особенности взаимосвязи монетарного поведения и компонентов жизнестойкости молодежи. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 6. С. 12–17.
2. *Фурманов, И. А.* Феномен жадности: психологическая трактовка. Психологический Vademecum: Психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун–т им. П. М. Машерова ; под. ред. С.Л. Богомаза [и др.]. Витебск, 2019. С. 42–46.
3. *Ширко, С. М.* Личностные детерминанты диспозиционной жадности : автореф. дис. ...канд. психол. наук. Минск, 2023. 25 с.
4. *Seuntjens, T.G. Zeelenberg, M., Van de Ven, N., Breugelmans, S. M.* Dispositional greed. Journal of Personality and Social Psychology. 2015. Vol. 108, № 6. P. 917–933.
5. *Spanier, G.B.* Assessing the strengths of the Dyadic Adjustment Scale // Journal of Family Psychology. 1988. V. 2 (1). P. 92–94.
6. *Klontz, B., Bivens A., Klontz P., Wada J., Kahler R.* The treatment of disordered money behaviors: Results of an open clinical trial. Psychological Services. 2008. № 5(3). P. 295–308.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОМАНТИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ ПАРТНЕРОВ С РАЗНЫМИ СТИЛЯМИ ПРИВЯЗАННОСТИ

Т. А. Алексеевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, tatat777@tut.by*

Научный руководитель — О. В. Конькова, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматривается влияние стилей привязанности на удовлетворенность романтическими отношениями. На основе анализа теоретических источников и эмпирических данных показано, что различия в стилях привязанности оказывают значимое влияние на субъективную оценку партнёрских отношений. Результаты исследования могут использоваться в практике психологов, работающих с парами, а также стать основой для дальнейших исследований в области семейной и личностной психологии.

Ключевые слова: привязанность; романтические отношения; удовлетворенность отношениями; стили привязанности; межличностные отношения.

Актуальность изучения удовлетворенности романтическими отношениями обусловлена высокой значимостью межличностных связей для психического и эмоционального благополучия личности. В современном обществе, где наблюдается рост числа разводов, эмоционального отчуждения и нестабильных союзов, всё больше внимания уделяется внутренним механизмам, влияющим на устойчивость и качество романтических отношений. Одним из таких механизмов является стиль привязанности — индивидуальная особенность, формирующаяся на основе раннего взаимодействия с родителями и определяющая поведение человека в близких отношениях на протяжении всей жизни.

Теоретическую основу исследования составили работы Джона Боулби, который первым сформулировал концепцию привязанности как биологически обусловленного механизма выживания [1], а также исследования Мэри Эйнсворт, которая выявила три основных стиля привязанности у детей — безопасный, тревожный и избегающий [4]. В дальнейшем данная классификация была адаптирована для взрослых людей учеными Синди Хазан и Филлипом Шейвером [6], а также Кимом Бартоломью и Леонардом Горовицем [7], что позволило расширить понимание влияния детского опыта на взрослые романтические отношения. Важную роль в формировании привязанности играет и качество мате-

ринского отношения, что подчёркивается в теории психосоциального развития Эрика Эриксона [2]. Именно доверие, формирующееся в младенчестве, служит фундаментом для способности устанавливать эмоционально насыщенные и устойчивые связи в будущем.

Удовлетворенность романтическими отношениями представляет собой многогранный феномен, включающий как когнитивные, так и эмоциональные компоненты. Она выражает субъективную оценку партнером качества взаимодействия и может зависеть от множества факторов – от индивидуальных ожиданий и представлений о браке до эмоционального климата в паре. Социально-психологический подход рассматривает удовлетворенность не только как итог совместного опыта, но и как отражение эмоциональной гармонии, взаимного уважения и поддержки [3]. В этом контексте особенно важным становится понимание того, как личностные особенности, в частности стиль привязанности, влияют на восприятие отношений. Исследования показывают, что безопасный стиль способствует установлению стабильных, доверительных связей и большей удовлетворенности отношениями, тогда как тревожный и избегающий стили могут вести к недопониманию, конфликтам и эмоциональной дистанции [8, 9].

Цель проведенного эмпирического исследования заключалась в выявлении взаимосвязи между стилем привязанности и уровнем удовлетворенности романтическими отношениями. В исследовании приняли участие 66 человек, состоящих в стабильных романтических отношениях. Для диагностики использовались опросник стилей привязанности (ECR) и шкала удовлетворенности отношениями (CSI). Результаты показали, что 48% респондентов обладают безопасным стилем привязанности, что коррелирует с высоким уровнем удовлетворенности их отношениями. Тревожный стиль был зафиксирован у 32% участников и характеризовался нестабильностью восприятия отношений, выраженной эмоциональной зависимостью и страхом быть отвергнутым. У 12% респондентов преобладал избегающий стиль, при котором отмечались трудности в установлении близости, стремление к автономии и эмоциональной дистанции. Тревожно-избегающий стиль, представленный у 8% участников, сочетал в себе амбивалентные характеристики: потребность в близости с одновременным избеганием интимности.

Анализ уровня удовлетворенности показал, что большинство респондентов (78%) оценивают свои отношения как удовлетворительные, из которых 36% выбрали категорию «очень удовлетворен(а)», а 42% – «умеренно удовлетворен(а)». Однако 22% участников заявили о своей

неудовлетворенности, что подчёркивает актуальность дальнейшего изучения факторов, влияющих на качество романтических отношений. Корреляционный анализ выявил значимые статистические взаимосвязи между стилем привязанности и уровнем удовлетворенности. Так, между тревожностью в привязанности и удовлетворенностью отношениями была зафиксирована сильная обратная связь (коэффициент Спирмена $R = -0.657$, $p < 0.01$), а между избеганием привязанности и удовлетворённостью – умеренно выраженная обратная связь ($R = -0.474$, $p < 0.05$). Это означает, что тревожность и избегание в значительной степени снижают восприятие партнёром позитивных аспектов отношений и могут вести к снижению эмоционального удовлетворения.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о наличии различий в удовлетворенности романтическими отношениями у партнёров с разными стилями привязанности. Участники с безопасным стилем демонстрировали высокий уровень эмоциональной стабильности и доверия, что положительно отражалось на оценке качества отношений. В то же время тревожные и избегающие стили сопровождалась трудностями во взаимодействии, неуверенностью, страхами и отчуждённостью, что снижало уровень удовлетворённости. Эти данные подчёркивают необходимость индивидуального подхода в консультировании и психотерапии пар, а также разработки программ по коррекции небезопасных стилей привязанности.

Таким образом, исследование подтвердило значимость стиля привязанности как ключевого фактора, определяющего эмоциональное качество романтических отношений. Полученные данные могут использоваться в практике психологов, работающих с парами, а также стать основой для дальнейших исследований в области семейной и личностной психологии. Актуальность темы обусловлена изменениями в межличностных отношениях, развитием цифрового общения и увеличением эмоциональной нестабильности, что делает результаты этого исследования важными как для науки, так и для практического применения.

Библиографические ссылки

1. Боулби, Дж. Привязанность. М.: Гардарики. 2003. 477 с.
2. Эриксон, Э. Детство и общество. СПб.: Университетская книга. 1996. 592 с.
3. Юсупова, Г. В. Социально-психологические детерминанты удовлетворенности браком в современных семьях [Электронный ресурс]. Электрон. Текстовые данные. URL : http://oprt.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_13897_2.doc

4. *Ainsworth, M. D.* The effects of maternal deprivation: review of findings and controversy in the context of research strategy // *Deprivation of maternal care. A reassessment of its effects*, New York. 1962. 97. p.165.
5. *Berman W.H., Marcus L., Berman E. L.* Attachment in marital relations.// *Attachment in Adults: Clinical and Developmental Perspectives*; edited by Sperling M. B., Berman W.H. New York: Guilford Press, 1994. p. 204-231.
6. *Shaver P. R., Mikulincer M.* An overview of adult attachment theory. // *Attachment theory and research in clinical work with adult*; edited by J. H. Obegi & E. Berant New York: The Guilford Press, 2009. p. 17-45.
7. *Bartholomew K., Horovitz L. M.* Attachment styles among young adults: a test of a four-category model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. № 61. p. 226-244.
8. *Feeney J. A., Noller P., Hanrahan M.* Assessing adult attachment // *Attachment in adults: Clinical and developmental perspectives*; edited by M. B. Sperling, W. H. Berman New York: Guilford Press, 1994. p. 128-152.
9. *Griffith, G., & Fernandez, A. G.* Relationship Satisfaction: A Structural Model // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2014.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ДОМАШНИХ ПИТОМЦЕВ В СЕМЬЕ

К. К. Асмоловская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kseniaasmolovskaya@gmail.com
Научный руководитель — С.М. Ширко, кандидат психологических наук*

В последние десятилетия наблюдается рост числа семей, принимающих домашних питомцев как полноценных членов семьи, которые способствуют удовлетворению актуальных потребностей. Домашние животные играют значительную роль в гармонизации семейных отношений, особенно в условиях растущего стресса и одиночества. Они способствуют развитию у детей таких качеств, как ответственность и сострадание. Цель исследования – определить психологические функции домашних питомцев в семье, анализируя межвидовое взаимодействие и основные подходы к исследованию отношений между владельцами и питомцами.

Ключевые слова: домашний питомец; межвидовое взаимодействие; психологические функции; сравнительная психология.

Выбор домашнего животного как компаньона тесно связан с вопросом межвидового взаимодействия и его влияния на физическое и психологическое благополучие индивида [1]. Важным аспектом межвидового взаимодействия является его роль в снижении эмоционального напряжения внутри семьи.

Согласно теории семейных систем М. Боуэна, эмоциональную стабильность в группе можно поддерживать за счёт формирования «треугольников» – устойчивых связей между тремя участниками, где третьим может быть и домашний питомец [2]. Включение животного в эмоциональную конфигурацию способствует перераспределению напряжённости и адаптации к особенностям взаимодействия между членами семьи.

Домашний питомец, попадая в семью, становится не просто объектом заботы, а полноправным участником семейной системы. Его психологические функции могут варьироваться в зависимости от потребностей семьи. Животное может компенсировать дефицит эмоциональных связей, дополнять недостающие формы привязанности у ребёнка и способствовать развитию личностных и социальных навыков [2].

В периоды значительных изменений в жизни семьи, например, таких как беременность или рождение ребёнка, питомцы становятся элементом эмоциональной поддержки [3]. Очеловечивание животных в таких случаях представляет собой определённый адаптационный механизм: членам семьи проще проецировать эмоции и искать отклик в

предсказуемом поведении животного. Однако, как подчеркивают А.Я. Варга и Е. Ю. Федорович [4], питомцы лишь временно компенсируют дефицит внутрисемейной связи, не заменяя полноценного межличностного взаимодействия. Приписывание животным человеческих качеств может также привести к искажению представлений о их потребностях и, как следствие, вызвать эмоциональные и поведенческие нарушения как у владельцев, так и у животных.

Присутствие питомца благоприятно влияет на эмоциональное состояние семьи в целом. Согласно исследованиям, взаимодействие с животными снижает уровень кортизола, улучшает настроение, способствует релаксации и саморегуляции [5]. Для индивидов, испытывающих одиночество или изоляцию, питомец становится источником постоянной эмоциональной поддержки и ощущения защищённости. Особенно значима эта функция для детей, которые воспринимают животное как источник безусловной поддержки, не требующей доказательств [6].

У детей взаимодействие с питомцем развивает эмпатию, способность учитывать чужие потребности и понимать эмоциональные состояния другого существа. Этот процесс способствует формированию базовых навыков сопереживания и ответственному поведению. Однако, как подчёркивают исследователи, развитие эмпатии возможно лишь при формировании у ребёнка доброжелательного и осознанного отношения к животному [7].

Домашние животные могут выполнять роль медиаторов в семейных отношениях, облегчая общение между членами семьи и снижая возникновение конфликтных ситуаций [4]. Питомец становится нейтральным звеном, через которое возможно косвенное выражение эмоций и заботы [8]. Забота о животном способствует организации внутрисемейных обязанностей и взаимодействия: распределение задач по уходу формирует чувство ответственности, а обсуждение вопросов содержания животного - практику конструктивного диалога [5].

Животные способны выступать индикаторами семейного климата, реагируя на скрытые формы напряжения. Их поведение адаптивно: в условиях стресса питомцы могут демонстрировать повышенную настороженность или, напротив, стремление к контакту [5]. Они становятся чувствительными «барометрами» эмоциональной атмосферы в семье.

В частности, собаки демонстрируют высокую чувствительность к эмоциональным состояниям как взрослых, так и детей [9]. Их поведение синхронизируется с поведением членов семьи: они могут проявлять тревожность при обнаружении скрытых конфликтов, адаптировать стиль взаимодействия под поведенческие особенности ребёнка, реагировать на

эмоциональные проявления посредством тактильного контакта или зрительной фиксации [5].

Установлено, что физический контакт с собакой активирует выработку окситоцина у обоих участников взаимодействия, укрепляя эмоциональную привязанность и снижая уровень тревожности. Подчеркивается, что даже зрительный контакт с собакой способен активировать нейрохимические механизмы, отвечающие за формирование доверия [9]. Это объясняет, почему питомцы могут играть особую роль в эмоциональной жизни детей: они не только «чувствуются» как близкие, но и запускают физиологические процессы, формирующие ощущение защищённости и принятия.

Собака, живущая в семье, способна воспринимать ребёнка как значимого социального партнёра, а не просто как объект повседневного взаимодействия. Это выражается в наблюдаемой поведенческой синхронизации: животное адаптирует свои действия к поведению ребёнка, стремясь поддерживать устойчивую эмоциональную связь. Исследования показывают [10], что такая связь поведения собаки с ребёнком выражена слабее, чем со взрослыми членами семьи. Это связано с большей непредсказуемостью детского поведения, а также с ограниченным опытом собаки во взаимодействии с детьми. Тем не менее, адаптивность животного позволяет ему постепенно выстраивать индивидуальные паттерны общения, основанные на наблюдении и интерпретации поведения ребёнка.

Одним из показателей такой адаптации служит стремление собаки поддерживать пространственную близость. Это может указывать на сформировавшуюся привязанность и доверие: животное сознательно выбирает оставаться рядом, воспринимая ребёнка в качестве ориентира в пространстве. Подобное поведение типично именно для социально ориентированных видов, для которых поддержание межличностных связей имеет первостепенное значение [1].

Кроме того, у собак наблюдается феномен совместной ориентации внимания - они часто смотрят в том же направлении, что и ребёнок [10]. Это важный маркер социального взаимодействия и когнитивной вовлечённости. Совместная ориентация позволяет животному разделять с ребёнком эмоциональные и познавательные переживания, формируя основу для устойчивой привязанности.

В исследованиях установлено, что в условиях дистанционного обучения студенты чаще других символов используют в качестве аватаров изображения животных. Данная закономерность объясняется авторами не как эстетический выбор, а как сложный психологический и социальный феномен. Он отражает эмоциональную связь индивида с животны-

ми, служит инструментом самопрезентации и является частью более широкой системы формирования идентичности, в которой важную роль играют домашние питомцы и семейные отношения [11]. Можно констатировать, что питомцы играют роль символов семейных ценностей и служат элементами семейной идентичности.

В других ситуациях животное может стать катализатором сепарации и утверждения автономии ребёнка от взрослого [3;6]. Домашний питомец становится не только объектом конфликта, но и возможностью переосмысления границ и ролей в семейной системе, что подтверждает гипотезу о социальной функции питомцев как катализаторов межличностного взаимодействия. Животные становятся центром семейной активности, вокруг которого формируются новые формы взаимодействия и эмоционального обмена [4].

Таким образом, домашние питомцы оказывают комплексное влияние на психологическую атмосферу в семье, становясь не только объектами заботы, но и активными участниками семейной системы. Они способствуют снижению стресса, стабилизации эмоционального фона и укреплению привязанности между членами семьи. Для детей животные становятся источником безусловной поддержки и играют важную роль в развитии эмпатии, ответственности и социальных навыков. Их поведение отражает и усиливает семейные связи, делая животных значимыми элементами эмоционального и социального пространства семьи.

Библиографические ссылки

1. Шукова, Г.В. Межвидовое взаимодействие человека: итоги и перспективы исследования // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2013. №5(52). С. 103–110.
2. Теория семейных систем Мюррея Боуэна / под ред. К. Бейкер, А. Я. Варга. — М.: Когито-Центр. 2005. с. 496.
3. Федорович, Е. Ю., Варга, А. Я., Митина, О. В. Появление домашних питомцев в семье в зависимости от возраста детей // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2015. №2. С. 77–92.
4. Варга А.Я., Федорович, Е.Ю. Роль животных - домашних питомцев при прохождении семьей нормативных кризисов // Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург. 2018. С. 646–650.
5. Walsh, F. Human-animal bonds II: the role of pets in family systems and family therapy // Family Process. 2009. P. 481–499.
6. Дзюба, И.А. Влияние домашних животных на психологическое состояние людей и социальные взаимодействия // Вестник науки. 2019. №10. С. 10–16.
7. Волкова И. В., Наличие домашнего питомца, доброжелательность и развитие эмпатии у подростков // Вестник Мининского университета. 2020. №2 (31). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/nalichie-domashnego-pitomtsa-dobrozhatelnost-i-razvitiye-empatii-u-podrostkov> (дата обращения: 23.04.2025).

8. Федорович, Е. Ю., Емельянова, С. А. Функции животных-домашних питомцев в поддержании гомеостаза семейной системы в зависимости от этапа жизненного цикла семьи (по результатам контент-анализа описаний хозяевами своих питомцев) // Семейная психология и семейная терапия. 2014. №3. С. 88–108.

9. Reilly, O. T., Somerville, L. H., & Hecht, E. E. Mechanisms of Social Attachment Between Children and Pet Dogs [Electronic resource] // Journal Animals. 2024. Vol. 14. №20. P. 1–13. URL: <https://www.mdpi.com/2076-2615/14/20/3036> (дата обращения: 23.04.2025).

10. Wanser, S.H., MacDonald, M. & Udell, M.A.R. Dog–human behavioral synchronization: family dogs synchronize their behavior with child family members [Electronic resource] // Journal Animal Cognition. 2021. №24. P. 747–752. URL: https://www.researchgate.net/publication/348429397_Dog-human_behavioral_synchronization_family_dogs_synchronize_their_behavior_with_child_family_members (дата обращения: 23.04.2025).

11. Makhmutova, E. N., Socio-Psychological Projections of Zoopsychology: on the Problem of Interdisciplinary Interaction // Evolutionary and Comparative Psychology in Russia: Modern research: A collection of articles. Moscow, 2021. P. 200-205. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49516989> (дата обращения: 23.04.2025).

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ОТНОШЕНИЯМИ У ДЕВУШЕК В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ С РАЗНЫМИ АКЦЕНТУАЦИЯМИ ХАРАКТЕРА

А. И. Децик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, detsik04@mail.ru
Научный руководитель — Е.Д. Беспанская-Павленко, кандидат психологических
наук, доцент*

В статье автор обращается к проблеме удовлетворённости отношениями у девушек в период ранней взрослости с разными акцентуациями характеров. Данная работа может использоваться в деятельности психолога в рамках консультационной работы, а также основой для проведения дальнейших исследований, направленных на повышение уровня удовлетворенности отношениями.

Ключевые слова: удовлетворенность отношениями; акцентуации характеров; ранняя взрослость.

На современном этапе развития психологической науки проблема акцентуации рассматривается как устойчивое свойство личности, которое определяет характер в комплексе его черт.

А. Е. Личко является одним из ведущих исследователей этого явления. Под акцентуацией характера он понимает «крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим» [4].

К. Леонгард является основоположником теории акцентуированных личностей. В данной работе мы опираемся на его классификацию акцентуаций, так как она ориентирована преимущественно на взрослых людей. Выделенные Леонгардом 12 типов акцентуированных личностей разделены на три группы: акцентуации характера (демонстративный, педантичный, застревающий, возбудимый) и акцентуации темперамента (гипертимический, дистимический, тревожно-боязливый, циклотимический, аффективный, эмотивный), акцентуации личностного уровня (экстравертированный и интровертированный).

К. Леонгард отмечал сложное происхождение акцентуации, зависящее от врожденных, приобретенных восприятием или под влиянием социальной среды, факторов. Выделяют внешние и внутренние факторы акцентуации. Внутренние факторы: темперамент, характер, гормональный статус человека, особенности перинатального онтогенеза, неблагоприятная наследственность, дисбаланс и развитие самооценки. Внешние факторы: окружающая среда, социальные условия жизни, процесс вос-

питания, профессиональная деятельность, ее стаж и профиль, психологические травмы [3].

В период ранней взрослости определяются особенности взаимоотношений личности с окружающими, которые влияют на ее формирование и развитие, при этом именно в данном периоде появляется новая форма близкого взаимодействия – романтические отношения. Несмотря на то, что рассматриваемый феномен распространен в нашем обществе, в отечественной психологии его исследование не представлено обширно.

Романтические отношения – это особый вид диадических отношений, которые обычно формируются в подростковом возрасте, сопровождаются проявлением сильной симпатии и любви к партнёру, характеризуется добровольностью и отсутствием правовой регламентированности и проявляются в близком бескорыстно взаимодействии, взаимной поддержке, заботе, регулярном общении и сексуальной привязанности [1]

Голод С.И. даёт следующее понятие удовлетворённости отношениями: «Удовлетворенность отношениями, очевидно, складывается как результат адекватной реализации представления (образа) о семье, сложившегося в сознании человека под влиянием встреч с различными событиями, составляющими его опыт (действительный или символический) в данной сфере деятельности» [2, с. 185].

С. Хендрик и К. Хендрик определяют удовлетворенность отношениями через субъективные переживания партнеров по поводу их взаимоотношений, в отличие от адаптации, проявляющейся на уровне поведения и взаимодействия друг с другом. Удовлетворенность отношениями отражает оценку чувств, мыслей и поведения, связанных с романтическими отношениями [5].

В исследовании принимали участие 96 девушек в возрасте от 18 до 25 лет, имеющие высшее или неоконченное высшее образование, работающие по различным специальностям, состоящие в романтических отношениях. Такая выборка представляет интерес в связи с тем, что в данном возрасте определяются особенности взаимоотношений личности с окружающими, которые влияют на ее формирование и развитие, при этом именно в данном периоде появляется новая форма близкого взаимодействия – романтические отношения.

Исследование типов акцентуаций характера проводилось на основе методики, предложенной К. Леонгардом и Г. Шмишеком, в которой отмечаются следующие типы акцентуаций: демонстративный, застревающий, педантичный, возбудимый, гипертимный, дистимический, тревожно-боязливый, аффективно-экзальтированный, эмотивный и циклотимный.

В результате исследования акцентуаций характера наиболее часто встречающимися типами акцентуаций у девушек в период ранней взрос-

лости являются аффективно-экзальтированный (28,1%), циклотимный (22,9%) и гипертимный (20,8%) типы. Возбудимый тип акцентуации наблюдался у 8 человек (8,3%), застревающий тип – у 5 человек (5,2%), тревожно-боязливый тип – у 3 человек (3,1%). Дистимический и демонстративный типы акцентуаций не наблюдаются ни у кого из испытуемых. Также, у 11 испытуемых (11,4%) акцентуации не выявлены.

Исследование уровня удовлетворенности отношениями проводилось на основе методики, предложенной С. Хендрик в адаптации О.А. Сычева. Так, согласно полученным результатам, 35,9% респондентов имеют низкий уровень удовлетворённости отношениями, а 64,1% – средний уровень удовлетворенности отношениями. Респондентов с высоким уровнем удовлетворённости отношениями выявлено не было. Это может быть связано с различными факторами, такими как возраст респондентов (ранняя взрослость), длительность отношений и личностные особенности, а также нынешняя ситуация в отношениях.

Также, отсутствие респондентов с высоким уровнем удовлетворённости отношениями может свидетельствовать о том, что они трезво воспринимают происходящее, не идеализируя партнёра и ситуацию. Это здоровый подход к отношениям, так как идеализация может повлечь за собой разочарование и дальнейшие конфликты на этой почве, что в свою очередь может привести к расставанию.

Для анализа результатов исследования применялись методы математической статистики. Для определения необходимого статистического метода была проведена проверка на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Было выявлено распределение отличное от нормального. Следовательно, для исследования взаимосвязи акцентуаций характера и уровня удовлетворённости отношениями использовался коэффициент корреляции Спирмена. Он является непараметрическим статистическим показателем, который измеряет силу и направление связи между двумя переменными.

Исследование показало, что общая удовлетворённость отношениями слабо положительно коррелирует с возрастом респондентов ($0,222^*$; $p < 0,05$). Так, чем старше респондент, тем выше уровень удовлетворённости отношениями.

С увеличением возраста люди становятся более удовлетворенными своими отношениями. Это может быть связано с несколькими факторами. Во-первых, с возрастом у людей, как правило, накапливается больше опыта в построении и поддержании отношений, что позволяет им лучше справляться с конфликтами и находить компромиссы. Во-вторых, зрелые индивиды могут иметь более четкие представления о своих потребностях и ожиданиях, что способствует более гармоничным взаимодействиям с партнерами. Кроме того, с возрастом люди часто становятся более

терпимыми и понимающими, что помогает им ценить положительные аспекты своих отношений.

Исследование показало, что застревающий тип акцентуации характера слабо положительно коррелирует с удовлетворённостью ролью партнёра ($0,219^*$; $p < 0,05$) и с удовлетворённостью своей ролью в отношениях ($0,254^*$; $p < 0,05$). Так, люди с высоким уровнем ригидности испытывают большую удовлетворённостью своей ролью и ролью партнёра в отношениях.

Это может быть связано с тем, что такие личности имеют четкие ожидания относительно своих обязанностей и поведения в отношениях, что позволяет им чувствовать себя комфортно и уверенно. Более того, их склонность к застреванию может приводить к тому, что они избегают конфликтов и изменений, что в свою очередь способствует созданию атмосферы доверия и безопасности. Таким образом, стабильные и предсказуемые отношения могут усиливать их удовлетворение от выполнения заданной роли, так как они не сталкиваются с неожиданностями или неопределённостью, которые могли бы вызвать дискомфорт или тревогу.

Также это может свидетельствовать о том, что ригидные личности склонны к созданию идеализированных образов ролей в отношениях, что приводит к более высокой степени удовлетворённости, когда их партнёры соответствуют этим образам. Такие люди могут воспринимать выполнение ролей как способ поддержания гармонии и стабильности в отношениях, что в свою очередь способствует укреплению эмоциональной связи. Удовлетворение от роли другого человека может быть связано не только с положительными аспектами, но и с потенциальными рисками, связанными с жёсткими ожиданиями и недостаточной гибкостью в отношениях.

Таким образом, полученные результаты указывают на важную роль индивидуально-психологических факторов в формировании субъективного восприятия качества отношений.

Библиографические ссылки

1. *Бочавер К. А.* Романтические отношения в юношеском возрасте: представления о преодолении трудностей: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Бочавер Константин Алексеевич; Моск. гор. психолого-пед. ун-т (МГППУ). М., 2012. 26 с.
2. *Голод С. И.* Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л. : Наука, 1984. 325 с.
3. *Леонгард, К.* Акцентуированные личности. Киев : Логос, 2000. 439 с.
4. *Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб : Речь, 2013. 256 с.
5. *Hendrick S. S, Dicke A., Hendrick C.* The relationship assessment scale // Journal of Social and Personal Relationships. 1998. Vol. 15, №1. P. 137-142.

РОЛЕВЫЕ ОЖИДАНИЯ В ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД РАННЕЙ ЗРЕЛОСТИ

М. В. Кузьменко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, email: Maria.Vasisualis@gmail.com
Научный руководитель — И.В. Гулис, кандидат психологических наук, доцент*

Данная работа посвящена исследованию ролевых ожиданий в партнерских отношениях в период ранней зрелости. Полученные результаты показывают, что существуют различия ролевых ожиданий в партнерских и брачных отношениях в период ранней зрелости.

Ключевые слова: ролевые ожидания; экспектации; партнерские отношения; брачные отношения; ранняя зрелость.

Проведенное исследование позволило выявить ролевые ожидания в партнерских отношениях в период ранней зрелости, что имеет важное теоретическое и практическое значение. На основе анализа научной литературы и эмпирических данных были сделаны следующие выводы.

Был проведен анализ феномена ролевых ожиданий в психологии. Ролевые ожидания как важный аспект межличностных отношений, определяется как ожидаемое поведение, связанное с социальной ролью [1]. Ролевые ожидания и экспектации представляют собой ключевые компоненты, которые различаются по своему содержанию и влиянию на взаимодействие между людьми. Ролевые ожидания акцентируют внимание на конкретном поведении в рамках социальной роли, тогда как экспектации охватывают более широкое понятие и формируют систему ожиданий относительно норм исполнения социальных ролей.

Исследование ролевых ожиданий в партнерских отношениях между мужчинами и женщинами сталкивается с проблемой неопределенности в структуре ролей. Тем не менее, этот феномен имеет обширную исследовательскую базу. А. В. Петровский подчеркивает, что экспектации могут варьироваться от слабо выраженных до строгих требований и применимы к любым социальным ролям, а не только к конкретным ролям определенного человека [2]. Д. Долинский акцентирует внимание на социально-психологических аспектах ролевых ожиданий, рассматривая их как специфические требования к исполнителям социальных ролей [3]. В брачных отношениях ролевые ожидания определяются как представления о распределении семейных функций и эмоциональной поддержке, в то время как в романтических отношениях акцент делается на ожиданиях по поводу коммуникации и поддержки [4].

Зрелость — самый длительный и самый значимый для большинства людей период жизни (границы определяются по-разному: от 30-35 до 65 лет). Социальная ситуация развития в зрелости — это ситуация реализации себя, полного раскрытия своего потенциала в профессиональной деятельности и семейных отношениях. К 33-35 годам на смену романтически окрашенным ценностям приходят более практичные. На первый план выступают внешние факторы мотивации труда в виде заработной платы и материального поощрения. Человек реальнее оценивает свои возможности, корректирует свои жизненные цели и уровень притязаний [5].

Согласно возрастной классификации В. В. Бунака период ранней зрелости у мужчин 36–45 лет, у женщин — 33-40 лет. Период ранней зрелости охватывает важный этап в жизни человека, когда он, опираясь на свой жизненный опыт, руководствуясь сформированными ценностями и приоритетными критериями, завершает активный поиск романтического партнера и формирует свои партнерские отношения, что делает его критически важным для понимания динамики ролевых ожиданий. Однако проблема переосмысления выбора партнера и его влияние на ролевые ожидания остается в значительной степени неизученной.

В психологии существует проблема определения партнерских отношений. Данные отношения рассматриваются в широком контексте, от юридических до самоотношений в индивидуально-личностном и социальном плане. Феномен партнёрства — многогранное явление, которое в настоящее время исследовано недостаточным образом. Понятие «партнер» в социологическом словаре рассматривается как (от фр. *partenaire* - равноправный участник ч.-л.) - англ. *partner*; нем. *Partner*. Один из равноправных участников совместной деятельности (в игре, танце, бизнесе, на сцене и т. д.) [1]. Согласно идеографическому словарю русского языка «партнер» - участник совместной деятельности по отношению к другому участнику [6]. В словаре бизнес-терминов понятие «партнер» рассматривается как юридическое или физическое лицо, являющееся совладельцем компании, фирмы или временным соучастником по определенной операции, сделке [7].

Т. С. Вавакина определяет партнёрство как «горизонтальное социальное взаимодействие самостоятельных, инициативных субъектов, реализующих в данном взаимодействии определённые стратегические цели и/или решающих текущие задачи» [8, с. 153]. В различных сферах общества партнёрство становится актуальным принципом взаимодействия, в том числе в сфере семейно-брачных отношений. Однако детально социально-психологические особенности партнёрского взаимодействия в данной сфере практически не исследованы [8, 9, 10].

Т. С. Вавакина в 2019 г. провела исследование, по результатам которого было выявлено, что у людей чаще складываются партнёрские отношения именно в сфере личной жизни и семейной сфере, чем в деловой сфере [9].

В результате *партнерские отношения* представляют собой устойчивые связи между индивидами, основанные на принципах равенства, справедливости, взаимного доверия и уважения. Эти отношения могут проявляться в различных формах, включая романтические и дружеские связи, и характеризуются активным взаимодействием, направленным на удовлетворение потребностей обеих сторон и достижение совместных целей. Каждая из этих форм имеет свои особенности, что делает их важными для понимания межличностных взаимодействий.

Партнерские отношения могут рассматриваться как *альтернативная форма брачных отношений*, предоставляя более гибкие и менее формализованные связи. Хотя уровень доверия в таких отношениях может быть ниже, чем в зарегистрированном браке, они обеспечивают взаимопонимание и поддержку, что подчеркивает их значимость в современном обществе [11]. Таким образом, партнерские отношения как альтернативные браку отражают изменяющиеся ценности и ожидания, что делает их актуальной темой для дальнейшего изучения.

Нами были изучены ролевые ожидания в партнерских и брачных отношениях в период ранней зрелости.

Согласно результатам, значимых различий в показателях «интимно-сексуальная», «личностная идентификация с партнером» между мужчинами и женщинами, состоящими как в брачных, так и в партнерских отношениях, нет. Однако, выявлено, что женщины, состоящие как в брачных, так и в партнерских отношениях, имеют более высокие ролевые ожидания в хозяйственно-бытовой, родительско-воспитательной сферах, а также демонстрируют более высокие ожидания в сфере социальной активности. В свою очередь, мужчины, состоящие в браке, имеют более высокие ролевые ожидания по показателю «внешняя привлекательность» ($p = 0,034$).

При сравнении двух групп в выборке (брачные/партнерские отношения) были выявлены различия по показателю «эмоционально-психотерапевтическая»: женщины, состоящие в браке, имеют более высокие ролевые ожидания от партнера в этой сфере по сравнению с женщинами, состоящими в партнерских отношениях. Если в браке у партнеров присутствуют половые различия ролевых ожиданий по шкале «эмоционально-психотерапевтическая» ($p \leq 0,001$), то в партнерских отношениях статистически значимых различий не выявилось ($p = 0,232$). Можно предположить, что в браке эмоционально-психотерапевтическая

функция формализуется как обязательство взаимной поддержки, закреплённое социальными и правовыми нормами. Женщины ожидают, что супруг станет «эмоциональным лидером», способным стабилизировать психологический климат [12]. В партнёрских отношениях, где отсутствуют чёткие обязательства, эта роль воспринимается как добровольная, что снижает уровень ожиданий. В браке женщины чаще делегируют партнёру роль «терапевта», ожидая помощи в преодолении стрессов. В неформальных отношениях такая асимметрия менее выражена: эмоциональная поддержка рассматривается как взаимный процесс, а не обязанность [13].

Установлены значимые различия ролевых ожиданий по форме отношений (брак/партнёрские отношения/не в отношениях) по показателю «эмоционально-психотерапевтическая». Респонденты, состоящие в браке, имеют более высокие ожидания к партнеру в данной сфере ($p = 0,012$). Это подтверждается данными других исследований, где демонстрируется, что брак часто сопровождается формализованными обязательствами и повышенной ответственностью за эмоциональное благополучие партнера.

Значимых различий ролевых ожиданий в показателях в зависимости от наличия разницы в возрасте между респондентами и условий проживания (совместности/несовместности) нет.

Библиографические ссылки

1. Энциклопедия социологии // Наука. Искусство. Величие. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (Дата обращения: 12.04.2025).
2. Экспектации как фактор конфликтности взаимоотношений // Социально-психологические проблемы управления конфликтом : учебное пособие / под ред. О. Б. Крушельницкая, В. А. Орлова. Москва, 2007. Гл. 1.4. С. 19-24.
3. Попович, И.С. Теоретико-методологический анализ социальных ожиданий личности как составляющей коммуникативно-ролевого взаимодействия. Социальные явления. 2016. №. 4. С. 47-54.
4. Овчинникова, А. И., Шаблиевский, М. Ю. Особенности ролевых ожиданий и притязаний в браке у людей разного возраста. Молодой ученый. 2023. № 21. С. 499-500.
5. Степанова, Е.И. Психология взрослых - основа акмеологии. СПб.: ААН, 1995. 168 с.
6. Идеографический словарь русского языка // Наука. Искусство. Величие. — URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/ideographic-dictionary/index.htm> (Дата обращения: 12.04.2025).
7. Словарь бизнес-терминов // Наука. Искусство. Величие. — URL: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/business-terms/index-207.htm#207> (Дата обращения: 12.04.2025).

8. *Вавакина, Т.С.* Субъективная оценка опыта партнёрства и ценность партнёрских взаимоотношений. Человеческий фактор: социальный психолог. 2020. № 1. С. 153–159.
9. *Вавакина, Т.С.* Сравнение групп респондентов с разным опытом партнёрских взаимоотношений в сфере личной жизни. Человеческий фактор: социальный психолог. 2019. № 1. С. 219-225.
10. *Панфилова, Ю. М.* Представления о партнёрстве в незарегистрированном браке. Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2020. № 18. С. 56–62.
11. *Купрейченко, А. Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2008. 571 с.
12. *Лагонда, Г. В.* Система брачных экспектаций как основа супружеской роли. Психологія. 2008. № 1. С. 14–24.
13. *Волкова, А. Н.* Психологическое консультирование семейных конфликтов. Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2000. №1. С. 137-150.

ЯЗЫК РЕВНОСТИ: КАК СТИЛЬ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ ОПРЕДЕЛЯЕТ КОММУНИКАЦИЮ В ЮНОШЕСКИХ ПАРАХ

А. А. Маркевич

*Белорусский государственный педагогический университет, ул. Советская, 18,
220050, г. Минск, Беларусь, anastasiamarkevich2312@gmail.com
Научный руководитель – О. К. Войтко, кандидат психологических наук, доцент*

В статье анализируются особенности переживания и выражения ревности у юношей и девушек. В рамках исследования изучается взаимосвязь между стилями романтической привязанности и избираемыми стратегиями коммуникации в ситуациях, провоцирующих ревность. Эмпирически выявлены специфические коммуникативные реакции на ревность у юношей и девушек с разными стилями романтической привязанности. Работа адресована практикующим психологам, исследователям в области психологии семьи и специалистам, работающим с молодежью.

Ключевые слова: ревность; коммуникация; коммуникативные реакции на ревность; общение; привязанность; романтический стиль привязанности.

Период юношества характеризуется интенсивным становлением системы значимых отношений, среди которых центральное место занимают романтические отношения. Они выступают ключевым контекстом для формирования идентичности и реализации фундаментальной потребности в принятии и интимности (по А. Маслоу). В рамках этих отношений удовлетворяется потребность в глубоком личностном общении и эмпатическом понимании. Значимость близких эмоциональных связей делает партнеров уязвимыми для интенсивных переживаний, таких как ревность. При этом, в отличие от достаточно изученных форм привязанности в диаде «родитель-ребенок» (Дж. Боулби), романтические отношения в юношеском возрасте, включая их конфликтный аспект, в психологии мало исследованы.

Привязанность как фактор, влияющий на человека с самого рождения, является важной человеческой потребностью, фундаментом для формирования доверия к миру, поиску партнера для дальнейшего образования института семьи. При переходе ко взрослой жизни привязанность переключается на романтические отношения и является прямым продолжением детской. Классификация романтической привязанности, разработанная С. Хазан и Ф. Шейвер (надежный, тревожный, избегающий и тревожно-избегающий типы), наглядно демонстрирует эту связь и служит ключевым предиктором поведения партнеров, в частности, их реакций на потенциальные угрозы отношениям [1].

Согласно теории М. Майкулинцера и Ф. Шейвера, система романтической привязанности активируется в ситуациях, субъективно воспринимаемых индивидом как угроза безопасности отношений или собственного «Я», побуждая его обращаться к партнеру за поддержкой и регуляцией аффекта.

Ревность в романтических отношениях является интенсивным и аффективным переживанием, оказывающим деструктивное влияние на доверие и качество межличностных связей. В современных исследованиях наблюдается рост интереса к изучению детерминант ревности, в частности, ее взаимосвязи с психологическими характеристиками личности. Изучение связи коммуникативных реакций на ревность и романтических стилей привязанности представляется крайне актуальным для предотвращения дезадаптивных сценариев развития отношений [2].

Отечественный психолог Е. П. Ильин в монографии «Психология любви» трактует феномен «ревность» как «негативное чувство, возникающее при ощущаемом недостатке внимания, любви, уважения или симпатии со стороны очень ценимого, прежде всего любимого, человека, в то время как это мнимо или реально получает от него кто-то другой» [3, с. 34].

В работе Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой ревность «является эмоцией, переживаемой в случае возникновения угрозы потери важных отношений с другим человеком, в связи с заменой этих отношений на отношения с соперником или с иным более значимым объектом [4, с. 236].

В широком смысле ревность определяется как особое эмоциональное состояние, специфическая форма тревоги, возникающая из-за недостатка уверенности в привязанности того, кого любит индивид. В зарубежной литературе (J. G. Parker, C. M. Lowe, A. R. Walker, B. K. Camm) феномен ревности раскрывается через сигнал угрозы значимым отношениям, определяя ревность как реакцию на фактический или ожидаемый интерес партнера к другому индивиду и/или реальные отношения с ним [5]. В тоже время R. G. Bringle и B. Buunk определяют ревность как любую неблагоприятную реакцию, вызываемую внедиадическими отношениями партнера с другим индивидом. Такие отношения являются реальными, предполагаемыми, принимаемыми во внимание либо имеющими большую возможность возникнуть в будущем [6].

Таким образом, мы можем констатировать, что романтические отношения в юношеском возрасте, обладая высокой субъективной значимостью, закономерно становятся полем для проявления ревности как реакции на воспринимаемую угрозу целостности диады. Ключевым фактором, детерминирующим вариативность переживания и выражения

ревности, выступает стиль романтической привязанности, который представляет собой проекцию ранних моделей взаимодействия на отношения с партнером. В ситуации активации системы привязанности, вызванной ревностью, индивид бессознательно воспроизводит характерные для его типа привязанности паттерны поведения и коммуникации: от поиска близости и объяснений (надежный тип) до избегания конфронтации или демонстрации агрессии (ненадежные типы).

Эмпирическое исследование было реализовано на базе филологического факультета Белорусского государственного университета. Выборку составили 46 студентов, состоящие/состоявшие в отношениях: из них 38 девушек и 8 юношей.

Цель исследования: изучение взаимосвязи коммуникативных реакций на ревность и романтический стилей привязанности.

Методы исследования: теоретический (анализ литературных источников по проблеме исследования, обобщение); эмпирический – тестов (методика «Коммуникативные реакции на ревность» Л. Герреро и П. Андерсен в адаптации И. А. Фурманова и А. О. Вергейчик; мультиопросник измерения романтической привязанности, MIMARA К. Бреннан и П. Шейвер в адаптации О. А. Екимчик и Т. Л. Крюкова).

Полученные результаты по методике «Коммуникативные реакции на ревность» позволяют сделать вывод о преобладании в выборке адаптивных и социально приемлемых стратегий поведения в ситуациях, вызывающих ревность. Абсолютное большинство респондентов (77%) демонстрируют высокий уровень по шкале «Интегративная коммуникация», что свидетельствует о выраженной тенденции к открытому обсуждению ситуации, поиску компромисса и совместному разрешению конфликта. Это подтверждается низкой представленностью деструктивных реакций: 100% респондентов имеют низкий уровень по шкале «Насильственное взаимодействие/Угрозы», а у 98% и 90% зафиксирован низкий уровень по шкалам «Контроль/Ограничения» и «Манипуляция» соответственно. Крайне редким является и прямой «Контакт с соперником» (низкий уровень у 94%).

В то же время, для значительной части выборки характерны реакции, направленные на снижение эмоционального напряжения без активного разрешения ситуации. Так, 71% респондентов демонстрируют средний уровень «Избегания/отрицания», а по шкалам «Активное дистанцирование» и «Дистрибутивная коммуникация» (конфронтация, ссоры) преобладают низкий (52%) и средний (43%) уровни, что указывает на сдержанность в проявлении явного негатива. Отсутствие высоких показателей по шкале «Негативная аффективная экспрессия» также подчеркивает общую сдержанность в открытом выражении гнева

или обиды. Распределение по шкале «Компенсация/замещение» (активизация социальной активности для отвлечения) является относительно равномерным, что говорит о вариативности использования данной стратегии. В целом, профиль реакций свидетельствует о зрелости коммуникативного поведения большинства респондентов, для которых доминирующей и наиболее комфортной стратегией является конструктивный диалог, а не агрессия, манипуляция или уход от проблемы.

Полученные результаты по методике «Мультипросник измерения романтической привязанности, MIMARA» свидетельствуют о выраженной тенденции к формированию надежного типа романтической привязанности в исследуемой выборке. Об этом, в первую очередь, говорит крайне низкий уровень фрустрации в отношениях (85% респондентов) и практически полное отсутствие стратегии самоподдержки как способа совладания со стрессом (98%), что указывает на восприятие партнера как надежной опоры, а не источника постоянного напряжения. Чрезвычайно высокие показатели по шкале «Доверие, уверенность» (94% с низким уровнем неуверенности) и «Ревность/страх, что тебя бросят» (98% с низким уровнем) подтверждают базовое чувство безопасности и стабильности в отношениях.

Доминирующей моделью поведения является активное «Стремление к сближению», которое у 79% участников исследования находится на среднем уровне, а у 17% – на высоком, что отражает здоровую потребность в эмоциональной близости без признаков тревожной поглощенности партнером. Этот вывод дополняется данными по шкале «Срастание с партнером»: у 84% респондентов выявлен средний уровень, что характеризует гармоничное балансирование между близостью и личной автономией. Вместе с тем, наличие среднего уровня амбивалентности у 66% испытуемых указывает на некоторую внутреннюю противоречивость, возможно, связанную с возрастными особенностями и процессом становления отношений, однако это не является доминирующей и дестабилизирующей характеристикой. Таким образом, общий профиль привязанности можно охарактеризовать как в целом надежный, с выраженным стремлением к доверительной близости при сохранении личностных границ.

Для установления взаимосвязи между показателями методики «Коммуникативные реакции на ревность» и показателями «Мультипросника измерения романтической привязанности, MIMARA» был выполнен статистический анализ с помощью коэффициента корреляции r_s (по Спирмену). Корреляционный анализ показал наличие значимой свя-

зи между показателями «фрустрация» и «активное дистанцирование» ($r=0,468$, при $p<0,05$), «негативная аффективная экспрессия» ($r=0,544$, при $p<0,05$), «дистрибутивная коммуникация» ($r=0,625$, при $p<0,05$), «манипуляция» ($r=0,354$, при $p<0,01$), что позволяет утверждать, что чем выше уровень фрустрации, связанный с неудовлетворенностью потребностей в близости и поддержке у партнера, тем более респонденты склонны демонстрировать негативные паттерны поведения в ситуации ревности.

Корреляционный анализ показал наличие значимых связей между показателями «амбивалентность» и «активное дистанцирование» ($r=0,325$, при $p<0,01$), «негативная аффективная экспрессия» ($r=0,504$, при $p<0,05$), «дистрибутивная коммуникация» ($r=0,498$, при $p<0,05$), «манипуляция» ($r=0,344$, при $p<0,01$), «насильственное взаимодействие/Угрозы» ($r=0,339$, при $p<0,01$). Отметим, что амбивалентность выступает важным предиктором, усиливающим широкий спектр дезадаптивных коммуникативных реакций – от прямого конфликта и агрессии до пассивного избегания и скрытого манипулирования. Это подтверждает, что внутренняя неопределенность и конфликтность в отношении партнера значительно затрудняют конструктивное разрешение ситуаций ревности.

Корреляционный анализ показал наличие значимых связей между показателями «ревность/страх, что тебя бросят» и показателями «активное дистанцирование» ($r=0,397$, при $p<0,01$), «негативная аффективная экспрессия» ($r=0,580$, при $p<0,05$), «дистрибутивная коммуникация» ($r=0,626$, при $p<0,05$), «контроль ограничение» ($r=0,414$, при $p<0,05$), «насильственное взаимодействие/Угрозы» ($r=0,314$, при $p<0,01$), «манипуляция» ($r=0,462$, при $p<0,05$)., Полученные данные подтверждают, что страх быть брошенным является системным фактором, детерминирующим выбор дезадаптивных коммуникативных стратегий. Воспринимаемая угроза отношениям запускает каскад реакций, направленных на снижение тревоги, но реализуемых через деструктивные формы: от открытой агрессии и контроля до манипуляции и избегания. Это свидетельствует о том, что именно глубинный страх потери партнера, а не только ситуативная ревность, лежит в основе многих коммуникативных нарушений в диаде.

Выявлены значимые корреляционные связи между показателями «срастание с партнером» и «активное дистанцирование» ($r=0,309$, при $p<0,01$), «негативная аффективная экспрессия» ($r=0,491$, при $p<0,05$), «дистрибутивная коммуникация» ($r=0,630$, при $p<0,05$), «контроль ограничение» ($r=0,310$, при $p<0,01$), «манипуляция» ($r=0,316$, при $p<0,02$). Выявленные корреляции позволяют заключить, что феномен

срастания с партнером, характеризуемый недостаточной дифференциацией «Я», является предиктором формирования ригидного деструктивного паттерна реагирования на ревность. Восприятие партнера как продолжения себя приводит к тому, что любая угроза отношениям переживается как угроза собственной целостности, что проявляется в реакциях агрессии, контроля, манипуляции и избегания. Данная динамика отражает черты, сходные с тревожным типом привязанности, где интенсивная потребность в близости сочетается с низкой толерантностью к неопределенности и неспособностью к конструктивному разрешению конфликтов.

Таким образом, результаты исследования подчеркивают, что специфика коммуникации в ситуации ревности у партнеров юношеского возраста служит индикатором качества романтической привязанности. Конструктивный диалог, наблюдаемый у большинства респондентов, соотносится с надежной привязанностью, в то время как весь спектр деструктивных реакций является внешним проявлением тревожных и избегающих стратегий совладания с угрозой отношениям.

Библиографические ссылки

1. Hazan C., Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. № 52 (3). С. 511–524.
2. Нестерова А. А., Щукина О. Г. Социально-психологические предикторы ревности, осложняющие отношения в паре // *Рос. соц.-гуманит. журнал*. 2024. №4. С. 173-193.
3. Ильин Е. П. Психология любви СПб. : Мастера психологии, 2012. 550 с.
4. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Сексуальность в постсовременном мире. М. : Академ. проект: культура, 2011. 326 с.
5. Parker J., Lowe S. M. [et al.] Jealousy of Friendship in Young Adolescents: An Assessment of Individual Differences and Relations to Gender, Self-Esteem, Aggression, and Social Adjustment // *Developmental Psychology*. 2005. Ser.41(1). P. 235–250.
6. Bringle R., Buunk B. Extradyadic relationships and sexual jealousy // *Sexuality in close relationships* / ed. by K. McKinney, S. Sprecher. Hillsdale, 1991. P. 135–153.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТАЖА СЕМЬИ

Д. В. Морозов

*Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь, morozovdmity.v@yandex.ru
Научный руководитель – В. В. Солодухо, старший преподаватель*

Данная работа содержит результаты исследования экзистенциальных страхов у мужчин и женщин, состоящих в браке в зависимости от стажа семьи. Рассматриваются различия в интенсивности проживания экзистенциальных страхов между мужчинами и женщинами в рамках одного стажа семейной жизни, а также различия у мужчин и женщин с разным стажем семейной жизни.

Ключевые слова: экзистенциальные страхи; страх смысла; страх изоляции; страх свободы; страх одиночества; семья.

Экзистенциальные страхи занимают особое место среди страхов человека. Они свойственны только людям и связаны непосредственно с самой сущностью человека. Страх содержится в человеческой экзистенции, в ее конечности и отчужденности.

Актуальность данного исследования состоит в том, что, во-первых, область экзистенциальных страхов еще недостаточно хорошо изучена. Во-вторых, на наш взгляд, эта проблема в настоящее время стоит особенно актуально. Человек в современном обществе все больше оказывается "оторванным", отчужденным от мира и других людей, что противоречит его природе, теряет над собой контроль вследствие того, что не понимает мир. Появляется страх своих мыслей, теряется контроль над пространством, временем, жизнью. Невозможность определить источник опасности и невозможность терпеть экзистенциальный страх часто приводит к тому, что он превращается в страх эмпирический, который может воплощаться в различных фобиях.

Наиболее подробно исследованиями экзистенциальных страхов занимался И. Ялом, представитель экзистенциального направления психотерапии, американский психиатр и психотерапевт. Он выделил 4 предельных экзистенциальных беспокойства, которые связаны со смертью, свободой, изоляцией и бессмысленностью [1].

Люди, которые состоят в браке, в семейных отношениях могут закрывать потребность в безопасности, эмоциональной привязанности, семья и наличие детей могут оказывать влияние на смысл жизни и ответственность человека.

Нами было выдвинуто предположение, что интенсивность проживания экзистенциальных страхов у состоящих в браке мужчин и женщин может различаться, а также меняться в зависимости от стажа семьи.

Исследование проводилось среди пользователей сети интернет. В качестве испытуемых выступили 90 человек (45 мужчин и 45 женщин) состоящих в браке, в возрасте от 20 до 50 лет, разных профессий и имеющих разный социальный статус.

Методика исследования: «Опросник иерархической структуры актуальных страхов личности» (ИСАС) Ю. Щербатых и Е. Ивлевой [2]. Опросник был адаптирован под нужды исследования, все страхи были распределены в соответствии с классификацией И. Ялома по четырем категориям: страх смерти, страх изоляции/одиночества, страх свободы, страх смысла/бессмысленности.

Испытуемые также были разделены на три группы по 30 человек (15 мужчин и 15 женщин) в каждой в зависимости от стажа семьи. Первая группа – состоящие в браке от 0 до 5 лет; вторая от 6 до 15 лет; третья – от 16 до 25 лет. Основанием распределения стало исследование С. Е. Солиной [3] в области выстраивания доверия в семье.

Статистический анализ проводился с помощью ПК на ОС Windows 11 и программы Statistica 10. Методы обработки данных: критерий Колмогорова-Смирнова, коэффициент различий t-критерий Стьюдента; однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA); критерий Тьюки ДЭР.

Сравнивая средние значения по всем категориям страхов (Таблица 1) видно, что показатели у женщин выше, чем у мужчин, за исключением страха свободы, у женщин со стажем семейной жизни от 16 до 25 лет показатель ниже, чем у мужчин с тем же стажем.

Таблица 1

Среднеарифметические показатели

Страхи	Ж 0-5	Ж 6-15	Ж 16-25	М 0-5	М 6-15	М 16-25
Смерти	34,53	37,87	28,07	24,8	22,07	25,93
Смысла	19,4	21	15,67	13,4	12,87	14,33
Одиночества	17,73	17,87	16	12,4	12,13	15,53
Свободы	64,2	67,53	45,73	44,13	42,6	47,93

Основываясь на полученных данных, можно заметить, что у женщин самые высокие показатели выявлены в группе 2, а самые низкие в группе 3; у мужчин самые высокие показатели в группе 3, а самые низкие в группе 2.

Все выборки проверены на тип распределения с помощью критерия Колмогорова-Смирнова и соответствуют нормальному распределению

($p > .20$), следовательно для дальнейшей работы были выбраны параметрические методы анализа данных.

В первой части исследования сравнивались данные внутри каждой группы между мужчинами и женщинами с помощью t-критерия Стьюдента (критерий значимости $p \leq 0,05$).

Таким образом в первой (в браке от 0 до 5 лет) и второй (в браке от 6 до 15 лет) группах найдены существенные различия во всех четырех категориях экзистенциальных страхов (Таблица 2): страх смерти ($p=0,01$; $p=0,0002$); страх смысла/бессмысленности ($p=0,01$; $p=0,001$); страх изоляции/одиночества ($p=0,03$; $p=0,02$); страх свободы ($p=0,002$; $p=0,001$).

В третьей группе (в браке от 16 до 25 лет) существенных различий в экзистенциальных страхах обнаружено не было (критерий $p > 0,05$): страх смерти ($p=0,64$); страх смысла/бессмысленности ($p=0,52$); страх изоляции/одиночества ($p=0,84$); страх свободы ($p=0,63$).

Таблица 2

Сравнение экзистенциальных страхов в группах

	Группа 1 (0-5)			Группа 2 (6-15)			Группа 3 (16-25)		
	Ср-е М	Ср-е Ж	р	Ср-е М	Ср-е Ж	р	Ср-е М	Ср-е Ж	р
Смерти	24,80	34,53	0,01	22,07	37,87	0,0002	25,93	28,07	0,64
Смысла	13,40	19,40	0,01	12,87	21,00	0,001	14,33	15,67	0,52
Изоляции	12,40	17,73	0,03	12,13	17,87	0,02	15,53	16,00	0,84
Свободы	44,13	64,20	0,002	42,60	67,53	0,001	47,93	45,73	0,63

Во второй части исследования экзистенциальные страхи сравнивались отдельно у мужчин и женщин из разных групп (Таблица 3). В данном варианте использовался метод обработки статистических данных, дисперсионный анализ (ANOVA). Существенные различия (критерий значимости $p \leq 0,05$) в экзистенциальных страхах выявлены только у женщин и лишь в одной категории – страх свободы ($p=0,002$).

Таблица 3

Сравнения экзистенциальных страхов у мужчин и женщин между группами

	Мужчины		Женщины	
	F	р	F	р
Смерти	0,50	0,61	3,08	0,06
Смысла	0,26	0,77	3,02	0,06
Одиночества	1,49	0,24	0,38	0,68
Свободы	0,45	0,64	7,30	0,002

Дополнительный анализ - Коэффициент Тьюки ДЭР (Таблица 4), помог понять, что статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) в проживании экзистенциального страха свободы существуют между группами 2 (в браке от 6 до 15 лет) и 3 (в браке от 16 до 25 лет).

Таблица 4

Коэффициент Тьюки ДЭР

	Ж 0-5 M=34,533	Ж 6-15 M=37,867	Ж 16-25 M=28,067
Ж 0-5		0,686360	0,252153
Ж 6-15	0,686360		0,048675
Ж 16-25	0,252153	0,048675	

Основываясь на результатах исследования, можно говорить о том, что экзистенциальные страхи мужчин и женщин имеют определенные различия, а также могут меняться в зависимости от количества прожитых лет в браке.

Данное исследование имеет некоторые ограничения, такие как недостаточно объемная выборка и применение одной методики опроса, сложности в выявлении экзистенциальных страхов в связи с определенными психологическими защитами. А также факторы, которые могут влиять на формирование экзистенциальных страхов и которые не были учтены в исследовании: характер отношений в семье, возраст вступления в брак, сфера деятельности испытуемых, место проживания, материальное положение и наличие/отсутствие детей.

Полученные результаты могут быть использованы как основа для будущих исследований в этой области, для разработки новых подходов к преодолению экзистенциальных страхов и повышения качества жизни людей, страдающих от этих страхов. Также результаты могут быть использованы в психотерапевтической практике для создания более эффективных стратегий работы с клиентами с учетом их гендерных особенностей, в семейном консультировании и психотерапии.

Библиографические ссылки

1. Ялом И. Д. Экзистенциальная психотерапия. М. : Класс, 2019. 576 с.
2. Щербатых Ю. В. Ивлева Е. И. Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. Воронеж. : Истоки, 1998.
3. Солина С. Е. Связь доверия в семейных отношениях с ценностными ориентациями членов семьи [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6 URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/06/69058>. (Дата обращения 11.03.24).

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К ДОМАШНИМ ЖИВОТНЫМ У ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЯМИ ПРИВЯЗАННОСТИ К РОДИТЕЛЯМ

М. А. Полякова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, polyakova.marusya@gmail.com
Научный руководитель – О. В. Конькова, кандидат психологических наук, доцент.*

Исследуется отношение к домашним животным у подростков с нарушениями привязанности к родителям и сверстникам. Использовалась качественно-количественная методология. Был использован опросник IPPA (в адаптации Д.В. Каширского, 2023). Для определения отношения подростков к домашнему животному использовались полуструктурированное интервью и 16-шкальный семантический дифференциал со свободными описаниями (Е.Ю.Артемова, 1999).

Ключевые слова: привязанность; подростки; отношение; домашние животные; символ.

История одомашнивания животных насчитывает уже множество веков. Ранее животные заводились с целью помочь человеку выживать, выполняли множество функций. В современном мире, домашние животные исполняют для человека скорее социальную роль. Исследования показывают, что домашние животные помогают людям справляться со стрессом, потерями близких людей и даже болезнями. Было выявлено, что в контексте привязанности домашние животные могут как помогать людям с небезопасным типом привязанности, так и наоборот, вызывать трудности. Люди с небезопасными типами привязанности могут просто не понимать, как наладить контакт с животным. Вероятны случаи, когда человеку может не подойти животное в силу своих видовых привычек. Данное исследование направлено на то, чтобы лучше понять отношение к питомцам у младших и старших подростков с учётом того, какая привязанность уже сформирована к близким людям.

Таким образом, цель исследования – определить динамику отношения к домашним животным у подростков с нарушениями привязанности к родителям. Мы предположили, что существуют различия в отношении к домашнему животному у младших и старших подростков с нарушениями привязанности к родителям и без них: при нарушениях привязанности домашнее животное может выполнять компенсаторную функцию, замещая недостающее близкое общение с членами семьи.

Методологические основания составили понятие привязанности и его типов (Дж.Боулби, М.Эйнсворт), представления о символах и символизации субъект-субъектных отношений (А.М. Поляков).

Для определения типа привязанности перед проведением интервью респондентам был предложен Опросник привязанности к родителям и сверстникам, IPRA (Г. Армсден, М. Гринберг, 1987, в адаптации Д.В. Каширского, 2023).

Для определения особенностей отношения подростков к домашнему животному использован качественный метод сбора и анализа полученных данных – полуструктурированное интервью, включающее в себя приемы символизации, использование метафор, обращение к автобиографическим нарративам. Также использовался 16-шкальный семантический дифференциал со свободными описаниями (Е.Ю.Артемьева, 1999; А.М.Поляков, 2016).

Выборку исследования составили учащиеся ГУО «Средняя школа № 25 г. Минска». Всего в исследовании приняли участие 50 подростков в возрасте 12-16 лет, учащиеся 7-х и 9-х классов, в семьях которых хотя бы одно домашнее животное появилось в их сознательном возрасте (4 и более лет). В интервью приняли участие 10 человек учащихся 7-х классов (5 девушек и 5 юношей) и 12 человек учащихся 9-х классов (4 юношей и 8 девушек), которые по результатам опросника были разделены на две группы: подростки, имеющие нарушения привязанности, и подростки, не имеющие нарушений привязанности.

На основании сравнительного анализа ответов по данным интервью и свободных описаний при выполнении семантического дифференциала были выделены следующие смысловые категории для анализа и типы ответов, характерные для респондентов.

Способность к использованию метафор.

В подростковом возрасте наблюдается заметная трансформация в восприятии домашних животных. У младших подростков использование метафор не вызывает затруднений: они легко создают яркие образы, порой даже прибегая к нескольким метафорам одновременно, что подчёркивает их творческий и непосредственный взгляд на питомцев.

Однако в группе старших подростков ситуация меняется. Они реже используют метафоры, предпочитая описывать животных через сравнительные образы, связывающие питомца с собой или близкими людьми. Первостепенной становится эмоциональная окраска: подростки с трудностями в сфере привязанности зачастую высказываются о животных отстранённо или с негативным оттенком, тогда как их сверстники с устойчивой эмоциональной связью видят в питомцах положительные черты и эмоциональное отражение самого себя.

Отношение к домашнему животному.

У младших подростков с нарушениями отношение к питомцам выражено положительно, тогда как подростки без нарушений, несмотря на общий позитив, иногда описывают их нейтрально или негативно. У старших подростков динамика меняется: дети с нарушениями все чаще воспринимают питомцев негативно, а их сверстники без нарушений сохраняют ярко позитивное отношение.

Описание конкретных примеров (воспоминаний, событий).

У младших подростков рассказы о питомцах давались легко – некоторые приводили сразу несколько примеров, чтобы подчеркнуть уникальные черты своего животного. У старших подростков истории тоже рассказывались без труда, однако те, кто не имел нарушений привязанности, воспринимали их как лично значимые, а подростки с нарушениями выражали свои воспоминания менее эмоционально.

Образ домашнего животного

У младших подростков с нарушениями привязанности ярко выражена тенденция очеловечивать питомцев, в то время как у подростков без нарушений встречается как подобное описание, так и более объективное отношение. Среди старших подростков, независимо от наличия нарушений, наблюдаются оба подхода – питомцев наделяют человеческими чертами или описывают по внешним характеристикам.

Восприятие домашнего животного как участника отношений

У младших подростков оба типа респондентов видят питомцев как активных участников отношений. У старших подростков, независимо от наличия нарушений привязанности, животных воспринимают как эмоциональных партнеров в общении.

Влияние домашнего животного на жизнь

У младших подростков с нарушениями привязанности появление питомца вызывает положительные изменения, тогда как подростки без нарушений иногда не замечают влияния из-за эмоциональной дистанции. У старших подростков ситуация выглядит зеркально: те, у кого привязанность здорова, ощущают личные перемены, связанные с питомцем, а подростки с нарушениями отмечают, что животные не оказывают существенного влияния.

По данным семантического дифференциала младших подростков с нарушениями привязанности появление питомца вызывало позитивные изменения, а их сверстники без нарушений иногда не ощущали влияния, возможно, из-за эмоциональной дистанции. Среди старших подростков дети без нарушений отмечают личное воздействие питомца, в то время как подростки с нарушениями сообщают, что животное почти не изменило их жизнь.

После этого на основании частотного анализа, описанного выше, был определён интегральный показатель с учётом только тех категорий, по которым заметны значимые различия между контрольной и экспериментальной группами. К этим категориям были отнесены:

- Эмоционально-оценочное отношение;
- Образ домашнего животного;
- Влияние на жизнь;
- Эмоциональное отношение по семантическому дифференциалу.

Этот показатель также отражает личностную значимость и субъектное отношение к домашнему животному, но с учётом «работающих» категорий. Он вычисляется по формуле:

Оскор = $(КИ/3 + ДЭ/32)/2 * 100$, где Оскор – интегральный показатель скорректированный, КИ – коэффициент интегрального показателя по интервью, ДЭ – коэффициент показателя эмоционального отношения к домашнему животному по семантическому дифференциалу.

По скорректированному интегральному показателю были обнаружены значимые различия между контрольной и экспериментальной группой ($U_{\text{эмп}} = 2$; $p \leq 0,05$). Таким образом мы доказали наличие значимых различий в отношении к домашнему животному среди подростков, имеющих нарушения привязанности к родителям, и подростков без нарушений.

Для того, чтобы проверить гипотезу о логике развития привязанности, мы провели корреляционный анализ скорректированного интегрального показателя отношения к домашнему животному, а также показателей привязанности к матери, отцу и другу по всей исследованной выборке. В группе младших подростков не было выявлено значимых связей, тогда как в группе старших подростков были выявлены значимые положительные связи между показателями привязанности к матери и показателями привязанности к отцу и другу, а также интегральным показателем отношения к домашнему животному (отец: $R = 0,59$, $p \leq 0,05$; друг: $R = 0,78$, $p \leq 0,05$, домашнее животное: $R = 0,73$, $p \leq 0,05$). При этом привязанность к другу значимо положительно коррелирует к одной стороны с привязанностью к матери ($R = 0,78$, $p \leq 0,05$), а с другой стороны с интегральным показателем отношения к домашнему животному ($R = 0,79$, $p \leq 0,05$).

При сравнении групп старших и младших подростков по U-критерию Манна-Уитни с формирующей переменной по полу, были обнаружены значимые различия в группе старших подростков по данным категории эмоционального отношения семантического дифференциала ($U_{\text{эмп}} = 0,48$; $p \leq 0,05$). Таким образом можно предположить, что к стар-

шему подростковому возрасту появляются различия в эмоциональном отношении между девушками и юношами.

Также при сравнении контрольной и экспериментальной групп по U-критерию Манна-Уитни с формирующей переменной по полу, были обнаружены значимые различия в контрольной группе. Было выявлено, что в контрольной ($U_{\text{эмп}} = 0,19$; $p \leq 0,05$) и экспериментальной ($U_{\text{эмп}} = 0,32$; $p \leq 0,05$) группах между девушками и юношами возникают значимые различия в привязанности к другу. Можно предположить, что, вне зависимости от наличия нарушений привязанности, отношения со сверстниками для девушек имеют большее значение, чем для юношей.

Всё это можно объяснить следующим образом. Привязанность к матери закономерно формируется у ребёнка раньше, чем привязанность к другим людям и домашнему животному. Она лежит в основе формирования привязанности ко всем индивидам, о чём нам и говорит теория привязанности. Привязанность к отцу и друзьям, а также ближайшему окружению формируется на основе привязанности к матери, как бы распространяясь на ближайшее окружение. Этим можно объяснить корреляцию привязанности к матери со всеми остальными выявленными показателями в группе старших подростков, а также отсутствие значимых различий в ответах младших подростков. Отсутствие корреляции привязанности с результатами интервью также можно предположительно объяснить тем, что привязанность к матери пока не имеет такого сильного влияния на отношения с окружающим миром. В подростковом возрасте отношения со сверстниками становятся ключевыми, что объясняет обнаруженные связи между привязанностью к другу, матери и домашнему животному у старших подростков. Отношение к питомцу формируется как вторичное, опираясь на отношения с матерью и сверстниками, что опровергает гипотезу о его компенсаторной функции в семейных отношениях.

Библиографические ссылки

1. Боулби Дж. Привязанность; пер. с англ.; под ред. Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
2. Поляков А. М. Субъект и символ. Белорусский государственный университет. Минск, 2012. 279 с.
3. Каширский Д. В. Русскоязычная версия “опросника привязанности к родителям и сверстникам” Г. Армсдена и М. Гринберга // Психологический журнал. 2023. т. 44, № 2. С. 89–104
4. Федорович Е. Ю Три стороны одной и той же привязанности: люди и их домашние питомцы // Семейная психология и семейная терапия. 2019. № 3. С. 88–108.
5. Beck, A. M., Katcher, A. H. A new look at pet-facilitated psychotherapy // Journal of the American Veterinary Medical Association. 1984. Vol. 21. P. 18.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТА И КРЕАТИВНОСТИ У ПОДРОСТКОВ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ КАК ФАКТОРОВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ИХ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

К. Я. Потапенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, email: kirillpotapen0@gmail.com
Научный руководитель — Л. П. Васильева, кандидат биологических наук, доцент*

В статье рассматриваются существующие научные взгляды на психологические особенности детей из неполных семей. Представлены результаты статистического анализа уровней интеллекта и креативности у подростков из полных и неполных семей. Отражены некоторые их отличия подростков из полных и неполных семей.

Ключевые слова: интеллект; креативность, подростки из полных и неполных семей, психологическое сопровождение

Важнейшим институтом социализации подрастающего поколения является родительская семья, в которой формируются основы характера человека, его ценностные ориентации, нормы поведения и взаимодействия с окружающими. Серьезные социально-экономические и духовно-нравственные трудности современной жизни являются существенными факторами, которые дестабилизируют традиционные семейные отношения. Тенденции развития современной семьи выглядят так: резкое падение количества заключаемых браков, увеличение числа людей, не стремящихся иметь семью, снижение количества детей в семьях. С учётом современной статистики всего в 2024 г. в Беларуси зарегистрировали брак 56 044 пары. Цифра сопоставима с 2022 годом: тогда за 12 месяцев зарегистрировали 57 901 новую семью. Что касается разводов, то в 2023-м их оформили 33 962 раза. Показатель чуть ниже, чем годом ранее: тогда расторгли официальные отношения 33 980 пар. Чаще всего пары расстаются с 5-го по 9-й год брака: на эти годы приходится 26,1% разводов. Немного реже прекратить отношения решаются с 1-го по 4-й год брака — 25% разводящихся пар. А вот на первый год совместной жизни приходится чуть больше 3% от всех разводов. [8]

Главной целью воспитания детей в любой семье составляет развитие личности во всех направлениях. Достижение этой цели необходимо как в полных, так и в неполных семьях. По-видимому, сделать это будет значительно труднее в неполных семьях, так как все ложится на плечи одного из родителей.

Интеллект рассматривался и изучался довольно давно и с различных сторон. Существует множество тестов на определение разных ас-

пектов интеллекта, интеллектуальных способностей и интеллекта, например коэффициент интеллекта и тд. Довольно часто интеллект соотносили с понятием IQ, а именно умение решать задачу за определенное время, при определенных условиях.

Ч. Спирмен признает интеллект не как нечто разрозненное, а как общий фактор, который функционирует на всех уровнях интеллектуального функционирования. связь он назвал «общим фактором интеллекта» или же «фактором G», который определяет общее количество «умственной энергии». Еще был выделен фактор S характеризующий специфику каждого отделенного задания, либо того или иного вида умственной деятельности. [3]

А.В. Брушлинский считал, что любое приобретенное знание для человека важно будь оно положительным или негативным. Так же и с решением или же не решением проблем. Поэтому существует две основные разновидности мыслительного процесса: Репродуктивное (или просто память), с помощью которого человек хорошо решает уже знакомые ему задачи: читает, формулирует, решает уравнения по формуле и тд. И продуктивное или же (творческое) – поиск чего-то нового. [1]

Креативность необходима во всех областях жизни. Если человек умеет мыслить нестандартно, это позволит ему самореализоваться. Развитая креативность не только заметно повышает интеллект и способствует концентрации внимания - этот аспект важен для успешного разрешения разного рода бытовых конфликтов.

Данная концепция содержит в себе два основных понятия конвергенция и дивергенция. Конвергенция или же конвергентное мышление (схождение) активизируется в случаях, когда человеку из ряда представленных решений нужно найти единственно правильное. То есть по своей сути оно напоминает тестовое мышление и сопоставимо с высокоскоростными тестами на IQ и Гилфорд проводил параллель с тестовым мышлением. [6]

Л.С. Выготский считает, что основной задачей творчества является возбуждение в людях интереса и появления у них определенных эмоций по средствам совокупности эстетических знаков. В работе «Психология искусства» подробно рассматриваются и раскрываются такие феномены как воображение, фантазия, интуиция и эмоции, их роли и значение в творческом процессе. Связь между двумя аспектами фантазией и чувствами для Л.С. Выготского являлись неразрывными, вследствие чего он предложил рассматривать эти процессы как единое целое.

Л.С. Выготский говорил, «всякое чувство и всякая эмоция стремятся воплотиться в известные образы, соответствующие этому чувству. Следовательно, эмоция обладает, как бы способностью подбирать впе-

чатления, мысли и образы, созвучные тому настроению, которое владеет нами в данную минуту». [2]

Следует отметить, что увеличивается количество разводов и вследствие увеличивается количество родителей, которые воспитывают детей одни. И им приходится намного труднее, чем семьям с двумя родителями. У них есть личные проблемы, часто бывают проблемы финансового, юридического характера, а так же не редки случаи с проблемами и собственными детьми. Недостаток времени на ребёнка, эмоциональная истощенность, чувство вины и тп. Это те причины, что могут мешать коммуникации и взаимопониманию.

Выделяется несколько типов неполных семей, основные из них: изначально внебрачная семья; семья, ставшая неполной в результате гибели одного из родителей; семья, ставшая неполной в результате развода. Выделяются неполные семьи материнские либо отцовские, и в нашей стране преобладают неполные семьи материнские.

Вместе с тем, подростковый возраст — это физиологические, психоэмоциональные, личностные изменения, которые трудны не только для подростков, но и для их родителей.

Э. Эриксон утверждал, что существует зависимость между особенностями личности ребенка и его отношениями с родителями, так как именно в подростковом возрасте идет либо успешная полоролевая самоидентификация, либо определенная спутанность ролей. Потому что именно в данном возрасте идет задача осмысления его социальных ролей. [5]

К. Юнг считал, что в формировании личности ребенка важную роль играют как родители, так и семья в целом. На развитие подростка оказывают влияние особенности жизни его родителей, методы семейного воспитания, различные трудности в семейной жизни.

Социально-психологическое сопровождение – это система профессиональной социальной и психологической помощи обратившимся клиентам, по созданию определенных условий и проведению ряда мероприятий (диагностика, консультация, коррекция, профилактика, прогнозирование и пр.), которые должны поспособствовать улучшению условий и качества жизни клиента, а также его целостную и комплексную поддержку.

Социальное-психологическое сопровождение основано на индивидуальном подходе нуждающемуся, на изучении его потребностей и определение с ним пути решения или же преодоления определенной проблемы.

Причинами завершения социального сопровождения могут быть следующие причины: решение проблемы, отказ самого клиента, смена места жительства клиентом, нарушение или невыполнение клиентом

оговоренных условий или условий договора. В зависимости от клиента социальное сопровождение может отличаться технологиями, процедурами, документацией и своим содержанием.

Психологическое сопровождение детей из неполных семей может осуществляться следующим образом: - направленной деятельностью психолога; - психологическим сопровождением родителей; - проработкой эмоций у родителей (чувство страха, чувство обиды, гнев, обида и тд.); - помощь в анализе поведения и проявления чувств к детям; -разбор индивидуальных и возрастных особенностей ребенка, помощь в выстраивании отношений с ним; - направленная работа с ребенком (определение проблемы, поддержка, помощь в выстраивании отношений с родителями, сверстниками и тд.); работа по схеме психолог-родитель-ребенок (совместная). [4,7]

С целью выявления уровней интеллекта и креативности личности подростков из полных и неполных семей как важных факторов успешной их самореализации в жизни и будущей профессиональной деятельности нами было проведено эмпирическое исследование.

Цель исследования: выявить уровни интеллекта и креативности подростков из полных и неполных семей.

Объект исследования: подростки из полных и неполных семей.

Предмет исследования: уровни интеллекта и креативности личности подростков из полных и неполных семей.

В исследовании принимали участие учащиеся 10 классов в количестве 40 человек. Из них 20 подростков из полных семей и 20 подростков из неполных семей. Методики исследования: 1. Культурно-независимый тест интеллекта Р. Кеттела. Цель: определить уровень интеллектуального развития, но также тест оценивает способности к анализу абстрактной информации, пространственное мышление, концентрацию и переключаемость. 2. Батарея тестов Вильямса. Цель: позволяет, как идентифицировать и диагностировать креативность ребенка, так и обеспечить родителей и учителей информацией о факторах дивергентного мышления и о личностных проявлениях, которые являются наиболее важными для креативности.

Вторым этапом исследования стала статистическая обработка полученных данных с помощью программы математической статистики SPSS 26.0 для определения психологических особенностей интеллекта и креативности подростков из полных и неполных семей. Поскольку проверка на нормальность распределения параметров показала ассиметричное распределение, мы выбрали непараметрический метод статистической обработки данных для оценки значимости различий с расчетом U-критерия Манна–Уитни.

Показатели достоверных различий между подростками из полных и неполных семей

Параметры	Группа 1 (подростки из полных семей)	Группа 2 (подростки из неполных семей)	Uэмп	Уровень значимости
Уровень интеллекта	102,65	113,10	116	$p \geq 0,05$
Уровень креативности	67,6	72,25	20	$p \leq 0,05$

Как следует из данных, приведенных в таблице, уровень интеллекта у подростков из не полных семей немного выше, чем у подростков из полных семей, но разница эта не носит статистически достоверного характера ($U=116$ при $p \geq 0,05$). Это означает, что уровень интеллекта у подростков из неполных семей может быть выше и стремление к поиску новых знаний, изучению окружающего мира и стремление его осознания может быть выше, чем у подростков из полных семей. При этом различия в уровне интеллекта не очень значительные.

Так, уровень креативности у подростков из неполных семей выше, чем у подростков из полных семей ($U=20$ при $p \geq 0,05$). Это означает, что подростки из неполных семей стремятся к творческому самовыражению, развитию своих навыков и большему проявлению креативности не только при занятии творческой деятельностью, но и во многих ситуациях в большей степени, чем их одноклассники их полных семей.

Библиографические ссылки

1. Брушлинский А. В. Психология мышления и проблемное обучение. М.: Знание, 1983.
2. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском развитии. СПб.: Союз, 1997.
3. Дружинин В.Н. Психология общих способностей: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. Москва, Издательство "Наука". 3-е изд. 2019
4. Основы психодиагностики. Учебное пособие для студентов педвузов / под общ. редакцией А.Г. Шмелева. Москва, Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996.
5. Эриксон Э. Детство и общество. СПб : Питер, 2019.
6. Guilford J. P. The nature of human intelligence 1967.
7. Прищеп А. А. Психологические особенности эмоционального интеллекта подростков из полных и неполных семей // Векторы психологии : сопровождение личности и обеспечение ее психологической безопасности в условиях социально-цифровой среды–2022: сб. матер IV Междунар. заочной науч.-практ. конф / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол. : Т. Г. Шатюк (гл. ред.) [и др.]. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. С. 194-196.
8. Сколько пар не выдерживают первый год семейной жизни? Белстат опубликовал статистику по бракам и разводам. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZhPKanPbaFazH3->

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА ЛИЦ С ХИМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Н. С. Радченко

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220050, г. Минск, Nadiafil015@gmail.com
Научный руководитель – Н. Л. Пузыревич, кандидат психологических наук, доцент*

Статья посвящена проблеме изучения ценностно-смысловой сфере лиц, зависимых от психоактивных веществ (ПАВ). Представлены теоретические основания, результаты эмпирического исследования ценностно-смысловой сферы людей, зависимых от психоактивных веществ, из полных и неполных семей.

Ключевые слова: аддикция; ценностно-смысловая сфера; зависимость; люди, зависимые от ПАВ, коррекция ценностно-смысловой сферы; смысло-жизненные ориентации; ценности; полные семьи; неполные семьи.

Аддиктивное поведение — одна из форм деструктивного поведения, которая выражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях. В настоящее время все еще сохраняют актуальность вопросы, связанные с поиском причин возникновения аддикции, с пониманием роли семьи в формировании зависимого поведения. Ряд исследователей указывает на то обстоятельство, что основной вклад в формирование аддиктивного поведения вносят особенности ценностно-смысловой сферы личности [1]]. В частности, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев утверждают, что зависимое поведение возникает в случае деформаций мотивационной и ценностно-смысловой сфер [[2;3]]. Роль семьи заключается в формировании индивидуальной для каждого ребенка социальной ситуации развития.

С целью установления содержания ценностно-смысловой сферы у лиц, зависимых от ПАВ, из полных и неполных семей, на базе МФ «Центр здоровья молодежи» г. Минска было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 40 респондентов в возрасте от 25 до 40 лет. В качестве диагностического инструментария использовались «Тест смысло-жизненных ориентаций» (СЖО) Д. А. Леонтьева, методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е. Б. Фанталова) и методика «Шкала базисных убеждений» (Р. Янов-Бульман, в адаптации М. А. Падуна, А. В. Котельниковой).

Исследования ценностно-смысловой сферой у лиц, зависимых от ПАВ из полных и неполных семей проводилось на базе МФ «Центр здо-

ровой молодежи». Всего в исследовании принимало участие 80 человек – 40 зависимых от ПАВ из полных семей и 40 зависимых от ПАВ из неполных семей. Возраст испытуемых – 20-40 лет. В брачных отношениях состоят 18 испытуемых, 62 испытуемых не в браке, детей имеют 38 человек, у 42 испытуемых детей нет. Стаж употребления – от 2 до 25 лет, стаж трезвости – от 1 месяца до 10 лет.

Согласно результатам, полученным с помощью методики «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д. А. Леонтьева, было установлено, что по шкале цели в жизни низкий уровень характерен 50% (N=20) зависимых от ПАВ из полных семей и 70% (N=28) из неполных семей. Средний уровень по данной шкале характерен 47% (N=19) зависимых из полных семей и 27% (N=11) – из неполных семей. Высокий уровень выявлен у 3% (N=1) как у зависимых от ПАВ из полных семей, так и из неполных семей соответственно. Процесс в жизни на низком уровне выявлен у 52% (N=21) у зависимых из полных семей и у 60% (N=24) – из неполных семей. Средний уровень характерен 45% (N=18) зависимым от ПАВ из полных семей и 40% (N=16) из неполных семей. Высокие показатели выявлены у 3% (N=1) испытуемых из полных семей. Высокие баллы по этой шкале и низкие по остальным будут характеризовать гедониста, живущего сегодняшним днем. Результат жизни на низком уровне у 50% (N=20) зависимых от ПАВ из полных семей и 70% (N=28) испытуемых из неполных семей. Средний уровень выявлен у 37% (N=15) зависимых от ПАВ из полных семей и 30% (N=12) зависимых из неполных семей. Также установлен высокий уровень у 13% (N=5) испытуемых из полных семей. По шкале локус контроля-Я низкий уровень характерен 50% (N=20) испытуемых из полных семей и 67% (N=27) – из неполных семей. Средний уровень выявлен у 47% (N=19) из полных семей и у 33% (N=13) из неполных семей. Также выявлен высокий уровень локуса контроля Я у 3% (N = 1) испытуемых из полных семей. На низком уровне локус контроля жизнь у 47% (N=19) испытуемых из полных семей и у 67% (N=27) – из неполных семей. Средний показатели у 47% (N=19) испытуемых из полных семей и у 33 % (N=13) из неполных семей. Высокий уровень характерен 6% (N=2) зависимых из полных семей. При высоких баллах — убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

Для выявления особенностей доступности ценностей, наличия внутриличностного конфликта была использована методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е. Б. Фанталова). В соответствии с представленными данными, установлено, что дезинтеграция в мотивационно-личностной сфере у зависимых от ПАВ из полных семей на низком уровне у 30% испытуемых, а из неполных семей – у 25% зависимых. Средний уровень выявлен у

20% зависимых от ПАВ из полных семей и у 42% испытуемых из неполных семей. И высокий уровень дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере характерен 50% испытуемых из полных семей и у 58% испытуемых из неполных семей.

Методика «Шкала базисных убеждений» (Р. Янов-Бульман, в адаптации М. А. Падуна, А. В. Котельниковой) использовалась с целью выявления базовых убеждений респондентов. Так было установлено, что у зависимых от ПАВ из полных семей наиболее позитивные базовые убеждения связаны с образом «Я», удачей и убеждением о контроле. У зависимых от ПАВ из неполных семей наиболее позитивные базовые убеждения связаны с удачей и убеждением о контроле. Наиболее уязвимым базовым убеждением у зависимых из полных семей является справедливость. Наиболее уязвимым убеждением у лиц, зависимых от ПАВ, из неполных семей является образ «Я».

Для выявления статистически значимых взаимосвязей возраста, стажа употребления и стажа трезвости с показателями ценностно-смысловой сферы у зависимых от ПАВ из полных и неполных семей был использован непараметрический критерий ранговой корреляции Спирмена.

У зависимых от ПАВ из полных были выявлены статистически значимые прямые корреляции между показателями возраста и целями в жизни ($r=0,337$, при $p<0,05$) и результатом жизни ($r=0,372$, при $p<0,05$). У людей из неполных семей были выявлены статистически значимые прямые корреляции между показателями стажа употребления ПАВ и базисным убеждением в удаче ($r=0,321$, при $p<0,05$) и результатом жизни ($r=0,327$, при $p<0,05$), что говорит о том, что чем больше стаж употребления ПАВ у зависимых из неполных семей, тем выше показатели веры в удачу и результата в жизни. Статистически значимая взаимосвязь установлена между показателем стажа трезвости и целей в жизни ($r=0,317$, при $p<0,05$) у зависимых от ПАВ из неполных семей.

Для более полного исследования ценностно-смысловой сферы зависимых от ПАВ из полных и неполных семей было проведено сравнение показателей ценностно-смысловой сферы по таким параметрам как: пол, наличие сиблингов, наличие супруга/супруги и наличие детей. Для сравнительного анализа использовался U-критерий Манна-Уитни.

У зависимых от ПАВ из полных семей не было выявлено статистически значимых различий по вышеперечисленным параметрам, что говорит о том, что такие факторы как пол, семейное положение, наличие детей не имеют значимого влияния на ценностно-смысловую сферу испытуемых.

Статистически значимые взаимосвязи с вышеперечисленными факторами и ценностно-смысловой сферы выявлены в выборке лиц, зависимых от ПАВ, из неполных семей между показателями пол и убеждени-

ем о контроле. Наличие сиблингов у испытуемых из неполных семей влияет на убеждение в образе Я и убеждение о контроле. Статистически значимые различия выявлены у зависимых из неполных семей состоящих в браке и холостых по таким параметрам как: дезинтеграция в мотивационно-личностной сфере и убеждение о доброжелательности окружающего мира. Статистически значимые различия выявлены у зависимых из неполных семей имеющих детей и бездетных по таким параметрам как: дезинтеграция в мотивационно-личностной сфере и локус контроля жизнь. Статистически значимые различия у лиц, зависимых от ПАВ, из полных и неполных семей были выявлены по таким шкалам как: результат жизни, локус контроля Я.

Таким образом, у респондентов из полных семей выявлена взаимосвязь с возрастом и параметрами ценностно-смысловой сферы, тогда как у испытуемых из неполных семей ценностно-смысловая сфера связана с такими показателями как: стаж употребления ПАВ, стаж трезвости, пол, наличие сиблингов, семейное положение, наличие детей.

Это может говорить о том, что у испытуемых из неполных семей ценностно-смысловая сфера в большей степени зависит от внешних факторов, тогда как у испытуемых из полных семей ценностно-смысловая сфера обусловлена другими факторами. Семейные обстоятельства, а именно, наличие обоих родителей у зависимого от ПАВ имеют влияние и являются одним из факторов формирования ценностно-смысловой сферы личности.

На основании теоретического обзора научно-методической литературы по проблеме ценностно-смысловой сферы лиц, зависимых от ПАВ была разработана и внедрена программа коррекции ценностно-смысловой сферы лиц, зависимых от ПАВ. Данная программа рассчитана на людей возраста 20-40 лет, которые находятся на реабилитации. В основу программы коррекции ценностно-смысловой сферы у лиц, зависимых от ПАВ, положен метод тренинга.

Основой успешной самореализации и личностного развития человека является согласованная система ценностных ориентаций. Поэтому важно уделять внимание не только физиологическим аспектам и коррекции девиаций, связанных с употреблением ПАВ, но и развитию ценностно-смысловой сферы личности в процессе реабилитации. Этот аспект тесно связан с духовным становлением личности и ее уровнем жизненных амбиций. Одной из основных «мишеней» программы является процесс формирования и развития «Я» образа, который базируется на основе самосознания, т.е. осознания и оценки человеком самого себя как личности, спектра собственных интересов, ценностей и мотивов поведения. «Я» образ представляет собой центр внутреннего мира человека, «опорной точкой», исходя из которой, человек воспринимает и оценивает окружающий мир и планирует собственное поведение.

Целью программы является осознание образа «Я» каждым участником тренинга, осмысление ценностно-смысловой сферы и ее влияния на вектор поведения и деятельность личности в целом, коррекция ценностно-смысловой сферы личности лиц, зависимых от ПАВ, приобретение участниками тренинга умений и навыков развития собственной структуры ценностей и преодоление отрицательных (вредных в личностном плане) элементов данной структуры. Наряду с присущими тренингу традиционными элементами, программа включает в себя следующие структурно-содержательные компоненты: 1) диагностика смысло-жизненных ориентаций; 2) эмоциональная разрядка, психологическое просвещение, 3) активизация личностных ресурсов участников; 4) развитие навыков саморегуляции и релаксации; 5) осознание ценностей и приоритетов, определение личных смыслов, развитие осознанности; 6) формирование представления о семейных ценностях; 7) освоение навыков передачи информации без потерь и искажений, навыков конструктивного отстаивания своей позиции в диалоге с другими людьми; 8) осознание механизмов блокировки, подавляемых неотраженных эмоций, таких как гнев, раздражение, обида, страх; 9) формирование знаний о здоровье и здоровом образе жизни, формирование представлений о значимости здоровья для каждого участника и для общества в целом, формирование ценностного отношения к собственному здоровью; развитие ответственного поведения; 10) осознание своей индивидуальности, создание условий для поиска своих сильных сторон, формирование позитивных жизненных целей; повышение мотивации к достижению жизненных целей.

Следует учитывать, что формирование ценностно-смысловой сферы не происходит путем простого принятия ценностей, которые налагаются на человека извне. Оно происходит благодаря активной деятельности самого человека в процессе общения с окружающим миром. Сознательное формирование «правильных» ценностей оказывается недостаточно эффективным и часто невозможным. Поэтому при разработке программы коррекции особое внимание уделялось развитию самостоятельности, ответственности, способности к самоопределению и осознанному выбору.

Библиографические ссылки

1. *Самыкина Н. Ю.* Динамика ценностно-смысловой сферы личности в процессе наркотизации. Самара : Изд-во «Универсгрупп», 2007. 148 с.
2. *Братусь Б. С., Сидоров П. И.* Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М. : Изд-во МГУ, 1984. 144 с.
3. *Братусь Б. С.* Аномалии личности. М. : Мысль, 1988. 301 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОЗНАННОСТИ И УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ РОМАНТИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Ю. А. Стабровская¹⁾; Г. Э. Амиров²⁾

*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь,*

¹⁾stabrouskayay@gmail.com; ²⁾gatamamirov123@gmail.com

Научный руководитель — Н. Л. Пузыревич, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между осознанностью и удовлетворённостью романтическими отношениями у мужчин и женщин в возрасте 20–25 лет. Использованы методики «Шкала оценки отношений» С. Хендрика и «Пятифакторный опросник осознанности» Р. Байера. У мужчин и женщин удовлетворённость отношениями положительно коррелирует со способностью к описанию внутреннего опыта, кроме того, у женщин удовлетворённость отношениями также связана с безоценочным отношением к своим эмоциям и мыслям. Выявлено, что мужчины демонстрируют значимую положительную связь между способностью к описанию внутреннего опыта и удовлетворённостью отношениями, тогда как у женщин такая связь отсутствует. Результаты подчёркивают важность развития осознанности для качества романтических отношений.

Ключевые слова: удовлетворённость романтическими отношениями; осознанность; ранняя взрослость; гендерные различия; психология отношений.

Романтические отношения представляют собой важную сферу жизни человека, тесно связанную с его эмоциональным благополучием и личностным развитием. В период ранней взрослости (20–25 лет) происходит становление устойчивых партнёрских связей, что определяет особую значимость изучения характеристик, ассоциированных с удовлетворённостью отношениями. Одной из таких характеристик является осознанность — способность к целенаправленному и безоценочному восприятию текущего момента (Кабат-Зинн, 2006). В современной психологии отношений наблюдается растущий интерес к изучению осознанности (mindfulness) в контексте её взаимосвязи с качеством межличностного взаимодействия (Karremans et al., 2017). В рамках данного исследования мы сосредоточились на анализе взаимосвязей между удовлетворённостью романтическими отношениями и показателями осознанности с учётом гендерных различий.

Выборка. В исследовании приняли участие 120 респондентов (60 мужчин и 60 женщин) в возрасте 20–25 лет ($M=23.04$, $SD=1.48$), состоя-

щих в гетеросексуальных отношениях различной продолжительности (от 4 месяцев до 120 месяцев; $M=33.85$, $SD=25.59$).

Методики:

1. «Шкала оценки отношений» С. Хендрик (адаптация О.А. Сычева) — для оценки уровня удовлетворённости романтическими отношениями.

2. «Пятифакторный опросник осознанности» Р. Байера (адаптация А.М. Голубева и Е.А. Дорошевой) — для измерения уровня осознанности по шкалам: наблюдение, описание, осознанная активность, безоценочное отношение, реагирование.

Статистический анализ. Для обработки данных использовались методы описательной статистики, U-критерий Манна-Уитни и коэффициент корреляции Спирмена (программа SPSS v. 23.0).

Результаты:

1. **Удовлетворённость отношениями.** Средний балл по выборке составил 4.3, у мужчин 4.31, у женщин 4.29. Статистически значимых гендерных различий выявлено не было ($p = 0.874$).

2. **Осознанность.** Женщины продемонстрировали более высокие баллы по шкалам «Наблюдение» ($M=27.36$ vs. $M=21.96$. После статистической обработки данных по U – критерию были выявлены статистически значимые различия по признаку «пол» при $p = 0.000$) и «Описание» ($M=30.05$ vs. $M=28.13$. После статистической обработки данных по U – критерию были выявлены статистически значимые различия по признаку «пол» при $p = 0.013$).

3. У мужчин обнаружена значимая положительная **корреляция** между удовлетворённостью отношениями и способностью к описанию внутреннего опыта ($r=0.299$, при $p=0.021$). У женщин удовлетворённость отношениями коррелировала как со способностью к описанию ($r=0.279$, при $p=0.031$), так и с безоценочным отношением к своим эмоциям и мыслям ($r=0.287$, $p<0.026$).

Хотя описание внутреннего опыта значимо для обоих полов, количественный анализ показывает, что:

- У женщин средние значения по шкале значимо выше 32.4 vs 29.17 у мужчин;

- Сила корреляции несколько выше у мужчин ($r=0.299$ vs $r=0.279$ у женщин).

4. **Гендерные различия** проявились в более высоких показателях женщин по шкалам «Описание» ($U=1326$ при $p=0.013$) и «Наблюдение»

($U=720$ при $p=0.000$) и более высоких значений у мужчин по шкале «Безоценочное отношение» ($U=1399$ при $p=0.035$).

Полученные данные свидетельствуют, что способность к вербализации внутреннего опыта (шкала «Описание») связана с удовлетворенностью отношениями у обоих полов. Этот результат согласуется с концепцией эмоционального интеллекта (Salovey & Mayer, 1990), согласно которой способность идентифицировать и называть свои эмоции составляет основу эффективной межличностной коммуникации. В контексте романтических отношений данный навык позволяет точнее выражать свои потребности партнеру, лучше понимать эмоциональные состояния партнера, эффективнее разрешать конфликты за счет четкой артикуляции позиций.

Дополнительная связь с безоценочным отношением у женщин может отражать:

- Важность эмоциональной регуляции в женской модели отношений.
- Склонность женщин к более глубокой обработке эмоционального опыта.
- Культурные ожидания большей эмоциональной вовлеченности в отношения.

Полученные результаты согласуются с моделью эмоционального процесса в парах (Gottman, 1998), теорией диадического копинга (Bodenmann, 2005) и концепцией осознанных отношений (Atkinson, 2013).

Заключение. Исследование расширяет понимание роли осознанности в романтических отношениях, демонстрируя важность учета гендерной специфики. Полученные данные могут быть использованы в консультативной практике для поддержки молодых пар и разработки дифференцированных программ, направленных на развитие осознанности. Перспективным направлением дальнейших исследований может стать изучение динамики выявленных взаимосвязей на разных этапах развития отношений.

Библиографические ссылки

1. Голубев А. М. Пятифакторная модель осознанности: адаптация опросника // Психологический журнал. 2018.
2. Кабат-Зинн Дж. Куда бы ты ни шел, ты уже там. М. : Открытый мир, 2006.

3. *Atkinson B. J.* Mindfulness Training and the Cultivation of Secure, Satisfying Couple Relationships // Couple and Family Psychology: Research and Practice. 2013. Vol. 2. P. 73-94.

4. *Baer R. A.* Using self-report assessment methods to explore facets of mindfulness // Assessment. 2006. Vol. 13, № 1. P. 27-45.

5. *Bodenmann G.* Dyadic Coping and Its Significance for Marital Functioning // Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping / Eds. T. A. Revenson, K. Kayser, G. Bodenmann. American Psychological Association, 2005. P. 33-49.

6. *Gottman J. M., Coan J., Carrère S., Swanson C.* Predicting marital happiness and stability from newlywed interactions // Journal of Marriage and the Family. 1998. Vol. 60. P. 5-22.

7. *Hendrick S. S.* A generic measure of relationship satisfaction // Journal of Marriage and the Family. 1988. Vol. 50, № 1. P. 93-98.

8. *Karremans J. C. [et al.]* Mindfulness and relationship satisfaction // Journal of Personality and Social Psychology. 2017.

9. *Salovey P., Mayer J. D.* Emotional intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1989-1990. Vol. 9, № 3. P. 185-211.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ И ЛЮБОВНЫХ УСТАНОВОК В КИТАЙСКИХ СЕМЬЯХ

Шэнь Цзяи

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, Sjy020209@gmail.com
Научный руководитель – С.М. Ширко, кандидат психологических наук*

Изучение взаимосвязи между удовлетворенностью браком и установками на любовь в китайских семьях является важной и актуальной задачей. В ходе исследования было установлено, что в китайских семьях существует значимая связь между удовлетворенностью браком и отношением к любви. Полученные результаты подчеркивают важность учета половых различий и культурного контекста при изучении любовных и брачных отношений в современном Китае. Результаты данного исследования способствуют пониманию функционирования брака в китайском культурном контексте с учетом традиционных и социокультурных факторов, влияющих на удовлетворенность браком и формирование любовных установок.

Ключевые слова: удовлетворенность браком; любовные установки; китайская семья; корреляционный анализ.

Удовлетворенность браком, как важный показатель оценки качества супружеских отношений, напрямую отражает удовлетворенность и счастье обоих супругов их совместной жизнью. Любовное отношение относится к внутреннему взгляду индивида и его склонности к любви, которые тонко формируют индивидуальную модель поведения в любви [1]. Будучи основной ячейкой человеческого общества, брак выполняет множество функций, включая воспроизводство, оказание эмоциональной поддержки и поддержание социальной стабильности. В настоящее время мужчины и женщины, состоящие в браке, все больше внимания уделяют выражению и реализации себя в супружеских отношениях.

Большое количество исследований показало, что на удовлетворенность браком влияет целый ряд сложных факторов, включая, помимо прочего, личностные черты партнеров, позиционирование супружеских ролей, экономический статус, качество общения, уровень доверия и качество системы социальной поддержки. Среди них качество общения и уровень доверия считаются двумя основными факторами, влияющими на удовлетворенность браком [2]. Брак является не только краеугольным камнем устойчивого развития семьи, но и важной опорой социальной стабильности. В китайских семьях на удовлетворенность браком и любовные отношения также влияют как традиционная культура, так и современные ценности.

В прошлом люди стремились к браку, чтобы удовлетворить свои самые важные потребности; Формы семьи были адаптированы к условиям выживания. Семейное счастье рассматривается как нечто вторичное, а главной потребностью является рождение детей. Мужчины и женщины ожидают, что любовь принесет немного страсти в монотонную повседневную жизнь. На самом деле между парами обычно не возникает страсти, а скорее они проявляют привычную заботу и внимание [3].

По мнению С.И. Голода, брак является естественным ядром современной семьи, и поэтому устойчивость современной семьи зависит, прежде всего, от удовлетворенности обеих сторон браком. Автор подчеркивает взаимодействие и взаимозависимость основных компонентов брака — «адаптации», «близости» и «автономии», — которые являются одновременно и основными ценностями семьи, и механизмами функционирования и развития современного брака [4]. Супруги начинают проявлять себя как коллеги на общем эмоциональном фоне, отношениях, которые имеют большую ценность, чем их обязательства перед детьми [5].

За последнее десятилетие зарубежные ученые отметили, что удовлетворенность браком является одним из важных преимуществ брака. Это может эффективно размыть понятие развода и снизить юридические риски распада брака [6]. Уровень удовлетворенности браком напрямую влияет на стабильность и гармонию супружеских отношений, а потому становится показателем, имеющим практическую ценность в области исследования супружеских отношений. Стоит отметить, что исследования В. Линдсе и Э. Вэньчжэня [7] показывают, что удовлетворенность браком имеет тенденцию к снижению с возрастом.

На фоне постоянно меняющегося общества и все более разнообразных ценностей индивидов отношения в браке становятся все более сложными и изменчивыми. С одной стороны, ожидания и требования мужчин и женщин к браку постоянно растут, а удовлетворенность браком стала важным критерием измерения качества брака; с другой стороны, любовные отношения также постоянно развиваются, что оказывает глубокое влияние на браки, которое может иметь далеко идущие последствия. Анализ взаимосвязи между удовлетворенностью браком и любовными установками не только поможет нам лучше понять феномен современной любви и брака, но и окажет глубокое влияние на улучшение качества брака, содействие семейной гармонии и социальной стабильности [8].

В исследовательском направлении российских, белорусских и китайских ученых в будущем могут быть дополнительно изучены различия и сходства между удовлетворенностью браком и любовными отношениями в разных культурных средах. Отечественные ученые могут сосредото-

точиться на влиянии своего уникального культурного происхождения и социальной среды на удовлетворенность браком и любовные отношения, а китайские ученые могут объединить быстрое развитие и изменения китайского общества для изучения изменений в концепции брака в процессе модернизации и его влияние на удовлетворенность браком и связь с любовными отношениями. В то же время ученые этих стран могут также укреплять сотрудничество и совместно изучать межкультурные сравнительные исследования удовлетворенности браком и характера любовных отношений.

В исследовании использовались следующие инструменты: методика К. Хендрик и С. Хендрик «Отношение к любви и сексу» («Цвета любви») (адаптированная китайскими учеными и рекомендованная для китайских респондентов) и «Шкала удовлетворенности браком» (адаптирована для китайских респондентов). Выборка исследования состояла из 150 китайских респондентов в возрасте от 30 до 45 лет, состоящих в браке, в том числе 75 мужчин и 75 женщин.

Взаимосвязь удовлетворенности браком и любовных установок в китайских семьях

Показатели	Эрос	Людус	Сторге	Прагма	Мания	Агапэ
Мужчины						
Хороший характер	0,45*	-0,20	0,38*	0,15	-0,30	0,52**
Общение мужа и жены	0,60**	-0,10	0,42*	0,25	-0,45*	0,65**
Разрешение конфликтов	0,30	-0,05	0,20	0,35*	-0,25	0,40*
Экономический аспект	0,15	0,30	0,05	0,55**	0,00	0,10
Концепция жизни	0,50**	-0,25	0,60**	0,40*	-0,35*	0,70**
Женщины						
Хороший характер	0,55**	-0,10	0,45*	0,20	-0,20	0,60**
Общение мужа и жены	0,70**	-0,05	0,50**	0,30	-0,50**	0,75**
Разрешение конфликтов	0,40*	0,00	0,30	0,40*	-0,30	0,50**
Экономический аспект	0,20	0,35*	0,10	0,60**	0,05	0,15
Концепция жизни	0,60**	-0,20	0,70**	0,45*	-0,40*	0,80**

Для установления характера связи между удовлетворенностью браком и любовных установок в китайских семьях был проведен корреля-

ционный анализ с помощью коэффициента корреляции Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице.

Удовлетворенность браком была представлена через показатели: хороший характер, супружеское общение, разрешение конфликтов, экономические аспекты и жизненные концепции. Любовные установки определяются как эрос, людус, сторге, прагма, мания, агапе.

Анализируя результаты, мы заметили, что существует определенная связь между удовлетворенностью браком (хороший характер, общение, разрешение конфликтов, экономические аспекты и жизненная философия) мужчин и женщин в китайских семьях и различными типами любовных установок (эрос, игры, хранение, практичность, энтузиазм и братство).

Удовлетворенность браком (все рассмотренные аспекты) показала статистически значимую положительную корреляцию с типами любви Эрос (страстная, романтическая любовь) и Агапе (бескорыстная, жертвенная любовь). Это говорит о том, что для китайских пар удовлетворенность браком тесно связана с наличием страсти и романтики, а также готовностью жертвовать и заботиться о своем партнере. Также Агапе показала сильную положительную корреляцию со всеми аспектами удовлетворенности браком, особенно с жизненными перспективами.

Результаты исследования обнаружили статистически значимую умеренную отрицательную связь удовлетворенности браком с Манией (ревностью, навязчивой любовью) у мужчин ($r = -0,35$, $p < 0,05$). Это может указывать на то, что ревность, одержимость и потребность в постоянном внимании со стороны партнера могут негативно влиять на удовлетворенность браком.

Корреляции с типами любви Людусом, Сторге и Прагмой были менее выражены и не показали устойчивых статистически значимых закономерностей по всем аспектам удовлетворенности браком.

Хотя общие тенденции связей между показателями в целом были последовательными, наблюдались различия в силе и статистической значимости корреляций между полами. Например, корреляции между показателями Эроса, Агапе и удовлетворенностью браком, как правило, сильнее среди женщин, чем среди мужчин.

Согласно данным проведенного исследования, удовлетворенность финансовыми аспектами брака положительно коррелировала с практичностью как у мужчин, так и у женщин, при этом корреляция была статистически значимой для мужчин ($r = 0,55$, $p < 0,01$) и женщин ($r = 0,60$, $p < 0,01$), что отражает тот факт, что для многих пар практические вопросы, такие как финансы, важны для удовлетворенности браком.

Показатель «Хороший характер» показал умеренную положительную корреляцию с «похотью» у обоих полов, а именно ($r = 0,45$, $p < 0,01$) у мужчин и ($r = 0,55$, $p < 0,01$) у женщин; «Агапе» показала значимую положительную корреляцию для мужчин ($r = 0,52$, $p < 0,01$) и для женщин ($r = 0,60$, $p < 0,01$), что подчеркивает важность близости, взаимного уважения и открытого общения для удовлетворенности браком.

«Удовлетворенность методами разрешения конфликтов» коррелировала с Эросом у мужчин ($r = 0,60$, $p < 0,01$) и Агапе у женщин ($r = 0,70$, $p < 0,01$), хотя и в меньшей степени, чем в предыдущих исследованиях. У мужчин корреляция с Прагмой была статистически значимой ($r = 0,35$, $p < 0,05$).

«Жизненная философия» показала сильную положительную корреляцию с «любовью» как у мужчин ($r = 0,70$, $p < 0,01$), так и у женщин ($r = 0,70$, $p < 0,01$). Это говорит о том, что общие взгляды на жизнь и ценности являются ключевым фактором в счастливом браке, основанном на бескорыстной любви и заботе.

«Финансовые аспекты» положительно связаны с «практичностью» у мужчин ($r = 0,55$, $p < 0,01$) и у женщин ($r = 0,60$, $p < 0,01$), что подчеркивает важность этого показателя в браке.

Полученные данные сделали возможным следующие связи удовлетворенности браком с любовными установками в китайских семьях: удовлетворенность браком тесно связана с романтической любовью Эрос и бескорыстной любовью Агапе, ревность и установка одержимость Мания могут негативно влиять на удовлетворенность браком, общий взгляд на жизнь играет ключевую роль в формировании удовлетворенности браком, которая является основой брака.

Таким образом, проведенный корреляционный анализ позволил сделать определенные выводы. Женщины в китайских семьях, как правило, менее удовлетворены браком, чем мужчины. Что касается любовного отношения, мужчины склонны демонстрировать романтический стиль любви, в то время как женщины склонны демонстрировать прагматичный стиль любви. Стиль любви партнера был положительно связан с удовлетворенностью браком как у мужчин, так и у женщин, но эта связь была сильнее у женщин.

Библиографические ссылки

1.王中杰 大学生婚姻态度在自尊与恋爱满意度关系中的中介作用 中国心理卫生杂志 2017 10.3969/j.issn.1000-6729.2017.08.013 [Ван Чжунцзе. Посредническая роль супружеских установок студентов колледжей во взаимосвязи самооценки и удовлетворения любовью. Китайский журнал психического здоровья, 2017 г. 2017.]

2. 侯娟, 贾可可, 方晓义. 近 20 年中国夫妻婚姻满意度发展趋势与社会变迁[J]. 心理学报. 2024. 56(7) [Хоу Хуан, Цзя Кекэ, Фан Сяоу. Тенденции развития и социальные изменения в удовлетворенности браком китайских пар за последние 20 лет [J]. Acta Psychologica Sinica. 2024. №56 (7).
3. Голод, С.И. Социально-демографический анализ состояния и эволюции семьи 2008 URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/888/626/1219/golod.pdf>. 2013
4. Голод, С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты / . Л.: Наука, 1984 Социологические исследования. 1985. №2. С. 123–135.
5. Schneewind, K. Familienpsychologie. überarbeitete und erweiterte Auflage, Kohlhammer, Stuttgart. 2010. P. 219–230.
6. 余晓艳, 魏樊樊. 婚姻满意度及影响因素的性别差异研究—基于第四期中国妇女社会地位调查之陕西数据分析[J]. 西安建筑科技大学学报 (社会科学版). 2023. 42(2):77–84 [Юй Сяоянь, Вэй Фанфан. Исследование гендерных различий в удовлетворенности браком и влияющих на него факторах - анализ данных провинции Шэньси на основе четвертого исследования социального статуса китайских женщин [J] Журнал Сианьского университета архитектуры и технологий (издание по социальным наукам. 2023. № 42 (2). С. 77–84.
7. 王玲杰, 叶文振. 流动人口婚姻满意度实证分析[J]. 人口学刊, 2008. 30(2):32-37 [Ван Линцзе, Е Вэньчжэнь. Эмпирический анализ удовлетворенности браком плавающего населения [J]. Демографический журнал. 2008. № 30 (2). С. 32–37.
8. Wang, Linna; L. Wang The Relationship Between Marital Satisfaction, Marital Stability, Nuclear Family Triangulation, and Childhood Depression American Journal of Family Therapy. 2001. № 29 (4). С. 337–347.

МЕТАФИЗИКА ПРИВЯЗАННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ ЛЮБВИ И ОТНОШЕНИЙ

Л. В. Яковина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, 3056366@gmail.com
Научный руководитель — И. А. Фурманов, доктор психологических наук, профессор*

В статье представлена всесторонняя оценка теории привязанности, которая утверждает, что потребность в формировании привязанности присутствует с рождения и складывается из эмоциональной реакции младенцев на разлуку: протест, отчаяние и отчуждение. Индивидуальные различия объясняются различными стратегиями регулирования аффекта, что подтверждено экспериментами, такими как "Незнакомая ситуация" М.Эйнсворт. Современные исследования рассматривают влияние цифровых технологий на формирование привязанности, отмечая как позитивные, так и негативные аспекты.

Ключевые слова: теория привязанности; Джон Боулби; эмоциональные связи; развитие ребенка; индивидуальные различия; надежная привязанность, тревожная привязанность, избегающая привязанность; эмоциональная регуляция; нейробиология привязанности; искусственный интеллект; межличностные отношения; социальные сети.

Теория привязанности - это теория, согласно которой люди рождаются с потребностью в формировании тесной эмоциональной связи с опекуном и что такая связь будет развиваться в течение первых 6 месяцев жизни ребенка. Разработанная британским психологом Джоном Боулби, теория фокусируется на опыте, выражении и регуляции эмоций как на видовом (нормативном), так и на индивидуальном (личностно-специфическом) уровнях анализа. Дж.Боулби считал, что система привязанности, выполняет две основные функции: защищает уязвимых людей от потенциальных угроз или вреда и регулирует негативные эмоции после угрожающих или вредных событий. Нормативный компонент теории привязанности определяет стимулы и контексты, которые обычно вызывают и прекращают различные виды эмоций, а также последовательность эмоций, обычно испытываемых после определенных событий. Компонент индивидуальных различий рассматривает то, как личные истории людей о получении заботы и поддержки от фигур привязанности формируют их цели, рабочие модели (т. е. межличностные отношения, ожидания и когнитивные стратегии), когда происходят события в отношениях, вызывающие эмоции.

Увлечение Дж. Боулби эмоциональными связями началось с наблюдения за младенцами, которые после разлуки с воспитателями де-

монстрируют определенные реакции. Сразу после разлуки они плачут и протестуют, что привлекает внимание воспитателей, обеспечивая выживание. Если протесты не привлекают внимания, младенцы впадают в отчаяние, прекращая активность, что минимизирует риск травм. Если опекун не возвращается, наступает стадия отчуждения, когда младенцы начинают вести себя независимо, формируя новые эмоциональные связи с другими опекунами [9]. Боулби также отметил, что эти стадии характерны и для взрослых в длительных разлуках, влияя на формирование новых пар. Он выделил поведенческие черты, такие как сосание и плач, которые удерживают младенцев рядом с воспитателями, а также черты опекунов, способствующие привязанности. После Боулби теоретики предположили, что модели привязанности отражают способы регулирования эмоций в сложных ситуациях. Мэри Эйнсворт в "Незнакомой ситуации" задокументировала различия в привязанности у детей. Надежно привязанные дети быстро успокаиваются и продолжают деятельность после воссоединения с опекунами, тогда как тревожно-устойчивые дети остаются в стрессе, а тревожно-избегающие остаются эмоционально отстраненными.

На более поздних стадиях развития одним из ключевых различий между надежными людьми и различными типами неуверенных людей является то, как регулируются и контролируются их негативные эмоции на основе их конкретных убеждений и ожиданий относительно доступности утешения и поддержки со стороны их привязанных лиц. Люди надежной привязанности научились из прошлого опыта ухода следовать «правилам», которые позволяют признавать дистресс и мотивируют их обращаться к привязанным лицам как к источникам утешения и поддержки. Избегающие взрослые, напротив, научились следовать правилам, которые ограничивают признание дистресса и поощряют использование тактик самостоятельности для контроля и уменьшения негативных эмоций, когда они возникают. Тревожные люди научились использовать правила, которые направляют их внимание на возможный источник дистресса, размышлять об этом и беспокоиться о том, что их привязанные лица никогда полностью не удовлетворят их постоянные потребности в утешении и поддержке.

Марио Микулинцер и коллеги предложили модель, описывающую стратегии эмоционального контроля в зависимости от истории привязанности. Люди с надежной привязанностью уверены в поддержке своих фигур привязанности, что укрепляет их чувство безопасности и позволяет использовать конструктивные стратегии для решения проблем. Тревожные люди, не уверенные в поддержке, испытывают дистресс и применяют эмоционально ориентированные стратегии, такие как бдитель-

ность и размышления о худших сценариях. Избегающие люди подавляют свои эмоциональные реакции, чтобы деактивировать системы привязанности, используя избегающее совладание. Эти три стратегии регулирования эмоций — ориентированные на проблемы, ориентированные на эмоции и ориентированные на избегание стратегии — являются источником многих интересных когнитивных и поведенческих результатов, которые были обнаружены у людей с разными стилями или ориентациями привязанности. Например, люди с надежной привязанностью обычно испытывают более интенсивные и умеренные положительные эмоции в своих романтических отношениях и меньше интенсивных и умеренных отрицательных эмоций, тогда как для людей с менее надежной привязанностью верно обратное. Так исследование американских ученых задокументировало связи между ранним паттерном привязанности человека (классифицированным как надежный или ненадежный в «Незнакомой ситуации» в возрасте одного года) по отношению к матери и эмоциями, испытываемыми и выраженными с романтическим партнером 20 лет спустя.

Привязанность как феномен занимает центральное место в философских, психологических и социокультурных исследованиях. Её метафизические аспекты раскрываются через анализ онтологических основ человеческих связей, их трансцендентной природы и роли в формировании идентичности. Современные теории любви и отношений, от классических работ Джона Боулби до треугольной модели Роберта Стернберга, позволяют переосмыслить привязанность не только как биологический механизм выживания, но и как сложный когнитивно-эмоциональный конструкт, влияющий на все уровни человеческого существования.

Нейробиология привязанности в своих исследованиях описывает роль окситоцина и вазопрессина в формировании долгосрочных связей. МРТ-исследования показывают наглядно активность островковой доли и префронтальной коры при переживании близости.

Метафизика привязанности раскрывается через синтез когнитивных, эмоциональных и трансцендентных аспектов человеческого опыта. Современные теории подчеркивают:

- Динамичность: Стили привязанности пластичны и подвержены коррекции.
- Контекстуальность: Цифровизация и глобализация трансформируют способы формирования связей.
- Этическую нагрузку: Привязанность как основа социальной справедливости и эмпатии.

Теория привязанности Дж. Боулби стала объектом интереса для разработчиков искусственного интеллекта (ИИ). Современные техноло-

гии позволяют не только анализировать, но и имитировать паттерны привязанности, что открывает новые возможности и вызовы. Так, алгоритмы машинного обучения анализируют текстовые, аудио- и видеоматериалы для выявления паттернов поведения, характерных для разных типов привязанности (надежный, тревожный, избегающий).

Также нейросети обрабатывают ответы пользователей в тестах или диалогах, определяя доминирующий стиль привязанности. Это используется в терапии и коучинге для персонализации рекомендаций [2].

Уже сегодня приложения на базе генеративного ИИ (например, Secret Desires, Soulfun) создают персонажей с заданными типами привязанности. Они имитируют эмпатию, поддержку и даже конфликтные сценарии, обучаясь на взаимодействии с пользователем. Далее ИИ корректирует поведение виртуальных персонажей в реальном времени, учитывая эмоциональные реакции пользователя. Например, если пользователь демонстрирует тревожный тип привязанности, ИИ может усиливать подтверждение безопасности.

Стоит сказать и о перспективных направлениях, например, терапевтические приложения: разработка ИИ-ассистентов для коррекции дисфункциональных типов привязанности через когнитивно-поведенческие техники и эмпатическую обратную связь по средствам исследования цифровой интимности [2]. Осуществляется анализ того, как онлайн-взаимодействия (например, в социальных сетях) влияют на формирование привязанности у новых поколений [3].

И последнее, что хочется разобрать: влияние цифровых технологий на формирование привязанности у новых поколений. Цифровое общение трансформирует традиционные модели формирования привязанности, создавая новые паттерны взаимодействия и вызовы для эмоционального развития.

Стоит отметить изменение качества социальных связей. Частые, но краткие контакты в мессенджерах и соцсетях снижают глубину эмоциональной вовлеченности. Подростки, проводящие в сети 6+ часов в сутки, часто заменяют доверительное общение реакциями на посты и стикеры. Виртуальное общение создает чувство постоянной доступности, но не обеспечивает эмпатической поддержки. Это приводит к "эмоциональному голоданию" даже при высокой онлайн-активности.

Также на нейрокогнитивное развитие идет значительное влияние:

- **Перегрузка внимания:** Мультизадачность (одновременный просмотр видео, переписка, игры) снижает способность к концентрации, что затрудняет формирование устойчивых эмоциональных связей;

•Дофаминовая зависимость: Лайки и уведомления активируют систему вознаграждения мозга, смещая фокус с межличностных отношений на цифровые стимулы.

В целом, отмечается тенденция трансформация семейных паттернов. Родители всё чаще используют гаджеты для успокоения детей, что нарушает формирование надежной привязанности по Боулби. Вместо живого взаимодействия ребёнок получает экран как источник комфорта. 35% детей 4–5 лет имеют личные смартфоны, что создает основу для ранней замены реальных отношений виртуальными. 53% подростков признают, что не могут отказаться от гаджетов даже во время семейных обедов, что разрушает традиционные ритуалы привязанности [1]. Общение через экраны снижает способность распознавать невербальные сигналы — ключевой компонент эмоционального интеллекта [5] .

Цифровые технологии создают парадоксальную ситуацию: расширяя возможности коммуникации, они одновременно обедняют качество эмоциональных связей. Для новых поколений критически важно сохранять баланс между онлайн- и офлайн-взаимодействиями, чтобы цифровая среда не подменила собой базовую человеческую потребность в глубокой привязанности. Решение требует совместных усилий семьи, образовательных институтов и разработчиков технологий, ориентированных на этичный дизайн.

Библиографические ссылки

1. Авдеева, Н. Н., Хаймовская, Н. А. Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трёх лет в семье и доме ребёнка. М.: Смысл, 2003. 152 с. ISBN 5-89357-162-2.
2. Боулби, Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. Изд-во: "Гардарика". М., 2006. С.124
3. Боулби, Дж. Теория привязанности. Изд-во: Гайдарики, 2003. С. 447.
4. Боулби, Дж. Надежная опора. Клиническое применение теории привязанности. Лондон. 1988.
5. Мещеряков, Б. Привязанность. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Мещерякова Б, Зинченко В. СПб: Прайм-Еврознак, 2003. С. 408.
6. Микулинджер, М., Шейвер, Ф. Привязанность у взрослых. Структура, динамика и изменения. - Москва: Издательство Вильямс, 2023. 816 с.;
- 7.Эйнсворт М. Д. Детско-материнская привязанность. Амер. Психол. ассоциация. 1979. Т. 11. С. 67-104.
8. Эйнсворт М., Блехар М., Уотерс Э., Уолл С. Модели привязанности. Хилсдейл. Нью-Джерси: Эрлбаум., 1978. С. 241.
- 9.Bowlby J. A secure base: parent-child attachment and healthy human development. — N.Y.: Basicbooks, 2008. P. 136.

СЕКЦИЯ 13. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА У ИНДИВИДОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ОСОЗНАНИЯ СОБСТВЕННЫХ ЧУВСТВ В ПЕРИОДЫ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

А. В. Алешкевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nastayaleshkevich@gmail.com*

Научный руководитель — А. М. Поляков, доктор психологических наук, профессор

Статья представляет собой описание результатов исследования особенностей переживания одиночества респондентами с различным уровнем осознания собственных чувств в период ранней и средней взрослости. Выборку составили 60 человек в возрасте от 20 до 35 лет. В результате было установлено, что люди с высоким уровнем понимания собственного эмоционального состояния при переживании одиночества производят длительную внутреннюю работу, связанную со становлением собственной идентичности. Само переживание одиночества лучше осознается и доступно для вербального описания. Также во время данной работы ведутся поиски внутреннего ресурса для совладания со своими переживаниями.

Ключевые слова: переживание одиночества; осознание собственных чувств; ранняя и средняя взрослость.

В современном мире с его растущими темпами жизни и требованиями, предъявляемыми к молодому человеку, острой является проблема построения гармоничных и эффективных отношений с другими людьми в разных сферах жизни (семейной, профессиональной и т. д.). При этом высокие темпы жизни и распространенность цифровых технологий, искажающих процесс общения, могут приводить к неспособности объективных показателей включенности человека в социальное взаимодействие раскрыть и объяснить его переживание одиночества [2].

Одиночество является нормативным переживанием, на основе которого в социальном пространстве-времени формируется и существует специфическое состояние, обозначаемое термином «одиночество» [5]. В научных работах Н.О. Олейник одиночество рассматривается как *субъективное переживание*, которое проявляется в добровольной или вынужденной невозможности человека удовлетворить потребность во вза-

имодействии, общении, интимности и сопровождается широким спектром эмоциональных проявлений. Такое переживание не зависит от присутствия других людей [3].

В целом, для современных научных исследований характерным является акцент именно на негативных коррелятах одиночества. Тем не менее, научный интерес авторов постепенно смещается с рассмотрения только негативных аспектов одиночества на его ресурсную составляющую [2].

В своих работах Д.В. Винникот пишет, что способность к одиночеству связана с эмоциональной зрелостью человека [1]. Переживание одиночества обеспечивает психоэмоциональную защиту от возникающих и развивающихся стресс-факторов [5].

Для сбора эмпирических данных использовались:

1. полуструктурированное нарративное интервью, включающее 4 блока вопросов:

- Общее представление о феномене;
- Ассоциации, связанные с одиночеством;
- Личный опыт переживания одиночества;
- Отношение к феномену.

В работе использовалось представление о символе, рассматриваемом как уникальная культурная форма, репрезентирующая в сознании человека субъектную реальность [4].

2. методика диагностики эмоционального интеллекта (МЭИ), разработанная М.А. Манойловой.

Выборку исследования составили 60 человек (33 испытуемых женского пола и 27 испытуемых мужского пола). Возраст испытуемых варьировался от 20 до 35 лет.

В ходе анализа ответов респондентов с разными уровнями осознания эмоций нами были выделены следующие категории анализа переживания одиночества: *опыт переживания одиночества*, свидетельствующий о склонности личности к рефлексии данного переживания; *субъективное восприятие причины возникновения переживания*, отражающее понимание человеком обстоятельств, вызвавших у него переживание одиночества; *содержание эмоционального переживания* (тип эмоций), говорящее о субъективном отношении к нему и его значимости для человека; *продолжительность периода рассматривается* как выделяемый человеком временной период, на протяжении которого он чувствовал себя одиноким, а также его субъективное ощущение длительности; *коммуникативная функция метафор*, передающая выразительность метафор и их доступность для понимания другим; *влияние межличностных отношений* отражает связь переживания с теку-

щими событиями или с отношениями с близкими людьми; **представленность в сознании экспрессии** выражает способность человека понять и описать свое эмоциональное состояние; **способы совладания** рассматриваются как способы, используемые человеком для проживания своего состояния; **способы реагирования** отображают поведение, возникающее в ответ на появление переживаний одиночества; **зависимость переживания от присутствия других людей** свидетельствует о влиянии других людей на переживание одиночества; **реакция на одиночество** указывает на возникновение эмоциональной реакции при осознании своего одиночества; **нацеленность на внутреннюю работу** свидетельствует о направленности человека на внутреннюю работу для преодоления одиночества или изменения своей жизни; **переосмысление жизни** отображает наличие или отсутствие качественных изменений в жизни человека в результате переживания одиночества; **личностная значимость опыта**, отражающая на сколько предыдущий опыт, был ценен и осмыслен для применения в последующих ситуациях.

Уровни осознания собственных чувств и эмоций в выборке респондентов 20-25 лет распределились следующим образом: низкий – 15 человека; средний – 9 человек; высокий – 6 человек. В выборке индивидов средней зрелости низкий уровень осознания эмоций имеют 15 человек; средний – 11 человек; высокий – 4 человек. Для целей анализа в дальнейшем было принято решение объединить всех респондентов в 2 группы: с низким уровнем осознания собственных чувств и эмоций и со средним и высоким уровнем.

При сравнительном анализе переживания одиночества у людей с различным уровнем осознания собственных чувств и эмоций в период ранней зрелости было установлено, что молодые люди с высоким уровнем понимания своих чувств чаще связывают переживание одиночества с внутренними причинами. Одиночество в данном случае рассматривается как барьер, помогающий справиться и отразить текущие события и переживания. Внешние причины преобладали во второй группе и связывались с недостатками навыков общения или неумением справляться со стрессом и большой нагрузкой. В данной группе респонденты чаще полностью прерывали общение с другими людьми и выбирали способы совладания, связанные с внешней активностью. При описании своих эмоций и переживаний в группе с высоким и средним уровнем осознания собственных чувств не возникает трудностей, что указывает о представленности экспрессии в сознании. Также в данной группе чаще использовались выразительные и доступные для понимания метафоры, используемые для передачи своего эмоционального фона. Молодые люди с высоким уровнем понимания собственного эмо-

ционального состояния при переживании одиночества производят длительную внутреннюю работу, связанную со становлением собственной идентичности. Само переживание одиночества лучше осознается и доступно для вербального описания. Также во время данной работы ведутся поиски внутреннего ресурса для совладания со своими переживаниями. Такой личный опыт переживания одиночества вносит существенный вклад в развитие личности и в последующих ситуациях учитывается и применяется.

Схожие результаты были получены *при сравнительном анализе переживания одиночества у людей с различным уровнем осознания собственных чувств и эмоций в период средней взрослости*. В данной группе статистически значимые различия были установлены в категориях «Содержание переживания», «Продолжительность периода», «Коммуникативная функция метафор», «Представленность в сознании экспрессии», «Нацеленность на внутреннюю работу», «Переосмысление жизни», «Личностная значимость опыта». Несмотря на то, что у участников с низким и высоким уровнем осознания эмоций наблюдаются схожие реакции на одиночества, способы совладания и проведение внутренней работы, в группе с высоким уровнем осознания эмоций каждый участник отметил переосмысление собственной жизни, при этом во второй группе 46,7% людей отметили изменение взглядов. Таким образом, продолжительность периода и произведенная внутренняя работа влияют на качественные изменения жизни в лучшую сторону и дают возможность извлечь из опыта позитивные эффекты.

При сравнительном анализе переживания одиночества у индивидов в период ранней и средней взрослости статистически значимые различия были установлены в трех категориях: опыт переживания одиночества, переосмысление жизни и личностная значимость. В группе респондентов периода ранней взрослости большее количество участников сталкивались с одиночеством. Многие описывали свой опыт, который протекал в подростковый период, в период адаптации к университету. Во второй группе большинство респондентов описывали свой опыт, который протекал после окончания учебы. Возможно, для людей в период средней взрослости более ранний опыт теряет свою значимость и тяжелее поддается рефлексии. В группе периода средней взрослости, 73% респондентов смогли переосмыслить свою жизнь после переживания одиночества. Отмечалось, что этот опыт в той или иной степени повлиял на все сферы жизни. В группе индивидов в период ранней взрослости также отмечалось переосмысление, но у меньшего количества людей. Возможно, в силу того, что для них пережитый опыт был недавним, он еще не до конца был встроен в жизненный опыт и отрефлексирован. Среди ре-

спондентов периода средней взрослости 73,3% людей считают опыт переживания одиночества значимым. В результате проделанной внутренней работы переживание одиночества связывается с собственной идентичностью и в последующих ситуациях полученный опыт учитывается.

Таким образом, можно предположить, что люди с высоким уровнем понимания собственного эмоционального состояния при переживании одиночества производят длительную внутреннюю работу, связанную со становлением собственной идентичности. Во время данной работы ведутся поиски внутреннего ресурса для совладания со своими переживаниями. Такой личный опыт переживания одиночества вносит существенный вклад в развитие.

Библиографические ссылки

1.Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.

2.Муртазина И. Р. Представления об одиночестве и особенности его переживания в разные периоды взрослости // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 3. С. 1–14.

3.Олейник Н. О. Теоретическая модель переживания одиночества // Философия. Психология. Социология. 2016. Т. 1, № 2. С. 104–110.

4.Поляков А. М. Психологический смысл символа и символических форм // Вестник культурологии. 2023. № 3 (106). С. 147 -165.

5.Слободчиков И. М. Переживание одиночества с позиций культурно-исторической психологии Л.С. Выготского // Психологическая наука и образование. 2008. № 42 (228). С. 167–170.

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНДИВИДОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ

О. Н. Богданович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, oksanabohdanovych@gmail.com
Научный руководитель – С.М. Ширко, кандидат психологических наук*

Актуальность исследования личностных характеристик в контексте удовлетворенности жизнью определяется возросшим интересом к вопросам психического благополучия и внутренней устойчивости личности. Понятие удовлетворенности жизнью рассматривается как субъективная оценка индивидом качества собственной жизни и тесно связано с понятием субъективного благополучия. Отечественные и зарубежные исследования указывают на наличие связи между определенными личностными чертами и уровнем удовлетворенности жизнью. Изучение личностных характеристик индивидов в контексте удовлетворенности жизнью имеет особую значимость на различных возрастных этапах и может способствовать формированию позитивного функционирования личности и качества жизни.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью; личностные характеристики; индивиды; психотизм; невротизм; депрессия; женственность; общая активность; общительность.

Изучение личностных характеристик индивидов с различным уровнем удовлетворенности жизнью обусловлено возрастающей значимостью актуального психического состояния личности. Рассматривая удовлетворенность жизнью как психологический феномен, необходимо подчеркнуть, что несмотря на достаточное количество современных исследований, формулировок понятия, авторы сходятся в том, что удовлетворенность жизнью – это, прежде всего, субъективная оценка индивидом своей жизни. Проанализировав проблему изучения личностных характеристик в контексте исследования удовлетворенности жизнью, следует констатировать, что удовлетворенность жизнью в меньшей степени зависит от объективных переменных и в большей степени определяется индивидуально– психологическими особенностями и эмоциональными состояниями индивидов.

Согласно отечественным и зарубежным исследованиям, основными факторами удовлетворенности жизнью могут выступать: оптимизм, локус контроля, самооценка, саморегуляция, сознательность, экстраверсия, эмоциональная устойчивость.

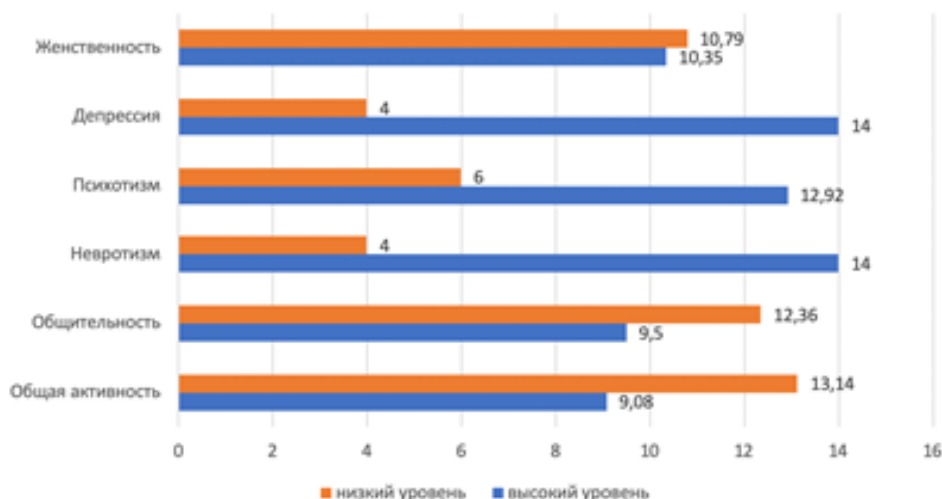
Эмпирическое исследование основывалось на структурно – иерархической модели личности В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского, в рамках которого личность рассматривается как целостное образование, которое включает в себя десять взаимосвязанных индивидуально-

психологических характеристик нижнего уровня: невротизм, психотизм, депрессия, совестливость, расторможенность, общая активность, робость, общительность, эстетическая впечатлительность, женственность. Эти характеристики в свою очередь образуют характеристики верхнего уровня: психическая неуравновешенность, асоциальность, интроверсия, сензитивность.

В качестве инструментария исследования был использован психодиагностический тест В.М. Мельникова и Л.Т. Ямпольского, шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина, а также методика оценки качества жизни КЖУ в адаптации Е.И. Рассказовой.

Выборку составили 120 респондентов в возрасте от 30 до 60 лет (средний возраст 41 год), из которых 52 мужчины и 68 женщин. Для определения различий в личностных характеристиках индивидов с высоким и низким уровнем удовлетворенности жизнью был использован U – критерий Манна – Уитни.

В результате проведенного сравнительного анализа были получены следующие результаты. Выявлены различия в личностных характеристиках индивидов с высоким и низким уровнем удовлетворенности жизнью. Статистически значимые различия выявлены по показателям «невротизм» ($p < 0,001$), «психотизм» ($p = 0,011$), «депрессия» ($p < 0,001$). По показателям «общая активность» ($p = 0,123$), «общительность» ($p = 0,296$) и «женственность» ($p = 0,869$) статистически значимых различий не выявлено (рисунок).

Различия в личностных характеристиках индивидов с высоким и низким уровнем удовлетворенности жизнью (средние значения)

Выявлены значимые различия между уровнем удовлетворенности жизнью и уровнем депрессии. В группе с низкой удовлетворенностью жизнью показатели депрессии резко выше ($p = 0,001$). Депрессивные состояния являются одним из ключевых факторов, снижающих уровень удовлетворенности жизнью, поскольку они ограничивают способность испытывать положительные эмоции и формировать устойчивые социальные связи. Полученный результат подтверждается исследованием А.А. Лебедевой [1], в котором подчеркивается, что высокая удовлетворенность жизнью связана с позитивной смысловой ориентацией и ощущением контроля над жизнью, тогда как депрессия, напротив, характеризуется чувством беспомощности и отсутствием смысла.

Обнаружены значимые различия между группами по показателю психотизма ($p = 0,001$), где индивиды с низким уровнем удовлетворенности жизнью демонстрируют более выраженные показатели. Полученный результат можно объяснить тем, что высокий уровень психотизма связан с эмоциональной холодностью, импульсивностью и низким уровнем эмпатии, что мешает построению качественных социальных связей и адаптации в обществе. Психотические черты связаны с низким уровнем эмоциональной стабильности, что негативно сказывается на способности индивида испытывать позитивные эмоции. Это согласуется с результатами исследований P. Steel, J. Schmidt, J. Schultz [7] которые показывают, что психотизм является негативным предиктором удовлетворенности жизнью. Согласно данным Е.И. Рассказовой [2] и Р.М. Шамина [3], повышенный уровень психотизма может препятствовать эффективной адаптации и гармоничному восприятию жизни.

Сравнительный анализ показал, что индивиды с высоким уровнем удовлетворенности жизнью вне зависимости от пола имеют более высокие значения по показателю «невротизм» ($p < 0,001$). Высокий уровень невротизма делает индивида более чувствительным к негативным событиям и менее восприимчивым к положительным, что негативно сказывается на общем уровне удовлетворенности жизнью. Полученный результат подтверждается исследованиями С. Ryff [6], где указывается, что высокий уровень невротизма ассоциируется с тревожностью, эмоциональной нестабильностью и негативным восприятием мира.

В ходе проведенного исследования установлено, что активные индивиды чаще ощущают высокий уровень удовлетворенности жизнью ($p = 0,005$). Данный результат согласуется с концепцией гедонистического благополучия R.M. Ryan и E.L. Deci [5], где утверждается, что активность и вовлеченность в различные виды деятельности положительно сказываются на уровне удовлетворенности жизнью. И в целом, высокая личная активность и стремление к достижению целей улучшают восприятие качества жизни.

Результаты сравнительного анализа показали, что различия по показателям «женственность», «общая активность» и «общительность» не достигли уровня статистической значимости. Этот результат согласуется с исследованиями А.А. Лебедевой и Д.А. Леонтьева [1], в которых отмечается сложность связи половых характеристик с уровнем субъективного благополучия.

Результаты нашего исследования согласуются с диспозиционной теорией субъективного благополучия [4], согласно которой личностные черты играют ключевую роль в формировании удовлетворенности жизнью. Высокий уровень невротизма ($p < 0,01$), психотизма ($p < 0,01$) и депрессии ($p < 0,01$) в группе с низкой удовлетворенностью жизнью подтверждает гипотезу о том, что личностные характеристики имеют значимое влияние на удовлетворенность жизнью. Такие индивиды более склонны фокусироваться на негативных аспектах жизни и испытывают повышенную чувствительность к стрессовым ситуациям

Таким образом, полученные данные позволяют констатировать, что индивиды с высоким уровнем удовлетворенности жизнью в отличие от индивидов с низким уровнем, характеризуются более низкими показателями невротизма, психотизма и депрессии. Результаты исследования могут быть использованы в психологическом консультировании, просветительской и психокоррекционной работе для разработки и внедрения программ, направленных на развитие личностных характеристик, способствующих повышению удовлетворенности жизнью мужчин и женщин.

Библиографические ссылки

1. *Лебедева, А. А.* Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 4. С. 142-162.
2. *Рассказова, Е.И.* Методы диагностики качества жизни в науках о человеке // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012. №3. С. 95-107.
3. *Шамионов, Р.М.* Критерии субъективного благополучия личности: социокультурная детерминация // Известия Саратовского ун – та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т.4, № 3. С. 213-218.
4. *Diener, E.* Subjective well-being. Psychological Bulletin. 1984. 95 (3). 542–575.
5. *Ryan, R.M., Deci, E.L.* On happiness and human potentials: A revive of research on hedonic and eudaimonic well-being // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P.141-166.
6. *Ryff, C.D.* Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. P. 1069 –1081.
7. *Steel, P., Schmidt, J., Schultz, J.* Refining the relationship between personality and subjective well-being. Psychological Bulletin. 2008. Vol. 134 (1). P. 138 –161.

ТАНЦЕВАЛЬНО-ДВИГАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СРЕДСТВО САМОАКТУАЛИЗАЦИИ

С. Е. Гагина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sophiagagina@gmail.com*

Научный руководитель — Е. В. Столярская, кандидат социологических наук

Статья анализирует танцевально-двигательные практики, являющие техникой телесно-ориентированной терапии, в качестве средства самоактуализации.

Ключевые слова: телесно-ориентированная терапия, танцевально-двигательные практики, самоактуализация.

Известный американский новатор танца, хореограф Мерс Кэннингхэм говорил, что «танец — это то, что мы называем танцем». Танцем можно называть организованные движения тела в пространстве и времени под музыку или без неё; танец может быть рассмотрен как состояние — переживание, общее для всех, кто когда-либо танцевал; также танец может быть мыслимым в качестве текста (хореографическая идея или запись танца) [1].

Танец присутствовал в жизни человека еще миллион лет назад: по словам У. Макнилла, изобретение координированного ритмического движения было жизненно важным для человека. Ритмическое групповое движение давало гоминоидам важные преимущества перед другими существами в охоте, дележке пищи и заботе о потомстве. Общественный танец, утверждал Макнилл, глубоко укоренен в человеческой психике [2].

То, что мы понимаем под «современным танцем», в свою очередь, появилось на рубеже XIX-XX веков на Западе. Возникновение его было связано с развитием общей двигательной культуры и одновременно с деятельностью отдельных танцовщиков и хореографов. Во второй половине XIX века Европа и Америка заразились дельсартизмом — системой движения Франсуа Дельсарта, певца и учителя вокала, который занимался изучением выразительности человеческого тела. Дельсартизм повлиял на развитие общей физической культуры, преодоление разрыва между «телом и духом», так и на будущих основательниц современного танца [3]. Современный свободный танец возник вместе с новой философией телесности, когда тело и его движения стали считаться неотъемлемой частью человеческой сущности, ключом к ее пониманию и совершенствованию [4].

Вслед за развитием свободного танца в конце XIX века в физиологии появился термин для обозначения способности ощущать свое тело и его движения, своего рода «шестое чувство» - «кинестезия». Понятия о «кинестетическом чувстве», «кинестетическом воображении» и «кинестетической эмпатии» стали ключевыми в объяснении танца и его восприятия. В отличие от прежних – эстетических – категорий, эти естественнонаучные понятия лучше отвечали новой философии танца, в которой движение ценится само по себе, вне отношения к сюжетно-повествовательному или эмоционально-драматическому содержанию хореографии [5].

Переход танца в терапевтическую модальность чаще всего связывают с именем американки М. Чейс [6]. Профессиональная танцовка и терапевтка, именно она разработала вышеупомянутое понятие «кинестетической эмпатии», а также и понятие «ритмической групповой активности» (совместное движение группы под единый ритм). У М. Чейс был талант контактировать с замкнутыми пациентами и пробуждать их жизненную энергию. Терапевтка утверждала, что основным умением танцевального психотерапевта следует считать его инстинктивную радость от движения [7]. Структурировав накопленные за долгое время самостоятельной практики методы, М. Чейс разработала первые обучающие программы для танцевально-двигательных терапевтов уже в конце 1950-х гг. в США. Помимо М. Чейс активно продвигали танцевально-двигательную терапию в то время в США Т. Шуп, М. Уайтхаус, Л. Эспенак [8].

Опираясь на информацию из статьи Т.А. Шкурко «Танец как средство диагностики и коррекции отношений в группе», можно указывать на то, что наравне с американской, большой вес имела немецкая школа танцевальной психотерапии. На её развитие существенно повлияла Пина Бауш. Бауш говорила: «Меня не интересует, как люди движутся, но что движет людьми». Развитие ее сценической хореографии напоминало процесс танцевально-двигательной терапии, так как она задавала своим танцорам вопросы о различных темах и ситуациях, которые были им интуитивно актуальны, и побуждали их двигаться в ответ. Из этих импровизаций она выбирала материал, который, по ее мнению, представлял нечто совершенно новое и невиданное, а затем интегрировала это в развивающееся произведение [5].

Что же такое танцевально-двигательная терапия сейчас? Танцевально-двигательная терапия представляет особую технику телесно-ориентированной психотерапии, в которой используется танцевальное движение для развития физической, социальной и эмоциональной жизни индивида. Танцевально-двигательная терапия как форма психосомати-

ческого лечения ориентирована на выявление связей между психическими конфликтами и соматическими симптомами, а также на освобождение от психического и физического напряжения [8].

Для психолога танец может выполнять диагностическую функцию, так как является элементом спонтанного невербального поведения человека и может проявить скрытые психологические проблемы личности, проявить ее эмоциональное состояние, не выраженные переживания, вытесненные травмирующие события. Танцевальные паттерны, или повторяющиеся движения, могут служить пусковым механизмом процессов интерпретации в общении, вербализировав которые человек может осознать собственные глубинные переживания.

Задаваясь вопросом, как танцевально-двигательные практики могут являться средством самоактуализации, следует обратить внимание на работы по теме самоактуализации А. Маслоу.

Наибольшую известность Маслоу принесла его модель иерархии потребностей. В ней он выделяет пять «уровней» потребностей, подчеркивая, что эти потребности являются врожденными и универсальными для любого человека:

1. физиологические потребности (низший уровень);
2. потребности в безопасности;
3. потребности в любви, привязанности в принадлежности к определенной социальной группе;
4. потребность в уважении и признании;
5. потребность в самоактуализации [9].

В «Дальних пределах человеческой психики» А. Маслоу определяет [10] самоактуализацию как процесс испытания «предельных переживаний», как короткие эпизоды в жизни человека. Предельные переживания (peak experiences) – это переходные моменты самоактуализации, вершина человеческих переживаний, которые возникают при сильном чувстве любви, исключительной красоты, произведений искусства и т.п.; это обобщение лучших моментов человеческой жизни. Во время пикового переживания человек чувствует себя более цельным, он менее конфликтен, более целенаправлен, гармонично организован; он более ответственен, активен, является творческим началом своей собственной деятельности и своего восприятия, он чувствует себя абсолютно независимым, хозяином своей судьбы, «действующей силой».

По словам Маслоу музыка, ритмика и танцы могут вызывать предельные переживания, которые являются причиной внутренних изменений человека. По словам Маслоу и музыка, и ритмика, и танцы — это одни из путей движения к выявлению своей идентичности. Для людей с вакуумом переживаний (которые составляют трагически большую долю

населения), людей, не знающих, что происходит внутри них, и живущих по часам, расписаниям, правилам, законам, советам соседей, — для людей, управляемых другими, — музыка, ритмика и танцы представляют собой путь открытия своего Я. Открытие идентичности приходит через голоса внутренних побуждений, через способность слушать их, через реакцию на них и вообще через все, что происходит внутри нас [11].

Подводя итог, следует отметить, что танцевально-двигательная терапия может служить источником «предельных переживаний», а также путём движения к выявлению своей идентичности, что делает её актуальной невербальной терапевтической техникой. Также в данный момент установлено, что танцевально-двигательные практики действенны для пациентов с дополнительными потребностями. Практики основаны на различных современных теориях, которые целостно охватывают тело и психику человека.

На территории Республики Беларусь данное направление почти не представлено, однако, например, в соседствующих Польше и Литве танцевально-двигательная терапия стремится стать одной из ключевых форм психотерапии, которые могут применяться для разных пациентов в зависимости от их потребности, когда вербальная терапия не столь эффективна.

Библиографические ссылки

1. Козлова В. В., Гиришон А. Е., Веремеенко Н. И. Интегративная танцевально-двигательная терапия. Изд. 3-е, испр. СПб. : Скифия, 2022. 17 с.
2. Farris W., McNeill W. Keeping Together in Time: Dance and Drill in Human History // *American Historical Review. The Journal of Military History*. 1997. Vol. 102 (3). P. 775–776. DOI: 10.2307/2171512.
3. Berger M. Psychological Investigation on Human structural Dance // *Dynamic Psychology*. 1988. № 108/109. P. 128–157.
4. Сироткина И. Свободное движение и пластический танец в России. 2-е изд., испр. и доп. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 328 с.
5. Capello P. P. Dance as Our Source in Dance/Movement Therapy Education and Practice // *American Journal of Dance Therapy*. 2007. Vol. 29, №. 1. P. 37–50. DOI: 10.1007/s10465-006-9025-0.
6. Prakash N., Nagpal M. Marian Chace Foundation 2023 Lecture & Introduction from the 58th Annual American Dance Therapy Association Conference: Dance/Movement Therapy: Before, Between, Beyond Words; आत्मा (Ātma): A Journey; Denver, Colorado // *American journal of dance therapy*. 2023. Vol. 46, № 1. P. 88–102. — DOI: 10.1007/s10465-023-09384-7.
7. Жаворонкова И. А., Некрасов А. С. Танцевально-двигательная терапия // *Успехи современного естествознания*. 2005. № 5. С. 20–23. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=8434> (дата обращения: 12.04.2025).

8. Садыкова Д. А. Теоретические основы танцевально-двигательной терапии // *Studia Culturae*. 2014. № 20. С. 143–150. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24108539_83492715.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

9. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М. : Смысл, 2000. 120 с.

10. Мухтарова А. Х. Проблема самоактуализации личности в исследованиях зарубежных ученых // *Инновационная наука*. 2017. №8. С. 66-67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-samoaktualizatsii-lichnosti-v-issledovaniyah-zarubezhnyh-uchenyh/viewer> (дата обращения: 12.04.2025).

11. Maslow A. H. *The Farther Reaches of Human Nature*. Harmondsworth : Penguin, 1971. – 436 p.

ПРОКРАСТИНАЦИЯ КАК БАРЬЕР НА ПУТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В. В. Грудовик

*Белорусский государственный педагогический университет, ул. Советская, 18,
220050, г. Минск, Беларусь, vgrudovik0@gmail.com*

Научный руководитель – Ю. А. Полешук, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассматривается феномен прокрастинации как поведенческой склонности к систематическому откладыванию значимых задач, что приводит к негативным психоэмоциональным последствиям и препятствует личностному развитию. Особое внимание уделяется школьной среде, где данная проблема имеет массовое распространение. В заключении обосновывается необходимость формирования внутренней мотивации, развития саморегуляции и ответственности для эффективной борьбы с прокрастинацией и реализации личностного потенциала.

Ключевые слова: прокрастинация; самоактуализация; учащиеся; самоэффективность.

В современном социуме наблюдается устойчивая тенденция к росту актуальности феномена прокрастинации, понимаемой как поведенческая склонность к систематическому откладыванию значимых задач. Данная поведенческая модель детерминирует возникновение негативных последствий для индивида, оказывая деструктивное влияние на качество его жизни. Наиболее репрезентативная группа для изучения прокрастинации – молодежь, в особенности студенческая среда. Парадоксальным образом данный жизненный этап, характеризующийся максимальным потенциалом для личностного и профессионального развития, зачастую сопровождается упущением ключевых возможностей. Катализирующую роль в процессе самореализации индивида играют сформированная способность к саморегуляции, принятие ответственности за результаты деятельности, а также наличие устойчивой мотивации достижения, которая является когнитивно-поведенческим базисом для целеполагания и их последовательной реализации.

Термин «прокрастинация» появился в науке относительно недавно и всё ещё не обрёл единого определения. Психологи П. Стил и К. Лэй дают схожие определения, подразумевая под прокрастинацией добровольное иррациональное откладывание человеком своих запланированных действий, несмотря на то, что оно неизбежно приведёт к негативным последствиям [1].

Исходя из анализа взглядов различных авторов, можно выделить несколько главных особенностей феномена прокрастинации: 1) осознан-

ность – т. е. человек сознательно принимает решение избежать выполнения деятельности; 2) иррациональность – т. е. постоянный перенос задач на более поздний срок без разумных обоснований, приводящий, как правило, к негативным последствиям; 3) эмоциональные переживания – чувство внутреннего дискомфорта при откладывании деятельности, но неспособность совладать с собой и начать действовать [2]; 4) добросовестность; 5) импульсивность; 6) потребность в достижении цели; 7) склонность к скуке; 8) организованность [3].

В настоящее время проблема академической прокрастинации активно изучается в школьной среде, поскольку склонность откладывать выполнение заданий формируется уже в этот период. Согласно современным исследованиям, с регулярной прокрастинацией сталкиваются от 70 до 90% школьников. При этом около половины из них демонстрируют устойчивую модель избегающего поведения, что приводит к хроническим затруднениям в учёбе [1]. Такая массовая распространенность прокрастинации негативно сказывается на успеваемости, препятствует формированию ответственного отношения к учёбе и важных метапредметных навыков, а в дальнейшем может создать серьёзные трудности при переходе в высшие учебные заведения и адаптации к будущей профессиональной деятельности.

Школьники, подверженные прокрастинации, упускают множество возможностей для развития, тем самым оказываясь неспособными реализовать весь свой потенциал и добиться успехов. Однако стремление к развитию, самосовершенствованию и наиболее полному раскрытию своих способностей, согласно мнению представителей гуманистической психологии, является главным мотивом личности и обозначается термином «самоактуализация».

Таким образом, прокрастинация сопровождается комплексом негативных психоэмоциональных переживаний. Вместо ожидаемого облегчения, данное состояние порождает хроническое психофизиологическое напряжение и перманентную тревожность, источником которой является осознание индивидом невыполненных обязательств, подвергающихся постоянной отсрочке.

К. Гольдштейн считал, что в любом здоровом организме есть стремление к раскрытию своей сущности, и этот процесс неизбежно сопровождается преодолением препятствий внешнего мира. К. Роджерс говорил об самоактуализации как о направленности, присущей любому живому организму, что проявляется в стремлении к росту, созреванию, развитию. Оба автора видят в самоактуализации общебиологический субстрат личности [4].

В сфере саморазвития значительный интерес представляет мотивация достижения. Понятие «мотив достижения» было введено Г. Мюрреем в 1930-е годы, который определял его как «стремление преодолеть трудности, устанавливать высокие стандарты и превосходить как себя, так и окружающих» [5]. Позднее психолог Х. Хекхаузен охарактеризовал эту мотивацию как «желание человека развивать свои способности в тех сферах, где возможна объективная оценка успеха» [5].

Наряду с мотивацией достижения в психологии выделяется мотивация избегания, детерминированная преимущественно внешними факторами, такими как потенциальное наказание или социальное порицание. Доминирование одного из указанных типов мотивации детерминирует уровень личностного развития и успешности индивида.

При доминировании внешней мотивации избегания, деятельность субъекта сводится к выполнению социально предписанного минимума, необходимого для предотвращения негативных санкций. В противоположность этому, самоактуализация как высший уровень личностного развития возможна лишь при условии преобладания внутренней мотивации достижения. В данном случае активность индивида инициируется стремлением к самосовершенствованию, что проявляется в постановке новых целей и освоении новых видов деятельности при минимальном влиянии внешних детерминант.

На появление прокрастинации также влияют способность человека брать ответственность за свои действия, уровень саморегуляции и самоорганизации. Многие современные исследования посвящены изучению индивидуально-личностных особенностей, способствующих появлению прокрастинации. Ряд исследований указывает на то, что для прокрастинаторов характерна низкая самооценка и негативное самоотношение. Помимо этого, выявлено, что прокрастинаторы обладают низким уровнем удовлетворённости жизнью, а также редко чувствуют себя счастливыми.

Широко изучается связь прокрастинации с мотивацией достижения. Результаты исследований показывают, что у учащихся с высокой мотивацией достижения обнаруживается низкая склонность к откладыванию дел, тогда как у учащихся с ведущей мотивацией избегания тенденция к откладыванию выражена на среднем и высоком уровнях.

Таким образом, прокрастинация представляет собой комплексный психологический феномен, характеризующийся осознанным и иррациональным откладыванием задач, что приводит к негативным психоэмоциональным последствиям и препятствует личностному развитию. Ее возникновение и устойчивость напрямую связаны с системой мотивации индивида: доминирование мотивации избегания, направленной на

предотвращение неудач, способствует формированию прокрастинационного поведения. В противоположность этому, мотивация достижения, основанная на внутреннем стремлении к самоактуализации и росту, выступает ключевым фактором преодоления прокрастинации. Следовательно, эффективная борьба с прокрастинацией в студенческой и школьной среде должна быть направлена на формирование внутренней мотивации, развитие навыков саморегуляции и ответственности, что создает когнитивно-поведенческую основу для продуктивной деятельности и полноценной реализации личностного потенциала.

Библиографические ссылки

1. Вольнич, Я. С., Яценко, Т. Е. Прокрастинация как психологический феномен современного общества // Молодёжь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии. 2017. № 2. С. 22–26.

2. Лингурарь, А. В. Прокрастинация как психологическая проблема // Психология и педагогика образования будущего: материалы Международной заочной научно-практической конференции / под ред. Е. В. Карповой. Ярославль: Издательство Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, 2017. С. 115–118.

3. Steel P., Klingsieck K. B. Academic procrastination: Psychological antecedents revisited // Aust Psychologist. 2016. № 51 (1). P. 36–46.

4. Эйгелис Г. В., Пальмова М. С. Факторы, влияющие на процесс самоактуализации личности в профессиональной деятельности // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2016. № 4 (12). С. 80–83.

5. Сулова, А. С., Линденбой, А. А. Мотивация достижения успеха у студентов ВУЗов // Мотивация и рефлексия личности: актуальные вопросы теории и практики: сборник научных трудов / под ред. Е. Н. Ткач. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2020. С. 277–281.

ОСОБЕННОСТИ ПРОГНОСТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

В. И. Карпенко, Т. А. Станкевич

*Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка,
ул. Советская, 18. 220030, г. Минск, Беларусь, vika.alegre@gmail.com
Научный руководитель — Ю. А. Полещук, кандидат психологических наук, доцент*

Исследование направлено на изучение прогностических способностей студентов — их умения прогнозировать результаты учебной деятельности, оценивать риски и принимать решения на основе анализа текущих и будущих условий. Эмпирическая часть работы включает данные по двум методикам, проведенных среди студентов различных направлений подготовки. Используются методы статистического анализа. Практическая значимость исследования заключается в рекомендациях по интеграции в образовательные программы мероприятий, для развития прогностических способностей.

Ключевые слова: прогностические способности; студенты; студенты-психологи; университет.

Деятельностный подход к изучению антиципации описан в исследованиях отечественных психологов: Б. Ф. Ломова, Е. Н. Суркова, А. В. Брушлинского, А.Г. Асмолова, А. К. Осницкого, Л. А. Регуш. Авторы пытаются раскрыть феномен прогнозирования через категориальный аппарат и объяснительные принципы теории деятельности.

В данной работе, при изучении прогностических способностей, мы будем опираться на подход, предложенный Л. А. Регуш, которая рассматривает прогнозирование как познавательную способность, включающую в себя совокупность качеств познавательных процессов субъекта, определяющую успешность прогнозирования в любой деятельности, в том числе и в прогностической. Она считает, что способность к прогнозированию может выступать и как общая, и как специальная способность. Общей она является в том смысле, что включена в любую деятельность, является ее обязательной составляющей. Специальной способностью прогнозирование выступает как деятельность, целью которой является построение прогноза [1].

Из выше сказанного, можно отметить, что прогностические способности позволяют личности решать целый ряд задач. Например, справляться с интеллектуальными задачами, строить коммуникации, адаптироваться к различным ситуациям, управлять своим временем и другие. Особое место отводится прогностическим способностям в процессе профессионального развития. Сделать профессиональный выбор — это уже значит спрогнозировать возможные линии развития собственного будущего.

Целью эмпирического исследования является изучение способности к прогнозированию у студентов 1,2,4 курсов, обучающихся в Институте психологии, БГПУ им. М. Танка.

Для исследования были использованы следующие методики: методика «Способность к речемыслительному прогнозированию» Л.А.Регуш, методика «Тест антиципационной состоятельности» В.Д.Менделевича.

Полученные данные по методике «Способность к речемыслительному прогнозированию» Л.А.Регуш демонстрируют динамику развития студентов. Показатели 1-го курса: высоким уровнем преобладает 9 человек (30%), средним уровнем преобладает 19 человек (63,33%) и низким уровнем преобладает 2 человека (6,67%). Показатели 2-го курса: высоким уровнем преобладает 16 человек (53,33%), средним уровнем преобладает 12 человек (40%) и низким уровнем преобладает тоже 2 человека (6,67%). Показатели 4-го курса: высоким уровнем преобладает 7 человек (23,33%), средним уровнем преобладает 14 человек (46,67%) и низким уровнем преобладает 9 человек (30%).

Таким образом, анализ данных показывает, что у студентов 2 курса наблюдается наибольший процент высокого уровня речемыслительного прогнозирования (53,33%) по сравнению с 1 курсом, однако у 4 курса уровень прогнозирования, наоборот, снижается. Это может говорить о влиянии нескольких факторов, негативно оказывающих на развитие прогностических способностей. Во-первых, огромный объем информации требует значительных когнитивных ресурсов, что может приводить к перегрузке и снижению эффективности прогностических способностей. Во-вторых на данном этапе обучения многие студенты сталкиваются с изменением мотивации: написание диплома или будущее связанное после выпуска из университета.

Полученные данные в ходе исследования по методике «Тест антиципационной состоятельности» В.Д.Менделевича указывает на следующие показатели: 1 и 2 курс по шкале личностно-ситуативной антиципации составляет (66,67%), который говорит нам о высоком уровне прогнозирования жизненных сценариев, у 4-го курса показатель (50%), что говорит о достаточном уровне прогнозирования жизненных сценариев. По шкале пространственной антиципации у 1 курса (36,67%) и 2 курса (33,33%) схожие результаты, которые указывают на двигательную антиципационную несостоятельность. У 4 курса (46,67%) показатели выше, но также составляют в общую картину двигательную антиципационную несостоятельность. Это указывает на динамику между 1,2 курсом и 4 курсом, но стоит развивать дальше способность прогнозировать движения в пространстве. По шкале временной антиципации 1 и 2 курса (33,33%) и у 4 курса (43,33%), эти показатели указывают на хроно-ритмологическую антиципационную несостоятельность и наибольшую динамику, следовательно у 1,2 и 4 курса слабо развита способность адаптироваться к временным событиям и действиям, что приводит к снижению прогнозира-

ния. По шкале общей антиципационной состоятельности у 1 курса (76,67%), у 2 курса (90%) и у 4 курса (70%), наблюдается рост на 2 курсе (90%) этот показатель значительно выше, чем на 1 и 4 курсе. Возможно, студенты 2 курса более активно развивают способности к прогнозированию, так как находятся в периоде активного формирования навыков и адаптации к учебному процессу. Снижение уровня антиципации у 4 курса может быть связана с переключением внимания на конкретные задачи и профессиональные перспективы.

В ходе исследования был применен непараметрический Н-критерий Краскела-Уоллиса по методике «Способность к речемыслительному прогнозированию» Л.А.Регуш и по методике «Тест антиципационной состоятельности» В.Д.Менделевича. В данном исследовании сравниваются курсы (1,2 и 4) по уровню речемыслительного прогнозирования.

Анализ динамики речемыслительного прогнозирования среди студентов разных курсов показал статистически значимые различия ($H=10,46$; $p=0,0054$). Получив средние ранги: 1 курс-44,98; 2 курс-56,57; 3 курс- 34,95 можно сделать вывод, что максимальное значение выявлено у студентов 2 курса, что свидетельствует о наиболее интенсивном развитии способности на этапе обучения. Развитие речемыслительного прогнозирования имеет неравномерную динамику и достигает высокого уровня на 2 курсе. Дальнейшее снижение на поздних этапах обучения может быть обусловлено различными оказывающими влияние факторами.

Анализ динамики антиципационной состоятельности среди студентов разных курсов. Шкала антиципационной состоятельности получив значение критерия $H=0,7427$, $p=0,6898$ указывает об отсутствии статистически значимых различий между курсами. Средние ранги 1-го (46,83), 2-го (47,50) и 4-го (42,17) курса практически идентичны, что указывает на стабильность антиципационной способности в течение обучения. Шкала личностно-ситуативной антиципации получив значение $H=6,0013$, $p=0,0498$ указывает на статистические различия между курсами. Студенты 1(50,45) и 2 (50,08) курса показывают схожие результаты, что указывает на стабильный уровень личностного прогнозирования, студенты 4 курса (35,97) демонстрирует снижение показателя, может быть связано с профессиональными перспективами. Шкала пространственной антиципации получив значение критерия $H = 0,0709$, $p = 0,9651$ указывает на отсутствие значимых различий между курсами. Средние ранги 1-го (46,52), 2-го (45,17) и 4-го (44,82) курса практически идентичны, что подтверждает стабильность пространственного прогнозирования. Шкала временной антиципации получив значение критерия $H = 3,3493$, $p = 0,8458$ также свидетельствует о незначительных различиях между группами. Средние ранги 1-го (44,05), 2-го (44,73) и 4-го (47,72) курса находятся в одном диапазоне, что указывает на равномерное развитие временного прогнозирования в процессе обучения.

Проведенное исследование выявило неравномерную динамику развития речемышлительного прогнозирования и антиципационной состоятельности у студентов разных курсов. Наибольший прогресс наблюдается у студентов 2-го курса (53,33% высокого уровня), что может быть связано с активной адаптацией к учебному процессу и интенсивным развитием когнитивных навыков.

К 4-му курсу уровень значительно снижается (23,33% высокого уровня), вероятно, из-за когнитивной перегрузки, снижения мотивации (фокус на диплом, профессиональные перспективы) и перераспределения ресурсов на решение конкретных задач.

Личностно-ситуативная антиципация снижается к 4-му курсу (50% против 66,67% у 1–2 курсов), что связано с переходом от учебной деятельности к профессиональной самореализации. Пространственная и временная антиципация остаются слабыми у всех курсов (двигательная и хроноритмологическая несостоятельность), требуя целенаправленного развития. Общая антиципационная состоятельность достигает пика на 2-м курсе (90%), но снижается к 4-му (70%), что коррелирует с динамикой речемышлительного прогнозирования.

Из полученных результатов были сформированы следующие рекомендации:

- Для студентов старших курсов важно внедрять методы, снижающие когнитивную нагрузку и поддерживающие мотивацию (например, тренинги тайм-менеджмента, психологическая поддержка).

- Необходимо развивать пространственную и временную антиципацию через практико-ориентированные задания, симуляции реальных профессиональных сценариев.

- Учебные программы 4-го курса следует адаптировать с учетом необходимости сохранения и применения прогностических навыков в контексте профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Регуш Л. А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. Санкт-Петербург : Речь, 2003. 352 с.

2. *Бехтер А. А.* Прогнозирование в работе психолога: возможности диагностики и развития: учеб.-метод. пособие. Хабаровск: Издательство: Тихоокеанского государственного университета. 2017. 72 с.

3. *Потапова М. Г.* Развитие прогностических способностей как условие профессионального самоопределения личности в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд.псих.наук.:19.00.13 / Потапова Марина Геннадьевна; Астрахан. гос. техн. ун-т, 2006. 196 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И СЕКСУАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ ЛИЧНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. П. Коменда

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, irinakomenda@gmail.com
Научный руководитель — А.С.Солодухо, кандидат психологических наук, доцент*

В статье анализируются концепции, положенные в основу проводимого исследования по установлению содержательных характеристик взаимосвязи ценностных ориентаций и сексуального профиля личности. Обосновывается целесообразность изучения ценностной и сексуальной сфер.

Ключевые слова: ценности; ценностные ориентации; сексуальный профиль личности; сексуальное поведение; методологические основания.

Изменения и преобразования, постоянно происходящие в обществе, ведут к неперенной переоценке ценностей. Данный процесс закономерен и неизбежен. Все то, что когда-то считалось значимым, может утратить первостепенную ценность, уступая место другим ориентирам, которые будут наделяться великим значением. Очевидно, что переосмысление общественных ценностей обуславливает трансформацию ценностных ориентаций отдельной личности, что, с точки зрения психологии, которая, рассматривая проблему ценностных ориентаций, сфокусирована в большей степени на личности, на субъективном отношении человека к ценностям, является важным и нуждающимся в детальном рассмотрении. Следовательно, изучение ценностей и ценностных ориентаций, которые уже немало исследованы как философами, социологами, так и психологами, не утратило своей актуальности и, на наш взгляд, будет востребовано и приоритетно в дальнейшем.

Исходя из понимания того, что ценностные ориентации лежат в основе нравственного выбора человека, влияют на его взгляды, определяют его поступки, а также являются регулятором его действий, немаловажным является их рассмотрение во взаимосвязи с разными формами поведения человека, к примеру, с сексуальным поведением, так как данная область в последнее время переживает существенные изменения. Учитывая важность и актуальность затронутой тематики, нами было инициировано исследование, в основу которого легла взаимосвязь ценностной и сексуальной сфер. Цель нашего исследования – охарактеризовать взаимосвязь ценностных ориентаций и сексуального профиля личности.

Под ценностными ориентациями мы понимаем субъективно значимые для человека жизненные принципы, которые определяют его поступки и отражают уровень нравственного развития, а сексуальный профиль личности мы трактуем, как набор психологических и поведенческих характеристик, определяющих типичные формы сексуального поведения, включая нравственные установки, мотивацию, эмоциональные реакции и конкретные действия.

В качестве методологических оснований проводимого нами исследования были определены: концепция ценностных ориентаций М. Рокича, в соответствии с которой ценности, формирующиеся в обществе и обществом, оказывают непосредственное влияние на поведение и установки индивида [2]; тривиумальная концепция сексуального развития (С.Т. Агарков, Е.А. Кащенко), согласно которой сексуальное развитие определяется взаимодействием биологического, психологического и социального факторов; социокультурная концепция сексуальности, представителями которой являются И.С. Кон, Г.С. Васильченко, рассматривающая сексуальное поведение в широком спектре его проявления и утверждающая, что на формирование определенного сексуального поведения оказывают воздействия общество, культура и исторические процессы [1].

Проследить взаимосвязь ценностной сферы и сексуального профиля личности, доказав тем самым необходимость проведения эмпирического исследования, допустимо, как мы полагаем, в том числе анализируя концепции, взятые нами за основу. Следовательно, целесообразно рассмотреть их чуть подробнее.

Относительно тривиумальной концепции сексуального развития, отметит, что признавая роль физиологической составляющей (половая конституция, гормональная составляющая и т. д.), мы делаем акцент на психологические и социальные факторы. Таким образом, данный подход является важным, но не ведущим в нашем исследовании.

Останавливаясь на социокультурной концепции сексуальности, интерес представляет позиция, согласно которой имеющийся уровень сексуальной культуры личности определяет, насколько она адаптивна к изменениям, как происходит ее дальнейшее формирование в процессе различных форм половой социализации. Из чего является очевидным, что чем более развита сексуальная культура индивида, тем более осознанно он воспринимает изменения в обществе в сфере секса, легко усваивает новые веяния, ответственно подходит к демонстрации сексуальности и грамотно регулирует свое сексуальное поведение. Незрелость же ведет к непониманию происходящего, нежеланию принять изменения, сложности и, в ряде ситуаций, невозможности адаптации в трансформирующейся среде. Примером тому может служить табуирование темы секса, то есть

проще не принять, чем рационально взглянуть на перемены. Тут, не лишним будет отметить, что социализация может быть бессильна, если прочны установки.

Особую важность для установления заявленной нами взаимосвязи, представляет концепция М. Рокича. Согласно американскому психологу, все люди обладают одинаковыми ценностями, число которых невелико. Есть 18 ценностей-целей (терминальные ценности), к которым стремятся люди (к примеру, здоровье, развитие, любовь, материально обеспеченная жизнь и т. д.), и есть 18 ценностей-средств (инструментальные ценности) – способы, которые выбирают люди для достижения желаемого (например, воспитанность, образованность, независимость, честность и др.). Несмотря на малое количество этих ценностей, их комбинации могут варьироваться бесконечно, выстраиваясь у отдельной личности в свою иерархию. Отсюда, у каждого человека, в зависимости от его ценностных приоритетов, есть своя система ценностей, которая определяет, как мы себя ведем, взаимодействуем с другими, оцениваем себя и окружающих, оправдываем, презентуем, сравниваем себя с другими. Кроме того, она задает наши интересы, позиции, взгляды и, что немаловажно, сохраняет нашу самооценку, а также повышает ее, насколько это возможно [2].

Устойчивость системы ценностей определяется тем, насколько осознаваема индивидом иерархическая структура его взаимосвязанных ценностей. Стабильная ценностная иерархия – это результат удовлетворенности собой [2].

Рассмотрев через призму концепций две составляющие – ценностные ориентации и сексуальную сферу личности, теоретически обоснуем их взаимосвязь. Поскольку ценности рассматриваются как основа, определяющая установки и поведение людей, смеем полагать, что при непротиворечивой и прочной системе ценностей, о чем, в принципе, и говорил М. Рокич, человек находится в гармонии с собой, окружающим миром и, как следствие, его поведение и установки рациональны и нормативны. Недостаточная дифференциация структуры ценностей, характеризующаяся низкой иерархичностью, когда человек затрудняется ответить, что для него приоритетней, размытостью – непониманием либо слабым осознанием ценностей, противоречивостью – наличием конфликтующих между собой ценностей в одной системе, а также излишней лабильностью – это основание говорить о дисфункциональном поведении [2]. Сексуальный профиль, представляющий собой устойчивую систему паттернов сексуального поведения, формируется не изолированно, а через сложное взаимодействие с социокультурным контекстом, включающим систему ценностей. Отсюда, вполне закономерно, что модели сексуальной дисгармонии черпают себя из «проблемной» ценностной системы личности.

На основании сказанного выше, мы склоняемся к тому, что всеобъемлющая ценностная система общества, затрагивая все сферы человеческой деятельности, задает направленность сексуальным проявлениям, табуируя одни поведенческие паттерны и масштабируя другие, определяя правильную и приемлемую для общества сексуальную культуру, выставляя грани дозволенного и допустимого. А на основе общественного мнения выстраиваются ценностные ориентации личности, впитывающие в себя воспитание, образование, размышления и личный опыт. То есть сексуальное поведение личности определяется ценностями общества, на которые накладывают отпечаток семейные традиции в сочетании с позитивным и негативным опытом сексуальной социализации.

Сфера секса сложна и противоречива. Культивируя запреты, порождаются протесты, культивируя чрезмерную дозволенность, общество допускает распушенность. Это демонстрирует важность изучения ценностных ориентаций во взаимосвязи с сексуальным профилем личности, необходимость эмпирического исследования данной сферы, что впоследствии повысит эффективность оказываемой помощи клиентам, страдающим от сексуальных дисгармоний, улучшит качество их сексуальной жизни, а также может быть применимо в психокоррекционной работе.

Таким образом, можно заключить, что концепт ценности, выполняющий связующую роль между общественным и индивидуальным, обладает особым и беспрецедентным объяснительным потенциалом, что соответствует позиции М. Рокича [2].

Библиографические ссылки

1. *Кащенко Е. А., Агарков С. Т.* Сексуальность в цивилизации: социогенез сексуальности. Екатеринбург : Изд. решения, 2019.
2. *Rokeach M., Regan J. F.* The Role of Values in the Counseling Situation // The Personnel and Guidance Journal. 1980. Vol. 58, iss. 9. P. 576–582.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ И ЧЕРТ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ У СТУДЕНТОВ

Е. Д. Кулик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, liz89593@gmail.com
Научный руководитель — Е. В. Столярская, кандидат социологических наук*

В последнее время в психологии наблюдается повышенное внимание к изучению когнитивной сферы личности, в том числе к изучению когнитивных искажений—систематических ошибок в мышлении индивида. Исследование когнитивных процессов у личностей с выраженными чертами Темной триады не так часто сопровождается их содержательным соотношением со спецификой собственно познавательной и творческой деятельности. В данной статье мы осветим проблему взаимосвязи когнитивных искажений и черт Темной триады у студентов.

Ключевые слова: когнитивные искажения; черты Темной триады.

Термин «когнитивные искажения» ввели ученые Даниэл Канеман и Амос Тверски после проведения своих экспериментов в 1972 году. Они сумели выявить несколько способов мышления, когда люди принимали решение, отличное от теории рационального выбора. Появление когнитивных искажений связано с нейрофизиологией мозга, с эволюционным развитием человеческого мышления и его познавательных способностей, поэтому так важно разбираться в видах когнитивных искажений, ведь так совершаемый нами прогресс будет более заметным. Изучать эту тему необходимо для того, чтобы научиться замечать и контролировать появление искажений в нашем мышлении до того, как они начнут контролировать наше поведение. Некоторые когнитивные искажения даже могут быть полезны: они могут помогать нам быстрее принимать определенные решения, когда это необходимо и способствовать более высокому уровню продуктивности и эффективности работы человека. А некоторые могут носить и разрушительный характер, приводить к тревожности, стрессу и депрессии. В своих трудах об этом подробно писали два видных эксперта в области психотерапии Аарон Бек и Дэвид Бернс.

Термин «темная триада» появился в 2002 году и ввели его психологи и исследователи профессор Дэлрой Л. Полхус (Delroy L. Paulhus) и Кевин Уильямс (Kevin Williams). Они использовали его для обозначения трех взаимосвязанных, но независимых черт личности — нарциссизма, макиавеллизма и психопатии. Полхус и Уильямс стремились выделить эти черты как группу, объединенную общими деструктивными качествами, но отличающуюся от клинических расстройств.

Изучение черт Темной триады важно для понимания того, как личности с такими чертами социализируются и проявляют себя в обществе.

Например, такие индивиды могут создавать напряжение в коллективе, манипулировать другими для достижения собственных целей или использовать свою власть и свой статус в личных интересах. Когнитивные искажения играют важную роль в восприятии и интерпретации информации. Они могут усиливать дезадаптивные поведенческие паттерны, что делает важным их исследование в контексте Темной триады.

Личности с высокой степенью выраженности черт Темной триады чаще, чем остальные, имеют склонность к искажению реальности, что может влиять на их взаимодействие с окружающими и поведение в социуме. Такие личности часто имеют сложности с социальной адаптацией, а их поведение зачастую может являться деструктивным, манипулятивным и конфликтным. Понимание взаимосвязи когнитивных искажений и черт Темной триады имеет высокий уровень практической значимости для психотерапевтов, психологов и социальных работников. Это знание поможет разработать более эффективные методы психокоррекции, психотерапии и психологического консультирования и повысить уровень осознанности клиентов. Таким образом, чтобы избежать неправильных умозаключений и их неприятных последствий, необходимо понимать, как работает мозг и какие когнитивные искажения влияют на наше мышление, а соответственно и поведение.

Непосредственно взаимосвязь когнитивных искажений и черт Темной триады изучалась не так уж часто. Данное исследование помогло нам выявить уникальные особенности работы мышления у людей с выраженными чертами Темной триады, а соответственно на более глубоком уровне начать понимать то, почему такие личности действуют тем или иным образом. Тот факт, что личностям с высоким уровнем выраженности разных черт Темной триады характерны разные ошибки в мышлении, может стать полем для дальнейших исследований когнитивной сферы личности.

Мы предположили, что существует взаимосвязь между когнитивными ошибками (искажениями) и чертами Темной триады у студентов: у студентов с выраженным нарциссизмом будут присутствовать такие когнитивные искажения как персонализация и максимализм, у студентов с выраженным макиавеллизмом будут присутствовать такие когнитивные искажения как упрямство и морализация, а у студентов с выраженной психопатией будут присутствовать такие когнитивные искажения как чтение мыслей и персонализация.

В исследовании приняли участие 65 студентов различных специальностей белорусских университетов (32 девушки и 33 юноши от 18 до 27 лет). Полученные данные подверглись статистической обработке с помощью пакета статистических программ SPSS Statistics v. 27 с использованием описательных статистик и корреляционного анализа с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Проведенное исследование показало, что для большинства студентов характерен высокий уровень выраженности таких когнитивных искажений как персонализация и чтение мыслей и низкий уровень выраженности таких когнитивных искажений как упрямство и гипернормативность. Остальные когнитивные искажения низкие примерно у половины студентов и высокие примерно у половины студентов (от 40 до 60%).

У 75% студентов высокий уровень выраженности персонализации, у 80% студентов высокий уровень выраженности чтения мыслей, у 88% студентов низкий уровень выраженности упрямства, у 71% студентов низкий уровень выраженности гипернормативности. Высокий нарциссизм отмечен лишь у 12% студентов: они склонны переоценивать свою значимость и постоянно доказывать превосходство. Высокий макиавеллизм выявлен у 18%, а высокая психопатия — у 17%. В отличие от нарциссов, эти студенты нацелены на реальные достижения, а не на подпитку самооценки. Главное различие между макиавеллизмом и психопатией — в импульсивности. Макиавеллисты просчитывают шаги, ориентируются на долгосрочные цели и скрывают безразличие к окружающим, чтобы сохранить доверие для манипуляций. Психопаты же действуют спонтанно, проявляют высокомерие, открыто игнорируют чужие проблемы и склонны к агрессии, включая физическую. Поскольку средний уровень макиавеллизма у студентов встречается чаще, чем средний уровень психопатии, можно заключить, что импульсивность большинству из них не свойственна.

В результате статистического анализа полученных данных было обнаружено, что существует отрицательная взаимосвязь нарциссизма с выученной беспомощностью и преувеличением опасности ($r_s = -0,297$ при $p = 0,16$ и $r_s = -0,318$ при $p = 0,10$), а также была обнаружена положительная взаимосвязь психопатии с максимализмом ($r_s = 0,310$ при $p = 0,012$).

Анализ взаимосвязи когнитивных искажений и черт темной триады позволил сделать вывод, что:

- студенты, у которых не выражен нарциссизм, не только не обладают такими качествами как грандиозное чувство значимости; поглощенность фантазиями; вера в собственную уникальность; потребность в постоянном внимании и восхищении; ожидание особого отношения; манипуляции в межличностных отношениях; дефицит эмпатии; сверхзанятость чувством зависти; дерзкое, заносчивое поведение, но и характеризуются повторяющимся очевидным обесцениванием своих возможностей, положения и достижений, стремлением к поиску защиты и покровительства, декларированием своей слабости, беспомощностью как оправданием неудач и нежеланием активно преодолевать имеющиеся затруднения, а также самоограничением и повышенным самоконтролем со ссылками на многочисленные или преувеличенные опасности, небла-

гоприятные обстоятельства и/или недоброжелательное отношение и избегающей осторожностью и пассивностью.

- студенты, у которых высокий уровень психопатии, характеризуются не только тотальностью патологических черт характера, относительной стабильностью их проявлений в течение жизни и социальной дезадаптированностью, но и негибкостью суждений, преобладанием эгоцентрических защитных суждений и бездействия, склонностью явно или скрыто оспаривать мнение и предложения других людей «из принципа», отождествляя себя с предметом спора, а также крайностью в суждениях, тенденцией преувеличивать свои достижения и упрекать окружающих в их недооценке, комплексом Золушки (фрустрация ожиданий восхищения как награды за трудолюбие и безупречность), обесцениванием других за лень и необязательность.

Итоги исследования показали, что наше предположение не подтвердилось. Это может объясняться преобладанием студентов с низким уровнем выраженности черт Темной триады в выборке, что затруднило проявление взаимосвязей, а также различиями между типами нарциссизма — грандиозным и уязвимым. Грандиозные нарциссы энергичны, оптимистичны, с высокой самооценкой и склонностью использовать других, тогда как уязвимые чувствительны к угрозам, склонны к тревоге и негативным эмоциям. Их гиперчувствительность и неоправданные ожидания ведут к социальной изоляции, стыду, депрессии, гневу и вспышкам ярости. Грандиозные нарциссы часто игнорируют негатив, что снижает вероятность персонализации, а максимализм смягчается идеализацией себя, уменьшая чувствительность к критике. Это открывает перспективы для дальнейших исследований с разделением типов нарциссизма и увеличением выборки студентов с высоким нарциссизмом.

Связи между макиавеллизмом и морализацией и упрямством не найдено. Макиавеллисты относятся к морали инструментально, соблюдая нормы только ради выгоды, руководствуются личными интересами и не характеризуются ригидностью мышления и поведения.

Связи между психопатией и чтением мыслей или персонализацией также не обнаружено. Чтение мыслей требует внимания к чужим намерениям, но психопаты рефлексиируют о других только для манипуляций. Персонализация предполагает принятие критики на свой счет, тогда как психопаты склонны винить окружающих или обстоятельства, обладая внешним локусом контроля.

Значимых различий в итоговой корреляции у юношей и девушек выявлено не было.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ВОЛЕВАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ У ПРОГРАММИСТОВ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Д. В. Рынденко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, lnkend8964@gmail.com
Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель*

В статье представлены результаты анализа ценностных ориентаций и волевой саморегуляции у программистов с различной степенью эмоционального выгорания. Установлено, что при усилении выгорания волевая саморегуляция снижается, в то время как ранее доминирующие ценностные ориентации на самостоятельность, конформность и получение новых впечатлений пересматриваются в пользу безопасности, стабильности и власти, как желания установить контроль над своей жизнью.

Ключевые слова: ценностные ориентации; волевая саморегуляция; эмоциональное выгорание; программисты.

В современном обществе программисты являются одной из самых востребованных профессий. В условиях постоянных когнитивных нагрузок, жестких дедлайнов и необходимости быстро осваивать новые технологии, способность сознательно управлять своими действиями и состояниями становится критически важным профессиональным ресурсом. Поэтому повышенные требования предъявляются к механизмам их **волевой саморегуляции** (воздействие на себя с помощью слов и образов в целях управления своей деятельностью, своим психическим состоянием и развитием своих свойств, умений и навыков) [2].

Особенностью профессиональной деятельности программистов является выраженный когнитивный компонент работы, который, согласно О.И. Муравьевой и М. Каракулова, приводит к специфической форме выгорания с доминированием редукции профессиональных достижений [1, 3]. При этом ценностные ориентации выступают важным регулятором волевой активности, помогая преодолевать возникающие трудности.

Ценностные ориентации – это система приоритетных ценностей и убеждений личности, которая направляет ее поведение, решения и профессиональный путь. [4]. В контексте программирования, ценностные ориентации могут проявляться в стремлении к постоянному обучению, приверженности командной работе или, напротив, в предпочтении независимой разработки. Устойчивая система ценностей может способствовать снижению уровня **эмоционального выгорания** в условиях многоза-

дачности и повысить мотивацию к преодолению профессиональных вызовов.

Исследование. Выборка исследования представлена 67 белорусскими программистами различных направленностей. Возраст респондентов варьировался от 19 до 46 лет (средний возраст – 25,3 лет). Половой состав выборки – 41 мужчина и 26 женщин.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью:

- 1) опросника «Профессиональное выгорание» (ПВ) Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой, созданной на основе методики МБИ К. Маслач и С. Джексона;
- 2) «Опросника волевого самоконтроля» А.В. Зверькова и Е.В. Эйсмана;
- 3) опросника «Профиль личности» Ш. Шварца в адаптации В.Н. Карандашева.

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке в пакете SPSS Statistics (критерии Краскела-Уоллиса и Фишера).

По степени эмоционального выгорания выборка подразделялась на три группы: с низкой и средней – у 28 респондентов (41,8 %), с высокой – у 23 респондентов (34,3 %) и крайне высокая – у 16 респондентов (23,9 %).

Высокая степень выгорания может быть связана с особенностями работы, требующей постоянной концентрации, решения сложных задач и преодоления множества стрессовых факторов. Также способствуют выгоранию жесткие дедлайны, необходимость быстро осваивать новые технологии и исправлять ошибки, которые могут иметь серьезные последствия. Нельзя не отметить влияние многочасового нахождения за компьютером, монотонности задач и отсутствие четкого разделения между профессиональной деятельностью и личной жизнью, особенно при удаленном формате работы.

Анализ средних значений шкал волевой саморегуляции у программистов в разрезе степени выгорания представлен на рисунке 1.

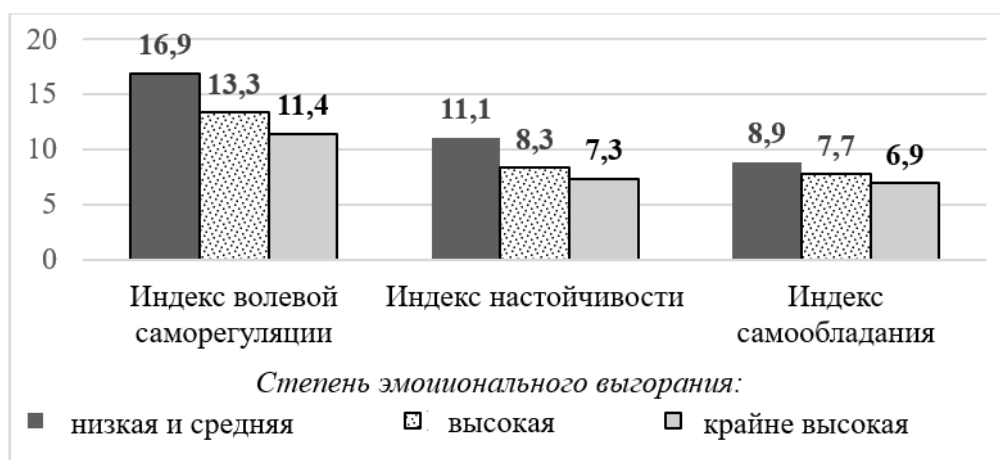

Рис. 1. Средние значения шкал волевой саморегуляции у программистов с различной степенью эмоционального выгорания

Можно отметить, что с увеличением степени эмоционального выгорания, все шкалы волевой саморегуляции демонстрируют снижение значений. Особенно выражено падение по шкалам волевой саморегуляции и настойчивости, где уровень снижается с высокого до среднего.

Выявлены достоверные различия в выраженности *индекса самообладания* между группами программистов с низкой и средней степенью выгорания и с крайне высокой степенью ($p=0,029$). Также статистически значимые различия между «выгоревшими» и «невыгоревшими» программистами выявлены в выраженности *индексов волевой саморегуляции* ($p<0,01$) и *настойчивости* ($p<0,01$). Высокая степень эмоционального выгорания сопровождается сильной усталостью и затруднениями в части волевой регуляции. Со временем напряжение накапливается, снижая мотивацию, а ранее интересные задачи начинают вызывать раздражение.

Для более глубокого понимания сущности эмоционального выгорания у программистов следует проанализировать структуру их ценностно-смысловой сферы (рисунок 2).

Рис. 2. Средние значения ценностных ориентаций у программистов с различной степенью эмоционального выгорания

Как следует из рисунка 2, по мере усиления эмоционального выгорания отмечается снижение средних значений некоторых ценностных

ориентаций программистов. Так, при увеличении выгорания значительно снижается выраженность таких ценностных ориентаций, как: самостоятельность, стимуляция, конформность, универсализм, власть и приверженность традициям. Мотивация к достижениям в работе, интерес к развитию у «выгорающих» программистов ослабевают, что сопряжено с изменением их жизненных смыслов.

В ходе анализа выявлены статистически значимые различия между «выгоревшими» и «невыгоревшими» программистами по следующим ценностным ориентациям:

- **самостоятельность** ($F=4,347$, $p=0,017$);
- **универсализм** ($F=4,453$, $p=0,015$);
- **стимуляция** ($F=4,480$, $p=0,015$);
- **конформность** ($H=10,431$, $p=0,005$);

При низкой и средней степенях эмоционального выгорания абсолютным приоритетом остается самостоятельность, что отражает классический портрет IT-специалиста: креативного, независимого и ориентированного на решение сложных задач. В этом состоянии стимуляция универсализм, и конформность играют роль поддерживающих ценностей, создавая баланс между жаждой новизны и адаптацией к корпоративным нормам.

При повышении степени выгорания картина резко меняется: происходит пересмотр весомости каждой ценности, их выраженность примерно сравнивается. На первый план выходят самостоятельность, безопасность и власть, сигнализируя о нежелании достигать «чужие», ранее значимые цели [5]. Стремление к безопасности и стабильности сопровождается потребностью в опоре и ценность самостоятельности начинает терять свою актуальность, при этом снижается стремление к инновациям и нестандартным подходам к решению задач. Ориентация на власть и достижения также снижается, что может означать нивелирование статусных амбиций и социального одобрения в состоянии стресса.

Таким образом, с усилением эмоционального выгорания у программистов наблюдается не только истощение волевых ресурсов, но и серьезная трансформация системы ценностей: от стремления к самостоятельности, конформности и стимуляции – к ориентации на безопасность, стабильность и власть, как желание установить самостоятельный контроль над своей жизнью. При этом некоторые ценностные установки могут косвенно способствовать эмоциональному выгоранию, усиливая чувство неудовлетворенности профессиональной деятельностью.

Библиографические ссылки

1. *Каракулов, М.* Профессиональное выгорание в ИТ (результаты исследования «Моего круга») [Электронный ресурс]. М., 2019. URL: https://habr.com/ru/companies/habr_career/articles/437264/
2. *Ловягина, А.В.* Теория и методы психической саморегуляции. СПб : 2020. 144 с.
3. *Муравьева, О.И., Козлова, К.В.* Профессиональное выгорание программистов : специфичность феномена // Сибирский психол. журнал. 2019. №73. С. 98–110.
4. *Shahin, M. [et al.]* Operationalizing Human Values in Software Engineering: A Survey // The International Conference on Evaluation and Assessment in Software Engineering. IEEE Access. 2022. P. 75269–75295.
5. *Лэнгле, А.* Эмоциональное выгорание с позиции экзистенциального анализа // Вопросы психологии, 2008. № 2. С. 3–16.

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ

С. В. Симонова

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, sofiasimminsk@gmail.com
Научный руководитель — Н. Ю. Клышевич, кандидат психологических наук, доцент*

Данная работа посвящена исследованию взаимосвязи между иррациональными установками и тревожностью студентов. Установлены статистически значимые различия иррациональности мышления у студентов с различными уровнями тревожности. Наибольшая степень выраженности иррациональных установок отмечается у студентов с высоким уровнем тревожности.

Ключевые слова: тревожность, иррациональные установки, студенты, когнитивные искажения, личностная тревожность, ситуативная тревожность, общая иррациональность мышления.

Иррациональные установки характеризуют систему необоснованных, ошибочных представлений человека о себе и мире, имеющих характер предписания или требования. К основным типам иррациональных установок А. Эллис относит катастрофизацию, должнствование в отношении себя и других, оценочную установку и фрустрационную толерантность.

Когнитивные искажения, введенные Д. Канеманом и А. Тверски, представляют собой систематические ошибки мышления, возникающие из дисфункциональных убеждений. Д. Канеман выделяет систему 1, которая включает автоматическое мышление, и систему 2, требующую сознательных умственных затрат, логического выбора и произвольного внимания. Ошибка «Поспешного вывода» иллюстрирует, как недостаток информации может привести к неверным суждениям, усиливающим иррациональные установки [1].

А. Бек и Дж. Бек акцентируют внимание на идентификации и изменении «автоматических» мыслей, многие из которых являются когнитивными искажениями, приводящими к негативным эмоциям и проблемному поведению. К распространенным ошибкам относятся черно-белое мышление, сверхобобщение, негативный фильтр, катастрофизация и другие. Эти искажения предсказуемо возникают в одних и тех же обстоятельствах [2].

Анализ феномена тревожности в психологии позволил определить различные подходы к пониманию тревожности, начиная с психоаналитической концепции З. Фрейда, который различал объективную, невро-

тическую и моральную тревогу, и заканчивая современными представлениями о тревожности [3].

Исследования подтверждают, что тревога и тревожность оказывают значительное влияние на эмоциональное благополучие и качество жизни. Согласно Л.И. Вассерману, тревожность рассматривается как феномен, включающий эмоциональные, когнитивные, двигательные, вегетативно-соматические и нейрогуморальные компоненты [4]. Особое внимание было уделено работам А.М. Прихожан, в которых тревожность определяется как переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагополучия и предчувствием опасности [5].

Ч. Спилбергер различает ситуативную и личностную тревожность, указывая на их влияние на поведение и эмоциональное состояние [6].

Основной целью нашего исследования было выявление иррациональных установок студентов с различным уровнем тревожности.

Выборку составили студенты различных специальностей, в возрасте от 17 до 21. Средний возраст – 18 лет.

Сбор эмпирических данных производился с помощью следующих методик: интегративный тест тревожности (ИТТ) А. П. Бизюка, Л.И. Вассермана, Б.В. Иовлева, методика диагностики иррациональных установок (Survey of Personal Beliefs, SPB) Н. Kassiove, A. Berger в адаптации А. Г. Каменюкина и Д. В. Ковпака.

В ходе исследования иррациональных установок студентов было выявлено, что по интегральной шкале теста Оценочная установка преобладают ее умеренные значения (54%). Это означает, что данный тип установки у студентов имеется, однако используют его респонденты не часто, а периодически. Выраженное наличие оценочной установки отмечается у 39% респондентов. Лишь 7% участников исследования обнаруживают ее отсутствие.

Высокая выраженность установок отмечена по шкалам «Катастрофизация» (82%) и «Долженствование в отношении себя» (71%), что указывает на склонность к преувеличению негативных последствий жизненных событий и предъявлению к себе нереалистичных требований.

Умеренные показатели преобладают по шкалам «Низкая фрустрационная толерантность» (53%) и «Долженствование в отношении других» (69%).

Отсутствие иррациональных установок, кроме интегральной шкалы, зафиксировано еще по двум шкалам – катастрофизации (1%) и низкой фрустрационной толерантности (7%).

Нами были изучены ситуативная и личностная тревожность студентов. В целом по выборке доминирует средний уровень ситуативной тре-

возможности, который встречается у каждого второго студента. Высокие показатели отмечаются в 35% случаев, низкие – в 16% случаев.

Наибольшее число студентов с высоким уровнем ситуативной тревожности обнаружено по таким субшкалам, как Астенический компонент, Фобический компонент, Тревожная оценка перспективы.

По личностной тревожности данные распределились иначе. Доминирующим оказался высокий уровень (55%), что свидетельствует о повышенной чувствительности студентов к возможным угрозам и негативным ожиданиям. Средний уровень личностной тревожности зафиксирован у 44% респондентов и лишь 1% участников исследования был отнесен к низкому уровню. Средний уровень тревожности указывает на способность справляться с кратковременными стрессами, а низкий свидетельствует о высокой стрессоустойчивости. Тем не менее, даже при умеренной тревожности могут возникать трудности в эмоциональной регуляции, особенно в условиях академического давления.

Наиболее высокие показатели личностной тревожности были выявлены по субшкалам Фобический компонент и Эмоциональный дискомфорт.

Особое внимание было уделено анализу иррациональных установок у студентов с различным уровнем тревожности. В ходе исследования были выявлены статистически значимые различия в иррациональных установках у студентов с различными уровнями тревожности. В частности, были выявлены статистически значимые различия между испытуемыми с низким и высоким уровнем ситуативной тревожности по шкалам «Катастрофизация» ($p=0,011$), «Низкая фрустрационная толерантность» ($p=0,000$) и «Оценочная установка» ($p=0,001$).

Также были выявлены статистически значимые различия между испытуемыми со средним и высоким уровнем ситуативной тревожности по субшкалам «Катастрофизация» ($p=0,017$), «Низкая фрустрационная толерантность» ($p=0,000$) и «Оценочная установка» ($p=0,001$).

Иррациональные установки студентов с различными уровнями личностной тревожности также отличаются.

Так, статистически значимые различия были обнаружены по шкале «Оценочная установка» между студентами с низким и высоким уровнем Фобического компонента личностной тревожности ($p=0,002$).

Сходная тенденция зафиксирована по шкалам «Низкая фрустрационная толерантность» ($p=0,022$) и «Оценочная установка» ($p=0,007$) у респондентов с низким и высоким уровнем астенического компонента личностной тревожности.

Отмечаются значимые различия по шкалам «Долженствование в отношении себя» ($p=0,043$), «Низкая фрустрационная толерантность»

($p=0,001$) и «Оценочная установка» ($p=0,003$) между студентами со средними высоким уровнем тревожности.

Ряд значимых различий был обнаружен у студентов с низким и средним уровнями личностной тревожности по субшкале Тревожная оценка перспективы по субшкалам «Долженствование в отношении себя» ($p=0,003$), «Низкая фрустрационная толерантность» ($p=0,009$) и «Оценочная установка» ($p=0,012$).

Таким образом, студенты, испытывающие высокий уровень ситуативной тревожности, чаще демонстрируют выраженные установки катастрофизации, низкой фрустрационной толерантности и общей оценочной установки. Это указывает на их склонность воспринимать неудачи как невыносимые и выдвигать к себе чрезмерные требования, что негативно влияет на их эмоциональное состояние и процесс адаптации к учебной среде.

Для студентов с высокой личностной тревожностью, помимо названных выше иррациональных установок, характерно также выраженное долженствование в отношении себя.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что студенты с высокой личностной и ситуативной тревожностью имеют более выраженные иррациональные установки по сравнению с их сверстниками с низким уровнем тревожности. Это свидетельствует, что иррациональные установки являются важным фактором поддержания высокого уровня тревожности.

Библиографические ссылки

1. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М. : АСТ, 2016. 653 с.
2. Бек Дж. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям. СПб. : Питер, 2020. 416 с.
3. Фрейд З. Запрещение, симптом и страх // Тревога и тревожность. СПб. : Питер, 2001. С. 18–22.
4. Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности / Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова (науч. ред.) // Коллективная монография. СПб. : СПбГУ, 2014.
5. Прихожан А. М. Причины, профилактика и преодоление тревожности // Теория и практика современной науки. 2018. № 5 (35). С. 816.
6. Спилбергер, Ч. Д. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги // Стресс и тревога в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1983. С. 12–24.

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ДИСПОЗИЦИОННОЙ ЖАДНОСТИ

Сюй Ижань

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, yiyi20031122@163.com
Научный руководитель – С.М. Ширко, кандидат психологических наук*

Целью данного исследования является изучение личностных характеристик китайских студентов с различными склонностями к жадности. В условиях усиливающейся экономической конкуренции актуальным является необходимость понимания связи между устойчивыми чертами личности и тенденцией к накоплению ресурсов. В исследовании анализируется роль таких характеристик как доверие, организованность, уважение, открытость опыту, негативная эмоциональность, депрессивность, эмоциональная изменчивость, любознательность и эстетическая чувствительность, которые могут усиливать или ослаблять жадное поведение студентов. Полученные результаты могут быть использованы для создания индивидуального подхода к обучению и поддержке студентов с различными личностными профилями, что поможет и стимулировать развитие их личностей и предпринимательскую активность.

Ключевые слова: диспозиционная жадность; личностные характеристики; сравнительный анализ; китайские студенты.

Жадность как сложный психологический конструкт остается актуальным объектом исследований в условиях глобализации и усиления экономического неравенства [1]. В китайском обществе, где коллективистские ценности сочетаются с растущей индивидуализацией молодежи, изучение диспозиционной жадности приобретает особую значимость.

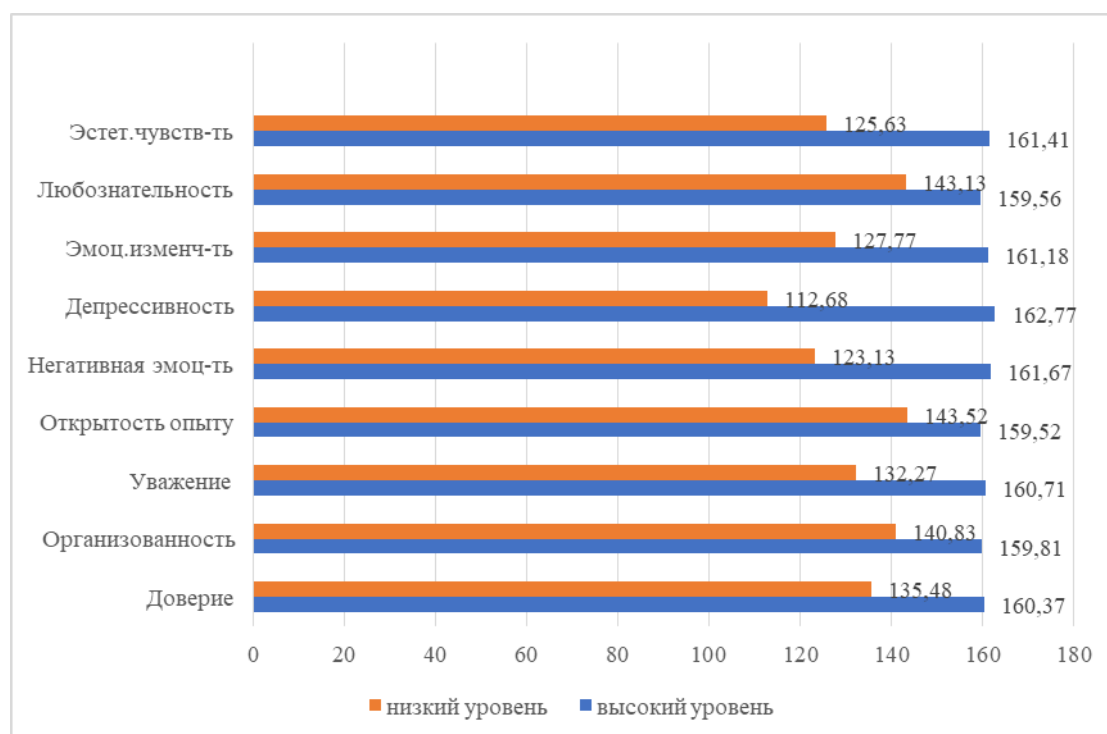
Несмотря на различные подходы к определению жадности, большинство авторов сходятся на том, что жадность – это устойчивое личностное качество, которое может проявляться как в виде эмоционального состояния, так и как личностная черта. Согласно И.А. Фурманову, С.М. Ширко, диспозиционная жадность является устойчивой личностной чертой, отличающейся от ситуативной постоянством и стабильностью по отношению к любым объектам и предметам вне зависимости от ситуации [2]. Она проявляется к различным объектам и может активироваться ситуационными характеристиками.

Взаимосвязь жадности с такими личностными чертами, как невротизм, низкая покладистость и добросовестность, подчеркивает важность учета этих характеристик при исследовании диспозиционной жадности, а также указывает на сложность и многогранность данного феномена в

контексте личностного развития. Современные исследования механизмов связи личностных черт с устойчивой склонностью к накоплению ресурсов механизмы остаются недостаточно изученными, особенно в кросс-культурном контексте.

В исследовании приняли участие 400 китайских студентов (200 мужчин и 200 женщин) в возрасте 18–25 лет, обучающихся в вузах Минска. В качестве инструментария использовались китайская версия опросника «Большая пятерка» (BFI-2) [3], а также шкала диспозиционной жадности (DGSC), адаптированная для китайских респондентов [4]. Для сравнительного анализа применялся U-критерий Манна–Уитни и корреляционный анализ Спирмена с использованием пакета SPSS 22.0.

Проведенный сравнительный анализ показал отсутствие статистически значимых различий в личностных характеристиках студентов высоким и низким уровнем диспозиционной жадности.

Различия в личностных характеристиках студентов высоким и низким уровнем диспозиционной жадности (средние значения)

Согласно результатам, представленным на рисунке, китайские студенты с высоким уровнем диспозиционной жадности в сравнении со студентами с низким уровнем отличаются более высокими средними значениями по следующим характеристикам: доверие, организованность, уважение, открытость опыту, негативная эмоциональность, депрессив-

ность, эмоциональная изменчивость, любознательность и эстетическая чувствительность.

Согласно данным, китайские студенты с высоким уровнем диспозиционной жадности проявляют высокое доверие, что, как отмечает Х. Chen и L. Wang, может быть связано со стратегическим использованием социальных связей для достижения материальных целей [4]. Низкая любознательность и творческое воображение вместе с повышенной эмоциональной изменчивостью и эстетической чувствительностью отражает практический подход к миру, где доминируют прагматизм над абстрактными ценностями [5]. Показатели депрессивности и тревожности подчеркивают экзистенциальную неудовлетворенность, характерную для лиц, фокусирующихся на внешних достижениях, что коррелирует со страхом неопределенности и хроническим стрессом, вызванным стремлением к гиперконтролю ресурсов. В то же время высокая ответственность, продуктивность и организованность выступают адаптивными механизмами, позволяющими оптимизировать управление ресурсами, однако, как указывается в исследовании, такая дисциплина часто сопровождается эмоциональной ригидностью [6]. Можно констатировать, что диспозиционная жадность формирует противоречивый профиль личности, сочетающий инструментальную рациональность с дезадаптацией в эмоционально-творческой сфере, что требует дальнейшего изучения в контексте культурных и социальных норм.

Полученные данные позволяют предположить, что китайские студенты с высоким уровнем диспозиционной жадности демонстрируют выраженную экстраверсию, что может быть связано с их стремлением к социальному влиянию и активному поиску ресурсов. При этом их коммуникабельность, напротив, ниже, что может отражать избирательность в общении, ориентированную на личную выгоду. или рационализацией жадности через «заботу о близких». У студентов выражены энергичность, ассертивность и добросовестность, что подчеркивает их целеустремленность в достижении материальных целей, однако высокая негативная эмоциональность [7] указывает на внутренний стресс, связанный с постоянной конкуренцией. Открытость опыту и уважение также выше, что может быть инструментом для укрепления статуса, а не искренней ценностной ориентацией. Эти противоречия могут быть связаны с культурными особенностями, где жадность маскируется под социально одобряемые модели поведения [8]. Следует подчеркнуть, что жадность проявляется как комплексная стратегия, сочетающая внеш-

ную активность, расчетливую социализацию и внутреннюю напряженность.

Полученные эмпирические данные на выборке китайских студентов могут быть интерпретированы через призму культурных, социальных и методологических факторов и позволяют предположить, что коллективистский характер китайского общества, где доминируют ценности групповой гармонии и социальной ответственности, способствует подавлению индивидуалистических проявлений, включая жадность, независимо от пола. Как отмечают Х. Chen и L. Wang, в китайском контексте эгоистичные устремления часто маскируются под социально одобряемые формы поведения, такие как забота о благополучии семьи, что приводит к унификации поведенческих паттернов у мужчин и женщин [4].

Социализация по полу в современном Китае ориентирована на минимизацию различий в профессиональных и образовательных достижениях, что нивелирует традиционные стереотипы о «конкурентной мужской жадности». Исследования показывают, что женщины и мужчины в равной степени вовлечены в экономическую активность, что снижает вероятность различий в материалистических установках [9].

Методологические ограничения, такие как дисбаланс в размере групп (30 респондентов с низким уровнем жадности против 285 с высоким), возможно, снижают статистическую мощность анализа, затрудняя выявление значимых различий. Это особенно актуально для критерия Манна-Уитни, чувствительного к неравномерности выборок.

Кроме того, используемые шкалы диспозиционной жадности, разработанные в западном культурном контексте, могут не учитывать специфику китайских социальных норм. Например, жадность в Китае часто проявляется через косвенные формы, такие как гиперопека в семье или стремление к образовательным достижениям, которые не фиксируются стандартными инструментами [4]. Также высокий уровень конкуренции за ресурсы в китайском обществе, особенно среди молодежи, создает универсальное давление на всех студентов, независимо от пола, что уравнивает проявления материалистических устремлений [9].

Таким образом, в ходе проведенного сравнительного анализа не установлены различия в личностных характеристиках студентов высоким и низким уровнем диспозиционной жадности. Полученные результаты могут быть связаны с культурными табу на открытое проявление жадности, особенно среди женщин, а также с экономической зависимостью студентов от семейной поддержки, которая снижает конкуренцию за ресурсы. Важную роль сыграла и гомогенность выборки: все респон-

денты принадлежали к одной возрастной группе и социальному статусу (студенты), что минимизировало внешние факторы влияния. Эти результаты подчеркивают необходимость учета культурного контекста при изучении жадности, так как её проявления могут существенно варьироваться в зависимости от социокультурных норм и экономических условий. Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный анализ различий в уровне диспозиционной жадности у китайских студентов, обучающихся в Беларуси и Китае.

Библиографические ссылки

1. Psychometric properties of the Chinese version of the Dispositional Greed Scale and a portrait of greedy people / Z. Liu [et al.] // *Personality and Individual Differences*. 2019. № 137. P. 101–109.
2. Фурманов, И. А. Разработка шкалы диспозиционной жадности // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология*. 2020. № 3. С. 78–86.
3. The Big Five Inventory-2 in China: a comprehensive psychometric evaluation in four diverse samples [Electronic resource] / B. Zhang [et al.] // *Assessment*. 2021. Vol. 29, iss. 6. P. 1262–1284. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33884926/>. (date of access: 24.08.2022).
4. Chen, X., Wang, L. Measurement of Dispositional Greed in Chinese Context: Development and Validation of a New Scale // *Journal of Personality Assessment*. 2018. Vol. 100. № 3. P. 256–265.
5. Dispositional Greed Scales / M. Zeelenberg [et al.] // *European Journal of Psychological Assessment*. Advance online publication. 2022. № 38. P. 91–100.
6. Jinyun, D., Yishuai, Y., Dian, S. Greed in organizational context: a literature review and prospects // *Foreign Economics and Management*. 2022. Vol. 44, No. 06. P. 34–46.
7. Hoyer K., Zeisberger, S., Breugelmans, S. M. A culture of greed: Bubble formation in experimental asset markets with greedy and non-greedy traders // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2023. Vol. 212. P. 32–52.
8. Mussel, P., Hewig, J. The life and times of individuals scoring high and low on dispositional greed // *Journal of Research in Personality*. 2016. Vol. 64. P. 52–60.
9. Баязитова, Д. А., Дейнека, О. С. Динамическая модель жадности: эмоционально-когнитивный подход // *Вестник МГУ. Серия 14: Психология*. 2019. № 3. С. 78–92.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И ТИПОВ ПРИВЯЗАННОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ СТИЛЯМИ ЛЮБОВНЫХ УСТАНОВОК

Е. И. Хмелевская

*Белорусский государственный университет, факультет философии и социальных наук, ул. Кальварийская 9, 220004, г. Минск, Беларусь, katyminsk2003@gmail.com
Научный руководитель – С.М. Ширко, кандидат психологических наук*

Согласно исследованиям, сформировавшиеся в детстве типы привязанности оказывают влияние на любовные установки. Преобладание некоторых свойств личности могут отражать способность к установлению дружеских контактов, склонность индивидов к коммуникации и умение контролировать свое поведение. В статье предпринята попытка выявить взаимосвязь личностных характеристик и типов привязанности студентов с различными стилями любовных установок.

Ключевые слова: личностные характеристики; типы привязанности; любовные установки; студенты.

Изучение взаимосвязи любовных установок и типов привязанности является актуальной проблемой в психологии межличностных отношений. Любовные установки и типы привязанности играют ключевую роль в формировании и поддержании близких отношений, их качество и стабильность зависит от того, каким образом индивиды воспринимают и переживают свои эмоциональные связи.

Методологическими основаниями исследования определены: типология любви Дж.А. Ли; пятифакторная теория, сформулированная Р. Маккреем и П. Коста, и модель стилей привязанности К. Bartholomew и L. Horowitz. В качестве инструментария применяется методика «Установки на любовь и секс» («Цвета любви») (Attitudes About Love and Sex) К. Хендрик и С. Хендрик в адаптации О.А. Екимчик; пятифакторный опросник личности, разработанный Х. Тсуи в адаптации А.Б. Хромова и методика «Самооценка генерализованного типа привязанности», разработанная К. Bartholomew, L. Horowitz в адаптации Т.В. Казанцевой. Выборку исследования составили 159 студентов различных университетов г. Минска и областных центров: 84 респондента женского пола и 75 респондентов мужского пола. Для установления характера взаимосвязи любовных установок и личностных характеристик студентов с различными типами привязанности использовался коэффициент корреляции Спирмена.

У студентов женского пола обнаружена статистически значимая умеренная отрицательная связь любой установки Эрос с личностной характеристикой «Эмоциональная устойчивость-эмоциональная неустойчивость» ($r=-0,229$; $p=0,026$) и положительная связь с Отвергающим типом привязанности ($r=0,215$; $p=0,037$). Полученные результаты позволяют предположить, что чем более выражена у студентов-женщин любовная установка Эрос, тем ниже показатели по характеристике «Эмоциональная устойчивость-неустойчивость» и выше значение по Отвергающему типу привязанности. Следует констатировать, что такие студенты характеризуются как неспособные контролировать свои эмоции и импульсивные и сексуальные влечения. В поведении это проявляется как отсутствие чувства ответственности, уклонение от реальности, капризность [1].

У женщин установлена статистически значимая отрицательная связь любовной установки Людус и личностной характеристики «Экстраверсия-интроверсия» ($r=-0,245$; $p=0,017$). Полученные результаты характеризуют респондентов как общительных, любящих развлечения и коллективные мероприятия, имеющих большой круг друзей и знакомых, ощущающих потребность во взаимодействии и коммуникации [1].

У студентов женского пола обнаружена статистически значимая умеренная отрицательная связь любовной установки Сторге с личностными характеристиками «Эмоциональная устойчивость-эмоциональная неустойчивость» ($r=-0,317$; $p=0,002$), «Экспрессивность-практичность» ($r=-0,216$; $p=0,035$) и установлена положительная связь с Озабоченным типом привязанности ($r=0,297$; $p=0,003$). Полученные результаты позволяют предположить, что чем более выражена у студентов женского пола такая любовная установка как Сторге, тем ниже значение по личностным характеристикам «Эмоциональная устойчивость-эмоциональная неустойчивость», «Экспрессивность-практичность» и выше показатели по Озабоченному стилю привязанности. Можно предположить, что у таких индивидов не выражено умение контролировать свои эмоции, безответственные, трудно справляются с трудными жизненными обстоятельствами и легко впадают в депрессию. Они могут производить впечатление легкомысленного поведения, чаще доверяют своим чувствам и интуиции, чем здравому смыслу, мало обращают внимания на текущие повседневные дела и обязанности, избегают рутинной работы. Это эмоциональные, чувствительные, экспрессивные, с хорошо развитым эстетическим и художественным вкусом лица [1].

У студентов женского пола обнаружена статистически значимая умеренная отрицательная связь любовной установки Прагма с личностной характеристикой «Самоконтроль-импульсивность» ($r = -0,219$; $p = 0,033$). Таким индивидам присущи такие черты личности, как добросовестность, ответственность, обязательность, точность и аккуратность в делах [1].

У женщин установлена статистически значимая отрицательная связь любовной установки Мания с личностной характеристикой «Эмоциональная устойчивость-эмоциональная неустойчивость» ($r = -0,331$; $p = 0,001$). Полученные результаты совпадают с результатами исследования С.В. Фроловой [2]. Таким респондентам свойственно бесконтрольность своих эмоций и импульсивных влечений. В поведении это проявляется как отсутствие чувства ответственности, уклонение от реальности, капризность [1].

У студентов женского пола обнаружена статистически значимая умеренная отрицательная связь любовной установки Агапе с личностными характеристиками «Привязанность-обособленность» ($r = -0,282$, $p = 0,006$), «Экспрессивность-практичность» ($r = -0,203$; $p = 0,048$) и положительная связь с Отвергающим типом привязанности ($r = 0,258$; $p = 0,012$). Можно констатировать, что такие индивиды характеризуются как добрые, отзывчивые, понимающие и терпимо относящиеся к недостаткам других, чувствуют личную ответственность за их благополучие [1].

У студентов мужского пола обнаружена статистически значимая умеренная положительная связь любовной установки Эрос с личностной характеристикой «Самоконтроль-импульсивность» ($r = 0,263$; $p = 0,036$) и отрицательная связь с Опасливым типом привязанности ($r = -0,345$; $p = 0,005$). Данные W. Wang и коллег [3] частично совпадают с полученными результатами в том, что страстная любовь положительно коррелирует с основным фактором «Самоконтроль-импульсивность». Такие личности характеризуются добросовестностью, ответственностью, обязательностью, точностью и аккуратностью в делах. Они любят порядок и комфорт, настойчивы в деятельности и обычно достигают в ней высоких результатов [1]. Опасающийся стиль привязанности у мужчин проявляется в амбивалентности ревнивых реакций, они стараются угодить своему партнеру, доказать свою любовь и привлекательность [4].

Обнаружена статистически значимая умеренная отрицательная связь у мужчин с любовной установкой Людус и личностной характеристикой «Экстраверсия-интроверсия» ($r = -0,259$; $p = 0,039$) и положитель-

ная связь с «Привязанность-обособленность» ($r=0,317$; $p=0,011$). Полученные результаты характеризуют респондентов как общительных, любящих развлечения и коллективные мероприятия, имеющих большой круг друзей и знакомых, ощущающих потребность в общении [2].

У студентов мужского пола обнаружена статистически значимая умеренная положительная связь любовной установки Сторге и Озабоченного стиля привязанности ($r=0,337$; $p=0,006$). Озабоченный стиль привязанности у мужчин выражается в амбивалентности проявления реакций ревности. Они могут использовать прямую, асоциальную коммуникацию для решения проблемы, либо избегают обсуждения вопросов, связанных с ревностью. Их поведение направлено на контроль партнера, его ограничение, использование манипуляций [4].

Дополнительно была обнаружена статистически значимая отрицательная связь любовной установки Прагма с Отвергающим типом привязанности ($r=-0,283$; $p=0,023$). Полученные результаты частично совпадают с результатами исследования А. Adil и соавторов [5]. Отвергающий стиль привязанности у мужчин выражается в позитивной модели Я и негативной модели Других. Они склонны направлять свои действия на то, чтобы угодить своему партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать более привлекательным в глазах партнера [4].

У студентов мужского пола обнаружена статистически значимая умеренная положительная связь любовной установки Мания и личностной характеристики «Самоконтроль-импульсивность» ($r=0,295$; $p=0,018$). Также обнаружена отрицательная связь с основным фактором «Эмоциональная устойчивость-эмоциональная неустойчивость» ($r=-0,414$; $p=0,001$) и Опасливым типом привязанности ($r=-0,402$; $p=0,001$). Согласно исследованию С.В. Фроловой [3], полученные данные частично совпадают в том, что любовь-одержимость отрицательно коррелирует с «Эмоциональной устойчивостью-эмоциональной неустойчивостью». Такие личности характеризуются как добросовестные, ответственные, обязательные, точные и аккуратные в делах [1].

У студентов мужского пола обнаружена статистически значимая умеренная положительная связь любовной установки Агапе и Отвергающего стиля привязанности ($r=0,300$; $p=0,016$), а также отрицательная связь с Надежным типом привязанности ($r=-0,318$; $p=0,011$).

Таким образом, в ходе проведенного эмпирического исследования выявлена взаимосвязь любовных аттитюдов и личностных характеристик студентов с различными стилями привязанности. Полученные результаты могут быть использованы практическими психологами в пси-

хологическом консультировании, в психокоррекционной и просветительской работе со студентами, стать основой для разработки методик подготовки мужчин и женщин к прочным партнерским отношениям.

Библиографические ссылки

1. Рожкова, С. В. Индивидуально-психологические особенности личности студентов-психологов с разным типом мышления//Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста.2017. С. 37–42.
2. Фролова, С.В. Сущностные характеристики и методика диагностики типов любви// Изв. Саратов. ун-та. Философия. Психология. Педагогика. 2020.№4. С.439 – 448.
3. Wang, W. Personality correlations of love styles among Chinese students in Hong Kong// Personality and individual differences. 2000. Vol. 29. No. 1.P. 169– 175.
4. Фурманов, И.А. Взаимосвязь стиля привязанности и коммуникационных реакций на ревность: половые сходства и различия// Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология.2019. №1. С. 115–133.
5. Adil, A. Relationship between love styles, attachment styles, and narcissism among university students // Indian Psychological Review. 2005. 64(1). P.33– 52.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПРОКРАСТИНАЦИИ

К. К. Янушкевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kris.janush@gmail.com
Научный руководитель — Л. Г. Степанова, кандидат психологических наук, доцент*

Статья представляет теоретический обзор прокрастинации как многокомпонентного феномена. Анализируются основные психологические подходы: когнитивно-поведенческий, психоаналитический, мотивационно-аффективный, личностно-ориентированный, экзистенциальный и нейрофизиологический. Подчёркивается необходимость интеграции данных подходов для более глубокого понимания причин откладывания и разработки эффективных интервенций.

Ключевые слова: прокрастинация; саморегуляция; мотивация; эмоции; когнитии; личность; психологическая защита; нейропсихология.

Прокрастинация, или склонность откладывать выполнение необходимых дел на потом, привлекает всё больше внимания как в зарубежной, так и в отечественной психологии. По оценкам исследований, до 80–95% студентов периодически занимаются прокрастинацией, причём около половины делают это на регулярной основе, что негативно сказывается на их успеваемости и благополучии [6]. Показано, что хроническая прокрастинация связана с более низкими учебными и рабочими результатами, а также с долгосрочным ухудшением психологического благополучия – повышенной тревожностью, чувством вины и стрессом [7; 8]. В деловой сфере прокрастинация может приводить к финансовым потерям (например, штрафы за просроченные обязательства), а в медицине – к ухудшению состояния здоровья из-за откладывания обращений за помощью [6].

За последние десятилетия было предложено множество теоретических объяснений прокрастинации. Каждая из школ психологии акцентирует разные аспекты данного феномена. В западной литературе особое распространение получили как минимум четыре подхода к пониманию причин прокрастинации: психодинамический (психоаналитический), бихевиористский, когнитивный и мотивационный (теория временной мотивации) [7; 11]. Отечественные авторы дополняют этот список, рассматривая также личностно-ориентированные и экзистенциальные аспекты, а в последнее время – нейрофизиологические корреляты прокрастинации. Ни одна из частных теорий не претендует на исчерпывающее объяснение явления, поскольку прокрастинация носит сложный, многокомпонентный характер [7; 10]. Поэтому актуален сравнительный анализ основных подходов, позволяющий выделить ключевые идеи и точки

расхождения, а также наметить их интеграцию. Цель данной статьи – обобщить основные теоретические подходы к объяснению прокрастинации: когнитивно-поведенческий, психоаналитический, мотивационно-аффективный, личностно-ориентированный, экзистенциальный и нейрофизиологический, – и на этой основе сформулировать выводы о природе прокрастинации.

Когнитивно-поведенческое объяснение прокрастинации сосредоточено на иррациональных убеждениях и привычках. Согласно А. Эллису и В. Кнаузу, прокрастинация может быть следствием перфекционистских установок и страха перед несовершенством [2]. Исследования также указывают на связь с низкой самооценкой [5; 6] и нерешительностью [12]. Поведенческий компонент связан с отрицательным подкреплением: избегание неприятной задачи даёт временное облегчение, закрепляя поведенческий паттерн. Также прокрастинация может быть следствием предпочтения немедленных удовольствий будущим результатам [2]. Поведенческие и когнитивные техники помогают модифицировать эти установки и привычки.

Психоаналитический подход трактует прокрастинацию как симптом внутреннего конфликта и защитный механизм. По З. Фрейду, промедление защищает Эго от тревоги и стыда, связанных с возможной неудачей. У. Миссилдайн и Б. Спок связывали хроническое откладывание с реакцией на детский опыт давления. Психодинамические исследования подчёркивают бессознательную природу страха неудачи и сопротивления авторитету. Прокрастинация становится выражением внутреннего конфликта между желанием соответствовать и стремлением избежать боли [8; 9]. Психоаналитическая терапия помогает выявить эти конфликты, хотя трудно верифицируема экспериментально.

Мотивационно-аффективный подход объясняет прокрастинацию как результат слабой мотивации и эмоционального избегания. Согласно теории временной мотивации П. Стила, важны четыре параметра: ценность результата, вероятность успеха, импульсивность и время до дедлайна. Прокрастинаторы часто недооценивают отдалённую выгоду и переоценивают текущее удовольствие. Они также используют откладывание как способ избегания негативных эмоций, вызванных задачами (тревога, скука, усталость) [5; 11]. Однако эмоциональное облегчение приводит к отдалённым негативным последствиям. Прокрастинация формирует порочный круг: страх → откладывание → усиление страха. Эффективные интервенции включают повышение мотивации и развитие навыков эмоциональной регуляции.

Личностно-ориентированный подход связывает прокрастинацию с чертами личности: низкой добросовестностью, высокой импульсивностью, тревожностью и перфекционизмом. Исследования показывают, что она имеет устойчивый характер и может рассматриваться как лич-

ностный стиль поведения [2]. Важную роль играют низкая самооценка, внешний локус контроля, низкая самоэффективность. Перфекционизм, особенно социально предписанный, усиливает избегающее поведение [9]. Также различаются типы прокрастинаторов: тревожные избегатели, возбуждающиеся искатели дедлайнов и активные отсрочники [2]. Эти различия требуют индивидуализированного подхода при коррекции.

Экзистенциальный подход предлагает философское измерение: прокрастинация может быть бегством от свободы выбора и осознания конечности жизни. Она рассматривается как форма экзистенциальной вины — упущенных возможностей, нереализованных ценностей [1]. В. Франкл и С. Даймонд подчеркивали, что откладывание — это отказ жить подлинной жизнью. Прокрастинация может быть следствием отсутствия смысла в деятельности и страха перед ответственностью за свою судьбу. Решение — осознание конечности жизни, восстановление смысла и принятие ответственности за собственный выбор.

Нейрофизиологический подход описывает прокрастинацию как проявление нейронных и биохимических особенностей. У хронических прокрастинаторов нередко наблюдаются трудности с исполнительными функциями: концентрацией внимания, рабочей памятью, когнитивной гибкостью. Это связывают с дисфункцией префронтальной коры головного мозга. Генетические исследования подтверждают, что прокрастинация и импульсивность имеют общую наследственную основу [4]. Хотя биологические предпосылки не фатальны, осознание их помогает снизить самокритику и строить адекватные стратегии тренировки саморегуляции. Мозг пластичен, а значит, навыки можно развить.

Прокрастинация затрагивает различные уровни функционирования — от нейробиологического до экзистенциального — поэтому наиболее продуктивным представляется комплексный подход. Современные авторы стремятся синтезировать выводы разных теорий в единую модель. Так, П. Стил на основе объединения идей поведенческой экономики и мотивационной психологии создал формулу ТМТ, учитывающую и личностный фактор импульсивности. И.Н. Кормачёва и Н.М. Клепикова предлагают рассматривать прокрастинацию как системное образование, включающее когнитивный, эмоциональный, волевой и мотивационный компоненты, причём только совокупность всех четырёх позволяет отличить прокрастинацию от других похожих явлений (например, лени) [4]. Это означает, что борьба с прокрастинацией требует влияния на все эти компоненты: корректировки мыслей, управления эмоциями, развития волевых навыков и укрепления мотивации.

Таким образом, прокрастинация представляет собой многокомпонентное явление, затрагивающее когнитивные, эмоциональные, личностные и нейробиологические уровни. Ни один подход не исчерпывает её природу полностью, что делает продуктивным интегративное рас-

смотрение. Разнообразие моделей объясняет разнообразие проявлений прокрастинации и требует многоуровневого подхода к её преодолению.

Библиографические ссылки

1. *Diamond, S. A.* Existential and Mythological Perspectives on Procrastination: A Response to Dr. Pychyl's Post // *Psychology Today*. Aug 25, 2008. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/evil-deeds/201202/essential-secrets-psychotherapy-the-healing-power-clinical-wisdom-part-three> (дата обращения: 10.04.2025).
2. *Ellis, A., Knaus, W. J.* Overcoming procrastination. New York: Institute for Rational Living, 1977.
2. *Ferrari, J. R., Johnson, J. L., McCown, W. G.* (Eds.) Procrastination and Task Avoidance: Theory, Research, and Treatment. New York: Plenum Press, 1995.
4. *Gustavson, D. E., Miyake, A., Hewitt, J. K., Friedman, N. P.* Genetic Relations Among Procrastination, Impulsivity, and Goal-Management Ability // *Psychological Science*. 2014. Vol. 25, No. 6. P. 1178-1188.
5. *Sirois, F. M., Pychyl, T. A.* (Eds.) Procrastination, Health, and Well-Being. Academic Press, 2016.
6. *Steel, P.* The nature of procrastination: a meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // *Psychological Bulletin*. 2007. Vol.133, no.1. P.65-94. URL: https://www.researchgate.net/publication/6598646_The_nature_of_procrastination_a_meta-analytic_and_theoretical_review_of_quintessential_self-regulatory_failure_Psychol_Bull_133_65-94 (дата обращения: 12.04.2025).
7. *Болотова, А. К., Чеврениди, А. А.* Временной модус прокрастинации в ретроспективе: виды, предикторы и последствия // *Культурно-историческая психология*. 2017. Т.13, №4. С.101-108. DOI: 10.17759/chp.2017130411.
8. *Варваричева, Я. И.* Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // *Вопросы психологии*. 2010. №3. С.121-130. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18931766> (дата обращения: 10.04.2025).
9. *Гараян, Н. Г.* Перфекционизм и враждебность как личностные факторы депрессивных и тревожных расстройств // диссертация д-ра психол. наук. 2010. 42 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/perfektsionizm-i-vrazhdebnost-kak-lichnostnye-factory-depressivnykh-i-trevozhnykh-rasstroist> (дата обращения: 12.04.2025).
10. *Ковылин, В. С.* Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2013. №2. С.22-41. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20171803> (дата обращения: 10.04.2025).
11. *Кормачёва, И. Н.* Системные представления об эмоциональных, волевых и мотивационных детерминантах прокрастинации // *Системная психология и социология*. 2020. С.39-50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnye-predstavleniya-ob-emotsionalnyh-voleyh-i-motivatsionnyh-determinantah-prokrastinatsii> (дата обращения: 12.04.2025).
12. *Сманов, Д. А.* Когнитивный маркеры и предикторы прокрастинации // диссертация к-та психол. наук. 2024. URL: <https://www.dissercat.com/content/kognitivnye-markery-i-prediktory-prokrastinatsii> (дата обращения: 12.04.2025).

СЕКЦИЯ 14. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

ВЗАИМОСВЯЗЬ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ И СТИЛЕЙ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ У СТУДЕНТОВ

Е. А. Бабарень

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, yauheni.babaren@gmail.com
Научный руководитель — Г. А. Фофанова, кандидат психологических наук, доцент*

В публикации представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи мировоззренческих убеждений и стилей принятия решений у студентов. Выявлены взаимосвязи между мировоззренческими убеждениями о свободе воли/детерминизма и стилями принятия решений. Результаты подчеркивают роль профессионального контекста и жизненных обстоятельств в принятии решений. Практическое значение работы позволит разработать тренинги для коррекции дезадаптивных стилей принятия решений через работу с мировоззренческими установками.

Ключевые слова: принятие решений; стили принятия решений; мировоззренческие убеждения; свобода воли; детерминизм; студенты.

В психологической науке накоплен значительный объем знаний о когнитивных и личностных факторах, влияющих на принятие решений [1]. Однако недостаточно изученным остается вопрос о том, как мировоззренческие убеждения, в частности представления о свободе воли, предопределенности и непредсказуемости мира, связаны со стилями принятия решений. Особый интерес представляет изучение этой взаимосвязи именно в студенческой среде. Студенчество – это период активного формирования мировоззрения, когда молодые люди переосмысливают ценности, вырабатывают собственную более устойчивую жизненную позицию и сталкиваются с необходимостью принимать важные решения, определяющие их дальнейшую профессиональную и личностную траекторию.

В качестве теоретико-методологических данного исследования оснований выступили:

– представления И. Джениса и Л. Манна о стилях принятия решений, связанных с разрешением субъективно воспринимаемого конфлик-

та в условиях неопределенности. Их теория включает продуктивный стиль (бдительность), характеризующийся глубоким анализом, эффективным управлением эмоциями, и непродуктивные стили: избегание (уклонение от решений), прокрастинацию (откладывание) и сверхбдительность (тревожность и импульсивность) [2];

– модель Д. Полуса и Ж. Кэри для изучения убеждений о свободе воли и детерминизме, состоящая из четырех независимых компонентов: веры в свободу воли – убежденности в автономии и личной ответственности, фаталистического детерминизма – веры в предопределенность будущего судьбой, научного детерминизма – убежденности в том, что все определяется биологическими и средовыми факторами и непредсказуемости – представления о случайности событий [3].

В исследовании приняли участие 121 респондент (59,5% – женского пола, 40,5% – мужского пола) в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст составил 18,66 лет), являющихся студентами дневной формы обучения УВО (38,84% – студентов-экономистов, 26,45% – студентов-информатиков и 34,71% – студентов-журналистов). Для сбора эмпирических данных использовались следующие методики: «Мельбурнский опросник принятия решений» в адаптации Т. В. Корниловой, опросник «Вера в свободу/детерминизм (FAD-Plus)» в адаптации А. Н. Моспан, Д. А. Леонтьева. Статистическая обработка данных проводилась в программе IBM SPSS Statistics 23.0 с использованием коэффициента корреляции Спирмена.

В общей выборке студентов обнаружена статистически значимая слабая положительная корреляция между фаталистическим детерминизмом и сверхбдительностью ($r_s = 0,179$; $p = 0,049$). Это согласуется с исследованиями, показывающими, что фаталистический детерминизм связан с эмоциональной нестабильностью [3]. Студенты, убежденные в наличии судьбы, часто могут испытывать внутренний конфликт: с одной стороны, они стремятся контролировать ситуацию, а с другой – не верят в возможность повлиять на исход. Это противоречие может провоцировать тревожное переключение между целями (сверхбдительность), что отражает нарушение эмоциональной регуляции, таким образом, студенты, верующие в судьбу, пытаются компенсировать отсутствие контроля повышенным вниманием к деталям, что может приводить к неэффективности решений.

При анализе взаимосвязей по специальностям у студентов-информатиков была выявлена статистически значимая умеренная положительная корреляция свободы и бдительности ($r_s = 0,368$; $p = 0,038$), что отражает особенности их профессиональной деятельности. Работа в ИТ-сфере требует системного мышления, анализа данных и четкого

планирования, что формирует установку на контроль над ситуацией. Вера в свободу воли у таких студентов выступает как ресурс, позволяющий им активно искать оптимальные решения, тщательно взвешивать альтернативы и сохранять эмоциональную стабильность в условиях неопределенности. Это подтверждается исследованиями, связывающими бдительность с когнитивной сложностью, глубоким вовлечением в мыслительные процессы и эффективным управлением эмоциями [4]. Кроме того, у них была обнаружена статистически значимая умеренная положительная корреляция фаталистического детерминизма и избегания ($r_s = 0,372$; $p = 0,036$), что показывает, что студенты-информатики, склонные к фатализму, чаще уходят от принятия решений. В условиях довольно высокой академической нагрузки и требований к точности это может приводить к дезадаптации, так как избегание связано с низкой самоэффективностью [2], симптомами депрессии [5] и повышенным нейротизмом [6].

У студентов-журналистов была выявлена статистически значимая умеренная положительная корреляция научного детерминизма и прокрастинации ($r_s = 0,336$; $p = 0,029$). Научный детерминизм как система убеждений предполагает веру в то, что поведение человека определяется биологическими особенностями и воздействием окружающей среды. Журналисты часто сталкиваются с внешними ограничениями (редакционная политика, требования заказчиков), что может способствовать формированию убеждения в сильной зависимости от внешних факторов. Такая установка может снижать чувство личной ответственности и мотивацию к активным действиям, приводя к откладыванию решений. Дополнительным фактором могут быть различия в академической нагрузке. У информатиков высокие требования к точности выполняемых заданий могут усиливать связь между свободой воли и бдительностью, тогда как творческий характер заданий у журналистов будет способствовать проявлению прокрастинации.

У студентов-экономистов отсутствие значимых корреляций может быть связано с особенностями их профессионального мышления. Возможно, их стили принятия решений в меньшей степени зависят от мировоззренческих убеждений, п. ч. экономисты очень много изучают как люди принимают решения и, скорее всего, более приспособлены к тому, чтобы вести себя более рационально в условиях риска и неопределенности, что компенсирует влияние мировоззренческих установок.

У студентов, не состоящих в отношениях, обнаружена статистически значимая слабая положительная корреляция между научным детерминизмом и прокрастинацией ($r_s = 0,253$; $p = 0,025$). Это можно объяснить тем, что наличие близкого человека обеспечивает обратную связь и

психоэмоциональный ресурс для совладания с неопределенностью, снижая зависимость стилей принятия решений от абстрактных мировоззренческих конструкторов. В партнерских отношениях процесс принятия важных решений часто носит диалогический характер, позволяя тем самым разделять когнитивную и эмоциональную нагрузку. Также партнер может выполнять функцию внешнего регулятора, препятствуя крайним проявлениям прокрастинации даже при наличии детерминистских убеждений.

У работающей группы студентов была обнаружена статистически значимая умеренная отрицательная корреляция между научным детерминизмом и сверхбдительностью ($r_s = -0,443$; $p = 0,034$). Этот результат представляется особенно интересным в контексте двойной нагрузки работающих студентов. С одной стороны, работающие студенты, сталкиваясь с жесткими организационными структурами и множеством требований как на работе, так и на учебе, в качестве психологической защиты могут, что называется, начать «проще относиться к жизни» и принимать некоторую предопределенность мира, понимая роль личных усилий в достижении результатов. В контексте сильной нехватки времени они также могут понимать, что излишним беспокойством делу не поможешь. С другой стороны, опыт совмещения работы и учебы развивает у студентов навыки рационального планирования и целеполагания, что снижает склонность к повышенной тревоге, характерной для сверхбдительности.

Совершенно противоположная картина наблюдается в группе неработающих студентов. Здесь выявлены две статистически значимые слабые положительные корреляции между фаталистическим детерминизмом и сверхбдительностью ($r_s = 0,277$; $p = 0,006$), а также между научным детерминизмом и сверхбдительностью ($r_s = 0,219$; $p = 0,03$). Детерминизм, как фаталистический, так и научный, у неработающих студентов может проявляться особенно ярко, т. к. отсутствие трудового опыта ограничивает их представления о возможностях влияния на жизненные обстоятельства. Студенту может казаться, что он делает недостаточно по сравнению с ребятами, которые совмещают учебу и работу, вследствие чего, даже не имея необходимости в работе, он будет стараться поднять свою ценность, тревожно перебирая варианты своей занятости, так и не осуществляя реальных действий по устройству на работу. Таким образом, сверхбдительность будет использоваться как непродуктивный компенсаторный механизм в попытке снизить уровень тревоги. Также он может считать, что другие студенты способны к совмещению ввиду того, что у них от природы более устойчивая нервная система, или обстоя-

тельства их жизни сложились так, что работа им была предоставлена по знакомству.

Таким образом, результаты исследования расширяют понимание условий, которые могут видоизменять процесс принятия решений. Результаты могут быть применены для разработки психологических тренингов, направленных на формирование адаптивных стилей принятия решений; для коррекции непродуктивных стилей через работу с мировоззренческими убеждениями с учётом индивидуальных особенностей и жизненных обстоятельств студентов.

Библиографические ссылки

1. *Корнилова Т. В.* Риск и принятие решений: психология неопределенности. М.: Изд-во МГУ, 2014. 242 с.
2. *Корнилова Т. В.* Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 31. С. 4.
3. *Paulhus D. L., Carey J. M.* The FAD-Plus: Measuring lay beliefs regarding free will and related constructs // Journal of personality assessment. 2011. Vol. 93, № 1. P. 96–104.
4. *Корнилова Т. В., Оуян Ц., Максарева Л. Б.* Латентные профили стилей принятия решений: кросс-культурное сравнение российской и китайской выборок // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 32–57.
5. Why are depressive individuals indecisive? Different modes of rumination account for indecision in nonclinical depression / R. Di Schiena [et al.] // Cognitive Therapy Research. 2013. Vol. 37. P. 713–724.
6. Decision-Making and the alternative Five Factor Personality Model: Exploring the role of personality traits, age, sex and social position / P. Urieta [et al.] // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. P. 1–12.

СВЕТОВОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР РИСКА ДЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Е. О. Гайдукевич

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,

220030, г. Минск, Беларусь, egajdukevich@bk.ru

Научный руководитель — Ю. Г. Фролова, кандидат психологических наук, доцент

В статье рассмотрено световое загрязнение как потенциальный средовой фактор, способствующий нарушению психофизиологической регуляции. Статья посвящена анализу светового загрязнения как возможного фактора, связанного с рисками для психического здоровья. Рассматриваются механизмы воздействия искусственного освещения через циркадную систему и светочувствительные ганглиозные клетки сетчатки (ipRGC), играющие ключевую роль в регуляции сна, настроения и когнитивных функций. Обобщены данные, указывающие на связь между нарушением светотемнового режима и вероятностью развития аффективных и тревожных расстройств. Подчёркивается значимость таких параметров, как спектральный состав света, время воздействия и уровень mel-EDI, а также необходимость учета индивидуальных различий в светочувствительности.

Ключевые слова: световое загрязнение; психическое здоровье; mel-EDI; освещение; невизуальные эффекты света.

Несмотря на некоторое замедление темпов урбанизации в последние годы, технический прогресс продолжает трансформировать повседневный уклад жизни человека, изменяя условия его существования. Современный город активно функционирует как днём, так и ночью, и искусственное освещение в тёмное время суток стало его неотъемлемой частью, при этом уровень освещённости городских пространств ежегодно возрастает, что вызывает всё большее беспокойство. Ряд исследований указывает на возможную связь между световым загрязнением — как наружным (в городской среде), так и внутренним (в помещениях) — и нарушениями психического здоровья [5, 6, 9, 13, 14]. Термин «световое загрязнение» был впервые использован в XIX веке, хотя первые попытки описания и анализа данного явления появились значительно раньше — в контексте наблюдений за влиянием искусственного ночного освещения на миграцию птиц. Действительно, световое загрязнение влияет не только на благополучие человека, но также играет существенную роль в усугублении экологических проблем по всему миру, нанося ущерб как животным, так и растительным организмам [9].

Международная комиссия по освещению (CIE — International Commission on Illumination), организация, устанавливающая международные стандарты в области светотехники, определяет световое загряз-

нение как «сумму всех неблагоприятных воздействий искусственного света» [3]. В настоящее время выделяют несколько основных форм светового загрязнения [1, 2]: переосвещение — чрезмерное использование света в местах, где он не требуется; световая инвазия (также «проливной свет»); ослепляющий свет — вызывает блики и может временно или полностью затруднять зрение; свечение ночного неба — эффект оранжевого/желтоватого свечения, возникающий при рассеивании света в атмосфере; световой беспорядок — хаотичное скопление ярких источников света, мешающее восприятию окружающей среды. В целом любой источник электрического освещения может способствовать формированию светового загрязнения.

Световое загрязнение оказывает значительное влияние на жизнедеятельность как человека, так и животных. Если такие проявления, как блики и световой беспорядок, преимущественно связаны с рисками снижения эффективности деятельности, повышением утомляемости и ростом вероятности травматизации, то гораздо более существенными с точки зрения здоровья являются эффекты переосвещения — особенно в вечернее и ночное время. К числу ключевых последствий светового загрязнения относятся нарушения сна и нарушения циркадных ритмов [9]. Эти факторы играют важную роль в патофизиологии аффективных расстройств, включая депрессивные и биполярные расстройства.

Основной механизм воздействия света на психическое состояние человека связан с его влиянием на циркадные ритмы. Циркадная система представляет собой биологический механизм, регулирующий цикличность физиологических процессов на протяжении суток, согласовывая внутренние ритмы организма с внешними световыми и темновыми циклами. Эта система отвечает за поддержание суточных ритмов, включая сон, бодрствование и гормональную активность, что обеспечивает адаптацию организма к изменяющимся условиям окружающей среды [6]. Данная система включает 3 основных компонента — афферентные синхронизирующие пути; центральный генератор (или «главные часы»), ответственные за генерацию циркадных ритмов; и эфферентные пути [7]. Циркадные ритмы связаны с настроением через взаимодействие супрахиазматического ядра (SCN) с центрами регуляции настроения. «SCN посылает сигналы через прямые и косвенные проекции по всему мозгу различным областям, участвующим в регуляции настроения, включая паравентрикулярное ядро гипоталамуса (PVN), паравентрикулярное ядро таламуса, дугообразное ядро, псевдопоперечное ядро, голубое пятно и ядра шва. SCN также регулирует гипоталамо-гипофизарную надпочечниковую ось (HPA) через PVN. Циркадные нарушения часто сопровождаются дисрегуляцией оси HPA, а глюкокортикоидные гормоны ока-

зывают комплексное воздействие на многие системы, включая нервную и иммунную систему». [7] Нарушения циркадных ритмов ассоциируются с развитием депрессии, сезонного аффективного расстройства и биполярного расстройства [7].

Свет является основным источником информации для синхронизации циркадной системы с внешней средой. Долгое время считалось, что синхронизация циркадных ритмов осуществляется исключительно с участием палочек и колбочек — классических фоторецепторов сетчатки. Однако впоследствии был открыт третий тип светочувствительных клеток — внутренне светочувствительные ганглиозные клетки сетчатки (ipRGC), содержащие фотопигмент меланопсин, чувствительный к свету в диапазоне 480–490 нм [10]. Данные клетки имеют несколько видов; они отличаются как чувствительностью к свету, так и проекцией в области мозга. Каждый тип вносит вклад в формирование невизуальных реакций, в зависимости от длины волн, области воздействия на сетчатку, продолжительности воздействия, времени суток и т.д. IpRGC активируются как напрямую за счёт меланопсинового фоточувствительного механизма, так и косвенно — через синаптический вход от палочек и колбочек [12]. ipRGC играют ключевую роль в регуляции циркадных ритмов благодаря прямой проекции в супрахиазматическое ядро (SCN), которое как известно отвечает за регуляцию у реальных ритмов. «Свет, безусловно, является самым мощным циркадным сигналом, и ipRGC являются первичными клетками, которые несут этот сигнал, так как удаление этих нейронов ... вызвало значительно меньшие фазовые сдвиги в циркадных ритмах этих животных, выявив решающую роль сигнализации меланопсина.» [8] Кроме проекции в супрахиазматическое ядро, ipRGC направляют сигналы также в структуры, участвующие в регуляции аффективного и когнитивного реагирования, включая миндалину, паравентрикулярное ядро гипоталамуса и околотовопроводное серое вещество, что опосредует участие света в модуляции настроения, уровня активации и внимания [10].

В последние годы внимание исследователей привлекают и другие потенциальные пути воздействия света на физиологические процессы, в том числе через кишечную микробиоту. Было показано, что ежедневные колебания состава микробиома зависят от светотемнового цикла: освещение в ночное время может нарушать нормальные циркадные ритмы микробиоты и приводить к её дисбалансу [14].

Наиболее выраженное воздействие искусственный свет оказывает, по-видимому, в вечерние и ночные часы, так как именно в это время нарушается естественный цикл света и темноты, обеспечивающий синхронность циркадных ритмов. Ряд экспериментальных и прикладных

исследований показывает, что воздействие света в коротковолновом диапазоне (480–490 нм) в вечернее время задерживает секрецию мелатонина, что нарушает циркадный ритм и ухудшает качество сна. Регулярное превышение рекомендованных значений mel-EDI в вечерние и ночные часы может быть связано с повышенным риском развития метаболических и аффективных нарушений [1]. Согласно систематическому обзору Tancredi и соавторов, повышенное воздействие света в ночное время связано с увеличением риска развития депрессии, генерализованного тревожного расстройства, биполярного расстройства, психозов и поведения, связанного с самоповреждением. В то же время более высокая экспозиция дневному свету, напротив, демонстрирует обратную зависимость [13].

Физиологические эффекты светового воздействия зависят от его спектрального состава, интенсивности, длительности и времени суток [3, 4, 14]. Кроме того, межиндивидуальные различия существенно влияют на восприимчивость к негативным последствиям нарушения светового режима, например, с такими факторами как возраст, пол, хронотип и этническая принадлежность; имеются данные о том, что молодые люди могут быть более чувствительны к вечернему освещению. Одно из недавних исследований показало, что чувствительность к вечернему свету может отличаться между людьми более чем в 50 раз, что подчёркивает необходимость учёта индивидуальных характеристик в будущих исследованиях и при разработке рекомендаций по освещению [14].

Новые данные привели к разработке стандартов, учитывающих не только визуальные, но и невизуальные эффекты освещения. В частности, предполагается, что спектральная чувствительность меланопсина является наиболее надёжной и экономически обоснованной моделью прогнозирования реакции организма на длительное воздействие окружающего света [12]. Международная комиссия по освещению (CIE) рекомендует использовать mel-EDI — показатель, учитывающий спектральную чувствительность меланопсина, — в качестве основы для оценки и управления невизуальными эффектами [11]. Тем не менее, даже эти рекомендации, по-видимому, пока недостаточны для полноценного учёта всех аспектов воздействия света на человека.

Библиографические ссылки

1. Курочкина В. А., Жирякова А. Е. Световое загрязнение как фактор влияния на человека и окружающую среду // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14, № 1. С. 32.
2. Ланюгов В. А. Экологические проблемы городов из-за светового загрязнения и их решения // Достижения и перспективы научных исследований молодежи : мате-

риалы XIX студенческой научно-практической конференции (Кумертау, 12–13 апреля 2021 г.). Уфа : Уфимский гос. авиационный техн. ун-т, 2021. С. 263–266.

3. CIE S 017/E:2020. ILV: International Lighting Vocabulary. 2nd ed. [Electronic resource]. Vienna : CIE, 2020. 248 p. URL: <https://doi.org/10.25039/S017.2020> (date of access: 24.04.2025).

4. CIE. Light and lighting — Integrative lighting — Non-visual effects: Technical Report [Electronic resource]. Vienna : CIE, 2020. URL: <https://cie.co.at/publications/integrative-lighting-non-visual-effects> (date of access: 24.04.2025).

5. Artificial light at night and risk of depression: a systematic review and meta-analysis / M. Chen [et al.] // *Environmental Health and Preventive Medicine*. 2024. Vol. 29. P. 73. [Electronic resource]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC11701095/> (date of access: 24.04.2025).

6. Czeisler C. A., Wright K. P. Influence of light on the human circadian biology // *Sleep Medicine Reviews*. 1999. Vol. 3, № 6. P. 341–358.

7. Daut R. A., Fonken L. K. Circadian regulation of depression: a role for serotonin [Electronic resource] // *Frontiers in Neuroendocrinology*. 2019. Vol. 54. Article 100746. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9826732/> (date of access: 24.04.2025).

8. Graham D. M., Wong K. Y. Melanopsin-expressing, intrinsically photosensitive retinal ganglion cells (ipRGCs) // *Visual Neuroscience*. 2022. Vol. 39, № 2. P. 1–11.

9. Insights into the effect of light pollution on mental health: focus on affective disorders – a narrative review / G. Menculini [et al.] // *Brain Sciences*. 2024. Vol. 14, № 8. P. 802.

10. Milosavljevic N. How does light regulate mood and behavioral state? // *Clocks & Sleep*. 2019. Vol. 1, № 3. P. 319–331.

11. Schlangen L. J. M. Integrative lighting – paving the way toward healthful light and lighting [Electronic resource] // *Proceedings of the 14th European Lighting Conference (Lux Europa 2022)*, Prague, 20–22 Sept. 2022. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7371105> (date of access: 24.04.2025).

12. Schlangen L. J. M., Price L. L. A. The lighting environment, its metrology, and non-visual responses [Electronic resource] // *Frontiers in Neurology*. 2021. Vol. 12. Article 624861. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fneur.2021.624861/full> (date of access: 24.04.2025).

13. Tancredi S., Urbano T., Vinceti M., Filippini T. Artificial light at night and risk of mental disorders: a systematic review // *Science of the Total Environment*. 2022. Vol. 833. P. 155–185.

14. Reducing nighttime light exposure in the urban environment to benefit human health and society / K. M. Zielinska-Dabkowska [et al.] // *Science*. 2023. Vol. 380. P. 1130–1135.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАСИЛИИ У КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ (ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ)

Го Фэйян

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, woshiqianchujia@gmail.com
Научный руководитель – Е. В. Столярская, кандидат социологических наук*

В работе рассматриваются гендерные различия в восприятии насилия среди китайских студентов. Особое внимание уделено тому, как мужчины и женщины определяют насилие, воспринимают его допустимость, а также какое влияние оказывают культура и семья на формирование этих представлений. Эмпирическая часть включает описание методологии исследования и основных результатов опроса.

Ключевые слова: насилие гендер; восприятие; китайские студенты; культура.

Для сбора данных была использована полуструктурированная анкета, включающая как закрытые, так и открытые вопросы. Темы анкеты охватывали субъективное определение насилия, его допустимость в различных ситуациях, личный опыт респондентов, а также влияние семейного и культурного контекста.

В исследовании приняли участие 36 китайских студентов (21 женщина и 15 мужчин), обучающихся в университетах Китая и Беларуси. Анкетирование проводилось анонимно в онлайн-формате.

Результаты показали, что:

1. Восприятие физического насилия оказалось схожим у представителей обоих полов — все участники признали его насилием.

2. В отношении вербального насилия выявлены значительные гендерные различия: 100% женщин признали его формой насилия, тогда как среди мужчин — около 67%.

3. Восприятие сексуального насилия также различается: только 20% мужчин упомянули его в открытых ответах против 38% женщин.

4. В ситуациях так называемого «мягкого насилия» (например, контроль за партнером, уничижительные шутки) мужчины чаще признавали подобное поведение насильственным, что может говорить о более выраженной чувствительности к нарушению личных границ.

5. Существенные различия выявлены в оценке допустимости насилия: большинство женщин допустили его лишь в случае самообороны, в то время как часть мужчин — также в целях воспитания или в ответ на эмоциональное давление.

Полученные данные демонстрируют, что гендер влияет как на определение насилия, так и на его моральную оценку. Китайский куль-

турный и семейный контекст усиливает эти различия, формируя различные гендерные модели поведения и восприятия границ допустимого.

Настоящее исследование подтверждает, что гендерные различия играют важную роль в формировании представлений о насилии. Эти различия необходимо учитывать при разработке просветительских и профилактических программ, направленных на снижение уровня насилия среди молодежи.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

А. Д. Касперович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, arinakasperovich15@gmail.com
Научный руководитель – Е. В. Плакса, старший преподаватель*

В данной статье описывается проблема мотивации подростков, акцентируя внимание на фундаментальных изменениях в мотивационно-личностной сфере в этот критический период. Также описываются факторы, влияющие на мотивацию в этом возрасте

Ключевые слова: мотивационная сфера; подростковый возраст; учебная деятельность.

Проблема мотивации подростков актуальна, так как в структуре мотивационно-личностной сферы подростка происходят фундаментальные изменения, она приобретает иерархический характер, а также в течение школьной жизни и на разных возрастных этапах имеет свою специфику. В подростковом возрасте происходит интенсивное развитие мотивационной сферы, которая рассматривается как ключевой момент развития личности в современных научных исследованиях становление мотивации. Многие интересы становятся устойчивыми увлечениями, мотивы перестают действовать непосредственно, а возникают в основе сознательного принятого решения [1].

На настоящем этапе развития современной школы формирование мотивации учебной деятельности является наиболее актуальной проблемой в области психологии и педагогики. На сегодняшний день существует проблема мотивации учащихся к учебе. Система образования совершенствуется: школа стремится выпускать учащихся, подготовленных к жизни, способных и заинтересованных в самообучении. Невозможно добиться этого без сильного желания и мотивации учащихся [2].

В книге Х. Хекхаузена «Мотивация и деятельность» рассматривается концепция мотива как внутреннего побудителя активности, который направляет поведение и определяет целеустремленность. Мотивы представляют собой устойчивые ценностные диспозиции, охватывающие классы целей, успех которых оценивается по стандартам совершенства [3].

Однако мотив не тождественен цели, В.И. Ковалев утверждал, что «мотив – осознанное побуждение, а цель – предполагаемый результат поведения» [4, с. 51]. Мотивы предшествуют появлению целей и форми-

руются под влиянием потребностей и в соответствии с имеющейся мотивацией.

А.Н. Леонтьев определяет мотив как объективное основание, в котором потребность конкретизируется, что приводит к побуждению к деятельности [5]. При этом в понятие мотива не входят физиологически обусловленные потребности, такие как голод, жажда или потребность во сне. Связь потребностей и мотивов проявляется и в том, что потребности реализуются в поведении через мотивы, которые могут изменяться в зависимости от ситуации и жизненного опыта. Развиваясь, мотивы способствуют укреплению потребности [3].

Мотивы делятся на внешние и внутренние. Внешние мотивы могут включать желание получить хорошую отметку, показать своим товарищам свое умение решать задачи, добиться похвалы учителя, тогда как внутренние связаны с интересом к учебе и стремлением к саморазвитию [6].

Мотивация – это процесс формирования мотива, состоящий из нескольких стадий: осознание потребности, понимание цели и способа её достижения, а также выбор объекта удовлетворения цели [7]. Мотивационная структура включает множество мотивов, которые могут поддерживать или конфликтовать друг с другом, что особенно актуально в подростковом возрасте, когда личность находится в стадии активного формирования [5].

Согласно возрастной периодизации Д.Б. Эльконина, подростковый возраст делится на младший (12–14 лет) и старший (15–17 лет). Этот промежуток времени считается критическим этапом развития, в ходе которого подросток проходит внутренние конфликты и формирует чувство личности [8]. Главным изменением в этом периоде является развитие мотивационной сферы, включая чувство взрослости и самосознания [1].

В жизни подростков мотивы играют важную роль, определяя их стремления и цели. Этот период характеризуется активным формированием личностных качеств, и именно мотивы становятся основой выбора образовательной и профессиональной траектории. Исследования Л.И. Божович показывают, что у подростков доминируют социальные мотивы, такие как стремление к принадлежности к группе и признанию, что связано с потребностью в социальной идентичности и самоутверждении, что делает понимание мотивов ключевым для работы с подростками. Подростки активно ищут своё место в обществе, что влияет на их мотивацию [9].

Индивидуальные способности, такие как саморегуляция и настойчивость, а также целеполагание, оказывают значительное влияние на мотивацию [10]. Успехи и неудачи формируют уровень притязаний, по-

сле достижения успеха уровень притязаний возрастает, так как человек начинает верить в свои силы и возможности, после неудачи уровень притязаний, как правило, снижается, поскольку человек может начать сомневаться в своих способностях и опасаться повторения негативного опыта [3]. Эмоциональные факторы, такие как положительные эмоции от общения с педагогами, способствуют повышению мотивации. Семья играет ключевую роль в формировании мотивации подростков. Родители, которые активно участвуют в жизни своих детей, помогают им развивать интерес к учебе, формируют позитивное отношение к труду и поддерживают их стремления. Правильное отношение к школе со стороны семьи способно усилить положительные эмоции, приобретаемые в процессе посещения школы [11].

Для подростков характерно укрепление познавательных мотивов и интерес к знаниям, что связано с будущей профессией и личностным развитием. Х. Хекхаузен подчеркивает, что мотивы влияют на выбор действий и формируются в контексте взаимодействия с окружающей средой, учитывая как внутренние, так и внешние факторы.

Исследования показывают, что высокая мотивация у подростков связана с лучшими академическими результатами и устойчивостью к стрессу. Теории мотивации, такие как теория потребностей А. Маслоу и теория самодетерминации Е.Л. Деси и Р.М. Райана, подчеркивают динамичность мотивации в зависимости от контекста и индивидуальных особенностей [12].

Образовательная среда оказывает значительное влияние на формирование мотивации у подростков. Школы и учебные заведения, где создается поддерживающая и стимулирующая атмосфера, способствуют развитию интереса к знаниям и стремления к достижениям. Учителя, находящие индивидуальный подход к каждому ученику и используют современные методы обучения, мотивируют подростков к активному участию в образовательном процессе [13].

Учебная мотивация – это потребность индивида добиваться успеха и избегать неудач, субъективная оценка вероятности успеха в определенных видах деятельности, которая влияет на выбор задач и уровень усилий человека для достижения своих целей. Л.И. Божович подчеркивает, что система мотивов, включая цели обучения и интерес к предмету, формирует учебную мотивацию. Она играет ключевую роль в восприятии и усвоении знаний [3].

Внутренние факторы, такие как заинтересованность и стремление к саморазвитию, влияют на успех в учебе. Многие ученики демонстрируют высокий уровень успешности и имеют высокую или среднюю внутреннюю мотивацию, тогда как ученики с низким уровнем успешности

чаще ориентируются на внешние стимулы или имеют средний уровень внутренней мотивации. Успешные подростки более самостоятельны, стремятся развивать свои способности и не фиксируются на трудностях, воспринимая знания как ценность. Напротив, менее успешные ученики проявляют пассивность в учебе, не стремятся к улучшению результатов и испытывают негативное отношение к обучению. Эта тенденция подчеркивает важность внутренней мотивации для достижения успеха в учебной деятельности [14]. Переход на старшую ступень обучения часто связан с кризисами и увеличением внешних мотивационных факторов, таких как требования к экзаменам. Внешние мотивы, такие как уважение и чувство долга, становятся важными, особенно в классных коллективах [15].

В подростковом возрасте, когда личность активно развивается, мотивация становится особенно важным инструментом для формирования жизненных ориентиров и ценностей. Социальные мотивы в сочетании с индивидуальными качествами и эмоциональной поддержкой создают основу для личностного роста. Подростки сталкиваются с множеством новых вызовов и возможностей, и именно мотивация помогает им ориентироваться в этом сложном мире, преодолевать трудности и достигать успехов. Таким образом, формирование мотивационной сферы – ключевой фактор, определяющий не только учебные достижения, но и жизненную траекторию подростка.

Библиографические ссылки

1. *Зайцева А.П.* Особенности мотивационной сферы подростков // Молодой ученый. 2016. № 18. С. 810–812.
2. *Валетчик А.В.* Характеристика учебной мотивации в подростковом возрасте // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 12 (81). С. 674–678.
3. *Хекхаузен, Х.* Мотивация и деятельность 2-е изд. СПб. : Питер ; М. : Смысл, 2003. 860 с.
4. *Ковалёв В.И.* Мотивы поведения и деятельности. М.: Педагогика, 1988. 240 с.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 92-101.
6. *Маслоу А.* Мотивация и личность. М.: Эдиториал УРСС, 2011. 304 с.
7. Терминологический словарь-справочник по психолого-педагогическим дисциплинам / авт.-сост. Т.М. Барина, Гарипова И.О., Каранова В.В., Леонова Н.П. и др. Магадан: Охотник, 2011. 112 с.
8. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. Проблемы возрастной и педагогической психологии / под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Международная педагогическая академия, 2001. С. 219–448.
9. *Божович Л.И.* Личность и её формирование в детском возрасте. М.: Академия, 2012. 179 с.

10. Чаюн К.Ю., Малова Е.Н. Взаимосвязь компонентов самоотношения и учебной мотивации подростков // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер. пед. и псих. науки. 2023. № 52. С. 132–140.
11. Маркова А.К., Орлов А.А., Фридман Л.М. Мотивация учения. М.: Просвещение, 1983. С. 96–160.
12. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. 2000. Vol. 55, № 1. P. 68–78.
13. Махова А.С., Юрченко О.В. Возрастные особенности развития мотивационной сферы обучающихся 10–11-х классов // Психология и образование. 2023. № 2. С. 365–370.
14. Крицкий А.Г., Комиссарова Т.Ю. Исследование мотивации учения подростков с разным уровнем успешности в учебной деятельности // Грани познания. 2015. № 8. С. 27–31.
15. Макарычева И.Н., Особенности мотивационной сферы подростков как ресурс повышения эффективности учебной деятельности // Концепт. 2012. С. 1–7.

КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В. В. Коваленко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vrvrkovalenko@icloud.com
Научный руководитель – Е. В. Плакса, старший преподаватель*

Данная работа посвящена проблеме клипового мышления в контексте образовательного процесса. Объектом исследования является клиповое мышление. Анализируются положительные и отрицательные стороны данного феномена, а также возможности его интеграции в обучение. Предложены методы развития критического мышления и адаптации образовательных технологий для повышения эффективности усвоения информации в условиях доминирования клипового восприятия.

Ключевые слова: клиповое мышление; образовательный процесс; информационные технологии; критическое мышление.

Актуальность исследования феномена клипового мышления обусловлена стремительными изменениями в информационном пространстве и его влиянием на когнитивные процессы современной молодежи. Клиповое мышление, характеризующееся фрагментарным и поверхностным восприятием информации, становится все более распространенным явлением, затрагивающим различные аспекты образовательного процесса [1]. В условиях, когда основной объем информации поступает в виде коротких видео, текстовых сообщений и мемов, возникает необходимость в адаптации традиционных образовательных подходов к новым реалиям.

К основным проблемам клипового мышления относят отсутствие контекста, фрагментарность информационного потока, высокую скорость переключения, отсутствие целостности картины мира и утрату способностей к анализу и синтезу. За рубежом исследователи подчеркивают, что мозг человека пластичен и трансформируется на протяжении всей жизни, поэтому важно учитывать воздействие информационной среды на формирование когнитивных процессов. Следствием негативных аспектов клипового мышления является снижение критического подхода к получаемой информации, что может приводить к самообману и уязвимости к манипуляциям [1].

С одной стороны, клиповое мышление рассматривается как деструктивный фактор, приводящий к снижению способности к анализу, систематизации и критическому осмыслению информации [2]. Культур-

ролог К.Г. Фрумкин отмечает, что эпитет «клиповое мышление» часто используется в негативном контексте по отношению к мышлению подростков и молодежи [3]. Некоторые утверждают, что именно клиповое мышление несет ответственность за кризис в сфере среднего образования, предлагая использовать тренировочные методики для концентрации внимания. Е.И. Коган указывает на утрату системности мышления и возможность его деградации при чрезмерном погружении в интернет-технологии [4].

С другой стороны, клиповое мышление обладает и рядом преимуществ. Язык образов, используемый в клипах, легче воспринимается человеком и может помочь в процессе обучения, позволяя запоминать большой объем информации, например, новые слова или фразы. К.Г. Фрумкин отмечает динамизм познавательной деятельности и краткость как положительные аспекты клипового мышления [3]. Кроме того, клиповое мышление способствует отфильтровыванию наиболее важной информации и снижает склонность к «застреванию» в трудных эмоциональных ситуациях [5].

Влияние клипового мышления на образовательный процесс проявляется в снижении качества чтения, утрате способности к анализу сложной информации и трудностях в концентрации внимания [1]. Коэффициент усвоения знаний снижается, а учащиеся полагаются на быстрый поиск информации в интернете, не стремясь к глубокому осмыслению материала [5]. Однако, нельзя отрицать, что современные подростки, благодаря клиповому мышлению, способны поглощать и перерабатывать большие объемы информации в динамичной форме, что увеличивает объем их внимания и способность к переключению между задачами.

Интеграция клипового мышления в образовательный процесс требует применения инновационных подходов, ориентированных на визуализацию, мультимедийные технологии и геймификацию [6]. Лекции следует строить по принципу визуализации, представляя информацию в виде клипов, видеофильмов и иллюстративных примеров. Эффективность мультимедийных материалов объясняется с точки зрения когнитивной теории мультимедийного обучения (CTML), которая предполагает, что учебные материалы, разработанные с учетом когнитивных процессов человека, приводят к результативному обучению.

Для преодоления негативных последствий клипового мышления необходимо развивать понятийно-логическое мышление, используя дискуссии, чтение литературы, мозговой штурм, деловые игры и метод парадоксов [2; 7]. Важно формировать у учащихся личное эмоциональное отношение к содержанию изучаемого материала, развивать творческие

формы выражения мыслей и использовать методы, предполагающие частую смену видов деятельности и источников информации [7].

В заключение следует отметить, что клиповое мышление представляет собой вызов для современной системы образования, требующий комплексного подхода к его интеграции. Необходимо сочетать преимущества клипового восприятия информации с развитием аналитических и критических навыков, используя инновационные образовательные технологии и методы, адаптированные к особенностям мышления современной молодежи.

Библиографические ссылки

1. Березовская И. П. Проблема методологического обоснования концепта «клиповое мышление» // *Terra Linguistica*. 2015. № 2. С. 133–138.
2. Гиренок Ф. И. Антропологические конфигурации философии // *Философия науки и техники*. 2002. Т. 8, № 1. С. 408–426.
3. Фрумкин К. Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс] // *Топос*. 2010. URL: <https://www.topos.ru/article/7371> (дата обращения: 23.04.2025).
4. Коган Е. И. Чтение нуждается в защите // *Российская книжность в Америке. Статьи. Портреты. Рецензии*. СПб. 2005. С. 140–146.
5. Кубанцева Д. И. Клиповое мышление в контексте образовательного процесса // *Проблемы современного образования*. 2022. № 6. С. 70–79.
6. Семеновских Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде [Электронный ресурс] // *Науковедение*. 2014. № 5 (24). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (дата обращения: 23.04.2025).
7. Комлева В. В. Клиповое мышление: размышления об адаптации к изменяющейся реальности // *Проблемы современного образования*. 2023. № 2. С. 84–97.

ВЗГЛЯД НА РОМАН М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ АРХЕТИПОВ К. ЮНГА

Д. В. Ковалькова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kovalkovad103@gmail.com
Научный руководитель — Е. В. Столярская, кандидат социологических наук*

Данный доклад посвящен анализу романа Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита" через призму теории архетипов Карла Юнга. Рассматриваются ключевые персонажи романа: Мастер, Маргарита, Воланд, Иешуа и др., и их соответствие архетипам, что позволяет глубже понять внутренние конфликты и социальные взаимодействия. Исследуются темы свободы, власти и человеческой природы, подчеркивая значимость произведения в контексте психологической литературы.

Ключевые слова: архетипы; самость; персона; бунтарь; мудрец; свобода; общество.

Роман Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита" нашел свое место не только среди великой литературы, но еще и явно глубоко пронизан психологическими темами, которые исследуют природу человеческой души, внутренние конфликты и влияние общества на личность. Теория архетипов Карла Юнга позволяют глубже проанализировать художественные образы, созданные М. А. Булгаковым.

Архетипы – врожденные идеи или воспоминания, которые predispose людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом. В действительности, это не воспоминания или образы как таковые, а скорее, именно predisposing факторы, под влиянием которых люди реализуют в своем поведении универсальные модели восприятия, мышления и действия в ответ на какой-либо объект или событие. Врожденной здесь является именно тенденция реагировать эмоционально, когнитивно и поведенчески на конкретные ситуации [1]. Юнг полагал, что каждый архетип связан с тенденцией выражать определенного типа чувства и мысли в отношении соответствующего объекта или ситуации. Например, в восприятии ребенком своей матери присутствуют аспекты ее актуальных характеристик, окрашенные неосознаваемыми представлениями о таких архетипических материнских атрибутах, как воспитание, плодородие и зависимость. Далее, Юнг предполагал, что архетипические образы и идеи часто отражаются в сновидениях, а также нередко встречаются в культуре в виде символов, используемых в живописи, литературе и религии. В особенности он подчеркивал, что символы, характерные для разных культур, часто обнаруживают поразительное сходство, потому что они восходят к общим для всего челове-

ства архетипам. Например, во многих культурах ему встречались изображения мандалы, являющиеся символическими воплощениями единства и целостности «Я». Юнг считал, что понимание архетипических символов помогает ему в анализе сновидений пациента [1].

Количество архетипов в коллективном бессознательном может быть неограниченным. Однако особое внимание в теоретической системе Юнга уделяется персоне, аниме и анимусу, тени и самости. В данном докладе такие герои, как Мастер, Маргарита, Воланд, Фагот, Азазелло, Бегемот, Иешуа будут рассмотрены с точки зрения архетипов: персона и тень, самость, мудрец и правитель.

Мастер – самость

Самость представляет собой сердцевину личности, вокруг которой организованы и объединены все другие элементы. Когда достигнута интеграция всех аспектов души, человек ощущает единство, гармонию и целостность. Мастер, будучи творцом, ищет истинное самовыражение через свой роман о Понтии Пилате. Процесс написания становится для него не только актом творчества, но и способом осознания своей внутренней сути. В диалоге с Маргаритой он говорит: "Я не могу жить, если не пишу"[2]. Это утверждение подчеркивает его связь с самостью, поскольку творчество является его сущностью. Мастер буквально начинает жить тем, что делает и, дальнейшая критика его романа постепенно начинает калечить его психику.

Маргарита – персона

Персона – это наше публичное лицо, то есть то, как мы проявляем себя в отношениях с другими людьми, она обозначает множество ролей, которые мы проигрываем в соответствии с социальными требованиями. Персоной Маргариты является общественно приемлемая женщина: хорошая супруга и замечательная мать. Однако позже Маргарита осознает, что полностью не подходит по такого рода «нормы». Детей у Маргариты нет, а насчет роли супруги она говорила следующее: «Моя драма в том, что я живу с тем, кого я не люблю, но портить ему жизнь считаю делом недостойным» [2]. Но вскоре освобождается от этих оков. Ее превращение в ведьму символизирует истинную сущность и отказ от социальных норм. Её фразы: «Я хочу быть свободной!» / «Невидима и свободна!» подчеркивают её стремление к самовыражению и отказу от маски [2].

Маргарита – бунтарь

Этот архетип символизирует стремление к свободе, протест против угнетения и желание изменить существующий порядок. Маргарита начинает как обычная женщина, подчиненная общественным нормам и ожиданиям. Однако её истинная природа стремится к свободе. Когда она

решает стать ведьмой и отправляется на бал к Воланду, это символизирует её отказ от социальных ограничений. Она говорит: «Я хочу быть свободной!» [2]. Это высказывание подчеркивает её желание избавиться от оков, наложенных обществом, и обрести самостоятельность. Маргарита не просто стремится к свободе; она активно протестует против угнетения и несправедливости. Её решение помочь Мастеру, который страдает от преследования, критики и непонимания, является проявлением её бунтарского духа. Она готова на всё ради его спасения, даже если это требует кардинальных и очень резких решений: «...стуча рукой по столу, сказала, что она отравит Латунского» [2]. В этом контексте она становится символом противостояния системе, которая подавляет индивидуальность и творчество. В этом контексте нельзя не упомянуть сцену разрушения квартиры Латунского. В процессе превращения в ведьму Маргарита открывает свою внутреннюю силу и уверенность. Она не боится использовать магию для достижения своих целей, что подчеркивает её независимость и способность контролировать свою судьбу. Её фраза: «Я сделаю всё, чтобы вернуть его!» показывает её решимость и готовность бороться за то, что она считает справедливым.

Воланд – тень

Тень представляет собой подавленную темную, дурную и животную сторону личности. Тень содержит наши социально неприемлемые сексуальные и агрессивные импульсы, аморальные мысли и страсти. Но у тени имеются и положительные свойства [1]. Воланд олицетворяет тень общества, представляя темные стороны человеческой природы он помогает персонажам раскрыть их подавленные желания и истинные натуры. Его вмешательство в жизнь москвичей становится катализатором, который заставляет их столкнуться с их внутренними конфликтами. Например, когда во время своего выступления он предоставляет людям возможность проявить свои истинные желания, а это часто приводит к абсурдным и трагическим последствиям. Его вмешательство в жизнь людей показывает, как легко они могут поддаться искушению. В его диалогах прослеживается ирония и критика человеческих пороков, когда он говорит: «Люди сами создают свои проблемы» [2]. Эта фраза подчеркивает, что зло и добро переплетены в человеческой природе.

Воланд – правитель

Этот архетип символизирует власть, контроль, лидерство. Он ассоциируется с идеями авторитета, ответственности и организации. Воланд может быть рассмотрен как олицетворение архетипа Правителя. Его роль в судьбах персонажей показывает, что на их выборы влияют не только личные решения, но и высшие силы. Воланд представляет собой фигуру, обладающую огромной властью и знанием. Он контролирует

события в Москве и вмешивается в жизни персонажей. Его фраза: «Я просто наблюдаю за вами», также создается впечатление, что он знает о том, что происходит за рамками смерти и знает места смерти героев: «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер» [2]. «Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Так что заседание не состоится» [2]. Также Воланд использует хаос как средство для восстановления порядка. Его вмешательство вызывает смятение и разрушение старых устоев, что позволяет создать пространство для нового порядка. Через свои действия он показывает, что иногда необходимо разрушить, чтобы построить что-то новое. Это также подчеркивает его роль как Правителя, который принимает трудные решения ради общей справедливости.

Фагот – персона

Фагот выступает в роли весельчака и шутника, что делает его персону яркой и запоминающейся. Он использует юмор и иронию, чтобы скрыть свои истинные намерения и подчеркивает свою роль в обществе. Эта маска позволяет ему действовать свободно, не поддаваясь строгим социальным нормам. Нельзя не упомянуть, что Фагот использует свою персону, чтобы манипулировать другими и влиять на события. Его харизма и остроумие позволяют ему управлять людьми и ситуациями, в то время как он остается в тени. Эта способность проявляется в его взаимодействии с другими персонажами, где он играет важную роль в развитии сюжета.

Азazelло – бунтарь

Как Бунтарь, Азazelло использует провокацию как способ вызвать реакцию у окружающих. Его манипуляции с людьми и ситуациями служат для того, чтобы показать абсурдность существующих порядков. Он подрывает доверие к власти и показывает, что многие правила и законы являются произвольными, что ставит под сомнение их легитимность. Азazelло стремится освободить людей от условностей и стереотипов, навязанных обществом. Он бросает вызов традиционным представлениям о морали и справедливости, что позволяет ему представлять новые идеи и альтернативные взгляды на жизнь. Его присутствие в романе способствует осмыслению вопросов свободы выбора и индивидуальности.

Бегемот – тень

Бегемот является представителем мира демонов, он демонстрирует тёмные аспекты человеческой природы, такие как чревоугодие, гордыня,

жадность и корысть. Его поведение и шуточный подход к жизни подчеркивают разнообразие и сложность человеческих эмоций.

Иешуа – Мудрец

Архетип мудреца – это персонификация жизненной мудрости и зрелости [1]. Иешуа представляет собой символ противостояния власти и угнетению. Его учение о любви и сострадании противоречит жестоким методам и требованиям власти, что приводит к его осуждению: «...всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет никакой власти» [2]. Он становится жертвой системы, которая не может принять его идеи о свободе и справедливости. Как мудрец, Иешуа верит в лучшее в людях: «Злых людей нет на свете, есть только люди несчастливые» [2]. Он полагает, что каждый способен на добро и изменение. Его учение о любви и милосердии отражает его оптимизм и надежду на человечество.

Библиографические ссылки

1. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб. : Питер Пресс, 1997. 608 с.
2. Булгаков М. Мастер и Маргарита. М. : АСТ, 2022. 512 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У ШКОЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ

К. С. Ларичков

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
klarichkov@gmail.com*

Научный руководитель – Е. В. Столярская, кандидат социологических наук

Статья представляет собой описание результатов исследования по поиску особенностей проявления стрессоустойчивости у школьных педагогов с различными уровнями толерантности к неопределенности. Выборку составили 100 человека в возрасте от 20 до 55 лет. В результате было выявлено, что респонденты со средним и высоким уровнем стрессоустойчивости имели более высокие показатели по опроснику толерантности к неопределенности. Также была выявлена взаимосвязь между толерантностью к неопределенности и некоторыми шкалами опросника стрессоустойчивости.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности; стрессоустойчивость; школьные педагоги.

Феномен толерантности к неопределенности образует одно из самых популярных и интересных направлений в современной психологической науке. Изучение толерантности к неопределенности можно встретить в связи с формированием дивергентного мышления старшеклассников, эффективного консультирования, педагогической фасилитации, личностного изменения, воспитания толерантности, самоактуализации личности, педагогического партнерства [6]. На сегодняшний день интерес к проблеме толерантности не становится меньше, глобальная проблема неопределенности человеческого существования, которая возникла из-за увеличения потока ежедневно поступающей информации, причем зачастую негативной, ускорение темпа жизни в современном мире [1] оставляют ее одной из актуальных проблем современности.

Сам термин «толерантность к неопределенности» в психологической науке возник относительно недавно – в XX веке, впервые был предложен Э. Френкель-Брунsvиком в своей работе об изучении авторитаризма в 1948 году. Он понимал под толерантностью к неопределенности эмоциональную и перцептивную переменную личности человека, которую связывал с концептом эмоциональной амбивалентности [5].

На современном этапе большую популярность получило представление о толерантности к неопределенности как о личностной черте, предсказываемой психометрическими шкалами. Но понимание феномена только через призму личностных черт усложняет осмысление про-

цессуально-динамических аспектов взаимодействия индивидуума с неопределенными стимулами и ситуациями [7]. Поэтому большинство авторов склоняются к тому, что толерантность к неопределенности является интегральной личностной характеристикой, которая связана с когнитивно-стилевыми и личностными особенностями человека, развитием идентичности личности и особенностями принятия решения в ситуации личностного выбора. Поскольку *толерантность к неопределенности представляет собой интегральную характеристику*, то формируется она в результате взаимодействия социальных и психологических факторов, действующих в одном направлении, и дает возможность человеку в кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешним миром с целью восстановления равновесия и успешной адаптации к новым условиям [1].

Невзирая на достаточно широкий пласт исследований в теме толерантности к неопределенности, все еще остается открытым вопрос, что определяет отношение человека к неопределенности и его реакции на ситуации неопределенности. Ключевыми задачами для общей психологии и психологии личности является опосредование отношения к неопределенности личностными характеристиками, которые могут выступать в роли ресурсов, обеспечивающих более позитивное восприятие ситуаций неопределенности и совладание с ними [2]. Все сказанное определило цель нашего исследования - охарактеризовать взаимосвязь уровня толерантности к неопределенности и юношеской апатии в период поздней юности.

В исследовании приняли участие 100 человек (79 женщин, 21 мужчин), которые являются преподавателями школ, возраст которых составил от 20 лет до 55 лет, стажем от 1 года до 33 лет. В данной выборке присутствуют как учителя-предметники (69%), так и учителя начальных классов (31%). Сбор данных осуществлялся с помощью следующих методик: шкалы толерантности к неопределенности Д. Мак-Лейна в модификации Е.Н. Осина и опросника психологической устойчивости к стрессу (ОПУС) разработанный Е.В. Распопиным [3; 4]. Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью критерия согласия Колмогорова-Смирнова; а также использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что у 100% выборки уровень толерантности к неопределенности находится на среднем значении, высокий и низкий уровень нами не был обнаружен, что может быть связано с особенностями выборки и выбранным нами профессиональной сферой.

Также был проанализирован распределение всей выборки по субшкалам опросника толерантности к неопределенности Д. Мак-Лейна, что можно увидеть на рисунке 1.

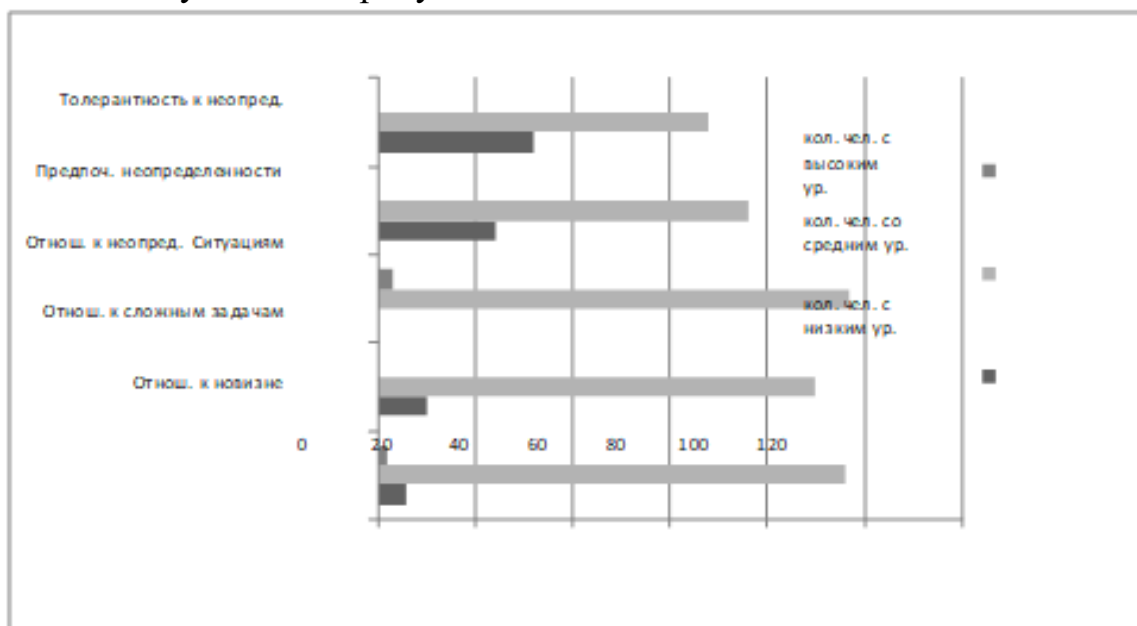

Рис. 1. – распределение испытуемых по субшкалам опросника толерантности к неопределенности

Проанализировав результаты, можно отметить, что у большинства испытуемых результаты по субшкалам опросника расположены на среднем уровне, что соответствует и распределению выборки по итоговому показателю. Это может говорить о том, что большинство субшкал сильно влияют на итоговый балл по основному показателю. Можно предположить, что больше всего будет влиять шкала «Отношение к неопределенным ситуациям», так как по результатам опросника в ней представлено большое количество людей со средним уровнем. Что подтверждается и самим опросником, ведь данную шкалу образуют все обратные пункты, что является большей частью от всего количества вопросов.

В ходе исследования было выявлено, что распределение по уровню стрессоустойчивости в выборке выглядит следующим образом: 52% низкий уровень, 40% средний уровень и 8% высокий уровень. Можно заметить, что большая часть выборки имеет низкий показатель стрессоустойчивости, это говорит нам о том, что школьные педагоги достаточно тяжело приспосабливаются к воздействиям стрессоров. Данные результаты также говорят о том, что стрессоры в достаточной мере будут влиять на уровень активности использования ресурсов организма и психики человека, что будет проявляться в снижении функциональных показателей и работоспособности педагогов.

При проведении корреляционного анализа в отношении всей выборки нами были обнаружены взаимосвязи между субшкалами опросника стрессоустойчивости и итоговым показателем опросника толерантности к неопределённости: итоговым показателем толерантности к неопределённости и изоляцией ($\rho = 0,199$, $p \leq 0,05$) и итоговым показателем толерантности к дефицитом времени ($\rho = -0,297$, $p \leq 0,01$). Стоит отметить, что не было выявлено взаимосвязи между итоговыми показателями обоих опросников, что может свидетельствовать о том, что глобально уровень стрессоустойчивости не влияет на толерантность к неопределённости у педагогов.

Выявленные взаимосвязи можно объяснить особенностью проявления стрессоустойчивости у педагогов. Изоляция позволяет человеку лучше подготовиться к неожиданным воздействиям окружающей среды, что положительно сказывается на отношении человека к неопределённым ситуациям. А отсутствие дефицита времени будет способствовать к спокойной и размеренной адаптации к новым обстоятельствам, что в свою очередь будет минимизировать негативное влияние неожиданных ситуаций. Тем самым их толерантность к неопределённости будет выше. Возможно дальнейшее исследование в этой области показало бы и наличие связи с высоким и низким уровнем толерантности к неопределённости, чтобы ещё больше подтвердило данное предположение.

Таким образом, для более высокого уровня толерантности к неопределённости, характерно более высокие показатели по субшкалами «изоляция» и «дефицит времени». По итогам исследования можно сделать вывод, что опрошенные со средним и высоким уровнем стрессоустойчивости, будут иметь более высокий уровень толерантности к неопределённости.

Библиографические ссылки

1. Вилюжанина Т. А. Толерантность к неопределённости как интегральная личностная характеристика // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. 2018. С. 170-173.
2. Моспан А. Н., Леонтьев Д. А. Личностные ресурсы и совладание с неопределённостью // Материалы VI Международной научной конференции Костромского государственного университета. 2022. С. 283-286.
3. Осин Е.Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределённости Д. МакЛейна // Психологическая диагностика. 2010. №. 2. С. 65-86.
4. Распопин Е. В. Опросник психологической устойчивости к стрессу (ОПУС) // Психологическая диагностика. 2009. №. 3. С. 104-122

5. *Сиротюк М. В.* Исследования толерантности-интолерантности к неопределенности в зарубежной и отечественной психологии // Развитие человека в современном мире. 2015. С. 228-235.
6. *Чагова М. А.* История и современное развитие проблемы толерантности к неопределенности в психологической науке // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2014. №. 1. С. 77-87.
7. *Юртаева М. Н.* Исследование когнитивных и личностных особенностей толерантности к неопределенности // Образование и наука. 2010. №. 8. С. 71-78.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОЗНАННОСТИ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛИЧНОСТИ У ЛЮДЕЙ НА ЭТАПЕ РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Я. Д. Масловская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, г. Минск; maslo.yaros@icloud.com
Научный руководитель — Е.В. Столярская, кандидат социологических наук*

В данной работе мы исследуем взаимосвязь осознанности и жизнестойкости личности у людей на этапе ранней взрослости, изучаем, что такое осознанность и жизнестойкость. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ психологической помощи, тренингов по развитию осознанности и укреплению жизнестойкости взрослого населения, что будет полезно для специалистов в области психологии. Также результаты могут оказаться ценными при чтении дисциплин «Психология личности», «Общая психология», «Педагогическая психология» и для исследователей проблем осознанности и жизнестойкости.

Ключевые слова: осознанность; жизнестойкость; период ранней взрослости; взаимосвязь осознанности и жизнестойкости; этап ранней взрослости

Объект исследования — осознанность у людей на этапе ранней взрослости.

Предмет исследования - взаимосвязь осознанности и жизнестойкости у людей на этапе ранней взрослости.

Цель исследования - охарактеризовать взаимосвязь осознанности и жизнестойкости.

Неустойчивость социально-экономического, общественного, межличностного положения человека, сказывается на психологическом состоянии человека. Чтобы приспособиться к такому напряжению, необходимо приобрести качество, которое позволит эффективно самореализовываться — жизнестойкость [1]. Осознанность — способ проживания реальности с восприятием ее через органы чувств, отслеживанием собственных ощущений, эмоций, мыслей с их принятием, то есть, не анализируя, не вынося оценок и критических суждений. Осваивая роль любопытного наблюдателя, человек созерцает внутренние процессы, но не отождествляет себя с ними [3]. Задачи: 1) определить уровень осознанности у людей на этапе ранней взрослости; 2) выяснить уровень жизнестойкости у людей на этапе ранней взрослости; 3) выявить взаимосвязь осознанности и жизнестойкости у людей на этапе ранней взрослости. В исследовании приняли участие 70 людей на этапе ранней взрослости. Возрастной интервал составляет от 19 до 29 лет. В исследовании участвовали лица мужского и женского пола в отношении 40% и 60%. Сбор данных осуществлялся при помощи онлайн-сервиса Google Form. Для

диагностики психологического содержания структурных компонентов жизнестойкости использовался тест С. Мадди, адаптированный на русский язык Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой [4]. Для диагностики уровня осознанности был применен пятифакторный опросник личности (П. Коста и Р. МакКрэй) [2].

Результаты анализа уровня осознанности у людей на этапе ранней взрослости: 50% людей с низким уровнем, 43% со средним, и 6% с высоким. Из чего мы можем сделать вывод, что данная категория людей находится в процессе формирования осознанности. Женщины: низкий (57%), средний (40%), высокий (3%) Мужчины: низкий (40%), средний (48%), высокий (12%). U-критерий Манна Уитни практически не показал статистически значимых различий осознанности между выборками ($p > 0,05$). На этом основании мы можем сделать вывод о том, что в возрасте ранней взрослости мужчины и женщины проживают жизнь со средне-низким уровнем осознанности.

Анализ жизнестойкости у людей на этапе ранней взрослости показал данные результаты. В соответствии с тестом жизнестойкости были выявлены результаты: 21% с низким уровнем, 70% со средним уровнем, 7% с высоким уровнем жизнестойкости. У большинства испытуемых средний уровень жизнестойкости, что говорит о том, что люди ранней взрослости умеет справляться с трудностями в случае стрессогенных ситуаций. Но также имеется ярко проявленный низкий уровень, как и в анализе уровня осознанности, что свидетельствует о взаимосвязи данных двух феноменов. Также данные результаты можно связать возрастом людей на этапе ранней взрослости или степенью их вовлеченности в свое эмоциональное состояние. Данный критерий не показал статистически значимых различий осознанности между выборками ($p > 0,05$). Различия выявлены только по признаку нереагирование ($p < 0,05$). У девушек показатели значимо ниже, чем у юношей. Это может быть связано с тем, что в обществе женская эмоциональность социально одобряема, поэтому женщины чаще могут позволить эмоции, а мужчины вынуждены сдерживаться, чтобы не казаться немужественными.

Взаимосвязь осознанности и жизнестойкости у людей на этапе ранней взрослости. Корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена позволил установить, что лишь частично существует статистически значимая связь между жизнестойкостью и осознанностью. Между такими признаками, как «описание» ($r = 0,847$, $p \leq 0,05$), «наблюдение» ($r = 0,949$, $p \leq 0,05$), «нереагирование» ($r = 0,343$, $p \leq 0,01$), «осознанная активность» ($r = 0,560$, $p \leq 0,01$), «безоценочное отношение» ($r = 0,877$, $p \leq 0,01$), «контроль» ($r = 0,777$, $p \leq 0,01$) корреляции являются значимыми. И у мужчин, и женщин силь-

ная связь между контролем и вовлеченностью. Полученные результаты можно объяснить тем, что контроль, как адаптивный ресурс, формирует активность. Также предположим, это обусловлено тем, что для поддержания активного участия в жизни несмотря на трудности, необходимо управлять собой, чтобы в случае стрессогенной ситуации не действовать «на автомате», а оставаться в строю жизни.

Также у мужчин видим сильную отрицательную связь: наблюдение — безоценочное отношение. Чем ниже уровень наблюдения, тем выше уровень безоценочного отношения. Предположим, это связано с тем, что при высоком уровне наблюдения человек склонен много размышлять, фокусироваться на внутреннем мире, наблюдается тенденция к рефлексии, это позиция вдумчивого наблюдателя-исследователя, который не ставит задачу немедленно что-то сделать, что может мешать безоценочно относиться к чему-либо, справиться с трудностями извне, потому что сложности чаще всего появляются внезапно и требуют быстрого реагирования, принятия решений. Положительная связь между шкалами наблюдение — описание. Так как позиция наблюдателя предполагает способность замечать то, как разворачиваются наши мысли, эмоции, в первый этап для этого — обозначать, описывать происходящее с человеком. Далее видим положительную связь между шкалами наблюдение — осознанная активность. Высокий уровень осознанности действий может говорить о том, что человеку легко сосредотачиваться на своих действиях, особенно тех, что требуют высокой концентрации. В этом нам и помогает способность к наблюдению, так как мы концентрируемся на действиях, совершаемых в данный момент.

Переходим к анализу результатов среди женщин. Были выявлены три положительные корреляции и две отрицательные, начнем с первых. Наблюдение — нереагирование. Нереагирование предполагает возможность сознательного выбора реакции независимо от эмоциональной оценки ситуации. Допустим, человек находится в кризисной ситуации, в которой может действовать «на автоматизме», поддавшись эмоциям. Присутствие в моменте — наблюдение за тем, что происходит внутри и вокруг нас дает возможность спокойно и ясно мыслить даже в условиях кризиса, помогая понять истинные причины своих чувств, будь то гнев, печаль, радость и что-то другое. Поэтому, способность «нереагирование» тренируется за счет «наблюдения».

Следующая положительная корреляция «описание — нереагирование». Описание позволяет заметить ощущения, эмоции, которые мы испытываем, человек способен описывать, то скорее всего, он неплохо осознает свои мысли, эмоции, ощущения. И это осознание помогает выбирать реакцию, позволяет контролировать себя, так как есть понима-

ние. Осознанная активность — безоценочное отношение. Если человек умеет любой внутренний опыт, эмоции и мысли, даже если они болезненные, принимать как есть, не оценивая их с позиции «хорошие — плохие», без стремления избавиться или подавить, то для него не характерно самокопание и уход в размышления о том, что было бы, если бы ситуация сложилась по-другому. У большинства испытуемых выявлен средний уровень как осознанности, так и жизнестойкости. Это говорит о средней степени умения включаться в ситуацию, при определенных ситуациях для них характерно ощущение собственной беспомощности, недостаточная готовность действовать при отсутствии гарантий успеха, на свой страх и риск. Положительная взаимосвязь между уровнем осознанности и уровнем жизнестойкости личности имеется частично: чем выше уровень осознанности, тем выше уровень жизнестойкости.

Библиографические ссылки

1. *Александрова Л. А.* К концепции жизнестойкости в психологии: Монография // Сб. науч. тр. / Кемерово: Сибирская психология сегодня. Рязань, 2019. С. 30-33.
2. *Голубев А. М.* Особенности применения русскоязычной версии пятифакторного опросника осознанности // Сибирский психологический журнал. № 69. С. 46-48.
3. *Лангер Э.* Осознанность / пер. с англ. М. Табенкина. // Вестник интегративной психологии. Тезисы. Вып. 4. 2018. С. 10-20.
4. *Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. Сборник тестов. Москва, 2006. С. 63.
5. *Порхачева Л. В., Джус К. Я.* Особенности развития личности в период ранней взрослости // Современные проблемы психологии личности: теория и практика. Москва, 2017. С. 80-84.

ВЫРАЖЕННОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У АРТИСТОВ БАЛЕТА С РАЗНЫМ СТАЖЕМ И ДОЛЖНОСТЬЮ

У. А. Николайчик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ulyana.nikolaitchik@gmail.com
Научный руководитель — А. И. Кулак, кандидат психологических наук, доцент*

На современном этапе развития психологической науки, практически отсутствуют какие-либо исследования артистов балета, которые подвергаются особым требованиям и нагрузкам, связанным с интенсивными занятиями танцами, репетициями, выступлениями и соревнованиями, и мы наталкиваемся на вывод о важности и острой необходимости исследований в области эмоционального выгорания у артистов балета. Данная работа направлена на восполнение дефицита исследований артистов балета с психологической точки зрения. Приводятся результаты теоретического анализа и эмпирического исследования эмоционального выгорания у артистов Большого театра Республики Беларусь.

Основной целью исследования являлось установить выраженность эмоционального выгорания у артистов балета с разным стажем и должностью. По итогам исследования были выявлены статистически значимые различия в выраженности эмоционального выгорания у артистов разного стажа и разных должностей. Результаты исследования могут послужить базой для дальнейших исследований психоэмоциональных особенностей артистов балета, а также для разработки программ поддержки для снижения уровня выгорания в данной профессиональной группе.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; артист балета; выгорание при разном стаже работы; выгорание при разной должности.

На сегодняшний день в вопросе выгорания в психологии не достигнуто терминологического единства. Обобщая все существующие подходы, можно прийти к выводу, что синдром выгорания представляет собой деформацию, возникшую вследствие эмоционально напряженных отношений в профессиональной деятельности [10]. Его последствия могут проявляться в психосоматических и психологических изменениях личности [3]. Существует различные классификации выгорания и самих факторов его вызывающих. Многие исследователи сходятся во мнении, что основными факторами, вызывающими выгорание являются административные, управленческие и коммуникативные недостатки организации, недоброжелательный психологический климат [8]. Статусно-ролевые и личностные особенности работника также играют немаловажную роль в возникновении и развитии синдрома. Авторы часто расходятся во взглядах на выгорание поскольку рассматривают его с точки зрения разных профессий. В данной статье мы рассматриваем синдром выгорания с точки зрения профессии артиста балета.

Специфичность балетного искусства обуславливает множество факторов, способствующих возникновению стресса и увеличивающих риск возникновения и развития выгорания [5]. К уникальным стрессовым факторам, связанным с социальной природой балета, можно отнести раннее начало обучения, ежегодные аттестации, взаимосвязь теоретических знаний и сценической практики, строгую системность, сочетание хореографических и общеобразовательных дисциплин, высокий риск отчисления, психологическое давление со стороны хореографа, жесткую конкуренцию среди артистов балета и постоянное стремление к профессиональному совершенствованию без учета индивидуальных физиологических особенностей, а также телесное насилие в процессе подготовки и липофобию [1]. Кроме того, сложность добавляет противоречие между «Я-реальным» и «Я-идеальным», что приводит к внутреннему конфликту между субъективным восприятием собственных способностей и их оценкой со стороны балетмейстера [6]. Таким образом, освоение профессии артиста балета становится настоящим испытанием из-за значительных физических, моральных и эмоциональных нагрузок на обучающихся, начиная с детского возраста [4]. Это подчеркивает необходимость исследования феномена выгорания среди артистов балета.

Все выше сказанное и определило *цель нашего исследования* - установить выраженность эмоционального выгорания у артистов балета с разным стажем и должностью.

Определение уровня выраженности выгорания проводилось с использованием *методики Диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко* [2]. Выборку исследования составили артисты балета Большого театра оперы и балета Республики Беларусь, являющиеся выпускниками Белорусского государственного хореографического колледжа. Всего в исследовании приняли участие 60 артистов балета различного стажа работы, из которых 6 человек в возрасте 17 лет, 3 – 18 лет, 10 – 19 лет, 10 – 20 лет, 13 – 21 года, 8 – 22 лет, 4 – 23 года, 6 – 24 лет; среди которых 51 респондент женского пола (85 %) и 9 мужского (15 %), что связано со спецификой профессиональной направленности. В исследовании приняли участие 29 респондентов, занимающих должность артиста кордебалета, 10 - корифея, 8 - стажера, 9 - солиста, 4 - ведущих мастеров сцены. 16 человек работают один год, 10 человек – 2 года, 21 человек - 3 года, 2 человека – 4 года, 9 человек - 5 лет, 2 человека – 6 лет, 2 человека – 7 лет.

По итогам проведенного исследования было выявлено, что среди всех респондентов, то есть стажеров, артистов кордебалета, корифеев, солистов и ведущих мастеров сцены 27 % обладают слабо выраженными

синдромом выгорания, 68 % — средне выраженным, 5 % — сильно выраженным синдромом, что соответствует нормальному распределению.

Статистически значимые результаты были получены в результате анализа нормального распределения по уровню выраженности выгорания, относительно занимаемой артистами балета должности с помощью непараметрического критерия хи-квадрата Пирсона ($p=0,015$). Так, было выявлено следующее: слабо выраженный уровень выгорания наблюдаются у артистов кордебалета (81 %), ведущих мастеров сцены (6 %) и солистов (13 %). Среднее значение в данной группе составило 91 балл. Средне выраженный синдром наблюдается у ведущих мастеров сцены (7 %), артистов кордебалета (36 %), солистов (17 %), стажеров (14 %) и корифеев (24 %). Среднее значение в данной группе составило 175 баллов. А сильно выраженный уровень был зафиксирован только у стажеров (67 %) и артистов кордебалета (33 %). Среднее значение в данной группе составило 257 баллов.

Таким образом, по непараметрическому критерию хи-квадрат Пирсона у стажеров был выявлен средний и сильно выраженный уровень выгорания, у артистов кордебалета – как слабо и средне, так и сильно выраженный, у всех корифеев – только средне выраженный, у солистов – слабо и средне выраженный, у ведущих мастеров сцены – слабо и сильно выраженный. Однако преобладающее число респондентов среди всех должностей испытывают средний уровень выгорания. По нашему мнению, более высокий уровень выгорания среди стажеров может быть объяснен тем, что они находятся на начальном этапе своей карьеры, могут испытывать неопределенностью относительно их будущего, а также периодом адаптации к новым условиям работы в театре. В то время как более опытные артисты (корифеи, солисты, ведущие мастера сцены) могут иметь более развитые навыки совладания с профессиональными стрессами. Стажеры и артисты кордебалета часто выполняют более рутинные и физически более монотонные задачи, что может приводить к физическому и эмоциональному истощению. По-видимому, солисты и ведущие мастера, хотя и несут большую ответственность за выступления, могут иметь больше возможностей для самовыражения и творческой реализации, что может снизить уровень выгорания [7].

Далее при анализе полученных данных по отдельным симптомам, выделяемых в данной методике, относительно занимаемым должностям по непараметрическому критерию Краскала-Уоллиса ($p<0,05$) были получены следующие данные: стажеры, корифеи и солисты испытывают высокий уровень напряжения, тревоги и депрессии. Корифеи демонстрируют значительные эмоциональные проблемы, включая истощение, дефицит и отстраненность, а также психовегетативные нарушения. Ста-

жеры также показывают высокие уровни резистенции и неадекватного эмоционального реагирования. В целом, все группы работников сталкиваются с серьезными психологическими трудностями.

Что касается стажа, нами были получены следующие результаты: среди артистов, обладающих слабо выраженным синдромом выгорания 31 % работает в театре 1 год, 13 % – 2 года, 50 % – 3 года, 6 % – 6 лет. Среди артистов, обладающих средне выраженным синдромом выгорания 20 % работают 1 год, 17 % – 2 года, 29 % – 3 года, 5 % – 4 года, 22 % – 5 лет, 2 % – 6 лет, 5 % – 7 лет. Среди артистов, обладающих сильно выраженным синдромом выгорания, 67 % работают 1 год, 33 % – 3 года.

Результаты корреляционного анализа также показали, что между стажем и отдельными симптомами, такими как неадекватность эмоционального реагирования и психосоматические психовегетативные нарушения, имеется положительная взаимосвязь. А редукция профессиональных обязанностей имеет отрицательную взаимосвязь со стажем. Следовательно, с увеличением стажа работы в театре, у артистов балета увеличивается выраженность неадекватности эмоционального реагирования ($r = 0,386$, $p = 0,002$), психосоматических психовегетативных нарушений ($r = 0,363$, $p = 0,004$) и уменьшается редукция профессиональных обязанностей ($r = -0,288$, $p = 0,026$). Мы считаем, что длительная работа в стрессовых условиях театра может негативно сказываться на эмоциональном состоянии и здоровье артистов, а также на то, что опытные артисты чаще сохраняют свои профессиональные роли и обязанности, возможно, благодаря накопленному опыту и навыкам.

Таким образом, по результатам проведенного нами исследования, можно сделать вывод, что уровень выгорания у артистов балета зависит от стажа работы и занимаемой ими должности. Наше исследование обладает высокой научной значимостью, поскольку до настоящего времени высокий уровень выраженности выгорания у артистов лишь обсуждался, без проведения сравнительных исследований.

Библиографические ссылки

1. Алферов А. А., Седракан Т. Г. О подготовке будущих артистов балета (к вопросу системы хореографического образования) // Academia : Танец. Музыка. Театр. Образование. 2017. № 2. С. 65-70.
2. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении СПб., 1999.
3. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб. : ПИТЕР, 2008. 336 с.
4. Михеева С. П. Методические принципы профессиональной подготовки артиста балета // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 173-177.

5. *Николайчик У. А.* К вопросу о выраженности стресса у учащихся хореографического колледжа // Человек. Культура. Общество : сб. науч. ст. 21-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. филос. и соц. наук Белорусского государственного университета, 26 апреля 2024 г., г. Минск / БГУ, Фак. философии и соц. наук ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) и др.]. Минск : БГУ, 2024.

6. *Николайчик У. А.* Психологический стресс у учащихся хореографического колледжа // Роль молодых ученых в развитии науки : сб. науч. ст. I Международной научно-практической конференции молодых ученых, 26 апреля 2024 г., г. Минск / БГУ, Фак. междунар. отношений ; Минск : БГУ, 2024.

7. *Николайчик У. А.* Факторы профессионального стресса у артистов балета // Человек. Культура. Общество : сб. науч. ст. 20-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. филос. и соц. наук Белорусского государственного университета, 27 апреля 2023 г., г. Минск / БГУ, Фак. философии и соц. наук ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) и др.]. Минск : БГУ, 2023. С. 732-735.

8. *Maslach C. A.* Mltidimentional Theory of Burnout // Theories of Organizational Stress. Oxford, 1994. P. 68–85.

10. *Perlman B., Hartman E. A.* Burnout: summary and future research // Human relations. 1982. V. 35 (4).

НАРРАТИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЪЕКТИВАЦИИ ЭКЗАМЕНАЦИОННОГО СТРЕССА

Н. А. Толочко

*Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь, natyga32@gmail.com
Научный руководитель — Л. А. Пергаменичик, доктор психологических наук,
профессор*

В данной статье описывается нарративный подход в исследовании способов саморегуляции экзаменационного стресса у обучающихся. В основе данного метода лежит феноменологический подход, который характеризуется глубоким исследованием личности и процессов его внутреннего мира. Реконструкция текста, которая следует за анализом интервью, позволяет выявить особенности восприятия мира, мотивацию и ценности респондента и потому является эффективным качественным методом исследования и способом объективации экзаменационного стресса.

Ключевые слова: экзаменационный стресс; переживание; стратегии совладания со стрессом.

В современных исследованиях социальных и личностных процессов довольно часто используется процедура анализа с помощью текстовых данных. В зарубежной психологии это метод нарративного интервью, и специалисты используют данный подход в ситуации помощи жертвам насилия, буллинга, проживания потери или в работе с онкопациентами. В западной психологии нарративы используются в работе с клиентами Дэвидом Дэнборо, Мишель Кроссли. В отечественной психологической практике данный метод представлен исследованиями Н. П. Бусыгиной, А. Н. Улановским и другими.

В основе нарративных и дискурс методов лежит феноменологический подход, ориентированный на изучение субъективного опыта и внутренних переживаний человека. Он ориентирован на выявление мотивов действий, защитных механизмов и способов саморегуляции, в то время как традиционные количественные методы выявляют закономерности и обеспечивают краткое представление о той или иной ситуации [4, с. 15].

Феноменология отличается описательностью. Ей важно работать со смыслами исследуемых, поскольку понимание происходит в процессе толкования. Для того чтобы процедуру интерпретаций можно было упорядочить, к тексту задаются определенные фиксированные вопросы. Н. П. Бусыгина в своей статье «Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических иссле-

дованиях» упоминает случай, в котором она выясняла причину психологического напряжения у медицинских сестер в клинике [1, с. 54].

Проведя интервью, она использовала метод триангуляции, который позволяет собрать дополнительную информацию из разных источников, чтобы затем интерпретировать текст. Особенное положение, которое занимают медсестры в данной клинике, является причиной возникновения их личных внутренних переживаний. Техника триангуляции представляет дополнительные источники информации от внешних свидетелей и позволяет представить глубокие возможности для постижения субъективной реальности респондента.

Скептическое отношение к качественным методам исследования возникают при их поверхностном рассмотрении. Данные исследования фокусируются на индивидуальных историях и позволяют двигаться вглубь личности. Изучение жизненного пути выявляет в личности особенности, которые не повторяются и создают ощущение уникальности данного человека. При этом метод научных эмпирических исследований подразумевает сбор данных, их сортировка по общим признакам. На раннем этапе психодиагностических исследований проводились измерения способностей человека видеть, слышать, осязать. Более поздний этап в истории психологии предполагает обращение к более тонким конструкциям личности, их ценностям и смыслам. Об этом впервые заговорили представители гуманистической психологии, К. Роджерс, А. Маслоу и др. Внутренний мир человека раскрывается в процессе диалога, в результате совместной деятельности и по желанию самого собеседника.

Реконструкция текста, полученного в результате интервью, исходит из понимания контекста, в котором живет и действует респондент. Однако опыт интервьюера играет немаловажную роль. Анализ текста опытным интервьюером проходит эволюция от простого диалога до понимания глубинных процессов и мотивов личности. В трактате «Феноменологии духа» автор упоминает, что пришло время, когда люди обесценивают философский поиск истины, ее часто считают формальной, бес одержимым знанием [3, с. 42].

Качественный анализ, дискурс-анализ или нарративное интервью направлены на понимание философской основы поиска истины. Если данные процессы воспринимать как эмпирические процедуры без философского понимания, это ведет к примитивизму, редукции смыслов, отсутствию методологии. Гегель утверждает, что без философии любые науки не могут обладать ни жизнью, ни духом, ни истиной. Без рефлексии или диалектики противоречивый качественный анализ редуцируется до сбора данных.

Например, в нашем исследовании экзаменационного стресса у студентов важно не только объективировать переживание обучающихся, но также обнаруживать стратегии совладания со стрессом.

Отрывок интервью с Марией

Н: Расскажите, как проходила подготовка к экзамену?

М: Вообще стрессово. Я, наверное, сама по себе очень стрессовый человек. У меня любые какие-то беспокойства, какой-то стресс, все дела.

Н: Расскажите подробнее.

М: Ну, потому что, когда стрессуешь, тебе все кажется страшным, каким-то недостижимым, а после того, как прошел какой-то экзамен, и он проходит для тебя очень легко, тебе потом кажется, что от чего ты беспокоился, зачем.

Н: То есть впоследствии уже думаете, что, возможно, не стоило столько беспокоиться?

М: Да. Многие вот думают, что зря только беспокоилась.

Стоит обратить внимание, что студентка говорит: «Многие думают, что зря беспокоилась».

Обобщение: студентка обобщает свой опыт, приписывая аналогичные мысли неопределенной группе людей. Это может означать попытку нейтрализовать свое беспокойство и снизить личную ответственность (таблица).

Самореабилитация: этот приём помогает студентке восстановить самооценку после стресса. Вместо признания собственной ошибки («Я зря переживала») она смягчает критику через обезличенное суждение. Например, фраза «Не я одна такая – многие так считают» указывает на минимизацию самокритики.

Дистанцирование: говоря «многие», студентка дистанцируется от болезненного опыта. Данный прием позволяет снизить психологическую нагрузку.

Таблица

Речевые стратегии совладания с экзаменационным стрессом

Стратегия	Описание	Психологическая функция
Обобщение	Присвоение личного опыта неопределённой группе	Нейтрализация беспокойства, снижение субъективной ответственности

Самореабилитация	Использование обезличенных формулировок для смягчения самокритики	Восстановление самооценки, избегание прямого признания ошибок
Дистанцирование	Замена местоимения «я» на «многие»	Снижение эмоциональной нагрузки, переход от личного опыта к абстрактному суждению

В нарративном интервью такие языковые единицы как обобщения, обезличивание, дистанцирование указывает на скрытые конфликты в респонденте, а также могут указывать на стратегии совладания со стрессом [1, с. 69].

Респондент использует речь для управления своими эмоциями и конструирования приемлемой версии событий. Это ключевой аспект интерпретации нарративов в качественных исследованиях.

Нарративное интервью как способ объективации стресса или травматического опыта позволяет выявить индивидуальный опыт человека, связать его с переживаниями и представить с помощью языковых средств. Нарративный подход является незаменимым средством для диагностирования стресса и выявления стратегий совладания. Он выявляет механизмы вытеснения или адаптации к стрессу, а также выявляет, какие из стратегий, используемые обучающимися, результативны.

Библиографические ссылки

1. Бусыгина Н. П. Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // Консультативная психология и психотерапия. 2009. Т. 17. № 2. С. 52–76.
2. Гегель Г. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. – М. : Наука, 2000. – 544 с.
3. Дэнборо Д. Свидетельства травмы : схема интервьюирования пострадавших / пер. с англ. под ред. Д. Кутузовой // International Journal of Narrative Therapy and Community Work. 2005. № 3–4. С. 34–42.
4. Кроссли М. Л. Нарративная психология: самость, психологическая травма и конструирование смыслов / пер. с англ. О. В. Гритчина; под ред. А. А. Киселёвой. – 2-е изд., стер. – М. : Гуманитарный центр, 2020. – 284 с.
5. Розенталь Г. Биографическое нарративное интервью : методологические основы и процедура проведения // Биографический метод в социологии / под ред. В. В. Михайлова. – М. : Институт социологии РАН, 2004. – С. 151–180.

СЕКЦИЯ 15. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ

ВЗАИМОСВЯЗЬ МАКИАВЕЛЛИЗМА И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ЛИЦ РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

П. С. Братченя

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, polinor2309@gmail.com
Научный руководитель — Е. И. Климушко, старший преподаватель*

Данная работа посвящена исследованию взаимосвязи между макиавеллизмом и жизнестойкостью у лиц ранней взрослости (18-25 лет). Установлена статистически значимая отрицательная корреляция между уровнем макиавеллизма и жизнестойкостью ($r = -0,398$, $p = 0.003$). Также выявлена отрицательная корреляция между некоторыми компонентами жизнестойкости (вовлеченность, принятие риска).

Ключевые слова: макиавеллизм; жизнестойкость; ранняя взрослость; адаптационные стратегии; личностные ресурсы; манипулятивное поведение.

Ранняя взрослость (18-25 лет) представляет собой критический период формирования личностных стратегий адаптации [1]. В условиях современного общества, характеризующегося высокой конкуренцией и социальной нестабильностью, особую актуальность приобретает изучение взаимосвязи между макиавеллизмом как стратегией социального взаимодействия и жизнестойкостью как способностью преодолевать трудности.

Макиавеллизм традиционно рассматривается в рамках «темной триады» личности наряду с нарциссизмом и психопатией [2]. Согласно Р. Кристи и Ф. Гейзу, данная черта проявляется в манипулятивности, цинизме и прагматичном отношении к социальным нормам [3]. В отличие от этого, жизнестойкость (hardiness), по С. Мадди, представляет собой систему убеждений, способствующую успешному совладанию со стрессом через три ключевых компонента: вовлеченность, контроль и принятие риска [4]. Это свойство личности способствует успешной адаптации к стрессовым ситуациям и является ключевым ресурсом для преодоления кризисов [5].

В исследовании приняли участие 52 человека (26 женщин и 26 мужчин) в возрасте 18–25 лет. Использовались следующие методики:

1. Шкала макиавеллизма личности (МАСН-IV) в адаптации В. В. Знакова. Состоит из 20 утверждений с 7-балльной шкалой ответов [3].

2. Тест жизнестойкости Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой. Включает 45 вопросов, оценивающих три компонента: вовлеченность, принятие риска и контроль [6].

Статистическая обработка данных включала:

- Описательную статистику;
- Критерий Колмогорова-Смирнова;
- Корреляционный анализ (с использованием коэффициента линейной корреляции Пирсона).

Анализ показал, что у подавляющего большинства респондентов наблюдается средний уровень макиавеллизма (63 %). Это говорит о способности лиц ранней взрослости гибко адаптироваться к социальным ситуациям, не прибегая к крайним формам манипуляции или излишней наивности. Этот баланс объясняется тем, что в период ранней взрослости человек уже выходит из подросткового максимализма, но еще не полностью погружается во «взрослый мир». Умеренные показатели также могут быть следствием влияния образования и социализации, поскольку молодые люди учатся выстраивать отношения, не переходя в откровенную манипулятивность. При этом четверть испытуемых (25%) показала высокий уровень макиавеллизма, что может быть связано как с индивидуальными особенностями, так и с влиянием среды. Не исключено, что часть испытуемых может использовать макиавеллистические стратегии как защитный механизм в условиях нестабильности, что характерно для современного общества с его экономическими и социальными вызовами. Низкий уровень макиавеллизма, выявленный у 12% респондентов, может объясняться отсутствием опыта столкновения с манипуляциями или сознательным неприятием подобных стратегий из-за моральных принципов или высокой эмпатии. Возможно, эти люди сознательно выбирают прямолинейность в общении.

Так же в выборке преобладает средний уровень жизнестойкости (62%). Это говорит о достаточно хорошей, но не выдающейся способности справляться с трудностями. При этом довольно значительная часть выборки (27%) имеет низкий уровень жизнестойкости, что может указывать на их высокую уязвимость перед стрессами и сложными ситуациями. Высокий уровень встречается относительно редко (12%), что соответствует общей тенденции –лишь небольшая часть людей обладает исключительной психологической устойчивостью. Такая картина указывает на относительный баланс между манипулятивными и адаптивными страте-

гиями, однако подчёркивает, что жизнестойкость, находящаяся на высоком уровне в выборке выражена значительно реже, чем склонность к прагматичному использованию других.

Переходя к компонентам жизнестойкости, наблюдается неоднородная картина. Вовлеченность характеризуется 40% низкого уровня, что указывает на отстранённость от жизни, недостаток интереса или мотивации, 58% имеют средний уровень, что типично для молодых людей, находящихся в процессе поиска своего места в мире, и лишь 2% – высокий уровень, отражающий целеустремлённость и осмысленность жизни у данных лиц ранней взрослости.

По компоненту контроля преобладает средний уровень (73%), свидетельствующий об умеренной вере респондентов в свою способность влиять на события жизни. Низкий уровень контроля отмечен у 23%, что указывает на возможно присущее данным лицам чувство беспомощности, а высокий уровень контроля встречается редко (4%), поскольку такая уверенность в своем влиянии на обстоятельства характерна лишь для небольшого числа людей. Контроль у респондентов выражен достаточно ярко, что типично для осваивающих молодых людей новые социальные роли.

В компоненте принятия риска 40% демонстрируют высокий уровень, 50% — средний и 10% – низкий. Это отражает склонность современной молодёжи к риску, что может быть как положительной готовностью к изменениям, так и потенциальной проблемой из-за излишней рискованности.

Корреляционный анализ подтвердил наличие статистически значимой взаимосвязи между макиавеллизмом и жизнестойкостью. Была обнаружена умеренно отрицательная корреляция между уровнем макиавеллизма и общей жизнестойкостью ($r = -0.398$, $p = 0.003$), что свидетельствует о том, что лица с более высоким уровнем макиавеллизма склонны проявлять меньшую жизнестойкость. Это может объясняться тем, что макиавеллизм, характеризующийся манипулятивным поведением и циничным отношением к окружающим, препятствует формированию доверительных отношений и эффективных стратегий совладания со стрессом.

Особенно сильная отрицательная связь была обнаружена между макиавеллизмом и компонентом вовлеченности ($r = -0,466$ при $p = 0.000$), что свидетельствует о принципиальных различиях в способах построения социальных отношений. Макиавеллистическая стратегия, предполагающая эмоциональную дистанцию, инструментальный подход к взаимодействиям и восприятие окружающих как средств достижения целей, существенно ограничивает возможности полноценной социальной интеграции, которая является ключевым элементом жизнестойкости. Также была вы-

явлена значимая отрицательная корреляция между макиавеллизмом и принятием риска ($r = -0,345$ при $p = 0.012$), что может объясняться осторожностью и расчетливостью, характерными для лиц с высокими макиавеллистическими чертами.

Проведённое исследование позволило выявить статистически значимую отрицательную взаимосвязь между макиавеллизмом и жизнестойкостью у лиц ранней взрослости. Полученные результаты указывают на то, что высокая выраженность макиавеллистических черт сопровождается снижением способности к преодолению жизненных трудностей, что особенно ярко проявляется в таких компонентах жизнестойкости, как вовлечённость и принятие риска. Это свидетельствует о том, что манипулятивные и циничные стратегии социального взаимодействия могут препятствовать формированию доверительных отношений и адаптивных механизмов совладания со стрессом.

Библиографические ссылки

1. Ильин Е. П. Психология взрослости. СПб. : Питер, 2012. 990 с.
2. Jonason P. K., Webster G. D. The Dirty Dozen: A Concise Measure of the Dark Triad // Psychological Assessment. 2010. Vol. 22, № 2. P. 420-432.
3. Знаков В. В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. №5. С. 16-22.
4. Maddi S. R. The story of Hardiness: Twenty years of theorizing, research, and practice // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 2002. № 54. P. 173-185.
5. Дарвиш О. Б. Особенности жизнестойкости старшеклассников и студентов // МНКО. 2018. №4 (71). С. 356-358.
6. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У РЕБЕНКА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ МАТЕРИ

А. А. Вишневская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, Alesia.shichko@mail.ru
Научный руководитель — Е. И. Климушко, старший преподаватель*

Формирование совладающего поведения ребенка происходит под влиянием процессов семейного взаимодействия и детерминировано родительским копинг-стилем и характером детско-родительских отношений. Ребенок не копирует паттерны копинг-поведения матери, а адаптируется к ним. Описаны результаты изучения копинг-стратегий детей в зависимости от типа родительского отношения и копинг-стратегий матерей. Результаты исследования определили мишени психокоррекционного воздействия.

Ключевые слова: совладающее поведение; копинг-стратегии; тип родительского отношения.

Психологический стресс является наиболее характерным состоянием личности в трудных жизненных ситуациях и кризисных периодах.

Копинг (от англ. to cope – совладать, преодолевать, справляться) представляет собой понятие в психологии стресса и адаптации, терминологическое поле которого продолжает меняться ввиду непрекращающихся исследований данного вопроса и уточнений в связи с получением новых знаний [5].

Феномен совладающего поведения изучается в контексте различных форм межличностных отношений. В противовес акценту на индивидуальном совладающем поведении существует подход, рассматривающий взаимосвязь между стилем копинг-поведения личности и межличностного процесса регуляции [1].

Отдельный интерес представляет взаимосвязь копинг-стратегий ребенка и матери. Способам совладающего поведения ребенок «обучается», взаимодействуя с матерью, взаимодействуя со взрослыми и детьми в семье и социуме. Специфика выбора ребенком копинг-стратегий обуславливается также условиями жизни и системой отношений в семье, которые заданы ее структурой, формой взаимоотношений между членами семьи.

Родительское отношение – это целостная система разнообразных чувств по отношению к ребенку со стороны родителя, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ребенком, особенности воспри-

ятия и понимания его индивидуально-психологических особенностей и поступков [2]. А.Я. Варга под родительским отношением подразумевает целостную систему чувств родителя к ребенку, а также поведенческих стереотипов, практикуемых родителем в общении с ребенком [3].

Основными задачами данного исследования стали выявление взаимосвязи копинг-поведения ребенка и его матери в диаде «мать-ребенок» и определение копинг-стратегий ребенка при разных типах родительского отношения со стороны матери.

В исследовании приняли участие 60 человек (учеников и их матерей) на базе средней школы №225 г. Минска: 30 детей в возрасте 11-12 лет и их матерей в возрасте 30-52 года из полных и неполных семей. Всех детей можно отнести в условной норме: детей с проблемами психического развития в выборке нет. Все диады проживают в г. Минске, образовательный статус матерей разный.

Основные гипотезы исследования: существует взаимосвязь между формирующимися копинг-стратегиями ребенка и копинг-стратегиями матери; существует взаимосвязь между формирующимися копинг-стратегиями ребенка и типом родительского отношения.

Методологической базой исследования выступают транзактная теория стресса Р. Лазаруса и типология родительского отношения А.Я. Варги и В.В. Столина.

В качестве инструментов исследования выбраны следующие методики сбора данных:

- опросник «Способы совладающего поведения» (ССП) С. Фолкман и Р. Лазаруса, стандартизированного в лаборатории клинической психологии и медицинской психодиагностики Санкт-Петербургского научно-исследовательского Психоневрологического Института им. В.М.Бехтерева [4];

- опросник копинг-стратегий детей школьного возраста в адаптации Н.А. Сироты, В.М. Ялтонского;

- опросник родительского отношения к детям (ОРО) А.Я. Варги, В.В. Столина.

В качестве метода статистической обработки результатов исследования предполагается использование корреляционного анализа для проверки наличия связи между переменными (ее силы и направления), посредством вычисления коэффициента корреляции в пакете статистических программ «STATISTICA 10».

Статистически значимыми ($p \leq 0,05$) оказались связи между зависимой переменной «эффективные стратегии ребенка» и независимыми переменными материнского копинга «конфронтационный копинг», «пла-

нирование решения проблемы», «положительная переоценка» (таблица 1).

Таблица 1

Характеристики корреляции показателей совладающего поведения матерей и копинг-стратегий детей

Копинг-стратегии матерей	Копинг-стратегии детей	Коэффициент корреляции, r	Уровень значимости, p
1	2	3	4
Конфронтационный копинг	Эффективные	-0,5337	0,002
Самоконтроль	Неэффективные	-0,4662	0,009
Принятие ответственности	Неэффективные	-0,4819	0,007
Планирование решения	Эффективные	0,3633	0,048
Планирование решения	Неэффективные	-0,5168	0,003
Положительная переоценка	Эффективные	0,3769	0,040
Положительная переоценка	Неэффективные	-0,5273	0,003

Таким образом, можно утверждать, что существует взаимосвязь между копинг-стратегиями матери и ребенка, что позволяет сделать вывод о наличии диадного копинга в отношениях «мать-ребенок».

Для оценки влияния переменных друг на друга, был использован множественный регрессионный анализ для эффективных детских стратегий.

Также обнаружены статистически значимые связи между детскими копинг-стратегиями и типами родительского отношения «отвержение-принятие» и «кооперация» (таблица 2).

Таблица 2

Характеристики корреляции копинг-стратегий детей и типа РО

Тип родительского отношения	Копинг-стратегии детей	Коэффициент корреляции, r	Уровень значимости, p
1	2	3	4
Отвержение-принятие	Эффективные	0,4577	0,011
Кооперация	Неэффективные	-0,5130	0,004

Для оценки влияния каждой из перечисленных материнских стратегий и типа родительского отношения на проявление эффективных копинг-стратегий у ребенка дополнительно был использован линейный регрессионный анализ, который позволил описать закономерности проявления детских копинг-стратегий в зависимости от материнского совладающего поведения и отношения к ребенку.

Так, использование матерью конфронтационного копинга с вероятностью 53% уменьшает формирование у ребенка эффективных копинг-стратегий ($\beta = 0,53$ при $p=0,002$). Полученные данные могут объясняться формированием у ребенка активных, но непродуктивных форм реагирования, которые относятся к неэффективным стратегиям («бью», «ломаю», «дерусь», «кричу» и пр.). Применение конфронтации матерью может увеличить вероятность возникновения конфликта с другими людьми, создания напряженности.

Использование матерью копинг-стратегии «планирование решения проблем» на 36% ($\beta = 0,36$ при $p=0,048$). Матери, использующие данную копинг-стратегию могут быть более контролирующими и требовательными к ребенку, развивать в нем дисциплину и планирование по собственному примеру. Также ребенок усваивает модель интернального локуса контроля над жизненной ситуацией, которая сама по себе способствует снижению тревоги и выбору более адаптивных форм реагирования.

Использование матерью копинг-стратегии «положительная переоценка» в умеренной степени ($\beta = 0,38$ при $p=0,040$) и напрямую влияет с формированием эффективных копинг-стратегий у ребенка, что может быть связано с фокусированием матери на положительных аспектах жизненной ситуации, тенденцией снижать тревогу, что не может не индуцировать процессы расслабления и чувства безопасности у ребенка и способствовать выработке у него реагирования по типу «переключение/расслабление», т.е. эффективных детских копинг-стратегий.

Тип родительского отношения матери «отвержение» прямо влияет ($\beta = 0,46$ при $p=0,011$). с использованием ребенком эффективных копинг-стратегий, что может быть связано с необходимостью ребенка самостоятельно, за неимением материнского участия, находить более эффективные способы справиться со стрессом. Дети могут использовать эффективные копинг-стратегии в ответ на материнское отвержение. Так, стратегии из группы эффективных «играю», «смотрю телевизор» могут выступить формой отвлечения при материнском отвержении, в то время как стратегии «обнимаю, прижимаю, глажу» могут быть попыткой поиска тактильного контакта и недостающей ребенку близости.

Копинг-стратегия матери «самоконтроль» имеет умеренную отрицательную связь ($\beta = - 0,47$ при $p=0,009$) с неэффективными копинг-стратегиями ребенка. Способность матери справляться с собственными эмоциями является важным условием обеспечения психологического благополучия ребенка, поддержания у него чувства надежности внешнего мира и чувства безопасности рядом со значимым взрослым. Ребенку крайне трудно формировать адаптивное совладающее поведение рядом с

матерью, испытывающей трудности с контролем избыточных аффективных проявлений либо с постоянно меняющейся эмоциональной окраской поведения.

Копинг-стратегия матери «принятие ответственности» также не способствует развитию у ребенка неэффективных копинг-стратегий, на что указывает отрицательная умеренная связь ($\beta = -0,48$ при $p=0,007$) между данными переменными. Матери, принимающие ответственность в трудных жизненных ситуациях, обычно проявляют лидерские качества, такие как инициативность, твердость в принятии решений и способность влиять на результаты, что не может не влиять на уровень спокойствия и чувства безопасности ребенка рядом с матерью.

Склонность матери прибегать к совладающему поведению «планирование решения проблемы» не формирует у ребенка неэффективных копинг-стратегий, о чем свидетельствует отрицательное значение ($\beta = -0,52$ при $p=0,003$). взаимосвязи данных переменных. Как было отмечено выше, стратегия «планирование решения проблемы» способствует выработке эффективных копинг-стратегий ребенка.

Аналогично «положительная переоценка» как способ совладания матери в трудных жизненных ситуациях имеет обратную связь умеренной силы ($\beta = -0,53$ при $p=0,003$). с неэффективными копинг-стратегиями ребенка, что закономерно с установленной положительной связью между данной материнской копинг-стратегией и формированием эффективных копинг-стратегий ребенка, о которой упоминалось ранее.

Также не формирует неэффективных копинг-стратегий у ребенка тип родительского отношения со стороны матери «кооперация» – отрицательный показатель взаимосвязи ($\beta = -0,51$ при $p=0,004$). Данный тип родительского отношения как наиболее конструктивный не вызывает у ребенка потребности в реагировании путем экспрессивного выражения эмоций. Осознание поддержки матери и возможность взаимодействия с ней в трудных жизненных ситуациях значительно увеличивает устойчивость ребенка в трудных жизненных ситуациях, обеспечивая формирование адаптивных форм поведения.

Таким образом, гипотезы исследования подтвердились:

1. Существует взаимосвязь между формирующимися копинг-стратегиями ребенка и копинг-стратегиями матери.
2. Существует взаимосвязь между формирующимися копинг-стратегиями ребенка и типом родительского отношения.

Применяемые матерью при преодолении жизненных трудностей копинг-стратегии «планирование решения проблемы», «самоконтроль», «принятие ответственности» и «положительная переоценка» и типы ро-

дательского отношения «кооперация» и «отвержение-принятие» связаны с наиболее адаптивными способами совладания у ребенка.

В исследовании было установлено, что копинг-поведение детей не является точной копией материнского паттерна, несмотря на то, что оно может быть индуцировано матерью. Предпочтение определенных способов совладания со стрессом матери и сложившиеся между ней и ребенком детско-родительские отношения находят свое отражение в формировании совладающего поведения ребенка.

Библиографические ссылки

1. *Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 2000. №1. С.3-19.
2. *Богданов Е. Н., Касьяник П. М., Галимзянова М. В., Романова Е. В., Фаррелл Д. М.* Взаимосвязь стилей воспитания и ранних дезадаптивных схем // Прикладная юридическая психология. 2017. №3. С.83-93.
3. *Головей Л. А., Савеньшева С. С., Василенко В. Е., Энгельгардт Е. Е.* К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений «родитель-ребенок»: теоретический и эмперический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. №2. С.84-95.
4. *Карелин А. А.* Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2007. 416с.
5. *Корытова Г. С., Еремина Ю. А.* Факторная структура копинг-поведения матерей, воспитывающих детей раннего возраста с нормативным уровнем психосоциального развития // Сибирский психологический журнал. 2017. №65. С.22-39.

ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕВОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ И САМОКОНТРОЛЯ У УЧАЩИХСЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОЛЛЕДЖЕЙ

Д. В. Вишневская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; vishnevskaya_dariya@mail.ru;
Научный руководитель—Е. И. Климущко, старший преподаватель.*

В статье представлены результаты эмпирического исследования волевой саморегуляции и самоконтроля у учащихся музыкальных колледжей. Сравнивались показатели студентов музыкального и технического колледжей по методикам ВСК и ДС-30. Полученные данные позволили выявить типичные уровни волевой саморегуляции и самоконтроля, особенности их проявления и взаимосвязи, а также показать различия между учащимися разных образовательных профилей.

Ключевые слова: волевая саморегуляция; воля; регуляция; самоконтроль; музыкальный колледж; учащиеся; психологическое исследование.

Музыкальное образование предъявляет высокие требования к волевой саморегуляции и самоконтролю учащихся. Эти качества особенно актуальны в условиях постоянного стресса, связанного с публичными выступлениями и конкурсами. Цель исследования — выявить особенности волевой саморегуляции и самоконтроля у студентов музыкальных колледжей, а также сравнить их с учащимися технических колледжей.

Методы и организация исследования.

Метод: опрос.

Выборка: 60 студентов (30 из МГМК им. М. И. Глинки и 30 из филиала БНТУ машиностроительного колледжа).

Методики:

- опросник волевого самоконтроля (ВСК, Зверьков и Эйдем);
- методика «Диагностика саморегуляции» (ДС-30, Пряеин);
- методы статистического анализа: U-критерий Манна–Уитни, коэффициент Спирмена, $p \leq 0,05$.

Психометрические инструменты валидны и обладают высокой надежностью (альфа Кронбаха 0,7–0,9). Анализ проводился с использованием IBM SPSS Statistics Version 22.

Теоретическую базу составляют: теория волевых усилий Л.С. Выготского [1; 2], культурно-историческая теория А.Н. Леонтьева [3], концепция саморегуляции В.И. Моросановой [4], а также психофизиологические подходы Н.А. Бернштейна и В.Д. Шадрикова [5; 6]. Центральное место занимает идея, что волевая саморегуляция — продукт социализа-

ции, формируемый под влиянием образовательной среды и профессиональных требований.

1. Волевая саморегуляция:

73% студентов музыкального колледжа продемонстрировали низкий уровень волевой саморегуляции по шкале ДС-30. Средний уровень наблюдался у 27% респондентов. Высокий уровень не зафиксирован. Особенности проявления волевой саморегуляции у учащихся музыкального колледжа не были выявлены (рис.1).

Из дополнительных шкал по опроснику ДС-30 высокие баллы студенты показали по шкале «Ответственность – Необязательность» и «Мысли о саморегуляции».

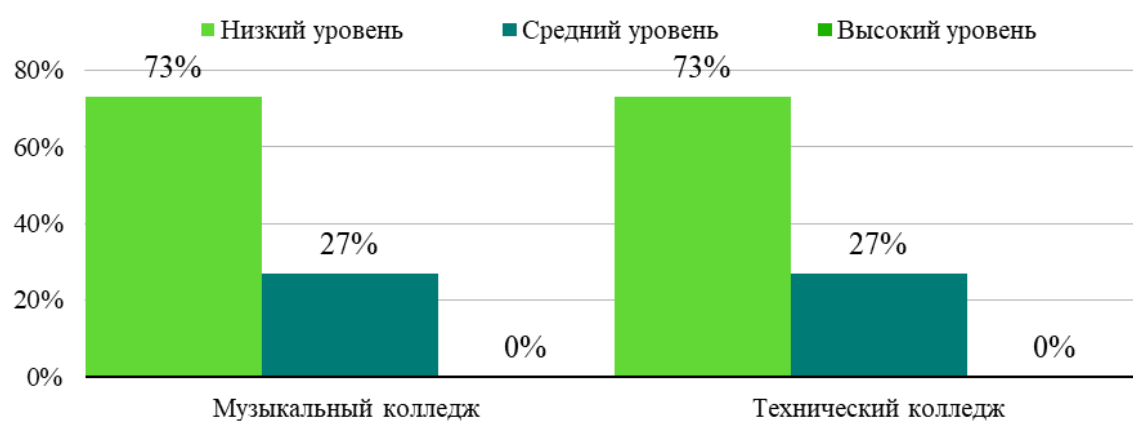

Рис. 1. Процентное распределение уровней волевой саморегуляции у студентов музыкального колледжа и студентов технического колледжа

Низкие показатели связаны с трудностями в планировании, контроле и коррекции поведения. Особенно слабые результаты выявлены по шкале «Вера в судьбу — Вера в свои силы», что указывает на фаталистические установки и низкую интернальность.

2. Самоконтроль:

С помощью опросник ВСК было выявлено, что 30% студентов музыкального колледжа продемонстрировали низкий уровень волевой саморегуляции. Средний уровень наблюдался у 53% учащихся. А также высокий уровень самоконтроля был выявлен у 20% респондентов (рис.2). Это отражает наличие умеренной саморегуляции при высокой эмоциональной нагрузке.

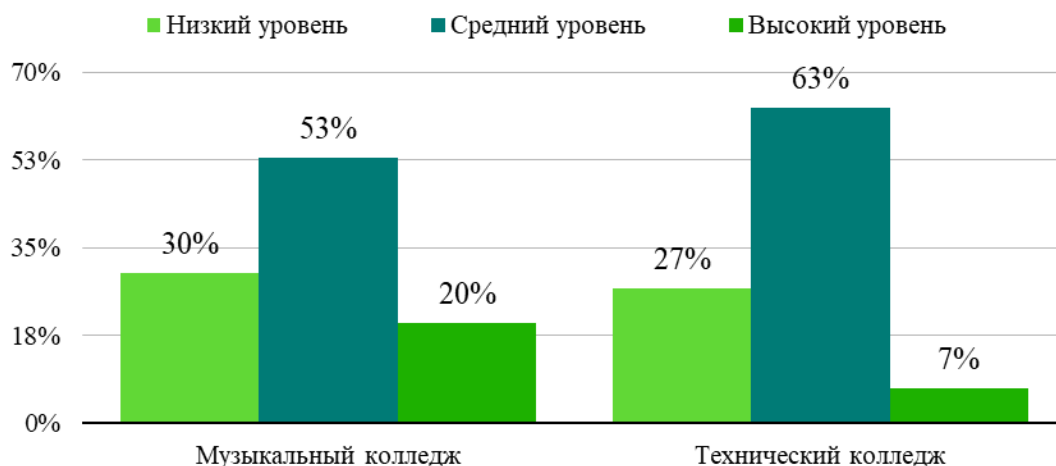

Рис. 2. Процентное распределение по шкале «Самоконтроль» у учащихся музыкального колледжа и учащихся технического колледжа

Особенности проявления самоконтроля связаны с внутренним конфликтом между творческой свободой и необходимостью дисциплины.

Показатели по шкале «Настойчивость» были умеренными, что скорее всего связано с высокой эмоциональной нагрузкой. Шкала «Самообладание» показала относительно стабильные результаты, что подтвердило наличие у большинства студентов способности контролировать эмоциональные реакции, особенно в стрессовых ситуациях.

3. Взаимосвязь показателей:

Общая сумма баллов саморегуляции не коррелирует с суммой баллов по самоконтролю. Однако были выявлены локальные корреляции:

- между шкалами «Воля – Попустительство» и «Самообладание» ($r_s = 0,263$, $p < 0,05$),
- между шкалами «Неудачи – Реализация целей» и «Настойчивость» ($r_s = -0,284$, $p < 0,05$).

4. Сравнительный анализ:

Единственное значимое различие между группами – по шкале «Самоконтроль» ($p = 0.039$). Студенты музыкальных колледжей показали более высокие значения.

Полученные в ходе эмпирического исследования данные позволяют говорить о наличии неопределённой специфики проявлений волевой саморегуляции и самоконтроля у учащихся музыкальных колледжей. Большинство респондентов (73%) продемонстрировали низкий уровень волевой саморегуляции. Это может быть обусловлено рядом факторов: возрастными особенностями подросткового периода, высокой эмоциональной и учебной нагрузкой, отсутствием устойчивых стратегий планирования и контроля поведения. Особо важно отметить, что даже при наличии осознания значимости таких характеристик, как ответственность и самоорганизация, учащиеся испытывают затруднения в их прак-

тическом применении. Высокая доля низких показателей по шкале «Воля — Попустительство» и «Неудачи — Реализация целей» может свидетельствовать о недостатке сформированности навыков самонаблюдения, планирования, устойчивого волевого поведения. Интересным является тот факт, что несмотря на низкий уровень саморегуляции, уровень самоконтроля у большинства студентов оказался средним (58%), а 14% продемонстрировали высокий уровень. Это может говорить о том, что студенты способны к временному контролю над поведением и эмоциями в условиях необходимости (например, на сцене), но им недостает устойчивых регуляторных механизмов, которые позволяли бы применять эти умения систематически. Таким образом, самоконтроль в данной группе студентов может носить ситуативный, а не устойчивый характер.

Также важно учитывать особенности профессиональной среды музыкального образования. С одной стороны, она требует дисциплины, организованности, умения работать в условиях стресса. С другой стороны — предполагает свободу самовыражения, эмоциональную открытость и гибкость. Это внутреннее противоречие может затруднять развитие устойчивой саморегуляции, особенно в подростковом возрасте, когда еще не полностью сформированы механизмы произвольного поведения.

Результаты корреляционного анализа показывают отсутствие общей связи между суммарными показателями самоконтроля и саморегуляции. Однако выявленные локальные взаимосвязи (например, между шкалами «Воля — Попустительство» и «Самообладание») позволяют предположить, что эмоционально-волевые аспекты играют ключевую роль в проявлении регуляторного поведения. При этом можно сделать вывод, что эмоциональный компонент самоконтроля (например, способность к самообладанию) теснее связан с волевыми характеристиками, чем когнитивные процессы планирования и оценки.

Таким образом, развитие волевых качеств у студентов музыкальных колледжей требует не только академической, но и психологической поддержки. Важно направить усилия на формирование устойчивых стратегий саморегуляции, развитие настойчивости и способности к саморефлексии. В условиях эмоционально насыщенной и стрессогенной среды музыкального обучения это может быть реализовано через внедрение программ психологической подготовки, тренингов по управлению эмоциями и стрессом, а также педагогическую ориентацию на развитие автономности и внутренней мотивации.

Результаты исследования подчеркивают необходимость разработки целенаправленных психолого-педагогических программ, направленных на формирование навыков саморегуляции, повышение осознанности,

развитие устойчивости к стрессу и формирование конструктивных стратегий самоконтроля.

Библиографические ссылки

1. *Выготский, Л. С.* Педология подростка. М.: ЦИПККНО, 1930.
2. *Выготский, Л. С.* Психология развития человека. М.: Эксмо, 2005.
3. *Леонтьев, А. Н.* Проблемы развития психики. 5-е изд., испр. доп. М.: Смысл, 2020. – 527 с.
4. *Моросанова, В. И.; Аронова, Е. А.* Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Институт психологии РАН, 2007. 213 с.
5. *Бернштейн, Н. А.* Биомеханика и физиология движений. Избранные психологические труды. М.: мПСи, модЭк, 2008. – 688 с.
6. Психология деятельности и способности человека: учебное пособие / В. Д. Шадрикова [и др.]. 2-е изд. М.: Логос, 1996.

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НА ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ ПОДРОСТКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

А. А. Кондратюк

*Белорусский государственный педагогический университет, ул. Советская, 18,
220050, г. Минск, Беларусь, eduarryll@gmail.com
Научный руководитель — А. В. Музыченко, кандидат психологических наук, доцент*

Данная статья посвящена исследованию влияния музыкальных предпочтений на личностное развитие современных подростков. На основе анализа научной литературы автор подтверждает, что музыка является мощным фактором, воздействующим на эмоциональное состояние, когнитивные процессы и формирование ценностных ориентаций. В работе подчеркивается, что взаимосвязь между музыкальными вкусами и личностными характеристиками динамична и требует постоянного изучения, особенно в условиях цифровизации и упрощения музыкального контента. В заключение обосновывается актуальность дальнейших эмпирических исследований в данной области для применения их результатов в образовательной и воспитательной практике.

Ключевые слова: личность; школьники; музыка; восприятие; музыкальные предпочтения

На современном этапе развития общества, науки и системы образования проблема развития подрастающего поколения приобретает особую актуальность. Значительное внимание в психологических исследованиях уделяется подростковому возрасту, поскольку данный период признается важнейшим для формирования личности человека. В это время в организме происходят глобальные физиологические перестройки, оказывающие существенное влияние на психическое состояние и социальные взаимоотношения подростка. Под воздействием указанных изменений у индивидов формируются новые разнообразные предпочтения, которые серьезным образом воздействуют на личностное развитие. Одним из таких значимых направлений выступают музыкальные предпочтения.

Подростковый возраст характеризуется многочисленными изменениями в организме индивида, способными оказать кардинальное влияние на его дальнейшую жизнь. В связи с этим, именно данный период становится предметом многочисленных научных изысканий. Изучением проблем подросткового возраста занимался целый ряд отечественных и зарубежных ученых, среди которых Д. Б. Эльконин, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. С. Дубинина, Ст. Холл, Ш. Бюлер и многие другие [1].

В вопросе формирования личности у подростков современные авторы, опираясь на базовые теории, ставят на первое место влияние социального окружения и характер взаимодействий с ним, считая его основным фактором, формирующим черты личности в переходном возрасте (О. В. Акулова) [2]. В современных исследованиях чаще анализируются новообразования подросткового периода и такие личностные характеристики, как агрессивность и тревожность (Л. М. Костина).

В исследовании, посвящённом досугу современных подростков, С. А. Ломовская и Л. В. Потей выявили, что лидирующим направлением использования свободного времени среди детей является прослушивание музыки: данным занятием занимались более 60% опрошенных. Авторы отмечают, что аналогичная тенденция фиксировалась и в предыдущих поколениях, однако современные показатели выше, что объясняется доступностью сети Интернет у каждого человека, позволяющей находить разнообразную музыку и отслеживать деятельность любимого исполнителя [3].

Также в системе образования отмечают параметры, которые нам необходимо развивать и на которые музыкальные предпочтения могут оказывать положительное или негативное влияние. Так, в рамках образовательного стандарта среднего общего образования Республики Беларусь выделяют такие личностные качества, как «готовность к самостоятельной жизни и профессиональному самоопределению, идейно-нравственная зрелость, гражданская ответственность и правовая культура», «сформированность мотивации к обучению и саморазвитию, ценностного отношения к себе и другим... способность ставить цели и строить жизненные планы» [4].

В общеучебных умениях и навыках (компетенциях) можно выделить такие пункты: «освоенные способы деятельности (познавательные, коммуникативные, рефлексивные), способность их использования в учебной, социальной и профессиональной практике».

Влияние музыки на человека неоспоримо, так как она играет важную роль в жизни каждого. Проведённый анализ литературных источников подтверждает, что музыка, занимающая важное место в жизни общества, обладает значительной силой воздействия на человека, причём исследования освещают как её положительные, так и отрицательные стороны.

Как отмечает Ю. С. Воротникова, музыка служит мощным инструментом регуляции психофизиологического состояния человека. Однако её эффективность варьируется в зависимости от жанра. Согласно результатам исследования, проведенного совместно с В. Р. Жалюк, прослушивание подростками классической и поп-музыки приводит к значи-

тельному снижению ситуативной тревожности [5]. Интересно, что рок-музыка в данном контексте оказалась нейтральной и не вызвала аналогичного успокаивающего эффекта. Это свидетельствует о том, что положительное влияние музыки на эмоциональное состояние носит избирательный характер.

Фоновая музыка стала неотъемлемым элементом повседневной жизни современных людей, и ее влияние на когнитивные процессы представляет значительный научный интерес. В этом ключе исследование А. Н. Романовой демонстрирует прямую связь между прослушиванием музыки и улучшением мнемических функций. Ученые установили, что музыкальный жанр играет ключевую роль: рэп-музыка оказала универсально положительное воздействие на словесно-логическую память у всех испытуемых, независимо от их темперамента [6]. Это позволяет предположить, что ритмическая структура и речевая природа рэпа могут выступать эффективным катализатором для процессов запоминания вербальной информации, что открывает перспективы для его применения в образовательных методиках.

Исследуя проблему формирования музыкальных вкусов в цифровую эпоху, О. А. Сизова и Р. А. Ульянова приходят к выводу, что технологический прогресс и повсеместная доступность музыки привели к фундаментальным изменениям в музыкальных предпочтениях подростков. Ключевой проблемой, по мнению авторов, является упрощение музыкального языка, вызванное законами массового тиражирования: алгоритмы стриминговых сервисов и экономика внимания способствуют продвижению менее сложных, но легко усваиваемых композиций.

Это находит прямое подтверждение в эмпирических данных: исследование демонстрирует, что свыше 60% респондентов-подростков отдают предпочтение поп-музыке и эстраде, в то время как классическую музыку выбирают лишь 20%. Такой дисбаланс авторы связывают не только с простотой восприятия, но и с отсутствием систематического музыкального образования, которое могло бы сформировать у молодежи инструменты для понимания более сложных музыкальных форм.

В конечном счете, О. А. Сизова и Р. А. Ульянова предупреждают, что доминирование упрощенных жанров оказывает негативное комплексное влияние. Оно не только обедняет культуру музыкального восприятия подрастающего поколения, но и напрямую угрожает уровню его духовно-нравственного воспитания, поскольку именно сложные, многослойные музыкальные произведения традиционно служат источником глубоких эстетических переживаний и рефлексии [7].

После анализа современных исследований нами был выделен список наиболее популярных у современных подростков музыкальных жан-

ров и составлена анкета. Анализ научной литературы также позволил нам выделить две группы музыкальных жанров: сложные, к которым относятся классическая музыка, классический хип-хоп, прогрессивный рок и джаз, и простые, к которым относятся поп-музыка, к-поп (поджанр поп-музыки), электронная музыка (клубная).

Проведенный анализ литературных источников подтверждает актуальность данного исследования. Несмотря на очевидное и значительное влияние музыки на индивида, обнаружено, что данная проблематика остается недостаточно изученной в научной среде. Кроме того, многочисленные авторы подчеркивают, что взаимосвязь музыкальных предпочтений и личностных характеристик не является статичной и трансформируется со сменой поколений, что обуславливает перманентную востребованность подобных исследований.

Библиографические ссылки

1. *Костина, Л. М., Терехова, А. А.* Особенности личности подростков с различными музыкальными предпочтениями // Комплексные исследования детства. 2025. №1.
2. *Акулова, О. В., Алексеева, Е. Е., Барышева, Т. А. и др.* Институт детства Герценовского университета. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 431 с.
3. *Ломовская, С. А., Потей, Л. В.* Проблема влияния информационных технологий на виды досуга молодежи. Научно-педагогическое обозрение, 2021. № 6 (40), с. 64–75. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-6-64-75>
4. Образовательный стандарт общего среднего образования : утв. постановлением Министерства образования Респ. Беларусь, 26.12.2018 г., № 125 // Нац. реестр право-вых актов Респ. Беларусь. – 2019. – № 8. – 5/47012.
5. *Воротникова, Ю. С., Жалюк, В. Р.* Музыка как инструмент снижения ситуативной тревожности у подростков. Colloquium-journal, 2021. № 7-2 (94), с. 33–36. <https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-794-33-36>
6. *Романова, А. Н., Савельев, С. Г.* (2022) Влияние различных жанров музыки на кратковременную память студентов в процессе обучения. Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, т. 11, № 5-1, с. 142–151. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.56.69.019>
7. *Сизова, О. А., Ульянова, Р. А.* (2021) Исследование проблем музыкальных предпочтений подрастающего поколения. Перспективы науки, № 3 (138), с. 89–91.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ С ВЫРАЖЕННОСТЬЮ СИНДРОМА ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ С ГИПЕРАКТИВНОСТЬЮ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

А. А. Кухарчик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь; n.kuharchik.n@gmail.com;
Научный руководитель—Е. И. Климушко, старший преподаватель.*

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи тревожности и синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) у студентов в юношеском возрасте. Рассмотрены уровни ситуативной и личностной тревожности, частота проявлений СДВГ, а также соотношение их показателей. На основе статистического анализа установлены положительные корреляционные связи между тревожностью и основными проявлениями СДВГ — дефицитом внимания и гиперактивностью-импульсивностью. Полученные данные подчеркивают необходимость комплексного подхода к психологической поддержке студентов.

Ключевые слова: тревожность; СДВГ; юношеский возраст; невнимательность; гиперактивность; студенты; корреляция.

Синдром дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) представляет собой нейropsychологическое расстройство, которое часто сохраняется с детства во взрослую жизнь и проявляется сниженной способностью к концентрации, повышенной импульсивностью и двигательным беспокойством. Одним из сопутствующих состояний при СДВГ является тревожность, которая, в свою очередь, может усиливать выраженность симптоматики синдрома. Актуальность исследования обусловлена высокой распространённостью как тревожных расстройств, так и СДВГ в студенческой среде, особенно в возрастной категории 17–21 лет. Цель исследования: определить характер взаимосвязи тревожности и симптомов СДВГ у студентов в возрасте от 17 до 21 года. Методологическую основу исследования составляет феноменологический подход к пониманию синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ), в рамках которого данное расстройство рассматривается как многофакторное психологическое явление, обусловленное сочетанием биологических, нейropsychологических и социокультурных факторов. К факторам, влияющих на развитие СДВГ и связанных с ним нарушений относят генетические механизмы, играющие существенную роль в этиологии СДВГ [1].

Методы и организация исследования.

Выборка: 40 студентов высших учебных заведений 1–3 курсов (19 юношей и 21 девушка), возраст — от 17 до 21 года ($M=19.1$; $SD=1.0$).

Методы диагностики: Шкала тревожности Спилбергера–Ханина (STAI) [2]; Adult ADHD Self-Report Scale (ASRS v1.1) [3].

Статистический анализ: методы описательной статистики (средние значения, процент); U-критерий Манна–Уитни — для межгруппового сравнения; коэффициент ранговой корреляции Спирмена — для выявления связи между тревожностью и проявлениями СДВГ.

Обработка данных проводилась в SPSS Statistics 29.0.

Теоретическую основу исследования составляют феноменологический подход к пониманию СДВГ в психологии (А.В. Городничева, Т.И. Иванова, А.К. Мазина, Д.В. Пушкарева, В.В. Викторова, Л.С. Чутко, Е. D'Agati, М. Cherkasova, R.C. Kessler, E.D. Musser, Н. Forssberg и др.), а также интегративная теория тревожности Ч.Д. Спилбергера, выделяющая личностную и ситуативную тревожность [2; 3; 4; 5; 6; 7].

1. Уровень тревожности:

- 70% студентов имеют высокий уровень ситуативной тревожности;
- 65% — высокий уровень личностной тревожности;
- умеренная тревожность отмечена у 30% (ситуативная) и 35% (личностная);
- низкий уровень тревожности отсутствует.

Между юношами и девушками статистически значимых различий не выявлено ($p>0.05$), что свидетельствует о равномерном распределении тревожности в выборке.

Рис. 1 - Процентное распределение студентов юношеского возраста с разным уровнем личностной и ситуативной тревожности (%)

2. Проявления СДВГ

Признаки СДВГ (оценка ≥ 4 баллов по шкале ASRS, часть А) выявлены у 35% студентов, что позволяет предполагать наличие выраженных симптомов синдрома.

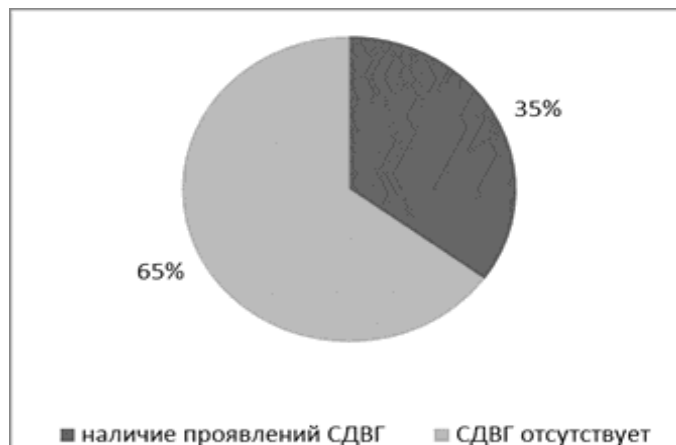

Рис. 2 – Распространенность СДВГ у студентов юношеского возраста (%)

Типология:

- Невнимательный тип — 78,6% от группы с предполагаемым СДВГ;
- Смешанный тип — 21,4%;
- Гиперактивный тип не зафиксирован.

Это свидетельствует о доминировании когнитивных нарушений в структуре СДВГ у студентов. Средние баллы по шкалам:

- невнимательность — 6,5;
- гиперактивность — 4,8.

—

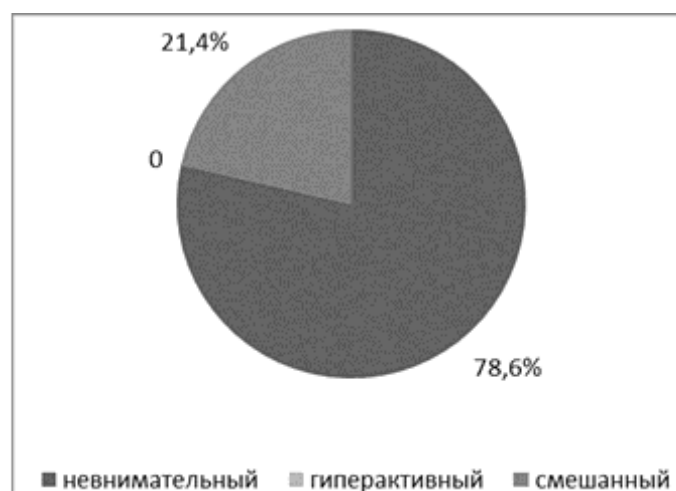

Рис. 3 – Процентное соотношение типов СДВГ у студентов юношеского возраста (%)

3. Корреляции тревожности и СДВГ

Полученные статистически значимые положительные корреляции ($p < 0.01$) между изучаемыми переменными представлены ниже в таблице.

Таблица

**Взаимосвязь уровня тревожности и проявлений СДВГ в юношеском возрасте
(коэффициент корреляции Спирмена, $n=40$)**

Проявления СДВГ	Уровень личностной тревожности	Уровень ситуативной тревожности
Оценка наличия признаков СДВГ (основной тест)	,561**	,607**
Невнимательность	,564**	,609**
Гиперактивность-импульсивность	,433**	,556**

Таким образом, чем выше уровень тревожности, тем более выражены симптомы СДВГ, особенно проявления дефицита внимания. Это соответствует выводам зарубежных исследований, где отмечена двусторонняя взаимосвязь между СДВГ и тревожными расстройствами.

4. Сравнительный анализ

Анализ данных показал, что у большинства студентов, принявших участие в исследовании, наблюдается высокий уровень как ситуативной, так и личностной тревожности. Ни у одного из респондентов не был выявлен низкий уровень тревожности. Это подтверждает актуальность проблемы тревожности в образовательной среде и позволяет рассматривать тревожные состояния как одну из наиболее распространённых форм эмоциональной дезадаптации в юности. Вероятными причинами высокого уровня тревожности являются возрастные особенности психоэмоционального развития, недостаточная сформированность механизмов саморегуляции.

Признаки, позволяющие предположить наличие СДВГ, были обнаружены у 35% участников исследования. Это свидетельствует о высокой распространённости симптомов СДВГ среди студентов, несмотря на то, что расстройство традиционно ассоциируется с детским возрастом.

У подавляющего большинства студентов с признаками СДВГ был выявлен невнимательный тип, характеризующийся нарушениями концентрации, рассеянностью и забывчивостью. Это соответствует возрастной динамике СДВГ, при которой симптомы гиперактивности и импульсивности со временем ослабевают, в то время как когнитивные дефици-

ты, связанные с вниманием, сохраняются и могут даже усиливаться под влиянием академических требований.

Анализ взаимосвязей показал, что как ситуативная, так и личностная тревожность положительно коррелируют с выраженностью симптомов СДВГ — как с дефицитом внимания, так и с гиперактивностью-импульсивностью. Это подтверждает предположение о двустороннем характере взаимодействия: с одной стороны, тревожность может усиливать проявления СДВГ, нарушая устойчивость внимания и снижая контроль над поведением; с другой стороны, наличие симптомов СДВГ, особенно в условиях высокой учебной и социальной нагрузки, может вызывать усиление тревожных реакций.

Таким образом полученные данные подтверждают гипотезу о наличии значимой положительной связи между тревожностью и проявлениями СДВГ в юношеском возрасте. Преобладание невнимательности соответствует выводам о возрастной динамике СДВГ, согласно которым симптомы гиперактивности снижаются, а дефицит внимания сохраняется. Высокая тревожность студентов может быть вызвана как возрастными особенностями, так и академическими стрессорами.

Библиографические ссылки

1. *Пилина Г. С., Шнайдер Н. А.* Синдром дефицита внимания с гиперактивностью // Сибирское медицинское обозрение. 2017. № (1). С. 107-114.
2. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум / сост. О.В. Барканова. Вып.2. Красноярск: Литера-принт, 2009. 237 с.
3. *Чутко Л. С. [и др.]* Синдром дефицита внимания у взрослых: клинико-психофизиологические проявления // Журнал медико-биологических исследований. 2014. № 1. С. 65-71.
4. *Городничева А. В. [и др.]* Гиперкинетическое расстройство и синдром дефицита внимания у взрослых // Уральский медицинский журнал. 2023. № 22 (3). С. 108-117.
5. *Пушкарева Д. В., Иванова Т. И.* Синдром дефицита внимания и гиперактивности у взрослых: причины возникновения, основные клинические проявления и коморбидные психические расстройства (литературный обзор) // Омский психиатрический журнал. 2018. № 4 (18). С. 8-13.
6. *Kessler R. C. [et al.]* The World Health Organization adult ADHD self-report scale (ASRS) // Psychological Medicine. 2005. V. 35. P. 245-256.
7. *Musser E. D.* Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder Developmental Trajectories Related to Parental Expressed Emotion // Journal of Abnormal Psychology. 2016. V. 125 (2). P. 182-195.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УСТАНОВОК К СЕКСУ И УРОВНЯ САМООЦЕНКИ У ЛИЦ РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

П. С. Лемеш

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, lempol2006@gmail.com;
Научный руководитель – Е. И. Климушко, старший преподаватель*

В данной статье освещается исследование, направленное на изучение взаимосвязи установок к сексу и уровня самооценки у лиц ранней взрослости. Подробно были изучены установки к сексу, и на этой почве предложен усреднённый профиль индивида ранней взрослости. Установлена взаимосвязь уровня самооценки и двумя шкалами: «Реализованность» и «Сексуальная застенчивость».

Ключевые слова: установки к сексу; сексуальная застенчивость; сексуальная реализованность; лица ранней взрослости; взаимосвязь уровня самооценки и установок к сексу.

Сексуальная сфера – неотъемлемая часть жизни человека и общества в целом. На протяжении всей истории мы могли наблюдать, как развивалось отношение общества к сексу, табуированность этой темы или наоборот показательность и раскрепощённость.

Говоря о табуированности, необходимо сказать, что негативное отношение к сексу имело длительный период человеческой истории. Только к середине двадцатого века начало появляться положительное отношение к сексуальности [1]. Однако некоторые исследователи убеждены, что мнение о сильной раскрепощённости нынешнего общества ложны. Результаты некоторых исследований демонстрируют отсутствие однозначной системы сексуальных установок.

Надо сказать, насколько глобально и остро стоит проблема сексуального насилия. По данным ВОЗ, каждая четвертая женщина по достижении 25 лет и состоявшая в отношениях, имеет опыт насилия в том числе и сексуального [2]. При этом, чаще всего, человеком способным на насилие оказывается интимный партнёр. Свою роль в данной проблеме могут играть дозволенность, определенная ненаказуемость, объективизация женщин и стереотипное поведение. Всё это отражается в сексуальных установках индивида и именно их исследование может помочь в понимании причин, а также в дальнейшей разработке стратегии борьбы с проблемой сексуального насилия.

Исследование именно данной возрастной группы обусловлено пиком формирования как установок к сексу, так и уровня самооценки, и сензитивность данного периода может позволить изменить или скоррек-

тировать установки к сексу или самооценку. Выявление взаимосвязи данных феноменов может способствовать пониманию механизмов их формирования, что позволит нам влиять на один феномен через другой, например, с помощью влияния на установки к сексу, можно улучшить самооценку, что будет способствовать повышению социальной адаптации. В то же время, осознание собственного уровня самооценки поможет работать с изменением негативных установок к сексу. К тому же молодые люди формируют мировоззрение, которое отражает культурно – историческое развитие общества на данный момент, что также может быть нам полезно.

Под установкой к сексу нами понимается склонность индивида реагировать определенным образом на объекты и действия сексуального характера с учетом социального опыта [1]. Также было использовано определение Т.В.Барласа [3], который рассматривает самооценку, как «оценку человеком самого себя: его качеств, способностей, особенностей своей деятельности».

Выборка составила 32 человека возрастом от 17 до 24 лет, возрастная структура: 17 лет – 1 человек (3,1%), 18 лет – 12 человек (37,2%) , 19 лет – 10 человек (31%) , 20 лет - 5 человек (15,5%), 21 – 1 человек (3,1%), 22- 1 человек (3,1%), 24 – 2 человека (6,2%). Половая структура представлена 10 мужчинами (31,3 %) и 22 женщинами (68,7%).

Для проведения исследования на заданную тему были использованы две методики: опросник установок к сексу Г.Ю.Айзенка [4] и тест – опросник для определения уровня самооценки С.В.Ковалёва [5]. Для выявления связи между представленными феноменами, использовался корреляционный анализ с помощью критерия Спирмена в программе IBM SPSS Statistics 27. Для сравнения средних использовался критерий Манна – Уитни.

Проанализировав каждую шкалу, мы можем создать профиль сексуальных установок, который характерен для лиц ранней зрелости. Таким образом, это индивид с высокими показателями по шкалам «Дозволенность» (53,1%), «Реализованность» (65,6%), «Порнография» (81,3%), «Целомудрие» (71,9%), «Отвращение к сексу» (93,8%), «Физический секс» (62,5%), «Сексуальная удовлетворённость» (71,9%) и «Сексуальное либидо» (59,1%) у женщин, так как результат по данной шкале очень разнится по полу. Низкие баллы представлены в шкалах «Маскулинность – Феминность» (69%), «Сексуальная невротичность» (50%), «Обезличенный секс» (81%), «Сексуальная застенчивость» (56%), «Сексуальная возбудимость» (78%), «Агрессивный секс» (78%) и «сексуальное либидо» (90%) у мужчин. Появляется вопрос о том, почему низкие значения имеет шкала «Маскулинность – Феминность», и высокие зна-

чения имеют «Целомудрие» и «Отвращение к сексу». Возможно, интерпретация последней шкалы не является актуальной для данного временного отрезка, так как раннее осведомлённость о различных видах секса (например, с капро- или зоофилией) была гораздо ниже, и респонденты, отвечая на вопросы, связанные с видом секса и отвращением пользовались лишь знаниями о «привычном» понимании секса. Сегодня же, зная о разнообразии сексуального поведения, достаточно «нормально» испытывать отвращение к некоторым из них. Результаты по шкале «Маскулинность – Феминность» могут объясняться культурным влиянием, в современном мире мы можем говорить об определённой андрогинности, в настоящее время всё больше паттернов поведения перестают относить строго к определённому полу. Что касается «Целомудрия», можно предположить, что воздержание от проявлений страсти может обуславливаться как культурными и возрастными особенностями, так и особенностью нашей выборки – большинство являются представителями низкой самооценки, а также у мужской части низкие показатели по шкале «Сексуальное либидо», что также может сказаться на построении усреднённого профиля по выборке. Важно сказать о необходимости дальнейшего исследования представленной проблемы.

Далее мы провели сначала сравнение средних по полу, значительными различиями обладает лишь одна шкала – «Маскулинность – Феминность» (Сумма рангов у мужчин – 216, сумма рангов у женщин – 312, средний балл ниже у женщин), но это является нормой: женщины чаще набирают более низкие баллы. То есть мы всё ещё можем увидеть те же проявления тенденции к андрогинности, о которой говорили ранее.

Среди респондентов преобладает низкая самооценка (78,1%) и отсутствуют индивиды с высоким уровнем, возможно, что данная картина является возрастной особенностью, переходом от подросткового и юношеского возраста к взрослой жизни. Анализ, при котором осуществлялось сравнение средних по полу, значительных различий не выявил (60,6 баллов у женщин и 56,5 у мужчин).

Далее было проведено сравнение средних баллов установок к сексу по уровню самооценки. Здесь можно наблюдать различия по трём шкалам: «Реализованность» (сумма рангов с низкой самооценкой – 355, со средней – 173), «Целомудрие» (сумма рангов с низкой самооценкой – 475, со средней – 53), «Сексуальная застенчивость» (сумма рангов с низкой самооценкой – 479, со средней – 49). То есть у представителей средней самооценки баллы ниже по последним двум шкалам, а «Реализованность» выше. Возможно, это потому, что люди с более высокой самооценкой, как правило, более уверены в себе. Это может помочь им легче

вступать в отношения, выражать свои желания и потребности, а также более открыто обсуждать сексуальные темы.

Главной целью нашей работы было выявление взаимосвязи установок к сексу и уровня самооценки у лиц ранней взрослости. Мы провели корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена, так как выборка достаточно мала. Значимая корреляция была выявлена по двум шкалам, что можно увидеть на рисунке.

Корреляции			уровень_сам оценки	реализованн ость	Сексуальная _застенчивос ть
Ро Спирмена	уровень_самооценки	Козффициент корреляции	1,000	-,419*	,536**
		знач. (двухсторонняя)	.	,017	,002
		N	32	32	32

Рис. Корреляция между самооценкой и установками к сексу

Итак, мы можем видеть, что связь между уровнем самооценки и шкалой «Реализованность» является значимой, умеренной и обратной. Чем больше балл по методике на самооценку (а количество баллов больше 46 свидетельствуют о низком уровне самооценки), тем меньше баллы по шкале «Реализованность», иными чем выше самооценка, тем выше реализованность.

Что касается корреляции между самооценкой и «Сексуальной застенчивостью», связь является значимой, умеренной и прямой (чем больше балл по самооценке, тем выше сексуальная застенчивость). В остальных случаях связь является статистически незначимой.

Можно предположить, что данная картина обусловлена тем, что самооценка, связана с общительностью, которая как раз связана и с реализованностью и с застенчивостью, так как открытость и способность донести свою мысль положительно скажутся на реализованности и могут отрицательно сказаться на застенчивости [6]. Также высокая самооценка увеличивает возможность ставить себя на место другого человека и позволяет создать комфортную атмосферу в межличностных коммуникациях, что также положительно скажется на реализованности [7]. А также связь самооценки с конфликтностью позволяет индивиду отстаивать своё «Я», свои интересы, что в свою очередь также имеет свой вес в сфере сексуальной реализованности. Таким образом, уровень самооценки статистически значимо взаимосвязан с установками к сексу, а именно: «Реализованность» и «Сексуальная застенчивость».

Библиографические ссылки

1. *Гродь Ж. В.* Характеристика установок к сексу // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022. № 3. С. 101–106.
2. Повсеместная опасность: каждая третья женщина в мире подвергается насилию // Всемирная организация здравоохранения. – URL: <https://www.who.int/ru/news/item/09-03-2021-devastatingly-pervasive-1-in-3-women-globally-experience-violence> (дата обращения 15.04.2025).
3. *Архипов, А. А.* Особенности развития самооценки личности // Вестник магистратуры. 2016. №1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-samootsenki-lichnosti> (дата обращения: 04.04.2025).
4. Айзенка опросник установок к сексу // Psylab.info. – https://psylab.info/Айзенка_опросник_установок_к_сексу#.D0.9A.D0.BB.D1.8E.D1.87 (дата обращения 04.04.2025).
5. *Ковалев С. В.* Определение уровня самооценки // Институт инновационных психотехнологий. – URL: <https://psy-in.ru/articles/opredelenie-urovnya-samootsenki> (дата обращения 04.04.2025).
6. *Валова Ю. А.* Личностные особенности, определяющие сексуальное поведение юношей // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-osobennosti-opredelyayushchie-seksualnoe-povedenie-yunoshey> (дата обращения: 15.04.2025).
7. *Валиуллина Е. В.* Самооценка личности в молодом возрасте // Научный вестник Крыма. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samootsenka-lichnosti-v-molodom-voznraste> (дата обращения: 04.04.2025).

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И ВЫРАЖЕННОСТИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ СИМПТОМОВ У ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

А. В. Махрова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nastyao317@gmail.com;
Научный руководитель – Е. И. Климушко, старший преподаватель*

В статье будут рассмотрены теоретические аспекты взаимосвязи перфекционизма и психосоматических симптомов. Также проведено эмпирическое исследование. Отдельно выявлены показатели уровня перфекционизма и выраженности психосоматических симптомов, выявлены различия по полу, проведен корреляционный анализ.

Ключевые слова: перфекционизм; психосоматические симптомы; юношеский возраст.

На современном этапе развития общества наблюдается рост стрессового воздействия на человека. Неблагоприятные геополитические, экономические и социальные процессы, постоянная гонка за достижениями, рост конкуренции, нехватка времени приводит к увеличению психического напряжения, что может являться основой для возникновения психосоматических симптомов и возрастания уровня перфекционизма.

Рост популярности обоих феноменов доказывают и статистические данные. Данные медицинской статистики свидетельствуют, что до 70% пациентов, обращающихся к врачам общей практики, страдают психосоматическими заболеваниями [1]. Британские ученые Т. Кар-ран и Э. Хилл, делают вывод: «Независимо от пола, возраста и страны молодые люди становятся все более требовательными к себе и другим, а также считают, что окружающие ждут от них достижений и совершенства» [2].

Актуальность исследования именно лиц юношеского возраста обусловлена наличием множества стрессовых ситуаций в возрасте 18-22 лет, важным этапом формирования личности, а соответственно и самооценки, и требований к себе - все это является предпосылками формирования перфекционизма и психосоматических симптомов.

В нашей работе психосоматические симптомы понимались как физические проявления, которые могут быть связаны с психологическими факторами. Они включают такие симптомы, как головные боли, нарушения сна, проблемы с пищеварением, боли в области сердца, утомляемость [3].

В определении перфекционизма нами за основу была взята модель перфекционизма Р. Hewitt и G. Flett, согласно которой данный феномен

определяется как стремление быть совершенным, безупречным во всем [4].

Существует также широкая теоретическая база, подтверждающая взаимосвязь перфекционизма и психосоматических симптомов. Исмагилова А.Г. и Федулеева А.Г. предполагают, что высокий уровень перфекционизма выступает как неблагоприятный фактор риска для возникновения психосоматических симптомов [5]. Исследователи выделяют «личность типа А». Эти люди не умеют отдыхать, не способны расслабиться, нетерпеливы, настроены на достижение цели, что приводит к подверженности стрессовым воздействиям, которые запускают механизм возникновения психосоматических симптомов [6].

В настоящее время множество эмпирических исследований подтверждают взаимосвязь перфекционизма и психосоматических симптомов именно у лиц юношеского возраста [7, 8, 9]. Также отмечается, что у психосоматических больных преобладает перфекционизм, ориентированный на себя, что способствует соматизации личности.

Выборка: 41 респондент (23 женщины и 18 мужчин) в возрасте от 18 до 22 лет. Стоит упомянуть, что в выборку входят респонденты без каких-либо медицинских диагнозов. Сбор данных происходил в основном среди студентов БГУ, а также друзей и знакомых, заинтересовавшихся добровольцев.

Основные методы исследования: теоретический анализ литературы, обобщение, опрос, пакет статистических программ SPSS Statistics 23.0., коэффициент корреляции Спирмена, критерий Манна-Уитни, тест Колмогорова-Смирнова, описательные статистики.

В данной работе были выбраны следующие методики: «Многомерная шкала перфекционизма» П. Л. Хьюитта и Г. Л. Флетта, которая позволяет определить уровень перфекционизма респондентов [4]; «Гиссенский опросник психосоматических жалоб», показывающий степень выраженности психосоматических симптомов [3].

«Многомерная шкала перфекционизма» состоит из трех субшкал, каждая из которых измеряет степень выраженности одной из составляющих перфекционизма у испытуемого, а также интегральной шкалы [4].

Отдельно по первым трем шкалам преобладает низкий уровень перфекционизма (ПОС: 36,60%, ПОД: 51,22%, СПП: 41,50%).

В общем по выборке преобладает перфекционизм, ориентированный на себя. Это может объясняться стремлением к достижениям ради получения одобрения, установкой рассчитывать лишь на свои силы. По шкале «Общий уровень перфекционизма» преобладает средний уровень по выборке (46,3%). Это может быть объяснено стремлением компенсировать давление со стороны общества, желанием выразить уникальность, независимость от мнения общества.

Исходя из сравнения средних баллов по полу, абсолютно по всем шкалам перфекционизм более выражен у юношей.

Далее с помощью критерия Манна-Уитни мы выявили статистически значимые различия только по первым двум шкалам ($p < 0.05$). Судя по результатам, можно сделать вывод, что лица мужского пола обладают большей выраженностью по данным шкалам (ПОС: $M_{\text{муж1}}=25,28$, $M_{\text{жен1}}=17,65$; ПОД: $M_{\text{муж2}}=25,47$, $M_{\text{жен2}}=17,50$). Это объясняется наложением стереотипов общества.

«Гиссенский опросник психосоматических жалоб» представляет собой опросник, предназначенный для регистрации отдельных жалоб, комплекса жалоб и определения суммарной оценки их интенсивности. Содержит 4 основные шкалы («Истощение», «Желудочные жалобы», «Ревматический фактор», «Сердечные жалобы») и одну интегральную («Давление»).

По первым четырем шкалам по выборке преобладает низкая степень выраженности. Причиной может быть особенность физиологического состояния организма в данном возрасте, который ещё успешно справляется со стрессом.

По интегральной шкале также преобладает низкий показатель по выборке, что подтверждает выше приведённые данные. В основном юноши и девушки чувствуют себя здоровыми и не отмечают у себя каких-либо соматических симптомов, или они ситуативны. Причины можно назвать те же, что перечислены выше.

Исходя из сравнения средних баллов по полу по всем шкалам большая выраженность наблюдается у девушек.

Статистически значимые различия были обнаружены по шкалам «Истощение», «Ревматический фактор», «Давление» ($p < 0.05$). Исходя из результатов, заметно, что по данным шкалам показатели более выражены у женской выборки (Истощение: $M_{\text{муж1}}=16,17$, $M_{\text{жен1}}=24,78$; Ревматический фактор: $M_{\text{муж2}}=16,83$, $M_{\text{жен2}}=24,26$; Давление: $M_{\text{муж3}}=15,92$, $M_{\text{жен3}}=24,98$). Можно предположить следующее объяснение данному факту: девушки в данном возрасте подвергаются большему стрессу, чем юноши. Это может быть связано с столкновением с большим количеством социальных ролей и ожиданий, таких как роль хорошей будущей жены, хозяйки и т.д.

Для выявления взаимосвязи между уровнем перфекционизма и выраженностью психосоматических симптомов использовался критерий корреляции Спирмена. Судя по результатам, мы не наблюдаем статистически значимой взаимосвязи между шкалами «Многомерной шкалы перфекционизма» и «Гиссенского опросника психосоматических жалоб» ($p > 0.05$).

Такой результат может объясняться недостаточным количеством выборки, отсутствием шкал лжи в методиках. Также можно предполо-

жить проявление особенностей выбранной возрастной группы, так как психосоматические симптомы в большей мере начинают отчетливо проявляться после 25 лет, а наши респонденты младше данного возраста.

Возможно, в генезе психосоматических симптомов преобладают другие факторы, такие как генетическая предрасположенность или высокий уровень стресса, которые погашают влияние перфекционизма. Также психосоматические симптомы могут по-разному отражаться на личности человека, не вызывая проявления перфекционизма. В том числе состояние социальной среды в современном обществе меняется и это вынуждает искать различные способы справляться со стрессом, не вызывая психосоматических симптомов, и снижать собственные стандарты, понимая, что не все в мире зависит от способностей человека.

Библиографические ссылки

1. Кулаков С. А. Психосоматика : 4-е издание, дополненное // Издательские решения, 2022. 456 с.
2. Curran T., Hill A. Perfectionism is increasing over time: A meta-analysis of birth cohort differences from 1989 to 2016 // Psychol. Bull. 2019. №145. P. 410-429.
3. Абабков В. А. Применение Гиссенского опросника соматических жалоб в клинике пограничных нервно-психических и психосоматических расстройств // СПб : Психоневрол. ин-т, 1993. 24 с.
4. Грачева Н. Н. Адаптация методики Многомерная шкала П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2011. № 6. С. 59-66.
5. Соколова П. В. Перфекционизм и когнитивный стиль личности у лиц, имевших попытку суицида // Вопросы психологии. 2011. № 2. С. 90-100.
6. Медведев В. Э. Психосоматические заболевания: концепции и современное состояние проблемы // Архив внутренней медицины. 2013. № 6. С. 37-40.
7. Дубок В. В., Лисова Е. Н. Перфекционизм у психосоматических больных и здоровых людей // Пензенский психологический вестник. 2018. №2. С. 12-20.
8. Кацуро А. И. Роль перфекционизма в возникновении психосоматических заболеваний у студентов // Психологическое знание в контексте современности: теория и практика : сборник статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 26-28 февраля 2016 года / под общ. ред. Л.М. Попова, Н.М. Швецова. Йошкар-Ола : ООО ИПФ «СТРИНГ», 2016. С. 58-61.
9. Сильченко И. В. Взаимосвязь агрессии, перфекционизма и копинг-стратегий у лиц с психосоматическими заболеваниями // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: Материалы III международной научно-практической конференции 16 мая 2019 года. Т.3. Донецк, «Цифровая типография», 2019. 490 с.

FROM PSYCHOLOGICAL PROJECTION TO MUTUAL GROWTH: THE SCIENTIFIC CONSTRUCTION OF ROMANTIC RELATIONSHIPS

Haodong Wan

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, whdstudy@163.com*

Supervisor — E.D. Bepanskaya-Pavlenko; candidate of psychological sciences, associate professor

This article explores romantic relationships through psychological projection, cultural factors, and emotional development. It analyzes the phases of romantic relationships and how breakups contribute to personal growth. The study draws on contemporary psychological theories and emphasizes the importance of self-awareness and mutual effort in building healthy, evolving partnerships that foster emotional security, identity development, and lasting commitment.

Keywords: intimate relationships; psychological projection; personal growth; romantic stages; emotional development; cultural context.

ОТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ К ВЗАИМНОМУ РОСТУ: НАУЧНОЕ ПОСТРОЕНИЕ РОМАНТИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Хаодун Вань

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, whdstudy@163.com*

Научный руководитель — Е.Д. Беспанская-Павленко; кандидат психологических наук, доцент

Статья исследует природу романтических отношений через призму психологической проекции, культурных особенностей и эмоционального развития. Анализируются стадии любовных отношений и роль расставания в личностном росте. Основываясь на современных психологических теориях, автор подчеркивает важность самопознания и совместных усилий в построении устойчивых, развивающихся связей, способствующих эмоциональной стабильности и осознанию личной идентичности.

Ключевые слова: интимные отношения; психологическая проекция; личностный рост; стадии романтических отношений; эмоциональное развитие; культурный контекст.

Falling in love is essentially an exploration of compatibility between two individuals. One person is often drawn to certain qualities in another, and such characteristics are often amplified in perception, while their flaws are

downplayed. When an individual discovers that another person embodies one or more traits of their ideal partner, a feeling of "love at first sight" may occur. This phenomenon is rooted in the psychological projection of one's internal image of an ideal partner onto the other person, leading to feelings of affection and attraction [1]. When mutual attraction arises, a romantic relationship begins. However, such attraction is based more on imagination than a comprehensive understanding of the other. The process of romantic involvement brings the relationship into the realm of reality.

Bodily Affirmation and Relationship Formation in a Reserved Culture

Chinese culture values modesty and restraint. This cultural characteristic often results in individuals receiving limited praise during their formative years, either from themselves or from caregivers[2]. As a consequence, individuals may develop a diminished sense of self and uncertainty about life, seeking reassurance through interpersonal relationships. Around the age of 12, coinciding with the second major growth spurt during puberty, bodily changes lead individuals to become more self-aware, engaging in social comparison and seeking affirmation through relational feedback[3]. Romantic relationships, as a distinct form of interpersonal interaction, become a channel for such affirmation.

During adolescence (ages 12–18), which aligns with the middle and high school period in China's education system, academic achievement is often prioritized, leaving limited space for the development of deep interpersonal connections. This lack of relational experience can result in a prolonged "egocentric" state in individuals. In this context, the desire for physical intimacy within romantic relationships is not merely about affection but also about confirming the existence and value of the self.

The Narrative of Wounds in Intimate Relationships

As romantic relationships progress and partners gain a deeper understanding of each other, individuals also grow within the relationship. Over time, when significant discrepancies arise in cognition, attitudes, and perspectives between partners, disillusionment may set in. The partner may diverge significantly from the previously imagined ideal, leading to emotional distancing. This marks the transition from the idealized phase to a more realistic engagement with the partner.

Breakups are a natural part of romantic relationships. When incompatibility becomes evident, separation may occur, often accompanied by intense emotional pain. This pain, however, can be an opportunity for personal growth[4]. The sources of pain include:

1. The profound sense of loss and grief from the dissolution of a meaningful attachment, similar to the loss of any significant relationship;

2. Self-doubt and internalized blame, interpreting the breakup as a reflection of one's inadequacy;

3. Fatalistic beliefs, which suggest that the lost partner was "the one," making it seem as though future happiness is unattainable.

Nonetheless, breakups offer valuable life experiences[5]. They increase resilience to future separations and facilitate self-discovery and reconstruction. Breakups also expose irrational beliefs about relationships. Rather than indicating personal failure, they reveal incompatibility and present an opportunity to seek more suitable partners. The end of a relationship signals areas for potential growth, rather than total personal inadequacy.

Stages of Romantic Development

The development of a romantic relationship is a dynamic process involving continuous effort, mutual adjustment, and shared growth. Psychologist Susan Campbell categorized this process into five stages[6]: the Romantic Stage, Power Struggle Stage, Stability (Integration) Stage, Commitment Stage, and Co-Creation Stage.

1. Romantic Stage: Characterized by emotional excitement and idealization, this phase is fueled by admiration of the partner's strengths while neglecting their flaws. Affection is based largely on projection and fantasy rather than true emotional intimacy.

2. Power Struggle Stage: As familiarity grows, differences between the partner's real self and the ideal image emerge. Each partner may attempt to reshape the other according to their expectations. Conflict is frequent, making communication and authenticity vital. It is crucial not to avoid conflict but to confront and learn from it.

3. Stability (Integration) Stage: At this point, partners begin to move beyond egocentrism. The focus shifts from control and blame to genuine interest and curiosity about one another. This stage marks the beginning of true intimacy and mutual understanding, laying the foundation for emotional depth.

4. Commitment Stage: A relatively stable relational structure has emerged. Partners make internal, action-based commitments to build a future together. They support each other in facing life's challenges, and their development becomes interdependent.

5. Co-Creation Stage: At this advanced stage, partners are prepared for marriage or long-term commitment. The relationship is full of creativity, vitality, and mutual contribution to a shared life. It is a stage of harmony and alignment, with both individuals working toward a joint vision.

Afterward, the couple may return to a new Romantic Stage—but this time, the romance is grounded not in fantasy but in a realistic, co-created love born of experience and mutual understanding.

Elements of Love

Psychologist Robert Sternberg proposed a triangular theory of love[7], consisting of three elements: passion, intimacy, and commitment. Love that encompasses all three elements is referred to as consummate love, often considered an ideal form. See Figure 1.

Fig.1 Triangle of love

Love characterized by only passion is labeled infatuation—a fleeting, illusory experience.

Love defined by only intimacy is termed liking, reflecting emotional closeness without physical desire or long-term plans.

Love based on only commitment is known as empty love, lacking emotional or physical connection.

While romantic love can begin with any one of these components, the key lies in developing the remaining two over time. Among the three, passion tends to be the most transient. Love that includes passion and intimacy but lacks commitment is labeled romantic love, which may fade once the passion subsides if commitment is not developed. When such relationships evolve into committed intimacy, the bond may transform into a stable, familial love. In contrast, relationships built only on passion and commitment without intimacy are often impulsive and fragile—intensity gives way to emptiness as passion wanes.

Conclusion

Romantic relationships are about both being suitable and becoming suitable through shared efforts. They serve not only as emotional connections but also as important arenas for individual growth. While romantic desire may be biologically driven, reason and self-awareness should guide us in how we engage in intimacy. Healthy romantic relationships are joyful, fulfilling, nourishing, and developmental. In contrast, unhealthy ones may lead to pain, frustration, and self-doubt.

Like other human interactions, romantic relationships typically undergo a progression of idealization, disillusionment, and reconstruction. It is the final stage—the process of rebuilding—that determines the depth and sustainability of the relationship.

Библиографические ссылки

1. 赖晓璐, 刘学兰, 黎莉. 亲密关系中的自我扩张 // 心理科学进展. 2018. T. 26. № 12. C. 2170–2179.
2. 刘虹. 大学生家庭环境、成人依恋与亲密的关系研究 // 社会科学前沿. 2023. T. 12. № 6. C. 3327–3333.
3. McIntyre S., Mounjou A., Boehme R., et al. Affective touch communication in close adult relationships // Proceedings of the 2019 IEEE World Haptics Conference (WHC). IEEE, 2019. P. 175–180.
4. 陈国典, 杨通平. 正念对亲密关系的影响 // 心理科学进展. 2020. T. 28. № 9. C. 1551–1563.
5. 邱贇. 父母经历PTSD后的心理韧性对大学生人际关系影响的研究综述 // 心理月刊. 2024. T. 19. № 9. C. 225–228.
6. Bhattacharya K., Ghosh A., Monsivais D., et al. Sex Differences in Social Focus Across the Life Cycle in Humans // Royal Society Open Science. 2016. Vol. 3, No. 4. 160097.
7. Backstrom L., Kleinberg J. Romantic Partnerships and the Dispersion of Social Ties: A Network Analysis of Relationship Status on Facebook // Proceedings of the 17th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social Computing. 2014. P. 831–841.

СЕКЦИЯ 16. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЗИЛИЕНТНОСТИ. МУЛЬТИСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

О. Н. Вербицкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, verbitskaya.psy@gmail.com
Научный руководитель — Г. А. Фофанова, кандидат психологических наук, доцент*

В статье представлен анализ современных зарубежных исследований феномена резилиентности. Установлено, что в рамках полисистемных моделей резилиентность рассматривается как процесс взаимодействия биологических, психологических, социальных и экологических факторов. Выявлено, что методология мультисистемных исследований требует применения смешанных методов и сложного дизайна: лонгитюдных опросов, качественных интервью, анализа биомаркеров, экологических, социальных и экономических данных, использования инновационных аналитических инструментов и междисциплинарного сотрудничества. Делается вывод о значительном прикладном потенциале результатов четвертой волны исследований феномена резилиентности.

Ключевые слова: резилиентность; мультисистемный подход; адаптация; четвертая волна исследований резилиентности

На протяжении последних десятилетий одним из ведущих направлений зарубежной психологии является исследование феномена резилиентности – способности личности «процветать перед лицом невзгод» [1, с.76]. Эволюция зарубежных исследований психологической резилиентности традиционно делится на несколько волн, каждая из которых отражает определённый этап развития этой научной области (Э. Мастен, М. Райт, А. Нараян и др.). К первой волне относят научные изыскания, проводимые в 60-70-х гг. прошлого столетия. На основе эмпирических наблюдений ученые стремились выделить и дать описание уникальным психологическим особенностям резилиентных индивидов, особенно детей, отнесенных к «группе риска». Вторая волна исследований была сосредоточена на объяснении механизмов, посредством которых эти особенности способствуют лучшей адаптации. Третья волна исследователь-

ской активности в изучении феномена резилиентности связана с переходом от теории к практике. Интерес ученых сосредоточился на разработке и оценке эффективности программ, направленных на развитие как индивидуальной, так и групповой резилиентности. Особое значение приобрело понимание того, что резилиентность не является фиксированной чертой, а изменяется во времени под влиянием новых жизненных обстоятельств и взаимодействия с социальной средой - семьей, школой, сообществом [2].

Актуальный исследовательский этап по проблематике психологической резилиентности представляет собой четвертую волну исследований в зарубежной психологии. Одним из наиболее часто используемых определений резилиентности в настоящий период является дефиниция, предложенная Э. Мастен. Таким образом, резилиентность зарубежными учеными понимается как «способность динамической системы успешно адаптироваться к нарушениям, угрожающим функционированию, жизнеспособности или развитию системы» [3, с.5]. Четвёртая волна исследований психологической резилиентности характеризуется интегративным и системным подходом к изучению этого феномена. Резилиентность рассматривается как динамический процесс, разворачивающийся в контексте сложных реляционных систем и культурных особенностей, что обусловило появление мультисистемных моделей резилиентности.

Например, группой канадских ученых была предложена и эмпирически подтверждена полисистемная модель резилиентности MSMR (Multi-System Model of Resilience) [4]. Данная модель рассматривает резилиентность как способность, развивающуюся за счет нескольких областей (доменов). MSMR – это попытка объединить в единый концепт различные факторы формирования, развития и поддержания резилиентности, выявленные в течение предыдущих трех волн. В исследовании приняли участие 556 респондентов, являющихся студентами университетов. В результате эмпирической проверки авторами была выявлена трехфакторная (трехсистемная) модель резилиентности. Таким образом, MSMR позволяет количественно оценить три системы, которые рассматриваются как источники резилиентности индивида:

- 1.Основная (внутренняя) резилиентность – внутренняя система, которая включает психологическое и физическое здоровье, а также связанные с ними источники, по природе своей подобные чертам и служащие относительно стабильной основой резилиентности на протяжении всей жизни.

- 2.Совладание и устремления – система, имеющая динамическую природу, отражающая ориентацию и реакцию индивида на жизненные события, обстоятельства, внешнюю среду; служит «мостом» между

внутренней и внешней резилиентностью, включает в себя навыки, знания и цели, связанные с преодолением трудностей.

3. Внешняя резилиентность – социально-экологические источники резилиентности. Данная система действует как структурные детерминанты резилиентности, включая доступ к услугам, службам поддержки, здравоохранению и социальным инфраструктурам на уровне сообщества.

Еще одно крупномасштабное исследование в рамках лонгитюдного проекта AStRA (Athena Studies of Resilient Adaptation), направленного на помощь в адаптации молодежи иммигрантского происхождения, было проведено Ф. Мотти-Стефаниди в парадигме мультисистемного понимания феномена резилиентности [5]. В исследовании приняли участие 3400 подростков иммигрантского и неиммигрантского происхождения, которые являлись учениками сорока различных школ в г. Афины. В основу эмпирического исследования была положена модель резилиентности, разработанная К. Суарес-Ороско, Ф. Мотти-Стефаниди, А. К. Маркс и Д. Катсиафикас, интегрирующая аккультурацию и социально-психологическое влияние на адаптацию индивида. Предикторами резилиентности в данной модели выступают факторы, расположенные на четырех уровнях:

1. Атрибуты индивидуального уровня: самооффективность, саморегуляция, когнитивное функционирование, оптимизм, надежда, духовность и т. д.

2. Микросистемный уровень: ближайшее окружение подростков и межличностное взаимодействие с семьей, сверстниками и учителями.

3. Общественный уровень, включающий политический и социальный контекст: культурные убеждения, идеология и политика принимающего государства, социальные представления, отношение к присутствию иммигрантов и лиц иммигрантского происхождения в стране.

4. Уровень глобальных сил: экономические трудности, война, терроризм, политические потрясения, экстремальное изменение климата, которые могут сделать территорию непригодной для проживания, и стихийные бедствия, такие как землетрясения, которые мотивируют людей мигрировать в места, где у них будет больше возможностей, и где они будут чувствовать себя в большей безопасности.

Автор данного исследования не рассматривает резилиентность как свойство личности, а относит явление резилиентности к феномену позитивной адаптации индивида, несмотря на опыт риска и невзгод. Согласно полученным данным основными предикторами резилиентности респондентов являются факторы микросистемного и общественного уров-

ней, характеристик индивидуального уровня вносят меньший вклад в резилиентность иммигрантов. Исследование показало, что положительный школьный опыт (поддерживающие учителя, инклюзивный климат, принятие сверстниками и т.д.) был связан с лучшей адаптацией, в то время как отрицательный опыт (дискриминация, исключение и т.п.) связан с худшими результатами. Кроме того, респонденты, которые придерживались стратегии интеграционной аккультурации (сохранение своей культурной традиции при одновременном взаимодействии с национальной культурой принимающей страны), продемонстрировали лучшую социальную адаптацию и более высокое психологическое благополучие, т.е. участники исследования с бикультурной идентичностью более резилиентны. Респонденты, которые чувствовали себя маргинализированными или вынужденными ассимилироваться (отказаться от своей традиционной культуры), имели больше трудностей адаптации.

Одной из основных целей лонгитюдного исследования, проведенного междисциплинарной группой ученых под руководством М. Унгара в рамках проекта RYSE (The Resilient Youth in Stressed Environments), была разработка методологии изучения феномена резилиентности как мультисистемного процесса [6; 7]. Данное исследование было направлено на изучение резилиентности индивидов периода ранней взрослости из двух экономически напряженных сообществ в Канаде и Южной Африке. Операционализация концепции резилиентности осуществлялась посредством продольного шестифазного исследования со смешанной методологией. Дизайн включал следующие процедуры: качественные интервью, опросы, биологические маркеры стресса, экологические данные и картирование ресурсов сообщества. Таким образом, методология исследования объединяла качественные и количественные данные, использование инновационных аналитических методов, таких как сетевой анализ, экономическое моделирование, пространственный анализ и т.д. На основе психологической диагностики с помощью шкалы депрессии Бека (BDI) участники исследования были разделены на группу резилиентных (менее 20 баллов) и группу нерезилиентных (20 баллов и выше) индивидов. Сбор данных проводился на одной и той же выборке респондентов в двух временных точках: 2018 г. и 2020 г. С помощью собранных субъективных (интервью, самоотчеты и т.д.) и объективных (экономические данные, качество воздуха и т.д.) данных авторами исследования были изучены различные ресурсы резилиентности, имеющиеся у респондентов на разных уровнях взаимодействующих систем, в которые они вовлечены (индивидуальные ресурсы, семейные и общественные связи, культуральные ресурсы и т.д.). Результаты исследования выявили различия между группой резилиентных и нерезилиентных

респондентов в количестве межсистемных связей между ресурсами в обеих временных точках. Резилиентность и меньшая выраженность депрессивной симптоматики у участников исследования была связана с разнообразием и интеграцией ресурсов из нескольких систем, а не с изолированными индивидуальными факторами. Более резилиентные испытуемые использовали ресурсы, доступные на нескольких системных уровнях, в отличие от нерезилиентных участников исследования.

Таким образом, проведенный нами анализ зарубежных исследований показал, что мультисистемные модели резилиентности рассматривают этот феномен как скоординированное взаимодействие биологических (нейроэндокринные процессы, генетическая предрасположенность), психологических (саморегуляция, самоэффективность и т.д.), социальных (семейные отношения, поддержка сообщества и т.п.) и экологических (например, социально-экономические условия) систем с целью адаптации индивида к неблагоприятным факторам и восстановлению после их воздействия. Мультисистемный подход выходит за рамки рассмотрения резилиентности как фиксированной индивидуальной черты, акцентируя динамическую природу феномена. Резилиентность понимается как процесс, включающий защитные и стимулирующие факторы, распределенные по нескольким системным уровням: индивидуальному, семейному, общественному, институциональному и культурному. Несмотря на значительный прогресс в изучении резилиентности, остаются нерешенными вопросы, связанные с операционализацией данного феномена, выявлением и изучением парциальных вкладов каждой системы или их совместных эффектов. Требуется дальнейшая разработка и апробация мультисистемных моделей резилиентности, что диктует значительное усложнение дизайна исследований и использование смешанных методов (качественных и количественных) сбора эмпирических данных на разных системных уровнях. В свою очередь анализ такого большого количества переменных предполагает существенное укрупнение исследуемых выборок и использование инновационных методов статистической обработки данных. Особое значение в современных исследованиях резилиентности приобрело также изучение культурной и контекстуальной обусловленности феномена. Анализ литературы показал, что являясь фактором поддержания резилиентности в одной культуре, одна и та же переменная, может не иметь такого значения в другой или даже выступать фактором риска. Например, в коллективистских сообществах одним из основных источников психологической резилиентности является семейная поддержка, тогда как в индивидуалистических культурах она играет менее значимую роль или оказывает негативное влияние, поскольку резилиентность здесь ассоциируется с личной автономией. Мы

можем заключить, что результаты четвертой волны исследований резилиентности имеют существенное прикладное значение для разработки программ поддержки и развития резилиентности у различных групп населения, особенно у молодежи и лиц, находящихся в условиях риска (мигрантов, жителей экономически неблагополучных регионов и т.д.). Дальнейшее совершенствование мультисистемного подхода к пониманию феномена резилиентности позволит учитывать широкий спектр факторов и разрабатывать комплексные интервенции, что откроет возможности для повышения эффективности профилактических и коррекционных программ, ориентированных на устойчивое психологическое благополучие личности.

Библиографические ссылки

1. Connor K. M., Davidson J. R. T. Development of a new resilience scale the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC) // *Depression and Anxiety*. 2003. Vol.18. P. 76–82.
2. Masten A. S., Cicchetti D. Resilience in Development: Progress and Transformation // *Development and Psychopathology*. 2016. P. 1–63.
3. Masten A. S. Global perspectives on resilience in children and youth // *Child Dev*. 2014. Vol. 85, iss. 1. P. 6–20.
4. Liu J. J. W., Reed M., Fung K. P. Advancements to the Multi-System Model of Resilience: updates from empirical evidence // *Heliyon*. 2020. Vol. 6, iss. 9. P. 1-7.
5. Motti-Stefanidi F. Acculturation and resilience of immigrant-origin youth: Do their school experiences reflect nonimmigrants' «native supremacy»? // *Development and Psychopathology*. 2023. Vol. 35, iss. 5. P. 2155-2167.
6. Ungar M., Theron L., Holtge J. Multisystemic approaches to researching young people's resilience: Discovering culturally and contextually sensitive accounts of thriving under adversity // *Development and Psychopathology*. 2023. Vol. 35, iss. 5. P. 2199-2213.
7. Ungar M., Theron L., Murphy K., Jefferies P. Researching Multisystemic Resilience: A Sample Methodology // *Front. Psychol*. 2021. Vol. 11, iss. 607994. P. 1–18.

ОСОБЕННОСТИ БАЗИСНЫХ УБЕЖДЕНИЙ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И СИНДРОМА САМОЗВАНЦА

Е. В. Живушко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, katty.zhivushko.0440@gmail.com
Научный руководитель – Е. В. Плакса, старший преподаватель*

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей базисных убеждений студентов с различной выраженностью перфекционизма и синдрома самозванца. Установлено, что студенты с выраженным перфекционизмом и синдромом самозванца сильнее убеждены во враждебности мира и в собственной незначимости. Полученные данные могут быть использованы психологами при организации коррекционной работы со студентами с болезненным стремлением к совершенству.

Ключевые слова: базисные убеждения; перфекционизм; синдром самозванца; студенты.

Постоянно возрастающие требования к индивиду со стороны современного общества [1] способны поставить под угрозу базисные убеждения, под которыми М.А. Падун и А.В. Котельникова понимают имплицитные, глобальные, устойчивые представления индивида о мире и о себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведения человека [2].

Базисные убеждения (о доброжелательности и справедливости окружающего мира, о контроле, собственной удачливости и ценности «Я») довольно устойчивы на протяжении всей жизни. Однако под воздействием стресса они могут претерпевать изменения, происходящие зачастую вынуждено, но обеспечивающие дальнейшее существование индивида. Перестройка происходит долго и болезненно [2]. При этом неосознанно могут использоваться определенные способы защиты таких убеждений. Перфекционизм может выступать в качестве способа защиты и поддержания имеющихся базисных убеждений личности [3].

Под перфекционизмом принято понимать устойчивое личностное свойство, характеризующееся высоким уровнем притязаний, гипертрофированной значимостью собственных достижений, сверхтребовательностью по отношению к самому себе и/или окружающим, нетерпимостью к собственным ошибкам и просчетам других людей, проникающее во все сферы жизни [4]. В трехфакторную структуру перфекционизма

входят озабоченность оценками, высокие стандарты и негативное селектирование [5].

Перфекционизм в своем крайнем проявлении может проявляться как синдром самозванца – субъективное переживание человеком недостаточности личных интеллектуальных качеств, способностей, которые обеспечивают высокий уровень мыслительной деятельности [6].

В настоящее время перфекционизм довольно широко распространен у молодежи [4], что обусловило необходимость исследования взаимосвязи базисных убеждений и перфекционизма именно в студенческой выборке. В исследовании приняли участие 113 студентов из разных вузов страны в возрасте от 17 до 24 лет (среди них 72 девушки (62,8%) и 42 юноши (37,2%)).

Сбор эмпирических данных осуществлялся с использованием: 1) Шкалы базисных убеждений Р. Янофф-Бульман (в адаптации М.А. Падун и А.В. Котельниковой); 2) Трехфакторного опросника перфекционизма Н.Г. Гаранян и А.Б. Холмогоровой; 3) Шкалы синдрома самозванца П. Клэнс (в адаптации М.С. Шевелева, Д.С. Корниенко, Т.М. Пермякова). Полученные данные обрабатывались с помощью SPSS Statistics v. 23 с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Схематически основные статистически значимые взаимосвязи базисных убеждений студентов с перфекционизмом и синдромом самозванца представлены на рисунке ниже.

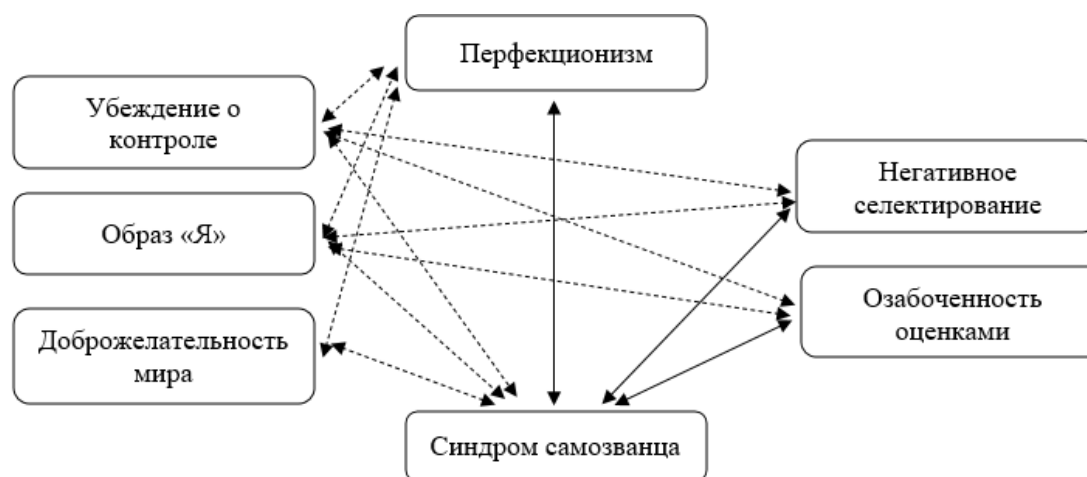

Рис. Значимые взаимосвязи базисных убеждений с перфекционизмом и синдромом самозванца (пунктирные стрелки – обратная связь, сплошные – прямая)

По итогам корреляционного анализа удалось выявить статистически значимую слабую обратную связь между перфекционизмом и базисным убеждением в доброжелательности мира ($\rho = -0,239$ при $p \leq 0,05$).

Чем выше у студентов уровень перфекционизма, тем менее они убеждены, что мир, в целом хорошее место для жизни, что мир доброжелателен к ним. Это обусловлено тем, что студенты-перфекционисты используют свое стремление к совершенству как способ защиты от недоброжелательного и враждебного к ним мира. Так, если они будут идеальны во всех сферах жизни и постоянно стремиться быть лучше, то не останется ни одного шанса, что мир сможет им навредить.

Перфекционизм также значимо умеренно обратно связан с базисным убеждением о ценности и значимости собственного «Я» ($r = -0,274$ при $p \leq 0,01$). Чем выше фиксируемый уровень перфекционизма, тем меньше девушки и юноши верят в то, что они сами по себе ценны. Обосновать это можно аналогично объяснению взаимосвязи перфекционизма и доброжелательности окружающего мира. Перфекционизм выступает защитой собственного «Я», ведь по субъективному мнению перфекциониста оно слабое и ничтожное.

Перфекционизм имеет обратную взаимосвязь с убеждением о контроле ($r = -0,357$ при $p \leq 0,01$). Студенты слабо верят в то, что они способны что-либо контролировать, в случае наблюдаемого у них высокого уровня перфекционизма. Схожие результаты были получены в исследовании Г.С. Кожухарь, где было выявлено что студенты, неуверенные в возможности контролировать происходящее, склонны требовать от себя совершенства, они пытаются соответствовать нереалистичным стандартам, обладают завышенными ожиданиями, зависимы от оценки их производительности [7].

Выявленные при корреляционном анализе взаимосвязи синдрома самозванца с базисными убеждениями результаты согласуются с приведенными выше. Была обнаружена статистически значимая умеренная обратная связь между синдромом самозванца и убеждением о доброжелательности мира ($r = -0,234$ при $p \leq 0,01$). Чем сильнее выражен синдром самозванца, тем меньше студент воспринимает окружающий мир как безопасный и поддерживающий. Люди с таким синдромом склонны ожидать негативной оценки, недоверия и осуждения со стороны окружающих, что формирует ощущение враждебности и отчужденности. Недоброжелательный образ мира подкрепляет их внутреннюю неуверенность и усиливает тревогу, связанную с разоблачением.

Умеренной обратной связью синдром самозванца также связан с убеждением о собственной значимости ($r = -0,310$ при $p \leq 0,01$). Данная корреляция подтверждает, что самозванцы не воспринимают себя как достойных признания и похвалы людей. Внутренняя убежденность в собственной никчемности не дает человеку с этим синдромом почувствовать себя достойным своих успехов.

Синдром самозванца также значимо умеренно связан с базисным убеждением о способности контроля над происходящим вокруг ($r = -0,245$ при $p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что люди с синдромом самозванца в меньшей степени ощущают контроль над собственной жизнью и событиями. Они склонны приписывать успехи внешним обстоятельствам (удаче, помощи других), а не собственным усилиям, что снижает ощущение влияния на происходящее. Это может привести к пассивности, тревожности и снижению мотивации, поскольку человек не видит себя активным субъектом, способным менять свою реальность, ведь все подчинено воле случая и его роль в этом невелика.

Переходя к структуре перфекционизма, зафиксирована значимая умеренная обратная взаимосвязь между озабоченностью оценками и позитивным восприятием собственного образа ($r = -0,342$ при $p \leq 0,01$). Студенты, озабоченные тем, как их оценят другие люди, имеют более негативное понятие о собственном «Я» и его ценности.

Также наблюдается значимая умеренная обратная взаимосвязь с убеждением о контроле ($r = -0,475$ при $p \leq 0,01$). Должно быть студенты теряют веру в то, что собственными поступками могут предотвращать несчастья в собственной жизни, когда сами они озабочены мнениями окружающих о их уникальном проявлении в мире. К схожим выводам пришла Н.П. Блаженкова [8].

Шкала «Негативное селектирование» имеет значимую умеренную обратную взаимосвязь с убеждениями о позитивном образе «Я» ($r = -0,339$ при $p \leq 0,01$) и убеждением о контроле ($r = -0,449$ при $p \leq 0,01$). Негативное селектирование представляет собой склонность видеть во всем только плохое, а во взаимосвязи с указанными базисными убеждениями мы делаем вывод, что студенты склонны занижать ценность собственного «Я», считают себя «нехорошим человеком», а также недооценивают свою способность контролировать происходящее вокруг них в жизни.

Значимые корреляции с базисными убеждениями о справедливости мира и удаче не зафиксированы.

Помимо этого, сам синдром самозванца значимо умеренно связан с перфекционизмом ($r = 0,512$ при $p \leq 0,01$), что лишь подтверждает то, что перфекционизм является неотъемлемой частью синдрома. Чем сильнее выражен синдром самозванца, тем выше показатели перфекционистских проявлений.

Также обнаружена значимая прямая умеренная связь синдрома самозванца с компонентами перфекционизма: озабоченностью оценками ($r = 0,558$ при $p \leq 0,01$) и негативным селектированием ($r = 0,536$ при $p \leq 0,01$). Озабоченность оценками отражает постоянный страх перед внешней критикой и необходимость соответствовать высоким (часто за-

вышенным) стандартам. Это типично для людей с синдромом самозванца, которые боятся, что будут разоблачены как «некомпетентные», если не покажут идеальный результат. Негативное селективное – склонность фокусироваться на ошибках и игнорировать успехи – еще больше усиливает это состояние, поскольку человек видит в себе только недостатки, несмотря на объективные достижения.

Таким образом, студенты с выраженным перфекционизмом и синдромом самозванца достоверно сильнее убеждены во враждебности окружающего мира и в собственной незначимости, чем студенты с менее выраженными данными характеристиками.

Библиографические ссылки

1. *Ильин Г. С.* Социально-психологическая интерпретация феномена «Внешнего» перфекционизма // Северо-Кавказский психол. вестник. 2011. №2. С. 43–46.
2. *Падун М. А., Котельникова А. В.* Психическая травма и картина мира : теория, эмпирия, практика. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 206 с.
3. Психологические проблемы смысла жизни и акме : электронный сб. мат-лов XXII симпозиума / ФГБНУ «Психологический институт РАО», под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой. М. : 2017. 423 с.
4. *Соколович Е. А.* Личностные детерминанты перфекционизма в период ранней взрослости : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.01; БГУ. М., 2021. 29 с.
5. *Гараян Н. Г., Холмогорова А. Б., Юдеева Т. Ю.* Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 3. С. 8–32.
6. *Clance P. R.* The Impostor Phenomenon: Overcoming the fear that haunts your success. Atlanta, GA: Peachtree, 1985. 224 p.
7. *Кожухарь Г. С., Шаталова А. В.* Личностные качества и система убеждений студенческой молодежи // Состояние, проблемы и перспективы развития современного образования : монография. Петрозаводск : Междунар. центр науч. партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. С. 233–249.
8. *Благенкова Н. П.* Взаимосвязь базисных убеждений с ценностями и страхами студентов с различным уровнем психологической безопасности // Журнал Белорусского гос. ун-та. Философия. Психология. 2021. № 3. С. 92–102.

КОМПУЛЬСИВНОЕ ПЕРЕЕДАНИЕ КАК ФОРМА АУТОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

О. И. Зенько

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, zenkolga86@gmail.com
Научный руководитель – Е. В. Пласа, старший преподаватель*

В статье рассматривается взаимосвязь компульсивного переедания и аутоагрессивного поведения. Приведены аргументы подхода к компульсивному перееданию как форме аутоагрессивного поведения. Обозначены неблагоприятные факторы, влияющие на формирование и развитие компульсивного переедания как деструктивной модели поведения.

Ключевые слова: компульсивное переедание; аутоагрессивное поведение.

В современном обществе последнее десятилетие наблюдается увеличение распространенности расстройств пищевого поведения. Особая актуальность расстройств пищевого поведения связана с их биопсихосоциальными последствиями. Среди феноменов поведения, при которых фокус внимания направлен на массу тела, принято обсуждать клинически выраженные нарушения пищевого поведения, такие как нервная анорексия, булимия и компульсивное переедание.

Расстройства пищевого поведения (далее РПП) являются серьезной проблемой современного общества. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения РПП наблюдаются примерно у 3,5% популяции [1].

К РПП, согласно Международной статистической классификации болезней десятого пересмотра, относятся [2]:

- анорексия нервная (F50.0);
- булимия нервная (F50.2);
- компульсивное переедание (F50.9);
- другие расстройства пищевого поведения (F50.8).

Среди РПП отчетливо выявляется феномен пищевого поведения, определяемый как переедание или обжорство (binge eating disorder в зарубежной литературе). Компульсивное переедание характеризуется повторяющимися эпизодами переедания с невозможностью контролировать процесс приема пищи. Во время эпизодов переедания не наблюдаются компенсаторного поведения, характерного для нервной булимии [2]. Компульсивное переедание затрагивает около 2–3% населения. Многие пациенты отмечают длительную склонность к перееданию, особенно на фоне стрессовых ситуаций, а также выраженную обеспокоен-

ность по поводу данной проблемы, которую описывают как типичное поведенческое нарушение. Это беспокойство обычно пациенты связывают с чувством «утраты контроля» при приеме пищи, а также последствиями такого поведения для физического здоровья. Нарушения пищевого поведения по типу компульсивного переедания закономерно приводят к развитию алиментарного ожирения [3].

Среди психологических факторов, влияющих на формирование компульсивного переедания, особое внимание отводится алекситимии. Алекситимия (от греч. *a-lexis-thymos* «нет слов для чувств») – это комплекс нарушений, при котором у человека имеются трудности с идентификацией и описанием собственных чувств, эмоций и телесных ощущений, а также сложности в понимании чувств и реакций окружающих людей. Распространенность клинической алекситимии в европейской популяции среди взрослого населения составляет около 10% [4]. Это в свою очередь приводит к неправильной интерпретации полученного опыта и низкой адаптивной способности индивида к стрессовым ситуациям. По мнению некоторых авторов, алекситимия способствует формированию различного типа зависимостей и психосоматических заболеваний. Также стоит отметить, что алекситимия оказывает влияние на формирование и развитие аутоагрессивного поведения [5].

Исследования, посвященные изучению компульсивного переедания подтверждают связь между алекситимией и тяжестью проявлений данного расстройства. А. Сагано обнаружила, что трудности с выявлением и описанием чувств, измеряемых с помощью клинического опросника TAS 20 (Торонская алекситимическая шкала, 1994), предсказывают тяжесть компульсивного переедания. Пациенты с ожирением, которые соответствовали критериям DSM-IV для компульсивного переедания, имели значительно более высокие общие баллы по трудностям в идентификации и описании эмоций по сравнению с пациентами с ожирением, которые не соответствовали критериям DSM-IV компульсивного переедания [6]. Таким образом, у людей с компульсивным перееданием наблюдается более высокий уровень алекситимии, особенно в отношении выявления и передачи эмоций [7].

По мнению Самсоновой Г.О., компульсивное переедание определяется как нарушение пищевого поведения, заключающееся в реакциях на длительный стресс, при которых происходит мобилизация и расход всех адаптационных резервов. Вследствие чего возникает потребность «заесть» негативные эмоции. Человек ищет способ моментального удовлетворения своих пищевых потребностей, не успев распознать природу своего голода (физиологический или психологический голод) [8].

Эмоциональная дисрегуляция также влияет на развитие компульсивного переедания. Основными стратегиями преодоления стресса выступают подавление эмоций и навязчивые повторяющиеся мысли относительно проблемы (руминация). Эмоции накапливаются и образуют внутреннее напряжение, которое разряжается перееданием [9].

Факторами риска развития компульсивного переедания могут выступать расстройства личности и настроения (импульсивность как личностная черта, пограничное расстройство личности, биполярное аффективное расстройство, депрессия), стереотипы поведения [10].

Например, рассматривая компульсивное переедание как психическое состояние зависимости, необходимо отметить, что прием пищи для индивида становится главной ценностью, способом достижения удовольствия [11]. Зависимость или аддикция (от лат. *addictus*) – это форма деструктивного поведения, при которой индивид стремится уйти от субъективной реальности путем изменения своего психического состояния, употребляя определенные вещества или совершая какие-либо действия [12].

В современном обществе еда перестала выполнять только биологическую функцию. Пища становится инструментом решения культурных, социальных вопросов, выступая в качестве «средства общения». Доступность и изобилие пищи, семейные и культурные традиции относительно еды и образа тела оказывают большое влияние на формирование пищевых привычек и расстройств пищевого поведения, в том числе и компульсивного переедания.

Среди социокультуральных факторов нарушения пищевого поведения можно выделить следующие: дисгармоничный стиль воспитания; желание иметь стройную фигуру; пища «как средство общения»; социальное давление; буллинг; медиа пространство; ослабление связи с социальным окружением; дефицит социальной поддержки; межличностные отношения; социокультурные стереотипы образа тела и другие факторы.

Эмпирические данные и клинические наблюдения предполагают тесную связь между аутоагрессивным поведением и расстройствами пищевого поведения. Высказывается мнение о коморбидности данных патологических феноменов, которые зачастую усугубляют проявления друг друга [13].

Патологическая взаимосвязь аутоагрессивного поведения и компульсивного переедания заключается в нарушенной эмоциональной регуляции поведения, низкой самооценке, появлении навязчивых мыслей, чувстве ненависти к себе, тревоге и депрессивных состояниях. Негативные чувства и эмоции побуждают человека причинить себе вред через

эпизоды переедания как акт самоповреждения (аутоагрессию). В свою очередь, аутоагрессивное поведение является патологической стратегией преодоления переживаний при компульсивном переедании. В обоих случаях происходит временное облегчение эмоционального напряжения.

Аутоагрессия как саморазрушающая эмоция, также может влиять на формирование нарушений пищевого поведения либо быть неотъемлемой частью в комплексе причин возникновения пищевых расстройств [14]. По мнению Егорова А.Ю., зависимое пищевое поведение связано с повышенным риском курения, употреблением алкоголя, депрессией и склонностью к суициду, то есть аутоагрессивным поведением. Соответственно, аутоагрессия является неконструктивной патологической стратегией преодоления переживаний при компульсивном переедании, а компульсивное переедание является формой деструктивного поведения.

Таким образом, компульсивное переедание и аутоагрессивное поведение усиливают друг друга, создавая замкнутый круг деструктивного поведения. Понимание взаимосвязи и общих механизмов аутоагрессии и компульсивного переедания имеет важное значение для профилактики, эффективной терапии и улучшения психического благополучия человека.

Библиографические ссылки

1. *Марихин С. В.* Особенности воспитания лиц с расстройством пищевого поведения // Психологические науки. 2024. № 10 (3) . С. 215–217.
2. *Фролова Ю. Г.* Психологическая диагностика в клинике. Минск : Вышэйшая школа, 2017. 191 с.
3. *Скугаревский О. А.* Нарушение пищевого поведения: монография. Минск : БГМУ, 2007. 307 с.
4. *Келина М. Ю., Мешкова Т. А.* Алекситимия и ее связь с пищевыми установками в неклинической популяции девушек подросткового и юношеского возраста // Клиническая и специальная психология. 2012. № 2. С. 53–65.
5. *Кириллова Д.С., Константинова Ю.А.* Алекситимия как фактор нарушения пищевого поведения: анализ клинического случая // Коллекция гуманитарных исследований. 2018. № 1 (10). С. 71–77.
6. *Максим О. В., Салухов В. В.* От нарушений пищевого поведения к ожирению: вопросы диагностики и нейроэндокринной регуляции // Consilium Medicum. 2022. № 4. С. 234–241.
7. *Берковская М. А., Тарасенко А. А., Фадеев В. В.* Алекситимия и ее связь с расстройствами пищевого поведения и ожирением // Проблемы эндокринологии. 2020. № 2. С. 42–48.
8. *Самсонова Г. О., Языкова Т. А., Агасаров Л.Г.* Психологические аспекты алиментарного ожирения // Вестник новых медицинских технологий. 2018. № 3. С. 123.
9. *Караваева Т. А., Фомичева М. В.* Психогенное переедание: проблемы классификации, диагностики, подходы к Психотерапии (обзор литературы) // Обозрение

психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2022. № 2. С. 21–34.

10. Барлоу Д. Клиническое руководство по психическим расстройствам. СПб. : Питер, 2008. 912 с.

11. Бобровская Е. Ф. Пищевая аддикция и индивидуальные особенности личности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2021. № 1. С. 25–41.

12. Егоров А. Ю. Пищевые аддикции // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2010. № 5. С. 88–92

13. Ершов К. С., Гранкина А. Д., Лобанов А. Д. Расстройство пищевого поведения как проявление несуицидного самоповреждающего поведения // Материалы все-российского форума студентов с международным участием Студенческая наука 2021. № 4. С. 691

14. Гроголева О. Ю., Павликова М. К. Социально-психологические и личностные детерминанты риска нарушений пищевого поведения // Вестник Омского университета. Серия Психология. 2022. № 3. С. 16–26.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ТЕЛА У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ, УВЛЕКАЮЩИХСЯ АНИМЕ

О. С. Карзюк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, olgakarziuk85@gmail.com
Научный руководитель — Е. В. Плакса, старший преподаватель*

Данная статья посвящена изучению особенностей образа тела у подростков, увлекающихся аниме. Приводится анализ особенностей увлечения и профиль образа тела на основании опроса подростков. Данная публикация может стать основой дальнейших исследований, а также быть полезной для психологов и других специалистов в работе с подростками.

Ключевые слова: увлечения; аниме; образ тела; подростки.

Аниме – японская мультипликация. Главное её отличие от мультипликации других стран в том, что большая часть выпускаемой продукции рассчитана на подростковую и взрослую аудитории, и за счёт этого имеет высокую популярность в мире. Сюжет аниме выбирается из манг (японские комиксы), ранобэ (новеллы), произведений классической литературы, визуальных романов, компьютерных игр [1]. Аниме часто (но не всегда) отличается характерной манерой отрисовки персонажей и фонов. Зачастую главными героями аниме становятся персонажи, которые соответствуют целевой аудитории по возрасту, полу, интересам, менталитету, профессии. В аниме натура героя соотносится с цветом его волос, формой глаз, подбором одежды. Герои на экране бурно демонстрируют свои эмоции, их лица постоянно искажаются. Подобное не практикуется в кинематографе других стран Востока [5].

Молодежь и подростки более восприимчивы к произведениям искусства, не только как потребители, но и как создатели. «Примеряя» на себя образы значимых персонажей подростки могут предъявлять нереалистичные требования к своей внешности. Как раз в период интенсивной перестройки организма и непропорционального развития подростки особенно чувствительны к своей внешности [4]. А как известно, подростковый возраст и без того является наиболее трудным и сложным из всех возрастов. Именно в этот период происходит наиболее активный этап формирования образа тела, а также формирования представлений об особенностях, возможностях, структуре и границах личности как физического объекта [2].

Наше исследование было направлено на изучение особенностей увлечения аниме и структуры образа тела у подростков. В исследовании

приняли участие 73 подростка: из них 19 представителей мужского пола (26%) и 54 – женского (74%).

На первом этапе мы опросили подростков с целью выявления особенностей увлечения аниме. Для этого была использована анкета авторского содержания, включающая 33 вопроса. Вопросы были направлены на раскрытие увлеченности подростками аниме и мангой, а также того, как увлечение отражается на их жизни.

Для изучения образа тела, как многокомпонентной структуры мы использовали Мультимодальный опросник отношения к собственному телу (Multidimensional Body-Self Relations Questionnaire, MBSRQ), в котором представлены следующие субшкалы: оценка внешности, ориентация на внешность, оценка физической формы, ориентация на физическую форму, ориентация на здоровье, ориентация на болезнь [3, с. 255]. Для изучения особенностей отношения к телу использовалась методика Опросника образа собственного тела.

Анализ ответов на вопросы авторской анкеты показал, что в нашей выборке 72,6 % респондентов знакомы с аниме. При этом увлекаются, т.е. смотрят аниме и выделяют свои любимые 52,1% подростков (7 мальчиков и 31 девочка), остальные имеют поверхностное знакомство с аниме.

В рамках данного исследования мы предполагали, что увлечение аниме может включать в себя не только просмотр аниме, но и предпочтения в одежде в стиле аниме, участие в группах, объединенных по интересу к аниме (Фандом – от англ. fandom, букв. «сообщество фанатов»). В таблице приведены полученные данные:

Таблица

Сводная таблица по данным ответов анкеты

Вопрос	Ответы респондентов	
	Ответ «ДА»	Ответ «НЕТ»
Нравится ли Вам одежда (или другие вещи) с изображениями аниме (манги)?	46,6%	53,4%
Носите ли Вы одежду с изображениями аниме (манги)?	32,9%	67,1%
Состоите ли Вы в Фандоме?	27,4%	72,6%
Занимаетесь ли Вы на досуге какой-либо деятельностью связанной с аниме (например, пошив костюмов для косплея)?	26,0%	74,0%
Отражается ли просмотр аниме на Вашей повседневной жизни?	56,2%	43,8%

Как видно из таблицы, более половины респондентов указывает, что аниме отражается на их жизни, но не состоят в Фандоме и не занимаются деятельностью, связанной с аниме. Почти половина подростков указывает, что им нравится одежда с изображениями аниме или манги,

но большинство такую одежду не носит. Следовательно, необходимы дополнительные опросы, как именно увлечения аниме отражаются на повседневной жизни подростков.

По частоте просмотра аниме и чтения манги можно выделить такие группы:

- никогда – аниме 38,4% и манга 56,2%;
- редко (раз в несколько месяцев) – аниме 19,0% и манга 6,7%;
- иногда (раз в месяц или чаще) – аниме 11,0% и манга 8,2%;
- часто (несколько раз в неделю) – аниме 22% и манга 16,5%;
- почти каждый день – аниме 9,6% и манга 12,4%.

Существенная часть подростков проявляет регулярный интерес (несколько раз в неделю и чаще) к аниме и манге. Кроме того, можно заметить, что аниме лидирует почти во всех группах. Чтение манги предпочтительнее только в группе подростков, уделяющих время почти каждый день (12,4%). Это может указывать на различия в способах потребления контента, доступности.

Подростки, которые увлекаются аниме и мангой указывают следующие причины, по которым это важно для них: интерес, отдых, возможность переключиться и отвлечься, тема общения с друзьями. Привлекает подростков в аниме и манге сюжет, персонажи и их истории, экшн, смысл (2/3 респондентов дали такие ответы) и яркая картинка, рисовка и красота (указали 1/3 респондентов).

На следующем этапе мы оценили особенности отношения к телу среди подростков, увлекающихся аниме. На рисунке ниже представлены полученные данные.

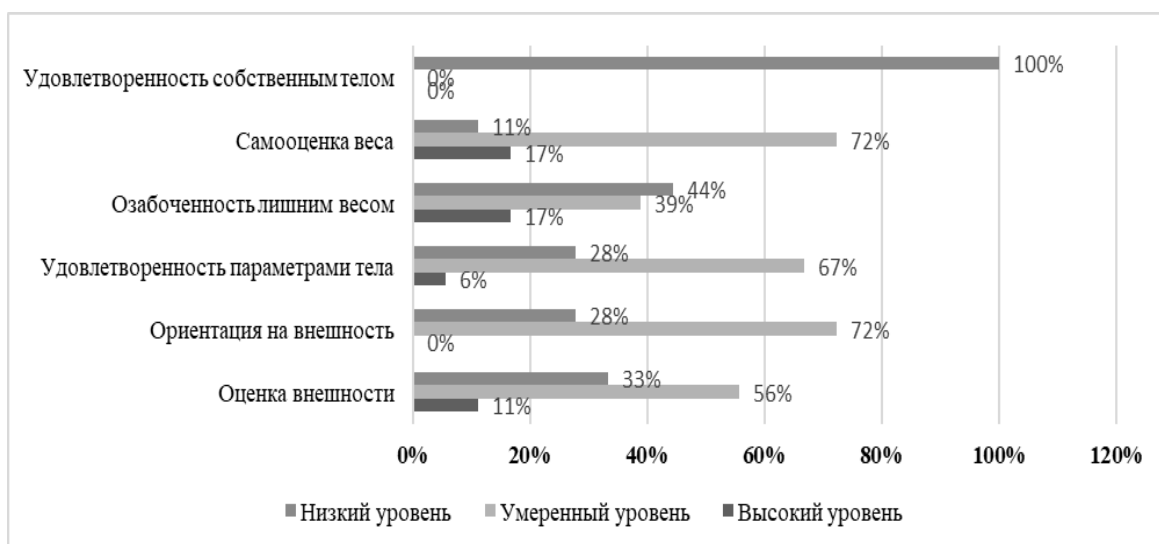

Рис. Профиль шкал образа тела у подростков, увлекающихся аниме (в процентах)

Опросник образа собственного тела представлен на рисунке шкалой «Удовлетворенность собственным телом», Мультимодальный опросник отношения к собственному телу отражают такие шкалы на рисунке, как: самооценка веса, озабоченность лишним весом, удовлетворенность параметрами тела, ориентация на внешность и оценка внешности.

Как видно из рисунка, все подростки, увлекающиеся аниме, имеют низкий уровень удовлетворенности собственным телом (респондентами были получены баллы выше 13-ти).

При этом обращает на себя внимание то, что по шкалам мультимодального опросника большинство респондентов имеет в основном умеренный уровень по шкалам. Исключение составляют только озабоченность лишним весом (где незначительно преобладает низкая удовлетворенность).

Важно отметить, что озабоченность лишним весом в данной методике обозначает наличие страхов и тревог по поводу лишнего веса (частые взвешивания, страх набрать вес, контроль за приемами пищи). В то время как реальная оценка веса в выборке в основном расположилась на умеренном уровне (72%), и при этом подавляющее большинство респондентов удовлетворены параметрами собственного тела (67%). Это говорит о том, что несмотря на то, что в нашей выборке большинство подростков оценивают свой вес как «нормальный», у них также присутствует тревога и страх потолстеть. Есть предположения, что СМИ и социальные сети часто пропагандируют определенные стандарты красоты, которые могут быть недостижимыми для большинства подростков. Изображения стройных, идеально сложенных моделей и знаменитостей формируют представления о том, каким должно быть «правильное» тело. Это может привести к комплексам и озабоченности по поводу собственного веса.

Ориентация на внешность предполагает озабоченность своим внешним видом – подростки тратят время и ресурсы на то, чтобы выглядеть хорошо. Одновременно с этим оценка собственной внешности удовлетворяет более 50% респондентов.

Таким образом, мы можем констатировать, что подростки, увлекающиеся аниме, проявляют неудовлетворенность и по поводу своего веса, и отдельных параметров своего тела, заостряя на этом свое внимание. Кроме того, можно сказать, что удовлетворенность собственным телом в подростковом возрасте в большей степени включает в себя не реальную оценку особенностей и параметров тела, а тревожность подростков по поводу внешнего вида – одновременно с относительно позитивной оценкой своих реальных телесных характеристик подростки постоянно проявляют озабоченность ими.

Библиографические ссылки

1. *Бартель Л. А.* Аниме как культурный феномен современной Японии // «Студент: наука, профессия, жизнь»: Материалы IX всероссийской конференции. 2022. С. 262.
2. *Кулагина И. Ю.* Возрастная психология: развитие ребенка от рождения до 17 лет. М.: УРАО РАН, 2009. 175 с.
3. Методы патопсихологической диагностики: методические указания / сост.: Е. С. Правило. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2017. 657 с.
4. *Налчаджян А. А.* Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
5. *Федосеева А. А.* Субкультура аниме как социокультурное явление // Медицина завтрашнего дня: Материалы XVIII межрегиональной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Чита, 23–26 апреля 2019 года / Сборник научных трудов. Чита: Читинская государственная медицинская академия, 2019. С. 406–407.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ИСПОЛНЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ (32-45 ЛЕТ)

Т. В. Малаховская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, maltanya34@icloud.com;*

Научный руководитель – Н.Ю. Клышевич, кандидат психологических наук, доцент

Установлено, что высокий уровень психологического благополучия в средней взрослости достигается благодаря наличию целей в жизни, позитивному самопринятию, умению достигать желаемого и реализации собственного потенциала. Выявлена статистически значимая положительная корреляция психологического благополучия и экзистенциальной исполненности личности в средней взрослости.

Ключевые слова: психологическое благополучие; экзистенциальная исполненность; качество жизни; средняя взрослость.

В настоящее время изучение психологического благополучия личности является актуальной задачей, так как данный феномен является и условием, и показателем успешности преодоления жизненных трудностей, эффективности решения проблем, которые ставит перед человеком жизнь. Изучение факторов психологического благополучия может помочь в решении жизненных проблем личности, в её развитии, в поиске внутреннего равновесия и ощущения счастья.

В соответствии с моделью психологического благополучия К. Рифф психологическое благополучие является многомерным конструктом, состоящим из шести компонентов: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цели в жизни, личностный рост, который отражает степень реализации индивидом личностного потенциала и его способностей [5].

Согласно К. Рифф, основным фактором развития личности, является прохождение человеком различных кризисных периодов и ситуаций в течение жизни. Жизненные трудности и сопутствующий им травмирующий опыт могут являться основой для повышения психологического благополучия посредством более глубокого осмысления жизни [3; 4; 6; 7].

Для обозначения экзистенциального понимания психологического благополучия используется понятие экзистенциальной исполненности личности. А. Лэнгле определяет её как чувство, которое испытывает человек при переживании своего существования как наполненного содержанием и смыслом [2]. Автор разработал иерархическую концепцию че-

тырёх фундаментальных мотиваций, благодаря которым человек имеет возможность пережить чувство экзистенциальной исполненности. Это мотивация к физическому выживанию и духовному преодолению бытия, мотивация к получению радости от жизни, мотивация к персональной аутентичности и справедливости, мотивация к экзистенциальному смыслу и созданию чего-то ценного [1].

Целью нашего исследования было изучение характера связи психологического благополучия и экзистенциальной исполненности личности в средней взрослости.

В выборку вошли 60 респондентов обоего пола в возрасте от 32 до 45 лет, из них 42 женщины и 18 мужчин. Средний возраст респондентов составил 39 лет.

Сбор данных осуществлялся с использованием методики «Шкала психологического благополучия К. Рифф» в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко и методики «Тест экзистенциальных мотиваций», адаптированной В.Б. Шумским.

Полученные данные были обработаны с помощью пакета статистических программ STATISTICA 10.0. В исследовании были использованы следующие методы статистической обработки данных: описательная статистика, критерий Крускала-Уоллиса и корреляционный анализ.

Исследование психологического благополучия в средней взрослости показало, что в этом возрасте доминирует высокий интегральный показатель психологического благополучия как среди женщин (50%), так и среди мужчин (67%). Следовательно, людей в средней взрослости можно охарактеризовать как обладающих достаточным опытом близких благоприятных отношений с окружающими, высоким уровнем рефлексии, стрессоустойчивости, стремящимися к самосовершенствованию.

Интересно, что у мужчин не выявлено низкого уровня психологического благополучия, и только 33% опрошенных мужчин имеют средние баллы по интегральному значению. В то же время у 29% респондентов женского пола выявлены средний уровень выраженности психологического благополучия, а у 21% женщин он низкий. Можем предположить, что это связано с некоторыми половыми различиями в проживании этого возраста.

В исследовании было выявлено, что высокий уровень психологического благополучия в средней взрослости достигается благодаря наличию целей в жизни (60%), позитивному самопринятию (48%), реализации собственного потенциала (47%). Для мужчин в этом возрасте важнее непрерывно развиваться, принимать себя и эффективно использовать свои внутренние возможности и внешние обстоятельства для удо-

влетворения своих потребностей. Женщины больше задумываются о смысле жизни, они более целеустремлённые и рефлексивные.

Интересно, что меньше половины женщин выборки имели высокий уровень самопринятия (43%). Это свидетельствует о том, что женщины в средней взрослости менее довольны собой, чем мужчины (61%), и больше обеспокоены некоторыми чертами собственной личности. Предположительно это связано с существующими стандартами красоты, из-за чего женщины чувствуют большую конкуренцию со стороны тех, кто моложе их.

Исследование показало, что мужчины более благополучно себя чувствуют, когда состоят в отношениях или находятся в браке (89%), а одинокие женщины оценивают своё благополучие выше (78%), чем состоящие в браке или в отношениях (40%).

В ходе корреляционного анализа выявлена положительная корреляционная связь как между интегральными показателями психологического благополучия и экзистенциальной исполненности личности в средней взрослости ($r = 0,598$, $p < 0,01$), так и между отдельными шкалами опросников (таблица).

Таблица

Коэффициенты корреляции между шкалами теста психологического благополучия К. Рифф и шкалами теста экзистенциальных мотиваций

Шкалы	Позитивные от- ношение	Автономия	Управление окружающей средой	Личностный рост	Цели в жизни	Самопринятие	Интегральный показатель пси- хологического благополучия
ФМ-1: Фундамен- тальное доверие	0,273*	0,378**	0,505**	0,264*	0,428**	0,540**	0,539**
ФМ-2: Фундамен- тальная ценность	0,417**	0,304*	0,619**	0,322*	0,371**	0,551**	0,564**
ФМ-3: Самоцен- ность	0,364**	-	0,387**	0,396**	0,450**	0,474**	0,469**
ФМ-4: Смысл жизни	-	-	0,520**	0,389**	0,484**	0,423**	0,418**
Общий показатель экзистенциальной исполненности личности	0,315*	0,360**	0,546**	0,376**	0,591**	0,561**	0,598**

Примечание: * - корреляция значима при $p < 0,05$; ** - корреляция значима при $p < 0,01$

Наиболее сильная корреляция выявлена между шкалами психологического благополучия «Управление окружающей средой», «Цели в

жизни», «Самопринятие» и всеми четырьмя фундаментальными мотивациями, а также с общим показателем экзистенциальной исполненности личности ($p < 0,01$). Следовательно, чем более человек способен управлять своим окружением, иметь чёткие цели в жизни и принимать собственную индивидуальность, тем сильнее выражены его фундаментальное доверие, фундаментальная ценность, самооценочность и смысл жизни, в результате чего он проживает свою жизнь более полно и осмысленно.

Шкала «Личностный рост» также положительно коррелирует со всеми шкалами теста экзистенциальных мотиваций. Выявлено, что с третьей и четвёртой фундаментальными мотивациями и общим показателем экзистенциальной исполненности личности корреляция более значима ($p < 0,01$), чем с первой и второй мотивациями ($p < 0,05$). Это говорит о том, что ощущение собственной ценности и наличие смысла в жизни являются важными факторами личностного роста.

Шкала «Позитивные отношения с окружающими» значимо коррелирует со второй и третьей фундаментальными мотивациями ($p < 0,01$), а также с первой мотивацией и общим показателем экзистенциальной исполненности личности ($p < 0,05$). Это означает, что наличие положительных отношений с окружающими связано с эмоциональной полнотой и включённостью в жизнь, ощущением собственной ценности.

Шкала «Автономия» показала наиболее сильную положительную корреляцию с первой фундаментальной мотивацией и общим показателем исполненности личности ($p < 0,01$). Это подчёркивает важность возможности человека регулировать собственное поведение и оценивать себя по своим собственным стандартам для противостояния социальному давлению и ощущения полноты и осмысленности жизни. Со второй мотивацией связь менее сильная, но также статистически значимая ($p < 0,05$). Следовательно, чем выше автономия личности, тем выше оценки значимости жизни, тем более представлены в ней личные ценности человека.

Таким образом, проведенное исследование позволило доказать наличие положительной взаимосвязи психологического благополучия и экзистенциальной исполненности личности в средней взрослости. Подобный характер связи отмечается как между интегральными показателями, так и между шкалами исследуемых переменных.

Библиографические ссылки

1. Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. Москва: Генезис, 2005. 159 с.

2. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1. С. 5–22.

3. Ryff C. D. *et al.* Psychological well-being and ill-being: do they have distinct or mirrored biological correlates? // *Psychotherapy and psychosomatics*. 2006. T. 75. №. 2. P. 85–95.

4. Ryff C. D., Keyes C. L. The Structure of Psychological Well-Being Revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. P. 719–727.

5. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 57. No. 6. P. 1069–1081.

6. Ryff C. D., Singer B. H. Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being // *Journal of Happiness Studies*. 2006. Vol. 9. P. 13–39.

7. Ryff C. D. Psychological Well-Being Revisited: Advances in the Science and Practice of Eudaimonia // *PsychotherPsychosom*. 2014. Vol. 83. P. 10–28.

ОСОБЕННОСТИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ СТАРШИХ И МЛАДШИХ СИБЛИНГОВ

Е. Д. Можаяева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, lvvt06@mail.ru
Научный руководитель – Е. В. Плакса, старший преподаватель*

Данная работа посвящена особенностям пищевого поведения старших и младших сиблингов. Объектом исследования является пищевое поведение. Цель работы заключалась в том, чтобы установить особенности пищевого поведения старших и младших сиблингов. Полученные результаты показывают, что нет статистически значимых различий в типе пищевого поведения и восприятии своего тела, между старшими и младшими сиблингами.

Ключевые слова: пищевое поведение; сиблинги; межсиблинговые отношения.

В современном мире пищевое поведение является одним из важных аспектов человеческой жизни. Оно влияет на поведение, самочувствие и уровень удовлетворенности человека в различных областях деятельности. В последние годы среди психологического сообщества наблюдается активный рост интереса к изучению факторов, которые влияют на формирование пищевых привычек, среди них особое место занимают отношения в семье. В данном контексте интересно рассмотреть именно сиблинговые отношения, ведь чаще они гораздо продолжительнее, чем родительно-детские отношения, и являются значимым элементом в социализации друг друга. Отношения между детьми в семье зависят от множества факторов, например, типа семьи, внутрисемейного климата, а также от социокультурных внешних условий. Даже если сиблинги имеют одни условия для развития, каждый ребенок будет индивидуален. Важно понять, какую ценность для него представляют сиблинговые связи, объединены ли они семейными ценностями и традициями. Сиблинги, являясь важным социальным составляющим жизни друг друга часто могут оказывать сильное влияние на пищевые привычки и тут интересно, какого рода это влияние и можно ли его контролировать посредством изменения подхода к воспитанию детей с разным сиблинговым статусом.

В своей работе под пищевым поведением мы понимаем ценностное отношение к пище и ее приему, стереотип питания в обыденных условиях и в ситуации стресса, поведение, ориентированное на образ собственного тела, и деятельность по формированию этого образа. Иными словами, пищевое поведение включает в себя установки, формы поведения,

привычки и эмоции, касающиеся еды, которые индивидуальны для каждого человека [1].

Выбранная нами тема интересна своей многогранностью и весомой актуальностью в современном мире, где всё большее распространение получают расстройства пищевого поведения. Углубление в связь пищевых привычек и сиблинговых отношений поможет лучше понять особенности пищевого поведения и заполнить некоторые пробелы, которые, несмотря на популярность темы, всё ещё имеются в научном сообществе.

Нами были изучены типы пищевого поведения старших, средних и младших сиблингов, а также их видение собственного тела. Мы проанализировали показатели по Голландскому опроснику пищевого поведения и Опроснику образа собственного тела. На наш взгляд удовлетворенность собственным телом является важным аспектом в изучении темы пищевого поведения. Такой инструмент как Опросник образа собственного тела позволяет глубже понять, как человек воспринимает свои физические черты и насколько они соответствуют его ожиданиям и социальным стандартам. Также очень важно, что образ собственного тела формируется у человека в том числе под влиянием вербальных и невербальных взаимодействий с людьми из их близкого круга, коими часто являются сиблинги.

По опроснику образа собственного тела для удобства анализа баллы были переведены в стенойны. О неудовлетворенности собственным телом можно говорить в том случае, если испытуемый набрал 6 стенойнов и более. В нашей выборке в выделенных группах все респонденты удовлетворены собственным телом (младшие сиблинги набрали 5,23 балла, средние сиблинги – 3,86 балла, старшие – 5,10). Исходя из этих данных средние сиблинги в большей степени удовлетворены собственным телом, чем старшие и младшие. Тем не менее данные различия статистически не значимы ($p=0,229$).

Далее мы проанализировали средние значения шкал пищевого поведения в каждой сиблинговой группе в нашей выборке. При помощи сравнения трех сиблинговых групп критерием Краскала-Уоллиса было обнаружено, что ассимптотическая значимость по шкалам эмоциогенного пищевого поведения, экстернального пищевого поведения и ограничительного пищевого поведения соответственно равна $p=0,714$, $p=0,732$, $p=0,130$, что говорит об отсутствии статистически значимых различий между группами.

Результаты анализа средних значений по выборке показали, что поведение участников в сфере приема пищи отличаются от нормальных значений по всем трем шкалам Голландского опросника пищевого пове-

дения во всех группах. Наиболее выраженной оказалась склонность к ограничительному поведению ($M=2,97$), что может свидетельствовать о значительном внимании участников к контролю потребления пищи. Эмоциогенное пищевое поведение ($M=2,26$) также превышает норму, указывая на важную роль эмоции участников исследования в отношениях с едой. Экстернальное пищевое поведение ($M=2,1$) оказалось ниже нормы, что говорит о низкой восприимчивости респондентов к внешним раздражителям. Тем не менее, несмотря на повышенные значения по шкалам Голландского опросника личности, баллы полученные респондентами по удовлетворенности собственным телом не превысили порог в 6 стенов, что указывает на преимущественно позитивное восприятие тела среди участников.

Полученные данные могут отражать различия в природе измеряемых характеристик, особенности методики измерения, влияние на респондентов когнитивных искажений, а также социальных и семейных факторов. На наш взгляд ключевыми являются следующие факторы. Во-первых, основные аспекты sibлингового общения и поведения формируются едиными семейными правилами и ценностями, которые оказывают равное влияние на всех детей независимо от sibлингового статуса. Таким образом семейная динамика конкретных семей может нивелировать влияние порядка рождения. Во-вторых, культурные и социальные особенности тоже могут играть роль, в некоторых воздействие культуры и внешней среды могут сглаживать различия между sibлингами. В-третьих, на результаты мог оказать влияние размер выборки. Небольшая выборка с неравномерным распределением может ограничивать статистическую мощность и достоверность анализа. Единственная шкала, по которой различия возможно присутствуют ($p=0,076$) – это шкала ограничительного пищевого поведения при сравнении средних и младших sibлингов. Возможно, младшим sibлингам в большей степени свойственно ограничительно пищевое поведение, чем средним, однако данное предположение требует дополнительной проверки при большем объеме выборки.

Библиографические ссылки

1. *Малкина-Пых, И. Г.* Терапия пищевого поведения. М.: Эксмо, 2007. 1040 с.

ОСОБЕННОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ ВЗРОСЛОСТИ

О. А. Недвецкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, olesya.nedvetskaya@yahoo.com
Научный руководитель – Е. В. Плакса, старший преподаватель*

В публикации анализируется профиль сексуального поведения в разные периоды взрослости. Приводятся основные результаты исследования и вывод о значимых различиях в сексуальном профиле между возрастными группами.

Ключевые слова: сексуальное поведение; сексуальный профиль; удовлетворенность своей внешностью; сексуальная привлекательность.

Сексуальное поведение – это многогранный, междисциплинарный феномен, который включает в себя физиологические реакции и взаимодействия, эмоциональные, когнитивные, социальные и другие компоненты. В научной литературе отмечается, что термин «сексуальность», хотя и включает сексуальное поведение, значительно шире его по содержанию [1]. Сексуальность определяется как фундаментальная составляющая человеческой природы, имеет различные трактовки в разных культурах и языках, охватывает множество взаимосвязанных элементов: биологические и социально-психологические данные, субъективный опыт, связанный с потребностями в близости и приватности, восприятие и отношение к собственному телу, вопросы власти и контроля над телом, гендера и гендерной идентичности, сексуальной ориентации, получение удовольствия и репродуктивная функция [2]. В изучении сексуального поведения и сексуальности особое значение имеет феномен сексуальной удовлетворенности, который не сводится лишь к наличию сексуальной активности, но включает в себя и получение удовольствия от интимной близости и субъективную оценку качества сексуальной жизни. На эту оценку влияют личностные особенности (самооценка, ожидания, уровень притязаний), возрастные и психофизиологические факторы, восприятие собственного тела и тела партнера, качество отношений с партнером, сексуальный опыт и другие индивидуальные аспекты [3, 4, 5].

Наше исследование было направлено на изучение особенностей сексуального профиля во всех названных выше аспектах в разные этапы взрослости. Всего в исследовании приняли участие 129 мужчин и женщин (76 женщин и 53 мужчин), из них: 46 человек в возрасте 16-20 лет, 45 человек в возрасте 21-35 лет и 38 человек в возрасте 36-55 лет.

В качестве диагностического инструментария нами были выбраны методика «Оценка сексуального профиля» (СП) О.Ф. Потемкиной и методика «Опросник образа собственного тела» (ООСТ), разработанная О.А. Скугаревским и С.В. Сивухой. Также мы использовали авторскую анкету (АА) для уточнения вопросов, связанных с телесной и сексуальной сферами. Авторская анкета содержала 2 группы вопросов: о внешности и о сексуальном профиле.

Мы использовали возрастной критерий для сравнения сексуального профиля, удовлетворенности и неудовлетворенности собственным телом респондентов. Для сравнения данных был использован статистический критерий Н Краскала-Уоллиса, который позволили выделить переменные, по которым присутствуют значимые различия между тремя независимыми выборками: респондентами юношеского возраста (16-20 лет), среднего возраста, 1 период (21-35 лет) и среднего возраста, 2 период (36-55 лет). Далее был использован критерий U Манна-Уитни для попарного сравнения групп по выделенным переменным (таблицы 1-3).

Таблица 1

Статистически значимые различия особенностей сексуального профиля между группами юношеского возраста (16-20 лет) и среднего возраста, 1 период (21-35 лет)

Показатель	U Манна-Уитни	Уровень значимости, p	Средний ранг	
			16-20 лет	21-35 лет
Экспрессивность (СП)	713,500	0,009	52,99	38,86
Феминность (СП)	712,000	0,009	53,02	38,82
Признание гетеросексуальных контактов как нормы (СП, вопрос 60)	818,500	0,047	41,29	50,81
Сколько сексуальных партнеров у вас было за последние 10 лет? (АА)	671,000	0,002	38,09	54,09

В группе юношеского возраста по шкалам «Экспрессивность» и «Феминность» средние ранги выше, чем в группе среднего возраста, 1 период. Это указывает на то, что молодые участники более склонны к эмоциональной открытости и проявлению феминных черт. По признанию гетеросексуальных контактов как нормы средний ранг выше в группе среднего возраста, что может говорить о большей консервативности в этой группе. Количество сексуальных партнеров предсказуемо выше в группе среднего возраста, что объясняется физиологической особенностью – большей продолжительностью периода сексуальной активности второй группы.

Таблица 2

Статистически значимые различия особенностей сексуального профиля между группами среднего возраста, 1 период (21-35 лет) и среднего возраста, 2 период (36-55 лет)

Показатель	U Манна-Уитни	Уровень значимости, р	Средний ранг	
			21-35 лет	36-55 лет
Избирательность (СП)	585,000	0,012	36,00	49,11
Щепетильность (СП)	543,500	0,004	35,08	50,20
Нежность (СП)	439,500	0,001	32,77	52,93
Разнообразие (СП)	598,000	0,017	47,71	35,24
Признание гетеросексуальных контактов как нормы (СП, вопрос 60)	577,000	0,001	35,82	49,32
Как бы вы субъективно оценили ваш первый сексуальный опыт с точки зрения его своевременности? (АА)	633,000	0,021	37,07	47,84

По шкале «Избирательность» средний ранг выше у группы среднего возраста, 2 период, то есть в более взрослом возрасте люди склонны быть более избирательными в выборе сексуальных партнеров по сравнению с поведением в юношеском возрасте. Возможно, с возрастом приходит большая уверенность и четкое понимание своих предпочтений. Значительно более высокий средний ранг по шкале «Щепетильность» во взрослом возрасте по сравнению с юношеским говорит о том, что старшая группа более требовательна к условиям и эстетике сексуальных контактов и обстановке, что может объясняться приоритетом качественных характеристик связи над количественными. По шкале «Нежность» группа 36-55 лет демонстрирует значительно более высокий уровень. Это может тенденцию к более эмоционально насыщенным и стабильным отношениям. В «Разнообразии» средний ранг выше у группы 21-35 лет, возможно, из-за активного поиска себя и экспериментирования в данный период взросления. Более высокий средний ранг у старшей группы по шкале «Признание гетеросексуальных контактов как нормы» может указывать на консервативность взглядов в группе 36-55 лет, в то время как молодые люди более толерантны к разнообразию сексуальных ориентаций. И последнее отличие – старшая группа чаще считает свой первый опыт своевременным. Различия в восприятии своевременности первого опыта могут отражать изменения в культурных и социальных установках.

Таблица 3

Статистически значимые различия особенностей сексуального профиля между группами юношеского возраста (16-20 лет) и среднего возраста, 2 период (36-55 лет)

Показатель	U Манна-Уитни	Уровень значимости, p	Средний ранг	
			16-20 лет	36-55 лет
Щепетильность (СП)	649,000	0,041	37,61	48,42
Нежность (СП)	569,000	0,005	35,87	50,53
Разнообразие (СП)	524,500	0,001	50,10	33,30
Феминность (СП)	594,500	0,011	48,58	35,14
Признание гетеросексуальных контактов как нормы (СП, вопрос 60)	407,000	0,001	32,35	54,79
Как бы вы субъективно оценили ваш первый сексуальный опыт с точки зрения его своевременности? (АА)	594,000	0,004	36,41	49,87
Чувствуете ли вы себя комфортно в обнаженном виде перед своим сексуальным партнером? (АА)	649,000	0,014	47,39	36,58

Люди старшей группы более щепетильны в выборе условий и сексуальных контактов, что указывает на то, что с возрастом приходит большая требовательность к качеству отношений, они проявляют значительно больше нежности в сравнении с людьми в юношеском возрасте, что может указывать на доминирование психологической и эмоциональной близости в партнерстве. Юноши же склонны к большему разнообразию в сексуальной жизни, что характерно для этапа поиска и экспериментов, демонстрируют более высокие показатели феминности, возможно, из-за меньшего давления гендерных стереотипов или большей гибкости в восприятии ролей. В признании гетеросексуальных контактов как нормы старшая группа демонстрирует больший консерватизм, что отражает влияние традиционных социальных норм. Они также чаще считают свой первый опыт своевременным, что также возможно из-за различий в социальных нормах поколений. Интересно, что именно люди в юношеском возрасте чувствуют себя комфортнее в обнаженном виде перед своим сексуальным партнером, что может быть связано с отсутствием начала естественных процессов взросления и связанных с этим изменений во внешности, соответственно, с большей уверенностью в своём теле или же меньшими социальными ограничениями.

Подводя итог проведенному анализу, мы можем сформулировать следующую резюмирующую характеристику особенностей сексуального профиля для каждой возрастной группы:

- юношеский возраст (16-20 лет): толерантность к сексуальным нормам, активный поиск идентичности.
- средний возраст, 1 период (21-35 лет): усиление консервативности, что может быть связано с переходом к социально ожидаемым моделям поведения (семья, карьера).
- средний возраст, 2 период (36-55 лет): консервативность в нормах, ориентация на стабильность и глубокую близость.

Различия подчёркивают возрастную динамику в сексуальном поведении и восприятии норм – в юношеском возрасте имеется большая тенденция к разнообразию, меньшая склонность к консерватизму в вопросах сексуальных норм, меньшее внимание к качественным категориям (щепетильность, нежность). В процессе взросления люди проявляют себя более консервативно, но более требовательными к качеству отношений. Различия в восприятии своевременности первого сексуального опыта наглядно отражают изменения в культурных и социальных установках.

Библиографические ссылки

1. Айзман, Н.И. Здоровая женская сексуальность как один из факторов семейного благополучия // Человеческое измерение в региональном развитии: доклады II всероссийской научно-практической конференции (4-7 12 2008). – Нижневартонск: НГГУ, 2009. – С. 161–164.
2. Международное руководство по сексуальному образованию, составленному на основе фактов и научных данных [Электронный ресурс] // UNESCODOC. Цифровая библиотека : сайт. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260770_rus (дата обращения: 20.04.2025).
3. McClelland, S.I. Intimate Justice: A Critical Analysis of Sexual Satisfaction // Social and Personality Psychology Compass. – 2010. – Vol. 4, № 9. – P. 663–680.
4. Satinsky, S. [et al.] An assessment of body appreciation and its relationship to sexual function in Women // Body Image. – 2012. – Vol. 9. – P. 137–144.
5. Štulhofer, A. [et al.] The role of body image in sexual satisfaction among partnered older adults: a population-based study in four European countries // European Journal of Ageing. 2019. – Vol. 17, № 2. – P. 163–173.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛЮБВИ И РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ У ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА С ВЫРАЖЕННЫМИ ЧЕРТАМИ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ

Ю. А. Немцевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, niamtsevich07@gmail.com
Научный руководитель — Е. В. Столярская, кандидат социологических наук*

Данная работа посвящена исследованию особенностей представлений о любви и романтических отношениях лиц юношеского возраста с выраженными чертами Темной триады. Установлены статистически значимые различия представлений о любви и романтических отношениях у девушек и юношей с различными показателями черт Темной триады.

Ключевые слова: представления о любви и романтических отношениях; Темная триада; неклинический нарциссизм; макиавеллизм; неклиническая психопатия.

Проблема любви в близких отношений мужчины и женщины актуальна для современного общества и психологической науки по сей день. Несмотря на существенный прогресс в различных областях психологического исследования, любовь остается одним из самых загадочных и мало изученных феноменов в настоящее время [1].

Любовь, как один из основополагающих элементов человеческих отношений, играет ключевую роль в формировании и развитии личности. В контексте близких романтических отношений происходит либо гармоничное развитие личности, либо ее травматизация. Через призму романтических отношений можно рассмотреть динамику удовлетворения или неудовлетворения базовых психологических потребностей человека, таких как принятие, принадлежность и безопасность [1].

Подход к изучению феномена представлений о любви и романтических отношениях, на который мы будем опираться, представляет из себя предложенную Робертом Стернбергом концепцию «историй любви» [1, 2]. Стернберг утверждает, что представления о любви и идеальных отношениях структурируются у каждого человека в виде прототипических концепций (нарративов) или «историй». Эти нарративы являются когнитивными схемами, которые формируются на основе личного опыта и под влиянием культуры и индивидуальных ожиданий субъекта [1, 2].

Также, согласно теории Р. Стернберга, анализ нарративов позволяет исследовать не только когнитивные компоненты любви, но и поведенче-

ские аспекты, что дает возможность глубже понять внутренние механизмы, лежащие в основе близких отношений между людьми [2].

Концепция «Темной триады», разработанная Д. Полхусом и К. Уильямсом в начале 2000-х годов, включает три взаимосвязанные черты личности: неклинический нарциссизм, неклиническую психопатию и макиавеллизм [3, 4, 5].

Неклинический нарциссизм характеризуется завышенным чувством собственной важности, потребностью в восхищении и недостатком эмпатии [4]. В основе этого компонента лежат работы Х. Кохута и О. Кернберга. Кохут считал нарциссизм естественной стадией развития ребенка, которая должна быть преодолена в процессе взросления. Недостаток родительской любви и признания может привести к сохранению нарциссических черт во взрослом возрасте [6]. В отличие от Кохута, Кернберг рассматривает нарциссизм как патологическую черту и психологическую защиту от чувства собственного ничтожества [6].

Макиавеллизм, названный в честь итальянского философа Н. Макиавелли, характеризуется циничным мировоззрением, манипулятивным поведением и стремлением к личной выгоде за счет других. Исследования основываются на работах Р. Кристи и Ф. Гейса, которые разработали «Шкалу макиавеллизма личности» [7, 8]. Макиавеллисты склонны к стратегическому и манипулятивному мышлению для достижения своих целей [4].

Психопатия включает «поверхностное очарование», импульсивность и асоциальное поведение [4]. Х. Клекли описал клинические проявления психопатии в своей книге «Маска здравомыслия», а Р. Хаэр разработал «Контрольный перечень вопросов для оценки психопатии» (PCL) [9, 10]. Этот инструмент используется в исправительных учреждениях для диагностики психопатии.

Одним из ключевых аспектов исследования проблематики романтических отношений у лиц с выраженными чертами Темной триады является понимание того, как данные черты личности проявляются в контексте романтических взаимодействий и каким образом они могут влиять на качество и стабильность этих отношений.

По нашему мнению, наличие выраженных черт Темной триады у одного или обоих партнеров может значительно усложнять динамику романтических отношений, увеличивая риск конфликтов, эмоциональной нестабильности и взаимного недовольства. Все это происходит из-за возникновения специфических паттернов поведения, которые долгое время поддерживаются, не подвергаясь коррективке.

Методологическая часть исследования включала использование стандартизированных методов сбора данных, таких как Краткий опрос-

ник для оценки черт Темной триады (SD3) и Шкала историй любви (LSS). Сбор данных производился у 80 студентов в возрасте от 18 до 21 года (35 юношей и 45 девушек). Согласно возрастной периодизации Э. Эриксона, для проведения исследования были отобраны респонденты периода ранней зрелости. В данный период времени у представителей молодого поколения появляется настоящая готовность к романтическим (интимным) отношениям с другим человеком в социальном и сексуальном плане [11].

В ходе исследования нами было обнаружено следующее:

Для юношей со средними показателями макиавеллизма оказалась более характерна история «Коллекционирования», где романтический партнер воспринимается как объект коллекции. Отношения характеризуются заботой о его внешнем виде и стремлением поддерживать отношения с несколькими партнерами одновременно, реализуя различные потребности. С одной стороны, отмечается забота о физическом благополучии партнера, с другой - сохраняется большая психологическая дистанция. Для девушек со средними показателями макиавеллизма не было обнаружено характерных историй.

Однако для девушек с высокими показателями макиавеллизма оказались характерны истории: «Порнографическая» (роль «субъекта» и роль «объекта»), «Ужасов» (роль «террориста» и роль «жертвы»), «Поддержки» (роль «поддерживаемого»). «Порнографическая» история заменяет любовь сексуальным удовлетворением. Возбуждение достигается за счет унижения партнера и манипулирования им ради собственного удовлетворения. «Субъект» реализует свои сексуальные фантазии, а «объект» - подчиняется субъекту. История «Ужасов» описывает отношения, построенные на страхе и подавлении. Один из партнеров воспринимает другого как угрожающий объект, что возбуждает страх и эмоциональное напряжение. Такие отношения лишены перспективы развития из-за постоянного напряжения и нестабильности, связанной со страхом потери объекта чувств. История «Поддержки» основывается на том, что один из партнеров нуждается в спасении и поддержке со стороны другого, чтобы справиться с травмой или тяжелым прошлым. При таком сюжете партнер рассматривается как шанс на новую жизнь, но такие отношения часто нестабильны и могут привести к созависимости.

В то время как для юношей с высокими показателями макиавеллизма характерной оказалась история «Полиции», которая включает контроль и недоверие к партнеру, ожидание обмана с его стороны, нарушение личных границ.

Для девушек со средними показателями нарциссизма оказалась более характерна «Порнографическая» история. А с высокими показателя-

ми - истории: «Порнографическая» (роль «объекта») и «Коллекционирования». В то же время для юношей с высокими показателями нарциссизма оказались характерны истории: «Порнографическая» (роль «объекта»), «Полиция» (роль «полицейского»), «Поддержки» и «Коллекционирования».

Для девушек с высокими показателями психопатии оказались характерны истории: «Порнографическая» (роль «субъекта» и роль «объекта»), «Ужасов» (роли «террориста» и «жертвы»), «Поддержки» (роли «поддерживающего» и «поддерживаемого») и «Коллекционирования». Для юношей со средними показателями психопатии – истории «Полиция» (роль «подозреваемого») и «Поддержки». А для юношей с высокими показателями психопатии оказались характерными истории: «Полиция» (роль «подозреваемого»), «Поддержки» (роль «поддерживаемого») и «Коллекционирования».

Мы предполагаем, что на основе полученных данных появится возможность разработать рекомендации для пар и психотерапевтов по управлению и коррекции негативных проявлений черт Темной триады, чтобы снижать их влияние на межличностные отношения. Также в будущем могут быть проведены долгосрочные исследования, которые помогут отследить изменения в динамике романтических отношений и выраженности черт Темной триады с течением времени. Эти выводы подчеркивают важность интеграции психологической и психокоррекционной помощи в процесс построения и поддержания отношений с лицами с выраженными неклиническим нарциссизмом, неклинической психопатией и макиавеллизмом, а также указывают на необходимость дальнейших исследований в области влияния этих личностных черт на повседневную жизнь человека.

Библиографические ссылки

1. Екимчик О. А. Результаты адаптации методики Р. Стернберга «Шкала историй любви» (1996) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. № 4. С. 95–100.
2. Sternberg R. J. Love is a story: A new theory of relationships // Oxford University Press. 1998. 256 p.
3. Егорова М. С. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43.
4. Егорова М. С., Ситникова М. А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. №38. С. 12.
5. Paulhus D. L., Williams K. M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. 2002. №6. P. 556–563.
6. Янсон, Д. В. Практический психоаналитический опыт Кохута и Кернберга: Феномен нарциссизма // Методология современной психологии. 2022. №15. С. 339–351.

7. *Калуцкая И. Н., Поддьяков А. Н.* Представление о макиавеллизме: разнообразие подходов и оценок // Культурно-историческая психология. 2007. №4. С. 78–89.
8. *Christie R., Geis F. L.* Studies in Machiavellianism // New York: Academic Press. 2012. - №3.
9. *Cleckley H.* The Mask of Sanity: an attempt to clarify some issues about the so-called Psychopathic Personality. New American Library ; Mosby, 1982. 285 p.
10. *Hare R. D.* The Hare Psychopathy Checklist-Revised, 2nd edition // Toronto, ON: Multi-Health Systems. 1978. 138 p.
11. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 86 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИВЯЗАННОСТИ И САМООТНОШЕНИЯ В РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

А. И. Петришенко-Йостен

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, anna.pet101018@gmail.com;
Научный руководитель – Н. Ю. Клышевич, кандидат психологических наук, доцент*

Выявлена статистически значимая как положительная, так и отрицательная корреляция типа привязанности и самоотношения в ранней взрослости. Установлено, что типа привязанности влияет на глобальное самоотношение, аутосимпатию, ожидаемое отношение других и на самоинтерес.

Ключевые слова: надежный тип привязанности, тревожный тип привязанности, избегающий тип привязанности, боязливый тип привязанности, самоотношение, ранняя взрослость.

Феном привязанности в зарубежной литературе изучен достаточно широко. Существует такое направление как психология привязанности, имеются эмпирические данные о том, что образ «Я» формируется на основе опыта привязанности (Дж. Боулби, К. Бартоломью, М. Микулинсер, М. Эйнсворт, Г.В. Бурменская, В.Н. Куницына, Т.В. Казанцева, М.В. Яремчук). Можно сказать, что привязанность способствует обретению себя, становлению самосознания и самоотношения.

Согласно Дж. Боулби привязанность – уникальные взаимоотношения между младенцем и ухаживающим взрослым, которая является основой для дальнейшего здорового развития [1].

Тип привязанности, сформированный в детстве, сохраняется во взрослой жизни. Следовательно, любое взаимодействие будет основываться на опыте самых первых отношений привязанности. С. Хазан и Ф. Шейвер, К. Бартоломью и Л. Хоровитц, рассматривая привязанность взрослых, выдвинули предположение о стабильности сложившихся в детстве паттернов привязанности к родителям, на основе которых взрослые выстраивают отношения с другими близкими людьми [4; 5; 6; 7]. Выстраивание межличностных отношений будет также зависеть и от внутреннего отношения индивида к себе.

К. Бартоломью и Л. Хоровитц рассматривают привязанность взрослых как эмоциональную связь между людьми, которая основывается на внутренней рабочей модели «себя» и внутренней модели ожидаемого отношения от других. Выделяют четыре типа привязанности взрослого: надежный, тревожный, избегающий, боязливый [4].

В отечественной психологии самоотношение чаще всего рассматривается в структуре самосознания личности, где самоотношение относится к его эмоционально-ценностной составляющей (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев). Предполагается, что отношение к себе складывается из различных эмоциональных переживаний личности относительно самой себя в разные возрастные периоды развития по мере расширения эмоционального опыта с другими людьми [2; 3]. Самоотношение имеет иерархическую организацию, где можно выделить три уровня: уровень глобального самоотношения, уровень функциональных блоков (самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес и ожидание отношения к себе) и уровень конкретных действий в отношении своего «Я».

В выборку вошли 70 респондентов обоего пола в возрасте от 18 до 25 лет, из них 44 женщины и 26 мужчин. Средний возраст респондентов составил 20 лет.

Сбор данных осуществлялся с использованием методики «Шкала взаимоотношений» (RSQ) К. Бартоломью и Д. Гриффин в адаптации Т.Л. Крюковой и методики «Тест-опросник самоотношения» (ОСО) В.В. Столина, С.Р. Пантелеева.

Полученные данные были обработаны с помощью пакета статистических программ. В исследовании были использованы следующие методы статистической обработки данных: описательная статистика и корреляционный анализ.

Исследование привязанности в ранней взрослости показало, что в этом возрасте преобладает избегающий тип привязанности (42,86%), который характеризуется положительным отношением к себе и негативным образом значимого другого. Таким людям свойственно сочетание низкой степени беспокойства и высокой степени избегания близких отношений. Они независимы и самодостаточны, так как их внутренняя рабочая модель наполнена позитивным содержанием по отношению к себе и негативным – к другим. Такой тип привязанности имеет защитный характер, отмечается тенденция к подавлению и сокрытию своих эмоций и чувств.

Затем по частоте встречаемости идут тревожный (24,29%) и надежный (21,43%) тип привязанности и меньше всего представлены боязливый (5,71%) и смешанный (5,71%) тип привязанности (надежно-избегающий и тревожно-боязливый). Как у мужчин, так и у женщин преобладает избегающий тип привязанности.

Исследование самоотношения в ранней взрослости показало, что у респондентов ярко выражено глобальное самоотношение (85,71%). Также у большинства респондентов показатели самоуважения (64,29%), аутосимпатии (71,43%) и самоинтереса (70%) находятся на высоком

уровне. Показатель ожидаемо отношения других оказался средне выраженным (у 44,29%) и не выраженным (у 42,86%). Мы предполагаем, что для респондентов в ранней взрослости не характерно основывать отношение к себе на мнении или взглядах других людей. В то же время они ожидают скорее негативного отношения к своей личности со стороны окружающих, видят себя в глазах других не в самом приятном свете.

В ходе корреляционного анализа обнаружен ряд статистически значимых, как отрицательных, так и положительных, корреляций между исследуемыми переменными.

Мы не обнаружили связи надежного типа привязанности ни с одним параметром самоотношения для выборки в целом.

Тревожный тип привязанности дает отрицательную связь с показателями ожидаемым отношением других ($r = -0.333$ при $p \leq 0.01$) и отношением других ($r = -0.241$ при $p \leq 0.05$). Значит, чем выше страх быть отвергнутым и покинутым, зависимость и постоянное стремление к одобрению и принятию, тем ниже ожидание положительного отношения к себе со стороны других.

Избегающий тип привязанности дает два вида связи: положительную с отношением других ($r = 0.241$ при $p \leq 0.05$) и отрицательную с саморуководством ($r = -0.256$ при $p \leq 0.05$). Следовательно, чем выше избегание близости, тем более позитивными и безопасными представляются человеку отношения с другими. Это является нелогичным с учетом того, что характеристикой избегающего типа привязанности является избегание сближения с другими людьми. Мы предполагаем, что эту положительную связь можно объяснить тем, что люди с избегающим типом могут рассматривать других в целом надежными, но при этом выбирают сохранять дистанцию в отношениях, чтобы избежать потенциальной уязвимости и сохранить свою независимость и контроль по отношению к другим людям. Данную корреляцию подтверждает второй тип связи с саморуководством. Согласно нашим данным, чем выше избегание близости, тем меньше человеку надо контролировать свою активность и деятельность.

Боязливый тип привязанности имеет несколько отрицательных связей: с глобальным самоотношением ($r = -0.284$ при $p \leq 0.05$), с ожидаемым отношением других ($r = -0.321$ при $p \leq 0.01$), с саморуководством ($r = -0.296$ при $p \leq 0.05$), положительная связь боязливого типа привязанности и самообвинения ($r = 0.253$ при $p \leq 0.05$). Чем больше недоверия к другим, страх быть отвергнутым, низкая самооценność, тем ниже интегральное чувство «за» собственное «Я», уверенность в себе, ожидание позитивного отношения со стороны окружающих, контроль над собственными эмоциями и поведением, выше склонность к обвинению себя.

Смешанный тип привязанности имеет аналогичные связи, отрицательные: с глобальным самоотношением ($r = -0.283$ при $p \leq 0.05$), с ожидаемым отношением других ($r = -0.319$ при $p \leq 0.01$), с саморуководством ($r = -0.342$ при $p \leq 0.01$) и положительную с самообвинением ($r = 0.340$ при $p \leq 0.01$). Значит, чем выше проявление неуверенности, тревоги, страха отвержения, тем ниже проявление позитивного отношения к себе и к окружающим, способности эффективно управлять своими эмоциями и поведением и выше обвинение в адрес собственного «Я».

Таким образом, полученные результаты доказывают наличие положительных и отрицательных связей типов привязанности и самоотношения в ранней взрослости. Подобный характер связи отмечается как между интегральными показателями, так и между шкалами исследуемых переменных.

Библиографические ссылки

1. Боулби, Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 447 с.
2. Пантелеев С. Р. Самоотношение/ Психология самосознания: Хрестоматия // Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: «Бахрах-М», 2020. С.208-229.
3. Столин В. В. Самосознание личности. М.: «Педагогика», 1983. 243 с.
4. Bartholomew, K., Horowitz, L.M. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model // Journal of Personality and Social Psychology, 1991. V.61. P. 226–244.
5. Fraley, R.C., Shaver, P.R. Adult romantic attachment: Theoretical developments, emerging controversies, and unanswered questions // Review of General Psychology, 2000. V. 4. P. 132–154.
6. Hazan, C., Shaver, P., Romantic love conceptualized as an attachment process // Journal of Personality and Social Psychology, 1987. V. 52. P. 511–524.
7. Mikulincer, M. Shaver, P.R. Attachment in Adulthood: Structure, Dynamics, Change. – NY: The Guilford Press, 2007. – 590 p.

ОБРАЗ ТЕЛА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Д. А. Сайко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, saikodaria@mail.ru*

Научный руководитель – Е. В. Плакса, старший преподаватель

В данной работе представлены результаты эмпирического исследования образа тела в период поздней взрослости, описывающие его содержательные характеристики и структуру. Результаты исследования могут быть актуальны для работы психологов-практиков по психологическому просвещению пожилых людей и работающих с ними лиц, для разработки профилактических мероприятий, направленных на коррекцию негативного образа тела, а также послужить базой для дальнейших исследований.

Ключевые слова: образ тела; поздняя взрослость; старение.

Представления о своем теле, его размерах, форме, привлекательности, являются важнейшим источником формирования собственного «Я». Образ тела является неотъемлемой составляющей картины мира человека, опосредуя восприятие им действительности, формирование которого начинается с момента рождения и продолжается всю жизнь [1]. В современной литературе образ тела трактуется как сложная многокомпонентная структура, которая включает в себя эмоциональный, когнитивный и поведенческий компонент [2; 3]. В состав эмоционального компонента входят эмоции и чувства по поводу своего тела и внешности. Когнитивный компонент отражает совокупность мыслей, знаний и убеждений о своем теле. Поведенческий компонент включает конкретные действия, связанные с особенностями тела. Образ тела непосредственно влияет на комплекс установок, эмоций по отношению к себе, которые выражаются в одобрении или обвинении, похвале или порицании себя. Факт положительного или отрицательного представления о своем физическом «Я» содействует положительному (адекватному) или негативному (неадекватному) образу тела. По мнению С. Фишер [4] человеческое тело приобретает положение посредника между «внутри» (ядро личности, Я-концепция и ее компоненты) и «снаружи» (социальное окружение, внешний мир) и выступает в качестве «проекционного экрана», отражающего ключевые особенности системы отношений и установок субъекта. Каждому индивиду свойственно переносить на собственное тело то отношение, которое он переживает со стороны значимых других.

Поздняя взрослость, или старость, – закономерно наступающий заключительный период возрастного индивидуального развития. Процесс

старения включает в себя биологические, социальные и психологические изменения. Так, биологическое старение проявляется в последовательном снижении адаптационного потенциала физиологических систем организма, что неизбежно оставляет свой отпечаток на внешности человека, изменяя его внешний вид (морщины, седина, сутулость, резкое изменение параметров тела и т.д.). Социальное старение проявляется в изменении социального статуса и характера общественных взаимоотношений индивида, что связано с проявлением у него биологических признаков старения и выходом на пенсию по возрасту. Психологическое старение сопровождается ощущением и переживанием личностью признаков возрастных изменений [5]. Одновременно с этими социальными изменениями происходит ухудшение физического здоровья. Проблема образа тела в поздней взрослости охватывает как восприятие объективных инволюционных биологических процессов, так и совокупность эмоциональных и когнитивно-поведенческих компонентов, связанных с восприятием своего тела.

В современном обществе старение сопровождается преобладанием негативных стереотипов, создающих искаженные представления о пожилых людях. Установки в отношении пожилых людей носят амбивалентный характер, их часто одновременно воспринимают как мудрых, но утративших рассудок, терпеливых, но вечно недовольных, а также одиноких и болтливых. Пожилые люди нередко оказываются незаметными в обществе, сталкиваясь с социальной изоляцией и снижением физической и умственной активности, ограничиваясь семейными ролями. Негативные стереотипы усиливают страх перед старостью и могут снижать самоуважение пожилых людей, сдвигая полюс восприятия себя и своего тела в сторону более негативного [6].

Наше исследование было направлено на изучение образа тела в период поздней взрослости. В исследовании приняли участие 9 человек в возрасте от 69 до 82 лет (5 женщин и 4 мужчины). Данные собирались при помощи полуструктурированного интервью с последующим качественно-количественным контент-анализом. Каждое интервью проводилось индивидуально, содержание фиксировалось при помощи диктофона; по завершении интервью информация была транскрибирована. Длительность одного интервью варьировалась от 35 до 55 минут.

В результате анализа интервью нами были выделены 15 содержательных категорий образа тела, которые были объединены в три группы, соответствующие компонентам образа тела. Данные группы изображены на рисунке ниже.

В нашей выборке в структуре образа тела наиболее представлен *поведенческий компонент*, состоящий из такого поведенческого намерения

как приспособление к изменяющимся телесным ощущениям, связанных с актуализацией учащающихся болевых ощущений, и к текущим возможностям, которое выражается в определенном смирении с возрастными изменениями. Также данный компонент включает активную позицию, направленную на поддержание физического здоровья и эмоционального благополучия, которая отражается на телесном комфорте (ежедневные физические нагрузки, поддержание оптимального веса, активный образ жизни, общение с окружающими).

Рис. Компоненты образа тела в период поздней взрослости

Эмоциональный компонент образа тела преимущественно включает положительные эмоциональные переживания (радость, гордость, благодарность, уважение) в отношении к функциональным возможностям своего тела. Респонденты принимают возрастные изменения как естественный процесс, не пытаясь постоянно соответствовать прошлым стандартам молодости. В меньшей степени представлены негативные переживания (тревога, грусть, разочарование) в связи с неудовлетворенностью своим телом и утратой прежних возможностей.

Когнитивный компонент преимущественно включает содержательные характеристики позитивной модальности, подчеркивающей принятие себя и своего тела, удовлетворенность и благодарность за сохранен-

ные функциональные возможности, а также способность воспринимать возрастные изменения как естественный процесс без стремления соответствовать прежним стандартам молодости. Позитивная перспектива на будущее выражается оптимистичным настроем, направленным на сохранение внутренней молодости, интересности, достоинства и хорошего состояния здоровья, несмотря на объективные возрастные изменения. Участникам исследования характерна ориентация на личностные качества, а не на внешние данные, акцентируя внимание на морально-этических характеристиках, способности к глубоким межличностным отношениям и эмоциональному благополучию, которые считаются важнее изменчивых внешних параметров. Респонденты рассматривают сохранение здоровья как главную ценность – признание того, что поддержание физического благополучия является ключевым фактором позитивного отношения к себе, что отражается как в активном образе жизни, так и в уважительном отношении к своему телу. Характеристики негативной модальности выражаются в виде утраты ресурсов преимущественно функционального характера, связанного с утратой прежнего здоровья.

В период поздней взрослости у респондентов преобладает преимущественно позитивный образ тела, основанный на благодарности и уважении к функциональным возможностям тела, несмотря на естественные возрастные изменения. Это восприятие поддерживается положительными эмоциями, способствующими телесному комфорту, и регулярной заботой о себе и поддержанием ухоженного внешнего вида. Здоровый образ жизни играет ключевую роль в укреплении симпатии и уважения к своему телу, усиливая контроль над своим телом, что стимулирует позитивное отношение к себе. Позитивная внешняя обратная связь и устойчивость к внешним оценкам служат защитным фильтром, снижающим влияние негативной информации и стереотипов, что помогает сохранить позитивный образ тела. Смещение акцента с внешней привлекательности на здоровье и функциональность отражает изменение приоритетов, характерное для поздней взрослости. Респонденты начинают больше ценить свое здоровье, что становится основой для ведения активного образа жизни. В то же время излишняя фиксация на физических проблемах может ограничивать восприятие себя, связывая самооценку исключительно с состоянием здоровья.

Таким образом, с возрастом люди могут одновременно испытывать неудовлетворенность своим весом, фигурой и вместе с тем ценить, уважать и принимать свое тело как благодарность за здоровье и функциональность своего тела, проявляющееся во внутреннем диалоге, симпатии

и уважении к нему, что становится возможным благодаря глубинному самопринятию.

Библиографические ссылки

1. *Gardner, R.M.* Perceptual measures of body image for adolescents and adults // *Body Image: A Handbook of Science, Practice, and Prevention*. NY : Guilford Press, 2019. P. 146–153.
2. *Белогай, К.Н.* Социокультурная модель становления образа тела // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*. 2018. С. 117–140.
3. *Кремешкова, С.Н.* Образ тела в структуре самоотношения студентов : дис. ... магистра психол. наук. Екатеринбург, 2023. 82 л.
4. *Мешкова, Т.А.* Концепция позитивного образа тела в современной зарубежной психологии // *Современная зарубежная психология*. 2021. Т. 10, № 2. С. 55–69.
5. *Татарко, К.И.* Социальные установки о старении в поздней взрослости : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. Белорус. гос. ун.-т. Минск, 2021. 27 с.
6. *Татарко, К.И., Ксенда О.Г.* Старение через призму социальных, психологических и биологических изменений // *Психолог*. 2018. № 2.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕХИМИЧЕСКИХ ЗАВИСИМОСТЕЙ

В. С. Шелягович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vlada.shell.40679@gmail.com
Научный руководитель — Е. В. Плакса, старший преподаватель*

Данная работа посвящена проблемам нехимических аддикций в психологии. Объектом исследования являются нехимические зависимости. Цель работы заключается в том, чтобы охарактеризовать социальные и психологические аспекты формирования нехимических зависимостей на данном этапе развития психологии.

Ключевые слова: зависимость; нехимическая зависимость; поведенческая зависимость.

На протяжении долгого времени с понятием «зависимость» связывают вредные привычки, разрушающие человеческий организм и личность. Например, раньше под аддиктивным поведением понимали химические зависимости, сейчас особое внимание уделено и нехимическим зависимостям. Существует следующая классификация поведенческих аддикций: гэмблинг, эротические аддикции, «социально-приемлемые» аддикции (трудоголизм, спортивные аддикции или аддикции упражнений, аддикции отношений, траты денег, религиозная аддикция или фанатизм), пищевые аддикции. Чаще речь идёт о компьютерной зависимости, интернет-зависимости и других.

В последнее время проблема отклоняющегося поведения человека стала актуальной для современного общества и исследуется в рамках медицинского и психологического познания. Зависимое поведение личности представляет собой серьёзную социальную проблему, поскольку в выраженной форме может иметь такие негативные последствия как утрата работоспособности, конфликты с окружающими, совершение преступлений и др. Сегодня проблема зависимости является объектом внимания специалистов различных областей знания [1].

Субъективно аддиктивное поведение часто проявляется как «потеря контроля» – несмотря на все попытки человека воздерживаться или контролировать себя, поведенческие паттерны повторяются вновь и вновь. Эти паттерны обычно характеризуются получением немедленного удовольствия («кратковременная награда») и часто сопровождаются отставленными отрицательными последствиями («долговременные издерж-

ки»). Попытки изменить аддиктивное поведение с помощью лечения или волевых усилий сопряжены с высоким процентом рецидива.

Однако, в отличие от химических зависимостей, проявления нехимических аддикций не всегда охватывают все аспекты личностного развития и образа жизни человека, что редко приводит к разрушению организма и психических процессов. Человек может адаптироваться к жизни в условиях аддикции, защищаясь с ее помощью от разрушительного влияния других проблем. Кроме того, социально приемлемые формы аддиктивного поведения могут быть безопасной альтернативой химическим зависимостям для лиц, склонных к аддикции [2].

Нехимическая зависимость оказывает такое же влияние на отношения, как и зависимость от психоактивных веществ, которой часто пренебрегают в пользу аддиктивного поведения, подрывая доверие и оказывая давление на партнеров и других членов семьи, чтобы они скрывали и компенсировали трудности, возникающие из-за зависимости. Это доказывает необходимость внедрения социальной работы с целью реабилитации и реадaptации лиц, которым свойственны нехимические зависимости, однако указывает на необходимость применения подходов, отличных от тех, что используют при работе с зависимыми от психоактивных веществ [3].

Основной мотив молодого человека, склонного к аддиктивным формам поведения, в том числе и нехимическим, активное изменение неудовлетворяющего психического состояния, которое рассматривается им чаще всего как «серое», «скучное», «монотонное», «апатичное». Такому человеку не удастся обнаружить в реальной действительности какие-либо сферы деятельности, способные привлечь надолго его внимание, захватить, обрадовать или вызвать иную существенную и выраженную эмоциональную реакцию. Жизнь видится ему неинтересной в силу ее однообразности.

Можно говорить о том, что у индивида с аддиктивной нацеленностью поведения значительно снижена активность в обыденной жизни, наполненной требованиями и ожиданиями. При этом аддиктивная активность носит избирательный характер: в тех областях жизни, которые пусть временно, но приносят человеку удовлетворение и вырывают его из мира эмоциональной стагнации и бесчувственности, он может проявлять недюжинную активность для достижения цели [4].

Особенностью индивида со склонностью к аддиктивным формам поведения является рассогласование психологической устойчивости в случаях обыденных отношений и кризисов. В норме, как правило, пси-

хически здоровые люди легко приспосабливаются к требованиям обыденной жизни и тяжелее переносят кризисные ситуации. Кризисные же ситуации с их непредсказуемостью, риском и выраженными аффектами являются для них той почвой, на которой они обретают уверенность в себе, самоуважение и чувство превосходства над другими [3]. У аддиктивной личности отмечается феномен «жажды острых ощущений», характеризующийся побуждением к риску, обусловленным опытом преодоления опасности. Они боятся ответственности, которая может лечь на их плечи в процессе лечения и реабилитации.

Стремление говорить неправду, обманывать окружающих, а также обвинять других в собственных ошибках и промахах вытекает из структуры аддиктивной личности, пытающейся скрыть от окружающих собственный «комплекс неполноценности», обусловленный неумением жить в соответствии с устоями и общепринятыми нормами. В основе саморазрушающего поведения лежит стремление к уходу от жизненных проблем [5].

Проблема аддикции начинается тогда, когда стремление уйти от реальности, связанное с изменением сознания, начинает доминировать в сознании, становится центральной идеей. Индивид испытывает страх перед обыденной, наполненной обязательствами и регламентациями «скучной» жизнью, склонность к поиску запредельных эмоциональных переживаний даже ценой серьезного риска и неспособность быть ответственным за что-либо [3].

Вопрос профилактики распространения потенциально опасных негативизмов жизни особенно актуален среди молодых людей, поскольку именно в этот период закладываются привычки и модели поведения.

Нехимическими (поведенческими) называются аддикции, где объектом зависимости становится какая-либо форма влечения или поведенческий акт, а не психоактивное вещество.

Все нехимические зависимости являются прогрессирующими заболеваниями психики. Основной причиной появления аддикций является компульсивное поведение.

Компульсивное поведение может проявляться в таких нехимических зависимостях, как переедание, похудание, азартные игры, трудоголизм, спортоголизм, поиск приключений, шопинг, длительное сидение за компьютером и телевизором, сексоголизм, зависимые личные отношения и т. д. Когда у человека образуется какой-то один «излюбленный» способ компульсивного поведения, образуется нехимическая зависимость [6].

Наиболее распространенными являются следующие виды нехимических зависимостей [4]: 1) патологическое влечение к азартным играм (гемблинг), 2) сексуальные аддикции, 3) трудовоголизм, 4) аддикция упражнений (спортивная аддикция), 5) аддикция отношений, 6) аддикция к покупкам (компульсивный шопинг), 7) аддикция к модификации собственного тела, 8) религиозная аддикция, 9) интернет-аддикции (интернет-зависимость), 10) аддикция к мобильным телефонам, 11) другие технологические аддикции (телевизионная аддикция и др.), 12) пищевые аддикции (аддикция к перееданию, аддикция к голоданию), 13) kleptomania.

Опасность распространения приведенных форм зависимости усугубляется сложностью их выявления, лечения и реабилитации, так как при проведении диспансеризации, работе психологической службы не всегда можно выявить имеющую место зависимость, однако последствия её, безусловно, будут замечены.

Для эффективности реализации профилактической программы необходимо работать с личностными характеристиками, приводящими к аддикции. При этом главным правилом должно быть обеспечение следующего условия: профилактика должна приносить удовольствие [7].

Нехимическая зависимость является расстройством, поддающимся лечению, которое, по мнению исследователей, должно включать когнитивно-поведенческую терапию (КПТ), индивидуальное или семейное консультирование, медикаментозную терапию, групповую терапию и группы самопомощи. Для снятия нехимических зависимостей используется довольно обширный арсенал психотерапевтических методик, однако наиболее используемые и доказавшие свою эффективность следующие: когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), программа «12-ти шагов», суггестивная психотерапия. Наиболее распространенной в работе с зависимыми является когнитивно-поведенческая терапия, в основе которой выявление паттернов, вызывающих компульсивное поведение, ориентирующая на изменение образа жизни. Она является краткосрочным видом психотерапии, при которой число сеансов варьирует от пяти до двадцати. Проводят выявления проблемы, учат узнаванию и изменению ассоциативного ряда с ней связанного. Как правило, она помогает полностью или частично справиться с этим заболеванием без лекарств. При использовании для лечения зависимостей КПТ пациент фокусируется на систематической записи мыслей, связанных с ними чувств и событий [6].

Результаты нашего анализа научных источников свидетельствуют о том, что проблема нехимических зависимостей в психологии нуждается в дальнейшем исследовании и создании комплексного подхода к её решению, принимая во внимание индивидуальные особенности каждого человека. Необходимо продолжать изучение данной проблемы для предотвращения негативных последствий для здоровья и благополучия людей в современном обществе.

Библиографические ссылки

1. *Егоров, А.Ю.* Нехимические зависимости. СПб. Речь, 2007. 190 с.
2. *Azaka, L.* Combating Smartphones Addiction // Preprint. 2021. 3 p.
3. *Айвазова, А.Е.* Психологические аспекты зависимости. СПб: Речь, 2003. 120 с.
4. *Лозовая, Г.В.* Признаки нефармакологических зависимостей // Психологические основы педагогической деятельности: Материалы 30-й научной конференции СПб ГАФК им. П.Ф. Лесгафта. СПб., 2003. С. 20–36.
5. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 3-е изд., доп. и перераб. СПб.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2007. 672 с.
6. *Демьянов, Ю.Г.* Основы психопрофилактики и психотерапии: пособие для студентов психологических факультетов университетов. СПб. : Паритет, 1999. 224 с.
7. Психология и лечение зависимого поведения Под ред. С. Даулинга. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 170 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ГРАЖДАН КНР С АЛКОГОЛИЗМОМ

Ши Биюнь

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, shibiyun117@gmail.com
Научный руководитель – Е. В. Плакса, старший преподаватель*

В статье представлены результаты исследования, целью которого было изучить взаимосвязь между эмоциональными особенностями и самоповреждающим поведением у пациентов с алкогольной зависимостью в Китае. Обнаружены статистически значимые корреляции между эмоциональными показателями и склонностью к самоповреждению. Особое внимание уделено культурной специфике проявления алкогольной зависимости в китайском социуме.

Ключевые слова: алкогольная зависимость; эмоциональные особенности; самоповреждающее поведение.

Алкоголизм стал важной проблемой здравоохранения во всем мире и особенно заметен в Китае. Согласно последним статистическим данным Всемирной организации здравоохранения, потребление алкоголя в Китае демонстрирует постоянную тенденцию к росту: ежегодно на душу населения приходится 7,2 литра чистого алкоголя среди людей в возрасте 15 лет и старше, а доля сильно пьющих достигает 8,2% [1].

Алкоголизм представляет собой сложное многоаспектное явление, которое рассматривается в рамках различных теоретических подходов: психодинамическая модель объясняет его через внутриличностные конфликты и детские травмы с акцентом на бессознательные защитные механизмы; бихевиоризм трактует алкогольное поведение как результат оперантного обусловливания с включением когнитивно-эмоциональных факторов; когнитивная психология акцентирует внимание на дисбалансе между автоматическими и контролируемыми процессами; гуманистическая теория связывает алкоголизм с фрустрацией базовых потребностей; социокультурный подход рассматривает влияние культурных норм и социальных условий, особенно отмечая специфику китайского социума; теория семейных систем интерпретирует алкоголизм как механизм поддержания семейного гомеостаза; нейробиологический подход объясняет нарушения когнитивных и эмоциональных функций повреждением префронтальной коры, лимбической системы и дисбалансом нейротрансмиттеров.

Эмоциональные особенности при алкоголизме имеют выраженную динамику на разных стадиях заболевания: на ранней стадии преобладает психологическая зависимость с характерными колебаниями настроения, социальной мотивацией и снижением самоконтроля; при переходе в среднюю стадию формируется физическая зависимость с усилением аффективных расстройств (проявляющихся как агрессией, так и подавленностью) и выраженным нарушением социального функционирования; на поздней стадии наблюдается глубокая деградация эмоциональной системы с характерным эмоциональным безразличием, манипулятивным поведением и необратимыми неврологическими повреждениями, при этом в китайском культурном контексте отмечаются специфические особенности – использование алкоголя в качестве «эмоциональной смазки» в деловых отношениях, тенденция к соматизации эмоциональных переживаний, выраженная семейная стигма и гендерные различия в паттернах употребления (женщины демонстрируют большую склонность к употреблению алкоголя в одиночестве).

Самоповреждающее поведение объясняется комплексом взаимосвязанных механизмов: согласно теориям регуляции эмоций, оно выполняет функцию кратковременного снижения эмоционального дистресса через активацию опиоидной системы [2]; в рамках концепции социального научения подчеркивается роль подражания групповому поведению (особенно среди подростков) и интернализации чувства стыда [3]; нейробиологические исследования выявляют ключевую роль дисфункции префронтально-лимбической системы, приводящей к импульсивности и нарушению эмоциональной регуляции. Особую значимость эти механизмы приобретают при алкоголизме, где самоповреждающее поведение учащается вследствие эмоциональной нестабильности и повышенной импульсивности, при этом наблюдаются выраженные гендерные различия – мужчины демонстрируют склонность к агрессивным действиям, тогда как женщины чаще прибегают к порезам и самобичеванию.

В нашем исследовании приняли участие 60 человек (30 пациентов с диагнозом «алкоголизм» и 30 человек контрольной группы). Для сбора данных применялись адаптированная Шкала дифференциальных эмоций (DES) К. Изарда для оценки эмоционального состояния и Оттавский опросник самоповреждений (OSI) для анализа самоповреждающего поведения.

В результате анализа данных были получены следующие результаты. У испытуемых с алкоголизмом выявлены характерные эмоциональные нарушения: снижение базового уровня позитивных эмоций (ПЭМ) у 40% респондентов при эпизодических всплесках интенсивных переживаний у 20%, что может быть связано с эйфоризирующим эффектом ал-

коголя; значительное усиление острых негативных эмоций (НЭМ) в 60% случаев, отражающее дисфункцию эмоциональной регуляции; клинически выраженные тревожно-депрессивные состояния (ТДЭМ) у 36,7% участников. Корреляционный анализ выявил сильную положительную связь между НЭМ и ТДЭМ ($r=0,710$, $p<0,001$), слабую связь между ПЭМ и ТДЭМ ($r=0,304$, $p=0,102$), что свидетельствует о возможной амбивалентности, и отсутствие значимой корреляции между ПЭМ и НЭМ ($r=0,220$, $p=0,243$), подтверждающее их относительную независимость.

Самоповреждающее поведение у больных алкоголизмом имеет четкую мотивационную структуру: в 37,5% случаев оно обусловлено социальными факторами (конфликты, изоляция, групповое давление); в 29,2% – поиском острых ощущений как способа преодоления эмоционального оцепенения; в 20,8% – необходимостью внутренней регуляции аффективных состояний (тревога, депрессия, аутоагрессия); в 12,5% – стремлением получить внешнюю эмоциональную поддержку. Эти данные отражают комплексный характер взаимосвязи между эмоциональными нарушениями и самоповреждающим поведением при алкогольной зависимости.

Результаты исследования демонстрируют статистически значимые отрицательные корреляции между уровнем позитивных эмоций (ПЭМ) и мотивационными факторами самоповреждающего поведения у лиц с алкогольной зависимостью: социальное влияние ($r = -0,494$, $p = 0,006$), внешняя эмоциональная регуляция ($r = -0,591$, $p = 0,001$) и поиск ощущений ($r = -0,583$, $p = 0,001$). Полученные данные позволяют рассматривать позитивные эмоции в качестве протективного фактора, который снижает вероятность самоповреждающего поведения за счет трех основных механизмов – ослабления влияния социального давления, уменьшения потребности во внешней эмоциональной регуляции и подавления склонности к сенсорному поиску.

Таким образом, наше исследование выявило среди больных алкоголизмом в КНР следующие особенности:

- многофакторная природа алкоголизма (психологические, социальные, нейробиологические аспекты);
- прогрессирующую динамику эмоциональных нарушений (от колебаний настроения до эмоциональной деградации);
- значительное снижение уровня позитивных эмоций (ПЭМ);
- усиление негативных (НЭМ) и тревожно-депрессивных (ТДЭМ) состояний;
- высокую распространенность самоповреждений (37,5% – социальные факторы, 29,2% – поиск ощущений);

– протективную роль позитивных эмоций (значимые отрицательные корреляции с мотивами самоповреждения).

Полученные данные подтверждают наличие тесной взаимосвязи между эмоциональными нарушениями и самоповреждающим поведением у испытуемых с алкоголизмом.

Библиографические ссылки

1. Global status report on alcohol and health 2018. // World Health Organization. [Electronic resource]. 2018. URL : <https://www.who.int/publications/i/item/9789241565639> (Date of access : 14.04.2025).

2. *Первичко Е. И.* Стратегии регуляции эмоций: процессуальная модель Дж. Гросса и культурно-деятельностный подход. Часть II. Культурно-деятельностный подход к проблеме стратегий и механизмов регуляции эмоций // Национальный психологический журнал. 2015. №1 (17). С. 13–22.

3. *Макарова Е. А.* Самоповреждающее поведение детей и подростков в сети интернет // Вестник ТИУиЭ. 2023. №1 (37). С. 49–55.

СЕКЦИЯ 17. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ПРОБЛЕМА СЕЗОННО-АФФЕКТИВНОГО РАССТРОЙСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В. П. Василюк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phs.vasilyuk@gmail.com
Научный руководитель – Е. И. Климущко, старший преподаватель*

В данной статье исследуется сезонно-аффективное расстройство (САР), включая его симптомы, формы и диагностические критерии. Особое внимание уделяется скрининговому опроснику Seasonal Pattern Assessment Questionnaire (SPAQ) как важному инструменту для диагностики, а также различные методы лечения и их эффективность. Также отмечается необходимость изучения проблемы в контексте Беларуси.

Ключевые слова: сезонно-аффективное расстройство; диагностика; лечение.

Сезонное аффективное расстройство (САР) представляет собой значимую проблему в области психологии, психиатрии и медицины, вызывая серьезные трудности как у пациентов, так и у специалистов. Это расстройство проявляется в виде циклических изменений настроения, которые чаще всего наблюдаются в осенне-зимний период. САР характеризуется не только снижением настроения, но и ухудшением общего самочувствия, что делает его важной темой для дальнейшего изучения.

САР (англ. Seasonal Affective Disorder, SAD) является подтипом рекуррентного депрессивного расстройства и рассматривается как форма биполярного расстройства или клинической депрессии [2; 6]. Оно проявляется через чувство глубокой печали и подавленности, снижение интереса к привычным занятиям, усталость, снижение уровня энергии, нарушения сна (гиперсомния) и изменения в аппетите, чаще всего увеличение, связанное с тягой к углеводам.

Существует две основные модели сезонной депрессии: летняя, с типичными признаками, и зимняя, с атипичными симптомами. Обычная сезонная депрессия начинается осенью или зимой и заканчивается ранним летом, в то время как более редкая форма, известная как "летняя де-

прессия", начинается поздней весной или ранним летом и проходит осенью [3, с. 188].

Также выделяются субсиндромальные формы САД [3, с. 188] — состояния, при которых у пациента проявляются некоторые симптомы, характерные для САР, но которые не соответствуют полным критериям для диагностики. Наличие субсиндромальных форм САР усложняет диагностику, так как пациенты с этой формой обычно более адаптированы к сезонным изменениям. При таких формах клинически значимыми являются вегетативные симптомы.

Сезонное аффективное расстройство (САР) может быть дифференцировано от других депрессивных расстройств, таких как атипичная депрессия, циклотимия, дистимия и хроническая униполярная депрессия. Все эти состояния могут проявляться ухудшением симптомов в зимнее время, однако у каждого из них есть свои уникальные характеристики [3, с. 188].

Хотя симптомы САР могут пересекаться с симптомами указанных расстройств, главное отличие САР заключается в его сезонной природе. САР проявляется в определенное время года, как уже упоминалось ранее, чаще всего зимой, тогда как другие расстройства могут иметь более постоянный характер симптомов без такой четкой сезонной привязки. Таким образом, важно учитывать эти различия для точной диагностики и назначения соответствующего лечения.

В настоящее время происходит изменение подходов к терапии психических и поведенческих расстройств, что связано с развитием информационных технологий и биологических наук. Эти изменения способствуют улучшению здоровья пациентов, однако могут приводить к игнорированию этиологических и экологических факторов, влияющих на заболевания [1].

В современной классификации психических и поведенческих расстройств выделяют следующие диагностические критерии сезонного аффективного расстройства:

А. Регулярная временная связь между наступлением основных депрессивных эпизодов и определенным временем года (не с психосоциальным стрессом);

В. Полная ремиссия (или изменение от депрессии до мании или гипомании) также происходят в определенное время года;

С. Два основных депрессивных эпизода отвечающие критериям А и В в последние два года и нет несезонных эпизодов в тот же период;

Д. Сезонных основных депрессивных эпизодов существенно больше, чем несезонных эпизодов в течение всей жизни человека [3, с. 189]

Эпидемиологические исследования САР и суб-САР во всем мире опираются на скрининговые опросники. Наиболее распространенным из них является Seasonal Pattern Assessment Questionnaire (SPAQ), разработанный Норманом Розенталом и коллегами в 1987 году. Этот опросник эффективно выявляет случаи САР и суб-САР. SPAQ предполагает использование самооценки, которая ретроспективно оценивает величину сезонных изменений в различных аспектах жизни, таких как длительность сна, социальная деятельность, настроение, вес, аппетит и уровень энергичности [7, с. 262].

Понимание особенностей лечения САР значительно улучшилось благодаря обсуждению его уникальных диагностических признаков. В зависимости от сложности состояния применяются различные методы лечения [3]. Лечение зимней и летней депрессии существенно отличается.

Зимняя депрессия хорошо поддается терапии с использованием ингибиторов моноаминоксидазы (ИМАО) [3]. Эти препараты повышают уровень серотонина и норадреналина в мозге, регулирующих настроение. ИМАО блокируют фермент моноаминоксидазу (МАО), отвечающий за разрушение нейромедиаторов. Заблокировав этот фермент, уровень серотонина и норадреналина увеличивается, что может снизить симптомы депрессии [8].

Кроме ИМАО, зимняя депрессия также показывает положительный терапевтический ответ на психотерапию и светотерапию, когнитивно-бихевиоральную терапию (КБТ).

Светотерапия и когнитивно-бихевиоральная терапия (КБТ) признаны эффективными методами лечения сезонного аффективного расстройства (САР) [4].

Светотерапия является стандартным терапевтическим подходом, основанным на воздействии яркого света, который имитирует солнечный свет. Этот метод помогает регулировать биоритмы и уровень гормонов, таких как серотонин и мелатонин, что играет ключевую роль в поддержании настроения [5].

Также, для лечения САР адаптирована когнитивно-бихевиоральная терапия (КБТ), которая включает структурированное вмешательство, направленное на изменение негативных когнитивных установок и поведенческих паттернов [4].

КБТ предоставляет пациентам не только краткосрочное облегчение симптомов, но и защиту от рецидивов, изменяя когнитивные процессы. В то время как светотерапия остается важным методом лечения, но ее эффект может быть менее устойчивым в долгосрочной перспективе [4].

Для лечения сезонного аффективного расстройства (САР) в некоторых случаях необходима фармакотерапия [3].

Летняя депрессия требует применения антидепрессантов, обычно используемых для несезонных депрессий [7, с.190].

Кроме того, естественными методами лечения САР, является применение таких препаратов как: L-триптофан, препараты зверобоя, продырявленного и мелатонин. Хотя механизмы действия препаратов зверобоя недостаточно изучены, их биологически активные соединения обладают антидепрессивными свойствами, что открывает перспективы для новых методов борьбы с САР.

Комбинирование различных методов лечения позволяет обеспечить более эффективный и индивидуализированный подход к терапии сезонного аффективного расстройства.

Следует отметить, что основной причиной этой депрессии может быть не холод, а уменьшение солнечного света. Уровень света сам по себе не вызывает депрессию, а взаимодействует чувствительностью человека к депрессивным состояниям [1].

Таким образом, САД наиболее распространена в районах, где зимние дни очень короткие или есть большие изменения в количестве дневного света в разное время года [3, с.188].

В настоящее время в Беларуси имеется ограниченная информация о САР. Несмотря на то, что страна расположена в средних широтах, что предполагает умеренный уровень распространенности расстройства, это не означает, что проблема незначительна. Это указывает на то, что проблема САР в стране остается актуальной и требует дальнейшего изучения.

Таким образом, исследование сезонного аффективного расстройства в Беларуси представляется важным шагом к выявлению и решению этой проблемы.

Библиографические ссылки

1. *Володина Д. А., Антонов А. Р.* Сезонные аффективные расстройства // *Medicus*. 2021. № 4. С. 17-28.
2. *Shah, R. Prudhvi, S. Ren, I. (GMC), N.* Seasonal Affective Disorder (SAD) // *Graphic Medicine Review*. 2024.
3. *Хаустова Е. А.* Сезонное аффективное расстройство: диагностика и терапия // *Международ. неврол. журн.* 2012. №2. С. 198-192.
4. *Вербенко В. А.* Современные проблемы диагностики и терапии сезонного аффективного расстройства // *Таврический журнал психиатрии*. 2014. № 3. С. 34-38.
5. *Wehr T. A.* Melatonin and Seasonal Rhythms // *Journal of Biological Rhythms*. 1997. P. 518-527.

6. Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Моноаминоксидаза#Ингибиторы_МАО. (Дата обращения: 04.03.2025).
7. *Evans M., Rohan K., Sitnikov L., Mahon J., Nillni Y., Lindsey K., Vacek P.* Cognitive Change Across Cognitive-Behavioral and Light Therapy Treatments for Seasonal Affective Disorder: What Accounts for Clinical Status the Next Winter? // *Cognitive Therapy and Research*. 2013.
8. *Riniati O, W., Supriyanti S., Guilin X., Jiao D., Anripa N.*, Effect of Light Therapy on Reducing Depressive Symptoms in Seasonal Affective Disorder Sufferers // *Journal of World Future Medicine, Health and Nursing*. 2024. P. 288-299.

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БОЛИ

Н. П. Волков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, volkoff.marlboro1990@gmail.com
Научный руководитель — Н. Ю. Клышевич, кандидат психологических наук, доцент*

В статье рассматриваются психосоциальные факторы, влияющие на хроническую боль, включая личностные черты, тревожность, депрессию и катастрофизацию.

Ключевые слова: хроническая боль; болевое поведение; копинг-стратегии; катастрофизация; депрессия; тревога.

Хроническая боль является одной из наиболее распространенных проблем, актуальность которой отмечается во всем мире.

Согласно Международной ассоциации по изучению боли, (IASP) хроническая боль понимается как субъективное неприятное сенсорное и эмоциональное переживание, связанное с действительным или возможным повреждением тканей или схожее с таковым переживанием [1]. Это боль, которая продолжается более 3 месяцев или дольше, чем время структурного заживления тканей.

Боль представляет собой сложный феномен, включающий перцептуальные, эмоциональные, вегетативные, двигательные и когнитивные компоненты [2]

Психологические и социально-психологические характеристики играют важную роль в индивидуальной вариативности восприятия боли, влияя как на болевой порог, так и на эмоционально-когнитивную интерпретацию болевых ощущений.

Выраженность и характер восприятия боли на равное стимулирование у разных людей зависит от психологических и социально-психологических особенностей личности, прошлого опыта, эмоционального состояния в момент болевого воздействия, а также обстоятельства, при которых оно происходит [3, 4].

На сегодняшний день наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой психологические нарушения являются первичными, другими словами присутствуют исходно еще до появления алгических (болевых) жалоб и, возможно, предрасполагают к их возникновению [5]. В то же время длительно существующая боль может усугублять эмоциональные расстройства [6, 7].

Теоретический анализ литературы по проблеме исследования позволит выделить ряд психологических факторов, связанных с хронизацией боли (А.М. Вейн, Н.Н. Яхно, М.Л. Кукушкин, А. Б. Данилов, В.В.

Осипова, Т.Г. Вознесенская, А.Б. Смулевич, R. Melzack, , M.J. Sullivan, N.P. Spanos, R.S. Lazarus, S. Folkman, R. Lynn, P. Taenzer и др.). К ним могут быть отнесены экстраверсия-интроверсия, нейротизм, тревожность, психические состояния, дезадаптивный когнитивный стиль мышления, копинг-стратегии личности.

В частности, обнаружена достоверная корреляция между переносимостью боли (болевым порогом) и такими чертами личности, как экстраверсия, интроверсия и нейротизм [8]. Результаты исследования с 1322 участниками показывают, что нейротизм оказался напрямую связан с сообщениями о боли, а катастрофизация боли послужила частичным посредником этой связи. Систематический обзор и метаанализ 2024 года показал, что экстраверсия имеет надежную связь с более высокой переносимостью боли при давлении, в то время как нейротизм – надежную связь с более низкой переносимостью боли при давлении [9]. Также установлено, что оптимистически настроенные личности проявляют более высокую устойчивость к болевым ощущениям по сравнению с пессимистами [10].

Важным психологическим фактором, определяющим восприятие боли и ее хронизацию, является тревожность личности. Установлено, что у взрослых с высоким уровнем личностной тревожности до хирургического вмешательства болевая симптоматика в послеоперационный период выражена значительно сильнее, чем у менее тревожных лиц [10].

Депрессия, как определенное психическое состояние человека, тесно связана с хронификацией болевого синдрома и формированием устойчивого аффективного компонента боли. Она диагностируется у 40% взрослых с хронической болью [11]. Исследования подтверждают, что у пациентов с депрессией высока вероятность развития болевых синдромов, что в клинической практике обозначается термином «синдром депрессия–боль» [4]. При анализе состояния пациентов, страдающих хроническими формами головной боли, депрессивные состояния играют ключевую роль в хронизации [6].

Данные ряда исследований показывают, что именно депрессия оказывает более выраженное влияние на качество жизни людей, страдающих от хронической боли [7].

Современные исследования выделяют общие нейрохимические механизмы, в частности, нарушения в серотонинергической и норадренергической системах, как основу взаимосвязи между депрессией и хронической болью [6, 12]. В связи с этим отмечается высокая терапевтическая эффективность антидепрессантов при лечении болевых расстройств [13].

Следовательно, депрессия не только усиливает восприятие боли, но и снижает адаптационные возможности индивида.

К числу психологических факторов следует также отнести катастрофизацию боли, как дезадаптивный когнитивный стиль, характеризующийся преувеличенной оценкой боли и выраженным чувством беспомощности, что усиливает субъективное страдание (M. Sullivan et al.).

В ходе исследования пациентов стоматологических клиник, проведенного J. Chaves и J. Brown, было установлено, что лица с выраженной склонностью к катастрофизации боли (характеризующейся гиперболизацией потенциальной угрозы и тяжести болевых ощущений) демонстрировали повышенную болевую чувствительность и более интенсивный психологический дискомфорт во время стоматологических процедур [14]. Аналогичные закономерности наблюдались при изучении пациентов, страдающих хроническими болевыми расстройствами.

Доказана взаимосвязь склонности к катастрофизации и выраженности боли при цефалгии напряжения и дорсалгии (А. Данилов и др.).

Катастрофизация боли включает три ключевых аспекта:

- руминации - навязчивую фиксацию на болезненных симптомах;
- гиперболизацию - склонность преувеличивать тяжесть и последствия боли;
- ощущение беспомощности - убежденность в невозможности улучшения состояния и безысходности ситуации [15].

В рамках теории стрессового реагирования, индивид при столкновении с болевым стрессором осуществляет двухэтапный процесс оценки:

- первичный анализ, направленный на определение степени угрозы и характеристик болевого стимула;
- вторичную оценку, предполагающую выбор стратегий совладания и анализ ресурсов для преодоления ситуации.

Согласно данной модели, патологическое усиление когнитивных компонентов катастрофизации боли обусловлено дефектами первичной оценки, тогда как формирование чувства беспомощности связано с нарушениями на этапе вторичной оценки болевого опыта (R.S. Lazarus, S. Folkman).

Усиление болевых ощущений у взрослых с высоким уровнем катастрофизации боли получило свое объяснение в свете основных теорий развития болевых синдромов [16]. В частности, согласно теории воротного контроля (теории нейроматрикса), при катастрофизации боли эмоциональные и когнитивные домены входящего импульсного потока доминируют в такой степени, что результат деятельности нейроматрикса —

ощущение боли, становится диспропорционально выраженным и дезадаптивным [16, 17].

На основании анализа данных можно утверждать, что психологические факторы и хроническая боль, являются высококоморбидными состояниями.

Доказана значимая взаимосвязь между выбором копинг-стратегий и ключевыми клиническими показателями, включая выраженность болевого синдрома, уровень физического функционирования, степень сохранности работоспособности и эмоционального благополучия [18].

Клинические данные свидетельствуют, что использование пассивных стратегий совладания часто сопровождается неконтролируемым приемом анальгезирующих препаратов, что создает предпосылки для хронизации головной боли [19].

Восприятие и поведение при боли формируются не только психологическими, но и социально-психологическими факторами. Взаимодействие с окружающими, культурные нормы и тип социальной поддержки существенно влияют на характер болевого опыта и способы его преодоления. Люди, уверенные в своих социальных связях, менее склонны к развитию катастрофизации боли. Дискомфорт в интимной сфере и недоверие к близким также тесно коррелируют с высоким уровнем катастрофизации боли (L.A. McWilliams, G.J. Asmundson).

Исследования подтверждают, что недостаточная или избыточная эмоциональная поддержка и гипертрофированное внимание со стороны ближайшего окружения пациента способствуют хронизации болевого синдрома (Flor H. et al.). У больных с ярко выраженным болевым поведением наблюдается сниженная результативность любых лечебных мероприятий (Т.И. Волкова) [20].

Специальный опрос взрослых с хронической болью выявил семейную трансгенерационную передачу специфических моделей болевого реагирования. Установлено, что низкий образовательный и культурный уровень пациента является значимым предиктором развития психогенных алгий и соматоформных расстройств [1].

Таким образом, психологические и социально-психологические факторы играют ключевую роль в хронизации болевого опыта, оказывая влияние на восприятие, поведение и адаптационные механизмы пациента. Учет воздействия данных факторов необходим для эффективной диагностики и психотерапевтической коррекции хронической боли.

Библиографические ссылки

1. Донцов А. И., Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю. Психологическая безопасность личности. М. : Юрайт, 2019. 222 с.

2. Кукушкин М. Л. Механизмы развития хронической боли. Подходы к профилактике и лечению // *Consilium Medicum*. 2017. Т. 19, № 2. С. 110–117.
3. Данилов А. Б. Биологические и патологические аспекты боли // Болевые синдромы в неврологической практике / под ред. В. Л. Голубева. 4-е изд. М. : Медпресс-информ, 2010. С. 20–32.
4. Осипова В. В. Психологические аспекты боли // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. 2010. № 1. С. 4–9.
5. Колосова О. А., Осипова В. В. Современные аспекты клиники и патогенеза мигрени // *Журн. невропатол. и психиатр.* 1991. № 5. С. 104–106.
6. Вознесенская Т. Г. Хроническая боль и депрессия // *Фарматека*. 2008. № 6 (160). С. 10–15.
7. Осипова В. В. Мигрень: клинико-психологический анализ, качество жизни, коморбидность, терапевтические подходы : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2003.
8. Lynn R., Eysenck H. J. Tolerance for pain, extraversion and neuroticism // *Percept. Mot. Skills*. 1961. Vol. 12. P. 161–162.
9. Atanassova D. V., Madariaga V. I., Oosterman J. M., Brazil I. A. Unpacking the relationship between Big Five personality traits and experimental pain: A systematic review and meta-analysis // *Neurosci. Biobehav. Rev.* 2024. Vol. 163. Article 105786. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2024.105786.
10. Taenzer P., Melzack R., Jeans M. E. Influence of psychological factors on postoperative pain, mood and analgesic requirements // *Pain*. 1986. Vol. 24. P. 331–342.
11. Смулевич А. Б. Депрессии при соматических и психических заболеваниях. М., 2003.
12. Вейн А. М., Данилов А. Б., Данилов А. Л. Ноцицептивный флексорный рефлекс: метод изучения мозговых механизмов контроля боли // *Журн. невропатол. и психиатр.* 1996. № 1. С. 101–107.
13. Воробьева О. В. Возможности антидепрессантов в лечении хронической боли // *Фарматека*. 2007. № 12 (146). С. 92–97.
14. Chaves J. F., Brown J. M. Spontaneous cognitive strategies for the control of clinical pain and stress // *J. Behav. Med.* 1987. Vol. 10. P. 263–276.
15. Lukkahatai N., Saligan L. N. Association of catastrophizing and fatigue: A systematic review // *J. Psychosom. Res.* 2013. Vol. 74. P. 100–109.
16. Leung L. Pain Catastrophizing: An Updated Review // *Indian J. Psychol. Med.* 2012. Vol. 34. P. 204–217.
17. Melzack R. From the gate to the neuromatrix // *Pain*. 1999. Suppl. 6. P. S121–S126.
18. Рябус М. В. Лечение головной боли напряжения методом биологической обратной связи : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1998. 21 с.
19. Kraaimaat F., Evers A. Pain-coping strategies in chronic pain patients: psychometric characteristics of the pain-coping inventory (PCI) // *Int. J. Behav. Med.* 2003. Vol. 10, № 4. P. 343–363.
20. Волкова Т. И. Рецепции боли и болевое поведение // *Человек*. 2012. № 5. С. 92–107.

ВЗАИМОСВЯЗЬ НЕБЛАГОПРИЯТНОГО ДЕТСКОГО ОПЫТА С МЕХАНИЗМАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА, СТРАДАЮЩИХ ПОГРАНИЧНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ

Э. С. Еленская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, Yelenskaya_ES@mail.ru
Научный руководитель — Е. И. Климушко, старший преподаватель*

В данной статье исследуется взаимосвязь между механизмами психологической защиты и неблагоприятным детским опытом у лиц юношеского возраста с пограничным расстройством личности. Основной целью работы является выявление взаимосвязи между этими факторами. Объектом данной работы являются механизмы психологической защиты и неблагоприятный детский опыт. Предмет – взаимосвязь механизмов психологической защиты и неблагоприятного детского опыта у лиц юношеского возраста с пограничным расстройством личности.

Ключевые слова: взаимосвязь; пограничное расстройство личности; неблагоприятный детский опыт; психологические защиты.

Пограничное расстройство личности (ПРЛ) представляет собой серьезное психическое расстройство, характеризующееся нестабильностью в межличностных отношениях, эмоциональной сфере, восприятии образа себя, импульсивностью и интенсивными чувствами пустоты или одиночества. Люди с ПРЛ могут испытывать интенсивные перепады настроения, имеют проблемы с саморегуляцией и могут проявлять непредсказуемые поведенческие реакции. Исторически, концепция ПРЛ начала формироваться в середине XX века, когда психиатры и психоаналитики начали обращать внимание на группу пациентов, чье поведение и симптомы не соответствовали четко определенным диагнозам, таким как шизофрения или аффективные расстройства. Первоначально такие случаи рассматривались как «пограничные» между неврозом и психозом, что послужило основанием для формирования термина «пограничное расстройство личности».

В течение последующих десятилетий концепция ПРЛ претерпела значительные изменения и развитие. В 1980-е годы ПРЛ было включено в диагностическую систему DSM-III в качестве отдельного диагноза, что стало шагом к признанию и учету этого расстройства в клинической практике. В последующих версиях DSM (DSM-IV и DSM-5) были внесены изменения в критерии диагностики ПРЛ, что способствовало улучшению понимания их природы и диагностических методик [6, с. 130].

На современном этапе, понимание ПРЛ как психического расстройства стало более углубленным и широко признанным. Современные подходы к диагностике и лечению ПРЛ включают использование различных терапевтических методик, таких как когнитивно-поведенческая терапия, диалектическая поведенческая терапия, психоанализ и фармакотерапия.

Неблагоприятный детский опыт (НДО) описывает совокупность негативных и травматических событий, которые происходят в жизни ребенка в раннем возрасте и оказывают негативное влияние на его психологическое и эмоциональное развитие[9, с. 89]. Этот опыт может включать в себя такие факторы, как физическое или эмоциональное насилие, сексуальное насилие, неблагоприятные семейные условия, развод родителей, утрата близких, сиротство, бедность и т. д. Исторически НДО начал активно изучаться и привлекать внимание исследователей в середине XX века, когда психологи и психиатры начали осознавать важность влияния детского опыта на психологическое здоровье человека в дальнейшем. Первые исследования показали, что неблагоприятный детский опыт может быть связан с развитием различных психических и физических проблем во взрослом возрасте.

Современные подходы к НДО включают в себя не только клиническое исследование его последствий для психического здоровья, но и разработку программ поддержки и интервенций для детей и семей, а также создание образовательных кампаний и политик, направленных на предотвращение детской травмы и содействие здоровому развитию детей.

С целью изучения взаимосвязи неблагоприятного детского опыта с механизмами психологической защиты у лиц юношеского возраста, страдающих пограничным расстройством личности, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняло участие 100 респондентов, 50 из которых имеют пограничное расстройство личности, и 50 респондентов, не страдающих ПРЛ в возрасте от 18 до 25 лет.

Опросник для диагностики пограничного расстройства личности (форма S). Методика представляет собой личностный опросник, разработанный на основе диагностических критериев пограничного расстройства личности согласно DSM-III-R и DSM-IV в 2012 году коллективом авторов (Т. Ю. Ласовская, С. В. Яичников, Ю. В. Сарычева, Ц. П. Короленко).

Опросник «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI), (R. Plutchik, H. Kellerman, H. Conte (1979), адаптация: Е. С. Романова (1996)).

Международный опросник неблагоприятного детского опыта (The Adverse Childhood Experiences (ACE)) (Vincent J. Felitti), Robert F. Anda).

Теоретико-методологическим основанием исследования данной дипломной работы являются следующие подходы: *Теория Аарона Бека* — это психологическая модель, разработанная американским психиатром и психотерапевтом Аароном Беком в середине XX века. Эта теория сосредотачивается на когнитивных аспектах психопатологии, и в основе её лежит предположение о том, что наши мысли, убеждения и оценки могут влиять на наши эмоции и поведение [1, с. 112].

Также согласно *теории семейной системы* М.Боуэна, динамика семейных отношений играет ключевую роль в формировании поведенческих и эмоциональных паттернов у членов семьи. Дисфункциональные образцы поведения и коммуникации внутри семьи могут стать источником психологических проблем у ее членов, включая пограничное расстройство личности.

Методологическим основанием ко всему выступают представления О.Кернберга о пограничном расстройстве личности. Представления сосредоточены на структурной модели личности, в рамках которой ПРЛ рассматривается как нарушение развития и интеграции идентичности и механизмов психологической защиты [4, с. 51]. По мнению Кернберга, ПРЛ является результатом недостаточной интеграции позитивного и негативного восприятия себя и других, что приводит к нестабильности представлений о себе, нарушению идентичности и трудностям в межличностных отношениях.

Исходя из полученных в исследовании данных, можно сказать, что неблагоприятный детский опыт (НДО) взаимосвязан с формированием определённых психологических защит у лиц с пограничным расстройством личности (ПРЛ) по следующим причинам:

Высокая значимая корреляция между НДО и защитными механизмами: все коэффициенты корреляции между НДО и защитами (Отрицание, Подавление, Регрессия, Компенсация, Проекция, Замещение) находятся в диапазоне от **0,655 до 0,794**, что указывает на **выраженную положительную связь**. Это значит, что чем больше человек сталкивался с неблагоприятным детским опытом, тем чаще он использует данные защитные механизмы. Такая корреляция может быть объяснена тем, что люди с НДО могут использовать эти защитные механизмы как способ справиться с эмоциональным дискомфортом и внутренними конфликтами, возникающими в результате пережитых травм. Защитные механизмы, такие как отрицание или подавление, помогают минимизировать болезненные воспоминания или эмоции, связанные с неприятным опытом. Регрессия и компенсация могут служить способом восстановления чувства безопасности или самоуважения, что также может быть реакцией на неблагоприятные условия в детстве.

Сильная связь между ПРЛ и теми же защитными механизмами: для лиц с ПРЛ наблюдаются ещё более высокие коэффициенты корреляции (от 0,835 до 0,914) с теми же защитами. Это говорит о том, что данные механизмы защиты особенно характерны для людей с ПРЛ. Высокие коэффициенты корреляции могут отражать более выраженную психологическую уязвимость и склонность к использованию менее адаптивных защит у лиц с ПРЛ, что соответствует клинической картине расстройства.

Совпадение ключевых защитных механизмов у НДО и ПРЛ: в обоих случаях (и при НДО, и при ПРЛ) высокие значения корреляции наблюдаются с **Отрицанием, Подавлением, Регрессией, Компенсацией, Проекцией и Замещением**. Это говорит о том, что именно эти защиты могут формироваться под влиянием НДО и затем закрепляться у людей с ПРЛ. Сходство защит указывает на преемственность психологических механизмов: начальные адаптации к травме при НДО со временем могут перейти в устойчивые схемы реагирования, характерные для ПРЛ. В дальнейшем, у людей с ПРЛ эти механизмы могут продолжать играть важную роль в их психическом функционировании, помогая справляться с эмоциональной нестабильностью и внутренними конфликтами. Например, проекция может использоваться для того, чтобы снизить чувство вины или стыда, а регрессия или замещение — для ухода от реальности и ощущения контроля в трудных ситуациях.

Низкая связь НДО с Интеллектуализацией ($r = 0,395$) и Реактивным образованием: это говорит о том, что при НДО реже формируются более зрелые защитные механизмы, такие как интеллектуализация, тогда как у лиц с ПРЛ связь с интеллектуализацией немного выше ($r = 0,520$), но всё же остаётся слабее, чем с примитивными защитами. Слабая связь с интеллектуализацией может объясняться тем, что у людей с НДО когнитивные способы переработки эмоций развиты недостаточно из-за раннего дефицита эмоциональной поддержки.

Таким образом, неблагоприятный детский опыт способствует формированию дезадаптивных защитных механизмов, которые, в свою очередь, являются характерными для людей с ПРЛ. Это подтверждается высокими значимыми корреляциями между НДО и психологическими защитами, а также между пограничным расстройством личности и теми же защитными механизмами.

Библиографические ссылки

1. Бек А., Фримен А. Когнитивная терапия пограничного расстройства личности // Журнал практической психологии и психоанализа. №2. 2003.

2. Вельтищев Д. Ю. Расстройства личности // Психиатрия: справочник практического врача / под ред. проф. А.Г. Гофмана. 3-е изд., перераб. и доп. М. : МЕД-пресс-информ, 2017. С. 308-331.
3. Herman J. L. Trauma and recovery. 1992.
4. Kernberg O. F. Borderline conditions and pathological narcissism. Northvale, N.J.: J. Aronson, 1975. P. 51–120.
5. Obneli A. Shyness as a behavioural problem and its effects on adolescents' social behaviour and academic achievements: implication for effective guidance and counselling // Journal of Teaching and Education. 2015. No. 4. Vol. 3. P. 275–284.
6. Paris J. Treatment of borderline personality disorder: A guide to evidence-based practice. 2008.
7. Rogers C. R. A Theory of Therapy, Personality, and Interpersonal Relationships: As Developed in the Client-Centered Framework // Psychology: A Study of a Science. Formulations of the Person and the Social Context. 1959. Vol. 3. P. 184–256.
8. Van der Kolk B. A. The body keeps the score: Brain, mind, and body in the healing of trauma. 2014.
9. Zanarini M. C. Childhood experiences associated with the development of borderline personality disorder // Psychiatr. Clin. North Am. 2000. Vol. 23. P. 89.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

О. А. Иващенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ivashchenko6565@list.ru
Научный руководитель — Н. Ю. Клышевич, кандидат психологических наук, доцент*

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи жизнестойкости и переживания психологического кризиса личностью в период поздней взрослости. Отрицательная корреляция выявлена между жизнестойкостью и реакцией эмоционального дисбаланса, а также положительная корреляция между жизнестойкостью и психологической устойчивостью личности.

Ключевые слова: жизнестойкость; вовлеченность; контроль; принятие риска; переживание кризиса личностью; поздняя взрослость.

В постоянно меняющемся современном обществе человеку приходится постоянно подстраиваться под новые обстоятельства. В связи с этим, на первое место выходит способность людей к преодолению трудностей в жизни, называемая жизнестойкостью [1].

Жизнестойкость — это «своеобразный аккумулятор энергии и жизненных сил, который позволяет человеку взаимодействовать со средой и способствует возникновению у человека «субъективного чувства личного благополучия» [4, с. 268].

С. Мадди трактовал жизнестойкость как совокупность установок и убеждений личности, которые способствуют ее включенности в процесс повышенной сложности, контроль и управление этим процессом, а также положительное восприятие происходящих событий различного характера как опыта для дальнейшего развития личности [4]. Она включает в себя три компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска.

В зарубежной психологии к изучению жизнестойкости обращались П. Тиллих, В. Франкл, Р. Мэй, Р. Лэйнг и другие. В их работах жизнестойкость представляет собой переживание человеком целостности своего бытия, чувство, придающее силы, жизненной энергии.

Отечественные исследования вопросов жизнестойкости представлены в работах В. Д. Шадрикова, Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой и др.

В психологической науке имеются отдельные исследования возрастных кризисов, в том числе и кризиса поздней взрослости (В.К. Городецкая, В.Н. Скрыль и др.). Однако отсутствуют исследования отно-

сительно взаимосвязи проживания психологических кризисов и жизнестойкости в целом, а также в период поздней взрослости. В связи с этим тема нашего исследования представляется достаточно интересной и актуальной.

Целью нашего исследования были изучение характера связи жизнестойкости и переживания психологического кризиса в период поздней взрослости.

В исследовании приняли участие 60 человек, средний возраст которых составил 66 лет. Из них 30 респондентов-женщин от 58 до 93 лет и 30 респондентов-мужчин от 58 до 89 лет.

Для исследования использованы «Тест-опросник жизнестойкости» С. Мадди (в адаптации Д. Леонтьева, Е. Рассказовой) [3] и методика «Переживание кризиса личностью» С. В. Духновского [2].

На первом этапе мы исследовали общую жизнестойкость и ее компоненты. Мы исследовали степень выраженности общей жизнестойкости и ее компонентов как в целом по выборке, так и распределение показателей по возрастным группам. Для описания возрастных особенностей жизнестойкости выборка была разделана на две группы. Респондентов в возрасте от 58 до 70 лет мы отнесли к группе 1, респондентов от 71 до 93 лет – к группе 2.

Данные свидетельствуют о том, что у большинства респондентов (55%) уровень жизнестойкости характеризуется как высокий. Такие люди обычно успешно адаптируются к различным ситуациям, готовы к преодолению трудностей. Средний уровень жизнестойкости выявлен у 25% респондентов. Такие результаты могут говорить о том, что данные испытуемые не всегда могут преодолевать сложные ситуации, могут терять интерес к деятельности. У 20% респондентов выявлен низкий уровень жизнестойкости, что говорит о их низкой адаптивности в момент критических ситуаций.

Изучение возрастных особенностей жизнестойкости показало, что показатели общей жизнестойкости и ее компонентов в группе 2 выше, чем в группе 1. Выявленные различия статистически значимы при $p \leq 0,05$. Это может говорить о том, что общий уровень активности и адаптивности в жизненных условиях у мужчин и женщин старше 71 года выше, чем в группе мужчин и женщин моложе 71 года. Скорее всего, это может быть связано с тем, что период от 58 до 70 лет является переходным и кризисным периодом у большинства людей, связанным с выходом на пенсию, необходимостью менять свои жизненные установки, осваивать новые социальные роли. Они пока не готовы к изменению ситуации, опасаются всего нового. Мужчины и женщины в возрасте от 71

до 93 лет, наоборот, уже адаптировались к новым обстоятельствам жизни, пережили переоценку своих интересов, убеждений и ценностей.

На следующем этапе респондентам была предложена методика «Переживание кризиса личностью» С. В. Духновского. Было установлено, что у большинства респондентов выявлено конструктивное переживание острого кризиса с благоприятным прогнозом. Прогноз переживания психологического кризиса является благоприятным за счет умеренной выраженности психологической устойчивости и наличия личных ресурсов для конструктивного преодоления кризиса. Также было установлено, что существуют значимые различия переживания психологического кризиса личности в группах 1 и 2. В частности, в группе 2 показатели по шкалам «Реакция оппозиции», «Реакция дезорганизации», «Психологическая устойчивость» выше, чем в группе 1 ($p \leq 0,05$).

Статистический анализ полученных данных был направлен на выявление взаимосвязи жизнестойкости и переживания психологического кризиса в период поздней взрослости.

Статистически достоверная отрицательная корреляция средней силы была нами обнаружена между шкалами жизнестойкости и реакции эмоционального дисбаланса ($r = -0,441$; $p \leq 0,05$). Следовательно, чем ниже уровень жизнестойкости, тем более выражена реакция эмоционального дисбаланса.

Статистически достоверная отрицательная корреляция средней силы была обнаружена между шкалами вовлеченности и реакции эмоционального дисбаланса ($r = -0,493$; $p \leq 0,05$). Чем ниже показатель вовлеченности, тем будет более выражена реакция эмоционального дисбаланса.

Статистически достоверная положительная корреляция была обнаружена между показателями вовлеченности и психологической устойчивости ($r = 0,618$; $p \leq 0,05$). Значит, чем больше вовлеченность, тем выше психологическая устойчивость.

Статистически достоверная корреляция была обнаружена между показателями жизнестойкости и психологической устойчивости ($r = 0,508$; $p \leq 0,05$). Высокие показатели жизнестойкости будут связаны с высокой психологической устойчивостью личности.

Статистически достоверная корреляция была обнаружена между принятием риска и психологической устойчивостью ($r = 0,449$; $p \leq 0,05$). Следовательно, чем выше принятие риска, тем выше психологическая устойчивость.

На основании проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы. Показатели жизнестойкости в исследуемой группе характеризуются, в основном, как средние. Выявлено наличие значимых

различий в показателях жизнестойкости у респондентов групп 1 и 2. В группе старше 70 лет более выражены показатели жизнестойкости и ее компонентов, что говорит об их умении адаптироваться к различным жизненным ситуациям, меньше испытывать стрессовые состояния при изменениях, большей способности к преодолению сложных ситуаций.

Статистический анализ позволил сделать вывод о том, что жизнестойкость и проживание психологического кризиса взаимосвязаны. Зафиксированы значимые корреляционные связи между исследуемыми переменными, которые носят как отрицательный, так и положительный характер.

Библиографические ссылки

1. *Гаранина М. М.* Феномен жизнестойкости: подходы к рассмотрению, перспективы изучения // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. №12 (138). С. 12-17.
2. *Духновский С. В.* Диагностика межличностных отношений в работе практического психолога образования. Курган: КГУ, 2016. 190 с.
3. *Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 65с.
4. *Логинова М. В.* Психологическое содержание жизнестойкости подростков: дис. ... кан. психол. наук. М.: Смысл, 2010. 153 с.

ОТНОШЕНИЕ ВРАЧЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ К ПРОФЕССИИ

К. А. Панкевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kshklyarevich@mail.ru
Научный руководитель – А. М. Поляков, доктор психологических наук, доцент*

Работа посвящена исследованию отношения врачей с эмоциональным выгоранием к профессии. Выявлены различные категории анализа отношения к профессии. Обнаружено, что негативное отношение к профессии присутствует преимущественно у врачей с высоким уровнем выгорания, хотя встречается и среди врачей с низким уровнем выгорания. Установлено, что вне зависимости от уровня выгорания, отношение врача к профессии связано с мотивом выбора профессии, переосмыслением профессионального выбора, ведущим мотивом профессиональной деятельности, восприятием работы как препятствия в личной жизни.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; отношение; врачи; профессия; мотив.

Эмоциональное выгорание рассматривается как одна из ключевых психологических проблем, с которой сталкиваются врачи в условиях хронического стресса и сниженной психологической устойчивости к нему. Впервые данный феномен был описан Н. J. Freudenberger (1974) [1], а позже С. Maslach определила его как «синдром эмоционального и физического истощения, включающий развитие негативной самооценки, отрицательного отношения к работе, потерю понимания и сочувствия к пациентам и клиентам» (1976) [2]. В. В. Бойко трактует выгорание как защитный механизм, проявляющийся в частичном или полном исключении эмоций как реакции на психотравмирующие стимулы [3].

В контексте профессионального выгорания под отношением к профессии понимают в первую очередь эмоционально-ценностное и поведенческое восприятие специалистов относительно профессиональной деятельности. Несмотря на значительную изученность проявлений выгорания, некоторые тонкости по-прежнему недостаточно исследованы. Выявление отношения к профессии у врачей с различным уровнем эмоционального выгорания поможет увидеть актуальную картину отношения сегодняшних врачей к профессиональной деятельности, что может оказывать непосредственное влияние на качество медицинской помощи, имеет значение для обеспечения адекватной реализации профессиональной деятельности. Сказанное выше и определило цель нашего исследования.

В исследовании приняли участие 12 врачей различных специализаций, среди них 10 женщин и 2 мужчин от 23 лет до 61 года (средний возраст составил 34,5 года). Респонденты были поделены на группы: врачи с низким уровнем эмоционального выгорания – 7 врачей, и врачи с высоким уровнем эмоционального выгорания – 5 врачей, – в зависимости от того, была ли у специалиста сформирована хотя бы одна фаза выгорания или сформировавшихся фаз не было.

Основными методами исследования выступили опрос и интервью. Из методик использовались «Диагностика уровня эмоционального выгорания» (В. В. Бойко) для измерения уровня эмоционального выгорания; полуструктурированное интервью с респондентами для изучения их профессионального опыта, которое включало в себя автобиографические вопросы для анализа факторов, влияющих на отношение к профессии.

В качестве методов обработки был использован качественный анализ смыслового содержания ответов респондентов в рамках полуструктурированного интервью, а также статистическая обработка результатов. Для анализа интервью использовался индуктивный тематический анализ по методике V. Braun и V. Clarke (2006) [4] с последующей категоризацией для количественного анализа. В процессе обработки высказывания респондентов группировались по смысловым категориям, их было выделено 5. Внутри категорий выделялись типовые ответы, каждому из которых соответствовал определённый балл. Далее респонденту за то или иное высказывание присваивались баллы соответствующего типа ответа из каждой категории. После баллы респондента суммировались. Далее полученные значения по интервью подверглись статистической обработке с результатами опросника на выгорание. Предусматривалось использование описательной статистики, сравнительного анализа и проверки гипотезы о различиях между группами респондентов с низким и высоким уровнем выгорания.

Для определения значимых различий был использован U-критерий Манна-Уитни (таблица).

Результаты сравнительного анализа отношения к профессии у групп врачей с низким и высоким уровнем выгорания (U-критерий Манна-Уитни)

Категория	U Манна-Уитни	W Уилкоксона	Z (станд. статистика)	p (асимпт.)	p (точная)
Отношение к профессии	34	49	2,728	0,006	0,005

Были обнаружены статистически значимые различия между группами по баллам, отражающим отношение к профессии: $U = 34$, $Z = 2,728$, $p = 0,006$ (асимптотическая), $p = 0,005$ (точная). Средний ранг в

группе с низким уровнем выгорания составил 4,14, в группе с высоким – 9,8. Соответственно, врачи с высоким уровнем выгорания более негативно оценивают свою профессиональную деятельность, чем врачи с низким уровнем выгорания.

В группе с высоким уровнем выгорания, как и в группе с низким уровнем выгорания, встречались врачи, которые выбирали профессию самостоятельно, имели внутреннюю мотивацию, и те, на выбор которых повлияли внешние условия, или же это было случайным стечением обстоятельств. Это говорит о том, что возможность возникновения выгорания зависит не только от исходной мотивации, внутренняя мотивация выбора профессии не гарантирует устойчивости к выгоранию, также это позволяет не стигматизировать врачей с «неидеальной» историей выбора профессии. Существует необходимость комплексного учёта факторов, влияющих на профессиональное благополучие, включая не только начальные установки, но и характеристики рабочей среды, систему поддержки, личностные особенности и особенности взаимодействия с пациентами.

Вместе с этим, хотя в группе с высоким уровнем выгорания их и было больше, в обеих группах встречались врачи, которые меняли своё отношение к профессии на негативное после непосредственного начала профессиональной деятельности, но также встречались и врачи, мнение которых относительно профессии и своего выбора осталось позитивным или даже изменилось на позитивное. В свою очередь, это говорит о том, что уровень эмоционального выгорания не всегда напрямую связан с динамикой отношения к профессии, или же прошло недостаточное количество времени для формирования выгорания. Это также может свидетельствовать о влиянии адаптационных механизмов, личных ожиданий, условий труда и поддержки на профессиональное самочувствие, независимо от степени выгорания. Более негативное отношение к профессии не обязательно свидетельствует о наличии выгорания в данный момент, а более позитивное – о его отсутствии.

Подавляющее большинство респондентов, ведущим мотивом профессиональной деятельности которых была помощь людям и успех в лечении, оказались в группе с низким уровнем выгорания, а в группе с высоким – те, у которых не было такого мотива. В приблизительно равной степени в обеих группах одним из ведущих мотивов выступало профессиональное развитие, идентификация с профессией. Материальное вознаграждение указывалось как один из мотивов профессиональной деятельности у каждого респондента в обеих группах. Это говорит о том, что мотивация, ориентированная на помощь людям и успех в лечении, может играть некоторую защитную роль в отношении эмоционального выгорания, в то время как другие мотивы, такие, как профессиональное

развитие или материальное вознаграждение, сами по себе не связаны с выгоранием.

Ни разу не имели желания покинуть профессию исключительно те специалисты, которые имели внутреннюю мотивацию выбора профессии и мнение которых не изменилось, но среди респондентов с внутренней мотивацией встречались и те, которые задумывались об уходе и которые изменили взгляды на свой выбор. Серьёзно задумывались о смене профессии в первую очередь те врачи, мнение которых относительно профессии изменилось с годами, и мотивацией выбора медицины которых были внешние обстоятельства. Это говорит о том, что сочетание внутренней мотивации и устойчивого положительного отношения к профессии может быть фактором устойчивости к профессиональному разочарованию и выгоранию, в то время как внешняя мотивация и изменение отношения к профессии на негативное могут повышать риск желания покинуть профессию.

Работу как помеху личному благополучию определяли некоторые врачи в обеих группах, также, как и другие не рассматривали её помехой вообще. Это указывает на то, что субъективное восприятие баланса между работой и личной жизнью варьируется независимо от уровня выгорания и связано, скорее всего, с личностными характеристиками отдельного человека.

Таким образом, отношение к профессии у врачей с различным уровнем выгорания отличается как по содержанию, так и по устойчивости этого отношения во времени. У врачей с низким уровнем выгорания чаще наблюдается сохранение или даже укрепление положительного восприятия своей профессиональной деятельности. У них чаще прослеживается внутренняя мотивация, ориентация на помощь людям, принятие профессии с осознанием её смысла и последствий. В отличие от них, врачи с высоким уровнем выгорания чаще демонстрируют негативную переоценку своего профессионального пути, выражают разочарование в профессии, в их высказываниях встречаются сомнения в правильности своего выбора. Даже при наличии внутренней мотивации в прошлом, изменение отношения со временем в негативную сторону становится фактором риска профессионального истощения.

Библиографические ссылки

1. *Freudenberger, H. J.* Staff burn-out // *Journal of Social Issues*. 1974. P. 159-166.
2. *Maslach, C.* Burned-out // *Human Behavior*. 1976. Vol. 5(9). P. 16-22.
3. *Бойко, В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. СПб.: Питер, 1996. 480 с.
4. *Braun V., Clarke V.* Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3 (2). P. 77-101.

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ ЛИЦ С ДЕПРЕССИВНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Д. А. Попыванов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, denis07062005den83@gmail.com
Научный руководитель – Е. Д. Беспанская-Павленко,
кандидат психологических наук, доцент*

В статье рассматривается феномен самоотношения, представлены результаты эмпирического исследования самоотношения лиц с депрессивными расстройствами, выявлены особенности его структуры в сравнении с лицами без диагностированных психических расстройств.

Ключевые слова: самоотношение; самоуважение; аутосимпатия; самоуничтожение; депрессивные расстройства.

Понятие самоотношения имеет в психологии несколько определений, причём особенности его трактовки и методов эмпирического исследования варьируются в зависимости от направленности подхода, к которому относили себя ученые, занимавшиеся изучением его сущности, а также уровня разработанности методологической основы выбранного ими подхода в истории психологии [1].

Так, в отечественной литературе термин «самоотношение» был впервые использован грузинским исследователем Н.И. Сарджвеладзе [2]. Согласно автору, самоотношение определяется как отношение субъекта потребности к ситуации её удовлетворения, которое направлено на самого себя и для конкретного субъекта обусловлено взаимодействием отдельных содержательных единиц в его структуре [3].

В.В. Столиным самоотношение трактуется как структура в самосознании личности и является выражением смысла «Я», обобщенным чувством, к нему относящемуся [4].

Согласно С.Р. Пантилееву, самоотношение каждого индивида имеет определенную специфику, определяющуюся «эмоциональным тоном» и «семантическим содержанием» представлений индивида о собственной личности [5].

Понимание структуры и особенностей самоотношения, присущих лицам с депрессивными расстройствами, имеет потенциал для оптимизации современных психотерапевтических программ для таких пациентов, включения в них работы с целостным представлением личности о себе, что могло бы сделать эффект психотерапии более предсказуемым (вследствие внимания к новой точке приложения психотерапевтической

работы) и долговременным (вследствие работы с фундаментальными структурами и глубинными убеждениями индивида).

Теоретико-методологическими основаниями исследования являются концепция самосознания В.В. Столина и концепция самоотношения С.Р. Пантилеева. Для получения первичных данных была использована методика исследования самоотношения С.Р. Пантилеева (МИС) [6].

В исследовании принял участие 61 респондент (34 мужчины и 27 женщин) в возрасте от 20 до 40 лет (средний возраст – 29,3 лет). Выборка исследования состоит из двух групп:

--23 человека с диагностированными депрессивными расстройствами, из которых 8 – с диагнозом депрессивного эпизода (F32), 4 – с рекуррентным депрессивным расстройством (F33), 11 – с расстройством приспособительных реакций с преобладанием депрессивной симптоматики (F43.21).

-38 человек без диагностированных психических расстройств – группа сравнения.

Респонденты с депрессивными расстройствами являются пациентами психиатрического отделения 10-й городской клинической больницы г. Минска, респонденты группы сравнения – сотрудники сети ресторанов в г. Гомель.

Для определения преобладающих и наименее выраженных компонентов самоотношения групп респондентов с депрессивными расстройствами и без диагностированных психических расстройств было рассчитано медианное значение для всех шкал и мета-факторов методики исследования самоотношения С.Р. Пантилеева, так как распределения показателей респондентов по шкалам и мета-факторам методики, согласно критерию Колмогорова-Смирнова, значительно отличаются от нормального.

Таким образом, принимая во внимание одинаковую размерность шкал методики после перевода полученных респондентами баллов в стены, можно сделать следующие выводы:

1. В рамках выборки исследования отсутствуют лица с депрессивными расстройствами, показавшие высокие результаты по шкале «Самопринятие» выбранной методики исследования, что может свидетельствовать о выраженных нарушениях в эмоциональной составляющей самоотношения, характеризующихся неспособностью к сочувствию к себе, внутреннему согласию и устойчивому ощущению собственной ценности. Подобные особенности, вероятно, объясняются типичными проявлениями депрессии: самокритикой, чувством вины и заниженной самооценкой.

2. Лица с депрессивными расстройствами в рамках исследования продемонстрировали наибольшую процентную долю низких значений

по всем шкалам методики (за исключением шкалы «Самообвинение», где низкие значения интерпретируются как благоприятные). Подобная закономерность отражает комплексное и глубинное нарушение системы самоотношения при депрессивных расстройствах – респонденты с данной группой аффективных расстройств в наименьшей степени ощущают свою ценность, значимость и право на сочувственное принятие себя.

Для выявления различий в структуре самоотношения между лицами с депрессивными расстройствами и без диагностированных психических расстройств был использован U-критерий Манна-Уитни, с его помощью были получены следующие данные.

Существуют значимые различия между данными группами респондентов по шкалам «Самоуверенность», «Отраженное самоотношение», «Самоценность» и «Самопривязанность», а также по мета-факторам «Самоуважение» и «Аутосимпатия».

Различия по шкале «Самоуверенность» ($\bar{r}=35,87/22,96$; $n=38/23$ для респондентов с депрессивными расстройствами и без диагностированных психических расстройств соответственно; $p=0,005$) свидетельствуют об относительно низкой выраженности данного компонента самоотношения у респондентов с депрессивными расстройствами.

Подобная особенность может быть связана с типичными для депрессии когнитивными искажениями, включающими в себя негативную оценку собственных способностей, представление о себе как о человеке, не способном справиться с жизненными трудностями. Индивиды с депрессивными расстройствами часто воспринимают себя беспомощными и лишёнными ресурсов для достижения целей, что может выражаться в сниженной уверенности в себе и нерешительности в повседневной деятельности.

Различия по шкале «Отраженное самоотношение» ($\bar{r}=35,21/24,04$; $n=38/23$; $p=0,015$) также указывают на относительно низкую выраженность у лиц с депрессивными расстройствами представления о способности вызвать у других людей уважение или симпатию.

Респонденты с депрессией склонны интерпретировать отношение окружающих через призму собственной сниженной самооценки, что приводит к ожиданиям негативной реакции со стороны других людей, чувства отверженности и недооцененности. Низкий уровень отраженного самоотношения может быть обусловлен не только реальными случаями социальной дезадаптации, но и искаженным восприятием социального взаимодействия, характерным для депрессивной симптоматики.

Различия по шкале «Самоценность» ($\bar{r}=34,61/25,04$; $n=38/23$; $p=0,039$) свидетельствуют о менее выраженном чувстве собственной

ценности у респондентов с депрессивными расстройствами по сравнению с респондентами без диагностированных психических расстройств.

В условиях депрессивного состояния восприятие собственной ценности нарушается, что может приводить к ощущениям собственной ненужности, пустоты, а в тяжёлых случаях – к суицидальной идеации. Возможность подобных последствий делает данную характеристику особенно важной для клинической оценки глубины нарушений самоотношения при депрессии.

Различия по шкале «Самопривязанность» ($\bar{r}=35,13/24,17$; $n=38/23$; $p=0,017$) также свидетельствуют о сниженной выраженности данного аспекта у респондентов с депрессивными расстройствами. Данная шкала отражает уровень эмоциональной привязанности к самому себе, заботы о себе и стремления поддерживать собственное благополучие. Относительно низкие показатели могут быть связаны с аутоагрессивными установками, сниженным интересом к собственным потребностям, а также с общей утратой мотивации к заботе о себе, характерной для депрессии.

Различия, выявленные для мета-фактора «Самоуважение» ($\bar{r}=35,59/23,41$; $n=38/23$; $p=0,009$), указывают на относительно малую его выраженность среди респондентов с депрессивными расстройствами. Согласно С.Р. Пантилееву, данный мета-фактор отражает интенсивность чувства компетентности «Я», субъективной оценки собственных целеустремленности, воли и моральности. Его понижение может рассматриваться как один из маркеров общего снижения оценки базовых регуляторных и смыслообразующих компонентов личности, что характерно для депрессии.

Подобные изменения могут приводить к стойкому ощущению моральной и личностной несостоятельности, что в свою очередь формирует внутреннюю установку на недостойность уважения – как со стороны окружающих, так и от самого себя.

Различия, обнаруженные для мета-фактора «Аутосимпатия» ($\bar{r}=35,50/23,57$; $n=38/23$; $p=0,011$), также свидетельствуют о его относительно малой выраженности у респондентов с депрессивными расстройствами. По определению С.Р. Пантилеева, аутосимпатия отражает эмоциональное отношение индивида к себе, включающее чувство симпатии, привязанности и общей положительной окраски образа собственного «Я», не зависящих от соответствия внешним социальным стандартам или ожиданиям.

У лиц с депрессивными расстройствами сниженная аутосимпатия проявляется в утрате эмоционального тепла по отношению к себе, отказе от сочувствия и поддержки собственного внутреннего состояния. Такие индивиды могут переживать сильное внутреннее отвращение, стыд,

ощущение собственной «плохости», что делает невозможным даже минимальный уровень эмоционального самопринятия.

В совокупности описанные особенности отражают комплексное нарушение структуры самоотношения при депрессивных расстройствах, охватывающее как когнитивные, так и аффективные компоненты, и подчеркивают необходимость включения в терапевтическую работу с данной категорией пациентов элементов, направленных на восстановление базового чувства собственной ценности и способности к внутреннему принятию.

Библиографические ссылки

1. *Селезнева Е. В.* Самоотношение как акмеологический феномен // Мир психологии. 2008. №4. С. 238–249.
2. *Сарджвеладзе Н. И.* Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси : Мецниереба, 1989. 206 с.
3. *Сарджвеладзе Н. И.* Структура самоотношения личности и социогенные потребности. Тбилиси : Мецниереба, 1974. 70 с.
4. *Столин В. В.* Самосознание личности. М. : изд-во МГУ, 1983. 284 с.
5. *Пантилеев С. Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М. : Изд-во МГУ, 1991. 110 с.
6. *Пантилеев С. Р.* Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ У ИНДИВИДОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА В РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

И. Н. Пудак

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, igor.pudak@mail.ru*

Научный руководитель — Н. Ю. Клышевич, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены результаты исследования иррациональных установок и перфекционизма в период ранней взрослости. Установлено, что у респондентов с низкими показателями общей рациональности мышления чаще встречаются высокие показатели перфекционизма. Выявленные различия являются статистически значимыми.

Ключевые слова: иррациональные установки; перфекционизм; ранняя взрослость.

В настоящее время психология занимается всесторонним изучением самых разных феноменов и явлений, важное место среди которых занимает изучение иррациональных установок и перфекционизма. Известно, что данные явления оказывают негативное влияние на психическое и эмоциональное состояние индивида, ведут к появлению дезадаптивных форм поведения и нарушению функционирования в социуме (А. Бек, А. Эллис, А. Адлер, К. Хорни, П. Хьюитт, Г. Флетт). Однако взаимосвязь данных переменных остается недостаточно изученной.

Выборку исследования составили 65 респондентов в возрасте 30-40 лет (50 женщин и 15 мужчин). Использовались тест иррациональных установок А. Эллиса и многомерная шкала перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS. Статистическая значимость различий определялась при помощи t-критерий Стьюдента. Предварительно было установлено, что распределение показателей в выборке является нормальным.

Эмпирические данные по тесту А. Эллиса отражены на рисунке 1. Было установлено, что наиболее распространенными иррациональными установками среди участников исследования являются катастрофизация, а также долженствование в отношении себя и других. Наименее представленной в нашей выборке оказалась низкая фрустрационная толерантность, что может свидетельствовать о развитой способности справляться с возникающими трудностями и препятствиями в период ранней взрослости.

Также обращает на себя внимание, что по шкале общей рациональности мышления наличие и высокая выраженность иррациональных установок были зафиксированы у 95,4% респондентов, что указывает на то, что мышление респондентов носит дисфункциональный характер.

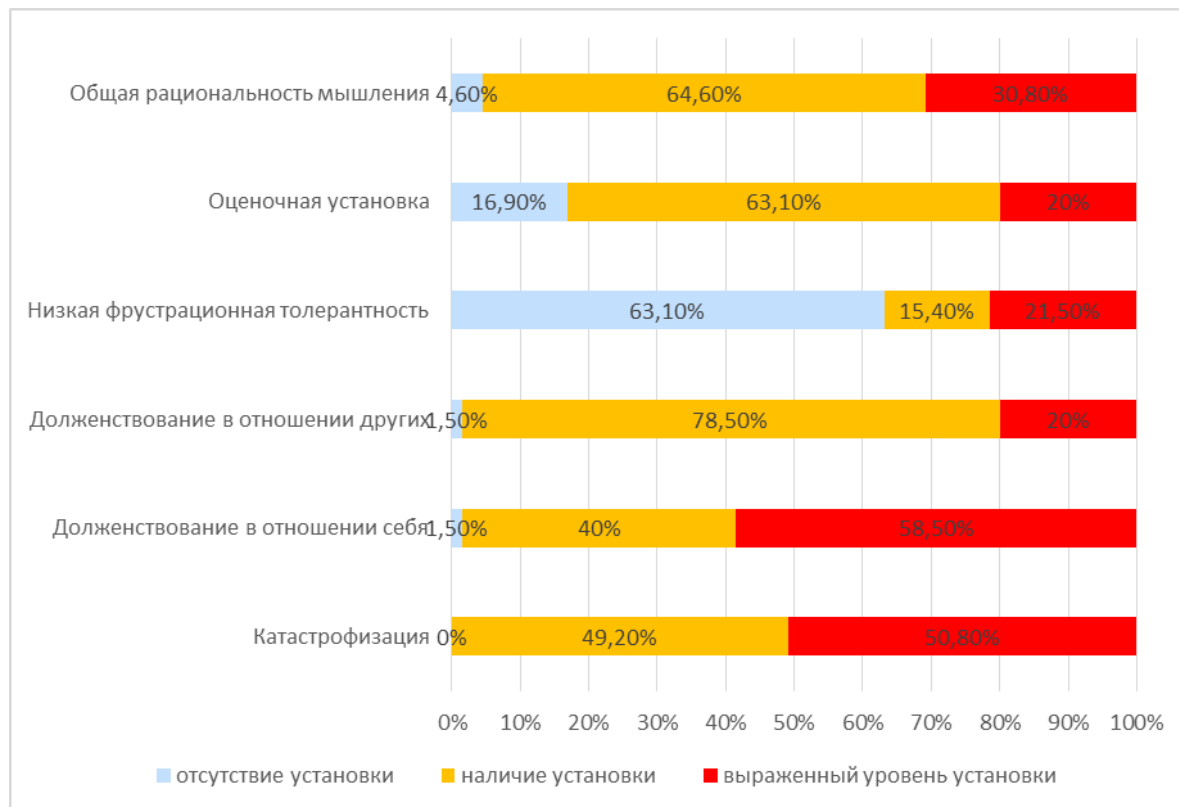

Рис. 1. Степень выраженности различных видов иррациональных установок в ранней взрослости.

В свою очередь, результаты тестирования по многомерной шкале перфекционизма показали, что данный психологический феномен является менее распространенным для периода ранней взрослости (рис. 2).

Средний и высокий уровень по интегральной шкале перфекционизма зафиксированы у 37% испытуемых.

Среди отдельных видов данного феномена наиболее часто встречался эго-центрированный перфекционизм, реже встречались социально предписанная и соци-центрированная формы данного феномена.

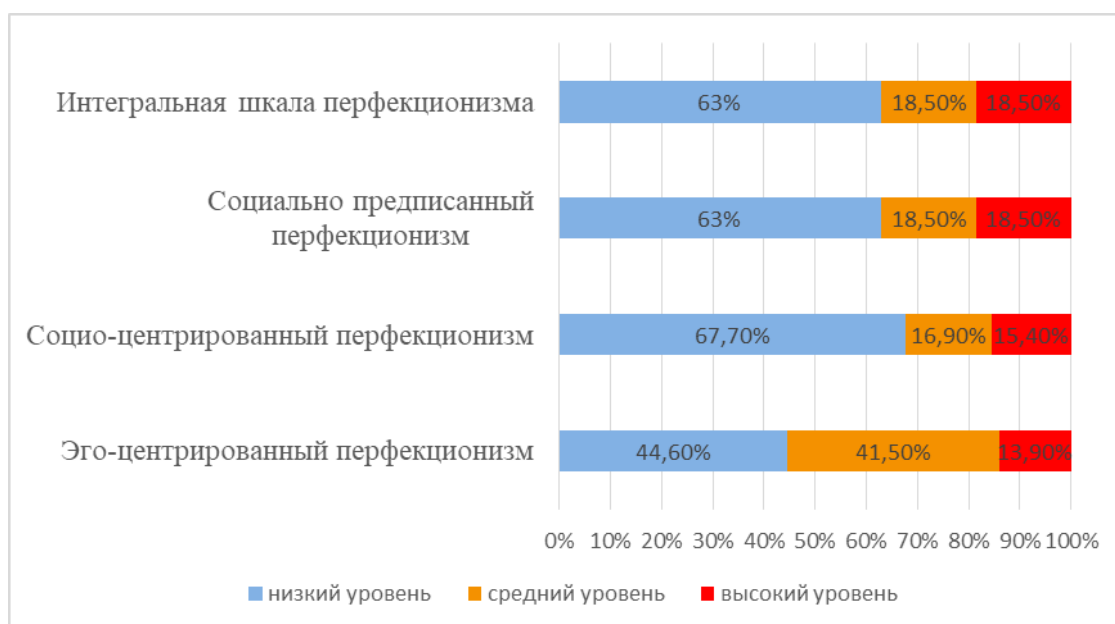

Рис. 2. Виды перфекционизма в ранней взрослости

Одной из важных задач нашего исследования было выявление особенностей иррациональных установок у респондентов с различной степенью выраженности перфекционизма. Полученные эмпирические показатели отражены в таблице:

Таблица

Перфекционизм взрослых с различными уровнями иррациональности мышления

Иррациональные установки	Перфекционизм		
	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень
Выраженные ИУ	40%	35%	25%
Наличие ИУ	52,4%	40,5%	7,1%
Отсутствие ИУ	66,7%	33,3%	0%

Как видно из таблицы, у респондентов с выраженной иррациональностью мышления наиболее высокие показатели перфекционизма в нашей выборке (25%). Средний уровень перфекционизма демонстрируют 35% испытуемых данной группы, а низкие показатели наблюдаются в 40% случаев.

Если говорить о результатах в группе респондентов с наличием иррациональных установок, то стоит отметить, что у 52,4% испытуемых наблюдается низкий уровень перфекционизма, у 40,5% – средний, а у 7,1% – высокий уровень перфекционизма. Как видим, высокий уровень

перфекционизма в данной группе встречается в 3,5 раза реже по сравнению с предыдущей.

Интересно, что у взрослых с отсутствием иррациональных установок вообще не зафиксировано высокого уровня перфекционизма. По сравнению с респондентами с выраженными иррациональными установками, низкий уровень перфекционизма наблюдается у них в 1,5 раза чаще.

Это может свидетельствовать о том, что для людей, которым присуще рациональное, гибкое и адаптивное мышление, характерным также является отсутствие перфекционистского стиля мышления.

Нами был использован t-критерий Стьюдента для определения значимости различий по шкалам теста иррациональных установок у респондентов с различными уровнями общего перфекционизма.

Согласно полученным данным, были выявлены значимые различия по шкале общей рациональности мышления у взрослых с разными уровнями перфекционизма ($p=0,009$). В группе респондентов со средним и высоким уровнем перфекционизма общая рациональность мышления ниже, чем в группе с низким уровнем перфекционизма. Следовательно, для людей с низкой общей рациональностью мышления характерно повышение баллов по интегральной шкале перфекционизма.

Таким образом, для взрослых с отсутствием иррациональных установок характерен низкий уровень перфекционизма. По мере снижения общей рациональности мышления увеличиваются показатели перфекционизма личности.

Библиографические ссылки

1. Андреевская С. В., Козлова О. А. Иррациональные установки и индекс жизненной удовлетворенности у студентов // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2019. № 9. С. 46–56.

2. Грачева И. И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 6. С. 73-81.

3. Хьюитт П., Флетт Г., Микаил С. Перфекционизм. Концепт, ассессмент и лечение. Москва: Общество любителей интеллектуальной книги. 2024. 416 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ О ЛЮДЯХ С ПСИХИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

А. П. Щербинина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, anna_sh_ch@mail.ru
Научный руководитель – Е. В. Столярская, кандидат социологических наук*

В данной работе были выявлены представления студентов-психологов о людях с психическими заболеваниями.

Ключевые слова: представление; психические заболевания; студенты-психологи.

Представление – это воспроизведенный образ, основывающийся на нашем прошлом опыте. Под социальными представлениями С. Московичи подразумевал набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций, представления объясняют окружающее в рамках определенной когнитивной структуры. Люди избирательно воспринимают и изменяют какую-либо информацию в соответствии с их представлениями, и сама реальность структурируется на основе представлений. Изначально, согласно модели С. Московичи, структуру социального представления составляли параметры: информация, поле представления, установка.

Согласно концепции Ж-К. Абрика, структура социального представления представлена центральным ядром, определяющим структуру всего представления, придающему ему смысл, и периферической системой, конкретизирующей значение ядра, это связующее звено между ядром и той конкретной ситуацией, в которой вырабатывается и действует представление.

Представление о психических заболеваниях – это система взглядов и убеждений, которые люди имеют относительно психических расстройств и их причин, симптомов и лечения.

Представление о людях с психическими заболеваниями может содержать следующие элементы: общие характеристики человека (его пол, возраст, статус и род деятельности), понимание грани между патологией и нормой, понимание причин психических заболеваний, восприятие симптомов психических заболеваний, оценку тяжести и серьезности психических заболеваний, представление о лечении психических заболеваний, представление о допустимых социальных возможностях (обучение в ВУЗах, места работы, рождение и воспитание детей) [1;2;3;Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Исследование. В исследовании принимают участие 8 студентов БГУ по специальности «психология», 4 женщины и 4 мужчины 20-23 лет. Небольшая выборка обусловлена использованием качественных методов психологического исследования. В качестве основных методов исследования были использованы результаты анализа и синтеза литературных источников, полуструктурированное интервью. В качестве методов обработки используется контент-анализ.

Для выявления и анализа структуры представлений используется методика П. Вержеса [4]. Согласно ей, понятия подвергаются прототипическому и категориальному анализу, опираясь на два параметра: частота появления того или иного понятия в ответах респондентов и ранг появления понятия. Пересечение двух параметров — медианы частоты и среднего ранга понятий образует четыре области (четыре квадрата), которые указаны в таблице 1.

Таблица 1

Структура представления по методике П. Вержеса

Квадрат 1 Ядро (частота $\geq$ медиана частоты; ранг $<$ средний ранг)	Квадрат 3 Периферия 1 Внешнее влияние (частота $\geq$ медиана частоты; ранг $\geq$ средний ранг)
Квадрат 2 Периферия 1 Потенциальная зона изменений (частота $<$ медиана частоты; ранг $<$ средний ранг)	Квадрат 4 Периферия 2 (частота $<$ медиана частоты; ранг $\geq$ средний ранг)

В результате проведенного эмпирического исследования были получены результаты, указанные в таблице 2.

Таблица 2

Структура представления студентов-психологов о психических заболеваниях

Квадрат 1 ЯДРО (частота $\geq 2,7$; ранг $< 5,4$)	Квадрат 3 ПЕРИФЕРИЯ 1 Внешнее влияние (частота $\geq 2,7$; ранг $\geq 5,4$)
Шизофрения (8; 3,5) Расстройства личности (7; 3,7) Расстройства настроения (6; 1,8) Органические расстройства (6; 5,8) Депрессия (5; 3) Генерализованное тревожное расстройство (5; 4,2) БАР (4; 5)	Деменция (3; 6,7)
Квадрат 2 ПЕРИФЕРИЯ 1 Потенциальная зона изменений (частота $< 2,7$; ранг $< 5,4$)	Квадрат 4 ПЕРИФЕРИЯ 2 (частота $< 2,7$; ранг $\geq 5,4$)

РПП (2; 3,5) Синдром Мюнхаузена (1; 3) ПТСР (1; 4) РАС (1; 4) Психосоматические заболевания (1; 4) Зависимости (1;5)	Фобии (2; 6) Паническое расстройство (1; 6) Болезнь Альцгеймера (1; 6) Эпилепсия (1; 7) Агнозии (1; 8) Афазии (1; 9) Синдром Аспергера (1; 10) Умственная отсталость (1; 10)

Таким образом, в представлениях респондентов наиболее распространенными психическими заболеваниями являются шизофрения, органические расстройства, расстройства личности и настроения, в число которых входит биполярное аффективное расстройство, депрессия и генерализованное тревожное расстройство, которые являются наиболее распространенными в современных СМИ, кинематографе и являются более обсуждаемыми в социальных сетях.

Поскольку ответы респондентов были многословными, развернутыми в целые предложения – некоторые ассоциации были объединены в группы по значению (категории) с использованием элементов метода контент-анализа.

Таким образом в категорию «эмоциональная лабильность» вошли следующие ассоциации: быстрая смена эмоций, сильно эмоционален, может кричать периодически, непредсказуемый, апатичный потом наоборот, эмоциональные качели.

«Социальная изоляция»: скованность, отстраненность, много времени проводит дома, отрешенность от окружающего мира, ухудшение отношений с другими людьми, апатия.

«Люди обоих полов»: женщины и мужчины, нет конкретного пола.

Таблица 3

Структура представления студентов-психологов о людях с психическими заболеваниями

Квадрат 1 ЯДРО (частота $\geq 2,8$; ранг $< 3,4$)	Квадрат 3 ПЕРИФЕРИЯ 1 Внешнее влияние (частота $\geq 2,8$; ранг $\geq 3,4$)
Эмоциональная лабильность (5; 3,2) Социальная изоляция (5; 2,2) Взрослый человек (4; 2) Люди обоих полов (3; 1)	Агрессивность (3; 4,7) Готовность лечиться (4; 4,25) Напуган состоянием (6; 5)
Квадрат 2 ПЕРИФЕРИЯ 1 Потенциальная зона изменений (частота $< 2,8$; ранг $< 3,4$)	Квадрат 4 ПЕРИФЕРИЯ 2 (частота $< 2,8$; ранг $\geq 3,4$)
Демонстративность (1; 1) Неуверенность в себе (1; 2) Низкий экономический статус (1; 3) Неухоженность (1; 3)	Ответственный (1; 5) Отсутствие самоконтроля (2; 5) Суицидальные наклонности (2; 6)

Большинство респондентов говорит о том, что не имеет образа типичного представителя, страдающего психическим заболеванием, упоминают, что для каждого психического заболевания он различен, в том числе по полу и возрасту. Грань между нормой и психической патологией определяют как уровень адаптированности человека к обществу, а также в присутствии нанесения вреда себе и окружающим. Выделяют, что в первую очередь говорят о человеке как о личности, а не его диагнозе.

Самыми нежелательными для круга общения респонденты посчитали людей с пограничным и истерическим расстройствами личности, наименее опасными – людей с депрессией и тревожными расстройствами, что можно связать с большей готовностью взаимодействовать с людьми с такими заболеваниями, допускать их в круг своих друзей и коллег, что влияет на снижение стигматизации и повышает шанс обратиться за помощью и получить поддержку от близких. Респонденты отмечали, что не прекратили бы общение с другом в связи с обнаружением психического заболевания. В содержании представлений было выявлено, что психическими расстройствами чаще страдают артисты балета (в основном РПП) и сами обучающиеся на психологов. Студенты-психологи не считают необходимыми ограничения допуска лиц с психическими заболеваниями к учебе в ВУЗах, однако в нескольких случаях было выявлено мнение о желательном ограничении в работе, требующей высокой эмоциональной включенности, например, в медицине, практической психологии, политике и юриспруденции. Большинство респондентов не выявляют связь таланта с психическими заболеваниями. Однако был озвучен случай с «ослаблением» таланта и способности творить из-за принятия антидепрессантов. Данное представление может мешать людям с психическими заболеваниями обращаться за помощью, так как они могут посчитать, что лишаться своего таланта. Часто отмечалось, что никто из людей не застрахован от психического заболевания, так что оно может наступить в любой момент.

Специфика формирования представлений студентов-психологов о людях с психическими заболеваниями можно связать с профессиональной подготовкой: получением информации о людях с психическими заболеваниями из практических кейсов преподавателей и трудов известных психологов, во время разбора кинофильмов, отрывков интервью с реальными людьми, имеющими психические заболевания.

Представления студентов психологической специальности о людях с психическими заболеваниями не стигматизированы, они часто упоминают об отсутствии принципиальной разницы людей, имеющих и не

имеющих психические заболевания, исключая острые формы, считают, что заболевание может выйти в ремиссию, не считают необходимыми ограничения в социальных связях, рождении детей, обучение в ВУЗах, а также месте работы, за некоторым исключением. Также респонденты считают важным обращаться к людям с психическими заболеваниями более эмпатично и внимательно, особенно в острый период заболевания.

Хотя некоторые категории не являются привлекательными для респондентов, в большинстве они не представляют опасности для людей, страдающих психическими заболеваниями, и окружающих. Выявленное наблюдение может характеризовать будущих специалистов как эмпатичных и открытых к взаимодействию, что будет положительно сказываться на отношении к данным людям, а также будет способствовать снижению стигматизации, что даст больше возможностей для получения необходимой поддержки и помощи.

Библиографический список

1. *Березина, Е. Б.* Содержание и структура обыденных представлений о болезнях в молодежной среде: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2011. 32 с.
2. *Бовина И. Б., Панов М. С.* Обыденные представления о психически больных в студенческой среде // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 103–118.
3. *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3-18; №2. С. 3-14.
4. *Ноакк Н. В., Костина Т. А.* Эмпирическое исследование социальных представлений о смарт-счетчиках // Цифровая экономика. 2021. Vol. 1, № 13. С. 34-39.
5. *Abric J.-C.I.* Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on social representations. 1993. V. 2. №. 2. P. 75-78.

СЕКЦИЯ 18. МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Е. В. Ворожбицкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, katyavorozhbitskaya6@gmail.com
Научный руководитель — У. П. Масалович, старший преподаватель*

В статье описан процесс конструирования виртуальной идентичности личности в цифровой среде. Актуальность данной темы обусловлена динамичным развитием цифровых технологий и сопутствующим этому процессу изменениям в жизнедеятельности общества. Целью статьи является описание особенностей конструирования виртуальной идентичности личности в цифровой среде при помощи различных механизмов.

Ключевые слова: виртуальная идентичность; самопрезентация; цифровые технологии; интернет-пространство; социальная коммуникация.

До возникновения интернет-пространства поле социального взаимодействия ограничивалось лишь реальным физическим миром. Тогда каждая личность обладала лишь реальной идентичностью: персональной и социальной. В виртуальном пространстве существует множество цифровых площадок, облегчающих жизнь общества в различных сферах: начиная образованием и заканчивая доставкой продуктов на дом. При этом, Интернет не ограничивается поиском информации об окружающем и окружающих: благодаря развитию цифровых технологий каждая современная личность, использующая сеть Интернет для социальной коммуникации, помимо реальной идентичности стала обладать и виртуальной идентичностью, представляющей из себя образ личности, который он(а) конструирует в интернет-пространстве в процессе коммуникации посредством различных механизмов, представляющих из себя процессы, при помощи которых личность устанавливает, корректирует и поддерживает свое представление о себе, а также определяет себя как члена определенной социальной общности.

Важной проблемой, связанной с цифровизацией жизни общества, является соотношение реальной и виртуальной идентичностей личности в интернет-пространстве. Реальный социальный мир объективно фикси-

рует идентичность и позволяет идентифицировать субъектов коммуникации по полу, возрасту, социальному статусу и иным характеристикам, задокументированным на различных носителях и не поддающихся сомнению по степени правдивости; в виртуальном же пространстве личность ищет свою идентичность самостоятельно, конструирует ее в интернет-пространстве с полного нуля и может умышленно скрывать различные стороны своей жизни от других пользователей сети Интернет [1, с. 100]. Виртуальная и реальная идентичности личности соотносятся тремя образами: 1) виртуальная идентичность тождественна реальной; 2) реальная и виртуальная идентичности совпадают частично; 3) виртуальная идентичность полностью не соответствует реальной.

Американский социолог Ирвинг Гофман в книге «Представление себя другим в повседневной жизни» представил модель театрального представления как способа самопрезентации индивидом себя и своей деятельности в обычных (как написал сам Гофман, «рабочих») ситуациях. Данные способы самопрезентации включают направление и контроль создания впечатлений индивидом о себе, а также образцы приемлемого и неприемлемого поведения во время личностной презентации себя публике [2, с. 29-30]. Самопрезентация является одним из механизмов конструирования виртуальной идентичности в интернет-пространстве и включает множество инструментов: выбор каналов презентации (форумов, мессенджеров, аккаунтов в социальных сетях, блогах и иных цифровых площадках), выбор имени пользователя и аватара профиля в приложениях, подразумевающих онлайн-взаимодействие; создание текстовых и визуальных публикаций. Основой самопрезентации как механизма формирования идентичности является нарративизация – процесс создания и осмысления личностью своего жизненного опыта с последующим повествованием его другим людям. По мнению Е. С. Худяковой, нарративы обеспечивают контекст для восприятия отдельных событий [3, с. 12]. Исходя из этого, можно привести пример использования личностью самопрезентации и нарративизации в ведении блога о своей деятельности в интернет-пространстве. По тематической нацеленности блоги подразделяются на образовательные, музыкальные, бытовые, туристические, спортивные и другие: любой человек может использовать нарративы в презентации себя массовому зрителю и создать блог для продвижения своих услуг, мыслей, творчества.

Следующим механизмом конструирования виртуальной идентичности можно обозначить процесс социализации в интернет-пространстве: в процессе социализации личность развивает свои коммуникативные навыки, усваивает нормы онлайн-этикета; приобщается к онлайн-сообществам, усваивает их нормы поведения и ценности, а также моде-

ли поведения, принятые в цифровой культуре, что также влияет на развитие его идентичности. К примеру, участники, присоединившись к онлайн-сообществу (чату) в любой социальной сети или мессенджере, должны быть ознакомлены с правилами поведения в данном сообществе, которые заранее прописаны и утверждены модераторами. В каждом подобном сообществе утверждены разные требования к поведению, однако в любом случае при их нарушении участнику выносится предупреждение, а при повторном нарушении пользователю грозит удаление из чата, вследствие чего он прекратит быть участником данного онлайн-сообщества и не сможет идентифицировать себя его частью.

Одним из механизмов конструирования виртуальной идентичности является игровой процесс. С конца XX – начала XXI веков компьютерные игры получили массовое распространение благодаря появлению доступных для широкого круга лиц персональных компьютеров [4, с. 121]. Игровой процесс предоставил индивидам возможность создания виртуальной идентичности, основанной на ролевом поведении. В массовых многопользовательских онлайн ролевых играх есть возможность взаимодействия игроков со всего мира между собой и с элементами виртуального мира игры, благодаря чему личность может вести себя в виртуальном пространстве кардинально дифференцированно от реального поведения, перенимать разнообразные модели поведения, примерять на себе многоликие роли. К тому же, обычно в ролевых играх требуется создание игрового персонажа (выбор его пола, стиля, пользовательского ника и иных идентификационных характеристик). Французский социолог и культуролог Роже Кайуа утверждал, что людям свойственен «игровой инстинкт» и в процессе игры индивид может выразить бессознательные увлечения социально приемлемым способом [4, с. 120]. Примерами многопользовательских онлайн-игр являются «Avakin Life», «Genshin Impact», «Аватария» и другие.

Американский социальный психолог Дэвид Майерс в книге «Социальная психология» писал, что, живя в обществе, люди на каждом шагу сталкиваются с социальными сравнениями: «В присутствии невзрачных людей мы чувствуем себя красивыми, в присутствии глупых – умными, в присутствии бессердечных – заботливыми» [5, с. 72]. В интернет-пространстве социальное сравнение приобретает особое значение ввиду свободного доступа к информации о других пользователях и возможности легко видеть их успехи, внешний вид, мнения и стиль жизни. Наблюдая за другими пользователями, личность оценивает свой внешний вид и иные характеристики сквозь призму сравнения с ними. С одной стороны, это дает личности мотивацию к самосовершенствованию: научению новому, улучшению качества контента, расширению круга

социальных связей, с другой стороны, социальное сравнение может стать губительным для личности. Д. Майерс писал: «Когда люди богатеют, приобретают более высокий статус, а их достижения значительны, они поднимают планку и начинают подходить к оценке собственных достижений более требовательно. Довольные собой люди, поднимающиеся по лестнице успеха, смотрят вверх, а не вниз» [5, с. 72]. Таким образом, социальное сравнение как в физическом мире, так и в интернет-пространстве может привести к снижению самооценки и чувству неудовлетворенности собой и своими достижениями, гонке «за мнимым успехом» и стремлению к несуществующему идеалу.

Последним механизмом конструирования виртуальной идентичности в интернет-пространстве является социальное подтверждение в виде различных форм онлайн-поддержки: лайков, комментариев, репостов и иных позитивных реакций, получаемых личностью в результате размещения контента в интернет-пространстве и взаимодействия на форумах и других онлайн-площадках для коммуникации. Социальное подтверждение – это процесс, при помощи которого люди ищут подтверждения или одобрения у других пользователей через обратную связь. Получая такую поддержку в интернет-пространстве, личность осознает свою ценность и значимость своей деятельности в онлайн-среде, укрепляет свой виртуальный образ. При анализе реакции аудитории, в случае отсутствия либо недостаточного (по мнению креатора) одобрительного поведения со стороны, личность может корректировать и адаптировать самопрезентацию для получения желаемого эффекта.

Резюмируя все вышесказанное, современная личность обладает двумя формами идентичностей: реальной и виртуальной, обе из которых делятся на персональную и социальную. Виртуальная идентичность, как и реальная, конструируется личностью при помощи коммуникации и сопутствующих ей механизмов: самопрезентацией, включающей нарративизацию; процессом социализации, игровым процессом, социальным сравнением, а также социальным подтверждением.

Библиографические ссылки

1. *Мальченков И. Е.* Трансформация стратегий самопрезентации и идентификации в киберпространстве // Социология: научно-теоретический журнал. 2011. №4. С. 90-97.
2. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
3. *Лысак И. В., Косенчук Л. Ф.* Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры. М.: Спутник +, 2016. 147 с.

4. *Худякова Е. С.* Нарратив и идентичность: от детства до старости: монография. Пермь, 2019. 209 с.
5. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2002. 1174 с.

СУБКУЛЬТУРНЫЙ СТИЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ МОДЕ

У. К. Дорощенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, uliana.doroshchenko@gmail.com
Научный руководитель — А. Я. Сарна, кандидат философских наук, доцент*

Автор выявляет роль субкультурного стиля в современной моде. При этом поднимаются вопросы о взаимосвязи моды, стиля и субкультуры, описывается проблема появления таких явлений, как «fashion core» и «fast fashion». В работе также рассматривается современное состояние и трансформация новых субкультурных стилей, зависимость моды от стиля и значение образа жизни в формировании новых стилей. Данные материалы могут способствовать пониманию роли субкультурных стилей в современной моде и их значения в современном обществе.

Ключевые слова: мода; стиль; субкультура; «fashion core»; «fast fashion».

Мода как часть социальной реальности представляет собой структуру из трех элементов: модные стандарты, модные объекты, ценности моды. В качестве модных стандартов выступают элементы социальной жизни, разновидности культурных образцов, способы поведения, которые становятся популярными в определенный момент времени и представлены модными объектами. Такими объектами могут быть как материальные (например, шляпы с большими полями, одежда определенных принтов и тонов, техника и гаджеты), так и нематериальные явления — тип поведения, мимика, жесты, идеи, образ жизни. Но чтобы войти в моду, модные стандарты и объекты должны соответствовать ценностям моды, которые меняются вместе с общественными ценностями, отвечая на запросы и интересы общества [2].

Мода всегда представляла собой избирательное и фрагментарное явление, которое собирает множество элементов из всех существующих стилей, чтобы потом представить потребителю что-то новое — то, что не будет похоже на вчерашний тренд, а завтрашние предпочтения точно не будут похожи на сегодняшние. Тем не менее, мода стремится к образцам «высокой культуры», а публицистика и журналистика придают ей блеск и славу, которая есть у большой литературы и великой науки [3].

Современный мир постоянно ускоряется, а вместе с ним ускоряется и мода. Поэтому современные тренды являются скоротечными и могут держаться неделю-две, после чего сменяются новыми стандартами [6]. Впрочем, некоторые тренды доминируют достаточно долго и нередко вписываются в характеристику какого-то периода: «гламур Y2K», спортивный шик, логомания двухтысячных; «норм-core», спортивный стиль,

гендерная нейтральность десятых годов; clean-girl и огромное количество стилей, оканчивающихся на -core, что характерно для середины 20-х годов XXI века [4].

Термин «Fashion core» уже активно используется разными авторитетными модными изданиями. Сам суффикс «core» переводится как «ядро» и означает основу или базовый элемент, на котором строится соответствующий стиль: balletcore, barbiecore, normcore [1]. В качестве фундамента таких стилей может выступать какая-либо идеология, набор ценностей, определенный образ жизни и эти тенденции могут показаться похожими на субкультурное движение – однако если изучить вопрос глубже, то сходств обнаруживается меньше.

Словарь иностранных языков определяет «суб» через латинское «sub» (под.) – первую составную часть слов, обозначающую: 1) расположенность внизу, под чем-нибудь, около чего-либо; 2) подчиненный, подначальный; 3) не основной, не главный [5]. Сама же субкультура в одном из вариантов, который я выбрала как наиболее подходящий, определяется как «автономное целостное образование внутри господствующей структуры, определяющее стиль жизни и мышления ее носителей, отличающееся своими обычаями, нормами, комплексами ценностей и даже институтами» [5].

Чаще всего представителей субкультуры можно определить с помощью характерного стиля, который проявляется в образе жизни и внешнем виде. Сам «стиль» в этом случае определяется как «знак самоидентификации, атрибут зрелых, сильных, упорядоченных и устойчивых сообществ» [3]. Т.е. за стилем человека стоят определенные идеи и образ мыслей, которые могут становятся модными, формируя тем самым новые ценности, стандарты и объекты.

Модный журнал «Harper's Bazaar» назвал модные субкультуры «умирающей формой искусства», так как обязательными элементами субкультуры являются определенный образ жизни и мышления, ценности и идеи. В современном же мире, где тренды определяются социальными сетями, а миллионы людей озвучивают миллионы мнений, которые слушают миллионные аудитории одновременно, развивается «fast fashion». «Fast fashion» дает людям возможность одеваться в любом стиле в любое время и тем самым менять стиль в соответствии не только со своим образом жизни, который меняется редко и последовательно, но и в соответствии с настроением или, например, погодой [6].

Таким образом, развитие различных «core» является спасением для людей, которые, во-первых, хотят самовыражаться, во-вторых, имеют возможность это делать и, в-третьих, имеют массу примеров самых разнообразных эстетик, которые воздействуют на людей одновременно.

Это в определенном ключе хорошо: никто не будет удивлен переменной стиля и вряд ли будет просить «пояснить за шмот», как это делали еще десятилетие назад. Однако теперь «core» может приглушать такую функцию стиля, как самоидентификация: вряд ли человек, который увлекся «mermaidcore», относит себя к сообществу русалок, и в этом случае не обязательны даже связи с морем, – точно так же, как в «balletcore» с Большим театром, а в «motocore» с непреодолимым желанием сесть сейчас на мотоцикл и исчезнуть в закате.

Впрочем, появлению какой-либо эстетики предшествует популяризация какого-либо образа жизни или поведения. Так, развитие многоступенчатого ухода за собой, эстетика «продуктивности» и соответствующий образ жизни привели в мир моды эстетику «clean-girl», которая держалась на протяжении последнего года. У нее появились свои сторонники, однако не все из них являются приверженцами такого образа жизни. В результате «clean-girl» превратился в тот самый «core». Однако к настоящему моменту люди, вдохновленные или просто наблюдающие за эстетикой «продуктивности», уже устали от нее, именно поэтому в моду возвращается неряшливость, тонна пудры и «smoky eyes». Впрочем, в современном мире ничто не уходит бесследно, и многие остаются приверженцами того или иного стиля несмотря на то, что его популярность начинает уходить.

Таким образом, современный субкультурный стиль часто может выступать исключительно внешним показателем вкусов его носителя, нежели того, что последний относит себя к той или иной культуре. Однако возможность быстро менять свой стиль, не встречаясь со сложностями в виде реакции социума, является для современного человека важным способом выражать себя без оглядки на обязательства, которые может накладывать на человека какая-либо субкультура в чистом виде.

Библиографические ссылки

1.OSKELLY «Fashion core» – новое понятие, захватившее мир моды [Электронный ресурс] // OSKELLY, 2023. URL: <https://oskelly.ru/blog/core/> (дата обращения: 24.04.2025)

2.Алексеев Л. В. Теоретическая модель моды: структура моды [Электронный ресурс] // Экономика и социум. 2013. №3 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskaya-model-mody-struktura-mody> (дата обращения: 24.04.2025).

3.Боков А. В. Стили и тенденции в современной культуре [Электронный ресурс] // AMIT. 2015. №3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stili-i-tendentsii-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения: 24.04.2025).

4.Журнал «Идель» Модные тренды с 2000 по 2024 год: как менялся стиль за два десятилетия [Электронный ресурс] // Журнал «Идель», 2025. URL:

<https://idel.top/news/novosti/modnye-trendy-s-2000-po-2024-god-kak-menialsia-stil-za-dva-desiatiletiia> (дата обращения: 24.04.2025).

5. *Малинин В. Б., Трапанидзе К. З.* Культура и субкультура [Электронный ресурс] // Царскосельские чтения. 2014. №XVIII. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-i-subkultura> (дата обращения: 24.04.2025).

6. *Рахемма Азвар.* Почему модные субкультуры – это умирающая форма искусства [Электронный ресурс] // Harper's Bazaar, 2024. URL: <https://harpersbazaar.kz/pochemu-modnye-subkultury-jeto-umirajushhaja-forma-iskusstva> (дата обращения: 24.04.2025).

ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ ОДЕЖДЫ КАК НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Е. Г. Кирилюк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, katrinkirilyuk@gmail.com
Научный руководитель — М. С. Терещенко, старший преподаватель*

В данной статье рассматривается роль и значение такого понятия как деловой стиль одежды в контексте невербальной коммуникации. Насколько внешний вид имеет первостепенное значение в успешной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: деловой стиль; одежда; невербальная коммуникация.

К невербальным коммуникациям относятся все средства взаимодействия между людьми без применения слов и разговорной речи. По разным оценкам, от 50 до 80 % информации передается посредством невербальной коммуникации. Одежда является элементом в невербальном общении. Ее роль важна, поскольку она помогает устанавливать контакт, подчеркивать или дополнять вербальные сообщения, формировать первое впечатление и передавать определенные качества личности. Одежда, не используя слова, говорит о нашем социальном статусе, сфере деятельности, предпочтениях и убеждениях [1].

Деловой стиль – один из стилей одежды, предназначенный для деловой сферы жизни общества и характеризующийся строгостью, сдержанностью и консерватизмом в выборе ткани, цвета, покроя и аксессуаров [2]. Он исключает вызывающие детали одежды, яркую косметику, обилие украшений, а также недопустима небрежность, неряшливость и неаккуратность. Костюм стал своеобразным символом делового стиля. Мужской костюм возник в начале XIX века, а женский на век позже. Феномен «деловой костюм» обозначен презентативностью, универсальностью и демократизмом. Как женский, так и мужской вариант характеризуются уникальным стилем, который сочетает в себе пиджак, брюки или юбку, ограниченную цветовую гамму, особенности конструкции силуэта, а также аксессуары (галстук, кашне, шарф и др.) [3]. «Эволюция делового костюма привела к упрощению и демократизации формы и конструкции, а с другой – к усложнению стилистического и колористического решений» [4, с. 4].

Деловой стиль одежды делится на 3 категории (западная классификация): официальный деловой стиль (классика), повседневный деловой стиль (офисный вариант), бизнес кэжуал. Характерные признаки официально-деловой одежды – это эмоционально-холодный, дистанцирую-

щийся и лаконичный образ. Повседневный деловой стиль – это также строгая одежда, но допускающая некоторую вольность. Бизнес кэжуал представляет собой более комфортную, но тем не менее сдержанную одежду [5].

Известно, что по визуальному образу первоначально мы формируем впечатление о том, возникает ли у нас доверие и расположение к человеку. Одежда – это инструмент, благодаря которой человек может донести внутренние мысли до окружающих. Деловой одежде присущ демонстративный характер. Она может придать облику человека строгость, серьезность, аккуратность, собранность. Без этого не обойтись, когда человек подает себя официально. Таким образом, положительно влияет на первое впечатление грамотно составленный образ, что эффективно работает при деловом общении.

Современный дизайн помогает выразить индивидуальность в деловом гардеробе, сохраняя при этом привлекательность и профессиональный имидж. Он играет ключевую роль и учитывает психологические и социальные аспекты для создания гармоничного стиля. Кодирова информацию посредством одежды, важно понимать, как она может быть декодирована в социуме. По словам Д. Уоллеса: «Человек может заставить свою одежду говорить то, что он хочет сказать» [4, с. 5].

Профессионализм не всегда можно определить сразу, поэтому внешний облик, в частности одежда, играет важную роль, позволяя быстро сформировать мнение и принять решение о сотрудничестве. На основе визуального образа делаются предположения относительно компетентности и других характеристик. Наша одежда влияет, насколько будет воспринято передаваемое нами сообщение. Джон Моллой подчеркивает, что «одежда – часть рабочей среды, она может многое сказать о личности, положении и непременно должна способствовать авторитету. Костюм оказывает заметное воздействие на людей, с которыми личность общается, и, в частности, на восприятие и понимание личности. Человек может достичь значительно большего результата, если он хорошо одет» [4, с. 7].

Одежда напрямую влияет на восприятие и одобрение лидера. Вспомним Маргарет Тэтчер. Телеведущая Джанет Стрит-Портер так описала стиль Железной Леди: «Весь образ – каждый раз одни и те же жакеты, сумки, блузки – был создан для того, чтобы выразить мысль: “Я говорю, вы слушаете”». Стиль Маргарет Тэтчер подтверждал ее авторитет и транслировал ее консервативные политические взгляды [6]. Проводилось исследование в выборке генеральных директоров компании из списка «Fortune 1000», которое показало, что лидеры могут манипулировать своим стилем одежды, чтобы формировать впечатление своих

последователей о себе. В результате было доказано, что лидеры, нарушающие нормы организации в выборе одежды, воспринимаются как более харизматичные, тогда как их конформистские коллеги – менее. Примером является Стив Джобс отличался от своих формальных конкурентов тем, что надевал кроссовки и водолазки на важные презентации продукции компании [7, с. 86-87].

Таким образом, одежда – это простой способ самопрезентации. Если она соответствует деловому стилю, то это помогает формировать образ серьезного и ответственного профессионала, который уважает своих коллег и работодателя. Такая одежда положительно влияет на первое впечатление и дальнейший профессиональный имидж.

Библиографические ссылки

1. Ушаков В. Невербальное общение: признаки, особенности, роль во взаимодействии людей // Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Академия «Пять призм». – 2024. – URL: <https://5prism.ru/articles/psihologiya/neverbalnoe-obshhenie-rol/> (дата обращения: 11.04.2025).

2. Академик: [сайт]. – 2000-2025. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1297988> (дата обращения: 11.04.2025).

3. Одежда в системе невербальных средств делового общения // Университет ИТМО. – 2021. – URL: <https://u3a.itmo.ru/odezhda-v-sisteme-verbalnyix-sredstv-delovogo-obshheniya.html> (дата обращения: 11.04.2025).

4. Толмачева П. А., Толмачева Г. В. Современный деловой стиль в системе социальных связей // Омский государственный технический университет. – 9 с. – URL: <https://s.eduherald.ru/pdf/2018/5/18685.pdf> (дата обращения: 11.04.2025).

5. Поречный Д. Деловой стиль одежды // PhotoIDEAL productio. – 2017. – URL: <https://photo-ideal.ru/blog/stati-dlya-modeley/delovoy-stil-odezhdy/> (дата обращения: 11.04.2025).

6. Бадаева Л. Одежда как средство коммуникации // Первый евразийский деловой журнал «Бизнес-Мир Казахстан». – 2020. – URL: <https://businessmir.kz/2020/08/28/odezhda-kak-sredstvo-kommunikatsii/> (дата обращения: 11.04.2025).

7. Одежда делает лидера! Как лидеры могут использовать одежду, чтобы влиять на восприятие харизмы и одобрение последователями / Т. Маран [и др.] // Журнал бизнес-исследований. – 2021. – Т. 124. – С. 86-99. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296320307797> (дата обращения: 11.04.2025).

КНИГА ГАБРИЕЛЯ ТАРДА «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ТОЛПА»: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Е. А. Литошко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, esenialitoshko@gmail.com
Научный руководитель – Е. Ю. Дорогавцева, старший преподаватель*

В представленной статье рассматриваются ключевые идеи французского социолога Габриеля Тарда, изложенные в его книге «Общественное мнение и толпа», в контексте современных социальных процессов. Особое внимание уделяется различию понятий «толпа» и «публика», а также роли подражания и прессы в формировании общественного мнения. Анализируется актуальность идей Тарда для понимания современных форм коммуникации и массового поведения.

Ключевые слова: толпа; публика; общественное мнение; подражание; массовое поведение; массовая коммуникация.

Идеи Габриеля Тарда, изложенные в его книге «Общественное мнение и толпа», продолжают оставаться актуальными и значимыми, несмотря на стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и всемирной сети Интернет. Его теория подражания выступает фундаментом для исследований формирования общественного мнения и его эволюции в обществе. Сегодня, в эпоху, когда скорость распространения информации, идей, мнений, достигла небывалых высот, работы французского социолога помогают глубже понять общественные процессы и выявить закономерности массового поведения.

Цель статьи – переосмыслить идеи Тарда об общественном мнении, толпе и публике, показав их актуальность в контексте современных медиа, социальных сетей и информационного общества.

Габриель Тард (1843 – 1904) жил и работал в эпоху бурных социальных преобразований на рубеже XIX-XX веков, когда Европа переживала стремительную модернизацию всех сфер общественной жизни. Это было время промышленной революции, урбанизации, становления массового общества. Особенно важно, что именно в этот период происходило активное развитие средств массовой коммуникации: газет, телеграфа, что кардинально меняло способы формирования общественного мнения. Эти исторические условия во многом определили направление научных поисков Тарда, заставив его сосредоточиться на изучении новых форм коллективного поведения.

Центральной концепцией в трудах Тарда становится подражание. Через этот универсальный механизм распространяются идеи, настрое-

ния, мнения. Тард считал, что именно благодаря подражанию можно понять, как отдельное мнение перерастает в общественное мнение, а индивидуальные действия – в массовые. В современном мире этот процесс легко увидеть на примерах в социальных сетях: мемы, челленджи, флешмобы.

Толпа представляет собой социальную группу, где люди находятся в непосредственной близости друг к другу и подвержены сильному влиянию лидера. Основные черты толпы – внушаемость, эмоциональность и иррациональность. Люди в толпе теряют свои индивидуальные черты, становятся уязвимыми к заражению чувствами, особенно если это происходит под руководством лидера мнений [1].

Социолог выделяет несколько видов толп: ожидающие – собравшиеся в ожидании события; внимающие – наблюдающие за речью или представлением; манифестантские – выражающие чувства; действующие – совершающие действия, от празднования до агрессии [1].

Современные акции, митинги подтверждают правдивость этой типологии. Также феномен толпы можно наблюдать в интернете в виде различных хэштегов, виртуальных сообществ. Однако, можно сказать, некоторые виды современных толп характеризуются отсутствием физической близости, что отличает эти толпы от толп, описанных Тардом.

Публика, по Тарду, – группа индивидуумов, физически разделенных и соединенных чисто умственной связью. Люди находятся на расстоянии и связаны общими мнениями, интересами, ценностями, которые распространяются через коммуникационные каналы: книги, газеты. Сегодня этими коммуникационными каналами могут выступать Интернет и социальные сети [1].

Публика существенно отличается от толпы. Публика рациональна и критична. Она склонна к диалогам, длительному формированию мнения. По мнению Тарда, публика является зародышем общественного мнения, особенно в эпоху развития массовой печати.

Тард определяет общественное мнение как результат постоянного обмена мнениями и мыслями. Он подчеркивает роль разговора как важнейшего инструмента для распространения идей. Тард считал, что без разговоров не было бы прессы, ведь газеты лишь дают материал, но только разговоры делают его живым и массовым. Это положение удивительно актуально и сегодня, когда даже самые влиятельные новостные события становятся общественно значимыми лишь тогда, когда попадают в обсуждение – будь то в комментариях, блогах или подкастах.

Он также выделяет противоречие между общественным мнением, разумом и традицией. Общественное мнение, по его мнению, постепен-

но подрывает оба этих начала, становясь новой ведущей силой общества.

Анализируя современные социальные процессы, мы видим, насколько пророческими оказались идеи Тарда. Его теория подражания прекрасно объясняет механизмы распространения информации в социальных сетях, а концепция общественного мнения помогает понять природу современных медиаэффектов. Особенно показательно, что предложенная Тардом классификация толп (ожидающие, внимающие, манифестантские и действующие) находит свое подтверждение в исследованиях цифрового поведения.

Однако толпы находят и новые форматы в виде «толп на расстоянии». Многочисленные хэштеги, мемы, челленджи, флешмобы, тренды являются выражением процессов заражения и подражания.

Публика также развивается в социальных сетях, форумах, аналитических сообществах. Здесь люди, как описал Тард более века назад, вовлечены в дискуссии, формируют взвешенное мнение, влияющие на социальные и политические процессы.

Медиа стали ключевыми посредниками распространения общественного мнения. Можно сказать, что их роль даже усилилась, так как в эпоху интернета оно не просто отражается в публикациях, а создается в режиме реального времени.

Таким образом, Габриель Тард заложил прочную основу для анализа процессов, происходящих в массовом сознании. Его идеи о подражании, заражении, роли коммуникаций и различии между толпой и публикой продолжают оказывать влияние на современные исследования. Это стимулирует развитие новых направлений исследований в области массовых коммуникаций и социальных наук. Применение его концепций в современных реалиях позволяет не только лучше понять современные тенденции, но и понимать происхождение общественного мнения. Именно поэтому вклад Тарда в изучение массового сознания остается одним из ключевых ориентиров для современных исследователей, стремящихся к созданию более сбалансированного и цивилизованного общества.

Библиографические ссылки

1. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа [электронная книга]. – М.: Издательство "Канон+", 2020. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/tard_obsh_mnen.php (дата обращения: 12.04.2025).

АПЕЛЛЯЦИЯ К СТРАХУ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Д. М. Любичкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, blackgarbata@gmail.com
Научный руководитель — У. П. Масалович, старший преподаватель*

В статье рассматривается социальная реклама в современном обществе, особое внимание уделено развитию социальной рекламы в интернет-пространстве, также акцентируется внимание на использовании апелляции к страху как приема воздействия на аудиторию. Описаны преимущества и недостатки данного метода, а также приведены примеры из мировой и отечественной практики.

Ключевые слова: социальная реклама; цифровая эпоха; интернет-пространство; страх; апелляция к страху.

Современное общество стремительно в своем развитии и крайне неустойчиво, поэтому из-за этого в мире часто возникают явления, нежелательные для общества. Таких нежелательных явлений огромное множество, среди них наиболее распространенными являются различного рода зависимости, такие как алкогольная, наркотическая, игровая, лудомания; несоблюдение законов, прав и обязанностей человека.

Помимо этого, также необходимо привлекать внимание общественности к социально значимым явлениям, среди которых: защита окружающей среды, например, разделение мусора, уменьшение использования пластика, выражение гражданской позиции, забота о здоровье, забота о семье. Для того, чтобы привлечь внимание общественности к нежелательным и социально значимым явлениям существует множество способов, такие как фотовыставки, перфомансы, научные конференции, дебаты, круглые столы, и, конечно же, социальная реклама. Так, по мнению Г. Николайшвили: «Социальная реклама – вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и к его нравственным ценностям» [1, с. 8].

Социальная реклама уже существует больше века, и за это время сменила множество форм передачи сообщения. В настоящее время существует множество способов размещения социальной рекламы, среди которых наиболее популярным является размещение в интернете. Интернет облегчает процесс медиа потребления, ускоряет его и позволяет охватить по максимуму свою целевую аудиторию.

Современная социальная интернет-реклама во многом отличается от размещения социальной рекламы в офлайн формате, где в большин-

стве своем речь идет об баннерах, листовках, размещения в газетах и по телевизору. Среди главных отличительных черт можно выделить многообразие форматов. Так, интернет-пространство предусматривает возможность размещения социальной рекламы в разных форматах, среди которых могут быть: фото, видео, подкасты, вебинары, статьи, флешмобы, акции, челленджи и многое другое.

Одним из способов привлечь внимание аудитории к сообщению, заложенному в социальной рекламе, является апелляция к страху. Страх является одной из базовых эмоций человека и также неразрывно связан с инстинктом самосохранения. Можно сказать, что апелляция к страху – это прием, включающий в себя сообщение, подчеркивающее опасность тех или иных действий. Самым распространенным примером апелляции к страху является изображения черных легких или больных органов с подписями, указывающими на последствия курения.

Можно выделить следующие преимущества использования апелляции к страху в социальной рекламе, среди которых являются: повышенное внимание и запоминаемость. апелляция к страху позволяет использовать яркие, врезающиеся в сознание образы, что обеспечивает привлечение внимания аудитории к передаваемому сообщению; мотивация к действию. Соответственно, повышенное внимание и запоминаемость будут способствовать к усиленному побуждению к необходимому для эффективности рекламы действию. Также М. Терпских указывает на то, что апелляция к страху воспринимается разработчиками рекламных текстов как наиболее эффективное средство воздействия на целевые сегменты: только напугав, можно добиться необходимых в социальной практике результатов [2].

Однако также можно выделить ряд недостатков апелляции к апелляции к страху в рекламе. К ним относятся, например, повышение тревожности у общественности, возникновение защитной реакции на страх, к которой может относиться и агрессия.

Также недостатком использования такого приема является привыкание и снижение эффективности. Повторяющиеся страховые сообщения могут привести к привыканию аудитории, снижая их воздействие. Со временем такие сообщения могут перестать вызывать нужную эмоциональную реакцию.

Примером использования апелляции к страху являются принты от «McCaпn», где изображен мертвый человек на дне моря (рис. 1). Так, согласно исследованию, которое провели создатели приложения «Foodgroot», за год мы съедаем до 87 кг искусственной еды. Реклама призывает к тому, чтобы внимательнее следить за тем, что мы потребляем в пищу [3].

Рис 1. Реклама «Проверь свою еду»

Также апелляцией к страху в своей социальной рекламе воспользовался Всемирный фонд дикой природы, который создал «Календарь дат вымирания» в кампании от агентств «&Co./NoA» (рис. 2). Суть рекламы заключается в том, что на фоне редких животных находится дата события – предполагаемое время вымирания. Реклама гласит: «Сохраните дату, чтобы помочь отменить событие» [3].

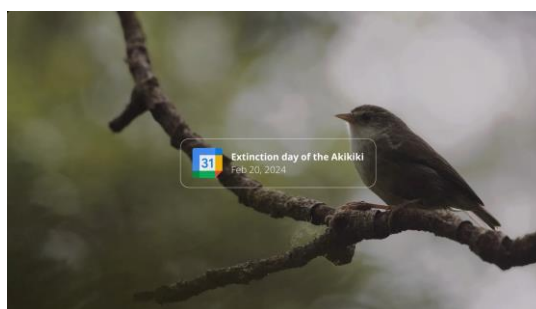

Рис 2. Реклама «Календарь дат вымирания»

Белорусским примером использования апелляции к страху является видеоролик от МЧС «Пьяным утопленникам посвящается», получивший широкий охват, а именно 1,7 миллионов просмотров на «YouTube». В ролике изображен летний день на пляже. Один из отдыхающих, находясь в состоянии алкогольного опьянения, направляется к воде. В этот момент за его спиной появляется оркестр, исполняющий траурный марш, а из воды выныривает водолаз с траурным венком. Такая сцена вызывает у зрителя ассоциации с похоронной церемонией, подчеркивая, что купание в нетрезвом виде может привести к трагическим последствиям [4].

Таким образом, особое место среди средств социальной рекламы занимает апелляция к страху. Этот эмоционально насыщенный прием способен усилить восприятие сообщения, повысить его запоминаемость

и побудить к действию. Однако он требует осторожного и обдуманного применения, поскольку способен вызывать тревожность, а чрезмерная повторяемость или неэтичная подача могут вызывать обратный эффект, а именно агрессию или безразличие.

Библиографические ссылки

1. *Николайшвили Г.* Социальная реклама: теория и практика. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2008. 136 с.

2. *Терских М. В.* Апелляция к юмору vs апелляция к страху в дискурсе социальной рекламы 8 // Лингвокультурология. 2015. №9. С. 232-255.

3. 30+ примеров социальной рекламы на актуальные темы. Большой обзор // The Bytheway. 27 февраля 2024. URL: <https://thebtw.com/pro-obzor/54083-30-primerov-socialnoj-reklamy-na-aktualnye-temy-bolshoj-obzor.html> (дата обращения: 24.04.2025).

4. Социальная реклама МЧС «Вечная память нетрезвым купальщикам» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3nl6YrMWYRY>. Дата обращения: 23.04.2025.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА ПЕЧАТНОЙ КУЛЬТУРЫ В «ГАЛАКТИКЕ ГУТЕНБЕРГА» ПО ТЕОРИИ МАРШАЛЛА МАКЛЮЭНА

С. Р. Маркович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sofamarkovich2006@gmail.com
Научный руководитель — И. Ю. Тимоховцева, преподаватель*

В этой статье рассматривается становление человека печатной культуры в контексте одноименной работы Маршалла Маклюэна «Галактика Gutenberga. Сотворение человека печатной культуры». Анализируется различие между рукописной и печатной культурой, а также влияние книгопечатания на социальные отношения и распространение знаний. Рассматривается переход от аудиотактильного восприятия к визуально ориентированному и последствия этого перехода, такие как развитие индивидуализма, стандартизация производства и другие.

Ключевые слова: Маршалл Маклюэн; печатная культура; рукописная традиция; индивидуализм.

В своем труде «Галактика Gutenberga: Сотворение человека печатной культуры» Маршалл Маклюэн раскрывает ключевое различие между рукописной и печатной культурами через концепцию «внутреннего измерения» сознания, которое, как он отмечает, «необходимо появилось в печатной культуре», тогда как рукописная традиция «не создала и не могла создать» подобного феномена [1, с. 42]. Основой этого перехода стала «фиксированная точка зрения» – та самая «устойчивая и последовательная» перспектива, которая возникает, по словам Маклюэна, при «неподвижной, так сказать, почти гипнотически застывшей точке зрения» [1, с. 42].

Маклюэн подчеркивает, что такая фиксированная позиция восприятия была невозможна в рукописной культуре, поскольку «работа с рукописным текстом была слишком медленной и прерывистой для того, чтобы обеспечить фиксированную точку зрения или навык ровного скольжения в единой плоскости мысли и информации» [1, с. 42]. Маклюэн характеризует эту традицию как глубоко «аудиотактильную», отмечая, что в рукописном мире «мы находим эмпатию и участие всех чувств» вместо «холодной визуальной отстраненности» печатной эпохи [1, с. 42].

Особенно ярко это противопоставление проявляется в анализе бесписьменных обществ, где, согласно Маклюэну, господствует «подавляющая тирания слуха над зрением», делающая невозможным какое-либо «равновесие между взаимодействующими чувствами» [1, с. 42]. Таким

образом, «внутреннее измерение» Маклюэна является не просто универсальной категорией, а результатом технологического перехода от аудио-тактильной рукописной традиции к визуально-ориентированной печатной культуре.

Маклюэн в изложении своей концепции обращается к идеям Поппера: «... племенные или закрытые общества отличаются биологическим единством, в то время как наши современные открытые общества функционируют в значительной степени посредством абстрактных отношений, таких как обмен или кооперация» [1, с. 14]. Эта принципиальная разница между двумя типами обществ, по мысли Маклюэна, напрямую связана с развитием технологий коммуникации.

Основная идея «Галактики Гутенберга» заключается в том, что «движение к абстрактности или открытости закрытых обществ определяется фонетическим алфавитом, а не какой-либо другой технологией или формой письма». Именно фонетическая письменность, а не просто письмо как таковое, стала тем переломным моментом, который «ускорил развитие и распад древних племенных и закрытых обществ».

История человеческого мышления тесно связана с развитием технологий общения. Когда люди перешли от устной речи к письменности, это не просто добавило новый способ передачи информации – это полностью изменило то, как мы думаем и запоминаем.

Рукописные книги, несмотря на их культурную ценность, не получили массового распределения, остались штучными вещами из-за высокой стоимости и трудоемкости производства. Этот факт помогает понять истинное значение изобретения книгопечатания. Как отмечают исследователи, «можно сказать, что книгопечатание было не более чем способом удешевления чего-то уже давно знакомого» [1, с. 117]. Однако его последствия оказались гораздо значительнее простого удешевления книг.

Фундаментом для этого изобретения стало создание алфавита. Действительно, «без алфавита не было бы и Гутенберга» [1, с. 61], поскольку именно алфавитная система письма оказалась наиболее приспособленной для механического воспроизведения. Переход к печатной культуре стал первым случаем механизации древнего ремесла, что впоследствии привело к механизации всех ремесел [1, с. 66], хотя данный процесс имел особую специфику в западном мире.

Интересно, что в Китае книгопечатание было изобретено значительно раньше (VII-VIII века), но это не привело к тем же социальным последствиям, что в Европе [1, с. 51-52]. Этот контраст подчеркивает уникальность западного опыта. Как показывает М. Маклюэн, переход к печатной культуре на Западе стал не просто технической революцией,

но и важнейшим культурным переворотом, создавшим условия для развития науки, образования и демократизации знаний.

Важнейшим последствием стало изменение когнитивных процессов. «Коротко говоря, история развития от рукописи к печатному тексту – это история постепенного замещения устных способов сообщения и получения представлений визуальными» [1, с. 131]. Это преобразование имело далеко идущие последствия.

Печатная культура радикально изменила восприятие информации. «Мы привыкли думать, что напечатанный текст – это изображение того, что мы говорим» [1, с. 132], однако на самом деле печатное слово приобрело новые качества. «Использование печатания оторвало слово от его первоначальной ассоциации со звуком и сделало его скорее пространственной "вещью"» [1, с. 157]. Это преобразование повлияло на все аспекты человеческого мышления.

Действительно, печатные тексты значительно ускорили развитие мышления. Исторические данные показывают, что за два-три поколения после изобретения книгопечатания мышление человека изменилось больше, чем за предыдущие два-три тысячелетия. В дописьменных культурах преобладали прочные и неразрывные устные традиции, передававшиеся из поколения в поколение. Печатная культура создала возможность критического осмысления традиций и формирования индивидуального мировоззрения на основе разнообразных источников.

Таким образом, изобретение книгопечатания стало не просто технологическим усовершенствованием, но и важнейшим культурным переворотом, изменившим способы мышления, социальные отношения и всю систему распространения знаний в западном обществе.

Печатный текст совершил революцию в культуре чтения, превратив его из коллективного ритуала в индивидуальный процесс визуального восприятия. Как отмечает Маклюэн, читатель стал подобен «кинопроектору», последовательно воссоздающему авторскую мысль [1, с. 187]. Это изменение сделало чтение вслух архаичным, позволив напрямую «чувствовать "руку" автора» через визуальное восприятие [1, с. 187].

Но значение печати вышло далеко за пределы чтения – она стала первым стандартизированным «товаром», производимым конвейерным способом [1, с. 187]. Этот принцип не только изменил книгоиздание, но и заложил основы массового производства, оказав влияние на развитие западной цивилизации. По сути, печатный станок создал новую культурную парадигму, где идентичные копии текстов стали доступны широким массам, что коренным образом преобразовало способы распространения знаний и формирования общественного сознания.

Во времена рукописных текстов распознать автора было практически невозможно, ведь книги много раз переписывались или писались несколькими людьми одновременно. Книгопечатание способствовало развитию индивидуализма и стремлению к самовыражению в обществе [1, с. 196].

Изобретение печатного станка привело к формированию «человека печатной культуры» и уже вскоре после изобретения появилось это понятие.

На ранних этапах развития книгопечатания и обособления визуальной культуры возник глубокий конфликт между эмоциональным («сердцем») и рациональным («умом») восприятием мира. Этот процесс автор называет «своего рода комическим лицемерием», подчеркивая его противоречивую природу: «раскол между сердцем и умом» стал следствием технологических и культурных изменений [1, с. 251].

Примечательно, что текст акцентирует внимание на необходимости сравнения разных интерпретаций этого раскола: «Интересно сравнить, как этот раскол видится» – что предполагает множественность точек зрения на проблему [1, с. 251].

«Человек печатной культуры» – человек, отличающийся визуальным восприятием и индивидуализмом, а также человек, оказавший влияние на формирование современного общества. Книгопечатание позволило людям мыслить и развивать свои мысли «право мыслить означает право читать все что угодно, написанное, где угодно, кем угодно и когда угодно» [1, с. 346]. Умение мыслить помогает в формировании и выражении своего собственного мнения. Чтение книг и газет привело к формированию активной гражданской позиции.

Интересно его наблюдение о том, что «лоскут книгопечатания создан аутсайдером, отчужденным индивидом» [1, с. 311], что указывает на связь между печатной культурой и процессами социального отчуждения.

Таким образом, «человек печатной культуры» представляет собой сложный феномен, сочетающий рациональность и индивидуализм с определенными формами отчуждения. Его появление действительно привело к трансформации общества того времени, но эта трансформация имела как позитивные, так и проблемные аспекты в будущем в связи с переходом в электронную эру и необходимости восприятия новой электронной реальности.

Библиографические ссылки

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры ; К.: Ника-Центр, 2004.

КОНЦЕПЦИЯ МАРГИНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА РОБЕРТА ЭЗРА ПАРКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н. Д. Романович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nadenuka8@gmail.com*

Научный руководитель — И. И. Екадумова, кандидат политических наук, доцент

В данной работе исследуется концепция маргинального человека Р. Э. Парка, рассматривающая индивида на периферии культур. Описывается роль маргинала в условиях глобализации, которая способствует распространению культур, языков, традиций, что порождает маргинальные группы. Анализируются особенности двойственного положения маргиналов и социальные последствия этого феномена в современном мире. Рассматриваются новые грани маргинальности: социальная, экономическая и гендерная.

Ключевые слова: маргинальность; маргинальный человек; глобализация; культура; гибридная идентичность; дискриминация.

Роберт Эзра Парк — известный представитель американской социологии, основоположник социологии города и один из создателей Чикагской школы социологии. Он известен как автор работ по экологии человека, социологии рас и этнических отношений, миграции населения, культурной ассимиляции, общественным движениям и социальной дезорганизации [3].

Р. Парк в своей работе «Культурный конфликт и маргинальный человек» осмысливает быстрый рост города Чикаго за счет эмигрантов. «Маргинальный человек Р. Парка находится в состоянии конфликта и раздвоения, а его действия детерминированы неспособностью к адаптации к новой культуре» [4]. Таким образом, маргинальная личность рассматривается как индивид, находящийся на стыке нескольких культур и обществ, сохраняющих существенные различия.

В современном мире, где происходит активное взаимодействие различных культурных норм и ценностей, особую значимость приобретает точное определение понятия глобализации. Глобализация представляет собой многомерный процесс всемирной интеграции и унификации в экономической, политической и культурной сферах [1]. Из данного определения следует, что глобализация способствует распространению и взаимопроникновению культур, языков, традиций и создает условия для создания единого культурного пространства, способствующего межкультурной коммуникации и взаимопониманию.

В раннем описании глобализации Парк предположил, что «огромное расширение Европы за последние четыреста лет» принесло повсюду взаимопроникновение народов и слияние культур, и в маргинальном человеке отражен «тип личности, если не полностью новый, то во всяком случае, особенно характерный для современного мира» [5]. Распространение культур и их производных (религия, язык, традиции, обычаи и др.) в процессе глобализации создает условия для маргинализации целых социальных групп, поскольку индивиды оказываются в пространстве, где различные культуры стремятся к синтезу и созданию их новых элементов и общностей. Этому процессу способствуют усиливающаяся прозрачность государственных границ, растущая взаимозависимость экономических систем и взаимопроникновение национальных культур [2].

Роль маргинального человека Р. Парка в условиях глобализации заключается в том, что такой индивид будет находиться на пересечении различных культур и социальных миров. Отсюда он является в какой-то степени космополитом, преодолевающим границы [5]. Такое положение приводит индивида к способности по-своему воспринимать и интерпретировать ценности принимающей страны, что позволяет ему интегрировать и адаптировать элементы различных культур. Это состояние двойственности может вызвать и внутренний конфликт, связанный с поиском собственной идентичности, а также приводит к тому, что представители как меньшинств, так и основной части общества могут ощущать угрозу потери своей уникальности, что отражается в общественных и межличностных конфликтах. Дискриминация, основанная на культуре, этнической принадлежности или религии, не только усугубляет социальное неравенство, но и создает труднопреодолимые барьеры в общении между различными социальными группами.

Маргинальность неизбежно несет за собой последствия, проявляющиеся в социальных, экономических и культурных сферах. Маргинализованные группы чаще всего были вынуждены создавать свои собственные сообщества, что могло привести их к изоляции от основной культуры. Это препятствует их интеграции, усугубляет предвзятость и делает мигрантов объектом дискриминации. Ограниченные возможности и дискриминация нередко становятся причиной экономических трудностей, усложняя социальное развитие и повышение уровня жизни этих групп. При этом сохранение такими группами своих традиций и языка может усиливать сплоченность внутри этих групп, но создавать барьеры для их интеграции в более широкую социальную среду.

Современный мир открывает новые грани маргинальности, отражая сложность вызовов глобализации. Среди них можно выделить социальную, экономическую и гендерную маргинальность. Социальная марги-

нальность представляет собой динамическое явление, возникающее на стыке традиционных социальных норм и индивидуальных стратегий социальной адаптации. Это явление имеет место тогда, когда индивиды или группы оказываются на периферии сложившейся социальной системы и помимо социальной мобильности осуществляют такую активность, которая ведет к реорганизации их социальных связей и статусов, что сказывается на окружающем обществе. Несмотря на то, что маргинальность способна расшатывать традиционные социальные структуры, она одновременно становится катализатором социальных инноваций и формирования новых общественных институтов. С экономической точки зрения, по мнению И. С. Карпиковой, маргинальные группы чаще всего формируются на почве бедности. Н. В. Антонов применяет гендерный подход к выявлению истоков маргинальности, обозначая, что пол определен на уровне биологической природы человека, а гендер выражает его социальную сущность [6]. Соответственно, проблемы положения в обществе индивидов с ненормативной для данного общества гендерной идентичностью, также являются частью исследовательской проблематики маргинальности.

Таким образом, идеи Роберта Парка о маргинальности сохраняют свою актуальность в контексте современного общества, имеющего социальные проблемы, обострившиеся в условиях глобализации. Его концепция маргинального человека, находящегося в состоянии конфликта между двумя культурами, помогает глубже понять процессы адаптации и аккультурации в современном мире. Современные мигранты, оказываясь в новых странах, сталкиваются с необходимой адаптацией и социализацией к чуждым нормам и традициям, что вызывает у них внутренний конфликт, описываемый Р. Парком. Вопросы сосуществования разных культур в таких условиях приобретают новую социальную значимость, выражаемые размытием культурных границ и изменением способов влияния на людей традиционных культурных ценностей.

Как отмечалось ранее, глобализация направлена на распространение культур, языков, традиций, что, в свою очередь, может привести к созданию маргинальных групп в современном мире. Так идеи Роберта Эзра Парка позволяют глубже изучить проблемы интеграции мигрантов и их взаимодействия с принимающим обществом в условиях глобализации, а также оказать воздействие при анализе влияния на социальную динамику культурных и этнических различий.

Библиографические ссылки

1. Малиновский А. С. Культурная глобализация (глокализация). Локальное и транснациональное [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2013. № 1 (129). С. 176–

179. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-globalizatsiya-glokalizatsiya-lokalnoe-i-transnatsionalnoe> (дата обращения: 14.04.2025).

2. *Нансо М. Д.* Маргинальность как характеристика современного мира [Электронный ресурс] // Социодинамика. 2019. № 6. С. 63–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnost-kak-harakteristika-sovremennogo-mira> (дата обращения: 14.04.2025).

3. Парк Роберт Эзра (перевод с англ.) [Электронный ресурс] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология: реферативный журнал / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам. - Москва: ИНИОН РАН, 1997. – С. 125–162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-037-040-park-robert-ezra> (дата обращения: 14.04.2025).

4. *Кочетков А. В.* Маргинальность как социальное явление: трактовка Роберта Парка [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 4. С. 96–103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marginalnost-kak-sotsialnoe-yavlenie-traktovka-roberta-parka> (дата обращения: 16.04.2025).

5. *Черная С. Е.* Современные тенденции в изучении маргинальности: все дальше от психологии [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». Гуманитарные науки. 2021 № 2 (54). С. 158–165. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-izuchenii-marginalnosti-vse-dalshe-ot-psihologii> (дата обращения: 15.04.2025).

6. *Широченко А. И.* Феномен маргинальности в контексте современных процессов [Электронный ресурс] // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. №. 2–4. С. 1012–1015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-marginalnosti-v-kontekste-sovremennyh-protsessov> (дата обращения: 15.04.2025).

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ОБЩЕСТВА ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭЛВИНА ТОФФЛЕРА

Е. К. Романчук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phs.romanchu@bsu.by
Научный руководитель — И. Ю. Тимоховцева, преподаватель*

В представленной научной статье рассматриваются основные идеи концепции общества третьей волны Элвина Тоффлера. Особое внимание уделяется таким характеристикам, как децентрализация, демассификация, трансформация трудовых и семейных структур, демаркетизация, рост влияния транснациональных корпораций и формирование планетарного сознания. Анализ показал, что данные изменения затрагивают все сферы жизни современного общества.

Ключевые слова: общество третьей волны; децентрализация; демассификация; демаркетизация; транснациональные корпорации; планетарное сознание; индивидуализация.

Согласно концепции Э. Тоффлера предлагается выделить следующие основные идеи общества третьей волны: децентрализация, демассификация в различных сферах, новая модель организации труда, демаркетизация, изменение номенклатуры профессий, трансформация семейных структур, могущество транснациональных корпораций, формирование групп с «планетарным сознанием». Далее подробнее о каждой идее.

Общество третьей волны основывается на децентрализации. Ранее существовавшие централизованные структуры постепенно уступили место непростым и автономным системам. Для таких систем характерно решение вопросов на разных уровнях, а не единым центральным управлением. Одним из проявлений децентрализации является бизнес-структура. «Большие компании торопятся разделить свои департаменты на более маленькие, более автономные профит-центры», т. е. прибыльные центры» [1, с. 419]. Компании отходят от жестких иерархических структур в сторону автономных подразделений. Что позволяет организации быстрее адаптироваться в условиях быстрых изменений внешней среды. Децентрализация характерна и для системы государственного управления. «Децентрализация стала “горячим” политическим лозунгом от Калифорнии до Киева» [1, с. 417]. Власть не концентрируется исключительно в руках центрального правительства, она частично передается автономным локальным и региональным правительствам. Такой перенос полномочий местным органам позволяет учитывать региональные осо-

бенности, что способствует быстрой адаптации политики к определенным условиям.

Немаловажной характеристикой общества третьей волны является отказ от массовости и стандартизации. Что проявляется во всех сферах жизни: в экономике, в политике, в культуре. Зарплаты и льготы стали различны у разных работников, а стандартизированные цены становятся менее стандартными [1, с. 413]. Универсальные стандарты в производстве, в культуре и в образовании уступили место разнообразию. Традиционная школьная модель, которая основана на стандартизации, уступает новым подходам, основанным на гибкости и индивидуальности. Элвин Тоффлер предполагает, что произойдет сокращение числа лет обязательного школьного образования, оно станет более разнообразным и тесно связанным с участием в экономике, иными словами, с работой. «Образование будет продолжаться в течении всей жизни» [1, с. 606] – утверждает Э. Тоффлер.

В экономике демассификация проявляется в отказе выпуска больших партий одинаковой продукции в сторону меньшего количества и индивидуальных запросов. Что позволяет каждому человеку получать товары, адаптированные под его собственные предпочтения.

Информация стала ценным ресурсом общества третьей волны. Тоффлер подчеркивает, что в новой цивилизации информация способна заменить многие материальные ресурсы. Ее ценность достигает невероятных масштабов. Средства массовой информации перестали быть централизованными источниками идеологических установок. В постиндустриальном обществе они становятся интерактивными и персонализированными. Вместо привычного вещания, которое преимущественно ориентированно на массовую аудиторию, появляются средства информации, обеспечивающие разнообразие и адаптирующиеся под персональные запросы и потребности аудитории. Элвин Тоффлер называет данный процесс «демассификацией средств массовой информации». Если раньше существовали лишь радио, телевидение и газеты, которые не предоставляли широкого разнообразия альтернатив, то теперь индивид способен выбирать из очень широкого диапазона вариантов, какую информацию он хочет потреблять. То есть потребление информации одного человека уже может совершенно не совпадать с другим, даже не иметь пересечений, что способствует формированию весьма разных индивидуумов по содержанию сознания. Тоффлер утверждал, что «в будущем телевидение даст начало «индивидео» – вещанию в узком диапазоне, передающем визуальные образы, адресованные одному человеку» [1, с. 560].

Более того демассификация средств массовой информации ведет к изменениям в психике, особенно в процессе формирования идентичности. Человек сталкивается с множеством ролевых моделей и стилей жизни, из-за этого ему становится свойственно сравнивать свою жизнь с чужой. Индивид может экспериментировать с различными ролями, тем самым формируя свою уникальную идентичность. «Революция средств коммуникации дает каждому из нас более сложный образ себя. Она делает нас еще более непохожими друг на друга» [1, с. 616]. Элвин Тоффлер предполагает, что в будущем индивиды будут гораздо сильнее отличаться друг от друга, они смогут лучше адаптироваться и проявлять больше индивидуальности.

Элвин Тоффлер считает, что привычная модель «работа с девяти до пяти» уходит далеко в прошлое. Общество Третьей волны пришло к изменению способов организации труда. Одним из них стало распространение неполной занятости. Уже в 1970-х годах в США наблюдался стремительный рост числа частично занятых работников, вплоть до 65% сотрудников работали в таком формате [1, с. 403]. Данный выбор связан с желанием людей иметь больше свободного времени, чтобы посвятить его занятиям, приносящим удовольствие: хобби, спорту, искусству или религии.

Еще одной тенденцией является стирание границ между потребителем и производителем. Элвин Тоффлер называет таких людей «производителями для себя», они создают товары не для продажи, а для личного потребления. Примером является развитие медицинских приборов, предназначенных для домашнего употребления, что сокращает число визитов к врачам, тем самым снижая зависимость от традиционной медицины [1, с. 430]. Появление «производителя для себя» приводит к демаркетизации, а в дальнейшем к постепенному снижению роли рынка в жизни общества.

В эпоху третьей волны наблюдается рост новых профессий, особенно в сфере «белых воротничков» и сфере обслуживания [1, с. 377]. По мере сокращения традиционных рабочих мест, рынок наполняется совершенно новыми вариантами. Одним из наиболее распространенных вариантов стала сфера, связанная с обработкой данных и компьютерными технологиями. Помимо этого, работники становятся менее взаимозаменяемыми. Они осознают свою уникальность как этническую, так и профессиональную. Более того, они стараются подчеркивать свои особенности. «По всему миру этнические меньшинства требуют признания своей индивидуальности и прав на работу, прибыль и продвижение в корпорации» [1, с. 378]. Корпорациям, в свою очередь, приходится мириться с возникшим изменениями.

Стоит упомянуть и о демографических изменениях, включающих трансформацию семейной структуры, распространение новых форм совместного проживания и отказ от рождения детей. В эпоху третьей волны произошел рост числа людей, живущих в одиночестве. Такая тенденция возникает не только из-за того, что люди вынуждены вести подобный образ жизни, многие целенаправленно выбирают это. Отдельную категорию составляют те, кто живут «между браками», то есть состоявшие прежде в браке, которые на данный момент живут в одиночку. Рост числа одиночек повлиял на социальные институты и экономику. Индустрии недвижимости пришлось адаптироваться под новые потребности людей, а именно создавать небольшие квартиры и дома, подходящие для проживания одного человека.

Помимо одиночек увеличилось количество пар, сознательно отказавшихся от брака и детей. Например, в 1960 году 20 % замужних американок до 30 лет не имели детей, а к 1975 году эта цифра возросла до 32% [1, с. 349]. Причиной такого выбора является желание сохранить привычный образ жизни. Также наблюдается рост числа семей с одним родителем, что связано с частыми разводами в нуклеарных семьях. Некоторые страны ввели меры для поддержки одиноких родителей, к примеру, в Скандинавии были приняты законы для повышения благосостояния подобных семей, а в Швеции предоставляют услуги по присмотру за детьми в дневное время [1, с. 350].

В технологически развитых странах наблюдается широкий спектр типов семей: коммуны, группы пожилых людей (живущих для объединения расходов), договорные браки, семейные группы и другие формы. Одним из новых типов семей является тип «общих семей», когда партнеры, имеющие детей, после развода вступают в новый брак [1, с. 351]. Иногда такие семьи называют семьями «с многими родителями», так как две объединенные семьи передают друг другу деньги на содержание детей, а также участвуют в их воспитании.

Таким образом особенностью общества Третьей волны является отход от единой модели семьи и переход к большому количеству разнообразных форм семейных отношений.

Эпоха третьей волны с точки зрения Тоффлера глобально трансформирует общество, где государства-нации теряют свою роль. Одним из главных изменений является развитие транснациональных корпораций (далее – ТНК). ТНК не ограничены рамками одной страны, такие компании способны влиять на национальную экономику, тем самым ослаблять роль государства. «Размеры, значение и политическое могущество этих новых игроков в общемировой игре неуклонно возрастает с середины 50-х годов» [1, с. 513] – пишет Тоффлер. Государства-нации

не справляются с глобальными проблемами, в результате чего появляются новые формы власти: наднациональные организации, межнациональные ассоциации, профсоюзы. Примером может являться создание Европейского союза, ведь европейским государствам пришлось создать единую валютную систему, парламент и общий рынок. Элвин Тоффлер считает, что третья волна формирует общество, чьи интересы шире, чем национальные. Называет он это «планетарным сознанием», им обладают интеллектуалы, деятели многонациональных корпораций, борцы за охрану окружающей среды, финансисты и многие другие.

Общество третьей волны является совершенно новой моделью цивилизации, которая основана на децентрализации, индивидуализации и информации. Изменения, которые принесла третья волна меняет все сферы жизни, разрушая устаревшие структуры и открывая путь чему-то новому.

Библиографические ссылки

1. *Тоффлер Э.* Третья волна ; М. : ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999.

НОСТАЛЬГИЯ КАК ТРЕНД: РЕТРОКУЛЬТУРА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

М. В. Смольская¹⁾, Я. И. Ярошевская¹⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, smolskaamargarita7@gmail.com
Научный руководитель — У. П. Масалович, старший преподаватель*

В статье рассматривается рост популярности ретрокультуры среди молодежи, анализируются основные причины этого явления: поиск вдохновения, стремление прочувствовать атмосферу прошлого, влияние социальных сетей. Опрос показал, что ретро привлекает эмоционально, помогает романтизировать жизнь и интегрируется в повседневность молодых людей.

Ключевые слова: ретрокультура; ностальгия; ретро-аттрибутика; ретро-техника; интересы молодежи.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в наше время все больше молодых людей интересуется ретрокультурой. В нашей работе мы рассмотрим причины данного интереса, растущую популярность этого феномена, факторы, влияющие на нее, а также какие элементы ретро культуры используются молодежью чаще.

Ретро – (от лат. «retro» - в обратном направлении, назад) – стилевое направление, основа которого – аутентичные или искусственно составленные детали и предметы интерьера второй половины 20 века.

Многие ученые уже изучали феномен популярности ретро культуры у молодого поколения. В исследованиях выделяются следующие основные причины.

1. Использование элементов ретро культуры помогает молодежи почувствовать атмосферу времени, в котором они никогда не жили [1; 2].
2. Ретро атрибутика помогает человеку выразить свою индивидуальность и, как следствие, ощущать себя увереннее [3].
3. Старые вещи часто сделаны качественно и могут прослужить дольше современных аналогов [4].
4. Ностальгия [5].

Мы согласны с мнениями исследователей, но также мы хотим внести дополнения и выявить другие причины появления данного интереса.

В первую очередь мы считаем, что на появление заинтересованности ретрокультурой большое влияние оказывает окружение человека. Речь идет не только о физическом окружении, но и контенте в социальных сетях, который человек просматривает, и о людях, с которых человек берет пример для подражания.

Еще одно предположение, которое мы бы хотели исследовать, заключается в том, что для молодых людей ретро-техника и вещи кажутся более «настоящими» и душевными. Можно привести в пример процесс фотографии. В современном мире существует огромное количество телефонов, с очень хорошими камерами. Процесс фотосъемки занимает всего несколько секунд. В то время как при съемке на старые фотоаппараты (самым популярным ретро вариантом являются «мыльницы») процесс превращается в ритуал: он занимает больше времени и больше усилий, чтобы получился хороший и качественный кадр. Сейчас людям очень не хватает жизни «в моменте», т.к. они постоянно устремлены в будущее, и процесс фотосъемки на фотоаппарат позволяет замедлиться и получить удовольствие от самого процесса, а не от результата.

Для многих людей, особенно увлекающихся творчеством, период 50-х, 60-х и других десятилетий до 2010-х может служить вдохновением для написания книг, картин. Многие музыканты это может вдохновить на новые произведения, т.к. очень большое количество популярных жанров, которые не теряют своей актуальности до сих пор, появились именно в 1970-е (появление диско, хэви-метала и панк-рока), 80-е (расцвет синтипопа и глэм-рока), 90-е также стали культовыми: появилось направление гранж в роке и развитие рэпа и, конечно, начало 2000-х (поп-музыка 2000-х). А использование виниловых проигрывателей или МРЗ-плееров поможет добиться вдохновения.

Следующей задачей нашей научной работы являлось определение элементов ретрокультуры, которые являются наиболее используемыми среди молодежи. Нами были выбраны следующие варианты: фотоаппарат-мыльница, классический фотоаппарат, виниловый проигрыватель, виниловые пластинки, проигрыватель и кассеты, МРЗ-плеер, винтажная одежда или одежда в стиле ретро, плакаты, фигурки и атрибутика поп-культуры, косметика, флаконы духов и украшения того времени, CD-диски. Наш выбор обоснован следующими причинами:

- 1) у нас/нашего окружения есть данные вещи;
- 2) определенные предметы из перечисленных набрали популярность в социальных сетях или среди культуры молодежи в целом;
- 3) существует большое количество магазинов в социальных сетях и физических магазинов, торгующих определенными категориями товаров в стиле ретро или сделанными в тот период.

Также нами была поставлена задача определить, какое именно 10-тилетие интересует молодежь больше всего.

Для достижения поставленных задач изучения и подтверждения или опровержения предложенных нами причин интереса к данной культуре у молодежи нами было принято решение провести анкетный опрос. Нами

была опрошена молодежь (возрастом 14-31 год). В нашем опросе приняло участие 31 человек. Среди них 27 женщин, 3 мужчины и один человек пожелавший не раскрывать информацию о своем поле. Нами были заданы вопросы касающиеся:

- 1) присутствия интереса к ретрокультуре и ее атрибутам;
- 2) причин данного интереса, если он имеется;
- 3) наличия у участников опроса ретро-вещей;
- 4) периода (с 1950-х до начала 2000-х), который вызывает наибольший интерес у опрашиваемых (нами было принято решения сгруппировать варианты ответов по десятилетиям);
- 5) интереса к данной теме среди знакомых опрашиваемых и наличия контента, связанного с ретро культурой в социальных сетях.

Проведенный нами опрос показал, что интерес к ретрокультуре среди молодежи действительно существует. Большинство респондентов (71%) выражают интерес к ретрокультуре и ее атрибутам. Ответы на вопрос о причинах этого интереса позволили нам выделить сразу несколько значимых факторов. Наиболее популярными вариантами ответов из них оказались поиски вдохновения (45,2%), стремление «прочувствовать» атмосферу времени «чужого прошлого» (41,9%), а также потребление контента в социальных сетях по этой теме и особое восприятие ретро-вещей и техники (35,5%). Люди сознательно выбирают более «медленные» и тактильные форматы взаимодействия с техникой, чтобы лучше ощутить жизнь «в моменте». Полученные ответы позволили нам лучше понять мотивы опрошенных, стоящие за их интересом: ретро привлекает молодежь не только как визуальный или аудиальный стиль, но и как способ эмоционального и культурного переживания другой эпохи, а также это свидетельствует о том, что ретрокультура перестает быть нишевым интересом и постепенно интегрируется в повседневную жизнь молодых людей, посредством социальных сетей. Многие участники опроса отметили, что часто потребляют медиа-контент, связанный с ретрокультурой (35,5%). Это является показателем того, что молодежь не просто следует тренду, а сама формирует устойчивый спрос на него. Материальное присутствие ретро в своей жизни подтвердило 20 человек, трое из которых самостоятельно и целенаправленно приобрели такие предметы. Еще восемь респондентов выразили желание приобрести ретро-вещи в будущем. Среди самих атрибутов по распространенности лидировали CD-диски, виниловые пластинки, проигрыватели, кассеты и различные предметы поп-культуры того времени, такие как фигурки, постеры или комиксы.

Интересно, что большинство (39%) опрошенных не выделяют какой-либо конкретный период. Из этого мы можем сделать вывод, что

молодых людей привлекает не столько конкретная эпоха, сколько атмосфера, настроение и эстетика самого прошлого. Восприятие ретрокультуры, таким образом, носит в первую очередь эмоциональный, а не исторический характер. А это означает, что для многих молодых людей ретрокультура является способом романтизации своей жизни.

Как показал наш опрос: интерес к ретро – это не единичный случай. 61,3% респондентов отметили, что хотя бы несколько их друзей или знакомых проявляют интерес к данной теме, что указывает на ее широкое распространение в молодежной среде. Важно отметить, что такой интерес поддерживается и усиливается через массовые коммуникации: социальные сети, блоги, музыкальные платформы и стриминговые сервисы. Молодежь, являясь не только активными потребителями, но и создателями контента, влияет на культурную среду, где ретро все чаще становится символом искренности в цифровую эпоху.

Библиографические ссылки

1.Новоселова С. Старые шмотки, новые симулякры. Молодежь выбирает винтаж. – URL: <https://m.47news.ru/articles/250767> (дата обращения: 18.04.2025).

2.Барсегов Н. Почему молодежь тянет в прошлое: психолог объясняет феномен ностальгии по СССР. – URL: <https://top68.ru/articles/society/2024-12-04/pochemu-molodyozh-tyanet-v-proshloe-psiolog-ob-yasnyayet-fenomen-nostalgii-po-sssr-260134> (дата обращения: 18.04.2025).

3.Почему ретро-дизайн так популярен? // Medium. – URL: <https://www.uprock.ru/articles/pochemu-retro-dizayn-tak-populyaren> (дата обращения: 18.04.2025).

4.Милош А. Мода на винтаж: почему старые вещи популярны у молодежи? – URL: <https://aussiedlerbote.de/2025/04/moda-na-vintazh-pochemu-starye-veshhi-populyarny-u-molodezhi/> (дата обращения: 20.04.2025)

5.Ретро-маркетинг: Как старые идеи остаются востребованными в современности // sure md. – URL: <https://www.sostav.ru/blogs/277377/54082> (дата обращения: 20.04.2025).

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ КОСПЛЕЙ И ИГРОВЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ В БЕЛАРУСИ

М. В.Смольская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, smolskaamargarita7@gmail.com
Научный руководитель — У. П. Масалович, старший преподаватель*

В статье рассматриваются особенности развития косплей и игровых фестивалей в Беларуси, анализируется социальный портрет их участников, мотивация посещения и основные проблемы. На примере фестиваля «Темные материи» выявлены ключевые плюсы и недостатки, а также эффективные способы продвижения подобных мероприятий.

Ключевые слова: косплей; косплей-фестиваль; фанстенд; выставка-конвент; кросстендовый квест.

Наша работа посвящена гейм и косплей фестивалям. Поэтому начать хотелось бы с определения этого понятия. Также дадим определения другим важным понятиям, без которых понимание данной работы может быть затруднено.

Фестивали чаще всего организовываются в ДК (Дворцах культуры) или на любых других различных (доступных) площадках. Наполняемость программы разнообразна: дефиле одиночные и групповые, вокал, сценки, танцы, музыкальные выступления и конкурсы.

Остановимся подробнее на терминах, связанных с косплей-фестивалями. Фан-стендом называется инсталляция, заранее сооружаемая командой для представления вселенной игры/книги/аниме/фильма/книги/и т.д. в рамках проведения фестиваля. На стендах проводятся интерактивы с посетителями для знакомства гостей фестиваля с представляемым фандомом. Также стенд может осуществлять торговлю товарами и услугами по представляемой вселенной.

Косплей — полное воссоздание образа героя, включая одежду, крафт и даже характер. Но если говорить простыми словами, люди переодеваются в костюмы и отыгрывают персонажей.

Косплей-дефиле — демонстрация костюма персонажа и его презентация на сцене [1].

Обратимся к эволюции косплей фестивалей на территории Беларуси.

Все началось в 2006 году, когда в Беларуси была небольшая, но активная аниме-тусовка. В России уже существовали фестивали, посвященные аниме, например, старейший в СНГ аниме-фестиваль — Воро-

нежский, который впервые прошел в 2000 году. А в Беларуси все ограничивалось небольшими локальными мероприятиями. Само слово «косплеер» тогда только-только входило в обиход, было новым и необычным. Анимешники организовывали небольшие вечеринки, встречи и прогулки в городе, выезды на природу и многое другое.

Идея провести собственный фестиваль буквально «витала в воздухе», поэтому в 2006 году независимо появилось две группы, планировавшие организовать первый аниме-фестиваль. Начав работать, они обнаружили существование друг друга и после переговоров слились в одну команду и организовали фестиваль «Хиган». Самый первый «Хиган» проходил в ЦДО ДиМ «Эврика». Организаторы планировали, что придет максимум 200 человек, но пришло 500 (и это без участников). Косплееров тогда было около 150-200 человек. Далее фестиваль начал набирать популярность и считался самым масштабным в Беларуси. Он проходил в ДК «МАЗ» в Минске. Однако в 2023 году прекратил свою деятельность.

На данный момент самым масштабным фестивалем в Беларуси считается «UNICON». Первая попытка провести «UNICON» была в 2012, но по факту получилась вечеринка примерно на 100 человек. Как такового конкурса косплея не было. Но в 2013 прошел полноценный фестиваль, и с косплеем там было все отлично. Фестиваль существует до сих пор и является очень успешным и популярным.

Популярность фэнтези, фантастики, комиксов и аниме растет, поэтому фестивалей становится больше. Так в 2015 году в Гомеле впервые прошел «FreeTime-Fest». Это ежегодный мультифандомный фестиваль, организованный аниме сообществом «Free Time-Clan». А в 2017 году в Минске состоялся первый «Webcon» - ежегодный фандомный фестиваль современной западной и восточной молодежной культуры [2].

В нашей работе будет рассмотрен анализ фестиваля «Темные материи», который проходил в марте этого года. Остановимся на нем более подробно. «Темные материи» – выставка-конвент компьютерных и настольных игр, киберспорта, фантастики, фэнтези, комиксов, косплея и разработок.

Впервые выставка прошла в 2022-м году как «спин-офф» уже известной у аудитории выставки «UNICON & GAME EXPO». Сегодня «Темные материи» – это не просто выставка для поклонников, это целая экосистема, в которой каждый может найти свое сообщество по интересам: обучение в сфере IT и дизайна, увлечение фильмами и сериалами, и просто любовь к играм.

Выставка-конвент включает в себя: кросстендовый квест, фанстенды, стенды атрибутики и аксессуаров, инди-хаб, конкурс косплея,

«art lane», лекции и мастер классы и различные конкурсы (конкурс сказок, конкурс косплей-сценок, конкурс комиксов) [3].

Мы выделили следующие цели нашей работы: проанализировать социальный портрет людей, пришедших на фестиваль (возрастной контингент, пол, первый ли это их фестиваль), рассказать про плюсы фестиваля, узнать, что именно людям нравится больше всего в фестивалях такого плана, а также выявить неудобства, с которыми столкнулись опрашиваемые и продумать пути решения этих неудобств, которыми организаторы фестиваля смогут воспользоваться. Еще одной важной целью является выяснить, каким образом люди узнают о фестивале: причиной посещения является сарафанное радио или удачная рекламная кампания организаторов.

Для достижения поставленных целей было принято решение провести анкетный опрос посетителей. Всего в опросе приняло участие 37 человек. Число женщин составило 25 человек, мужчин – 10, и 2 человека решили не указывать свой пол. Большинство опрашиваемых относятся к возрастной группе от 23 до 30 (17 человек), на втором месте возрастная группа от 18 до 22 (12 человек), далее идет группа 14-17 (6 человек) и 2 человека относятся к возрастной группе 31+. Далее мы выяснили, кем являются опрашиваемые: участниками фестиваля (косплеер, участник стенда, волонтер или продавец-ремесленник) или гостем фестиваля. Опрос показал, что 20 человек из опрашиваемых (а это 54%) являются гостями фестиваля, 11 человек (29,7%) – участниками стендов, 5 человек (13,5%) выбрали вариант, то, что они являются косплеерами и 1 человек являлся ремесленником-торговцем. При этом для 12 человек этот фестиваль является первым тематическим фестивалем в их жизни, а для 25 опрашиваемых-нет.

Теперь, охарактеризовав опрашиваемых, можно перейти к анализу самого фестиваля: понравился ли он посетителям, плюсы и недостатки фестиваля. Ответы показывают то, что людям очень нравится фестиваль, они оценили его очень высоко-9.27 (из 10). Больше всего понравились тематические стенды, это можно объяснить тем, что они являются основной развлекательной программой для посетителей: выполнение кросстендового квеста бесплатно и очень интересно даже для тех, кто пришел один или впервые. Квесты продуманы таким образом, чтобы каждый нашел для себя занятие на фан-стенде, которое хотел бы попробовать, и добрые участники стенда готовы всем в этом помочь. Также посетители получают возможность выиграть очень хорошие призы, при выполнении определенного количества заданий. Поэтому лидирующие позиции данного варианта ответа легко объяснимы. Второе место занял вариант ответа «атмосфера фестиваля». Люди приходят на данное меро-

приятие добровольно и для души. Фестиваль является местом сбора людей, с одинаковыми интересами и увлечениями. Участники фестиваля всегда готовы помочь, а косплееры вряд ли откажут в фотографии, если их об этом попросить. За счет этого, атмосфера фестиваля, и правда, является очень доброй и комфортной. Далее места распределились следующим образом: продукция ремесленников/продавцов, одинаковое количество голосов набрали конкурс косплея и конкурсы (на стендах и не только), гостевое дефиле (возможность для косплееров, незарегистрированных в конкурсе косплея выйти на сцену и показать свой костюм), лекции в конференц-зале.

Теперь очертим проблемы и неудобства, с которыми столкнулись гости и участники. Самой большой проблемой стало то, что в помещении было очень душно, но при этом на улице все еще было холодно. Для решения данной проблемы, организаторы могут арендовать помещение с кондиционером и хорошей вентиляцией. Многих людей все устроило и минусы для себя они не нашли (11 человек). Далее явных проблем выделено не было, т.к. остальные варианты ответа были выбраны 1-2 раза. Но тем не менее некоторые посетители столкнулись с одиночеством. Данную проблему организаторы решить не в силах, тут уже ответственность лежит на самом человеке: на фестивале есть огромное количество возможностей завести новые знакомства и, также, существуют специальные чаты, где люди ищут компаньонов, чтобы пойти на фестиваль вместе. По одному голосу набрали следующие варианты ответов: нет любимого стенда, не понравились призы/мало призов, большое количество людей, теснота в здании.

Однако, несмотря на описанные неудобства, все опрашиваемые планируют прийти снова, причем 2 человека уже в качестве косплеера. Это означает то, что данный фестиваль и люди, принимающие в нем участие вдохновили этих 2 человек на творческое проявление себя с помощью косплея.

Отдельно был задан вопрос, что бы опрашиваемые хотели бы улучшить в фестивале и поступили следующие предложения: больше стендов и конкурсов, больше сцену, пункт с кофе и холодными напитками, а также приглашенных интересных людей: актеры, писатели, блогеры. Данные приглашения активно реализуются на фестивалях в других странах, однако до нас такая практика еще не дошла.

Теперь, проанализировав ответы респондентов, можно будет узнать, как именно люди узнали о фестивале: сарафанное радио или удачная рекламная кампания самого косплей-фестиваля. Опрос показывает то, что большая часть опрашиваемых узнала о фестивале от друзей или знакомых (24 человека из 37). Остальные варианты ответа были свя-

заны с продвижением самого фестиваля и опрос показывает то, что самой эффективной рекламой служили соцсети фестиваля (7 человек), часть людей случайно увидели рекламу в интернете (3 человека), 2 человека нашли информацию о фестивале в «Инстаграме» и 1 из «ТикТока». Это позволяет сделать вывод о том, что основное продвижение фестивалю дают люди и рассказы людей о фестивале знакомым и друзьям.

Библиографические ссылки

- 1.Что же такое косплей-фестиваль или где выступают косплееры? // dzen.ru. – URL: <https://dzen.ru/a/YkneGCqbURGBLym7> (дата обращения: 16.04.2025).
- 2.Фестиваль косплея в Минске. Хиган, Unicon,Webcon и другие. – URL: <https://poshyk.info/festival-kospleya/> (дата обращения: 16.04.2025).
- 3.Выставка-конвент «Темные материи IV и Инди Хаб». – URL: <https://gameexpo.by/dark-matters> (дата обращения: 14.04.2025).

КРЕАТИВНОСТЬ И ТЕЛЕСНОСТЬ В ТЕОРИИ Х. ЙОАСА

М. Г. Соколовская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, mary_sokol2007@icloud.com
Научный руководитель — А. А. Похомова, кандидат социологических наук, доцент*

В статье анализируется роль телесности в теории креативного действия Ханса Йоаса. Подчеркивается значение телесности в качестве фактора социального действия. Рассмотрено понятие «телесная схема» («образ тела») во взаимосвязи с интерсубъективными основами действия.

Ключевые слова: креативное действие; креативность; телесность; социальное действие; телесная схема; инструменталистское отношение; интенциональность.

В современном мире, детерминированном политическими, экономическими и социальными изменениями, ученые вынуждены исследовать механизмы креативного действия, для объяснения способов решения проблем субъектами.

Х. Йоас является известным немецким социальным философом и социологом, а также членом международных социологических организаций. Его идеи оказали значительное влияние на формирование теоретического фундамента современной социологии. Развивая теорию социального действия, предложенную М. Вебером, Х. Йоас интегрирует идею креативности. Ученый вводит понятие креативного действия, под которым понимает процесс, соотнесения индивидом своих действий с конкретными обстоятельствами, адаптируя их к текущей ситуации. При реализации действия осуществляется акцент на жизненный опыт, творческие импульсы и интуитивные стремления человеческого тела. Важным аспектом социального действия является влияние внешних условий, так как они вносят изменения в изначальные планы и побуждают переосмысливать цели и корректировать используемые способы их достижения для более эффективной адаптации к окружающей реальности. По мнению Х. Йоаса, телесность играет ключевую роль не только в процессе восприятия, но и в осуществлении самого действия. Поэтому ученый рассматривает телесность как один из главных факторов креативности. Х. Йоас считает, что социологическая теория изучает телесность как фактическую основу действия, но не уделяет ей достаточно внимания [1, с. 117].

Социология тела – это отрасль социологии, изучающая представления о человеческом теле и социальном значении телесности в современных обществах. Вопросы человеческой телесности начали активно ис-

следоваться социологами относительно недавно, во второй половине XX века, с ростом популярности социологии повседневности. Телесность человека обрела статус автономного объекта социологического анализа благодаря переосмыслению понятия «социальное действие» [2, с. 10].

В своей работе Х. Йоас обращается к трудам множества авторов, занимавшихся изучением телесности. Опираясь на их работы, ученый переосмысливает роль телесности в процессе действия. Х. Йоас развивает идеи таких представителей как Н. Элиас и М. Фуко, исследовавших отношение к собственному телу в различные исторические эпохи. В их работах рассматривалось влияние различных процессов на формирование культуры, в которой человек воспринимается как рациональный актор. Н. Элиас выделял усложнение социальных связей в обществе, а М. Фуко анализировал власть и дисциплину как механизмы, формирующие рационального субъекта. Следует учитывать, что невозможно представление тела как полностью управляемого: в жизни всегда существует возможность не только для строгого контроля, но и для более свободных, творческих способов взаимодействия с телом [1, с. 118]. Именно поэтому Х. Йоас говорил, что «теория действия должна изучать как установление контроля над телом, так и развитие способности к его ослаблению, то есть интенциональную редукцию инструментализации тела» [1, с. 118].

Со второй половины XX века, в рамках социальных исследований, совершаются попытки преодоления ограничения инструментального подхода исследования телесности. В рамках данного подхода фокусируется внимание на способность к интенциональным действиям, посредством реакций, движения тела не совпадают с намерениями, демонстрируемые сознанием. В качестве примера Х. Йоас рассматривает смех и плач, так как данные действия, с одной стороны, свойственны только человеку, но вместе с тем не могут совершаться в полном смысле слова интенционально. Х. Йоас отмечал, что «мы «вынуждены» смеяться или плакать, но это принуждение знакомо только человеку как «способному к действию существу» [1, с. 119]. Смех и плач составляют важную эмоциональную роль, демонстрируя утрату контроля над естественными реакциями тела. Они возникают, когда неоднозначность событий становится непосильной для человека и вызывает у него страх. Если теория социального действия стремится объяснить все разнообразие человеческих реакций, такие как сон, смех и плач, то концепции «пассивной интенциональности» и «осмысленной утраты интенциональности» подчеркивают необходимость осознания роли тела как важного аспекта в понимании действий субъекта.

Х. Йоас отмечает, что в теории социального действия остается две неисследованные области: во-первых, необходимо исследование биологических факторов необходимых для совершения действия; во-вторых, необходимо изучение процессов формирования телесности действующего субъекта [1, с. 120]. Исследования на эти темы Х. Йоас проводил совместно с немецким философом и социологом А. Хоннетом, основываясь на идеях немецкого ученого А. Гелена, являвшегося одним из ведущих представителей философской антропологии. Его подход ценен тем, что он не сводит человеческое действие лишь к животным инстинктам. А. Гелен изучает организменные и эволюционные предпосылки, формирующие специфику человеческого поведения. Он отмечает, что инструментализация субъектом собственного тела выступает результатом развития личности. При рассмотрении способности к действию в качестве итогов развития в фокусе исследователей остается «телесная схемы», или «образ тела».

Под «телесной схемой» («образ тела») понимают субъективное восприятие собственного тела человеком. Телесная схема включает в себя представления о форме, движениях и границах тела, конструируется с раннего детства через опыт, накопленный посредством социального взаимодействия. В связи с этим, несмотря на принадлежность к окружающему миру, обладает отличительными чертами, не присущими другим объектам [1, с. 123].

В своей работе, Х. Йоас, основываясь на трудах М. Мерло-Понти и Дж. Мида, приходит к выводу о необходимости дальнейших исследований причин возникновения инструменталистского отношения к телу. Он предполагает, что данное отношение действующего субъекта определяется интерсубъективными структурами, к которым относятся культурные нормы и традиции, социальные роли и ожидания. Тогда, по словам Х. Йоаса, «Мы можем относиться к нашему телу как мать, которая чутко воспринимает все сигналы, идущие от ее ребенка, и благосклонно реагирует на них» [1, с. 128]. Однако субъект может игнорировать или подчинять сигналы собственного тела, превращая его в своеобразный инструмент для достижения определенных целей. Ярким примером взаимодействия телесности и креативности выступает музыка шотландской перкуSSIONИСТКИ и композитора Эвелин Гленни. Известно, что исполнение музыки требует не только технического мастерства, но и телесного вовлечения. Пианист использует движения рук и пальцев, чтобы передать эмоции и создать уникальное звучание, а барабанщик взаимодействует с ритмом через физическую динамику. Э. Гленни практически полностью потеряла слух в детстве, но не прекратила занятия музыкой. Она научилась воспринимать музыку через тактильные ощущения, чувствуя виб-

рации инструментов всем телом. Благодаря этому она стала одной из самых известных ударниц в мире, доказывая, что музыка — это не только звук, но и физическое восприятие.

Таким образом, мы видим, что включение проблематики телесности в анализ креативности действия позволяет расширить границы понимания человеческого поведения. Тело субъекта формируется посредством реконструирования телесной схемы, которая создается благодаря длительному опыту взаимодействия с другими людьми. Следовательно, восприятие тела не является статичным, а постоянно изменяется под влиянием окружающей среды и социальных контактов.

Библиографические ссылки

1. *Йоас Х.* Креативность действия // пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.
2. *Пивоваров А. М.* Социология тела в поисках своей идентичности: анализ исследовательских программ // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 9–27.

МЕТАВСЕЛЕННАЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. И. Храпун

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, elizavetahrapun@gmail.com
Научный руководитель – Ю. Ю. Гафарова, кандидат философских наук, доцент*

Статья посвящена проблеме существования метавселенной как малоизученного феномена современного общества. Раскрываются векторы трансформации ключевых аспектов человеческой деятельности в контексте внедрения метавселенной. Объектом исследования является метавселенная, целью – выявление перспектив использования метавселенной в образовании, науке, экономике и социальной политике. На сегодняшний день исследования, посвященные данной теме, являются малочисленными и недостаточно представленными в открытом доступе. Это подчеркивает значимость текущей работы, которая может стать основой для дальнейших исследований и разработки программ, направленных на повышение осведомленности общества о метавселенной и прогнозирование ее влияния на человеческое общество.

Ключевые слова: метавселенная; виртуальная реальность; виртуальное пространство; коммуникация.

В данной статье рассматривается метавселенная как инструмент повышения эффективности человеческой деятельности в таких сферах общества, как образование, экономика, наука и социальная политика. Текущие исследования по данной теме имеют ограниченный объем и быстро устаревают в условиях стремительного развития метавселенной, потому необходимо обновление информационной базы и глубокий анализ данного явления. Цель настоящей работы заключается в адаптации теоретического аппарата к новым условиям и прогнозировании влияния метавселенной на общество в будущем.

Метавселенная – это масштабная и взаимодействующая сеть 3D виртуальных миров, отображаемых в реальном времени, которые могут быть синхронно и настойчиво пережиты фактически неограниченным числом пользователей с индивидуальным ощущением присутствия и непрерывностью данных [2].

Метавселенная представляет собой новую технологию, способную преобразовать все сферы жизни. Метавселенная становится ядром новых перспектив, включая увеличение эффективности работы государственных институтов и служб, а также повышение эффективности образовательного процесса за счет снижения издержек и ускорения обучения и, соответственно, повышения коэффициента обучаемости. Потенциальный вклад метавселенной в мировое развитие трудно оценить из-за ее

обширного воздействия, поэтому далее будут поочередно рассмотрены основные изменения и возможности, появившиеся в коммерческой и некоммерческой сферах деятельности человека.

Метавселенная представляет собой мощный инструмент, способствующий повышению эффективности образовательного процесса благодаря внедрению различных технологий и функций. Качество и скорость обучения могут быть значительно улучшены с использованием искусственного интеллекта, который обеспечивает индивидуальный подход к каждому студенту, позволяя многократно повторять материал на различных уровнях сложности. Интерактивные элементы в обучении, такие как участие в обучающих симуляциях и возможность взаимодействия с учебными материалами, способствуют повышению вовлеченности учащихся. Согласно исследованию «PwC», использование технологий виртуальной реальности и геймификации позволяет студентам завершать обучение в четыре раза быстрее по сравнению с традиционными аудиторными занятиями и в 1,5 раза быстрее, чем при использовании электронного обучения. Дистанционный формат обучения также предоставляет возможность иногородним студентам сократить затраты на аренду жилья и уменьшает финансовую нагрузку на государственные учреждения, ответственные за содержание общежитий и университетских корпусов. Метавселенная является эффективным средством для создания симуляций, что позволяет обучать кадры в безопасной среде и отрабатывать практические навыки, особенно в профессиях с повышенной ответственностью. Таким образом, использование метавселенной и ее возможностей может привести к увеличению эффективности обучения в четыре раза по сравнению с традиционными методами, благодаря применению искусственного интеллекта, интерактивности, геймификации и симуляций [1].

Основными факторами воздействия метавселенной на экономику являются представление бизнеса в виртуальном пространстве и цифровизация товаров. Создание реалистичных интернет-магазинов в 3D-пространстве может существенно снизить затраты физических магазинов на логистику, содержание торговых помещений и офлайн-обслуживание клиентов. Данное направление уже активно развивается в 2D-среде с использованием технологий web 2D, переход к виртуальной 3D-реальности обещает повысить качество взаимодействия клиентов с торговыми точками и бизнесом в целом.

Метавселенная способна существенно ускорить развитие научных исследований. Она предоставляет возможность проводить качественные исследования, сохраняя невербальную составляющую коммуникации и вовлеченность респондентов. Дистанционный формат не только расши-

ряет круг участников исследований, но и поддерживает уровень результативности, сопоставимый с традиционными офлайн-исследованиями. Использование симуляций в метавселенной позволяет точно воссоздавать социальные явления и феномены для проведения экспериментов и их детального изучения. Кроме того, это открывает возможность тестирования методов управления финансами и предприятиями в условиях, приближенных к реальным. Таким образом, метавселенная представляет собой мощный инструмент для повышения качества и увеличения эффективности научных исследований.

Метавселенная открывает новые возможности в проведении социальной политики. Обслуживание граждан государственным сектором станет более быстрым и качественным при условии внедрения искусственного интеллекта, выполняющего различные операции и консультирующего граждан. Станет возможен одновременный прием всех обращающихся граждан без очередей, без необходимости физического присутствия и без затрат на персонал [3].

Таким образом, метавселенная является мощным инструментом, способным усовершенствовать основополагающие сферы человеческой жизнедеятельности. Потенциальный вклад метавселенной в глобальное развитие является значительным, что подчеркивает необходимость дальнейшего изучения изменений и возможностей, связанных с ее развитием и интеграцией в общество.

Библиографические ссылки

1.A Detailed Guide to the Metaverse in Education. – 2023. – URL: <https://pixelplex.io/blog/metaverse-in-education/> (дата обращения: 20.04.2025).

2.Top 7 Technologies that Power the Metaverse. – 2021 – URL: <https://academy.binance.com/en/articles/top-7-technologies-that-power-the-metaverse>. (дата обращения: 20.04.2025).

3.Use Cases of the Metaverse in 30 Industries. – 2022. – URL: https://www.linkedin.com/posts/anthonyjjday_30-use-cases-for-the-metaverse-q4-2022-activity-7008417454431309824-ifaV/?originalSubdomain=al(дата обращения: 20.04.2025).

ВЛИЯНИЕ АЛГОРИТМОВ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ НА ПОТРЕБЛЕНИЕ КОНТЕНТА

Т. М. Черняк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phs.chernyakTM@bsu.by
Научный руководитель — И. В. Пинчук, кандидат социологических наук*

В статье исследуется влияние рекомендательных систем на потребление цифрового контента и поведение пользователей. Рассматриваются ключевые понятия, такие как «контент» и «рекомендательные системы», а также их роль в персонализации информации. Особое внимание уделено эффекту «эхо-камеры», приводящему к сужению медиаполя, и механизму «бесконечной ленты», увеличивающему время пребывания пользователей на платформах. На примере «TikTok», «Netflix» и «Amazon» показано, как алгоритмы формируют спрос и монетизируют внимание. Делается вывод о необходимости осознанного потребления контента в условиях цифровой среды.

Ключевые слова: рекомендательные системы; персонализация; эхо-камера; бесконечная лента; цифровой контент; медиапотребление.

В современном мире в жизни каждого человека большую роль играет потребление контента. Современные цифровые платформы активно используют алгоритмы рекомендательных систем для персонализации контента и увеличения вовлеченности пользователей.

В первую очередь рассмотрим понятие «контент». Как отмечает в своей статье Павленко Т.С. «Контент – это понятие обобщенное, которое получило широкое распространение с развитием интернета, хотя имеет более широкое определение и применимо во многих сферах. В переводе с английского языка “content” означает “содержание”. Сюда относится прежде всего текст. Фотографии, картинки, видео- и аудиофайлы причисляются к медиаконтенту. Сам термин пришел к нам из виртуального пространства медиакommunikационной сферы» [1].

Далее рассмотрим определение «Рекомендательные системы» предложенное Шульгачом А.В. и Петровичем Ю.Ю. «Рекомендательные системы – это программные алгоритмы и технологии, которые анализируют данные о пользователях и их предпочтениях, чтобы предлагать персонализированные рекомендации» [2]. Их основная функция – это удержание внимания аудитории, монетизации и улучшения пользовательского опыта, так как они значительно упрощают поиск интересующей информации. Механизм работы этих систем заключается в анализе харак-

теристик контента, потребляемого пользователем, и сравнивает их с предпочтениями пользователя.

Углубляться в сами механизмы и методы работы каждой рекомендательной системы в данном случае не целесообразно, так как их реализация зависит от конкретной платформы и постоянно совершенствуется. Главная их задача – предугадать и предложить то, что понравится пользователю, даже если он сам этого пока не осознает.

Практически каждый интернет-пользователь так или иначе сталкивается с системами рекомендации. Например, когда выбираем любимых исполнителей в приложении для прослушивания музыки, или, когда видим рекламу в интернете (зачастую она персонализирована), или, когда читаем новости. К слову, самая популярная социальная сеть «TikTok», которая по статистике с сайта «officelife.media» при 8,48 млн подключенных к сети пользователей имеет 5,63 млн пользователей на территории Беларуси [3], известна тем что как раз-таки использует эти алгоритмы.

Естественно, подобные системы не могут не повлиять на то, как мы потребляем контент. В данном контексте стоит поговорить на тему произвольного сужения медиаполя пользователя. То есть, не осознанном самим пользователем сужении разнообразия того контента, который он потребляет. Алгоритмы стремятся максимизировать релевантность контента, анализируя историю взаимодействий пользователя. Подобная система подбора может в конечном счете привести к эффекту «эхо-камеры». Рассмотрим понятие, предложенное А. Ю. Русаковым «эхо-камеры» – это своего рода метафора условий и обстоятельств, в которых общение происходит внутри «закрытой» системы коммуникации, где люди ищут ту информацию, которая подкрепляет существующие у них взгляды и усиливает сложившиеся убеждения. Часто данное понятие образно сравнивают с мыльным пузырем, внутри которого содержание постоянно, а прозрачность стенок создает иллюзию взаимодействия с внешней средой [4].

В нашем случае, альтернативная точка зрения не попадает в поле зрения пользователя, так как он окружен своим информационным пузырем, построенным алгоритмами.

Благодаря подобным нововведениям, мы так же имеем такое понятие как «бесконечная лента». Современные платформы («TikTok», «Instagram Reels», «YouTube Shorts») используют механизмы бесконечной прокрутки и автоподгрузки контента. Что приводит к специфическому явлению, которое скорее всего бывало у людей, у которых есть «TikTok». Пользователи проводят больше времени в приложениях, чем планировали. Поскольку контент, который тебя интересует поступает бесконечно, то пользователь попадает в некий поток, где может нахо-

даться достаточно долго или до момента возникновения какого ни будь раздражителя. Если обратиться к статистике, то мы увидим следующее «пользователи “TikTok”, проводят в приложении в среднем 95 минут ежедневно, что составляет более 6 часов в неделю и около 26 часов в месяц, просматривая более 1 миллиарда видеороликов ежедневно» [4]. А в случае, если мы посмотрим на количество, времени, которое проводят пользователи социальной сети «Facebook» – платформы, где отсутствует «бесконечная лента», мы увидим, что «пользователи по всему миру ежедневно проводят в “Facebook”, “Instagram” и “Facebook Messenger” 50 минут. Данные только по “Facebook” предоставлены не были» [6]. Нужно отметить, что данное значение нужно делить на три социальные сети, точно сказать сколько времени уходит на один лишь «Facebook» мы не можем, так как «Meta» (компания-владелец «Facebook», «Instagram» и «Facebook Messenger») не предоставляет такие данные. Можно заметить, что пользователи больше времени проводят в социальной сети, в которой, используется «бесконечная лента». Исходя из этого мы можем сделать вывод что алгоритмический подбор контента во время его потребления, действительно влияет на время, которое проводят пользователи на платформе.

Помимо информации, которую мы хотим получить на просторах сети, мы столкнёмся с персонализированной рекламой. По статистике, предоставленной «mckinsey», на рекомендованные товары приходится 35% выручки «Amazon» [7]. Это связано с тем, что намного проще рекламировать товар человеку, который или прямо, или косвенно заинтересован в нем. Да и реклама, которая относиться к интересующей нас теме, вызывает намного меньше раздражения своим появлением.

Так как речь зашла о рекламе, необходимо упомянуть коммерциализацию контента. Рекомендательные системы не только отражают предпочтения пользователей, но и активно формируют спрос в интересах платформ и рекламодателей. Алгоритмы могут искусственно «раскручивать» определенный контент и таким образом влиять на поведение пользователей и их предпочтения. Обращаясь к данным «mckinsey», мы можем заметить, что 75% просмотров на онлайн-площадке «Netflix» набраны благодаря рекомендациям [7].

Таким образом рекомендательные системы кардинально изменили наш пользовательский опыт и медиа-ландшафт в целом. Данное технологическое нововведение очень быстро нашло свое применение. В дальнейшем, возможно, мы увидим и другие, более совершенные формы рекомендательных систем. Так же нельзя не упомянуть изменения о том, как пользователи потребляют контент теперь. Сейчас пользователи не должны утруждать себя поиском контента, при помощи алгоритмов кон-

тент сам поступает к пользователю, что является более удобной моделью потребления, но и несет в себе определенные негативные моменты, такие как «эхо-камера» и определенного рода бездумное потребление, связанного с использованием на некоторых платформах «бесконечной ленты», которая при помощи алгоритмов подбирает контент для пользователя прямо во время потребления. Исходя из выше сказанного, можно утверждать, что пользователям нужно адаптироваться к новым условиям в части осознанного потребления контента.

Библиографические ссылки

1.Павленко Т. С. Понятие «Контент»: типология, виды и технология получения дидактического контента в образовательном процессе // [Электронный ресурс] 2017. С. 31-34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontent-tipologiya-vidy-i-tehnologiya-polucheniya-didakticheskogo-kontenta-v-obrazovatelnom-protsesse> (дата обращения: 19.04.2025).

2.Шульгач А. В., Петрович Ю. Ю. Рекомендательные системы как инструмент таргетированной рекламы // [Электронный ресурс] 2024. №92. С. 288-290. URL: https://libeloc.bsuir.by/bitstream/123456789/56444/1/SHulgach_Rekomendatelnye_sistemy.pdf (дата обращения: 19.04.2025).

3.TikTok за год на треть увеличил свою аудиторию в Беларуси 2024 // [сайт]. URL: <https://officelife.media/news/51025-tiktok-za-god-na-tret-velichil-auditoriyu-sotssetey-v-belarusi/> (дата обращения: 19.04.2025).

4. Tridenstechnology. Статистика пользователей TikTok//[сайт]. – 2024. – URL: <https://tridenstechnology.com/ru/статистика-пользователей-tiktok/#h-quick-tiktok-statistics-editor-s-picks> (дата обращения: 19.04.2025).

5.Русаков А. Ю. Эхо-камеры в современной массовой культуре // [Электронный ресурс] «СМИ (медиа) и массовые коммуникации» 2019. С. 11-14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eho-kamery-v-sovremennoy-massovoy-kulture> (дата обращения: 19.04.2025).

6.Zorbasmedia. Пользователи проводят в Facebook все меньше времени // [сайт]. – Минск, 2024. – URL: <https://zorbasmedia.ru/polzovateli-provodyat-v-facebook-vse-menshe-vremeni/> (дата обращения: 19.04.2025).

7.McKinsey & Company. Как ритейлеры могут идти в ногу с потребителями // [сайт]. – Минск, 2013. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/how-retailers-can-keep-up-with-consumers> (дата обращения: 19.04.2025).

МАКДОНАЛЬДИЗАЦИЯ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

С. В. Шруб

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, belrus@bsmu.by (sofiashrub@mail.ru)
Научный руководитель — У. П. Масалович, старший преподаватель*

В статье рассматривается феномен массового туризма как продукта макдональдизации в условиях общества потребления. Анализируются ключевые факторы его развития, включая стандартизацию услуг, предсказуемость и экономическую эффективность. На примере глобальных отельных сетей и типовых экскурсионных маршрутов демонстрируется, как массовый туризм превращает путешествие из экзистенциального поиска в стандартизированный товар.

Ключевые слова: массовый туризм; макдональдизация; общество потребления; стандартизация; предсказуемость; экономическая эффективность; контроль; глобализация; культурный опыт.

Концепция макдональдизации, предложенная социологом Джорджем Ритцером, рассматривает стандартизацию и рационализацию процессов в различных сферах жизни. Существует четыре фактора макдональдизации. Первый, который мы рассмотрим, – эффективность. Эффективность заключается в выборе наилучшего способа достижения цели. Она ставит интересы клиентов на первое место, обеспечивая им доступ к необходимым услугам быстро и с меньшими усилиями. Пример эффективности в ресторанах фаст-фуда «Макдональдс» – это проездные окошки. Они предлагают быстрый процесс приема пищи: заказать и получить еду, не выходя из машины [2, с. 175].

Макдональдизация – это не только эффективность, она также включает в себя просчитываемость, связанную с оценками, подсчетами и количественными показателями [2, с. 222]. Просчитываемость приводит к массовому производству продукции, что, хотя и обеспечивает быстрое обслуживание посетителей фаст-фуд ресторанов, негативно сказывается на качестве. Клиенты могут быстро употребить пищу на ходу, часто компрометируя качество, работники могут чувствовать отсутствие смысла в своей работе, что негативно сказывается на качестве самой продукции и сервиса. Просчитываемость упрощает оценку эффективности, поскольку операции, выполняемые за минимальное время, обычно считаются наиболее эффективными. Подсчет и планирование делают продукты и процессы более прогнозируемыми, поскольку одинаковое

количество материалов и времени используется в одном и том же месте или времени.

Третьим аспектом макдонализации является предсказуемость. В обществе, основанном на рациональности, люди предпочитают знать, что ожидать в любом месте и в любое время. Они не любят неожиданных ситуаций и стремятся к стабильности. Например, когда люди заказывают свой любимый «Биг Мак», им важно, чтобы он всегда был одинаковый. Потребители могут разочароваться, если в блюде будет другой соус или вкус. Они ожидают, что франшиза «Макдональдса» в любой точке мира будет выглядеть и функционировать так же, как их местный ресторан [2, с. 260].

Для достижения предсказуемости рационализированное общество уделяет особое внимание дисциплине, порядку, систематизации, формализации, рутине, постоянству и методичности процессов. По мнению потребителей, предсказуемость приносит уверенность на фоне повседневных дел, а работникам облегчает выполнение своих обязанностей.

Четвертым аспектом макдональдизации является увеличивающийся контроль над людьми с применением различных технологий. Технологии охватывают не только машины и инструменты, но также материалы, навыки, знания, правила, процедуры и методы [2, с. 298].

Из описания четырех факторов макдональдизации можно сделать вывод, что данный концепт описывает процесс стандартизации, рационализации и контроля в различных сферах жизни под влиянием принципов и методов, заимствованных из культуры быстрого питания. Макдональдизация указывает на стремление к доминированию над привычками, вкусами и действиями людей в современном обществе через использование методов, специфичных для индустрии быстрого питания.

В эпоху глобализации туризм является одной из самых известных и распространенных социокультурных практик [1]. В современном мире туризм развит в различных направлениях: культурный, спортивный, экологический. В нашей работе будет рассматриваться массовый туризм, который относится к процессу, когда культурные продукты начинают восприниматься и продаваться как товары на рынке.

Массовый туризм как социокультурная практика возникает в обществе потребления. Его активное развитие обусловлено рядом факторов, таких как улучшение инфраструктуры, рост международной торговли и средств коммуникации, увеличение доходов жителей развитых стран, расширение досуга и продолжительность оплачиваемых отпусков.

Если путешествие рассматривается как философская, культурологическая и экзистенциальная категория, связанная с познанием мира и себя, а также поиском смыслов, то туризм представляет собой, прежде всего, экономическую категорию. Он обозначает определенную потребительскую услугу или товар, создание и продажа которого регулируются рыночными законами [1].

Основным критерием оценки туристического продукта является его экономическая эффективность, т.е. возможность получить максимальное количество удовольствия и впечатлений за минимальные деньги. Туристы платят значительные суммы не для того, чтобы узнать о социальных или экологических проблемах других стран, которые можно легко узнать в своей родной стране. Они стремятся к положительным впечатлениям, которые оправдают их инвестиции в поездки.

Просчитываемость туристических услуг характеризуются строгостью расписания поездки, четким планированием всех ее этапов, наличием страховки и стандартностью маршрута. Все финансовые и временные аспекты, как перелеты, проживание, трансферы, питание и экскурсии, тоже имеют ясные рамки. Это создает ситуацию, когда можно рассчитывать на гарантированный и предсказуемый результат. В то время как путешествие часто связано с рисками и отсутствием привычных условий комфорта.

Сотрудники сферы туризма обеспечивают тщательный контроль за условиями и гарантиями поездки, начиная с работников турфирмы и заканчивая персоналом отеля. Это создает ощущение безопасности и комфорта, давая туристу впечатление, что он находится в мире, построенном вокруг его потребностей.

В контексте туризма предсказуемость означает, что туристы могут ожидать одно и то же качество услуг и опыта вне зависимости от места назначения. Например, турист, заказывая номер в отеле или покупая экскурсию в известной туристической компании, может быть уверен, что получит определенный уровень сервиса, который был заранее гарантирован. Это создает комфорт и уверенность для туристов, которые могут не беспокоиться о возможных неприятностях или неожиданностях во время поездки.

В итоге, массовый туризм можно рассматривать как продукт макдональдизации путешествий, который возникает в результате распространения принципов рационализации в культурной сфере. Туризм показывает, что любое явление, попадая под влияние массовой культуры и рыночных законов, неизбежно становится стандартизированным и мак-

дональдизированным. При этом он теряет свою духовную и ценностно-смысловую значимость, превращаясь из культурного феномена в экономическую категорию.

В контексте современных тенденций в туризме можно отметить, что отдых в отелях стал одной из самых распространенных форм приобретения туристического опыта. Однако за этой популярностью стоит принцип стандартизации, который охватывает не только услуги, но и сам процесс путешествий.

Отели, как правило, предлагают стандартизированные услуги, что создает предсказуемость для гостей. Это позволяет туристам уверенно планировать свои поездки, зная, что они получают аналогичный уровень сервиса вне зависимости от местоположения. Концепция «глобального отеля» часто подразумевает одинаковый дизайн, услуги и даже меню во всех филиалах. Ярким примером этой концепции является сеть отелей «Hilton», которая активно внедряет стандарты и практики, обеспечивающие единое качество обслуживания для своих клиентов по всему миру. Например, номера «Hilton» в Лондоне будут оформлены в том же стиле, что и в Нью-Йорке или Токио, что позволяет туристам чувствовать себя комфортно и уверенно, даже находясь вдали от дома.

Но стандартизация может привести к утрате местного колорита. Выбирая «Hilton», туристы могут не увидеть настоящую атмосферу региона, в который приехали. Это создает ощущение, что они могли бы находиться где угодно в мире.

Кроме того, массовые туристические практики также делают акцент на эффективность и скорость путешествия. Яркий пример – это туры по Европе. Они очень популярны, так как за короткий промежуток времени можно посетить несколько стран за приятную цену.

Однако подобные экскурсии могут иметь свои недостатки. Путешественники часто оказываются в спешке, посещая такие места, как Эйфелева башня в Париже или Колизей в Риме лишь для того, чтобы сделать несколько фотографий и послушать краткий рассказ гида. Это приводит к тому, что многие из них не успевают по-настоящему оценить уникальность и культурную значимость мест, которые они посещают. И зачастую такие туры сосредотачиваются на популярных достопримечательностях, игнорируя менее известные, но не менее интересные места, которые могут передать настоящую атмосферу и традиции региона. В итоге, создается риск поверхностного восприятия культуры.

Важно отметить, что современные туристические практики, хотя и удобны, но порой требуют переосмысленного подхода. Путешествия

могут быть не только средством потребления, но и возможностью для расширения кругозора и понимания других культур. Поэтому наряду со стремлением к удобству и предсказуемости, необходимо искать баланс между стандартизацией услуг и уникальными местными опытами.

Библиографические ссылки

1. *Мухамеджанова Н. М.* Туризм в контексте концепции макдональдизации // Интеллект. Инновации. Инвестиции [Электронный ресурс]. 2021. № 2. С. 105–111. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-2-105. URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-v-kontekste-kontseptsii-makdonaldizatsii>]. (Дата обращения: 16.04.2025).

2. *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 592 с.

СЕКЦИЯ 19. МАРКЕТИНГОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СРЕДЫ ДЛЯ ОТДЫХА И РЕКРЕАЦИИ: РОЛЬ БЕЛОРУССКИХ АГРОУСАДЕБ

А. И. Александрова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, a.aleksandrova13.06@gmail.com
Научный руководитель — И. И. Калачёва, доктор исторических наук, профессор*

Агротуризм является новой сферой деятельности для нашей страны и рассматривается как важный элемент национальной экономики. Его цель — максимально задействовать природные и человеческие ресурсы белорусской деревни на благо ее жителей и граждан республики.

Ключевые слова: агротуризм; сельский туризм; рекреация; агроусадьба; историко-архитектурные памятники.

В настоящее время в Беларуси развивается собственный национальный туристический продукт — отдых в деревне. Сельский туризм является одним из самых быстрорастущих сегментов туристического рынка страны и предоставляет отличную возможность жителям крупных городов и мегаполисов мира насладиться полноценным отдыхом в экологически чистых регионах Беларуси, а также полюбоваться ее живописными пейзажами. Туризм в сельских районах способствует диверсификации местной экономики, повышает интерес к экологии, формирует спрос на местные продукты и услуги, создает новые источники дохода для владельцев и сельских жителей, а также активизирует население в развитии этого нового направления. Привлекательность агро- и экотуризма в Республике Беларусь определяется ее географическим положением, природно-климатическими условиями, наличием историко-архитектурных памятников в сельской местности, сохранением традиционных ценностей сельского образа жизни и национальным менталитетом белорусов.

Благодаря богатым природным ресурсам, чистой экологии и историко-культурному наследию республика привлекает все больше ино-

странных туристов из разных уголков мира. Вступление Беларуси во Всемирную туристскую организацию (ЮНВТО), членство в известных организациях – Европейском центре эко- и агротуризма (ЕСЕАТ) и Международном обществе экотуризма (TIES) должно способствовать формулированию целей и способов развития агротуризма в стране.

Сегодня во всем мире сельский туризм, или агротуризм является популярным направлением в сфере загородного отдыха и досуга. Для Республики Беларусь очень важным является всестороннее развитие данного направления. Гости из разных стран СНГ и Европы выбирают сегодня отдых в Беларуси как наиболее выгодный и комфортный вариант проведения времени в отпуске или на выходных. Если есть желание окунуться в мир первозданной природы, не делая при этом больших капиталовложений, можно выбрать любой подходящий вариант. Благо, сегодня белорусскому рынку есть, что предложить даже самому требовательному туристу.

Агроэкотуризм – сектор туристической отрасли, использующий природные, культурно-исторические, социальные и иные ресурсы сельской местности для создания комплексного туристического продукта. Он включает в себя все виды рекреационной деятельности в сельской местности: паломничество, охоту, рыбалку и др. Обязательным условием этого вида туризма является размещение туристов на ночлег в сельской местности.

Нельзя точно определить, когда и где возникло понятие агротуризма. В начале своего развития сельский туризм не имел тех форм, которые мы наблюдаем сегодня. Первые сельские туристы – это были путешественники, уставшие от долгих поездок. Владельцы загородных домов, чьи дети уже выросли и покинули родительский дом, начали предлагать отдыхающим базовые туристические услуги: горячий душ, домашнюю еду, общение (если постоялец в этом нуждался) и чистую постель. Расцвет такого вида отдыха пришелся на XVII-XVIII вв. в Европе. Агротуризм стал развиваться главным образом из-за уменьшения экономической роли сельского хозяйства. Сельские районы утратили свою привлекательность из-за высокого уровня безработицы и низких доходов. Термин «agriturismo» возник в Италии и изначально рассматривался как дополнение к сельскохозяйственной деятельности. В начале развития сельского туризма считалось, что размещение туристов будет второстепенным занятием для фермеров, которое лишь немного улучшит их.

По мнению В. В. Сурниной, исследовавшей эволюцию агроэкотуризма, первые формы сельского туризма начали развиваться в США во время Великой депрессии. Для преодоления экономического кризиса президент Ф. Д. Рузвельт реализовал проекты по строительству инфра-

структуры, активно привлекая безработных к этим работам. Это привело к внутренней миграции населения и увеличению числа поездок, в ходе которых люди нуждались в краткосрочном отдыхе и питании, что способствовало появлению малых средств размещения. Первые такие услуги начали предоставлять фермерские семьи, живущие вдоль загруженных автотрасс. В дальнейшем, в 50-х годах XX века, произошла реформа образования, сделавшая высшее образование более доступным для жителей сельских районов. Это способствовало миграции молодежи в крупные города, а позже стало очевидно, что уровень образования коррелирует с растущим интересом к отдыху на природе, экотуризму и специализированным предложениям для сельских путешествий [2].

В первую очередь, экотуристов привлекают природно-климатические особенности территории Республики Беларусь. Беларусь – преимущественно равнинная страна, богатая водными ресурсами в виде многочисленных рек и озер. Несмотря на сравнительно небольшую площадь республики, более 93% ее территории покрывает самая разнообразная растительность. На территории Беларуси действуют государственные заповедники, где в естественных условиях обитают редкие виды животных и птиц.

Правительство страны, как и специализированные частные организации, осуществляют серьезные меры по охране природы и улучшению экологической обстановки на территории республики. Результат этой деятельности – признание Беларуси одной из самых «зеленых» и безопасных с точки зрения экологии стран во всем европейском регионе. Белорусский агротуризм также привлекает туристов своими традициями, оформлением жилья, возможностью порыбачить и поохотиться в белорусских лесах, национальной кухней и просто тишиной и чистым воздухом. Все это создает условия, которые при правильном подходе можно выгодно использовать для развития агротуристического направления и получать от этого экономическую выгоду.

Основная причина возникновения и развития сельского туризма – потребность горожан со средним достатком отдохнуть наедине с природой, познакомиться с бытом крестьянской семьи. Причем не только попробовать свежие овощи и фрукты, мясо и молочные продукты, но и принять непосредственное участие в сельскохозяйственных работах – как говорится, «самому постоять у сохи».

Сельский туризм – это форма отдыха, при которой туристы могут познакомиться с традиционным местным бытом и сельскохозяйственным природопользованием. Очень важно, что бы туристы хорошо понимали, что своим появлением в сельской местности они не должны нарушать традиционный уклад жизни и природопользования, а хозяева

должны считать своим долгом часть доходов пускать на поддержание местной природы в хорошем состоянии. В этом случае сельский туризм становится разделом экотуризма. Сегодня сельский туризм развивается весьма быстрыми темпами и в некоторых странах привлекает значительную часть иностранных туристов.

Идея полноценного и одновременно содержательного отдыха в условиях Беларуси всегда была связана с сельской местностью. Рекреационная среда, которая предлагается в сельской местности, Беларуси на рынке туристических услуг обеспечена интересными объектами исторического прошлого, обычно зафиксированного в памятниках историко-культурного наследия, в мифах и легендах. Все более комфортной и развитой становится сеть гостиничного хозяйства и в целом сфера обслуживания, последовательно формируется в сельской местности, а также удобная система транспортных коммуникаций. Все более известными становятся отреставрированные памятники и сложившиеся историко-культурные комплексы Беларуси. Расширяется спектр услуг, которые могут предоставлять туристам природоохранные учреждения (Национальные парки, заповедники и др.) – охота, фотоохота, рыбалка, оздоровление и др. Прослеживаются как постоянно присутствующие факторы, так и новые тенденции, регулирующие деятельность этого туристического рынка. К постоянному фактору можно отнести то, что человека, намерившегося провести отпускное время, попрежнему привлекают спокойная обстановка и экзотика в виде природы, культуры, исторического прошлого [1].

Среди новых тенденций в сфере туризма все более проявляется стремление туристов самим выбирать новые маршруты для своих путешествий, поиск новых мест для отдыха, а также большая мобильность путешественников (байдарки, плоты, велосипеды и автомобили), что заключается не только в широком доступе к средствам передвижения, но и чуть ли не в постоянной готовности отправиться в путешествие. И сама сфера туризма стала более многослойной, соответствующей многообразию запросов: бизнес-туризм, религиозный туризм, событийный туризм, например, популярные фольклорные фестивали и праздники.

В 2018 г. по версии авторитетного журнала «National Geographic Traveler» Беларусь стала лучшей страной для развития агротуризма, это очень значимый показатель для туризма нашей страны, так как в конкурсе участвовали, например, и такие страны, как Италия, в которой агротуризм развивается очень давно и на высоком уровне [4]. На современном этапе развития идеи и объектов агротуризма все более проявляется использование в их деятельности результатов научных работ, как по изучению истории и культуры белорусского народа, по ана-

лизу успешности или неудачности экономической деятельности объектов агроэкотуризма, по разработке приемов оптимальной функциональной организации территории и объектов агроэкотуризма, по использованию потенциала рекламы и менеджмента.

Национальная стратегия устойчивого развития (НСУР) Республики Беларусь в период до 2030 года определяет, что главной целью развития туризма в период 2021–2030 годов основными задачами развития туризма являются:

1. эффективное использование имеющегося природного потенциала, историко-культурного наследия, материальной базы;
2. выход на новые туристские рынки;
3. комплексное обеспечение безопасности туристической деятельности;
4. развитие культурно-познавательного и социального туризма.

Эти задачи не конкретизируются, однако, общая целевая установка, ориентация НСУР-2030 по отношению к сельскому туризму еще раз подтверждается следующим указанием: «Для сохранения природной среды необходимо от концепции сельскохозяйственного производства перейти к концепции развития сельской местности». Таким образом, государственная стратегия в области развития сельского туризма сориентирована на его поддержку и укрепление.

Местным органом власти необходимо активно включиться в выполнение поставленных руководством Беларуси задач в этой области. При этом важно руководствоваться рекомендацией НСУР-2030 о том, что в реализации стратегий устойчивого развития «должны быть максимально использованы возможности неправительственных организаций, трудящихся и профсоюзов, деловых и научных кругов». Во всех без исключения белорусских регионах и населенных пунктах, которые в разное время в разной степени знакомились с концепцией устойчивого развития и пытались взглянуть на возможности своего развития сквозь призму устойчивого развития, сельский туризм не был обойден стороной. Приоритетом развития туризма на долгосрочную перспективу является бережное и рачительное отношение к природопользованию, дозированная антропогенная и техногенная нагрузка на природные экосистемы [3].

Подводя итог, следует отметить, что сфера агроэкотуризма в Республике Беларусь находится на стадии развития. В последнее время этому вопросу уделяется большое внимание со стороны государства, способствующее привлечению капитала. Развитие тенденции туризма как такого позволяет стране распространять свои историко-культурные ценности как среди подрастающего поколения, так уже и сформировав-

шегося. Кроме того, развитие агроэкотуристического бизнеса может способствовать улучшению состояния белорусских сел и их окрестностей, а также сохранению народных промыслов, ремесел и традиций. Агроэкотуризм имеет потенциал для поддержки белорусской деревни и формирования положительного имиджа Республики Беларусь, которая пока не занимает заметное место на мировом туристическом рынке. Однако такие позитивные изменения возможны только в том случае, если агроэкотуризм станет полноценным сектором туристической индустрии.

Библиографические ссылки

1. *Киселева М. С.* История агроэкотуризма в условиях Беларуси [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://belal.by/images/Conference2021/Sbornik2021/Sbornik2021-155-162.pdf/>. (Дата обращения: 22.04.2025).

2. *Мелюк Д.* Из истории развития сельского туризма [Электронный ресурс]. 2024. URL: <http://elib.mslu.by/bitstream/edoc/4294/1/Мелюк%20Д.%20Из%20истории%20развития%20сельского%20туризма.pdf> (дата обращения: 22.04.2025).

3. Министерство экономики Республики Беларусь Государственное Научное Учреждение «Научно-исследовательский экономический институт» [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://minzchie.by/images/stories/doc/cur.pdf> (Дата обращения: 22.04.2025).

4. *Сулова Н.* По версии National Geographic Traveler Беларусь стала лучшей страной для агротуризма [Электронный ресурс] // Дикая природа Беларуси. 2021. URL: <https://wildlife.by/recreation-and-tourism/news/po-versii-national-geographic-traveler-belarus-stalaluchshey-stranoy-dlya-agroturizma/>. (Дата обращения: 22.04.2025).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕТРО-МАРКЕТИНГА В ИГРОВОЙ ИНДУСТРИИ

И. В. Антонович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, irinka.antonovich@gmail.com
Научный руководитель — У. П. Масалович, старший преподаватель*

В статье рассматривается ретро-маркетинг как способ продвижения новых видеоигр. Уделяется внимание таким понятиям как ностальгия, ретро и анемойя, и как эти термины используются в контексте производства видеоигр. Также приводятся исследования на тему поколений и их связи с ностальгией, к тому же уделяется внимание разным видам использования ретро в игровой индустрии.

Ключевые слова: видеоигры; ретро; ностальгия; маркетинг.

На протяжении всей жизни человек всегда стремился вперед и создавал бесчисленное множество новых вещей и технологий. Нынешнее информационное общество не стало исключением. Каждый год люди приносят в нашу жизнь совершенно новые идеи и технологии, которые неизбежно внедряются в нашу жизнь. Однако несмотря на такое развитие, общество постоянно возвращается к прошлому. Ностальгия стала неотъемлемой частью социума и начала повсеместно использоваться в разных сферах жизни, в особенности в сфере маркетинга.

Определение ностальгии пришло к нам еще с древнегреческого языка, где «nostos» – возвращение домой и «algos» – страдание, боль. Данное определение понималось как «тоска по родине или прошлому», а сам термин ввел швейцарский студент Йоханн Хоффман. Сам термин в маркетинге начал использоваться только с 1989 года благодаря исследованиям профессоров Роберта Шиндлера и Морриса Холбрука [1]. Наряду с термином «ностальгия» используется понятие «ретро», что от латинского «retro» – «назад, обращенный к прошлому». Также писатель Джон Кениг придумал и записал новое слово в свой «словарь неясных скорбей» – «анемойя», что означает чувство ностальгии по временам, в которых человек никогда не жил [2].

Актуальность темы заключается в том, что число людей, которые играют в компьютерные игры, за последние 10 лет значительно возросло. С 2 миллиардов до 3.3 миллиардов игровых пользователей на период с 2015 по 2024 год [4]. Также по статистике «Newzoo» за 2024 год больше всего времени на игры тратят поколение Альфа и поколение Z [5]. Вдобавок к этому GWI в 2023 году провело исследование «какие поколения испытывают ностальгию». На основе этих данных можно сделать вывод,

что люди, родившиеся с 1997 года (поколение Z и моложе), больше подвержены анемии [3].

В игровой индустрии есть два пути использования ностальгии: производство ремейков и ремастеров (выпуск новых версий существующих игр) или создание совершенно новых проектов в ретро стилистике. Только на 2025 год уже было анонсировано более 20 ремейков и ремастеров [6]. Благодаря этому множество игроков, как и старых игроков, смогут по-новому ощутить игровой процесс уже давно знакомых игр, так и более молодые игроки познакомятся со старыми играми в новой обертке. Таким образом ремейки и ремастеры старых игр привлекают внимание не только своей новизной, но еще и чувством ностальгии по старым временам. Наряду с ремейками и ремастерами производятся новые проекты в ретро стиле (ретро-стилизация). Это направление разработки игр разделилось на два сектора:

- Производство крупных проектов, которые переносят нас в былые времена, например «Atomic Heart», «Singularity», «Wolfenstein», «Mafia»;
- Производство маленьких инди-игр, которые могут рассказывать сюжеты, не связанные с ностальгией, однако внешний вид самих игр: окружение, персонажи, звуки, игровая физика – все это навеивает у нас чувство ностальгии по старым играм, которые выглядели совершенно иначе, чем сейчас. Также и крупные издатели могут выпускать схожие по стилистике игры, однако это происходит реже. Примеры таких игр – «Voices of the Void», «The Long Dark», «Soma», все игры «Mike Klubnika», «Cuphead». Также за 2024 год VGI выпустили отчет, в котором дали понять, что инди-игры почти догнали по доходам игры уровня AAA и AA [7].

Несмотря на то, что каждый год выходят десятки новых игр с разнообразными стилистическими и сюжетными элементами, игроки по-прежнему продолжают ждать ремейки старых игр [8].

Наряду с выпуском определенного вида игр, можно выделить продвижение продукта за счет коллабораций и продажи рекламной сувенирной продукции (мерча). Для более эффективного продвижения продукта, который находится лишь в виртуальном пространстве, компании популяризируют его посредством производства материальных вещей, связанных с этой видеоигрой. Чаще всего создатели видеоигр наряду со своим проектом создают официальный сайт с мерчем, где его можно заказать онлайн.

Вместе с мерчем, разработчики иногда проводят коллаборации – временное или постоянное сотрудничество двух и более брендов со схожими ценностями и интересами. В рамках таких мероприятий происходит обмен фан-базой (фанатами), что позволяет привлечь новых игроков и возобновить интерес старых.

Приводя краткую классификацию ностальгического маркетинга в играх, используют такие приемы как ремейки и ремастеры; визуальные обновления старых игр, ретро-стилизация; новые проекты, которые используют старую графику и физику игр, и создание мерча и проведение коллабораций; перенос предметов и персонажей в физический мир и сотрудничество с другими разработчиками соответственно.

Также стоит выделить и проблематику данного маркетингового решения. Можно выделить один ключевой вопрос на эту тему: не является ли возвращение к старому следствием нежелания людей принимать что-то новое? За последние 2–3 года рынок видеоигр начал значительно меняться, стали сильно цениться инди-игры, в которых и используется старая графика и физика за счет простоты в разработке. Многие инди-игры стали привносить в данную индустрию новые идеи, что крупные компании делают все реже. Крупные разработчики чаще всего предпочитают продолжать свои популярные франшизы несмотря на то, что с каждым годом игроки в меньшей мере интересуются этими проектами. К таким франшизам можно отнести «Assassin's Creed», «Call of Duty», «Final Fantasy», «Sonic». Такие проекты со временем исчерпывают себя и уходят в самоповтор. Возвращаясь к инди-разработчикам, можно выделить их стремление создавать совершенно непохожие друг на друга проекты, которые привносят в сферу видеоигр что-то новое.

Таким образом с каждым годом индустрия видеоигр растет и потребность общества на данный вид услуг все больше и больше. Вместе с этим и востребованность на ретро-игры также возрастает за счет устаревания старых версий и выпуска более новых. Немаловажную роль в этой сфере также занимает и целевая аудитория продукта, которая и порождает спрос в ретро-играх. На данный момент эта индустрия претерпевает некоторые изменения в силу стагнации производства видеоигр.

Библиографические ссылки

1. *Holbrook M. B., Schindler R. M.* Some Exploratory Findings on the Development of Musical Tastes [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/2489308> (date of access: 21.04.2025).

2. *Седашов Н.* Тоска по прошлому, которого не было: чем обусловлена эпидемия ностальгии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/511059-toska-po-proslomu-kotorogo-ne-bylo-chem-obuslovljena-epidemia-nostal-gii> (дата обращения: 21.04.2025).

3. *Harlow S.* How are Gen Z and millennials driving nostalgia? [Electronic resource]. URL: <https://www.gwi.com/blog/nostalgia-trend> (date of access: 21.04.2025).

4. *Duarte F.* How Many Gamers Are There? (New 2025 Statistics) [Electronic resource]. URL: <https://explodingtopics.com/blog/number-of-gamers> (date of access: 21.04.2025).

5. *Knezovic A.* Research: How Different Generations Engage with Games? [Electronic resource]. URL: <https://www.blog.udonis.co/mobile-marketing/mobile-games/generations-gaming> (date of access: 21.04.2025).

6. Все грядущие ремейки и ремастеры видеоигр в 2025 году [Электронный ресурс]. URL: https://www.playground.ru/misc/opinion/vse_gryaduschie_remejki_i_remastery_videoigr_v_2025_godu-1747904 (дата обращения: 21.04.2025).

7. Global Indie Games Market Report 2024 [Electronic resource]. URL: <https://vginsights.com/insights/article/global-indie-games-market-report-2024> (date of access: 21.04.2025).

8. Remasters, Remakes and Reboots Stay Hot Among Video Gamers) [Electronic resource]. URL: <https://www.nielsen.com/insights/2021/remasters-remakes-and-reboots-stay-hot-among-video-gamers/> (date of access: 21.04.2025).

КОНЦЕПЦИЯ ЭВРИСТИКИ ДОСТУПНОСТИ ДАНИЭЛЯ КАНЕМАНА

Е. Г. Кирилюк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, katrinkirilyuk@gmail.com
Научный руководитель — М. С. Терещенко, старший преподаватель*

В статье рассматривается концепция эвристика доступности Даниэля Канемана и его соавтора Амоса Тверски. Описывается понятие эвристики. Исследуется значение эвристики доступности, условия и причины возникновения ошибок, к которым она приводит.

Ключевые слова: эвристика доступности; когнитивные искажения; принятие решений в неопределенности.

Даниэль Канеман – известный представитель психологии, создатель поведенческой экономической теории, лауреат Нобелевской премии по экономике. Его соавтор Амос Тверски – профессор психологии в Стэнфордском Университете. В их книге «Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения» речь идет об особенностях мышления и поведения людей при оценке и прогнозировании неопределенных событий и величин. Авторы опираются на три вида эвристик (эвристику репрезентативности, эвристику доступности, эвристику привязки и корректировки) и приводят предубеждения, к которым они ведут.

Люди полагаются на несколько эвристик, когда оценивают и прогнозируют неопределенные события. Эвристика – совокупность приемов, упрощающих и ускоряющих решение задач, принятие решения или вынесения суждения [1]. Ее суть в том, что человек приходит к решению отчасти неосознанно, интуитивно. Эти эвристики весьма полезны, но часто провоцируют когнитивные искажения – систематические ошибки в мышлении или шаблонные отклонения.

Одна из эвристик, которую рассматривал Даниэль Канеман – эвристика доступности. Эвристика доступности – вынесение суждения о вероятности чего-либо с опорой на легкость нахождения соответствующих примеров [2].

На основе опыта мы знаем, что конкретные случаи из часто встречающихся классов запоминаются быстрее и легче, чем случаи из редких классов. Вероятные события легче представить, чем маловероятные, а ассоциативные связи становятся сильнее, если два события происходят вместе часто. Поэтому люди могут оценивать численность классов, ве-

роятность события или частоту совместного появления событий, основываясь на том, насколько легко выполнить умственное действие – составить выборку, создать образ или установить связь.

Оценка частоты класса или вероятность случая опосредована оценкой доступности. Обычно люди используют эвристику доступности, когда оценивают частоту или вероятность, опираясь на легкость, с которой события или связанные с ним идеи приходят на ум. И выбор часто делают не в пользу рационального варианта, а в пользу того, что кажется более распространенным. Канеман и Тверски рассматривают случай, в котором Вы выбрали наугад слово из английского текста. Что более вероятно, что слово начинается на К, или что К его третья буква? Согласно предложению, чтобы ответить на этот вопрос, люди оценивают легкость, с которой случаи этих двух категорий приходят на ум. Конечно, легче придумать слова, начинающиеся с К, чем слова, где К является третьей буквой. Если частота оценивается через доступность, то слова, начинающиеся на К, должны быть оценены как более распространенные. На самом деле, обычный текст содержит вдвое больше слов, в которых К находится в третьей позиции, чем слов, начинающихся на К [3, с. 195].

Также в одном из проведенных Канеманом и Тверски исследований, выявился стереотип, который показал, что частота слов определяется на основании доступности контекстов, в которых они появляются. Например, «кажется, что легче вспомнить контексты, где может быть упомянуто абстрактное значение (любовь в женских романах), чем вспомнить контексты, в которых упоминается слово с конкретным значением (например, дверь)» [3, с. 27]. Таким образом, слова с абстрактным значением, будут оценены как относительно более многочисленными, чем слова с конкретным значением.

Люди оценивают частоту объектов на основе степени доступности в памяти, в результате классы с более доступными примерами кажутся более многочисленными, чем класс с менее доступными случаями. Это было подтверждено экспериментом: «Были подготовлены четыре списка имен: два списка (один общественных деятелей и один артистов) состояли из 19 имен известных женщин и 20 имен менее известных мужчин. Два других списка состояли из 19 имен известных мужчин и 20 имен менее известных женщин. Каждый из четырех списков был предоставлен двум группам. После прослушивания записи, испытуемых в одной группе попросили записать столько имен, сколько они могли вспомнить из списка. Испытуемых другой группе попросили оценить, содержал ли список больше имен мужчин или женщин. В результате чаще воспомина-

ли известные имена (в среднем 12,3 из 19) по сравнению с менее известными (в среднем 8,4 из 20). В другом случае, из 99 человек 80 ошибочно сочли группу с известными именами более частой» [3, с. 203]. Однако также есть и другие факторы, которые влияют на восстанавливаемость событий в памяти, например, яркость. Драматическое и чрезвычайное событие будут легче запоминаться и вспоминаться.

Некоторые события воспринимаются настолько уникально, что прошлый опыт не кажется уместным при оценке их вероятности. В подобных ситуациях люди часто создают сценарии [3, с. 206]. Правдоподобие сценариев, то есть простота или сложность его представления, служит ключом к оценке вероятности события. Если сценарий легко приходит на ум, то случай кажется вероятным. Если придумать сценарий сложно, то вероятность оценивается как низкая. В оценке вероятности сложных событий рассматриваются только самые простые и доступные сценарии. Создание сценария накладывает отпечаток на дальнейшее мышление. Как только некоторая ситуация воспринимается определенным образом, становится очень трудно воспринимать ее по-другому. Таким образом, составление определенного сценария может препятствовать появлению других сценариев, особенно тех, которые ведут к другим исходам. Это объясняет, почему явления, крайне полезные или бесполезные, могут казаться более вероятными, чем это есть на самом деле.

Если два события похожи, то человек будет ожидать повторение прошлого опыта. Когда вспоминается несколько случаев, они приобретают вес в зависимости от их схожести с рассматриваемой проблемой. Например, «клинический психолог может вспомнить пациентов, склонных к самоубийству, с которыми он сталкивался, и оценить вероятность попытки самоубийства степенью подобия между этими случаями и другим пациентом» [3, с. 205]. Однако такой подход приводит к серьезным предубеждениям.

Ежегодно люди сталкиваются с множеством сложных социальных оценок, таких как прогнозирование поведения окружающих, оценка других людей, оценка власти и др. Поскольку человеческие возможности ограничены, считается, что они могут одновременно обрабатывать лишь небольшое количество информации.

Таким образом, опираясь на эвристику доступности, люди считают более вероятными те события, которые легче вспоминаются, даже если статистически это неверно. Они оценивают вероятность сложных событий через правдоподобие созданных ими сценариев, что часто приводит к предвзятости. А классы с яркими примерами воспринимают как более

многочисленные. В результате эвристика доступности позволяет быстро принимать решения, но часто приводит к когнитивным ошибкам и предвзятостям в оценке реальности.

Библиографические ссылки

1.Кляхина П. Р., Спиридонов В. Ф. Эвристика репрезентативности // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/evristika-reprezentativnosti-10835f> (дата обращения: 03.03.2025).

2.Кляхина П. Р., Спиридонов В. Ф. Эвристика доступности // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/evristika-dostupnosti-150f09> (дата обращения: 15.04.2025).

3.Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения Харьков: Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр». 2005. 632 с. URL: [Kaneman Daniel Prinyatie reshenii v neopredelennosti Pravila i predubechdeniya Rea dli.Net 819320 original 5f464.pdf](https://www.rea-dli.net/819320_original_5f464.pdf) (дата обращения: 10.02.2025).

РАДИКАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЖАНА БОДРИЙЯРА

Д. М. Концевой

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, danielloysee@gmail.com*

Научный руководитель – Ю. Ю. Гафарова, кандидат философских наук, доцент

В публикации автор рассматривает постмодернистскую философию Жана Бодрийяра в рамках. На фоне интенсивного развития и постоянного усложнения архитектуры информационно-коммуникационных технологий симулятивные явления становятся обыденной реальностью человека. В связи с этим следует провести анализ работ французского философа и систематизировать его идеи, используя иной понятийный язык, что может быть использовано для последующего изучения современных симулякров. Объектом работы выступает философия Жана Бодрийяра. Цель работы – систематизация идей философа для применения их в изучении современных симулякров. Данная работа предлагает философско-теоретический фундамент для переосмысления симулякров и формирования нового подхода к их определению и изучению.

Ключевые слова: метасистема; метадискурс; симулякр; постмодерн; система вещей; синхрония; диахрония.

Жан Бодрийяр – уникальный феномен современной философской мысли. Взгляды Бодрийяра оказали значительное влияние на современные подходы, используемые в различных предметных сферах: в когнитивистике и философии сознания, политэкономии и социологии, семиотике и политологии. Отличительная особенность, определяющая сложность для восприятия работ Бодрийяра, заключаются в том, что они радикальны и нестрого структурированы. Его тексты – скорее, объемные эссе, с одной стороны, раскрывающие его идеи в полной мере, с другой стороны, обреченные на непонимание вследствие сложности изложения данных идей и критическому подходу к современным ему социальным процессам.

Предпримем попытку раскрыть предпосылки становления радикальной мысли Жана Бодрийяра и систематизировать идеи философа, используя иной понятийный язык, так, чтобы их можно было использовать для изучения симулятивных явлений нашего времени.

Франция и мир в целом в начале второй половины XX века – реальность беби-бума. Вторая мировая война, окончание которой стимулировало стремительный рост мировой экономики, стала линией раздела между поколениями довоенного и послевоенного времени. Пережившие нескончаемые страдания и лишения люди столкнулись с требованиями поколения подростков, выросших в условиях бурного экономического развития [1]. Это поколение росло в условиях нескончаемого потребле-

ния, и между довоенным и послевоенным поколениями зрел большой общественный и ценностный кризис.

Во-первых, мир превращался из материально-рационального, в котором важна сама суть потребляемого объекта, его конкретная функциональная сущность, в мир символический. Сначала – в общество потребления предметов, освобождающихся от своей функции, а затем и в общество символического потребления, когда функциональный предмет сам по себе исчезает или отходит на второй план, отдавая власть знакам. Границы реального и знакового размываются, означающее и означаемое начинают друг друга копировать, пародировать, подменять, создавая симулятивную реальность.

Во-вторых, нарастал кризис ценностей поколений. Сдержанность, традиционализм и консерватизм довоенного поколения во многом препятствовали развитию инфантильного послевоенного общества, в котором стало важным не столько то, кем является человек и как его действия могут повлиять на его собственное будущее и будущее социума, сколько подражание знаковым личностям, подмена личности собственной, измена своим же желаниями и потребностям.

Свою первую работу «Система вещей» Ж. Бодрийяр издает в 1968 году. Конец 1960-х годов – время кардинальных социальных сдвигов во всей человеческой истории. Стоит заметить, что с ростом потребления растет и символическое воздействие на личность человека. Реклама 1960–1970-х годов была направлена на создание идеальных образов: идеального образа американской семьи, идеального образа тела, идеального образа любовника и других, вырванных из реальности образцов для подражания, заставляющих человека следовать навязанным правилам конгломератов и производителей, реплицируя симулятивные образы вновь и вновь [3, с. 189–190].

По Бодрийяру, процесс закрепления данных идеальных образов есть создание не традиционной системы вещей, в которой конкретная вещь выполняет одну конкретную функцию, но такую систему вещей, в которой вещь становится многофункциональной, сама превращается в функцию, размывая свое собственное значение, превращаясь в «пустые» знаки. Система сама выступает как функция, де-юре освобождаясь от нее.

На смену традиционной системе приходит функциональная система, задающаяся, с одной стороны, расстановкой вещей, вбирающей в себя коннотацию безграничного количества функции каждой отдельной вещи, с другой стороны, средой, провозглашающей знаковость природы, когда материальная сущность вещей больше не сталкивается с материальностью потребления, напротив, подчиняется культурности как след-

ствию любой функциональности [3, с. 72–73]. Вещи из синхронической стабильной системы материальности перетекают в диахроническую систему культуры, в которой сами становятся знаками, теряют свой первоначальный смысл.

Стоит заметить, что Ж. Бодрийяр слишком уверенно указывает на соотношение вещей и их функции в традиционной системе: каждой вещи соответствует одна прямая функция. Ведь даже если вещь обладает конкретной функцией, никто не отменяет того, что она может выполнять и побочные функции. Важен сам процесс интерпретации, или процесс трансформации вещи в функцию.

Важно учесть, что потребности человека не ограничиваются исключительно материальными, иначе общества с его иерархией и дифференциацией просто не существовало бы. Корона – чистый абстрактный знак, имеющий красивую материальную оболочку. Корона не удовлетворяет какой-либо материальной потребности того, кто ее носит, но отсутствие короны привело бы к потере всего смысла его «королевствования».

Проследим корреляцию: чем более человек освобождает вещь от своей главной функции, то есть абстрактизирует свою систему вещей, тем более абстрактной эта вещь становится, тем более абстрактными функциям человек ее наделяет, тем более она переходит в поле культуры, «окультуривается», используя язык Ж. Бодрийяра, превращаясь в чистую абстрактную потребность, в своеобразный симулякр, копирующий самого себя без опоры на действительность. В этой ситуации меняется соотношение между материальностью и абстрактностью, что и описывает Бодрийяр через трансформацию жестов усилия в жесты игры и контроля. Функции у вещи остались те же, и жесты остались теми же, однако они меняют свое соотношение.

Ж. Бодрийяр, как последователь Маркса, приходит к следующей мысли: коммунистическая революция, как диалектическое следствие борьбы капитала и труда, уже давно свершилась [2, с. 57], поскольку диалектика знака и реальности умерла. Если в XIX веке, когда рабочий класс и капиталисты боролись за средства и результат труда, главной целью субъектов экономики было накопление богатства, то уже в век Ж. Бодрийяра на смену рынку приходит вездесущая система вещей, в которой нет никакой диалектической борьбы, а только капитал, репрезентирующий сам себя.

Производство и потребление, которые являются противоположными полюсами, больше ничем не детерминированы и не следуют никаким общественным целям, напротив, они стремятся к еще более высшему порядку, такому как «экономический рост» [2, с. 74]. Ж. Бодрийяр в

данном случае описывает погоню общества за выстраиванием идеальной стабильной системы, в которой идеально все, включая производство и потребление. Общество, в котором нет места трансцендентности, но есть – имманентности, объекту в самом себе, или метаобъекту.

Отсюда и начинается весь нарратив постмодернистов: критика метаобъектов. Новая система вещей Ж. Бодрийяра, симулякры и симулятивная реальность – все это метадискурс, а точнее его критика. Если система обращается к самой себе, не имея детерминирующих сил, значит, это объект в себе, он определяет сам себя. Но если это так, то нет никакого объективного логического основания для существования данной системы, она существует сама по себе, являясь для себя же самой и основанием, реплицируя саму себя.

Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что язык, являясь формальной системой интерпретации действительности, также представляет собой метасистему. Если мы скажем, что форма, с помощью которой мы мыслим и познаем мир, – это проекция действительности, то и вся человеческая мысль не более, чем метасистема. Еще И. Кант в конце XVIII века заметил, что ноумен (вещь в себе) не только неоткрытое знание, но и знание, недостижимое в принципе, так как форма как проекция всегда недостаточна к действительности.

Основа нашей системы знания лежит в поле действительности, но не определяется в полной мере ею, а является лишь ее копией, формой действительности, выраженной в знаковой системе человека. Еще Л. Витгенштейн говорил, что сами объекты действительности просты и не могут быть составными: «Объекты суть субстанция мира. Вот почему они не могут быть составными. Очевидно, что мир воображаемый, сколько угодно отличный от фактического, должен иметь с последним нечто общее – форму» [4, с. 43]. Так, мы можем познавать, а вследствие этого анализировать лишь форму действительности, производить обмен знаков на знаки. Помыслив об объекте действительности, мы выражаем его не этим же объектом, а его знаком. Действительность для нас то, что мы смогли заключить в нашей системе вещей, знаковой системе. Так, данная система человека становится не более, чем метасистемой, она соотносится с действительностью лишь в форме. Ведь для нее есть лишь то знание, которое человек смог задать в некоторой знаковой сущности. При этом неважно, есть ли развитие для познания данного объекта. Развитие для любого знания бесконечно, поскольку форма действительности всегда недостаточна, но для человека с его системой вещей, пока знание не постигаемое, оно бессмысленно.

Итак, Ж. Бодрийяр слишком радикален в своей критике метасистем. Ведь и мысль Ж. Бодрийяра – часть метасистемы, что дискредитирует

его сверхкритику метадискурса. Симулякры как явления метасистем являются базисом существования социальной реальности.

Библиографические ссылки

1. *Аннинская М.* Франция в 1960-е: победа молодых // Arzamas [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1402> (дата обращения: 08.04.2025).
2. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
4. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. 480 с.

ПРОДВИЖЕНИЕ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ (НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК «НАРОЧАНСКИЙ»)

Д. А. Корень

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phs.korenDA@bsu.by
Научный руководитель — Д. С. Красковская, старший преподаватель*

В статье рассматривается феномен брендинга территории в теоретическом плане, его роль в современном мире; а также в практическом плане, на примере Национального парка «Нарочанский». В рамках статьи исследуется, насколько планируемый и представляемый образ Нарочанского края соответствует реальным ассоциациям людей с данной территорией.

Ключевые слова: бренд территории; брендинг территории; имидж; семантический дифференциал; позиционирование бренда территории.

В современном мире страны и другие территориальные единицы все чаще стали позиционироваться и восприниматься как бренды. Территории в маркетинге рассматриваются как «товары», которые необходимо правильно продвигать и рекламировать.

Каждая территория формируется в сознании человека через определенные ассоциации и образы, которые она вызывает. Они могут существенно влиять на формирование долговременного отношения к региону, определяя, как его воспринимают и оценивают люди. Положительные образы могут способствовать привлечению туристов и инвестиций, в то время как негативные ассоциации могут препятствовать развитию и популярности территории.

Основная цель бренда — вызывать доверие жителей, инвесторов, бизнеса, туристов [1, с. 54].

В 2002 году независимый политический советник по вопросам построения национального бренд-имиджа государства Саймон Анхольт впервые употребил термин «брендинг мест».

Территориальный бренд — это бренд страны, региона или другой ограниченной территории, который является ключевым продвигающим фактором, опирающимся на культурные, социальные, политические, экономические ресурсы рассматриваемого объекта.

Территориальный брендинг в настоящее время стал одним из значимых аспектов развития территории, охватившим не только континенты и страны, но и отдельные малые территории [2, с. 78]

В Беларуси в последние несколько лет наблюдается тенденция формирования продуманных брендов определенных территорий. Это

связано со стремлением местных властей и сообществ обратить внимание на особенности своего региона. Это включает в себя разработку стратегий по продвижению культурного наследия, природных ресурсов и туристических возможностей.

Продвижение бренда, улучшение имиджа территории необходимо рассматривать как часть региональной стратегии [1, с. 54].

В первую очередь брендингованию подвергаются наиболее уникальные территории, которые имеют большой потенциал развития и возможность отличаться от конкурентов.

Так, например, 29 сентября 2017 года в рамках 24-й Международной выставки «Турбизнес-2017» в Минске были презентованы промежуточные результаты проекта «Поддержка устойчивого развития туризма в Беларуси» (пять пилотных территорий: Мстиславль, Августовский канал, Полоцк, Каменец – Пружаны и Мядель). Для каждого направления был разработан слоган, промо-ролик, стратегия развития и так далее.

В рамках данного проекта Нарочанскому краю была присвоена идея «источника здоровья». Согласно этому, Нарочь должен ассоциироваться с чистотой, природой, оздоровлением (рисунок).

Логотип бренда «Нарочь»

Необходимо выяснить, насколько данная идея соответствует реальному отношению к Национальному парку «Нарочанский» и является ли данный образ наиболее удачным.

Для этого было проведено исследование методом семантического дифференциала Ч. Осгуда. Выборка состояла из людей, которые когда-либо слышали о Национальном парке «Нарочанский». Чтобы обеспечить соответствие выборки, опрос начинался с буферного вопроса «Слышали ли Вы о Нарочанском крае (Национальном парке «Нарочанский», озере Нарочь)?». Респонденты, выбравшие «нет», сразу завершали прохождение опроса. Затем респондентам были предложены 10 пар антонимичных характеристик:

- обыденно/уникально;
- неразвито/развито;
- устарело/современно;
- дорого/доступно;
- стабильно/динамично;
- грязно/чисто;
- неуютно/уютно;
- пусто/оживленно;
- спокойно/энергично;
- не хотел(а) бы посетить/хотел(а) бы посетить.

Каждую пару респондентам необходимо было оценить по шкале от 1 до 7, где 1 – полное соответствие первой характеристике, 7 – полное соответствие второй. Для обеспечения честных и искренних ответов на этапе сбора данных некоторые шкалы были перевернуты. Это позволило избежать автоматического заполнения и стереотипных реакций участников, способствуя более глубокому и осознанному анализу их восприятия Нарочанского края.

В исследовании принял участие 51 респондент. Из них только один участник (2%) заявил, что не имеет никакой информации о Нарочанском крае, в то время как остальные респонденты продолжили предоставлять свои ответы.

Для удобства на этапе анализа шкалы были сгруппированы на основе их семантических характеристик:

- состояние (развито/неразвито; современно/устарело; чисто/грязно);
- атмосфера (оживленно/пусто; уютно/неуютно; уникально/обыденно);
- активность (динамично/стабильно; энергично/спокойно);
- мотивация к посещению (доступно/дорого; хотел(а) бы посетить/не хотел(а) бы посетить).

Значения каждой группы характеристик высчитывались как среднее арифметическое значений входящих в него шкал (после восстановления шкал, которые были перевернуты). Значению 1 соответствовали негативными ассоциации, а 7 – позитивные.

Итоговое среднее арифметическое значение по группе шкал «состояние» равно 5,79. Оно свидетельствует о преимущественно положительном восприятии бренда Нарочанского края как развитого, современного и чистого места. Респонденты в целом оценивают территорию как привлекательную и имеющую потенциал для дальнейшего развития, однако существует возможность для улучшения, учитывая, что средний балл не достиг максимального значения.

Группе шкал «атмосфера» соответствует максимальное в данном исследовании значение – 5,95. Это значит, что Национальный парк «Нарочанский» привлекает людей своей оживленностью, уникальностью и уютом, ассоциируется с приятным и интересным времяпровождением.

Значение по группе шкал «активность» составило 4,9. Респонденты выражают смешанные чувства относительно уровня активности территории.

Значение группы шкал «мотивация посещения» – 5,51. Респонденты демонстрируют свою заинтересованность посещением Национального парка.

В результате проведенного исследования было выявлено, что Национальный парк «Нарочанский» – широко узнаваемая территория с большим потенциалом. Несмотря на то, что регион традиционно ассоциируется с идеей «источника здоровья», есть необходимость выходить за рамки этой концепции для дальнейшего развития. Нарочь представляется людям как оживленное и современное место, способное привлекать молодежь и туристов из-за рубежа не только с целью оздоровления, но и для качественного отдыха. Есть возможность предоставления различных туристических услуг для сегментированных аудиторий.

Таким образом, Нарочанский край имеет все шансы стать не только центром оздоровления, но и популярным туристическим направлением с богатым культурным и развлекательным предложением, что позволит ему занять уникальную нишу в белорусском туристическом ландшафте.

Библиографические ссылки

1. *Алешникова В. И.* Формирование и продвижение бренда территории // *Управленческие науки.* 2013. № 1. С. 54–58.
2. *Атаева Т. А.* Проблематика территориального брендинга // *Теория и практика общественного развития.* 2015. №7. С. 1–3.
3. *Беленко О. Ф., Пиханова С. А.* Брендинг в системе маркетинга территорий – *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права.* 2019. № 3. С. 90–95.
4. Национальный парк «Нарочанский» [Электронный ресурс]. URL: <https://narochpark.by/>. (Дата обращения: 09.04.2025).
5. *Панкрухин А. П.* Бренды и брендинг // *Практический маркетинг.* 2011. № 4. С. 4–1.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В КОНТЕНТЕ «LAY’S» В INSTAGRAM

М. С. Кучук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, marinakuchuk82@mail.ru
Научный руководитель — М. С. Терещенко, старший преподаватель*

В статье анализируются репрезентация культурных различий в публикациях «Lay’s» в Instagram в контексте теории культурных измерений Г. Хофстеде (индивидуализм – коллективизм, дистанция власти, маскулинность – феминность, избегание неопределенности).

Ключевые слова: культурные измерения Г. Хофстеде; публикации в социальных сетях; Instagram.

Герт Хофстеде – нидерландский социальный, организационный и кросс-культурный психолог. Наибольшую популярность Хофстеде как исследователю принесла его концепция культурных измерений.

В его понимании измерения культуры могут быть представлены как геометрические или географические оси: Север–Юг и Восток–Запад [1, с. 290]. Если знать, где располагается страна, то можно сравнивать ее позиции с позициями других. Первоначально Хофстеде выделил четыре измерения: индивидуализм – коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности, маскулинность – феминность. Спустя пару лет было введено пятое измерение, основываясь на трудах Майкла Бонда. Оно получило название «долгосрочная ориентация».

На добавлении пятого измерения Хофстеде не остановился и в 2000-х годах закончил свою теорию шестым измерением. Данная идея была предложена Минковым Михаилом и получила название «снисходительность – ограничение» [1, с. 291].

Данную теорию можно использовать при подготовке и адаптации публикаций в социальных сетях разных стран. В данной работе 4 основных измерения будут рассмотрены на примере Instagram аккаунтов «Lay’s» в США и Беларуси.

Индивидуализм – коллективизм. В обоих аккаунтах есть публикации, связанные с новинками, видео, где один человек что-то пробует. Однако, американский аккаунт направлен на информирование потребителей о качестве чипсов, о том, что их делают из натурального картофеля. В подтверждении этого есть публикации с фермерами, где рядом с ними картофель. Есть видео, где на заставке размещена семья (однако

семейные ценности там не отражены). Данный момент меня заинтересовал, и я посмотрела ролик. С первых секунд кажется, что семья отправится на посадку картофеля, но это не совсем так. Взрослые поехали на поля, а младшая девочка осталась дома и стала выращивать овощ сама, и в конце положила свой картофель в огромный кузов. Таким образом, в видео показано дело (выращивание) и результат – готовый картофель, что подтверждает использование индивидуализма в коммуникации «Lau's». Идея видео заключается в том, чтобы показать качество своей продукции, бережное отношение к сырью.

Аккаунт белорусских чипсов выглядит немного иначе. В нем присутствуют публикации с семьями, например, фото мамы и сына на фоне печи, празднование Нового года (в аккаунте США не нашла такого поста), свидания, история знакомства. Новый год для белорусов – это семейный праздник, повод собраться всем вместе дома. У американцев праздник встречают, обычно, в кафе, клубах или ресторанах.

«Lau's» из печи позиционируется как продукт для семейного потребления, следование традициям, связь поколений. Печь – олицетворение уюта, тепла и безопасности. Считалось, что за ней живет домовая, которому нужно было оставлять лакомства. Также печь служила частью обрядов, например, при рождении ребенка или свадьбе.

Для новых вкусов (запеченный камамбер с грушей и гребешки в сливочно-пикантном соусе) выбрали снимки пар, так же проводилась акция, где можно было пойти на свидание.

По Хофстеде аспекты коллективизма – люди рождаются и живут в больших семьях, которые их поддерживают; каждый человек идентифицируется по принадлежности к той или иной группе; всегда следует стремиться к гармонии; детей обучают думать и говорить в терминах «Мы»; отношения прежде всего [2, с. 11]. Индивидуализм – каждый заботится и отвечает только сам за себя и за самых близких людей; каждый человек идентифицируется как отдельная личность; детей обучают думать и говорить в терминах «Я»; дело прежде всего [2, с. 11]. То есть в Беларуси ориентируются на отношения и семью, а в США на одного человека – видно отражение параметра коллективизм у белорусского аккаунта и индивидуализм у американского.

Теперь поговорим о дистанции власти. По Хофстеде малая дистанция власти проявляется в минимизации разницы социальной дистанции между людьми, иерархия в организациях установлена для удобства, децентрализованное управление, относительно небольшая разница между максимальной и минимальной заработной платой [2, с. 9]. Большая дистанция власти – разница между людьми нормальна и поощряема, иерархия в организации означает объективную разницу между людьми,

централизованное управление, очень большая разница между минимальной и максимальной заработной платой [2, с. 9].

В изучаемом аккаунте США дистанция власти отражается, на мой взгляд, видеороликами с участием работников офиса. Например, опрос, игры. В белорусском – я не нашла поста с места работы. В большинстве случаев это фото в студиях или на улице. Это можно проинтерпретировать как то, что в США все люди равны и снимать на рабочем месте – это неплохо, а в Беларуси присутствует разграничение рабочего и досугового времени. Но также, возможно, люди сами не хотят участвовать в видео.

Перейдем к аспекту маскулинность – феминность. По Хофстеде на маскулинность указывает напористость и грубость людей; преобладающими ценностями являются прогресс и материальный успех; только женщины могут быть нежными; в семье отец заботится о материальном благополучии, а мать об атмосфере в семье. Аспекты феминности – преобладающей ценностью общества является забота о других; важным являются теплые отношения; предполагается, что люди должны быть скромными; и мужчины, и женщины могут быть нежными; в семье и отец, и мать заботятся как о материальном благополучии, так и об атмосфере в семье [2, с.12].

В белорусских публикациях «Lay's» видно, что заботу проявляют не только девушки, но мужчины. В США, в качестве героя на главное фото выбирают мужчину, из-за чего кажется, что это достижение одного человека, хотя в описании сказано, что семья занимается сбором картофеля. В Беларуси действующие лица публикаций более скромные, нежели американцы. Мы не увидим танцев в толпе, высунутые языки на фото и т.п.

Избегание неопределенности. В аккаунте американцев прослеживается мотивация к достижению (публикация с девочкой и картофелем), терпимость к новым идеям (необычные рецепты с чипсами), для них время – это рамки, в которых они живут [2, с. 10]. Белорусы же стремятся к отношениям и безопасности (посты с семьями, друзьями, парами), время – деньги [2, с. 10]. В белорусском аккаунте есть пост, где фигурирует данная фраза. Это рекламная игра «Время – деньги с Lay's». Смысл в том, что чем быстрее ты зарегистрируешься и купишь чипсы, тем больше шансов выиграть 100 000 BYN. Такие публикации как раз отражают высокую степень избегания неопределенности у белорусов и низкую – у американцев.

Таким образом, особенности культуры разных стран находят свое отражение в том числе и в публикациях в социальной сети Instagram. Вероятно, маркетологи не используют теорию культурных измерений

Хофстеде специально. Однако, с одной стороны, так как аккаунт обычно наполняет представитель той страны, для которой ведется аккаунт, то неосознанно он все равно, как представитель культуры выражает соответствующие ценности. С другой стороны, стремясь быть понятными и «близкими» своей целевой аудитории, бренды помимо прочего будут отражать и ценности культуры общества в своей коммуникации.

Библиографические ссылки

1. *Минков, М., Соколов, Б., Ломакин, И.* Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой [Электронный ресурс] // Социологическое обозрение. 2023. № 3. С. 287-317. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-modeli-kulturnyh-izmereniy-hofstede-paralleli-mezhdu-obektivnoy-i-subektivnoy-kulturoy> (дата обращения: 12.04.2025).

2. *Hofstede, G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context [Electronic resource] // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. P. 1-26. URL: <https://iflowcoaching.com/wp-content/uploads/2019/04/dimensionalizing-cultures-the-hofstede-model-in-context.pdf> (date of access: 11.04.2025).

МЕДИАПЛАНИРОВАНИЕ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМНОЙ КАМПАНИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМОДАТЕЛЯ РУП «БЕЛТЕЛЕКОМ»)

М. С. Лукашева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, lukasheva.mariam@yandex.by
Научный руководитель – Е. Ю. Дорогавцева, старший преподаватель*

Объектом исследования выступает рекламная кампания РУП «Белтелеком», цель исследования – изучить процесс медиапланирования телевизионной рекламной кампании РУП «Белтелеком». Практическая значимость заключается в сочетании теоретической ценности и прикладного применения, демонстрируя цикл медиапланирования рекламной кампании.

Ключевые слова: медиапланирование; рекламная кампания; телевизионная рекламная кампания.

Рекламная деятельность играет ключевую роль в бизнес-среде, выступая важнейшим инструментом продвижения товаров и услуг. Именно благодаря грамотно выстроенным рекламным кампаниям происходит эффективная популяризация продуктов, формирование их рыночного позиционирования и создание устойчивых ассоциаций с брендом. Рекламная кампания представляет собой комплексный механизм донесения информации о потребительских свойствах продукта через тщательно продуманное позиционирование и создание уникального образа. Особое значение в этом процессе имеет учет интересов целевой аудитории, формирование эмоциональной связи с потребителем и сохранение аутентичности бренда.

Каждый этап разработки и реализации рекламной кампании требует глубокой анализа и адаптации под конкретные маркетинговые цели и задачи. При этом необходимо учитывать целый ряд критически важных параметров: объем рекламного бюджета, стратегические цели кампании, характеристики целевой аудитории, каналы размещения рекламы и специфику рынка.

Проведение рекламной кампании начинается с анализа бренда, рынка и целевой аудитории, постановки SMART-целей и разработки стратегии продвижения. После определения ключевых показателей эффективности формируется бюджет с распределением по каналам и резервом на непредвиденные расходы.

Креативный этап включает разработку концепции, создание и тестирование рекламных материалов перед их окончательным утвержде-

нием. Медиапланирование включает анализ рекламодателя, товара, аудитории и конкурентов, выбор оптимальных каналов и времени размещения в рамках бюджета. На основе этих данных составляется детальный медиаплан с точными параметрами публикаций, который может корректироваться в процессе. После кампании анализируется соответствие результатов поставленным целям, что позволяет оценить эффективность выбранной стратегии.

В ходе реализации кампании ведется постоянный мониторинг эффективности с возможностью оперативной корректировки для достижения лучших результатов.

После завершения проводится анализ достигнутых показателей, сравнение с плановыми значениями и подготовка отчета с выводами. Заключительный этап включает поддержание контакта с аудиторией и внедрение программ лояльности для закрепления достигнутых результатов.

В контексте данного исследования особое внимание уделяется процессу медиапланирования телевизионной рекламной кампании РУП «Белтелеком». РУП «Белтелеком» – ведущая телекоммуникационная компания Беларуси, предоставляющая комплекс современных телекоммуникационных услуг, включая интернет, телевидение, телефонию и цифровые сервисы.

Основной фокус работы направлен на анализ размещения рекламной кампании для дальнейшего создания медиаплана. Для оценки эффективного размещения рекламных кампаний в медиапланировании используются ключевые показатели: рейтинг (Rating), доля (Share), охват (Reach) и частота (Frequency).

Анализ рекламной активности РУП «Белтелеком» проводится за период с 2020 год по 1-ый квартал 2025 года. В 2020 году рекламная кампания проводилась в течение 10 недель с 4 мая по 3 июля по стратегии Flight (Burst), представляющей собой короткий, но интенсивный период размещения. В 2021 году кампания была реализована в три этапа: первый этап длился 9 недель с 12 февраля по 11 апреля, второй – 8 недель с 1 октября по 30 ноября, и третий – 7 недель с 1 декабря по 9 января с переходом на 2022 год. Данная стратегия предполагала три отдельных всплеска активности с продолжительным перерывом между первым и вторым этапами, при этом первые два этапа были приурочены к началу весны и осени, а третий – к новомуднему сезону.

2022 год характеризовался четырьмя периодами размещения: 4 недели с 8 февраля по 8 марта, 8 недель с 1 марта по 30 апреля, 8 недель с 1 октября по 30 ноября, и 4 недели с 15 ноября по 15 января с переходом на 2023 год. Стратегия Flight (Burst) в этом году включала усиленные

кампании весной и осенью с дополнительным зимним этапом. В 2023 году рекламная активность распределилась следующим образом: 5 недель с 10 февраля по 8 марта, 8 недель с 1 апреля по 31 мая, 6 недель с 23 октября по 30 ноября, и 5 недель с 15 декабря по 14 января с переходом на 2024 год, сохраняя акцент на весенних и зимних кампаниях.

2024 год отметился двумя короткими, но интенсивными периодами: 4 недели с 18 февраля по 8 марта (предпраздничный период) и 7 недель с 15 августа по 30 сентября (подготовка к осеннему сезону). В первом квартале 2025 года был реализован 3-недельный период с 17 февраля по 8 марта по стратегии Blitz, представляющей собой краткосрочное усиление перед весенним сезоном.

Полученные результаты пост-кампанийного анализа за период с 10 февраля 2023 года по 14 января 2024 года. Мониторинг показателей рекламной кампании «Белтелеком» ведется с 2023 года в связи с изменением модели работы: если ранее размещение осуществлялось через рекламное агентство-посредника, то теперь компания работает напрямую с селлером ООО «Телевизионный рекламный альянс» в качестве прямого клиента. Этот переход обеспечил доступ к первичным данным, что позволяет проводить более глубокий анализ медиапоказателей, оперативно корректировать рекламную стратегию и оптимизировать бюджет размещения.

Согласно данным, предоставленным ЗАО «МедиаИзмеритель» за период с 1 по 31 декабря 2022 года, был проведен анализ показателей телеканалов. На основе этих данных для размещения рекламной кампании РУП «Белтелеком» были отобраны четыре телеканала с наивысшими показателями рейтинга и доли аудитории: Россия-Беларусь, НТВ-Беларусь, ОНТ и Беларусь-1. Целевой аудиторией стали жители Беларуси старше 18 лет, которые смотрят ТВ.

Рекламные кампании показали высокие результаты по охвату аудитории. Всего рекламу увидели 4,6 миллиона уникальных зрителей, что составляет около 80,8% взрослого населения страны. За это время было осуществлено 3 813 показов, а общая длительность трансляций составила 103 929 секунд, или почти 29 часов. В среднем каждый человек из целевой аудитории видел рекламное сообщение более 60 раз, что говорит о высокой частоте контактов.

С точки зрения эффективности затрат, стоимость контакта с одним зрителем составила 58,63 BYN, а стоимость тысячи показов – 1,02 BYN, что является экономически выгодным показателем.

Таким образом, проведенные рекламные кампании успешно охватили большую часть взрослого населения Беларуси и обеспечили многократное взаимодействие с аудиторией при оптимальных затратах.

На основе комплексного анализа предлагается оптимизированная медиастратегия на 2025 год, включающая три ключевых периода: 15.04 – 31.05.2025 года, 01.09 – 31.10. 2025 года и 15.12.2025 – 14.01.2026 года.

Особое внимание стоит уделить возможностям телеканала «Беларусь-3», который с 2025 года стал доступен для размещения по системе GRP. Этот канал представляет особый интерес благодаря сочетанию доступной стоимости и возможности расширения аудиторного охвата.

Для дальнейшего анализа рекламной стратегии и создания медиаплана для РУП «Белтелеком» необходимо провести анализ post campaign/пост-кампании РУП «Белтелеком» за 2024 год, анализ конкурентной среды, включающий идентификацию ключевых игроков рынка и сравнительную оценку их медиастратегий. Особое значение имеет расчет доли (SOV) «Белтелекома» в сравнении с основными конкурентами для определения и выбора типа размещения рекламы. Важным этапом станет выбор оптимального формата размещения (минутный или GRP) и определение приоритетных каналов вещания. Завершающим этапом должна стать разработка и последующая оценка эффективности медиаплана.

Библиографические ссылки

1. *Терещенко М. С.* Планирование и размещение рекламы: учеб.-метод. комплекс. Минск: БГУ, 2020. 80 с.
2. *Назайкин А. Н.* Медиапланирование на 100%. Москва, 2005. 286 с.
3. *Бузин В. Н., Бузина Т. С.* Медиапланирование для практиков. М.: Вершина, 2006. 448 с.

РЕКЛАМНЫЕ СООБЩЕНИЯ KFC И MCDONALD'S: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

А. А. Лукашенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, sashaluk2005@gmail.com
Научный руководитель – Ю. Ю. Гафарова, кандидат философских наук, доцент*

В публикации автор обосновывает необходимость исследования межкультурных различий и их влияния на создание и восприятие визуальных рекламных сообщений на основании семиотического анализа статичных рекламных сообщений таких крупных транснациональных компаний, как KFC и McDonald's в странах с ярко выраженными культурными различиями (США, Германия, Китай и Индия). Работа может выступать основой для дальнейших исследований в области изучения межкультурной визуальной коммуникации; базой для разработки программ анализа и интерпретации визуальных рекламных сообщений с целью развития визуальной грамотности, навыков корректной интерпретации визуальных кодов и создания привлекательного рекламного контента с учетом национальных и культурных особенностей аудитории конкретного региона.

Ключевые слова: визуальный код; рекламное сообщение; межкультурные различия; транснациональные компании; визуальная коммуникация; маркетинговая стратегия; контент-анализ.

Культурные особенности того или иного региона формируют подход к восприятию, интерпретации и анализа визуального рекламного сообщения. В условиях глобализации культуры важно учитывать, что визуальная коммуникация в эпоху развитых технологий часто становится доминирующим средством общения. При этом различные культуры имеют свои уникальные символы, ценности, нормы и традиции, которые могут влиять на восприятие и интерпретацию визуальных сообщений. Неверная интерпретация, ошибки в понимании визуальных элементов часто приводят к конфликтам или даже открытым оскорблениям. Что касается визуальных сообщений, используемых различными ТНК, то подробный сравнительный анализ примеров статичных рекламных сообщений поможет нам нагляднее рассмотреть различия в видении и интерпретации заложенных смыслов в изображениях.

За основу анализа я взяла рекламные сообщения таких крупных транснациональных компаний в сфере быстрого питания, как KFC и McDonald's, так как их бренд является широко известным и рекламируется во многих странах.

Такие страны, в которых данные ТНК активно распространяют рекламу своей продукции, как США, Германия, Китай и Индия обладают наиболее выраженными культурными особенностями, что будет отра-

жаться формате рекламных сообщений, использовании определенных визуальных элементов и их интерпретации.

На основании четырех основных путей к модерну, описанных Йораном Терборном, который обосновывает идею исторических волн (маршрутов) модернизации, регламентируем выбор данных стран для анализа рекламных сообщений транснациональных компаний [3, с. 86–99]:

1. Соединенные Штаты Америки (Новый Свет):

Американское общество возникло на основе многообразия этнических и культурных групп, что создало уникальный культурный синтез. Термин «Новый Свет» отражает именно эту новую территорию, где происходило формирование новой культуры на базе европейских и местных традиций. Реклама данной страны строится на ярких цветах, динамичных композициях и образах «американской мечты» (гиперболизированной эмоциональности), а персонажи в рекламе подчеркивают значимость личного успеха и свободы выбора.

2. Германия (Европейский маршрут модерна):

Германия рассматривается как страна эндогенного модерна, то есть модернизация здесь происходила преимущественно стимулированная внутренними источниками, с опорой на собственные культурные традиции и исторический опыт. Реклама здесь сочетает минимализм, четкость форм и экологическую повестку, отражая традиции европейского дизайна (акцент на функциональность и эстетическую гармонию).

3. Китай (заимствованная модернизация):

Модернизация в Китае – это не просто копирование западных моделей, а прокладывание уникального пути развития, который характеризуется синтезом традиционного и нового, что подчеркивается в современном понимании китайской модернизации как новой формы человеческой цивилизации. Визуальные сообщения сочетают национальную символику (красный цвет) с технологическими элементами (цифровые эффекты). Кроме того, создатели рекламных текстов избегают контента, противоречащего социалистическим ценностям, что требует от них самоцензуры в выборе тем.

4. Индия (колониальная зона):

Колониальная культура Индии – это сложный гибрид традиционных индийских элементов и британского влияния, что сильно повлияло на социальное и культурное развитие страны. Реклама включает элементы региональных традиций и избегает унификации, чтобы не провоцировать культурные конфликты, делая акцент на мультикультурализм. ТНК обращают особое внимание на доступность продукта для низкодходных групп, используя визуальные образы, ассоциирующиеся с равенством.

Таким образом, модернизационные модели определили не только культурные особенности стран, но и стратегии визуальной коммуника-

ции ТНК, которые вынуждены балансировать между глобальными стандартами и локальными ожиданиями.

В качестве инструментария исследования для проведения семиотического анализа визуальных рекламных сообщений были использованы:

1. модель визуальных кодов Умберто Эко [4, с. 79–80]: (1) коды восприятия; (2) коды узнавания; (3) коды передачи; (4) тональные коды; (5) иконические коды; (6) иконографические коды; (7) коды вкуса; (8) риторические коды; (9) стилистические коды; (10) коды бессознательного;

2. выделение функций визуального сообщения по Роману Якобсону [2, с. 10]: (1) референтивной; (2) эмотивной; (3) повелительной; (4) фатической; (5) металингвистической; (6) эстетической;

3. концепции межкультурной коммуникации [6, с. 8]: (1) универсальная перспектива Шалом Шварца; (2) национальная перспектива Гирта Хофстеде; (3) организационная перспектива Фонса Тромпенаарса и Чарльза Хемпден-Тернера; (4) межличностная перспектива Эдварда Т. Холла; (5) интроспективно-личностная перспектива Кристофера Эрли и Сун Анг.

4. выделение элементов композиции: (1) композиционные архетипы (круг (О-композиция), S (сложная кривая), пирамида, крест, излучающая (расходящаяся) линия, L-образная (прямоугольная)); (2) виды выравнивания: (горизонтальное, вертикальное, центральное, выравнивание по краям и по ключевому объекту); (3) масштаб: (контрастный, иерархический, акцентный, перспективный, символический); (4) группировка элементов (близость, сходство, замкнутость, симметрия, непрерывность);

5. цвета: (1) яркие / тусклые (контрастность изображения); (2) холодные/теплые (смешанные); (3) преобладающие цвета;

6. тип и размер шрифта: (1) размер шрифта (малый (12–14 px); средний (16–18 px), крупный (24 px и выше)); (2) тип шрифта (с засечками, без засечек, сценарные, декоративные).

Межкультурные особенности США, Германии, Китая и Индии оказывают решающее влияние на маркетинговые стратегии и визуальные рекламные сообщения KFC и McDonald's. ТНК вынуждены балансировать между глобальной узнаваемостью бренда и локальной адаптацией, чтобы эффективно взаимодействовать с разными аудиториями.

В США реклама строится на подчеркивании индивидуализма, семейных ценностей и динамичного образа жизни. В Германии визуальные сообщения подчеркивают качество, экологичность и минимализм, соответствуя европейским стандартам и местным ценностям. В Китае KFC и McDonald's активно адаптируют рекламу к местным традициям: используют тематику национальных праздников, семейную тематику и локальную символику. KFC, например, внедряет в меню блюда и визуальные образы, близкие китайской культуре, делает

ставку на молодежные тренды и популярных местных знаменитостей (как, во многом, и McDonald's). В Индии компании учитывают религиозные и культурные ограничения, продвигая продукты без говядины и делая упор на доступность, разнообразие и совместное потребление, что отражается в визуальных и текстовых элементах рекламы.

Таким образом, успех KFC и McDonald's на глобальных рынках обеспечивается гибкой маркетинговой стратегией, сочетающей стандартизацию бренда с глубокой адаптацией визуальных и смысловых элементов рекламы к культурным особенностям каждой страны.

Каждая из стран представляет собой уникальную культурную систему, сформированную историческими процессами, внутренними и внешними влияниями, а также показывает, что исследование рекламных сообщений, рассмотренных сквозь призму транснациональных брендов, помогает понять современные культурные взаимодействия и трансформации.

Тема межкультурной визуальной коммуникации является актуальной в мире, где глобализация и транскультурное взаимодействие становятся все более значимыми. Поэтому для корректного создания, декодирования, восприятия и создания визуальных образов необходимо учитывать культурные особенности и контекст, в котором они используются. Это может включать адаптацию дизайна, выбор подходящих символов и изображений.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости изучения того, как межкультурные аспекты влияют на визуальные рекламные сообщения транснациональных компаний с целью оптимизации глобальных маркетинговых стратегий и минимизации культурных конфликтов.

Библиографические ссылки

1. Бондарчук А. И. Адаптация межкультурных визуальных коммуникаций [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2014. №3 (62). С. 1072–1074.
2. Почепцов Г. Г. Семиотические модели коммуникации [Электронный ресурс] // Московский государственный лингвистический университет. URL: <https://studfile.net/preview/4533398/page:3/> (дата обращения: 16.04.2025).
3. Терборн Й. Мир: Руководство для начинающих. М.: ВШЭ, 2015. 336 с.
4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
5. Элкинс Дж. Девять типов междисциплинарности для визуальных исследований // Логос. 2012. № 1. С. 250–259.
6. Sandu O. N. T-KIT 4 Intercultural Learning. Council of Europe and European Commission, 2018. 121 p.

PRODUCT PLACEMENT КАК ИНСТРУМЕНТ МАРКЕТИНГА: КАНАЛЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

П. А. Маталыцкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, polinamatlt@gmail.com
Научный руководитель — О. Е. Дмитриева, старший преподаватель*

В статье рассматриваются маркетинговые возможности product placement как инструмента скрытой рекламы, интегрирующего бренды в контент для повышения их узнаваемости, а также анализируются различные каналы распространения, включая кино, телевидение, литературу, музыку, блогосферу и видеоигры и их эффективность. Особое внимание уделяется важности органичности интеграции и соответствия целевой аудитории. На примерах успешных кейсов показано, как product placement формирует положительные ассоциации и повышает доверие к бренду.

Ключевые слова: product placement; скрытая реклама; интеграция брендов; эффективность; каналы распространения.

В современном маркетинговом мире одним из ключевых инструментов скрытой рекламы выступает product placement. Это инструмент интеграции товаров, брендов или услуг в контент таким образом, чтобы они становились органичной частью сюжета и не воспринимались как навязчивая реклама. В отличие от прямой рекламы, product placement не прерывает потребление контента, а напротив – дополняет его, усиливая реалистичность происходящего. Такой подход повышает запоминаемость бренда и вызывает у аудитории положительные ассоциации за счет связи с героями и ситуациями, вселяя доверие и положительные эмоции. Исторически этот метод начал использоваться еще с появлением кинематографа, но его значимость существенно выросла в условиях рекламного перенасыщения современного мира [7, с. 87–89].

Product placement имеет множество форм проявления и классифицируется по определенным критериям. Среди основных видов выделяют визуальный (прямое появление продукта в кадре), аудиальный (упоминание бренда в диалогах), кинетический (использование товара персонажем), а также смешанный тип, сочетающий несколько подходов одновременно [6, с. 18]. Кроме того, различают фоновый, сценический, доминантный и тотальный product placement по степени его вовлечения в сюжет. Отдельного внимания заслуживает обратный product placement – редкий, но достаточно интересный формат, при котором вымышленный бренд из медиа становится реальным товаром. Такая разнообразная типология позволяет рекламодателям адаптироваться со своими стратеги-

ями, добиваясь органичного и запоминающегося появления бренда или продукта в контенте.

В условиях информационного перенасыщения и нарастающего неприятия прямой рекламы, product placement выступает как универсальный и ненавязчивый инструмент маркетинга, но его успешность зависит от грамотного выбора канала распространения и соответствия бренда целям и стилистике контента.

Одним из наиболее эффективных каналов распространения product placement является кино. Эмоциональное вовлечение зрителя в сюжет создает устойчивые ассоциации с брендом. Классическим примером успешного product placement является использование отеля «Bellagio» в фильме «Одиннадцать друзей Оушена» или телефона «Nokia 8110» в «Матрице», продажи которого выросли после премьеры фильма [1, с. 94]. К числу современных удачных примеров можно отнести фильм «Барби» (2023 г.), где продукты розового цвета различных брендов, упоминаемых в картине, в частности «Zara», получили значительный рост продаж. Но, стоит отметить, что такая положительная тенденция просматривается преимущественно в зарубежном кинематографе, что подтверждается данными опроса, проведенного Булавиной Е. Ю. и Темновой Д. И., где 81,1% респондентов считают зарубежный product placement более качественным, в то время как в российском кино реклама может выглядеть навязчиво, что снижает доверие [2, с. 187]. Однако и в российском кинематографе есть удачные примеры использования данного инструмента маркетинга, как в случае размещения «Альфа-банка» в сериале «Не родись красивой», в результате чего повысились узнаваемость и имидж бренда.

Телевидение обладает широкой аудиторией и разнообразием форматов, позволяя адаптировать product placement под разную целевую аудиторию. Особенно эффективно он работает в реалити-шоу, кулинарных передачах и телепередачах для молодой аудитории. Например, во всем известной передаче «Поле чудес» продукты и техника успешно вписываются в диалог ведущего с участниками. Подобный подход применяется и в шоу «МастерШеф», где бренды кухонной техники и продуктов сопровождают участников на протяжении всего сезона. Также довольно-таки интересным примером является реалити-шоу «Звезды в Африке», в котором размещение энергетиков и операторов связи выполнено ненавязчиво и запоминающе. Однако, стоит учитывать, что чрезмерная интеграция способна снизить качество контента и вызвать раздражение. Удачно встроенные бренды, как в случае шоу «Последний герой», становятся частью повседневной жизни героев, что формирует эмоциональную связь у зрителя и способствует росту доверия [1, с. 107].

Литературный product placement – уникальный канал распространения, который отличается высокой степенью доверия читателей и минимальным уровнем защиты от рекламного воздействия. Он основывается на глубокой эмоциональной связи читателя с персонажами и ситуациями, в которых упоминается товар [3, с. 80]. Примером может служить роман «Дьявол носит Prada», в котором упоминания брендов формируют образ героя и влияют на восприятие читателя. Современные российские авторы, такие как Дарья Донцова, также интегрируют бренды в свои произведения, создавая ощущение реалистичности и актуальности повествования. Например, бренд «Кириешки» был упомянут в названии ее детектива «Принцесса на Кириешках». Но здесь важно учитывать совпадение аудитории книги и бренда, иначе даже креативная интеграция может быть неэффективной.

В музыкальной индустрии product placement стал особенно популярным благодаря жанру хип-хоп, где упоминание брендов стало элементом стиля. «Jay-Z», «Kanye West», «Cardi B» и многие другие исполнители часто включают названия люксовых брендов в тексты своих песен, создавая у слушателей ассоциации между успешностью и потреблением определенных товаров [1, с. 156]. В российской музыкальной индустрии аналогичный результат, в большей степени, достигается через треки рэп исполнителей, к примеру Моргенштерна, «Mасan» и не только. Так, в творчестве рэпера «Big Baby Tare» есть трек «Turbo (Majestic)», полностью посвященный одноименному игровому серверу. Кроме того, клипы, как визуальный контент, предоставляют еще одну возможность для размещения товаров. Например, использование видимых логотипов техники или одежды в клипах Бритни Спирс повысило запоминаемость брендов [8, с. 42]. В 2023 году в клипе «The Weeknd» и «Future» органично были встроены часы «Audemars Piguet», что вызвало отклик у потребителей.

Блогосфера, в частности в «YouTube», также стала продуктивной площадкой для product placement. Блогеры, которые выступают в роли лидеров мнений, демонстрируют рекламируемые продукты в привычной для аудитории обстановке, что вызывает доверие. Например, косметика в обзоре бьюти-блогера или гаджеты в технических обзорах воспринимаются как рекомендация друга, а не реклама [9, с. 798]. Некоторые блогеры, такие как Катя Адушкина или «Wylsacom», эффективно используют рассматриваемый нами инструмент: техника, косметика и даже продукты питания становятся частью любого видео. Эффективность возрастает за счет естественности и высокой вовлеченности зрителей. Блогеры, в целом, часто не указывают, что это реклама, для иллюзии того, что это их личное мнение.

Видеоигры – еще один перспективный канал для скрытой рекламы. Благодаря высокой степени вовлеченности игроков, интеграция брендов в сюжет или игровые элементы становится особенно эффективной. Автомобили, напитки, спортивная одежда – все это может быть успешно интегрировано в игры. Примером является серия игр «FIFA», где бренды спортивной одежды или энергетиков наблюдаются на форме игроков, стадионах и в меню. Подобные можно заметить и в «NBA 2K», а также в «Fortnite», где проводились коллаборации с брендами «Balenciaga» и «Jordan». Онлайн-игры открывают возможности для product placement с учетом предпочтений игроков, что делает воздействие еще более точным и релевантным [5, с. 45]. Однако чрезмерно навязчивая реклама или плохо интегрированные элементы могут вызвать раздражение и нарушить впечатление от игры.

Печатные и интернет-СМИ также используют product placement, чаще всего в виде упоминаний в интервью, обзорах или репортажах. Наиболее эффективной считается технология «Talent relations» – продвижение через знаменитостей. Так, информация о предпочтениях публичных личностей в еде или одежде воспринимается как рекомендация и вызывает подражание. В интернет-СМИ преимуществом является обход рекламных блокировщиков и более точная работа с поведенческими паттернами читателей [4, с. 489]. Так, в «Афише Daily» бренд «Lexus» органично вписывался в спецпроект о путешествиях.

Product Placement остается эффективным маркетинговым инструментом, успех которого зависит от правильного выбора канала и органичности интеграции. Наиболее выигрышными площадками являются кино и телевидение, где встраивание брендов в сюжет обеспечивает доверие аудитории, в то время как литература, музыка, блогосфера и видеоигры позволяют точно воздействовать на конкретные целевые группы. Важными факторами выступают естественность размещения, соответствие аудитории, частота воздействия и эмоциональная связь с контентом. Помимо рассмотренных каналов, существуют и другие не менее перспективные и интересные направления, такие как настольные игры, фестивали, спортивные события и не только. Однако ключевым условием эффективности является соблюдение баланса между рекламными задачами и художественной ценностью контента, так как чрезмерная навязчивость может вызвать неприятие у потребителей.

Библиографические ссылки

1.Березкина О. П. Product Placement. Технологии скрытой рекламы [Электронный ресурс] // СПб.: Питер, 2009. 208 с.: ил. Серия «Маркетинг для профессионалов». – URL: <https://clck.ru/3LQZcK>. (дата обращения: 13.04.2025).

2.Булавина Е. Ю., Темнова Д. И. Product placement и его влияние как инструмент на репутацию фильмов отечественного и зарубежного рынков [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. СПб.: Питер, 2021. С. 185-191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/product-placement-i-ego-vliyanie-kak-pr-instrumenta-na-reputatsiyu-filmov-otchestvennogo-i-zarubezhnogo-rynkov>. (дата обращения: 16.04.2025).

3.Булгакова А. А. Литературный продакт плейсмент как стратегия формирования положительного отношения к бренду [Электронный ресурс] // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2024. Том 10 (76). № 3. С. 80-90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-prodakt-pleysment-kak-strategiya-formirovaniya-polozhitelnogo-otnosheniya-k-brendu>. (дата обращения: 18.04.2025).

4.Иванова А. А. Применение технологии продакт плейсмент в рамках интернет-СМИ [Электронный ресурс] // Вопросы теории и практики журналистики. Москва, 2016. № 5(3). С. 486-493. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologii-prodakt-pleysment-v-ramkah-internet-smi>. (дата обращения: 18.04.2025).

5.Кирюшина И. Реклама в видеоиграх: вопросы правовой квалификации [Электронный ресурс] // Юрислингвистика. Барнаул, 2021. №22. С. 41-47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-v-videoigrah-voprosy-pravovoy-kvalifikatsii>. (дата обращения: 21.04.2025).

6.Мальцева Е. С. Продакт-плейсмент: проблема классификации [Электронный ресурс] // Бизнес и дизайн ревью. Москва, 2024. № 3 (35). С. 14-23. URL: <https://wp.ibnd.ru/wp-content/uploads/2024/08/2.-Maltseva.pdf>. (дата обращения: 07.04.2025).

7.Пикинерова О. А. Скрытая реклама как один из мощнейших инструментов продвижения товаров и услуг // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 8 (42). С. 87-89.

8.Субач И. А., Хасанова Е. Р., Поступная А. П. Эффективен ли product placement в музыкальных видеоклипах [Электронный ресурс] // Вестник магистратуры. 2014. №3(30). Том 2. С. 41-43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektiven-li-product-placement-v-muzykalnyh-videoklipah>. (дата обращения: 19.04.2025).

9.Щетилова Г. Г., Огурцова В. С. Рекламные возможности блогосферы на платформе youtube [Электронный ресурс] // Вопросы теории и практики журналистики. Москва, 2021. №10(4). С. 792-806. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklamnye-vozmozhnosti-blogosfery-na-platforme-youtube>. (дата обращения: 20.04.2025).

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

П. И. Молочко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь paylinka.love@gmail.com
Научный руководитель — У. П. Масалович, старший преподаватель*

В статье рассматриваются геймификация и ее основные характеристики в рамках сферы управления персоналом. Также описаны некоторые из преимуществ и недостатков внедрения геймификации в целях повышения рабочей мотивации, повышения эффективности работы сотрудников и улучшения корпоративной культуры.

Ключевые слова: геймификация; управление персоналом; мотивация.

В современном мире восприятие работы, как особого вида деятельности, направленного на удовлетворение потребностей, и требования к ней у разных людей достаточно разнообразно. Проводя на работе значительную часть жизни, человек, помимо высокого материального вознаграждения, может желать видеть в своей деятельности некие смыслы, чувствовать принадлежность к определенной социально значимой для него группе, а также испытывать интерес к процессу и результату своей деятельности. Эти требования должна учитывать сфера управления персоналом, которая подразумевает под собой деятельность, направленную на подбор, адаптацию, обучения новых сотрудников, эффективное руководство и контроль результатов труда персонала, а также поддержку рабочей мотивации.

Изменение сферы управления персоналом происходит с использованием различных инструментов, одним из которых является геймификация. Термин геймификация впервые использован Ником Пеллингом в 2002 году, однако свое современное значение приобрел в 2010 году. Сейчас под геймификацией понимают использование игровых элементов и механик для решения неигровых задач, то есть внесение их в неигровую среду. В основе геймификации находятся такие особенности как добровольное участие, наличие целей, обратной связи, правил и ненужных препятствий [1].

Процесс геймификации включает в себя следующие элементы: игровые механики, игровое мышление, содействие обучению, решение проблем, эстетику игровые динамики и другие. Под игровыми механиками часто понимают модели PBL: очки (points), значки (badges) и таблицы лидеров (leaderboards) [2, 3]. Такая модель с помощью наград мотивирует на постоянное развитие и достижение результата. Под игровым

мышлением понимается способность представить скучную и обыденную деятельность в интересном для себя игровом формате. Однако геймификацию не стоит путать с игрой, так как у них разные цели и принципы отношения к реальности [3]. Целью игры является развлечение, а целью геймификации быть инструментом достижения результата. Также геймификация не подменяет реальность на какое-либо виртуальное пространство, как, например, делает видеоигра.

Геймификация как инструмент используется в самых различных областях человеческой деятельности: в маркетинге с целью стимуляции покупки и потребления; в онлайн и офлайн образовании для повышения мотивации у обучающихся, а также для более эффективного процесса усвоения информации и ее актуализации; в решении различных общественных проблем, где требуется привлечение внимание большого количества людей и их интеллектуальных способностей, а также в управлении людьми, для мотивации персонала и повышения эффективности работы сотрудников.

Геймификация в сфере управления персоналом называется внутренней, так как она делает акцент на внутренней среде компании. Она используется как инструмент рекрутинга, адаптации и обучения новых сотрудников. С помощью различных рейтингов, квестов, статусов поддерживается мотивация сотрудников, достигаются определенные этапы командообразования и формируется корпоративная культура. Для этого компании создают различные мобильные приложения, где за выполнение и перевыполнение рабочих норм сотрудникам начисляются баллы, которые дают возможность подняться в рейтинге, приобрести игровые предметы, поучаствовать в разнообразных мероприятиях и так далее [4].

Для эффективного применения геймификации в сфере управления персоналом важно правильно определить желаемый результат. Благодаря геймификации мы можем добиться следующих форм поведения работников: сотрудничества или соперничества. При соперничестве каждый сотрудник стремиться выполнить больше индивидуальных задач, достигнуть большего результата чем его коллеги и занять лидирующие позиции в рейтинге эффективных сотрудников. При сотрудничестве работники заинтересованы в выполнении общих задач, которые приводят к награждению всем, то есть они стремятся делиться результатами своих трудов для достижения коллективного успеха. Рекомендуется комбинировать обе формы поведения [5].

Известным примером геймификации является кейс Microsoft: большой программный продукт, переведенный на многие языки мира, неизбежно будет обладать ошибками, которые вычисляют тестировщики и сообщают в отдел программирования. В определенный момент тести-

ровщики столкнулись с огромным количеством простых ошибок. Руководитель одной из команд тестировщиков Роу Смит предложил превратить процесс поиска таких ошибок в игру. Таким образом он хотел привлечь всех сотрудников огромной компании к поиску, что позволило бы найти больше ошибок на самых разных языках, не прибегая к найму дополнительных тестировщиков. За найденную ошибку сотруднику начислялись очки, которые определяли его место в таблице лидеров. В том числе была таблица рейтинга и регионов. 4.500 участников проверили более полумиллиона окон Windows 7 и выявили 6.700 неточностей [6].

Преимуществами использования геймификации в сфере управления можно назвать внедрение оригинальных методов мотивации и вовлечение в работу. Благодаря данному инструменту можно добиться сплоченности коллектива, выполнения общих целей, а также предоставить возможность каждому отдельному сотруднику проявить себя. Достижения сотрудников оцениваются более эффективно по специально заданным параметрам, их можно визуализировать. Кроме того, геймификация поможет обеспечить отлаженную обратную связь персонала и HR-менеджеров. Все это позволяет усовершенствовать рабочие процессы и корпоративную культуру компании [4].

Стоит также отметить, что на работу уже вышли так называемые представители поколения Z по теории Хоу и Штрауса, которые обладают следующими характеристиками: желание заниматься интересной для себя деятельностью, стремление к гармоничному сочетанию работы и личной жизни, широкое использование цифровых технологий. Для данных сотрудников геймификация их трудовых обязанностей является несомненным конкурентным преимуществом работодателя, которое привлекает и удерживает заинтересованных в увлекательной деятельности людей.

Однако применение геймификации в сфере управления также обладает определенными недостатками. Сотрудники могут излишне увлечься баллами и бейджами, переключившись с реальной цели (выполнения своих рабочих обязанностей) на игровую цель (достижение первенства в игре). Между сотрудниками может существовать излишнее соперничество, которое приводит к конфликтам и недовольствам. К тому же повышение мотивации, вызванное геймифицированными элементами своей рабочей деятельности, может прекратиться в силу того, что любая игра рано или поздно надоедает или заканчивается [4].

Таким образом геймификация видится перспективным инструментом в сфере управления персоналом, который, с одной стороны, удовлетворяет потребности сотрудника в информации, интересной деятельности, дополнительном вознаграждении, позволяет ему проявить себя, по-

лучить признание, а также дать обратную связь руководству, а с другой стороны, является оригинальным и сравнительно экономный инструментом мотивации персонала, который могут использовать работодатели для привлечения и удержания специалистов в современном мире. Однако данный инструмент имеет свои недостатки, которые стоит учитывать.

Библиографические ссылки

1. Орлова О. В., Титова В. Н. Геймификация как способ организации обучения [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2015. № 9. С. 60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-kak-sposob-organizatsii-obucheniya/viewer> (дата обращения: 23.04.2025).
2. Гимельштейн Е. А., Годван Д. Ф., Стецкая Д. В. Применение инструментов геймификации в образовании [Электронный ресурс] // Бизнес-образование в экономике знаний. 2020. С. 32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-instrumentov-geymifikatsii-v-obrazovanii/viewer> (дата обращения: 23.04.2025).
3. Гилязова, О. С. Игры и геймификация в образовании: проблема их соотношения в феноменологическом ракурсе [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/32KLSK122.pdf> (дата обращения: 23.04.2025).
4. Рувенный И. Я., Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В. Геймификация как управленческая технология [Электронный ресурс] // BUSINESS. EDUCATION. LAW. 2020, may № 2. С. 171. URL: <https://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/251/article-251-2697.pdf> (дата обращения: 23.04.2025).
5. Мельничук Ю.А., Трубин Д.С. Геймификация как метод стимулирования работы персонала [Электронный ресурс] // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. С. 100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-kak-metod-stimulirovaniya-raboty-personala> (дата обращения: 23.04.2025).
6. Microsoft: Как превратить тестирование ПО в игру [Электронный ресурс] // gamification-now.ru : сайт. URL: <https://www.gamification-now.ru/cases/geymifikaciya-na-sluzhbe-biznesa-kak-microsoft-prevratil-testirovanie-po-v-uvlekatelnuyu-igru> (дата обращения: 23.04.2025).

РЕКЛАМА КАК МЕДИА. ГОРЯЧЕЕ ИЛИ ХОЛОДНОЕ?

Л. А. Найден

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, najdenlubov@gmail.com
Научный руководитель — М. С. Терещенко, старший преподаватель*

Аннотация. В статье рассматриваются теория Маршалла Маклюэна о холодных и горячих медиа в контексте современных рекламных сообщений; тенденция изменения температур медиа, используемых в рекламе; способы влияния холодных и горячих рекламных сообщений на потребителя.

Ключевые слова: реклама; медиа; холодные медиа; горячие медиа.

Впервые понятие медиа Маршалл Маклюэн ввел в своей работе «Понимание медиа: Внешние расширения человека». Маршалл Маклюэн не давал определения понятию медиа, однако писал о медиа, как о средствах коммуникации [3, с.9]. И. В. Жилавская, исходя из текстов Маршалла Маклюэна, дала определение медиа: «Под медиа следует понимать всю совокупность каналов коммуникации, с помощью которых передается любое содержание от источника информации к ее получателю» [2, с. 116]. Исходя из такого определения, становится понятно, что медиа служит именно для передачи информации. Даже происхождение слова от латинского «medium», что означает «посредник», подразумевает то, что медиа – это любое то, что находится между двумя индивидами, любой посредник в коммуникации.

Маршалл Маклюэн разделил все медиа на горячие и холодные исходя из того, как медиа воздействуют на чувства людей и какую степень вовлеченности они требуют [3, с. 27]. Если медиа воздействует на одно единственное чувство человека, возводя его до состояния высокой определенности, где высокая определенность – это максимальная наполненность данными, то это – очень горячее средство коммуникации. Если же медиа не дает этого состояния, воздействуя одновременно на несколько чувств или не наделяя полнотой данных одно чувство, то это будет холодное медиа. Сравнивая фотографию и комикс, Маршалл Маклюэн называет фотографию горячим медиа, а комикс – холодным. Потому что фотография дает исчерпывающую визуальную информацию о том, что на ней изображено, а если точнее, что хотел изобразить на ней фотограф, в то время как действие комикса явно шире того, что может быть нарисовано на одном или нескольких фреймах. Комикс пытается создать некоторую динамику, движения и звуки, которые читателю приходится вообразить.

Горячие средства коммуникации также характеризуются малой степенью вовлеченности, поскольку в состоянии высокой определенности человеку не нужно дополнительно вовлекать свои ресурсы для «додумывания» недостающей информации. В случае холодных медиа, данной человеку информации недостаточно для понимания полной картины, и по этой причине человек вынужден использовать свои интеллектуальные возможности и воображение, соответственно, это и есть высокий уровень вовлеченности, который прослеживается и в примере с комиксом.

На протяжении истории человечества массовые средства коммуникации становились все более горячими, стремясь к однозначности [2, с. 116], для того, чтобы людям не приходилось тратить свои время и силы на интерпретацию сообщения, и тем самым массовые средства коммуникации вели к снижению интеллектуальной деятельности потребителей. Однако такая тенденция в конце концов могла бы привести к перегреву медиа, когда текст сообщений стал бы несколько примитивным, что вызывал бы либо смех, либо гнев у аудитории. Потому с появлением телевидения температура медиа начала опускаться. Маклюэн считал, что телевидение со своей мозаичностью, которая напоминает комикс, очень сильно увлекает потребителя [3, с. 352].

После телевидения появилось кардинально новое медиа – интернет. Особенность интернета заключается в том, что он включает в себя все предыдущие виды медиа. Совместно с тем, что в интернете огромное количество исчерпывающей информации, также он очень интерактивен и требует вовлеченности аудитории [2, с. 119]. При такой комбинации можно сказать, что температура уравнивается и интернет одновременно является как горячим, так и холодным медиа.

Однако медиа не появляются сами по себе холодными или горячими. Как считает И. В. Жилавская, горячие медиа создаются отправителями сообщений, а аудитория эти медиа остужает [2, с. 120]. Другими словами, отправители пытаются создать ситуацию полусознательного восприятия информации, подавить когнитивные способности аудитории. В то время как сама аудитория сопротивляется этому, стремясь к холодным средствам коммуникации и создавая соответствующие тренды. Это, например, мода на черно-белые фотографии или ретро стиль в одежде, постепенная популяризация печатных книг или комиксов и мода на минимализм в различных дизайнах, в рекламе в том, что возвращает потребителя от горячей фотографии к холодному иконическому письму.

Маршалл Маклюэн отдельно с позиции медиа рассматривал рекламные сообщения в главе «Рекламные объявления. Стремясь не

отстать от соседей» обсуждаемой работы. И, по моему мнению, очень важная мысль, описанная в этой главе, заключается в том, что рекламные сообщения не предназначены для осознанного потребления [3, с. 257]. Это продолжает идею того, что именно создатель сообщений разогревает медиа. С позиции рекламодателя повышение температуры медиа попросту более выгодно, поскольку аудиторией, которая находится в полусознательном состоянии, намного легче управлять.

Однако горячие медиа являются максимально горячими только в момент своего создания, а после медленно начинают остывать. Говоря другим языком, созданное рекламное сообщение будет выглядеть достойно в контексте того времени, когда оно было создано, а если спустя десятилетия вновь обратиться к нему, то оно будет выглядеть очень забавно или даже комично [3, с. 259]. И это связано с тем, что другая среда заставляет потребителя вовлекаться в данное медиа, анализировать его и критически оценивать, соответственно – остужать.

Сегодня, благодаря интернету, общий градус горячих медиа стал ниже, по сравнению еще с прошлым столетием, но горячее все равно осталось горячим. Самые, на мой взгляд, яркие и горячие примеры я могу привести из такой современной и холодной площадки как «ТикТок», где в последнее время я часто вижу очень горячую рекламу, в которой буквально написано: «Купите, пожалуйста», и представлена фотография товара. Обычно создатели такой рекламы – это люди, пытающиеся заработать на своем творчестве.

Похожая на предыдущий пример горячая реклама выглядит как фотография с подписью о том, что изображено на ней. И такой вид рекламы также довольно сильно распространен в интернете.

Повторяемость рекламных сообщений позволяет им отпечататься в бессознательном, часто минуя само сознание. И в какой-то момент потребителя может настигнуть воспоминание о товаре, пришедшее из бессознательного, но источник этого воспоминания он может не вспомнить. И основной механизм воздействия горячих медиа на людей – формирование выбора на уровне автоматических решений.

Отдельно можно рассмотреть пример прямого маркетинга, который, с помощью такого холодного медиа как разговор, воздействует, или пытается воздействовать, на бессознательное потребителя. Таким образом продавались пылесосы «Kirby» [1]. Продавцы приходили прямо в квартиру потенциального покупателя, демонстрировали сам пылесос, то, как он справляется со своими функциями, обсуждали его достоинства и сравнивали с простым пылесосом. В обычных условиях это должна была быть очень холодная коммуникация с высоким уровнем вовлеченности и, соответственно,

осознанности потребителя. Но это часто было только кажущимся, а настоящая осознанность могла настигнуть человека спустя час после того, как продавцы покинули его квартиру, или даже спустя пару дней.

Почему же так происходило? Опять же, сам по себе разговор очень холоден, однако такая продажа пылесосов «Kirby» никогда и не была обычным разговором. Я считаю, что такой формат коммуникации больше похож на радио или даже на кино, где продавцы действовали по заготовленным сценариям, говорили заготовленные тексты, отвечали на вопросы, которые они знали, что им зададут, готовыми ответами и так далее. Потребителю такого «кинопродукта» казалось, что он вовлечен в коммуникацию и даже может как-то на нее влиять, но в большинстве случаев это было не так. Запуская подобных продавцов в квартиру, тут же включалось «радио», которое уже было очень сложно выключить или хотя бы поставить на паузу. А способ вещания этого «радио» часто характеризуется высокой скоростью, что как раз и направлено на снижение уровня вовлеченности, ведь создается ситуация, когда слушатель просто не успевает даже вставить какой-либо комментарий. Отчего выходит, что очень даже возможно замаскировать горячую коммуникацию под холодную.

Касательно холодных медиа, главное свойство, которое делает их холодными – это мозаичность, которую Маклюэн упоминает, например, в описании комикса [3, с. 187]. Именно благодаря мозаичности получатель может, словно пазлы, собирать из кусочков целую картинку, при этом обнаруживая, что некоторых элементов может не хватать. Подобные маленькие головоломки часто используются в современной рекламе, и главное, что они нравятся аудитории.

Как пример хочу разобрать рекламу «Volkswagen» – «Das Auto». Она хоть и выглядит максимально простой, но на самом деле представляет собой как раз одну из тех небольших холодных мозаик. Начать можно с того, что перед нами текст – «Машина», который в отдельности очень горяч. Однако на этой рекламе мы не видим машины. Перед нами есть некий знак, логотип, который можно отнести к холодному иконическому знаку. Является ли сам знак машиной? Явно нет. И на этом моменте уже можно понять, что кусочка этой мозаики не хватает. А именно того, что данный логотип – это логотип конкретной автомобильной компании. Эта информация не дана потребителю в этой рекламе, и ему придется самому добавить недостающую деталь в картинку, чтобы понять, что перед ним реклама автомобильного бренда. Для этого потребителю придется использовать свои когнитивные способности, знания и опыт.

По подобному принципу действуют и другие холодные рекламные сообщения, и медиа вообще. Они требуют внимания для того, чтобы быть понятыми. И холодной рекламой пользуются все крупные компании, которые я знаю. Однако не исключительно ей, а чередуя ее с горячей. Говорить с потребителем одними только загадками может ему надоесть также, если говорить ему всегда все прямо в лицо. Хотя и частота появления холодного или горячего будет зависеть также и от особенностей аудитории и от их предпочтений к температуре медиа.

Выводы.

Все, что нас окружает, является медиа. Для рекламы использовались и используются все доступные человеку медиа. Большую часть истории человечество стремилось к горячим медиа. Однако с появлением телевидения общий их градус начал снижаться. Это можно заметить в современных тенденциях, которые направлены на охлаждение средств коммуникации и рекламы в том числе. Сегодня интернет, содержащий в себе черты иных видов медиа, дал возможность комбинации холодного и горячего.

Также я заметила тенденцию, что, чем крупнее, чем старше становится компания, тем чаще она прибегает к холодным медиа, а на своем старте небольшие компании чаще используют горячие. Мне показалось это достаточно логичным, поскольку изначально следует горячими способами донести до аудитории суть продукта так, чтобы они точно ее поняли, прежде чем преступить к загадкам.

Таким образом, современная реклама подстраивается под потребителя в комфортном для него температурном режиме. И максимально горячая реклама сегодня для достаточно развитых компаний менее эффективна, чем максимально холодная или «теплая». Для новичков на рынке на первое время, возможно, больше подходит горячие средства коммуникации.

Библиографические ссылки

1.Отзыв на пылесос Kirby // IRECOMMEND.RU: Пылесос KIRBY Sentria G10E – отзыв: [сайт]. URL: <https://irecommend.ru/content/povelas-kupila-i-izbavilas-za-2-nedeli> (дата обращения: 23.04.2025).

2.Жилавская И. В. Горячие визуальные медиа как фактор деактивации аудитории // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. №4. С. 115–124.

3.Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. - пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. 464 с.

МЕЖДУ СКРИПТОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ: МОНИТОРИНГ И ОЦЕНКА СОБЛЮДЕНИЯ СТАНДАРТОВ КЛИЕНТСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В БАНКЕ

А. С. Филиппов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phs.FilippovAS@bsu.by*

Научный руководитель — М. С. Терещенко, старший преподаватель

В статье рассматривается практика мониторинга стандартов клиентского обслуживания в банковской сфере на примере ОАО «БНБ-Банк». Анализируется методика оценки качества работы сотрудников фронт-офиса с использованием чек-листов. Особое внимание уделяется организации мониторинга и его роли в повышении эффективности клиентского сервиса.

Ключевые слова: мониторинг; качество обслуживания; клиентское обслуживание; чек-лист; стандарты обслуживания; лояльность клиентов.

В условиях высокой конкуренции в банковской сфере особую значимость приобретает формирование устойчивой и клиентоориентированной политики обслуживания. ОАО «БНБ-Банк» позиционирует себя как современный финансовый институт, ориентированный на долгосрочные отношения с клиентами, высокое качество предоставляемых услуг и внедрение технологичных решений, обеспечивающих удобство и прозрачность взаимодействия [1].

Целью банка в области клиентского сервиса является создание устойчивого конкурентного преимущества, основанного на высоком уровне удовлетворенности клиентов. Это, в свою очередь, проявляется в формировании позитивного клиентского опыта, высоких показателях удержания клиентов, росте их лояльности, а также в положительном восприятии бренда банка на рынке.

В ОАО «БНБ-Банк» особое внимание уделяется мониторингу соблюдения стандартов обслуживания клиентов, что в свою очередь влияет на удовлетворенность клиентов и их лояльность. В качестве одного из инструментов контроля за качеством обслуживания банк использует чек-листы, позволяющие детально фиксировать каждый этап взаимодействия клиента с сотрудником и объективно оценивать соблюдение стандартов обслуживания банка.

Чек-лист для мониторинга коммуникации с клиентами представляет собой структурированный инструмент, предназначенный для оценки качества обслуживания на каждом этапе взаимодействия клиента с сотруд-

ником банка. Он охватывает несколько ключевых разделов, позволяющих всесторонне оценить качество обслуживания клиентов.

Чек-лист разработанный отделом мониторинга качества клиентского сервиса ОАО «БНБ-Банк» включает в себя следующие разделы:

3. Приветствие и установление контакта: фиксируется, как сотрудник начал взаимодействие с клиентом. Оценивается, встретился ли сотрудник с клиентом взглядом, поприветствовал ли его, представился ли, поинтересовался, как обращаться к клиенту, обращался ли сотрудник к клиенту по имени в ходе консультации.

4. Выявление потребностей: оценивается, насколько сотрудник смог выявить потребности клиента. Были ли заданы вопросы о цели визита, задавал ли сотрудник уточняющие вопросы для более точного понимания ситуации клиента и предоставления наиболее подходящего решения той или иной проблемы.

5. Презентация продукта/услуги: оценивается, насколько полно и профессионально сотрудник предоставил решение, которое соответствует потребностям клиента, акцентировал ли сотрудник внимание на преимуществах продукта или услуги, рассказывал ли о деталях, визуализировал ли информацию и предлагал ли решение, соответствующее запросам клиента. Также проверяется, как сотрудник проявляет инициативу в предложении продуктов или услуги.

6. Работа с возражениями: оценивается, насколько внимательно сотрудник слушает клиента, не перебивает ли его, а также как эффективно амортизируются возражения и приводятся аргументы в пользу предложенного решения.

7. Кросс-продажи (формирование комплексного продуктового предложения): оценивается, предлагает ли сотрудник дополнительные продукты или услуги, которые могут дополнить основное решение клиента. Важным моментом является уместность и полезность такого предложения согласно потребностям клиента.

8. Завершение контакта: оценивается, уточнил ли сотрудник, остались ли у клиента дополнительные вопросы, важным моментом является просьба оставить контактные данные для дальнейшей связи и предложение рекламных материалов, буклеты [2].

Оценка по чек-листу выполняется с использованием следующей шкалы:

- 2 – сотрудник полностью соблюдает стандарты обслуживания по данному пункту;
- 1 – сотрудник частично соблюдает рекомендации или действия выполнены не в полном объеме;
- 0 – сотрудник не соблюдает рекомендации, действие не выполнено;

- N/A – данный пункт не применим к конкретному случаю.

В рамках прохождения учебной проектно-исследовательской практики в ОАО «БНБ-Банк» я смог поучаствовать в процессе мониторинга коммуникации сотрудников фронт-офиса банка с клиентами, что позволило мне на практике применить теоретические знания и понять, как эффективно используется чек-лист для оценки соблюдения стандартов.

В ходе мониторинга мной были выявлены нарушения стандартов обслуживания в части «приветствие и установление контакта», «работы с возражениями» и «завершение контакта». На банковских островках «Тивали», «Грин Сити», «Галерея» ни один из сотрудников не уточнил у клиента, как он может к нему обращаться в момент консультации. Данное нарушения можно считать игнорированием принципов эффективной коммуникации, поскольку использование имени клиента способствует установлению доверительных и более персонализированных отношений, что, в свою очередь, играет ключевую роль в создании положительного клиентского опыта и повышении уровня его удовлетворенности в процессе обслуживания [3].

В половине случаев сотрудники не приводили аргументы в пользу предлагаемого продукта или услуги и не проявляли убедительности при работе с возражениями клиентов. Отсутствие убедительной аргументации может привести к снижению доверия клиента и отказу от обслуживания. Эффективная отработка возражений включает в себя активное слушание, выявление истинных потребностей клиента и предоставление убедительных аргументов, которые помогают преодолеть сомнения клиента [4].

Кроме того, в ходе мониторинга также было обнаружено, что практически все сотрудники не завершали контакт с клиентом должным образом: не уточняли, остались ли у клиента дополнительные вопросы, не резюмировали итоги встречи, не предлагали рекламные материалы и не озвучивали контакты для обратной связи. Отсутствие этих действий может привести к снижению уровня удовлетворенности клиентов и утрате возможности для дальнейшего взаимодействия. Как отмечается в стандартах обслуживания клиентов банка, завершение контакта должно включать подведение итогов встречи, предложение дополнительных услуг и запрос рекомендаций, что способствует укреплению отношений с клиентом и повышению его лояльности [5].

Результаты мониторинга качества обслуживания в ОАО «БНБ-Банк» показали, что соблюдение стандартов на всех этапах взаимодействия с клиентами играет ключевую роль в формировании положительного клиентского опыта и обеспечении высокого уровня лояльности. Однако в нарушения в области коммуникации клиентом, могут существенно по-

влиять на восприятие клиента и общую удовлетворенность обслуживанием.

Хотелось бы отметить, что сам процесс анализа и обратной связи с сотрудниками уже является значительным шагом к совершенствованию коммуникации банка с клиентами. Систематическая работа в области устранения выявленных недостатков, таких как приветствие, внимание к потребностям клиента и завершение контакта, обязательно приведет к улучшению уровня обслуживания и повышению удовлетворенности клиентов. Внедрение этих изменений позволит ОАО «БНБ-Банк» укрепить свою позицию на рынке и продолжить развитие долгосрочных и доверительных отношений с клиентами.

Библиографические ссылки

1.ОАО «БНБ-Банк» [Электронный ресурс]. URL: <https://bnb.by/lichnom/obslyzhivanie/> (дата обращения: 20.04.2025).

2.Мониторинг коммуникации с клиентами. – [Внутренний документ]. – Минск: ОАО «БНБ-Банк», 2025.

3.*Завьялова Л. В., Логунов А. Е.* Банковское обслуживание физических лиц: характеристика научных подходов. Вестник Омского университета. Серия «Экономика», 2017. – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankovskoe-obslyzhivanie-fizicheskikh-lits-harakteristika-nauchnyh-podhodov> (дата обращения: 18.04.2025).

4.*Новокрещенова О. А.* Обслуживание клиентов в банке: содержание и критерии качества. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obslyzhivanie-klientov-v-banke-soderzhanie-i-kriterii-kachestva> (дата обращения: 20.04.2025).

5.Скилбокс. Курсы по клиентскому обслуживанию и управлению сервисом [Электронный ресурс]. URL: <https://skillbox.ru/courses/client-service/> (дата обращения: 19.04.2025).

СЕКЦИЯ 20. СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ, ПОЛИТИКЕ, КУЛЬТУРЕ

МОТИВАЦИЯ И СТИМУЛИРОВАНИЕ ПЕРСОНАЛА В РАМКАХ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Д. С. Сай

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, dasha.say@list.com*

Научный руководитель — И. В. Пинчук, кандидат социологических наук

Корпоративная культура и создание условий для заинтересованности сотрудников в повышении эффективности работы и развитии социального партнерства являются важными задачами современного бизнеса. Разработка и внедрение эффективных мотивационных моделей повышает конкурентоспособность, производительность и доходность организации. Помимо этого, позволяет выйти на новый уровень экономического развития и реализовать возможности на мировом рынке. Для повышения эффективности деятельности организации важно уделять достаточное внимание мотивации персонала. Компании, которые рассматривают своих сотрудников как центральный ресурс и активно работают над их мотивацией, как правило достигают большой эффективности. Сотрудники приносят уникальные точки зрения, ценности и черты характера, которые при правильном управлении становятся значительными преимуществами для организации.

Ключевые слова: мотивация труда; стимулирование; система мотивации; корпоративная культура; персонал.

Современные условия глобальной экономики и особенности ее функционирования ставят перед предпринимателями важную задачу — эффективное мотивирование персонала для повышения продуктивности труда. Разработка эффективной системы стимулов, которая мотивирует сотрудников и увеличивает эффективность бизнеса, не только помогает достигать поставленных целей, но и может решить более широкие социальные проблемы, связанные с трудовой деятельностью. Без способности успешно побуждать персонал старательно выполнять поставленные задачи владельцу бизнеса будет сложно сохранять позицию среди конкурентов и улучшать показатели своего предприятия в экономическом плане. В некоторых случаях недостаточное внимание к мотивации оказывается одной из ключевых причин низких результатов на рынке.

Знание методов и приемов мотивации сотрудников играет важную роль в формировании положительного имиджа компании как внутри коллектива, так и снаружи – для клиентов, конкурентов и потенциальных соискателей, которые высоко ценят здоровую трудовую этику и баланс между работой и отдыхом.

Корпоративная культура выступает инструментом формирования положительного имиджа компании и оказывает значительное влияние на мотивацию сотрудников. Она интерпретируется как «система ценностей, устремлений, принципов и традиций, которая складывается в процессе функционирования бизнес-компании. Выступает в качестве внутренней силы, определяющей те ценности, которые важны для компании и должны быть уважаемыми всеми ее сотрудниками [1]. Корпоративная культура играет ключевую роль в успешном функционировании бизнеса. В условиях конкуренции и динамичного развития рынка компании сталкиваются с необходимостью не только привлекать, но и удерживать способных и талантливых сотрудников.

Мотивация – совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, определяют поведение, формы деятельности и придают ей направленность, ориентированную на достижение личных целей и целей организации [2].

Мотив – внутреннее побуждение человека (личности) к активности, которое ею осознается [5]. Мотив всегда персонализирован и имеет индивидуальный характер, он возникает на почве определенных черт характера и психологических особенностей, личных потребностей и потребностей среды, социального круга и других внешних обстоятельств.

Стимулирование – это внешнее побуждение к работе с помощью стимулов, например, денег, социального положения, различных бонусов [6].

Рассматривая мотивацию с точки зрения психологии, можно выделить две разновидности феномена: внутреннюю мотивацию и внешнюю. Внутренняя мотивация, как правило, заключается в удовольствии от процесса работы, ощущении удовлетворения от труда и свободы действий, осознания ценности выполняемых задач, интересе к сфере деятельности, возможности реализовывать свои таланты и совершенствоваться в профессиональной деятельности и смежных сферах. Для возникновения внешней мотивации необходимо наличие факторов извне, которые побуждают человека к продуктивному труду, таких как высокая зарплата, перспективы построения карьеры, социальные льготы и бонусы для сотрудников, отношения с коллективом и вышестоящими лицами. Для построения идеальной стимулирующей системы для персонала необходимо не только формировать внешние факторы мотивации, но и учитывать внутреннюю мотивацию сотрудников на рабочем месте [4].

Мотивация и стимулирование персонала играют ключевую роль в формировании эффективной корпоративной культуры. Они способствуют повышению производительности, улучшению морального духа и снижению текучести кадров.

Корпоративная культура формируется руководством организации, и ее задача – объединить сотрудников, нацеленных на общую цель, а не только на выполнение своих профессиональных обязанностей. Она является основой для развития организации и формирует стиль работы, миссию, ценности и стратегию, помогая обеспечить единство и эффективность трудовой деятельности всех участников. Корпоративная культура включает в себя ценности, убеждения, обычаи, нормы поведения и практики, которые определяют, как работают и взаимодействуют люди внутри компании. Она также может включать в себя стиль и методы руководства, стиль коммуникации, цели и стратегии компании, а также ее взаимоотношения с клиентами, партнерами и обществом в целом. Корпоративная культура может быть выражена через лозунги, символы и общую атмосферу в офисе, а также через поведение руководства и сотрудников [1].

Цель корпоративной культуры – обеспечение высокой прибыльности фирмы посредством совершенствования управления человеческими ресурсами в целях обеспечения лояльности сотрудников к руководству и принимаемым решениям, воспитания у работников отношения к предприятию как к своему дому, что приводит к максимальной эффективности производственного менеджмента, к качественным улучшениям деятельности предприятия в целом, постоянному совершенствованию системы стимулов [7].

Культура компании способна выступать мощным и мотивирующим фактором, так как она является основой организации и наиболее явно проявляется через сотрудников. Если каждый работник осознает свою роль в ценностном формировании компании, это может стать непосредственным стимулом для повышения их производительности и эффективности.

Можно выделить основные элементы корпоративной культуры, подходящих для каждой организации:

1. Фирменный стиль – использование единых принципов оформления, набора определенных цветовых сочетаний и образов для всех разновидностей рекламы, деловых бумаг, документации, дресс-кода сотрудников и офиса. Цель – объединить всех сотрудников компании в эффективный коллектив для улучшения качества работы и повышения лояльности к бренду со стороны клиентов и партнеров.

2. Миссия и ценности – это предназначение и смысл существования организации. Миссия фокусирует внимание на текущей деятельности организации и определяет общее направление ее развития. Корпоративные ценности являются важным элементом компании, обеспечивающим связь между эмоциями и поведением сотрудников.

3. Традиции и ритуалы – очевидное выражение корпоративной культуры, которое подчеркивает важность события и укрепляют существующий порядок. Могут организоваться самостоятельно, или же навязаны руководством. Корпоративная культура может поддерживаться через проведение различных мероприятий и обучения сотрудников, которые помогут им лучше понимать ценности и принципы компании, а также развивать навыки и компетенции, необходимые для достижения общих целей.

Корпоративные ценности – это доминирующие ориентиры, мировоззренческие позиции, установки, которые задают, прежде всего, морально-нравственные групповые нормы и являются инструментом формирования противодействия влиянию разрушающих, дезорганизующих процессов внутри коллектива [4]. Результат реализации мотивирующей функции корпоративной культуры проявляется в степени лояльности и приверженности сотрудников организации. В связи с этим, формирование ценностного отношения сотрудников является стратегической задачей любого руководителя [8]. Формирование и развитие корпоративной культуры играет ключевую роль в определении поведения сотрудников.

Корпоративная культура – специфический продукт жизнедеятельности и развития организации, который проявляется в системе разделяемых членами организации ценностей, за счет целенаправленно формирующихся единых культурных стереотипов поведения [8].

Грамотно выстроив корпоративную культуру, можно сформировать сильную команду. Дополнительный плюс – обеспечение единства целей и режима работы. Так повышается производительность труда и качество выпускаемых продуктов или предоставляемых услуг [3].

Таким образом, мотивация персонала является важным фактором, влияющим на производительность труда и конкурентоспособность. Эффективная система стимулов помогает не только достигать бизнес-целей, но и решать более широкие социальные задачи. Суть корпоративной культуры заключается в совпадении ценностей компании и личных ценностей сотрудников. Если руководитель не учитывает индивидуальные особенности своих подчиненных, он рискует упустить возможность поддержать их профессиональный рост и повысить качество работы, что должно быть его приоритетом. В отношении целей организации, даже если они достигаются, сотрудники могут не получать долж-

ного признания и не связывать свои усилия с личными целями или решениями руководства. Корпоративная культура компании проявляется в атмосфере, особенностях взаимодействия сотрудников, их отношении к клиентам и партнерам. Взаимосвязь между мотивацией сотрудников и корпоративной культурой организации становятся очевидной.

Библиографические ссылки

1. *Арутюнян С. Г.* Корпоративная культура как фактор мотивации персонала [Электронный ресурс] // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. №3 (11) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-kak-faktor-motivatsii-personala/viewer> (дата обращения: 24.03.2025).

2. *Душарина Е. Ю.* Основные элементы корпоративной культуры // Экономика и бизнес [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-elementy-korporativnoy-kultury/viewer>. (дата обращения: 15.04.2025).

3. Корпоративная культура как фактор мотивации персонала [Электронный ресурс] URL: <https://zaman.ru/articles/korporativnaya-kultura-kak-faktor-motivacii-personala/> (дата обращения: 15.04.2025).

4. *Ворони Б. А., Фатеева Н. Б., Серебренникова М. С.* Корпоративная культура в организации [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-v-organizatsii-2/viewer> (дата обращения: 05.03.2025).

5. Макарова, Е. Л. Исследование мотивации персонала: отечественный и зарубежный опыт / Е. Л. Макарова, М. М. Голубева // Вестник Таганрогского института управления и экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-motivatsii-personala-otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt/viewer> (дата обращения: 20.03.2025).

6. Материальная мотивация персонала: понятие, методы и эффективность применения [Электронный ресурс] URL: <https://zakonguru.com/trudovoe/upravlenije/obuchenije/materialnaja-motivacia.html#i-6> (дата обращения: 20.03.2025).

7. *Меньшенина М. А.* Роль корпоративной культуры в системе мотивации труда [Электронный ресурс] URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/26838/1/ps_2006_8_1_39.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

8. *Тихомиров П. В.* Мотивация сотрудников в контексте корпоративной культуры организации [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2019. — № 4 (242). — С. 176-179. URL: <https://moluch.ru/archive/242/55954/> (дата обращения: 15.04.2025).

ОСОБЕННОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ИГОРНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. К. Мытько

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, leskrivets@gmail.com
Научный руководитель — И. В. Пинчук, кандидат социологических наук*

Данная работа посвящена изучению особенностей виртуальных игорных заведений в Республике Беларусь. В публикации отражены кейсы продвижения, а именно – мероприятия, которые проводились в последние годы. В статье фокусируется внимание на проблеме отсутствия информации об особенностях продвижения виртуальных игорных заведений Республики Беларусь.

Ключевые слова: виртуальные игорные заведения; продвижение; реклама.

Современный рынок виртуальных игорных заведений представляет собой динамично развивающуюся сферу, которая должна адаптироваться к законодательным ограничениям и одновременно с этим подстраиваться под социальные ожидания, а точнее бороться с негативным восприятием онлайн-игр из-за лудомании (игровой зависимости).

В августе 2018 года в Республике Беларусь был подписан Указ Президента Республики Беларусь №305 «О совершенствовании правового регулирования игорного бизнеса», который направлен на модернизацию законодательства в сфере азартных игр и легализацию в стране виртуальных игорных заведений. С этого момента у белорусов появился доступ к виртуальным азартным развлечениям. Первое онлайн-казино в Беларуси открылось 26 марта 2020 года и начало функционировать в апреле того же года. Организовано оно было представительством букмекерской конторы «Parimatch» в Беларуси (в настоящее время «Betera»).

Помимо основных правил размещения рекламы, существуют отдельные требования для рекламы онлайн-казино, азартных игр, лотерей и прочего. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О рекламе» рекламные материалы не должны создавать впечатление, что участие в азартных играх является стабильным источником дохода. Исключено использование образов детей, а также размещение рекламы в СМИ и на товарах, ориентированных на несовершеннолетних. Реклама не должна формировать негативное отношение к лицам, воздерживающимся от участия в азартных играх, а также содержать утверждения, преуменьшающие риски или преувеличивающие шансы на успех.

Законодательно закреплён перечень мест, где размещение рекламы азартных игр запрещено. К ним относятся детские товары и учреждения

(школы, детские сады и больницы), теле- и радиовещание в период с 7:00 до 22:00 (за исключением трансляций спортивных мероприятий), а также государственные и муниципальные объекты, включая спортивные сооружения. Строгие правила регулирования отражают стремление государства к обеспечению социальной ответственности бизнеса и защите граждан от потенциальных негативных последствий участия в азартных играх.

Операторы виртуальных игорных заведений, обладая значительными финансовыми ресурсами и маркетинговыми командами с креативным потенциалом, активно разрабатывают и внедряют нестандартные рекламные решения. Ярким примером служит следующий кейс: в рамках подготовки к чемпионату Европы по футболу 2024 года компания «Betera» реализовала промо-проект, направленный на создание праздничной атмосферы среди жителей и гостей столицы. Было осуществлено брендинг речного теплохода «Свислочь», который курсировал по одноименной реке.

Транспортное средство оформили в фирменной бело-зеленой цветовой гамме. Наружное оформление включало тематические надписи («Футбол», «Гоол», «Все на борт»), дополненные композицией из 24 футбольных мячей – по числу стран-участниц турнира. Особенностью дизайна верхней палубы стало покрытие, имитирующее футбольное поле, в то время как носовая часть судна была украшена масштабным логотипом компании.

Также для продвижения может быть предусмотрено участие или организация культурно-массовых мероприятий, которые не имеют прямой отсылки к деятельности онлайн-казино. Например, в августе 2023 и 2024 годов проходил фестиваль «Forza Betera» от онлайн-казино «Betera». Данное мероприятие сочетало в себе элементы спортивной, музыкальной и гастрономической культуры Италии. Событие было рассчитано на всех желающих любого возраста и не содержало призывов к игре, однако фестиваль включал показ матча футбольного клуба «Ювентус», который является партнером «Betera».

Рекламные сообщения часто маскируются под органичный элемент информационного пространства. Это может быть как поддержка какого-либо проекта, так и благотворительная инициатива, что, несомненно, влияет на имидж компании. В феврале 2025 года букмекерская компания «Maxline» вместе со своим бренд-амбассадором Максимом Мирным посетила приют для животных «Фауна города» и передала корм для бездомных животных.

При этом в благотворительной деятельности также имеются свои ограничения. Все, что связано с азартом, не может быть связано с деть-

ми – одной из наиболее уязвимых социальных групп. Для таких случаев виртуальные игорные заведения используют альтернативные варианты. Например, «Fonbet» создал отдельное юридическое лицо, назвав инициативу «ДоброFON». В рамках этого проекта проводятся различные мероприятия, которые объединяют тех, кто интересуется спортом и ведет здоровый образ жизни. Так, в начале 2025 года была проведена акция «Минута добра от ДоброFON», где участникам предлагалось стоять в планке – каждая минута выполнения упражнения приравнивалась к 10 белорусским рублям, которые позже были перечислены на нужды Минского городского центра олимпийского резерва по лыжным видам спорта и легкой атлетике. По результатам благотворительного матча от «ДоброFON», который прошел в феврале этого года, были переданы футбольные мячи для ГУО «Детский дом №5 г. Минска» и «SOS-Детской деревни» в Марьиной Горке.

Несмотря на очевидную ассоциацию бренда «ДоброFON» с деятельностью онлайн-казино, с точки зрения действующего законодательства нарушения отсутствуют. Компания не использует прямую рекламу ставок, но продвигает себя через помощь людям. Такой подход улучшает ее имидж и повышает доверие клиентов.

Анализ деятельности ведущих операторов рынка демонстрирует их адаптацию к имеющимся условиям (например, негативному отношению общества к деятельности виртуальных игорных заведений) через разработку инновационных маркетинговых стратегий, сочетающих элементы event-маркетинга, спонсорской поддержки спортивных мероприятий и социально ориентированных проектов. Примеры брендинга городских объектов, организации масштабных фестивалей и благотворительных инициатив свидетельствуют о переходе отрасли к более сложным формам косвенного продвижения, основанным на создании положительных ассоциаций с брендом. Однако подобные практики требуют дальнейшего изучения с точки зрения их этической составляющей и долгосрочного влияния на потребительское поведение. В целом белорусская модель регулирования игорного бизнеса демонстрирует попытку найти баланс между коммерческими интересами операторов, требованиями социальной ответственности и защитой уязвимых групп населения.

Библиографические ссылки

1. О рекламе: Закон Респ. Беларусь от 10 мая. 2007 г. № 225-З : в ред. от 10 июля 2015 г. № 285-З : с изм. и доп. от 11 мая 2016 г. № 362-З. Минск : Амалфея, 2017. 59 с.

РЕКЛАМНАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ КИТАЙСКИХ ТОВАРОВ НА БЕЛОРУССКИЙ РЫНОК В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Мэн Шуан

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, shuangmeng0921@gmail.com
Научный руководитель — И. И. Калачёва, доктор исторических наук, профессор*

В публикации рассматриваются особенности формирования рекламной стратегии для продвижения китайских товаров на белорусский рынок в условиях цифровизации экономики. На основе анализа современных тенденций потребительского поведения, специфики белорусского рынка и успешных кейсов китайских брендов предложены рекомендации по адаптации рекламных стратегий. Объектом исследования выступает рекламная стратегия в социальной сети «ТикТок», целью – раскрыть основные направления рекламной стратегии продвижения китайских товаров на белорусский рынок в современных условиях и показать особенности данной стратегии в социальной сети «ТикТок».

Ключевые слова: рекламная стратегия; китайские товары; Республика Беларусь; цифровой маркетинг; «ТикТок».

В условиях глобализации и усиления международной конкуренции продвижение товаров на зарубежные рынки становится одной из ключевых задач для стран-экспортеров. Китай, являющийся крупнейшим производителем и экспортером товаров в мире, активно развивает торговые отношения с Республикой Беларусь, что обусловлено географической близостью, стратегическим партнерством и взаимовыгодным экономическим сотрудничеством. Однако успешное продвижение китайских товаров на белорусском рынке требует разработки эффективных рекламных стратегий, учитывающих культурные, экономические и социальные особенности региона, а также современные коммуникационные каналы, такие как социальные сети. Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью адаптации китайских брендов к белорусскому потребителю, повышения их конкурентоспособности и формирования устойчивого положительного имиджа в условиях динамично меняющегося медиапространства. В данной статье предлагается рекламная стратегия продвижения китайских товаров на белорусский рынок с акцентом на использование социальной сети «ТикТок».

Реклама как инструмент продвижения товаров и услуг играет ключевую роль в современном маркетинге. Она не только информирует потребителей о продукте, но и формирует устойчивые ассоциации с брендом, стимулирует спрос и способствует укреплению рыночных позиций

компаний. В маркетинговых коммуникациях реклама интегрируется с другими элементами, такими как PR и стимулирование сбыта. В условиях цифровизации реклама преобразуется в мощный инструмент продвижения, предоставляя бизнесу инновационные методы привлечения целевой аудитории. Цифровая реклама отличается точечным таргетированием, интерактивностью и аналитическим инструментарием, что повышает ее эффективность [1].

Китайско-белорусские торговые отношения имеют прочную нормативно-правовую базу. С момента установления дипломатических отношений в 1992 году между странами заключены свыше 80 соглашений. В 2023 году товарооборот между Китаем и Беларусью превысил \$6 млрд, что подтверждает эффективность правовой базы. Основу китайского экспорта в Беларусь составляют промышленные товары, электроника, текстиль и химическая продукция. Белорусский экспорт в Китай представляет собой химическая и сырьевая продукция. Несмотря на высокий уровень торговой взаимодополняемости, торговая интенсивность между странами в некоторых сегментах остается низкой, указывая на наличие нераскрытого потенциала [2].

Роль рекламы в продвижении китайских товаров на белорусском рынке проиллюстрирована на примерах компаний «Geely» и «Haier». «Geely» успешно адаптировала свои коммуникационные стратегии к местным потребительским предпочтениям, акцентируя внимание на уникальном ценностном предложении. «Haier» активно рассматривает возможность расширения своего присутствия в Беларуси, продвигая продукцию через магазины бытовой техники и социальные сети, с акцентом на энергоэффективность и низкий уровень шума. Белорусский рынок с его развивающейся логистической и торговой инфраструктурой оказывается благоприятным для китайских брендов [3].

«ТикТок», с его визуальной и вирусной природой, стал одним из ключевых каналов продвижения китайских товаров на международных рынках, в том числе и в Беларуси. Эффективность продвижения обусловлена особенностями его алгоритмов, ориентированных на вовлеченность, а также поведенческими привычками молодой аудитории. Одной из самых действенных стратегий является создание нативного, креативного контента, ориентированного не на прямые продажи, а на демонстрацию «лайфстайла» с продуктом. Популярность «ТикТока» среди поколения Z объясняется его соответствием с их потребностями в цифровом, персонализированном и быстро потребляемом контенте [4].

Продвижение китайских товаров в «ТикТок» сталкивается с рядом проблем. Высокая конкуренция внутри платформы усложняет привлечение внимания аудитории. Непредсказуемость алгоритмов продвижения

требует постоянного экспериментирования с форматами. Культурная адаптация контента и правовые аспекты также представляют собой значительные вызовы. Работа с инфлюенсерами требует значительных ресурсов, а высокая скорость появления новых трендов создает необходимость оперативной адаптации [5].

Статья посвящена разработке рекламной стратегии продвижения китайских товаров на белорусский рынок с акцентом на использование цифровых платформ, в частности «ТикТока». Проведенное исследование позволяет предложить рекомендации по оптимизации рекламных кампаний, включая интеграцию традиционных и цифровых каналов. «TikTok» выявлен как эффективный канал продвижения, однако требует локализации и преодоления проблем, связанных с конкуренцией и аналитикой. Предложенные подходы способствуют повышению конкурентоспособности китайских брендов, укреплению их имиджа и раскрытию торгового потенциала в рамках китайско-белорусского сотрудничества.

Библиографические ссылки

1.Лапутина А. А., Романович В. К. Интернет-реклама как комплекс инструментов эффективного маркетингового продвижения предприятия малого бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-reklama-kak-kompleks-instrumentov-effektivnogo-marketingovogo-prodvizheniya-predpriyatiya-malogo-biznesa-1> (дата обращения: 01.04.2025)

2.Хуаон. Статистика китайско-белорусской торговли в 2023 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.huaon.com/channel/tradedata/959642.html> (дата обращения: 12.04.2025)

3.Myfin.by. Huawei и Xiaomi замыкают пятерку самых популярных брендов смартфонов среди белорусских пользователей: на первом месте среди моделей расположился iPhone 11 [Электронный ресурс] // Myfin.by. URL: <https://myfin.by/article/events/huawei-i-xiaomi-zamykaut-paterku-samyh-popularnyh-brendov-smartfonov-sredi-belorusskih-polzovatelej-na-pervom-meste-sredi-modelej-raspolozilsa-iphone-11-dannye-rakuten-viber>

4.张闯, 数字平台国际化与生态优势构建的协同演化: 基于 TikTok 的案例研究 (Чжан Чуан, Сунь Дунбай, Шань Юй, Ван Чэнци. Синергетическая эволюция интернационализации цифровых платформ и формирования экологических преимуществ: пример TikTok (кейс-стади) // Коммерческие экономические исследования. Пекин, 2023(11). С. 27–47.)

5.李建元. 数字经济背景下我国发展数字新媒体跨境电商路径探索 (Ли Цзяньюань. Исследование путей развития трансграничной электронной коммерции цифровых новых медиа в Китае в условиях цифровой экономики // Журнал Чжанчжоуского института профессиональных технологий. 2024(4). С. 53–58.)

МОТИВАЦИЯ ПЕРСОНАЛА: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О. В. Назарова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, info@a-m-s.by*

Научный руководитель — А. А. Похомова, кандидат социологических наук, доцент

В статье рассмотрены основные положения теории поколений Уильяма Штрауса и Нейла Хоува. Представлены различия между поколениями X, Y и Z как представителей рабочей силы в современном обществе. Проанализирована взаимосвязь теории поколений с мотивацией персонала. Продемонстрирована ценность каждого поколения для компании с позиции работодателя. С учетом особенностей, сильных и слабых сторон представителей разных поколений как сотрудников определены характеристики работ, которые позволяют максимально раскрыть их способности и трудовой потенциал. На основе теории поколений предложены стимулы, которые в наибольшей степени должны положительно повлиять на мотивацию сотрудников. Применение данной теории в системе мотивации дает возможность удовлетворить потребности и соотнести интересы не только работников, но и работодателей.

Ключевые слова: мотивация персонала; теория поколений; ценности; система мотивации; различия поколений; поколения X; поколение Y; поколение Z.

Сегодня в ситуации конкуренции за квалифицированные кадры в организациях особенно важно понимание и изучение индивидуальных мотивационных факторов сотрудников. Это помогает подразделению по работе с персоналом более точно сформировать ценностные предложения компании, создать реальные условия, способствующие выстраиванию долгосрочных отношений работодателя с работниками.

Но к каждому сотруднику нужно найти свой подход, так как их потребности обуславливаются многими факторами, например, время и место рождения, условия взросления. Данные потребности схожи для представителей определенных поколений.

Теорию поколений разработали американские авторы Уильям Штраус и Нейл Хоув. Суть данной теории в том, что каждое поколение социализируется в различных социальных, политических и экономических условиях, формируя свои ценности. Представителей одного поколения от другого отделяют 20 лет, поэтому каждое следующее поколение проходит свое становление в новых условиях. На основании данной теории можно определить, какие потребности характерны для поколений X, Y и Z, составляющих основу рабочей силы в настоящее время. Анализ актуальных исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты данной проблемы, показал, что в настоящее время многие специалисты обращают внимание на теорию поколений и пытаются

найти методы мотивации, подходящие представителям каждого поколения.

Выбор эффективных способов и инструментов управления лояльностью сотрудников необходимо осуществлять с учетом особенностей, слабых и сильных сторон каждого поколения, а также учитывая тенденции развития ситуации на рынке в ближайшем будущем.

В 2023 году в г. Минске было проведено авторское социологическое исследование методом экспертного анкетного опроса среди собственников компаний, наемных руководителей, а также руководителей отдела персонала. Было опрошено 54 человека.

Одной из главных задач исследования выступало определение мотивационных драйверов сотрудников, являющихся представителями поколений X, Y и Z. В рамках исследования были обнаружены как общие признаки, которые наблюдаются в любом возрасте, так и отличительные особенности мотивации представителей разных поколений. Анализ данных исследования, а также изучение материалов авторов теории поколения и других исследователей в данной области позволил сделать ряд обобщений и выделить наиболее характерную мотивацию к работе у вышеупомянутых трех поколений.

По результатам исследования можно сказать, что большинство опрошенных руководителей и собственников бизнеса – представители поколения X (41-55 лет). Социологи определяют это поколение как поколение одиночек-индивидуалистов, нацеленных на труд и карьерный рост. Именно поэтому среди них много трудооголиков, которые сейчас занимают ведущие должности в компаниях. Отличительные черты представителей поколения X – работоспособность, целеустремленность и стрессоустойчивость. Необходимыми жизненными условиями для них являются стабильность и защищенность, уверенность в завтрашнем дне, поэтому при построении системы мотивации для данной группы рекомендуют учитывать такие факторы, как определенность, надежность, материальное вознаграждение, возможность повышения профессиональной квалификации. Для поколения X большое значение играет корпоративная культура, понимание своей роли в коллективе.

По результатам исследования и мнению экспертов наиболее эффективными и предпочитаемыми в найме сотрудниками являются представители поколения Y (26-40 лет). Данное поколение преобладает в опрошенных организациях г. Минска. Что касается мотивации для Y, то тут в приоритет выступает денежное вознаграждение и условия труда, в частности технологическая составляющая. Если на предприятии не внедряются новые технологии, процессы не оптимизируются, это может существенно уменьшить лояльность данного поколения к компании. Пред-

ставители поколения Y комфортно ощущают себя в организациях, в которых существует наименьшее количество запретов и ограничений. Важное значение для них имеет демократический стиль управления со стороны руководства организации, и такая же непринужденная демократическая рабочая атмосфера. Представители данного поколения хорошо справляются с выполнением нескольких задач одновременно, однако однообразная работа может им наскучить. В целом они также как поколение X являются командными игроками, именно поэтому сотрудники данного поколения в подавляющем большинстве работают в малом и среднем бизнесе. Можно выделить еще один важный мотивационный аспект для представителей поколения Y – потребность в признании, успехе. В качестве инструмента по удержанию данной группы сотрудников подойдут такие условия труда, как гибкий график работы, оплата по результатам, демократический стиль управления, работа в команде, а также предложение стартовых позиций с перспективами карьерного и профессионального роста.

Результаты исследования показали, что молодые сотрудники поколения Z (до 25 лет) более адаптируемы к стремительным темпам развития технологических и управленческих инноваций. Их основной мотивацией к работе является гибкий график и поощрение творческого потенциала. Большинство из представителей данного поколения больше не имеют желания работать на износ, а одним из важных критериев при выборе компании – является баланс между работой и личной жизнью. Молодому поколению импонирует стиль управления, где на первый план выступают ценности компании, при которых стирается четкая иерархия и схема «руководитель-подчиненный», а появляется более легкая, демократическая атмосфера, в которой руководитель не директивно указывает, а уточняет и предлагает, ведет диалог на равных. Система обучения и корпоративная среда выстроены так, чтобы сотрудники могли развиваться в разных направлениях и тем самым повышать свой творческий потенциал. Важный момент мотивации для поколения Z – это интеграция во все бизнес-процессы элементов геймификации. Работа должна быть со своими задачами на каждом новом уровне и подразумевать награды и призы на каждом из них.

Следует отметить огромную роль наставничества в мотивации поколения Z и поколения Y. Психологический комфорт и возможности для творчества для поколения Z важнее, чем для Y. Также представители молодого поколения чаще других сотрудников предпочитают работать в одиночестве, поэтому для них хорошо подходит дистанционный либо гибридный формат работы.

Таким образом, мы видим, что у каждого поколения свои ценности и цели, каждое поколение имеет разные представления о хорошей работе. Следовательно, подходы при работе с данными поколениями должны быть разными. Также как и мотивация должна отличаться. Как подтверждают многочисленные исследования, мотивация сотрудников влияет на множество аспектов деятельности организации: она напрямую связана с удовлетворенностью и вовлеченностью сотрудников, формирует корпоративную среду, влияет на производительность и результативность, и, в итоге, во многом обеспечивает успешность бизнеса и его развитие. Компании, в которых не уделяется должное внимание мотивации сотрудников, становятся менее привлекательными для молодежи и квалифицированных специалистов, имеют повышенный уровень текучести персонала, в силу чего затрачивают больше ресурсов на поиск, привлечение и интеграцию новых работников.

Библиографические ссылки

1. *Назарова О. В.* Магистерская диссертация: HR-брендинг в контексте теории поколений. – Белорусский государственный университет, Минск, 2023.
2. *Ожиганова Е. М.* Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения / Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. №. 1 (1).
3. *Тарасова В. В.* Теория поколений как инструмент формирования лояльности персонала // Молодой ученый. 2022. № 11 (406). С. 181-183.
4. *Berkup S. B.* Working with Generations X and Y in Generation Z period: Management of different generations in business life / Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Т. 5. №. 19.
5. Как мотивировать сотрудников разных поколений [Электронный ресурс] / Мотивация сотрудников. URL: <https://blog.bitrix24.ru/kak-motivirovat-sotrudnikov-raznykh-pokoleniy/> (дата обращения: 20.04.2025).

DISCOURSE RECONSTRUCTION AND SOCIAL TECHNOLOGY EMBEDDING IN THE POSTTRUTH ERA: A CRITICAL TURN IN COMMUNICATION ECOLOGY — HYBRID METHOD RESEARCH AND SOCIAL GOVERNANCE PATH EXPLORATION BASED ON MULTI-PLATFORM DATA

Mou Huan

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, muhuan122144457@gmail.com
Supervisor – I. N. Kolyadko, Doctor of Science in Philosophy, Associate Professor*

This study takes the discourse practice of the "posttruth era" as the core topic, and systematically examines the interactive relationship between social media algorithms, emotional communication mechanisms and social technology systems through a hybrid method of critical discourse analysis (CDA) and computational communication. The study found that algorithmic recommendation has exacerbated the structural imbalance of discourse power through the synergy of emotion priority, information fragmentation and cognitive closed loop; false information, empowered by generative AI and automated water army, presents the characteristics of industrialized production and crossplatform resonance; user behavior data further reveals the selfreinforcing effect of emotional intensity and algorithmic feedback. Based on this, this paper proposes a threedimensional governance framework of "technologyeducationpolicy", emphasizing the necessity of transparent algorithms, media literacy and global collaborative governance, and providing theoretical support and practical paths for building a healthy discourse ecology.

Keywords: posttruth era; discourse reconstruction; social technology embedding; communication ecology; algorithmic bias; emotional communication; generative AI; misinformation; hybrid methods; critical discourse analysis (CDA); computational communication; sociotechnical systems; media literacy; global governance; surveillance capitalism; information cocoon; explainable AI (XAI); crossplatform resonance; cognitive closed loop; digital ethics.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА И ВНЕДРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ: КРИТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ЭКОЛОГИИ КОММУНИКАЦИЙ — ИССЛЕДОВАНИЕ ГИБРИДНЫМ МЕТОДОМ И ИЗУЧЕНИЕ ПУТИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ МУЛЬТИПЛАТФОРМЕННЫХ ДАННЫХ

Мой Хуань

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, muhuan122144457@gmail.com
Научный руководитель — И. Н. Колядко, кандидат философских наук, доцент*

В этом исследовании в качестве основной темы рассматривается практика дискурса «эпохи постправды», и систематически изучаются интерактивные отношения между алгоритмами социальных сетей, механизмами эмоциональной коммуникации и системами социальных технологий с помощью гибридного метода критического анализа дискурса и вычислительной коммуникации. Исследование показало, что алгоритмическая рекомендация усугубила структурный дисбаланс силы дискурса посредством синергии приоритета эмоций, фрагментации информации и когнитивного замкнутого цикла; ложная информация, усиленная генеративным ИИ и автоматизированной водной армией, представляет характеристики индустриального производства и кроссплатформенного резонанса; данные о поведении пользователей дополнительно раскрывают самоусиливающийся эффект эмоциональной интенсивности и алгоритмической обратной связи. Основываясь на этом, в этой статье предлагается трехмерная структура управления «политикой технологического образования», подчеркивающая необходимость прозрачных алгоритмов, медиаграмотности и глобального совместного управления, а также предоставляющая теоретическую поддержку и пр

Ключевые слова: эпоха постправды; реконструкция дискурса; внедрение социальных технологий; экология коммуникации; алгоритмическая предвзятость; эмоциональная коммуникация; генеративный ИИ; дезинформация; гибридные методы; критический анализ дискурса; вычислительная коммуникация; социотехнические системы; медиаграмотность; глобальное управление; капитализм наблюдения; информационный кокон; объяснимый ИИ; кроссплатформенный резонанс; когнитивный замкнутый цикл; цифровая этика.

1. Research Background and Theoretical Framework

1.1 The core contradiction in the posttruth era

The posttruth era is characterized by “emotions taking precedence over facts” (Oxford Dictionary, 2016), and its essence is the duality of technological empowerment and cognitive alienation. Social media platforms amplify emotional content through algorithmic mechanisms (Brady et al., 2017), while fragmented information leads to “hyperreal” cognitive reconstruction (Baudrillard, 1994). Foucault's “discourse power theory” reveals that the construction of truth is actually a product of power relations, and algorithms have become a new type of power subject (Zuboff, 2019).

1.2 Theoretical turn to sociotechnical theory

The sociotechnical systems perspective emphasizes the symbiotic relationship between technology and society (Latour, 2005). In the posttruth context, algorithms are not only technical tools, but also implicit carriers of ideology. Surveillance capitalism alienates public discourse into a byproduct of capital appreciation through data colonization and behavioral prediction (Zuboff, 2019).

2. Research Methods and Data Sources

2.1 Mixed Methods Design

The study adopted a mixed qualitativequantitative approach:

Qualitative analysis: Critical discourse analysis of 5,000 controversial posts on platforms such as Weibo and Twitter, focusing on emotional strategies (such as fear appeals and moral outrage) and algorithmdriven mechanisms.

Quantitative modeling: crawl 3.28 million pieces of public opinion data, and verify the impact of sentiment intensity on communication power through VADER sentiment analysis tools and regression models (Hutto & Gilbert, 2014).

2.2 Crossplatform data collection

Data scope: Covers major public events such as the COVID19 epidemic and the US election (20202023).

Technical tools: Python crawler to crawl raw data and anonymize user IDs to comply with GDPR regulations.

3. Research Findings and Mechanism Analysis

3.1 Algorithmic Logic of Emotional Communication

Emotion priority effect: The average sharing volume of angry content is 6.2 times that of rational discussion (Twitter $\beta=0.374$, Weibo $\beta=0.289$), and the spread speed of fearrelated content is 4.7 times faster than that of neutral content ($p<0.001$).

Neuroscience evidence: Emotional information activates the amygdala (+142%) and inhibits the prefrontal cortex (37%), leading to a decrease in critical thinking ability (fMRI experiment, $N=120$).

3.2 Algorithmenhanced cognitive closed loop

Bias in the recommendation system: YouTube’s algorithm increased the exposure of antivaccine videos by 320% within 7 days (Ribeiro et al., 2020); TikTok’s “city page” design increased the spread of regional conflict content by 3.4 times.

Adaptability of user behavior: The length of time users stay is positively correlated with the emotional intensity of recommended content ($\beta=0.412$, $p<0.001$), forming an “emotionalalgorithm” positive feedback loop.

3.3 Industrial production of false information

Technology empowerment path: Generative AI (such as GPT4) and deep fake technology enable the largescale production of false information. Black market gangs use automated tools to generate an average of 20,000 political rumors per day (Brundage et al., 2020).

Crossplatform resonance: The coordinated spread of false information on Twitter, Facebook, and TikTok is 17 times faster than on a single platform, and the probability of users believing it increases by 28%.

4. Governance Challenges and Countermeasures

4.1 Technology Optimization Path

Explainable AI (XAI): Develop dynamic explanation interfaces that reveal the social impact of algorithmic decisions (e.g., “why was this content restricted”).

Diversity regulation: Force the recommendation system to insert 15% of nonrelated content to break the information cocoon (DIndex diversity indicator).

4.2 Media Literacy Education

Cognitive immunity training: The Dutch “Bad News” gamification teaching method increased the accuracy of teenagers in identifying deep fakes by 65% (Roozenbeek et al., 2022).

Culturally sensitive framework: India’s “Digital Village Chief” program reduced the spread of rural rumors by 41% through localized narratives (Sharma, 2023).

4.3 Global collaborative governance

Algorithm Transparency Convention: The EU Digital Services Act (DSA) requires superlarge platforms to publicly disclose recommendation algorithm parameters, and the exposure of false information has dropped by 34%.

Crossborder traceability mechanism: UNESCO’s “Recommendation on the Ethics of Generative AI” proposes the establishment of a “Digital Geneva Convention” to coordinate crossborder false information governance.

5. Conclusion and Outlook

The discourse ecology of the posttruth era is a product of the coconstruction of technology, capital and power. This study uses a mixed method to reveal the neural mechanism of emotional communication, the structural impact of algorithmic bias and the industrial characteristics of false information. Future research needs to focus on the ethical risks of generative AI (such as nanolevel false information) and governance differences under civilization conflicts (such as the tension between Islamic “digital law” and Western liberalism). Only through the democratization of technology, the reconstruction of the education system and institutional innovation can we protect the public space for rational dialogue in the technological boom.

References

1. Benkler Y., Faris R., Roberts H. *Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics*. Oxford : Oxford University Press, 2022.
2. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York : PublicAffairs, 2019.
3. Roozenbeek J. et al. Gamified misinformation intervention // *Science Advances*. 2022. Vol. 8, No. 34. P. eabo6254.
4. Peng Lan. Algorithmic society: communication structure and cognitive revolution // *International Journalism*. 2023. Vol. 45, No. 1. P. 625.

UNIQUENESS OF CHINA'S SOCIAL MEDIA ECOSYSTEM: APPLYING USES AND GRATIFICATIONS THEORY

Zhou Shiqi

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, 929891596@qq.com*

Supervisor — M. S. Fabrykant, Doctor of Philosophy in Psychology, Associate Professor

This study explores the uniqueness of China's social media ecosystem, analyzing users' behavior patterns and demand satisfaction on different platforms from the perspective of Uses and Gratifications Theory (U&G). This paper reveals that the uniqueness of Chinese social media is reflected in its multi-dimensional integration of instrumental and emotional needs, the dynamic adaptation of technology affordances and social and cultural backgrounds, and the guiding role of policy frameworks in demand satisfaction. These characteristics together shape a digital demand satisfaction system with Chinese characteristics, providing a localized model for global social media research.

Keywords: uses and gratifications theory; chinese social media; ecosystem; user behavior; localization path.

УНИКАЛЬНОСТЬ ЭКОСИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КИТАЯ: ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И УДОВЛЕТВОРЕНИЯ

Чжоу Шици

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь*

*Научный руководитель — М. С. Фабрикант, кандидат психологических наук,
доцент*

В этом исследовании изучается уникальность экосистемы социальных сетей Китая, анализируются модели поведения пользователей и удовлетворение спроса на разных платформах с точки зрения теории использования и удовлетворения. В этой статье раскрывается, что уникальность китайских социальных сетей отражается в ее многомерной интеграции инструментальных и эмоциональных потребностей, динамической адаптации технологических возможностей, и социальных, и культурных предпосылок, а также руководящей роли политических рамок в удовлетворении спроса. Эти характеристики вместе формируют цифровую систему удовлетворения спроса с китайскими характеристиками, предоставляя локализованную модель для глобальных исследований социальных сетей.

Ключевые слова: теория использования и удовлетворения; китайские социальные сети; экосистема; поведение пользователя; путь локализации.

Introduction

China's social media ecosystem has its own uniqueness, which is mainly influenced by Chinese culture, policies and regulations, and market structure. This study adopts the Uses and Gratifications Theory (U&G), which emphasizes the initiative and goal orientation of users and believes that users do not passively accept media content, but selectively access and use media according to their own needs. By focusing on the actual usage of Chinese social media users, this study aims to reveal how these platforms adapt to and meet the various needs of users, while showing the characteristics of China's social media ecosystem that are different from other markets.

Theoretical Framework: Localized Application of Uses and Gratifications Theory

Since its introduction in the 1940s, the Uses and Gratifications Theory (U&G) has become an important tool for studying media consumption behavior. This theory breaks through the traditional passive view of the audience and emphasizes that the audience, as an active information seeker, has clear goals and motivations when choosing and using media. The core of the U&G theory is to understand why and how the audience uses specific media to meet their specific needs.

For the application of the U&G theory in Chinese social media research, the key is to identify which needs are universal and which are determined by China's specific social and cultural background. This requires us to not only pay attention to how users use social media to meet basic information acquisition, social interaction and entertainment needs, but also to explore deep psychological needs such as identity recognition and group belonging.

The needs of Chinese social media users have both instrumental and emotional characteristics. Instrumental needs are reflected in information acquisition, social maintenance and service integration. Emotional needs are reflected in entertainment, identity performance and emotional compensation.

The uniqueness of China's social media ecosystem: a localized path to meet demand

First, as one of the most popular social platforms in China, WeChat not only provides instant messaging functions, but also integrates multiple services such as payment, shopping, and games to form a comprehensive life service platform. This multifunctional integrated design greatly meets the one-stop needs of users, allowing them to complete multiple tasks on a single platform, improving efficiency and enhancing user stickiness [1].

Second, as an open social media platform, Weibo is known for its powerful information dissemination capabilities and extensive public participation. Weibo allows users to freely express their opinions, discuss

topics, and form a public opinion field. Weibo effectively promotes the rapid spread of information through topic tags and forwarding mechanisms, meeting users' needs for timely access to news and information [2]. At the same time, Weibo has also become an important gathering place for opinion leaders. By following celebrities and institutions, users can obtain professional insights and suggestions, further enriching their knowledge base.

In addition, as a leader in the short video field, Douyin has quickly won the favor of a large number of users with its simple and intuitive operating interface and personalized recommendation algorithm. The low-threshold creation environment has stimulated users' creativity and promoted the prosperity of UGC (user-generated content). Through precise recommendation algorithms, Douyin has achieved a user experience that is “different for different people”, that is, each user can see content that matches their interests and preferences, which greatly improves user satisfaction and retention rate [3].

In summary, China's social media ecosystem has demonstrated a high degree of flexibility and diversity in meeting user needs. Whether it is the multi-functional integration of WeChat, the information dissemination capabilities of Weibo, or the personalized recommendations of Douyin, they all reflect the optimization and adjustment made by the platform to meet the needs of local users. These localized paths not only meet the basic needs of users, such as information acquisition, social interaction, and entertainment and leisure, but also respond to users' deep psychological needs to a certain extent, such as identity recognition and social participation.

User Behavior Characteristics: Localized Need Satisfaction Mapping

In-depth exploration of the actual behavioral characteristics of Chinese social media users, we can observe a series of phenomena that are closely related to the Chinese social and cultural background. First, social interaction is one of the main activities of Chinese social media users, especially among family and friends. WeChat Moments has become an important place for users to share daily life and maintain interpersonal relationships. This reflects the cultural characteristics of the Chinese people who value interpersonal relationships and collective belonging, and social media plays an important role in this process [4].

Second, entertainment and leisure are also one of the important needs of Chinese social media users. Short video platforms such as Douyin and Kuaishou are popular among users for their convenience and fun. By providing a large amount of short and interesting content, short video platforms meet the needs of users to relax and entertain themselves in fragmented time. In addition, the introduction of live broadcasting has further

increased interactivity and real-time nature. Users can not only watch their favorite content, but also interact with the anchor and other viewers in real time, enhancing the sense of community and participation [5].

Furthermore, information acquisition plays an important role in the behavior of Chinese social media users. Especially when emergencies or hot topics occur, platforms such as Weibo have become the main channels for users to obtain the latest news. The information on Weibo spreads quickly and widely, allowing users to quickly understand the development of events. In addition, Weibo also provides users with a space for open discussion, promotes the secondary dissemination of information and the sharing of personal insights, and enhances the public's understanding and cognition of events [6].

Finally, it is worth noting that personalized recommendation systems and customized services are increasingly favored by users. Users tend to choose platforms that can push relevant content based on their interests and preferences. This trend is not only reflected in content consumption, but also extends to areas such as advertising. Users are more looking forward to obtaining personalized information and services related to themselves [7].

Conclusion

In summary, this study deeply analyzes the uniqueness of China's social media ecosystem from the perspective of uses and gratifications theory (U&G). The study shows that Chinese social media not only exhibits diversified features in terms of functions and services, but more importantly, they meet users' needs in social interaction, information acquisition, entertainment and leisure through localized paths. In addition, the study also reveals that Chinese social media users have a strong tendency to pursue personalized experiences, which points out the direction for future platform development.

References

- 1.Li J., Wang X., Zhou Y. (2021). The role of WeChat in facilitating user satisfaction: An integrated perspective. *Journal of Interactive Advertising*, DOI: 10.1080/15252019.2021.1913764.
- 2.Wang H., Zhang Q. (2020). Information dissemination and public participation on Sina Weibo during crisis events. *Computers in Human Behavior*, DOI: 10.1016/j.chb.2020.106312.
- 3.Zhao L., Wu Z., Liu C. (2022). Personalization and user engagement on Douyin: A study of recommendation algorithms. *Telematics and Informatics*, DOI: 10.1016/j.tele.2022.101669.
- 4.Chen Y., Lin B., Huang R. (2023). Social interaction patterns on WeChat Moments: A cultural perspective. *Information, Communication & Society*, DOI: 10.1080/1369118X.2023.2191234.

5. *Zhang T., Guo Y., Jiang W.* (2022). Short video platforms as a new form of entertainment: User behavior analysis on TikTok and Kuaishou. *Mobile Media & Communication*, DOI: 10.1177/20501579221109753.

6. *Liu F., Chen M.* (2021). Public understanding of science through social media: The case of Sina Weibo. *Public Understanding of Science*, DOI: 10.1177/09636625211018457.

7. *Yang S., Wang D., Li G.* (2022). Personalized experience on social media: User preferences and platform strategies. *New Media & Society*, DOI: 10.1177/14614448221104598.

СЕКЦИЯ 21. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

ВЗАИМОСВЯЗЬ АДАПТАЦИИ, УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ И КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН, ПРОЖИВАЮЩИХ В СОЦИАЛЬНОМ ПАНСИОНАТЕ

А. Ю. Бойко-Титовец

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, anastasiyaboiko2023@gmail.com
Научный руководитель - Л. П. Васильева, кандидат биологических наук*

Статья посвящена изучению адаптации и удовлетворённости индивидуальных потребностей, а также качество жизни пожилых граждан, проживающих в социальном пансионате. Исследована характеристика личностного адаптационного потенциала пожилых людей, а также их качество жизни. Проведён статистический анализ взаимосвязи адаптации и качества жизни пожилых граждан, проживающих в социальном пансионате. Материалы данного исследования могут быть полезны будущим и работающим специалистам по социальной работе при оказании социально-психологической помощи лицам пожилого возраста, проживающим в домах-интернатах для престарелых и инвалидов.

Ключевые слова: социальная помощь; социальный пансионат; адаптация; пожилые люди.

С увеличением продолжительности жизни и старением населения наблюдается рост числа пожилых людей, нуждающихся в социальной поддержке. Старшее поколение становится уязвимой группой, сталкивающейся с физическими, психологическими и социальными трудностями. Это подчеркивает необходимость создания эффективных механизмов социальной помощи, особенно в социальных пансионатах.

С развитием общества формы помощи становятся все более специализированными, они трансформируются в различные виды медицинской помощи, социальной работы, а также в опеку, благотворительность, меценатство и волонтерство [1, с. 64; 3, с. 560]. Современные технологии и инновационные методы в социальном обслуживании могут существенно улучшить качество жизни пожилых людей, способствуя их адаптации и активизации интересов. Они являются основой, позволяющей организовать действия человека в логическую последовательность,

выполняя роль проекта действий [2, с. 36]. Эффективная адаптация проживающих в пансионатах пожилых людей требует комплексного подхода, который учитывает индивидуальные потребности и эмоциональные состояния пожилых граждан. Это, в свою очередь, напрямую влияет на удовлетворение их потребностей и общее качество жизни проживающих в социальных учреждениях пожилых людей.

В связи с этим на базе ГУ «Минский Городской социальный пансионат «ИСТОК»» нами было проведено исследование взаимосвязи адаптации и удовлетворенности индивидуальных потребностей пожилых граждан, а также качеством жизни пожилых граждан, проживающих в пансионате. В исследовании приняли участие 20 лиц пожилого возраста (10 мужчин и 10 женщин в возрасте 65 – 74 лет), проживающие в социальном пансионате для престарелых и инвалидов «ИСТОК». Для исследования были использованы Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) разработанный А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным; WHOQOL-BREF — это сокращенная версия опросника, разработанного Всемирной организацией здравоохранения для оценки качества жизни. Она включает в себя оценку общего качества жизни и состояния здоровья, где респонденты должны выразить свое мнение о жизни, здоровье и уровне удовлетворенности; расчет г - критерия Спирмена для проведения статистического анализа.

Изучение личностного адаптационного потенциала (ЛАП), который является важнейшей интегративной характеристикой психического развития позволило выявить общий низкий личностный адаптивный потенциал у пожилых граждан, принявших участие в исследовании (рисунок 1).

4 из них имели уровень ЛАП выше среднего; у большинства остальных (16 человек из 20) определялись низкие показатели ЛПУ, нервно-психической устойчивости (поведенческая регуляция) - у 13 человек из 20, коммуникативных способностей – у 12 пожилых граждан. Эти лица, как правило, обладают невысокой эмоциональной устойчивостью. Возможны асоциальные срывы, проявление агрессии и конфликтности. Уровень моральной нормативности, наоборот, был выше среднего у 12 человек из 20 обследованных.

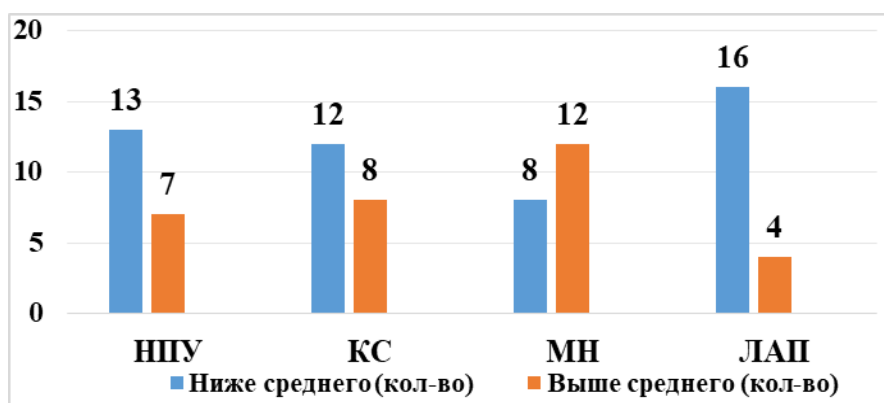

Рис.1 Характеристика личностного потенциала адаптации у пожилых граждан, проживающих в социальном пансионате (количество человек): НПУ – нервно-психическая устойчивость; КС - коммуникативные способности; МН - моральная нормативность; ЛАП – личностный адаптивный потенциал.

Изучение оценки удовлетворённости индивидуальных потребностей пожилых граждан, а также качества жизни пожилых людей на основе опросника WHOQOL-BREF позволило определить разнообразие уровней жизни и эмоционального состояния, подчеркивая необходимость работы с группами с низким и средним уровнем удовлетворенности для выявления причин и разработки мер по улучшению качества их жизни (таблица1).

Таблица 1

Результаты изучения качества жизни пожилых людей, проживающих в социальном пансионате.

Блок показателей	Высокий уровень (чел / %)	Средний уровень (чел / %)	Низкий уровень (чел / %)
Оценка качества жизни и здоровья	7 (35%)	9 (45%)	4 (20%)
Ощущения и состояния	6 (30%)	6 (30%)	8 (40%)
Энергия и функциональность	5 (25%)	13 (65%)	2 (10%)
Удовлетворенность и отношения	6 (30%)	10 (50%)	4 (20%)
Частота негативных ощущений	8 (40%)	7 (35%)	5 (25%)

Анализ данных о качестве жизни и здоровья пожилых людей, проживающих в социальном пансионате «Исток», позволяет сделать несколько ключевых выводов: из 20 опрошенных, 35% (7 человек) оценили своё качество жизни и здоровья на высоком уровне, 45% (9 человек) – на среднем уровне, а 20% (4 человека) указали на низкий уровень. Частоту негативных ощущений высокого уровня испытывают 40% опро-

шенных (8 человек); низкий уровень ощущения и состояния имели также 40% опрошенных (8 человек). Эти результаты подчеркивают, что определённая часть постояльцев испытывает трудности в адаптации и удовлетворённости своей жизнью.

Данные, проведенного статистического анализа имеющихся взаимосвязей (с помощью расчета r - критерия Спирмена), позволяют сделать вывод, что существует высокого уровня положительная взаимосвязь:

- между личностным адаптивным потенциалом и оценкой качества жизни и здоровья ($r=0.68$ при $p < 0.001$), личностным адаптивным потенциалом и удовлетворённостью и отношений ($r=0.85$ при $p < 0.001$).

- между нервно-психической устойчивостью и ощущением и состоянием ($r=0.88$ при $p < 0.001$), нервно-психической устойчивостью. энергией и функциональностью ($r=0.92$ при $p < 0.001$).

- между коммуникативными способностями и оценкой качества жизни и здоровья - ($r=0.45$ при $p < 0.05$), коммуникативными способностями и энергией и функциональностью ($r=0.87$ при $p < 0.001$), коммуникативными способностями и удовлетворённостью и отношений ($r=0,52$ при $p < 0.01$).

- положительная взаимосвязь высокого уровня между моральной нормативностью и оценкой качества жизни и здоровья ($r=0.79$ при $p < 0.001$), моральной нормативностью и ощущением и состоянием ($r=0.72$ при $p < 0.001$), моральной нормативностью и частотой негативных ощущений ($r=0.61$ при $p < 0.01$).

Таким образом, исследование взаимосвязей между психологическими характеристиками, отражающими адаптационные способности и качество жизни пожилых граждан, проживающих в социальном пансионате, показывает важность нервно-психической устойчивости, коммуникативных способностей, моральной нормативности и личностного адаптивного потенциала, энергии и функциональности, удовлетворённости отношениями как факторами, способствующими улучшению общего состояния и удовлетворённостью жизнью.

Результаты проведённого исследования нашли своё отражение в презентации модели социальной помощи пожилым людям, проживающим в социальном пансионате, которая ориентирована на создание комфортной среды, учитывающей в том числе индивидуальные предпочтения и потребности. Идея этой модели — это комплексный подход, направленный на улучшение качества жизни данной категории граждан и повышение уровня их социальной адаптации через повышение их нервно-психической устойчивости, развитие коммуникативных навыков, моральной нормативности, энергии и функциональности, удовлетворён-

ности отношениями через реализацию влияющих на эти показатели адаптационных стратегий социально-психологической помощи. Выбраны такие стратегии, как «Творческая среда», «Активное утро», «Психоэмоциональная поддержка», «Семейные связи» и «Культура и отдых», которые направляют не только к физическому и эмоциональному благополучию пожилых людей, но и их социальной интеграции. Эта модель акцентирует внимание на важности автономии, социализации и межличностных связей, что, в свою очередь, позволяет пожилым людям чувствовать себя более уверенно и комфортно в новой обстановке. Внедрение данного подхода социальной помощи не только будет способствовать улучшению качества жизни пожилых людей, но и позволит создать атмосферу взаимопонимания и поддержки, что является ключевым аспектом для их адаптации и благополучия в социальных пансионатах.

Библиографические ссылки

1. *Астапов В. В.* Особенности социальной работы с лицами пожилого возраста // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2018. № 5. С. 63-67.
2. *Мельникова С. Н.* Социальная работа с пожилыми. / С.Н. Мельникова. 2023. 300 с.
3. Методики оказания социально-психологической помощи семье и детям / под ред. Н.Г. Осуховой. – М. : Педагогика, 2002. 391 с.
4. *Никифорова Т. Ю.* Теория и практика социальной работы в современном социуме // Теория и практика социальной работы в современном социуме. 2023. № 3. С. 4-7.
5. *Холостова Е. И.* Социальная работа с пожилыми людьми: учебник для бакалавров. М. : «Дашков и К°», 2014. 339 с.

УРОВЕНЬ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СТРЕССА И СТРАТЕГИИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОЖАРНЫХ-СПАСАТЕЛЕЙ

В. С. Ботвич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vadimbotvich@mail.ru*

Научный руководитель — Н. Н. Красовская, кандидат социологических наук, доцент

В представленной статье автор исследует значимость изучения влияния психоэмоционального стресса на стратегии совладающего поведения, используемые пожарными-спасателями. Актуальность данного исследования обусловлена высокой стрессогенностью профессиональной деятельности пожарного, где стрессовые ситуации варьируются в зависимости от множества факторов, включая занимаемую должность и профессиональный стаж.

Выявлены статистически значимые различия в уровнях стресса между пожарными-спасателями и вспомогательным персоналом. Пожарные-спасатели используют преимущественно проблемно-ориентированные стратегии и поиск социальной поддержки для преодоления дистресса, в отличие от вспомогательного персонала, склонного к избеганию. Полученные результаты могут быть использованы для разработки программ повышения стрессоустойчивости и развития профессионально важных качеств.

Ключевые слова: психоэмоциональный стресс; стратегии совладания со стрессом; пожарные-спасатели; стрессоустойчивость; дистресс; профессиональная деятельность.

Профессиональная деятельность пожарных-спасателей характеризуется высокой стрессогенностью, сопряжена с высоким психоэмоциональным стрессом из-за ежедневного столкновения с опасностями, необходимостью быстро принимать решения, физическим и эмоциональным напряжением [2].

Психоэмоциональный стресс – многофакторное явление (биопсихосоциальная модель). Профессиональная деятельность пожарных связана с высоким уровнем стресса, негативно влияющим на здоровье и производительность и имеющим краткосрочные и долгосрочные последствия для психики.

Первоначально стресс начинается с получения вызова, сопряженного с неизвестными рисками, что требует быстрой адаптации. После выполнения заданий пожарные могут испытывать психологический стресс, становясь свидетелями горя и потерь, что повышает риск посттравматическое стрессовое расстройство.

Ключевые факторы высокого стресса: неопределенность ситуации, интенсивная физическая нагрузка и эмоциональный стресс от столкновения с человеческими страданиями. Хронический стресс также влияет на физическое здоровье, приводя к гипертонии, болезням сердца и другим недугам. Психологические последствия включают тревожность, депрессию и повышенный риск зависимостей.

Стратегии совладания играют ключевую роль в адаптации к стрессовым ситуациям и поддержании психического здоровья [3].

Согласно Лазарусу и Фолькману, выделяют активные (устранение/ослабление стрессора) и пассивные (снижение эмоционального напряжения) стратегии.

Эффективные стратегии совладания улучшают эмоциональное состояние (снижение тревожности/депрессии), повышают адаптивность (эффективные решения), снижают физиологические последствия стресса (АД, кортизол), укрепляют социальные связи (поддержка), профилактируют психические расстройства.

С целью выявления различий в уровне психоэмоционального стресса и стратегиях совладающего поведения у пожарных-спасателей нами было организовано и проведено эмпирическое исследование на базе Волковысского РОЧС Гродненской области.

На первом этапе изучался уровень воспринимаемого стресса у пожарных-спасателей и вспомогательного персонала с помощью Шкалы воспринимаемого стресса (PSS, Perceived Stress Scale) К. Кэмерон.

Результаты показали, что 56% пожарных-спасателей испытывают высокий уровень дистресса (значительное психоэмоциональное напряжение) против 42% вспомогательного персонала; 28% пожарных-спасателей и 42% вспомогательного персонала имеют средний уровень дистресса, 16% пожарных-спасателей и 16% вспомогательного персонала испытывают низкий уровень дистресса. 16% пожарных-спасателей и 48% вспомогательного персонала демонстрируют высокий уровень совладания со стрессом, 52% пожарных-спасателей имеют средний уровень совладания против 38% вспомогательного персонала, 32% пожарных-спасателей и 14% вспомогательного персонала имеют низкий уровень совладания.

Как видим, пожарные-спасатели испытывают более высокий уровень дистресса по сравнению со вспомогательным персоналом. В свою очередь вспомогательные работники демонстрируют более высокие показатели совладания со стрессом.

Для оценки различий применялся U-критерий Манна-Уитни (таблица 1). Различия в показателях дистресса ($U_{\text{эмп.}} = 803,5$) и совладания ($U_{\text{эмп.}} = 583$) статистически значимы ($p \leq 0.01$).

Таблица 1

**Оценка различий в показателях дистресса и совладания у
пожарных-спасателей и вспомогательного персонала**

Фактор	U-критерий Манна-Уитни	Критерий
Дистресс	803,5	значим, $p \leq 0.01 = 803,5$
Совладание	583	значим, $p \leq 0.01 = 853$

На втором этапе исследовались стратегии совладания со стрессом с помощью опросника по совладанию со стрессовыми ситуациями (CISS, Coping Inventory for Stressful Situations).

1. Проблемно-ориентированное совладание: 32% пожарных-спасателей имеют высокий уровень и 34% средний уровень, 42% вспомогательного персонала демонстрируют высокий уровень.

2. Эмоционально-ориентированное совладание: выявлены схожие уровни среди пожарных-спасателей (42% - высокий, 36% - средний) и вспомогательного персонала (38% - высокий, 36% - средний).

3. Избегающее совладание: пожарные-спасатели демонстрируют более низкие показатели (20% - высокий, 22% - средний), указывая на активное преодоление стресса. Вспомогательный персонал демонстрирует более высокие показатели (38% - высокий, 40% - средний), что может негативно влиять на эффективность.

Для оценки различий применялся опять-таки применялся U-критерий Манна-Уитни (таблица 2).

Таблица 2

**Оценка различий в показателях стратегий совладания со стрессом у
пожарных-спасателей и вспомогательного персонала**

Фактор	U-критерий Манна-Уитни	Критерий
Проблемно-ориентированное совладание	977,5	Незначим
Эмоционально-ориентированное совладание	1077	Незначим
Избегающее совладание	607	значим, $p \leq 0.01 = 607$

Подтверждены значимые различия в уровнях психоэмоционального стресса между пожарными-спасателями и вспомогательным персоналом. Как правило, пожарные-спасатели используют проблемно-ориентированные стратегии и поиск социальной поддержки. Вспомогательный персонал чаще прибегает к избегающему поведению.

Работа пожарных-спасателей ежедневно связана с экстремальными факторами, поэтому крайне важны стратегии совладания для управления стрессом. Психологический стресс проявляется в психических и соматических реакциях, приводя к выгоранию. Эффективные стратегии (социальная поддержка, решение проблем, дистанцирование) улучшают психоэмоциональное состояние и снижают риск профессиональных деформаций.

Важно разрабатывать эффективные методы управления стрессом, нацеленные на поддержание психологического здоровья, повышение профессиональной эффективности [1]. Необходимо внедрение программ профессиональной подготовки, включающих обучение управлению стрессом и преодолению травматических ситуаций. Регулярные физические упражнения также важны для снятия стресса. Поддержка внутри команды, развитие навыков саморегуляции (дыхательные техники, медитация) помогают контролировать эмоции в критических ситуациях.

Библиографические ссылки:

1. *Абитов И. Р.* Оказание психологической помощи людям, попавшим в чрезвычайные ситуации [Электронный ресурс] // Медицина чрезвычайных ситуаций. 2013. Том 2. С. 693-706. URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/104506/Statya__v_monografiju_MEDicina_chrezvychajnyh_situacij.pdf?sequence=1 (дата обращения: 14.04.2025).

2. *Кашкевич Е. И., Екимова Е. Ю., Горлова О. П.* Особенности средовых и организационных стресс-факторов и их влияние на психосоматическое здоровье спасателей подразделений МЧС России [Электронный ресурс] // АНИ: педагогика и психология. 2020. №2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sredovyh-i-organizatsionnyh-stress-faktorov-i-ih-vliyanie-na-psihosomaticheskoe-zdorovie-spasateley-podrazdeleniy-mchs>. (дата обращения: 05.04.2025).

3. *Останина Н. В.* Подходы к классификации копинг-поведения в научной литературе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №70. С. 127-130.

КОММУНИКАТИВНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЭМПАТИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. Д. Ерёмина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, eremina.stacy@gmail.com*

Научный руководитель — Н. Н. Красовская, кандидат социологических наук, доцент

Современная студенческая молодежь сталкивается с рядом социальных и культурных вызовов, среди которых особое место занимают конфликты, вызванные различиями в идеологиях, национальной принадлежности, этнической идентичности, а также проявления социальных стереотипов. В условиях такой многообразной среды студентам важно овладевать не только профессиональными знаниями и прикладными навыками, но и развивать способности к принятию иных взглядов и к пониманию эмоционального состояния окружающих. В этой связи особенно актуальными становятся навыки эмпатии и толерантности — они играют ключевую роль в налаживании конструктивного общения и эффективного взаимодействия как в образовательном процессе, так и в повседневных и профессиональных отношениях.

Ключевые слова: студенческая молодежь; коммуникативная толерантность; эмпатия.

В студенческом возрасте общение раскрывается как сложный и многогранный процесс, включающий не только передачу информации, но и глубокое понимание и восприятие собеседника. Оно служит основой формирования коммуникативных умений, которые необходимы для успешного взаимодействия и социальной интеграции. В это время формируются ключевые сферы жизни молодежи, и именно они определяют приоритетное значение общения [2, с. 441].

Период обучения в вузе — это особенное время, когда молодые люди не только обмениваются знаниями, но и формируют эмоциональные связи, учатся взаимопониманию и выстраиванию доверительных отношений. Такие контакты способствуют развитию коммуникативных навыков, которые помогают успешно адаптироваться в социальной среде и выстраивать гармоничные отношения. Через эмоционально насыщенное общение формируется чувство ответственности и личностная зрелость. Студенческая жизнь не только расширяет кругозор и практические навыки, но и способствует становлению гражданина, способного к сопереживанию и принятию других, что играет важную роль в укреплении общественной сплоченности и устойчивого развития общества.

Коммуникативная толерантность выражает уважительное отношение человека к окружающим и отражает его способность принимать даже те черты и действия партнёров по общению, которые могут казаться

неприятными. Недостаточная сформированность этого качества проявляется в агрессии и предвзятости, что затрудняет социальные взаимодействия.

Эмпатия, в свою очередь, является показателем эмоциональной чувствительности и способности понимать внутренние состояния других, где также значима рациональная составляющая восприятия. Она выражается в готовности поддерживать и помогать, и тем самым способствует формированию гуманистических установок. Без этих качеств невозможно полное раскрытие личности. Именно поэтому развитие эмпатии играет ключевую роль в личностном становлении и является важным элементом внутреннего роста человека [1, с. 73].

Нами было организовано и проведено исследование, в котором приняло участие 30 студентов 17-24 лет Белорусского государственного университета. В качестве основных диагностических материалов использовались: методика диагностики общей коммуникативной толерантности В.В. Бойко [3, с. 60] и методика «Опросник диагностики способности к эмпатии» А. Мехрабиана и М. Эпштейна (Эпстайна) [3, с. 72].

Первоначально был выявлен *уровень коммуникативной толерантности* у студентов. С этой целью были обработаны данные по методике диагностики «Опросник коммуникативной толерантности» В.В. Бойко.

Результаты показали, что высокий уровень коммуникативной толерантности наблюдался у 13 человек (43,33%), средний - у 16 человек (53,33%), низкий - у 1 человека (3,33%). То есть среди испытуемых преобладает средний уровень коммуникативной толерантности, что говорит об их открытости к различиям, но при этом и о наличии ограничений в понимании и принятии мнениях других. Также это говорит об умении слушать других, но не всегда готовности принять их мнение или идеи.

На втором этапе исследования был диагностирован *уровень эмпатии* у студентов по методике «Опросник для диагностики способности к эмпатии» А. Мехрабиана и М. Эпштейна (Эпстайна), адаптированном на русский язык Ю.М. Орловым и Ю.Н. Емельяновым.

Результаты показали, что у испытуемых преобладает средний уровень эмпатии (выявлен у 13 человек (43,33%)), что говорит о том, что они могут понять чувства другого, разделить их и при необходимости помочь; готовы внимательно выслушать своего собеседника без осуждения и оценок и поддержать.

Высокий уровень эмпатии выявлен у 9 человек (30%), что говорит о том, что человек принимает все эмоции других слишком близко к сердцу. Низкий уровень эмпатии выявлен у 6 человек (20%), что говорит

о том, что человеку практически безразличны переживания других людей, его не волнуют чужие чувства.

Очень низкий уровень эмпатии говорит о полном безразличии человека к окружающим (выявлен у 2 человек (6,67%)).

На завершающем этапе исследования была проведена математическая обработка полученных результатов с помощью компьютерной программы-статистики SPSS. После проверки шкал на нормальность распределения с помощью критерия Колмагорова-Смирнова, для установления взаимосвязи между уровнем коммуникативной толерантности и стрессоустойчивости испытуемых студентов, был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. В таблице мы отразили значимые корреляционные связи.

Таблица 2

Значимые корреляционные связи между шкалами методик коммуникативной толерантности и эмпатии

Шкалы методик	Значение г-критерия	Достоверность результатов (р-уровень)
«Непринятие индивидуальности - эмпатия»	$r = -0,345$	$p \geq 0,05$
«Использование себя как эталона - эмпатия»	$r = -0,112$	$p \geq 0,05$
«Категоричность, консервативность - эмпатия»	$r = -0,33$	$p \geq 0,05$
«Неумение скрывать чувства - эмпатия»	$r = -0,288$	$p \geq 0,05$
«Стремление переделать партнера - эмпатия»	$r = -0,218$	$p \geq 0,05$
«Желание сделать партнера удобным - эмпатия»	$r = -0,377$	$p \leq 0,05$
«Неумение прощать ошибки - эмпатия»	$r = 0,034$	$p \geq 0,05$
«Нетерпимость к дискомфорту - эмпатия»	$r = -0,380$	$p \leq 0,05$
«Плохое приспособление - эмпатия»	$r = -0,149$	$p \geq 0,05$

Результаты корреляционного анализа позволяют сделать вывод о наличии обратной взаимосвязи низкого уровня между такими показателями коммуникативной толерантности как «Желание сделать партнера удобным» и «Неумение прощать ошибки» и эмпатией у опрошенных студентов.

Так как в методике «Опросник для диагностики способности к эмпатии (А. Мехрабиана и М. Эпштейна)» зафиксировано, что больше ко-

личество набранных баллов у испытуемых, тем выше уровень эмпатии, а в методике «Опросник коммуникативной толерантности В.В. Бойко» - чем больше количество набранных баллов, тем ниже уровень коммуникативной толерантности, то мы интерпретируем результаты как умеренную положительную связь низкой значимости.

Библиографические ссылки

1. *Бойко В. В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. Москва : «ФилинЪ», 1996.
2. *Мухина В. С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учеб. для вузов. Москва «Академия», 1999.
3. Психодиагностика толерантности личности / Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Прокофьева Т. Ю., Кравцова О. А. Москва: Смысл, 2008.

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В. Н. Карницкая

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, vika.karnitskaya2016@gmail.com
Научный руководитель – К. В. Стволыгин, кандидат исторических наук, доцент.*

В данной статье рассматриваются особенности детско-родительских отношений, типы негармоничного семейного воспитания и их влияние на становление личности подростков. А также основные различия в восприятии детско-родительских отношений подростками в зависимости от пола.

Ключевые слова: детско-родительские отношения; подростковый возраст; особенности; подростки разного пола; стили семейного воспитания.

Актуальность проблематики детско-родительских отношений остается неизменно острой на протяжении всего развития психологической науки и практики. В отечественной психологии исследования, посвященные проблеме детско-родительских отношений, носят в основном узко прикладной характер и большинство же их направлены главным образом на анализ детско-родительского взаимодействия в условиях клиники. Авторы подходят к изучению детско-родительских отношений с различных точек зрения, вследствие чего существует множество интерпретаций названной категории. Ведущая роль в диаде отношений родитель – ребенок принадлежит взрослому. Однако, на сегодняшний день, тема детско-родительских отношений, где ведущую роль в диаде ребенок – родитель занимает ребенок остается не до конца изученной. Проблемам детско-родительских взаимоотношений посвящены работы многих исследователей: И.Ю. Кулагина, С.В. Тур, Е.Н. Кузьмина, И.А. Фурманов, Н.В. Фурманова, А.А. Аладьин. Однако, в Республике Беларусь не так много авторов занимающихся темой детско-родительских отношений и рассматривающих их со стороны ребенка, соответственно тема раскрыта частично и не полностью.

Детско-родительские отношения – это особенности взаимодействия родителей и детей в структуре семьи, включающие ролевые отношения, стили семейного воспитания, установки и ценности, а также характеризующиеся определенной эмоциональной окраской [2, с.150]. То, как сложатся детско-родительские отношения в этот трудный период, зависит, главным образом, от стиля воспитания, сложившегося в семье, и возможностей родителей перестроиться – принять чувство взрослости своего ребенка.

И.Ю. Кулагина отмечает, стили семейного воспитания, определяющего особенности отношений подростка с родителями и его личностное развитие:

Демократичные родители ценят в поведении подростка и самостоятельность и дисциплинированность. Они сами предоставляют ему право быть самостоятельным в каких-либо областях своей жизни; не ущемляя его прав, одновременно требуют выполнения обязанностей [3, с.155-157].

Авторитарные родители требуют от подростка беспрекословного подчинения и не считают, что должны ему объяснять причины своих указаний и запретов. Они жестко контролируют все сферы жизни, причем могут это делать и не вполне корректно [3, с.155-157].

Помимо авторитарного стиля воспитания, есть сочетание безразличного родительского отношения с отсутствием контроля – *гипоопека* – тоже неблагоприятный вариант семейных отношений. Подросткам позволено делать все, что им вздумается, их делами никто не интересуется. Такая вседозволенность как бы снимает с родителей ответственность за последствия поступков детей [3, с.155-157].

И.А. Фурманов, А.А. Аладьин, Н.В. Фурманова отмечают, что это стиль воспитания, при котором ребенок находится на периферии внимания родителей и попадает в поле их зрения только тогда, когда случиться что-то серьезное (болезнь, травма и т.п.). Родители не проявляют к ребенку никакого интереса и могут полностью игнорировать как его естественные (сон, еда), так и психологические (любовь, нежность, забота) потребности [4, с.60].

Родительская любовь – совершенно необходимое, но недостаточное условие благополучного развития подростка. *Гиперопека* – излишняя забота о ребенке, чрезмерный контроль за всей его жизнью, основанный на тесном эмоциональном контакте, - приводит к пассивности, несамостоятельности, трудностям в общении со сверстниками [3, с.155-157].

С.В. Тур отмечает, что для полноценного развития личности ребенка в семье должны складываться благоприятные условия, которые напрямую зависят от сложившихся в семье детско-родительских отношений. С одной стороны, главной характеристикой родительского отношения является любовь, которая определяет доверие к ребенку, радость и удовольствие от общения с ним, стремление к его защите и безопасности. С другой, родительское отношение характеризуется требовательностью и контролем. В этом конфликте заключается одно из самых сильных противоречий детско-родительских отношений в семье [1, с.20].

Гармоничное развитие личности подростка возможно при наличии здоровья, определяемого как состояние физического, психического и социального благополучия. Благополучные детско-родительские отношения -это, в первую очередь, важнейшие условия обеспечения психологического благополучия подростка. Деструктивные детско-родительские отношения существенно усложняют становление личности подростка и формирование саморегуляции поведения. Последствия неблагополучного взаимодействия в семье приводят к формированию нежелательных психологических особенностей (агрессивность, тревожность), а в поведенческом плане деструктивные детско-родительские отношения могут выступить в качестве фактора формирования девиантного поведения. Поэтому, так важно вовремя выявить типы негармоничного воспитания, для своевременной профилактической работы с семьей. В связи с этим на базе ГУО «Гимназия №192 г. Минска» было проведено исследование особенностей детско-родительских отношений подростков разного пола. В исследовании принимали участие 40 подростков (из них 20 мальчиков в возрасте 12-15 лет, 20 девочек в возрасте 12-15 лет).

Методика исследования: модификация опросника АСВ «Родителей оценивают дети» И.А. Фурманов, А.А. Аладьин [4]. Для определения необходимого статистического метода была проведена проверка переменных на нормальность распределения. Результат показал, что распределение не соответствует нормальному по большинству шкал. Поэтому был выбран непараметрический статистический U-критерий Манна-Уитни, для выявления значимых различий между группами подростков разного пола. Обработка данных была произведена в пакете прикладных статистических программ SPSS Statistics 27.0.

Расчет U-критерия Манна-Уитни показал наличие статистически достоверных различий по шкалам: Гиперпротекция ($U=,001$ при уровне статистической значимости $p<0,05$). Гипопротекция ($U=,069$ при уровне статистической значимости $p<0,05$). Недостаточность требований-обязанностей ребенка ($U=,001$ при уровне статистической значимости $p<0,05$). Неустойчивость стиля воспитания ($U=,001$ при уровне статистической значимости $p<0,05$). Предпочтение в подростке детских качеств ($U=,006$ при уровне статистической значимости $p<0,05$).

Таким образом, проанализировав результаты исследования детско-родительских отношений в группах подростков разного пола, можно сделать вывод о том, что в «группе риска» находится большое количество подростков-девочек. Можно сказать, что мальчики относятся к детско-родительским отношениям более благоприятно чем девочки. Общая удовлетворенность детско-родительскими отношениями у исследуемых мальчиков выше, мальчики чаще выражают удовлетворение отношени-

ями в семье. Девочки более чувствительны к чрезмерной демонстрации родительского внимания или к его отсутствию, поэтому проводя диагностику, чаще всего, типы негармоничного воспитания встречались у девочек.

Рекомендации:

В целях профилактики и своевременного выявления факторов риска, необходимо проводить своевременную диагностику стиля семейного воспитания ребенка, детско-родительских отношений. Концентрировать внимание на особенностях взаимодействия родителей и детей в структуре семьи.

Необходимо учитывать пол и возраст учащихся при проведении профилактической работы с подрастающим поколением и выявлении особенностей детско-родительских отношений.

Библиографические ссылки

1. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М.: АСТ, 2009.
2. Дети в семейной психотерапии: практическая работа и профессиональное обучение / под ред. Джоан Дж. Зильбах. – М.: издательство Института психотерапии, 2004.
3. Кулагина И.Ю. Возрастная психология. М.: Изд-во УРАО, 1998.
4. Фурманов И. А, Аладьин А. А, Фурманова Н.В. Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства: Книга для психологов. Минск: Тесей, 1999.

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ООО «ТОМОГРАФИЯ»)

А. С. Ковелько

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phs.kovelko@bsu.by
Научный руководитель — Н. Н. Красовская, кандидат социологических наук, доцент*

В представленной статье автор рассматривает проблему формирования мотивации персонала на примере медицинской организации ООО «Томография». Актуальность исследования обусловлена ростом значимости человеческих ресурсов в условиях социально-экономических изменений.

Проведен теоретический анализ роли мотивации в системе управления персоналом, рассмотрены подходы к стимулированию. Эмпирическая часть включает диагностику с применением методик Ф. Герцберга и К. Замфир, анкетирование и статистическую обработку данных. В результате исследования выявлены особенности мотивационной сферы сотрудников медицинского центра. Разработана и апробирована программа совершенствования системы стимулирования персонала. Доказана её эффективность в повышении мотивации сотрудников. Представленные материалы могут быть использованы для оптимизации управления персоналом в организациях.

Ключевые слова: мотивация персонала; стимулирование; управление персоналом; медицинская организация; трудовая активность; внутренняя и внешняя мотивация.

Мотивация персонала в современных условиях выступает одним из ключевых факторов устойчивого развития и конкурентоспособности организаций. В условиях социально-экономических преобразований, затрагивающих все сферы жизни, значительно возрастает роль внутренней вовлеченности сотрудников в трудовую деятельность. Эффективное управление человеческими ресурсами невозможно без понимания мотивации как процесса, формирующего активность и направленность поведения личности.

Согласно определению Э. А. Уткина, мотивация представляет собой «состояние личности, определяющее уровень активности и направленности действий человека в определенной ситуации» [1]. В контексте трудовой деятельности мотивация выражается в стремлении работника достигать целей организации при условии удовлетворения собственных потребностей.

Многообразие подходов к пониманию мотивации отражается в классификации теорий на содержательные и процессуальные. Так, *содержательные теории* акцентируют внимание на выявлении базовых потребностей человека (теория потребностей А. Маслоу, теория двух факторов Ф. Герцберга и теория приобретённых потребностей Д. Мак-

Клелланда). А. Маслоу утверждал, что «человеку необходимо сначала удовлетворить физиологические потребности, чтобы достичь более высокого уровня» [2].

Ф. Герцберг выделил два вида факторов: гигиенические и мотивационные. По его мнению, «отсутствие гигиенических факторов вызывает неудовлетворённость работой, но их наличие не приводит к удовлетворению; напротив, мотиваторы создают положительное отношение к труду» [3].

Процессуальные теории, напротив, исследуют мотивацию как динамический процесс. Наиболее известной среди них является теория ожиданий В. Врума, в которой он подчёркивал: «мотивация есть результат рационального выбора: человек действует, исходя из ожидаемого результата» [4].

Современное понимание мотивации основывается на сочетании внутренних и внешних побуждающих факторов. Как справедливо отмечает Е. П. Ильин, «стимулы, вызывающие процесс мотивации, могут быть как внутренними, так и внешними» [5]. Это требует от руководителей комплексного подхода к формированию мотивационной среды, способствующей раскрытию потенциала сотрудников и достижению стратегических целей.

Теоретический анализ показывает, что мотивация является неотъемлемой частью системы управления персоналом и требует глубокого понимания личностных и организационных факторов, определяющих трудовую активность работников.

В рамках эмпирической части нашего исследования была проведена диагностика мотивационной сферы сотрудников медицинского центра ООО «Томография» с использованием методик Ф. Герцберга и К. Замфир (в адаптации А. Реана).

Целью исследования стало выявление уровня мотивации персонала и апробация программы по совершенствованию системы стимулирования. В исследовании приняли участие 70 сотрудников центра.

Результаты диагностики по методике Ф. Герцберга позволили установить, что большинство сотрудников не испытывают устойчивого удовлетворения трудом. Это отражено в таблице 1, где видны преобладающие значения гигиенических факторов над мотивационными на констатирующем этапе.

Таблица 1

Средние показатели по методике Ф. Герцберга (констатирующий этап)

Показатели	Среднее значение
Гигиенические факторы	18,5
Мотивационные факторы	11,2

Аналогичные выводы были подтверждены данными методики К. Замфир: высокий уровень внешней положительной и отрицательной мотивации (в ожидании материального вознаграждения или в страхе наказаний) при низкой внутренней мотивации (см. таблицу 2).

Таблица 2

Средние показатели по методике К. Замфир (констатирующий этап)

Показатели	Среднее значение
Внутренняя мотивация (ВМ)	4,1
Внешняя положительная (ВПМ)	4,5
Внешняя отрицательная (ВОМ)	4,3

На основе полученных результатов была разработана программа совершенствования системы стимулирования, включающая нематериальные формы поощрения (публичное признание достижений, возможности для развития), гибкие графики и регулярную обратную связь.

После внедрения программы и проведения повторной диагностики показатели мотивации изменились. В таблице 3 представлены результаты повторного тестирования по методике Герцберга, в которых наблюдается увеличение доли мотивационных факторов.

Таблица 3

Средние показатели по методике Ф. Герцберга (контрольный этап)

Показатели	Среднее значение
Гигиенические факторы	16,4
Мотивационные факторы	15,3

Таблица 4

Средние показатели по методике К. Замфир (контрольный этап)

Показатели	Среднее значение
Внутренняя мотивация (ВМ)	4,7
Внешняя положительная (ВПМ)	4,1
Внешняя отрицательная (ВОМ)	3,4

С целью выявления достоверности различий выраженности показателей мотивации был применен U- критерий Манна-Уитни.

Таким образом, подтверждена гипотеза о том, что совершенствование системы стимулирования способствует росту мотивации персонала. Повышение внутренней мотивации свидетельствует о переходе сотрудников от внешне ориентированных

стимулов к профессиональной заинтересованности и удовлетворению от работы.

Полученные результаты обладают высокой практической значимостью: они могут быть применены для выстраивания эффективной политики управления персоналом в учреждениях здравоохранения. Реализация программы привела к снижению конфликтности, росту инициативности и увеличению производительности труда.

В заключение стоит отметить, что мотивация персонала — это не только ключ к повышению эффективности, но и стратегический ресурс развития организации. Как показал опыт ООО «Томография», комплексная система стимулирования, учитывающая как материальные, так и нематериальные потребности сотрудников, обеспечивает устойчивое развитие и высокий уровень вовлечённости коллектива.

Библиографические ссылки

1. Уткин Э. А. Конфликтология: теория и практика. М.: Экмос, 2000.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2002.
3. Герцберг Ф. Мотивация к работе. М.: Вершинина, 2007.
4. Браницкий А. Ю. Мотивация труда как объект исследования. М.: Аспект, 2014.
5. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000.

МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ И УРОВЕНЬ ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У СОТРУДНИКОВ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА.

Д. А. Мухина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, Dashamuxa8@gmail.com
Научный руководитель – Е. С. Макеева, кандидат психологических наук, доцент*

В публикации автор обращается к проблеме мотивации достижения и уровня личной ответственности у сотрудников трудового коллектива. Приводятся результаты исследования мотивации достижения и уровня личной ответственности у данной группы испытуемых. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований; базой для разработки психологических мероприятий и тренинговых программ, направленных на расширение личностных ресурсов сотрудников трудовых коллективов, имеющих низкую мотивацию достижения или низкий уровень личной ответственности.

Ключевые слова: мотивация достижения; личная ответственность; трудовой коллектив.

Одной из важнейших проблем в современной психологии является проблема мотивации достижения успеха. Ее актуальность обуславливается совершенствованием системы образования, необходимостью подготовки к жизни людей, способных самостоятельно получать знания, имеющих активную жизненную позицию. Мотивация одно из основных понятий, которое используется для объяснения движущих сил поведения. Данная проблема является фундаментальной как в отечественной, так и зарубежной психологии. Существует множественность понимания структуры, сущности и природы проблемы мотивации, что обуславливает ее сложность и многоаспектность.

Основателями теории мотивации достижения можно назвать американских психологов Г. Мюррея (автор понятия «мотив достижения»), а также Д. Мак-Клелланда (идея рассматривать мотивацию достижения через соотнесение с критерием качества деятельности), Д. Аткинсона (убежденного, что если человек ставит себе средние и сложные цели и, то таким образом он добивается успеха) и Х. Хекхаузена, согласно которому мотивация достижения играет роль в стремление увеличить или сохранить высокими способности человека там, где может быть использован критерий успешности.

Ответственность, самостоятельность личности определяют внутреннюю потребность в принятии решений, активность, инициативность. Чувство ответственности является одним из базовых свойств личности,

«внутренним условием организации жизнедеятельности человека, регулятором занятий, дел и целей», детерминантой ее становления, развития и формирования навыков преодоления сложных жизненных и профессиональных ситуаций.

Теоретическая значимость исследования заключалась в обобщении современных исследований проблемы мотивации достижений и личной ответственности сотрудников.

Практическая значимость исследования заключалась в возможности организации коррекционной работы по формированию мотивации достижений и личной ответственности у сотрудников трудового коллектива.

Целью нашего исследования было теоретически уточнение, практическое выявление взаимосвязи мотивации достижения и личностной ответственности сотрудников трудового коллектива.

В качестве методик исследования выступили: «Опросник для измерения мотивации достижения А. Мехрабиана», «Методика диагностика личности на мотивацию к успеху Т. Элерса», «Мотивация к избеганию неудач Т. Элерса», «Экспресс-диагностика ответственности» Л.А. Косолаповой; Для доказательства гипотезы исследования мы использовали такие статистические методы как: критерий Колмогорова-Смирного, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Исследование проводилось в ООО «Вельми смачна». Выборку исследования составили 30 сотрудников трудового коллектива. Возраст испытуемых варьировал от 30 до 45 лет. Из всей выборки – 14 мужчин и 16 женщин.

В ходе исследования нами были получены следующие результаты.

Почти для половины сотрудников характерна тенденция достижения успеха. Для трети сотрудников характерен средний уровень мотивации достижений: Треть сотрудников продемонстрировала средний уровень мотивации избегания неудач.

Почти для половины сотрудников характерен низкий уровень ответственности

Анализ взаимосвязи мотивации достижения и уровня личной ответственности сотрудников организации позволил сделать вывод, что:

– сотрудники, добровольно принимающие новые обязанности, проявляющие заинтересованность, самостоятельность во время выполнения трудовых обязанностей, ставят перед собой в деятельности некоторую положительную цель, достижение которой может быть равнозначно расценено как успех, предпочитают трудиться в условиях побуждения

мотива достижения, мотивация достижения не постоянно приводит к гораздо более высоким, чем у остальных результатам.

– для сотрудники проявляющих низкое качество выполнения деятельности, демонстрирующих отрицательные эмоции при невыполнении обещаний, неготовность оказания помощи другим, характерно прекращение деятельности при наличии некоторых трудностей в достижении результата.

Статистический анализ взаимосвязи мотивации достижения и уровня личной ответственности сотрудников организации показал следующие показатели:

– положительная взаимосвязь уровня ответственности, мотивационной тенденции ($r_s=0,511$ при $p=0,004$) и мотивации достижения успеха ($r_s=0,801$ при $p=0$).

– отрицательная взаимосвязь уровня ответственности и мотивации избегания неудач ($r_s=-0,735$ при $p=0$).

Таким образом, гипотеза, выдвигаемая в начале исследования, подтвердилась частично: чем выше уровень мотивационной тенденции и мотивации достижения, тем более высокий уровень ответственности имеют сотрудники; чем ниже уровень ответственности, тем чаще сотрудники прибегают к мотивации избегания.

Библиографические ссылки

1. Чуева М. Ю. От проблемы выбора к осознанности и ответственности. Опыт применения в высшей школе // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2013. №5. С. 1-15.

2. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М. : Московский психолого-социальный институт, 1999. 224 с.

3. Виллюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М. : Изд-во МГУ, 2014. 283 с.

4. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения. СПб. : Речь, 2011. 352 с.

5. Леонтьев Д. А. Современная психология мотивации. М. : Смысл, 2012. 289 с.

УРОВЕНЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В КОЛЛЕКТИВЕ МЕДИЦИНСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

А. И. Пунтус

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, Annpuntus32@yandex.by*

Научный руководитель – К. В. Стволыгин, кандидат исторических наук, доцент

В научной статье приводятся результаты эмпирического исследования особенностей восприятия уровня организационной культуры и социально-психологического климата в коллективе медицинского учреждения с различным стажем работы. Результаты данного исследования могут служить основанием для проведения дальнейших исследований, а также для разработки психологических программ, направленных на коррекцию уровня социально-психологического климата в трудовом коллективе.

Ключевые слова: медицинские работники; организационная культура; социально-психологический климат; стаж работы.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, потребностью создания эффективного и безопасного рабочего пространства. Обществу важно обеспечивать высокое качество медицинских услуг, что невозможно без формирования позитивной организационной культуры и комфортного психологического климата, способствующих стабильной работе медицинских работников и их удовлетворенности. Во-вторых, несмотря на увеличение научных публикаций и дискуссий, проблема взаимосвязи между медицинской культурой и социально-психологическим климатом в здравоохранении остается недостаточно изученной.

В результате теоретического обзора литературных источников был сделан ряд следующих выводов. Социально-психологический климат в коллективе представляет собой целостное состояние трудового коллектива, характеризующееся устойчивым эмоциональным настроением и качеством межличностных отношений, что непосредственно отражает реальные условия жизнедеятельности и совместной деятельности [1, с. 127].

Организационная культура определяется как совокупность общих базовых допущений и ценностей, усвоенных группой в процессе решения проблем внешней адаптации и внутренней интеграции [2, с. 12].

Изучением особенностей связи организационно-правовой культуры и социально-психологического климата в медицинском коллективе занимались такие исследователи, как С. Н. Сорокоумова, В. П. Исаев [3], С. А. Аверина [4], Л. М. Бедрин и Л. П. Урванцев [5]. Особенности связи

организационной культуры и социально-психологического климата в медицинском учреждении проявляются в том, что культура определяет нормы и ценности, формируя атмосферу внутри коллектива, что особенно критично в условиях высокой эмоциональной нагрузки. Поддерживаемая положительная организационная культура, способствующая открытости и доверительным отношениям, создает благоприятный социально-психологический климат, что, в свою очередь, повышает уровень удовлетворенности работников своей деятельностью и качество оказываемых услуг. Напротив, авторитарные стиль и формализованные подходы могут негативно сказаться на уровне морального духа сотрудников и их способности к эмпатии, что крайне важно в медицинской практике.

В результате обзора литературных источников была выдвинута гипотеза о том, что существуют особенности восприятия организационной культуры и социально-психологического климата коллектива сотрудниками медицинского учреждения с разным стажем работы.

Для ее проверки было проведено исследование. Эмпирическое исследование проходило на базе учреждения здравоохранения «32-я городская клиническая поликлиника». В исследовании приняли участие 50 человек из числа сотрудников медицинского учреждения. Из них 25 человек со стажем работы до 5 лет и 25 человек со стажем работы от 10 лет. Возраст испытуемых – 22-45 лет.

Результаты эмпирического исследования социально-психологического климата в коллективе медицинского учреждения по методике изучения социально-психологической самооценки коллектива «СПСК» (О. Немов) показаны на таблице 1.

Таблица 1

Результаты исследования социально-психологического климата в коллективе медицинского учреждения

Шкала	Балл
Стремление к сохранению целостности группы	2,96
Сплоченность (единство отношений)	2,72
Контактность (личные взаимоотношения)	2,86
Открытость	3,22
Организованность	3,88
Ответственность	3,98

По шкалам стремление к сохранению целостности группы, сплоченность, контактность, открытость медицинские работники оценивать уровень социально-психологического климата в своем коллективе как средний. Что касается шкал организованность и ответственность, то средняя оценка в группе достигает высокого уровня.

Также было проведено сравнение между группами, стаж которых до 5 лет и от 10 лет. Результаты показаны на таблице 2.

Таблица 2

Результаты сравнения групп

Шкала	Группа 1 (до 5 лет)	Группа 2 (от 10 лет)
Стремление к сохранению целостности группы	3,2	2,72
Сплоченность (единство отношений)	2,76	2,68
Контактность (личные взаимоотношения)	3	2,72
Открытость	3,24	4,2
Организованность	3,32	4,44
Ответственность	3,72	4,24

Примечание: Группа 1 – медицинские работники со стажем работы до 5 лет; Группа 2 – медицинские работники со стажем работы от 10 лет

Анализ показателей демонстрирует, что первая группа демонстрирует низкое восприятие групповой целостности и сплоченности, но чуть большее внимание к личным взаимоотношениям по сравнению со второй группой. Более опытные работники характеризуются высокой структурированностью и ответственностью, а также повышенной открытостью. Эти различия подчеркивают необходимость стратегических мероприятий для улучшения взаимодействия между различными группами сотрудников, включая возможности для командообразования и повышения уровня эмоционального интеллекта в коллективе.

Заключительным этапом исследования являлся сравнительный анализ групп с различным стажем работы. Результаты сравнительного анализа восприятия социально-психологического климата медицинскими работниками с разным стажем работы представлены в таблице 3.

Таблица 3

Сравнительный анализ восприятия социально-психологического климата медицинскими работниками с разным стажем работы

Переменные исследования	Сумма рангов (Группа 1)	Сумма рангов (Группа 2)	U-критерий	p-уровень
Стремление к сохранению целостности группы	681	594	269	0,631
Сплоченность	637.5	637.5	312.5	0,527
Контактность	653	622	297	0,633
Открытость	551.5	723.5	226.5	0,044
Информированность	531.5	743.5	206.5	0,015
Ответственность	578	697	253	0,533

Примечание: Группа 1 – медицинские работники со стажем работы до 5 лет; Группа 2 – медицинские работники со стажем работы от 10 лет

Как видно на таблице, статистически значимые различия были обнаружены по шкале «Открытость» и «Информированность». Это говорит о следующем: более опытные работники воспринимаются как более открытые в коммуникациях и взаимодействиях в коллективе, чем те, кто только начинает свою карьеру; а также о том, что работники со стажем работы от 10 лет обладают более высокой степенью информированности, возможно, благодаря большему количеству получаемых знаний и информации в процессе своей профессиональной практики.

Данное исследование имеет следующие перспективы:

1) проверка гипотезы исследования с привлечением более широкой по количеству выборки исследования;

2) выявление взаимосвязи уровня организационной культуры и социально-психологического климата в коллективе медицинского учреждения.

Библиографические ссылки

1. *Аникеева, Н. П.* Психологический климат в коллективе. М. : Просвещение, 2009.
2. *Бехтерев, В. М.* Избранные труды по психологии. М. : Наука, 1994.
3. *Сорокоумова, С. Н., В. П. Исаев* Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий // Педагогическое образование в России. 2013. №4. С. 186-190.
4. *Аверина С. А.* Влияние внутриорганизационной среды на мотивацию труда // Экономика и социум. 2020. № 5-2 (72). С. 174-182.
5. *Бедрин, Л. М., Урванцев Л. П.* Психология и деонтология в работе врача. Ярославль : Наука, 1988.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР САМОЭФФЕКТИВНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

А. Н. Рабушиц

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, alina.rabushchishch@mail.ru
Научный руководитель — Т. В. Тратинко, старший преподаватель*

Данная статья посвящена эмпирическому исследованию взаимосвязи между профессиональной идентичностью и самооэффективностью молодых специалистов. Рассматривается значимость формирования профессиональной идентичности как ключевого фактора достижения успеха в профессиональной деятельности и степень влияния на уровень уверенности специалистов в своей способности справляться с различными профессиональными задачами, что, в свою очередь, может оказывать положительное воздействие на их самооэффективность. В результате исследования были выявлены эмпирические показатели, свидетельствующие о наличии корреляционных связей между профессиональной идентичностью и показателями самооэффективности молодых специалистов.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; самооэффективность; профессиональная деятельность; молодой специалист.

Профессиональная идентичность актуальное направление исследований в психологической науке, обусловленное, с одной стороны, запросами производства к развитию человеческого капитала, а с другой — необходимостью сопровождения личности в процессе профессионального самоопределения и построения карьеры.

Процесс формирования профессиональной идентичности, осознание представлений о себе, своей роли и месте в профессиональном социуме, означает поиск своей индивидуальности и реализацию профессионального потенциала. Профессиональная идентичность, выраженная, в общем смысле, в представлениях субъекта о себе как субъекте труда и соотношении когнитивно-эмоционального отражения собственной личности и своей профессиональной деятельности, является одним из значимых показателей профессионализации субъекта деятельности, формирования и развития его профессиональных ценностей, установок, формируемых мотивов деятельности [1].

Частью профессиональной идентичности является чувство собственной эффективности. Самооэффективность является центральной и одной из самых важных детерминант поведения работника, которая дает возможность с высокой точностью спрогнозировать то, как на самом деле человек будет проявлять себя в различных ситуациях. Характеристиками самооэффективности является ее уровень — сложность деятельности,

с которой субъект, по его убеждению, может справиться, широта – степень обобщенности представлений о ситуациях, в которых возможны достижения, и сила (устойчивость) – выраженность убежденности в том, что ожидаемый результат будет достигнут. По природе самоэффективность является когнитивным образованием (представление, восприятие своей эффективности), относительно независимым от реальных способностей человека [2].

Таким образом, важность профессиональной идентичности связана с современным положением дел в профессиональной сфере. В меняющихся условиях под воздействием технологических, экономических и социокультурных факторов возникают новые требования к специалисту. Гибкость и оперативность в решении новых задач, а также умение удовлетворять постоянно меняющиеся потребности общества и индивида, являются важными составляющими самоэффективности молодого специалиста в современных условиях [3].

Тем не менее, изменения в социальных системах, наблюдаемые в последние годы и обусловленные глобальными экономическими и социальными процессами, позволяют предположить, что условия и факторы формирования профессиональной идентичности современных молодых специалистов находятся под воздействием новых реалий. Эти изменения, в свою очередь, влияют на самоэффективность специалистов, что и обосновывает актуальность проведенного исследования.

В исследовании приняла участие группа из 30 молодых специалистов: 25 девушек и 5 юношей, в возрасте от 19 до 25. Средний возраст выборки составил 21,8 лет. В качестве основного диагностического материала использовались 2 методики: методика исследования профессиональной идентичности (МИПИ) Л. Б. Шнейдер и методика Диагностики самоэффективности (Маддукс, Шеер).

Первым этапом стала первичная обработка полученных данных.

Исследование профессиональной идентичности у молодых специалистов (по результатам Методики профессиональной идентичности (МИПИ) Л. Б. Шнейдер).

Было выявлено, что у 9 молодых специалистов (30%) статус их профессиональной идентичности – диффузный, у 8 специалистов (27%) мораторий, 5 молодых специалистов (16%) обладают статусом преждевременной идентичности, столько же специалистов отличились псевдоидентичным статусом, и лишь 3 молодых специалиста (10%) обладают достигнутым статусом профессиональной идентичности. Средний показатель составляет 2,85 что соответствует статусу – мораторий идентичности. Это свидетельствуют о том, что большая часть испытуемых нахо-

дится в состоянии кризиса идентичности и активно пытается разрешить его, пробуя различные варианты.

Исследование самооффективности в сфере предметной деятельности у молодых специалистов (по результатам методики Диагностика самооффективности (Маддукс, Шеер)).

В результате проведенного исследования, было выявлено, что средние значения уровня самооффективности преобладает у 18 молодых специалистов (60%), низкие значения характерен для 6 специалистов (20%), и высокие также – у 6 людей (20%). Среднее показател составляет 21,83, что соответствует среднему уровню и означает, что молодые специалисты зачастую характеризуются адекватной самооценкой, которая позволяет им ставить реалистичные цели и добиваться их, также у таких людей чаще оптимистические или пессимистические сценарии развития событий.

Результаты по исследованию самооффективности в сфере межличностного общения. Было выявлено, что у 18 специалистов (60%) низкий уровень самооффективности, средний – у 10 (33%), а высокий – у 2 молодых специалистов (7%). Средний показатель составляет 3,02 что соответствует среднему уровню выраженности. Это говорит о том, что большинство молодых специалистов можно охарактеризовать, как людей верящих в свою способность устанавливать и поддерживать социальные контакты.

Можно отметить, что среднее значение уровней самооффективности у молодых специалистов свидетельствуют об адекватной оценке потенциала в той или иной сфере их жизнедеятельности. Профессиональная идентичность у молодых специалистов находится на недостаточном уровне развития, результаты исследования говорят о присутствии у большинства испытуемых состоянии кризиса их идентичности.

Вторым этапом исследования стала статистическая обработка данных определения выявления взаимосвязи между профессиональной идентичности и самооффективности у молодых специалистов.

Сначала мы проверили полученные результаты на нормальность распределения с помощью критерия Колмагорова-Смирнова и описали их.

Были получены следующие результаты распределения:

Проверка данных по переменной «Профессиональная идентичность» у испытуемых показало отличный от нормального результат распределения, т.к. $p=0,00<0,05$ – непараметрический метод.

Проверка данных по переменной «Самооффективность предметной деятельности» у испытуемых результат показал нормальность распределения, т.к. $p=0,20>0,05$ – параметрический метод.

Проверка данных по переменной «Самоэффективность межличностного общения» у испытуемых результат показал нормальность распределения, т.к. $p=0,20>0,05$ – параметрический метод.

Далее, для определения взаимосвязи между профессиональной идентичности и самоэффективности у молодых специалистов, нами был использован критерий корреляции Спирмена.

Нами были получены следующие результаты:

Шкалы «Профессиональная идентичность – Самоэффективность предметной деятельности» – $r=0,622$; характер связи «умеренная»; $p=0,00$.

Шкалы «Профессиональная идентичность – Самоэффективность межличностного общения» – $r=0,256$; характер связи «нулевая гипотеза подтверждается»; $p=0,0171$.

Полученные данные являются показателем того, что присутствует прямая взаимосвязь между профессиональной идентичностью и самоэффективностью предметной деятельности. Это говорит о том, что чем лучше развита по статусу профессиональная идентичность, тем выше уровень самоэффективности предметной деятельности у молодых специалистов.

Взаимосвязь между профессиональной идентичностью и самоэффективностью частично подтверждается наличием статистически значимых коэффициентов корреляции.

По результатам эмпирического исследования, были разработаны следующие рекомендации по профилактике прокрастинации и дисфункционального перфекционизма у молодых специалистов:

1. Проанализируйте внутренние переживания. Идентифицируйте источники неудовлетворенности: рабочая среда, профессиональные навыки или несоответствие ожиданий. Оцените свои сильные стороны, ценности и интересы, чтобы соотнести их с выбранной профессией.

2. Определите долгосрочные карьерные цели. Сформулируйте видение своей профессиональной траектории на 5–10 лет. Ответьте на ключевые вопросы о своих интересах и областях, где вы хотели бы быть полезными, чтобы понять, как текущие сложности вписываются в общую картину.

3. Развивайте профессиональные компетенции. Осваивайте новые навыки через обучение, участие в семинарах или освоение смежных сфер. Это не только укрепляет уверенность, но и открывает новые карьерные возможности.

4. Обратитесь за поддержкой и наставничеством. Найдите наставника, способного объективно оценить вашу ситуацию и дать рекоменда-

ции. Обсуждайте кризис с коллегами или людьми, имеющими схожий опыт.

5. Экспериментируйте с профессиональной деятельностью. Ищите новые задачи или проекты в своей сфере, чтобы разнообразить опыт. Рассмотрите временные стажировки, волонтерство или смежные области как способ проверить новые направления.

6. Создайте ресурсную среду и соблюдайте баланс. Окружите себя поддерживающими людьми, вступайте в профессиональные сообщества. Позвольте себе кратковременные паузы для восстановления энергии и оценки ситуации. Признавайте даже небольшие достижения как шаги к росту.

Следование данных рекомендаций помогут осознать свои профессиональные цели и справиться с временными трудностями, превратив кризис в точку личностного и карьерного развития.

Библиографические ссылки

1. *Коростылева Л. А.* Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Речь, 2015.
2. *Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
3. *Мельникова, Н. И.* Исследование взаимосвязи самооффективности педагога и статуса их профессиональной идентичности // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 4.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК РЕСУРС ПРОФИЛАКТИКИ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У ПОДРОСТКОВ

П. А. Синицкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, polinkasinitskay@icloud.com
Научный руководитель – Т.В. Тратинко, старший преподаватель*

В статье автор рассматривает роль жизнестойкости в профилактике суицидального риска у подростков; представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей показателей жизнестойкости у подростков с разным уровнем суицидального риска. Суицид и суицидальное поведение являются значимой проблемой для данной возрастной категории в силу ее специфики и эмоциональной неустойчивости.

Ключевые слова: жизнестойкость; вовлеченность; контроль; суицидальный риск; подростки.

Понятие «hardiness» было введено американскими психологами, С. Мадди и С. Кобейса. С. Мадди понимал под данным термином «паттерн структуры установок и навыков, позволяющий превратить изменения в окружающей действительности в возможности человека» [1, с. 107]. «Hardiness» дословно можно перевести с английского как «выносливость, крепость, здоровье, устойчивость, смелость, неустрашимость». Д.А. Леонтьев предложил обозначать его как «жизнестойкость» [2, с. 22].

Жизнестойкость личности – это свойство личности, отдельными аспектами которой являются устойчивость, уравновешенность, сопротивляемость. Она дает возможность личности противостоять жизненным трудностям, неблагоприятному давлению обстоятельств, сохранять здоровье и работоспособность в различных испытаниях [3, с.45].

Наиболее полно и точно, по мнению Д.А. Леонтьева, понятие жизнестойкости описал С. Мадди. Жизнестойкость представляет собой систему убеждений человека о себе, о мире и об отношениях с ним, которая состоит из 3 компонентов (вовлеченности, контроля, принятия риска) и способствует оценке событий как менее травматических и успешному совладению со стрессом.

Компонент вовлеченность (commitment) определяется как «убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности». Человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие от собственной деятельности. В противоположность этому, отсутствие подобной убежденности порождает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жиз-

ни. «Если вы чувствуете уверенность в себе и в том, что мир великодушен, вам присуща вовлеченность» [2, с. 49].

Контроль (control) представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Противоположность этому – ощущение собственной беспомощности. Человек с сильно развитым компонентом контроля ощущает, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь [2, с. 50].

Принятие риска (challenge) – убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного. В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование [2, с. 50].

Важна выраженность всех трех компонентов для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности и активности в стрессовых условиях

Нами было проведено исследование, целью которого было установить особенности жизнестойкости у подростков. Так, для формирования выборок использовалась «Методика выявления склонности к суицидальным реакциям». Полученные результаты отражены на рисунке 1.

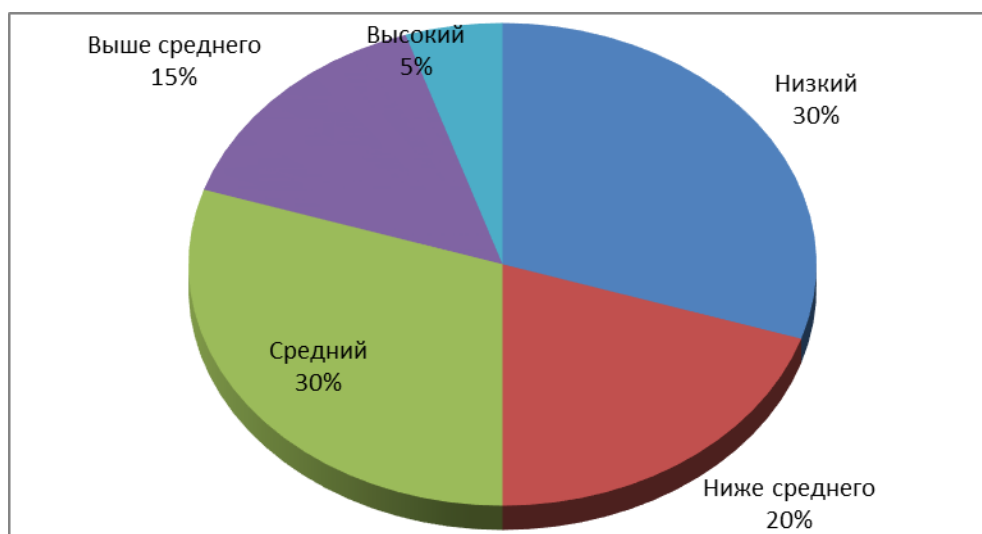

Рис. 1 – Выраженность склонности к суицидальным реакциям подростков

Данные, приведенные на рисунке 1, свидетельствуют, что у 5% подростков (5 чел.) высокий уровень склонности к суицидальным реакциям. Данные учащиеся обладают очень высоким уровнем проявления склонности к суицидальным реакциям.

15% подростков (15 чел.) выше среднего уровень склонности к суицидальным реакциям. У данных респондентов возможна суицидальная попытка или реализация саморазрушающего поведения.

Для 20% подростков (20 чел.) характерен ниже среднего уровень склонности к суицидальным реакциям. У данных респондентов может возникнуть суицидальная реакция только на фоне длительной психической травматизации и при реактивных состояниях психики.

Низкий и средний уровень склонности к суицидальным реакциям характерен для 30% подростков (30 чел.).

Следующим этапом исследования стало установление специфики отношения к жизненным трудностям. В рамках решения данной задачи участникам исследования было предложено ответить на вопросы методики «Тест жизнестойкости» (автор С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева). Полученные в ходе опроса эмпирические данные отражены на рисунке 2.

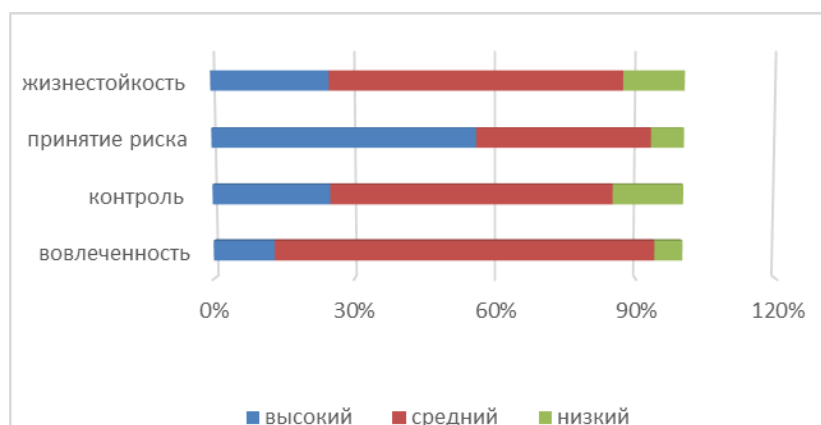

Рис. 2 – Уровневая выраженность отношения подростков к жизненным трудностям

Анализируя эмпирические данные, приведенные на рисунке 2, следует, прежде всего, отметить, что все показатели вовлеченности, контроля и жизнестойкости у подростков имеют средний уровень:

- 81% (81 чел.) - средний уровень вовлеченности, свидетельствующий, что респонденты в зависимости от ситуации происходящие события оценивают, как интересных, создающих возможность для самореализации, получения удовольствия от реализуемой деятельности.

- 60% (60 чел.) - средний уровень контроля, у 25% (25 чел.) - зафиксирован высокий уровень контроля. Это означает, что респонденты полагают, что любой человек сам выбирает собственную деятельность и свой жизненный путь. Низкий уровень контроля над жизненными событиями обнаружен у 15% опрошенных (15 чел.). Для них характерно ощущение собственной неспособности повлиять на события собственной жизни, самостоятельно преодолеть возникающие трудности.

- 62% (62 чел.) - средний уровень жизнестойкости. Это означает, что данные респонденты способны проявлять работоспособность и активность в стрессогенных условиях, сохраняя свое здоровье. Низкий уровень общей жизнестойкости обнаружен у 13% опрошенных (13 чел.) - для них характерно ощущение собственной неспособности эффективно и самостоятельно преодолевать жизненные трудности, не нанося ущерб собственному здоровью.

Однако у респондентов обнаружен высокий уровень принятия риска 56% (56 чел.). Это означает, что им свойственно восприятие любых жизненных ситуаций (в том числе, трудных, проблемных) как способствующих личностному развитию, расширению знаний о мире, обогащению жизненного опыта. Они готовы действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, избегая комфортных условий и безопасность.

Далее для определения особенностей жизнестойкости у подростков с разным уровнем суицидального риска из общей выборки было отобрано 30 учащихся с низким уровнем суицидального риска и 30 учащихся со средним уровнем суицидального риска.

Среднегрупповая выраженность жизнестойкости подростков с разным уровнем суицидального риска представлена в виде рисунка 3.

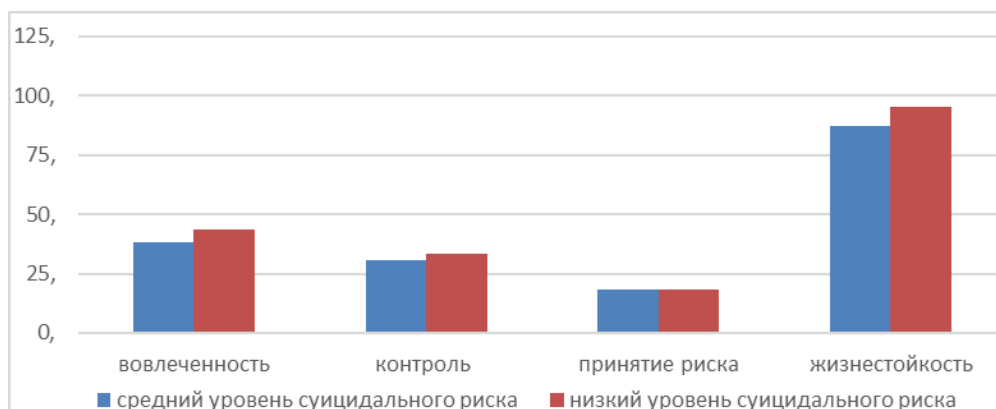

Рис. 3 – Среднегрупповая выраженность отношения к жизненным трудностям подростков со средним и низким уровнем суицидального риска

Проанализировав данные, представленные на рисунке 3, можно отметить, что подростки с низким уровнем суицидального риска демонстрируют большую выраженность:

- вовлеченности (38,3 средний балл в выборке подростков со средним уровнем суицидального риска и 43,6 средний балл в выборке подростков с низким уровнем суицидального риска). Это означает, что подростки с низким уровнем суицидального риска, по сравнению с подростками со средним уровнем суицидального риска, характеризуются более высокой вовлеченностью в происходящее, они в большей степени

получают удовольствие от собственной деятельности. В то же время подростки со средним уровнем суицидального риска сильнее переживают чувство отверженности, ощущение себя «вне» жизни.

- контроля (30,8 средний балл в выборке подростков со средним уровнем суицидального риска и 33,3 средний балл в выборке подростков с низким уровнем суицидального риска). Таким образом, подростки с низким уровнем суицидального риска считают, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован.

- жизнестойкости (87,4 средний балл в выборке подростков со средним уровнем суицидального риска и 95,5 средний балл в выборке подростков с низким уровнем суицидального риска). Таким образом, высокий уровень жизнестойкости подростков с низким уровнем суицидального риска препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых.

Таким образом, анализ различий в выраженности жизнестойкости подростков с низким и средним уровнем суицидального риска позволил сделать вывод, что для подростков с низким уровнем суицидального риска характерен более высокий вовлеченности и способности испытывать удовольствие от той деятельности, которую они выполняют. Также для подростков с низким уровнем суицидального риска характерен более высокий уровень жизнестойкости, чем для подростков со средним уровнем суицидального риска.

Библиографические ссылки

1. *Иванова Л. Н.* Связь жизнестойкости с адаптивными копинг-стратегиями студентов педвуза // Дошкольное начальное образование = Preschool and primary education: сборник научных статей / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина», Факультет дошкольного и начального образования; [редколлегия: Б. А. Крук и др.]. Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2017. С. 107-112.

2. *Леонтьев Д. А.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2016. 63 с.

3. *Наливайко Т. В.* Особенности проявления жизнестойкости в структуре социально-психологических свойств личности студентов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. №27. С. 44-49.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И СТРЕСС В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

Е. А. Сорокина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, katya_sorka@mail.ru*

Научный руководитель — Н. Н. Красовская, кандидат социологических наук, доцент

В представленной статье автор исследует связь между эмоциональным выгоранием и стрессом у специалистов системы социальной защиты. Актуальность данного исследования обусловлена высокой нагрузкой и эмоциональными трудностями, с которыми сталкиваются работники социальной сферы, что может приводить к развитию эмоционального выгорания.

Проведенный анализ на основе данных 60 респондентов выявляет признаки эмоционального выгорания и различные уровни воспринимаемого стресса. Результаты исследования подтверждают гипотезу о взаимосвязи между этими явлениями, что подчеркивает необходимость внимания к психоэмоциональному состоянию специалистов.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; специалисты социальных служб; профессиональная деятельность; стресс.

На данный момент можно выделить обширный перечень профессий, для которых характерно эмоциональное выгорание. В этот список входят сотрудники медицинской сферы, учителя, психологи, специалисты по социальной работе, представители правоохранительных органов, работники сферы услуг, журналисты, деятели искусства, торговые представители низшего звена, высококвалифицированные инженеры, руководители разного уровня и многие другие. В последнее время синдром выгорания также встречается у специалистов, чья профессиональная деятельность не подразумевает непосредственного общения с людьми, например, у программистов [1, с. 3–4].

Жизнь человека и его работа в рамках современных социально-экономических и производственных реалий неразделимо связаны с влиянием негативных факторов, таких как экологические, социальные и профессиональные риски. Это взаимодействие приводит к возникновению и нарастанию отрицательных эмоций, глубоких переживаний, а также к перенапряжению как физиологических, так и психических функций организма. Самым распространенным психическим состоянием, развивающимся в условиях воздействия экстремальных факторов окружающей среды, является стресс [2, с. 4].

Рабочий стресс — острая проблема современности, затрагивающая трудовые коллективы. Около трети сотрудников сталкиваются с ним

напрямую. Еще четверть признают свою работу ключевым источником стресса в жизни. Актуальность данного вопроса очевидна: ежедневные эмоциональные и психологические нагрузки, с которыми сталкиваются сотрудники, приводят к негативному воздействию на их здоровье. В связи с этим, руководство организации должно быть крайне заинтересовано в решении проблемы снижения стресса, ведь от этого зависит как стабильность коллектива, так и здоровье персонала [3, с. 22].

В рамках обсуждаемой проблематики было инициировано исследование, реализованное на базе социальных учреждений и служб города Гомеля: Городского центра социального обслуживания семьи и детей, территориальных центров социального обслуживания (Центрального, Железнодорожного и Новобелицкого районов), а также Центрального районного отдела города и Гомельского областного управления Фонда социальной защиты населения. В исследовании приняли участие 60 специалистов, работающих в сфере социальной защиты, от 22 до 41 года.

Для диагностики применялись: методика В.В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания» (в адаптации Е. Ильина) [4] и методика «Шкала воспринимаемого стресса» [5].

Первым этапом исследования стала первичная обработка полученных данных. Наглядного результаты уровня эмоционального выгорания представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сводная таблица полученных результатов по методике диагностики уровня эмоционального выгорания

Показатели	Уровень	%
Неудовлетворённость собой	Не сложившийся	36,7
	Складывающийся	36,7
	Сложившийся	26,7
Загнанность в клетку	Не сложившийся	48,3
	Складывающийся	28,3
	Сложившийся	23,3
Редукция профессиональных обязанностей	Не сложившийся	38,3
	Складывающийся	33,3
	Сложившийся	28,3
Эмоциональная отстранённость	Не сложившийся	33,3
	Складывающийся	30
	Сложившийся	36,7
Деперсонализация	Не сложившийся	40
	Складывающийся	35
	Сложившийся	25

Результаты проведенного анализа демонстрируют широкую палитру эмоциональных переживаний у сотрудников социальной сферы. Так, около половины опрошенных не ощущают неудовлетворенности собой и

не испытывают чувства загнанности, что говорит о довольно высоком уровне удовлетворенности своей профессиональной деятельностью. Однако при этом существенное количество специалистов находятся в зоне риска эмоционального выгорания, проявляя признаки формирующейся неудовлетворенности и загнанности в работе.

Среди работников наблюдается тенденция к сокращению выполняемых профессиональных обязанностей, что может свидетельствовать об уменьшении вовлеченности в рабочий процесс. Эмоциональное отчуждение и деперсонализация также являются распространенными проблемами, затрагивающими значительное число специалистов. Несмотря на то, что многие продолжают поддерживать эмоциональную связь с клиентами, выделяется группа работников, уже сталкивающихся с признаками деперсонализации.

Далее был выявлен уровень воспринимаемого стресса среди специалистов социальных служб. Результаты анализа полученных данных отображены на рисунке.

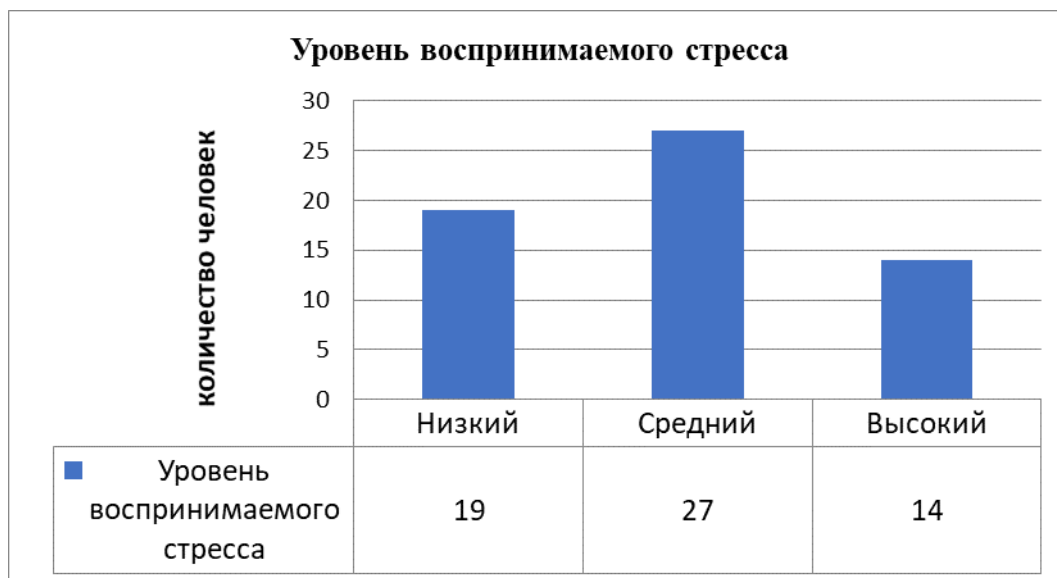

Рис. 1 - Уровень воспринимаемого стресса у специалистов

Видно, что самая многочисленная группа опрошенных, 27 человек (45% от общего числа), демонстрирует средний уровень ощущаемого стресса. Это может свидетельствовать о достаточно широком распространении данного явления в рассматриваемой выборке. В то же время 19 респондентов (31,7%) указали на низкий уровень стресса, что говорит о способности части участников эффективно преодолевать сложные обстоятельства и стрессовые факторы. Но особого внимания заслуживает группа из 14 человек (23,3%), у которых диагностирован высокий уровень стресса, который может негативно отразиться на их психологиче-

ском состоянии и, как следствие, создать напряженность в рабочей среде.

На завершающем этапе исследования необходимо было выявить взаимосвязь эмоционального выгорания и стресса у специалистов социальных служб.

Сначала мы проверили полученные результаты на нормальность распределения и описали их. Распределение переменных: редукция профессиональных обязанностей ($0,34 > 0,05$), деперсонализация ($0,01 > 0,05$) и фактор дистресса ($0,37 > 0,05$) у специалистов отличное от нормального.

Далее с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена мы выявили следующие взаимосвязи: «неудовлетворённость собой» и «фактор дистресса» ($r = -0,260$; $p \leq 0,05$); «редукция профессиональных обязанностей» и «фактор дистресса» ($r = -0,309$; $p \leq 0,01$).

Таким образом, гипотеза о существовании взаимосвязи между эмоциональным выгоранием и стрессом у специалистов социальных служб была подтверждена частично. На основе результатов исследования были разработаны рекомендации, нацеленные на предотвращение эмоционального выгорания и снижение уровня стресса в профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Сидоров П. И. Синдром эмоционального выгорания (конспект врача) // Медицинская газета. 2015. №43. С. 20.
2. Бильданова В. Р., Бисерова Г. К., Шагивалеева Г. Р. Психология стресса и методы его профилактики: учебно-методическое пособие. Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2015.
3. Кутбиддинова Р. А. Психология стресса (виды стрессовых состояний, диагностика, методы саморегуляции): учебно методическое пособие. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2019.
4. Опросник «Диагностика эмоционального выгорания В.В. Бойко» (в модификации Ильиной) [Электронный ресурс] // Академия последипломного образования: 28.10.2019. – URL: https://new.academy.edu.by/files/documents/VRVUO/Boiko-Ilin_Diagnostika.pdf (дата обращения: 10.04.2025).
5. Опросник на воспринимаемый стресс [Электронный ресурс] // URL: <https://psytests.org/stress/pss.html> \ (дата обращения: 10.04.2025).
6. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2006.
7. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика. СПб: Питер, 2014.

ОДИНОКОЕ МАТЕРИНСТВО КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Д. Ю. Стаин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, staindiana711@gmail.com
Научный руководитель – Н. Н. Красовская, кандидат социологических наук, доцент*

В представленной статье автор раскрывает значимость изучения феномена одинокого материнства как актуальной проблемы современного общества. Актуальность данной темы обусловлена ростом числа семей, возглавляемых одинокими матерями, что связано с социально-экономическими, демографическими, психологическими и культурными изменениями. Особое внимание уделяется трудностям, с которыми сталкиваются одинокие матери, включая финансовую неустойчивость, социальную стигматизацию и психологическую нагрузку.

Ключевые слова: одинокое материнство; социальная проблема; современное общество; стресс; стигматизация; материнская идентичность.

Одинокое материнство в Республике Беларусь представляет собой сложное социально-демографическое явление, которое определяется как воспитание несовершеннолетнего ребёнка или нескольких детей женщиной, не имеющей супруга и выполняющей родительские обязанности без участия отца. Важность изучения данного феномена связана с его влиянием на демографические процессы, социальную стабильность и необходимость реализации эффективной социальной политики в отношении уязвимых категорий семей.

Феномен одинокого материнства имеет глубокие исторические корни, тесно связанные с религиозными, правовыми и социально-экономическими особенностями общества. В условиях патриархального уклада, где статус женщины определялся её ролью в рамках брака, внебрачное рождение детей или потеря супруга превращали мать-одиночку в маргинализированную фигуру.

Христианская мораль, закреплённая после Крещения Руси, осуждала «блуд» и лишала внебрачных детей прав наследования, что закреплялось в церковных уставах и светском законодательстве. Ребёнок был морально и юридически незащищён. Жизнь незамужней матери была так ужасна, что если у женщины не хватало мужества покончить жизнь самоубийством, то она старалась скрыть свою беременность до родов, а затем убивала младенца. Иногда новорождённых подкидывали в церковь или к богатым людям, потому что по статусу подкидыш был выше неза-

коннорожденного ребёнка. Подкидыш считался круглой сиротой и находился под опекой церкви и государства [6].

Государственная политика рождения незаконнорожденных детей пришлось на XVIII век. Петр I, проводя модернизацию России, стремился перенять европейские практики, включая социальную политику. Петр издал указ о строительстве приютов для незаконнорожденных детей – Дома для зазорных детей. Эти учреждения должны были обеспечивать детей питанием, медицинским уходом и базовым образованием. Помимо учреждений в 1712 вводился также закон о наказании смертной казнью за детоубийство. Большим преимуществом приютов для зазорных детей считалась анонимность приема подопечного [5, с. 43].

Екатерина II продолжала дело Петра I и активно вела политику воспитания в добродетели, создавала систему воспитательных домов для незаконнорожденных и покинутых детей. Существовали эти учреждения также за счёт подаяния и благотворительности. При домах существовали госпитали для бедных рожениц, обращение в которые являлось анонимным.

Нельзя не отметить ещё одно важное социальное введение – Сиротские суды. Это органы владели делами опекунами, а также вдов и малоимущих людей.

На большое количество незаконнорожденных детей повлияла крепостная зависимость. У некоторых помещиков были собственные гаремы из крепостных девушек. На рубеже XVIII-XIX вв. убийств внебрачных детей среди крестьянок стало так много, что властям пришлось принимать законы о запрете на убийство незаконнорожденных, а также о создании специальных приютов для покинутых детей. Важно отметить, что если к одинокой женщине с ребёнком отношение было крайне негативным, то мужчина-отец в этом случае не осуждался общественным мнением. Вдовец терял лишь жену и домохозяйку в доме, а статус и имущество оставались при нем.

В советское время педагоги, врачи имели полное право вмешиваться в воспитание детей одиноких матерей, а государство полностью контролировала такого рода семьи [2, с. 3]. У такой категории женщин отсутствовала грань между приватной и публичной жизнью, их положение становилось достоянием общественности и всячески осуждалось государством.

На сегодняшний день регулирование данного института заключается в том, что законодательные нормы, касающиеся статуса одинокой матери, не только определяют ее юридический статус, но и обеспечивают реализацию комплекса гарантий и мер социальной поддержки.

В белорусском законодательстве формально понятие «одинокое материнство» отсутствует, вместо него используется термин «одиноким родителем». Согласно статье 63 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, одиноким родителем признается [6]:

- лицо, не состоящее в браке, если в записи акта о рождении ребенка сведения об отце (матери) внесены по указанию матери (отца) или другого заявителя;

- вдова (вдовец), не вступившая в новый брак, на воспитании которых находятся несовершеннолетние дети;

- родитель, расторгнувший брак и воспитывающий несовершеннолетних детей;

- родитель, не заключивший новый брак, если второй из них признан безвестно отсутствующим;

- одиноким гражданин, усыновивший детей.

В связи с тем, что неблагополучным положением многих монородительских семей, реализуется целенаправленная государственная социальная политика, цель которой уменьшить воздействие стресса на семью с одним родителем, помочь преодолеть жизненные трудности, которые семья не способна разрешить за счет собственных внутренних ресурсов.

Государственная политика направлена на снижение социального неравенства, защиту прав ребенка и матери, обеспечение достойного уровня жизни, предоставление материальной помощи и создание условий для совмещения материнства и занятости. В Республике Беларусь ответственность за формирование и реализацию политики в сфере поддержки одиноким матерей возложена на Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, а также на Министерство образования, Министерство здравоохранения и иные органы государственного управления. Основные функции включают разработку нормативно-правовой базы, организацию предоставления социальной помощи, реализацию программ по поддержке семей с детьми, в том числе одиноким матерей.

Одинокое материнство часто ассоциируется с финансовыми трудностями и бытовой нагрузкой, однако существуют менее заметные, но не менее значимые социально-психологические проблемы, которые оказывают глубокое влияние на жизнь женщин и их детей. В рамках данной темы хотелось бы взглянуть на проблему одинокое материнства с иного ракурса [3].

Одиноким матери сталкиваются с различными сложностями, обусловленными социальной обстановкой, жизненным опытом, личностными и духовно-нравственными качествами. Эти трудности создают напряжение и кризисные ситуации. После развода, смерти партнера или

осознанного выбора одинокого материнства, женщина сталкивается с необходимостью пересмотра своей социальной роли. Исчезновение статуса «жены» может привести к чувству неполноценности из-за стереотипов о «полной семье» как норме, а также к внутреннему конфликту между материнской ролью и личными амбициями. Отсутствие поддержки второго родителя приводит к хронической усталости из-за совмещения работы, воспитания и домашних обязанностей, чувству вины перед ребенком за «неидеальные» условия жизни и, зачастую, подавлению собственных потребностей [3].

Трудности в новых отношениях — одна из самых недооцененных проблем. Многие одинокие мамы неоднократно слышат фразу: «Неужели нельзя найти «мужчину»?». Хотя один из главных страхов у таких женщин, как раз и заключается в том, что потенциальные партнеры могут воспринимать ребенка как «обузу» или искренне полюбить её саму, но «не до конца» принять ее детей. Поэтому образовавшаяся пара зачастую сталкивается с проблемой разлада и различий в отношении к детям (от прошлых супругов).

Кроме этого, общество ожидает от одиноких матерей самостоятельности в ущерб здоровью («ты же справляешься!»), отказа от помощи, чтобы не выглядеть «слабой» и, разумеется, перфекционизма — попытки «доказать», что семья одинокой женщины не хуже полной семьи. Таким образом, окружение налагает на одинокую маму дополнительный ярлык «сильной женщины».

Повседневная жизнь требует от одинокой матери значительных ресурсов, так как ей приходится выполнять множество несвойственных ей функций и ролей. Женщинам чаще приходится самим зарабатывать на жизнь, что сокращает время, отводимое на воспитание ребенка. Матери чувствуют высокую степень собственной ответственности за то, как складываются их отношения с детьми, стараются работать над собой и качеством взаимоотношений. Для такого объема ответственности требуется постоянный поиск внутренних сил и энергии. Тема важности внутренних ресурсов сегодня поднимается все чаще и чаще. В качестве ресурсов многие женщины видят заботу о себе, поддержание собственного душевного равновесия и налаживание собственной счастливой жизни.

В заключение следует отметить, что проблема одинокого материнства является актуальной, так как данный феномен широко распространен в современных условиях. Несмотря на изменение восприятия обществом данного явления в лучшую сторону, а так же финансовую и социальную поддержку государством одиноких женщин, необходимо совер-

шенствовать формы помощи данной категории, включая психологические, педагогические, социальные аспекты.

Библиографические ссылки

1. Данковцев О. А., Маскалянова С. А. Феномен одинокого материнства в российском обществе: региональный аспект [Электронный ресурс] // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinokogo-materinstva-v-rossiyskom-obschestve-regionalnyy-aspekt/viewer> (дата обращения: 19.04.2025).
2. Еремеева А. И. Причины появления одинокого материнства как вариативной модели современной семьи [Электронный ресурс] // Вестник Университета. 2015. № 4. С. 328-331. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-poyavleniya-odinokogo-materinstva-kak-variativnoy-modeli-sovremennoy-semi> (дата обращения: 19.04.2025).
3. Ефимова А. А., Чеботарева Е. Ю. Феномен одинокого материнства: взгляд изнутри [Электронный ресурс] // CyberLeninka. URL: [\[https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinokogo-materinstva-vzglyad-iznutri\]](https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinokogo-materinstva-vzglyad-iznutri) (дата обращения: 19.04.2025).
4. Красовская Н. Н. История социальной работы: Учебно-методический комплекс. Минск: ГИУСТ БГУ. 2016.
5. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900278> (дата обращения: 19.04.2025).
6. Фирсов М. В. История социальной работы в России: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Электронный ресурс] М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. // URL: <https://jasulib.org/kg/wp-content/uploads/2023/10/8.-Фирсов-М.В.-История-социальной-работы.pdf> (дата обращения: 19.04.2025).

РАЗЛИЧИЯ КОМПОНЕНТОВ СИГНАЛЬНЫХ СИСТЕМ, ТИПОВ МЫШЛЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТИПА ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ БГУ ФАКУЛЬТЕТА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Е. Ю. Старенкова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, starenkovakatsiaryna@mail.ru
Научный руководитель — И. В. Басинская, старший преподаватель*

В данной работе автором рассматриваются различия компонентов сигнальных систем, типов мышления и профессионального типа личности у студентов БГУ факультета социокультурных коммуникаций и факультета философии и социальных наук. Актуальность работы обусловлена необходимостью проведения профориентационных мероприятий для широкого круга лиц (в частности, студенческой молодежи).

Ключевые слова: профориентация; компоненты сигнальных систем; тип мышления; профессиональный тип личности; студенты.

В соответствии с предположением автора работы, важную роль в поиске оптимальных мест работы индивида играет совокупность его показателей сигнальных систем; выраженность тех или иных типов мышления, а также профессиональная направленность индивида, совокупность его целей и интересов.

Профессиональная ориентация – это комплекс научно обоснованных медико-физиологических, психолого-педагогических, социально-экономических, организационных мероприятий, направленных на формирование профессиональной пригодности, профессионального самоопределения, соответствующего индивидуальным возможностям, особенностям каждой личности и запросам общества и рынка труда [1, с. 18]. Различные направления образования (гуманитарное, техническое, естественное) требуют разного типа мышления и задатков к усвоению тех или иных дисциплин, однако, возникают вопросы, существуют ли значимые различия физиологических и психологических характеристик представителей студенческой молодежи, которые влияют на выбор той или иной специальности в рамках одного направления образования? Или же профессиональное предназначение в большей мере зависит от интересов и склонностей субъекта, нежели от его когнитивных способностей? [2, с. 97].

Автором статьи было проведено исследование, целью которого являлось установление различий компонентов сигнальных систем (показателей коэффициента сигнальности), типов мышления и профессиональ-

ного типа личности у студентов факультета социокультурных коммуникаций и факультета философии и социальных наук.

Выборку составили 30 представителей факультета социокультурных коммуникаций (далее - ФСК) специальностей «Коммуникативный дизайн» и «Культурология» и 30 представителей факультета философии и социальных наук (далее - ФФСН) специальностей «Социальная работа» и «Психология». В качестве методик исследования были использованы: методика «Диагностика соотношения двух сигнальных систем» (Б. Кадыров); опросник «Определение типов мышления и уровня креативности» (Дж. Брунер) и «Опросник профессиональных предпочтений» (Дж. Голланд).

Графически результаты исследования (средние значения переменных) отражены на рис. 1, 2 и 3, соответственно. Для проверки существования различий показателей в данных выборках был использован t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

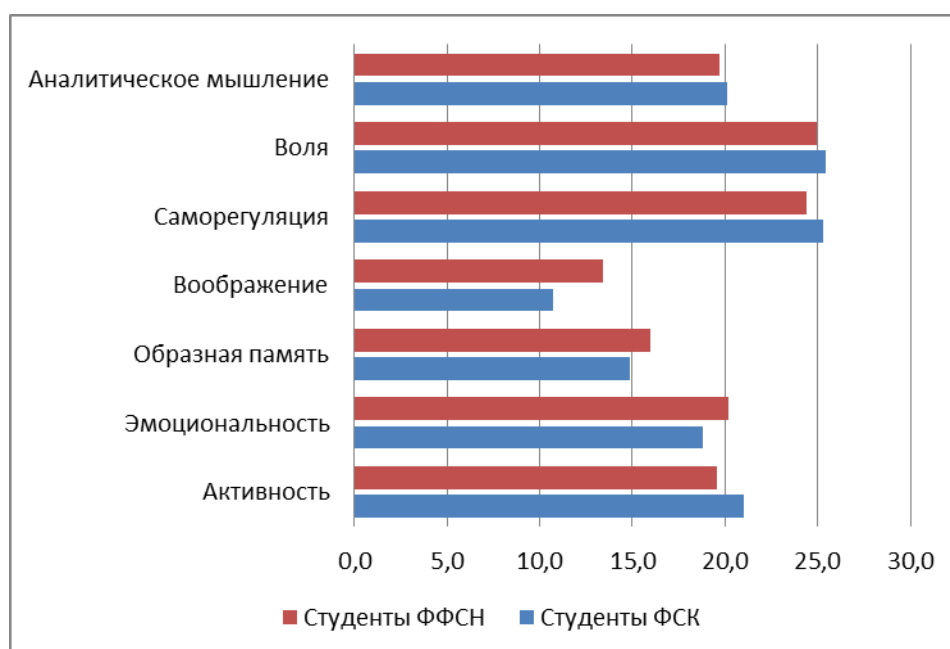

Рис. 1 – Средние значения переменных по методике «Диагностика соотношения двух сигнальных систем» у студентов ФСК и ФФСН

В ходе сравнительного анализа сигнальных систем было выявлено, что существуют статистически значимые различия по переменной «Воображение» ($t=-2,71$; $p\leq 0,05$), значение которой выше у студентов ФФСН. Значимые различия по переменным «Активность», «Эмоциональность», «Образная память», «Саморегуляция», «Воля» и «Аналитическое мышление» у студентов ФСК и ФФСН данных выборок отсутствуют.

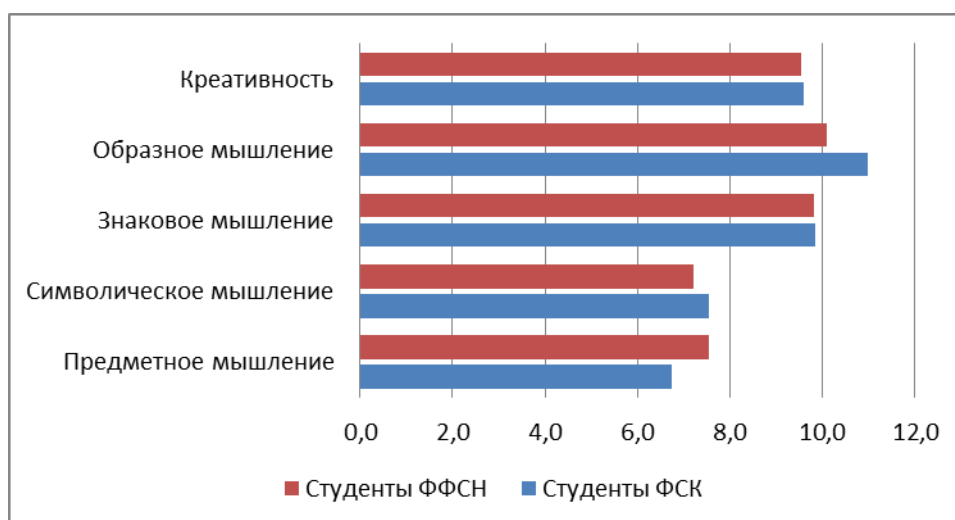

Рис. 2 – Средние значения переменных по методике «Определение типов мышления и уровня креативности» у студентов ФСК и ФФСН

Сравнительный анализ типов мышления студентов ФСК и ФФСН показал, что значимые различия по переменным «Предметное мышление», «Символическое мышление», «Знаковое мышление» «Образное мышление» и «Креативность» у студентов ФСК и ФФСН данных выборок отсутствуют.

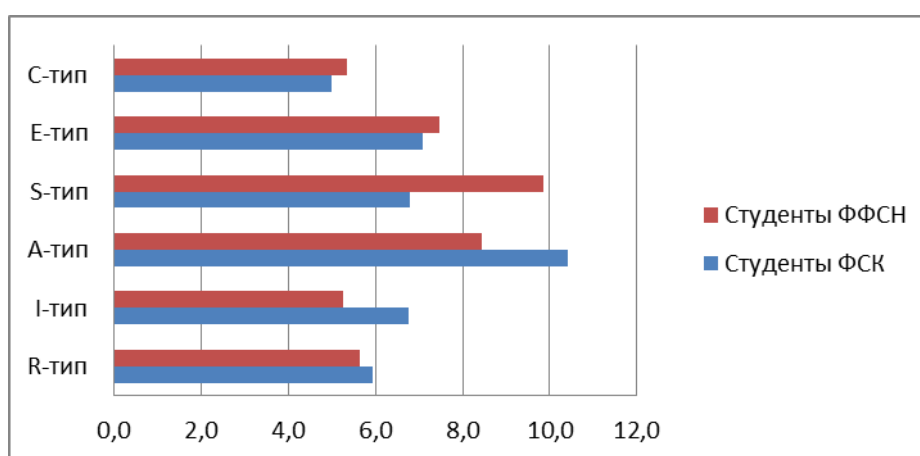

Рис. 3 – Средние значения переменных по методике «Опросник профессиональных предпочтений» у студентов ФСК и ФФСН

В соответствии с рис. 4, R-тип соответствует реалистическому типу личности, І-тип – интеллектуальному типу личности, А-тип – артистическому типу личности, S-тип – социальному типу личности, Е-тип – предпринимательскому типу личности, С-тип – конвенциональному типу личности.

Выявлено, что существуют статистически значимые различия по переменным «І-тип» и «А-тип» (в большей мере характерны для студен-

тов ФСК), а также «S-тип» (в большей мере выражен у студентов ФФСН ($t=2,58$; $t=4,00$; $t=-4,30$ соответственно; $p \leq 0,05$)). Значимые различия по переменным «R-тип», «E-тип» и «C-тип» у студентов ФСК и ФФСН данных выборок отсутствуют.

Предполагаем, что наличие различий между профессиональными типами личности у студентов ФСК и ФФСН может быть связано с социальной ситуацией (получение высшего образования) в настоящем времени, которая способствует формированию необходимой направленности и модификации структуры мышления. Так, в зависимости от получаемых знаний студенческая молодежь на углубленном уровне изучает теоретические аспекты различных сторон жизни (культура, социум), выстраивая иерархию значимости объектов этих сред.

Таким образом, в результате эмпирического исследования были получены следующие результаты:

- У студентов ФСК наиболее выражены показатели воли и саморегуляции, наименее - показатели воображения и образной памяти. Для них характерно хорошо развитое образное и знаковое мышление, а также креативность.

- У студентов ФФСН наиболее выражены показатели воли и саморегуляции, и наименее выражены показатели воображения и образной памяти.

- У студентов ФСК и ФФСН наблюдаются статистически значимые различия между такими типами личности, как социальный (характерен в большей степени для студентов ФФСН ($t=-4,30$; $p \leq 0,05$)), артистический и интеллектуальный (характерны в большей степени для студентов ФСК ($t=2,58$; $t=4,00$; $p \leq 0,05$)). В группах студентов ФСК и ФФСН отсутствуют статистически значимые различия большинства компонентов сигнальных систем, кроме переменной «Воображение» ($t=-2,71$; $p \leq 0,05$), значение которой выше у студентов ФФСН. У студентов ФСК и ФФСН отсутствуют статистически значимые различия по типам мышления и креативности.

Библиографические ссылки

1. *Васильева Л. П.* Профориентация и реабилитация : учебно-методический комплекс для специальности: 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» направление специальности 1-86 01 01-03 «Социальная работа (социально-реабилитационная деятельность)» / Л. П. Васильева ; ГИУСТ БГУ, Каф. социальной работы и реабилитологии. Минск : ГИУСТ БГУ, 2017. 177 с.: ил. Библиогр.: с. 174-177.

2. *Грецов А. Г.* ГУМАНИТАРИИ VS ТЕХНАРИ: ВСЕ НЕ ТАК ОДНОЗНАЧНО // *Magister*. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarii-vs-tehnari-vse-ne-tak-odnoznachno> (дата обращения: 13.04.2025).

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ СОТРУДНИКОВ МИНСКОГО ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ФОНДА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ

В. О. Шутова

*Белорусский государственный университет, ул. Независимости 4, 220010, г. Минск,
Беларусь, Vlaiclava.shutova@gmail.com*

Научный руководитель – Е.С. Макеева, кандидат психологических наук, доцент

В данной статье приводятся результаты эмпирического исследования, в котором приняли участие 60 респондентов, из которых 30 – работники Минского городского управления Фонда социальной защиты населения, 30 – работники государственных учреждений образования, направленного на изучение различий в уровне эмоционального интеллекта и удовлетворенности жизнью у сотрудников разных организаций.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; удовлетворенность жизнью; особенности.

Существует множество факторов, которые могут повлиять на успешность личности в профессиональной деятельности системы «Человек-человек». Одним из таких является эмоциональный интеллект. Среди зарубежных исследователей тему эмоционального интеллекта изучали такие ученые как Г. Барон, Д. Гоулма, Дж. Майер, П. Салоуэй и другие. Так, Дж. Майер и П. Салоуэй впервые в науке ввели понятие «эмоциональный интеллект». Под данным термином они понимают следующее: «способность отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для того, чтобы направлять свое мышление и действия» [1, с. 3].

Проблема изучения эмоционального интеллекта становится все более востребованной в последнее время в научных исследованиях, что напрямую связано с тем, какую роль он играет в построении межличностных отношений индивидами. Много внимания уделяется поиску методов и приемов, которые позволяют эффективно его развивать у людей на различных возрастных этапах.

Профессии, относящиеся к профилю «Человек-человек», характеризуются высокой стрессогенностью вследствие значительной эмоциональной нагрузки, постоянного взаимодействия с людьми, высокой степени ответственности за благополучие других, непредсказуемости человеческого поведения и недостаточной организационной поддержки, что в совокупности повышает риск профессионального выгорания и негативно сказывается на психоэмоциональном состоянии специалистов. А

потому, проблема психологического благополучия специалистов такого профиля является наиболее актуальной проблемой. Психологическое благополучие личности во многом зависит от уровня ее удовлетворенности жизнью. На современном этапе развития общества на ее влияют различные внешние (финансово-экономическое положение, профессиональная успешность, наличие семьи и др.) и внутренние факторы (личностные особенности). По мнению великобританского психолога М. Аргайла, удовлетворённость жизнью, как одна из составляющих счастья, представляет собой рефлексивную оценку индивидом его прошлого и настоящего положения дел. Автор также добавляет, что удовлетворённость принято разделять на удовлетворённость жизнью в целом и удовлетворённость различными её аспектами – работой, семейной жизнью, проведением досуга и т. д. [2, с.24]. Среди факторов, которые могут влиять на удовлетворённость жизнью можно выделить финансовое и материальное положение, социальный статус, семейное положение, успешность профессиональной деятельности. А также такие личностные особенности как стремление к самореализации, чувство социальной востребованности, независимость и самостоятельность, стремление к впечатлениям, эмоциональная устойчивость, умение выбирать конструктивные стратегии поведения в конфликтных ситуациях и др.

Мной было проведено эмпирическое исследование, направленное на изучение различий в выраженности эмоционального интеллекта и удовлетворенности жизнью сотрудников Минского городского управления Фонда социальной защиты населения и государственных учреждений образования. В исследовании приняли участие 30 сотрудников управления фонда социальной защиты и 30 сотрудников образования в возрасте 23-40 лет. В качестве методик исследования использовались методика диагностики эмоционального интеллекта (М.А. Манойловой) и методика «Удовлетворенность жизнью» (Н.Н. Мельникова).

Анализ полученных в ходе исследования данных показал, что статистически значимые различия сотрудников управления и сотрудников образования имеются по переменной «Управление чувствами и эмоциями других людей». По данной шкале у сотрудников управления было диагностировано: у 27 человек (45%) высокий уровень проявления, у 2 сотрудников (3,33%) был выявлен средний уровень выраженности, низкий же уровень диагностирован у 1 сотрудника (1,67%). Сотрудники образования показали схожие результаты, а именно: у 24 людей (40%) обладают высоким уровнем управления своими эмоциями, 6 человек (10%) – средний, а низкая степень выраженности не была выявлена у данной группы. Средний показатель составляет 8,32 стен, что соответствует высокому уровню. Высокий уровень управления эмоциями и чувствами включает способность принимать, контролировать и направлять их на достижение целей. Это сопровождается глубоким самоконтролем, осо-

знанием своего эмоционального состояния и пониманием окружающей обстановки. Толерантность выражается в позитивном отношении к себе и осознании своих как терпимых, так и нетерпимых черт. У таких людей развита способность управлять собой и замечать важные эмоциональные нюансы в общении с другими. Позитивное мышление помогает сочетать положительные эмоции с поиском решений в профессиональной сфере и отражает оптимистичный взгляд на жизнь, людей и себя.

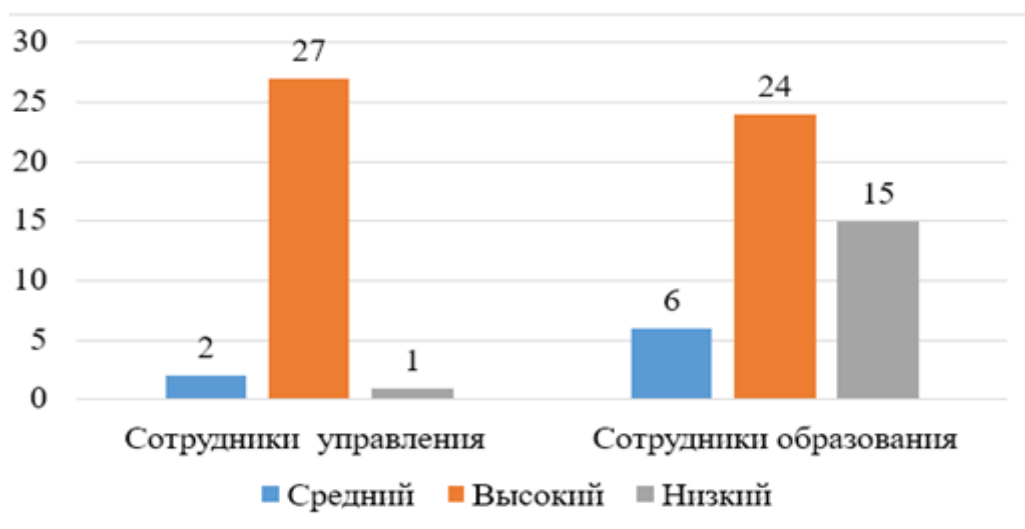

Рис. 1 - Распределение уровня проявления по шкале «Управление своими чувствами и эмоциями» у сотрудников организаций

Наличие различий в результатах исследования по шкале «Управление чувствами и эмоциями других людей» у сотрудников разных организаций свидетельствует о том, что сотрудники образования лучше управляют эмоциями других людей, это говорит о том, что их профессиональная деятельность способствует развитию соответствующих навыков. А также это отражает специфику их профессиональной деятельности, требующей высокой эмоциональной вовлеченности. Это подчёркивает значимость таких навыков в педагогической работе и открывает возможности для применения их опыта в других профессиональных областях.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что гипотеза о существовании различий в проявлениях эмоционального интеллекта и удовлетворенности жизнью у сотрудников организаций нашла частичное подтверждение.

Библиографические ссылки

1. Mayer J.D. What is emotional intelligence? // Emotional development and EI: Educational implications / Eds. P. Salovey, D. Sluyter. N.Y. 1990. P.15.
2. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003. 271 с.

СЕКЦИЯ 22. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СТРАХА СМЕРТИ У ЛЮДЕЙ С ОНКОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ: ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ

М. А. Бабицкий

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, mark06022003@gmail.com*

Научный руководитель — Н. Н. Красовская, кандидат социологических наук, доцент

В статье анализируется проблема переживания страха смерти. Представлены результаты эмпирического исследования, нацеленного на выявление особенностей восприятия страха смерти у мужчин и женщин с онкологическими заболеваниями. Автором рассматриваются основные аспекты психологической работы с пациентами с онкологическими заболеваниями.

Ключевые слова: онкологические заболевания; страх смерти; половые различия.

Проблема жизни и смерти является самой значительной «экзистенциальной дихотомией», корнящейся в особенностях человеческого бытия. Обладая способностью к саморефлексии, люди отчетливо осознают факт, что жизнь конечна, и каждый прожитый момент означает приближение к концу жизни. Осознание факта собственной смертности тем более усиливается, т.к. танатологическая тематика становится весьма распространенной в современном мире [1]. В связи с увеличением количества техногенных катастроф, террористических актов, а также со стремительным старением населения человек все чаще встречается тему смерти в СМИ, книгах, фильмах, новостях, глобальной сети. Несомненно, такое колоссальное информационное воздействие заставляет его задуматься о смерти других людей и о своей собственной. Наиболее частыми реакциями человека на осознание своей смертности являются ужас, страх и тревога, эмоциональное состояние острого внутреннего беспокойства,

что, в свою очередь, не может не оказывать влияния на личность человека, его картину мира, поведение, психологическое благополучие.

Цель проведения эмпирического исследования заключалась в изучении психологических особенностей восприятия страха смерти у мужчин и женщин с онкологическим заболеваниями.

В исследовании принимали участие респонденты с I и II второй стадией онкологического заболевания (30 мужчин и 30 женщин в возрасте 33-45 лет).

Исследование строилось с соблюдением следующих этапов:

1. Подбор диагностического инструментария, инструктирование респондентов.
2. Изучение психологических особенностей восприятия страха смерти у людей с онкологическим заболеваниями.
3. Определение различий в восприятии страха смерти у людей с онкологическим заболеваниями по половому признаку.

Для проведения диагностического исследования применялся опросник «Страх личной смерти» (*Fear of Personal Death Scale*), который включает в себя вопросы, касающиеся различных аспектов страха перед смертью, включая смерть как таковую, страх потери близких, страх невыполнения жизненных целей, страх никчемности своей жизни, страх потери смысла.

Оценка страха перед смертью является важным психологическим фактором, который может оказывать существенное влияние на самочувствие и жизненную активность людей.

Шкалы методики:

1. Последствия для личности – оценивает страх потери личности, потери собственного Я.
2. Последствия для тела – оценивает страх потери собственного тела.
3. Последствия для личных стремлений – оценивает страх упущенных возможностей.
4. Трансцендентные последствия – оценивает страх перед непознаваемым, страх перед загробной жизнью.
5. Последствия для близких – оценивает страх за близких после смерти человека.
6. Страх забвения – оценивает страх быть забытым.

Для проведения статистического анализа применялся U-критерий Манна-Уитни. U-критерий Манна-Уитни – непараметрический стати-

стический критерий, используемый для сравнения двух независимых выборок по уровню какого-либо признака, измеренного количественно.

Сравнительный анализ данных представлен на рисунке.

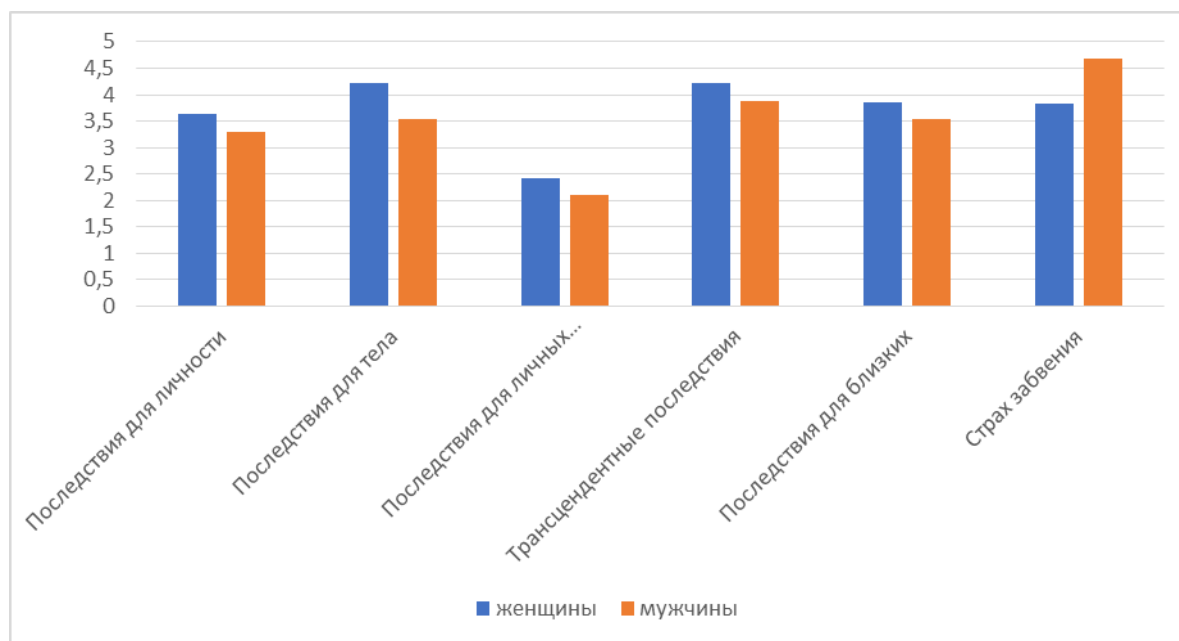

Рис. Особенности восприятия страха смерти у мужчин и женщин с онкологическими заболеваниями

Данные, представленные на рисунке, позволяют сделать вывод, что наибольшую выраженность в выборке женщин имеет страх последствий для тела (4,3 балла), который включает в себя страх потери своего тела, утраты его функциональности, а также изменения внешности. Этот страх отражает сильную привязанность женщин к своему телесному образу, что может быть связано с культурными и социальными нормами, подчеркивающими важность внешности и физического состояния. Женщины также проявляют высокий уровень страха трансцендентных последствий (4,2 балла), что связано с боязнью непознаваемого, включая загробную жизнь или возможные страдания после смерти. Эти страхи подчеркивают более эмоциональный и экзистенциальный подход женщин к восприятию смерти, что согласуется с их склонностью к более глубоким переживаниям и размышлениям о духовных аспектах жизни.

В выборке мужчин наибольшую выраженность имеет страх забвения (4,7 балла), который характеризует их боязнь быть забытыми, утратить социальное признание и память о себе. Этот страх отражает важность для мужчин социальной роли, статуса и оставления значимого наследия. Сохранение личной значимости в обществе, в семье или в

профессиональной деятельности является ключевым аспектом их экзистенциальных переживаний.

Примечательно, что минимальные значения страха у обеих групп касаются страха последствий для личных стремлений (2,4 балла у женщин и 2,1 балл у мужчин). Это указывает на то, что в условиях серьезного заболевания пациенты в меньшей степени концентрируются на упущенных возможностях или нереализованных планах. Подобная низкая значимость страха упущенных возможностей может быть связана с переоценкой ценностей и сосредоточением на настоящем моменте, а также с осознанием конечности времени.

Для определения достоверности различий в восприятии страха смерти у женщин и мужчин с онкологическими заболеваниями был выполнен статистический анализ данных с помощью U-критерия Манна-Уитни. Результаты проведенного анализа представлены в таблице.

Таблица.

Статистический анализ различий в восприятии страха смерти у женщин и мужчин с онкологическими заболеваниями

Name	Mean_1	Mean_2	Rank_1	Rank_2	U	p_value
Последствия для личности	3,644	3,285	25,633	35,367	556	0,117
Последствия для тела	4,226	3,535	31,7	29,3	591,5	0,036*
Последствия для личных стремлений	2,407	2,107	32,55	28,45	523	0,275
Трансцендентные последствия	4,223	3,886	32,933	28,067	511,5	0,363
Последствия для близких	3,85	3,542	35,217	25,783	486	0,593
Страх забвения	3,842	4,675	34,033	26,967	304	0,03*

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать вывод, что различия в выраженности страха последствий для тела и страха забвения статистически значимы.

У женщин страх последствий для тела имеет большее значение ($U_{\text{эмп}}=591,5$ при $p=0,036$), подчеркивая их чувствительность к физическим изменениям, связанным с болезнью и смертью. У мужчин наиболее значимым остается страх забвения ($U_{\text{эмп}}=304$ при $p=0,03$), что подтверждает их стремление сохранить память о себе и своей роли в обществе.

Эти данные указывают на необходимость учета половых различий при работе с пациентами, переживающими страх смерти. Для женщин важно обращать внимание на эмоциональные и телесные аспекты их переживаний, предоставляя психологическую поддержку, направленную

на принятие изменений, связанных с телом, и осознание собственной ценности вне физического состояния. Для мужчин актуальной является помощь в сохранении чувства значимости, поиска способов оставить свой след в жизни близких или общества. Такой дифференцированный подход позволяет более эффективно оказывать помощь пациентам, сталкивающимся с экзистенциальными кризисами.

Библиографические ссылки

1. *Баканова А. А.* Системное описание страха смерти // Культурно-историческая психология. 2015. № 1. С. 13-23.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТНОШЕНИЯ К БОЛЕЗНИ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ БОЛЬНЫХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ

В. В. Баранова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phs.baranovaVV@bsu.by
Научный руководитель — Л. П. Васильева, кандидат биологических наук*

В представленной статье автор рассматривает взаимосвязь отношения к болезни и индивидуально-психологических особенностей больных сахарным диабетом. Актуальность исследования обусловлена ростом количества больных сахарным диабетом по всему миру, а так же знание особенностей системы отношений больного к болезни способствуют более глубокому пониманию его психики, раскрытию реабилитационных возможностей и помогают осуществлять более рациональный, своевременный и качественный подход к планированию и проведению процесса реабилитации.

Проведен теоретический анализ роли внутренней картины болезни, рассмотрены разные типы реагирования на болезнь. Эмпирическая часть включает диагностику с применением различных методик. В результате исследования была выявлена статистически значимая взаимосвязь между дезадаптивными формами отношения к своей болезни, уровнем тревожности и показателями самочувствия, активности и настроения. Представленные материалы могут быть использованы для более качественного проведения реабилитации людей с сахарным диабетом I и II типа.

Ключевые слова: сахарный диабет; внутренняя картина болезни; тип отношения к болезни; индивидуально-психологические особенности больных сахарным диабетом.

Сахарный диабет в наши дни является глобальной проблемой всего мира. Это хроническое заболевание, которое возникает либо в случаях, когда поджелудочная железа не вырабатывает достаточное количество инсулина, либо когда организм не может эффективно использовать вырабатываемый инсулин. Инсулин – это гормон, регулирующий уровень глюкозы в крови.

По данным ВОЗ, на сегодняшний день диабетом страдает около 422 млн человек, что составляет 6,03 % от всего населения планеты. Для нашей страны данная проблема является так же актуальной. В 2023 г. состояли под наблюдением 360532 пациентов с СД, из них 18542 с СД I типа, 338086 с СД II типа. Ежегодный прирост числа пациентов с сахарным диабетом в нашей стране составляет 5-8 %.

Сахарный диабет страшен не только как отдельная болезнь, но и является пусковым механизмом для ряда серьезных заболеваний, таких как: сердечно-сосудистые заболевания, атеросклероз периферических артерий, в частности артерий нижних конечностей, диабетическая стопа, различные инфекционные осложнения (гнойничковые поражения кожи, грибки ногтей и т.д.); комы (гипогликемическая, гипергликемическая и т.д.). Ко всем данным осложнениям присоединяются и психологические расстройства. Психологами и психиатрами не раз отмечалось, что у большинства больных сахарным диабетом в той или иной степени наблюдаются психические нарушения, которые связаны с уровнем компенсации сахарного диабета, а так же со степенью тяжести заболевания. Такие нарушения могут перерасти в опасные психологические заболевания.

В ряду отклонений можно выявить: нарушения памяти, нестабильное эмоциональное состояние, депрессивные состояния, психозы, агрессивность. С момента установления диагноза заболевания в зависимости от его тяжести человек сталкивается с рядом психологических трудностей. Состояние сознания болезни проявляется у человека в виде аномальных реакций, которые могут выходить за рамки нормальных и типичных для данного человека. Также у пациентов могут проявляться стойкие изменения психики, порождаемые внутренней картиной болезни, могут наблюдаться болезненные состояния, которые будут еще больше усложнять клиническую картину заболевания. Понимание о наличии заболевания практически всегда приводит к изменениям качества жизни человека, к множеству социальных проблем, внутренних кризисов, стрессов, проблемах в межличностных отношениях. Также важную роль в психологических особенностях больных сахарным диабетом играет его тип отношения к болезни.

При сахарном диабете наиболее характерным психопатологическим синдромом можно выявить астенический, для которого характерны повышенная ранимость, обидчивость, слезливость, быстрая утомляемость, раздражительность, колебание настроения от глубокого недовольства собой, вялости до состояния эйфории, экзальтации с переоценкой своих способностей, многоречивостью, пренебрежительным отношением к себе и лечению.

Болезнь – это эволюционно сложившаяся форма приспособления целостного организма в изменившихся условиях жизнедеятельности. В ситуации болезни изменяется не только соматическое (физическое), но и психическое состояние человека. При этом своеобразие реагирования на

свое состояние отражается в изменении поведения, которое, в свою очередь, способствует смене характера взаимоотношений с окружающим миром. Внутренняя картина болезни включает в себя сензитивный и интеллектуальный уровень. Формирование внутренней картины болезни зависит от характера заболевания, остроты и темпа заболевания; знаний о заболевании; личностные особенности больного; характера лечения и психотерапевтической обстановки; переживание болезни родственников, сослуживцев; прогноза заболевания; экспертного решения о годности к профессиональной деятельности. Неадекватное переживание может протекать на психологическом, невротическом и психотическом уровне.

Для повышения эффективности восстановительной работы с людьми больными сахарным диабетом социальному работнику, реабилитологу необходимо способствовать формированию адекватной внутренней картины болезни, формированию у больных мотивации на лечение, восстановление. Только в таком случае реабилитационные мероприятия будут эффективны. Этот аспект деятельности реабилитолога является ведущим при составлении восстановительных программ для больных сахарным диабетом.

В ходе экспериментального исследования типов отношения к болезни пациентов с СД было установлено, что группа СД-I адекватно относятся к своему нынешнему состоянию здоровья и необходимому лечению. В группе СД-I были обнаружены пики по гармоничному типу отношения к болезни. В результате исследования было выявлено, что у пациентов группы СД-I наблюдается преобладание агнозогнозического типа отношения к болезни, что подразумевает активное отбрасывание мысли о болезни, о возможных ее последствиях, вплоть до отрицания очевидного.

Пациенты группы СД-II по сравнению с СД-I менее адекватно относятся к своему нынешнему состоянию здоровья и необходимому лечению. Пациенты СД-II склонны преувеличивать тяжесть своего заболевания. В группе СД-II статистически достоверно выше показатели следующих типов отношения болезни: эргопатического ($p < 0,05$), тревожного ($p < 0,05$), меланхолического ($p < 0,05$), апатического ($p < 0,05$), сенситивного ($p < 0,05$), дисфорического ($p < 0,05$). У пациентов группы СД-II наблюдается эргопатический тип отношения к болезни, что подразумевает наличие сверхответственного, стеничного отношения к любимой сфере деятельности. Также, в группе СД-II были обнаружены пики по тревожному состоянию. Этим пациентам свойственно непрерывное бес-

покойство и мнительность в отношении неблагоприятного течения болезни, возможных осложнений неэффективности и даже опасности лечения. Таким образом, у пациентов СД-II по сравнению с пациентами СД-I преобладает тревожный тип, а также другие дезадаптивных типы отношения к болезни.

В ходе исследования индивидуально-психологических особенностей пациентов с различной степенью тяжести и прогноза было выявлено наличие высокой личностной ($p < 0,05$) и ситуативной тревожности ($p < 0,05$) у пациентов СД-II по сравнению с пациентами СД-I.

При исследовании эмоциональных состояний пациентов СД-I и СД-II с использованием методики «САН» установлены значимые различия в показателях по всем шкалам. В результате исследования самочувствия, активности и настроения установлено, что для большинства пациентов СД-II характерны плохое самочувствие, низкая активность, плохое настроение. Пациенты СД-II отказываются от посторонней активной деятельности, предпочитают спокойное времяпрепровождение, ограничиваются количеством хлопот и забот, связанных со своими личными нуждами

Анализ результатов измерения коэффициента корреляции показателей первого блока (гармоничный, эргопатический, анозогнозический) отношения к болезни и уровней самочувствия, активности и настроения позволила диагностировать наличие значимой положительной взаимосвязи по показателю «Активность» ($r = 0,30948$). Далее была установлена отрицательная взаимосвязь между вторым блоком, который включает тревожный, ипохондрический, неврастенический, меланхолический, апатический типы отношения и показателями «Самочувствие» ($r = -0,48353$) и «Активность» ($r = -0,30109$). Выявлена также положительная значимая корреляция между показателями третьего блока, в который вошли сенситивный, эгоцентрический, дисфорический и паранойяльный типы отношения и уровнем ситуативной тревожности ($r = 0,57896$). Также у данной группы пациентов выявлена отрицательная взаимосвязь с показателем «Настроения» ($r = -0,56241$).

Таким образом в ходе исследования нами было установлено, что люди, заболевшие с сахарным диабетом II типом характеризуются большим уровнем тревожности и низкими показателями психоэмоционального состояния. Для пациентов с высоким уровнем тревожности и низкими показателями самочувствия, активности и настроения характерны дезадаптивные формы отношения к своей болезни.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что знание особенностей системы отношений больного к болезни способствуют более глубокому пониманию его психики, раскрытию реабилитационных возможностей и помогают осуществлять более рациональный, своевременный и качественный подход к планированию и проведению процесса реабилитации.

Библиографические ссылки

1. *Денисова Е.А.* Характерологические особенности больных сахарным диабетом // Научно- методический электронный журнал «Концепт». 2017.
2. *Елисеев Ю. Ю.* Психосоматические заболевания : [справочник]. М. : АСТ, 2003.
3. *Болбат Н. С.* Внутренняя картина болезни. Реакция личности на болезнь : учебно-методическое пособие. Минск : БГМУ, 2021.
4. *Волков В. Г.* Личность пациента и болезнь. Томск : ТМГИ, 2015.

КИБЕРБУЛЛИГ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А. С. Гоман¹⁾; В. И. Островская²⁾; Ю. Д. Бойко³⁾

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, ¹⁾goman.anastasiya06@gmail.com,
²⁾veronicaostrovskayaass@gmail.com, ³⁾juuuullliiaa@gmail.com
Научный руководитель – Т. В. Тратинко, старший преподаватель*

В данной работе подробно рассматривается кибербуллинг как форма агрессии в цифровой среде; анализируются психологические, физиологические и социальные последствия кибербуллинга для жертвы и для агрессора; предлагаются меры для предотвращения кибербуллинга; рассматривается социальные сети как пространство проявления кибербуллинга.

Ключевые слова: кибербуллинг; формы кибербуллинга; последствия кибербуллинга; меры предотвращения кибербуллинга; TikTok.

В последние годы проблема кибербуллинга приобрела особую значимость, что связано с доступностью использования различных информационно-коммуникационных технологий, увеличением популярности социальных сетей, мессенджеров и онлайн-игр.

Кибербуллинг представляет собой специфическую модель преднамеренного и систематического агрессивного поведения, проявляемого в разнообразных формах, каждая из которых негативно сказывается на психоэмоциональном состоянии жертвы [2].

В отличие от традиционного буллинга, чаще всего имеющего место в физическом пространстве, кибербуллинг может происходить в любой момент и в любом месте, что делает его особо опасным и затруднительным для выявления и профилактики.

Проведенный нами теоретический анализ исследований по проблеме, позволил определить основные формы кибербуллинга, характеризующиеся своими уникальными чертами и последствиями. Рассмотрим их содержание.

1. Оскорбления и угрозы.

Эта форма включает публикацию уничижительных и угрожающих сообщений на различных платформах, таких как социальные сети, форумы и мессенджеры. Оскорбления часто направлены на уязвимые стороны личности жертвы. Применение ненормативной лексики и оскорбительных прозвищ также играет ключевую роль в данном аспекте, подрывая самооценку жертвы и создавая у неё чувство беспомощности. Систематические угрозы могут носить как прямой, так и косвенный харак-

тер. Прямые угрозы могут включать физическое насилие, тогда как косвенные выражают намёки на возможную месть или расправу, что усиливает чувство страха у жертвы.

2. Распространение слухов и ложной информации.

В этой форме кибербуллинга создаются и распространяются ложные слухи о жертве, направленные на подрыв её репутации. Это может происходить как в закрытых группах, так и в открытых пространствах интернета. Дезинформация о личной жизни, внешности или способностях жертвы может привести к её социальной изоляции и углубить проблемы с самооценкой. Социальные платформы становятся ареной для дезинформации, что способствует исключению жертвы из социального контекста и облегчает процесс манипуляции её образом.

3. Травля с помощью изображений.

Публикация компрометирующих фотографий или видео без согласия жертвы используется для её унижения. Это может стать причиной сильного стресса и падения самооценки. Редактирование изображений с целью создания карикатур или искажённых представлений жертвы также применяется, что служит дополнительным механизмом травли. Создание коллажей или мемов, высмеивающих внешность или поведение жертвы, способствует распространению негативного имиджа и унижению достоинства пострадавшего.

4. Изоляция.

Исключение жертвы из групповых обсуждений или социальных сетей приводит к её эмоциональному одиночеству, что может иметь долгосрочные психологические последствия. Намеренное избегание общения знакомыми и сверстниками формирует у жертвы социальные страхи, повышая чувство изоляции и депрессии. Ограничение доступа к информации о мероприятиях и социальных встречах подрывает возможность нормального взаимодействия с окружающими и затрудняет восстановление социализации.

5. Анонимные атаки.

Нападения с использованием фальшивых аккаунтов позволяют обидчикам действовать безнаказанно, что может привести к агрессивному поведению и бесконтрольным действиям. Распространение оскорбительных комментариев затрудняет идентификацию обидчика и оставляет жертву в уязвимом положении, создавая дополнительные эмоциональные нагрузки. Анонимность способствует безответственности, как для обидчика, так и для сообщества, в котором происходит такая травля [1].

6. Запугивание и шантаж.

Угрозы публикации личной или компрометирующей информации используются для манипуляции жертвой. Это может включать шантаж с

требованием о выполнении определённых действий под угрозой раскрытия сокровенных секретов. Собранная информация может применяться для эмоциональной манипуляции, что значительно ухудшает психоэмоциональное состояние жертвы. Создание ситуаций, в которых жертва ощущает незащищённость и вынужденность подчиняться, подрывает её уверенность и может привести к серьёзным последствиям для психического здоровья.

7. Мошенничество с аккаунтами.

Хакерские атаки на аккаунты жертвы приводят к публикации оскорбительных сообщений от её имени, нанося ущерб её репутации и создавая недоверие со стороны окружающих. Использование персональной информации из аккаунтов жертвы для оскорблений служит инструментом дискредитации, что ещё больше увеличивает страдания пострадавшего. Провокация конфликтов между жертвой и её окружением через поддельные сообщения создаёт дополнительные стрессовые ситуации и затрудняет восстановление нормальных отношений.

8. Травля в онлайн-играх.

В игровом процессе объединение других игроков для унижения жертвы подрывает её репутацию и создает негативную игровую атмосферу. Использование игрового чата для оскорблений и запугиваний делает участие жертвы в игре крайне неудобным и стрессовым, что может привести к её отказу от участия в подобных платформах [1].

Каждая из этих форм кибербуллинга может иметь серьёзные последствия для психоэмоционального состояния пострадавшего, подчеркивая необходимость более глубокого понимания и борьбы с этой проблемой в современном обществе.

Также необходимо отметить, что в настоящее время актуальной формой кибербуллинга является постоянное преследование в игровом пространстве (онлайн-играх), где жертва становится объектом атак со стороны других участников.

Последствия кибербуллинга влияют на качество жизни пострадавшего, на его психологическое, социальное, физическое благополучие, академическую успешность. Охарактеризуем содержание данных последствий.

1. *Психологические последствия.* У жертв кибербуллинга часто наблюдаются симптомы депрессии (постоянное чувство беспомощности, подавленное настроение и утрата интереса к повседневным занятиям, тревожность и т.п.). Это состояние влияет на психоэмоциональное состояние и уровень жизненной энергии, активности личности. Многие пострадавшие могут сталкиваться с различными психическими расстройствами, включая панические атаки, повышенную тревожность за

собственную безопасность и социальное тревожное расстройство, проявляющееся в страхе перед общением с другими людьми. Регулярные оскорбления и унижения негативно сказываются на самооценке жертвы, порождая у неё чувство неполноценности и неуверенности в себе, что может иметь долгосрочные последствия. Из-за травли жертвы могут начать избегать взаимодействия с друзьями, семьёй и знакомыми, сознательно изолируясь от окружающих, что часто ведёт к чувству одиночества и отчуждения.

2. *Физические последствия.* Стресс, вызванный кибербуллингом, способен привести к бессоннице, кошмарам и другим нарушениям сна, что в свою очередь усугубляет общее состояние здоровья. Длительный стресс может увеличить риск развития различных заболеваний, таких как головные боли, расстройства желудочно-кишечного тракта и сердечно-сосудистые заболевания, что приводит к ухудшению общего состояния. Некоторые жертвы могут прибегать к самоповреждениям в как способ справиться с эмоциональным мучением, и в самых тяжёлых случаях могут возникать суицидальные мысли или попытки.

3. *Социальные последствия.* Кибербуллинг может негативно сказаться на дружеских и семейных отношениях, затрудняя построение доверительных взаимодействий. Страх, стыд или чувство неполноценности могут привести к социальной изоляции жертвы, при этом она может потерять интерес к общению и чувствовать себя одинокой. Кибербуллинг иногда усугубляет конфликты и насилие в молодёжной среде, создавая токсичную атмосферу как в виртуальном, так и в реальном мире.

4. *Академические последствия.* Пострадавшие от кибербуллинга часто испытывают трудности с концентрацией и мотивацией, что приводит к ухудшению успеваемости в учебе. Некоторые жертвы могут принимать решение о прекращении посещения учебных заведений из-за травли, что приводит к пропускам занятий, потере учебного материала и усугублению чувства унижения. Стресс и негативные эмоции могут вызывать конфликты с педагогами и администрацией, ухудшая положение жертвы и ещё больше добавляя испытаний к её переживаниям.

Взрослые, пережившие кибербуллинг в детстве, могут сталкиваться с трудностями в установлении здоровых межличностных отношений и управлении стрессом в своей жизни. У многих жертв сохраняются проблемы с психическим здоровьем даже во взрослом возрасте, что может требовать профессиональной помощи, такой как психотерапия или медикаментозное лечение[2].

В заключении можно отметить, что все формы кибербуллинга имеют свои уникальные черты, однако их объединяет одна общая характеристика – способность причинять серьезный вред психическому и эмоцио-

нальному благополучию жертвы. Поэтому, всестороннее изучение проблемы кибербуллинга позволит не только эффективно выявлять, минимизировать риски, предотвращать проявления, но и оказывать необходимую помощь и поддержку пострадавшим.

Анонимность и доступность интернета создает благоприятную среду для проявления и тиражирования агрессивного поведения. Поэтому, проблема кибербуллинга требует комплексного подхода к ее решению. В качестве задач могут быть определены: повышение осведомленности среди молодежи; внедрение образовательных программ о безопасном использовании интернет-пространства; сотрудничество учреждений образования с правоохранительными органами и родителями; развитие технологий и платформ, которые могут эффективно выявлять и предотвращать случаи кибербуллинга.

На наш взгляд, применение комплексного подхода позволит не только снизить уровень агрессии в онлайн-сообществе, но и создать безопасную и поддерживающую среду для всех пользователей.

Библиографические ссылки

1. Дейнека О. С. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования, 2020. №5. С. 273-292.
2. Кибербуллинг: что это такое и как это прекратить // ЮНИСЕФ URL: <https://www.unicef.org/belarus/> (дата обращения: 13.04.2025).

ОСОБЕННОСТИ СКЛОННОСТИ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У ПОДРОСТКОВ РАЗНОГО ПОЛА

А. И. Горох

*Белорусский государственный университет, ул. Независимости 4,
220010, г. Минск, Беларусь, dunetsbsu@mail.ru*

Научный руководитель – К. В. Стволыгин, кандидат исторических наук, доцент

В данной статье рассматривается проблема склонности к девиантному поведению у подростков. Приводятся результаты исследования, в котором приняли участие 40 респондентов, из которых 20 человек женского пола, 20 – мужского, направленного на изучение различий в склонности к девиантному поведению у подростков разного пола.

Ключевые слова: девиантное поведение; подростковый возраст; особенности.

На сегодняшний день девиантное поведение подростков является актуальной общественной проблемой. По данным, предоставленным Министерством внутренних дел Республики Беларусь, на 13,9 % увеличилось количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними за первое полугодие 2024 года, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Кроме того, зафиксирован рост преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, количество которых выросло вдвое — с 35 до 70 [1]. Данная статистика свидетельствует об обострении анализируемой проблемы в странах СНГ и необходимости поиска новых, более эффективных мер профилактики девиантного поведения подростков.

Девиантное поведение представляет собой устойчивое поведение личности, которое отклоняется от ключевых социальных норм, причиняет реальный вред как обществу, так и самой личности, и приводит к социальной дезадаптации [2, с. 148].

Подростковый возраст является кризисным периодом развития человека, который даже в норме характеризуется множеством обстоятельств, осложняющих процесс социализации. Из этого следует, что именно подростковый возраст входит в зону риска склонности к девиантному поведению. Изучение различий в склонности к девиантному поведению у подростков разного пола важно для понимания факторов, способствующих этому поведению, и разработки эффективных профилактических мер. Половые различия могут влиять на причины и формы девиантности, что, в свою очередь, позволяет целенаправленно адаптировать программы коррекции.

Автором статьи было проведено исследование, направленное на изучение особенностей склонности к девиантному поведению у подростков разного пола. Для изучения склонности к девиантному поведению подростков использовалась методика «Склонность к девиантному поведению» (Э.В. Леус). Выборку составили 40 человек подростков в возрасте от 14 до 16 лет, из которых 20 – лица женского пола, 20 – мужского.

Согласно Э.В. Леус к показателям девиантного поведения относятся [3 с. 38]:

- делинквентное поведение;
- зависимое (аддиктивное) поведение – алкоголизм, наркомания, игромания;
- агрессивное поведение;
- суицидальное (аутоагрессивное) поведение.

При изучении склонности к девиантному поведению подростков установлено, что 9 подростков (22,5%) имеют высокий уровень склонности к делинквентному поведению, 12 подростков (30%) – средний, подавляющее большинство (47,5%) обладают низким уровнем.

В ходе изучения особенностей склонности к девиантному поведению у подростков разного пола установлено, что у группы респондентов мужского пола преобладает высокий уровень склонности к делинквентному поведению, который имеет 8 подростков мужского пола (40%), средний уровень имеют 6 подростков мужского пола (30%), низкий уровень был выявлен у 6 подростков мужского пола (30%). У части испытуемых женского пола по данной шкале высокие значения имеет лишь 1 респондент (5%), средние значения выявлены у 6 девушек (30%), а низкие – у 13 респондентов женского пола (65%). Также были выявлены статистически значимые различия у подростков женского и мужского пола по шкале «Делинквентное поведение» ($U = 99,500$, $p \leq 0,01 > 0,001$) – средней силы статистическая значимость.

Таким образом, подростки мужского пола демонстрируют большую предрасположенность к делинквентному поведению, что связано с наличием социальных стереотипов, поощряющих агрессию и рискованное поведение подростков мужского пола, а также с желанием утвердить свою доминирующую роль в группе. Такие молодые люди часто демонстрируют низкий уровень самоконтроля, высокую импульсивность и недостаток эмпатии, что приводит к нарушению социальных норм и правовых норм. Они наиболее подвержены влиянию сверстников и склонны испытывать трудности в установлении здоровых межличностных отношений, что усугубляет их предрасположенность к антисоциальным действиям.

При изучении данных исследования склонности подростков к девиантному поведению по шкале «Самоповреждающее поведение» установлено, что 15 респондентов (37,5%) имеют низкие значения по данной шкале, 18 подростков (45%) – средние, 7 респондентов (17,5%) – высокие.

В ходе выявления особенностей склонности подростков разного пола к девиантному поведению, было выявлено, что по шкале «Самоповреждающее поведение» 7 респондентов женского пола имеют высокие значения (35%), средние значения имеют 9 девушек (45%), низкие – 4 респондента женского пола (20%). По данной шкале 11 подростков мужского пола имеют низкие значения (75%), 9 – средние (25%). Также были выявлены статистически значимые различия по данной шкале ($p \leq 0,001$) – высокая статистическая значимость.

Исходя из данных исследования, подростки женского пола наиболее склонны к проявлению самоповреждающего поведения, нежели подростки мужского пола. Склонность к самоповреждающему поведению у подростков женского пола может быть объяснена тем, что девочки чаще испытывают проблемы с самооценкой и идентичностью по сравнению с подростками мужского пола, из-за существующих в обществе стандартов, что может способствовать возникновению самоповреждающих тенденций.

Изучение девиантного поведения у подростков разного пола важно для понимания различий в проявлении этих черт, что способствует разработке более эффективных программ профилактики правонарушений несовершеннолетних. Это также позволяет учитывать влияние социальных и культурных факторов на развитие подростков, а значит, способствует созданию более безопасной среды для их благополучного развития и становления.

Библиографические ссылки

1.МВД: за полгода 2024-го на 13,9 % выросло количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними // SB.BY. – [Электронный ресурс]. – 2024 – URL: <https://www.sb.by/articles/mvd-za-polgoda-2024-goda-na-13-9-vyroslo-kolichestvo-prestupleniy-sovershaemykh-nesovershennoletnimi.html> – Дата обращения: 03.04.2025.

2.Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов / В.Д. Менделевич. СПб. 2005. 445 с.

3.Леус Э. В. Психология трудных подростков. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. 2013. 120 с.

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ОЩУЩЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА И СКЛОННОСТИ К АГРЕССИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Д. Э. Жук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, koshkavubke@gmail.com.*

Научный руководитель — К. В. Стволыгин, кандидат исторических наук, доцент

Переживание одиночества и проявления агрессивного поведения являются дестабилизирующими проблемами людей с инвалидностью, требующими особого внимания со стороны психологов социальных служб. Несмотря на наличие в научной литературе описаний внешних детерминант одиночества и агрессивного поведения людей с инвалидностью, внутренние особенности этих феноменов исследованы недостаточно. Что определяет актуальность теоретического и эмпирического анализа данных проблем.

Ключевые слова: субъективное ощущение одиночества; агрессивное поведение; люди с инвалидностью; одиночество; проявления агрессивного поведения.

Одиночество можно назвать одним из наиболее распространённых явлений в современном обществе. Западные исследователи связывают одиночество с депрессией, снижением когнитивных функций, деменцией и суицидом [1]. Также одиночество становится фактором риска обострения функциональных ограничений, а одинокие люди с плохим здоровьем чаще становятся инвалидами. Наличие инвалидности усугубляет ситуацию одиночества индивида, что подтверждается данными российских исследователей, согласно которым, среди людей с инвалидностью во всех возрастных группах каждый четвёртый подвержен частому чувству одиночества, а доля лиц, никогда не состоявших в браке среди лиц с инвалидностью выше, чем в населении в целом [2].

Представители психологических школ по-разному описывали детерминанты одиночества. Одни, считали, что ощущение одиночества складывается в раннем детском возрасте, другие, что в текущем, и зависит от пережитого индивидом опыта. Сходство большинства подходов заключается в том, что субъективное ощущение одиночества сопровождается переживанием негативных эмоций и присутствием психологического дискомфорта от данного состояния.

Р. Вейс определял одиночество как эпизодическое острое ощущение беспокойства и напряжения, связанное со стремлением иметь дружеские и интимные отношения. Также выделяет два эмоциональных состояния, присущих одиночеству: эмоциональная изоляция (отсутствие

привязанности к конкретному человеку) и социальная (отсутствие доступного круга социального общения). При одиночестве, вызванном эмоциональной изоляцией индивид ощущает бессмысленность своего существования, напряжённое состояние, скуку. При одиночестве, вызванном социальной изоляцией – ощущение намеренного отторжения. Атрибуции одиноких людей сводятся к обвинению других в своём одиночестве, обвинению себя в сделанном выборе, в своём поведении, обвинению обстоятельств [3].

Агрессия является широко распространённым явлением, затрагивающим все возрастные и социальные группы. Частые случаи агрессии в повседневной жизни приводят к негативным последствиям как для отдельных людей, так и для общества в целом, включая усиление насилия, рост конфликтов и снижение общего уровня безопасности.

Согласно теории социального научения А. Бандуры, агрессия появляется в соответствующих социальных условиях как следствие различных аспектов межличностных взаимодействий индивида и имеет социальные предпосылки (фрустрация, вербальное или физическое нападение, характеристики жертвы, подстрекательство со стороны окружающих) [4].

Человек с инвалидностью – это индивид с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать его полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими людьми. Согласно исследованиям С.В. Немцовой, А.Я. Бурдяк и А.О. Тындык, устойчивым фактором, увеличивающим вероятность ощущения одиночества у лиц с инвалидностью, являются: наличие инвалидности, тип семьи и социальная включённость [5]. Также проблему одиночества людей с инвалидностью связывают с недостатком общения ввиду их неуверенности в себе, замкнутости, смущения за внешние недостатки и отсутствия доступной среды. Вследствие чего некоммуникабельность культивируется и усугубляется в поведении индивида, не формируется достаточная мотивация и коммуникативные навыки, результатом чего становится отгороженность от людей [6].

Л. Берковиц полагал, что люди с физическими отклонениями в каком-то смысле обречены притягивать к себе страдания и становиться объектами проявлений враждебности, поскольку сам их дефект или болезнь, ассоциирующийся со страданием и болью, способен спровоцировать людей, предрасположенных к агрессии, на специфические действия [7]. Это предположение находит отражение в новостных статьях и ви-

деорепортажах, фиксирующих случаи не толерантного отношения окружающих к людям с инвалидностью. В связи с этим, остаётся не удивительным тот факт, что некоторые люди с инвалидностью, не отстающие от здоровых сверстников в интеллектуальном развитии воспринимают людей без инвалидности как враждебное окружение и могут быть агрессивны. Так как согласно теории социального научения агрессивная модель поведения усваивается и поддерживаются индивидом в ходе непосредственного участия в ситуациях проявления агрессии и её пассивного наблюдения.

Таким образом, изучение одиночества и агрессии людей с инвалидностью важно для разработки индивидуальных профилактических программ в рамках реабилитационной и просветительской деятельности психологов и специалистов отделений социальной реабилитации и абилитации инвалидов.

Исследование проводилось среди 42 людей с инвалидностью в возрасте от 19 до 60 лет, посещающих отделение социальной реабилитации, абилитации инвалидов в ТЦСОН. Испытуемые были разделены на 2 группы: «люди с инвалидностью первой группы» – 22 человека и «люди с инвалидностью второй группы» – 20 человек. Разделение было основано на предположении о различиях в показателях субъективного ощущения одиночества и склонности к агрессивному поведению людей с инвалидностью первой и второй группы, ввиду психофизических особенностей лиц с инвалидностью первой группы, вынуждающих их быть более изолированными социально и физически.

Исследование уровня субъективного ощущения одиночества у людей с инвалидностью, было реализовано с помощью методики «Шкала одиночества UCLA Д. Рассела (1978), в адаптации Д.В. Каширского (2014)» [8]. Для выявления склонности к агрессивному поведению при социальных контактах была использована «Шкала враждебности Кука-Медли» [9]. Её использование в исследовании позволило изучить склонности к неявному агрессивному и враждебному поведению посредством шкал «цинизм», «агрессивность» и «враждебность».

В ходе анализа было выявлено, что среди людей с первой группой 18 (81,8%) имеют высокий уровень субъективного ощущения одиночества, 3 (13,6%) средний и 1 (4,6%) низкий. Тем временем как в группе людей со второй группой инвалидности 3 (15%) имеют высокий уровень субъективного ощущения одиночества, 6 (30%) средний и 11 (55%) низкий.

Также выявлено, что среди испытуемых с первой группой инвалидности 7 (31%) имеют высокую степень проявления цинизма, 11(50%) среднюю с тенденцией к высокой, 4 (18,2%) среднюю с тенденцией к низкой. В группе испытуемых со второй группой инвалидности 4 (20%) имеют высокую степень проявления цинизма, 9 (45%) среднюю с тенденцией к высокой, 6 (30%) среднюю с тенденцией к низкой, 1 (5%) низкую.

Высокая степень агрессивности в первой группе испытуемых имеется у 4 (18,2%) человек, средняя с тенденцией к высокой у 10 (45,4%), средняя с тенденцией к низкой у 8 (36,4%). Во второй группе высокая степень агрессивности выявлена у 3 (15%), средняя с тенденцией к высокой у 7 (35%), средняя с тенденцией к низкой у 9 (45%), низкая у 1 (5%).

Высокая степень враждебности в первой группе испытуемых выявлена у 6 (27,3%) человек, средняя с тенденцией к высокой у 10 (45,4%), средняя с тенденцией к низкой у 7 (4,5%). Во второй группе высокая степень враждебности выявлена у 3 (15%), средняя с тенденцией к высокой у 10 (50%), средняя с тенденцией к низкой у 7 (35%).

Для установления различий в особенностях субъективного ощущения одиночества и склонности к агрессивному поведению людей с первой и второй группой инвалидности нами был использован непараметрический статистический U критерий Мана-Уитни. В ходе анализа были определены статистически значимые различия в уровне субъективного ощущения одиночества людей с первой и второй группой инвалидности ($U=62$, $p<0,001$, $R_1= 28.68$, $R_2= 13.60$).

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что люди с первой группой инвалидности сильнее переживают субъективное ощущение одиночества, чем люди со второй группой инвалидности. Они чаще испытывают нехватку социальных контактов или глубокое чувство отчуждения, изоляцию и значительную эмоциональную неудовлетворенность. Что может быть связано с их психофизическими особенностями, вынуждающими их быть более изолированными социально и физически, в отличие от людей с инвалидностью второй группы. В проявлениях агрессивного поведения в обеих группах статистически значимых различий не обнаружено. Однако настораживает наличие повышенных показателей в обеих группах.

Полученные результаты имеют пилотажный характер, так как изучение особенностей переживания одиночества и склонности к агрессивному поведению людей с инвалидностью требует дальнейших эмпири-

ческих исследований так же, как и определение их психологических коррелят. Вместе с тем, обнаруженные особенности могут быть полезны специалистам и психологам отделений социальной реабилитации, абилитации инвалидов для проведения коррекционной и просветительской работы.

Библиографические ссылки

1. Муртазина И.Р. Представления об одиночестве и особенности его переживания в разные периоды взрослости // Мир науки. Педагогика и психология, 2021 №3, <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN321.pdf> (доступ свободный).
2. Бурдяк А. Я., Тынди́к А. О. Социальное положение инвалидов: проблема одиночества / Народонаселение, 2016. №2 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-polozhenie-invalidov-problema-odinochestva> (дата обращения: 06.10.2024).
3. Вейс Р. Вопросы изучения одиночества. Стр. 114-128 // Лабиринты одиночества: Пер с англ. / Сост., общ. ред. И предисл. Н.Е. Покровского. М. Прогресс, 1989. 624 с.
4. Бандура А. Теория социального научения. / под ред. Н.Н. Чубарь-С-Петербург.: Евразия, 2000. С. 320 с.
5. Немцова С. В. Особенности исследования (феномена) одиночества у людей с ограниченными способностями // Наука и современность. 2011. №12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-issledovaniya-fenomena-odinochestva-u-lyudey-s-ogranichennymi-sposobnostyami> (дата обращения: 08.10.2024).
6. Паришина В. В. Сравнительный анализ социально-психологических проблем молодых и пожилых инвалидов // Таврический научный обозреватель. 2015. №3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-sotsialno-psiologicheskikh-problem-molodyh-i-pozhilyh-invalidov> (дата обращения: 07.10.2024).
7. Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. / СПб: Питер, -(Серия «Мастера психологии»), 2001. С.352.
8. Рассел Д. Измерение одиночества. С. 192-227 // Лабиринты одиночества: Пер с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М. Прогресс, 1989. – 624 с.
9. Кук В. В., Медли Д. М. Шкала враждебности Кука – Медли [Электронный ресурс]: // PsyLab.info - энциклопедии психодиагностики. 2009-2024. URL: <https://yaaspirant.ru/spisok-literatury/kak-v-spiske-literatury-oformlyat-internet-istochniki> (дата обращения: 26.10.2024).

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У СТУДЕНТОВ С НАРУШЕННЫМ И НОРМАЛЬНЫМ ПИЩЕВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

А. А. Кашевар

*Белорусский государственный университет, ул. Калабрийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, alena.kashevar@gmail.com*

Научный руководитель — Е. С. Макеева, кандидат психологических наук, доцент

В статье раскрывается сущность понятия расстройство пищевого поведения. Представлены результаты сравнительного исследования особенностей мотивации достижения успеха и жизнестойкости у студентов с нарушенным и нормальным пищевым поведением.

Ключевые слова: нарушение пищевого поведения; мотивация; жизнестойкость; расстройство; студенты.

В последние годы тема расстройств пищевого поведения (далее - РПП) все больше привлекает внимание исследователей. Согласно последним данным Национальной ассоциации по расстройствам пищевого поведения в 2023 году не менее 9% всего населения планеты имели РПП, что приравнивается к 70 миллионам человек [1]. При этом международные исследования показывают, что лишь 5-15% людей с РПП обращаются за помощью.

Расстройство пищевого поведения - это психическое расстройство, характеризующееся негативными изменениями в эмоциональной, поведенческой и личностной сферах, для которого характерно наличие комплекса поведенческих (ограничительное и очистительное поведение и др.), психопатологических (нарушение восприятия тела, сверхценной идеи и др.) и физиологических симптомов (потеря веса и др.) [1, с. 59].

Целью данного исследования было выявить особенности мотивации достижения успеха и жизнестойкости у студентов с нарушенным и нормальным пищевым поведением. В исследовании приняли участие 109 девушек юношеского возраста и возраста ранней взрослости, средний возраст которых составил 25 лет. С помощью методики EDI-2 (адапт. О.А.Скугаревский) выборка была поделена на две группы: 51 человек - лица с нарушенным пищевым (доклиническая форма) поведением (далее - НПП) и 58 человек - лица с нормальным (здоровым) пищевым поведением (далее - ПП). Стоит отметить, что 77% опрошенных (84 чел.) указали, что минимум один раз в своей жизни придерживались диеты (не по медицинским показаниям, а с целью сбросить вес), а 50% (55 чел.) - при эпизоде переедания использовали очистительные методы

(рвота, слабительное/мочегонное, интенсивные тренировки), что подтверждает актуальность данного исследования.

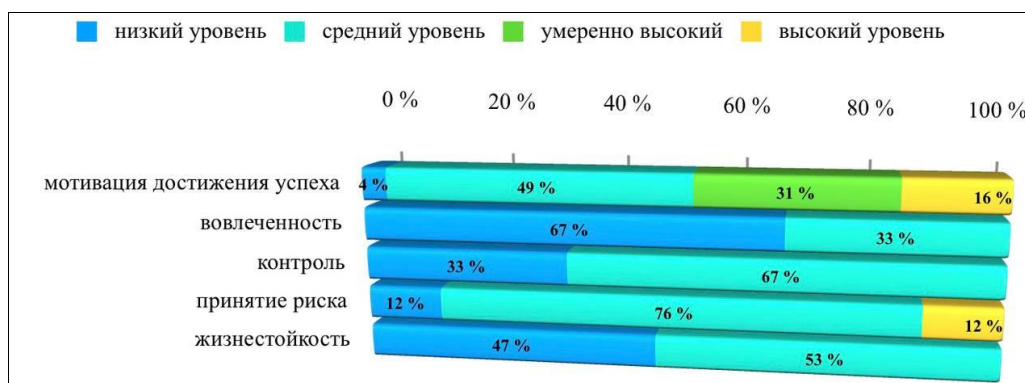

Рис. 1 - Показатели по шкалам у лиц с нарушенным пищевым поведением

Для исследования мотивации достижения успеха была использована методика «Мотивация достижения успеха» (Т. Элерс). Исследуя рисунок 1, можно утверждать, что для 16% и 31% опрошенных с НПП характерен высокий и умеренно высокий уровень мотивации успеха соответственно. Это говорит о том, что они в целом более активны, инициативны и настойчивы в достижении поставленных целей, для достижения высоких результатов собственной деятельности готовы преодолевать трудности, они исходят из внутренних мотивов и пробуждений, не опираясь на внешние стимулы.

Для исследования жизнестойкости был использован «Тест жизнестойкости С. Мадди» (адапт. Д.А.Леонтьев, Е.И.Расказова) [2, с. 52-62]. Исследуя рисунок 1, можно заметить, что 67% опрошенных с НПП демонстрируют низкий уровень «вовлечённости», что говорит об внутреннем ощущении отвергнутости у таких лиц, отстранённости от происходящих вокруг событий. Также для более половины (67%) респондентов характерен средний уровень контроля - они не чувствуют уверенности в собственных силах, им кажется, что любые излишние неоправданные усилия не приведут к достижению желаемого результата, однако если они четко видят результат своей деятельности, то готовы за него бороться. Стоит отметить, что ни для одного человека с НПП не характерен высокий уровень этих компонентов. По результатам исследования было установлено, что большая часть испытуемых (76%) имеет средний уровень «принятия риска»: они могут пойти на рискованные действия при условии положительного для них исхода событий. Таким образом, для 47% и 53% лиц с НПП характерен низкий и средний уровни «жизнестойкости» соответственно, что указывает на их общую неспособность совладать со стрессовыми ситуациями, при возникновении ситуаций неопределённости и повышенного напряжения такие люди теряются, им

сложно принимать решения, что может приводить к обострению уже имеющегося нарушения пищевого поведения (либо усугублению выраженности симптоматики).

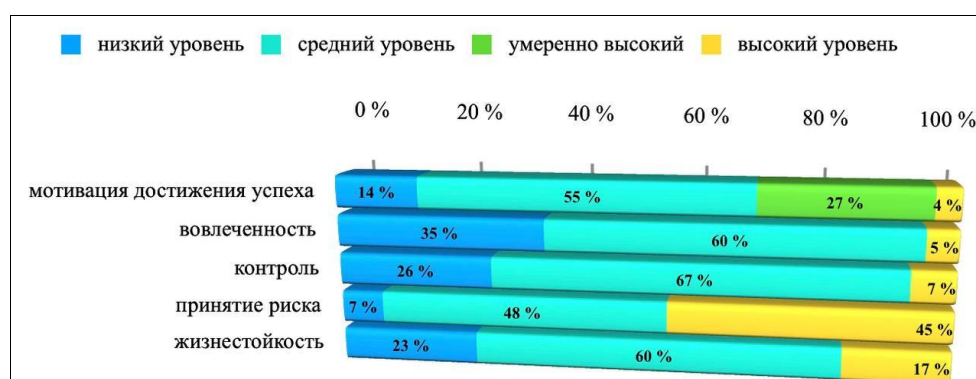

Рис. 2 - Показатели по шкалам у лиц с нормальным пищевым поведением

Анализируя рисунок 2, можно сделать вывод о том, что для 55% и 27% респондентов характерен средний и умеренно высокий уровень мотивации достижения успеха соответственно: такие люди стремятся достичь успеха в тех сферах жизни, которые представляют для них ценность; они менее инициативны и настойчивы. В результате исследования жизнестойкости лиц с нормальным ПП было установлено, что для более половины (60%) испытуемых характерен средний уровень «вовлечённости»: предпочитают действовать, не получая особого удовольствия. В то время как большая половина опрошенных (67%) демонстрирует средний уровень «контроля», при котором они не имеют чёткой убеждённости в собственных силах, что могут влиять на результат собственной деятельности и окружающую действительность. Для 45% респондентов присущ высокий уровень «принятия риска»: такие люди готовы пойти на риск для достижения успеха, заведомо зная о последствиях. Таким образом, можно утверждать, что большая половина опрошенных лиц с нормальным пищевым поведением (60%) характеризуется средним уровнем «жизнестойкости».

В результате эмпирического исследования среди выборки девушек с нарушенным и нормальным пищевым поведением были установлены статистически значимые различия по 5 шкалам. Полученные результаты по шкале «мотивация к достижению успеха» ($U=1080,5$ при $p=0,015101$) указывают на то, что девушки с НПП сильнее нацелены на достижение успеха, они много работают для достижения поставленной цели, готовы делать все возможное и невозможное, чтобы добиться успеха в своей деятельности (в том, чего они хотят). Статистически значимые результаты по шкалам «вовлечённость» ($U=840$ при $p=0,000079$), «контроль» ($U=1108,5$ при $p=0,024031$), «принятие риска» ($U=935,5$ при $p=0,000841$)

и «жизнестойкость» ($U=908$ при $p=0,000447$) указывают на то, что девушки с нормальным ПП в стрессовых ситуациях проявляют большую жизнестойкость в сравнении с девушками с НПП, они готовы пойти на риск для достижения личного успеха, предпочитают при выполнении какой-либо деятельности извлекать из нее пользу и удовольствие.

Таким образом, можно сделать вывод, что существуют значимые различия мотивации и жизнестойкости у студентов с нарушенным и нормальным пищевым поведением. Стоит отметить, что так как возрастные границы встречаемости нарушений пищевого поведения размыты, особую категорию составляют девушки-студентки. Наличие у них НПП может негативно влиять на успеваемость, отсюда следует, что преподаватели и кураторы в учреждениях образования при обнаружении у своих подопечных признаков НПП, особенностей в поведении должны обращаться за помощью и более детальной диагностикой к психологу, так как сами студенты не в состоянии объективно оценить все состояние и вовремя обратиться за помощью, что может привести к усугублению симптоматики. Полученные данные исследования могут помочь специалистам в области лечения РПП в разработке дополнительных программ и методов лечения, которые будут направлены на коррекцию текущего состояния и профилактику ухудшения симптоматики.

Библиографические ссылки

1. *Кашевар А. А.* Факторы формирования и развития нарушений пищевого поведения у студентов // Вестник МГЛУ. Сер. 2, Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. 2024. № 2 (46). С. 58-66.

2. *Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ ЭМПАТИИ У УЧАЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЯ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, ОБУЧАЮЩИХСЯ С ДЕТЬМИ С ОПФР

Я. А. Колядко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kaliadka1999@gmail.com*

Научный руководитель — В. К. Милькаманович, кандидат медицинских наук, доцент

В статье выявлена роль эмпатии и особенности ее проявления у учащихся среднего школьного возраста, которые проходят обучение с детьми с особенностями психофизического развития (далее – ОПФР). Проведено анкетирование учащихся среднего школьного возраста с целью определения уровня эмпатии в классе, в котором обучаются дети с ОПФР. В статье приведены конкретные методики, способствующие развитию эмпатических способностей с целью создания психологически и социально комфортной среды в учреждении среднего образования.

Ключевые слова: эмпатия; толерантность; учащиеся школьного возраста; дети с ОПФР.

В данной статье предметом исследования является эмпатия. Субъектом исследования являются учащиеся 5 Б класса государственного учреждения образования «Средняя школа № 104 г. Минска имени Р.Н. Мачульского», где обучаются дети с ОПФР.

Метод исследования: эмпирические: диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии (И.М. Юсупов)

Актуальность исследования заключается в увеличении количества классов детей с ОПФР, развитии инклюзивного образования и образовательной и социальной интеграции.

Поскольку человек – существо социальное, он не может существовать вне общества или не взаимодействовать с другими людьми. Способность к эмпатии, или способность чувствовать и относиться к другому, предполагает развитие коммуникации и взаимопонимания между членами общества. Эмпатия – ключевой компонент процесса социализации личности. Она оказывает непосредственное влияние на то, как люди взаимодействуют друг с другом и как они морально растут (характер межличностного взаимодействия). Способность человека к развитию эмпатии является необходимым условием для достижения работоспособности и эффективности в любой сфере социальной жизни. Полное отсутствие эмпатии, напротив, «отделяет» человека от общества и останавливает процессы социализации [1].

Эмпатия является ядром коммуникации, она позволяет сделать межличностные отношения более гармоничными, а поведение человека социально обусловленным.

В современной психологической литературе понятие «эмпатия» многозначно. Это обусловлено тем, что для данного понятия используется большое количество уточнений: эмпатическое воздействие, эмпатийные реакции, эмпатические способности, эмпатийные отношения. А также со схожими значениями употребляются другие понятия: сопереживание, сочувствие, альтруизм, сострадание, просоциальное поведение, социальная сензитивность [2].

Эмпатия – это социально-психологическое свойство личности. Оно представляет собой совокупность социально-психологических способностей индивида, посредством которых данное свойство раскрывается как объекту, так и субъекту эмпатии: способность эмоционально реагировать на переживания другого, способность распознавать эмоциональные состояния другого и мысленно переносить себя в мысли, чувства и действия другого, способность использовать способы взаимодействия, облегчающие страдания другого человека.

Эмпатия играет ключевую роль для развития общества в целом и является неотъемлемой частью личностного роста субъекта. Развитие эмпатических способностей начинается с раннего возраста и продолжается на протяжении всей жизни. Важную роль в развитии эмпатии играют родители, воспитатели в дошкольных учреждениях, учителя и психологи в учреждениях среднего образования.

Высокий уровень эмпатии для детей школьного возраста предполагает хороший уровень коммуникативных навыков, умение отстаивать свои личные границы, понимание себя и других, препятствует эмоционального выгоранию в учебе. Эмпатия помогает сплотить школьный коллектив и развитию толерантного отношение в обществе детей.

С каждым годом в учреждения среднего образования приходят дети с ОПФР: СДВГ, РАС, слабослышащие и другими диагнозами. В школах создаются условия для образовательной интеграции, толерантного отношении социальной коммуникации детей с ОПФР.

Дети с особенностями психофизического развития – это дети, которые имеют различные отклонения психического и физического направления, препятствующие полноценной жизнедеятельности ребенка.

Очень важно донести нормотипичному ребенку, что такое ОПФР, как взаимодействовать с детьми, у которых есть особенности и как важно оставаться толерантным и небезразличным.

В данной статье исследование проводится на базе СШ №104. Респондентами являются учащейся 5 Б классе, обучаются дети с ОПФР.

Количество респондентов 15 Методом исследования служит опросник И.М. Юсупова «Диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии».

Благодаря опроснику мы изучали уровень эмпатии респондентов по нескольким направлениям: отношение к родителям, отношение к животным, отношение к пожилым людям, отношение к детям, отношение к героям художественных произведений, отношение к знакомым и незнакомым людям.

Все эти направления включены в 6 шкал теста. В опроснике 36 утверждений, по каждому из которых испытуемому предлагалось оценить, в какой мере он с ним согласен или не согласен, используя 6 вариантов ответов: «не знаю» (0); «никогда или нет» (1); «иногда» (2); «часто» (3); «почти всегда» (4); «всегда или да» (5).

Каждому варианту ответа соответствует числовое значение: 0, 1, 2, 3, 4, 5 баллов.

Необходимо подсчитать, сколько ответов определенного типа дано на указанные номера утверждения опросника:

- «не знаю»: 2, 4, 16, 18, 33;
- «всегда или да»: 2, 7, 11, 13, 16, 18, 23.

Кроме того, следует выявить:

- сколько раз ответ типа «всегда» или «да» получен на оба утверждения в следующих парах: 7 и 17, 10 и 18, 17 и 31, 22 и 35, 34 и 36;
- сколько раз ответ типа «всегда» или «да» получен для одного из утверждений, а ответ типа «никогда» или «нет» для другого в следующих парах: 3 и 36, 1 и 3, 17 и 28.

После этого суммируются результаты отдельных подсчетов. Если общая сумма 5 или более, то результат исследования недостоверен; при сумме, равной 4, результат сомнителен; если же сумма не более 3, результат исследования может быть признан достоверным

В результате опросника было выявлено, что все респонденты отвечали искренне и результаты являются достоверными. У 60% респондентов выявлен - очень высокий уровень эмпатии. У 40 % респондентов – высокий уровень эмпатии. Данные показатели соответствуют следующим интерпретациям:

1) респонденты, которые набрали от 82 до 90 баллов имеют очень высокий уровень эмпатии. У них болезненно развито сопереживание. В коммуникации они легко прочувствуют настрой собеседника, им легко доверяют тайны, но общение часто дает сильную эмоциональную нагрузку. Такие люди часто испытывают чувство вины, когда им нужна помощь. Люди с очень высоким уровнем эмпатии боятся потревожить и задеть чувства других. Очень развито чувство беспокойства, особенно за близких людей. Можете страдать при виде покаленного животного

или не находить себе места от случайного холодного приветствия вашего шефа. Такие люди очень впечатлительны, что может долго не давать заснуть. Из-за всех этих факторов могут возникать неравные срывы и выгорания. Необходимо беречь свою психику.

2) респонденты, которые набрали от 63 до 81 баллов имеют высокий уровень эмпатичности. Такие люди чувствительны к нуждам и проблемам окружающих, великодушны, склонны многое им прощать. Им думать об успехах и неудачах других. Люди с высоким уровнем эмпатии любят наблюдать за прохожими, читать их мимику. Они быстро находят контакт, легко начинают беседы, заводят новые знакомства. Такие люди избегают конфликтных ситуаций. В оценке событий больше доверяете своим чувствам и интуиции, чем аналитическим выводам. Предпочитаете работать с людьми, нежели в одиночку. Постоянно нуждаетесь в социальном одобрении своих действий. При всех перечисленных качествах вы не всегда аккуратны в точной и кропотливой работе. Не стоит особого труда вывести вас из равновесия.

После проведенного тестирования можно сделать вывод, что в классе благоприятная атмосфера для коммуникации, социализации и образовательной деятельности всех учащихся, в том числе и детей с ОПФР.

Также в результате беседы установлено, что учащиеся 5 «Б» класса умеют взаимодействовать со своими одноклассниками с ОПФР, относятся к ним толерантно, проявляют к ним свойства эмпатии.

Помимо этого нами для развития уровня эмпатии у детей, обучающихся в средних учреждениях рекомендовано:

1.Применять в работе с учащимися методики, которые способствуют развитию познавательно-когнитивной сферы, в том числе психодиагностические опросники, направленные на диагностику эмпатии.

2.Использовать методики, которые способствуют расширению и осознанию эмоционально-чувственного опыта человека. К ним относятся игры и упражнения, стимулирующие развитие механизма эмпатии.

Например, можно использовать следующие упражнения, подтвердившие себя в передовой педагогической практике:

•Упражнение «Улыбка». Цель – создание атмосферы единства, повышение позитивного настроения, развитие умения выражать свое эмоциональное состояние.

Участники знакомятся с многообразием смыслов, закодированных в художественном описании улыбки, используя предложенные фрагменты текстов, анализируя портретную живопись, сами изображая разные виды улыбок и составляя психологическую партитуру описания улыбок.

•Упражнение «Жесты. Поза». Цель – развитие умения выражать свое эмоциональное состояние, сравнивая его с выражением на репродукции, развитие рефлексии.

Техника выполнения этого упражнения идентична предыдущему. Участники также используют репродукции портретной живописи, иллюстрации к художественным произведениям, фотографии, анализируют мемуарную, биографическую и эпистолярную литературу.

Библиографические ссылки

1. *Гайдаренко С. М.* Развитие эмпатии на разных возрастных этапах [Электронный ресурс] / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-empatii-na-raznyh-vozrastnyh-etapah>. (Дата обращения: 30.03.2025).

2. *Воробьева Е. В.* Уровень, содержание и способ выражения эмпатии у студентов-психологов и студентов-юристов в соответствии с их индивидуально-психологическими особенностями [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-soderzhanie-i-sposob-vyrazheniya-empatii-u-studentov-psihologov-i-studentov-yuristov-v-sootvetstvii-s-ih-individualno>. (Дата обращения: 30.03.2025).

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ РАБОТАЮЩИХ И НЕРАБОТАЮЩИХ ИНВАЛИДОВ

М. В. Крупский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, krupskiy-2021@mail.ru
Научный руководитель — Л. П. Васильева, кандидат биологических наук, доцент*

В статье раскрывается сущность понятия совладающее поведение. Представлены результаты сравнительного анализа совладающего поведения работающих и неработающих инвалидов. В результате чего было выявлено, что работающие инвалиды чаще используют конструктивные копинг-механизмы, а неработающие – неконструктивные.

Ключевые слова: совладающее поведение; инвалид; копинг; работающий; неработающий.

В условиях социальной турбулентности современного общества проблемы людей с ограниченными возможностями и инвалидов приобретают особую актуальность. Одним из наиболее глобальных вопросов, в рамках данной проблемы, является вопрос способов социально-трудовой и психологической реабилитации и адаптации лиц с ограниченными возможностями и инвалидов. В качестве важнейшей проблемы инвалидов, выступает личностное самоопределение в отношении социального статуса инвалида. Поэтому наибольшее внимание необходимо уделять копинг-поведению лиц с ограничениями здоровья как проявлению их общей адаптационной реакции [1; 3, с. 129]. В реабилитации лиц с ограниченными возможностями и инвалидов важным является выполнение трудовой деятельности. По статистическим данным 2021 года в Республике Беларусь насчитывается 564 тысячи инвалидов, среди них 118 тысяч трудоспособные, работают почти 68 тысяч. Барьеры, препятствующие инвалидам в трудоустройстве, а также облегчающие трудовую деятельность, и личностные факторы, обеспечивающие более эффективное включение инвалидов в работу, представляют собой не только специфические условия организации учебного и производственного пространства, но и психологические особенности формирования продуктивного копинг-поведения у лиц с ограничениями здоровья, инвалидов [4, с. 19; 5, с.413].

Стоит отметить, что исследования в области способов совладающего поведения среди зарубежных и отечественных исследователей проводились среди студентов, медицинских работников, лиц с ограниченными возможностями здоровья, сотрудников предприятий

и коллективов и др. Но исследованиям совладающего поведения работающих и неработающих инвалидов уделяется совсем мало внимания.

С целью изучения отличительных особенностей совладающего поведения у работающих и неработающих инвалидов было проведено исследование, в котором принимали участие лица с инвалидностью в возрасте от 21 до 51 года. Исследование проводилось на базе Учреждения здравоохранения «18-я городская поликлиника г. Минска». В исследовании приняли участие 56 человек (28 работающих и 28 неработающих инвалидов). В исследовании принимали участие лица с 1, 2 и 3 группами инвалидности (последствия инсульта, умственная отсталость, глухота, стенокардия, артрит, онкология, отсутствие конечностей и другие заболевания). Среди работающих инвалидов участвовали в исследовании представители следующих профессий: швея, менеджер, уборщик, маркетолог, продавец, грузчик, ювелир, специалист по работе с клиентами, вахтер, кладовщик, комплектовщик, подсобный рабочий.

С целью изучения совладающего поведения работающих и неработающих инвалидов был использован опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (в адаптации Т.Л. Крюковой) [2, с. 284].

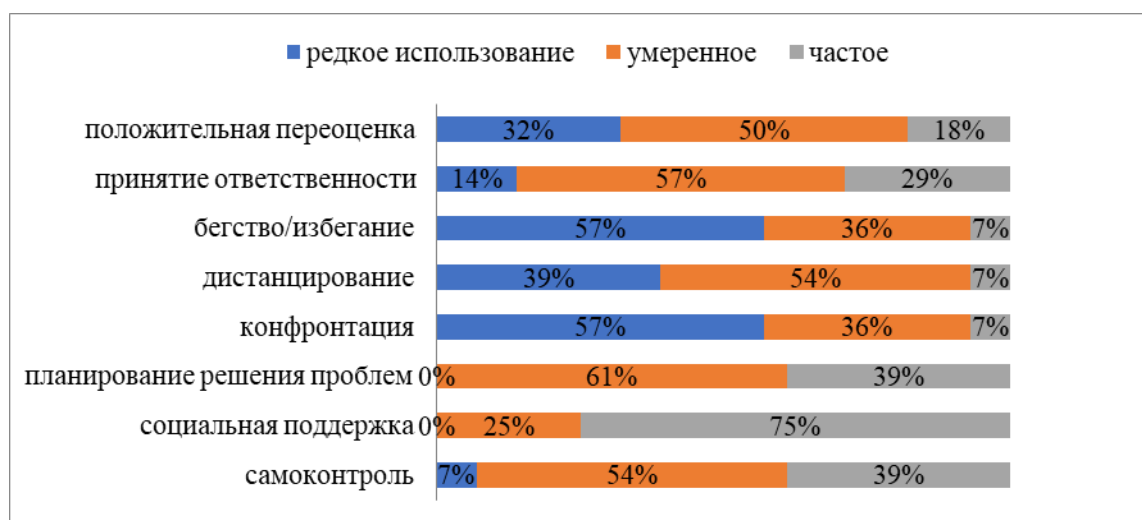

Рис. 1 – Первичные количественные данные по опроснику «Способы совладающего поведения», работающие инвалиды

Исходя из полученных данных рисунка 1, можно сделать вывод о том, что для работающих инвалидов в большинстве характерно частое использование такой копинг-стратегии как «социальная поддержка» (75% опрошенных). Люди, использующие данный вид стратегии чаще всего ориентированы на взаимодействие с другими людьми, они ожидают внимания с их стороны, сочувствия и совета.

При этом для большинства опрошенных характерно умеренное использование таких копинг-стратегий как «положительная переоценка» (50%), «принятие ответственности» (57%), «дистанцирование» (54%), «планирование решения проблем» (61%) и «самоконтроль». Такие данные указывают, что работающие инвалиды самостоятельно справляются с возникающими трудностями, вырабатывают стратегии разрешения проблем, однако нередко им нужен взгляд и совет со стороны; в зависимости от ситуации для преодоления негативных переживаний, связанных с конкретной проблемой, могут субъективно снижать ее значимость и степень эмоциональной вовлеченности в нее; при возникновении трудностей будут признавать свою роль в возникновении этих проблем и брать ответственность за их разрешение, в ряде случаев с отчетливым компонентом самокритики и самообвинения; трудности в жизни воспринимают как данное им не просто так, а для того, чтобы они стали сильнее.

Также стоит отметить, что редкое использование таких копинг-стратегий как «бегство/избегание» и «конфронтация» характерно для 57% опрошенных работающих инвалидов, что указывает, что они реже справляются с трудностями посредством целенаправленной поведенческой активности, направленной на изменение конкретной ситуации, они осознавать происходящие с ними события и предпринимать попытки для их разрешения.

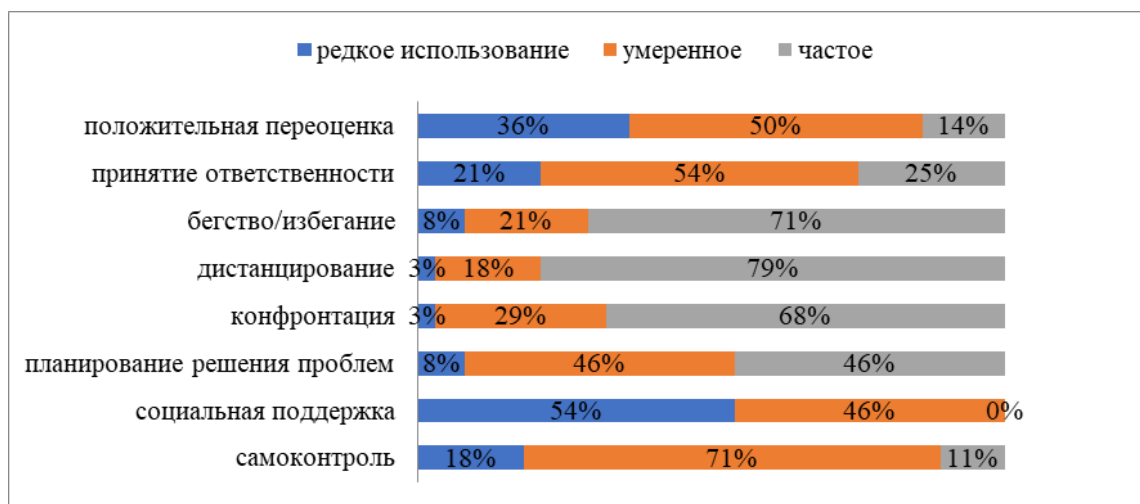

Рис. 2 – Первичные количественные данные по опроснику «Способы совладающего поведения», неработающие инвалиды

Исходя из полученных данных рисунка 2, можно сделать вывод о том, что для неработающих инвалидов в большей степени характерно умеренное использование таких копинг-стратегий как «положительная переоценка» (50%), «принятие ответственности» (57%), «дистанцирова-

ние» (54%) и «самоконтроль» (71%). Такие люди в зависимости от ситуации могут принимать усилия по регулированию своих чувств и действий, пытаться контролировать свои эмоции, пробовать находить выход из сложившейся ситуации; демонстрируют готовность анализировать свое поведение, искать причины актуальных трудностей в личных недостатках и ошибках; легче преодолевают негативные переживания по поводу возникающих проблемных ситуаций посредством положительного переосмысления, рассмотрения этих проблем как стимул для личностного роста.

Почти в равной степени, неработающие инвалиды редко (54% – 15 человек) и умеренно (46% – 13 человек) используют такую стратегию совладания со стрессом как «социальная поддержка». Такие результаты говорят о том, что неработающие инвалиды в определенных стрессовых ситуациях, чтобы справиться со своими переживаниями, могут нуждаться в помощи других людей (совет касаясь той или иной ситуации), в помощи конкретными действиями, разделить с кем-то свои переживания, возможности быть выслушанным.

Также стоит отметить, что стратегию совладания со стрессом «планирование решения проблем» умеренно и часто в равной степени используют 46% респондентов (13 человек) и лишь 8%, а это 2 человека, используют данный вид копинга редко. Это может означать, что люди, придерживающиеся такого вида копинга, при возникновении каких-либо стрессовых ситуаций, включают аналитическое мышление, чтобы выработать подходящие варианты решения этих проблем, фокусируют свое внимание по изменению ситуации.

В результате исследования (рисунок 2) было установлено, что для большинства испытуемых (79% и 71% соответственно) характерно частое использование таких стратегий совладания со стрессом как «дистанцирование» и «бегство/избегание», что говорит, что неработающие инвалиды часто снижают эмоциональную значимость проблем, могут переключать внимание, отстраняться, также могут обесценивать собственные переживания; проявляют отрицание либо полное игнорирование проблемы, пассивность, нетерпение, вспышки раздражения. Следует отметить, что больше половины испытуемых (68% – 19 человек) чаще используют «конфронтацию» как стратегию совладания. Такие люди будут чаще предпринимать усилия по изменению возникшей проблемной ситуации.

В результате обработки эмпирических данных в системе STATISTICA (применялся расчет непараметрического U-критерия Манна-Уитни) были получены пять статистически значимых результата по шкалам «конфронтация» ($U=24,50$ при $p\text{-level}=0,000000$), «дистанциро-

вание» ($U=40,00$ при $p\text{-level}=0,000000$) и «бегство/избегание» ($U=46,50$ при $p\text{-level}=0,000000$), которые были достоверно более выражены у неработающих инвалидов; «самоконтроль» ($U=207$ при $p\text{-level}=0,002079$) и «социальная поддержка» ($U=13,50$ при $p\text{-level}=0,000000$) – более характерные для работающих инвалидов.

Таким образом, исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что для работающих инвалидов более характерно применение таких копинг-стратегий как «самоконтроль» и «социальная поддержка», в то время как для неработающих инвалидов – «конфронтация», «дистанцирование» и «бегство/избегание». Отсюда следует, что для работающих инвалидов характерно использование конструктивных копинг-механизмов, а для неработающих – неконструктивных копинг-механизмов.

Библиографические ссылки

1. Грановская Р. М., Никольская И. М. Психологическая защита у детей. СПб. : Речь, 2010. 352 с.
2. Lazarus R. S., Folkman S. Coping and adaptation // W. D. Gentry (Eds.) // The handbook of behavioral medicine. N.Y. : Guilford, 1984. P. 282-325.
3. Морозова Е.В. Совладающее поведение как проявление общей адаптационной реакции на получение инвалидности // Медицинский вестн. юга России. 2014. № 2. С. 128-133.
4. Старобина Е. М., Владимирова О. Н., Давыдова А. Т. Разумовский М. И. Факторы, определяющие трудовую деятельность инвалидов со значительными нарушениями здоровья // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2017. Т. 20. № 1. С. 19-24.
5. Поникарова В.Н., Алексина Ю.Ю. Содержание и основные направления формирования продуктивного копинг-поведения у лиц с ограниченными возможностями // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5. С. 412-414.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ И АГРЕССИВНОСТИ У ПОДРОСТКОВ

К. Г. Лис

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kristina.lis.90@mail.ru*

Научный руководитель – Т. И. Ачинович, старший преподаватель

Данная статья посвящена проблеме интернет-зависимости у детей подросткового возраста, проявление таких форм агрессии как: раздражение, подозрительность и вербальная агрессия. А также выявление взаимосвязи между интернет-зависимостью и агрессией у подростков.

Ключевые слова: интернет-зависимость; агрессия; подросток.

В современном мире цифровые технологии играют ключевую роль в жизни подростков. Интернет стал неотъемлемой частью их социальной и личной жизни, что привело к значительным изменениям в их психоэмоциональном состоянии и поведении. Широкая доступность к цифровым устройствам и социальным сетям способствует развитию интернет-зависимости у подростков, что вызывает обеспокоенность среди психологов и педагогов. Интернет-зависимость может оказывать отрицательное влияние на психическое здоровье подростков, их социализацию и адаптацию к реальной жизни.

Одним из проявлений негативного влияния интернета может быть агрессивное поведение. Подростки, часто проводящие время в сети, особенно в игровых средах и социальных сетях, могут быть подвержены эмоциональному напряжению, что иногда приводит к вспышкам агрессии. Важно изучить, как постоянное нахождение в интернете и зависимость от него связаны с проявлениями агрессивности, и какие механизмы могут объяснить данную взаимосвязь. Понимание этих аспектов может помочь в разработке профилактических и коррекционных программ для снижения негативных последствий интернет-зависимости.

Агрессия является одним из поведенческих нарушений в подростковом возрасте. Основными причинами агрессии у подростков являются тревога, страх, невозможность справиться с разочарованием, протест, самоутверждение, одиночество и др.

Агрессия – это мотивированное разрушительное поведение, которое противоречит общественным нормам, причиняет вред объекту нападения, наносит физический ущерб или вызывающее у него психический дискомфорт в форме отрицательных переживаний. В рамках фрустрационного подхода агрессия является результатом фрустрации, следствием

аверсивных стимулов, способных только спровоцировать агрессивные реакции. В теории социального научения признается, что агрессия – результат усвоения агрессивного образца поведения и подкрепления агрессии родителями. Агрессия может проявляться в различных формах: косвенной, вербальной, физической, в виде раздражения и негативизма, подозрительности и обиды, чувства вины.

Под интернет-зависимостью понимается пристрастие к деятельности в сети Интернет, связанной с использованием компьютера, которое приводит к сокращению других видов деятельности, заметному ограничению общения с окружающими людьми. Симптомами интернет-зависимости являются: постоянное ожидание следующего выхода в Интернет, увеличение времени, проводимого в сети, болезненная неспособность вовремя отключиться от него, агрессивные реакции при необходимости выйти из сети.

Цель статьи: выявить взаимосвязь интернет-зависимости и агрессивности у подростков. В качестве основных теоретических подходов к изучению агрессивности использовались теория социального научения А. Бандуры, научные взгляды А.А. Реана, Л.М. Семенюк, И.А. Фурманова. В качестве основных теоретических подходов к изучению интернет-зависимости использовались идеи В.А. Лоскутовой, Т.Г. Светличной.

На протяжении подросткового возраста отмечается постепенное формирование новой субъективной реальности, преобразующей представления ребенка о себе и о других. Характер проявления агрессии подростков во многом определяется возрастными особенностями, неудовлетворенностью своим положением, чувством взрослости, протестным поведением, неуравновешенностью и возбудимостью. Подростки удовлетворяют с помощью Интернета потребность в автономии и самостоятельности, в самореализации и признании, в признании и познании, общении, в принадлежности к группе по интересам, в безопасности. К факторам возникновения агрессии и интернет-зависимости у подростков можно отнести: условия воспитания, влияние сверстников, индивидуальные и личностные особенности.

Большая часть подростков часто проявляет такие формы агрессивности, как: раздражение, подозрительность и вербальная агрессия. Они проявляют готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении – вспыльчивость, грубость, выражают свои негативные чувства в вербальной форме или направляют агрессию на другое лицо. Порой учащиеся проявляют косвенную агрессию и негативизм. Реже всего они испытывают проявляют обиду, чувство вины и физическую агрессию.

В результате сравнительного анализа мальчики-подростки проявляют более выраженные формы физической агрессии, раздражения и негативизма по сравнению с девочками-подростками.

Физическая агрессия выше у мальчиков-подростков, чем у девочек-подростков ($U=165,5$; $p>0,05$). Это может проявляться в более частых или более интенсивных актах агрессивного поведения у мальчиков, что может быть связано с различиями в социальной среде, ожиданиях и биологических факторах.

Раздражение выше у мальчиков-подростков, чем у девочек-подростков ($U=304,0$; $p>0,05$). Это может свидетельствовать о том, что они чаще или сильнее переживают эмоциональные состояния, связанные с фрустрацией, дискомфортом или недовольством. Это раздражение может проявляться в их поведении в более заметной форме по сравнению с девочками.

Негативизм выше у мальчиков-подростков, чем у девочек-подростков ($U=271,5$; $p>0,05$). Это может включать в себя нежелание подчиняться общепринятым правилам, сопротивление авторитетам или критическое отношение к окружающим. Эти различия могут отражать как биологические факторы, так и социальные ожидания, касающиеся поведения и эмоциональной реакции подростков в зависимости от их пола. Мальчики, возможно, испытывают большее давление со стороны окружения или проявляют более интенсивные эмоциональные реакции, что выражается в агрессивных и негативистских формах поведения.

Большая часть подростков обладает склонностью к возникновению интернет-зависимого поведения – они увлекаются использованием интернета, что повышает вероятность появления зависимости. Подростки характеризуются навязчивым желанием войти в Интернет, чувством дискомфорта, если приходится прекратить пользоваться Интернетом на определенный период времени, трудностями контролировать длительность времени пребывания в Интернете, что приводит к недосыпанию, нарушению питания, чувству усталости.

В результате сравнительного анализа мальчики-подростки более подвержены интернет-зависимости, чем девочки. Это проявляется в их более высоком уровне толерантности к использованию интернета, наличии внутриличностных и связанных со здоровьем проблем, а также в трудностях управления временем. Эти результаты свидетельствуют о том, что мальчики, в большей степени, чем девочки, испытывают проблемы, связанные с чрезмерным использованием интернета, что может негативно сказываться на их психическом, физическом и социальном благополучии.

Для выявления взаимосвязи агрессивности и интернет-зависимости у подростков был использован критерий корреляции Спирмена. Данный критерий позволяет установить связь между переменными, является непараметрическим, потому не требует нормального распределения.

Компульсивные симптомы положительно коррелируют с косвенной агрессией ($r=0,27$; $p\leq 0,05$). Люди, которые испытывают сильное желание войти в интернет и не могут это контролировать, чаще склонны к косвенной агрессии. Это может проявляться в действиях, направленных на других людей опосредованным путем или даже не направленных ни на кого конкретно, что свидетельствует о повышенной готовности к агрессивным реакциям.

Компульсивные симптомы положительно коррелируют с негативизмом ($r=0,26$; $p\leq 0,05$). Это означает, что чем сильнее человек испытывает чувство необходимости войти в интернет, тем больше он склонен к оппозиционному поведению, выражающемуся как в пассивном сопротивлении правилам и нормам, так и в активной борьбе против них.

Уровень интернет-зависимости положительно коррелирует с физической агрессией ($r=0,27$; $p\leq 0,05$). Чем больше человек вовлечен в интернет-активность и чем сильнее его склонность к чрезмерному использованию интернета, тем выше вероятность того, что он проявит агрессию физическим способом, направленную на других.

В результате корреляционного анализа установлено, что интернет-зависимость и связанные с ней компульсивные симптомы способствуют повышению уровня агрессии и негативизма. Чем сильнее человек испытывает зависимость от интернета, тем больше его склонность к агрессивным реакциям, будь то косвенная или физическая агрессия, а также к негативистскому поведению, выражающемуся в оппозиции к социальным нормам. Гипотеза исследования подтверждена: существует взаимосвязь интернет-зависимости и агрессивности у подростков.

Библиографические ссылки

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 322 с.
2. Реан А.А. Подростковая агрессия // Психология подростка: полное руководство. Москва, 2008. С. 324-337.
3. Светличная Т. Г. Факторы формирования и особенности проявления интернет-зависимости у детей и подростков // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2019. Т.19№3. С. 126-133.
4. Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2013. 96 с.
5. Фурманов И. А. Детская агрессивность: психодиагностика и коррекции. Минск: Ильин В.П. 2006. 192 с.

СУБЪЕКТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У ЛИЦ С ХИМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ, НАХОДЯЩИХСЯ В РЕМИССИИ

П. П. Носков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, pavlikravlovich1986@gmail.com*
Научный руководитель — Н. Н. Красовская, кандидат социологических наук, доцент

В данной работе автор обращается к проблеме химической зависимости, которая является одной из наиболее актуальных проблем в современном обществе. В публикации содержатся данные организованного и проведенного автором эмпирического исследования, направленного на выявление взаимосвязи между субъективным контролем и копинг-стратегиями у лиц с химической зависимостью, находящихся в ремиссии.

Ключевые слова: химическая зависимость; субъективный контроль; копинг-стратегии, ремиссия.

Химическая зависимость – это хроническое, прогрессирующее, неизлечимое заболевание, проявляющееся на биологическом, психологическом, социальном и духовном уровнях, характеризующееся зависимостью от всех веществ, изменяющих сознание [1, с. 64].

Существует множество этиологических моделей зависимости, и ни одна из них не в состоянии предоставить всестороннее понимание этого феномена [2, с. 43]. Основными из них являются: моральные модели, психологические модели, модели теорий личности, семейные модели, модель болезни, модель социальной болезни, биологические модели, социокультурные модели, мультикаузальные модели.

Безусловно, систематическое употребление различных веществ изменяющих сознание негативно сказывается на жизни человека во всех ее аспектах: биологическом, психоэмоциональном, социальном и духовном. Формируются определенные особенности личности, совокупность которых характеризует ее как аддиктивную.

Субъективным контролем называется склонность человека брать на себя ответственность за то, что с ним происходит. В отличие от субъективного может существовать так называемый объективный контроль событий, при котором они происходят по воле обстоятельств, случая, независимо от желания человека.

Исследования субъективного контроля у людей с химической зависимостью констатируют, что для них более характерно представление себя объектом действия окружающих людей и сложившихся обстоятельств, нежелание принимать активное участие в собственных изменениях

[4]. Их можно охарактеризовать как людей, в меньшей степени планирующих свою жизнь и ощущающих влияние своих поступков на будущие жизненные события, придающих большое значение тому, как складываются обстоятельства.

В 1962 году американский психолог Лойс Б. Мерфи, в своих исследованиях кризисов взросления ввел понятие «копинг» или «совладание» [3, с. 35]. Л. Мерфи определял «coping» как попытку индивида конструктивно преобразовать ситуацию, которая является для него угрожающей и заставляет мобилизовать свои внутренние ресурсы.

У людей с химической зависимостью имеется дисфункциональное копинг-поведение, при котором чаще используются стратегии избегания, уклонения, погружения в фантазии [6].

Одним из факторов, способствующих формированию зависимого поведения, является неадаптивность копинг-стратегий (поведения, направленного на преодоление жизненных трудностей) [5, с. 94].

С целью выявления взаимосвязи между субъективным контролем и копинг-стратегиями у лиц с химической зависимостью, находящихся в ремиссии, нами было организовано и проведено эмпирическое исследование на базе Местного фонда «Центр здоровой молодежи», предназначенного для реабилитации лиц с химической зависимостью. Всего исследованием был охвачен 101 человек.

На первом этапе эмпирического исследования был выявлен уровень субъективного контроля у лиц с химической зависимостью, находящихся в ремиссии. С этой целью были обработаны данные по методике «Тест-опросник субъективного контроля (УСК)» Дж. Роттера (адаптирована Е.Ф. Бажиным, С.А. Голыкиной, А.М. Эткингом). На основании полученных данных были рассчитаны средние значения по двум шкалам, которые отражены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты исследования уровня субъективного контроля у лиц с химической зависимостью, находящихся в ремиссии (средние значения)

Показатели	Среднее значение
Шкала общей интернальности	28,4
Шкала интернальности в области достижений	7,4
Шкала интернальности в области неудач	9,9
Шкала интернальности в семейных отношениях	4,1
Шкала интернальности в производственных отношениях	7,8
Шкала интернальности в области межличностных отношений	2,9
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни	2,8

На основании анализа данных, представленных в таблице 1, можно сделать следующие выводы: у выборочной группы значения уровня субъективного контроля по всем шкалам находятся в пределах нормы.

Показатели уровня субъективного контроля по шкале интернальности в производственных отношениях пограничны, что можно охарактеризовать как тенденцию к низкому уровню субъективного контроля. В свою очередь, низкий уровень субъективного контроля в производственных отношениях указывает на то, что человек склонен придавать большее значение внешним обстоятельствам – руководству, коллегам по работе, везению-невезению.

На втором этапе исследования необходимо было диагностировать копинг-стратегии у лиц с химической зависимостью, находящихся в ремиссии. В связи с этим были обработаны данные по методике «Опросник для изучения копинг-стратегий» Р. Лазаруса.

На рисунке отражена выраженность копинг-стратегий лиц с химической зависимостью, находящихся в ремиссии.

Рис. 1 - Выраженность копинг-стратегий у лиц с химической зависимостью, находящихся в ремиссии

На основании анализа данных, представленных на рисунке, можно заключить, что у лиц с химической зависимостью наиболее выражены показатели по такой копинг-стратегии как принятие ответственности. Такие показатели копинг-стратегий как поиск социальной поддержки, бегство-избегание и самоконтроль выражены на уровне выше среднего. На среднем уровне проявляются такие копинг-стратегии как конфронтация, дистанцирование, планирование решения проблемы и позитивная переоценка.

На завершающем этапе исследования была поставлена задача: установить взаимосвязь между уровнем субъективного контроля и копинг-стратегиями у лиц с химической зависимостью, находящихся в ремиссии.

Для выбора математического метода обработки данных была произведена проверка на нормальность распределения при помощи критерия Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллиефорса. Проверка показала отличное от нормального распределения данных, что говорит о необходимости использования непараметрического метода. В этой связи нами был применен коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Были сопоставлены результаты по методике «Тест-опросник субъективного контроля (УСК)» Дж. Роттера и методике «Опросник для изучения копинг-стратегий» Р. Лазаруса. Результаты обработки данных представлены в таблице 2.

Таблица 2

Взаимосвязь уровня субъективного контроля и копинг-стратегий у лиц с химической зависимостью, находящихся в ремиссии

Шкалы	Конфронтация	Дистанцирование	Самоконтроль	Поиск социальной поддержки	Принятие ответственности	Бегство-избегание	Планирование решения проблемы	Положительная переоценка
Ио	-0,138	-0,07	0,098	-0,016	0,058	-0,069	-0,00007	-0,026
Ид	-0,042	-0,069	-0,038	-0,042	-0,017	0,008	-0,025	-0,144
Ин	-0,137	-0,066	0,095	0,069	-0,01	-0,026	0,12	0,044
Ис	-0,099	0,0008	0,096	0,07	0,078	0,012	0,023	-0,004
Ип	-0,137	0,059	0,142	0,063	0,05	-0,071	0,058	0,048
Им	-0,005	-0,041	0,025	-0,027	-0,13	0,024	0,084	0,079
Из	0,023	0,005	0,077	-0,0009	0,05	0,041	0,036	0,007

На основании анализа данных, представленных в таблице 2, можно увидеть, что между переменными не существует статистически значимой связи.

Данный результат может быть связан с тем, что сформированная нами выборка включила в себя лиц с химической зависимостью прошедших или, находящихся в процессе прохождения долгосрочной психосоциальной реабилитационной программы. Очевидно, что долгосрочная программа психосоциальной реабилитации формирует у химически зависимого определенную жизненную позицию, при которой окружающий мир воспринимается как достаточно предсказуемая система объек-

тов, а решение жизненных задач осуществляется при помощи адаптивных, проблемно-ориентированных копинг-стратегий.

Библиографические ссылки

1. *Ерышев О. Ф.* Алкогольная зависимость: формирование, течение, противорецидивная терапия. СПб.: Изд-во «ЭЛБИ - СПб», 2012.
2. *Капуччи Д.* Психологическое консультирование зависимых клиентов. СПб: ООО «Диалектика», 2021.
3. *Никольская И. М., Грановская Р. М.* Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2000.
4. *Плаксин А. А.* Особенности жизненных ориентаций наркозависимых с различными сроками трезвости [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека открытого доступа. <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.04.2025).
5. *Сирота Н. А.* Профилактика наркомании и алкоголизма. М.: Академия, 2008.
6. *Ялтонский В. М.* Копинг-поведение здоровых и больных наркоманией: автореф. дис. ... д-ра мед.наук. СПб., 1995.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЕ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

В. Л. Подмоство

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, prlmostkovika@gmail.com
Научный руководитель – Т. В. Тратинко, старший преподаватель*

Данная работа посвящена изучению эмоциональных отношений матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. В исследовании анализируются взаимосвязи между эмоциональным состоянием матерей, их восприятием болезни ребенка и качеством взаимодействия в семье. Установлено, что уровень фрустрации матерей существенно влияет на их способность воспринимать и поддерживать детей, что, в свою очередь, сказывается на благополучии всей семьи.

Ключевые слова: отношение к болезни; фрустрированность; мать; семья; расстройства аутистического спектра; эмоциональные отношения.

Во всём мире наблюдается рост числа детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). По международным данным, РАС диагностируется у одного из 160 новорождённых. В Беларуси за последние пять лет количество детей с таким диагнозом, находящихся под наблюдением, увеличилось в 2,4 раза (данные Минздрава РБ за 2023 год). Рост объясняется как широкой распространённостью расстройства, так и улучшением диагностики.

Аутизм представляет собой отрыв от реальности, уход в себя, отсутствие или парадоксальность реакций на внешние воздействия, пассивность и сверххранимость в контактах со средой [1].

Термин получил широкое распространение благодаря описанному в 1943 г. Каннером синдрому «раннего детского аутизма». Синдром представлен тремя группами трудностей, характеризующие данное нарушение: трудности, связанные с социальным взаимодействием; трудности, связанные с социальной коммуникацией, нарушения воображения и символической игры. Данные трудности «триада нарушений» проявляются очень рано, окончательно формируются к 2-2,5 годам и занимают центральное место в клинической картине заболевания [2].

С точки зрения Howlin P., немногим детям удаётся перейти к самостоятельной жизни по достижении совершеннолетия, однако некоторые добиваются успеха [3].

Проблемы аутизма рассматривались такими учеными и практиками как Л. Каннер, Т. Питерс, Р. Шнейдер, Т. Вейс, П. Сатмари, Н.В. Си-

машкова, Е.Р. Баенская, В.В. Лебединский, С.С. Морозова, И.И. Мамайчук, С.А. Морозов и др.

Исследователи показывают, что функциональная дееспособность семьи, где воспитывается ребёнок с РАС, во многом зависит от родительской позиции, которую демонстрируют ближайшие родственники ребенка.

По мнению О.А. Карабановой, родительская позиция является интегративным психологическим феноменом [4].

Важной для понимания природы родительской позиции является работа Е. А. Полоухиной [5] и Т. Н. Высотиной [6], обнаружено, что отношение родителей к ребенку с аутизмом зависит от личностных особенностей отца и матери. Амбивалентность родительского отношения к ребенку с аутизмом предполагает достаточно высокую включенность в процесс его воспитания матерей при достаточно частой отстраненности отцов, испытывающих отвержение по отношению к ребенку. Исследователи отмечают нереалистичные когнитивные представления родителей о своих детях и их стремление переоценить реальный уровень развития ребенка.

Матери аутичных детей чаще проявляют эмоциональное неприятие и отторжение по отношению к своим детям и используют доминирующие формы взаимодействия. Это может свидетельствовать о наличии тревоги родителей и их желание воспитать ребенка «приемлемым» для общества или, напротив, сверхконтроль как форма отвержения ребенка и неприятия его негативных чувств.

Таким образом, появление в семье аутичного ребенка оказывает серьезное влияние на его семью. Стрессовая ситуация, вызванная болезнью, может создать неблагоприятную атмосферу внутри семьи и привести к нарушению отношений между супругами и родителями и детьми. Родительская позиция играет ключевую роль в функционировании семьи с ребенком с аутизмом, выделяя эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты

С целью изучения особенностей эмоциональных взаимоотношений и отношения к болезни ребенка у матерей с разным уровнем фрустрированности, нами было организовано эмпирическое исследование на базе ГУ "Минский городской центр социального обслуживания семьи и детей".

Всего исследованием было охвачено 52 матери, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра.

Для выявления особенностей эмоциональных взаимоотношений и отношения к болезни ребенка у матерей с разным уровнем фрустрированности нами были подобраны следующие диагностические методики:

методика диагностики отношения к болезни ребенка (Добр; В.Е. Каган, И.П. Журавлева), опросник эмоциональных отношений в семье Е.И. Захаровой (ОДРЭВ), методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана (модификация В.В. Бойко).

Анализ данных по показателям фрустрированности показал, что большая часть матерей воспитывающих детей с РАС имеют средний уровень фрустрированности (40% выборки; общее среднее значение фрустрированности 2.3 балла).

Оценка данных по индикаторам эмоциональных отношений в семье свидетельствует о том, что матери, воспитывающие детей с аутизмом, проявляют сильное стремление к телесному контакту (3.78) и эмоциональной поддержке (3.67), поскольку дети часто избегают физической близости и испытывают трудности в общении. Однако у них наблюдаются сложности с ориентацией на состояние ребёнка (2.89) и воздействием на его состояние (2.57), что связано с особенностями аутизма. 73% и 94% матерей испытывают трудности в восприятии и влиянии на состояние ребёнка. Эти проблемы компенсируются развитым сопереживанием (92%) и ориентацией на состояние ребёнка (87%), что помогает им успешно взаимодействовать и поддерживать детей.

Оценка результатов по отношению к болезни ребенка выявил, что у матерей наиболее выражен показатель интервальности (5.83), что отражает чувство беспомощности и отчуждения. Менее выражен контроль активности (-5.96), так как матери чувствуют себя беззащитными и пассивными. У большинства опрошенных присутствуют тревога (64%) и нозогнозия (56%) из-за трудности в восприятии симптомов аутизма и давления со стороны окружающих. Напряжённость по болезни делит матерей на две группы: одни испытывают стресс, другие адаптируются и не чувствуют сильного напряжения.

Таким образом, в ходе диагностики мы установили, что у большинства матерей, воспитывающих детей с РАС, наблюдаются эмоциональные трудности, такие как фрустрация, тревога и ощущение беспомощности. Тем не менее, матери активно ищут способы поддержки и адаптации, что способствует улучшению их взаимодействия с детьми.

Исследование потребовало использования критерия Краскела-Уоллиса, выбор данного критерия заключался в отклоняющейся от нормального распределения выборки.

В результате чего были найдены следующие значимые различия:

-при низком уровне фрустрации у матерей более выражена интервальность ($H = 7.447$; $p < 0.05$), что связано с позитивным восприятием своей роли в воспитании детей с аутизмом.

-при высоком уровне фрустрации более выражена тревога ($H = 6.683$; $p < 0.05$), что связано с увеличенным стрессом и беспокойством о благополучии детей.

-У матерей с низким уровнем фрустрации более выражена способность к сопереживанию ($H = 6.342$; $p < 0.05$), благодаря сбалансированному подходу и поддержке от близких.

-при низком уровне фрустрации более выражено стремление к телесному контакту ($H = 9.004$; $p < 0.05$), в отличие от матерей с высоким уровнем фрустрации, которые могут избегать этого.

-при среднем уровне фрустрации более выражена ориентация на состояние ребёнка ($H = 9.127$; $p < 0.05$), что связано с лучшим справлением с эмоциональным стрессом.

-при среднем уровне фрустрации более выражено умение воздействовать на состояние ребёнка ($H = 7.885$; $p < 0.05$), в отличие от матерей с высоким уровнем фрустрации, у которых снижается способность реагировать на потребности ребёнка.

Обобщив имеющиеся результаты, можно сделать вывод, что детско-родительские отношения, как сложная система эмоциональных, поведенческих и воспринимаемых стереотипов, напрямую связаны с психоэмоциональным состоянием матерей.

Неотъемлемой частью реабилитационного процесса детей с РАС является привлечение родителей, которые рассматриваются как важнейшие партнеры в коррекционной работе. Родители ребенка являются неотъемлемой частью команды, работающей с ним, и важно, чтобы они взаимодействовали с ребенком на основе разработанных принципов обучения и поддерживали его в обобщении всех навыков, полученных в ходе работы со специалистами. Работа с родителями направлена на формирование у них такого менталитета, который позволяет принимать аутистические расстройства не как патологию, а как особый, но равноценный и равнозначный норме вариант развития ребёнка. Специалисты должны оказывать родителям детей с аутизмом информационную поддержку, научить их взаимодействовать и общаться с ребенком.

Библиографические ссылки

1. *Лебединская К. С.* Дети с нарушениями общения: ранний детский аутизм. Москва: Просвещение, 1989. 92 с.

2. Многоосевая классификация психических расстройств в детском подростковом возрасте: Классификация психических и поведенческих расстройств у детей и подростков в соответствии с МКБ-11 [Текст] / под ред. А. Н. Моховикова. М.: Академия, 2008. 416 с.

3. *Штенцель И. В.* Психологический климат в семье [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/detskiy-sad/materialy-dlyroditeley/2015/03/22/psihologicheskiy-klimat-v-seme>.

4. *Карабанова О. А.* В поисках оптимального стиля родительского воспитания // Национальный психологический журнал. 2019. №3. С. 71-79.

5. *Полоухина Е. А.* Влияние наличия ребенка-инвалида в семье на характер брачно-семейных отношений: дис. канд. психол. наук. / Е. А. Полоухина. Санкт-Петербург, 2009. 140 с.

6. *Высотина Т. Н.* Особенности родительского отношения к детям с атипичным аутизмом: автореф. дис.... канд. психол. наук. / Т. Н. Высотина. Санкт-Петербург, 2013. 22 с.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МОТИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ УСПЕШНОСТИ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. С. Полторжицкий

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, bersenev_ilya@bk.ru
Научный руководитель — Л. П. Васильева, кандидат биологических наук, доцент*

В настоящее время остро стоит вопрос о профессиональной успешности специалиста, которая выступает барьером для различных профессиональных деформаций и дезадаптации личности субъекта труда. Профессиональная успешность специалиста предполагает наличие таких психологических характеристик, которые обеспечивали бы ее функциональность, адаптивность, благополучие.

Ключевые слова: профессиональная успешность; профессиональная деятельность; индивидуально-психологические особенности личности; мотивационные особенности личности.

С целью выявления индивидуально-психологических и мотивационных особенностей личности сотрудников организации как детерминант успешности их профессиональной деятельности нами было проведено эмпирическое исследование.

Цель исследования: выявить индивидуально-психологические и мотивационные особенности личности сотрудников организации, влияющие на успешность их профессиональной деятельности

Объект исследования: индивидуально-психологические и мотивационные особенности личности специалистов организации.

Предмет исследования: индивидуально-психологические и мотивационные особенности личности специалистов, дифференцированных по профессиональной успешности.

Гипотеза исследования: успешность профессиональной деятельности специалистов организации определяется уровнем выраженности индивидуально-психологических факторов и особенностями мотивационной структуры, которые различаются у специалистов, дифференцированных по профессиональной успешности. Имеется определенная взаимосвязь между индивидуально-психологическими характеристиками и мотивационными факторами.

Исследование проводилось на базе ООО «Фабрика инноваций и решений». В исследовании приняли участие 30 сотрудников в возрасте 18-

30 лет. Выборку исследования составили успешные и неуспешные сотрудники (на основании экспертной оценки руководителя организации). Неуспешность сотрудников проявляется в низкой результативности, пассивности в трудовой деятельности.

В качестве психодиагностического инструментария были использованы следующие методики:

1. Опросник структуры темперамент (ОСТ) В.М. Русалова [1, с. 30-37].

2. Опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУН) А.А. Реана [2, с.138].

Анализ и интерпретация результатов исследования были организованы в два этапа.

Первым этапом стала первичная обработка полученных данных.

Для выявления свойств темперамента у неуспешных сотрудников был использован опросник структуры темперамент (ОСТ) В.М. Русалова.

Наглядно результаты исследования свойств темперамента у неуспешных сотрудников отражены на рисунке 1.

Рис. 1. Свойства темперамента у неуспешных сотрудников

Неуспешные сотрудники обладают такими свойствами темперамента, как: низкая эргичность, высокая социальная эргичность, низкая

пластичность, высокая социальная пластичность, средний темп, средний социальный темп, низкая эмоциональность, средняя социальная эмоциональность. Неуспешные сотрудники характеризуются пассивностью, нежеланием умственного напряжения, низкой вовлеченностью в процесс деятельности, склонностью к монотонной работе, средней скоростью выполнения операций при осуществлении предметной деятельности, хорошо развитой речедвигательной системы, незначительным эмоциональным реагированием при неудачах на работе. При этом, они обладают ярко выраженной потребностью в социальных контактах, жадой освоения социальных форм деятельности, легкостью вступления в социальные контакты, широким набором коммуникативных программ, средней чувствительностью к неудачам в общении.

В целом, можно говорить о преобладании коммуникативного аспекта темперамента у неуспешных сотрудников.

Для выявления свойств темперамента у успешных сотрудников был использован опросник структуры темперамента (ОСТ) В.М. Русалова. (Рис. 2)

Рис. 2 - Свойства темперамента у успешных сотрудников

Успешные сотрудники обладают средними показателями по таким свойствам темперамента, как: социальная эмоциональность, эмоцио-

нальность, социальный темп, темп, социальная пластичность, пластичность, социальная эргичность, эргичность

В целом, можно говорить о преобладании потребности в освоении предметного мира.

Для выявления уровня мотивации на успех и боязни неудачи нами был использован опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУН) А.А. Реана. (Рис. 3)

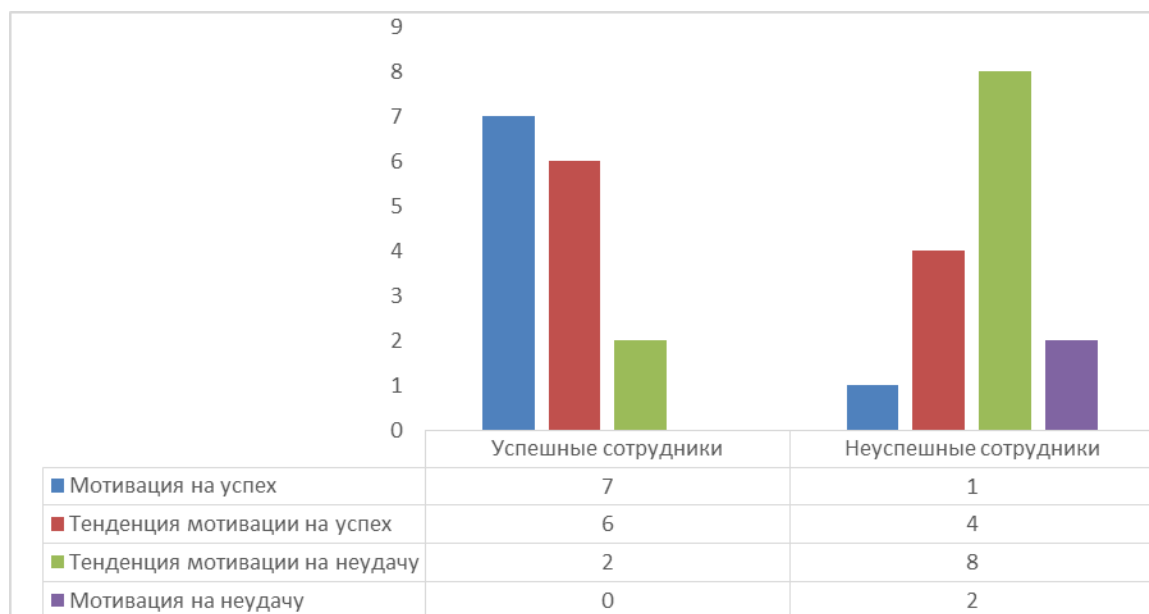

Рис. 3 - Количество успешных и неуспешных сотрудников по показателям исследования уровня мотивации на успех и боязни неудачи.

Как показано на рисунке 3, у успешных специалистов преобладает мотивация на успех и хорошо выраженная тенденция мотивации на успех (у 13 человек из 15) и только у 2-х сотрудников выявлен тенденция мотивации на неудачу. Тогда как у неуспешных работников преобладает тенденция мотивации на неудачу и мотивация на неудачу (у 10 человек из 15), у 4-х выявлена тенденция мотивации на успех и лишь у одного-мотивация на успех.

Вторым этапом исследования стала статистическая обработка данных с помощью программы математической статистики SPSS 26.0 для определения индивидуально-психологических и мотивационных особенностей личности сотрудников организации как детерминант успешности их профессиональной деятельности.

Сначала мы проверили полученные результаты на нормальность распределения.

Далее, с помощью *u*-критерия Манна-Уитни, мы нашли статистически значимые различия между успешными и неуспешными сотрудниками.

Значимые различия в индивидуально-психологических особенностях личности успешных и неуспешных сотрудников выявлены по следующим шкалам: эргичность, пластичность, эмоциональность были выше у успешных специалистов; социальная эргичность, социальная пластичность, социальная эмоциональность были выше у их неуспешных коллег.

Значимых различий не выявлено по шкалам: темп и социальный темп, которые были близки по значениям у специалистов обеих групп.

Выявлены статистически значимые различия в мотивационных особенностях личности успешных и неуспешных сотрудников ($U=42$; $p=0,003$); у успешных мотивация на успех была достоверно выше, чем у работников другой группы.

Далее, для определения тесноты и направленности корреляционной связи между переменными свойств темперамента и мотивации успеха и боязни неудачи, рассчитывался коэффициент корреляции *r*-Спирмена.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа значимых взаимосвязей между свойствами темперамента и мотивации успеха и боязни неудачи у неуспешных сотрудников

Свойства темперамента	Мотивации успеха и боязни неудачи	
	Коэффициент корреляции <i>r</i> -Спирмена	<i>P</i> -уровень статистической значимости
Эргичность	0,001	0,997
Социальная эргичность	0,099	0,727
Пластичность	0,265	0,341
Темп	-0.160	0,569
Социальный темп	0,378	0,165
Эмоциональность	0,234	0,401
Социальная эмоциональность	0,235	0,398

При проведении корреляционного анализа нами не было выявлено статистически значимых корреляционных связей между свойствами темперамента и мотивационной направленностью на успех и боязни неудачи у неуспешных сотрудников.

Результаты корреляционного анализа значимых взаимосвязей между свойствами темперамента и мотивации успеха и боязни неудачи у успешных сотрудников представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа значимых взаимосвязей между свойствами темперамента и мотивации успеха и боязни неудачи у успешных сотрудников

Свойства темперамента	Мотивации успеха и боязни неудачи	
	Коэффициент корреляции r-Спирмена	P-уровень статистической значимости
Эргичность	0,180	0,520
Социальная эргичность	0,414	0,125
Пластичность	-0,564	0,028
Социальная пластичность	-0,98	0,720
Темп	0,115	0,683
Социальный темп	0,094	0,739
Эмоциональность	0,156	0,579
Социальная эмоциональность	-0,234	0,402

При проведении корреляционного анализа нами не было выявлено статистически значимых корреляционных связей между свойствами темперамента и мотивационной направленностью на успех и боязни неудачи также у успешных сотрудников.

Таким образом, часть гипотезы о том, что успешность профессиональной деятельности специалистов организации определяется уровнем выраженности индивидуально-психологических факторов и особенностями мотивационной структуры, которые различаются у специалистов, дифференцированных по профессиональной успешности, подтверждена, тогда как значимых взаимосвязей между свойствами темперамента и мотивации успеха и боязни неудачи у успешных и неуспешных сотрудников не было выявлено. Следовательно, наша гипотеза была подтверждена частично.

Библиографические ссылки

1. Русалов В.М. Опросник структуры темперамента (ОСТ). М. : ИП АН СССР, 1990. 50 с.
2. Реан А.А. Психология личности. Социализация, поведение, общение. СПб.: «прайм-ЕВРОЗНАК», 2004. 416 с.

СУИЦИДАЛЬНЫЙ РИСК И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У ИНВАЛИДОВ И ЛИЦ БЕЗ ОГРАНИЧЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЗДОРОВЬЯ

В. А. Тарасевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, vika.tarasevich.2001@gmail.com
Научный руководитель – И. В. Басинская, старший преподаватель*

Работа освещает проблемы суицидального риска и копинг-стратегий у инвалидов и лиц без ограниченных возможностей здоровья. Проведенное исследование позволило выявить наличие взаимосвязей между копинг-стратегиями и суицидальным риском, а также обнаружило различия в использовании стратегий совладающего поведения в группах волонтеров, людей с инвалидностью и лиц без ограниченных возможностей здоровья.

Ключевые слова: суицидальный риск; суицид; суицидальное поведение; копинг-стратегии; копинг; совладающее поведение; инвалиды; волонтеры; корреляционный анализ; сравнительный анализ.

Суицид не только забирает жизни, но и оказывает огромное влияние на окружение суицидента. Наблюдаемые последствия включают социально-психологическую дезадаптацию его ближайших социальных контактов (родственников, друзей, коллег). У них часто отмечается снижение экономической продуктивности, ослабление политической вовлеченности, уменьшение общей социальной активности и резкое увеличение риска развития суицидальных тенденций [1, с. 903-905].

Люди с инвалидностью имеют ряд сложностей специфического характера, вызванного их болезнью, часто они используют эмоционально-ориентированные стратегии для борьбы со стрессом (положительную переоценку и избегание) [1, с. 905; 2, с. 181]. Обнаруженная в прошлых исследованиях взаимосвязь между бегством-избеганием и суицидальным риском, показывает важность и необходимость проведения дальнейших исследований данного вопроса [2, с. 182; 3, с. 18].

Волонтеры в процессе своей деятельности часто сталкиваются с конфликтами, проблемами и трудными жизненными ситуациями, в которых оказываются люди, о которых они заботятся. От умения эффективно разрешать подобные стрессовые обстоятельства и продолжать работать, контролируя и регулируя при этом свои эмоциональные и поведенческие реакции, зависит не только продуктивность их деятельности, но и особенности восприятия своей жизни [4, с. 11].

Исследование проводилось на базе первичной организации Фрунзенского района Минской городской организации общественного объ-

единения «Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам», также среди испытуемых были волонтеры и подопечные ОО «Благотворительного детского хосписа» и Учреждения «Связанные добром с Викторией»).

В нем приняло участие 160 испытуемых в возрасте от 18 до 40 лет. Из них 53 лица, имеющие инвалидность (далее-ЛИИ), 50 волонтеров или работающих с людьми, имеющими инвалидность (далее-ВРЛИИ) и 57 – не имеющих ограничений жизнедеятельности (далее-ЛНИОЖ)

Диагностический комплект исследования включал в себя методику П.И. Юнацкевича для выявления склонности к суицидальным реакциям (Тест «СР-45» П.И. Юнацкевич) [5, с. с.42] и методику «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус, С. Фолкман; адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой) [6, с. 138].

Анализ полученных данных показал, что у ЛИИ преобладает стратегия положительной переоценки (ср.знач.= $56,83 \pm 10,71$) у 43,40% (23 человека) и бегство-избегание (ср.зн. = $55,74 \pm 7,68$) у 26,42% (14 человек). Такие стратегии, как конфронтация (ср.знач.= $54,09 \pm 10,32$) и планирование решения (ср.знач.= $54,98 \pm 9,91$) являются выраженными у 30,19% (16 человек). Реже всего данная группа использует такие стратегии, как принятие ответственности (ср.знач.= $49,98 \pm 10,14$), выражено у 15,09% (8 человек), и самоконтроль (ср.знач.= $50,79 \pm 7,82$) – у 11,32% (6 человек).

У ВРЛИИ наиболее популярными стратегиями оказались бегство-избегание (ср.зн.= $59,17 \pm 7,29$), выраженное использование у 42% (21 человек), и положительная переоценка (ср.зн.= $56,00 \pm 10,77$) – у 38% (19 человек). Интересен тот факт, что стратегия поиска социальной поддержки (ср.зн.= $55,60 \pm 10,99$) выражена у 44% волонтеров (22 человека), а стратегия бегства-избегания (ср.зн.= $55,60 \pm 10,99$) – у 42% (21 человек). Реже всего ВРЛИИ используют стратегию дистанцирование (ср.знач.= $50,02 \pm 9,99$). Она выражена только у 12% (6 человек).

ЛНИОЖ склонны к стратегии бегство-избегание (ср.зн.= $59,79 \pm 9,62$). Она является выраженной у 49,12% (28 человек), причем ее использование значительно превышает остальные виды копинга. Следует отметить, что стратегия положительной переоценки (ср.зн.= $51,09 \pm 10,12$) в данной группе, в отличие от двух предыдущих, выражена слабо, только у 21,05% (12 человек), тогда как у ЛИИ и ВРЛИИ она является одной из самых часто используемых. Менее популярные стратегии у ЛНИОЖ: поиск социальной поддержки (ср.зн.= $50,11 \pm 11,50$), выражены у 22,81% (13 человек), и принятие ответственности (ср.зн.= $50,30 \pm 9,55$) – у 15,79% (9 человек).

Далее приведены диаграммы, отражающие уровень суицидального риска, для каждой группы испытуемых (рис. 1; рис. 2; рис. 3).

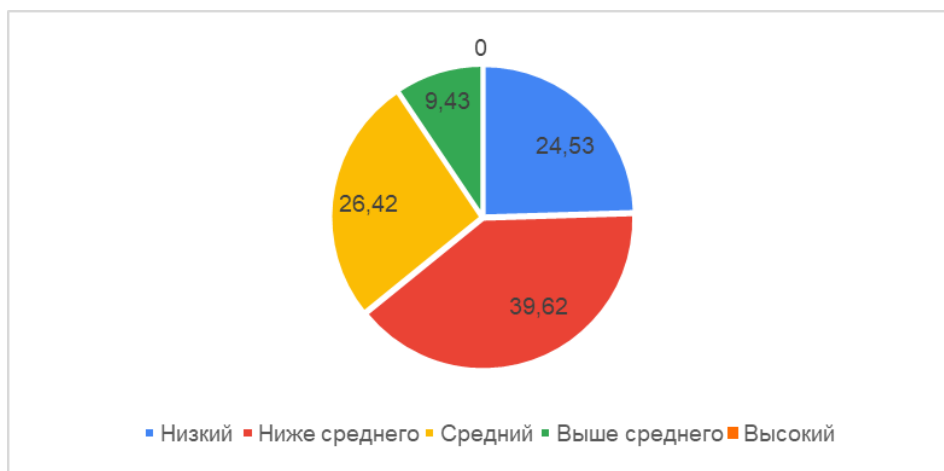

Рис. 1 - Уровень суицидального риска у лиц, имеющих инвалидность, выраженный в %.

Следует отметить, что среди людей с инвалидностью не обнаружилось ни одного испытуемого с высоким суицидальным риском. Однако определенный потенциал к самоубийству присутствует более, чем у трети испытуемых 35,85% (19 человек) (9,43% (5 человек) с риском выше среднего и 26,42% (14 человек) со средним риском.

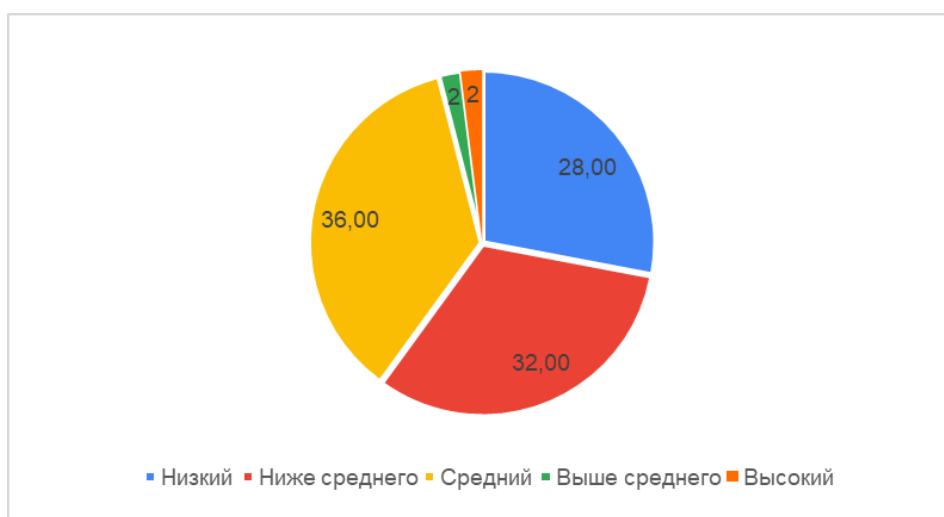

Рис. 2 - Уровень суицидального риска у волонтеров, работающих с людьми, имеющими инвалидность, выраженный в %.

Среди ВРЛИИ, в отличие от ЛИИ, есть 2% (1 человек) с высоким суицидальным риском, 2% (1 человек) – с риском выше среднего, а также 36% (18 человек) со средним риском. Следовательно, определённый риск суицида среди волонтеров можно предположить у 40% испытуемых.

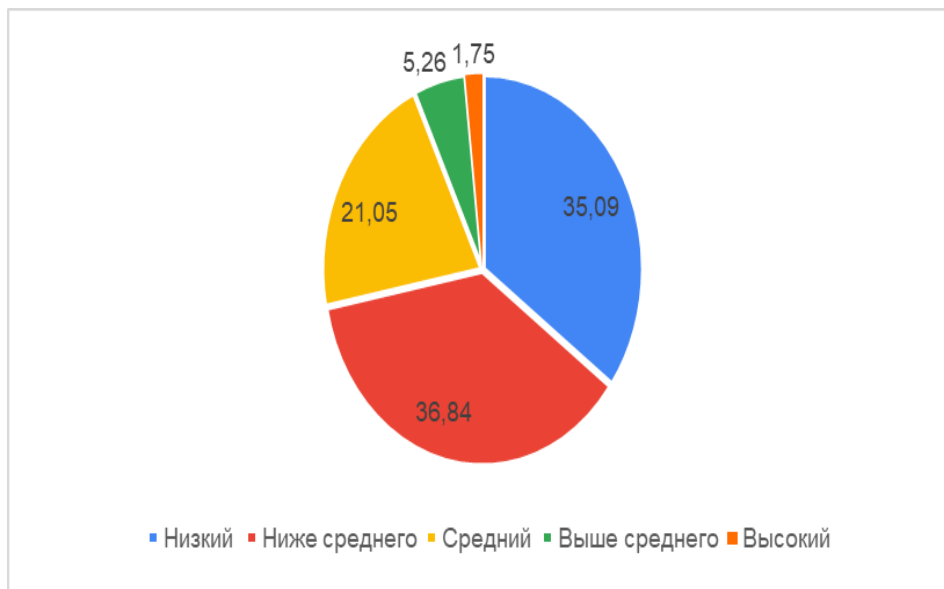

Рис. 3 - Уровень суицидального риска у лиц, не имеющих ограничений жизнедеятельности, выраженный в %.

У ЛНИОЖ также имеется 1,75% (1 человек) с высоким суицидальным риском, 5,26% (3 человека) – с риском выше среднего, и 21,05% (12 человек) со средним риском. Следовательно, возможен риск возникновения суицидоопасного поведения у 28,06% (17 человек).

Для проверки существования взаимосвязи между стратегиями совладающего поведения и суицидальным риском в каждой группе нами был проведен корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

У ЛИИ снова была обнаружена статистически достоверная прямая взаимосвязь между стратегией бегства-избегания и суицидальным риском ($r_s=0,380$; $p\leq 0,01$). Других значимых взаимосвязей между стратегиями совладающего поведения и суицидальным риском выявлено не было.

Среди ВРЛИИ выявлены две положительные взаимосвязи между конфронтацией и суицидальным риском ($r_s= 0,308$ и $p\leq 0,05$); бегством-избеганием и суицидальным риском ($r_s= 0,317$ и $p\leq 0,05$); и две отрицательные – между положительной переоценкой и суицидальным риском ($r_s= -0,402$ и $p\leq 0,01$), а также между планированием решения и суицидальным риском ($r_s= -0,297$ и $p\leq 0,05$).

В группе ЛНИОЖ имеются две положительные взаимосвязи: между бегством-избеганием и суицидальным риском ($r_s=0,420$ и $p\leq 0,05$), между самоконтролем и суицидальным риском ($r_s=0,406$ и $p\leq 0,05$); и одна отрицательная между планированием решения и суицидальным риском ($r_s=0,406$ и $p\leq 0,05$).

Для проверки существования различий суицидального риска и копинг-стратегий в трех выборках, нами был использован непараметрический статистический U критерий Мана-Уитни.

Сравнительный анализ показал, что между ЛИИ и ЛНИОЖ существуют значимые различия в использовании положительной переоценки ($U=1038$; $p\leq 0,01$) и бегства-избегания ($U=1126$; $p\leq 0,05$). Стратегию положительной переоценки чаще используют люди с инвалидностью, чем те, кто инвалидности не имеет, а бегство-избегание – лица без ограничений жизнедеятельности.

Два значимых различия обнаружены между ВРЛИИ и ЛНИОЖ в стратегиях поиска социальной поддержки ($U=1038,5$; $p\leq 0,01$) и положительной переоценки ($U=1047$; $p\leq 0,05$). Волонтеры чаще видят положительное в возникающих трудных ситуациях, а также обращаются за помощью и поддержкой к другим людям.

ЛИИ и ВРЛИИ имеют различие в стратегии бегство-избегание ($U=988,5$; $p\leq 0,05$): волонтеры чаще, чем люди, имеющие инвалидность, склонны избегать своих проблем и сложных эмоций.

В заключение следует отметить, что несмотря на различия в использовании стратегий совладающего поведения, в группах ЛИИ, ВРЛИИ и ЛНОЖ мы не обнаружили статистически достоверных различий в проявлении суицидального риска. Однако, стратегия бегство-избегания имеет статистически значимую положительную взаимосвязь с суицидальным риском во всех трех группах, которая позволяет предположить, что избегание проблем, вероятно, будет повышать суицидальный риск вне зависимости от социального положения испытуемых.

Библиографические ссылки

1. *Тарасевич В. А., Басинская И.В.* Проблема суицидального риска у людей с инвалидностью // Человек. Культура. Общество: материалы XXI ежегодн. науч.-конф., Минск, 26 апр. 2024 г.: в 1 т. / Белорус. гос. ун-т; рекол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) и др. Минск, 2024. Т. 1. С. 903-108.

2. *Тарасевич В. А., Басинская И.В.* Образовательная среда и совладающее поведение как антисуицидальные факторы у людей с инвалидностью // Перспективы развития высшей школы: материалы V межд. науч.- конф., Тюмень, 25 мая 2024 г.: в 3 т. / Тюменский индустр. ун-т; ред.: Л.К. Иляшенко. Тюмень, 2024. Т.2 С. 179.

3. *Тарасевич В. А., Басинская И. В.* Взаимосвязь копинга и суицидального риска у людей с инвалидностью в Беларуси // Научные результаты в социальной работе:

Международный рецензируемый научный онлайн журнал открытого доступа БелГУ, г. Белгород, 2025 Т. 4, № 1 / НИУ «БелГУ»; редкол.: К. Ю. Королева (гл. ред.) [и др.]. Белгород: 2025. С. 13-22.

4. Горбанева М. В. Стресс в работе студентов-волонтеров [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2019. № 2. С. 10-13. URL: <https://moluch.ru/archive/240/55609/> (дата обращения: 22.04.2025). (дата обращения: 14.04.2025).

5. Пергаменчик Л. А. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. Санкт-Петербург: изд. Гревцова, 2012.

6. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York: Springer Publishing Company, 1984.

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЛИЧНОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

А. Н. Фадеев

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, fadalx23@gmail.com
Научный руководитель — Е. С. Макеева, кандидат психологических наук. доцент*

В статье представлены результаты научного исследования, посвященного проблеме защитных механизмов личности и копинг-стратегий у пожилых людей. В качестве предмета исследования выступили механизмы психологической защиты и стратегии совладания людей пожилого возраста.

Ключевые слова: защитные механизмы личности; копинг-стратегии; люди пожилого возраста; наличие – отсутствие ограничений по физическому здоровью.

На современном этапе развития нашего общества важное значение приобретает проблема психологического здоровья людей пожилого возраста. Оно является необходимым условием полноценного функционирования и развития человека в процессе его жизнедеятельности. Оно представляет собой состояние субъекта активности, которое позволяет ему полноценно развиваться, своевременно адаптироваться к меняющимся социальным условиям и организовывать свое поведение (жизнедеятельность), удовлетворяя основные потребности в обществе в социально приемлемых формах с учетом интересов и деятельности других людей [1, с. 53].

Ведущей функцией психологического здоровья является поддержание активного динамического баланса между человеком и окружающей средой в ситуациях (стрессогенного, фрустрационного, конфликтного и кризисного происхождения), требующих мобилизации всех ресурсов личности [2, с. 4]. Поэтому одним из главных компонентов психологического здоровья выступает защитно-совладающее поведение, представляющее собой структурно-уровневую систему состоящую из стратегий защиты и копинг-механизмов. Оно выполняет функцию снятия тревожного напряжения и стабилизации Я-концепции индивида. Адаптивный характер данного поведения способствует эффективному преодолению субъектом трудных жизненных ситуаций.

Целью нашего исследования было провести анализ психологических защит личности и стратегий совладания с жизненными трудностями у людей пожилого возраста.

В качестве методик исследования мы использовали: тест-опросник «Механизмов психологической защиты», разработанный Р. Плутчиком, в адаптации Е.С. Романовой, и Л.Р. Гребенникова. [3, с. 73] и методику

«Модели преодолевающего поведения» (шкала «SACS» С. Хобфолла) [4, с. 271].

Для оценки статистической значимости результатов проведенного исследования мы применяли: 1) критерий Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллиефорса, позволивший подсчитать «нормальность» математического распределения полученных данных в анализируемой выборке; 2) Хи-квадрат критерий Пирсона, который дал нам возможность выявить статистическую значимость различий психологических защит и копинг-стратегий у людей пожилого возраста.

Исследование проводилось на базе ГУ «Дрогоичинский ТЦСОН». Выборку исследования составили 60 людей пожилого возраста. Возраст испытуемых варьировал от 61 до 75 лет.

Проведенное исследование позволило разделить анализируемую выборку на две части и выявить групповой профиль защитных механизмов личности у людей пожилого возраста, а также определить особенности его функционирования. Структура стратегий защиты испытуемых, входящих в первую группу – 65 %, представлена «подавлением» и «проекция». Это указывает на наличие у большинства респондентов негативных переживаний, вызванных реальным или мнимым неприятием со стороны окружающих, которое, в свою очередь, приводит к само-неприятию. Помимо этого использование данных механизмов позволяет людям пожилого возраста подавлять негативные переживания связанные с трудными жизненными ситуациями стрессового, конфликтного, фрустрационного и кризисного происхождения.

Защитный профиль личности второй группы испытуемых – 35 %, представлен такими механизмами как: «регрессия», «замещение» и «интеллектуализация». Это свидетельствует о наличии у части людей пожилого возраста повышенного уровня тревожности, чувства неуверенности в себе, а также страха неудачи связанного с проявлением инициативы.

Дальнейший анализ результатов позволил определить статистическую значимость процентного распределения участников попавших в названные выше группы по степени («нормативная» - «ненормативная») выраженности у них защитных механизмов личности с помощью Хи - критерия Пирсона. В первой группе людей пожилого возраста доминирует «нормативное» функционирование стратегий защиты (при $p=0,01^{**}$) в отличие от второй группы испытуемых, где преобладает «ненормативное» функционирование психологических защит.

Результаты проведенного исследования указывают, что чуть меньше половины респондентов (37%) имеют высокие показатели по шкалам:

– «осторожные действия», т.е. испытуемые, стремящиеся найти помощь в решении собственных проблем силами и средствами других людей, также часто используют осторожные действия в качестве стратегии преодоления;

– 35% – «агрессивные действия», т.е. пожилые люди агрессивно реагируют на различные конфликтные ситуации;

– 33% – «импульсивные действия», т.е. испытуемые склонны действовать по первому побуждению, под влиянием ситуационных стимулов, эмоций, влечений, без обдумывания своих поступков, взвешивания альтернативных вариантов действий (особенно подразумевающих отсроченное вознаграждение).

– 32% – «ассертивные действия». Для испытуемых характерно позитивное поведение человека, демонстрирующего самоуважение и уважение к другим.

– 32% – «асоциальные действия», т.е. поведение и поступки испытуемых не соответствуют общепринятым нормам и правилам.

Большинство пожилых граждан имеют низкие показатели по следующим шкалам: «избегание» (43%) и «манипулятивные действия» (40%).

Обращает на себя внимание тот факт, что у пожилых людей высокое распространение осторожных, импульсивных и асоциальных действий сочетается с высоким распространением стратегии ассертивного действия.

Стратегия вступления в социальный контакт развита у значительно меньшего числа респондентов, а высокий уровень избегания проявляется лишь у 28% опрошенных.

По отдельным стратегиям совладания с жизненными трудностями были обнаружены статистически значимые различия: «ассертивные действия», «избегание» и «осторожные действия», о чем свидетельствует значение Хи-квадрат критерия Пирсона, позволившего проанализировать процентное распределение выраженности данных механизмов в анализируемой выборке $\chi^2=11,34$, при $p=0,01^{**}$.

Таким образом, у людей пожилого возраста выраженными являются такие психологические защиты как подавление, регрессия, проекция, замещение и интеллектуализация. Среди пожилых испытуемых распространены такие стратегии совладания как: «ассертивные действия», «избегание» и «осторожные действия».

Библиографические ссылки

1. *Крюкова Т. Л.* Психология совладающего поведения. Монография. Кострома: Авантитул, 2004.

2. *Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.

3. *Романова Е. С., Гребенников Л. Р.* Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Талант, 1996.

4. *Водопьянова, Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. С. 271–277.

ОСОБЕННОСТИ И ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ И УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ПОДРОСТКОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В УО «МИНСКОМ СУВОРОВСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ»

Е. А. Ходунова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, malinko1995katya@mail.ru
Научный руководитель - Л. П. Васильева, кандидат биологических наук, доцент*

Статья посвящена изучению и взаимосвязи учебной мотивации к успешной адаптации, среди подростков на начальном периоде обучения в УО «Минской Суворовском Военном Училище». Исследована характеристика личностного адаптационного потенциала, а также их качество жизни в период обучения. Проведён статистический анализ взаимосвязи мотивации и успешности адаптации подростков. Материалы данного исследования могут быть полезны будущим и работающим специалистам по социальной работе, психологам, педагогам при оказании психологической, социально-психологической, социально-педагогической, педагогической помощи лицам подросткового возраста и их успешной адаптации.

Ключевые слова: социальная помощь; психологическая помощь; педагогическая помощь; учреждение образования; адаптация; подростки.

Одним из звеньев системы военного образования являются суворовские военные училища, которые представляют собой начальную ступень поэтапной подготовки высококвалифицированных специалистов Министерства обороны. На данный период в суворовские училища набирают подростков от 12 до 13 лет по окончании ими 6 класса общеобразовательной школы. Военные училища предъявляют повышенные требования к воспитанникам в плане физической, интеллектуальной подготовки и личностных свойств. При поступлении в военные учебные заведения возникает немало трудностей для младших подростков: казарменное размещение, подчинение распорядку дня, сочетание учебы с выполнением обязанностей военной службы, изменение режима и рациона питания, необходимость действовать в соответствии с требованиями общевоинских уставов, высокий уровень требований к качеству усвояемого учебного материала, повышенные на начальном этапе физические нагрузки [1, с.2].

Подростничество описывается как самый трудный и сложный период из всех детских возрастов, связанный со становлением личности. Главные мотивационные линии этого возрастного периода, связанные с

активным стремлением к личностному самосовершенствованию, — это самопознание, самоутверждение и самовыражение [1, 2, 3].

Подростковый возраст предполагает, что к личности ребенка предъявляются новые требования, касающиеся социально-психологических, физических и интеллектуальных аспектов. Социальная необходимость позволяет основательно подойти к выбору профессии; Формируются социальные мотивы, способные подтолкнуть на выбор профессии, соответствующей окружению с целью получения авторитета и одобрения окружающих. Этот тип мотива крайне важен для самовоспитания и самосовершенствования человека [3,4,5].

Отрицательные характеристики учебной мотивации подростка объясняются рядом причин. Незрелость оценок подростком собственной личности и других людей приводит к трудностям во взаимоотношениях с окружающими. Стремление к взрослости и нежелание быть отстающим среди сверстников вызывают внешнее безразличие к мнению учителя и отметкам, которые он выставляет несмотря на то, что на самом деле подросток дорожит мнением взрослого [4].

Современные технологии и инновационные методы в области социально-психологической и педагогической практики могут значительно улучшить качество жизни подростков, помогая им адаптироваться и повышая их интерес к учебе и дисциплине. Эффективная адаптация в специализированных учебных заведениях требует комплексного подхода, который учитывает индивидуальные потребности и эмоциональное состояние подростков.

В связи с этим на базе УО «Минское Суворовское Военное Училище» было проведено исследование взаимосвязи мотивации, самооценки к успешной адаптации подростков, включая во внимания индивидуальные потребности подростков. В исследовании приняли участие 30 лиц, в возрасте 12-13 лет проживающие в базе УО «Минское Суворовское Военное Училище». Для исследования были использованы: для диагностики социально-психологической адаптации подростков использовался опросник К. Роджерса и Р. Даймонда, опросник «Учебная мотивация» (Г.А. Карпова).

Для выполнения статистического анализа применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты диагностики социально-психологической адаптации подростков с помощью опросника К. Роджерса и Р. Даймонда приведены в виде диаграммы на рисунке 1.

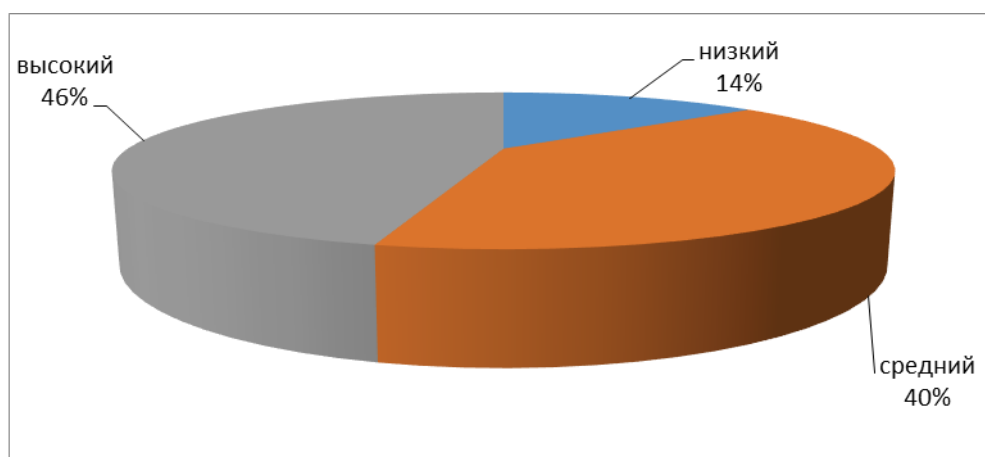

Рис.1 - Результаты диагностики социально-психологической адаптации подростков с помощью опросника К. Роджерса и Р. Даймонда

Анализируя рисунок 1, можно говорить о том, что у 46% подростков высокий уровень социально-психологической адаптации, что свидетельствует о высокой степени приспособленности к социальной среде, удовлетворенности своим положением в обществе и отношениями с окружающими людьми, о высоком эмоциональном комфорте, принятии себя, отсутствии внутриличностных проблем.

У 40% выявлен средний уровень социально-психологической адаптации, то есть характеризуются умеренной адаптированностью, приспособленностью к социальному окружению, умеренной выраженностью принятия окружающих и самих себя, эмоционального комфорта.

14% подростков имели низкий уровень социально-психологической адаптации. Для таких испытуемых, как правило, характерна низкая степень принятия других людей, неудовлетворенность своими отношениями с окружающими, низкий эмоциональный комфорт, внутренняя напряженность, непринятие себя, возможны внутриличностные конфликты.

Таким образом, анализ результатов показал, что большинство подростков обладают высоким и средним уровнем адаптивности, низкий уровень отмечался только у 14% подростков. хотя выделилась группа, нуждающихся в мероприятиях по коррекции уровня адаптации.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что большинство подростков способны успешно приспосабливаться к изменяющимся условиям окружающей среды, взаимодействуя с окружающими их людьми, при этом сохраняя себя как личность.

Изучение мотивационного профиля учащихся училища (познавательные, коммуникативные, эмоциональные, мотивы саморазвития, формирования позиции, достижения) позволили выявить следующее. Наибольшую выраженность у суворовцев имели познавательные и эмо-

циональные мотивы обучения (8,4 балла). Познавательные мотивы связаны с содержанием учебной деятельности и процессом ее выполнения. Учащиеся стремятся овладеть новыми знаниями, учебными навыками, умеют выделить занимательные факты, явления, проявляет интерес к существенным свойствам явлений, к закономерностям в учебном материале, теоретическим принципам, ключевым идеям. Коммуникативные мотивы в среднем - 7,9 балла, что тоже-хороший уровень. В среднем по группе хорошо развиты позиционные мотивы, состоящие в стремлении занять определенную позицию, место в отношениях с окружающими, получить их одобрение, заслужить у них авторитет. Эмоциональный вид мотивации (8,4 балла) заключается в стремлении получать знания, чтобы быть полезным обществу, желании выполнить свой долг, понимании необходимости учиться, высоком чувстве ответственности. Воспитанник осознает социальную значимость. Минимальную выраженность (6,8 баллов) имеет внешнее поощрение: мотивы проявляются тогда, когда деятельность осуществляется в силу долга, обязанности, ради достижения определенного положения среди сверстников, из-за давления окружающих. Подросток выполняет задание, чтобы получить хорошую отметку, показать товарищам свое умение решать задания, добиться похвалы взрослого.

Для определения взаимосвязи социально-психологической адаптации, учебной мотивации и самооценки подростков на начальном этапе обучения в Суворовском училище был выполнен статистический анализ результатов с помощью расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Полученные данные, указывают на то, что существует:

- положительная взаимосвязь мотивации достижений и адаптивности ($r_s=0,400$ при $p=0,028$);
- отрицательная взаимосвязь мотивации достижений, дезадаптивности ($r_s=-0,523$ при $p=0,003$), неприятия себя ($r_s=-0,477$ при $p=0,008$) и эмоционального дискомфорта ($r_s=-0,393$ при $p=0,032$).

Таким образом, для подростков, ориентированных на высокие достижения в учебной деятельности, характерна удовлетворенность своим положением в обществе и отношениями с окружающими людьми, высокий эмоциональный комфорт, принятие себя, отсутствие внутриличностных проблем; способность успешно приспосабливаться к изменяющимся условиям окружающей среды, взаимодействуя с окружающими их людьми, при этом сохраняя себя как личность; принятие себя такими, какие они есть, вера в свои силы и адекватное оценивание себя.

- отрицательная взаимосвязь обнаружена между внешней мотивацией и неприятием себя ($r_s=-0,376$ при $p=0,041$). Таким образом, под-

ростки, ориентированные на внешние мотивы учебной деятельности, принимают себя такими, какие они есть, не верят в свои силы и недооценивают себя.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать вывод, что существует взаимосвязь социально-психологической адаптации, учебной мотивации у подростков на начальном этапе обучения в Суворовском училище.

Исследование взаимосвязи социально-психологической адаптации и учебной мотивации подростков на начальном этапе обучения в Суворовском Военном Училище имеет большое значение как для образовательного процесса, так и для дальнейшего развития технологий в области социально-психологического сопровождения данной категории подростков в процессе обучения.

Понимание этих аспектов может способствовать созданию более эффективных методов поддержки подростков, особенно актуальных в условиях специфической среды военного училища.

В будущем эти исследования могут внести свой вклад в создание комплексных программ поддержки подростков не только в военных учебных заведениях, но и в других образовательных учреждениях. Это поможет создать более благоприятную образовательную среду, где каждый ученик сможет реализовать свой потенциал, а также обеспечит более высокие результаты в обучении и личностном развитии.

Библиографические ссылки

1. *Водолаго М. В.* Адаптация в Суворовском училище // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3-6.
2. *Истомина С. В.* Психологическое сопровождение процесса адаптации обучающихся при переходе на уровень основного общего образования // Вестн. Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. № 2. С. 72-12
3. *Реан А. А.* Психология подростка. СПб. : «Прайм-Евроникс», 2023. 480 с.
4. Формирование интереса к учению у школьников / Под ред. А. К. Марковой. – М. : Просвещение, 2016. 192 с.
5. *Чеснокова И. И.* Проблема самосознания в психологии. М. : Просвещение, 2017. 299 с.

SESSION 23. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES: INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE

INFLUENCE OF MUSIC ON YOUTH SUBCULTURES

V. I. Astrouskaya

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, veronicaostrovskaya@gmail.com
Supervisor — Y. V. Ilyushenka, Senior Lecturer*

The article examines the concept of youth subculture and its constituent elements. In addition, the influence of music on various aspects of youth subcultures is analyzed. The paper reveals how music shapes social identities and fosters the formation of communities among young people.

Keywords: youth; subculture; music influence; social identity; youth community.

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ НА МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ

В. И. Островская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, veronicaostrovskaya@gmail.com
Научный руководитель – Ю.В. Ильюшенко, старший преподаватель*

В статье рассматривается понятие молодежной субкультуры и составляющих ее элементов. Кроме того, анализируется влияние музыки на различные аспекты молодежных субкультур. Исследуется, как музыка способствует формированию социальной идентичности и развитию общности среди молодежи.

Ключевые слова: молодежь; субкультура; влияние музыки; социальная идентичность; молодежное сообщество.

Music is an integral part of human culture, serving not only as a form of entertainment but also as a powerful medium for expression and identity formation. In the realm of youth subcultures, music often acts as both a soundtrack and a unifying force. As distinct groups of young individuals converge around shared interests, music helps to shape their identities, foster community, and express unique cultural values.

To begin with, it is necessary to define the term *subculture*. Cambridge dictionary describes it, as “the way of life, customs, and ideas of a particular group of people within a society that are different from the rest of that society” [1]. Young people as a socio-demographic group are just trying to find their place in society and become its full-fledged members. Youth is free from stereotypical attitudes of thinking and prejudice, so they often try to bring their own views and thoughts, which becomes a prerequisite for the formation of youth subcultures.

Any subculture has components that can be called the constituents of a subculture or its characteristic features: knowledge (picture of the world in a narrow sense); values; style and way of life; social institutions as systems of norms; procedural knowledge (skills, abilities, methods of implementation, methods); needs and inclinations [2].

All of the above components form the basis for shaping a youth subculture, but often an equally important role is played by music.

One of the most prominent ways in which music influences youth subcultures is through identity formation. For many young individuals, music serves as a vehicle for self-exploration and personal expression. Music genres such as punk, hip-hop, and electronic dance music often reflect the emotions, struggles, and aspirations of youth. Through lyrics, melodies, and rhythms, young people find resonance with their experiences and feelings.

Various genres of music have proven effective in helping teenagers express their emotions and interact socially. For example, pop music has been underlined as a valuable mechanism for adolescents to convey their emotions, experience joy, relaxation, contentment, and melancholy, as well as investigate their emotional responses when engaging with others [4].

In addition, rock and pop music genres have been recognized as the preferred choice among teenagers, with listening to music serving as a means for teenagers to relax and regulate their affective emotional state [6].

Moreover, studying how different music genres affect the cognitive and emotional skills of adolescents reveals that genres like jazz, hip-hop, pop, and classical music influence patterns of energy, stress, mood, and calmness. This suggests a connection between various emotional and cognitive elements. Thus, diverse music genres play a crucial role in helping teenagers express themselves effectively.

Involvement in the music community plays an important role in assisting adolescents in improving their social skills through connection facilitation, confidence enhancement, and anxiety reduction [5]. Music engagement not only contributes to the advancement of social skills but also enriches emotional intelligence, self-control, and relaxation, all of which are fundamental components of social growth [3].

What is more, shared musical experiences contribute to the formation of rituals and traditions within subcultures. For instance, the rave culture, deeply rooted in electronic dance music, revolves around specific venues, attire, and dance styles. The communal aspects of these gatherings – such as dancing, sharing experiences, and the euphoric feelings music can induce – strengthen social bonds.

Music facilitates collective identity among members of youth subcultures. When individuals discover shared music tastes, they build connections that transcend mere friendship; they form a collective identity. This sense of belonging is often reinforced in concert settings, where fans come together in a shared experience, feeling a part of something larger than themselves.

The influence of music on youth subcultures extends to cultural expression. Music serves as a canvas for artistic expression, allowing young artists to channel their thoughts, emotions, and critiques of society.

Furthermore, the fashion and aesthetics associated with music genres further illustrate the cultural expression within youth subcultures. Each genre has its own visual style – from the flamboyant outfits of rock stars to the casual streetwear of hip-hop artists – that influences how young people dress and present themselves. This expression through fashion complements the music, creating a holistic subcultural identity that is unique, recognizable, and often countercultural.

To conclude, the influence of music on youth subcultures is profound, shaping identities, fostering social cohesion, and facilitating cultural expression. As young people navigate the complexities of self-discovery and peer relationships, music serves as an essential element in their experience. It allows them to find their own voices, connect with others, and articulate their beliefs and values. As society continues to evolve, the role of music in youth subcultures will remain significant, reflecting the ever-changing landscape of culture and identity in the lives of young individuals. Through music, youth not only express who they are but also who they hope to become, making it an essential component of their journey.

References

1. *Belokopytova, E. I.* Structure of youth subculture / E. I. Belokopytova. // Cultural studies analytics. 2005. № 4. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-molodezhnoy-subkultury> (date of access: 14.04.2025).
2. Cambridge dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 14.04.2025).

3. *Mogro-Wilson, C.* Influencing Social and Emotional Awareness and Empathy with a Visual Arts and Music Intervention for Adolescents / Mogro-Wilson, C., Tredinnick, L. // *Children & Schools*. 2020. №2. P. 111–119. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1093/cs/cdaa008> (date of access: 14.04.2025).

4. *Oriola Requena, S.* Youth bands and choirs as a resource for the integral development of adolescents / Oriola Requena, S., Gustems Carnicer, J., Filella Guiu, G. // *Complutense Electronic Journal of Research in Music Education*. – 2018. – Vol. 15. – P. 153–173. – [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.5209/RECIEM.58813> (date of access: 14.04.2025).

5. *Ramaiah, D. P.* The Effects of Music on Adolescent People's Intellectual, Social, and Personal Development / Ramaiah, D. P. // *Journal of Humanities, Music and Dance* № 21. 2022. P. 1–18. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.55529/jhmd.21.1.18> (date of access: 14.04.2025).

6. *Zorkeply @ Zulkifli, N. S.* Pop Music and its Role as a Communicative Medium to Express Emotions among Youth / Zorkeply @ Zulkifli, N. S., & Tengku Mahamad, T. E. // *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. – 2022. – №11. P. 1199–1214. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.6007/IJARBSS/v12-i11/14588> (date of access: 14.04.2025).

EMOTIONAL ALIENATION: THEORETICAL CONNOTATION AND CORE CHARACTERISTICS

Cao Wenmin

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, caowenmin04@gmail.com
Supervisor — I.M. Nalivaika, Doctor of Philosophy, Associate Professor*

This abstract examines emotional alienation through Marxian alienation theory, Frankfurt School critiques, and digital capitalism analysis. It identifies emotional alienation as modernity's crisis rooted in capital logic and techno-rationality's dual colonization of affect, manifesting as emotion commodification, instrumentalization, and ontological estrangement. The abstract contends emotional alienation transcends labor alienation derivatives to constitute structural ruptures in digital-era social relations. Ultimately, it calls for reconstructing affective politics through critiquing capital-technological governance systems to forge emancipatory pathways.

Keywords: emotional alienation; capital logic; digital capitalism; crisis of subjectivity.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Цао Вэньминь

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, caowenmin04@gmail.com
Научный руководитель — И.М. Наливайко, кандидат философских наук,
доцент*

Данный доклад исследует феномен эмоционального отчуждения через призму марксистской теории отчуждения, критической теории франкфуртской школы и анализа цифрового капитализма. В работе эмоциональное отчуждение определяется как кризис современности, укоренённый в логике капитала и двойной колонизации воздействия техно-рациональностью, что проявляется в товаризации эмоций, их инструментализации и онтологическом отчуждении. Автор утверждает, что эмоциональное отчуждение выходит за рамки производных от отчуждения труда, формируя структурные разрывы в социальных отношениях цифровой эпохи. В конечном счете предлагается реконструкция аффективной политики через критику систем капиталистически-технологического управления для создания эмансипаторных перспектив.

Ключевые слова: эмоциональное отчуждение; логика капитала; цифровой капитализм; кризис субъективности.

I. The Theoretical Connotation of Emotional Alienation: from Labor

Alienation to Biopolitical Turn

1. Foundation and Expansion of Marx's Alienation Theory

In Economic and Philosophic Manuscripts of 1844, Marx elucidates the fourfold nature of alienated labor: the estranged relationships between workers and their labor products, labor processes, species-being, and interpersonal relations. Workers' created wealth becomes an alien force dominating them, labor processes devolve into self-negating agony, the free essence of species-life is distorted by the compulsory imperative of capital accumulation, and human relations are reified [4]. This analytical paradigm, which links the externalization of human essence to capitalist domination, provides an ontological framework for studying emotional alienation.

Wendling argues that Marx's critique of 19th-century technological transformation reveals the duality of emotional alienation: technology serves both as a vehicle for emancipatory potential and as a tool for capital's disciplining of affect. For instance, industrial mass production not only strips workers of control over their products but also suppresses emotional expression through standardized operations, internalizing fear and a sense of powerlessness as psychological norms [6]. By integrating technological critique with emotional alienation, this perspective transcends the labor-centric limitations of traditional alienation theory, situating affective estrangement within capital's comprehensive biopolitical disciplining rather than reducing it to individual psychology.

2. The Frankfurt School's Cultural-Psychological Critique

Horkheimer and Adorno's critique of instrumental rationality in Dialectic of Enlightenment unveils the technologization of affective experience: the "like economy" on social media reduces emotions to quantifiable data symbols [7], while algorithmic recommendation systems engineer "dependency-driven happiness" through emotional manipulation. Fromm's analysis of market principles further demonstrates that emotional relationships in consumer society are alienated into "transactional exchanges of personhood" – epitomized by conditional matching in dating markets and emotional labor in workplaces, both reflecting the instrumental rationalization of affect [3]. Honneth's recognition theory, from an intersubjective dimension, posits that the essence of emotional alienation lies in "relationless relations", where in capital logic erodes the ethical foundation of emotional recognition [9].

3. The Political Economy of Affect in Digital Capitalism

Rey's concept of the "prosumer" exposes the covert exploitation of emotional labor on social media: user-generated content (UGC) is expropriated without compensation by platform capital, reducing emotional expression to raw material for data production [7]. Han Byung-Chul, in the book *The*

Transparency Society, critiques digital technology for rendering emotions transparent through “like culture” and the “exhibitionist society,” dissolving affect’s negativity and depth while reducing intimacy to “calculable sensory stimuli [5]”. Turkle’s empirical research demonstrates that technological dependency replaces authentic interaction with “virtual emotional compensation,” manifesting emotional alienation as “solitude amidst hyper-connectivity [8]”.

II. The Core Characteristics of Emotional Alienation: the Collusive Structure of Capital and Technology

1. Commodification of Affect and Data Colonialism

As a source of surplus value, digital platforms extract emotional labor e.g., social media interactions e.g., social media interactions through the harvesting and analysis of affective data, monetizing users’ emotional expressions as targeted advertising revenue. The consumerist reconfiguration of emotional symbols – such as encoding “romance” and “nostalgia” as commodified signifiers – fabricates artificial desires through affective marketing strategies [2].

2. The Colonization of the Affective Sphere by Instrumental Rationality

The technologization of emotional expression – evident in standardized etiquette training and AI-mediated emotional substitution – subjugates affect to efficiency imperatives Horkheimer [1]. Functional alienation in emotional relationships manifests in workplace emotional labor, where employees perform prescribed affective states, resulting in the schism between authentic selves and professional personas.

3. Ontological Self-Alienation

Social media transforms self-expression into a spectacle of idealized affect, where users meticulously craft emotional displays (e.g., Instagram’s #blessed gratitude, TikTok’s exaggerated reactions) while suppressing “unpalatable” feelings. This emotional performativity exacerbates a crisis of empathy. The annihilation of alterity arises as algorithmic recommendation systems create “filter bubbles,” trapping individuals in self-reinforcing cognitive loops that obliterate capacity for genuine intersubjective dialogue.

Conclusion

Emotional alienation, as a pivotal concern in social philosophy, not only mirrors the existential predicaments of humanity within modernity but also exposes the systemic reconstitution of affective structures by capital power and technological governance. Future research must deepen its interrogation of the political-economic mechanisms and cross-cultural divergences of emotional alienation under digital capitalism, while advancing decolonizing

praxis in the affective domain to cultivate authentically embodied communities of solidarity.

References

1. *Brewer, T.* On Alienated Emotions. In Bagnoli, Carla, *Morality and the Emotions*. / T. Brewer // Oxford University Press, England, 2011. P. 199.
2. *Burkitt, I.* Alienation and emotion: Social relations and estrangement in contemporary capitalism / I. Burkitt // *Emotions and Society*. № 1. 2019. P. 51 – 66.
3. *Chen, Yanjie.* Analysis of Fromm's alienation psychological theory and its contemporary value / Yanjie Chen // *Advances in Psychology*. 2023. Vol.13 (8). P. 3144–149.
4. *Du, Meiping.* Alienated Labor: A Classic Topic – A Brief Analysis of the Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 / Meiping Du // *Frontline*. 2015. Vol. 02. P. 66–70.
5. *Han, Byung-Chul.* *The Transparency Society*. Stanford University Press, California, 2015.
6. *Maidan, M.* Karl Marx on Technology and Alienation / M. Maian // *Critique*. 2011. Vol. 39. P. 322–324.
7. *Patella-Rey, P.J.* Alienation, Exploitation, and Social Media / P.J. Patella-Rey // *American Behavioral Scientist*. № 56. 2012. P. 399–420.
8. *Turkle, S.* *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other* / S. Turkle // Basic Books. New York. 2011. P.289
9. *Zhou, Chunlin, Li, Zhen.* Rethinking emotional alienation: A micro perspective on life / Chunlin Zhou, Zhen Li // *Chronicle of Social Critical Theory*. № 16. 2023.

EVOLUTION OF MEDIA CONSUMPTION IN THE DIGITAL AGE AND ITS CONSEQUENCES

T. M. Chernyak

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, phs.chernyakTM@bsu.by
Supervisor — E. G. Hilevich, Senior Lecturer*

The article considers the effect of media evolution under the influence of digital technologies: the transition from traditional mass media to online platforms, changes in information consumption patterns and social interactions. The main characteristics of modern media are analyzed, including algorithmization, fragmentation. Particular attention is paid to such trends, fragmentation of information, decreased trust in information, fragmentation of audience, and their consequences. In conclusion, there is a need to adapt to the new realities of the media space.

Keywords: evolution of media; information consumption; online platforms; media decentralization; algorithmization; fragmentation of information.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ МЕДИА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Т. М. Черняк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, phs.chernyakTM@bsu.by
Научный руководитель — Е.Г. Гилевич, старший преподаватель*

В статье рассматривается эволюция медиа под влиянием цифровых технологий: переход от традиционных масс-медиа к онлайн-платформам, изменения в моделях потребления информации и социальных взаимодействиях. Анализируются ключевые характеристики современных медиа, включая алгоритмизацию, фрагментацию аудитории. Особое внимание уделяется таким тенденциям, как фрагментация информации, снижение доверия к информации, фрагментация аудитории, а также их последствиям. В заключении подчеркивается необходимость адаптации к новым реалиям медиaprостранства.

Ключевые слова: эволюция медиа; потребление информации; онлайн-платформы; децентрализация медиа; алгоритмизация; фрагментация информации.

With the emergence of digital technologies, the concept of media as well as the principles of its operation, have undergone tremendous changes. Traditional media have given way to online platforms, where, unlike traditional media with their broadcasting schedules, users are provided with

the opportunity to decide independently what, where, and which content to consume. This shift has affected not only the sphere of entertainment in our lives but also social interactions, political communication, information accessibility, and the perception of information in general.

The main characteristics of current media are accessibility, user-generated content, algorithmization, high interactivity, and audience fragmentation.

Before the widespread proliferation of the internet and devices through which users could access the internet, content distribution sources were television, radio, and print media. The main features of traditional media were centralized broadcasting with fixed schedules, limited choices, and low interactivity. With the advent of the internet in the 2000s, media decentralization began. The first social networks emerged (the first step towards user-generated content), allowing content exchange and distribution through the network, impacting the music and film industries. Additionally, the first online news resources appeared, which at the time could hardly be considered serious alternatives to traditional media.

The next stage in media evolution, the era of mobile and social media, began in the 2010s and continues today. The emergence of mobile devices capable of accessing the Internet and the significantly increased coverage area of Internet networks have expanded dramatically and continue to grow. According to the Ericsson portal, the number of smartphones increased from 1.1 billion in 2012 to 7.4 billion in 2025 [1]. The current stage of media evolution is characterized by the dominance of social networks in the media field in the sense we are familiar with. It is marked by the transition from offering content purchase to merely providing access to it through specific platforms, and, most importantly, algorithmization, which allows users to consume content similar to what they previously liked on a larger scale.

Now let us consider the current trends in information presentation and consumption on digital media. Firstly, there is a stable tendency to present information fragmentarily, emphasizing quantity rather than quality [2], which is adapted to reduced concentration among information consumers, the so-called clip thinking. With this type of thinking, a person perceives information fragmentarily, in short segments and vivid images [3]. The reasons for its spread are not only the hotly disputed social networks dominated by the content type that requires rather than deep and extensive information processing. Clip thinking is a kind of attempt by our brain to adapt to large streams of information when the brain simply filters data, selecting the simplest and brightest ones. What about fragmentation of information? Information is fragmented, which makes it difficult to maintain

a complete picture. Fragmented data is easier to distort or take out of context. Excessive fragmentation makes it difficult to find reliable sources.

There is also a tendency towards fragmentation of audience. We can trace the shift from mass audiences to niche communities and growing influence of local bloggers and independent content creators. Today, audiences are increasingly dispersed across niche communities, which contributes to algorithmic personalization, and consumers' demand for tailored content. As a result, local bloggers, micro-influencers, and independent creators now have substantial influence, often outperforming traditional media in engagement and trust within their dedicated circles.

Another tendency we can reveal is a tendency towards audience's loss of trust in media due to an overload of information with alternative versions of the same event. Evidence of this thesis is a survey conducted by the Higher School of Economics among the population (aged 14 and older) in 2022, which found that slightly more than half of internet users (50.4 %) had recently encountered online information they doubted. Only 57.3 % of Russians who encountered suspicious information attempted to verify its authenticity [4].

The evolution of digital media and new trends in information consumption led to weakening of offline communication, which can adversely affect psychological health. An example of this negative impact is a 2014 study involving over 1,500 respondents aged 19-32 from the United States. Through surveys, researchers measured the frequency and duration of social media usage. The study found that users spending more than 2 hours daily on social media experienced feelings of social isolation twice as frequently as those limited to 30 minutes. Participants visiting social media 58+ times weekly reported loneliness three times more often than those who accessed platforms fewer than 9 times weekly [5].

There are some other negative consequences that include decline of print media since advertising revenues are shifting to tech giants, which forces newspapers to shut down; digital addiction and loss of productivity as well as user data leaks which platforms collect for content recommendations and ad personalization.

The evolution of media consumptions has a number of positive effects. Positive consequences include a certain globalization of culture, the emergence of new forms of creativity, content personalization, information accessibility. Through the globalization of culture users gain the ability to consume information and content outside their cultural field. Likewise, niche communities and independent creators transcend geographical boundaries, offering audiences diverse opportunities. A good example of this is the large number of trends from TikTok that came to us from Western culture. Thanks

to information personalization, content discovery has become easier; algorithms tailor content to the user's interests, reducing the time needed to find the desired information. As for information accessibility, in the past, access to certain types of information required purchasing books or subscribing to media, whereas now everyone has the opportunity to obtain information.

To sum up. As we know, progress is inevitable, and the evolution of content consumption has changed many aspects of life. New challenges have emerged that we must respond to. It is necessary to adapt to these conditions and think of the ways to rationalize information consumption.

References

5. Ericsson Mobility Visualizer [Electronic resource] // Ericsson : website. 2012 – 2024. URL: <https://www.ericsson.com/en/reports-and-papers/mobility-report/mobility-visualizer> (date of access: 19.04.2025).
6. *Иванова А. Н.* Клиповое мышление как феномен современного общества [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2019. № 3. С. 45–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-kak-fenomen-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 19.04.2025).
7. *Борисова А. А., Станкевич Н. Л.* Клиповое мышление [Electronic resource] // Современные проблемы психологии и педагогики : сб. науч. тр. / БГПУ ; редкол.: [гл. ред. и др.]. Минск : БГПУ, 2021. URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/54139> (дата обращения: 19.04.2025).
8. *Щербаков Р.А.* Фейки, или поиск правды в интернете [Электронный ресурс] : сайт. Москва. URL: <https://issek.hse.ru/news/843101496.html> (дата обращения: 19.04.2025).
9. Хабр [Электронный ресурс] : сайт. 2018 – 2024. URL: <https://habr.com/ru/articles/402139/> (дата обращения: 19.04.2025).

CULTURAL DIFFERENCES ON CONSUMER DECISION-MAKING

Guo Yuhuan

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, guoyuhuan168@gmail.com;
Supervisor – G. A. Fofanova, Doctor of Sciences in Psychology, Associate Professor*

The article focuses on the cultural differences in consumer decision-making in the context of globalization, with a special focus on the decision-making behavioral characteristics of Chinese and Belarusian consumers. Based on G. Hofstede's theory of cultural dimensions, the consumption decision-making patterns of Chinese and Belarusian consumers under two dimensions are analyzed in depth. It shows how these cultural differences influence consumption to form geographically different consumer behavioral manifestations, revealing the important role of cultural factors in consumer decision-making.

Keywords: consumer decision-making; Hofstede's theory of cultural dimensions; Chinese-Belarusian consumer comparison.

КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРИНЯТИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РЕШЕНИЙ

Го Юйхуань

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, guoyuhuan168@gmail.com
Научный руководитель – Г.А. Фофанова, кандидат психологических наук, доцент*

В статье внимание сфокусировано на культурных различиях в принятии потребительских решений в контексте глобализации с особым акцентом на поведенческих характеристиках принятия решений китайскими и белорусскими потребителями. На основе теории культурных измерений Г. Хофстеде анализируются модели принятия потребительских решений китайскими и белорусскими потребителями в двух измерениях. Показано, как эти культурные различия влияют на потребление, формируя географически различные проявления потребительского поведения, раскрывая важную роль культурных факторов в принятии потребительских решений.

Ключевые слова: принятие потребительских решений; теория культурных измерений Хофстеде; сравнение китайских и белорусских потребителей.

In the context of globalization, cross-cultural differences in consumer behavior have become the focus of academic and business attention.

Consumers' needs, behavioral tendencies, purchase motives and decision-making patterns vary significantly across cultures, which is the deeper influence of culture as a cognitive framework and value coordinate. Culture not only shapes individual cognitive patterns and behavioral habits, but also reshapes consumer needs, attitudes and brand preferences through value penetration. Based on Hofstede's theory of cultural dimensions, this paper analyzes the differences in consumer decision-making between Chinese consumers and Belarusian consumers from the perspective of cultural genes [1].

Geographical variations in consumer behavior. Under the influence of interwoven cultural, economic and social environments, geographical differences play a significant role in consumption motivation, demand structure and decision-making process. Specifically, geographical differences lead to multifaceted differences in consumption characteristics: different cultures lead to differences in product preferences, with pragmatic cultures favoring fully functional products and symbolic cultures placing more importance on brand symbolism; differences in economic levels lead to different price sensitivities, with Belarusian consumers affected by the uncertainty of the economic transition period and more concerned about cost-effective pricing than their Chinese counterparts; and there are differences in the tendency of channel selection, with differences in the preferences for offline experiences and the acceptance of online experiences, reflecting differences in geographical technology penetration and cultural trust. Differences in channel preference, offline experience preference and online acceptance reflect the differences in the degree of technology penetration and cultural trust mechanisms in the region; in addition, the effect of advertising communication is affected by the cultural background, the advertising narrative strategy needs to be adapted to the local culture, and Chinese consumers are more prone to emotionally resonate with the «family scene» type of ads compared with Belarusian consumers.

Analysis of Chinese and Belarus consumers in the context of Hofstede's theory of cultural dimensions. Hofstede's theory of cultural dimensions is a classic framework for parsing national cultural differences, and its six dimensions provide a systematic tool for cross-cultural consumer behavior research. This paper focuses on two dimensions of individualism/collectivism outside the power distance, and uncertainty avoidance to analyze, and to compare the cultural characteristics and behavioral differences between Chinese and Belarusian consumers.

Table 1: Data on Hofstede's cultural dimensions in China and Belarus [2]

Nations	Power Distance	Individualism	Motivation towards Achievement and Success	Uncertainty Avoidance	Long Term Orientation	Indulgence
China	80	43	66	30	77	24
Belarus	95	48	20	95	53	15

Individualism/collectivism dimension: the game of family ties versus individual freedom. China: influenced by Confucian culture and collaboration in agricultural societies, consumers are more inclined to collectivism in their consumer attitudes. From a real-life point of view, multi-generational joint venture to buy a house, reflecting the close economic ties between family members and collective decision-making mode; therefore, brand marketing focuses on highlighting the «family sentiment». For example, home appliance advertisements focus on the “happiness of three generations living together” scenario, evoking consumers’ desire for collective life through the warm interaction between family members [3].

Belarus: influenced by the Slavic tradition of mutual assistance between villages and communities, the history of collectivization in the USSR, and the European culture of individualism, Belarus has formed a cultural pattern with a relatively balanced set of values between the collective and the individual, and this feature is prominent in the consumer sector. Families buying home appliances focus on practical functions to meet the needs of the family, reflecting the overall interests of the family in collectivism; young people are keen on personalized fashion to show their own aesthetics and personality, reflecting individualism in the consumer choice. Based on this, brand marketing mostly adopts the dual-line strategy of practicality plus individuality, such as the combination of modular function and customized appearance in the design of home appliances, and the launch of the Collective Dressing Challenge by fast-fashion brands, which integrates the collective and individual values and inspires consumers to participate in the competition [4].

Uncertainty Avoidance Dimension: Dichotomy between Risk Attitude and Consumption Decision Making. China: under rapid economic development, emerging cultures such as live broadcasting and e-commerce have reshaped the mode of consumer interaction. Although China is rooted in a traditional collectivist culture, consumer behavior is characterized by a tendency to realize personal values and pursue future gains, and low uncertainty avoidance. Consumers are quick to embrace new technologies such as meta-universe and AI, and actively take risks in new energy vehicle

investment. Brand marketing should also emphasize product innovation and foresight, highlighting future value [5].

Belarus: history, institutions and concepts have jointly shaped the unique consumer psychology of Belarus. In the midst of economic transition, despite the growth in demand for technology, consumers still rely strongly on traditional shopping patterns and are less receptive to new things. Under the high uncertainty avoidance model, consumers have high risk sensitivity, low acceptance of e-commerce, and tend to make consumption decisions in a safe and stable way, reflecting the individual's pursuit of security under collectivism. They prefer offline brick-and-mortar stores and recommendations from acquaintances, are cautious about new channels such as online payment and cross-border shopping, and rely on security mechanisms (such as third-party guarantees) to protect their rights and interests. Brand marketing should build consumer trust, emphasize product safety, reliability and stability, provide comprehensive after-sales protection and third-party guarantees, and combine offline experience with recommendations from acquaintances to expand the brand's influence and increase e-commerce acceptance [6].

Conclusion. Based on Hofstede's theory of cultural dimensions, this study systematically analyzes the decision-making differences between Chinese and Belarusian consumers in a cross-cultural context, revealing the deep impact of cultural genes on consumer behavior. The study finds that Chinese consumers are driven by collectivism and high long-term orientation, and their decision-making process is highly dependent on family bonds and social identity, preferring family scenario-based marketing and long-term value commitment, and showing high acceptance of emerging technologies; while Belarusian consumers show a dynamic balance between individualism and collectivism, and their high-uncertainty avoidance traits make them more reliant on the traditional shopping model and safety mechanisms, and their short-term orientation makes them focus on immediate needs and price-performance .

Belarusian consumers have a dynamic balance between individualism and collectivism. Enterprises need to adjust their strategies flexibly in cross-cultural markets: in China, they should strengthen community operation, authoritative endorsement and long-term value promotion; in Belarus, they need to reduce risk perception through local KOL cooperation, trial mechanism and short-term discounts. In the future, the study can combine field research, deepen the theoretical validation, and expand to other cultural

dimensions and economy comparisons in order to improve the study of cross-cultural consumer behavior [7].

References

1. Wang Jinliang. Consumer Behavior Differences and Marketing Strategies from a Cross-Cultural Perspective // Marketing. № 3. 2023. P. 33–36.
2. The Culture Factor [Electronic resource] // Country Comparison Tool : URL: <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool?countries=belarus> (date of access: 12.04.2025).
3. Kantar Marketplace. Practicality first: Chinese consumers trend towards rational consumption [Electronic resource] // Caijing Observer : URL: <https://www.cnki.net> (date of access: 08.04.2025).
4. Kou Jiachan, Dong Guanpeng. The Satisfaction of Information Consumption in Cross-Cultural Communication: An Analytical Framework of Consumer Culture // Journalism Enthusiast. № 8. 2020. P. 74–77.
5. Yi, C. Research on the Impact of Chinese and Foreign Cosmetic Brand Experience on Consumers' Repurchase Intention (Master's thesis) [Electronic resource] // Huazhong University of Science and Technology. 2023. : URL: <https://www.cnki.net> (date of access: 08.04.2025).
6. Li, D. Y. The Impact of Cultural Differences on the Consumer Behavior of Chinese and Belarusian Tourists (Master's thesis) [Electronic resource] // Nanjing Normal University, China National Knowledge Infrastructure (CNKI). 2022 : URL : <https://www.cnki.net> (date of access: 08.04.2025).
7. Yang Lin. The Influence of Uncertainty Avoidance Factors on Brand Communication: Based on Hofstede's Cultural Value Dimensions // Omni-Media Exploration. № 10. 2023. P. 136–138.

INTEGRATION OF ADVERTISING INTO SOCIAL MEDIA

V. L. Kazankova

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, vasilisk20076@gmail.com;
Scientific supervisor — Y. V. Ilyushenka, Senior Lecturer*

The article examines the concept of native advertising and its distinctive features, as well as the difference from the traditional type of advertising. In addition, the impact of advertising on social networks is analyzed.

Keywords: advertising; native advertising; traditional advertising; social media; media impact.

ИНТЕГРАЦИЯ РЕКЛАМЫ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

В. Л. Казанкова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vasilisk20076@gmail.com;
Научный руководитель — Ю.В. Ильюшенко, старший преподаватель*

В статье рассматривается понятие нативной рекламы и ее характерные особенности, а также отличие от традиционного типа рекламы. Кроме того, анализируется влияние рекламы в социальных сетях.

Ключевые слова: реклама; нативная реклама; традиционная реклама; социальные медиа; влияние СМИ.

Research shows that most consumers, including Internet users, who are tired of direct advertising have a negative attitude to the range of tools used by copywriters, which quite naturally leads to a decrease in the effectiveness of advertising. Native advertising integrations are a result of the development of traditional advertising formats. Native advertising is a type of communication that is perceived by the audience as a natural part of the blogger image. As social media continues to dominate consumer conversations managers are seeking ways to accentuate their brand's positioning in social channels by minimizing negative impacts [1].

Native advertising differs from traditional advertising in its features. Thus, traditional advertising is easy to recognize. These ads stand out from the rest of the content. Examples include banners, pop-ups, and TV commercials. Traditional ads often interrupt what people are doing, so users

may ignore or skip them. And it is one of some reasons why this type of advertising is already outdated and not relevant.

Native advertising is a new stage of development that has come to replace the traditional one. Native advertising is a type of online advertisement that looks like the content around it. It matches the style, format, and tone of the website or platform where it appears. People often don't notice that they are looking at an ad, so they are more likely to read or watch it. Native advertising is distinguished by a number of distinctive features, as follows: non-descriptiveness, as it is perceived as a natural part of the content; building trust in the audience, so it's easier to perceive; original look, as the ad adapts to the site and content [1].

Native advertising can take different forms. So, one of the forms of native advertising is contextual advertising. It's a targeted digital advertising where ads are automatically placed based on the content of the web page that a user is viewing. The system scans the page for keywords, topics, or themes and then displays ads relevant to that content. So, it ensures that ads match the user's current interests, making them more relevant and less intrusive than traditional ads [2]. It can be advertising on sites, in social network recommendations, in videos on YouTube, in mobile applications, which each has different based on the interests of the person.

Another form of native advertising is influencer advertising is. It's a marketing strategy where brands partner with popular individuals — called influencers. The main advantage of influencer advertising is trust. Influencers have built credibility with their followers, so their recommendations are seen as more genuine and persuasive than traditional ads. This approach helps brands reach specific target audiences, increase brand awareness, and drive engagement and sales [3]. Advertisers often send products to bloggers, showbiz stars, so that they review and tell their opinion about the product. The most important thing is to make it appear as if the user is using this product and he likes it, because it creates a friendly advice effect that increases sales.

The effectiveness of native advertising can be seen using the example of social media in Belarus. For instance, social media platforms such as Instagram or Tik Tok are actively developing in the country being effective channels for advertising various products. Instagram, with its visual-centric approach, is particularly well-suited for promoting lifestyle, fashion, and beauty products, appealing to a younger demographic that values aesthetics. Tik Tok is a new platform for businesses accounts. It is becoming more popular every year among Belarusian users and is frequently leveraged for advertising promotion. It differs in its format from other apps. The new format consists of short videos and unusual ad promoted by influencers. It is

great for native advertising, as users build trust in the brand. Also, Tik Tok has a diverse audience, so this platform is suitable for a variety of products. So, these apps provide a good example of contextual advertising and influencer advertising. These types of advertising are the most demanded because of the content, that people are currently engaging with, ensuring ads are relevant and timely. Also, they leverage the audience, which often shares similar interests, allowing brands to reach specific demographics effectively.

One of the examples of successive native advertising is an account in Instagram about interesting places in Belarus, which is named @kyt_media. This account contains posts about cafes, restaurants, events and news in Minsk, as well as throughout Belarus. Its advertising content is presented in the form of advice and recommendations, so it's more likely to be read and followed. This type of advertising helps build trust in the target audience. In this way, the ad is not removed from the overall content and visualized, but instead even fits into it.

In conclusion, the integration of advertising in social networks not only increases the visibility of the brand, but also contributes to its deeper interaction with the audience. In a dynamically changing market, companies that make effective use of both social platform capabilities and native advertising have a clear advantage over others.

References

1. What Is Native Advertising? Here's How It Works [Electronic resource]. Mutesix, 2024. URL: <https://mutesix.com/what-is-native-advertising-heres-how-it-works/> (date of access 23.04.2025).
2. *Chen, J.* Contextual Advertising Definition [Electronic resource] // Investopedia, 2024. URL: <https://www.investopedia.com/terms/c/contextual-advertising.asp> (date of access 23.04.2025).
3. What Is Influencer Marketing? [Electronic resource]. IONOS Digitalguide, 2024. URL: <https://www.ionos.com/digitalguide/online-marketing/social-media/what-is-influencer-marketing/> (date of access 23.04.2025).

RESEARCH ON THE “DUAL-STANDARD ALIGNMENT” MODEL OF CROSS-CULTURAL COLLABORATION IN SINO-BELARUSIAN VOCATIONAL EDUCATION

Li Yue¹⁾, Sun Haojie²⁾, Huang Yuyan³⁾

¹⁾ Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, mortimerkola@gmail.com

^{2), 3)} Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus

Supervisor — Larissa G. Titarenko, Doctor of Sociology, Professor

The Belt and Road Initiative and global industrial chain shifts elevate cross-border vocational education as a key catalyst for technical talent mobility. China and Belarus' "Dual-Standard Alignment Model" synergizes China's industry-driven practical frameworks with Belarus' theoretical education systems. The article analyzes the implementation mechanism and strategic effects of this model.

Keywords: Sino-Belarusian vocational education cooperation; dual-standard alignment; cross-cultural collaboration.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛИ «ДВОЙНОЙ СТАНДАРТИЗАЦИИ» МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Ли Юэ¹⁾, Сунь Хаоцзе²⁾, Хуан Юйянь³⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, Минск, Беларусь, mortimerkola@gmail.com

^{2), 3)} Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, Минск, Беларусь

Научный руководитель — Л.Г.Титаренко, доктор социологических наук, профессор

Инициатива «Один пояс, один путь» и трансформация глобальных производственных цепочек определяют международное профессиональное образование как ключевой инструмент мобильности технических кадров. В статье анализируется механизм реализации данной модели и ее стратегические эффекты.

Ключевые слова: китайско-белорусское профессиональное образование; двойная стандартизация; межкультурное взаимодействие.

Introduction

In the context of globalization and the Belt and Road Initiative, the vocational education cooperation between China and Belarus has been time

and again deepening. This cooperation is of far significance to enhancing the quality of vocational education and training of international oriented talents in both countries and the cultural exchange. In this cooperation, the model of "Dual-Standard Alignment" is one of integrating the vocational education standards of the two countries so that to get the complementary advantages and common development.

The “Dual-Standard Alignment” Model: Principles, Comparative Analysis, and Implementation

Fig. 1. Sino-Belarusian Dual-Standard Alignment Model Schematic Diagram

Based on these three principles, the dual-standard alignment model is defined. Among other purposes, it seeks to develop students all round, make teaching resources and evaluation methods useful, as well as unify the educational systems, cultural aspects and the requirements of industry, China and Belarus. The development of this model stems from the vocational education policies of both nations that merge China's industry emphasis on skill development for employment, demonstrated by diversification in

assessments including hands-on demonstrations and process based grading, with Belarus' emphasis on structured theory, through comprehensive evaluation including academic examinations, internship evaluation, and continuous learning tracking.

The framework of the model is characterized by three pillars. Bridging theory and practice is the first thing that curriculum integration does. Take Animation Character Design and Cultural Connotations as an example, Chinese animation production and Belarusian art theory were integrated to form an interdisciplinary program so students can pick up the capability of both technique and cultural literacy. Second, teacher standard coordination mediates cross cultural pedagogical competencies by joint training and professors transfer programs, allowing the teachers to journeyed together to dual system methodologies. Third, a unification teaching evaluation system is proposed to merge China's multidimensional competitions evaluation with Belarus's academic evaluation system, to comprehensively evaluate students' theoretical knowledge, application practice and innovative problem solving competence.

Implementation Challenges and Strategies

Implementing dual-standard alignment model has a multiple dimensions challenge. Identifying the prevailing cultural values with language barrier and cultural diverse values, like Chinese collectivism versus Belarusian individualism; contrasting education philosophies where China promotes practical knowledge whereas Belarus promotes the accuracy of knowledge; these work as a hindrance for collaborative work between China and Belarus; curriculum designing and pedagogical approaches become an obstacle to work together. Governance structure also generates systemic disparities; while China's vocational education system is a product of multi-stakeholder collaboration, Belarus relies on central national management to run its vocational education system; thus mismatches on academic credit recognition and degree equivalency are involved. Economic asymmetries, in addition, characterize imbalanced educational investments where although China is richly funded to cultivate talent, it does so against the impoverished Belarusian environment with contrasting industrial demands for preparing talent.

Strategic interventions are needed to address these issues. Cross cultural training programmes, joint cultural festivals and of academic lectures can play their role in fostering of cultural integration by bridging the gaps in communication and mutual understanding. To harmonize technology and resources, courses integrating Chinese technical expertise with Belarusian theoretical frameworks into curricula, resource sharing training bases and

faculty exchange programs are needed to fully combine the two main resources.

Future Prospects of the "Dual-Standard Alignment" Model

With further cooperation being carried out in the Belt and Road Initiative, the 'dual-standard alignment' model will gradually shift, bridging the cultural differences and sharing educational and economical synergies. Through addressing systemic, cultural, and economic divides in a systematic manner, the model not only promotes vocational education, but also establishes vocational education as the vehicle to enhance globally competent professionals working in complex international industrial collaborations.

References

1. Ministry of Education of the People's Republic of China. Vocational Education Modernization Implementation Plan. Beijing: Ministry of Education Press, 2019.
2. National Development and Reform Commission, China. Belt and Road Initiative 2013 [Electronic resource]. URL: <http://en.ndrc.gov.cn> (date of access: 05.4.2025).
3. Административный комитет Промышленного парка. Ежегодный отчёт о ходе сотрудничества. Минск: Издательство Китайско-Белорусского Промышленного парка, 2022.

THE IMPORTANCE OF DIGITAL MEDIA IN CULTURAL COMMUNICATION BETWEEN CHINA AND BELARUS

Meng Hualong

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, hualongmeng6@gmail.com
Supervisor — T. G. Rumyantseva, Doctor of Philosophy, Professor*

This paper explores the essential role of digital media in fostering cultural communication between China and Belarus. By removing traditional barriers of time and space, enhancing interactivity, and enabling co-creative cultural practices, digital media offers new opportunities for mutual understanding. Drawing from practical examples and intercultural communication theory, the article analyzes how platforms such as TikTok, WeChat, and Bilibili contribute to soft power, identity formation, and bilateral cultural dialogue.

Keywords: digital media; intercultural communication; Chinese-Belarusian relations; cultural participation; digital diplomacy.

ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВЫХ МЕДИА В КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ КИТАЕМ И БЕЛАРУСЬЮ

Мэн Хуалун

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, hualongmeng6@gmail.com
Научный руководитель — Румянцева Татьяна Герардовна, доктор
философских наук, профессор*

В данной статье рассматривается важнейшая роль цифровых медиа в развитии культурной коммуникации между Китаем и Беларусью. Снимая традиционные барьеры времени и пространства, повышая интерактивность и создавая условия для совместного творчества в области культуры, цифровые медиа открывают новые возможности для взаимопонимания. Опираясь на практические примеры и теорию межкультурной коммуникации, в статье анализируется, как такие платформы, как TikTok, WeChat и Bilibili, способствуют развитию «мягкой силы», формированию идентичности и двустороннему культурному диалогу.

Ключевые слова: цифровые медиа; межкультурная коммуникация; китайско-белорусские отношения; культурное участие; цифровая дипломатия.

1. Introduction

In the context of globalization, digital media has become a central force in shaping cultural interaction and identity. For countries like China and Belarus, which are connected through political cooperation and economic initiatives such as the Belt and Road Initiative, cultural communication

becomes a key element in strengthening mutual understanding. Platforms like Douyin (TikTok China), YouTube, and WeChat serve not only as entertainment media, but also as strategic tools for sharing cultural values and national narratives. This paper analyzes how these platforms enable cultural proximity and innovation between the two countries.

2. Overcoming Time and Space Barriers

Traditional cultural exchange – through exhibitions, theater, or festivals – is often limited by geography and timing. Digital media overcomes these limits by offering synchronous and asynchronous modes of engagement. For example, a Chinese opera performance can be uploaded to Bilibili, where Belarusian users access it on demand, regardless of time zone. Likewise, Belarusian folk music is shared with Chinese audiences via Spotify or NetEase Music. These mechanisms allow for broader, more inclusive participation in intercultural experiences and serve to diversify the image each nation has of the other.

3. Enhancing Cultural Participation and Interaction

One of the most powerful aspects of digital media is interactivity. Audiences are not merely passive recipients but also active participants in the creation and reshaping of cultural narratives. On TikTok, Chinese creators share videos of calligraphy, cuisine, or street fashion, which Belarusian users react to with curiosity and sometimes response videos. Belarusian traditions like “Kupala Night” have been reinterpreted through Instagram stories and digital collages. These interactions increase empathy, challenge stereotypes, and invite creative reinterpretation of heritage through digital remix culture. Participation also leads to hybridized cultural products, where audiences contribute to creative outputs. Chinese users, inspired by Belarusian folk dance seen online, have incorporated its elements into cosplay and anime-style animations. Meanwhile, Belarusian content creators often reference Chinese cuisine and language in comedic skits, which go viral in Chinese circles. These co-creations challenge the notion of cultural ownership and demonstrate the reciprocal influence that digital interaction promotes. Notably, digital tools lower entry barriers: with just a smartphone and basic editing apps, anyone can become a cultural communicator.

4. Case Examples of Digital Cultural Exchange

Several specific examples illustrate the richness of digital interaction. During the 2024 Day of Chinese Cinema in Belarus, Chinese films *Endless Journey* were not only screened in theaters but also made available online with Belarusian subtitles. In parallel, Belarusian documentaries about crafts and heritage were promoted on Chinese platforms through cultural cooperation initiatives. User-generated content (UGC) has emerged as a central mechanism for cultural diplomacy. For example, a Chinese-Belarusian couple

documented their wedding process across two countries via TikTok and Bilibili, generating millions of views and positive engagement across platforms. Similarly, the Belarus-China Student Video Diary Project, initiated by cultural centers, encourages students to document life abroad, leading to authentic, unscripted stories that resonate with viewers more than institutional promotions. During Belarusian Cinema Week 2023 in Beijing, the hashtag #BelarusianFilm trended on Weibo, prompting viewers to post reviews, memes, and creative remixes of film scenes.

5. Visual and Symbolic Integration

Digital communication increasingly relies on visual language – videos, gifs, emojis, and memes – as a means to bypass linguistic barriers. This is particularly relevant in Sino-Belarusian exchanges, where language differences may otherwise hinder understanding. Chinese traditional symbols (e.g., dragon, phoenix, red lanterns) are increasingly recognized by Belarusian users, while Belarusian embroidery patterns and folk motifs are being used in Chinese influencer content. This symbolic cross-pollination reinforces cultural literacy and offers new layers of meaning in digital communication. Visual culture transcends verbal boundaries and has become the primary language of global digital media. On Chinese platforms like Xiaohongshu, Belarusian embroidery patterns appear in fashion and illustration collaborations, while Chinese characters and calligraphy are stylized on Belarusian websites promoting art and tourism. These visual expressions are not superficial; they reflect deeper symbolic negotiations. For instance, the phoenix, symbolizing rebirth in Chinese culture, is often reinterpreted alongside Belarusian mythological figures like Zheuzhyk (Belarusian: Жэўжык) to create hybrid folk narratives in animation and design.

6. Challenges and Limitations

Despite its many advantages, digital media as a medium for intercultural communication is not without challenges. Language remains a significant barrier – many posts lack proper translation or rely on automatic tools that miss cultural nuance. There is also digital inequality: rural users in both countries may lack access to high-speed internet or smartphones. Furthermore, the platform algorithms often create “echo chambers,” reinforcing national viewpoints and reducing exposure to alternative perspectives. Such issues must be addressed through inclusive policies and better platform design. Algorithmic bias remains a pressing issue. Content moderation systems trained on dominant Western models may flag traditional Belarusian dance costumes or Chinese medicine videos as “inappropriate,” limiting visibility. Moreover, language-specific platforms (like Bilibili or VK) often operate in silos, reducing the cross-pollination of audiences. Initiatives

on Bilibili, which encourages users to browse foreign content intentionally, are still limited in scope.

7. Conclusion

Digital media is not simply a tool of communication; it is a cultural arena. For China and Belarus digital platforms represent a new frontier in intercultural dialogue, diplomacy, and mutual creativity. While limitations persist, the potential for shared understanding, identity co-construction, and cultural appreciation through digital storytelling is immense. This paper argues that sustained support for digital media exchange, combined with visual literacy and media education, can further strengthen the friendship and cultural connectivity between the two countries. Future efforts must not only address technical limitations but also prioritize intercultural empathy and symbolic understanding. Initiatives such as visual context labels, real-time translation plugins, and cultural sensitivity moderators can further minimize misunderstanding. As immersive technologies like VR and AI mature, they should be designed not just for entertainment but for meaningful intercultural connection. Building on grassroots creativity and transnational digital storytelling, China and Belarus have the opportunity to construct a shared narrative that celebrates cultural plurality while fostering mutual respect in the digital age.

References

1. *Jenkins, H.* Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. – New York: NYU Press, 2006. – 308 p.
2. *McLuhan, M.* Understanding Media: The Extensions of Man. – New York: McGraw-Hill, 1964. – 359 p.
3. *Cao, M.* Application and Innovation of Digital Media in Cross-Cultural Communication // Sino-Foreign Cultural Exchange. 2024. № 10. P. 103–105.
4. *Hongtai, K.* Research on Digital Media Usage Behavior from the Perspective of Cross-Cultural Communication: diss. ... Cand. Philol. Sciences. Beijing Institute of Graphic Communication, 2017.
5. *Zhao, Y.Z.* The Meaning of "Cross-Cultural" in Political Economy Studies of Cross-Cultural Communication // Global Media Journal. 2019. Vol.6, № 1. P. 115–134. – DOI: 10.16602/j.gmj.20190009.
6. *Li, K.* Digital Media Promotes Cross-Cultural Communication to a New Level // Journal of Journalism and Communication Science. 2023. Vol.11, № 2. P. 111–117. – DOI: 10.12677/JC.2023.112018.
7. *Pei, B.* Theoretical Research and Development Trends in Cross-Cultural Communication // Journal of Chinese Language Teaching. 2020. № 2. P. 133–150.
8. *Yang, Y.* How Digital Media Spreads Traditional Culture // Journal of News Research. 2015. Vol.6, № 21. P. 153.

THE CRITICISM OF THE MAIN CONCEPTS OF RELATIVISM THROUGH THE APPLICATION OF LOGIC

P. O. Polonsky

*Belarusian State University, Kalvariyskaya Av., 9,
220004, Minsk, Belarus, deepphotographys@gmail.com
Supervisor — E. G. Hilevich, Senior lecturer*

In this paper a definition of relativism has been given, both well-known and new arguments of followers of this doctrine have been represented. Implications of these arguments have been deduced and also the refutation of them through the application of logic has been rendered.

Keywords: relativism; criticism; logic; logical law of non-contradiction.

КРИТИКА ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ РЕЛЯТИВИЗМА ЧЕРЕЗ ПРИМЕНЕНИЕ ЛОГИКИ

Ф. О. Полонский

*Белорусский государственный университет, ул. Кальварийская, 9,
220004, г. Минск, Беларусь, deepphotographys@gmail.com
Научный руководитель — Е. Г. Гилевич, старший преподаватель*

В статье дается определение релятивизма, представлены как хорошо известные, так и новые аргументы последователей этого учения. Были выведены следствия из этих аргументов, а также приведено их опровержение с помощью применения логики.

Ключевые слова: релятивизм; критика; логика; логический закон непротиворечия.

A lot of people who have heard of philosophy or studied it may know both what relativism is and some followers of this doctrine as Jacques Derida and his work *On Grammatology* (1967). And those people are probably aware of problems it comprises. But in order for us to fully understand what those alleged problems are we need to define the concept.

In fact, there are a lot of definitions of the notion. And each of them pertains to different aspects this doctrine tries to display. But in this article we are going to dwell upon the one that claims the following: relativism is the doctrine that proclaims that there is no universal value or truth that can apply to all times and be independent from any particular historical conditions. To put it simply, relativism states that every value or truth is relevant and there is

no absolute truth. Having given this definition, we oppose it to absolutism as it has been nearly described in the Stanford Encyclopedia of Philosophy on the issue of relativism, “Also, as Kusch (2021) notes, relativism in a negative sense, particularly as it involves a rejection of absolutism, is central to relativists approaches in the history of the philosophy of science” [1].

So most followers of relativism refer to mutability of history and, accordingly, altering opinions, values and beliefs and assert that some beliefs are not shared anymore because their truthfulness is obsolete, thereby they prove that everything is relative.

Hence, the question arises: what are those alleged problems that this doctrine includes. The answer to this question is contradiction. Those people who disagree over this doctrine and accuse it of contradiction state that if everything is relative and there is no absolute truth then this proposition becomes relative and untrue too. Therefore, relativism is not to be believed. But this argument that is considered to be the refutation of relativism is very well-known. However, other adherents have managed to come up with a new statement to argue for their doctrine. In fact, they have not been able to devise anything radically new but rather added some change to their previous judgment. Their statement is the following: Everything is relative, and there is no absolute truth other than this statement. Or the other phrasing: Everything is relative, and there is no absolute truth which does not extend to this statement itself.

So now it gets hard to try to refute this. But there is a solution to debunk the statement notwithstanding. To do this we need to take the two steps. The first one is to deduce the consequences from the statement and the second one is to resort to the law of non-contradiction that is included in the three traditional laws of logic derived by Aristotle.

But let us deduce the consequences from the statement by depicting them in our imagination as the two groups of statements. The first group is comprised of only one proposition which is this statement itself. The second one is the group that is comprised of any other possible statements that can ever exist. And by proclaiming this relativistic statement we ascribe the property of truth to solely the statement itself whereas any other possible statements within the second group are declared false and relative. And since the second group is comprised of any other possible statements it is also comprised of any possible contradictory statements that can ever exist too. For example, we can say it is sunny in New Mexico now and it is not sunny in New Mexico now. And these two propositions are contradictory and also included in the second group.

Now when the circumstances of the relativistic statement have been clarified, we shall take the next step and define the notion of the law of non-

contradiction. It is written, “The law of non-contradiction states that two contradictory statements cannot both be true and false simultaneously” [2]. But having shown the circumstances of this relativistic statement, we recognized that the second group in which any possible statement is false also consists of any possible contradictory statements that, as it implies, are false too, which violates the law of non-contradiction because two contradictory statements cannot both be true and false simultaneously as it has been already said. And because of the fact that this relativistic statement has eventually led us to the violation of logic, which is a fallacy, this statement is not to be believed and considered to be true.

References

- 1.Relativism. Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/relativism/> (date of access: 12.04.2025).
- 2.Core Principles of Logic and Classical Laws: Identity, Non-Contradiction, Excluded Middle, and Sufficient Reason [Electronic resource]. URL: <https://u.to/Jrw5Ig> (date of access: 12.04.2025).

THE APPLICATION OF PARK'S CONCEPT OF HUMAN ECOLOGY IN THE STUDY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

N. D. Romanovich

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, nadenuka8@gmail.com
Supervisor — E. G. Hilevich, Senior Lecturer*

The article deals with the concept of human ecology by Robert Ezra Park and the possibility of its application in intercultural communication. The author describes and analyses Park's interpretation of society and individual, interrelation of collective and individual's behavior. The value of the concept of human ecology for conducting research in the field of intercultural communication is considered.

Keywords: human ecology; communication; hybrid identities; collective behavior.

ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА ПАРКА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н. Д. Романович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, nadenuka8@gmail.com
Научный руководитель — Е. Г. Гилевич, старший преподаватель*

В статье рассматривается концепция экологии человека Роберта Эзры Парка и возможность ее применения в межкультурной коммуникации. Автор описывает и анализирует трактовку Парка общества и индивида, взаимосвязь коллективного и индивидуального поведения. Рассматривается значение концепции экологии человека для проведения исследований в области межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: экология человека; коммуникация; гибридные идентичности; коллективное поведение.

American urban sociologist Robert Ezra Park (1864 – 1944) is one of the founders and leader of the Chicago school of sociology. His extensive and long experience, which he gained through years of educational activity, became one of the important reasons for R. Park's recognition in social science. He is the author of works on human ecology, sociology of races and ethnic relations, population migration, cultural assimilation, social movements and social disorganization.

One of the important issues that R. Park studied was human ecology. He coined the term to denote the relationship between people and environment. Park applied research methods in the study of human behavior that were

originally used to study animal behavior. The study led to the conclusion that consciousness was left out of consideration, or unexplored to the end in terms of cyclicity of events that started with physiological reflexes and ended with an act [1].

Describing society, the sociologist believed that it should be perceived as an «organism», since each organism defines structure, connection between its parts and describes actions in relation to the surrounding world as a whole. An organism for a sociologist is distinguished from individuals or parts by its ability to collective action. It is defined as the predisposition of parts to act as a single whole. Organisms can be integrated into different social groups, and in these groups the individual behavior formed by the person becomes part of the collective social behavior of the whole group [1]. So, Park comes to the possibility of studying a dynamic society through the analysis of various social groups.

Thinking in terms of intercultural communication, such a group, for example, can be another ethnic or social group in which acculturation occurs [2] – the result of direct and long-term cultural contact between one group of individuals with another, changing cultural paradigms of both groups.

Park believes that all institutions and social structures can be considered as products of collective action, signifying that when acting together, an action pattern is established, where after a while it is institutionalized in customs and traditions [1]. Just as in intercultural communication, when joint actions in cultural interaction represent a connection and community between representatives of different cultures, forming new cultural elements (language, speech, customs, traditions, etc.).

For Park, organism is a “city” or a “laboratory”, in which people constantly interact and adapt to the new social environment. Thus, in a social environment where there is constant contact between different cultures, cultural barriers are being erased. An example might be languages, rituals or customs modified later by integrating new cultures into the indigenous one. Cultural exchange, blurring the barriers between people of different cultures, creates opportunities for mutual understanding of representatives of different cultures for socialization in intercultural environment. However, this process can lead to the loss of unique elements of native culture due to the influence of dominant cultures. This creates an internal identity conflict, when the individual or a whole social group faces difficulties in maintaining its «indigenous» culture and at the same time adapting to another social environment. This confrontation between the preservation of one’s own peculiarities and the acceptance of new ones becomes one of the key problems of intercultural communication.

Hence, it can be said that the concept of human ecology provides an opportunity for cultural synthesis, which in turn leads to the formation of hybrid identities. Everywhere, cultural exchange promotes new forms of communication, expanding the possibilities for integration and building understanding between individuals from different cultures. When cultural barriers are blurred, people become open to new opportunities and adapt to a different cultural environment. But such interactions can also be perceived as a loss of cultural uniqueness and identity. Thus, in the mutual exchange of characteristics, there is a capacity to limit “own” and “other”, which is especially important in an intercultural environment.

Robert Park has perpetuated in his works the functioning of a social group and the evolution of society and institutions in the form of social adaptation of an individual to their habitat and social environment. In conditions of intercultural peculiarities of modern society, cultures and social institutions need balance between the preservation of identity and ability to socialize and integrate into new cultural environment.

References

1. Парк Роберт Эзра (перевод с англ.) [Электронный ресурс] // Социология: Реферативный журнал. 1997. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-037-040-park-robert-ezra>. (дата обращения: 16.04.2025).
2. Сударкина, Х. В. Мультикультурализм: глобальные вызовы и локальные ответы. [Электронный ресурс] // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-globalnye-vyzovy-i-lokalnye-otvety>. – (дата обращения: 16.04.2025).

CONCEPT OF THE “GLOBAL VILLAGE”

E. A. Sidorova

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, kate7282027@gmail.com;
Supervisor — Y. V. Ilyushenka, Senior Lecturer*

The article examines the concept of the formation of «global village» as understood by Marshall McLuhan, its main theses and distinctive features that affect modern society.

Keywords: global village; Marshall McLuhan; globalization; development of society; information space.

КОНЦЕПЦИЯ «ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЕВНИ»

Е. А. Сидорова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, kate7282027@gmail.com;
Научный руководитель – Ю.В. Ильюшенко, старший преподаватель*

В статье рассматривается концепция формирования «глобальной деревни» в понимании Маршалла Маклюэна, ее основные тезисы и отличительные черты, которые влияют на современное общество.

Ключевые слова: глобальная деревня; Маршалл Маклюэн; глобализация; развитие общества; информационное пространство.

Marshall McLuhan was a noted Canadian philosopher, philologist and media ecologist. His achievements in the field of education are worth mentioning. In 1933 he received a bachelor's degree in engineering sciences, in 1934 – a master's degree in English literature, and in 1943 M. McLuhan obtained a doctorate. But it is in Toronto that the scientist began to teach and published his work, which has received the greatest recognition and impact on culture and society [2]. In his book «The Gutenberg galaxy: the making of typographic man» McLuhan introduced the term “global village” for the first time in relation to modern culture and formulated the concept of “global village”.

The fundamental aspects of the “global village” concept should begin with a definition of its causes and essence. Thus, McLuhan distinguishes several stages in the development of society:

- the first stage is pre-writing culture. Man is presented as a «listener» and the information is transmitted orally or by other non-written sources [1,

- p. 40]. At this stage, the tribal nature of man is dominant, McLuhan calls it «Africa within us» and gives the example of the indigenous peoples of Africa, which until our days remained in pre-written culture;
- the second stage is written and printed culture. At this stage, development of writing occurs, and in a later book, there is settled «man watching» [1, p. 40]. Writing kills in man his tribal origin and slows down the awakening of «Africa within us», there has been a transition from collective culture to individualism;
 - the third stage is modernity, and a new type of man appears – «man listening and watching» [1, p. 40]. Humanity moves away from individualism and returns to collective thinking, awakening «Africa within us», which is actively promoted by the emergence of new technologies and media development. It is at this stage of development of society that the «global village» appears.

Thus, “global village” is the situation in which modern society becomes due to the use of electronic media when humanity is compressed to the size of a village. Society forms a common information space where people are closely connected and know all the news from different parts of the planet.

The first thesis of the concept is the blurring of clearly defined boundaries of space and time. Electronic means of communication shorten the distance between people and allow them to exchange information instantly from any point in the world. All of them are connected and integrated into events taking place in different countries, which is a distinctive feature of the “global village” [1].

The second thesis is characteristic for the modern stage of development of society, namely the return of humanity to tribal consciousness and awakening «Africa in us», as described by M. McLuhan. There is also a collective concept explaining, how the perception of books in modern culture has changed, how they have evolved from being the main resource of receiving information and shaping worldview to a simple demonstration and transfer of products of mass consumption (“tribal”). Marshall McLuhan believed that media creates a unique information context in which the entire population of the earth exists and returns humanity back to the tribal world. The awakening of "Africa in us" brings people together in different communities by common characteristics, which helps people feel united and part of something greater.

In order to derive the following provision from the concept, it should be noted that McLuhan has highlighted a certain type of perception of information at each stage of society’s development. Thus, at the time of writing, the type of perception from audio-active to visual, “the person who listens” became “the person who looks”. The pre-written society had auditory

and sensory perception of the world. A similar process is described in the book «The Gutenberg galaxy: the making of typographic man»: «According to McLuhan, the letter breaks up the auditory-active unity of the consciousness of a tribal man and highlights the visual component of human sensuality. It is especially about alphabetic writing. And printing technology as the ultimate form of development of the script crowns this split. This cataclysm is the root of all our problems, from social to psychological. But, so to say, fortunately, the current transition to electrical technology promises to fix things» [3, c. 407].

In conclusion, M. McLuhan has laid the foundations for the analysis of the advantages and disadvantages of developing a global network and electronic means of communication. These aspects have been discussed in relation to the concept of a global village. It is on his ideas that modern concepts of critical thinking of new forms of interaction between humans and technologies are built. It is important to emphasize that the relevance of the concept stems from the need to think critically about the consequences of a «global village», including digital inequality, the spread of misinformation and the threat to cultural identity.

References

1. *Asabina, T. Y.* «Global village» M. McLuhan as a conceptual model of modern sociodynamics / T.Y. Asabina // Philosophy and social sciences, 2014. № 2. P. 39–42.
2. *Gabarev, A. A.* Mcluhan Marshall. Books online / A. A. Gabarev [Electronic resource] // Electronic library «Cube» [site] – SPB, 2025. URL: <https://www.koob.ru/mcluhan/> (date of request: 10.02.2025).
3. *McLuhan, M.* The Gutenberg galaxy: the making of typographic man / M.G. Mac-Leung. – Kyiv: Nick-Center, 2003 – 496 p.

JOAS' CONCEPT OF CREATIVE ACTION IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF SOCIAL ACTION

M. G. Sokolovskaya

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, mary_sokol2007@icloud.com
Supervisor — E. G. Hilevich, Senior Lecturer*

The article deals with Hans Joas's concept of creative action in the context of the theories of social action. The author analyses the views of the classics of sociology and shows why their approaches are not able to describe the whole variety of human actions. Particular attention is paid to the criticism of rational models of action, as well as the role of situation, corporeality and intuition in the process of action.

Keywords: social action, creative action, rational theory of action, situation, strategy of action.

КОНЦЕПЦИЯ КРЕАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ Х. ЙОАСА К КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

М. Г. Соколовская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, mary_sokol2007@icloud.com
Научный руководитель — Е. Г. Гилевич, старший преподаватель*

В статье рассматривается концепция креативного действия Ханса Йоаса в контексте теорий социального действия. Автор анализирует взгляды классиков социологии и показывает, почему их подходы не способны описать все разнообразие человеческих действий. Особое внимание уделяется критике рациональных моделей действия, а также роли ситуации, телесности и интуиции в процессе деятельности.

Ключевые слова: социальное действие, креативное действие, рациональные теории действия, ситуация, стратегии действия.

The development of the theory of social action in sociology includes a number of characteristics that reflect the socio-historical process of formation and evolution of different authors' views on the phenomenon of action.

The classical theory that gave rise to this trend in sociology is M. Weber's theory of social action. In contrast to the interpretations of the category «action» presented earlier in economics and psychology, M. Weber in his work “Basic Sociological Concepts” emphasizes the conscious nature of the subject's actions and their orientation towards interaction with another. M. Weber's theory of action is best known and influential, first of all, for his

typology of the motivating causes of social action. According to this theory, there are four types of action: traditional social action, affective social action, rational social action with values and instrumental social action. M. Weber's idea laid the foundation for the further development of action theory [1, p.9]. M. Weber's theory of action lays emphasis on rationalism and the imposition of the analytical scheme «goal-means» as an ideal one, according to which social action should be developed [1, p. 141]. H. Joas criticizes Weber's ideas and says that sociology has a fundamental need for a theory that would differ from theories based on rational action [2, p. 28]. And one cannot but agree with him, since not every human action can be considered rational and fully realized.

Some other prominent theories that were analyzed by H. Joas were T. Parson's, J. Habermas's and J. G. Herder's ones. T. Parsons presents the concept of a «general system of human action» which consists of three interrelated subsystems: «social system», «personality system» and «cultural system». Each of these subsystems plays its functional role within the general structure of social action. The social system, in particular, solves tasks related to the regulation of social interaction and integration of society. T. Parsons does not pay attention to non-normative actions. H. Joas thinks that this approach, is unable to explain the issues of creative concretization of values and norms in the context of action [2, p. 3].

J. Habermas's theory of communicative action is based on the classics of not only sociology but also philosophy (K. Marx, M. Weber, E. Durkheim). J. Habermas's theory of communicative action emphasizes the role of rational communication in achieving mutual understanding and coordinating social interactions. It argues that dialogue based on reason and consensus is essential for overcoming systemic distortions and fostering democratic participation in society. But in H. Joas's point of view this theory does not reach its goal due to its focus exclusively on communicative action, and the identification of specific features of creativity of action is hampered by J. Habermas's orientation exclusively on the concept of rationality [2, p. 3].

Another concept that influenced the creativity of social action was the notion of «expression» developed by J. G. Herder. Herder's anthropology is radically different from the rationalist definition of man as a rational being. Joas said that human reason is understood not as a separate ability acting as a tamer of human sensuality, but as a specific way of man's treatment of himself and the world” [2, p. 57]. In my opinion J. G. Herder's concept is as close as possible to the ideas of creativity but very little is said about it in the context of the theory of action.

H. Joas criticizes the rational theory of action for the fact that, from his point of view, insufficient concentration of the acting subject on purposeful

action, loss or low degree of control over one's body, loss or rejection of individual autonomy represent the acting subject as a less rational or irrational actor and reduce the likelihood that the actor's actions can be classified as rational [2, p. 103]. H. Joas rejects the category of «rationality» in favor of explaining the actor's action. He looks for an understanding of action that differs from rationality in pragmatism. Within this concept, the ends and means are not determined in advance but are refined and changed as the action is being carried out. And as a consequence of Joas' criticism of the category of «rationality», it is the intentional character of human action, specific corporeality and initial sociality of the human ability to act that become the object of his analysis [2, p. 104].

According to H. Joas, reflection on the goals of action and the action itself can occur simultaneously, without a clear distinction in time. Even before defining a specific goal, a person already has aspirations, which he/she relates to analyzing the situation and choosing an appropriate strategy of action in the given context. H. Joas suggests using the concept of «situation» instead of the scheme «goal-means» as the main category of the theory of action, because it is within a certain situation that the processes of perception, cognition, as well as setting or adjusting goals and means take place [2, p. 112].

H. Joas emphasizes that all the above approaches cannot fully reflect the complexity and depth of human actions that go beyond everyday life. For him, understanding such actions is a key step towards moving to the macro level of analyzing social reality. That is why he introduces the theory of creativity of action [2, p. 138].

Man never exists autonomously, one is always in a complex and multilevel relationship with the environment and people. It is creativity that allows the subject to go beyond the template actions, to show spontaneity and find original answers to challenges. Creative action, thus, becomes a tool of adaptation and transformation of the world, allowing the subject to independently build his/her actions and adapt to new circumstances. Creativity combines experience, intuition and inspiration to create unique combinations for action. It is not only a process of problem solving, but also a means of self-discovery and self-realization. H. Joas correctly points out that creativity turns social action into a continuous process in which the subject rethinks his/her goals, adjusts strategies and chooses the most appropriate means to achieve them. I also believe that creativity allows a person to be more flexible and resilient in a changing world. By being creative in any situation, the subject is able to find solutions that are not obvious at first sight.

Thus, drawing on the traditions of German sociology and combining them with the ideas of American pragmatism, H. Joas created a unique theory

of creativity of action. This theory overcomes the ordinariness of action and is able to describe the uniqueness of human action beyond the strict limits of rationality.

References

1. *Weber, M.* Basic Sociological Concepts. – Pennsylvania: Citadel Press, 1968. – 123 p.
2. *Йоас, Х.* Креативность действия / пер. с нем. / Х. Йоас. – СПб.: Алетейя, 2005. – 320 с.

PHENOMENON OF SOCIAL REALITY

D. A. Tsarenko

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, tsarenkodaniil2307@gmail.com;
Supervisor — Y. V. Ilyushenka, Senior Lecturer*

The article examines the concept of social reality and its understanding from the point of view of various sociological paradigms. In addition, it considers how digital technologies affect the construction of social reality in the modern world.

Keywords: social reality; sociological paradigm; structural functionalism; symbolic interactionism; social construction of reality.

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Д. А. Царенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, tsarenkodaniil2307@gmail.com;
Научный руководитель – Ю.В. Ильюшенко, старший преподаватель*

В статье рассматривается понятие социальной реальности и её интерпретация с точки зрения различных социологических парадигм. Кроме того, исследуется, как цифровые технологии влияют на конструирование социальной реальности в современном мире.

Ключевые слова: социальная реальность; социологическая парадигма; структурный функционализм; символический интеракционизм; социальное конструирование реальности.

Social reality is a complex of ideas, norms, institutions, and practices that are formed through human interaction and perceived as an objective given due to collective agreement [2]. Unlike physical reality, which exists independently of human consciousness, social reality is constructed, maintained, and transformed through communication, symbolic systems, and power relations. Sociology as a science applies various theoretical paradigms, which understand social reality differently. In this regard, there is a strong need in structuring the existing opinions.

Structural functionalism, rooted in the ideas of Emile Durkheim and Talcott Parsons, understands social reality as a stable system which elements (institutions, norms, roles) are interconnected and perform functions that ensure societal survival. For example, Durkheim argued that religion strengthens solidarity through collective rituals, while education transmits

knowledge and values necessary for reproducing social order. According to this paradigm, social reality is objective: individuals internalize it through socialization, and deviation from norms is seen as a threat to equilibrium. However, some critics consider that functionalism ignores power dynamics and conflicts, by reducing social processes to mechanistic maintenance of the status quo [4].

Symbolic interactionism is another paradigm that is associated with the names of George Herbert Mead and Erving Goffman. It shifts focus to the micro-level of everyday interactions. According to this paradigm, social reality emerges through the interpretation of symbols such as language, gestures, artifacts and the ongoing negotiation of meanings. For instance, the significance of a medical diagnosis depends not only on biological facts but also on how it is perceived by the patient, doctor, and society. Goffman introduced the metaphor of the “theater”, where people perform social roles, adapting their behavior to expectations of the audience. This approach emphasizes individual agency but is criticized for underestimating structural constraints: not everyone can equally influence the “construction” of reality since not everybody has equal access to resources [1].

All the previous paradigms share the idea that social reality is not given and it is constructed daily by people’s interactions, but the fullest exploration of this idea lies in Berger and Luckmann’s theory of the social construction of reality. In their work of the same name, the authors synthesize macro- and micro-levels of analysis, describing three stages of reality formation. The first stage, habituation, occurs when repeated actions become patterns: for example, daily workplace interactions generate routines later perceived as “natural”. The second stage, institutionalization, solidifies these patterns into institutions, that are legitimized through narratives, such as “this is how it has always been” or “this is divinely ordained”. Finally, internalization means individuals absorb institutional norms as part of their identity: a child that was raised in a patriarchal family perceives gender roles as unquestionable. Berger and Luckmann emphasize the dialectic of society: people create social reality, but it subsequently shapes their thinking and behavior. An example of such construction is money. Its value is not about its material form but in collective belief in its exchange function. Therefore, if this belief collapses as a result from hyperinflation, the social meaning of money will lose its power [2].

Contemporary research on social reality focuses on its fluidity under the influence of technology and globalization. Digital platforms create new forms of interaction: social networks shape norms of beauty and success, which users internalize despite their artificiality. These processes demonstrate that social reality not only reflects but amplifies inequality: access to digital resources becomes a new criterion of stratification. In the process of the

digital transformation of the social reality, there is the formation of a new society that uses the advances of new technologies on an unprecedented scale [3].

To conclude, social reality is a complex of ideas, norms, institutions, and practices that are formed through human interactions and perceived as an objective given due to collective agreement. But phenomenon of social reality has many understandings that differ from one paradigm to another. The most renown ones are structural functionalism, symbolic interactionism and social constructionism. In today's world, social reality is also influenced by digital media and the Internet, which makes the process of construction of social reality even more complicated. Ultimately, studying social reality requires knowledge from different fields to understand its many changes. By combining traditional theories with new ideas about digital and global trends, sociology can better explain how social reality is built, questioned, and changed in a time of great transformation.

References

1. *Benzies, K. M.* Symbolic Interactionism as a Theoretical Perspective for Multiple Method Research [Electronic resource] // Journal of Advanced Nursing. 2001. № 4. P. 541–547.
URL: https://www.researchgate.net/publication/12080258_Symbolic_interactionism_as_a_theoretical_for_multiple_method_research (date of access: 20.04.2025).
2. *Berger, P.* The Social Construction of Reality / Berger, P., Luckmann, T. [Electronic resource]. Routledge 2023. P. 224.
URL: <https://archive.org/details/socialconstructi0000berg> (date of access: 20.04.2025).
3. *Erokhina, O.* New Social Reality: Digital Society and Smart City / Erokhina, O., Mukhametov, D., Sheremetev, A. // WECONF. 2019. P. 1–6. [Electronic resource].
URL: https://www.researchgate.net/publication/335945758_New_Social_Reality_Digital_Society_and_Smart_City (date of access: 20.04.2025).
4. *Lane, R.* Structural-Functionalism Reconsidered: A Proposed Research Model [Electronic resource] // Comparative Politics. 1994. P. 461–477. URL: <https://sci-hub.ru/10.2307/422026?ysclid=m9r3niqdj6565255898> (date of access: 20.04.2025).

ROLAND BARTHES' THEORY OF MYTH

Y. Y. Varaksa

*Belarusian State University, Nezavisimosti Av., 4,
220030, Minsk, Belarus, y.varaxa@gmail.com;
Supervisor — Y. V. Ilyushenka, Senior Lecturer*

The article examines the theory of myth formulated by Roland Barthes. The concept of myth, its structure and difference from the sign are considered. Particular attention is paid to the impact of myth on public consciousness and the link between myth and bourgeois ideology. Barthes' method of resisting myth is described.

Keywords: myth; sign; semiological system; mythology; society.

ТЕОРИЯ МИФА РОЛАНА БАРТА

Я. Ю. Варакса

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, y.varaxa@gmail.com;
Научный руководитель – Ю.В. Ильюшенко, старший преподаватель*

В статье исследуется теория мифа, сформулированная Роланом Бартом. Рассматривается понятие мифа, его структура и отличие от знака. Особое внимание уделяется воздействию мифа на общественное сознание и взаимосвязи между мифом и буржуазной идеологией. Описывается также предложенный Бартом метод сопротивления мифу.

Ключевые слова: миф; знак; семиологическая система; мифология; общество.

Roland Barthes is a famous French researcher in the field of semiology, one of the key figures of structuralism and post-structuralism. He made a significant contribution to the methodology of semiological research, expanded the subject of semiotics, and called for the use of a scientific approach in the study of literature.

An important feature of Barthes' work is his commitment to leftist political views, which was formed in his youth [2]. This commitment is evident in his book "Mythology" comprised of short essays and the following theoretical article "Myth Today", where Barthes examined the ideological impact of language, and in particular, the phenomenon of modern myth, on public consciousness. Roland Barthes' ultimate goal was to criticize bourgeois values and culture, which he accomplished by carrying out a thorough study and analysis of the bourgeois type of thinking based on

numerous cultural materials and events of the social life of an ordinary Frenchman.

To understand exactly how a myth becomes a means of ideological influence, it is necessary, first of all, to understand what a myth is. Roland Barthes argues that myth is a secondary semiological system based on the sign, which is the primary semiological system. The primary semiological system consists of the signifier (the acoustic or visual form of the sign) and the signified (its meaning). The result of their connection is a sign. For example, the word “lion” is a sign where the signifier is a combination of graphic symbols, and the signified is an image of a wild predatory mammal of the felidae family. As for the myth, it is a system in which an existing sign acts as a signifier, and a new concept, laid down by the creator of the myth, acts as a signified. At the same time, the original meaning, history, and context of this sign seem to fade into the background. The example given by Barthes is a grammatical example from a Latin textbook, where the correspondence of the nominal part of a complex predicate is illustrated by the phrase from the fable: *quia ego nominor leo* – “because my name is leo”. This phrase as a sign has its own history: who is this lion, what is his life like, who is he talking to, after all? Myth, on the other hand, distracts attention from this depth and leaves only its form from the original sign, putting a new meaning into it: the grammatical rule of the Latin language. At the same time, a myth cannot exist at all without the original meaning, it cannot completely erase it, but only distance it, because without a form, the new signification will cease to exist.

It is important to remember that myths can be not only verbal constructions. On the contrary, a myth is everything that is covered by discourse [1]. Anything that can be discussed, whether it's a verbal, visual, or even a material message, can become a myth, which indicates that a new meaning may be intentionally embedded in this message. So, in another example by Barthes, the magazine cover depicting a black French soldier saluting carries the myth of a powerful, boundless France, “that all her sons, without any color discrimination, faithfully serve under her flag” [1].

How is the concept of mystification (the creation of a myth) related to the influence of the bourgeoisie on society? The matter is that, according to Roland Barthes, bourgeois ideas penetrate into all spheres of human life, and at the same time people do not realize what exactly affects their tastes, opinions, and actions. In other words, the bourgeoisie remains anonymous, “loses its name” [1]. This is evident, for example, in consumer culture: representatives of the middle strata of the population, the so-called “petite-bourgeoisie” dream of the same large expensive weddings as the bourgeoisie, acquire expensive branded items that they do not need, and make empty

conversations about celebrity scandals. The bourgeoisness of such actions is erased, they become normalized and natural to society. All this is not for nothing: it is in the interests of the bourgeoisie to erase these class distinctions in the eyes of the lower strata.

As for the myth, first of all, it is characterized by the desire to “naturalize” itself in the exactly same way. The reader of the myth should not see the desire of the myth producer to convey his idea, because the form chosen for the myth should determine a new meaning. The reader should see a cause-and-effect relationship where it actually does not exist. For the reader of the myth, the black soldier from Barthes’ example is not just a symbol of imperial France. This imperialism and “frenchness” seem to be logically traced in his image, it is in his very self. Accordingly, readers do not protest the message, because they have already rationalized it internally. Secondly, the myth is actively used by the bourgeoisie, the fact of which follows from their similarity. The wealth of bourgeois culture, as well as its desire to lose its name, become an ideal environment for the appearance of myths.

The way Barthes suggested to deal with a myth as a phenomenon is to create a secondary myth, another system, this time based on a myth rather than a sign. A new concept here will be the unmasking of the myth and its intentions. For this activity, there must be a mythologist, whom Barthes considers himself to also be. However, in my opinion, everyone is able to reduce their exposure to myths by critically perceiving information and its form, as well as establishing the motivation of the source of this information.

Thus, in his works “Mythology” and “Myth Today”, Roland Barthes raises the topic of the influence of language on social reality, and introduces a new concept into semiology – a myth, a secondary modeling system. He highlights the widespread use of mystification in everyday human life and the role of bourgeois ideology in this phenomenon. The researcher also suggests a way to counter the myth.

References

1. Barthes, R. *Mythologies*. – New York: The Noonday Press, 1991. – 164 p. – [Electronic resource]. URL: <https://soundenvironments.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/11/roland-barthes-mythologies.pdf> (date of access: 19.04.2025).
2. Kosikov, G. K. Roland Barthes – a semiologist and literary theorist. / G. K. Kosikov. // Bart R. *Selected works. Semiotics. Poetics*. – M.: Progress Publishers, 1989. – P. 3–45. – [Electronic resource]. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/kosikov7-ru> (date of access: 19.04.2025).

RECOGNITION AND RESPONSE TO THE PHENOMENON OF OPINION DEFOCUSING

Xu Dan

*Belarusian State University, Independence av., 4,
220030, Minsk, Belarus, xu374647442@gmail.com*
Supervisor — A. S. Saladukha, Candidate of Science in Psychology, Associate Professor

The phenomenon of opinion defocusing has become a significant challenge in the digital era, driven by information overload, group polarization, and algorithmic biases. This study employs theories from communication studies, social psychology, and behavioral economics to explore the mechanisms behind the dispersion of public focus from core societal issues. It aims to uncover the complex dynamics underlying this phenomenon and propose effective governance strategies.

Keywords: opinion defocusing; information overload; algorithmic recommendation; media literacy.

РАСПОЗНАВАНИЕ И РЕАГИРОВАНИЕ НА ФЕНОМЕН РАСФОКУСИРОВКИ МНЕНИЙ

Сюй Дань

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, xu374647442@gmail.com*
Научный руководитель — А. С. Солодухо, кандидат психологических наук, доцент

Феномен размывания мнений стал серьёзной проблемой в цифровую эпоху, обусловленной информационной перегрузкой, групповой поляризацией и алгоритмическими искажениями. Данное исследование использует теории из областей коммуникативистики, социальной психологии и поведенческой экономики для изучения механизмов отвлечения общественного внимания от ключевых социальных вопросов. Цель работы — раскрыть сложную динамику, лежащую в основе этого явления, и предложить эффективные стратегии управления.

Ключевые слова: размывание мнений; информационная перегрузка; алгоритмические рекомендации; медиаграмотность.

Introduction

In an age where information dissemination technologies are rapidly advancing, the new media landscape offers the public unparalleled access to information and platforms for expression. Nevertheless, this advancement comes with its own set of challenges, notably the phenomenon of public opinion dispersion. Public opinion dispersion occurs when the public's focus

shifts away from central issues as a result of information overload, polarized viewpoints, and algorithm-driven content recommendations [1]. This drift undermines societal cohesion and presents formidable obstacles to effective public policy-making and governance.

Theoretical Framework for Understanding Opinion Defocusing

The phenomenon of opinion defocusing is a result of the increasing complexity of information dissemination in the new media environment. Its causes can be analyzed from multiple theoretical perspectives, including communication studies, social psychology, and behavioral economics.

First, Information Overload Theory provides a crucial basis for understanding opinion defocusing. In the new media environment, the immediacy and influx of vast amounts of information make it difficult for the public to effectively filter and process core issues [2]. This information overload leads to attention fragmentation, causing the public to focus on superficial, emotionally charged content while ignoring deeper societal problems. For instance, during high-profile events, an abundance of redundant information may obscure key facts, leading public opinion to deviate from central topics.

Second, Group Polarization Theory explains the phenomena of viewpoint polarization and group differentiation. On social media platforms, users tend to interact with those who hold similar views, creating an “echo chamber effect” [3]. Algorithmic recommendation systems further reinforce this trend by personalizing content delivery, isolating users within information silos. This mechanism solidifies cognitive biases among different groups, thereby exacerbating the phenomenon of opinion defocusing.

Additionally, Bounded Rationality Theory from behavioral economics reveals the decision-making patterns of the public in an information-saturated environment [4]. Due to limited time and cognitive resources, individuals often rely on intuition and emotion rather than rational analysis when confronted with complex information. This irrational decision-making not only fuels the spread of extreme viewpoints but also makes public opinion more susceptible to emotional influence, straying further from factual truths.

Theoretical Perspectives on Governance Challenges

The complexity of public opinion governance stems from the participation of multiple actors and the influence of multi-layered interests. This requires analysis from theoretical perspectives in public administration and sociology.

Polycentric Governance Theory provides an important theoretical framework for addressing the issue of opinion defocusing [5]. This theory emphasizes that in complex social governance challenges, the capacity of a single actor is often insufficient to address the problem. Instead, collaboration

among governments, businesses, social organizations, and the public is essential to achieve effective outcomes.

As policymakers and regulators, governments can legislate to regulate information dissemination behaviors, such as restricting the spread of false information or imposing constraints on algorithmic recommendation systems. Social media platforms, which control core technical tools like algorithm design and data monitoring, play a critical role in public opinion monitoring and content management. Non-governmental organizations (NGOs), academic institutions, and civil society groups can enhance public awareness of opinion defocusing through research, education, and advocacy activities. Therefore, establishing a collaborative governance model not only compensates for the limitations of individual actors but also fosters synergy to collectively address the challenge of opinion defocusing.

Externality Theory, on the other hand, reveals how commercial interests and personal motivations impact the public opinion ecosystem [6]. Social media platforms, driven by the pursuit of traffic and advertising revenue, often prioritize attention-grabbing content while neglecting its societal consequences. This negative externality not only degrades the information ecosystem but also exacerbates the phenomenon of opinion defocusing. While algorithmic recommendation systems are designed to enhance user experience, their personalized content delivery mechanisms may lead to information fragmentation and group polarization. Users gradually become trapped in information cocoons, losing the ability to embrace diverse perspectives and engage in critical thinking. Addressing this issue requires the introduction of incentive mechanisms, such as policy-driven guidance for platforms to optimize algorithm designs and reduce the dissemination of extreme content.

Governance strategies

The aforementioned theories provide important guidance for addressing opinion defocusing. However, in practical applications, it is necessary to combine these with specific scenarios and technical tools to translate theory into actionable pathways. The following discussion explores three key areas.

● Optimizing Algorithm Design

Based on the Echo Chamber Effect Theory, social media platforms can adjust their recommendation algorithms to prioritize high-quality, verified content rather than relying solely on click-through rates or interaction metrics for ranking. Increasing the exposure of diverse information is crucial. For example, when users are repeatedly exposed to a specific type of content, the algorithm can strategically recommend opposing or alternative perspectives to break the information silo effect and foster a more balanced information environment.

● Incentive Mechanism Design

Drawing on reward mechanisms from behavioral economics, platforms can encourage the public to engage in rational discussions. For instance, implementing point-based rewards or certification systems can enhance the visibility of high-quality content. Conversely, users who frequently post false information or deliberately incite emotional reactions should face appropriate penalties, such as temporary suspensions or reduced visibility of their content.

● Media Literacy Education

According to the Media Literacy Competency Model, media literacy encompasses several core dimensions, including the ability to access information, analyze and evaluate information, create and disseminate information, and reflect on and act upon information [7]. These competencies collectively form the foundation for individuals to discern information and participate rationally in public discourse within the new media environment. Enhancing public media literacy requires targeted training tailored to different age groups and professional backgrounds. Platforms can leverage new media formats such as short videos and live streams to create accessible and engaging educational content on media literacy. This approach not only broadens audience reach but also helps the public identify false information and emotionally charged content.

Conclusion

In the clamorous new media environment, governments, platforms, and individuals must each assume their respective responsibilities to collectively address the challenges posed by opinion defocusing. Governments need to take the lead by continuously refining relevant regulations to adapt to the rapidly evolving new media landscape, while promoting cross-departmental collaboration to ensure the effective implementation of policies.

With advancements in artificial intelligence and big data technologies, public opinion monitoring and guidance will become more precise and efficient. However, technological tools alone are only part of the solution—the true key lies in human factors. Only when every individual becomes a responsible consumer and producer of information can the phenomenon of opinion defocusing be fundamentally alleviated, fostering the development of a healthy information ecosystem.

References

1. *Li Xuyang*. Analysis of Opinion Defocusing in the Era of Social Media // Audio-Visual. 2020. № 08. P. 209–210. DOI: 10.19395/j.cnki.1674-246x.2020.08.108.
2. *Eppler, Martin J., Jeanne Mengis*. The Concept of Information Overload – A Review of Literature from Organization Science, Accounting, Marketing, MIS, and Related Disciplines // The Information Society: An International Journal. 2004. Vol. 20, № 5, P. 1–20.

3. *Pariser, Eli*. The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You. Penguin UK, 2011.
4. *Qi Jingling, Han Zhengbiao*. Behavioral Economics Theory in Information Behavior Research: Applications, Contributions and perspectives // Information Studies & Materials. 2024. Vol. 45, № 3. P. 31–40.
5. *Wang Jingwen*. Research on Coping Strategies for Online Public Opinion during Emergencies from the Perspective of Polycentric Governance Theory. 2018. Heilongjiang University, MA thesis.
6. *Varian, Hal*. System Reliability and Free Riding. Economics of Information Security. Boston, MA: Springer US. 2004. P. 1–15.
7. *Hobbs, Renee*. Digital and Media Literacy: A Plan of Action. A White Paper on the Digital and Media Literacy Recommendations of the Knight Commission on the Information Needs of Communities in a Democracy. Aspen Institute, 2010.

THE CRISIS OF CULTURAL IDENTITY IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION

Xu Jingyi¹⁾, Minawa Saidongla²⁾

1) Belarusian State University,
Nezavisimosti Av., 4, 220030, Minsk, Belarus, Xu Jingyi, yvzhong123@gmail.com

2) Belarusian State University,
Nezavisimosti Av., 4, 220030, Minsk, Belarus
Supervisor — I. M. Avlasenko, Candidate of Science in History, Associate Professor

This article explores the challenges of cultural identity and its multidimensional manifestations in the context of globalization, and proposes possible paths to reconstruct cultural identity. By analyzing factors such as cultural homogenization and accelerated de-regionalization in the digital age, the authors reveal the deep-seated reasons behind phenomena such as defensive backlash and creative resistance. Finally, specific strategies are proposed from three perspectives: dynamic identity, technological empowerment, and educational responsibility.

Keywords: globalization; cultural identity; cultural homogenization; digital age.

КРИЗИС КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сюй Цзини¹⁾, Минава Сайдунла²⁾

1) Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yvzhong123@gmail.com

2) Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь
Научный руководитель — И. М. Авласенко, кандидат исторических наук, доцент

В статье рассматриваются проблемы культурной идентичности, ее многомерные проявления в контексте глобализации, а также предлагаются возможные пути восстановления культурной идентичности. Анализируя такие факторы, как культурная гомогенизация и ускоренная дерегионализация в цифровую эпоху, авторы раскрывают глубинные причины таких явлений, как защитная реакция и творческое сопротивление. Наконец, предлагаются конкретные стратегии с трех точек зрения: динамическая идентичность, технологическое расширение прав и возможностей и образовательная ответственность.

Ключевые слова: глобализация; культурная идентичность; культурная гомогенизация; цифровая эпоха.

Introduction

Globalization profoundly impacts cultural identity through transnational capital, media dominance, and digital technologies. Western cultural models,

particularly American, spread consumerist values via English-language media, Hollywood, and digital platforms, fostering cultural homogenization. This challenges traditional ethics and local practices, especially among younger generations adopting global lifestyles. However, cultural hybridity emerges as communities adapt foreign elements to preserve distinct identities. While globalization risks eroding cultural uniqueness, it also creates opportunities for cross-cultural exchange and innovation. Balancing global influence with local heritage remains critical to sustaining cultural diversity in an interconnected world. Policymakers and societies must actively protect indigenous traditions while embracing selective global integration to navigate this complex dynamic.

The Impact Mechanism of Globalization on Cultural Identity

In the process of globalization, transnational capital and media hegemony have promoted the widespread dissemination of culture, especially the American model of cultural export [1]. This spread often relies on English as a global lingua franca and Hollywood films as mass entertainment forms, not only promoting the popularity of English but also disseminating consumerist values that challenge traditional ethical and moral concepts [2]. For instance, English, as the primary tool for international communication, has gradually supplanted native languages in many non-English-speaking countries. Additionally, Hollywood culture, with its consumerist core values, has impacted traditional ethics and morals, weakening the influence of indigenous cultures.

There is a significant shift in how younger generations perceive traditional culture, leading to a generational gap where they are more inclined to accept foreign cultural elements, thus causing a break in cultural transmission [3]. Meanwhile, the increasing hybridity of cultural symbols – such as “Japanese ramen in America, American coffee in Tokyo” – reflects the mutual penetration of cultures. Immigrant communities face the dilemma of dual marginalization, unable to fully integrate into the host country while drifting away from their original cultures [4].

Social media algorithms exacerbate the echo chamber effect, making people more likely to encounter content aligned with their interests, leading to cultural fragmentation [5]. The emergence of virtual identities (such as those in the metaverse or AI personas) further blurs physical cultural affiliations, presenting new challenges to cultural identity.

Multidimensional Manifestations of the Crisis of Cultural Identity

In response to the impact of foreign cultures, some regions exhibit tendencies towards religious fundamentalism, populism, and other nativist sentiments, characterized by strong xenophobic emotions [6]. Cultural heritage becomes an important symbol of national pride, and symbolic

contests over it – like South Korea's controversy over kimchi UNESCO listing – are common.

Youth subcultures' localization practices exemplify creative resistance, such as China's Guochao movement or the development of Afrobeats music in Africa. These blend local cultural elements with modern popular culture, creating unique and appealing new cultural forms. Transnational communities are also exploring cultural production methods within third spaces, such as overseas Chinese redefining Lunar New Year celebrations through digital means.

To counteract the erosion by foreign cultures, some countries have adopted legislative protections, such as France's "cultural exception" policy aimed at maintaining the independence and diversity of their domestic cultural industries. However, the commercialization trend during the protection of intangible cultural heritage poses a paradox, necessitating a balance between preservation and development.

Pathways for Reconstructing Cultural Identity

Accepting the fluidity and multiplicity of cultural identity is key to building new forms of cultural identity, supported by theories of glocalization. Establishing mechanisms for horizon fusion in cross-cultural dialogue can promote understanding and exchange between different cultures.

Digital technologies can be used to preserve endangered cultural memories, such as developing AI dialect databases to record and pass on vanishing languages. Blockchain technology can play a crucial role in cultural rights confirmation and dissemination, ensuring creators' rights are adequately protected [7].

Schools should offer courses in critical cultural literacy to develop students' abilities to discern and evaluate diverse cultures. Moreover, there should be a balance between global citizenship education and local knowledge systems, enabling students to understand both the diversity of world cultures and the profound value of their own culture.

Conclusion

The crisis of cultural identity in the process of globalization unfolds through three layers of logic: At the level of impact, Western cultural hegemony erodes indigenous traditions through media monopolies and consumerism, while digital technology accelerates generational cognitive disjunction and cultural deterritorialization; At the crisis level, tensions arise between nativist backlashes (e.g., populist politics) and innovative hybrids (e.g., Guochao, Afrobeats music), with institutional protections facing a paradox of commercialization; Pathways for reconstruction involve constructing dynamic identities – utilizing tools like AI dialect databases and

blockchain rights confirmation to activate cultural genes – and fostering critical cultural literacy through glocalized education.

The essence of the crisis of cultural identity is the bidirectional adjustment of civilization evolution: it requires defending against homogenization while transcending the constraints of essentialism. In the dialectical relationship between technological empowerment and humanistic values, building an open and inclusive “third space” can achieve the creative transformation of traditional cultural genes, providing a sustainable spiritual framework for new forms of human civilization.

References

1. 曹海峰.全球化视阈下的文化博弈、认同危机与文化创新 // 中州学刊, 2014. No. 5. P. 97–101. = *Cao Haifeng*. Cultural game, identity crisis, and cultural innovation from the perspective of globalization // *Academic Journal of Zhongzhou*. 2014. No. 5. P. 97–101.
2. 徐蕉.全球化时代下中国的文化认同危机与重建 // 传播与版权, 2014. No. 5. P. 114. = *Xu Jiao*. The crisis and reconstruction of cultural identity in China in the era of globalization // *Communication and Copyright*. 2014. No. 5. P. 114.
3. 沈伯寅.全球化背景下文化认同问题研究 // 天津师范大学, 2013. P. 46. = *Shen Boyin*. Research on Cultural Identity Issues in the Context of Globalization // *Tianjin Normal University*. 2013. P. 46.
4. 董凝.全球球化化语语境境中中海海外外华华人人人的的文文化化认认同同危危机 // 今传媒, 2014. No. 5. P. 23–24. = *Dong Ning*. The cultural identity crisis of overseas Chinese in the context of globalization // *Today's Media*. 2014. No. 5. P. 23–24.
5. 林辰.全球化背景下文化认同问题的多维考察 // 中共云南省委党校学报, 2023. No.3. P. 74–81. = *Lin Chen*. Multidimensional examination of cultural identity issues in the context of globalization // *Journal of the Yunnan Provincial Party School of the Communist Party of China*. 2023. No.3. P. 74–81.
6. 郑海霞.全球化语境下中华文化认同危机表征与重建 // 郑州轻工业学院学报 (社会科学版). 2015. No. 2. P. 18–21. = *Zheng Haixia*. The representation and reconstruction of the crisis of Chinese cultural identity in the context of globalization // *Journal of Zhengzhou University of Light Industry (Social Sciences Edition)*. 2015. No. 2. P. 18–21.
7. *Kaul V*. Globalisation and Crisis of Cultural Identity // *Journal of Research in International Business and Management*. 2012. No. 2. P. 341–349.